DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Printed in Russia

БИБЛІОТЕКА

ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

Т. IV.

Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНІЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1910.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

891.73
gP987Pus
v. 4

ШЕКСПИРИЗМЪ ПУШКИНА [1]).

I.

Извѣстны прекрасныя страницы изъ «Вильгельма Мейстера» Гете, посвященныя вліянію Шекспира на нѣмецкое искусство XVIII вѣка. Вильгельмъ Мейстеръ становится способнымъ къ глубокому пониманію Шекспира въ самый критическій моментъ своей жизни, въ моментъ хаотическаго состоянія души, потрясенной острымъ отчаяніемъ подъ вліяніемъ несчастной любви. Этого горячаго сторонника французской драмы Шекспиръ исцѣляетъ отъ отчаянія и укрѣпляетъ въ немъ вкусъ къ реальной дѣйствительности; вмѣстѣ съ тѣмъ Шекспиръ возбуждаетъ въ немъ желаніе дѣятельно работать на пользу просвѣщенія своихъ соотечественниковъ.

Для людей XVIII в. естественно былъ привлекателенъ вѣкъ Шекспира—великій и мятежный XVI вѣкъ, который выдвинулъ цѣлый рядъ проблемъ, глубоко волновавшихъ позднѣйшее человѣчество,—напр., просвѣщеніе, какъ культурная сила, равенство людей передъ природой, возвратъ къ природѣ, какъ главнѣйшей учительницѣ жизни, церковь и государство, различныя формы государственнаго устройства, особенно различные виды монархіи и абсолютизма и т. д., и т. д.

Молодой Гете и его современники живо интересовались XVI вѣкомъ въ Германіи. Эти занятія невольно обращали ихъ къ чтенію и французскихъ авторовъ той же эпохи, напр., Монтаня, Амьо, Рабле и Маро, авторовъ, очень важныхъ для пониманія XVI вѣка и, въ частности, Шекспира.

Къ своей великой радости, Гете и его современники находили у гуманистовъ отвѣтъ на самые жизненные запросы своего времени.

Такъ, столь характерная для XVIII в. мысль о превосходствѣ природныхъ дарованій, образованія и личныхъ заслугъ надъ происхожденіемъ является лозунгомъ всего гуманистическаго движенія. Въ частности и Шекспиръ, представитель средняго сословія, принадлежитъ къ числу горячихъ поборниковъ этого лозунга.

Но до извѣстной степени то же придется сказать и о русскихъ неогуманистахъ первой четверти прошлаго столѣтія съ Пушкинымъ во главѣ: вѣдь и они ставили личныя заслуги и просвѣщеніе выше происхожденія, вѣдь и они мечтали о созданіи просвѣщеннаго средняго сословія изъ нетитулованнаго средняго дворянства въ союзѣ съ наиболѣе даровитыми элементами изъ низшихъ сословій.

Вообще, энциклопедически-образованные люди конца XVIII и начала XIX вѣка имѣли много данныхъ для глубокаго пониманія энциклопедистовъ XV—XVI вѣковъ. Эпоха просвѣщенія, развившая умъ современниковъ, и эпоха революціи, сдѣлавшая гибкимъ ихъ чувство и обогатившая ихъ громаднымъ соціально-политическимъ опытомъ,—обѣ эти эпохи очень приблизили новыхъ энциклопедистовъ къ ихъ болѣе раннимъ предшественникамъ.

Возвышенное представленіе о человѣческой личности, завѣщанное античной древностью и въ частности ея стоической философіей, возродилось въ болѣе или менѣе сходной степени въ оба указанные періода, и космополитъ XVIII вѣка, подобно своему предшественнику XVI вѣка, живо интересуется не только современнымъ человѣчествомъ, но и его прошлыми судьбами. Исторія становится истинной учительницей жизни хотя бы постольку, поскольку она углубляетъ наше знаніе человѣческаго характера и души и этимъ содѣйствуетъ развитію въ насъ самопознанія, необходимаго для нашего самосовершенствованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ уже въ XVI вѣкѣ (отчасти и раньше) сдѣлано было наблюденіе, что явленія современной дѣйствительности находятъ себѣ параллели въ явленіяхъ древней исторіи и что, такимъ

[1]) Ср. нашу статью «Puschkin und Shakespeare» въ 43 т. «Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft. Сочиненія Пушкина мы цитируемъ по 2-му изд. П. О. Морозова, а переписку—по изд. В. И. Саитова.

образомъ, изученіе этой послѣдней поможетъ пониманію современности.

Понятно, что новые энциклопедисты—въ томъ числѣ и Пушкинъ—придаютъ, подобно раннимъ гуманистамъ и политикамъ, огромное значеніе гуманитарно-историческому образованію, какъ крупной общественно-государственной силѣ, способной перевоспитать общество и «укротить нравы».

Во всякомъ случаѣ, нѣмецкіе гуманисты XVIII в. тщательно изучаютъ культуру XV и XVI вѣковъ, и въ такой сложной и глубокой исторической и философской перспективѣ Шекспиръ естественно представлялся имъ, какъ одинъ изъ самыхъ геніальныхъ выразителей идей и чувствъ геніальнаго вѣка. Такъ, Шиллеръ страстно изучаетъ исторію отпаденія Нидерландовъ отъ Испаніи и считаетъ основаніе нидерландской независимости однимъ изъ удивительнѣйшихъ событій, придавшихъ XVI вѣку міровой блескъ. Этой темой занятъ и Гете въ «Эгмонтѣ»; къ тому-же историческому циклу примыкаетъ «Донъ-Карлосъ» Шиллера. «Марія Стюартъ» относится къ той же эпохѣ. Слѣдуетъ упомянуть еще «Гетца фонъ-Берлихингенъ» Гете, какъ одну изъ первыхъ попытокъ подражанія Шекспиру. Шекспировское вліяніе отразилось и на «Фаустѣ», сюжетъ котораго взятъ изъ XVI же вѣка. Несомнѣнно, что систематическое изученіе этого вѣка внушило Шиллеру счастливую мысль заняться и русскимъ смутнымъ временемъ, и фрагментъ его трагедіи «Димитрій» имѣетъ выдающееся значеніе для исторіи русской литературы уже потому, что концепція характера Бориса Годунова у Шиллера родственна съ Пушкинской.

Шекспиризмъ въ нѣмецкой литературѣ не есть явленіе исключительно художественнаго и техническаго характера. Шекспиръ, по признанію Гете, сталъ для нѣмецкихъ интеллигентовъ (какъ впослѣдствіи и для Пушкина) своего рода Библіей и сдѣлался ихъ учителемъ во всѣхъ отрасляхъ ихъ жизни и дѣятельности.

Шекспиризмъ связанъ съ нарожденіемъ въ Германіи просвѣщенной интеллигенціи, которая, по разнымъ историческимъ условіямъ, оказалась способной полюбить и понять (что одно и то же) своихъ раннихъ предшественниковъ-гуманистовъ и продолжить ихъ дѣятельность на пользу просвѣщенія человѣчества.

II.

Шекспиризмъ Пушкина, понимая его не только, какъ усвоеніе манеры Шекспира, также проникнутъ струей не менѣе, если не болѣе глубокаго гуманизма, чѣмъ у нѣмецкихъ шекспиристовъ. Глубокое увлеченіе Шекспиромъ, отнюдь не обратившееся у Пушкина въ рабское копированіе его, не было скоропреходящей модой уже потому, что шекспиризмъ Пушкина и его эпохи не былъ взятъ напрокатъ изъ нѣмецкой литературы; онъ стоялъ въ связи съ нарожденіемъ въ русскомъ обществѣ Александровской эпохи истинныхъ друзей просвѣщенія; важно и то, что онъ падаетъ на одинъ изъ самыхъ великихъ, истинно-трагическихъ періодовъ въ исторіи Россіи—время великихъ надеждъ и острыхъ разочарованій, время горячей любви лучшей части общества къ просвѣщенію и подавленія всякаго просвѣщенія сверху, время освобожденія Европы отъ Наполеона и подавленія малѣйшихъ признаковъ свободы въ Россіи и т. д.

Но Пушкинъ приступилъ къ изученію Шекспира въ особенно тяжелый періодъ своей жизни—во время своего изгнанія—сперва въ Одессѣ, а затѣмъ въ селѣ Михайловскомъ. Къ этому времени молодой поэтъ былъ уже зрѣлымъ человѣкомъ, съ значительнымъ житейскимъ опытомъ, большей частью весьма тяжелымъ.

Изученію Шекспира предшествовало трехлѣтнее увлеченіе Пушкина Байрономъ; увлеченіе это расширило у поэта его гуманитарныя перспективы и въ частности содѣйствовало въ немъ развитію протеста противъ однообразнаго и шаблоннаго стиля и построенія французской драмы.

Далѣе—будущій шекспиристъ Пушкинъ былъ по натурѣ реалистомъ, и уже въ его произведеніяхъ, написанныхъ до 1824 г., несмотря на французское, а затѣмъ байроновское вліяніе, сильно проступаетъ наклонность къ живому, нешаблонному изображенію людей и природы.

Сверхъ этого, ко времени изученія Шекспира Пушкинъ является передъ нами поэтомъ-мыслителемъ, стремящимся къ серьезному труду, къ самоусовершенствованію, строгимъ критикомъ самого себя, прислушивающимся къ справедливымъ, хотя бы и суровымъ, отзывамъ его друзей о его произведеніяхъ.

Съ этой точки зрѣнія уже юный Пушкинъ вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ

гуманистовъ шекспировскаго вѣка и самого Шекспира: значеніе человѣческаго слова очень велико, и тотъ, кто обращается съ нимъ къ публикѣ, которую онъ такъ или иначе воспитываетъ своимъ словомъ, обязанъ слѣдить за самимъ собой.

Что же касается самого Пушкина, то самокритика является драгоцѣннымъ качествомъ его натуры, оградившимъ его отъ слишкомъ длительнаго вліянія на него людей, не вполнѣ съ нимъ сродныхъ.

Этотъ критицизмъ, между прочимъ, воздержалъ Пушкина отъ рабскаго слѣдованія Карамзину въ «Борисѣ Годуновѣ» и исполненія нѣкоторыхъ его совѣтовъ; такъ, Карамзинъ (Саит., № 204) рекомендовалъ Пушкину (черезъ Вяземскаго) обратить вниманіе на драматическую (лучше сказать, реторическую) противоположность въ характерѣ Бориса, именно на «дикую смѣсь набожности и преступныхъ страстей: онъ безпрестанно перечитывалъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ». Однако, Пушкинъ лишь на одинъ моментъ (Саит., № 208) заинтересовался этой мыслью, но, въ концѣ концовъ, ей не послѣдовалъ. Наоборотъ, съ большей пользой для дѣла и въ большемъ согласіи со своей собственной натурой, онъ принялъ совѣтъ Н. Н. Раевскаго (Саит., № 159) быть терпѣливымъ въ выполненіи своей работы и вмѣсто слѣдованія Карамзину, обращаться къ его источникамъ, подобно Шиллеру, прошедшему цѣлый курсъ астрономіи передъ написаніемъ своего «Валленштейна». Классическое письмо къ Раевскому отъ 30 января 1829 г. (Саит., № 379)—живое доказательство того, какъ самостоятельно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по-шекспировски взглянулъ Пушкинъ на исторію смутнаго времени у Карамзина.

Реалистическія тенденціи приводили молодого поэта не только къ необходимости тщательнаго наблюденія надъ явленіями дѣйствительной жизни, но и къ стремленію найти и выработать истинно-живую, неусловную форму изложенія на основѣ живого разговорнаго и отчасти народнаго языка. Такъ, еще до начала занятія Шекспиромъ (въ ноябрѣ 1823 г., Саит., № 58) у него срывается пожеланіе «оставить русскому языку нѣкоторую библейскую похабность: я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали. Проповѣдую изъ внутренняго убѣжденія, но по привычкѣ пишу иначе».

Это—въ сущности предвосхищеніе будущей шекспировской теоріи драмы, намѣченной уже около начала августа 1825 г. въ черновомъ письмѣ къ Н. Н. Раевскому (Саит., № 184): Шекспиръ никогда не боится скомпрометировать свой персонажъ, онъ заставляетъ его говорить съ полной непринужденностью жизни, такъ какъ увѣренъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ онъ поможетъ персонажу этому найти языкъ, соотвѣтствующій его характеру.

Съ этимъ вполнѣ согласуется рано усвоенная Пушкинымъ привычка искренно выражать въ эпиграмматическомъ родѣ всѣ ощущенія и наблюденія, которыя несомнѣнно помогла ему оцѣнить по достоинству искренность и размахъ Шекспира въ изображеніи разнообразнѣйшихъ чувствъ и страданій.

Но и много другихъ чертъ характера Пушкина и особенностей его образованія укрѣпляли его конгеніальность съ Шекспиромъ.

Между прочимъ, Пушкинъ еще съ дѣтства увлекался исторіей театра, а въ лицейскіе годы и позднѣе не покидалъ интереса къ античной литературѣ; равнымъ образомъ, онъ, повидимому, зналъ итальянскій языкъ и хорошо понималъ итальянскую литературу, въ частности литературу эпохи возрожденія, когда Италія давала тонъ всей Европѣ и, между прочимъ, Англіи.

Вообще эпоха гуманизма и религіозно-политическихъ войнъ извѣстна Пушкину довольно хорошо.

Напр., его интересъ къ двумъ очень важнымъ для толкованія Шекспира мыслителямъ—Макіавелли и Монтаню,—а также его мѣткія замѣчанія о томъ и о другомъ,—[1]) показываютъ, что онъ сумѣлъ схватить ихъ характерныя черты.

[1]) «Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похваламъ (говоритъ Макіавель, сей великій знатокъ природы человѣческой) («Мелкія замѣтки»,—см. тамъ же о Поссевинѣ и Макіавелли и о правилѣ divide et impera—1829—1831 г.). «Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый антипоэтическій. Славнѣйшіе представители сего остроумнаго и положительнаго народа—Монтань, Монтескье, Вольтеръ доказали это. Монтань, путешествовавшій по Италіи, не упоминаетъ ни о Микель-Анжело, ни о Рафаэлѣ» («Современные французскіе писатели», 1831 г.). О Монтане Пушкинъ вспоминаетъ и позднѣе въ письмѣ къ женѣ отъ 21 сентября 1835 г., гдѣ онъ проситъ прислать ему сочиненія Монтаня въ Михайловское. Ср. еще «Мысли на дорогѣ. О русской литературѣ съ очеркомъ французской» (1834 г.).

Знакомъ былъ Пушкинъ и съ Рабле (ср. напр. Саит., № 484), гуманистомъ вообще очень яркимъ и, въ частности, хорошо извѣстнымъ Шекспиру и англичанамъ его времени.

Наконецъ, весьма важно то, что Пушкинъ приступилъ къ Шекспиру съ большими познаніями въ области національной и міровой исторіи и съ глубокимъ интересомъ къ политической философіи. Историко-политическія науки еще съ лицейскихъ лѣтъ глубоко занимали Пушкина, и слѣды этихъ занятій разсѣяны во всѣхъ его произведеніяхъ.

Большой глубиной отзываются уже его «Историческія замѣчанія» (1822 г.), въ которыхъ онъ, между прочимъ, приписываетъ Екатеринѣ II извѣстнаго рода макіавеллизмъ: «если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленія потомства» и т. д. Въ знаменитой запискѣ «О народномъ воспитаніи» (1826 г.) Пушкинъ настаиваетъ на политико-философскомъ преподаваніи исторіи въ высшихъ классахъ государственныхъ школъ.

Новѣйшая наука сравнительно мало занимается Шекспиромъ, какъ политическимъ писателемъ, и отношеніемъ его сюжетовъ къ философско-политической литературѣ XVI вѣка. А между тѣмъ онъ былъ несомнѣнно таковымъ, что сразу замѣтили такіе его поклонники, какъ Пушкинъ. Въ концѣ концовъ, какъ дитя великаго философскаго вѣка, Шекспиръ изучаетъ все разнообразіе душевной жизни какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ обществъ и государствъ не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ. Взаимное отношеніе между государствомъ и обществомъ, различныя государственныя формы—все очень и очень глубоко занимаетъ Шекспира, и къ этимъ проблемамъ онъ постоянно возвращался, находя въ нихъ поучительныя индивидуальныя подробности. Напр., въ галлереѣ монарховъ, склонныхъ къ абсолютизму, Ричардъ II, Юлій Цезарь и Лиръ объединяются самонадѣянностью, всѣмъ имъ свойственной, но и проявленія самонадѣянности и ея происхожденіе у нихъ различны: Лиръ ослѣпленъ тѣмъ, что во всю долгую жизнь онъ ни откуда не встрѣчалъ противодѣйствія и потому не знаетъ людей; не знаетъ ихъ и Ричардъ II, самонадѣянно вѣрующій въ божественность своего сана, которая уже сама по себѣ способна защитить его отъ всякихъ людскихъ покушеній; въ общемъ холодный и трезвый Цезарь также склоненъ къ ослѣпленію, но его самонадѣянность имѣетъ своимъ источникомъ постоянное счастье, съ которымъ онъ побѣждалъ опасности; кромѣ того онъ имѣетъ дѣло съ народомъ, уже привыкшимъ къ цезаризму, и съ аристократіей, успѣвшей измельчать, и, за рѣдкими исключеніями, раболѣпной.

Разнообразны и мудрые просвѣщенные правители—съ одной стороны Гамлетъ-отецъ и Генрихъ V, эти рыцари, глубоко проникнутые девизомъ популярной во время Шекспира стоической философіи, что правитель—прежде всего человѣкъ; съ другой—благодушный герцогъ въ «Мѣрѣ за мѣру», болѣе гуманный и лучше понимающій жизнь, чѣмъ его намѣстникъ Анджело, умный, но очень односторонній ригористъ, слѣпо увѣренный въ томъ, что можно перевоспитать, или, по крайней мѣрѣ, обуздать общество неуклоннымъ формальнымъ выполненіемъ суровыхъ, устарѣвшихъ законовъ и т. д.

Историко-политическое образованіе позволило Пушкину сразу понять и оцѣнить эту очень важную особенность шекспировскаго творчества. Уже въ «Борисѣ Годуновѣ» его заинтересовала задача дать политическіе типы съ макіавеллистической окраской—царя Бориса и его противника Шуйскаго. Эти персонажи съ одной стороны мѣстами напоминаютъ шекспировскихъ героевъ, а съ другой стороны, не являются копіей съ нихъ, но блестяще пополняютъ шекспировскую галлерею. Борисъ (въ сценахъ раскаянія и въ прощаніи съ сыномъ) напоминаетъ Генриха IV, въ немъ также есть макіавеллизмъ, основанный на глубокомъ знаніи человѣческой души и на умѣніи бить противника въ моментъ его замѣшательства,—но все-таки онъ весьма отличается отъ своего англійскаго прототипа, въ немъ меньше своекорыстія, онъ крутъ и хитеръ съ боярами, которые все равно не могутъ съ нимъ примириться, но онъ истинный другъ народа. Гораздо больше макіавеллизма и эгоизма въ Шуйскомъ; онъ не менѣе, чѣмъ Борисъ, знаетъ людей и еще коварнѣе умѣетъ заглянуть своему противнику въ душу и прямо терроризовать ее прикосновеніемъ къ самымъ больнымъ ея мѣстамъ (ср. сцену въ царскихъ палатахъ, гдѣ Шуйскій, точно Яго, прямо потрясаетъ взволнованнаго царя коварными разсужденіями

объ измѣнчивости народной массы и реалистическимъ, слѣдовательно, особенно тяжелымъ для Бориса, описаніемъ тѣла убитаго царевича Димитрія). Это—типъ, отличный отъ типа Бориса и отъ соотвѣтствующихъ типовъ Шекспира, при всемъ частичномъ сходствѣ съ ними. Здѣсь Пушкинъ не подражатель, но первоклассный продолжатель Шекспира.

Пушкинъ настаиваетъ на томъ, что драматическому писателю нужны философія, безстрастіе, государственныя мысли историка, догадливость, живость воображенія, отсутствіе предразсудковъ, любимой мысли, свобода.

Съ этой точки зрѣнія неудивительно, что Пушкинъ выкоко оцѣнилъ второстепенную драму Шекспира «Мѣра за мѣру» съ ея дѣйствительно высокооригинальнымъ героемъ Анджело и съ ея сложной соціально-политической перспективой.

III.

Но если историко-политическое образованіе помогало Пушкину ориентироваться въ шекспировскихъ драмахъ, то эволюція, происшедшая въ политическихъ взглядахъ и симпатіяхъ нашего поэта къ 1825 году, уже сама по себѣ должна была сблизить его съ Шекспиромъ. Важно, что и въ дошекспировскій періодъ онъ неоднократно приступалъ къ тѣмъ же политическимъ проблемамъ, какъ и Шекспиръ, а къ концу этого періода давалъ имъ рѣшеніе, сходное съ Шекспировскимъ.

Что происходило въ Европѣ въ теченіе всей жизни поэта?

> «Игралища таинственной игры—
> Метался смущенные народы,
> И высились и падали цари,
> И кровь людей то славы, то свободы,
> То гордости багрила алтари» (19 окт. 1836 г.).

Народы и цари, народные вожди и самозванцы, узурпаторы и законные наслѣдники—излюбленныя темы Пушкина еще задолго до знакомства съ Шекспиромъ. Узурпаторъ и законный наслѣдникъ—вѣдь это сюжетъ уже лицейской сказки о Бовѣ. Характерно первоначальное заглавіе «Бориса Годунова»: «Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Равнымъ образомъ Пушкина уже давно занимаютъ Стенька Разинъ и Пугачевъ.

Въ 1823 г. Пушкинъ счелъ нужнымъ отозваться на смерть вождя испанскихъ инсургентовъ Ріего («Сказали разъ царю»).

Чрезвычайно важны мало оцѣненныя «Замѣтки на Анналы Тацита» 1825 г. [1]) Пушкинъ обратилъ вниманіе, прежде всего, на то, что немедленно по вступленіи на престолъ Тиберія былъ умерщвленъ родной внукъ Августа—Агриппа Постумъ. Передъ Пушкинымъ носится мысль, что Агриппа—болѣе законный претендентъ на престолъ, чѣмъ Тиберій, пасынокъ Августа. Мысль эта характерна для поэта, занятаго сюжетомъ о законныхъ и незаконныхъ претендентахъ, но не вполнѣ основательна исторически: хотя Августъ и стремился къ фактическому введенію монархіи, но формально римское государство оставалось республикой, и о какомъ бы то ни было порядкѣ престолонаслѣдія не могло быть и рѣчи.

Далѣе, тацитовская характеристика Агриппы (отличавшагося «необычайной силой, дерзостью и даже простотой ума») подсказала Пушкину (очевидно увлеченному своимъ Лжедимитріемъ) соображеніе, что люди въ родѣ Агриппы всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника.

Тамъ же Пушкинъ отмѣтилъ для себя подавленіе бунта паннонскихъ и германскихъ легіоновъ; при этомъ отъ него, какъ отъ драматурга, не укрылась одна индивидуалистическая черточка въ описаніи бунта: Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться на глазахъ у воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: «онъ вострѣе».

Пушкинъ подчеркнулъ далѣе и то, что Тиберій, прежде всего, лишилъ народъ права выбора магистратовъ и тѣмъ довершилъ уничтоженіе республики. «Народъ ропщетъ, сенатъ охотно соглашается (тѣнь правленія перенесена въ сенатъ»).

Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ не винитъ Тиберія, но, наоборотъ, за многое хвалитъ его, какъ монарха, и защищаетъ отъ нападокъ Тацита.

Въ одномъ случаѣ похвала Тиберію крайне своеобразна. «Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заключенію на ка-

[1]) Подробнѣе занимаемся мы этими вопросами въ статьѣ, которая скоро появится, подъ заглавіемъ «Пушкинъ и римскіе историки».

комъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго! Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ умовъ древности». Но тутъ Пушкинъ не вчитался въ разсказъ Тацита (IV, 30), изъ котораго слѣдуетъ, что Вибій осужденъ былъ неправильно, подъ давленіемъ злопамятства Тиберія, и Тиберій лишь для приличія ходатайствовалъ о смягченіи приговора. По всѣмъ признакамъ, эта курьезная ошибка имѣетъ для Пушкина автобіографическое значеніе. Самый разсказъ этотъ помѣщенъ Пушкинымъ въ письмѣ къ Дельвигу отъ 23 іюля 1825 г. (Сант., № 178), а около этого времени Пушкинъ изливался въ жалобахъ на жестокость Александра I, отправившаго его въ ссылку, гдѣ нельзя ни работать, ни лѣчиться. (Ср. Сант. № 207, № 208, № 167 и № 170). Сходныя чувства,—правда, въ болѣе мягкой формѣ,—изложены и въ «Воображаемомъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ I» (1825 года).

Какъ бы то ни было, однако, въ разсужденіяхъ о римской имперіи замѣтно извѣстнаго рода примиреніе съ монархизмомъ.

Но важна и другая сторона дѣла: мы видимъ здѣсь критика, стремящагося къ болѣе или менѣе объективному пониманію исторіи и политики: многое въ дѣйствіяхъ Тиберія мудро, но кое-что и дурно.

Какъ могъ прочесть Пушкинъ въ той же первой книгѣ «Анналъ» Тацита, римская монархія была не однимъ только актомъ узурпаціи, но и естественнымъ слѣдствіемъ разложенія республики и исторически развившагося политическаго индифферентизма и въ народѣ, и въ сенатѣ.

Но если извѣстная государственная форма представляетъ собою неизбѣжное историческое явленіе, то, независимо отъ собственныхъ политическихъ симпатій объективнаго изслѣдователя, она можетъ подлежать научному анализу постольку, поскольку она приноситъ добро или зло народу. Такова, несомнѣнно, психологія Пушкина въ 1825 г., когда онъ читалъ Тацита и увлеченъ былъ Шекспиромъ.

Пушкинъ готовъ примириться съ монархіей, но не съ деспотической, а съ такой, которая, между прочимъ, была симпатична Шекспиру.

По смерти Александра I, онъ ждетъ много хорошаго отъ Константина I, такъ какъ послѣдній напоминаетъ ему Шекспировскаго любимца Генриха V: «Какъ вѣрный подданный, долженъ я, конечно, печалиться о смерти Государя, но, какъ поэтъ, радуюсь восшествію на престолъ Константина I. Въ немъ очень много романтизма; бурная его молодость, походы съ Суворовымъ, вражда съ нѣмцемъ Барклаемъ напоминаютъ Генриха V. Къ тому же онъ уменъ, а съ умными людьми все какъ-то лучше; словомъ, я надѣюсь отъ него много хорошаго» (Сант. № 222).

Это—весьма знаменательное сравненіе: въ самой характеристикѣ Генриха V у Шекспира много такихъ чертъ, которыя всегда были дороги для Пушкина. Въ юности своей Генрихъ былъ гулякой, однако, самъ онъ не опустился въ такой мѣрѣ, какъ его компаньоны; онъ въ то же время работалъ надъ своимъ образованіемъ; и благодаря знакомству съ дѣйствительной жизнью и ея положительными и отрицательными сторонами, его познанія становятся не книжной, теоретической, но практической мудростью, привлекающей къ нему наиболѣе умныхъ государственныхъ людей его страны.

Это очень прямая натура, въ общемъ смѣлая и предпріимчивая, но всегда осторожная, когда дѣло идетъ о власти, о законѣ и о народныхъ и государственныхъ интересахъ.

Доблестный воинъ, онъ не затѣваетъ войнъ только для своей собственной славы, хорошо зная, какъ тяжело отзываются войны не только на побѣжденныхъ, но и на побѣдителяхъ и т. д.

Въ 1826 г. Пушкинъ предъявляетъ къ Николаю I такія требованія, какія предъявлялись къ монархіи Шекспиромъ и умѣренно-либеральными политиками XVI в. Въ «Стансахъ» и въ запискѣ «О народномъ воспитаніи» довольно ясно выражена мысль, что если новый монархъ продолжитъ дѣло Петра Великаго и усвоитъ себѣ лучшіе изъ принциповъ его государственной дѣятельности, то съ монархіей можно примириться, какъ съ такимъ режимомъ, который способенъ принести пользу народу.

Политика новой монархіи должна быть правдивой и прямой (въ противоположность привычкѣ предыдущаго императора къ «противочувствіямъ»); царь народа съ

великимъ будущимъ долженъ вѣрить въ его силы (и, слѣдовательно, содѣйствовать ихъ развитію), не презирая его. Одна изъ главныхъ задачъ просвѣщенной монархіи—широкое и смѣлое распространеніе образованія безъ боязни передъ научной истиной и даже передъ радикализмомъ извѣстныхъ научныхъ теорій.

Авторитетная власть не должна бояться оппозиціи, основанной на законѣ: такъ, Петръ умѣлъ отличить Долгорукаго отъ буйнаго стрѣльца; но и къ своимъ прямымъ противникамъ, если это преимущественно доктринеры, сильная власть можетъ отнестись великодушно, не отождествляя заблужденія съ преступленіемъ и не унижаясь до мелочной мстительности.

Если мы прибавимъ къ этому, что Пушкинъ всегда презиралъ высшую придворную аристократію за вредъ, приносимый ею государству и народу; далѣе, что онъ желалъ раскрѣпощенія народа и равновѣсія между сословіями, — то въ общемъ мы встрѣчаемся съ соціально-политическимъ міровоззрѣніемъ, весьма похожимъ на то, которое въ свое время раздѣлялъ Шекспиръ и многіе изъ гуманистовъ и политиковъ его вѣка.

Итакъ, въ Шекспировскій періодъ своей жизни Пушкинъ мирится съ монархіей не потому, чтобы она была совершенной политической формой (совершенныхъ формъ въ дѣйствительности нѣтъ), но потому, что и она, при извѣстныхъ гарантіяхъ, можетъ содѣйствовать народному благу.

И надо замѣтить, что въ общихъ чертахъ Пушкинъ еще съ юности въ сущности безразлично относился къ формѣ государственнаго устройства и управленія, лишь бы только были обезпечены гражданская и личная свобода, просвѣщеніе и развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа.

Послѣдніе 3—4 года до-шекспировскаго періода Пушкина ознаменованы постепеннымъ упадкомъ вѣры въ возможность прочной демократической республики.

Въ 1820 г. Пушкинъ еще любитъ демагогическія споры (Сант., № 17), въ 1821 г. онъ съ увлеченіемъ отзывается о возстаніи въ Греціи, Италіи и Испаніи (Сант., № 18—ср. 86).

Но мечтательный, «миролюбивый» другъ свободы быстро разочаровывается въ новыхъ народныхъ движеніяхъ: инстинкты народовъ прекрасны, но завоеваніе свободы сопровождается тѣми же роковыми ошибками, какъ и у французовъ временъ великой революціи, именно нарушеніемъ законовъ и насиліемъ. Возникающую свободу подавляютъ, настаетъ мрачная реакція, и въ этомъ, въ глазахъ поэта, виноваты сами народы съ ихъ наклонностью быстро обращаться изъ гордыхъ господъ въ жалкихъ послушныхъ рабовъ; но виноваты и народные демагоги-витіи, которымъ также приходится покориться волѣ деспотовъ.

Въ 1821 г. («Наполеонъ») у поэта еще остается смутная надежда, что изъ возрождающихся народовъ, можетъ быть, хоть русскій укрѣпитъ свою свободу; но уже въ слѣдующемъ 1822 г. Пушкинъ устами главы народнаго движенія Вадима высказываетъ очень скептическій приговоръ о перемѣнчивой народной массѣ,—приговоръ, весьма напоминающій изображеніе народа у Шекспира: «Безумные! давно-ль они въ глазахъ моихъ встрѣчали торжествомъ властителей чужихъ и вольныя главы подъ иго преклоняли? Изгнанью моему давно ль рукоплескали? Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь... Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь»...

Въ 1823 г. онъ уже находитъ возможнымъ сближеніе съ извѣстнымъ реакціонеромъ-монархистомъ Стурдзой, и оказывается, что они не только пріятели, но и «кое о чемъ мыслятъ одинаково, не лукавя другъ передъ другомъ» (Сант., № 54). Мечты о свободѣ русскаго народа для него уже «послѣдній либеральный бредъ», и, подражая «умѣренному демократу» Іисусу Христу, онъ пишетъ притчу о сѣятелѣ, гдѣ объявляетъ народы стадами, которымъ не нужны дары свободы. Въ стихотвореніи «Недвижный стражъ дремалъ» онъ обрушивается и на демагоговъ, на этихъ мудрецовъ, волнующихъ безумную толпу, которымъ теперь предстоитъ цѣловать жезлъ Россіи и поправшую ихъ желѣзную стопу.

Восхищеніе греческимъ возстаніемъ въ 1821 г. смѣняется въ 1824 презрительными отзывами объ одесскихъ грекахъ и ихъ предводителяхъ (Сант., № 77). Вообще демократическое настроеніе у Пушкина все болѣе и болѣе понижается.

Съ этой точки зрѣнія не лишено интереса и примиреніе Пушкина съ Карамзинымъ къ началу шекспировскаго періода. Оно состоялось преимущественно на почвѣ научной: но врядъ ли можно оставлять въ сторонѣ и политическое настроеніе Пушкина, развившуюся въ немъ толерантность

къ людямъ различныхъ политическихъ убѣжденій. Драгоцѣнные остатки автобіографіи (1825—1826 гг.) свидѣтельствуютъ лишній разъ объ искреннемъ желаніи Пушкина съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись какъ къ Карамзину, такъ и къ его литературно-политическимъ противникамъ. «Молодые якобинцы», по мнѣнію Пушкина, слишкомъ преувеличенно негодовали на Карамзина за его размышленія въ пользу самодержавія; но правда и то, что отдѣльныя изъ этихъ размышленій краснорѣчиво опровергнуты вѣрнымъ разсказомъ событій. Съ другой стороны, Карамзинъ—несомнѣнно добросовѣстный историкъ уже потому, что онъ вездѣ ссылается на источники. Очень важно и то, что исторія Карамзина, плодъ двѣнадцатилѣтняго безмолвнаго и неутомимаго труда, проникнута истинною и рѣдкою въ его время любовью къ просвѣщенію.

Въ эти годы эволюція духовной жизни Пушкина идетъ очень быстрымъ, истинно трагическимъ темпомъ. Пушкинъ исполненъ исканія истины и часто запутывается въ противорѣчіяхъ. Напр., онъ стремительно берется за Библію (Саит., №№ 109 и 113), и ему импонируетъ образъ Христа, какъ умѣреннаго демократа, но въ то же время на него оказываютъ вліяніе бесѣды съ атеистомъ Гунчисономъ.

У Пушкина развивается скептицизмъ, граничащій съ пессимизмомъ; онъ ищетъ выхода въ свойственномъ его правдивой натурѣ объективизмѣ и критицизмѣ; и любопытно, что его политическому индифферентизму, сильно развившемуся къ началу шекспировскаго періода, вполнѣ соотвѣтствуетъ и литературный: «Я въ литературѣ скептикъ,—пишетъ онъ въ 1827 г. (Саит., № 312),—чтобы не сказать хуже, и всѣ парнасскія секты для меня равны, представляя каждая свои выгоды и невыгоды».

И вотъ, въ такомъ трагическомъ настроеніи Пушкинъ естественно могъ не только увлечься Шекспиромъ, но даже слиться съ нимъ, найдя въ немъ извѣстное оправданіе и своей личной предыдущей жизни, и литературной дѣятельности, и своимъ общественно-политическимъ взглядамъ. Глубокій конфликтъ между жизнерадостностью и трагическими тревогами за человѣчество, столь явный у Шекспира, конечно, долженъ былъ найти отвѣтъ въ душѣ нашего многострадальнаго поэта, и, въ концѣ концовъ, впечатлѣнія, полученныя Пушкинымъ отъ Шекспира, довольно родственны съ впечатлѣніями Гёте въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ».

«Все то, что когда-либо передумано было мною о человѣчествѣ и его судьбахъ, что было неразлучно со мной и развилось во мнѣ незамѣтно для меня самого, все это я нашелъ въ Шекспирѣ уже вполнѣ развитымъ и какъ бы уже сбывшимся»—такъ писалъ Гёте въ 11-й главѣ III книги «Вильгельма Мейстера». Ср. тамъ же: «Пьесы эти кажутся мнѣ произведеніями какого-то небеснаго генія, приблизившагося къ людямъ для того, чтобы какъ можно ближе ознакомить ихъ съ ихъ собственнымъ внутреннимъ міромъ».

Къ этому вполнѣ подходитъ отзывъ Пушкина о Шекспирѣ, сохранившійся въ воспоминаніяхъ Смирновой (стр. 285): «Затѣмъ онъ говорилъ о Шекспирѣ, о его взглядахъ на любовь, о его молодыхъ дѣвушкахъ и любовникахъ, изъ которыхъ ни одинъ не сентименталенъ и не романиченъ, даже среди романическихъ и необычайныхъ приключеній, потому что чувства ихъ такъ естественны; о его замужнихъ женщинахъ, среди которыхъ встрѣчаются только красивые типы; объ его мысляхъ о королевской власти, о славѣ, о войнѣ, о смерти, о совѣсти,—и онъ закончилъ: «Нѣтъ ни одной стороны души, ума, сердца, характера, слабостей, страстей, пороковъ, добродѣтелей, которыхъ бы онъ не наблюдалъ и не описалъ отъ зерна и корня человѣческаго растенія до его послѣдняго листа, цвѣта, плода»...

IV.

На первыхъ порахъ, однако, въ 1824—1826 гг., Пушкинъ, какъ и можно было ожидать по ходу его духовной жизни за это время, интересуется у Шекспира главнѣйшимъ образомъ соціально-политическими проблемами, а также общими вопросами о сущности драмы, на которые наводитъ Шекспиръ. Конечно, поэтъ не могъ уйти и отъ чисто-психологическихъ темъ, всегда и особенно въ данное время ему родныхъ, но во всякомъ случаѣ центральное и главное мѣсто въ произведеніяхъ этого времени принадлежитъ соціально-политической трагедіи «Борисъ Годуновъ».

Довольно характерно, что пѣвецъ любви готовъ былъ написать трагедію безъ любовнаго романа и ввелъ въ нее романъ между Димитріемъ и Мариной, главнымъ

образомъ въ интересахъ столько же драматическихъ, сколько политическихъ: романъ этотъ яснѣе опредѣляетъ страстный, романическій характеръ главнаго героя—Димитрія и, съ другой стороны, даетъ лишній интересный персонажъ политической авантюристки Марины (Саит., № 379).

Въ характеристикѣ Бориса, какъ и самъ онъ признается, политическая сторона дѣла интересовала его едва ли не болѣе, чѣмъ драматическая (Саит., № 208).

Но это лишь детали. Всего болѣе характеренъ выборъ самой темы. Пушкинъ взялъ эпоху перелома (кстати сказать, современную Шекспиру), которая сдвинула съ мѣста и органы правительства, и всѣ слои населенія.

Такимъ образомъ, хроника Пушкина непосредственно примыкаетъ къ хроникамъ и къ такимъ драмамъ Шекспира, какъ «Юлія Цезарь», «Антоній и Клеопатра» и т. д.

Къ разработкѣ такой сложной темы примѣнены и сложные методы, въ которыхъ, наряду съ доминирующимъ вліяніемъ Шекспира, не трудно обнаружить помимо этого синтезъ предыдущей дѣятельности самого поэта, а также его настроенія во время писанія драмы. Поэтъ очень старательно изучаетъ историческіе источники и всячески заботится о томъ, чтобы объективно опредѣлить для себя историческую истину; но онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, знаетъ, что задачи драмы и исторіи не совпадаютъ вполнѣ, и что историческія фигуры въ драмѣ могутъ быть лишь типами, только въ общихъ чертахъ соотвѣтствующими и человѣческой природѣ, и исторической дѣйствительности. Такъ создана фигура Пимена. «Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ» (Саит., № 312).

Тотъ же собирательный методъ проведенъ и въ характеристикахъ Бориса, Самозванца, народа.

Давно замѣчено, что Пименъ идеализованъ; это объясняется искуснымъ, непосредственно незамѣтнымъ внесеніемъ личнаго начала въ изображеніе типа: при изученіи матеріаловъ для выработки типа поэтъ наткнулся на такія подробности, которыя какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали его собственному настроенію, а потому обрисовка типа проникнута своеобразной теплотой, за которой скрывается личная симпатія автора.

Пушкинъ несомнѣнно идеализировалъ въ данномъ случаѣ пользу уединенія для человѣка, утомленнаго бурями жизни, развитіе въ такомъ человѣкѣ широкой гуманности и безпристрастной терпимости. Это одна изъ любимыхъ его темъ въ разные періоды его дѣятельности; но никогда его душевный разладъ не былъ столь силенъ, никогда не было столь настойчивой потребности въ успокоеніи и ясности души, какъ послѣ бурной жизни на югѣ. Успокоителями поэта явились природа, занятое дѣломъ уединеніе, великій учитель безпристрастія Шекспиръ, а вслѣдъ за нимъ—исторія преимущественно въ лицѣ Карамзина и древнихъ лѣтописцевъ. Въ произведеніяхъ этого періода Пушкинъ неоднократно сравниваетъ себя съ анахоретомъ, свою рабочую комнату съ пустынной кельей; онъ доволенъ своимъ «мирнымъ изгнаніемъ», въ которомъ онъ «сельской музѣ въ тишинѣ душой безпечной предавался»; его Онѣгинъ и Ленскій—«пустынники», причемъ Онѣгинъ ушелъ отъ «мятежной власти страстей...

Такое своеобразное и цѣльное сліяніе объективнаго съ субъективнымъ очень характерно и для Шекспира; такъ, напр., своему любимцу Генриху V онъ влагаетъ въ уста много своихъ задушевныхъ мыслей, но все-таки Генрихъ V—не Шекспиръ; не Шекспиръ и Гамлетъ, хотя несомнѣнно, что Шекспиръ могъ и самъ переживать гамлетовское настроеніе и наблюдать его у многихъ своихъ современниковъ, жившихъ въ бурный, трагическій вѣкъ.

Но для Пушкина было тѣмъ болѣе легко окончательно усвоить и усовершенствовать подобную манеру писать, что онъ и самъ ея держался еще задолго до знакомства съ Шекспиромъ: такъ, личное и общее очень цѣльно переплетены между собою уже въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» [1]).

Въ этомъ заключается лишнее доказательство того, что сліяніе Пушкина съ Шекспиромъ происходило на почвѣ ихъ многообразной конгеніальности.

Собирательный элементъ, столь сильный въ фигурѣ Пимена и отчасти патріарха Іова, еще болѣе ярко замѣтенъ въ

---

[1]) Еще изъ Кишинева (Саит., № 27) онъ писалъ Горчакову: «характеръ Плѣнника неудаченъ; это доказываетъ, что я не гожусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка».

обрисовкѣ главныхъ героевъ драмы самозванца и Бориса, а также общественныхъ группъ. Сліяніе объективнаго съ субъективнымъ, о чемъ была рѣчь выше, достигаетъ здѣсь особой виртуозности.

Мы уже говорили, что ко времени созданія типа самозванца Пушкинъ много занимался исторіей народныхъ вождей, узурпаторовъ и авантюристовъ разнаго рода, такъ что въ его головѣ долженъ былъ создаться типъ популярнаго демагога-узурпатора съ чертами, какъ общими для разныхъ странъ и эпохъ, такъ и спеціальными для той или другой страны, для той или другой эпохи. Весьма важно, напр., что Пушкинъ самъ подчеркнулъ извѣстное родство своего Лжедимитрія съ Генрихомъ IV. Есть, несомнѣнно, въ характерѣ самозванца такія черточки, какія были у самого Пушкина или, по крайней мѣрѣ, были ему симпатичны,—мы разумѣемъ большую смѣлость, своего рода геніальную безпечность, проявляемую даже послѣ крупныхъ неудачъ и привлекающую къ себѣ окружающихъ.

Весьма знаменательно то, что самозванецъ изображенъ, какъ человѣкъ, довольно образованный для своего времени и изъ чтенія лѣтописей способный опредѣлить современное политическое положеніе Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не чуждъ и поэзіи: въ монастырѣ самъ сочинялъ каноны, въ Краковѣ онъ благосклонно относится къ придворному поэту.

Не менѣе сложна исторія возникновенія типа Бориса.

Поэтъ естественно находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ размышленій о царствованіи Александра I; но царствованіе это онъ оцѣнивалъ въ общей связи съ исторіей династіи Романовыхъ.

Около временъ созданія «Бориса Годунова» для него уже опредѣляется въ извѣстной формѣ типъ русскаго самодержца, начиная съ Ивана III, съ различными разновидностями этого типа. По крайней мѣрѣ, въ «Борисѣ Годуновѣ» не просто упомянуты, но довольно ярко очерчены Иванъ Грозный, Ѳеодоръ и Иванъ III—«смиритель бурь, разумный самодержецъ». Мы знаемъ, затѣмъ, какое впечатлѣніе производило на Пушкина съ юныхъ лѣтъ самодержавіе Наполеона.

Въ эту критическую эпоху Пушкинъ снова интересуется Наполеономъ, какъ политикомъ, по его запискамъ и по мемуарамъ его министра полиціи Фуше (Саит., № 128 и др.). Сверхъ того, Пушкинъ около этого времени занятъ мыслью о самодержавіи вообще: между прочимъ, его интересуетъ первый явный (въ его глазахъ) римскій самодержецъ Цезарь Тиберій.

Наконецъ, передъ Пушкинымъ прошла цѣлая серія монарховъ Шекспира.

И вотъ это соединеніе общаго съ личнымъ въ высшей степени любопытно отразилось на фигурѣ Бориса; и опять въ своеобразныхъ формахъ происходило сліяніе Пушкина съ Шекспиромъ.

Честолюбіе и властолюбіе не могутъ дать удовлетворенія душѣ,—говоритъ Борисъ,—какъ и весьма многіе персонажи шекспировскихъ политическихъ драмъ и хроникъ. Самъ поэтъ, искавшій въ эту эпоху въ уединеніи покоя своей мятежной душѣ, тоже не дорожитъ славой («Желаніе славы», «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ»).

«Безумны мы, когда народный плескъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше!»

Такъ восклицаетъ Борисъ на подобіе весьма многихъ государей Шекспира, и въ хроникѣ перемѣнчивость народной массы характеризована на разные лады. Но кромѣ демократической черни Борисъ извѣрился и въ аристократическую чернь: «пора презрѣть мнѣ ропотъ знатной черни»—говоритъ онъ Басманову.—И представители знатной черни—на-лицо въ хроникѣ: таковы, напр., бояре, не понимающіе политическаго смысла тяжелой сцены въ царской думѣ, разыгравшейся между царемъ, патріархомъ и Шуйскимъ.

Подобная постановка дѣла характерна и для Шекспира: на ряду съ демократической чернью, онъ любитъ выводить и чернь аристократическую, и какъ саркастиченъ, напр., отзывъ Гамлета о послѣдней въ сценѣ съ могильщиками!

Въ свою очередь, Пушкинъ, какъ писатель, чувствуетъ въ данную эпоху рѣшительное отчужденіе и отъ толпы, и отъ малообразованныхъ представителей литературы и критики, отъ этого журнальнаго «роя слѣпней и комаровъ» («Совѣтъ»).

Очень интересно наставленіе умирающаго Бориса сыну Ѳеодору. Оно напоминаетъ собою прощаніе умирающаго Генриха IV съ сыномъ, будущимъ Генрихомъ V, хотя не заключаетъ въ себѣ макіавеллистическаго совѣта Генриха IV занять умы войной для искорененія крамолы.

Наоборотъ, Борисъ совѣтуетъ Ѳеодору от-

мѣнить опалы и казни и на первое время ослабить власть, не выпуская ея, однако, изъ рукъ. Вскорѣ послѣ написанія драмы почти такъ же звучитъ обращеніе Пушкина къ Николаю I съ просьбой быть милостивымъ къ декабристамъ.

И другіе совѣты Бориса совпадаютъ съ задушевными мечтами самого Пушкина: «будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ, довѣрчиво ихъ въ службу принимай»,—говоритъ Борисъ; а параллельно съ этимъ Пушкинъ въ запискѣ о народномъ воспитаніи отстаиваетъ передъ Николаемъ I пользу западно-европейскаго просвѣщенія для русскаго общества, и общая мысль этой записки въ сущности отлично выражена въ разговорѣ между Борисомъ и Ѳеодоромъ о пользѣ науки и для частной жизни, и для государства.

И еще одна руководящая мысль записки о народномъ воспитаніи сквозитъ въ наставленіи Бориса Ѳеодору: «Не измѣняй теченья дѣлъ, привычка—душа державъ»,—поучаетъ Борисъ. Въ свою очередь, Пушкинъ мечтаетъ о союзѣ служащихъ государству дворянъ съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія (но не радикальнаго измѣненія!) государственныхъ установленій. Какъ ни сочувствуетъ онъ уничтоженію чиновъ, но спѣшитъ оговориться, что «сія мѣра влечетъ за собою безпорядки безсмысленные, какъ вообще всякое измѣненіе установленій, освященныхъ временемъ и привычкой».

Наконецъ, особенно любопытенъ слѣдующій совѣтъ Бориса:

«Будь молчаливъ; не долженъ царскій голосъ
На воздухѣ теряться по-пустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
Велику скорбь или великій праздникъ».

Это отчасти похоже на совѣтъ Генриха IV сыну появляться передъ толпой лишь изрѣдка, въ полномъ блескѣ и величіи, какъ звѣзда («Генрихъ IV», ч. I, д. III, явл. 2). А съ другой стороны, здѣсь выражено традиціонное отношеніе обывателей и старой и новой Россіи къ самодержавной власти. Такъ смотрѣлъ на нее и самъ Пушкинъ. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи онъ былъ изумленъ тѣмъ, что Николай I отправился лично усмирять бунтъ военно-поселенцевъ въ Новгородской губерніи («Изъ записной книжки», 26 іюня 1831 г.): «Народъ не долженъ привыкать къ царскому лицу, какъ обыкновенному явленію. Расправа полицейская должна одна вмѣшиваться въ волненія площади, и царскій голосъ не долженъ угрожать ни картечью, ни кнутомъ. Царю не должно сближаться лично съ народомъ. Чернь перестаетъ скоро бояться таинственной власти и начнетъ тщеславиться своими сношеніями съ государемъ. Скоро въ своихъ мятежахъ она будетъ требовать появленія его, какъ необходимаго обряда».

Такимъ образомъ, царь Борисъ—тоже собирательный типъ, какъ самозванецъ, патріархъ, Пименъ.

Собирательнымъ типомъ является у Пушкина и народная масса; она имѣетъ, правда, національныя черты, но вмѣстѣ съ тѣмъ она очень похожа на шекспировскій непостоянный народъ—игрушку въ рукахъ демагоговъ. Очень важно то, что Пушкинъ, какъ мы видѣли, еще въ до-шекспировскій періодъ создалъ себѣ именно такой взглядъ на народъ, и, напр., «отрывокъ изъ Вадима», можно сказать, самъ просится въ шекспировскую драму; мы видѣли также, что ко времени изученія Шекспира у Пушкина сложилось такое же мнѣніе о народѣ въ качествѣ литературной публики. Сверхъ этого, Пушкинъ могъ быть подъ вліяніемъ изученія народныхъ волненій въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя эпохи.

Слѣдовательно, въ этомъ пунктѣ Пушкинъ нашелъ у Шекспира сильнѣйшее для себя подкрѣпленіе.

Достаточно извѣстно, какъ измѣнчивъ народъ въ «Юліи Цезарѣ» и въ другихъ политическихъ драмахъ и хроникахъ Шекспира.

Но, отрицая умъ въ толпѣ, Шекспиръ не отрицаетъ его у отдѣльныхъ представителей народа: такъ, напр., могильщики кажутся Гамлету гораздо умнѣе придворныхъ; старый садовникъ въ «Ричардѣ II» интересенъ глубокимъ и трезвымъ пониманіемъ причинъ политической катастрофы, совершившейся въ Англіи. Неорганизованная толпа неоднородна, и Шекспиръ любитъ выдѣлять изъ нея отдѣльные персонажи и индивидуализировать ихъ; а въ картинахъ напряженія страстей у народной массы подобный отдѣльный персонажъ изъ нея на нашихъ глазахъ живетъ, и его настроеніе мѣняется. Такъ, въ 1-й сценѣ 1-го дѣйствія «Юлія Цезаря» сильно выдвинута юмористическая фигура сапожника. Особенно живописна 2-я сцена 3-го акта передъ похоронами Цезаря. 1-й граж-

данинъ—безусловный поклонникъ Брута, 2-й не желаетъ поддаваться пристрастію и предпочитаетъ выслушать и Брута, и Кассія, чтобы составить себѣ самостоятельное сужденіе о дѣлѣ. Послѣ рѣчи Брута оба въ восторгѣ. Начинается рѣчь Антонія, и второй гражданинъ въ первый моментъ пытается, какъ и передъ рѣчью Брута, сохранить самообладаніе и способность къ критикѣ, а первый съ свойственной ему экспансивностью скоро вѣритъ тому, что Цезарь не былъ тираномъ; къ концу рѣчи всѣ приходятъ въ возбужденіе, но у перваго гражданина оно усиливается при видѣ трупа, на который онъ сначала боится взглянуть.

Такого же пріема держится Шекспиръ всюду, гдѣ ему приходится изображать г р у п п ы людей того или другого сословія.

Подобные уроки не могли пройти безслѣдно для художника, который, помимо всего прочаго, самъ былъ всегда индивидуалистомъ. И вотъ любопытно, что уже начальныя сцены «Бориса Годунова», именно избраніе на царство, напоминаютъ восшествіе на престолъ Ричарда III, который съ такимъ успѣхомъ продѣлывалъ комедію притворнаго отказа отъ короны.

Народная масса въ хроникѣ Пушкина, какъ и во многихъ драмахъ Шекспира, въ общемъ довольно пассивна и собственной инициативы не проявляетъ, но ея настроенія, какъ и Шекспира, неоднородны, и между отдѣльными ея представителями замѣтна разница.

Такъ, уже три персонажа, открывающіе своими замѣчаніями первую народную сцену («Красная площадь») отличаются другъ отъ друга и не говорятъ одно и то же.

Во второй, довольно юмористической, народной сценѣ (на Дѣвичьемъ Полѣ) выведено для полноты картины нѣсколько зѣвакъ и затесавшаяся въ толпу баба съ грудянымъ ребенкомъ.

Очень живыя сами по себѣ, эти жанровыя картинки вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсно связаны съ основной концепціей Пушкина: на пассивную, но измѣнчивую народную массу разсчитывать нельзя.

Въ общемъ, Пушкину удалось въ ходѣ хроники очень искусно изобразить эту измѣнчивость народа. Какъ быстро самозванецъ пріобрѣтаетъ популярность на счетъ Годуновыхъ!

Стоило только раздаться одному голосу съ призывомъ къ жестокости противъ семьи Годунова, и народъ яростно несется къ его дворцу. Но здѣсь онъ нѣсколько отрезвляется, и это отрезвленіе изображено съ большой силой и живостью. Въ окнѣ дворца народъ видитъ—въ глубокой скорби—симпатичныхъ дѣтей Бориса—Ѳеодора и Ксенію, и у него начинаетъ пробуждаться жалость къ нимъ. Въ это время проходятъ во дворецъ бояре, и народъ почтительно передъ ними разступается, пока еще не зная, что они идутъ съ цѣлью немедленно убить царевича и его мать. Изъ дворца доносится шумъ борьбы и женскій визгъ.

Наконецъ, отворяются двери, и на крыльцѣ появляется Мосальскій, обращаясь къ народу съ краткой, холодной и цинической рѣчью: «Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что же вы молчите? Кричите: «да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!»

По редакціи 1831 г. въ отвѣтъ на это «народъ безмолвствуетъ».

Но первоначальная редакція, относящаяся съ 1825 г., заканчивается, совершенно въ духѣ Шекспира, тѣмъ, что и народъ кричитъ въ отвѣтъ «Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ».

Выдѣляя нѣкоторыя фигуры изъ общей народной массы и индивидуализируя ихъ въ шекспировскомъ духѣ, Пушкинъ одну изъ этихъ фигуръ особенно старательно обработалъ послѣ долгихъ поисковъ историческихъ матеріаловъ для ея созданія. Это—картинная фигура юродиваго, характерная для старой богомольной и суевѣрной Россіи, какъ своего рода выраженіе народной совѣсти. И въ хроникѣ Пушкина фигура юродиваго не только дополняетъ широкую картину русскаго общества временъ смуты, но и важна въ драматическомъ отношеніи: публичное обличеніе Бориса юродивымъ обезсиливаетъ царя и нравственно, и политически, окончательно подрывая его престижъ въ народѣ [1]).

[1]) Намъ кажется, что и здѣсь Пушкинъ могъ находиться подъ нѣкоторымъ косвеннымъ вліяніемъ Шекспира, особенно его хроники «Король Джонъ». Въ хроникѣ этой прямо выведенъ пророкъ, настраивавшій толпу противъ короля и предсказывавшій ему лишеніе короны. Пророкъ появляется на сценѣ лишь на нѣсколько словъ, но его роль въ охлажденіи народа къ королю очень велика, и это охлажденіе, желаніе перемѣнъ, готовность идти за любымъ инсургентомъ—представлены у Шекспира съ неменьшей яркостью, чѣмъ въ «Борисѣ Годуновѣ» или въ «Полтавѣ». Но помимо отдѣльныхъ ситуацій и

Такимъ образомъ, даже въ изображеніи народной массы проведено индивидуалистическое начало. Но оно сильно даетъ себя знать и въ характеристикѣ другихъ слоевъ русскаго и польскаго общества смутнаго времени.

Русскіе придворные разныхъ ранговъ, съ другой стороны, боятся царя, съ другой, на разные лады, при помощи то лести, то молчанія, то уклончивости—переносятъ его ласковый съ виду, но опасный по существу характеръ.

Каждый персонажъ изъ этой свиты,—не говоря уже о крупнѣйшихъ изъ нихъ,—имѣетъ что-нибудь индивидуальное. Такъ, свидѣтель сцены въ царской думѣ, одинъ изъ бояръ замѣтилъ, какъ тяжело было царю, другой,—что даже для него, простого очевидца, эта сцена была невыносима.

Пушкинъ далъ и прекрасныя сцены военнаго лагеря у обѣихъ сторонъ, гдѣ перемѣшиваются различныя національности, очень мѣтко у него различаемыя. Его любимый капитанъ Маржеретъ смахиваетъ немного на знаменитаго валлійскаго капитана Флюэллена въ «Генрихѣ V». Безусловно хорошъ московскій плѣнникъ, откровенный со всѣми и держащійся даже въ плѣну съ большимъ достоинствомъ. Его откровенность полезна самозванцу, и послѣдняго нисколько не шокируетъ попадающее, впрочемъ, въ тонъ сообщеніе плѣнника, что на Руси его считаютъ хоть «воромъ», но молодцомъ! Тотъ же плѣнникъ съ грубоватымъ достоинствомъ парируетъ насмѣшку польскаго офицера.

Очень жизненны представители польскаго общества, начиная съ магнатовъ, какъ Мнишекъ, и кончая мелкими шляхтичами и прислугой. Весьма типична и фигура іезуита Черниковскаго.

Косвеннымъ образомъ напоминаетъ Шекспировскія «кабацкія» сцены изъ «Генриха IV» знаменитая сцена въ корчмѣ, гдѣ опять-таки каждый персонажъ индивидуаленъ (хозяйка, пристава, бѣглые пьяные монахи съ ихъ полу-церковной, полу-народной рѣчью, состоящей изъ риѳмованныхъ пословицъ и прибаутокъ; тревожащійся Григорій, будущій самозванецъ, который не всегда попадаетъ въ тонъ этой случайной и чуждой ему компаніи).

V.

Указавъ на рядъ пунктовъ соприкосновенія и родства съ Шекспиромъ въ «Борисѣ Годуновѣ», мы займемся теперь проблемой, около которой объединяются почти всѣ драматическія произведенія Пушкина, именно проблемой объ убійствѣ и раскаяніи убійцы. Въ этой области идеи Шекспира попали на готовую почву.

Въ юности («Наполеонъ на Эльбѣ») Пушкинъ представлялъ себѣ честолюбиваго узурпатора Наполеона тираномъ ложноклассической трагедіи, который не только не боится потоковъ крови, но и жаждетъ ихъ и упивается съ циническимъ эстетизмомъ картиною всеобщаго разрушенія.

Но позднѣе Пушкинъ глубже смотритъ на дѣло: онъ понимаетъ, что одно славолюбіе не можетъ всю жизнь прельщать человѣка, что, наконецъ, наступитъ пресыщеніе и тоска, и несомнѣнно, что Наполеонъ «иногда въ своей пустынѣ, забывъ войну, потомство, тронъ, одинъ, одинъ о миломъ сынѣ въ уныньи горькомъ думалъ». Такимъ образомъ, его жизнь полна глубокаго трагизма, способнаго тронуть даже его враговъ. «Да будетъ омраченъ позоромъ тотъ малодушный, кто въ сей день безумнымъ возмутитъ укоромъ его развѣнчанную тѣнь!»

Та же тема разрабатывается въ «Борисѣ Годуновѣ»; и, конечно, у Шекспира Пушкинъ могъ найти очень рельефную ея постановку: монархи—тоже люди, и съ того момента, когда неумѣренное честолюбіе и ослѣпленіе славой или властью приводитъ ихъ къ паденію, ихъ катастрофа, уже какъ рѣзкая противоположность прежнему блеску и благополучію, пробуждаетъ въ нихъ самихъ общечеловѣческія чувства и вызываетъ у зрителей чисто человѣческое состраданіе; таковы, напр., Ричардъ II, Лиръ, отчасти Цезарь, къ изумленію своему погибающій отъ руки самыхъ приближенныхъ къ нему людей, и проч.

Въ періодъ байронизма Пушкинъ вполнѣ опредѣленно ставитъ тему, что убійство не проходитъ безнаказанно для души убійцы. Характерна уже «Черная шаль»: «Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей; гляжу, какъ безумный, на черную шаль, и хладную душу терзаетъ печаль».

Но самое важное произведеніе этого періода—«Братья-разбойники». Его основ-

---

подробностей самая тема этой драмы (король—виновникъ смерти законнаго наслѣдника, отвратившій этимъ отъ себя и знать и народъ и погибшій отъ угрызеній совѣсти) очень близка къ темѣ «Бориса Годунова».

ная тема—та, что даже у закоренѣлыхъ профессіональныхъ убійцъ, какъ бы они ни заглушали свою совѣсть, она по временамъ просыпается и создаетъ имъ невыносимыя мученія. Полонъ душевныхъ мученій и Алеко въ «Цыганахъ»; убійство порицается въ поэмѣ даже некультурными людьми.

Такая психологія очень близка къ шекспировской. У Шекспира Пушкинъ долженъ былъ встрѣтить очень широкую постановку и разработку указанной темы. Къ убійству не только изъ личныхъ соображеній, но и изъ политическихъ видовъ человѣкъ, если онъ не извергъ и если онъ не ничтоженъ отъ природы, приступаетъ не сразу; въ душѣ его всегда остается тяжелый осадокъ, переходящій въ мучительное раскаяніе при живомъ напоминаніи о его преступленіи.

Какъ мучится Клавдій въ «Гамлетѣ», но какъ мучится и мучитъ другихъ нерѣшительный Гамлетъ! Сколько внушительныхъ, потрясающихъ его и безъ того растерзанную душу внѣшнихъ обстоятельствъ напоминаетъ ему о томъ, что онъ долженъ мстить за убійство, что настала удобная пора для мести,—и онъ все-таки не въ состояніи къ ней приступить. Но и гораздо болѣе твердый Брутъ не мало страдаетъ отъ необходимости сдѣлаться убійцей Цезаря.

Съ особой силой темы эти разработаны въ «Макбетѣ» и въ «Ричардѣ III».

Макбета толкаетъ на путь убійствъ его честолюбіе, но эта страсть, вообще говоря, дремала въ его душѣ; самъ по себѣ онъ не золъ, въ немъ много «молока любви», и онъ не пожелалъ бы избрать убійство, какъ кратчайшій путь къ престолу; самъ по себѣ онъ сталъ бы добиваться престола лишь открытымъ путемъ. Лишь сложный рядъ реальныхъ обстоятельствъ и сюрпризовъ развиваетъ въ немъ до болѣзненности честолюбіе и дѣлаетъ его, противъ воли, убійцей.

Въ противоположность ему, большей рѣшимостью отличаются наемные убійцы, но и послѣдніе мотивируютъ эту рѣшимость не столько привычкой къ подобному ремеслу, сколько озлобленіемъ противъ своей судьбы; все-таки Макбетъ считаетъ нужнымъ ихъ подбодрить и настроить противъ Банко.

Даже закоренѣлый лицемѣрный и озлобленный извергъ Ричардъ III переживаетъ наканунѣ своей гибели ужасное состояніе духа отъ появленія тѣней убитыхъ имъ людей.

Въ той же трагедіи Шекспиръ вывелъ двѣ пары наемныхъ убійцъ. Въ первой парѣ (убійцы Кларенса) второй убійца сначала рѣшительнѣе перваго и готовъ немедленно приступить къ дѣлу, но у обоихъ нечаянно срывается шутка о страшномъ судѣ, а затѣмъ возникаютъ мысли о совѣсти; сколько они ни подбодряютъ другъ друга, однако, вмѣсто немедленнаго убійства, они вступаютъ въ длинный разговоръ съ жертвой. Въ заключеніе второй наемникъ отказывается отъ содѣйствія первому, отказывается отъ награды и уходитъ съ глубокимъ раскаяніемъ.

Вторая пара—убійцы малолѣтнихъ дѣтей Кларенса—при всей своей закоренѣлой кровожадности, еле могла совершить убійство.

Итакъ, въ данномъ случаѣ Пушкинъ встрѣтился у Шекспира съ глубокой разработкой проблемы, которая и его самого интересовала. Съ этого момента тема объ угрызеніяхъ совѣсти у человѣка, сдѣлавшагося прямо или косвенно виновникомъ несчастія или смерти другого,—становится одной изъ самыхъ излюбленныхъ темъ Пушкина, и, проникнутый шекспиризмомъ, нашъ поэтъ разрабатываетъ ее чисто по шекспировски, съ большой гибкостью и разнообразіемъ.

Въ «Борисѣ Годуновѣ» чувствуетъ потребность въ покаяніи самъ Иванъ Грозный; каются и свирѣпые убійцы царевича Димитрія. Естественно, что въ вѣкъ набожности долженъ былъ каяться и Борисъ: не даромъ онъ, въ концѣ концовъ, принимаетъ схиму; съ другой стороны, Борисъ не извергъ по натурѣ,—наоборотъ, это любвеобильный отецъ семейства и желающій добра своему народу правитель.

И въ изображеніи мученій его совѣсти начинающій шекспиристъ Пушкинъ далъ настоящую трагедію.

Честолюбіе не насытило души царя: ему никто не сочувствуетъ, и даже народъ, о которомъ онъ такъ заботился, отвернулся отъ него. Царь предоставленъ самому себѣ и тяжелому раздумью о своей личной жизни. Угрызенія совѣсти все растутъ и растутъ, но зато царь пускаетъ въ борьбу съ ними всю силу своей могучей натуры, и, напр., макбетовскимъ трагизмомъ вѣетъ отъ его словъ: «Но кто же онъ, мой грозный супостатъ? Кто на меня? Пустое имя, тѣнь—ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру, иль

звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства? Безумецъ я! чего жъ я испугался? На призракъ сей подуй—и нѣтъ его!»

Убійство и тоска и душевная пустота убійцы—это тема послѣднихъ главъ «Евгенія Онѣгина», написанныхъ послѣ 1825 г.

Особымъ трагизмомъ отмѣчено трактованіе подобной темы и въ «Полтавѣ».

Пушкинъ самъ писалъ, что его поэма является антитезой къ «Мазепѣ» Байрона, который «былъ пораженъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ». Но въ поэмѣ Байрона нѣтъ характеровъ: «Если бы подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета». Сюжетъ этотъ не только ужасенъ, но даже «отвратителенъ»: ни одного добраго, благосклоннаго чувства! ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость». При такомъ характерѣ сюжета Пушкинъ естественно былъ въ опасности впасть въ тотъ однообразно-яростный тонъ, который онъ уже въ 1825 г. (Саит., № 184) порицалъ даже у Байрона.

И Пушкинъ нашелъ выходъ изъ затрудненія, заставивъ свирѣпаго Мазепу пережить тяжелую душевную драму и угрызенія совѣсти въ сценахъ до и послѣ казни отца Маріи [1]).

Къ самому началу шекспировскаго періода относятся, по крайней мѣрѣ, по своему замыслу, «Моцартъ и Сальери» и «Скупой Рыцарь».

Въ «Борисѣ Годуновѣ» изображено честолюбіе, какъ кровожадная страсть, приводящая одержимаго ею къ преступленіямъ; сейчасъ названные этюды посвящены двумъ другимъ, также кровожаднымъ страстямъ—зависти (страсти, родственной съ честолюбіемъ) и скупости; при этомъ, въ послѣднемъ случаѣ передъ Пушкинымъ, по его собственному признанію, носился образъ шекспировскаго Шейлока въ «Венеціанскомъ купцѣ», а въ первомъ, вѣроятно, такія мрачныя фигуры безпощадныхъ завистниковъ, какъ Яго въ «Отелло», или Эдмундъ въ «Королѣ Лирѣ».

Тема скупости разработана съ глубокимъ трагизмомъ: скупой—часто родной братъ убійцѣ [1]) и стяжатель испытываетъ подчасъ столь же невыносимыя мученія совѣсти.

Итакъ, «Скупой Рыцарь» особенно понятенъ въ атмосферѣ шекспиризма. Но и сцены «Моцартъ и Сальери» носятъ на себѣ яркую печать шекспиризма.

Убійца Моцарта долженъ, въ концѣ концовъ, поплатиться жесточайшими угрызеніями совѣсти за свое дѣяніе; по крайней мѣрѣ, послѣ ухода отравленнаго Моцарта, мы видимъ его въ мучительнѣйшемъ раздумьи: «Ужель онъ правъ, и я не геній? Геній и злодѣйство—двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда—а Бонаротти? .. Или это сказка тупой безсмысленной толпы—и не былъ убійцею создатель Ватикана?..»

Прибавимъ, что Сальери не банальный завистникъ и не извергъ: въ его отношеніяхъ къ Моцарту колеблется сложное двойственное чувство odi et amo; онъ мститъ Моцарту за то, что тотъ самимъ своимъ существованіемъ стираетъ съ лица земли не только одного Сальери, но и всѣхъ ему подобныхъ безкорыстныхъ тружениковъ [2]).

Наконецъ, самую тему о зависти Пушкинъ разработалъ приблизительно, какъ Шекспиръ въ «Макбетѣ» тему о честолюбіи: человѣкъ долгое время живетъ безупречно, не подозрѣвая, что въ одинъ прекрасный моментъ имъ можетъ завладѣть страсть, ему самому противная и мучительная. Пушкинъ представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ,

---

[1]) Прибавимъ, что и въ другихъ отношеніяхъ «Полтава» очень тѣсно примыкаетъ къ драмамъ Пушкина. Такъ, Мазепа представляетъ собой варіацію излюбленнаго типа деспотическаго политика, прикрывающагося личиной кротости и терпимости. Народъ «Полтавы», «безмолвно» присутствующій при казни, безпечно расходящійся затѣмъ домой и уже толкующій про свои повседневныя заботы—это народъ «Бориса Годунова». Сродни самозванцу—Карлъ XII, «мальчикъ бойкій и отважный, воинственный бродяга; онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ и легкомысленъ и кичливъ, Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ» и т. д.

[1]) Любопытно, что знаменитая сцена въ подвалѣ является какъ бы варіаціей основной темы «Братьевъ-разбойниковъ». Вѣдь къ этимъ «стяжателямъ» принадлежитъ тотъ, «кто съ каменной душой прошелъ всѣ степени злодѣйства; кто рѣжетъ хладною рукой вдовицу съ бѣдной сиротой, кому смѣшно дѣтей стенанье, кто не прощаетъ, не щадитъ, кого убійство веселитъ, какъ юношу любви свиданье».

[2]) Интересно, что сходная идея есть въ «Венеціанскомъ купцѣ» Шекспира, гдѣ сталкиваются два представителя одной и той же профессіи сухой, педантичный Шейлокъ и благодушный гуляка, царственный купецъ Антоніо, истинно-широкая натура. Шейлокъ мститъ ему, между прочимъ, по инстинкту самосохраненія: торговые пріемы соперника обезсиливаютъ Шейлока и приносятъ ему огромные убытки: «не будетъ его въ Венеціи—могу вести торгъ какъ угодно».

при какихъ условіяхъ преступная страсть вспыхнула въ душѣ Сальери: въ сущности душевная жизнь его не полна, въ ней много пустоты, лишь еле-еле прикрытой скромнымъ профессіональнымъ успѣхомъ, который вдобавокъ дался въ результатѣ упорнѣйшаго труда и горькихъ разочарованій. Это душевное утомленіе увеличивается, кромѣ того, тяжелыми воспоминаніями о самоубійствѣ единственной женщины, которую любилъ Сальери,—Изоры.

Единовременно съ обѣими пьесами, Пушкинъ приготовилъ къ печати въ 1830 г. и «Каменнаго Гостя», но задумана была эта пьеса, какъ и только что упомянутыя, значительно раньше.

Анненковъ («Матеріалы» 2-е изд., стр. 280) высказалъ интересное предположеніе о формальной связи «Каменнаго Гостя» съ «Моцартомъ и Сальери»: мысль о Моцартѣ породила и мысль о его героѣ. Во всякомъ случаѣ, эпиграфомъ къ пьесѣ взяты стихи изъ либретто «Донъ Жуана» Моцарта.

Но между этими пьесами есть и болѣе глубокая внутренняя связь.

Мы уже видѣли, что въ шекспировскій періодъ Пушкина съ особой силой интересуетъ тема о сильныхъ, пробуждающихъ въ человѣкѣ кровожадность, страстяхъ и ихъ трагическомъ дѣйствіи на душу.

Тема настоящей пьесы — **любовь** [1]), чувство въ извѣстной стадіи кровожадное; недаромъ отъ нея предостерегаетъ еще Борисъ Ѳеодора: «кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ въ младые дни привыкнулъ утопать, тотъ, возмужавъ, угрюмъ и **кровожаденъ**, и умъ его безвременно темнѣетъ».

И, дѣйствительно, элементъ кровожадности подчеркнутъ и у Лауры, и у Донъ-Жуана; припомнимъ ночь любви съ Лаурой въ сосѣдствѣ трупа только-что убитаго Донъ-Жуаномъ Карлоса, далѣе циничное сужденіе его о статуѣ убитаго имъ командора, приглашеніе статуи командора къ его вдовѣ въ компанію съ убійцей, наконецъ, коварное ухаживаніе за Донной Анной. Въ концѣ концовъ, Донъ-Жуана постигаетъ Немезида. Но и на протяженіи пьесы, какъ онъ ни увлеченъ своими любовными авантюрами, ему по временамъ напоминаетъ о себѣ совѣсть: особенно характерно въ этомъ отношеніи его раздумье о трагической судьбѣ болѣзненной Инесы, которую онъ погубилъ своей любовью.

Шекспиризмъ этой пьесы очень ярокъ: помимо гибкой индивидуальной характеристики всѣхъ персонажей, Пушкину удалось то, что онъ высоко цѣнилъ въ Шекспирѣ (напр., въ замѣткѣ о «Ромео и Юліи»),— именно перенестись воображеніемъ въ чужую страну и очень искусно воспроизвести какъ ее, такъ и ея обитателей.

Въ частности о сценахъ съ Донной Анной можно сказать, что онѣ имѣютъ родство съ началомъ «Ричарда III» Шекспира, именно съ той знаменитой 2-й сценой 1-го акта, въ которой Ричарду удается крайне рискованный любовный tour de force—мало-по-малу привлечь къ себѣ лэди Анну передъ гробомъ ея свекра Генриха VI, въ тотъ моментъ, когда она оплакиваетъ и Генриха, и его сына, своего мужа Эдварда, убитыхъ именно Ричардомъ.

Съ «Каменнымъ Гостемъ» нѣсколько соприкасается «Русалка» (приготовленная къ печати въ 1832 г., но задуманная еще около 1829 г.), какъ это замѣтилъ еще Бѣлинскій, признавшій въ князѣ русскаго Донъ-Жуана.

И здѣсь разрабатывается, и притомъ съ большой силой, тема душевной пустоты и раскаянья героя, какъ виновника смерти любимой дѣвушки и сумасшествія ея отца.

Разсматривая драматическія произведенія Пушкина, начиная съ «Бориса Годунова», мы неоднократно убѣждались въ ихъ взаимномъ родствѣ или соприкосновеніи, и для насъ особенно было важно указать, что значительная часть изъ нихъ была задумана или единовременно съ «Борисомъ Годуновымъ», или вскорѣ послѣ него, т.-е. слѣдовательно, въ періодѣ наиболѣе остраго увлеченія Шекспиромъ, въ періодъ своего рода первой любви къ Шекспиру.

Уже одно это обстоятельство должно было наложить на всѣ эти произведенія яркую печать шекспиризма. Но важно за тѣмъ и то, что до самой смерти нашъ поэтъ не прекращалъ изученія Шекспира, а это, конечно, должно было отражаться на всѣхъ его произведеніяхъ, задуманныхъ

---

[1]) Если въ «Скупомъ Рыцарѣ» скупость сопоставляется съ влюбленностью, то еще въ «Борисѣ Годуновѣ» проводится параллель между влюбленностью и славолюбіемъ: «не такъ ли мы съ молоду влюбляемся и алчемъ утѣхъ любви, но только утолимъ сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ, уже охладѣвъ, скучаемъ и томимся». Такимъ образомъ, «Борисъ Годуновъ», «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери» и «Каменный Гость» объединяются **общей темой о разныхъ формахъ страстнаго влеченія къ обладанію**».

и обработанныхъ хотя бы и позднѣе «Бориса Годунова». Во всякомъ случаѣ, годъ написанія «Бориса» далъ тонъ дальнѣйшей дѣятельности Пушкина и опредѣлилъ для нея цѣлый рядъ темъ.

Пушкинъ усвоилъ себѣ (разумѣется, съ необходимыми модификаціями) не только шекспировскіе литературные пріемы, но и шекспировское міросозерцаніе, какъ художественное, такъ и гуманитарное. И это немудрено: вѣдь Шекспиръ спасъ Пушкина отъ полнаго отчаянія, подобно тому, какъ задолго до Пушкина онъ спасъ Гете. Пушкинъ всю жизнь вспоминалъ съ ужасомъ объ этомъ періодѣ острой тоски и съ благодарностью—о вдохновенныхъ минутахъ литературной работы, расширенной и углубленной шекспиризмомъ.

Вдумываясь въ переписку и произведенія Пушкина за 1824—1826 гг., мы видимъ, какъ улегался въ поэмѣ душевный хаосъ и какъ пробуждалась жизнерадостность, принимавшая по временамъ бравурную, экзальтированную форму. Съ одной стороны, Пушкинъ чаще, чѣмъ когда бы то ни было, предается мрачнымъ мыслямъ о самоубійствѣ (ср., напр., Саит., №№ 111 и 167), а съ другой—прямо заразительнымъ весельемъ вѣетъ отъ его письма къ кн. Вяземскому (№ 214) съ извѣщеніемъ объ окончаніи «Бориса Годунова»: «поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіей, къ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! трагедія моя кончена, я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши и кричалъ: «ай-да Пушкинъ, ай-да с... с...!»

Въ такомъ настроеніи возникла и прелестная пародія на «Лукрецію» Шекспира «Графъ Нулинъ». Полна юмора уже замѣтка о происхожденіи этой поэмы: «Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бъ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бы его предпріимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ бы отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола (собственно, Коллатинъ) не взбѣсился бы—и міръ и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть».

Избавивши Пушкина отъ отчаянія, Шекспиръ вмѣстѣ съ тѣмъ воскресилъ и укрѣпилъ въ немъ вѣру въ свои силы и въ смыслъ своего призванія. Въ моменты меланхоліи, или же раздраженія на своихъ критиковъ, у Пушкина, правда, срывается заявленіе, что поэзія существуетъ только для поэта, а не для толпы,—но въ сущности окрѣпшій и созрѣвшій подъ вліяніемъ Шекспира другъ народнаго просвѣщенія, нашъ поэтъ страстно желаетъ быть учителемъ народа. Не даромъ впослѣдствіи онъ ставитъ себѣ въ заслугу, что въ свои жестокій вѣкъ возславилъ онъ свободу и чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ.

Какъ извѣстно, въ связи съ «Борисомъ Годуновымъ» Пушкинъ работалъ надъ теоріей драмы по Шекспиру и надъ реформой стиха и русскаго литературнаго языка на основѣ языка разговорнаго и народнаго. Конечно, эти реформаторскія попытки производились не для личнаго только удовлетворенія, но и съ цѣлью привить русской читающей публикѣ болѣе здоровые и благородные вкусы.

Не говоря уже о томъ, что съ этого времени Пушкинъ особенно высоко ставитъ призваніе писателя и уподобляетъ его призванію ученаго, въ частности онъ уже въ началѣ 1825 г. мечтаетъ объ основаніи критическаго журнала, опять-таки съ просвѣтительной цѣлью (Саит., № 236: «не затѣять ли намъ журнала въ родѣ Edinburgh Review? Голосъ истинной критики необходимъ у насъ»).

И въ этомъ позволительно видѣть отголоски вліянія Шекспира. Вѣдь подъ этимъ вліяніемъ поэтъ не только расширилъ свой художественный горизонтъ, но и пополнилъ свое образованіе вообще, а, главное, проникся духомъ объективизма, столь необходимымъ для истинной критики.

Въ концѣ концовъ, размѣры вліянія Шекспира на Пушкина чрезвычайно велики.

Вѣдь и на искусство вообще, и на свою прежнюю дѣятельность, и на современную, а равно и прошлую общественно-политическую жизнь Россіи и Европы,—на все это Пушкинъ теперь смотритъ глазами Шекспира.

Если Пушкинъ цѣнитъ своихъ «Разбойниковъ» и особенно дорожитъ «Борисомъ Годуновымъ», то, съ другой стороны, онъ уже въ концѣ 1825 г. (Саит., № 219) недоволенъ своими прежними произведеніями: «Русланъ—молокососъ, Плѣнникъ—зеленъ, и передъ поэзіей кавказской природы поэма моя—голиковская проза». Впослѣдствіи («Критическія замѣтки», 1830—

31 г.) онъ еще строже судитъ о слабости созданія «Руслана и Людмилы», о холодности этой поэмы, о первомъ неудачномъ опытѣ характера въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»; Бахчисарайскій фонтанъ» въ его глазахъ еще слабѣе «Плѣнника»: драматическое достоинство имѣетъ лишь сцена Заремы съ Маріей; къ числу недостатковъ отнесено явное вліяніе Байрона и слишкомъ аффектированный стиль.

Байронъ, какъ трагикъ, для него прямо мелокъ въ сравненіи съ Шекспиромъ (Саит., № 184): онъ подчеркиваетъ у него съ одной стороны монотонность стиля въ изображеніи злодѣевъ (ha pagato!), съ другой—однообразіе и полное отсутствіе гибкости въ созданіи характеровъ: Байронъ далъ своимъ персонажамъ—тому одну, другому другую черту своего собственнаго характера—одному гордость, другому ненависть, третьему меланхолію, и такимъ образомъ изъ одного цѣльнаго, мрачнаго и энергичнаго характера сдѣлалъ нѣсколько незначительныхъ. Если Байронъ и умѣлъ изображать женщинъ, то вѣдь у нихъ нѣтъ характера, у нихъ есть только страсти, и потому изображать ихъ легко.

Съ этой точки зрѣнія понятно, что Пушкинъ готовъ отдать своей милой и прелестной (gracieuse) Татьянѣ предпочтеніе передъ Юліей Байрона (Саит., № 144); онъ готовъ даже Эду Баратынскаго поставить выше гречанки Байрона («Твоя чухоночка, ей-ей, гречанокъ Байрона милѣй»).

Въ шекспировскій періодъ Байронъ, если и нравится Пушкину, то преимущественно тѣмъ, что изъ демонической натуры онъ подъ конецъ сдѣлался высокимъ человѣческимъ талантомъ (Саит., № 82), и его «Донъ-Жуанъ» поражаетъ Пушкина своимъ шекспировскимъ разнообразіемъ. Намъ приходилось выше говорить, что и въ «Мазепѣ» Байрона Пушкинъ восхищается лишь яркостью описаній, но жалѣетъ объ отсутствіи трагическаго характера Мазепы.

Если шекспиристъ Пушкинъ начинаетъ весьма критически относиться къ своему бывшему кумиру Байрону, то еще строже становится его отзывъ о французской драмѣ. Такъ, смыслъ его весьма характерной статьи «Шейлокъ, Анджело и Фальстафъ Шекспира» (1833 г.) сводится къ тому, что даже знаменитые Мольеровскіе типы Гарпагона и Тартюфа не удовлетворили бы Шекспира своей односторонностью и монотонной шаблонностью.

Шекспиризмомъ проникнуты и критическія замѣчанія о современныхъ русскихъ писателяхъ. Шекспировская теорія поэзіи (чисто драматической или съ драматическимъ оттѣнкомъ) требуетъ, по Пушкину,—кромѣ разнообразія характеровъ и соотвѣтствующаго разнообразія стиля,—еще и того, чтобы писатель, въ противоположность французамъ, совершенно отказывался (это, конечно, идеалъ!) отъ своего образа мыслей и совершенно переселялся въ вѣкъ (разумѣется, и бытъ), имъ изображаемый (Саит., № 312).

Съ этой точки зрѣнія Пушкинъ высоко цѣнитъ «Эду» Баратынскаго (Саит., № 237): «Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякій говоритъ по-своему. А описаніе лифляндской (т.-е. финляндской) природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ—чудо!»

Нѣсколько строже, но опять-таки очень поучителенъ отзывъ Пушкина о «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова (Саит., № 125).

Пушкинъ подходитъ къ этой комедіи съ шекспировскимъ масштабомъ: «драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ». И вотъ Пушкинъ, прежде всего, разбираетъ характеры комедіи, находя одни изъ нихъ очень яркими, другіе, наоборотъ, недостаточно очерченными; въ частности, въ одномъ Репетиловѣ онъ видитъ «два, три, десять характеровъ». Но въ Чацкомъ Грибоѣдовъ, по мнѣнію Пушкина, погрѣшилъ нѣкоторымъ субъективизмомъ: «Что такое Чацкій? Пылкій, благородный малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями!»

Рамки настоящей статьи не позволяютъ намъ систематически прослѣдить шекспиризмъ въ критикѣ Пушкина, поскольку она намъ извѣстна не только изъ его спеціальныхъ критическихъ статей, но также изъ замѣтокъ на поляхъ прочитанныхъ книгъ, изъ писемъ къ друзьямъ и т. д.

Отмѣтимъ лишь кое-что наиболѣе характерное. Когда вслѣдъ за окончаніемъ «Бориса Годунова» Пушкинъ пишетъ Бестужеву (Саит., № 219) о своемъ предпочтеніи стиховъ безъ плана плану безъ стиховъ, то онъ, разумѣется, находится подъ вліяніемъ какъ только-что написанныхъ сценъ

«Годунова», такъ и Шекспира съ кажущимся отсутствіемъ плана въ его большей частью коротенькихъ сценахъ, составляющихъ акты его трагедій.

Весьма любопытны замѣтки Пушкина (около 1826 г.—1828 г.) на поляхъ юношеской статьи кн. Вяземскаго объ Озеровѣ (Л. Майковъ. Пушкинъ). Напр., противъ словъ Вяземскаго (стр. 272) «главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ» Пушкинъ замѣчаетъ: «любовь къ друзьямъ—по русски дружба—не свойство, а страсть развѣ», и это замѣчаніе вполнѣ гармонируетъ съ чувствами Пушкина во время изгнанія и съ тѣмъ, что онъ читалъ въ это время о дружбѣ у Шекспира.

Характерно также для этой эпохи лаконическое замѣчаніе Пушкина (стр. 275), что «кто не рожденъ трагикомъ, тотъ просто не поэтъ».

Вяземскій (стр. 279): «трагикъ не есть уголовный судья» (разбивка наша), Пушкинъ: «прекрасно».

Но, незамѣтно для себя впадая въ противорѣчіе съ этимъ, въ сущности, шекспировскимъ принципомъ, Вяземскій продолжаетъ: «Обязанность трагика и всякаго писателя есть согрѣвать любовь къ добродѣтели и воспламенять ненависть къ пороку»... На это Пушкинъ возражаетъ съ горячностью: «Ничуть! Поэзія выше нравственности, или, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ ихъ одна поэтическая сторона?»

Л. Н. Майковъ находитъ излишнимъ входить въ толкованіе этихъ отрывочныхъ словъ: «въ замѣткѣ Пушкина, говоритъ онъ, рѣчь идетъ не о томъ, что поэтъ въ своемъ творчествѣ не связанъ высшимъ нравственнымъ закономъ, а о томъ, что свобода сознанія есть его неоспоримое, естественное право». Это—безспорно правильное замѣчаніе, но все-таки оно не исключаетъ возможности дать довольно опредѣленное истолкованіе указанныхъ отрывочныхъ словъ Пушкина, какъ отголоска теоріи реалистической драмы въ «Гамлетѣ» Шекспира: задача театра—показать и добродѣтели, и пороку ихъ зеркало; задача актера—изобразить добро и зло въ людяхъ сдержанно и съ достоинствомъ, не переступая границъ естественнаго ни слишкомъ сильно, ни слишкомъ слабо; исполнители подобной задачи, актеры, должны имѣть право на уваженіе со стороны общества, такъ какъ они служатъ зеркаломъ и краткой лѣтописью своего времени.

Не должны мы забывать и того, что Шекспиръ для Пушкина не простой учитель, но учитель во всѣхъ вопросахъ какъ современной дѣйствительности, такъ и человѣческаго бытія вообще. Такъ, къ своей блестящей характеристикѣ Фальстафа («Замѣтки», 1833 г.) Пушкинъ не забылъ прибавить, что это типъ общечеловѣческій, и что его самого въ молодости случай сблизилъ съ человѣкомъ, «въ коемъ природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе».

Въ виду всего этого, уже a priori неудивительно было бы извѣстное родство Пушкина съ Шекспиромъ даже на почвѣ ихъ политическихъ взглядовъ.

Мы уже анализировали сравненіе Константина I съ Генрихомъ V и указали, что политическія мечты Шекспира были близки къ мечтамъ Пушкина въ 1825—1826 гг. Въ тотъ же критическій и суровый для русской исторіи моментъ Пушкинъ высказалъ своеобразное мнѣніе о начавшемся процессѣ декабристовъ: онъ не желаетъ быть ни суевѣрнымъ, ни одностороннимъ, какъ французскіе трагики, но предпочитаетъ взглянуть на эту трагедію взглядомъ Шекспира (Саит., № 235).

Какимъ образомъ сложилась у Пушкина подъ вліяніемъ реальныхъ политическихъ условій его большая политическая солидарность съ Шекспиромъ въ первые $1^1/_2$—2 года шекспиризма,—уже говорилось выше; реальныя условія новаго царствованія—Николая I лишь укрѣпили въ поэтѣ не только его шекспиризмъ вообще, но и въ частности шекспиризмъ политическій.

Еще въ 1822 г. Пушкинъ (въ 1-мъ посланіи къ цензору) требовалъ, во имя интересовъ просвѣщенія, свободы печати; но его требованія довольно умѣренны: «что нужно Лондону, то рано для Москвы». Когда Пушкинъ въ изгнаніи сталъ изучать Шекспира, то онъ былъ несомнѣнно пораженъ тѣмъ, что въ Англіи даже конца XVI вѣка было гораздо болѣе политической свободы, чѣмъ въ Россіи въ XIX вѣкѣ: вѣдь популярнѣйшій драматургъ и притомъ драматургъ придворный — Шекспиръ—занимается предпочтительно политическими переворотами какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ; онъ не боится проповѣдывать ту мысль, что, какъ только режимъ начинаетъ принимать тираническій харак-

теръ, что это немедленно приводитъ къ упадку общественныхъ нравовъ (къ усиленію господства льстецовъ и къ развитію индифферентизма въ значительной части народа), что въ свою очередь возбуждаетъ въ борьбѣ за свободу лучшіе элементы общества. Мало того, Англія XVI вѣка, съ королевой Елизаветой во главѣ, охотно смотритъ на сценѣ даже чисто республиканскія драмы, какъ «Юлій Цезарь», гдѣ воздается должное какъ императору, такъ и его убійцамъ: вѣдь великій Цезарь погибъ потому, что онъ дѣйствительно сталъ обращаться въ высокомѣрнаго и подозрительнаго тиранна; въ свою очередь, и въ Брутѣ, и въ Кассіи, несмотря на ихъ ошибки, весьма привлекателенъ пламенный патріотизмъ, свободный отъ всякаго честолюбія и своекорыстія; соотвѣтственно этому Шекспиръ вложилъ въ ихъ уста чисто республиканскія идеи, облеченныя въ истинно республиканскій стиль, свойственный популярнѣйшимъ монархомахамъ XVI вѣка, въ родѣ Etienne de la Boëtie.

Все это безусловно должно было импонировать Пушкину при изученіи Шекспира, и Шекспиръ несомнѣнно долженъ былъ сдѣлаться Пушкину еще дороже, послѣ того какъ его первые политическіе, весьма умѣренные, опыты на поприщѣ гуманизма и шекспиризна встрѣтили рѣзкій отпоръ со стороны Николая I.

Такъ, «Записка о народномъ воспитаніи» принята была Николаемъ I враждебно, и онъ всю ее усѣялъ вопросительными знаками, напр.: «можно представить Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ (?), а Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества» (??); (при преподаваніи исторіи) «можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ (???)—источника нуждъ и требованій государственныхъ» (??) и т. д.

Трагедія «Борисъ Годуновъ», въ политическомъ отношеніи гораздо болѣе умѣренная, чѣмъ драмы Шекспира, появилась въ свѣтъ, да и то съ пропускомъ народной сцены на Дѣвичьемъ полѣ, лишь въ 1831 г., хотя даже Бенкендорфовская цензура находила ее въ цѣломъ неопасной.

Михаилъ Покровскій.

752—754. ИЗЪ АНАКРЕОНА.

ОДА LV.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ Парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:

Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный—
Наслажденій знакъ нескромный.

ОДА LVI.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли,
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней:

Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода:
Всякъ на вѣки тамъ забытъ.

ОДА LVII.

Что же сухо въ чашѣ дно?
Наливай мнѣ, мальчикъ рѣзвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.

Мы не Скиѳы; не люблю,
Други, пьянствовать безчинно,
Нѣтъ! За чашей я пою,
Иль бесѣдую невинно.

---

755. БОГЪ ВЕСЕЛЫЙ ВИНОГРАДА.

Богъ веселый винограда
Позволяетъ намъ три чаши
Выпивать въ пиру вечернемъ:
Чаша первая Харитамъ
Обнаженнымъ и стыдливымъ
Посвящается; вторая

Краснощекому здоровью;
Третья дружбѣ многолѣтней.
Мудрый послѣ третьей чаши,
Всѣ вѣнки съ главы слагая,
Совершаетъ возліянье
Благодатному Морфею.

---

756. ОТЪ МЕНЯ ВЕЧОРЪ ЛЕИЛА.

Отъ меня вечоръ Леила
Равнодушно уходила.
Я сказалъ: постой! куда?
А она мнѣ возразила:
Голова твоя сѣда.
Я насмѣшницѣ нескромной
Отвѣчалъ: всему пора!
То, что было мускусъ темной,
Стало нынче камфора.
Но Леила неудачнымъ
Посмѣялася рѣчамъ
И сказала: знаешь самъ,
Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ.

757. МАЛЬЧИКУ.

(Изъ Катулла).

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мнѣ наполни, мальчикъ:
Такъ Постумія велѣла,
Предсѣдательница оргій.
Minister vetuli puer.
Ты же прочь, рѣчная влага—
И струей вину враждебной,
Строгихъ постниковъ довольствуй:
Чистый намъ любезенъ Бахусъ.

758. (ИЗЪ ГОРАЦІЯ).

Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ
Того, съ кѣмъ первые походы
И браней ужасъ я дѣлилъ,
Когда за призракомъ свободы
Насъ Брутъ отчаянный водилъ;
Съ кѣмъ я тревоги боевыя
Въ шатрѣ за чашей забывалъ,
И кудри, плющемъ увитыя,
Сирійскимъ мурромъ умащалъ?
Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный Квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросая щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся, какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ
И спасъ отъ смерти неминучей.
А ты, любимецъ первый мой,
Ты снова въ битвахъ очутился...
И нынѣ въ Римъ ты возвратился,
Въ мой домикъ темный и простой.
Садись подъ сѣнь моихъ пенатовъ;
Давайте чаши! Не жалѣй
Ни винъ моихъ, ни ароматовъ!
Готовы чаши, мальчикъ? лей!
Теперь не кстати воздержанье:
Какъ дикій Скиѳъ хочу я пить,
И, съ другомъ празднуя свиданье,
Въ винѣ разсудокъ утопить.

759. ЮНОША! СКРОМНО НИРУЙ.

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
Съ трезвой струею воды, съ мудрой бесѣдой мѣшай.

760. ЮНОШУ, ГОРЬКО РЫДАЯ.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дѣва бранила;
Къ ней на плечо преклоненъ, юноша вдругъ задремалъ.
Дѣва тотчасъ умолкла, сонъ, его легкій лелѣя,
И улыбалась ему тихія слезы лія.

761. НЕ РОЗУ ПАѲОСКУЮ.

[Не закончено].

Не розу Паѳоскую
Росой оживленную,
Я нынѣ пою;
Не розу Ѳеосскую,
Виномъ окропленную
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На перслхъ увядшую
Элины моей
. . . . . .

762. ПОДРАЖАНІЕ АРАБСКОМУ.

Отрокъ милый, отрокъ нѣжный,
Не стыдись, на-вѣкъ ты мой!
Тотъ же въ насъ огонь мятежный—
Жизнью мы живемъ одной.

Не боюся я насмѣшекъ—
Мы сдвоились между собой:
Мы точь-въ-точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

---

763. ПОЛКОВОДЕЦЪ.

У Русскаго Царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата;
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межь ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужь многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой.
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше. Съ думой новой
Всегда остановлюсь предъ нимъ, и не свожу
Съ него моихъ очей. Чѣмъ долѣе гляжу,
Тѣмъ болѣе томимъ я грустію тяжелой.
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится; и мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый,
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ,
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу далъ ему такое выраженье.
О вождь нещастливый! Суровъ былъ жребій твой:
Все въ жертву ты принесъ землѣ тебѣ чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
Въ молчаньи шелъ одинъ ты съ мыслію великой,
И въ имени твоемъ звукъ чуждый не взлюбя,
Своими криками преслѣдуя тебя,
Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался надъ твоей священной сѣдиною,

И тотъ, чей острый умъ тебя и постигалъ,
Въ угоду имъ тебя лукаво порицалъ...
И долго, укрѣпленъ могущимъ убѣжденьемъ;
Ты былъ неколебимъ предъ общимъ заблужденьемъ;
И на полу-пути былъ долженъ наконецъ
Безмолвно уступить и лавровый вѣнецъ,
И власть, и замыселъ, обдуманный глубоко,—
И въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко.
Тамъ, устарѣлый вождь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь, ища желанной смерти,—
Вотще! —
. . . . . .
. . . . . .
О люди! жалкій родъ достойный слезъ и смѣха!
Жрецы минутнаго, поклонники успѣха!
Какъ часто мимо васъ проходитъ человѣкъ,
Надъ кѣмъ ругается слѣпой и буйный вѣкъ,
Но чей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи
Поэта приведетъ въ восторгъ и въ умиленье!

---

764. Т У Ч А.

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.
Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ
И алчную землю поила дождемъ.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ.

Портретъ Доу. О немъ говоритъ Пушкинъ въ своемъ «Полководцѣ».

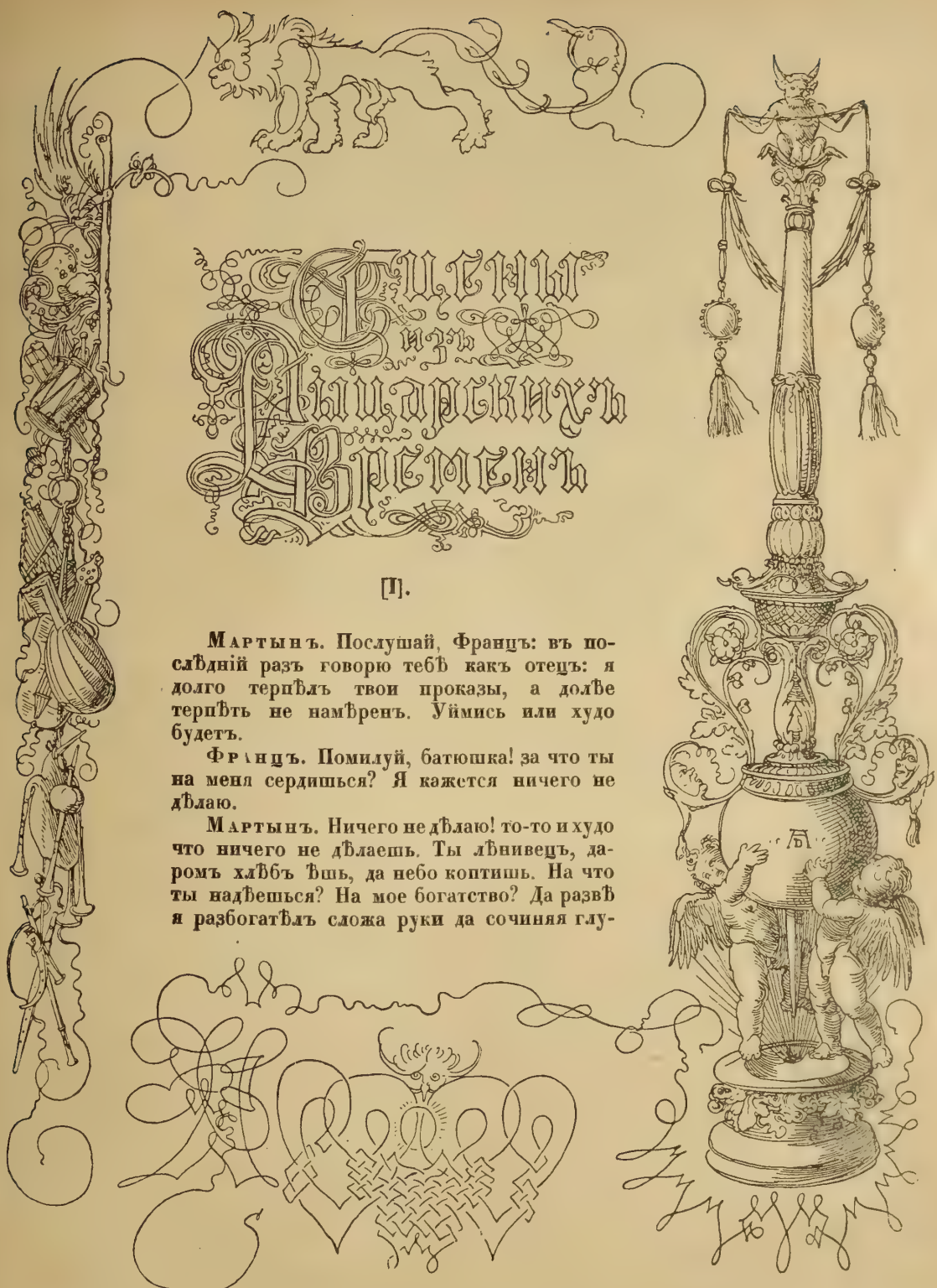
Сцены изъ Мытарскихъ Временъ

[I].

Мартынъ. Послушай, Францъ: въ послѣдній разъ говорю тебѣ какъ отецъ: я долго терпѣлъ твои проказы, а долѣе терпѣть не намѣренъ. Уймись или худо будетъ.

Францъ. Помилуй, батюшка! за что ты на меня сердишься? Я кажется ничего не дѣлаю.

Мартынъ. Ничего не дѣлаю! то-то и худо что ничего не дѣлаешь. Ты лѣнивецъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо коптишь. На что ты надѣешься? На мое богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ сложа руки да сочиняя глу-



Рамка Альбрехта Дюрера.

Конецъ рыцарскихъ временъ въ портретахъ Дюрера.
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

пыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ четырнадцать лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руку, да два пинка въ гузно, да примолвилъ: ступай-ка Мартынъ самъ кормиться, а мнѣ и безъ тебя тяжело. Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ деньги и честное имя—а чѣмъ? бережливостію, терпѣніемъ,—трудолюбіемъ. Вотъ ужъ мнѣ и за 50 и пора бы ужъ отдохнуть, да тебѣ передать и счетныя книги и весь домъ. А могу ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ бы только гулять съ господами, которые насъ презираютъ, да забираютъ въ долгъ товары. Я знаю тебя, ты стыдишься своего состоянія. Но, слушай, Францъ: если ты не перемѣнишься, не отстанешь отъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло—то видитъ Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наслѣдникомъ назначу Карла Герца, моего подмастерья.

Францъ. Твоя воля, батюшка; дѣлай какъ хочешь.

Мартынъ. То-то же, смотри. (*Входитъ братъ Бертольдъ*).

Мартынъ. Вотъ и другой сумасбродъ. За чѣмъ пожаловалъ?

Бертольдъ. Здравствуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

Мартынъ. Нужда! Опять денегъ?

Бертольдъ. Да... не можешь ли одолжить полтораста гульденовъ?

Мартынъ. Какъ не такъ—гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

Бертольдъ. Пожалуй—не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

Мартынъ. Какъ не пропадшія? Мало-ли я тебѣ передавалъ денегъ? Куда онѣ дѣлись?

Бертольдъ. Въ дѣло пошли; но теперь прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

Мартынъ. Объ этихъ послѣднихъ разахъ я слышу ужъ не въ первой разъ.

Бертольдъ. Нѣтъ, право. Послѣдній мой опытъ не удался отъ бездѣлицы: теперь ужъ я все разчислилъ: опытъ мой не можетъ не удасться.

Мартынъ. И это я слышу не впервой...

Бертольдъ. Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не потеряй случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

Мартынъ. Эхъ, Бертольдъ, Бертольдъ! Коли-бъ ты не побросалъ въ Алхимическій огонь всѣхъ денегъ которыя прошли чрезъ твои руки—то былъ бы богатъ.

Конецъ рыцарскихъ временъ въ портретахъ Дюрера.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты сулишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милостыней. Какой тутъ смыслъ?

Бертольдъ. Золота мнѣ не нужно, я ищу одной истины.

Мартынъ. А мнѣ чортъ ли въ истинѣ, мнѣ нужно золото.

Бертольдъ. Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

Мартынъ. Не могу и не хочу.

Бертольдъ. Такъ прощай же, сосѣдъ.

Мартынъ. Прощай.

Бертольдъ. Пойду къ барону Раулю, авось дастъ онъ мнѣ денегъ.

Мартынъ. Баронъ Рауль? Да гдѣ взять ему денегъ? Вассаллы его разорены—а слава Богу, нынче на большихъ дорогахъ не такъ то легко наживаться.

Бертольдъ. Я думаю, у него деньги есть, потому что у герцога затѣвается турниръ, и баронъ туда отправляется. Прощай.

Мартынъ. И ты думаешь, дастъ онъ тебѣ денегъ?

Бертольдъ. Можетъ быть, и дастъ.

Мартынъ. И ты употребишь ихъ на послѣдній опытъ?

Бертольдъ. Непремѣнно.

Мартынъ. А если опытъ не удастся?

Бертольдъ. Нечего будетъ дѣлать. Если и этотъ опытъ не удастся, то Алхимія вздоръ.

Мартынъ. А если удастся?

Бертольдъ. Тогда я возвращу тебѣ всѣ суммы съ лихвой и благодарностію, которыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

Мартынъ. Зачѣмъ барону, а не мнѣ?

Бертольдъ. И радъ бы, да не могу: ты знаешь, что я обѣщался Пр[есвятой] Богородицѣ раздѣлить мою тайну съ тѣмъ кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

Мартынъ. Эхъ, отецъ, охота тебѣ разоряться. Куда же ты?—Постой: ну такъ и быть. На этотъ разъ дамъ тебѣ денегъ въ займы. Богъ съ тобою. Но смотри-жъ, сдержи свое слово. Пусть этотъ опытъ будетъ послѣднимъ и рѣшительнымъ.

Бертольдъ. Не бойся, другого ужъ не понадобится.

Мартынъ. Погоди-жъ здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу—сколько бишь тебѣ надобно?

Бертольдъ. Полтораста гульденовъ.

Мартынъ. 150 гульд... Боже мой! и еще въ какія крутыя времена!

Бертольдъ и Францъ.

Бертольдъ. Здравствуй, Францъ! О чемъ ты задумался?

Францъ. Какъ мнѣ не задумываться? Сей часъ отецъ грозился меня выгнать и лишить наслѣдства?

Бертольдъ. За что это?

Францъ. За то, что я знакомство веду съ рыцарями.

Бертольдъ. Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

Францъ. Развѣ мѣщанинъ не достоинъ дышать однимъ воздухомъ съ Дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

Бертольдъ. Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже этому давно Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ—и они не были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ уже мы видимъ неравенство и зависть.

Конецъ рыцарскихъ временъ въ картинахъ Дюрера.

РЫЦАРЬ.

Францъ. Виноватъ ли я въ томъ, что не люблю своего состоянія? что честь для меня дороже денегъ?

Бертольдъ. Всякое состояніе имѣетъ свою честь и свою выгоду; мы мѣшаемъ той и другой, когда оставляемъ то, въ коемъ родились. Дворянинъ воюетъ и красуется. Мѣщанинъ трудится и богатѣетъ; (Почтенъ) рыцарь на конѣ и за рѣшеткою своей башни. Купца почитаетъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ бы смѣшонъ на турнирѣ.

Мартынъ (*входитъ*). Вотъ тебѣ полтораста гульденовъ; смотри-жъ, тѣшу тебя въ послѣдній разъ.

Бертольдъ. Благодаренъ, очень благодаренъ; не будешь разкаиваться.

Мартынъ. Ну, а если опытъ твой тебѣ удастся и у тебя будетъ и золота и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнію?

Бертольдъ. (О, конечно... я тогда) займусь еще однимъ изслѣдованіемъ: мнѣ кажется есть средство открыть perpetuum mobile.

Мартынъ. Что такое perpetuum mobile?

Бертольдъ. Perpetuum mobile — вѣчное движеніе. Если найду вѣчное движеніе, то я не вижу границъ творчеству человѣческому... Видишь-ли, добрый мой Мартынъ: дѣлать золото— задача заманчивая, открытіе, можетъ быть, любопытное; но найти perpetuum mobile... о!..

Мартынъ. Убирайся къ чорту съ твоимъ perpetuum mobile... Ей Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ терпѣнія выведешь. Ты требуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

Бертольдъ. Экой онъ брюзга.

Мартынъ. Экой онъ сумасбродъ.

[II].

Францъ. Чортъ побери наше состояніе! Отецъ у меня богатъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего— кромѣ зазубреннаго меча да заржавѣвшаго шлема шастливѣе и почетнѣе отца моего: отецъ мой сымаетъ передъ нимъ шляпу—а тотъ и не смотритъ на него. Деньги! Потому что деньги достались ему не дешево такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся и сила. Какъ не такъ? Если онъ такъ силенъ, попробуй отецъ ввести меня въ Баронскій замокъ. Деньги! деньги рыцарю не нужны: на то есть мѣщане. Какъ прижметъ ихъ, такъ у (нихъ) забрызжетъ кровь червонцами... Чортъ побери наше состояніе—Да по мнѣ лучше быть послѣднимъ минстрелемъ—этого, по крайней мѣрѣ, въ замкѣ принимаютъ.... Госпожа слушаетъ его пѣсни—наливаетъ ему чашу и подноситъ изъ своихъ рукъ.

Купецъ, сидя за своими книгами, щитаетъ, щитаетъ, клянется, хитритъ передъ всякимъ покупщикомъ: «Ей Богу, сударь, самый лучшій товаръ, дешевле нигдѣ не найдете.—Врешь ты, жидъ.—Никакъ нѣтъ, честію васъ увѣряю... Честью! Хороша

честь. А рыцарь? Онъ воленъ какъ соколъ — онъ никогда не горбился надъ щетами—онъ идетъ прямо и гордо — онъ скажетъ слово, ему вѣрятъ...

Да развѣ это жизнь?— Чортъ ее побери! Пойду лучше въ минстрели.

Однако, что это сказалъ Бертольдъ? Турниръ въ... и туда ѣдетъ Баронъ... ахъ, Боже мой! тамъ будетъ и Клотильда. Дамы обсядутъ кругомъ, трепеща за своихъ рыцарей — трубы затрубятъ—выступятъ герольды, рыцари объѣдутъ поле преклоняя копья предъ благосклонной красавицей.... трубы опять затрубятъ—рыцари разъѣдутся, помчатся другъ на друга... дамы ахнутъ... Боже мой! и никогда не подыму я пыли на турнирѣ — никогда герольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клотильда не ахнетъ... Деньги! кабы зналъ онъ, какъ Рыцари презираютъ насъ, несмотря на наши деньги...

Конецъ рыцарскихъ временъ въ картинахъ Дюрера.

РЫЦАРЬ.

Альбертъ.—А! это Францъ. На кого ты разкричался?

Францъ. Ахъ, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

Альбертъ. А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

Францъ. Я думалъ, далъ бы мнѣ попасть на турниръ.

Альбертъ. Ты хочешь попасть на турниръ?

Францъ. Точно такъ.

Альбертъ. Ничего нѣтъ легче—у меня умеръ мой конюшій — хочешь ли на его мѣсто?

Францъ. Какъ! бѣдный нашъ Яковъ умеръ! Отчего же онъ умеръ?

Альбертъ. Ей Богу, не знаю въ пятницу онъ былъ здоровешенекъ—вечеромъ воротился я поздно (я былъ въ гостяхъ у... и порядочно подпилъ); Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его—помнится по щекѣ, а можетъ быть и въ високъ... однако, нѣтъ: точно по щекѣ; Яковъ повалился—да ужъ и не всталъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю что мой бѣдный Яковъ—умре!

Францъ. Ай, рыцарь! видно пощечины ваши тяжелы.

Альбертъ. На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну что-жъ, хочешь быть моимъ конюшимъ?

Францъ *(почесывается)*. Вашимъ конюшимъ?

Альбертъ. Что-жъ ты почесываешься—соглашайся. Я возьму тебя на турниръ—ты будешь жить у меня въ замкѣ. Быть оруженосцемъ у такого рыцаря, какъ я, не шутка: вѣдь ужъ это ступень. Современемъ, какъ знать, тебя посвятимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

Францъ. И я буду жить у васъ въ замкѣ...

Альбертъ. Конечно.— Ну, согласенъ?

Францъ. Вы не будете давать мнѣ пощечинъ?

Альбертъ. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся—а хотя и случится такой грѣхъ, что за бѣда? не всѣ-жъ конюшіе убиты до смерти.

Францъ. И то правда: коли случится такой грѣхъ—посмотримъ, кто кого...

Альбертъ. Что? что ты говоришь, я тебя не понялъ.

Францъ. Такъ, я думалъ самъ про себя.

Альбертъ. Ну, что же? соглашайся...

Францъ. Извольте—согласенъ.

Альбертъ. Нечего было и думать. Достань же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ...

Францъ. А что скажетъ мой отецъ?

Альбертъ. А ему какое дѣло до тебя?

Францъ. Онъ меня проклянетъ и наслѣдства лишитъ.

Альбертъ. А ты плюнь. Тебѣ же будетъ легче...

[III].

ЗАМОКЪ АЛЬБЕРТА.

Берта и Клотильда.

Клотильда. Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что-нибудь.

Берта. О чемъ же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ ли рыцарѣ?

Клотильда. О какомъ рыцарѣ—

Берта. О томъ который остался побѣдителемъ на турнирѣ.

Клотильда. О Ротенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о немъ; вотъ уже двѣ недѣли какъ мы возвратились—а онъ и не думалъ пріѣхать къ намъ; это съ его стороны неучтивость.

Берта. Погодите—я увѣрена что онъ будетъ завтра.

Клотильда. Почему ты такъ думаешь?

Берта. Потому, что я его во снѣ видѣла.

Клотильда. И, Боже мой! Это ничего не значитъ; я всякую ночь вижу его во снѣ.

Берта. Это совсѣмъ другое дѣло—вы въ него влюблены.

Клотильда. Я влюблена! Прошу пустяковъ не говорить. Да и про... толковать тебѣ нечего—говори мнѣ о какомъ-нибудь другомъ.

Берта. О комъ же? О конюшемъ братца, о Францѣ.

Клотильда. Пожалуй—говори мнѣ хоть о Францѣ.

Берта. Вообразите, сударыня, что онъ отъ васъ безъ ума.

Клотильда. Францъ отъ меня безъ ума?—Кто тебѣ это сказалъ?

Берта. Никто; я сама замѣтила, когда вы садитесь верьхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда служитъ за столомъ, онъ не видитъ никого, кромѣ васъ; если вы уроните платокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на насъ и не смотритъ.

Клотильда. Или ты дура, или Францъ предерзкая тварь. (*Входятъ Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ*).

Альбертъ. Сестра, представляю тебѣ твоего рыцаря; графъ пріѣхалъ погостить въ нашемъ замкѣ.

Графъ. Позвольте благородная дѣвица недостойному вашему рыцарю еще разъ поцаловать ту прекрасную руку, изъ которой получилъ онъ драгоцѣнную награду.

Клотильда. Графъ! я рада что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ. (*Уходитъ*).

Графъ. Какъ она прекрасна!

Альбертъ. Она предобрая дѣвушка. Графъ, что же вы не раздѣваетесь? гдѣ ваши слуги? Францъ! разуй Графа. (*Францъ медлитъ*). Францъ! развѣ ты глухъ?

Францъ. Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разувать.

Графъ. Ого, какой удалый.

Альбертъ. Грубіянъ! (*Замахивается*). Я тебя прогоню.

РЫЦАРСКІЙ ЗАМОКЪ.

Рисунокъ Дюрера.

Конецъ рыцарскихъ временъ въ картинахъ Дюрера.
МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

Францъ. Я самъ готовъ оставить замокъ.

Альбертъ. Мужикъ, подлая тварь! Извините, Графъ, я съ нимъ управлюсь. Вонъ!.. *(Толкаетъ его въ спину)*. Чтобы духу твоего здѣсь не было.

Графъ. Пожалуйста, (оставь) этого дурака; онъ, право не стоитъ.

[IV].

Клотильда. Братецъ, мнѣ до тебя просьба.

Альбертъ. Чего ты хочешь?

Клотильда. Пожалуйста, прогони своего конюшаго Франца; онъ осмѣлился мнѣ нагрубить...

Альбертъ. Какъ! и тебѣ?.. Жаль же, что я ужъ его прогналъ; онъ отъ меня такъ скоро-бъ не отдѣлался. — Да что же онъ сдѣлалъ?

Клотильда Такъ, ничего. Если ты ужъ его прогналъ, такъ нечего и говорить.— Скажи, братецъ, долго ли Графъ пробудетъ у насъ?

Альбертъ. Думаю, сестра, что это будетъ зависѣть отъ тебя.—Что же ты краснѣешь?..

Клотильда. Ты все шутишь,—а онъ и не думаетъ.

Альбертъ. Не думаетъ? о чемъ же?

Клотильда. Ахъ, братецъ, какой ты несносный! Я говорю, что Графъ обо мнѣ и не думаетъ.

Альбертъ. Посмотримъ, посмотримъ— что будетъ, то будетъ.

[V].

Францъ. Вотъ нашъ домикъ... Зачѣмъ было мнѣ его оставлять для гордаго замка? —Здѣсь я былъ хозяинъ,—а тамъ слуга... и для чего? Для гордыхъ взоровъ наглой, благородной дѣвицы. Я переносилъ униженіе, я унизился въ глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто былъ моимъ товарищемъ; я привыкъ сносить дѣтскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы; я не примѣчалъ ничего... Я, который не хотѣлъ зависѣть отъ отца,—я сталъ зависимъ отъ чужаго. И чѣмъ все это кончилось?—Боже—кровь кидается въ лицо,—

Конецъ рыцарскихъ временъ въ картинахъ Дюрера.

ЗНАТНАЯ ДАМА И СЛУГА.

кулаки мои сжимаются... О, я самъ отомщу, отомщу... Какъ-то приметъ меня отецъ? (*Стучится*).

Карлъ (*выходитъ*). Кто тамъ такъ бодро стучитъ? А! Францъ, это ты (*Про себя*). Вотъ чортъ принесъ!

Францъ. Здравствуй, Карлъ; отецъ дома?

Карлъ. Ахъ, Францъ! давно же ты здѣсь не былъ. Отецъ твой съ мѣсяцъ какъ ужъ померъ.

Францъ. Отецъ мой умеръ! Невозможно!

Карлъ. Такъ-то возможно, что его и схоронили.

Францъ. Бѣдный, бѣдный старикъ!.. И мнѣ не дали знать, что онъ боленъ; можетъ быть, онъ умеръ съ горести—онъ меня любилъ; онъ чувствовалъ сильно. Карлъ—и ты не могъ послать за мною? Онъ меня бы благословилъ...

Карлъ. Онъ осердился на прикащика и выпилъ сгоряча три бутылки пива, оттого и умеръ. Знаешь ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдства—а отдалъ все свое имѣніе...

Францъ. Кому?

Карлъ. Не смѣю тебѣ сказать—ты такой вспыльчивый...

Францъ. Знаю: тебѣ...

Карлъ. Богъ видитъ, я не виноватъ.—Я готовъ былъ бы тебѣ все отдать... потому что, видишь ли, хоть законъ и на моей сторонѣ,—однако вотъ по совѣсти, чувствую что все-таки сынъ наслѣдникъ отца, а не подмастерье... Но, видишь, Францъ... я ждалъ тебя, а ты не приходилъ,—я и женился; а вотъ теперь какъ женатъ, ужъ я и не знаю, что дѣлать... и какъ быть.

Францъ. Владѣй себѣ моимъ наслѣдствомъ, Карлъ, я у тебя его не требую.—На комъ ты женился?

Карлъ. На Юліи Фурстъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурста, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь остаться, то у меня есть порожній уголокъ...

Францъ. Нѣтъ, благодарствуй, Карлъ;

Конецъ рыцарскихъ временъ въ рисункахъ Дюрера.

ПОСЕЛЯНЕ.

кланяйся Юліи—и вотъ отдай ей эту серебряную цѣпочку—отъ меня на память...

Карлъ. Добрый Францъ!—Хочешь съ нами отобѣдать?—Мы только что сѣли за столъ—

Францъ. Не могу... я спѣшу...

Карлъ. Куда же?

Францъ. Такъ, самъ не знаю—прощай.

Карлъ. Прощай, Богъ тебѣ помоги. (*Францъ уходитъ*). А какой онъ добрый малый, и какъ жаль, что онъ такой безпутный! Ну, теперь я совершенно покоенъ; у меня не будетъ ни тяжбы, ни хлопотъ.

[VI].

ВАССАЛЫ, *вооруженные косами и дубинами.*

Косари поютъ:

Ходитъ во полѣ коса,
Золотая полоса
Вслѣдъ за ней ложится.
Ой ходи, моя коса!
Сердце веселится.
(подъ цвѣточкомъ змія
. . . . . таится
На змѣю коса моя).

Францъ. Они проѣдутъ черезъ эту лужайку—смотрите же, не робѣть;—подпустите ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнутъ и наскачутъ—тутъ вы размахнитесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и пріударимъ... Чу! вотъ они.

(*Францъ съ частью вассаловъ скрывается въ лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ*).

Рыцари.—Гей, вы! долой съ дороги. (*Вассалы снимаютъ шляпы и не трогаются*). Долой, говорятъ вамъ... Что это значитъ, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣста.

Ротенфельдъ. А вотъ, пришпоримъ лошадей, да потопчемъ ихъ порядкомъ.

Косари. Ребята, не робѣть...

(*Лошади раненыя падаютъ съ сѣдоками, другія бѣсятся*).

Конецъ рыцарскихъ временъ въ рисункахъ Дюрера.

ТУРНИРЪ.

Францъ (*бросается изъ засады*). Впередъ, ребята! У! у!

Одинъ рыцарь. Плохо, братъ, ихъ болѣе ста человѣкъ.

Другой. Ничего, насъ еще пятеро верьхами.

Рыцари. Подлецы, собаки, вотъ мы васъ!

(*Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами*).

Вассалы.—У! у! у! Наша взяла!.. Теперь вы въ нашихъ рукахъ... Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые!

Францъ.—Который изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья, поднимите забрала; гдѣ Альбертъ?

(*Ѣдетъ другая толпа рыцарей*).

Одинъ изъ нихъ. Господа! посмотрите, что это значитъ? здѣсь дерутся.

Другой. Это бунтъ—подлый народъ бьетъ рыцарей.

Рыцари. Господа! господа!.. копья въ упоръ, пришпоривай!..

(*Напъхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ*).

Вассалы. Бѣда! бѣда! Это рыцари!..

(*Разбѣгаются*).

Францъ. Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человѣкъ!..

(*Онъ раненъ; рыцари его хватаютъ за воротъ*).

[Постой, братъ, успѣешь имъ проповѣдать].

Другой.—И эти подлыя твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей! Смотрите: одинъ, два, три... девять рыцарей убито. Да это ужасъ!

(*Лежащіе рыцари встаютъ одинъ за другимъ*).

Рыцари.—Какъ! вы живы?

Альбертъ. Благодаря желѣзнымъ латамъ... (*Всѣ смѣются*). Ага! Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебя. Господа рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

Одинъ изъ рыцарей.—Не за что; на нашемъ мѣстѣ вы сдѣлали бы то же самое.

Альбертъ.—Смѣю ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія и попировать?

Рыцарь. Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ гостепріимствомъ: мы спѣшимъ на похо-

Конецъ рыцарскихъ временъ въ рисункахъ Дюрера.

РЫЦАРЬ И ОРУЖЕНОСЕЦЪ.

роны Эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

Альбертъ. По крайней мѣрѣ,—сдѣлайте мнѣ честь у меня отужинать.

Рыцарь.—Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей—позвольте предложить вамъ нашихъ;—мы сядемъ за вами—какъ освобожденныя красавицы. (*Садятся*). А этого молодца, такъ и быть, довеземъ ужъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади...

[VII].

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА.

(Рыцари ужинаютъ).

Одинъ рыцарь.—Славное вино!

Ротенфельдъ.—Ему болѣе ста лѣтъ... Прадѣдъ мой поставилъ его въ погребъ, отправляясь въ Палестину, гдѣ и остался. Этотъ походъ ему стоилъ двухъ замковъ и Ротенфельдской рощи, которую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-то епископу.

Рыцари. Славное вино! За здоровье благородной хозяйки.

Клотильда. Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ...

Ротенфельдъ. За здоровье нашихъ избавителей.

Одинъ изъ рыцарей.—Ротенфельдъ! праздникъ нашъ прекрасенъ, но ему чего-то недостаетъ...

Ротенфельдъ. Знаю, Кипрскаго вина; что дѣлать—все вышло на прошлой недѣлѣ!

Рыцарь. Нѣтъ, не Кипрскаго вина: недостаетъ пѣсенъ миннезингера.

Ротенфельдъ. Правда, правда... Нѣтъ ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Ступайте-ка въ гостинницу.

Альбертъ. Да чего-жъ намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣшенъ—кликнуть его сюда!

Ротенфельдъ. И въ самомъ дѣлѣ, кликнуть сюда Франца.

Рыцарь. Кто это Францъ?

Ротенфельдъ. Да тотъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

Рыцарь. Такъ онъ и миннезингеръ?

Альбертъ. О! все, что вамъ угодно. Вотъ онъ.

Ротенфельдъ. Францъ! рыцари хотятъ послушать твоихъ пѣсенъ, если страхъ не отшибъ у тебя памяти, а голосъ еще не пропалъ.

Францъ.—Чего мнѣ бояться? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голосъ мой не задрожитъ и языкъ не отнялся.

Ротенфельдъ.—Посмотримъ, посмотримъ. Ну, начинай.

Францъ (*поетъ*).

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
Съ той поры, сгорѣвъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.
Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.
Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.
И въ пустыняхъ Палестины,
Между тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву Паладины
Именуя громко дамъ,—
Lumen coelum, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ дикъ и рьянъ
И какъ громъ его угроза
Поражала Мусульманъ.
Возвратясь въ свой замокъ дальній,
Жилъ онъ, строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Восклицанья.

Ротенфельдъ. Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна. Нѣтъ ли чего повеселѣе?

Францъ. Извольте, есть и повеселѣе.

Ротенфельдъ. Люблю за то, что не унываетъ.

Францъ (*поетъ*).

Воротился ночью мельникъ...
Женка! Что за сапоги?—
Ахъ ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутитъ тебя лукавый?
Это ведра.—«Ведра? Право?
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни на яву
Не видалъ до этихъ поръ
Я нигдѣ на ведрахъ шпоръ».

Рыцари. Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! Ай да миннезингеръ—

Ротенфельдъ. А все-таки тебя новѣшу.

Рыцари. Конечно—пѣсня пѣснію, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ.

Клотильда. Рыцари! я имѣю просьбу до васъ; обѣщайтесь не отказать.

Рыцари. Что изволите приказать?

Одинъ. Мы готовы во всемъ повиноваться.

Клотильда. Нельзя-ль помиловать этого бѣднаго человѣка?—Онъ уже довольно наказанъ и раной, и страхомъ висѣлицы—

Ротенфельдъ. Помиловать его!.. Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнуть ихъ порядкомъ да пощадить ихъ предводителя, то они завтра же взбунтуются опять.

Клотильда. Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! Не правда ли, что если тебя помилуютъ, то уже болѣе бунтовать не станешь.

Францъ (*въ чрезвычайномъ смущеніи*). Сударыня... сударыня...

Одинъ рыцарь. Ну, Ротенфельдъ, что дама требуетъ, въ томъ рыцарь не можетъ отказать. Надобно его помиловать.

Ротенфельдъ. Такъ и быть: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ тюрьму, и даю мое честное слово, что онъ до тѣхъ поръ изъ нея не выйдетъ, пока стѣны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

Рыцари. Быть такъ...

Клотильда! Однако...

Ротенфельдъ. Сударыня! Я далъ честное слово.

Францъ. Какъ, вѣчное заключеніе! Да по мнѣ лучше умереть.

Ротенфельдъ. Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Отведите его въ башню... (*Франца уводятъ*).

Францъ (*уходя*). Однако-жъ я ей обязанъ жизнію.

ЭСКАДРА НА НЕВѢ.
Гравюра Брюсова календаря.

766. ПИРЪ ПЕТРА ПЕРВАГО.

Надъ Невою рѣзво вьются
Флаги пестрые судовъ;
Звучно съ лодокъ раздаются
Пѣсни дружныя гребцовъ;
Въ Царскомъ домѣ пиръ веселой;
Рѣчь гостей хмѣльна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.
Что пируетъ Царь великій
Въ Питербургѣ-городкѣ?
Отъ чего пальба и клики,
И эскадра на рѣкѣ?
Озаренъ ли честью новой
Русской штыкъ иль Русской флагъ?
Побѣжденъ ли Шведъ суровой?
Мира-ль проситъ грозный врагъ?
Иль въ отъятый край у Шведа
Прибылъ Брантовъ утлый ботъ,
И пошелъ на встрѣчу дѣда
Всей семьей нашъ юный флотъ,
И воинственные внуки
Стали въ строй предъ старикомъ,
И раздался въ честь Науки
Пѣсень хоръ и пушекъ громъ?
Годовщину ли Полтавы
Торжествуетъ Государь,
День, какъ жизнь своей Державы
Спасъ отъ Карла Русской Царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль Она,
Чудотворца-Исполина
Чернобровая Жена?
Нѣтъ! Онъ съ подданнымъ мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пѣнитъ съ нимъ одну;
И въ чело его цалуетъ,
Свѣтелъ сердцемъ и лицомъ;
И прощенье торжествуетъ,
Какъ побѣду надъ врагомъ.
Отъ того-то шумъ и клики
Въ Питербургѣ-городкѣ,
И пальба и громъ музыки
И эскадра на рѣкѣ;
Отъ того-то въ часъ веселой
Чаша Царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

767. НА ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ ЛУКУЛЛА.

Подражаніе латинскому.

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ.
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливой,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.
Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что́ сулили,
Имъ тайныя судьбы.
А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучь
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучь.
Онъ мнилъ: «теперь ужь у Вельможъ
«Не стану няньчить ребятишекъ;
«Я самъ Вельможа буду тожь,
«Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
«Теперь мнѣ честность—трынъ-трава!
«Жену общитывать не буду,
«И воровать уже забуду
«Казенныя дрова!»
Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачь, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ,
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.
Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она:—
Умѣй-же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ,
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену-красавицу—и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

---

768. ВНОВЬ Я ПОСѢТИЛЪ.

[Не закончено и не отдѣлано].

. . . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ 10 лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни (утреннихъ) ея дозоровъ...
(А вечеромъ при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ)
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иныя берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогой неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скрывалась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ, одна по-одаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,

ПУШКИНЪ У МИХАЙЛОВСКИХЪ СОСЕНЪ.

Картина В. Максимова.

Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленою семьей кусты тѣснятся
(Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти). А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полонъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...
Въ разны годы
(Подъ вашу сѣнь) Михайловскія рощи,
Являлся я! Когда вы въ первый разъ
Увидѣли меня, тогда я былъ
Веселымъ юношей. Безпечно, жадно
Я приступалъ лишь только къ жизни; годы
Промчалися—и вы во мнѣ пріяли
Усталаго пришельца! Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ! Въ уныньи часто
(Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной—
И горькія кипѣли въ сердцѣ чувства)

769. КОГДА ВЛАДЫКО АССИРІЙСКІЙ.

[Не закончено и не отдѣлано].

Когда Владыко Ассирійскій
Народы казнію казнилъ,
И Олофернъ весь край Азійскій—
Его десницѣ покорилъ,
Высокъ смиреньемъ терпѣливымъ
И крѣпокъ вѣрой въ Бога силъ
Передъ сатрапомъ горделивымъ
Израилъ выи не склонилъ;
Во всѣ предѣлы Іудеи
Проникнулъ трепетъ. Іерей

Одѣли вретищемъ алтарь;
Главу (покрывъ) золой и прахомъ,
Народъ завылъ, объятый страхомъ,
И внялъ ему Всевышній Царь.
Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ
И зритъ: ихъ узкія врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота,
(Поля преградами изрыты,
Какъ лѣсомъ копьями покрыты,
Раскаты, башни и зубцы
И боя молча ждутъ бойцы)
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ, въ тишинѣ,
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился; гнѣвъ жестокій
Его объялъ. Сзываетъ онъ
Совѣтъ . . . разноплеменный.

770. Я ДУМАЛЪ СЕРДЦЕ ПОЗАБЫЛО.

[Черновой набросокъ].

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорилъ: тому что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать.
Прошли восторги и печали
И легковѣрныя мечты. . . .
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты—
(Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души—
Я ужасаюсь нѣги влажной
Твоей по).

771. О БѢДНОСТЬ! ЗАТВЕРДИЛЪ Я НАКОНЕЦЪ.

[Черновой набросокъ].

О бѣдность! затвердилъ я наконецъ
Урокъ твой горькій чѣмъ я заслужилъ
Твое гоненье

772. ВЕЗУВІЙ ЗѢВЪ ОТКРЫЛЪ.

[Черновые наброски].

Везувій зѣвъ открылъ—дымъ хлынулъ клубомъ пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя;
Земля волнуется . . . съ колонъ
Кумиры падаютъ!
. . . . . .
(Подъ каменнымъ дождемъ, подъ воспаленнымъ прахомъ)
Бѣжитъ изъ града вонъ . . . . . (во мглѣ пожарной) блеща
(Весь городъ освѣтилъ) народъ . . . . .
. . . . . (по трепетной землѣ)
Мглу ночи. (Везувій вдругъ развилъ) (Какъ пламя)
Содрогнулась земля — шатнулся градъ пламя).

.

Столпы шатаются, съ ихъ узкой вышины
Кумиры падаютъ . . . Везувій зѣвъ отверзъ и пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя.
Содрогнулась земля.

773. ПОЭТЪ ИДЕТЪ... ОТКРЫТЫ ВѢЖДЫ.

[Черновой набросокъ].

Поэтъ идетъ... открыты вѣжды
И онъ не видитъ никого;
А между тѣмъ, за край одежды
Тихонько дергаютъ его.
(Глупцы твердятъ): онъ вѣрно дремлетъ.
(Дорога здѣсь) ступай сюда!
Напрасный трудъ—поэтъ не внемлетъ,
Идетъ куда его влекутъ
Мечты свободныя . . . .
. . . . . .
Таковъ поэтъ. Какъ Аквилонъ,
Что хочетъ, то уноситъ онъ:
(Увядшій листъ, иль прахъ площадный,
Иль куколь (?) . . . .
. . . . . .
И, не спросясь ни у кого,
Какъ Дезд[емона] избираетъ
Кумиръ для сердца своего.

774. ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Въ Академіи Наукъ
Засѣдаетъ князь Дундукъ.
Говорятъ не подобаетъ
Дундуку такая честь;
Отчего жъ онъ засѣдаетъ?..
Оттого, что . . . . есть.

ГИБЕЛЬ ПОМПЕИ.

Картина К. Брюлова.

…[illegible] алтарь;
…крывъ) золой и прахомъ,
…авы[illegible], объятый страхомъ,
…ему Всевышній Царь
…сатоаль въ ущельямъ горнымъ
…ихъ, узкія врата
…за[illegible]нуты непокорнымъ,
…[illegible]
…егр[illegible] изрыты,
…омъ [illegible] покрыты,

[illegible]
[illegible]
[illegible]
Какъ межъ [illegible] въ тишинѣ,
Стоитъ, [illegible], Ветлугa
Въ недостижимой вышинѣ.
Сатрапъ смутился; гнѣвъ жестокій
[illegible]
Совѣтъ . . . разно[illegible]ный.

770. Я ДУМАЛЪ СЕРДЦЕ ПОЗАБЫЛО.

(Черновой набросокъ).

…ъ сердце позабыло
…ть легкую страдать,
…къ: тому, что было,
…бы[illegible], [illegible] не бывать.
…[illegible] и печали
…бр[illegible] мечты. . . .

Но вотъ опять [illegible]
Предъ мощной [illegible] красоты—
(Гляжу, предаться не дерзая
Волненью грустному души—
Я ужасаюсь нѣги влажной
Твоей но).

[illegible]

[illegible]

…о бѣдность! затвердилъ я наконецъ
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

…[illegible]—дымъ хлынулъ клу-
бомъ пламя
…раз[illegible]лось, какъ боевое знамя;
…ину[illegible]тся . . . съ колонъ
…[illegible]

. . .

…[illegible]
. ными прахомъ)
…изъ града вонъ . . . . . (во мглѣ
пожарной) блеща
…од[illegible] освѣтилъ) народъ . . . . .

. . . . . (по трепетной землѣ)
Мглу ночи. (Везувій вдругъ развилъ)
(Какъ пламя)
Содрогнулась земля — шатнулся градъ
пламя).

[illegible], съ ихъ узкой вышины
Кумиры падаютъ . . . Везувій зѣвъ отверзъ
и пламя
Широко развилось, какъ боевое знамя.
Содрогнулась земля.

773. ПОЭТЪ ИДЕТЪ... ОТКРЫТЫ ВѢЖДЫ.

[Черновой набросокъ].

…открыты вѣжды
…[illegible] никого;
…[illegible], за край одежды
…[illegible] его
…[illegible]): онъ вѣрно дремлетъ.
…[illegible] сюда!
…[illegible]—поэтъ не внемлетъ.
…[illegible]
…[illegible]

. . . .
Таковъ поэтъ. Какъ Аквилонъ,
Что хочетъ, то уноситъ онъ:
(Убогій [illegible] прахъ площадный,
Иль куколь (?) . . . .
. . . .
[illegible]
Какъ Дездемона) избираетъ
Кумиръ для сердца своего.

774. ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

…міи Наукъ
…ъ князь Дундукъ.
…не подобаетъ

Дундуку такая честь;
Отчего жъ онъ засѣдаетъ?..
Оттого, что . . . . есть.

1836

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.

775. Д. В. ДАВЫДОВУ.

При посылкѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта».

Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою!
Не удалось мнѣ за тобою
При громѣ пушечномъ, въ огнѣ
Скакать на бѣшенномъ конѣ.
Наѣзникъ смирнаго пегаса,
Носилъ я стараго Парнасса
Изъ моды вышедшій мундиръ:
Но и по этой службѣ трудной,
И тутъ—о мой наѣзникъ чудной,
Ты мой отецъ и командиръ.
Вотъ мой Пугачъ; при первомъ взглядѣ
Онъ виденъ: плутъ, козакъ прямой;
Въ передовомъ твоемъ отрядѣ
Урядникъ былъ-бы онъ лихой.

776. ХУДОЖНИКУ.

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мраморъ послушенъ тебѣ:
Сколько боговъ, и богинь, и героевъ!.. Вотъ Зевсъ громовержецъ;
Вотъ изъ-подлобья глядитъ, дуя въ пѣвницу, Сатиръ:
Здѣсь зачинатель Барклай, а здѣсь совершитель Кутузовъ;
Тутъ Аполлонъ—Идеалъ, тамъ Ніобея—Печаль...
Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ,
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ;
Въ темной могилѣ почилъ художниковъ другъ и совѣтникъ.
Какъ бы онъ обнялъ тебя, какъ бы гордился тобой!

---

777. КОГДА ВЕЛИКОЕ СВЕРШАЛОСЬ ТОРЖЕСТВО.

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество,
Тогда по сторонамъ животворяща древа,
Марія грѣшница и пресвятая дѣва,
Стояли двѣ жены,
Въ неизмѣримую печаль погружены.
Но у подножія теперь Креста честнаго,
Какъ будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зримъ—поставлено на мѣсто женъ святыхъ—
Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хранительная стража?
Или распятіе—казенная поклажа,
И вы боитеся воровъ или мышей?
Иль мните важности придать Царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, терніемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть свою
Бичамъ мучителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила,
Иль чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не велѣно сюда простой народъ.

---

778. ПОДРАЖАНІЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Какъ съ дерева сорвался предатель ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дхнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей смрадной,
И бросилъ трупъ живой въ гортань геены гладной...
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И Сатана, привставъ, съ веселіемъ на ликѣ,
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа.

---

779. ИЗЪ VI ПИНДЕМОНТЕ.

Не дорого цѣню я громкія права,
Отъ коихъ не одна кружится голова.
Я не ропщу о томъ, что отказали боги
Мнѣ въ сладкой участи оспаривать налоги,
Или мѣшать царямъ другъ съ другомъ воевать;
И мало горя мнѣ—свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видите-ль, слова, слова, слова! *)
Иныя, лучшія мнѣ дороги права;
Иная, лучшая потребна мнѣ свобода...
Зависѣть отъ властей, зависѣть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!..

*) Hamlet [Прим. Пушкина].

780. ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ.

Рисунокъ Пушкина въ рукописи «Отцовъ пустынниковъ».

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные Великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста—
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей—
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

781. КОГДА ЗА ГОРОДОМЪ ЗАДУМЧИВЪ Я БРОЖУ.

[Не отдѣлано].

Когда за городомъ задумчивъ я брожу
И на публичное кладбище захожу—
Рѣшетки, столбики, нарядныя гробницы,
Подъ коими гніютъ всѣ мертвецы столицы,
Въ болотѣ кое-какъ стѣсненные кругомъ,
Какъ гости жадные за нищенскимъ столомъ;
Купцовъ, чиновниковъ усопшихъ мавзолеи
(Дешеваго рѣзца нелѣпыя затѣи!),
Надъ ними надписи и въ прозѣ и въ стихахъ
О добродѣтеляхъ, о службѣ, о чинахъ;
По старомъ рогачѣ вдовицы плачъ амурный,
Ворами со столбовъ отвинченныя урны,
Могилы склизкія, зѣвающія тутъ,
Которыя жильцовъ къ себѣ на утро ждутъ—
Такія смутныя мнѣ мысли все наводитъ,
Что злое на меня унынie находитъ,
Хоть плюнуть, да бѣжать.
Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ!
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ.
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя...

---

782. Я ПАМЯТНИКЪ СЕБѢ ВОЗДВИГЪ НЕРУКОТВОРНЫЙ.

Exigi monumentum.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный
Къ нему не заростетъ народная тропа
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.
Нѣтъ весь я не умру—душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ пиитъ
Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ
И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и нынѣ дикой
Тунгузъ и другъ степей Калмыкъ.
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я Свободу
И милость къ падшимъ призывалъ
Велѣнью Божію, о Муза будь послушна
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца—

ПОСЛѢДНІЙ ЗАВѢТЪ ПУШКИНА.

Давно уже идетъ въ русской литературѣ споръ о назначеніи искусства.

Въ чемъ истинная задача искусства вообще и поэзіи въ частности?

Самодовлѣющая-ли это величина, процвѣтающая, достигающая полнаго развитія только тогда, когда она отдается всецѣло своимъ внутреннимъ потребностямъ?

Или-же, напротивъ того, великая способность волновать сердца людей, великое очарованіе искусства только тогда и проявляется во всей своей силѣ, когда оно соединено съ желаніемъ научить чему-нибудь. Рядомъ съ исканіемъ художественной красоты, художественнаго совершенства, не должно-ли художественное произведеніе быть проникнуто опредѣленнымъ стремленіемъ освѣтить ту или другую проблему общественной жизни и морали?

Авторъ настоящей замѣтки, въ другомъ мѣстѣ, бросивъ взглядъ на весь ходъ нашей литературы за два вѣка европейскаго періода ея существованія, приходитъ къ тому выводу, что русская литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ. Она всегда была *каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово.* Всѣ крупные дѣятели нашей литературы, въ той или другой формѣ, отзывались на потребности времени и были художниками-проповѣдниками.

Не составляетъ исключенія и Пушкинъ, хотя взгляды его на задачи искусства всего менѣе отличаются устойчивостью. Сердито говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: «цѣль поэзіи—поэзія». Но не говоритъ-ли намъ послѣдній завѣтъ великаго поэта — его величественное стихотвореніе «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный« о чемъ-то совсѣмъ иномъ? Какой другой можно сдѣлать изъ него выводъ, какъ не тотъ, что основная задача поэзіи—возбужденіе «чувствъ добрыхъ».

Зигзагами шли общественныя и литературныя настроенія Пушкина.

Въ Александровскую эпоху Пушкинъ былъ живымъ отраженіемъ безпокойнаго настроенія времени и самъ себя характеризовалъ, какъ поэта, который «свободу лишь умѣетъ славить».

Въ первыхъ романтическихъ поэмахъ своихъ и отдѣльныхъ стихотвореніяхъ онъ бросалъ страстный вызовъ тиранніи и всѣмъ старымъ традиціямъ, провозглашалъ свободу чувствъ и проповѣдывалъ презрѣніе къ условнымъ формамъ.

Со второй половины 20-хъ годовъ улеглось броженіе и самого Пушкина, и общества, и поэтъ вступаетъ въ такъ называемый «объективный» періодъ своего творчества.

Но помимо того, что и это стремленіе къ объективному творчеству было отраженіемъ настроенія времени, утомленнаго возбужденіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра и жаждавшаго спокойствія, помимо этого косвеннаго служенія нуждамъ времени, Пушкинъ никогда не былъ въ состояніи совладать съ живой натурой своей и оставаться на олимпійскихъ высотахъ безразличнаго творчества.

Всеобъемлющій геній Пушкина никогда не успокаивался на чемъ-нибудь одномъ, и никто точнѣе его самого не исполнялъ завѣта, который онъ далъ поэту:

> ... Дорогою свободной
> Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.

И такъ какъ отзывчивая натура влекла его то въ одну, то въ другую сторону, то каждая изъ главныхъ литературныхъ теорій нашихъ—и сторонники «чистаго искусства» и апологеты искусства общественнаго—можетъ подтвердить свои положенія ссылками на Пушкина. Недаромъ вѣдь сравнивалъ Пушкинъ поэта съ «эхомъ», которое на все отзывается, будь то «гласъ бури и валовъ», или мирный «крикъ сельскихъ пастуховъ».

Да, въ минуту полемическаго раздраженія и притомъ совсѣмъ особаго рода

(вовсе не антидемократическаго, какъ принято думать), онъ, дѣйствительно, воскликнулъ въ «Черни»:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но развѣ это же самое стихотвореніе не есть полное нарушеніе провозглашенныхъ въ немъ принциповъ? Вѣдь въ немъ нѣтъ ни звуковъ сладкихъ, ни молитвъ, и въ общемъ оно представляетъ собою яркій образчикъ тенденціозно-дидактическаго запрещенія идти дорогою свободною, куда влечетъ поэта его свободный отъ какихъ бы то ни было запрещеній умъ:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ

будто бы созданъ поэтъ. И вслѣдъ затѣмъ пишется страстный памфлетъ «Клеветникамъ Россіи»—откликъ на злобу дня въ буквальномъ смыслѣ слова—на дебаты въ одномъ изъ засѣданій французскаго парламента.

Въ оградахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ — полезный трудъ.
Но позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ.

Такъ иронизируетъ поэтъ, когда ему предлагаютъ быть «полезнымъ». А черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же жрецъ, единственно изъ желанія быть полезнымъ, берется за метлу журналиста, и великое дарованіе тратится на сметаніе сора, внесеннаго въ литературу Булгаринымъ и К°.

Ты можешь, ближнаго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя,

проситъ поэта «чернь», т. е. публика, всѣмъ ходомъ русской литературы пріученная получать отъ нея поученія. Но поэтъ презрительно отказывается:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ?

А въ это самое время онъ заканчивалъ «Евгенія Онѣгина», въ которомъ жизнь «Черни» отразилась съ небывалою до того полнотою и въ которомъ въ плѣнительномъ образѣ Татьяны былъ преподанъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и волнующихъ уроковъ жизни, когда-либо преподанныхъ русской литературой. Прошло почти 80 лѣтъ, какъ Татьяна отвѣтила Онѣгину:

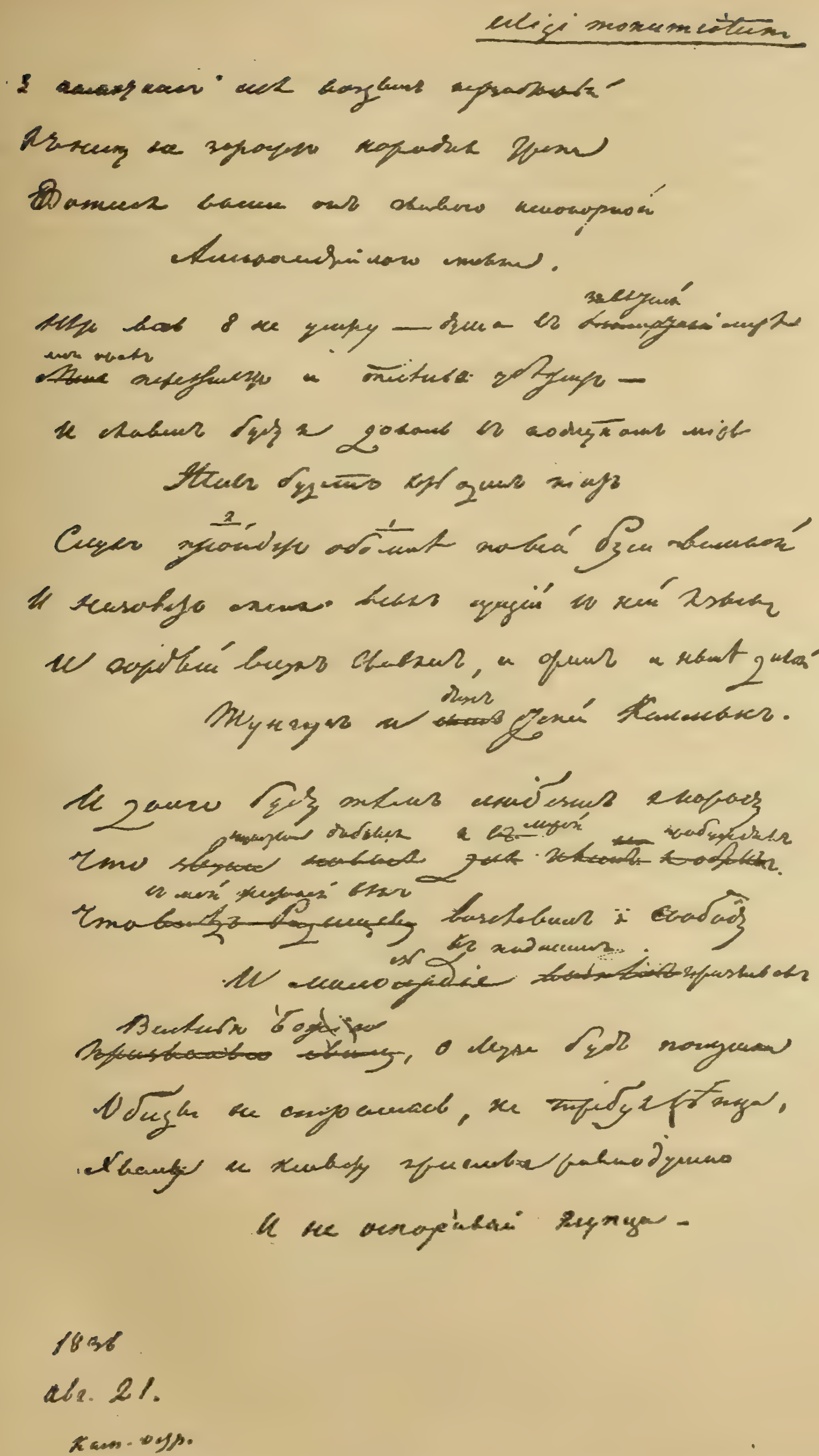
Я васъ люблю, къ чему лукавить.
Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна,—

и этотъ отвѣтъ не перестаетъ до сихъ поръ волновать русскаго читателя и поднимать въ немъ вопросы нравственнаго порядка. Многое, очень многое въ геніальномъ романѣ перестало интересовать позднѣйшаго читателя, на многое онъ сталъ смотрѣть исключительно съ исторической точки зрѣнія. Но образъ Татьяны, олицетворившій въ себѣ полную свободу отъ условности съ неумолимымъ сознаніемъ долга, навсегда врѣзался въ сердце русскаго читателя. Каждое поколѣніе имѣетъ свое отношеніе къ отвѣту Татьяны,—то восторженно-положительное, то насмѣшливо отрицательное, но во всякомъ случаѣ не безразличное. «Смѣлый урокъ» на практикѣ былъ данъ поэтомъ, теоретически отъ него отказавшимся. На практикѣ, слѣдовательно, поэтъ и въ эпоху своего пренебреженія ко всему тому, что не есть интересъ чисто-художественный, никакъ не могъ удержаться въ ограниченной сферѣ чисто-эстетическихъ настроеній и тоже сталъ учителемъ жизни. Да и какъ тому иначе быть? Развѣ есть что-нибудь безразличное въ жизни и даже въ «мертвой» для другихъ, но живой для поэта природѣ?

И не только сталъ Пушкинъ учителемъ жизни, но въ учительномъ характерѣ литературы усмотрѣлъ ея высшее назначеніе. Въ 1836 году Пушкина усиленно занимаетъ мысль о смерти, онъ заказываетъ себѣ даже могилу въ Святогорскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ и пришлось ему опочить вѣчнымъ сномъ. Правильно или неправильно—это другой вопросъ, онъ чувствуетъ потребность подвести итоги всей дѣятельности, опредѣлить сущность своего значенія въ исторіи русскаго слова. Онъ пишетъ—«Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный», гдѣ съ тою величавою простотою, которая характеризуетъ истинно-великихъ людей, говоритъ безъ всякаго жеманства, безъ всякой ложной скромности о своемъ безсмертіи. Создатель русской поэзіи не сомнѣвается въ томъ, что будетъ «славенъ, доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ піитъ», что слухъ о немъ «пройдетъ по всей Руси великой» и назоветъ его «всякъ сущій изъ ней языкъ».

Но за что же, однако, ему столь великій почетъ?

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что *чувства добрыя* я лирой пробуждалъ.



Exegi monumentum

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный
Къ нему не заростетъ народная тропа
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ весь я не умру — душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ —
И славенъ буду я доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ
И гордый внукъ Славянъ, и финнъ и нынѣ дикой
Тунгузъ и другъ степей Калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
Что въ мой жестокій вѣкъ восславилъ я Свободу
И милость къ падшимъ призывалъ

Веленью божію, о муза будь послушна
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспоривай глупца —

1836
авг. 21.
Кам. остр.

Рукопись стих. «Я ПАМЯТНИКЪ ВОЗДВИГЪ СЕБѢ НЕРУКОТВОРНЫЙ».
(Румянцев. Музей, тетрадь № 2384, л. 57 оборотъ).

Самъ по себѣ этотъ отвѣтъ столь знаменателенъ, что не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Болѣе яркаго подкрѣпленія нашего утвержденія не придумаешь. Пушкинъ, этотъ идолъ всякаго приверженца теоріи «чистаго» искусства, въ одну изъ торжественнѣйшихъ минутъ своей духовной жизни превыше всего цѣнитъ въ литературѣ учительность.

Но интересъ Пушкинской формулировки назначенія литературы еще безмѣрно возрастаетъ, когда мы обратимся къ воспроизведенному на предыдущей страницѣ черновику знаменитаго стихотворенія.

Оказывается, что первоначально Пушкинъ, совершенно въ духѣ «чистаго» искусства, такъ опредѣлилъ свое значеніе:

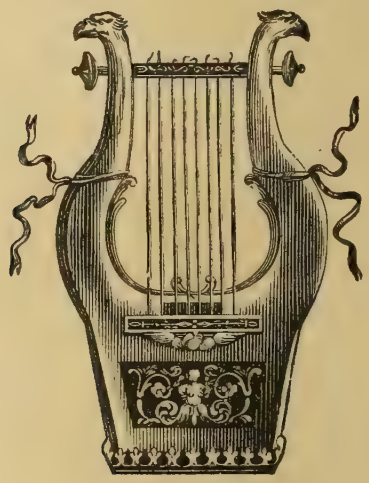
И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что звуки новыя для пѣсенъ я обрѣлъ.

Твердо и безъ столь обычныхъ у него помарокъ, т. е. безъ колебанія написалъ Пушкинъ подчеркнутый стихъ, въ которомъ выразилъ свое *теоретическое* литературное credo.

Но вотъ онъ перечитываетъ плодъ непосредственнаго вдохновенія, снова вдумывается въ тему и предъ лицомъ вѣчности открываются новые горизонты. Нѣтъ, мало для поэта истинно-великаго однихъ эстетическихъ достоинствъ, только къ памятнику того не заростетъ «народная тропа», кто пробуждаетъ «добрыя чувства», кто былъ учителемъ жизни.

И зачеркивается формула эстетическая, а взамѣнъ ея дается учительно-гражданская.

С. Венгеровъ.



783—784. [НА СТАТУИ].

[I. Мальчика, играющаго въ бабки].
[Работы Н. Пименова].

Юноша трижды шагнулъ, наклонился, рукой о колѣно
Бодро оперся, другой поднялъ мѣткую кость.
Вотъ ужъ прицѣлился... Прочь! раздайся, народъ любопытный;
Врозь разступись: не мѣшай русской удалой игрѣ.

ИГРА ВЪ БАБКИ.

Статуя проф. Н. С. Пименова.

МУЗЕЙ

Императора Александра III.

ИГРА ВЪ СВАЙКУ.

Статуя проф. А. В. Логиновскаго.

МУЗЕЙ

Императора Александра III.

[II. Мальчика, играющаго въ свайку].
[Работы И. Логиновскаго].

Юноша, полный красы, напряженья, усилія чуждый.
Строенъ, легокъ и могучъ, тѣшится быстрой игрой.
Вотъ товарищъ тебѣ, Дискоболъ! онъ достоинъ, клянуся,
Дружно обнявшись съ тобой, послѣ игры отдыхать...

785. 19 ОКТЯБРЯ 1836.

[Не закончено].

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй,
Мы пили всѣ за здравіе Надежды
И юности, и всѣхъ ея затѣй.
Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился:
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился,
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ,
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ,
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.
Всему пора. Ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;
Прошли года чредою незамѣтной:
И какъ они перемѣнили насъ!
Не даромъ, нѣтъ, промчалась $^1/_4$ вѣка!
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ.
Вращается весь міръ вокругъ человѣка,
Уже ль недвижимъ будетъ онъ?
Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!..
Игралища таинственной игры,
Метался смущенные народы,
И высились, и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.
Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ—
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ Царственныхъ гостей.
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала; еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа—
Еще грозилъ и колебался онъ.
Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь Наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.
Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ Онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ Его—и Русь оставилъ Онъ,
Взнесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ,
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ,
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый Царь, суровый и могучій,
На рубежѣ Европы бодро сталъ,
И надъ землей сошлися новы тучи,
И ураганъ ихъ...

786. КОЛЬ ТЫ КЪ СМИРДИНУ ВОЙДЕШЬ.

[Первые 4 стиха принадлежатъ гр. В. А. Сологубу, 5-ый, набранный разрядкой—Пушкину].

Коль ты къ Смирдину войдешь
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь,
Лишь Сеньковскаго толкнешь,
Иль въ Булгарина наступишь.

787. [КАНОНЪ ВЪ ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ].

[Въ этой литературно-музыкальной шуткѣ, сочиненной на дружескомъ вечерѣ у кн. Одоевскаго въ дек. 1836 г. Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ, Жуковскимъ и гр. Вельегорскимъ—музыка кн. Одоевскаго и самого Глинки, - Пушкину принадлежитъ начальный куплетъ].

Пой въ восторгѣ русскій хоръ
Вышла новая новинка.
Веселися Русь! нашъ Глинка—
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

788. ПОРА, МОЙ ДРУГЪ, ПОРА! ПОКОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТЪ.

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце проситъ.
Летятъ за днями дни и каждый день уноситъ
Частичку бытія, а мы съ тобой вдвоемъ
Предполагаемъ жить... и глядь, все прахъ: умремъ.
На свѣтѣ щастья нѣтъ, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

789. Я ВОЗМУЖАЛЪ (И КАЖЕТСЯ НА ВѢКЪ).

[Черновой набросокъ].

Я возмужалъ (и кажется на вѣкъ)
И дней моихъ (взволнованный) потокъ
(Теперь утихъ),
Дремалъ порой (миролюбивый геній)
(И рѣдко отражалъ) небесную лазурь
На долго-ли? и . . . . прошли
Дни новыхъ бурь, дни горькихъ искушеній.

[Черновой набросокъ].

О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладѣла,
Утратя молодость свою.
Еще хранятся наслажденья,
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья,
Для чувствъ . . . . . всего.
Зачѣмъ . . . . . .
Могилу темную . . . . . .
Что въ смерти добраго? . . . . . .

ПУШКИНЪ И РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ.

«...говорятъ всѣ добрые люди, что онъ не просто поэтъ, а поэтъ-у м н и ц а...». Вельтманъ о Пушкинѣ...».

(Шляпкинъ. «Изъ неиздан. бумагъ. А. С. П»., Спб., 1903, 174).

I.

Въ настоящее время врядъ ли можетъ удовлетворить всѣхъ, изучающихъ Пушкина, извѣстное сужденіе Бѣлинскаго, что этотъ поэтъ «и въ самой исторіи, такъ же, какъ и въ природѣ, видѣлъ т о л ь к о мотивы для своихъ поэтическихъ вдохновеній, матеріалы для своихъ творческихъ концепцій», что онъ, стало быть, только художникъ,—правда, великій,—«мастеръ поэзіи, учитель искусства». Вопросъ объ эстетическомъ индивидуализмѣ Пушкина поднимался неоднократно и послѣ Бѣлинскаго. Съ нимъ не порѣшили и посейчасъ; напомню, хотя бы, красивую, но поверхностную характеристику Пушкина у Андреевича (Очерки изъ исторіи рус. лит. XIX в.) или сужденія Иванова-Разумника въ его трудѣ «Исторія рус. общ. мысли». Подобное опредѣленіе односторонне, потому что всей поэзіи Пушкина подъ него никакъ не подвести, и не совсѣмъ правильно, такъ какъ игнорируетъ нѣкоторыя показанія біографіи поэта и, главное, особенности его психики. Пушкинъ—величайшій изъ поэтовъ-реалистовъ, съ этимъ всѣ согласны, но не всѣ помнятъ то, что Пушкинъ реалистъ—и какъ опредѣленная психологическая единица, въ жизненномъ обиходѣ, по складу ума и интересовъ. (Одни его письма могутъ дать намъ много поучительнаго въ этомъ отношеніи). А послѣднее очень важно для уразумѣнія его поэтическаго облика. Онъ—поэтъ земли; но, вѣдь, не няня же или не одно только внимательное чтеніе Шекспира столкнули его съ романтическихъ—какихъ бы то ни было—высотъ на землю: къ «прозаическимъ бреднямъ, фламандской школы пестрому сору».

Здѣсь же, въ реалистическомъ складѣ психики поэта, заключаются и причины тяготѣній его къ народно-поэтической стихіи: онъ тянулся къ ней скорѣе инстинктивно, какъ къ чему-то, дѣйствительно, реальному.

Возьмемъ, напримѣръ, лицейскіе годы. Его эпикуреизмъ былъ столько же поэтической игрой, сколько и манерой жить, мыслить — манерой здороваго, безпечнаго юноши. Вѣрный послѣдователь шаблоновъ Парни, Шапелля, Шольс—въ поэзіи, онъ легкомысленный, но старательный ухаживатель то за сестрами того или другого своего товарища, то за фрейлинами, то за ихъ горничными, веселый соучастникъ пирушекъ съ друзьями — въ жизни. Съ осени 1816 года настроеніе лицейскихъ стихотвореній мѣняется: веселое, эротическое прежде, оно становится болѣе меланхолическимъ,—это Пушкинъ платонически увлекся Е. П. Бакуниной. Замѣчательно, что одновременно съ подражательными или заимствованными произведеніями у Пушкина, уже въ ту пору—на зарѣ его поэтической дѣятельности, можно отмѣтить цѣлый рядъ чисто-реалистическихъ стихотвореній. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ (1814 г.) упоминаетъ онъ о Москвѣ — «краяхъ родныхъ». Въ «Посланіи къ Юдину» (1815 года) рисуетъ Захарово — сельскій пейзажъ, страничку своей недавно прошлой жизни; своимъ стилемъ это посланіе напоминаетъ намъ сельскія описанія конца 20-хъ—начала 30-хъ гг., въ родѣ «Зимы», «Осени». Въ 1814 г. написанъ знаменитый «Городокъ»; здѣсь между прочимъ, имѣются двѣ живыя фигуры (правда,

навѣянныя Батюшковымъ): сосѣдки—«добренькой старушки» и стараго маіора «съ Очаковской медалью на раненой груди». И правильно Незеленовъ по этому поводу замѣтилъ, что у Пушкина съ раннихъ лѣтъ обнаруживилась склонность къ изображенію «простыхъ людей» (Пушкинъ въ его поэзіи, 34). Упомяну объ открывкѣ изъ его стих. «Къ другу стихотворцу» (1814 г.)—«Въ деревнѣ, помнится», о стих. «Къ Алекс. Ив. Галичу» (1815 г.), «Князю Алекс. Мих. Горчакову» (1815 г.), «Моему Аристарху» (1815 г.), «Желаніе» (1816 г.)—вездѣ здѣсь очень много «земли» и живой дѣйствительности. Наконецъ, его «Сонъ» (1816 г.)—съ идиллическими картинками сельскаго быта и портретомъ «мамушки». Въ 1819 г. рисуетъ онъ виды своей деревни: на одной сторонѣ—ея «мирный шумъ дубровъ и тишину полей», на другой—«тягостный яремъ», невѣжества губительный позоръ». Въ стих. «Всеволожскому» (1818 г.) описываетъ «премилую старушку» Москву—штрихами, напоминающими описаніе того же города въ «Евг. Онѣгинѣ». И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и веселѣе бьетъ въ поэзіи Пушкина эта струя реализма: таковъ складъ его психики, таковы его инстинктивныя влеченія. Бѣлинскій назвалъ «Онѣгина» «энциклопедіей русской жизни»; но энциклопедіей болѣе полнаго изданія будетъ весь Пушкинъ, въ его цѣломъ; первыя страницы такой энциклопедіи писались поэтомъ еще на лицейской партѣ.

Еще для примѣра—о такъ называемомъ романтизмѣ Пушкина. Романтизмъ, какъ опредѣленная эстетическая теорія или извѣстная школа съ шаблонами и схемами, Пушкина удовлетворить не могъ.

Сколько онъ не разбирался въ его разнообразныхъ теченіяхъ, изучая съ этою цѣлью даже исторію всеобщей литературы, восчувствовать его ему не удавалось. «Сколько я ни читывалъ о романтизмѣ—все не то», писалъ онъ въ ноябрѣ 1825 г. Бестужеву. (Переписка П., изд. Ак. Н., т. I, 1906, 308). Правда, романтической теоріи и онъ отдалъ дань, но скорѣе подстрекаемый модными въ пользу ея вліяніями вокругъ и примѣромъ литературныхъ друзей своихъ, а одно время и руководителей. Такъ, онъ нѣсколько разъ пытался создать поэму или драму по романтическимъ шаблонамъ Виланда изъ временъ Св. Владиміра или Новгорода съ Рюрикомъ и Гостомысломъ. Въ «Отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ» въ одномъ мѣстѣ значится: «Третьяго дня хотѣлъ я написать героическую поэму: «Игорь и Ольга». Отъ 1822 г. дошло до насъ два отрывка подъ заглавіемъ «Вадимъ»,—одинъ поэмы, другой драмы. Отъ этого же, кажется, года имѣются наброски плана поэмы съ Владиміромъ въ герояхъ; по крайней мѣрѣ, кн. Вяземскій («Сынъ Отеч.», 1822 г. 82, № 49, 125) записываетъ обѣщаніе Пушкина разсказать «Мстислава древній поединокъ» и ждетъ «съ нетерпѣніемъ давно обѣщанной поэмы Владиміра, который и послѣ Хераскова еще ожидаетъ себѣ пѣснопѣвца». Но замѣчательно, что поэту не удалось довести до конца ни одной изъ такихъ попытокъ; посчастливилось только одному Олегу, да и то, какъ герою баллады. Правда, съ струей романтизма—той, которая была конкретно разработана преимущественно Байрономъ или Шатобріаномъ, Пушкинъ былъ одно время связанъ органически. Но въ поэмахъ «Кавк. Плѣнникъ» или «Цыганы» намъ не столь дорого то, что мѣстами въ нихъ довольно рельефно отложились вліянія названныхъ европейскихъ поэтовъ, какъ то, что эти поэмы—сплошь субъективны, что въ нихъ виденъ самъ авторъ въ эпоху протеста—страницы изъ исторіи его тогдашней жизни. Нѣкоторыя мѣста изъ его кишиневскихъ и одесскихъ писемъ указываютъ намъ, что на романтизмъ онъ смотрѣлъ тогда исключительно, какъ на «свободу» отъ правилъ литературныхъ, какъ на «поэтическій атеизмъ»; былъ противъ «жеманства» французскихъ литераторовъ и за простоту и естественность формы. Недаромъ Н. Н. Раевскій, немного позже—въ письмѣ 1825 г., предсказывалъ ему: «Vous acheverez de faire descendre la poésie de ses échasses» (Переписка, изд., 212). Такой романтизмъ, какъ литературная форма протестующаго настроенія, былъ въ соотвѣтствіи съ темпераментомъ Пушкина—въ періодъ его ссылки на югъ и нѣкоторое время до нея.

Какой то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава....

говоритъ онъ объ этомъ времени. Упомянутая выше драма «Вадимъ» должна была, по замыслу Пушкина, представить «картину заговора и возстанія «славянскихъ племенъ»

противъ иноплеменнаго» ига, напомнить именемъ Вадима извѣстную трагедію Княжнина, удостоенную оффиціальнаго преслѣдованія въ прошлое столѣтіе, и наконецъ открыть эру мужественныхъ Альфіеровскихъ трагедій въ русской литературѣ, на мѣсто любовныхъ классическихъ, которыя въ ней господствовали» (Анненковъ, П. въ Александровскую эпоху, 164). Такимъ образомъ и въ романтизмѣ Пушкина мы можемъ отмѣтить черты чисто реальнаго уклада.

II.

Съ народностью въ литературѣ Пушкинъ долженъ былъ познакомиться едва ли еще не ребенкомъ, въ отцовскомъ домѣ. Эта стихія тогда была модной и особенно внушительной. Рѣдкій изъ литературныхъ отцовъ или учителей Пушкина не попробовалъ своихъ силъ въ этомъ направленіи: Херасковъ, Державинъ, Богдановичъ, Радищевъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ и много другихъ писателей. Всѣ они вдохновлялись нашей народной стариной, преимущественно миѳологическаго періода. Фондомъ, откуда черпалось знаніе въ этой области, были сборники сказокъ «богатырскихъ»—Чулкова, Попова, Новикова, сборники народныхъ пѣсенъ, въ родѣ Дмитріева или, въ лучшемъ случаѣ и то гораздо позже, сборникъ былинъ Кирши Данилова. Русская древность была представлена въ этихъ сборникахъ (исключая Кирши) въ совершенно искаженномъ видѣ; уваженія къ предмету изученія не было и старину добродушно «поддѣлывали», присоединяя къ народной поэзіи изобрѣтенія личной фантазіи, давая въ параллель греческому Олимпу своихъ «боговъ» и «богинь», въ родѣ Лады, Святовида, Добрады и имъ подобныхъ. Литературныя поэмы съ такого рода матеріаломъ писались, главнымъ образомъ, по рецептамъ псевдоклассическимъ, и притомъ въ сильно идиллическомъ освѣщеніи: древняя эпоха считалась эпохой патріархальной невинности и простоты нравовъ. Перуна ставили зачастую рядомъ съ Одиномъ, Бабу-Ягу съ Венерой, какихъ-нибудь Ладъ или Лелей съ Кипридами и Эротами.

Народность въ литературѣ была у насъ въ прямомъ смыслѣ «смѣсью былей съ небылицами». Отъ такихъ поэмъ отдавало либо плаксивой сентиментальностью, либо звономъ и трескомъ крикливаго патріотизма. Пушкинъ въ поэму «Русланъ и Людмила» внесъ элементъ шаржа, ироніи. Карамзинъ во вступленіи къ своей «богатырской сказкѣ» «Илья Муромецъ» такъ разъясняетъ себя:

Я намѣренъ слогомъ древности
Разсказать теперь одну изъ нихъ (сказокъ)
Вамъ, любезные читатели,
Если вы въ часы свободные
Удовольствіе находите
Въ русскихъ баснях, въ русскихъ повѣстяхъ,
Въ смѣси былей съ небылицами,
Въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
Въ сихъ мечтахъ воображенія.

Вообще, народная поэзія имѣла тогда въ литературѣ значеніе служебное: была лишь модным фономъ, декоративной. Илья Муромецъ у того же Карамзина, напримѣръ, рисуется какимъ-то рыцаремъ—«подобнымъ маю красному», на лицѣ у него расцвѣтаютъ «розы алыя съ лиліями», «онъ подобенъ мирту нѣжному: тонокъ, прямъ и величавъ собой»; у него нѣжное сердце,—такъ онъ, во время поѣздки по лугу, любуется красотою дня и «въ душѣ своей чувствительной жертву утреннюю, чистую» приноситъ Царю Небесному. Приблизительно такъ же обращались со стариной и Державинъ въ «Царь-Дѣвицѣ», и Радищевъ въ «Бовѣ», Львовъ въ «Добрынѣ» и другіе.

Пушкинъ отозвался на это направленіе двумя вещами—«Бовой» (1815 г.) и поэмой «Русланъ и Людмила» 1817—1820 гг. Чисто-подражательный «Бова» скоро наскучилъ автору и остался неоконченнымъ. Сюжетъ былъ взятъ у Батюшкова; въ письмѣ къ Вяземскому отъ 16-го года Пушкинъ пишетъ: «Обнимите Батюшкова за того больнаго, у котораго годъ тому назадъ завоевалъ онъ Бову-Королевича» (Переписка, 3). Надъ «Русланомъ и Людмилой» Пушкинъ работалъ цѣлыхъ три года, причемъ, впрочемъ, его подстегивали то Батюшковъ, то особенно Александръ Тургеневъ, такъ какъ и поэма успѣла ему надоѣсть. Въ этой поэмѣ Пушкинъ оказался мѣстами въ шаблонахъ указанныхъ выше образцовъ; «въ ней русскаго—одни только имена, да и то не всѣ», какъ говорилъ Бѣлинскій; онъ «пародировалъ» Киршу Данилова, какъ ворчалъ критикъ «Вѣстника Европы» (№ 11, 1820 г.), рецензируя поэму. Но въ поэмѣ есть все же новое, Пушкинское. О формѣ—столь легкой, о художественныхъ образахъ, которые должны были поразить критиковъ, привыкшихъ къ стереотипнымъ фигурамъ литературы

XVIII вѣка, мы уже не говоримъ. Для насъ сейчасъ особенно интересенъ тонъ поэмы—«новый ладъ»: иронической, шутливый, пародирующій старыхъ боговъ; комичная фигура Черномора, хвастунъ Фарлафъ, влюбленная старушенька, горбунья съ клюкой—волшебница Наина; и все это съ приправой изящной игривости—«чувственности», какъ возмущенно указывала тогда критика. Въ своемъ посвященіи этой поэмы (1820 г.) Пушкинъ говоритъ:

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ:
Примите жъ вы мой трудъ игривой!

Шестую пѣснь (1819—20 гг.) начинаетъ онъ такъ:

Ты мнѣ велишь, о, другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старины были напѣвать,
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...

Наконецъ, въ четвертой пѣснѣ (1818 г.) имѣется живая пародія на «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» Жуковскаго; позднѣе, въ замѣткѣ 1830 г., поэтъ осуждалъ себя за такую выходку противъ «дѣвственнаго поэтическаго созданія»; эта пародія, быть можетъ—изъ подражанія практикѣ Арзамаса. Въ концѣ четвертой же пѣсни Пушкинъ упоминаетъ о Парни и считаетъ для себя возможнымъ и въ этой поэмѣ слѣдовать по его «слѣдамъ». Итакъ, пародія; пускай легкомысленная, «небрежная»—въ уровень съ тактикой тогдашней жизни поэта, но для насъ важенъ самый фактъ. Стало быть, Пушкинъ во время писанія поэмы былъ въ отношеніи къ тогдашнему «народничеству» уже въ иной плоскости по сравненію со своими собратьями и пока отъ ихъ народничества только «отшучивался».

Съ этого времени Пушкинъ становится, мало по малу, въ болѣе правильныя отношенія къ народности: нѣтъ уже «игры» по сентиментальнымъ или романтическимъ шаблонамъ, складывается постепенно взглядъ на эту стихію,—трезвый, правдиво-реальный. «Байронствованіе» не препятствовало проявленію въ немъ этнографическихъ интересовъ и даже дѣятельности. Такъ, во время путешествія по Кавказу и Крыму, Пушкинъ вмѣстѣ съ Раевскимъ интересовался бытомъ казачьихъ станицъ, ихъ преданіями, разсказами о вольницѣ и гуляющихъ шайкахъ разбойниковъ, слушалъ пѣсни въ казачьихъ станицахъ. Къ этому времени,—увидимъ дальше,—Пушкинъ уже довольно основательно былъ знакомъ съ народной поэзіей вообще. Такъ, въ 1821 г. задумалъ онъ написать поэму о разбойникахъ; вмѣсто поэмы мы имѣемъ только отрывокъ ея—«Братья-разбойники», да двѣ небольшія программы (Сочин., II, 308—9); и вотъ изъ программъ видно, что поэма предполагалась быть построенной на пѣсняхъ и преданіяхъ народа о воровскихъ казакахъ. «Цыганы», какъ извѣстно, писались отчасти, на основаніи тѣхъ наблюденій, которыя накопились у Пушкина за время его скитаній въ пустыняхъ Бессарабіи за «лѣнивыми толпами» цыганъ. Пѣсня Земфиры—«Старый мужъ, грозный мужъ»—есть удачное подражаніе народной румынской пѣснѣ съ соблюденіемъ ея національнаго колорита и тона. Баллада 1820 г. «Черная шаль»—также одинъ изъ популярныхъ у кишиневскихъ румынъ романсовъ, который Пушкинъ, по преданію, слышалъ изъ устъ молдаванки Маріулы—служанки одного изъ тогдашнихъ кишиневскихъ ресторановъ. Упомяну, наконецъ, еще объ отрывкѣ 1822 г.—«Царь Никита», характерномъ по чисто-народному складу, и о граціозномъ стихотвореніи того же года «Птичка», написанномъ «подъ вліяніемъ впечатлѣній, навѣянныхъ на великаго поэта Свѣтлой недѣлей»; здѣсь видна любовь Пушкина къ «родному обычаю старины»: «Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ Свѣтлое Воскресенье выпускать на волю птичку?» спрашиваетъ онъ въ письмѣ Гнѣдичу (Переписка, 44). Къ 1822 г. относится и «первоначальная программа сказки о царѣ Салтанѣ» («Рус. Старина», 1884, V, 334—5).

Такъ подходилъ Пушкинъ къ истинному пониманію народной стихіи въ широкомъ смыслѣ слова. Шелъ онъ ощупью—чутьемъ реальнаго. Недаромъ въ Кавказскомъ Плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» романтизмъ такъ сильно борется съ реализмомъ, недаромъ въ Одессѣ, расквитавшись съ Байрономъ «Цыганами», поэтъ написалъ двѣ слишкомъ пѣсни «Онѣгина». Русская критика въ то время много шумѣла на тему о томъ, что такое народность вообще. Пушкинъ до времени самъ, повидимому, не могъ отдать

себѣ въ этой темѣ отчета. Но позже, въ 1825 г., въ отрывкѣ «О народности въ литературѣ» онъ высказывается уже опредѣленно: «Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи» (Соч., V, 31). Подобное толкованіе народности немного узко и въ немъ слышенъ голосъ практика, уже поработавшаго подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія въ своей области: недаромъ Пушкинъ прожилъ больше, чѣмъ два года, въ селѣ Михайловскомъ

III.

Отношеніе Пушкина къ народной поэзіи было двоякое: этнографическое и художественное. Такой знатокъ фольклора, какъ проф. Всеволодъ Миллеръ, въ своей юбилейной статьѣ о Пушкинѣ—«Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ», М., 1899—не затруднился назвать поэта въ отношеніи его къ народной поэзіи этнографомъ, притомъ въ узкомъ спеціальномъ смыслѣ. Принимая во вниманіе, во-первыхъ, плачевное состояніе русской этнографіи во времена до-Пушкинскія, при немъ и даже нѣкоторое время послѣ него—до 50-хъ годовъ, а во-вторыхъ, отдавая себѣ отчетъ въ томъ, какимъ знатокомъ и цѣнителемъ народной поэзіи для своего времени явилъ себя Пушкинъ, мы можемъ, нисколько не умаляя достоинствъ этнографіи, какъ науки, вполнѣ назвать его этнографомъ.

«Охотники» стали записывать у насъ пѣсни еще съ XVII вѣка, но отношенія къ народно-поэтическому матеріалу вплоть до 50 гг. XIX в. были самыя невѣжественныя. Народъ—«чернь» по тогдашнимъ понятіямъ—не удостаивался сдѣлаться объектомъ непосредственныхъ изученій и допускался лишь въ комедію или какую-нибудь шутливую оперу, да и то на роли статиста. Объ интересѣ научномъ—этнографическомъ не могло быть и рѣчи, за очень рѣдкими исключеніями. Исторической перспективы при пользованіи народными былями не имѣлось даже у тогдашнихъ «спеціалистовъ» по народной поэзіи. Критерій былъ единственный: эстетическій—«деликатный», недаромъ и сборники по народной словесности часто назывались тогда «деликатными». Однимъ словомъ, не умѣли еще не только понимать, но и уважать, по крайней мѣрѣ, старины, беречь ее. Такъ, Чулковъ, издавая начало своихъ «сказокъ» въ 1780 г., въ «извѣстіи» извиняется передъ читателемъ въ томъ, что намѣренъ «издать въ свѣтъ книгу, содержащую въ себѣ отчасти повѣствованія, которыя разсказываются въ каждой харчевнѣ». Такъ, Сергѣй Глинка, рецензируя первое изданіе «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» Кирши Данилова, уподоблялъ наши былины въ «нѣкоторомъ смыслѣ» Оссіану, а что эти былины дошли до насъ изъ старины, объяснялъ тѣмъ, что «наши праотцы были чувствительны, нѣжны и любили преданія прошедшихъ временъ». Издатель II-го изданія Кирши ученый Калайдовичъ уже въ 1818 г., въ своемъ предисловіи, высказывался въ томъ смыслѣ, что Кирша Даниловъ былъ не «собиратель», а скорѣе «сочинитель; разобравъ слогъ былинъ, ученый горевалъ, что права Данилова на красоты слога самыя ограниченныя», и краснѣлъ въ смущеніи, зачѣмъ тотъ «пресыщенный дарами Бахуса и мечтами о сладострастныхъ вакханкахъ, терялъ совершенно уваженіе къ стыдливости» при сочиненіи нѣкоторыхъ пѣсенъ. Подобныхъ примѣровъ пониманія народной поэзіи можно было бы привести массу. Присяжныхъ этнографовъ не было и во времена Пушкина; народная старина продолжала быть въ вѣдѣніи любителей. Правда, въ 30-хъ годахъ встрѣчаются уже попытки, вполнѣ сознательныя, разбираться въ содержаніи народно-поэтическаго репертуара, вырабатывается нѣкоторая перспектива, но научныхъ критеріевъ на предметъ и пріемовъ изслѣдованія долгое время у насъ еще не имѣется. Потому-то и этнографы 30—40 годовъ, въ родѣ Сахарова, Снегирева, отчасти Даля, при составленіи своихъ сборниковъ или при попутномъ комментированіи, шли часто совершенно не по правильному пути, отвлекаясь въ сторону либо ultra-патріотическими тенденціями, либо европейской романтикой. Сахаровъ поддѣлывалъ старину не хуже Чулкова. Издатель собранія пѣсенъ Кирѣевскаго—П. А. Безсоновъ говоритъ о сказкахъ, изданныхъ Сахаровымъ (Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, V вып., М. 1863, приложеніе CXXII): «... Сахаровъ ихъ обдѣлывалъ и все, что угодно, и не такъ наивно, какъ Чулковъ, а съ полной свободою фантазіи личной, съ притязаніями художника въ народномъ жанрѣ, съ образованностью регулятора, съ языкомъ не литературнымъ, а поддѣльнымъ народнымъ, исправленнымъ,

вымытымъ, причесаннымъ, разсыпая въ немъ дары своихъ знаній рукою полною». Многимъ памятенъ Сахаровскій «чистый народный русскій языкъ»: манерный—со «словами», да съ приговорками, притворный и фальшивый. То же—въ меньшей только степени—можно наблюдать и у Даля во многихъ его трудахъ по этнографіи. Въ сторонѣ отъ такихъ этнографовъ стоитъ П. В. Кирѣевскій, это—нашъ первый настоящій народникъ. Но онъ въ 30-хъ годахъ былъ еще единственнымъ, да кромѣ того, по цензурнымъ обстоятельствамъ, собраніе его народныхъ пѣсенъ при его жизни не могло быть изданнымъ (за исключеніемъ однихъ духовныхъ стиховъ, изданныхъ въ 1848 г.) и стало выходить только съ 1860 г.

Пыпинъ, заключая въ своей «Исторіи русской этнографіи» главу объ этнографическихъ изученіяхъ въ 30—40-хъ годахъ, писалъ такъ: «Нужно было еще создать этнографическую науку, указать ея теоретическія основы, объемъ, требованія и пріемы, указать значеніе ея матеріала и способъ наблюденія. Вопросъ не былъ легкій. Содержаніе этнографіи... можетъ опредѣляться, и дѣйствительно опредѣлялось, весьма различно—отъ спеціальнаго описанія народнаго быта до цѣлой, почти безпредѣльной, науки о внутренней жизни народа, до «народной психологіи» (I, Спб., 1890, 274).

Пушкинъ подошелъ къ народно-поэтическому богатству совершенно неподготовленнымъ, какъ любитель, да и готовиться, какъ мы видѣли, было не у кого. Все напечатанное въ этой области, чѣмъ могъ онъ пользоваться, скорѣе должно было бы запутать его, какъ оно запутало его друзей и предшественниковъ. Оно путало и его,—мы видѣли,—до 1820 года, а затѣмъ чутье реальнаго вывело его на настоящую дорогу.

IV.

Біографы Пушкина, отмѣчая условія, способствовавшія возникновенію въ поэтѣ любви къ народной поэзіи, поминаютъ, обыкновенно, его бабушку М. А. Ганнибалъ—старуху русскаго склада, съ большимъ запасомъ преданій стараго времени; поминаютъ ея подмосковное село Захарово, куда родители поэта съ семьей каждое лѣто ѣздили гостить, и въ окрестностяхъ котораго, въ селѣ Вяземо, было много существенныхъ историческихъ памятниковъ временъ Бориса Годунова (Анненковъ, Пушкинъ, Матеріалы, Спб., 1873, 5; Майковъ, Пушкинъ 324); Павлищевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (М., 1890, 7 д.) указываетъ, что народная поэзія, но въ полу-народномъ видѣ, процвѣтала и въ домѣ родителей поэта—среди дворни были даже доморощенные стихотворцы, въ родѣ слуги Никиты Тимофеевича; проф. Халанскій полагаетъ, что Пушкинъ отчасти былъ обязанъ въ указанномъ отношеніи своему дядѣ Василію Львовичу. Но дольше всѣхъ, обыкновенно, останавливаются на нянѣ поэта—Аринѣ Родіоновнѣ. Она была простая женщина, изъ народа, суевѣрная, отчасти наивная, но вмѣстѣ съ тѣмъ одаренная большимъ здравымъ смысломъ. Она была вся пропитана поэзіею деревни; чисто-народная рѣчь ея была пересыпана пословицами и поговорками; умѣла «сказывать сказки», ими забавляла дѣтей Пушкиныхъ на сонъ грядущій, ихъ же часто разсказывала она и потомъ—поэту въ Михайловскомъ. Пушкинъ былъ сильно къ ней привязанъ, «любилъ ее родственною неизмѣнною любовью» (Анненковъ, Матеріалы, 3); впрочемъ, оно и понятно: и ребенкомъ и потомъ во всю жизнь никогда онъ не видалъ отъ родителей себѣ ничего, кромѣ полнаго равнодушія, потому и привязался къ нянѣ, которая привлекла къ себѣ «неуимчиваго» питомца любовью и заботливостью, недаромъ онъ называлъ ее постоянно «мамушкой» («Сонъ» 1816 г.) «мамой» («Рус. Старина», 1899, V, 271). Поэтъ отплатилъ ей за такую любовь, какъ извѣстно, и въ поэзіи, опоэтизировавъ ее во многихъ своихъ произведеніяхъ или упомянувъ о ней. Эти произведенія всѣмъ извѣстны: «Сонъ», 1816 г., можетъ быть, «Наперсница волшебной старины» 1821 г. (см. у проф. Сумцова «Изслѣдованія о поэзіи А. С. П.», Харьковскій ун. сп. въ память П., 1900, 111), упоминаніе въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ» (1824 г.) «Зимній вечеръ» (1825 г.), «Подруга дней моихъ суровыхъ» (1827 г.), «Вновь я посѣтилъ» (1835 г.), (см. проф. Шляпкинъ, изъ неизд. бумагъ А. С. П., 1903, 41—43); упоминаніе въ «Евг. Онѣгинѣ»—гл. IV, строфа XXXV; рисовалъ Пушкинъ съ нея няню Татьяны, должно быть, и няню Ольги Ѳадеевну (см. письмо Д. М. Княжевичу (?) отъ дек. 1824 г.—Переписка, 154). О ней, наконецъ, упоминаетъ онъ въ первыхъ строкахъ своихъ лицейскихъ записокъ (Соч., V, 1).]

Зная, какъ относились къ поэту родители его, зная затѣмъ, что онъ имѣлъ нѣжную,

особенно чуткую къ ласкѣ душу, мы понимаемъ, почему онъ няню опоэтизировалъ. Но онъ нигдѣ—ни въ одномъ изъ указанныхъ произведеній, ни въ одномъ изъ писемъ—нигдѣ не говорилъ о томъ, чтобы эта его няня имѣла какое-нибудь вліяніе на его міровоззрѣніе, на его художественный вкусъ, возбудила бы его любовь къ народной поэзіи. Поэтъ затвердилъ «отъ малыхъ лѣтъ» ея разсказы, старушка была «другомъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ» его весны, въ Михайловскомъ «плоды мечтаній» читалъ онъ часто «только старой нянѣ»—вотъ и вся ея роль въ Пушкинской поэзіи по его с о б с т в е н н о м у признанію. А потому едва-ли вѣрны частые довольно панегирики по адресу няни за ея «вліяніе» на поэзію поэта. Нѣкоторые ученые пишутъ, что няня «можетъ быть, знала и былевой эпосъ» (Незеленовъ, П. въ его поэзіи, 191; Сумцовъ, указ. соч., 110), что она, вмѣстѣ съ немногими другими, «спасла» въ маленькомъ Пушкинѣ русскаго человѣка (Сиповскій, Пушкинъ, Спб., 1907, 26), что она вообще играла роль какую-то, чуть-ли не мистическую, въ судьбахъ его поэзіи; нѣкоторые утверждаютъ, что переломъ въ міровоззрѣніи, начавшійся въ поэтѣ, якобы, съ Михайловскаго, совершился подъ воздѣйствіемъ вліяній няни, хотя это невѣрно даже хронологически, и т. д. При всемъ почтеніи къ Аринѣ Родіоновнѣ, холившей и берегшей нашего поэта, все же приходится замѣтить, что указанныя сужденія—малообоснованы. Въ настоящее время, правда, замѣчается въ научной литературѣ уже болѣе трезвое къ этому вопросу отношеніе, но учебники и большая публика остаются при прежней точкѣ зрѣнія (ср., напр., Крапоткинъ, Идеалы и дѣйствительность въ рус. лит., Спб., 1907, 46). Няня была для Пушкина только «объектомъ для наблюденій и изученій народности» (проф. Халанскій, указ. Харьк. сб., 410), или, въ лучшемъ случаѣ, внѣшнимъ звеномъ, связывавшимъ его, француза по воспитанію, съ народною жизнью.

V.

Пушкинъ очень любилъ народную поэзію—во всемъ ея объемѣ: «шутки, приговорки, прибаутки, небылицы, былины православной старины»—«слушать, такъ душѣ отрадно...» (Соч., II, 149). Въ статьѣ «Мысли на дорогѣ» (1834 г.) онъ сѣтуетъ на Радищева, отчего тотъ въ своемъ «Путешествіи» не поговорилъ «о нашихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя до сихъ поръ еще не напечатаны и которыя заключаютъ въ себѣ столь много истинной поэзіи» (Соч., V, 232). Въ письмѣ къ Плетневу онъ проситъ посовѣтовать Жуковскому «читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ: прелесть простоты и вымысла!» (Соч., VII, 267, 1831 г.). Въ своихъ сужденіяхъ о народной поэзіи Пушкинъ обнаруживаетъ пониманіе дѣла, имѣетъ для ориентированія историческую перспективу и вообще проявляетъ довольно хорошее съ дѣломъ знакомство. Кн. Вяземскій, описывая свое посѣщеніе Пушкина въ день его свадьбы, говоритъ, между прочимъ: «Съ жадностью слушалъ я высказываемое Пушкинымъ своимъ друзьямъ мнѣніе о прелести и значеніи богатырскихъ сказокъ и звучности народнаго русскаго стиха» (Пушкинъ по дукум. Остафьевскаго архива, Спб. 1880, 42). Въ «Мысляхъ на дорогѣ» поэтъ говоритъ: «Нѣсколько сказокъ и пѣсенъ, безпрестанно поновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности, и Слово о Полку Игоревѣ возвышается уединеннымъ памятникомъ въ пустынѣ нашей словесности» (Соч., V, 250). Дошло до насъ три его программы по исторіи русской литературы, связанныя, кажется, съ той же статьей—«Мысли на дорогѣ»; здѣсь народная поэзія занимаетъ въ проспектѣ свое настоящее мѣсто (соч., V, 252, Шляпкинъ, указ. соч., 54 д.). Въ «Критическихъ Замѣткахъ» (1830—31 г.) поэтъ дѣлаетъ разборъ пословицъ (соч., V, 137); обѣщаетъ въ 1836 г. Снѣгиреву написать разборъ его собранія «Пословицъ», читаетъ съ нимъ его «Русскіе Праздники» (Рус. Архивъ, 1902, X). Но помимо интересовъ художественныхъ и историко-литературныхъ, Пушкина тянуло къ народно-поэтической стихіи еще одно: ея основной тонъ, который подчасъ такъ подходилъ къ душевному складу самого поэта. Пушкинъ настойчиво подчеркиваетъ элегическій характеръ русской пѣсни—«Грустный вой пѣснь русская» — «отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло» («Домикъ въ Коломнѣ», строфа XXIX). О свадебныхъ пѣсняхъ онъ пишетъ въ «Мысляхъ на дорогѣ»: «Шлюсь на русскія пѣсни: обыкновенное ихъ содержаніе—или жалобы красавицы, выданной замужъ насильно, или упреки молодого мужа постылой женѣ. Свадебныя пѣсни наши унылы, какъ вой

похоронный» (соч., V, 228). Но поэту «нравился» «жалобный напѣвъ» нашихъ пѣсенъ—

Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
Буду слушать голосъ твой.
Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
Грустенъ вѣтра дальній вой...
Знаешь пѣсню ты—лучина...

(Соч., II, 163). Оттого то, быть можетъ, и могъ поэтъ такъ превосходно читать на собраніяхъ русскія пѣсни, о чемъ свидѣтельствуетъ, напр., Шевыревъ, (Майковъ, Пушкинъ, 331).

Знакомился Пушкинъ съ народной поэзіей чаще всего, конечно, путемъ чтенія. Такъ изъ внимательнаго библіографическаго анализа мы можемъ заключить, что онъ часто пользовался «Пѣсенникомъ» 1780 г. (см. мою ст. «О рус. нар. пѣсняхъ, перевед. Пушкинымъ на франц. яз.»,—Сборникъ Петерб. ун. въ память П., 1900 г.), собраніемъ «Русскихъ Сказокъ» Чулкова, изд. Новикова (проф. Владиміровъ, «П. и его предшественники въ русской лит.»,—Сборн. Кіев. ун. въ пам. П.). «Древн. Рос. Стихотворенія» Кирши Данилова лицеисты имѣли еще въ 1815 г. въ рукахъ (дневникъ Кюхельбекера. «Рус. Старина», 1875, XIII, 502). Поэтъ пользовался этимъ собраніемъ и притомъ часто. Такъ кн. Вяземскій въ день свадьбы Пушкина видѣлъ Киршу «на одной изъ полочекъ, устроенныхъ по обоимъ бокамъ дивана» (въ кабинетѣ поэта) (П. по докум. Остаф. арх., 42). Пушкинъ «обиралъ» Максимовича—собраніе малорусскихъ пѣсенъ (Ж. М. Н. Пр. 1872, X), читалъ Цертелева—тоже малор. нар. пѣсни (Переписка, 58). Живя въ Кишиневѣ, въ домѣ Инзова, онъ, по словамъ Анненкова, «принялся за собираніе народныхъ пѣсенъ, легендъ, этнографическихъ документовъ, за обширныя выписки изъ прочитанныхъ сочиненій и пр.» (П. въ Алекс. эпоху, 155). Тѣмъ же, но въ гораздо большемъ объемѣ, занимался онъ и въ селѣ Михайловскомъ, особенно—когда творилъ своего Бориса. Пушкинъ знакомъ былъ и съ поэзіей западныхъ и южныхъ славянъ, притомъ не только по Мериме; знакомство это одно время было непосредственнымъ—путемъ личныхъ наблюденій, которыя онъ могъ дѣлать надъ болгарами и сербами въ Кишиневѣ (Бартеневъ, П. въ южной Россіи, 57); въ 30 хъ годахъ онъ имѣлъ въ рукахъ сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ Вука Караджича, и въ литературѣ существуетъ мнѣніе (Шляпкинъ, Кулаковскій), что одна изъ сербскихъ пѣсенъ собранія «Пѣсни западныхъ славянъ» была поэтомъ переведена непосредственно изъ Вука (Шляпкинъ, указ. соч., 32—35. Ср. ст. А. М. Яцимірскаго въ III т. наст. изд.). Въ его письмахъ часто попадаются просьбы прислать ему того или другого матеріала по народной поэзіи: брата Льва въ 1824 г. проситъ прислать «сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ» (Переписка, 141), или, въ другомъ письмѣ, «жизнь Емельки Пугачева» (ibid., 144); Жуковскаго въ 1825 г. проситъ «доставить или жизнь желѣзнаго колпака, или житіе какого-нибудь юродиваго» (ibid, 267); Н. М. Языкову пишетъ: «Пришлите мнѣ, ради Бога, стихъ объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и еще какую-нибудь легенду. Нужно» (1836 г., соч., VII, 397; ср. Шляпкинъ, указ. соч., 234).

Много дали Пушкину въ отношеніи знакомства съ народной поэзіей его дѣтскія бесѣды съ бабушкой, дворней, много сообщила ему за свою жизнь и няня, особенно когда жила вмѣстѣ съ поэтомъ въ Михайловскомъ. «... Слушаю сказки—и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія»,—пишетъ онъ брату въ 1824 г. (Переписка, 140); «живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старыя сказки да пѣсни», сообщаетъ онъ Вяземскому въ 1825 г. (ibid, 169; ср. «Рус. Старина», 1899, V, 272, письмо А. В. Никитенки).

Изъ другихъ посредниковъ между поэтомъ и народномъ стариной упомяну о старухѣ Ушаковой, въ домѣ которой, въ Москвѣ, бывалъ онъ въ 1826—7 г. Онъ охотно съ ней бесѣдовалъ и «часто просилъ ее диктовать ему извѣстныя ей русскія народныя пѣсни и повторять ихъ напѣвы» (Майковъ, Пушкинъ, 362); часто любилъ поэтъ говорить о старинѣ и съ московской барыней Наталіей Кирилловной Загряжской, дальней родственницей по женѣ (ibid, 412); нѣкоторыя услуги, увидимъ, оказалъ ему и Даль.

Былъ, наконецъ, третій путь, который велъ поэта къ народно-поэтической стихіи—это его собственные поиски, путешествія, хожденія «въ народъ»: этнографическая дѣятельность въ прямомъ смыслѣ. Такія хожденія начались у Пушкина гораздо раньше, чѣмъ нѣкоторые думаютъ,—на югѣ еще, а не въ селѣ Михайловскомъ, а продолжались и въ 30-хъ годахъ. Вызывались они стремленіемъ поэта проникнуть непосредственно въ сущность народно-поэтическаго творчества, самому, своей душой

до него дотронуться. Впрочемъ, въ Пушкинское время—въ 20—30-хъ годахъ—такого рода стремленіе было явленіемъ частымъ въ кругахъ литературныхъ. Такъ, Жуковскій въ 1816 г., думая о своемъ «Владимірѣ», просилъ племянницъ Зонтагъ и Кирѣевскую записывать для него сказки; въ письмѣ изъ Дерпта 1816 г. («Рус. Архивъ», 1864, 468) онъ пишетъ: «Эта національная поэзія, которая у насъ пропадаетъ, потому что никто не обращаетъ на нее вниманія: въ сказкахъ заключаются народныя мнѣнія, суевѣрныя преданія даютъ понятіе о нравахъ ихъ и степени просвѣщенія и о старинѣ». Пушкинъ въ письмѣ къ Плетневу (1831 г.) пишетъ: «Жуковскій, говорилъ (Дмитріевъ), въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разсказывать сказки» (Соч., VII, 267). До извѣстной степени этнографомъ былъ Ал. Мих. Языковъ, братъ поэта, который дѣлалъ Пушкину кое-какія одолженія по части этнографіи, а затѣмъ и самъ поэтъ Языковъ, Мицкевичъ дѣлился народными сказками въ гостяхъ у Дельвига; Гоголь просилъ знакомыхъ дѣлать для него записи народныхъ пѣсенъ; присяжнымъ этнографомъ сталъ П. Кирѣевскій, родственникъ Жуковскаго; началъ при Пушкинѣ свои странствованія и Даль.

VI.

Этнографическія наблюденія, какъ уже сказано было, сталъ дѣлать Пушкинъ со времени своего перваго путешествія на Кавказъ съ Раевскими. Здѣсь, во время пути по степямъ, онъ вмѣстѣ съ Н. Раевскимъ присматривался къ быту казаковъ, прислушивался къ ихъ пѣснямъ; здѣсь благодаря этимъ пѣснямъ онъ впервые заинтересовался и личностью Разина (Майковъ, Пушкинъ, 154). Но познакомиться близко съ природой собственно Кавказа и бытомъ горцевъ онъ тогда возможности не имѣлъ, этнографическая часть «Кавказскаго Плѣнника» набросана скорѣе подъ впечатлѣніемъ литературныхъ описаній этой страны—именно стиховъ Жуковскаго и Державина, о чемъ, впрочемъ, поэтъ и самъ говоритъ въ первомъ изданіи этой поэмы. Въ Крыму, затѣмъ, онъ могъ дѣлать наблюденія надъ бытомъ татаръ, хотя на это нѣтъ пока нигдѣ указаній. Болѣе извѣстна намъ его жизнь въ Бессарабіи. Здѣсь онъ странствуетъ одно время съ цыганскимъ таборомъ по степямъ; «часто по цѣлымъ недѣлямъ и не одѣвался, не брился, ходилъ по степи, какъ сынъ природы—въ одной сорочкѣ» («Галатея», 1839, ч. 3, № 24), «любилъ ихъ пѣсней радостные гулы» («Цыганы», эпилогъ). Конечно, во всемъ этомъ могло быть и много «проказъ старины», какъ выражается онъ по этому поводу въ стих. «Цыганы» 1830 г., но все же безъ этого поэма «Цыганы» врядъ ли была бы такъ колоритна. Въ Кишиневѣ, благодаря, кажется, Липранди, имѣлъ Пушкинъ случай сходиться съ тамошними сербами и впослѣдствіи даже принимался записывать отъ нихъ ихъ пѣсни; тамъ же собиралъ онъ разсказы о Карагеоргіи, Ипсиланти. Въ Екатеринославѣ, по словамъ Смирновой (Сумцовъ, Харьк. юб. сб., 268) записалъ поэтъ двѣ сказки. На югѣ же онъ впервые заинтересовался и личностью Мазепы и ѣздилъ въ Бендеры, чтобы поговорить со старымъ казакомъ, помнившимъ Карла XII и Мазепу. Въ Михайловскомъ фигура Пушкина, какъ этнографа, становится болѣе внушительной. Отчасти оттого, что нѣтъ уже въ немъ «байронствованія», и его поэзія проникается непосредственной жизнью—настоящей и прошлой, тѣмъ, что онъ видитъ, слышитъ и о чемъ читаетъ. Отчасти, и потому, что отъ этого, главнымъ образомъ, періода дошло до насъ нѣкоторое число записей по народной поэзіи, сдѣланныхъ самимъ поэтомъ. Пушкинъ здѣсь ходилъ «въ народъ»; сохранилось довольно много свидѣтельствъ очевидцевъ этого. Такъ, по разсказу кучера Пушкина Петра, поэтъ лѣтомъ часто ходилъ въ Святогорскій монастырь (около Михайловскаго) на ярмарку, «ну, народу много собирается, и онъ туда хаживалъ, какъ есть бывало, какъ дома: рубаха красная, не бритъ, не стриженъ, чудно такъ, палка желѣзная въ рукахъ; придетъ въ народъ, тутъ гулянье, а онъ сядетъ на земь, соберетъ къ себѣ нищихъ, слѣпцовъ, они ему пѣсни поютъ, стихи сказываютъ» («Рус. Старина», 1899, V, 272; ср. «Спб. Вѣдомости», 1899, № 130). По разсказамъ другого старика—Кунтузова, Пушкинъ любилъ поговорить съ мужиками; на армаркахъ въ Святыхъ Горахъ «сядетъ, бывало, на монастырскомъ дворѣ на бревнахъ, около него народъ соберется, а онъ сидитъ да бесѣдуетъ» (Опочининъ, На родной землѣ, М., 1900, 23; ср. Василевъ, Слѣды пребыванія А. С. П. въ Псков. губ., Спб., 1899, 4). Одежда Пушкина во время такихъ скитаній напоминаетъ деревенскую одежду Онѣгина (гл. IV—Соч., III, 316 д.).

Упомяну, наконецъ, о путешествіи Пушкина съ этнографическими цѣлями въ Казань и Оренбургъ, предпринятомъ въ 1833 г. для «Исторіи Пугачевскаго бунта». Въ предисловіи къ этой «Исторіи» онъ говоритъ, что, помимо печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ, пользовался также «преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ». Любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ путешествія даетъ Даль въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ. Такъ, вмѣстѣ съ нимъ Пушкинъ посѣтилъ въ Оренбургѣ слободу Берды, бывшую резиденцію Пугача. Здѣсь поэтъ осматривалъ памятники, оставшіеся отъ временъ разбойника, нашелъ нѣсколькихъ живыхъ свидѣтелей бунта, собиралъ отъ нихъ преданія. Особенно цѣнныя указанія сообщила Пушкину одна старуха, она даже пѣла ему пѣсни про Пугача или, вѣрнѣе, какъ предполагаетъ Майковъ, вообще казацкія пѣсни (указ. соч., 430 прим.); объ этой старухѣ Пушкинъ писалъ и женѣ изъ Болдина (2 окт.) и признавался, что «отъ нея не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ» (Соч., VII, 327). Впечатлѣнія и свѣдѣнія, пріобрѣтенныя Пушкинымъ за это путешествіе, отложились, конечно, на страницахъ и «Капитанской дочки». Запись пѣсенъ, пропѣтыхъ Пушкину казачкой, не сохранилась, исключая одной — про коменданта Сурина (Соч., VI, 89, здѣсь лишь начало пѣсни), но Майковъ думаетъ, не воспользовался ли поэтъ этими бердинскими записями для эпиграфовъ (нѣкоторыхъ) къ главамъ «Капитанской Дочки» (указ. соч., 430).

Обратимся къ его записямъ. Въ нихъ представлены почти всѣ виды народнаго творчества. Можно быть увѣреннымъ, что записей имѣлось у Пушкина значительно больше, чѣмъ сколько ихъ извѣстно теперь. Цѣнныя указанія по этому вопросу даетъ П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ пѣсенъ» (Чтенія общ. ист. и древн. Гос., 1848, № 9). Здѣсь говорится, что у него въ распоряженіи имѣлась тетрадь пѣсенъ, собранныхъ Пушкинымъ въ Псковской губ. и что эту тетрадь передалъ ему самъ поэтъ. Буслаевъ въ «Моихъ воспоминаніяхъ» дѣлаетъ дополненіе къ такому указанію Кирѣевскаго; передавая свой разговоръ съ послѣднимъ, въ 40-хъ годахъ у Кирѣевскаго на квартирѣ, по поводу его собранія пѣсенъ, Буслаевъ, между прочимъ, пишетъ: «Вотъ эту пачку, сказалъ Кирѣевскій, далъ мнѣ самъ Пушкинъ и при этомъ сказалъ: «когда-нибудь отъ нечего дѣлать разберите-ка, которыя поетъ народъ и которыя смастерилъ я самъ». И сколько ни старался я разгадать эту загадку,—продолжалъ Кирѣевскій,—никакъ не могу сладить. Когда это мое собраніе будетъ напечатано, пѣсни Пушкина пойдутъ за народныя» («Вѣстникъ Европы», 1891, X, 637). По смерти Кирѣевскаго тетрадь Пушкина затерялась, такъ что большинство записей поэта до сихъ поръ совершенно неизвѣстно; только недавно проф. Всеволоду Миллеру удалось отыскать въ бумагахъ Кирѣевскаго одну рукопись съ записями свадебныхъ пѣсенъ; въ числѣ этихъ пѣсенъ 12 №№ были взяты Кирѣевскимъ изъ тетради Пушкина*); кромѣ того, здѣсь же въ рукописи нашли одно примѣчаніе Кирѣевскаго, на основаніи котораго мы теперь точно знаемъ число записей поэта, находившихся въ указанной выше тетради. Примѣчаніе таково: «Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностью записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, гдѣ именно. Вѣроятно, что онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губ.». Интересная замѣтка имѣется въ письмѣ Кирѣевскаго къ Н. М. Языкову, отъ 12 окт. 1832 г.: «Пушкинъ былъ недѣли двѣ въ Москвѣ и третьяго дня уѣхалъ. Онъ учится по-еврейски съ намѣреніемъ переводить Іова и намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, которыхъ у него собрано довольно много» (Лернеръ, Труды и дни, М., 1903, 92). Не всѣ свои записи отдалъ Пушкинъ Кирѣевскому: иными воспользовался онъ для эпиграфовъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, одна-двѣ записи овысканы нынѣ въ бумагахъ Майкова; кромѣ того, мы уже знаемъ, что записи производились поэтомъ не только въ селѣ Михайловскомъ.

Эпическія пѣсни представлены записями поэта въ маломъ количествѣ. Имѣются двѣ пѣсни изъ цикла Разинскихъ: «Во городѣ то было во Астрахани» и «Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ» (Соч., I, 372, 373); обѣ—о сынѣ Разина, совершенно народныя популярныя, такъ что можно отыскать для нихъ и варіанты въ записяхъ другихъ лицъ; Пушкинъ интере-

*) Позднѣе нашлась въ бумагахъ Кирѣевскаго еще (собственноручная) запись Пушкина, которая впервые воспроизводится въ настоящемъ изданіи (см. дальше, стр. 76). *Ред.*

совался исключительно текстомъ, такъ что записи сдѣланы не фонетически; въ первой изъ пѣсенъ поэтъ позволилъ себѣ замѣнить словомъ *воевода* прежде написанное и болѣе у варіантовъ этого сюжета частое слово *губернаторъ*. Затѣмъ, въ собраніи пѣсенъ Кирѣевскаго напечатаны двѣ пѣсни изъ записей Пушкина: «Тутo жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь» (пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ, вып. V, 137 д.)—хорошій варіантъ сюжета о «Ванькѣ-ключникѣ», и историческая «Бѣжитъ рѣчка по песку» (ibid., вып. X, 211). Далѣе, баллада «Девять братьевъ разбойниковъ и сестра» (Соч., I, 374 д.)—варіантъ, имѣющій нѣкоторую цѣнность для выясненія сюжета. Затѣмъ, въ собраніи сочиненій Пушкина печатаютъ, обыкновенно, двѣ записи: «Какъ за церковью, за нѣмецкою» (Соч., I, 372)—пѣсня семейная, варіантовъ къ ней, къ сожалѣнію, подыскать ни Шейну (Народная пѣсня и Пушкинъ, Ежемѣсячныя Сочиненія, 1900, № 5, 6, 91), ни мнѣ не удалось; эту пѣсню, должно быть, разумѣетъ Пушкинъ въ письмѣ къ женѣ отъ 1832 г. (Соч., VII, 307), говоря ей: «знаешь русскую пѣсню—

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ»;

другая запись: «Во лѣсахъ дремучіихъ» (Соч., I, 372),—пѣсня на тему о любовномъ свиданіи и очень у насъ популярная. Наконецъ, упомяну о рекрутской пѣснѣ, помѣщаемой, обыкновенно, въ числѣ «Черновыхъ набросковъ»: «Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ» (Соч., II, 162), эта пѣсня помѣчена 1833 годомъ и считается издателями сочиненій поэта подражательной; во всякомъ случаѣ, она особенно близка къ нѣкоторымъ варіантамъ, имѣющимся въ собраніи пѣсенъ Сахарова и другихъ, такъ что Шейнъ призналъ ее «подлинной народной пѣсней, которую Пушкинъ либо самъ записалъ, либо списалъ ее въ сокращенномъ видѣ у Сахарова» (указ. соч., 94). Къ эпическимъ записямъ нужно отнести и солдатскую пѣсню о комендантѣ Суринѣ, записанную, какъ я уже говорилъ, въ Бердахъ; въ 22-мъ примѣчаніи къ «Исторіи Пугачевскаго бунта» приведенъ лишь отрывокъ ея.

Изъ записей по народной лирикѣ намъ пока извѣстны только 12 №№ свадебныхъ пѣсенъ, найденныхъ Вс. Миллеромъ въ бумагахъ Кирѣевскаго; эти записи поэта помѣщены въ приложеніи къ указанной выше работѣ Миллера; тамъ же собраны и варіанты ихъ изъ народныхъ сборниковъ. Миллеръ предполагаетъ, что Пушкинъ лично наблюдалъ, должно быть, у себя въ Михайловскомъ, крестьянскія свадьбы во всей ихъ въ отношеніи бытовомъ полнотѣ, попутно записывалъ и пѣсни. Хорошее знакомство со свадебной обрядностью и мотивами поэтъ, какъ извѣстно, доказалъ своей «Русалкой».

О записяхъ Пушкина по сказочной поэзіи имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Еще въ 1822 г., на югѣ, Пушкинъ записалъ сказку о царѣ Салтанѣ, но очень сокращенно, какъ бы въ видѣ программы (Соч., III, 450). ее же записалъ онъ затѣмъ и отъ няни (ibid., 449). Отъ няни записаны были имъ и слѣдующія сказки: «О попѣ и работникѣ его Балдѣ» (ibid., 456), «О царѣ Берендеѣ»—ее Пушкинъ отдалъ въ 1831 г. Жуковскому для передѣлки (ibid., 536), отрывокъ сказки «о мертвой царевнѣ» (ibid., 529), отрывокъ сказки «о Кащеѣ безсмертномъ» (ibid., 537), «о царѣ и невѣрной женѣ» (ibid.) и три отрывка съ «чертовщиной» (ibid., 538). Извѣстно также, что поэтъ отдалъ Далю сюжетъ сказки «о Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ», но записи ея не дошло (Соч. Даля, Спб., 1861, IV, 311). Всѣ записи сказокъ сдѣланы совсѣмъ небрежно—словно только для себя: въ большинствѣ мѣстъ языкъ не народный, содержаніе излагается часто конспективно, особенно къ концу. Эти сказки всѣ—безусловно народныя; въ научной литературѣ существуетъ нѣсколько работъ, которыя даютъ намъ для нихъ массу русскихъ и иностранныхъ параллелей. Были у Пушкина, должно быть, записи и другихъ сказокъ: напр., «о женихѣ»—легшей въ основу баллады «Женихъ», «о золотой рыбкѣ»—(отъ Даля?).

VII.

Вотъ все, доселѣ извѣстное, изъ записей поэта. Всев. И. Срезневскій, въ своемъ описаніи Пушкинскихъ рукописей, принадлежавшихъ Майкову, указываетъ на два неизвѣстныхъ отрывка народныхъ пѣсенъ, но что эти отрывки—записи поэта, онъ утверждать не можетъ; одинъ: «Другъ сердечный мнѣ намедни говорилъ», другой: «Не видала-ль, дѣвица, коня моего» (Пушкинъ и его современники, IV, 21).

Сопоставляя Пушкинскія записи (исключая сказокъ) съ соотвѣтствующими варіан-

тами изъ сборниковъ по народной поэзіи, мы видимъ, что поэтъ записывалъ слышанное вообще точно, хотя не фонетически, изрѣдка дѣлалъ пояснительныя примѣчанія, напр., при свадебныхъ пѣсняхъ, очень рѣдко позволялъ себѣ исправлять текстъ, такимъ образомъ—народную пѣсню давалъ въ чистомъ видѣ, безъ «поддѣлокъ»,—не какъ у Сахарова.

Рядомъ съ записями должны мы поставить тѣ изъ подражаній Пушкина народной поэзіи, которыя такъ близки къ подлиннымъ народнымъ пѣснямъ, что даже спеціалисту по народной поэзіи нерѣдко трудно бываетъ здѣсь ориентироваться, это—что-то въ родѣ «легкой ретушировки подлинныхъ пѣсенъ». Такимъ образомъ и Пушкинъ «поддѣлывалъ» народную пѣсню, но эти «поддѣлки»—во-первыхъ, высоко художественны, а затѣмъ вызывались онѣ цѣлями отнюдь не тенденціозными. Къ такому разряду относимъ слѣдующія произведенія. «Колокольчики звенятъ» 1825 г. (Соч., I, 376)—чисто народнаго склада съ плясовымъ припѣвомъ; «Другъ мой милый, красно солнышко мое» 1833 г. (Соч., II, 162)—почти народная любовная пѣсня по образамъ и складу, ее легко можно было бы признать и подлинно-народной, къ сожалѣнію, не удалось отыскать ни одного къ ней варіанта; далѣе, пѣсня дѣвушекъ изъ «Евг. Онѣгина»: «Дѣвицы красавицы», особенно другая пѣсня дѣвушекъ въ томъ же мѣстѣ романа, которая по первоначальному замыслу Пушкина, должна была быть вмѣсто указанной: «Вышла Дуня на дорогу» (Соч., III, 300), обѣ эти пѣсни—совершеннѣйшіе перепѣвы народныхъ; далѣе, пѣснь хора изъ «Русалки»: «Сватушка, сватушка» и черновой набросокъ разговора княгини съ мамкой: «Княгиня-княгинюшка» (Соч., III, 479), въ обѣихъ—и свадебная и вообще бытовая народная поэтика въ чистомъ видѣ. Наконецъ, три пѣсни о Разинѣ: «какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой», «Ходилъ Стенька Разинъ» и «Что ни конскій топъ, ни людская молвь»,—подлинной рукописи этихъ пѣсенъ до сей поры нѣтъ, сохранились же онѣ въ спискѣ М. П. Погодина. П. Д. Голохвастовъ, достаточный авторитетъ въ области русской пѣсни, признаетъ, что хотя онѣ не народныя, «но вполнѣ достойныя и народа, и народнаго поэта нашего» («Русь», 1881, № 13); вторая изъ этихъ трехъ пѣсенъ—скорѣе не подражаніе, а что-то въ родѣ простого перепѣва народной пѣсни съ рифмой; кромѣ того, размѣръ ея стиха для эпической пѣсни не обычный; вообще же нужно признать, что эти три пѣсни по сравненію съ другими подражаніями—менѣе удачны. Кажется, къ этому отдѣлу нужно отнести и небольшой отрывокъ: «Уродился я бѣдный недоносокъ», хранящійся въ недоступныхъ изслѣдователямъ бумагахъ Майкова (Пушкинъ и его современники, IV, 23).

VIII.

Но этимъ не исчерпываются непосредственныя связи поэта съ народной поэзіей. Мы видѣли, что онъ читалъ тогдашніе народные сборники; достовѣрно извѣстно, что много народныхъ пѣсенъ зналъ онъ наизусть; свои свѣдѣнія въ этой области онъ старался использовать возможно шире. Остановимся на довольно частыхъ въ его произведеніяхъ цитатахъ изъ народной поэзіи—въ видѣ ли эпиграфовъ, или въ видѣ простыхъ попутныхъ упоминаній, указаній. Такъ, въ отрывкѣ «Въ полѣ чистомъ серебрится» (1833, Соч., II, 163) онъ упоминаетъ объ очень популярной въ народѣ пѣснѣ «Лучина»; въ стих. «Зимній вечеръ» (1825, Соч., I, 362 д.) указываетъ на двѣ народныя пѣсни: «За моремъ синичка не пышно жила» и «По улицѣ мостовой»; въ XXVIII строфѣ «Домика въ Коломнѣ» упоминается пѣсня: «Стонетъ сизый голубокъ»—полу народная пѣсня И. И. Дмитріева и «Выду ль я...»; въ V главѣ «Евг. Онѣгина», въ строфѣ VIII, называются двѣ подблюдныя пѣсни: «Тамъ мужички-то всѣ богаты» и пѣсня про «кошурку»; Шейнъ указалъ этимъ пѣснямъ варіанты изъ сб. «Новѣйшій карманный Россійскій пѣсенникъ», М., 1815 г. («Живутъ мужички всѣ богатые» и «Ужъ какъ кличетъ котъ кошурку въ печурку спать», указ. соч., 107 д.); въ «Борисѣ Годуновѣ», въ сценѣ въ корчмѣ, Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: «Какъ во городѣ было во Казани», пѣсня эта общеизвѣстна и имѣется, между прочимъ, въ «Пѣсенникѣ» 1780 г. и въ сборникѣ Прача 1790 г. Въ отношеніи эпиграфовъ и содержанія изъ народной поэзіи особенно посчастливилось «Капитанской Дочкѣ»; такъ, во II главѣ взятъ отрывокъ изъ пѣсни бродяжной: «Сторона ль моя сторонушка»; Шейнъ (указ. соч., 95 д.) полагаетъ, что Пушкинъ заимствовалъ отрывокъ изъ «Жизнеописанія Ваньки Каина», очень популярной, особенно во второй половинѣ XVII вѣка, книги; къ главѣ V дано два эпиграфа: «Ахъ, ты, дѣвка, дѣвка красная!»

и «Буде лучше меня найдешь, позабудешь»—отрывки изъ нар. любовныхъ пѣсенъ, первый взятъ, очевидно, изъ «Пѣсенника» 1780 г. или изъ сборника Прача 1790 г.; къ VI главѣ—два стиха изъ обычной былинной запѣвки: «Вы, молодые ребята, послушайте»; къ VII главѣ—запѣвка къ пѣснѣ Петровской эпохи о казни атамана стрѣльцовъ: «Голова моя, головушка», Пушкинъ взялъ ее изъ сб. Новикова 1777 г. (Шейнъ, указ. соч., 97); къ главѣ XII взятъ отрывокъ изъ свадебной пѣсни: «Какъ у нашей у яблоньки». Въ серединѣ главы V упоминается извѣстная народная пѣсня: «Капитанская дочь, не ходи гулять въ полночь», взятая, должно быть, изъ сб. Прача 1790 г., и въ гл. VIII приведена «заунывная бурлацкая»—вѣрнѣе, разбойничья—пѣсня: «Не шуми, мати зеленая дубравушка», приписываемая Ванькѣ Каину, эту же пѣсню упоминаетъ Пушкинъ и въ XIX гл. «Дубровскаго». Въ III главѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» имѣется начало народной пѣсни: «Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ»—сатирической, встрѣчающейся и въ новѣйшихъ сборникахъ (Шейнъ, ук. соч., 101 д.). Въ письмѣ къ женѣ отъ 1832 г. онъ цитируетъ начало русской пѣсни: «Не дай Богъ хорошей жены» (Соч., VII, 307). Далѣе, есть у Пушкина подражанія полу-народнымъ стихотвореніямъ тогдашней литературы или упоминанія о такихъ. Такъ во II главѣ, XII строфѣ «Евг. Онѣгина» указывается пѣсня: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой», и въ примѣчаніи сказано, что она взята изъ первой части «Днѣпровской Русалки»; это произведеніе принадлежитъ Краснопольскому, который передѣлалъ для русской сцены оперу Генслера «Das Donauweibchen» (Ждановъ, «Русалка» Пушкина, Спб., 1900, II д.); въ гл. IV «Капитанская дочка» есть пѣсня: «Мысль любовну истребляя», она, должно быть, взята изъ сб. Новикова 1780 г., и только слегка подправлена (Чернышевъ, Пушкинъ и его современники, II, 25 д.); въ эпиграфѣ къ III гл. «Капитанской Дочки» взятъ отрывокъ изъ какой-то солдатской пѣсни, но не чисто-народнаго склада: «Мы въ фортеціи живемъ»; упомяну еще, что лицейское стихотвореніе «Къ Наташѣ» 1816 г. есть, по догадкѣ Поливанова (II изданіе сочин. Пушкина, I, 52), «очень искусное подражаніе сентиментальнымъ пѣсенкамъ И. И. Дмитріева... и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго».

Пушкинъ хорошо зналъ и русскія пословицы, поговорки, цитировалъ ихъ,—особенно часто въ письмахъ 30-хъ годовъ. Такъ, среди «Крит. замѣтокъ» есть «Разборъ пословицъ» (1830—31 г., Соч., V, 137); въ главахъ VIII и XIV «Капитанской Дочки» пословицы взяты въ эпиграфъ; изъ писемъ съ пословицами укажу, напр.,—къ Родзянкѣ отъ 1824 г. (Переписка, 157), къ Соболевскому отъ 1828 г. (Соч., VII, 203), къ женѣ отъ 19 сент. 1833 г. (ibid., 326), есть еще, и очень много; въ «Черновыхъ наброскахъ» 1827 г. (Соч., II, 24 д.) поставленъ эпиграфъ: «По клюкву, по клюкву»; Шейнъ (назв. соч., 98 д.) указываетъ, что это взято поэтомъ изъ обычныхъ въ старое время выкриковъ разносчиковъ. Относительно пользованія былинами могу указать на одно мѣсто изъ сказки поэта «о мертвой царевнѣ»—«Братья дружною толпою...», Соч., III, 520—гдѣ видно вліяніе поэтики былиннаго сюжета о «богатырской заставѣ»; на поэму «Русланъ и Людмила» вообще; наконецъ, на одну изъ «Крит. Замѣтокъ» (Соч., V, 127 д.), гдѣ поэтъ, защищая свой стихъ—«людскую молвь и конскій топъ» (изъ «Евг. Онѣгина»), цитируетъ Киршу Данилова.

Относительно сказочной поэзіи укажу на «калмыцкую» сказку Пугачева (гл. XI «Кап. Дочки»), народную, но слегка поэтомъ передѣланную; на знаменитый прологъ къ «Руслану и Людмилѣ», въ которомъ имѣются подробности нѣсколькихъ сказочныхъ мотивовъ; на отрывокъ «Начало сказки», изъ котораго видно, что Пушкинъ былъ знакомъ и съ эпосомъ о животныхъ.

Обрядовую поэзію народа, поэзію суевѣрій Пушкина зналъ также хорошо; о свадебной поэзіи мы уже говорили; о знакомствѣ его съ народными причитаніями можно заключить изъ одного мѣста его «Исторіи села Горохина» (Соч., IV, 105 д.); картина суевѣрій, относящихся ко времени святокъ, живо изображена въ V гл. «Евг. Онѣгина», въ строфахъ, гдѣ разсказывается о гаданьяхъ въ домѣ Лариныхъ; суевѣрными представленіями проникнуты и его произведенія: «Утопленникъ», «Бѣсы», «Примѣты»—два: 1822 и 1829 г., «Талисманъ», «Стрекотунья бѣлобока»; кромѣ того изъ показаній современниковъ мы знаемъ, что поэтъ и самъ былъ вообще суевѣренъ, зналъ разныя примѣты и ревниво къ нимъ присматривался; объ этомъ, напр., говоритъ Павлищевъ въ одномъ мѣстѣ своихъ «воспоминаній» (М., 1890, 116—120), Даль (Майковъ, Пушкинъ, 420 д.)

Здѣсь же необходимо упомянуть о рукописи Пушкина съ одиннадцатью народными пѣснями на французскомъ языкѣ; переводъ былъ сдѣланъ поэтомъ въ 1836 г. для пріятеля его Веймарса; изъ этихъ одиннадцати—двѣ историческихъ пѣсни, одна любовная и восемь казацко-разбойничьихъ; переводъ—чисто прозаическій и довольно блѣдный; изъ литературнаго анализа мы могли («О рус. нар. пѣс., перевед. Пушкинымъ на франц. яз.», юбил. сборникъ Петерб. унив.) заключить, что часть пѣсенъ взялъ Пушкинъ изъ сборниковъ XVIII в., часть же перевелъ на память.

Изъ сдѣланнаго обзора ясно, что поэтъ для своего времени былъ знакомъ съ народной поэзіей хорошо и во всѣхъ ея видахъ. Особенно же спеціализировался онъ, такъ сказать, на группѣ разбойничьихъ пѣсенъ, а въ частности на Разинскихъ. Разина называетъ онъ въ письмѣ къ брату отъ 1824 г. (Переписка, 141) «единственнымъ поэтическимъ лицомъ русской исторіи»; заинтересовался онъ пѣснями о немъ еще во время перваго своего путешествія на Кавказъ, и помѣстилъ нѣсколько Разинскихъ мотивовъ въ указанной рукописи 1836 г.; впрочемъ, поэтъ также заинтересовался Пугачевымъ, Ванькой Каиномъ.

Таковъ Пушкинъ, какъ этнографъ въ прямомъ смыслѣ слова. И нужно повторить вслѣдъ за В. Ѳ. Миллеромъ, что заслуги поэта для русской этнографіи—«несомнѣнны»: ни одинъ изъ русскихъ писателей, ни одинъ изъ русскихъ этнографовъ до него не относился съ такимъ вниманіемъ, а главное, уваженіемъ къ народно-поэтическому творчеству во всемъ его объемѣ. Вступая на дорогу этнографіи безъ подготовки, безъ знаній—какъ любитель, онъ сумѣлъ встать къ народной поэзіи въ отношенія строго-реальныя, а потому правдивыя, и своимъ авторитетомъ поднялъ значеніе этой поэзіи въ глазахъ современной ему интеллигенціи.

IX.

Поэтъ, очевидно, долженъ былъ быть связанъ съ народно-поэтической стихіей и цѣлями художника—въ опредѣленномъ направленіи найти исходъ стремленіямъ своей души и желанныя формы—образамъ и мыслямъ. Народная поэзія давала ему возможность проникнуть и, мало-по-малу, сжиться съ духомъ народа-родины, приближая его къ истинному пониманію и внѣшней сторонѣ жизни народа—къ его языку, обычаямъ, злобѣ дня. Словомъ, она исправляла Пушкину недостатки его «проклятаго» воспитанія, снабжала готовыми мотивами для творчества и, что важнѣе всего, готовой палитрой. Къ тому же у поэта былъ удивительный даръ поэтической девинаціи: легко восчувствовать, угадать народное, а порой и находить его, если оно хранилось гдѣ-либо подъ глубокимъ, постороннимъ наслоеніемъ; доказательствомъ такой чуткости могутъ служить хотя бы «Пѣсни западныхъ славянъ».

Эти художественныя связи представлены были у поэта въ двухъ формахъ: въ формѣ подражаній, намѣренныхъ и вполнѣ для автора опредѣленныхъ, отдѣльнымъ мотивамъ народной поэзіи или только ея поэтикѣ, и въ формѣ самостоятельныхъ произведеній въ народномъ духѣ. Подробно останавливаться надъ каждымъ изъ этихъ произведеній въ этой статьѣ нѣтъ надобности. Это сдѣлано уже въ статьѣ А. И. Яцимірскаго (т. III). Для насъ же достаточно будетъ дать лишь нѣкоторыя указанія болѣе общаго характера.

Надо замѣтить, что Пушкинъ, подражая такъ или иначе народной поэзіи, удовлетворялъ тѣмъ, прежде всего, конечно, себя—свои запросы, но, быть можетъ, въ этомъ фактѣ была доля еще и другого—моды, тогда и прежде сильной, на такого рода подражанія. Только у Пушкина все это выходило несравненно изящнѣе и поэтичнѣе, чѣмъ, напр., у Жуковскаго или Дмитріева. Чѣмъ, какъ не модой, тогдашнимъ спросомъ можно объяснить себѣ то, что поэтъ наряду хотя бы съ «Повѣстями Бѣлкина», пишетъ и свои сказки. Недаромъ Бѣлинскій считалъ большинство его сказокъ «плодомъ довольно ложнаго стремленія къ народности»; такъ же, приблизительно, высказывался по этому поводу и Надеждинъ.

Сперва о подражаніяхъ внѣшняго характера—народному складу, схемамъ отдѣльныхъ мотивовъ, поэтикѣ вообще. Въ 1823 г. Пушкинъ написалъ шутку: «Я вокругъ Стурдзы хожу»; Вс. Миллеръ и Шейнъ (назван. сочин.) видятъ здѣсь подражаніе складу народной пѣсни, извѣстной въ нѣсколькихъ варіантахъ, «Кругъ я печки хожу». Эпиграмма 1825 г. на Каченовскаго «Живъ, живъ, курилка!» канвой напоминаетъ Шейну (ук. соч., 103) дѣтскую народную пѣсню съ игрой; наиболѣе обстоятельный варіантъ этой пѣсни начинается словами: «Живъ, живъ курилка!». Пѣсню

1825 г. «Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку» (Соч., I, 376) ставятъ, обыкновенно, въ связь съ повѣстью «Арапъ Петра Великаго», написанной двумя годами позже; пѣсня по своему складу напоминаетъ свадебныя, кромѣ того, черезъ всю пѣсню протянута обычная въ народной поэзіи параллель изъ міра животныхъ. Богата народными оборотами и шутливая пѣсня 1828 г. «Брадатый старичекъ Авдей»; то же можно сказать и о «сатирическомъ стихотвореніи» — «Ко боярскому двору» изъ «Исторіи села Горохина». Стихотвореніе 1833 г. «Сватъ-Иванъ, какъ пить мы станемъ» своими прибаутками и приговорами напоминаетъ частыя у народа шутки такого же типа. Шейнъ (указ. соч., 105 д.) приводитъ нѣсколько такихъ варіантовъ—съ упоминаніемъ, какъ у Пушкина, трехъ Матренъ, Луки съ Петромъ. Въ «Борисѣ Годуновѣ», въ сценѣ «Царскія палаты», слова Ксеніи передъ портретомъ умершаго жениха—«Что жъ уста твои не промолвили»,—или ея же рѣчь: «Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ» и слова мамки—сильно отзываются нашими народными причитаніями. Десятое стихотвореніе изъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» — «Соловей»,—хотя и взято поэтомъ изъ собранія Вука Караджича, но заключаетъ въ себѣ много формъ и образовъ нашей народной поэзіи; укажу для сравненія, напр., хотя бы на пѣсни во II томѣ собранія Соболевскаго («Великорусскія народныя пѣсни») № 129—139.

Сдѣланныя указанія отмѣчаютъ наиболѣе выдающееся, но не надо забывать, что Пушкинъ, а преимущественно Пушкинъ села Михайловскаго, весь вообще народенъ—по складу, формамъ образовъ, оборотамъ языка; поэтому такихъ же внѣшнихъ подражаній можно отмѣтить и еще много.

Подражанія отдѣльнымъ мотивамъ народной поэзіи у Пушкина особенно интересны. Какой-нибудь народный сюжетъ «украшивается» формами искусственной поэтики—но такъ въ то же время, что стиль и вообще внѣшность продолжаетъ быть народной по возможности. Первымъ образцомъ такого подражанія является «Козакъ» 1814 г.—произведеніе юное, а потому довольно слабое; въ рукописи пьесы, принадлежащей Пушкину, есть приписка: «подражаніе малороссійскому»; проф. Сумцовъ (Харьк. ун. сб. въ пам. П., 265 д., настоящ. изд., т. I, стр. 1) указываетъ, что «это стихотвореніе есть вольная передѣлка малорусской народной пѣсни объ уводѣ дѣвицы казакомъ»—пѣсни очень популярной; Пушкинъ заимствовалъ сюжетъ и нѣсколько отдѣльныхъ образовъ и выраженій. Отъ 1825 г. дошла до насъ чудная весенняя картинка перваго полета пчелки за добычей: «Только что на проталинахъ весенних»; она народна вся; каждымъ словомъ, складомъ, настроеніемъ, но отдѣльнаго сюжета изъ народнаго репертуара въ прототипъ ей указать нельзя, да и такого и нѣтъ. Въ 1830 г. написана «старинная» эпиграмма: «Глухой глухого звалъ на судъ судьи глухого». Анненковъ источникомъ ея считаетъ шутливое произведеніе Пелиссона «Les trois sourds», но Сумцовъ (назв. соч., 256 д.) доказываетъ, что въ основѣ эпиграммы лежитъ анекдотъ о глухихъ, часто встрѣчающійся въ народныхъ сборникахъ. Пушкинъ могъ взять его либо изъ няниныхъ запасовъ, либо изъ какого-нибудь даже литературно обработаннаго источника.

Далѣе, цѣлый рядъ его художественныхъ сказокъ. Первые опыты подражанія народной сказочной поэзіи даны были Пушкинымъ въ селѣ Михайловскомъ. Я разумѣю, прежде всего, его прологъ къ поэмѣ «Русланъ и Людмила»—«У лукоморья дубъ зеленый», который появился только во второмъ изданіи поэмы (1828 г.), но былъ написанъ не въ 1828 г., какъ думалъ Анненковъ, а въ 1825—26 г. Это есть поэтическое воспроизведеніе присказки народной—«у моря Лукоморья стоитъ дубъ...», вошедшей въ содержаніе той сказки няни, которою Пушкинъ воспользовался для своего царя Салтана. Опредѣленныхъ народныхъ варіантовъ для «пролога» въ цѣломъ видѣ указать нельзя, но въ народной поэзіи нерѣдко встрѣчаются нѣсколько похожія на «прологъ» «байки», преимущественно шутливыя, про старину.

Одного же почти пошиба съ «прологомъ» и та часть сна Татьяны, гдѣ описывается пиръ чудовищъ подъ предсѣдательствомъ Онѣгина. «Прологъ», собственно, не подражаніе, а скорѣе поэтическій эскизъ, вмѣстившій въ себя все наиболѣе характерное сказочной поэзіи,—цѣлая энциклопедія художественной отдѣлки. Въ этой энциклопедіи все до мелочей проникнуто народностью—вплоть до выраженія: «тамъ Русью пахнетъ», которое также нерѣдко встрѣчается въ народныхъ сказкахъ (см., напр., Афанасьевъ, Сказки, М., 1873, IV, 54 д.). Должно быть, немного раньше, въ концѣ 1824 г.—началѣ 1825, и также въ Михайловскомъ, былъ написанъ

«Женихъ»—первый у Пушкина образецъ русской народной сказки, по замѣчанію Анненкова (Матеріалы для біографіи П., Спб., 1873, 108, 113). Смирнова въ «Запискахъ» говоритъ, что источникомъ этой баллады былъ одинъ изъ разсказовъ Арины, но записи его до насъ не дошло; въ одной рукописи Публ. Библ., со сказкой о «золотомъ пѣтушкѣ», имѣется составленный самимъ поэтомъ списокъ простонародныхъ сказокъ, первымъ номеромъ въ этомъ спискѣ значится сказка «о женихѣ» (Соч., III, 536). Отношеніе критиковъ къ балладѣ было неодинаковое: Бѣлинскій видѣлъ здѣсь русскаго духа «въ тысячу разъ больше», чѣмъ въ «Русланѣ и Людмилѣ», и въ восторгѣ заявлялъ, что «въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ!» Незеленовъ называлъ «Жениха»—«вещью положительно неудачной»; такого же приблизительно мнѣнія былъ и Ефремовъ; но Кирпичниковъ, Вс. Миллеръ, Сумцовъ считаютъ это произведеніе вполнѣ народнымъ и высоко-художественнымъ. Мнѣ думается, что баллада «Женихъ» ярко доказываетъ намъ удивительную способность Пушкина комбинировать цѣлостно и художественно двѣ разнородныя стихіи творчества—личную и народную. Дѣйствительно, Сумцовъ, разбирая «Жениха» (указ. сочин., 276 д.), приводитъ цѣлый рядъ народныхъ (русскихъ и иноземныхъ) варіантовъ на тему о дѣвицѣ и разбойникахъ и, сопоставивъ съ «Женихомъ», заключаетъ, что Пушкинское произведеніе имѣетъ «всѣ главные мотивы сказки въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они идутъ въ большинствѣ варіантовъ». Правда, въ нѣкоторыхъ разсказывается еще эпизодъ убіенія храброй дѣвицей разбойниковъ, но Пушкинъ могъ такого эпизода въ своемъ источникѣ и не имѣть, или, быть можетъ, намѣренно его опустилъ—въ цѣляхъ, конечно, художественныхъ. Народность баллады, дѣйствительно, выдающаяся: и въ языкѣ, испещренномъ народными поговорками, типичными словечками, и въ мѣткой характеристикѣ героевъ, и въ общей концепціи. Сцена сватовства показываетъ, что Пушкинъ для ея обрисовки использовалъ не только свои свѣдѣнія по народно-обрядовой поэзіи, но и непосредственныя наблюденія. Одно только немного портитъ впечатлѣніе—это, что «Женихъ» написанъ не народнымъ или, по крайней мѣрѣ, подходящимъ къ народному, складомъ, а балладнымъ—строфами по 8 строкъ, съ рифмами, какъ у Жуковскаго. Должно быть, къ 1830 г., а не къ 1825 г., какъ думалъ Анненковъ, относится отрывокъ «Какъ весенней теплою порою»; отрывокъ производилъ на Анненкова (Матеріалы, 115); «впечатлѣніе деревенской пѣсни», но которую пропѣлъ «великій мастеръ». Передъ нами какъ будто одна изъ народныхъ пѣсенъ про звѣрей, про ихъ каждаго качества и повадки, но распространенная поэтомъ до размѣровъ цѣлой сказки, съ драматическимъ началомъ. Отсюда мы можемъ заключить, что Пушкинъ былъ знакомъ и съ животнымъ эпосомъ: характеристики звѣрей, принимающихъ участіе въ совѣщаніи съ вдовцомъ-медвѣдемъ, строго народны, выдержанъ и тонъ такихъ повѣстушекъ о звѣряхъ—юмористическій. Въ плачѣ медвѣдя по супругѣ—ясно подражаніе народнымъ вопямъ. Особенно интересовался поэтъ сказками лѣтомъ 1831 г., когда молодожономъ жилъ въ Царскомъ Селѣ и принималъ у себя на дачѣ почти каждый вечеръ Жуковскаго и Гоголя. Здѣсь между Пушкинымъ и Жуковскимъ происходило литературное состязаніе на сказочныя темы. Гоголь въ письмѣ къ Данилевскому, отъ 2 ноября 1831 г., пишетъ: «Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелести вышло изъ-подъ пера сихъ мужей. У Пушкина сказки русскія, народныя, не то что «Русланъ и Людмила», но совершенно русскія...» (Гоголь, Письма, изд. Маркса, I, 196). Къ 1891 г. относятся двѣ сказки—о Салтанѣ и о Балдѣ. Сказка о Салтанѣ—самая крупная изъ всѣхъ его сказокъ и покоится на записи отъ няни; кромѣ того, до насъ дошла еще кишиневская запись этой же сказки (1822 г.). Сюжетъ ея весьма популяренъ—не только у насъ, но и вообще въ фольклорѣ, какъ показываютъ изслѣдованія Сумцова (указ. соч.), Яворскаго («Живое слово», Львовъ, 1899—«Къ исторіи Пушкинскихъ сказокъ»), Коскена и др.; въ русскихъ сборникахъ сказокъ, въ родѣ Афанасьева, Худякова, есть много варіантовъ, довольно близкихъ къ нянину. Но Пушкинъ при передѣлкѣ отнесся по мѣстамъ довольно свободно къ своему источнику; такъ, у него въ заключеніи царь на радостяхъ прощаетъ злыхъ сестеръ и отпускаетъ всѣхъ домой—черта, «совсѣмъ чуждая народнымъ варіантамъ»,

по замѣчанію Сумцова (ук. соч., 304), и болѣе подходящая къ гуманистическому міросозерцанію поэта; мѣстами поэтъ ведетъ разсказъ быстрѣе, чѣмъ въ народныхъ сказкахъ, какъ бы экономя временемъ, мѣстами — наоборотъ, прибѣгаетъ къ эпическимъ повтореніямъ или дѣлаетъ вставки, въ родѣ обращенія Гвидона къ волнѣ. Размѣръ стиха въ сказкѣ, по замѣчанію Вс. Миллера (ук. соч., 51), близко подходитъ къ отрывистому слогу народныхъ сказокъ. Извѣстно, что Гнѣдичъ, прочитавъ Салтана, пришелъ въ восторгъ и въ письмѣ къ поэту, отъ 23 апр. 1832 г., назвалъ его Протеемъ (Шляпкинъ, изъ неизд. бумагъ Пушкина, 169). Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ до 1882 г. печаталась, по цензурнымъ обстоятельствамъ, въ передѣлкѣ Жуковскаго, въ которой попъ былъ замѣненъ купцомъ Остолопомъ. Эта сказка также взята Пушкинымъ отъ няни, но сюжетъ ея вообще весьма популяренъ и чуть ли не на всемъ земномъ шарѣ, какъ это видно изъ разысканій выше названныхъ ученыхъ. Герой во всѣхъ варіантахъ—слуга-силачъ, выступающій подъ различными именами и въ различныхъ подвигахъ. Пушкинъ въ передѣлкѣ сократилъ нянину сказку: выбросилъ эпизодъ о медвѣдѣ, котораго Балда привелъ попу въ хлѣвъ изъ лѣсу вмѣсто коровы, также подвиги Балды у царя. Выдержанъ и саркастическій тонъ народныхъ сюжетовъ о попахъ, который можно подмѣтить и въ нашихъ былинахъ. Размѣръ стиха здѣсь—удачное подражаніе рубленой, но съ рифмами, прозѣ лубочныхъ картинокъ или тексту «раёшниковъ» (Вс. Миллеръ, ibid., 51). Къ 1833 г. относится сказка «О рыбакѣ и рыбкѣ»,—самая цѣнная по своей художественности и въ то же время народности. Источникъ, которымъ пользовался Пушкинъ, до сей поры неизвѣстенъ: среди записей отъ няни этой сказки нѣтъ. Вал. Майковъ дѣлаетъ предположеніе, что содержаніе сказки было словесно сообщено поэту Далемъ, во время ихъ совмѣстной поѣздки по Оренбургскимъ степямъ въ 1833 г. Какъ бы то ни было, и этотъ сюжетъ извѣстенъ у очень многихъ народовъ; варіанты разнятся, если не считать мелочей, между собой только въ разнообразіи образовъ существа, дающаго людямъ добро: золотая рыбка, щука, дерево, птичка-невеличка, лиса, и затѣмъ въ различіи идей варіантовъ: люди наказываются—рѣдко за жадность, часто за гордость, чаще всего за кощунство. Въ сборникахъ Афанасьева, Худякова имѣется нѣсколько сказокъ, очень близкихъ къ Пушкину, а одна изъ Афанасьевскаго собранія (I, М. 1873, «Золотая рыбка») такъ похожа и по содержанію, и по стилю на Пушкинскую, что Вал. Майковъ (Ж. М. Н. Пр., 1892, V, 153 д.) предполагаетъ въ ней «обратное вліяніе, то-есть, что Пушкинская сказка, проникнувъ въ народъ, сдѣлалась источникомъ этой послѣдней редакціи народнаго разсказа». Съ другой стороны, интересно указаніе Сумцова (назв. соч., 289 д.) на померанскую сказку изъ собранія бр. Гриммовъ, очень близкую къ пушкинской. Но такъ какъ прямой источникъ Пушкина намъ все же не извѣстенъ, то говорить о томъ, что далъ отъ себя поэтъ здѣсь въ передѣлкѣ, можно только предположительно; такъ, въ русскихъ сказкахъ мотивъ наказанія старухи—чаще всего кощунство: желаніе, въ концѣ концовъ, стать богомъ, святой, то же и въ померанской, у Пушкина—старуха наказана за неблагодарность, что не такъ рѣзко и болѣе реально; далѣе, картины различнаго настроенія моря, хотя попытки набросать это отдѣльными штрихами и существуютъ въ народныхъ сказкахъ, все же въ отдѣлкѣ имѣютъ много Пушкинскаго. Во всякомъ случаѣ, народность стиля разбираемаго произведенія—поразительна, недаромъ Бѣлинскій считалъ эту сказку выше всѣхъ остальныхъ сказокъ Пушкина. Въ 1832 г. вышелъ, какъ извѣстно, «Первый пятокъ» сказокъ казака Луганскаго—Даля; Мельниковъ предполагалъ, что подъ вліяніемъ этихъ сказокъ Даля и была написана Пушкинская сказка о рыбакѣ и рыбкѣ; но такого вліянія, какъ доказалъ Майковъ, (Пушкинъ, 422 д.), быть не могло, потому что народность содержанія сказокъ Даля—весьма подозрительна, а «складъ рѣчи» ихъ таковъ, что истинно-народнаго элемента въ немъ меньше всего. Размѣръ стиха нашей сказки—сербскій, частый въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ, и безъ рифмы; этимъ можно объяснить любопытную приписку въ рукописи сказки «18-я пѣсня сербская»; поэтъ одно время думалъ помѣстить сказку въ циклъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» и смотрѣлъ на нее, какъ на заключительный номеръ (18-й) въ этомъ собраніи. Въ этомъ же 1833 г. была написана и сказка о мертвой царевнѣ; источникъ ея—изъ няниныхъ записей, но конца въ записи нѣтъ; такъ какъ этотъ сюжетъ весьма популя-

ренъ въ народной поэзіи вообще, то Пушкину могъ быть извѣстенъ и еще какой-нибудь варіантъ, кромѣ нянинаго. Библіографія сюжета—значительна, какъ о томъ можно судить по указаніямъ того же Сумцова (назв. соч., 316) или Яворскаго (наз. соч.). Въ этой сказкѣ Пушкинъ мѣстами подражаетъ стилю былиннаго сюжета о «богатырской заставѣ»; есть и чисто Пушкинское—напр., въ тоскливыхъ рѣчахъ королевича Елисея, въ разговорахъ царицы съ зеркальцемъ. Послѣдняя сказка (1834 г.) Пушкина «о золотомъ пѣтушкѣ». Сюжетъ ея извѣстенъ народу, и она захожаго происхожденія. Какимъ источникомъ пользовался Пушкинъ—неизвѣстно, можно только предполагать, что у него имѣлся такой варіантъ, изъ книги или народный, въ которомъ слѣды захожести оставались рельефными, ср. имена царя—Додонъ, царицы—шамахинской, немного для насъ туманный образъ мудреца—«звѣздочета и скопца». Вообще, сказка, въ отношеніи народности, у Пушкина слабѣе другихъ. Размѣръ стиха въ этой сказкѣ и въ предыдущей—такой же, какъ въ сказкѣ о Салтанѣ.

X.

Переходимъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ нашего поэта на народныя темы или вообще въ народномъ духѣ. Здѣсь цѣлый рядъ прекрасныхъ опытовъ введенія элементовъ народной поэзіи въ область личнаго творчества, притомъ въ нѣкоторыхъ изъ таковыхъ, на ряду съ народными элементами, усматриваются слѣды и литературно-книжныхъ вліяній. Учесть число такихъ опытовъ у Пушкина—вообще трудно: онъ, какъ уже было сказано, начиная съ села Михайловскаго—весь народенъ, притомъ его народность, главнымъ образомъ,—не въ смыслѣ идейномъ, метафизическомъ, а вполнѣ, такъ сказать, реальна и, по обстоятельствамъ возникновенія, почти вся—простонародна. Укажу въ доказательство на такія стихотворенія, какъ «Донъ», «Делибашъ», «Былъ и я среди донцовъ»,—всѣ 1829 г.,—что въ нихъ запечатлѣлось, помимо подробностей тамошней природы, иного кромѣ нашихъ русскихъ пѣсенъ? Такая же именно народность наблюдается и въ стихотвореніи «Зимній вечеръ», «Въ полѣ чистомъ серебристая», во многихъ страницахъ «Евг. Онѣгина», «Повѣстей Бѣлкина», «Дубровскаго» и другихъ произведеній. Итакъ, критерій народности въ примѣненіи къ Пушкину не достаточно рельефенъ, какъ бы расплывается. Я остановлюсь на очень немногихъ, но наиболѣе яркихъ въ смыслѣ простонародности, произведеніяхъ личнаго его творчества.

Такъ, къ области простонародныхъ суевѣрій примыкаютъ такія, оригинальныя по сюжету, произведенія, какъ «Домовому» (1819 г.), отрывокъ «Стрекотунья бѣлобока» (1825 г.). баллады «Бѣсы», «Утопленникъ». Послѣдняя особенно интересна: набросанная кистью реалиста, бытовая картинка на сюжетъ о нежданномъ гостѣ—мертвецѣ, встревожившемъ благополучіе деревенскаго обывателя. Пушкинъ здѣсь вполнѣ объективенъ, то-есть стоитъ на точкѣ зрѣнія крестьянина и не пытается придать разсчетливому рыбаку чертъ болѣе мягкихъ. Нѣкоторыя страницы изъ русской демонологіи представлены въ балладахъ «Русалка» (1819) и «Гусаръ» (1833 г.) Въ послѣдней есть много подробностей, родственныхъ извѣстнымъ въ народѣ сказкамъ о полетѣ вѣдьмъ на шабашъ; Пушкинъ, по предположенію Сумцова (ук. соч., 272), могъ воспользоваться здѣсь въ качествѣ матеріала одной изъ таковыхъ. Тонъ, которымъ ведется разсказъ, шутливый. Такой же шуткой надъ народными суевѣрными представленіями является и отрывокъ его 1827 г. — «Кормомъ, стойлами, надзоромъ» (Сочин., II, 27), глубоко народный по стилю. Эта тема была затѣмъ сообщена Пушкинымъ крестьянину-стихотворцу Ѳ. Н. Слѣпушкину, который и воспользовался ею для своего стихотворенія «Конь и домовой» (ср. Анненковъ. Матеріалы, 155).

Самымъ совершеннымъ изъ произведеній Пушкина, отмѣченныхъ народностью, является, безусловно, драма «Русалка». «Это—безподобный образецъ художественнаго изложенія народной исторіи и быта», какъ выразился проф. Владиміровъ (Кіевскій сб. въ пам. Пушкина, указ. ст., 56). Изслѣдователи указываютъ здѣсь слѣды вліянія чешской пѣсни «Янышъ-королевичъ», одной изъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ», переведенной почти одновременно съ написаніемъ «Русалки» (1832 г.), на нѣкоторое вліяніе балладъ Мицкевича «Rybka» и «Switezianka»; но ак. Ждановымъ («Русалка» Пушкина и «Das Donauweibchen» Генслера, Спб., 1900 г.) указана была болѣе тѣсная и непосредственная связь драмы съ оперой Генслера «Das Donauweibchen»,

популярной и у насъ благодаря русской передѣлкѣ Краснопольскаго. Выводъ покойнаго академика таковъ: «Сопоставленіе «Русалки» Пушкина съ «Русалкой» Краснопольскаго убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ родственномъ сходствѣ этихъ двухъ произведеній... Пушкинъ зналъ переводную «Русалку», онъ перенесъ изъ нея въ свое произведеніе нѣкоторые литературные мотивы, но въ передѣлкѣ великаго поэта и основной сюжетъ драмы, и ея частности получили не только новую, болѣе блестящую оболочку, но и новый, болѣе глубокій смыслъ» (17). Передѣлка эта шла, главнымъ образомъ, въ направленіи народности—въ стремленіи придать національный колоритъ блѣдному, малохудожественному издѣлью Краснопольскаго. Передъ нами на одномъ полотнѣ выступаютъ и фигуры изъ давней русской старины—князь, княжна, и фигуры изъ русской жизни вообще—внѣ ея историческаго момента, какъ то: мельникъ, отчасти русалка. Фонъ, на которомъ развертывается дѣйствіе, очерченъ съ соблюденіемъ всѣхъ деталей русскаго быта, въ его прошломъ и настоящемъ: уголокъ на берегу Днѣпра съ мельницей, кормящаго простого обывателя; этотъ обыватель—себѣ на умѣ: любитъ деньгу, хозяйственъ, дорожитъ честью — вѣрнѣе, именемъ—своей дочери, но при случаѣ не прочь пойти и на нѣкоторыя уступки,—лишь бы все велось «разумнымъ, честнымъ поведеньемъ»; пышный теремъ князя въ типѣ московской старины, шумный во время свадьбы, и скучный въ покояхъ покинутой мужемъ княгини. Образы веселаго свата, свахи, тоскующей жены, ея совѣтницы мамки глядятъ на насъ, словно живые. Въ сторонѣ—красавица русалка, страстная и мстительная, но нѣжно-любящая и страдающая; въ сторонѣ же—и фантастика Днѣпровскаго дна. Языкъ драмы—народный, мѣстами даже пѣсенный, иногда въ слогѣ, какъ подмѣтилъ проф. Владиміровъ (ук. соч., 56), есть слѣды вліянія и старинной книжной рѣчи. Въ сценѣ свадьбы Пушкинъ обнаружилъ знакомство со свадебной поэзіей вообще, особенно ярко отложились народныя пѣсни въ приговорахъ свата и словахъ хора. Черновой набросокъ разговора княгини съ мамкой — «княгиня-княгинюшка» (Соч., III, 479) является своего рода художественной поддѣлкой народныхъ мотивовъ; пѣсня «По камушкамъ, по желтому песочку» началомъ своимъ напоминаетъ вступленія нѣкоторыхъ народныхъ пѣсенъ, напр.: «Какъ по крупному по красному по бережку, Что по желтому песочку» (Пѣсенникъ 1788 г., ч. II, 162; также Пѣсенникъ 1788 г., ч. II, 187).

Высокое достоинство всѣхъ указанныхъ произведеній, подражательныхъ и самостоятельныхъ, объясняется, помимо художественнаго генія автора, еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкинъ и здѣсь, при пользованіи народно-поэтическимъ матеріаломъ, обнаруживаетъ къ нему правдиво-реальное отношеніе. Онъ только объективный наблюдатель, реалистъ въ прямомъ смыслѣ слова—чуждый, здѣсь по крайней мѣрѣ, всякихъ тенденцій, предразсудковъ или стремленія использовать тему въ направленіи той или другой морали. И это, принимая во вниманіе состояніе русской этнографіи, какъ науки, въ то время, не недостатокъ у Пушкина, какъ желаетъ думать, кажется, г. Эйзенбергъ, въ статьѣ «Вліяніе народной поэзіи на Пушкина и Мицкевича» (Пушк. сборн. Москов. ун., 1900 г.), сожалѣющій, что въ произведеніяхъ поэта нѣтъ «стремленія къ анализу народнаго міросозерцанія». Мы знаемъ достаточно, что̀ оставалось отъ народной поэзіи послѣ анализовъ, дѣланныхъ до Пушкина и при немъ—до Даля включительно. Одинъ примѣръ не правдиво-реальнаго отношенія: Жуковскій въ одномъ изъ писемъ Плетневу говоритъ: «Мнѣ хочется собрать нѣсколько сказокъ, большихъ и малыхъ, народныхъ, но не однѣхъ русскихъ, чтобы послѣ ихъ выдать, посвятивъ взрослымъ дѣтямъ. Я полагаю, что сказка для дѣтей должна быть чисто сказкою, безъ всякой другой цѣли, кромѣ пріятнаго, непорочнаго занятія фантазіи. Надобно, чтобы въ дѣтской сказкѣ... все было нравственно-чисто» (Соч. Жуковскаго, изд. Маркса, IV).

XI.

Разбирая вопросъ о связяхъ Пушкина съ русской народной поэзіей, нельзя не коснуться и его отношеній къ народному вообще и, въ частности, простонародному языку. Изъ анализа произведеній можно заключить, что рѣчь поэта, начиная со второй половины 20-хъ годовъ, становится все болѣе и болѣе чистой, народной, вполнѣ достойной національнаго поэта. Такая чистота далась Пушкину, французу по воспитанію, не легко и притомъ только вслѣд-

ствіе серьезнаго и трезваго его отношенія къ народной рѣчи. Дома и въ лицеѣ получилъ онъ въ смыслѣ званія народнаго языка очень немного; даже впослѣдствіи, въ письмѣ къ Чаадаеву отъ 1831 г. (Соч., VII, 274), онъ писалъ: «Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière que la nôtre...» Тогда же, въ одной изъ «Критическихъ Замѣтокъ», онъ признается: «Прозой пишу я гораздо неправильнѣе, а говорю еще хуже...» (Соч., V, 135). Въ текущей и прошлой литературѣ для него не могло быть въ этомъ отношеніи сноснаго, хотя бы сколько-нибудь, образца. Въ статьѣ 1824 г. «О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности», онъ прямо указываетъ, что «у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ» (Соч., V, 19 д.), потому что мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; «проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ». Свой взглядъ на русскую литературу высказалъ онъ, между прочимъ, въ «Первомъ посланіи цензору» (1824 г.). Въ «Рославлевѣ» (1831 г.) есть любопытное мѣсто: «Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать, какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-русски не читаемъ и не умѣемъ (будто бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ... Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена» (Соч., IV, 111). Въ 1825 г. онъ записываетъ: «говорятъ, что наши дамы начинаютъ читать по-русски» (Соч., III, 420 пр.). У русскихъ писателей Пушкину всего болѣе не нравилось напыщенность, манерность слога, стремленіе «оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами»: «Эти люди никогда не скажутъ дружба, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр...» (Соч.. V, 15 д.—«О слогѣ», 1822 г.). Достоинство прозы, по мнѣнію Пушкина, «точность, опрятность», «блестящія выраженія ни къ чему не служатъ...» (ibid). «Я не люблю видѣть въ первобытномъ нашемъ языкѣ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности. Грубость и простота болѣе ему пристали», пишетъ онъ Вяземскому въ 1823 г. (Переписка, 85). Поэтому Сумароковъ, по сужденію Пушкина, «слабое дитя чужихъ уроковъ» (Соч., I, 164), «несчастнѣйшій изъ подражателей» (Соч., V, 144). Державинъ—«чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка» (письмо къ Дельвигу, 1825 г.; Переписка, 230), и т. п. Поэтъ стоитъ въ языкѣ за самобытное, коренное, вполнѣ національное—пусть даже, порой, для уха будетъ казаться это и «низкимъ, бурлацкимъ»; «Низкими словами я почитаю тѣ, которыя выражаютъ низкія понятія; но никогда не пожертвую искренностью и точностью выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ или тому под.» (Соч., V, 133).

При такихъ обстоятельствахъ, я думаю, каждому станетъ яснымъ, что чисто-народный языкъ въ его прошломъ и настоящемъ, устный—преимущественно, простонародный, и письменный—языкъ актовъ и лѣтописей, былъ для Пушкина и средствомъ и цѣлью одновременно въ его поэтической и даже, скажу, общественной дѣятельности. Средство—имъ, на-ряду съ другими средствами, поэтъ перевоспитывалъ себя на новыхъ, національныхъ началахъ; цѣль—достичь народности, колорита въ произведеніяхъ, такъ чтобы «русскій духъ» пронизывалъ не только ихъ форму, но и образы, наконецъ, перипетію,—это было самымъ цѣннымъ для поэта идеаломъ въ его profession de foi. «Изученіе старинныхъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. необходимо для совершеннаго знанія свойства русскаго языка; критики наши напрасно ими презираютъ», пишетъ онъ въ одной изъ «Критическихъ Замѣтокъ» (1830—31 г., Соч., V, 128). Тамъ же о—разговорномъ языкѣ: «Разговорный языкъ простого народа... достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій. Альфіери изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ» (ibid, 136). Поэтому, въ статьѣ 1825 г. «О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова» (Соч., V, 28) онъ хвалитъ слогъ Ломоносова: «Слогъ его ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ». Отсюда вполнѣ понятно то, что Пушкинъ всегда заботился вносить въ свой слогъ слова, обороты, поговорки и т. п., взятые имъ у народа или на лету—въ разговорѣ, или изъ народныхъ сборниковъ. Напр., въ «Гусарѣ» такія слова: эге, та-

лушки, хлопецъ, дурень—очевидно, изъ обиходной рѣчи, или въ «Борисѣ Годуновѣ» приговариванія Варлаама (сц. «Корчма на Литовской границѣ»): «У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка—пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ»,—это, по словамъ Вульфа, Пушкинъ заимствовалъ изъ рѣчей Святогорскаго настоятеля (Майковъ, Пушкинъ, 221). Также и относительно стилистическихъ пріемовъ—въ родѣ сравненій обоего рода, положительныхъ и отрицательныхъ, повтореній, тавтологій, наконецъ, символики—все, главнымъ образомъ, являлось какъ подражаніе пріемамъ народно-пѣсеннаго творчества. Н. Н. Раевскій, еще въ 1825 г., предсказывалъ поэту: «vous achèverez de populariser chez nous ce langage simple et naturel que notre public est encore à ne pas comprendre» (Переписка, 212). Такъ трезво и для своего времени удивительно серьезно относился Пушкинъ и къ народному языку. Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Никто такъ не уважалъ правильности формъ языка и русской просодіи, какъ Пушкинъ. Мы слышали отъ него много рѣзкихъ и остроумныхъ грамматическихъ замѣчаній, которыя показывали, какъ глубоко изучалъ онъ отечественный языкъ» («Моск. Наблюдатель», 1837 г., іюнь, кн. I, 318).

Итакъ, Пушкинъ—реалистъ-художникъ явилъ себя такимъ же реалистомъ и въ своихъ отношеніяхъ къ народно-поэтическому творчеству. Если ему такъ блестяще удалось перевоспитать себя на родныхъ началахъ, быстро отмахнуться отъ уроковъ предшествующей литературы и избѣгнуть заблужденій современной, то за это онъ долженъ быть благодаренъ, прежде всего, самому себѣ—реалистическому складу своей психики. Обращаясь къ народной стихіи, онъ безъ всякихъ указаній сумѣлъ взять правильный тонъ, такой правильный, который затѣмъ былъ взятъ и научной этнографіей. Большой знатокъ народной поэзіи Безсоновъ, въ своихъ замѣткахъ къ V выпуску пѣсенъ Кирѣевскаго (М., 1863, CXXIV), говоритъ о немъ: «Единственный великій художникъ, умѣвшій и записывать у народа, и, не передѣлывая, возсоздавать народное творчество... былъ Пушкинъ. Но доселѣ еще, ни равенство геніальныхъ силъ, ни художническая образованность, ни умѣнье не дали никому другому ни охоты, ни права наслѣдовать въ семъ дѣлѣ Пушкину».

Николай Трубицынъ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ и СКАЗКИ

въ записяхъ, передѣлкахъ и переводахъ Пушкина.

I.

Пушкинскія записи, изданныя П. А. Безсоновымъ.

(«Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ». Вып. 5, М. 1863 и вып. X, М. 1874).

790. ТУТО ЖИЛЪ-ПОЖИВАЛЪ ГОСПОДИНЪ ВОЛКОНСКІЙ КНЯЗЬ.

Тутo жилъ-поживалъ господинъ Волконскій Князь,
У этого у Князя жилъ Ванюша Ключничикъ.
Ваня годъ живётъ, другой живётъ,
На третій годъ Князь довѣдался;
Закричалъ Князь Волконскій своимъ громкимъ голосомъ:
«Какъ есть ли у меня слуги вѣрные при мнѣ?
«Вы подите—приведите вора Ваньку Ключничка.
Какъ ведутъ Ванюшу широкимъ дворомъ,
Какъ у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на немъ изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричалъ-та господинъ Волконскій Князь громкимъ голосомъ:
«Вы подите-ка,—вы выройте двѣ ямы глубокіихъ,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыихъ,
«Положите перекладецъ сосновыій,
«Повѣсьте двѣ петли шелкóвыя:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!».

791. БѢЖИТЪ РѢЧКА ПО ПЕСКУ.

Бѣжитъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Въ разорёну улицу,
Къ Аракчееву двору
У Аракчеева двора
Тута рѣчка протекла,
Бѣла рыба пущена;
Тутъ и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякіемъ кораблѣ
По пятисотъ молодцовъ,
Гребцовъ-пѣсенничковъ;
Сами пѣсенки поютъ
Разговоры говорятъ,
Все Ракчеева бранятъ:
«Ты Ракчеевъ господинъ,
«Всю Россію разорилъ
«Бѣдныхъ людей прослезилъ,
«Солдатъ гладомъ поморилъ,
«Доро́женьки проторилъ,
«Онъ канавушки прорылъ
«Берёзами усадилъ,
«Бѣдныхъ людей прослезилъ!»

II.

Свадебныя пѣсни, записанныя для Петра Кирѣевскаго.

Найдены—въ копіяхъ—въ бумагахъ Кирѣевскаго проф. *Всеволодомъ Миллеромъ.*

792. БЕРЕЗА БѢЛАЯ.

«Береза бѣлая,
Береза кудрявая,
Куда ты клонишься,
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,
Куда вѣтеръ повѣетъ.—
«Княгиня душенька!
Куда ты ладишься?»
— Туда я лажуся,
Куда батюшка отдаетъ
Съ родимой матушкой.—

793. КАКЪ ПРИ ВЕЧЕРѢ, ВЕЧЕРѢ.

Какъ при вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ часу-времечкѣ,
При княгининомъ дѣвичникѣ,
Вылеталъ же младъ-ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебряну рѣшоточку,
На шелкову занавѣсочку.
Какъ увидѣла да узрѣла
Свѣтъ княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Ивана Александровича!»
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломились,
Бѣлы ручки опустились,
Красота съ лица смѣнилась.—

794. СОБРАЛА НЕВѢСТА ПОДРУЖЕКЪ.

Собрала невѣста подружекъ,
Посадила подружекъ высоко,
А сама сѣла выше всѣхъ,
Наклонила головушку ниже всѣхъ.
Думаетъ думушку крѣпче всѣхъ,
«Что долго нѣтъ Ивана?
Мнѣ посла послать некого,
Мнѣ самой иттить некогда.
Я хоть пойду, не дойду,
Я хоть дойду, не найду,
Я хоть найду его,—
Позвать къ себѣ не смѣю».

795. КАКЪ ВЪ ДОМУ-ТО БЕРЕЗАНЬКА БѢЛЁХОНЬКА СТОИТЪ.

Какъ въ дому-то березанька бѣлёхонька стоитъ,
А наша невѣста бѣлѣе ея,
Бѣлѣе ея снѣгу бѣлаго лицо.
Шла наша невѣста съ высокова терема,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино все пролила,
Все глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудерушки его:
«Видать ли мнѣ кудерушки васъ у себя?
На правой на ручушкѣ, на золотомъ перстенькѣ?»

796. ЯГОДА СЪ ЯГОДОЙ СОКАТИЛАСЯ.

Дѣвушки поютъ, когда молодая возвратится изъ церкви.

Ягода съ ягодой сокатилася,
Ягода ягодѣ поклонилася,
Ягода съ ягодой слово молвила,
Ягода отъ ягоды не вдали росла.

797. МЕЖДУ ГОРЪ ПО КАМЕНЬЮ.

Между горъ по каменью
Серебромъ ручей бѣжитъ,
По тому по ручейку
Ходила-гуляла княгиня-душа.
Искала княгиня-душа
Самоцвѣтна камушка
Нашла, нашла камушекъ,
Нашла самоцвѣтненькій.
Разломала камушекъ,
Его на три граночки.
Первую граночку
Её родну батюшкѣ.
Вторую граночку
Родной ея матушкѣ,
А третью граночку
Ладу милому.

798. ЗАТОПИСЯ, БАНЕНЬКА.

«Затопися, баненька,
Раскалися каменка,
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушкѣ,
По родной матушкѣ,
По родному батюшкѣ . . .
(Отрывокъ).

799. О ГОРЕ, ГОРЕ ТО НЕВѢСТИНО.

«О горе, горе то невѣстино:
О горе, горе!
Тѣ невѣстушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назадъ,
О горе, горе!
Что подружекъ-то стоятъ,
О горе, горе!
Что подружки говорятъ,
О горе, горе!
Что наказываютъ,
О горе, горе!
Что приказываютъ»:
О горе, горе!
«Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
«Ты съ кроватушки долой!»
О горе, горе!
— Вы лебедушки,
О горе, горе!
— Вы подруженьки!
О горе, горе!
— Мнѣ нельзя спихнуть:
О горе, горе!
— Въ головахъ-то у него
О горе, горе!
— Плетка шелковая,
О горе, горе!
— Она объ восьми хвостахъ,
О горе, горе!
— Она больно бьетъ,
О горе, горе!
— Приговариваетъ:
О горе, горе!
— Не зови-ко худякомъ,
О горе, горе!
— Зови добрымъ молодцомъ.
О горе, горе!

800. КАКЪ У НАШЕГО КНЯЗЯ.

Поется, когда идутъ за невѣстой къ вѣнцу:

«Какъ у нашего князя
Невеселые кони стоятъ.
Они чуютъ путь-дороженьку
По невѣсту ѣхати.
«Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Уливайте [1]) гору крутую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойтить бы, ни взъѣхати!»
— Не грози, княгиня душа! [2])
— На крутую гору пѣшъ взойду,
— Добра коня въ поводу сведу.
«Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Запирайте вы воротечки,
Что тремя замками нѣмецкими».
— Не печалься, княгиня-душа,
— Приведу я съ собой слесаря,
— Отопретъ замки нѣмецкіе.
«Ахъ вы дѣвушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую,
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!»
— Не печалься, княгиня-душа!
— Привезу съ собой свахоньку;
— Расплететъ она косу русую,
— Увезетъ тебя съ собой, душеньку.

[1]) Иначе: укатайте—по времени года.
[2]) Поется также: «Не печалься, княгиня-душа! Поведемъ мы коней въ кузницу, подкуемъ коней подковами-то булатными».

801. ТРУБЧИСТАЯ КОСА.

Дня за два передъ дѣвичникомъ кладутъ на блюдо ленты изъ косы невѣстиной. Братъ ея или ближній родственникъ носитъ блюдо по улицѣ. Это называется: красу носить. Между тѣмъ поютъ:

Трубчистая коса
Вдоль по улицѣ шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За косу хваталася:
«Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?»
— Я тогда буду твоя,
— Какъ я въ Божью церковь вступлю,
— Золотой вѣнецъ приму.

802—803. ВЪ СЫРОМЪ БОРУ НА КЛЕНУ.

(Сводный текстъ изъ двухъ варіантовъ).

Въ сыромъ бору на клену [1])
Виситъ колыбель на шелку;
Въ колыбели лежитъ князь молодой (имя жениха),
Передъ нимъ стоятъ бояры [2]).
«Вскачните колыбель высоко!
Выше клену стоячаго,
Ниже облака ходячаго [3]).
Чтобы видно было тестевъ дворъ,
Чтобы видно было тёщинъ терёмъ!
«Въ этомъ терему ходитъ гуляетъ [4]),
«Ходитъ-гуляетъ княгиня,-душа,
«Шолковымъ платкомъ помахиваетъ:
— Ты сюда, сюда, молодой князь!
— Здѣсь твоя суженая, твоя ряженая» [5]).

[1]) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.
[2]) Въ другомъ варіантѣ Пушкина этого стиха нѣтъ.
[3]) Въ другомъ пушкинскомъ варіантѣ этого стиха нѣтъ.
[4]) Съ этого стиха до конца пѣсня пополнена изъ другого ея варіанта, также записаннаго Пушкинымъ.
[5]) Въ варіантѣ, изъ котораго взято начало, соотвѣтствующіе стихи читаются такъ: -
Въ тюрему гуляетъ княгиня,
По имени зовутъ ее Катерина,
Каленые орѣшки щелкаетъ,
Шитою ширинкою махаетъ:
«Ты сюда, сюда, Иванъ-князь!
Какъ здѣсь твое суженое,
Здѣсь твое ряженое,
Здѣсь твоя княгиня
По имени Катерина».

III.

Собственноручная запись Пушкина, найденная С. О. Долговымъ въ бумагахъ Петра Кирѣевскаго.

804. НЕ БѢЛИНЬКА БЕРЕЗОНЬКА КЪ ЗЕМЛѢ КЛОНИТСЯ.

Не бѣлинька березонька къ землѣ клонится
Не камышъ трава въ чистомъ поле[ѣ] разшаталася
Зашатался загулялъ добрый молодецъ
Въ одной тоненькой кармазиновой черкешучкѣ
У черкешучки рукавчики назадъ закинуты
Камчатные его полочки назадъ загнуты
За плечьми носитъ ружьецо знать Турецкое
Во правой рукѣ онъ присошечекъ корновенькій
Онъ присошечкомъ добр. мол. подпирается
Горючими слезами разудал. заливается
Вдругъ несчастьице надъ молодцомъ случилось
Поднимался съ горъ погорушка все хурта вьюга
Все хурта подымалась съ горъ погорушка полуденная
Собивала то она добра молодца со дороженьки
Прибивала то она молодца ко городу
Ко тому городу ко незнамому.

IV.

Записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ.

805. ПѢСНЯ О СЫНѢ СЕНЬКИ РАЗИНА.

Во городѣ то было во Астраханѣ
Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ
Черный бархатный кафтанъ на розмашечку надѣтъ
Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ
Свой персидской кушачокъ во правой рукѣ несетъ
Онъ боярамъ государевымъ не кланяется
Къ Астр. воеводѣ подъ судъ нейдетъ
Какъ увидѣлъ молодца воевода со крыльца
Закричалъ онъ, воевода, громкимъ голосомъ своимъ
Ой, есть ли у меня слуги вѣрны молодцы
Вы сходите приведите удалого молодца.
Какъ поймали молодца во царевѣ-кабакѣ
Приводили удалого къ воеводѣ на дворъ
А какъ сталъ воевода его спрашивати
Ты скажи, скажи, дѣтина, незнамой человѣкъ
Чьего рода, чьего племени, чей отеческой сынъ
Иль изъ нашего городу изъ Астр.
Или со Дону казакъ иль казацкій сынъ?
Я не съ вашего городу, не съ Астр.
Я не съ Дону казакъ не казацкій сынъ
Я со Камы со рѣки Сеньки Разина сынокъ
Взялся батюшка у васъ завтра въ гости побывать
Ты умѣй его принять умѣй подчивати
Разсердился Губерн. на удалого молодца,
Закричалъ тутъ Губ. гром.
Что есть ли у меня
Вы возьмите, отведите уд. м.
Посадите удалова въ бѣлукаменну тюрьму.

806. КАКЪ НА УТРЕННЕЙ ЗАРѢ, ВДОЛЬ ПО КАМѢ ПО РѢКѢ.

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ
Во лодочкѣ гребцовъ ровно 200 молодцовъ
Посреди лодки хозяинъ Ст. Р. отоманъ.
Закричалъ тутъ
А мы счерпнемте воды изо Камы со рѣки
Мы изчерпнули воды изо Камы со рѣки,
Припечалился хоз. С. Р. А.
Знать-то знать, что мой сыночикъ во неволюшкѣ сидитъ
Во невол
Въ бѣлокаменной тюрьмѣ
— Не печалься, нашъ хозяинъ, С. Р. Атаманъ:
Бѣлукаменну тюрьму по кирпичику разберемъ,
Твоего милаго сыночка изъ неволи уведемъ,
Астр. Губ. подъ судъ возьмемъ.

V.

Запись пѣсни о девяти братьяхъ-разбойникахъ.

808. ВО СЛАВНОМЪ ГОРОДѢ ВО КІЕВѢ.

Во славномъ городѣ во
У славнаго царя у Владиміра
Жила-была молода вдова
У вдовушки было 9 сыновъ
10-я дочь любезная
Поили, кормили, пелегали-лелѣяли.
9 сыновъ подъ разбой пошли
10-ую дочь замужъ выдали
По край моря за Марьянина.
Они прижили малого дѣтища—
Она годъ живетъ и другой живетъ
На третій годъ стосковалася
Стала она Марьянина въ гости звать
«Пойдемъ Марьянинъ свѣтъ
Ты къ тещи а я къ матушки
Ты къ шурьямъ я къ милымъ братьямъ
Они день идутъ и другой идутъ
На третій день становилися
Нарубили огонечекъ малёшенекъ
Пустили дымочекъ тонешенокъ
Напали воры, разбойники
Они Марьянина зарѣзали
Марьянинку въ воду бросили
М-ку [Марьянинку] въ полонъ взяли
Какъ всѣ-то разбойнички стали пить и ѣсть
Одинъ-то разбойничекъ ни пьетъ ни ѣстъ
Не п[ьетъ] н[е] ѣс[тъ] богу молится
Всѣ разбойнички спать легли
Одинъ то разбойничекъ ни спитъ ни лежитъ
Г -- [осподу] богу молится
И сталъ онъ у Марьянинки разспрашивать
Ты скажи скажи М - [арьянинка]
Съ какого ты села города
И котораго отца матери
Стала ему М-ка [Марьянинка] разсказывать
«У славнаго царя у Владиміра
Жила-была молода вдова
У вдовушки было 9 сыновъ
10-ая дочь любезная
Поили, кормили, пелегали
9 сыновъ подъ разбой пошли
10-ую дочь замужъ выдали
По край моря за Марьянина»
Вставайте, братцы родимые
Не М[арьянина] мы зарѣзали
Не М-ка [Марьянинка] въ воду бросили
Не М-ку [Марьянинку] во полонъ взяли
[Мы зарѣзали] зятя любезнова
[Въ воду бросили] племянника
Родну сестру взяли во полонъ
Вставали братцы родимые
Просили у сестры прощеньице
Отчего ты намъ не сказалася
Что ты намъ родна сестра
Пошли.. къ родной матушкѣ
Становились на колѣнки всѣ
И просили у нея прощеньице
Прости на[съ] родн. [а] мат. [ушка]
Не знавши зарѣзали зятя любезнова
Въ воду бросили пл[емянника]
Родну сестру взяли во полонъ]

VI.

Записи пѣсенъ разнаго содержанія.

808. КАКЪ ЗА ЦЕРКОВЬЮ, ЗА НѢМЕЦКОЮ.

Какъ за церковью, за Нѣмецкою,
Добрый молодецъ Богу молится
Какъ не дай Боже хорошу жену
Хорошу жену—часто въ честной пиръ зовутъ,
Меня молодца не *примолвили* [1]);
Мол[оду] ж-[ену]—въ новы саночки,
Меня молодца на запяточки
Мол[оду] жену на широкій дворъ,
Меня молодца за вороточки.

[1]) Сбоку-очевидно въ поясненіе приписано: пригласить. *Ред.*

809. ВО ЛѢСАХЪ ДРЕМУЧІИХЪ.

Во лѣсахъ во дремучіихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Брамши-то она въ лѣсу заблудилася
Заблудимши она приаукнулась:
Ты ау, ау, мой любезный другъ
Мой любезный другъ жизнь-душа моя
Ужь я радъ бы тебѣ откликнуться,—
За мной ходятъ трое сторожей
Первый сторожъ—родимый б[атюшка]
Второй сторожъ—моя м[атушка]
А третій сторожъ—молода жена!

810. ОДИНЪ-ТО БЫЛЪ У ОТЦА У МАТЕРИ ЕДИНЫЙ СЫНЪ.

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ
И того-то берутъ разудаленькаго на службу Царскую
По указу его берутъ Государеву.
Онъ со вечера сталъ, разудалый, коня сѣдлать,
Ко полуночи сталъ со двора съѣзжать.
Отецъ-то и мать его разудаленькаго провожать пошли,
Провожали его разудаленькаго весь и родъ [племя?]
Позади то его идетъ горюшенька молода жена;
Молоду жену бѣлую лебедушку уговариваетъ
Воротись ты жена, воротись, душа лебедь бѣлая,
Впереди-то у насъ все огни горятъ, огни неугасимые.
Разудалый добрый молодецъ, меня не обманывай,
Горитъ у тебя, у молодца, ретиво сердце.

---

811. ДРУГЪ МОЙ МИЛЫЙ, КРАСНО СОЛНЫШКО МОЕ.

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
Соколъ ясный сизокрылый мой орелъ
Ужъ недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно 7 дней, какъ спозналась съ горемъ я
Мнѣ не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и [мячи?]
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темныимъ лѣсамъ
Въ темномъ лѣсѣ кинареечки поютъ.
Мнѣ, дѣвчонкѣ, грусть-разлуку придаютъ.
Ты не пой кинареечка въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.

VII.

Пѣсни, подвергшіяся художественной переработкѣ.

---

812. КАКЪ ПО ВОЛГѢ РѢКѢ, ПО ШИРОКОЙ.

Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой,
Выплывала востроносая лодка,
Какъ на лодкѣ гребцы удалые,
Казаки ребяты молодые.
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ.
Самъ хозяинъ, грозенъ Стенька Разинъ,
Передъ нимъ красная дѣвица.
Полоненная Персидская царевна.
Не глядитъ Стенька Разинъ на царевну,
А глядитъ на матушку на Волгу.
Какъ промолвитъ грозенъ Стенька Разинъ:
Ой ты гой еси, Волга мать родная!
Съ глупыхъ лѣтъ меня ты воспоила,
Въ долгу ночь баюкала, качала,
Въ волновую погоду выносила.
За меня ли молодца не дремала,
Казаковъ моихъ добромъ надѣлила—
Что ни чѣмъ тебя еще мы не дарили.
Какъ вскочилъ тутъ грозенъ Стенька Разинъ,
Подхватилъ Персидскую царевну,
Въ волны бросилъ красную дѣвицу,
Волгѣ-матушкѣ ею поклонился.

---

813. ХОДИЛЪ СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Ходилъ Стенька Разинъ
Въ Астрахань городъ
Торговать товаромъ.
Сталъ воевода
Требовать подарковъ.
Поднесъ Стенька Разинъ
Камки хрущатыя,
Камки хрущатыя—
Парчи золотыя.
Сталъ воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая,
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболія.

Ему Стенька Разинъ
Не отдаетъ шубы.
Отдай, Стенька Разинъ,
Отдай съ плеча шубу.
Отдашь, такъ спасибо;
Не отдашь, повѣшу
Что во чистомъ полѣ,
На зеленомъ дубѣ.
Да въ собачьей шубѣ.
Сталъ Стенька Разинъ
Думу думати:
Добро, воевода,
Возьми себѣ шубу,
Возьми себѣ шубу,
Да не было-бъ шуму.

---

814. ЧТО НИ КОНСКІЙ ТОПЪ, НИ ЛЮДСКАЯ МОЛВЬ.

Что ни конскій топъ, ни людская молвь,
Не труба трубача съ поля слышится,
А погодушка свищетъ, гудитъ,
Свищетъ, гудитъ, заливается,
Зазываетъ меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
Молодецъ удалой, ты разбойникъ лихой,
Ты разбойникъ лихой, ты разгульный буянъ
Ты садись на лодки свои скорыя,
Распусти паруса полотняные,
Побѣги по морю по синему.
Пригоню тебѣ три караблика:
На первомъ кораблѣ красно золото,
На второмъ кораблѣ чисто серебро,
На третьемъ кораблѣ душа-дѣвица.

---

815. ТОЛЬКО ЧТО НА ПРОТАЛИНАХЪ ВЕСЕННИХЪ.

Только что на проталинахъ весенніхъ
Показались раннія цвѣточки,
Какъ изъ царства воскового
Изъ душистой келейки медовой
Вылетаетъ первая пчелка.
Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ
О красной веснѣ развѣдать:
Скоро ль будетъ гостья дорогая,
Скоро ли луга зазеленѣютъ,
Распустятся клейкіе листочки,
Зацвѣтетъ черемуха душиста?..

ЗАПИСИ НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ.

816. [О ЦАРѢ САЛТАНѢ].

Нѣкоторый царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого—подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ, третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ рѣшилась ея погубить. Послѣ трехъ мѣсяцевъ Царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками—а 34-й уродился чудомъ—ножки поколѣно серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звѣзда въ заволокѣ мѣсяцъ, послали извѣстить о томъ Царя. Мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала что Царица разрѣшилась не мышью не легушкой, невѣдомой звѣрюшкой. Царь весьма опечалился но съ тѣмъ-же гонцомъ повилѣлъ дождаться пріѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе чтобъ заготовить двѣ бочки, одну для 33 царевичей а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ—и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано, долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленой бочкѣ—наконецъ море выкинуло ихъ на землю—сынъ замѣтилъ это—матушка ты моя благослови меня на то чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ.—Господь благослови тебя дитятко. Обручи лопнули, они вышли на островъ сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить да поживать—Ѣдетъ мимо корабль—Царевичъ остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ что Ѣдутъ они къ Султану Султановичу Турецкому Государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними. Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости корабельщики разсказываютъ Царю о новомъ Государствѣ и о чудесномъ отрокѣ ноги серебр. и проч. Ахъ говоритъ Царь поѣду посмотрѣть это чудо. Что за чудо говоритъ мачиха вотъ что чудо: у моря лукоморья стоитъ дубъ а на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ въ верхъ идетъ сказки сказываетъ внизъ идетъ пѣсни поетъ. Царевичъ прилетѣлъ домой и съ благословенья матери перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый корабль. тоже опять. Тотъ же разговоръ у Султана—Царь опять хочетъ ѣхать. Что это за чудо говоритъ опять мачиха во что чудо: заморемъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся а межъ ими сыплетъ золото да серебро—и проч. 3-й корабль и проч. также, что за чудо а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ точь вточь ровны и голосомъ и волосомъ и лицомъ и ростомъ, а выходятъ они изъ моря только на единъ часъ.

Тужитъ Царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичь съ ея благословенія берется ихъ отыскать. Напѣди ты матушка своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ.—Онъ идетъ къ морю море всколыхалося, и вышли 30 юношей и съ ними старикъ—и Царевичь—спрятался и оставилъ одну лепешечку, одинъ изъ нихъ и съѣлъ ее: Ахъ братцы говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали—старикъ погналъ ихъ въ море, на другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешки, и познали брата своего. На третій вышли безъ старика—и Царевичь привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й корабль—тоже самое—мачихи уже болѣе дѣлать нечего. Царь Султанъ ѣдитъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей—и возвращается съ ними домой—а мачиха умираетъ.

817. [О ЦАРѢ ПОДЗЕМНОМЪ, ИВАНѢ ЦАРЕВИЧѢ И МАРЬѢ ЦАРЕВНѢ].

Нѣкоторый царь ѣхалъ навойну, онъ оставилъ жену свою беременную—ѣдучи домой дорогою, захотѣлось ему пить—видитъ онъ пролубь и въ пролубѣ плаваетъ золотой ковшикъ—нотолько хочетъ онъ испить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ — Царь взмолится — нѣтъ; подари мнѣ чего ты незнаешь задумался бѣдный Царь, какъ чего я не знаю, я все знаю—ну такъ ибыть дарю.—пріѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодаго Ивана Царевича безъ него родившагося — Царь догадался что его то онъ и подарилъ и весьма опечалился. Ив. Ц. выросъ, прогуливаясь однажды верьхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пѣнять за то что онъ еще не явился—ичто срокъ де его прошелъ. Ив. Ц. требуетъ и получаетъ объясненіе отъ Отца своего. 3 раза является ему старикъ и научаетъ его куда идти. Ив. Ц. приходитъ къ морю. гдѣ 30 утокъ полощутся а одна по одоль. Онъ беретъ ее платья, всѣ одѣваются, она остается одна. Ц. выходитъ—другъ со другомъ обручаются. Она научаетъ его какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика Отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ сидя на крыльцѣ взбѣсился завидя Царевича—сей по совѣту Марьи Царевны—становится на колѣни, шапку возноситъ на мечѣ выше головы и т. о. приближается Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его з а г а д к и,—т. е., повелѣваетъ ему построить церковь въ одну ночь Царевна, обратясь въ муху, является къ нему (?) Царевичь думалъ думалъ и наконецъ сказалъ мать его такъ, повѣсить такъ повѣсить голова моя недорога. (Непечалься Ив. Ц. скинь портки, повѣсь нашестокъ да спи—а завтра, возьми молоточикъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее отрѣжъ, гдѣ неровно приколоти. Царевичь былъ безунывная головушка легъ и заснулъ. По утру церковь готова—Ну сказалъ Царь послѣ обѣдни я хитеръ а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь. Но сперва узнай ее между 30 проччими. Это не мудрено думалъ Ив. Ц. пѣтъ мудрено, сказала Царевна муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ. Задумался Царевичь, мать его такъ вѣсить, такъ вѣсить.—Но Царевна его надоумила. На утро приходитъ онъ къ Царю видитъ всѣхъ Царевенъ—одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ, вотъ старшая—правда, Ив. Ц. новсѣ эти хитрости не твои, а посли завтра 3-ю загадку.—Ну Ив. Ц. сказала М. Ц. тутъ ужъ тебѣ не помогу—дѣло въ томъ чтобъ ты сшилъ сапоги покамѣсть у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть—Убѣжимъ. Она плюнула 3 слюнки на окно Ив. Ц.—да три слюнки къ себѣ—сѣли верьхомъ и ускакали. По утру послалъ Царь къ Ив. Ц.—что ты, Ив. Ц. спишь-ли ты, али думу думаешь—думу думаю, отвѣчаютъ слюнки.—Наконецъ Царь видитъ обманъ и посылаетъ за ними въ погоню. Послушай ка Ив. Ц. сказала М. Ц. не гонятся ли за нами. Тотъ прилегъ къ землѣ—нѣтъ. М. Ц.—послушала—близко и тотчасъ обратила Ив. Ц. въ рож а себя пшеницу. Погоня на скакала—Невидя дороги, и невидя ни одного неизмятаго колоса—они воротились. Новая погоня. М. Ц. превращаетъ Ив. Ц. въ церковь а сама въ священника и церковь такъ ветха что мохомъ обросла, а священникъ такъ старъ что еле дышетъ.—Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но М. Ц. разливаетъ между имъ и собою рѣку и Царь возвращается со стыдомъ. Ив. Ц. и М. Ц. вступаютъ восвое государство—забудешь ты меня Ив. Ц. не цѣлуй ребенка, когда пріѣдешь къ Отцу къ Матери—а то забудешь меня—И. Цар. пріѣзжаетъ къ отцу и къ Матери—въ восторгѣ цалуетъ ребенка и забываетъ М. Ц. Между тѣмъ—предлагаютъ ему невѣсту онъ сънею обручается—М. Ц. просится у старушкѣ съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ у поваровъ позволеніе испечи пирогъ. Пирогъ подаютъ на Царской столъ, разрѣзываютъ, оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за голубемъ и говоритъ голубокъ ты мой не забудь ты меня какъ забылъ Ив. Цар. свою М. Царевну, ипроч.

---

818. [О ПОПѢ И БАЛДѢ].

Попъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему б а л д а́. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только 3 щелка въ лобъ попу. Попъ радехонекъ, попадья говоритъ каковъ будетъ щ е л к ъ. Балда дюжъ и ряботящь—но срокъ ужъ близокъ, а попъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отаслать Балду

въ лѣсъ къ медведю, будто-бы за коровой—балда идетъ и приводитъ медведя въ хлѣвъ. Попъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ собирать балда беретъ пеньку, смолу да дубину—садится у рѣчки, ударилъ дубиною въ воду ивъ водѣ охнуло; «кого я тамъ зашибъ стараго или малого—и вылезъ старый; что тебѣ надо?—оброкъ собираю—«а вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами—сидитъ Балда да веревки плететъ да смотритъ—Бѣсенокъ выскочилъ—что ты балда?—да вотъ стану море морщить, да васъ чертей корчить—бѣсенокъ перепугался—тотъ заплатитъ попу оброкъ кто вотъ эту лошадь не обнесетъ три раза вокругъ моря. Бѣсенокъ не могъ—Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ—ахъ дѣдушка! онъ не только что въ а—хапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ—Новая выдумка: кто преждѣ обѣжитъ около моря? куда тебѣ сомной, бѣсенокъ? да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только чтоя—а гдѣ то меньшой братъ—У балды были въ мѣшкѣ два зайца.—Онъ одного пустилъ, Бесенокъ запыхавшись обѣжалъ—а Балда гладитъ ужъ другого—приговаривая, усталъ ты бѣдниникій братецъ, 3 раза обѣжалъ около моря—Бѣсенокъ въ отчаяньи. 3 способъ—дѣдъ даетъ ему трость кто вышѣ броситъ Балда ждетъ облака чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку попъ видя Балду бѣжитъ—и беретъ его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей—утопляетъ ночью попадью вмѣсто его и проч.

Была у Царя—дочь одержима бѣсомъ—балда подъ страхомъ висилицы берется вылѣчить Царевну—съ нею начуетъ—беретъ съ собою орѣхи желѣзные и старые карты да молотокъ—знакомого бѣсенка заставляетъ грызть желѣзные орѣхи; играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ — На другую ночь тоже — На третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ открывается—Что такое балда?—Пить хочетъ—всунь ему стручокъ-то свой, свою дудочку въротъ—бѣсенокъ, пойманъ и высѣченъ и проч.

---

819. [О ЦАРѢ КАЩЕѢ].

Царь Кащей безсмертный не хотѣлъ дочери своей выдать за мужъ покамѣсть самъ будетъ живъ—дочь приступаетъ къ нему, гдѣ-де твоя смерть. въ баранѣ, отвѣчаетъ Кащей въ козлѣ, въ вѣникѣ—дочь велитъ вызолотить рога барану и козлу, вызолачиваетъ и вѣникъ—напрасно; Кащей живъ—Наконецъ онъ объявляетъ что смерть его на море на океанѣ, на островѣ буянѣ, а на островѣ дубъ, а въ дубѣ дупло, авъ дуплѣ сундукъ, авъ сундукѣ заяцъ,а въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яйцо.—Ив. Цар. идетъ за смертію Кащея—голодъ. Попадается ему собака, ястребъ, волкъ, баранъ, ракъ—Ив. Ц. говоритъ имъ каждому: я тебя съѣмъ—но оставляетъ имъ животъ—приходитъ къ морю, волкъ его перевозитъ, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ лапами выноситъ изъ моря яйцо—Кащей тотчасъ занемогъ, дочь его получаетъ яйцо; Отецъ проситъ отъ нее мѣсяца, недѣли, дня и проч.

---

820. [О СЛѢПОМЪ ЦАРѢ И ЛЮБОВНИКАХЪ ЕГО ЖЕНЫ].

Слѣпой Царь не вѣровалъ своей женѣ—и не пускалъ ее въсадъ. Если, сказала она, повѣсить кровать мою наяблоню я взлѣзу туда, ты покамѣсть обхвати яблоню—да держи.—Царь согласился любовникъ былъ уже тамъ, Царица къ нему лѣзетъ—Царь пока держитъ яблоню.

Глядя на сіе мужъ съ женою (Царь да Царица) поссорились и побранились—жена была беремѣнна; она родила; и велѣла убить сына, и принести себѣ его сердце. Младенецъ уговорилъ повара, принести вмѣсто своего—собачье сердце, а подмѣнить кузнецкаго сына—Молодой Царевичь собираетъ маленькую шайку, ребяты признаютъ его Царемъ—ибо по его велѣнію береза преклонилась а легушки замолкли.—Царенокъ дѣлаетъ висилицу, вѣшаетъ, кнутомъ сѣчетъ, и въ ссылку ссылаетъ—доходитъ слухъ о томъ до Царя—который задаетъ ему разныя задачи, и изумляется раннему понятію сына кузнеца—

Ѣдетъ Царь мимо кузницы. Богъ помочь кузнецъ.—Спасибо, В. В. — Сколько иверенiй съ тѣхъ поръ какъ ты куешь?—а сколько шаговъ ступитъ твой конь?—Пріѣзжай-же комнѣ завтра, ни верьхомъ ни пѣшкомъ, покажи мнѣ своего друга и недруга, и принеси мнѣ даръ, котораго я не взялъ—кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приноситъ ястреба подъ блюдомъ и приводитъ жену (своего врага) и собаку (своего друга)—жену бьетъ—она его бранитъ, и убѣгаетъ—собаку бьетъ; то вдругъ

и къ нему ласкается. Царь догадывается что кузнецъ уменъ умомъ сыновьнимъ.—призываетъ его и ѣдитъ съ нимъ и съ своимъ мнимымъ сыномъ прогуливаться—Подъѣзжаетъ къ сосновой рощѣ—Чтобъ изъ нее сдѣлать мой сынъ, спрашиваетъ Ц.?—Да наковальню отвѣчаетъ Царскій сынъ—а ты, кузн.? — Терема Царскія—Видятъ словую — и березовую—тотъ-же вопросъ; отвѣты въ томъ же духѣ.—Царь привозитъ кузнецова сына домой; Мать его въ него влюбляется Новый Іосифъ, онъ убѣгаетъ—и притворяется дурачкомъ. Погонщики его настигаютъ, онъ Еритъ, ѣстъ и вшей бьетъ — что ты дѣлаешь? убавляю и прибавляю и недрутовъ побѣждаю. Не узнавъ его оставляютъ.

Мать его скоро предается другому любовнику.—Царевичь приходитъ къ ней подъ видомъ нищаго. Хищникъ ввергаетъ его въ темницу и осуждаетъ на смерть. Три висилицы, золотая, серебряная, шелковая. Царь и Царица ѣдутъ смотрѣть казнь Королевича. Онъ хохочетъ; чему?—да тому что переднія колеса ѣдутъ за лошадью, а заднія-то за чемъ? (allusion â la reine qui suit leroi) пріѣзжаютъ. Царевичь проситъ позволеніе играть на рожкѣ рать его вооружается—ступаетъ на ступень на другую, на третью и все играетъ въ рожокъ—наконецъ опять хохочетъ—чему дуракъ?—Самъ ты дуракъ: взгляни какъ мои голуби твою пшеницу клюютъ—и проч. — —

На шелковой висилицѣ вѣшаетъ онъ сводника, купца Шелковникова. вотъ куда каламбуры зашли!

---

821. [ЧОРТЪ—СВАТЪ].

О святкахъ молодыя люди играютъ игрища, идутъ въ пустую избу. Одинъ изъ нихъ говоритъ чортъ, жени меня. Чортъ выходитъ изъ-за печки соглашаются—женить. Невѣста дочь проклятая отцомъ и матерью. Молодые ѣдутъ въ чужой городъ—заживаютъ домикомъ—разъ видятъ двухъ нищихъ старика со старухою, и несутъ они младенца что ни пьетъ ни ѣстъ уже 36 лѣтъ—молодые зовутъ ихъ, жена топоромъ разрубаетъ младенца и вываливается оттуда осиновый чурбанъ — она открываетъ имъ что она ихъ дочь.

Въ томъ-же родѣ. Женихъ пропадаетъ 3 года; невѣста его узнаетъ что должно въ лѣсу въ пустой хижинкѣ 3 ночи ночевать, дабы достать его. Находитъ хижинку, около нее ходитъ слышитъ голосъ его — но невидитъ входа - видитъ хоръ чертей, между ими и онъ на гудкѣ играетъ — Хижинка открывается (стукотъ) она видитъ тамъ кучу змѣй — бросается туда — то былъ хворостъ; и проч.

3. Мать разсердясь на сына ему: Лукавый тебя побери. Мальчикъ изчезаетъ—Таже слышитъ его голосъ въ банѣ; читая воскресную молитву (да воскреснетъ Богъ) она туда—а плачутъ въ ригѣ—у пруда. Господи, говоритъ она, прости мое согрѣшеніе! — мальчикъ тутъ — я былъ тамъ и тамъ... и огни, и много ихъ и проч.

---

822. [О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ].

Царевна заблудилася въ лѣсу. находитъ домъ пустой—убираетъ его 12 братьевъ пріѣзжаютъ. ахъ, говорятъ, тутъ былъ кто-то али мущина али женщина,коли мущина будь намъ отецъ родной али братъ названой, коли женщина будь намъ мать али сестра..... Сіи братья враждуютъ съ другими 12 богатырями; уѣзжая они оставляютъ сестрѣ платокъ, сапогъ и шапку—если кровію нальется—то не жди насъ,—пріѣзжая назадъ спятъ они сномъ богатырскимъ. 1) разъ 12 дней 2) 24, 3) 31.—Противники пріѣзжаютъ и пируютъ. Она подноситъ имъ сонныхъ капель — — — и проч.

Мачиха ея приходитъ въ лѣсъ подъ видомъ нищеньки—собаки ходятъ на цѣпяхъ и не подпускаютъ ея.—Она даритъ Царевнѣ рубашку которую та надѣвъ, умираетъ — Братья хоронятъ ея въ гробницѣ нятянутой золотыми цѣпями къ двумъ соснамъ. Царевичъ влюбляется въ ея трупъ и проч.

Переводы народныхъ пѣсенъ на французскій языкъ.

823. [НЕ ШУМИ, МАТИ ЗЕЛЕНАЯ ДУБРОВУШКА].

Ne murmure donc pas, verte forêt, ma mère! Ne m'empêche pas de réfléchir. Demain je dois comparaitre devant ce terrible juge, devant le Tzar lui même. Le Tzar m'interrogera. Apprends-moi, jeune homme, avec qui as tu exercé tes brigandages?— Je m'en vais te le dire, Tzar orthodoxe, notre espérance. Je m'en vais te le dire toute la vérité. J'ai eu quatre complices: le premier, c'était la nuit sombre; le second—c'était mon bon cheval; le troisième—mon coutelas d'acier; Le quatrième—mon arc dur à plier. Les flèches étaient mes émissaires.—Alors le Tzar, notre espérance, me répondra: Bravo, jeune homme, tu as su voler, et tu as su répondre; c'est pourquoi je m'en vais te récompenser: Tu auras un haut château au milieu de la plaine, deux poteaux avec une poutre au travers [1]).

824. [ОЙ ТЫ НАШЪ БАТЮШКА, ТИХОЙ ДОНЪ!].

Don paisible, Don, notre père! Pourquoi donc es-tu si trouble?—Comment ne serais-je pas trouble? De froides sources jaillissent du fond de mon lit; le poisson agite mes ondes; trois barques m'ont traversé. Dans la première barque il y avait les glorieux cosaques du Don. Dans la seconde on a passé les drapeaux, dans la troisième il y avait un jeune seigneur et une jeune fille. Le jeune seigneur tentait de faire entendre raison à la jeune fille: Ne pleure pas, ma belle jeune fille! Ne pleure pas, ma belle amie! Je te marierai à mon fidèle esclave, tu seras l'épouse de l'esclave, et la douce amie du maitre; tu feras son lit et tu coucheras avec moi. La jeune fille répond au jeune homme: Je serai la douce amie de celui, dont je serai la femme; je coucherai avec celui, dont je ferai le lit. Le jeune homme se fâcha, il tira son sabre bien effilé, il coupa la tête à la jeune fille et la jeta dans les ondes rapides.

[1]) Une potence.

825. [ЧТО ПОНИЖЕ БЫЛО ГОРОДА САРАТОВА].

Un peu plus bas que la ville de Saratof, un peu plus haut que la ville de Tsaritsine coule notre mère la rivière Kamyschenka. Elle mène à sa suite de beaux rivages es carpés et des vertes prairies; elle tombe dans la Volga notre mère. Deux belles barques voguaient sur la rapide rivière. Elles étaient très bien ornées; elles étaient couvertes d'une forêt de lances et de drapeaux. Il y avait dans les barques de braves rameurs, les kosaques du Don, des Grebentsi et des Zaporogiens. Ils avaient des bonnets de velours doublés de zibéline, des kaftans bruns, doublés de koumatch, des ceintures de soie d'Astrakan, des chemises de couleur, bordées de galon d'or, des bottes de maroquin vert avec des talons de travers. Ils rament, ils chantent des chansons, ils glorifient le Tzar orthodoxe, le tzar Pierre I; ils maudissent, ils outragent le prince Menchikoff; ils le maudissent, lui, sa femme, ses enfants et ses petits-enfants: Ce chien, ce voleur, il nous mange notre paie, nos provisions et nos appointemens et encore ne nous permet pas de nous promener sur le Volga et de chanter le Doudinoy" [1]).

826. [ВЫ, МОЛОДЫЕ РЕБЯТА, ПОСЛУШАЙТЕ].

Ecoutez, jeunes gens, ce que nous autres vieillardes nous allons vous raconter, touchant le terrible Tzar Ivan Vassilievitz. Le Tzar, notre Seigneur, avait marché sur Kasan; il avait fait creuser des mines sous la Kasanka et le Soulay (rivières); il y avait fait rouler des tonneaux pleins de poudre; et dans la plaine dèserte il avait établi ses batteries et ses caissons. Les Tartares se promenaient par la ville; ils se moquaient du terrible Tzar, ils disaient: Ha! le Tzar Blanc [2]) n'aura pas

[1]) C. à d. faire les pirates. Le *doudinoy* est un refrain d'un chant de brigands.

[2]) Titre, que les sujets de race tartare donnen à notre Souverain.

notre ville! Alors le Tzar se mit en colère de ce que la mine tardait à jouer. Il ordonna de mettre à mort les canoniers, les mineurs et ceux, qui allumaient les mèches, ils baissèrent la tête et se mirent tristement à penser; un seul canonier eut le courage de s'écrier: ordonne-moi, Seigneur, de dire un mot... Il n'eut pas le temps de dire ce mot, le feu des mèches le gagna; les mines, les tonneaux de poudre éclatèrent; les murailles volèrent par dela le Soulay, les Tartares furent frappés de terreur et ils se soumirent au Tzar Blanc.

827. [ВНИЗЪ ТО БЫЛО, ПО МАТУШКѢ, КАМЫШЕНКѢ РѢКѢ].

C'était sur la Kamychenka, devant l'embouchure de la Samara. Une légère chaloupe voguait d'après le courant; le jeune ambassadeur du Tzar, le prince Semen Konstantinovitch Karamychef était assis dans la chaloupe; dans sa main gauche il tenait l'oukaze du Tzar, dans sa main droite un sabre bien effilé. Sur le beau rivage escarpé, sur le sable jaune et fin, se promenaient des braves jeunes gens: des Kosaques du Don, des Grebentsi, des Zaporogiens, et puis des Kosaques du glorieux Yaïck [1]), ils s'assemblèrent en un même cercle, ils pensèrent une même pensée, ils dirent un même mot. Ils pointèrent un petit canon de cuivre, ils y firent rouler un petit boulet de fer, ils firent feu sur la légère chaloupe. Ils ne blessèrent personne. Ils tuèrent seulement l'ambassadeur du Tzar.

828. [АХЪ ТЫ, БАТЮШКА, СВѢТЕЛЪ МѢСЯЦЪ].

Lune brillante, notre père! [2]) Pourquoi ne brilles-tu pas comme jadis? Pourquoi ne brilles-tu pas du soir jusqu'a minuit, de minuit jusqu'à la blanche aurore? Tu te caches derrière le nuage, tu t'enveloppes d'obscurité. Voilà ce qui est arrivé dans la *Sainte Russie* [3]), dans la glorieuse ville de Pétersbourg, dans la cathédrale Petropavlovsky (de St. Pierre et St. Paul) A droite, près du *klyros*, près du tombeau de l'Empereur, de l'Empereur Pierre, dit le-Grand, un jeune matelot priait Dieu; il pleurait comme coule une rivière [1]), il pleurait la mort de l'Empereur, il disait en sanglotant: Ouvre-toi, terre humide, notre mére [2]); ouvre-toi en quatre; couvercle, ôte-toi du cercueil; déplie-toi linceul de drap d'or; et léves-toi, réveilles-toi, notre père, Tzar orthodoxe [3]), jette un regard sur ta brave, ta chère armée: sans toi elle est devenue orpheline et impuissante.

[1]) Ancien nom de l'Oural.
[2]) La lune, en langue russe, est du genre masculin.
[3]) Sviataya Rousse, expression consacrée. Moscou n'a jamais éte appelée la ville sainte; son épithète est—la ville de pierre blanche, *bélo-kamennaya*.

829. [УЖЪ КАКЪ ГРУСТНО].

N'est-ce pas bien triste et bien endêvé? Mon amant me quitte. Ne valait-il pas mieux que nous ne nous fussions jamais connus? Je n'aurais connu ni les chagrins, ni les pénibles soupirs, ni les larmes de la séparation; ma poitrine ne m'aurait pas fait mal; mon sang n'aurait pas bouillonné; je ne l'aurais pas regretté. J'irai sur le nouveau perron, je m'appuierai sur la balustrade, je m'envelopperai de fourrures, je m'inonderai des larmes, je regarderai la plaine déserte. Dans la plaine déserte l'hremine joue avec la zibeline. C'est ainsi que mon amant joue avec une autre que moi... Mon amant serait-il content, si je jouais avec un autre que lui?

830. [АХЪ, ВЫ, ВЫХОДЫ, ВЫХОДЫ, ПОГРЕБА ГОСУДАРЕВЫ].

Ho! Caves souterraines, caves de notre Tzar!.. [4]) Ho! voilà qu'un brave jeune homme sort des caves de notre Tzar. Il chancelle et trébuche, mais il n'est pas ivre. Il s'appuie sur son fusil. Deux belles jeunes filles ont vu de leurs fenêtres le brave jeune homme; elles descendent l'escalier, elles demandent au brave jeune homme: Es-tu marié, jeune homme?—Je suis marié, belles jeunes filles. Ma femme est une grande dame—c'est le fusil que m'a donné le Tzar. Mes petits enfants—ce sont les balles de plomb; toute ma parenté—c'est ma giberne avec ses cartouches; mes terres et mon héritage—c'est le large champ de bataille.

[1]) Expression consacrée.
[2]) Expression consacrée.
[3]) Pravoslavny Tzar, un des titres de nos souverains.
[4]) La couronne avait le monopole de l'eau de vie.

831. [У НАСЪ, ТО БЫЛО, БРАТЦЫ, НА ТИХОМЪ ДОНУ].

C'etait sur le Don paisible, dans la ville de Tscherkask: il est né un brave jeune homme, Stépan Timoféevitch Rasine. Le bon Stépan ne fréquentait pas les krougs des kosaques [1]), il n'y délibérait pas avec nous autres; le bon Stépan fréquentait le kabak du Tzar; il y délibérait avec les va-nus-pieds. Messieurs mes frères les va-nus-pieds! Allons un peu nous promener sur la mer bleue, attaquons y les vaisseaux des mécréans, prenons de l'or autant qu'il nous en faut. Et puis, frères, nous irons dans Moscou bâtie en pierre, nous y acheterons des habits de couleur, et nous reviendrons chez nous.

832. [НА ЗАРѢ ТО БЫЛО, БРАТЦЫ, НА УТРЕННЕЙ].

C'était, frères à la pointe du jour, au lever du rouge beau soleil [2]), au coucher de la claire lune: ce n'etait pas un faucon qui planait sous le ciel, c'était le yessaoul [3]), qui se promenait par le bourg, et qui réveillait les braves jeunes gens. Levez-vous, braves jeunes gens; éveillez-vous, kosaques du Don! Il ne fait pas bon chez nous; le glorieux, le paisible Don s'est troublé depuis sa source jusqu'à la mer d'Azof. Tout le peuple kosaque s'est ému. Nous n'avons plus d'ataman. Nous n'avons plus Stépan Timoféevitch dit Stenka Rasine. On a pris le brave, on lui a lié ses blanches mains, on l'a mené à Moscou bâtie en pierre et, au milieu de la glorieuse Krasnaya Plochtchade [1]), on lui a tranché sa tête rebelle.

833. [АХЪ, ДАЛЕЧЕ-ДАЛЕЧЕ ВО ЧИСТОМЪ ПОЛѢ].

Loin, bien loin dans la plaine déserte, s'elevait bien-haut bel arbre; sous le bel arbre croissait un gazon, parmi le gazon fleurissaient des fleurs bleues; un tapis était étendu sur les fleurs. Deux frères étaient assis sur le tapis; l'aîné frappait sur des cymbales, le cadet chantait une chanson: Notre mère nous mit au monde, comme deux enfants; notre père nous éleva, comme deux jeunes faucons; il nous éleva, et rien ne nous apprit. La lointaine contrée ètrangère dessèche sans qu'il vente, la lointaine contrée étrangère fait transir sans qu'il gèle. Notre mère a cru ne pouvoir de sa vie se débarasser de nous; et la voilà qui nous a perdus en une seule heure. Elle nous a perdus, elle ne nous verra jamais.

---

[1]) Assemblées publiques où l'on délibérait en commun.

[2]) Expression consacrée et inévitable.

[3]) Officier kozaque.

[1]) Grande place au Kremle.

«ДОНЪ-ЖУАНСКІЙ СПИСОКЪ».

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной,
Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, раскинутыхъ Кипридой:
А неисправленный стократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

Пушкинъ правду сказалъ о себѣ. Таковъ онъ былъ. Ни у кого изъ поэтовъ не выражены съ такой силою тоска по женской любви, радости женской любви, муки, причиняемыя женской любовью. Любовные мотивы звучатъ въ его поэзіи на каждомъ шагу. Рано узналъ онъ, что такое любовь,—когда ему было лѣтъ 6—9. Это видно изъ бѣглой программы его автобіографическихъ записокъ [1]); среди записей о смерти одного брата и рожденіи другого, о впечатлѣніяхъ первоначальнаго дѣтства, еще задолго до поступленія въ лицей, кратко отмѣчена «ранняя любовь»... Далѣе, въ той же программѣ подъ 1814 г., записано: «первая любовь». (Предметомъ ея была, вѣроятно, Е. П. Бакунина или графиня Н. В. Кочубей). Наличность обѣихъ отмѣтокъ на одномъ листкѣ показываетъ, что поэтъ рѣзко отдѣлялъ другъ отъ друга оба эти событія своей внутренней жизни—«первую» любовь отъ «ранней» любви, которую даже не внесъ въ «счетъ» своихъ сердечныхъ переживаній, какъ бы говоря, что это чувство не могло быть, не было настоящей любовью. Это о «первой» любви, а не «ранней» говорилъ онъ уже зрѣлымъ мужемъ, вспоминая про свой расцвѣтъ въ садахъ лицея, про тѣ дни, когда «говорить старался басомъ и стригъ надъ губой первый пухъ...—тѣ дни, когда впервые замѣтилъ я черты живыя прелестной дѣвы, и любовь младую взволновала кровь, и я, тоскуя безнадежно, томясь обманомъ пылкихъ сновъ, вездѣ искалъ ея слѣдовъ, объ ней задумывался нѣжно, весь день минутной встрѣчи ждалъ и счастье тайныхъ мукъ узналъ»...

Но и «ранняя», дѣтская любовь оставила слѣдъ въ его поэзіи, хотя слабый и мимолетный. Въ лицеѣ, отрокъ, томясь по женской ласкѣ, онъ вспомнилъ («Посланіе къ Юдину», 1815 г.) «подругу возраста златого, подругу красныхъ дѣтскихъ лѣтъ»,—но вспомнилъ о ней уже не по-дѣтски, рисуя въ разгоряченномъ воображеніи «шалью станъ непокровенный, взоръ на груди потупленный, въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ», стройную ногу, которую плотно облегаетъ бѣлоснѣжный покровъ...

За «ранней» любовью, за «первой» любовью скоро послѣдовали вторая, третья и т. д., и т. д., и т. д., и Пушкинъ потерялъ счетъ всѣмъ увлеченіямъ, то глубокимъ и мучительнымъ, то несерьезнымъ и легкомысленнымъ. Многообразны были оттѣнки этихъ увлеченій, но имъ былъ неизмѣнно присущъ, въ большей или меньшей степени, элементъ высокаго идеализма, страстное стремленіе къ вѣчно-женственному, жадная тоска по Мадоннѣ. «Душа лишь только разгоралась, и сердцу женщина являлась какимъ-то чистымъ божествомъ. Владѣя чувствами, умомъ, она сіяла совершенствомъ. Предъ ней я таялъ въ тишинѣ; ея любовь казалась мнѣ недосягаемымъ блаженствомъ. Жить, умереть у милыхъ ногъ—иного я желать не могъ». Любовь—вѣрная спутница его поэзіи до самой могилы. Въ ней онъ видѣлъ и «веселье жизни хладной», и «мученіе сердецъ»... Иногда она оставляла его,—но не на долго, лишь для того, чтобы вскорѣ вспыхнуть съ новой силой:—«и сердце вновь горитъ и любитъ—оттого, что не любить оно не можетъ». Пусть любовь его часто глохла безъ отвѣта, пусть не разъ приходилось ему сравнивать себя самого съ безнадежно влюбленнымъ къ равнодушную розу соловьемъ и останавливать себя:

[1]) П. В. Анненковъ «Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 2-ое, стр. 18—19; снимокъ въ Сочиненіяхъ Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. VIII, 1905 г., при стр. 574.

Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта.
Глядишь—она цвѣтетъ; взываешь—нѣтъ отвѣта.

Пусть не разъ любовь его обращалась на женщинъ, которыя ея не стоили, и съ горечью винилъ онъ себя:

Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я такъ и вспыхну, сердцу больно:
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Пусть не разъ поэтическая греза обращалась въ пошлѣйшую прозу... Зато любовь доставляла ему и высшія радости:

Зато любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства,
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права...

Когда надъ его головою собирались тучи, и онъ задумчиво стоялъ на перекресткѣ жизненныхъ путей, ожидая бури, не зная, куда и зачѣмъ идти,—страдающее сердце искало женской любви, какъ лучшаго утѣшенія:

Ангелъ кроткій, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: прости;
Опечалься: взоръ свой нѣжный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Замѣнитъ душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней...

Много разъ ему казалось, что «сердце позабыло способность легкую страдать»,—но снова и снова трепетало оно «предъ мощной властью красоты».

Пушкинъ любилъ много разъ, то съ бо̀льшей, то съ меньшей силой страсти, то чувственно, то нѣжно. Онъ самъ какъ будто удивлялся своему многолюбію. Онъ говорилъ: «plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes, que j'ai connues»... И уже женатый строго останавливалъ себя: «Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу волненіемъ любви безумно предаваться!... Нѣтъ, полно мнѣ любить!» Собираясь жениться на своей Мадоннѣ—Гончаровой, онъ писалъ кн. В. Ѳ. Вяземской [1]):

[1]) Въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1830 г.

«Natalie, кстати сказать, моя сто тринадцатая любовь»...

Памятникомъ подобнаго «подсчета» сердечныхъ увлеченій Пушкина остался любопытный документъ—набросанный самимъ поэтомъ «Донъ-Жуанскій списокъ». Этимъ именемъ остроумно и мѣтко окрестилъ Н. С. Киселевъ, сынъ Елизаветы Н. Ушаковой, перечень женскихъ именъ, внесенный поэтомъ въ альбомъ Елизаветы Николаевны и записанный на трехъ листкахъ. Альбомомъ Ушаковой пользовались А. А. Венкстернъ и Л. Н. Майковъ. Венкстернъ [1]) думалъ, что всѣ имена «составляютъ одно цѣлое и должны разсматриваться вмѣстѣ». По объясненію П. С. Киселева, это «донъ-жуанскій списокъ поэта, т.-е. перечень всѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался». Майковъ [2]) же находилъ, что «мы имѣемъ тутъ не одинъ, а два списка, которые и помѣщены въ двухъ разныхъ мѣстахъ альбома: между тѣмъ какъ, въ одномъ спискѣ находятся женскія имена, большею частію не поддающіяся объясненію, въ другомъ читаются имена женщинъ, хорошо извѣстныхъ по біографіи поэта и дѣйствительно имѣвшихъ въ его жизни бо̀льшее или меньшее значеніе».

Кружокъ молодежи, собиравшейся въ домѣ Ушаковыхъ, и обѣ молодыя хозяйки дома, вѣроятно, не разъ трунили надъ многолюбіемъ Пушкина. Онъ самъ называлъ себя Ловласомъ. «Тверской Ловеласъ С.-Петербургскому Вальмону здравія и успѣховъ желаетъ», писалъ онъ однажды А. П. Вульфу [3]); въ другомъ письмѣ къ Вульфу [4]) находимъ длинный рядъ новостей, достойныхъ переписки Ловласа. Пушкинъ любилъ шутку и не сердился, когда и надъ нимъ шутили. Слѣды такихъ шутокъ сохранились въ альбомѣ Ушаковыхъ. «На одномъ изъ рисунковъ, — разсказываетъ Л. Н. Майковъ, [5])—изображенъ прудъ, на берегу котораго стоитъ нарядная молодая особа и удитъ; на поверхности воды видно нѣсколько мужскихъ головъ; вдали, на берегу, стоитъ молодой человѣкъ въ круглой шляпѣ, съ тростью въ рукѣ. Противъ мужской фигуры написано: «Madame, il est temps de finir», а противъ женской: «Какъ поймаю рыбочку я

[1]) Альбомъ московской Пушкинской выставки 1880 г., стр. 123.

[2]) «Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ»—сборн. «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 373.

[3]) 27 октября 1828 г.

[4]) 16 октября 1829 г.

[5]) «Пушкинъ», 374—375.

себѣ на удочку, то-то буду рада, то-то позабавлюсь, то-то разгуляюсь!» По объясненію Н. С. Киселева, представленная здѣсь молодая особа есть Анна Алексѣевна Оленина. Въ мужчинѣ, стоящемъ на берегу, слѣдуетъ угадывать Пушкина, хотя изображеніе и не отличается сходствомъ. Барышню съ тѣмъ же профилемъ, какой мы видимъ на сейчасъ описанной картинкѣ, можно узнать и на другомъ рисункѣ [1]): тутъ она протягиваетъ руку молодому человѣку, который ее почтительно цѣлуетъ. Здѣсь мужская фигура, съ лицомъ, обраймленнымъ бакенбардами, уже гораздо болѣе напоминаетъ портреты Пушкина. Къ этой картинкѣ относится слѣдующая подпись: «Прочь, прочь отойди! Какой безпокойный! Прочь, прочь! Отвяжись, руки недостойный!» Другой молодой особѣ женскаго пола посвящены въ томъ же альбомѣ три наброска. На одномъ она изображена en face, съ протянутою рукой, на другомъ—спиной, съ обращенной влѣво головой и тоже съ протянутою правою рукой; къ этой женской рукѣ тянутся съ края листка двѣ мужскія (самой мужской фигуры не нарисовано за недостаткомъ мѣста): въ лѣвой рукѣ письмо, а правая украшена очень длинными ногтями. Извѣстно, что у Пушкина была привычка носить длинные ногти. На обѣихъ картинкахъ у барышни нарисованы большія ноги... На обоихъ рисункахъ есть еще по приписки, сдѣланной неизвѣстнымъ почеркомъ: на первомъ — «Kars, Kars» [2]), и на второмъ—«Карсъ, Карсъ, братъ! Братъ, Карсъ!» Та же особа представлена еще на одной картинкѣ, о чемъ можно заключить по подписи на ней, сдѣланной женскимъ почеркомъ: «О горе мнѣ! Карсъ, Карсъ! Прощай, бѣлъ свѣтъ! Умру!» Здѣсь изображена обращенная спиной женская фигура въ пестромъ платьѣ, съ шляпкой на головѣ и съ вѣеромъ въ рукѣ, на которомъ написано: «Stabat Mater dolorosa». Дополненіемъ къ этимъ тремъ рисункамъ является еще четвертый, изображающій очень отчетливо нарисованное—быть можетъ, Пушкинымъ—лицо пожилой женщины суроваго вида, въ чепцѣ, съ подписью (неизвѣстнаго почерка): «Маменька Карса». Преданіе, сохраненное Н. С. Киселевымъ, даетъ ключъ къ объясненію этихъ рисунковъ; Пушкинъ называлъ Карсомъ Н. Н. Гончарову, которая уже нравилась ему въ то время, но казалась столь же неприступною, какъ знаменитая турецкая крѣпость». Объясненіе вѣрное: скоро ли, боже мой, пріѣду изъ П. Б. въ Hôtel d'Angleterre мимо Карса?»—писалъ однажды Пушкинъ С. Д. Киселеву [1]).

Пушкинъ въ свою очередь подшучивалъ надъ обладательницей альбома и ея сестрой; Елизавету Николаевну, помолвленную за С. Д. Киселева, онъ дразнилъ, то называя ее «кисанькой», то принимаясь звать кошку: «кисъ, кисъ, кисъ», то испещряя альбомъ котами и котятами—намекъ на Киселева и будущее потомство [2]). Хорошенькія сестры трунили надъ щедрымъ сердцемъ поэта, и Пушкинъ самъ присоединялся къ этимъ шуткамъ. «Донъ-Жуанскій списокъ»—ихъ слѣдъ.

Списокъ распадается, какъ сказано, на двѣ части, которыя помѣщены въ разныхъ мѣстахъ альбома. Вторая, повидимому, служитъ дополненіемъ къ первой, такъ какъ данныя одной не совпадаютъ съ данными другой,—и поэтому ихъ можно разсматривать какъ одно цѣлое. Вотъ эти имена: Наталья I, Катерина I, Катерина II, NN, Кн. Авдотія, Настасья (?), Катерина III, Аглая, Калипсо, Пулхерія, Амалія, Элиза, Евпраксѣя, Катерина IV, Анна, Наталья.

Далѣе слѣдуютъ другія имена: Марія, Анна, Софья, Александра, Варвара, Вѣра, Анна, Анна, Анна, Варвара, Елизавета, Надежда, Аграфена, Любовь, Ольга, Евгенія, Александра, Елена.

Оба перечня, воспроизводимые дальше, находятся: первый—на 4-мъ листѣ, второй—на 5-мъ листѣ ушаковскагв альбома, по мнѣнію Майкова, на 6-мъ листѣ находится продолженіе второго перечня,—но едва ли это такъ. На 6-мъ листѣ (воспроизведенъ въ III т., стр. 349) сохранилось, повидимому, начало третьяго перечня, такъ и не оконченнаго. Записаны имена: «Елена, Татьяна, Авдотья»; противъ послѣдняго имени Пушкинъ написалъ: «N 1», а надъ этимъ именемъ не пушкинской рукою надписано: «и послѣдній». Ниже — автокаррикатура Пушкина, гдѣ поэтъ изображенъ въ монашескомъ клобукѣ и въ рясѣ [3]).

Судя по всѣмъ даннымъ, которыя представляетъ ушаковскій альбомъ, перечни

[1]) На л. 50 об. ушаковскаго альбома; воспроизведенъ въ Альбомѣ московской Пушкинской выставки 1899 г., табл. 19.

[2]) На л. 26 об.; воспроизв. тамъ же.

[1]) 15 ноября 1829 г.

[2]) См., напримѣръ, снимокъ въ III т., стр. 348.

[3]) Снимокъ см. въ III т., стр. 349.

записаны въ концѣ 1829 г., по возвращеніи Пушкина изъ арзрумскаго путешествія, или даже въ началѣ 1830 г. На это указываютъ восточныя фигуры и лица, отразившія впечатлѣнія кавказской поѣздки [1]), полукарикатурный видъ Арзрума, «взятаго помощію Божіей и молитвами Екатерины Николаевны 27 іюня 1829 г. отъ Р. Х.» [2]), помѣта Пушкина подъ однимъ рисункомъ: «1 d'avril 1829» [3]) и 5 окт. 1829»—подъ другимъ [4]), двѣ автокарикатуры поэта на свои ратные подвиги 1829 г. [5]) и друг. Страстно влюбленный въ Гончарову поэтъ подвелъ итоги своей прежней сердечной жизни, набросалъ рядъ именъ, какъ бы символизировавшихъ дорожныя вѣхи на его длинномъ пути отъ сердца къ сердцу. Около нѣкоторыхъ фигуръ, нарисованныхъ Пушкинымъ въ ушаковскомъ альбомѣ, стоятъ номера (4, 4—5, 99, 100).

Перечни не совпадаютъ другъ съ другомъ не только по періодамъ, къ которымъ должны быть отнесены перечисленныя имена, но прежде всего—по настроеніямъ, отразившимся въ нихъ. Въ первомъ запечатлѣны, главнымъ образомъ, болѣе серьезныя, болѣе глубокія увлеченія поэта; не съ легкомысленной усмѣшкой могъ онъ вспоминать о большей части этихъ увлеченій, а съ улыбкой горечи и страданія. Зато второй списокъ пестрѣетъ именами женщинъ, внушившихъ поэту иное чувство, легкое, поверхностное, задѣвавшее душу не такъ сильно и не оставившее въ ней мучительныхъ, тяжелыхъ вспоминаній.

Что въ первомъ перечнѣ названы преимущественно самыя дорогія поэту имена,—это доказывается не только упоминаніемъ Амаліи (Ризничъ), Элизы (Воронцовой) и таинственной NN, но и завершающимъ его именемъ Натальи—по всей вѣроятности, Гончаровой; она слѣдуетъ непосредственно за Анной (Кернъ), которою Пушкинъ не долго, но сильно увлекался въ Михайловскомъ. Между Кернъ и Гончаровой Пушкинъ пережилъ нѣсколько увлеченій, но въ этотъ «серьезный» списокъ они не были включены и попали во второй перечень. Первый списокъ, благодаря нѣсколькимъ характернымъ и лишь по одному разу упоминающимся въ біографіи поэта именамъ, сравнительно легко поддается объясненію. Имена въ немъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, хотя едва ли вполнѣ строгомъ.

«Наталью I» нужно искать на зарѣ юности поэта. Въ лицейской жизни Пушкина оставили слѣдъ три Натальи. Одна изъ нихъ была довольно плохая, но молоденькая и хорошенькая крѣпостная актриса домашняго театра графа В. В. Толстого, о которой нашъ поэтъ сказалъ въ веселомъ посланіи «Къ молодой актрисѣ»: «Увы, другую бъ освистали! Велико дѣло красота!.. Итакъ, вѣнцы передъ тобой и несомнительны успѣхи»... [1]). Къ этой же «миловидной жрицѣ Тальи» относится другое посланіе—«Къ Натальѣ» [2]), въ которомъ Пушкинъ увѣрялъ: «въ первый разъ еще (стыжуся) въ женски прелести влюбленъ». Другая Наталья была горничная фрейлины Валуевой, по отзыву И. И. Пущина, «премиленькая»; въ запискахъ Пущина есть забавный разсказъ, какъ Пушкинъ, подстерегая въ темномъ корридорѣ царскосельскаго дворца Наташу, съ которой многіе лицеисты «любезничали», вмѣсто нея по ошибкѣ бросился цѣловать проходившую мимо фрейлину княжну В. М. Волконскую, чопорную немолодую дѣвушку; государь Александръ I, до котораго дошла жалоба оскорбленной дѣвицы, попенялъ директору лицея Энгельгардту, что его воспитанники «не даютъ проходу фрейлинамъ» [3]). Къ этой горничной нѣкоторые комментаторы относятъ стихотвореніе «Къ Наташѣ» [4]). Въ одной старой копіи лицейскихъ стихотвореній, въ выноскѣ къ заглавію этой пьесы, сказано: «дочери графа Кочубея», что, по мнѣнію А. Блока, «наноситъ ударъ домысламъ» Л. Н. Майкова и другихъ; однако, на это показаніе, исходящее неизвѣстно отъ кого, можно смотрѣть только какъ на лицейское преданіе, достовѣрность котораго представляется сомнительною. По простому, игривому тону пьесы можно допустить, что она была написана скорѣе горничной Натальѣ, чѣмъ Натальѣ-аристократкѣ. Эта

---

[1]) Майковъ, 365.

[2]) Снимки изъ ушаковскаго альбома въ Альбомѣ московск. Пушкинск. выставки 1880 г., табл. 9.

[3]) Майковъ, 366; Ушаковск. альб., л. 27 об., воспроизв. въ Альбомѣ московск. Пушк. выставки 1899 г., табл. 19. Майковъ невѣрно прочиталъ приписанныя рядомъ слова Пушкина:

«Трудясь надъ образомъ прелестной
«И проч. и проч. и проч.»

[4]) Альб. моск. Пушкин. выст. 1880 г., табл. 3.

[5]) Ibid., табл. 8; Альб. моск. Пушкин. выст. 1899 г., табл. 21 (ушаковск. альб., л. 74 об.).

---

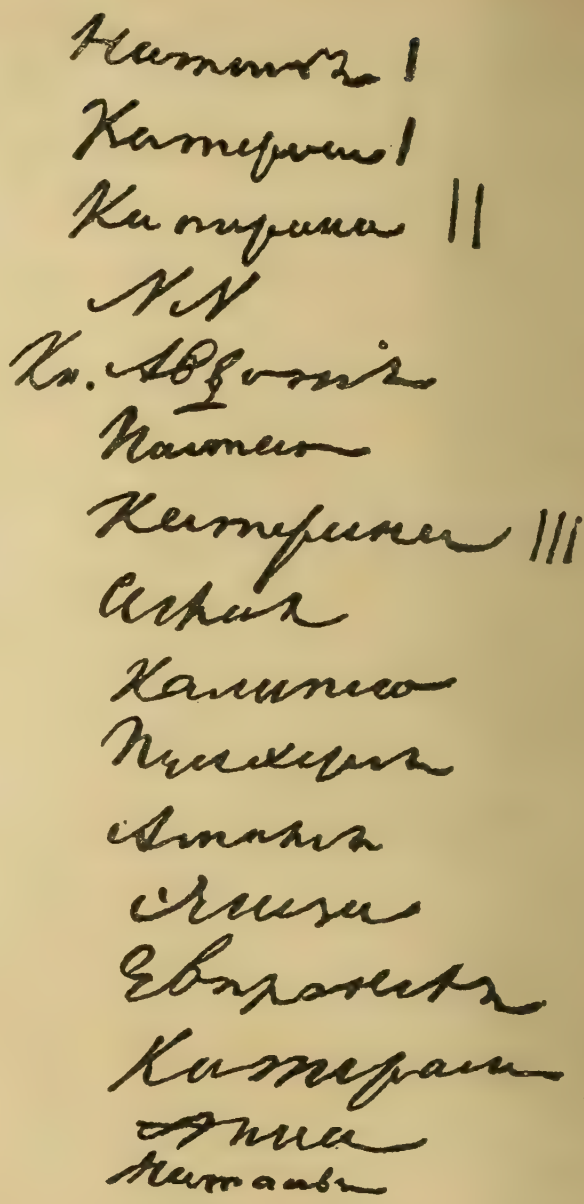
[1]) См. т. I, № 22.

[2]) Тамъ же, № 21.

[3]) См. тамъ же, № 104.

[4]) Тамъ же, № 103.

Наталья, третья Наталья лицейскаго періода, — графиня Кочубей, дочь графа Викт. Павл. Кочубея, жившая въ Царскомъ Селѣ и посѣщавшая лицей. Къ ней относится стихотвореніе «Измѣны» [1]); сообщенное В. П. Гаевскимъ [2]) преданіе считаетъ ее оригиналомъ той дамы, которая изображена въ 8-ой главѣ «Онѣгина» (строфа XIV): «Къ хозяйкѣ дама приближалась»... и т. д., но преданію трудно вѣрить, потому что эта дама—Татьяна, а любимая героиня Пушкина соединяла въ себѣ нѣкоторыя черты многихъ женщинъ и ни съ кого исключительно не была списана. Впослѣдствіи Н. В. Кочубей была замужемъ за извѣстнымъ графомъ Строгановымъ, который одно время управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, а потомъ былъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Она была двумя годами моложе Пушкина. По словамъ лицейскаго товарища Пушкина барона М. А. Корфа, «едва-ли не она (а не Бакунина) была первымъ предметомъ любви Пушкина» [3]). Не о ней ли вспомнилъ Пушкинъ, отмѣчая въ бѣглой программѣ автобіографіи подъ 1814 г. свою «первую любовь»? [4]). Сопоставляя содержаніе и тонъ «Измѣнъ» съ тѣмъ, что извѣстно объ отношеніяхъ Пушкина къ Натальѣ-горничной и Натальѣ-актрисѣ, сравнивая «Измѣны» съ относимыми къ тѣмъ двумъ Натальямъ стихотвореніями, нельзя не заключить, что изъ всѣхъ трехъ только Кочубей могла быть внесена въ «Донъ-Жуанскій списокъ» подъ именемъ Натальи I.



Первый столбецъ «Донъ-Жуанскаго списка».

«Катерина I» — конечно, Екат. Павл. Бакунина, фрейлина, сестра одного изъ лицейскихъ товарищей поэта. По словамъ другого товарища, С. Д. Комовскаго [5]), она возбудила въ Пушкинѣ «платоническую», истинно-поэтическую любовь». И Комовскій и И. И. Пущинъ [1]) согласно сообщаютъ, что это ее описалъ Пушкинъ въ обращеніи «Къ живописцу» [2]), разсказывая живописцу про «красу невинности прелестной, надежды милыя черты, улыбку

[1]) Тамъ же, № 62.

[2]) «Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія»—«Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 159.

[3]) «Пушкинъ и его современники», вып. VIII, стр. 25.

[4]) См. снимокъ въ Сочин. Пушкина, изд. Ефремова, т. VIII, 1905 г., при стр. 574.

[5]) Сборн. Я. К. Грота «П., его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 1899 г., стр. 220.

[1]) См. сборн. Майкова «Пушкинъ», стр. 62.

[2]) См. т. 1, № 60.

радости небесной и взоры самой красоты». Встрѣчаясь съ нею, онъ считалъ минуты своего блаженства: «я былъ счастливъ пять минутъ... Я не видѣлъ ее 18 часовъ—ахъ! Какое положеніе, какія мука!» За анализомъ отношеній ея къ поэту отсылаю читателя къ помѣщенной въ I томѣ статьѣ Брюсова «Первая любовь Пушкина»; съ излишней щедростью Брюсовъ расширилъ циклъ стихотвореній, внушенныхъ Пушкину этой любовью, и даже отнесъ къ Бакунинской мадригалъ «К. А. Б.» («Что можемъ наскоро стихами молвить ей?...» [1]).

«Катерина II» — вѣроятно, знаменитая трагическая актриса Е. С. Семенова Пушкинъ увлекался въ «великолѣпной Семеновой» не столько женщиной, сколько артисткой. Онъ писалъ о ней: «одаренная талантомъ, красотою, чувствомъ живымъ и вѣрнымъ, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имѣла подлинника. Бездушная французская актриса Жоржъ и вѣчно восторженный поэтъ Гнѣдичъ могли только ей намекнуть о тайнахъ искусства, которое поняла она откровеніемъ души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленныхъ движеній, органъ чистый, ровный, пріятный и часто—порывы истиннаго вдохновенія—все сіе принадлежитъ ей и ни отъ кого не заимствовано. Она украсила несовершенныя творенія... Въ пестрыхъ переводахъ, составленныхъ общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишкомъ обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и геній актрисы удержалъ на сценѣ всѣ сіи плачевныя произведенія союзныхъ поэтовъ, отъ которыхъ каждый отецъ отрекается по одиночкѣ. Семенова не имѣетъ соперницы. Пристрастные толки и минутныя жертвы, принесенныя новости, прекратились; она осталась единодержавною царицею трагической сцены»... Эту статью («Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ», 1819 г.), оставшуюся безъ окончанія, Пушкинъ подарилъ Семеновой, и она дошла до насъ съ припиской Гнѣдича, что статья написана Пушкинымъ, «когда онъ проволакивался, но безполезно, за Семеновой». Въ «Онѣгинѣ» Пушкинъ вспомнилъ о ней—какъ «Озеровъ невольны дани народныхъ слезъ, рукоплесканій съ младой Семеновой дѣлилъ». Въ тридцатыхъ годахъ онъ встрѣчался съ ней въ Москвѣ; тогда она уже была княгиней Гагариной и оставила сцену. Величавая артистка, рожденная для «вѣнца и мантіи», плѣняла Пушкина скорѣе своимъ талантомъ, чѣмъ женственнымъ очарованіемъ. О ней говорилъ онъ и въ одномъ отрывкѣ: «Ужель умолкъ волшебный гласъ Семеновой, сей чудной музы, и славы русской лучъ угасъ?»... Ни въ одномъ изъ этихъ отзывовъ Пушкинъ не отдѣлилъ женщины отъ артистки.

За «Катериною II» слѣдуетъ «N.N.» Эти двѣ таинственныя и ничего не говорящія, ревнивыя буквы «Донъ-Жуанскаго списка» стоятъ въ тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ столь же таинственныхъ мѣстъ въ поэзіи Пушкина. Когда Книгопродавецъ спрашиваетъ Поэта, жалующагося на «легкую, вѣтреную» женскую душу:

Ужели ни одна не стоитъ
Ни вдохновенья, ни страстей
И вашихъ пѣсенъ не присвоитъ
Всесильной красотѣ своей?—

тотъ отвѣчаетъ:

Зачѣмъ поэту
Тревожить сердца тяжкій сонъ?
Безплодно память мучитъ онъ.
И что жъ? Какое дѣло свѣту?
Я всѣмъ чужой. Душа моя
Хранитъ ли образъ незабвенный?
Любви блаженства зналъ ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Тайлъ я слезы въ тишинѣ?
Гдѣ та была, которой очи,
Какъ небо, улыбались мнѣ?
Вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи?
. . . . . .
И что жъ? Докучный стонъ любви,
Слова покажутся мои
Безумца дикимъ лепетаньемъ.
Тамъ сердце ихъ пойметъ одно,
И то съ печальнымъ содроганьемъ:
Судьбою такъ ужъ рѣшено.
(Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновеньемъ?
Одна была—предъ ней одной
Дышалъ я чистымъ упоеньемъ
Любви поэзіи святой.
Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчныя струи,
Я находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви).
Ахъ, мысль о той души завялой
Могла бы юность оживить,
И сны поэзіи бывалой
Толпою снова возмутить!
Она одна бы разумѣла
Стихи нелѣпые мои;
Одна бы въ сердцѣ пламенѣла
Лампадой чистою любви.

[1]) Т. I, № 146.

Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земныхъ восторговъ изліянья,
Какъ божеству, ненужно ей.

Предъ нами признаніе самого поэта, что такая любовь была въ его жизни одна, и что взаимностью онъ не пользовался. Эта женщина была выше мелкаго тщеславія, пустого кокетства, и, можетъ быть, о ней говоритъ Пушкинъ въ цитированномъ выше автобіографическомъ отрывкѣ, вспоминая о женщинахъ, которыхъ любилъ: «toutes se sont passablement moquées de moi; toutes, à l'exception d'une seuee, ont fait avec moi les coquettes». Эта любовь, самая святая и самая мучительная изъ всѣхъ, пронесшихся надъ сердцемъ Пушкина, была пережита имъ «тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный, гдѣ льются вѣчныя струи». Поэтъ писалъ о Крымѣ [1]):

Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?

Воспоминаніями о ней, нѣжнымъ вздохомъ о ней оканчивается «Бахчисарайскій Фонтанъ»:

Всѣ думы сердца къ ней летятъ,
Объ ней въ изгнаніи тоскую...
Безумецъ! полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ сномъ любви несчастной
Заплачена тобою дань—
Опомнись! долго ль, узникъ томный,
Тебѣ оковы лобызать
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Объ этой женщинѣ онъ писалъ А. А. Бестужеву (29 іюня 1824 г.), браня его за помѣщеніе въ «Полярной Звѣздѣ» трехъ послѣднихъ стиховъ элегіи «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда»... и за разглашеніе одного письма поэта (о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»), отрывокъ изъ котораго попалъ къ Булгарину и былъ имъ напечатанъ: Мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти. Я обыкновенно въ такомъ случаѣ пишу элегіи, какъ другой. Но пріятельское ли дѣло вывѣшивать на показъ мокрыя мои простыни? Богъ тебя проститъ! но ты острамилъ меня въ нынѣшней Звѣздѣ—напечатавъ 3 послѣдніе стиха моей элегіи; чортъ дернулъ меня написать еще къ стати о Бахч. фонт. какія-то чувствительныя строчки и припомнить тутъ же элегическую мою красавицу. Вообрази мое отчаяніе, когда увидѣлъ ихъ напечатанными. Журналъ можетъ попасть въ ея руки. Что жъ она подумаетъ, видя, съ какою охотою бесѣдую объ ней съ однимъ изъ П. Б. моихъ пріятелей. Обязана ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгаринымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ. Признаюсь, одной мыслію этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики. Голова у меня закружилась»... «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкинъ нѣкоторое время не хотѣлъ даже печатать, потому что «многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую былъ очень долго и очень глупо влюбленъ» [1]). Еще одно подтвержденіе, что Пушкинъ любилъ эту особу въ Крыму, находимъ въ томъ мѣстѣ «Путешествія Онѣгина», гдѣ Пушкинъ описываетъ Крымъ:

А тамъ, межъ хижинокъ Татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь...

Но Муза никогда не могла забыть «и гордой дѣвы идеалъ, и безыменныя страданья»,—и когда другая красавица пѣла при Пушкинѣ «пѣсни Грузіи печальной», онъ вспомнилъ «призракъ милый, роковой», «другую жизнь и берегъ дальный», «и степь, и ночь, и при лунѣ черты далекой бѣдной дѣвы»... По могучей силѣ чувства, по щемящей тоскѣ зовущихъ, заклинающихъ чаръ можно предположить, что къ этому призраку изъ «другой жизни», милому и роковому, мысленно обращался поэтъ, когда писалъ свою «Полтаву». Безъ малѣйшаго упрека, безъ ропота носилъ онъ въ сердцѣ никогда не заживавшую рану непризнанной, отвергнутой любви. «Она отвергла заклинанья, мольбы, тоску», но къ ея ногамъ положилъ поэтъ «Полтаву» и снова сказалъ ей:

Твоя далекая пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей—
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей!

[1]) «Желаніе». 1821 г.

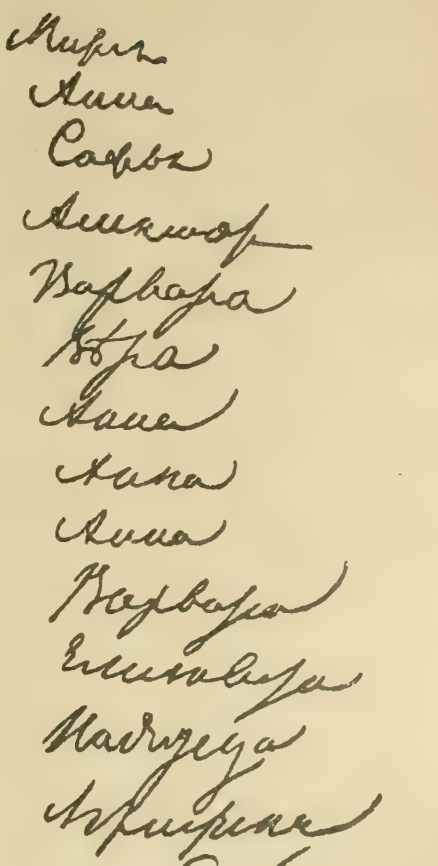
[1]) Письмо къ брату 25 августа 1823 г.; см. мою статью о «Бахчис. Фонтанѣ» во II т., стр. 184.

Прошли годы. Проклиная въ объятіяхъ красавицы-жены свою «преступную» юность, отрекаясь отъ тѣней прошлаго, Пушкинъ навѣрное сохранилъ въ сердцѣ тайный уголокъ, гдѣ горѣла чистая лампада предъ незапятнаннымъ, не отринутымъ ни разу воспоминаніемъ объ «N.N.» [1]), потому что все въ этой любви было—сокровище и святыня. И пусть она одна могла измѣрить всю глубину любви поэта, пусть ей одной были ясны «стихи неясные» для насъ,—то немногое, что сказалъ о ней поэтъ, что внушилъ ему ея милый призракъ, навсегда останется однимъ изъ прекраснѣйшихъ сокровищъ поэзіи Пушкина, драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ, которое завѣщалъ намъ великій человѣкъ.

«Кн. Авдотія»—княгиня Евдокія Ивановна Голицына, извѣстная Princesse Nocturne. Пушкинъ не только былъ пораженъ ея «не мертвой красотой, но огненной, плѣнительной, живой», но цѣнилъ ея «разговоръ непринужденный, плѣнительный, веселый, просвѣщенный». Это была недюжинная, оригинальная личность, и Пушкинъ, едва выйдя изъ лицея, влюбился въ нее, по выраженію Карамзина, «смертельно». Увлеченіе юноши княгиней, которой было уже подъ сорокъ, довольно скоро остыло, къ концу 1818 г. его и слѣда не осталось. А. И. Тургеневъ жалѣлъ, что Пушкинъ «уже не влюбленъ въ нее, а то бы онъ передалъ ее потомству въ поэтическомъ свѣтѣ». Но въ двухъ мадригалахъ [2]), посвященныхъ ей Пушкинымъ, осталось довольно поэтическаго свѣта, чтобы сохранить отъ забвенія имя этой женщины [3]).

Слѣдующее имя написано довольно неразборчиво, такъ что съ трудомъ поддается прочтенію. Мы читаемъ: «Настасья», но имя это ровно ничего намъ не говоритъ; впрочемъ, не ручаемся за вѣрность нашего чтенія.

Катерина III не можетъ быть опредѣлена точно. Если считать, что поэтъ въ



Второй столбецъ «Донъ-Жуанскаго списка».

данномъ случаѣ вышелъ изъ хронологическаго порядка, котораго держался при составленіи этого перечня, то можно подъ «Катериною III» разумѣть либо Екатерину Васильевну Вельяшеву, которой посвятилъ посланіе «Подъѣзжая подъ Ижоры»... [1]), либо поэтессу Екатерину Александровну

---

[1]) О неудачныхъ объясненіяхъ одного изслѣдователя, который считаетъ этою N.N. княгиню М. А. Голицыну, см. во II и III т., примѣч. къ №№ 272, 275, 276, 378.

[2]) Т. I, №№ 157, 184; тамъ же—ст. И. А. Кубасова «Пушкинъ и кн. Е. И. Голицына».

[3]) Ея же имя упоминается въ начатомъ было и оставленномъ перечнѣ, о которомъ упоминалось выше. При этомъ имени нѣтъ титула: «Кн.», такъ что можно предположить, не думалъ ли здѣсь Пушкинъ о «блистательной, полувоздушной» танцовщицѣ Истоминой (воспѣтой въ «Онѣгинѣ»).

[1]) Т. II, № 548 и примѣч. въ настоящемъ томѣ.

Тимашеву, которой тоже написалъ стихи: «Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ»... и съ которою даже собирался завести «благородную интригу» [1]). Если же считать хронологическое расположеніе не нарушеннымъ, то напрашивается мысль, не была ли этой «Катериной III» старшая дочь генерала Раевскаго, Екатерина Николаевна, въ 1821 г. вышедшая за пріятеля Пушкина, извѣстнаго М. Ѳ. Орлова и поселившаяся въ Кишиневѣ. «Пушкинъ» — говоритъ М. О. Гершензонъ [2]) — «былъ ежедневнымъ гостемъ въ ихъ домѣ и очень друженъ съ мужемъ, но ни изъ чего не видно, чтобы онъ страдалъ, ревновалъ... Какою представлялась ему Екатерина Николаевна, можно судить по тому, что Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому по поводу «Бориса Годунова»: «моя Марина ловкая баба, настоящая Катерина Орлова»... Доводы г. Гершензона основаны на отрицательныхъ данныхъ, и къ нимъ можно отнестись только какъ къ предположенію, болѣе или менѣе вѣроятному. А. И. Тургеневъ, наоборотъ, утверждаетъ, что Пушкинъ «вздыхалъ» по Екатеринѣ Николаевнѣ [3]). Возможно, что Тургеневъ ошибся, что Пушкинъ былъ влюбленъ не въ нее, а въ ея сестру,—но вспомнимъ, что Ек. Н. Раевскую онъ назвалъ «женщиной необыкновенной» [4]), и намъ не покажется страннымъ, что это обаяніе женской личности могло перейти въ болѣе нѣжное чувство, и что Пушкинъ могъ хоть недолгое время «вздыхать» по Е. Н. Орловой; весьма возможно, что это увлеченіе онъ пережилъ уже въ Кишеневѣ, когда Екатерина Николаевна была женою Орлова, такъ какъ въ Крыму его сердце было занято «N. N.».

«Аглая» принадлежала къ обширной семьѣ Раевскихъ-Давыдовыхъ, съ которою Пушкинъ сблизился въ 1820 г. и которую навѣщалъ въ знаменитой Каменкѣ. Аглая Антоновна Давыдова, рожденная герцогиня Граммонъ, была замужемъ за А. Л. Давыдовымъ, которому Пушкинъ далъ прозвище «толстаго Аристиппа» и «величаваго рогоносца». Чрезмѣрная доступность Аглаи, сдѣлавшая ее и ея злополучнаго супруга настоящею притчей во языцѣхъ, вызвала со стороны Пушкина рядъ ядовитыхъ насмѣшекъ, такъ что говорить о серьезномъ увлеченіи Пушкина ею не приходится. Пушкинъ посвятилъ ей не совсѣмъ любезное посланіе «Кокеткѣ» и нѣсколько эпиграммъ, въ которыхъ вышучивалъ пылкій темпераментъ прелестной Аглаи [1]).

«Калипсо» была, такъ сказать, литературнымъ увлеченіемъ Пушкина. Его къ ней привлекли и положеніе жертвы борьбы за свободу (въ 1821 г. она бѣжала изъ Константинополя въ Россію), и заунывныя восточныя пѣсни, которыя она пѣла, и особенно слава любовницы Байрона, тогдашняго властителя думъ нашего поэта. Калипсо Полихрони была некрасива, но очень умна, знала нѣсколько языковъ и умѣла «воспламенять воображеніе поэтовъ, его тревожить и плѣнять любезной живостью привѣтовъ, восточной странностью рѣчей, блистаньемъ зеркальныхъ очей» [2]), которыя, по отзывамъ знавшихъ ее, дѣйствительно были прекрасны. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы родить увлеченіе, которое, впрочемъ, было недолговременно. Въ одномъ изъ писемъ Пушкина къ кишиневскому пріятелю Алексѣеву [3]) находимъ мимолетное упоминаніе о Калипсо.

«Пульхерія»—тоже одна изъ любопытныхъ фигуръ кишиневскаго общества временъ Пушкина. Пульхерія Егоровна Варѳоломей, дочь молдаванскаго боярина Е. К. Варѳоломея [4]), была очень красивая и довольно странная дѣвушка,—какъ выражается знавшій ее А. Ѳ. Вельтманъ [5]), «необъяснимый феноменъ въ природѣ». Когда Пушкинъ появился въ Кишеневѣ, ей было лѣтъ восемнадцать или немного болѣе. Она была ко всему и ко всѣмъ на свѣтѣ равнодушна до безчувствія. «Я нѣсколько разъ покушался думать» — разсказываетъ Вельтманъ,—«что она есть совершеннѣйшее произведеніе не природы, а искусства...

---

[1]) Т. II, № 479 и примѣч. въ настоящемъ томѣ.

[2]) «Сѣверная любовь Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1908 г., январь, 287, 288.

[3]) 23 февраля 1821 г. Тургеневъ писалъ Вяземскому: «Михайло Орловъ женится на дочери генерала Раевскаго, по которой вздыхалъ поэтъ Пушкинъ» («Остафьевс. архивъ», II, 168)

[4]) Письмо къ брату 24 сентября 1820 г.

[1]) См. во II т., №№ 261, 287, 311, 328.

[2]) См. во II т., № 341. Въ одной статьѣ А. А. Скальковскаго (см. сборн. В. А. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Одесса, 1887, стр. 150) «Гречанкой» названа Мавроени, будто бы вышедшая за Мано. Это путаница. «Гречанка»—Полихрони, а женою Мано была Пульхерія Варѳоломей.

[3]) 1 декабря 1826 г.

[4]) О немъ см. во II т., примѣч. къ №№ 368 и 375.

[5]) Майковъ, «Пушкинъ», 105—106, 121—124; о ней см. также «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1158, 1232; сборн. В. А. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», стр. 81—82, 108—109.

Всѣ движенія, которыя она дѣлала, могли быть механическими движеніями автомата... Ея лицо и руки такъ были изящны, что мнѣ казались они натянутою лайкой... Пульхерица была полная, круглая, свѣжая дѣвушка; она любила говорить болѣе улыбкой, но это не была улыбка кокетства, нѣтъ, это просто была улыбка здороваго, беззаботнаго сердца... Пушкинъ особенно цѣнилъ ея простодушную красоту и безотвѣтное сердце, не вѣдавшее никогда ни желаній, ни зависти»... Ей Пушкинъ посвятилъ «нѣсколько восторженныхъ стиховъ», которые до насъ не дошли [1]); долго нравиться поэту не могъ этотъ безстрастный «кишиневскій божокъ», какъ называютъ Пульхерицу въ старыхъ сатирическихъ куплетахъ. Холодная красавица отпугивала отъ себя жениховъ и вышла замужъ лишь въ тридцатыхъ годахъ за Мано, бывшаго впослѣдствіи греческимъ консуломъ въ Одессѣ. Пушкинъ спрашивалъ о ней Алексѣева (пис. 26 декабря 1830 г.); отвѣчая пріятелю (14 января 1831 г.), Алексѣевъ шутливо вспоминалъ объ ухаживаніи Пушкина за нею и его соперничествѣ съ В. П. Горчаковымъ. Умерла она въ 1868 г. Ея именемъ оканчивается кишиневскій періодъ въ «Донъ-Жуанскомъ спискѣ» и затѣмъ слѣдуютъ два одесскія имени—Амалія и Элиза.

«Амалія»—Ризничъ, жена богатаго одесскаго негоціанта, пышная красавица, о наружности которой говорятъ только восторженныя воспоминанія современниковъ; портретъ ея не дошелъ до насъ [2]). Пушкинъ любилъ ее чувствомъ, если можно такъ выразиться, необычайно широкаго діапазона, богатымъ красками и переливами. Къ ней обращены самыя пылкія, самыя знойныя признанія поэта.

Мы уже говорили объ этой пьесѣ («Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»...), что по ней гораздо легче судить о любви Пушкина къ красавицѣ, чѣмъ объ ея отношеніи къ нему. Поэтъ увѣрялъ не столько ее, сколько себя самого:

Но я любимъ!... Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!

Однако, «пламенныя лобзанія», повидимому, недорого стоили этой кокеткѣ, о которой поэтъ говоритъ:

Для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даритъ надеждою пустой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой,—

Мы знаемъ отъ самого Пушкина, что она отдавала предпочтеніе другому и принимала его «одна, полуодѣта».

Поэтъ уже пересталъ любить ее, уже былъ занятъ другою, когда изъ чьихъ-то «равнодушныхъ устъ» услышалъ вѣсть о ея кончинѣ. Но вынесенныхъ мученій онъ не могъ позабыть; онъ не забылъ, что любилъ Ризничъ

пламенной душой
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ,
Съ такою нѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!..

Объ этихъ мученіяхъ онъ вспоминалъ («Евгеній Онѣгинъ», гл. 6, выпущенныя строфы XV—XVI):

Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ конечно безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ
Иль шею склонитъ подъ топоръ.

И въ душѣ его зашевелился запоздалый упрекъ одесской красавицѣ:

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ,—о ты, которой
Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ!
Какъ учатъ слабое дитя,
Ты душу нѣжную, мутя,
Учила горести глубокой;
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день;
Почій, мучительная тѣнь!

---

[1]) См. во II т. примѣч. къ № 253. Нами отвергается предположеніе Майкова, что пушкинская «Дѣва» (1821 г.) списана съ Пульхерицы; Пушкину приписывается, но, конечно, не ему принадлежитъ посвященное ей стихотвореніе «Куконица Пульхерица»...

[2]) Объ отношеніяхъ Пушкина къ ней см. мои стат. «Пушкинъ въ Одессѣ» (II т.) и примѣч. къ №№ 372, 381, 412, 636, 643, 654.

Быть можетъ, воспоминаніемъ о Ризничъ внушено «Заклинаніе», такое же пылкое, страстное, какъ другіе стихи, безъ всякаго сомнѣнія посвященные ей. Изъ-за новыхъ увлеченій, новыхъ впечатлѣній въ одинъ изъ дней осенняго болдинскаго творческаго уединенія выступилъ въ душѣ поэта полузабытый образъ этой женщины,— и Пушкину захотѣлось совершить чудо, вызвать изо гроба тѣнь, очищенную и ея собственными страданіями, и его любящей и прощающей памятью. Вызвать не ради старыхъ сомнѣній, такъ тяжело ранившихъ когда-то сердце, и, не спрашивая ни о чемъ земномъ, ни о чемъ загробномъ, снова сказать ей слова, сказанныя уже не разъ: «все люблю я... все я твой».

Любовь къ Ризничъ была слишкомъ сильна, чтобы пройти безслѣдно. Сердце Пушкина не долго пылало яркимъ пламенемъ, но долго и томительно истлѣвало. Великая примирительница—смерть тѣснѣе приблизила къ сердцу поэта образъ Ризничъ, который сталъ являться Пушкину въ волшебномъ облакѣ идеализаціи. Ревность, кокетство были забыты, помнилось только лучшее, что было въ отношеніяхъ поэта и красавицы, и если ея страдальческая и мучительная тѣнь не вышла изъ гроба на его страстныя мольбы,—то онъ зналъ, что любовь живетъ и за могилой, что сбудется его трепетная надежда, и въ иной, лучшей, жизни прозвучитъ завѣтный поцѣлуй свиданья, и потонетъ въ нездѣшнемъ блаженствѣ память о «ревнивыхъ мечтахъ» и о горькомъ поцѣлуѣ разлуки.

Амаліи Ризничъ былъ обязанъ Пушкинъ не только «опытомъ ужаснымъ», но и «рая мигомъ сладострастнымъ», и можетъ быть, легкомысленно, притворно, все-же она подарила ему нѣсколько счастливыхъ минутъ, когда онъ думалъ: «Но я любимъ»... И за это онъ простилъ ей свои страданія и благословилъ ея «мучительную тѣнь» и сказалъ ей не «прости» навѣки, а—до свиданіе въ вѣчности!

Если Ризничъ была для Пушкина въ Одессѣ «Афродитой земной»,—«Афродитой небесною» явилась для него тогда другая женщина. Это была графиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова [1]), «Элиза» «Донъ-Жуанскаго списка». Любовь къ ней—совсѣмъ иная. Ризничъ въ поэзіи Пушкина неизмѣнно остается просто женщиной, прекраснымъ созданіемъ праха тяготѣющимъ, къ праху. Иначе рисуетъ онъ Воронцову. Она—«ангелъ нѣжный», смиряющій своимъ божественнымъ обаяніемъ мрачнаго «духа отрицанья»; она—томная, ласковая волшебница, добрая фея, владѣющая чарами, противъ которыхъ безсильно то, что сильнѣе богатства, славы, дружбы,—безсильна сама любовь...

Изъ края, гдѣ царила эта нѣжная заклинательница, «гдѣ море вѣчно плещетъ на пустынныя скалы, гдѣ луна теплѣе блещетъ въ сладкій часъ вечерней мглы»,— насъ переноситъ на далекій сѣверъ имя «Евпраксѣи». Въ отношеніяхъ Пушкина къ своей молоденькой сосѣдкѣ Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ [1]) нѣтъ уже ни тѣни страсти: это было слабое увлеченіе. Хорошенькая пятнадцатилѣтняя Зизи просто «нравилась» поэту, который смотрѣлъ на нее глазами не тоскующаго влюбленнаго, а скорѣе снисходительнаго взрослаго. Стихи, написанные ей, Пушкинъ самъ называлъ «невинными», и если она иногда и бывала для него «приманчивымъ фіаломъ любви», то мало хмѣля было въ этомъ фіалѣ. Нѣчто отъ Е. Н. Вульфъ есть въ натурѣ Ольги Лариной, но пѣвецъ Татьяны былъ почти равнодушенъ къ сестрѣ своей любимой героини.

«Катерину IV» не такъ легко выяснить. Л. Н. Майковъ [2]) высказалъ догадку, не разумѣется ли подъ нею Екат. Никол. Ушакова [3]), которою Пушкинъ недолго и неособенно сильно увлекался въ Москвѣ по возвращеніи изъ ссылки. Но «профиль и глаза и кудри золотыя» Екатерины Николаевны, и ея «рѣчи рѣзвыя, живыя» недолго владѣли имъ, и скоро онъ забылъ ея «томныя уста и томные глаза» для прекрасныхъ очей петербургской красавицы А. А. Олениной. Весьма возможно также, что «Катерина IV»—либо Е. В. Вельяшева, либо Е. А. Тимашева [4]); можетъ быть, она даже та «К. А. Б.», которой Пушкинъ посвятилъ когда-то четверостишіе (чье имя обозначено этими иниціалами, установить невозможно).

«Анна» разбираемаго перечня—вѣроятно, А. П. Кернъ, предметъ самаго серьез-

---

[1]) Отношенія Пушкина къ Воронцовой подробно разсмотрѣны мною въ ст. «Пушкинъ въ Одессѣ» (II т.) и въ примѣч. къ №№ 371, 392, 394, 392, 494.

[1]) См. III т., примѣч. къ № 476.

[2]) Сборн. «Пушкинъ», 373.

[3]) О ней см. ст. «Послѣ ссылки въ Москвѣ» (т. III, стр. 346—347) и примѣч. къ №№ 496, 497 и 622.

[4]) О нихъ см. выше, подъ «Катериной III».

наго увлеченія Пушкина въ Михайловскомъ, породившаго одного изъ лучшихъ перловъ пушкинской любовной лирики. Спеціальная статья, посвященная ей въ настоящемъ изданіи [1]), весьма обстоятельно, полно и вѣрно излагаетъ отношенія Пушкина къ женщинѣ, въ которой однажды увидѣлъ поэтъ воплощеніе «чистой красоты».

«Наталья», по вполнѣ вѣроятному предположенію Л. Н. Майкова [2]),—Н. Н. Гончарова, во время составленія списка владѣвшая душой поэта и вскорѣ ставшая его женою.

Разборъ второго перечня представляетъ гораздо больше затрудненій. Нѣсколько именъ приходится оставить безъ разъясненія, такъ какъ въ литературѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для этого; благодаря повторенію нѣкоторыхъ одинаковыхъ именъ (три Анны даже записаны подъ-рядъ) трудно судить, насколько Пушкинъ соблюлъ хронологическую послѣдовательность.

«Марія». Это имя принадлежало нѣсколькимъ женщинамъ, оставившимъ въ душѣ Пушкина память о себѣ. Одна изъ нихъ принадлежала кишиневскому обществу—Марія Егоровна Эйхфельдтъ, любовница Н. С. Алексѣева, который ревновалъ ее къ Пушкину [3]). О любви поэта къ ней и говорить нечего. Эйхфельдтъ была хороша, и Пушкинъ, который, по словамъ одного кишиневскаго пріятеля, «былъ любезенъ со всѣми хорошенькими», ухаживалъ за нею; это ухаживаніе, судя по стихамъ, посвященнымъ ей, было весьма невысокаго тона. Другая Марія—Марья Васильевна Борисова, съ которой Пушкинъ познакомился въ 1828 г. въ Малинникахъ и о которой писалъ А. Н. Вульфу (27 октября 1828 г.), что «намѣренъ влюбиться въ нее». Имя Маріи носили также графиня Мусина-Пушкина, рожденная Урусова, въ которую Пушкинъ, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго [4]), былъ нѣкоторое время влюбленъ.

Но всего вѣрнѣе, что «Марія» «Донъ-Жуанскаго списка»—княгиня Марія Аркадьевна Голицына, рожденная Суворова. Что Пушкинъ нѣкоторое время увлекался Голицыной, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ посвященныя имъ ей стихотворенія.

Мы уже говорили [1]), что она не могла быть тою таинственной особой, которую Пушкинъ обозначилъ въ «Донъ-Жуанскомъ спискѣ» неопредѣленными буквами «N.N.» Пушкинъ нѣкоторое время, впрочемъ, недолгое, и не особенно глубоко увлекался Голицыною, а она цѣнила въ немъ только поэта, стихи котораго, положенные на музыку, часто пѣла; у нея былъ хорошій голосъ. На это и указываютъ его слова:

...если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ тишинѣ
И сердца моего языкъ любила страстной...
...Мой стихъ, унынья звукъ живой,
Такъ мило ею повторенный,
Замѣченный ея душой.
Вновь лирѣ слезъ и тайной муки
Она съ участіемъ внала
И нынѣ ей передала
Свои плѣнительные звуки...

Голицына оказала поэту только минутное вниманье», а въ его стихахъ, посвященныхъ ей, гораздо больше свѣтской любезности, чѣмъ неподдѣльнаго чувства.

Первая «Анна»—несомнѣнно, Анна Николаевна Вульфъ. Ей нами посвящена въ настоящемъ изданіи особая статья, къ которой и отсылаемъ читателя.

«Софья»—вѣроятно, Софья Ѳеодоровна Пушкина [2]), за которую неудачно сватался Пушкинъ. Можетъ быть, впрочемъ, это княжна Софья Александровна Урусова, къ которой преданіе относитъ приписываемый Пушкину мадригалъ «Не вѣровалъ я Троицѣ донынѣ»...

Изъ двухъ «Александръ» первая,—надо думать, Александра Ивановна Осипова, «Алина», какъ прозывали ее близкіе; ей Пушкинъ въ 1824 г. посвятилъ пьесу «Признаніе». Объ отношеніяхъ поэта къ ней уже было говорено [3]). Другая «Александра»—Александра Александровна Римская-Корсакова, дочь весьма извѣстной въ Москвѣ Маріи Иван. Р.-Корсаковой [4]); ей удѣлены нѣсколько стиховъ въ «Онѣгинѣ».

---

[1]) Въ III т. статья Б. Л. Модзалевскаго «А. П. Кернъ».

[2]) «Пушкинъ», стр. 375.

[3]) См. во II т., пьесы 1821 г. №№ 268, 270, 282, съ примѣчаніями къ нимъ, гдѣ переданы всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о ней, и пьесу 1822 г. «Пріятелю».

[4]) «Старина и Новизна», т. VIII, М., 1905, стр. 38.

[1]) См. во II т., примѣч. къ №№ 275, 276 и 378.

[2]) О ней см. въ III т. статью А. Ѳ. Кони, «Первое сватовство Пушкина»; также ibid., стр. 344, и «Пушкинъ и его современники», вып. XI, стр. 107—108.

[3]) Въ III т., примѣч. къ № 399.

[4]) См. въ III т. мою ст. «Послѣ ссылки въ Москвѣ», стр. 344.

Три «Анны», стоящія рядомъ другъ съ другомъ, могутъ быть объяснены такъ: Анна Алексѣевна Оленина, Анна Ивановна Вульфъ (Netty) и Анна Ивановна Готовцова. Въ томъ, что одна изъ нихъ—Оленина, сомнѣваться нельзя [1]); Пушкинъ былъ очень неравнодушенъ къ Олениной и хотѣлъ жениться на ней. Въ пользу А. И. Вульфъ говоритъ альбомное четверостишіе «За Netty сердцемъ я летаю»... [2]), а А. И. Готовцовой — написанный ей въ 1828 г. мадригалъ [3]); впрочемъ, за то, что въ «Донъ-Жуанскомъ спискѣ» фигурируютъ именно А. И. Вульфъ и Готовцова, поручиться нельзя.

Елизавета—конечно, Елиз. Никол. Ушакова, за которой Пушкинъ невинно ухаживалъ, отдавая въ то же время предпочтеніе ея старшей сестрѣ, Екатеринѣ. Елизавета Николаевна сама вспоминала о себѣ: «красота моей сестры иногда затмевалась; многіе находили, что я лучше; поклонники раздѣлились на двѣ партіи» [4]). Что она немного нравилась Пушкину, видно изъ посвященныхъ ей стиховъ его («Вы избалованы природой»...).

«Аграфена»—Агр. Ѳеод. Закревская [5]), эта «беззаконная комета» на чинномъ небосклонѣ московскаго большого свѣта. Пушкинъ недолго, но чувственно и пылко увлекался этой бурною женщиной. Въ ушаковскомъ альбомѣ Пушкинъ набросалъ ея портретъ [6]).

Кто такая «Елена», трудно выяснить. Это имя носили одна изъ дочерей генерала Раевскаго, княгиня Кантакузенъ (рожденная Горчакова, сестра лицейскаго товарища Пушкина), жившая въ Кишиневѣ, и другая кишиневская дама—Соловкина [7]). Упоминается «Елена» и въ третьемъ, едва начатомъ перечнѣ. «Елену видѣлъ я», читаемъ въ «Гавріліадѣ»; «Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо ты всюду слѣдуешь за мной»... такъ начинается одинъ черновой набросокъ 1829 г., но относятся ли эти имена къ живымъ, реальнымъ, а не созданнымъ воображеніемъ поэта носительницамъ,—неразрѣшимый вопросъ.

Равнымъ образомъ не поддаются выясненію обѣ «Варвары». Въ ушаковскомъ альбомѣ [1]) есть рисунокъ Пушкина, изображающій какую-то молодую особу, съ подписью: «Варвара мученица», но кто эта особа,—неизвѣстно. Также нельзя выяснить, ни кто были «Вѣра», «Надежда», «Любовь», «Ольга» и «Евгенія», ни кого разумѣлъ Пушкинъ подъ «Татьяной» третьяго перечня.

Нашъ обзоръ оконченъ. Несмотря на несомнѣнную неполноту «Донъ-Жуанскаго списка», несмотря на отсутствіе въ немъ точной хронологической послѣдовательности, несмотря на отразившееся въ немъ шутливое настроеніе, владѣвшее Пушкинымъ въ тѣ минуты, когда набрасывались эти строки,—онъ одинъ изъ самыхъ серьезныхъ и цѣнныхъ источниковъ для исторіи и характеристики внутренней жизни поэта. Списокъ живо рисуетъ богато одаренную натуру и пламенный темпераментъ. Самыя разнородныя чувства уживались въ этой великой душѣ: и «безстыдное бѣшенство желаній», внушаемыхъ Мессалинами въ родѣ Закревской, и нѣжная, почти братская симпатія къ милому подростку, какъ Евпраксія Вульфъ, и умиленное, «богомольное» преклоненіе передъ святыней красоты, воплощеніемъ которой были для него Гончарова, Воронцова,—и могучая, отравленная ревностью страсть, испытать которую дала ему Ризничъ,—и вѣчный благоговѣйный трепетъ при воспоминаніи объ одной изъ всѣхъ, единственной, таинственной «N.N». По истинѣ, не было сердечной жизни болѣе разнообразной. И женщина была одной изъ причинъ его гибели. О женской любви, женской ласкѣ онъ всегда мечталъ, какъ о послѣднемъ прибѣжищѣ, надежномъ щитѣ противъ стрѣлъ судьбы. «Пора, пора!»—взывалъ онъ, измученный жизнью:—«покоя сердце проситъ»... Но та, которой отдалъ онъ свое благородное сердце, мать его дѣтей, оказалась чужой ему, далекой,—и, безоружный, безпріютный подъ бурей, въ послѣдній разъ тоскливо спросилъ онъ: «кого жъ любить? кому же вѣрить? и, ни откуда не слыша отвѣта, храбро и честно бросилъ послѣдній вызовъ враждебному року.

Н. Лернеръ.

---

[1]) См. примѣч. къ №№ 526, 529, 532, 571, 572, 727.

[2]) См. примѣч. къ № 547.

[3]) См. примѣч. къ № 546.

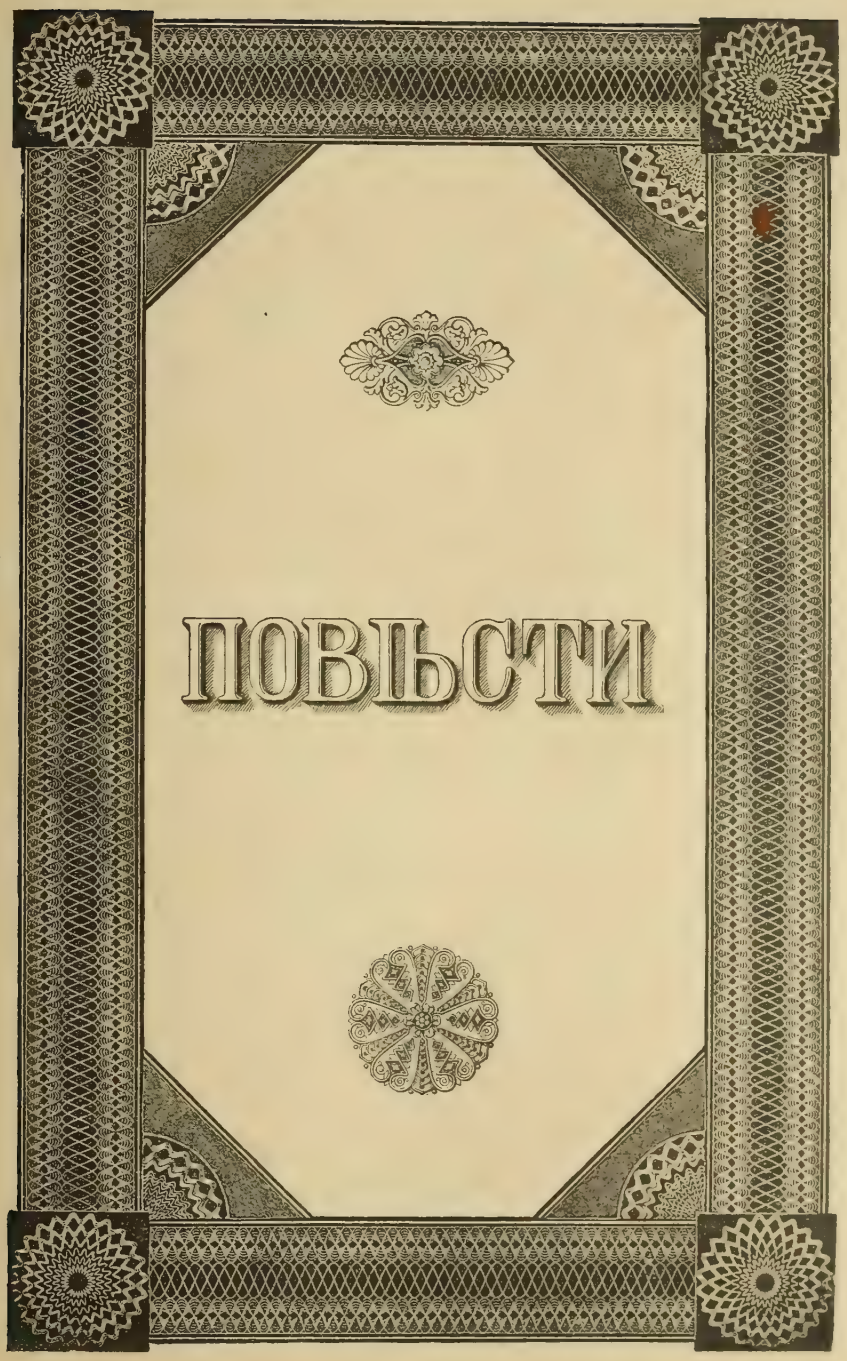
[4]) Майковъ, «Пушкинъ», 360; о ней см. также въ примѣч. къ № 555.

[5]) См. примѣч. къ № 536.

[6]) Альб. Московск. Пушк. выст. 1880 г., табл. 12.

[7]) См. письмо Пушкина къ Алексѣеву 1 декабря 1826 г.

[1]) Л. 46 об.—воспроизв. въ Альб. моск. Пушк. выст. 1899 г., табл. 21.



РАМКА ПОСМЕРТНАГО ИЗДАНІЯ (1838—41) СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.
(Слово «Повѣсти» стилизовано. Двѣ розетки заимствованы изъ книжныхъ украшеній 1820-хъ г.).

831. НАДИНЬКА (ЭЛЬВИНА).

[Набросокъ 1819 г.].

У Гусара Ю (?) (было дружеское собраніе)—Нѣсколько молодыхъ людей по большей части—военные (весело) проигрывали свое имѣнье поляку Ясунскому, который держалъ маленькій банкъ для препровожденія времени и важно передергивалъ по двѣ карты. Тройки, разорванные короли, загнутые валеты сыпались (на полъ и пыль) etc.

Неужто два часа ночи? Боже мой, какъ мы засидѣлись. Не пора ли оставить игру—сказалъ Викторъ N. молодымъ своимъ товарищамъ. Всѣ бросили карты и встали изъ-за стола... Всякой, докуривая трубку, сталъ считать свой или чужой выигрышъ, и облака стираемаго мѣла смѣшались с дымомъ Турецкаго табаку. Поспорили... и разъѣхались.

— Поѣдемъ вмѣстѣ, не хочешь ли вмѣстѣ отужинать — сказалъ Виктору в[illegible]ренный Вельверовъ; (я безъ ужина никакъ не могу обходиться, а ужинать могу лишь въ кровати (?). (Докторъ одобрилъ эту похвальную привычку). (Познакомлю) тебя съ очень милой дѣвченкой; ты будешь меня благодарить. Викторъ одобрилъ эту похвальную привычку. Оба сѣли въ дрожки и полетѣли по мертвымъ улицамъ Петербурга (Петербургскіе...)

Викторъ N.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Осенью 1827 года Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Михайловское. Въ недавнее мѣсто заключенія онъ возвращался свободнымъ, чтобы отдохнуть отъ разсѣянной жизни въ столицахъ и писать на свободѣ, («другіе увѣряютъ, что онъ пріѣхалъ отъ того, что проигрался», злословитъ Вульфъ).

Въ первой главѣ «Арапа Петра Великаго» находимъ мы дату 31 іюля 1827 года, а въ третьей 10 августа. Этими числами имѣемъ право мы опредѣлять время рожденія замѣчательнаго романа, мысль о которомъ давно владѣла Пушкинымъ.

Вульфъ посѣтилъ его 16 сентября и описываетъ въ очаровательномъ по бытовымъ подробностямъ отрывкѣ изъ своего дневника, какъ онъ нашелъ Пушкина въ молдавской красной шапочкѣ и халатѣ за рабочимъ столомъ, на которомъ принадлежности уборнаго столика поклонника моды были разбросаны между Montesquieu, Bibliotheque de campagne, журналомъ Петра I, ежемѣсячниками Карамзина, изъясненіемъ сновъ и т. д. Они уютно пообѣдали въ осеннія сумерки, запивая рейнвейномъ швейцарскій сыръ. Въ черной сафьяновой тетради, которую Вульфъ сначала принялъ за лѣтопись массонской ложи, замѣтивъ на ней стертый треугольникъ, Пушкинъ показалъ гостю «только что написанныя двѣ главы романа въ прозѣ, гдѣ главное лицо представляетъ его прадѣдъ Ганнибалъ, сынъ Абиссинскаго эмира, похищенный турками, а изъ Константинополя русскимъ посланникомъ присланный въ подарокъ Петру I, который его самъ воспитывалъ и очень любилъ. Главная завязка этого романа будетъ—какъ Пушкинъ говоритъ—невѣрность жены сего арапа, которая родила ему бѣлаго ребенка и за то была посажена въ монастырь». (Дневникъ Вульфа у Майкова, «Пушкинъ»).

Вотъ программа несомнѣнно точная и записанная со словъ Пушкина.

Пушкина уже давно тянуло написать романъ. «Богъ дастъ», говорилъ онъ друзьямъ, «мы напишемъ историческій романъ изъ русской жизни, на который и другіе полюбуются» (Анненковъ 191 стр.) Уже въ третьей главѣ «Евгенія Онѣгина» онъ мечтаетъ:

«Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ».

Онъ чувствовалъ, что геній его призванъ и обязанъ передъ русской литературой завоевать еще новую область и дать начало русской повѣсти. Такъ опредѣляетъ историческое значеніе «Арапа Петра Великаго» Бѣлинскій: «Что касается до повѣсти—она со времени появленія Марлинскаго до Гоголя, играла роль ученицы и только въ отрывкѣ изъ романа Пушкина «Арапъ Петра Великаго» на минуту сдѣлалась мастеромъ въ смыслѣ нѣмецкаго мейстера или итальянскаго маэстро» (Бѣлинскій т. III, стр. 41). Давъ совершенные образцы во всѣхъ областяхъ словесности, Пушкинъ не могъ оставить безъ защиты и покровительства художественную прозу и долженъ былъ написать романъ.

Чувствуя на себя этотъ сладкій и страшный долгъ, на кого же, какъ не на Петра и Ганнибала могъ направить свою фантазію Пушкинъ прежде всего. Къ Петру все влекло Пушкина; въ Петрѣ видѣлъ онъ и классическаго героя—побѣдителя «Полтавы» и почти божество, — мистически прекраснаго, восторгающаго и вмѣстѣ пугающаго «чудотворца», «Мѣднаго Всадника».

Изобразить своего любимца; сочетать всѣ черты небожителя съ образомъ живого человѣка, котораго такъ любилъ и тонко угадывалъ Пушкинъ; развернуть широкую бытовую картину времени, въ русской исторіи едва ли не самаго необычайнаго, — это ли не соблазнительная задача художнику?

Въ Ганнибалѣ же Пушкинъ любилъ не только замѣчательный художественный образъ—гротескъ, котораго не создать самому пылкому воображенію, образъ экзотическаго принца, соединившаго въ себѣ всю яркость востока, французскаго XVIII вѣка и странную остроту петровской эпохи. Больше всего помнилъ и любилъ въ немъ Пушкинъ своего прадѣда, таинственную связь съ которымъ чувствовалъ онъ всю жизнь, всегда мечтая и думая о немъ.

Художественную цѣну образа Ганнибала Пушкинъ, конечно, отлично зналъ, и еще по поводу поэмы Рылѣева «Войнаровскій» писалъ брату Льву: «Присовѣтуй Рылѣеву помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное впечатлѣніе на всю картину Полтавской битвы».

Такимъ образомъ, романъ «Арапъ Петра Великаго» изъ всѣхъ вещей Пушкина является наименѣе случайной, привлекшей лишь на минуту воображеніе поэта. А между тѣмъ, Пушкинъ не только не кончилъ «Арапа», но и какъ то мало-по-малу замолчалъ и о своемъ романѣ и о Ганнибалѣ, о которомъ раньше кстати и не кстати любилъ вспоминать и въ письмахъ и въ стихахъ. Уже Бѣлинскій обратилъ вниманіе на нѣкоторую странность этого забвенія. «Не понимаемъ, почему Пушкинъ не продолжалъ этого романа. Онъ имѣлъ время кончить его», недоумѣваетъ Бѣлинскій.

Мы попытаемся найти отгадку на этотъ вопросъ, остановившись сначала на исторической личности Ганнибала и отношеніи къ ней Пушкина.

II.

Отсылая читателя къ схематической біографіи Абрама Петровича Ганнибала въ статьѣ Б. Модзалевскаго (I-й томъ этого изданія, стр. 14—20), или къ спеціальнымъ, указаннымъ нами въ примѣчаніяхъ, изслѣдованіямъ, мы остановимся только на четырехъ моментахъ, наиболѣе интересовавшихъ Пушкина и имѣющихъ ближайшее отношеніе къ роману «Арапъ Петра Великаго».

Фантастическое происхожденіе Ганнибала вызывало много легендъ. Самъ Пушкинъ, несмотря на весь свой интересъ и стремленіе узнать все возможное о своемъ прадѣдѣ, о происхожденіи Ганнибала имѣлъ представленія весьма смутныя. Твердо считалъ онъ себя, напримѣръ, «потомкомъ негровъ безобразныхъ». Это обычное и до сихъ поръ мнѣніе о негритянскомъ происхожденіи Пушкина слѣдуетъ считать послѣ обстоятельнаго изслѣдованія проф. Д. Н. Анучина поколебленнымъ. Показанія о наружности Абрама Петровича, хотя вообще нѣсколько сомнительныя, не указываютъ на характерные признаки внѣшности негритянской. На портретѣ, правда, весьма недостовѣрномъ, Абрама Петровича въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (I томъ этого изданія) онъ изображенъ съ лицомъ не негритянскаго типа, а сухимъ, овальнымъ, съ высокимъ лбомъ, средней толщины губами и прямымъ носомъ. Нигдѣ мы не найдемъ другого изображенія Ганнибала, кромѣ словъ о немъ Корсакова въ «Арапѣ Петра Великаго»: «съ твоимъ ли сплющеннымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли шершавой головой бросаться во всѣ опасности женитьбы».

Помимо того, что Пушкинъ былъ твердо увѣренъ съ своемъ негритянскомъ происхожденіи (въ бумагахъ Пушкина была найдена краткая запись Петра Абрамовича, въ которой ясно сказано «отецъ мой былъ негръ»), не было ли для Пушкина въ этомъ странномъ, преувеличенномъ безобразіи Ибрагима особой мучительной сладости? Къ этому мы, впрочемъ, еще вернемся.

Ганнибалъ былъ не негръ, а абиссинецъ. Родился онъ въ городѣ Лагонь, который лежитъ на правомъ берегу Мареба и вмѣстѣ съ другими округами входитъ въ составъ горной страны Хамасенъ (или Амасенъ) въ 100—150, примѣрно, километрахъ къ западу отъ Массовы.

Въ нѣмецкой біографіи Ганнибала, найденной въ бумагахъ Пушкина, вольный переводъ которой переписанъ его рукой, такъ описывается происхожденіе Ганнибала: «Родомъ былъ африканскій арапъ, изъ Абиссиніи, сынъ въ тогдашнія времена сильнаго владѣльца въ Абиссиніи, столь гордаго своимъ происхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Аннибала. Сей владѣлецъ былъ Вассаломъ Отоманской Имперіи въ концѣ прошедшаго столѣтія, взбунтовавшагося (cis) противу Турецкаго Правленія вмѣстѣ со многими другими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣдила. И сей Ганнибалъ 8 лѣтъ, какъ меньшой сынъ Владѣльца вмѣстѣ съ другими знатными юношами былъ отведенъ въ залогъ въ Константинополь. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока, но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ Африканскаго Владѣльца — прочія княгини, поддержанныя своими связями, черезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его на корабль, назначенный для отвоза залоговъ— сестра его, единственная, любимая, старѣе его нѣсколькими годами, имѣла довольно духа, чтобы бороться за него—она уступила силѣ, проводила его до лодки, надѣясь просьбами его избавить или изкупить жертвою всѣхъ своихъ драгоцѣнностей.— Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ морѣ(е) и утонула.—Въ самой глубокой старости текли слезы... (его при) воспоминаніи любви и дружбы— и диво всегда живо и ново представлялась ему сія картина.—Вскорѣ послѣ привезенъ былъ А. въ Константинополь и вмѣстѣ съ другими юношами принятъ въ Сераль султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ». (И. А. Шляпкинъ «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина»).

Прозорливая прихоть Петра выдѣлила мальчика Абрама и сдѣлала его съ первыхъ лѣтъ жизни въ Россіи близкимъ къ царю. Во время крещенія Абрама въ Вильнѣ въ 1707 году Петръ, самъ вмѣстѣ съ польской королевой Августой II былъ его воспріемникомъ. «И отъ того времени былъ при Его Императорскомъ Величествѣ неотлучно» — пишетъ про себя Ганнибалъ въ прошеніи къ Сенату. Абрамъ исполнялъ обязанности личнаго секретаря государя, а потомъ, по словамъ біографіи, «государь будучи день ото дня болѣе убѣжденъ дарованіями сего юноши и подъ собственнымъ своимъ надзоромъ далъ ему лучшихъ учителей — особенно математиковъ».

Въ этомъ замыслѣ Петра сдѣлать изъ абиссинскаго принца одного изъ сподвижниковъ своихъ по преобразованію Россіи, въ этомъ неутомимомъ попеченіи о черноликомъ плѣнникѣ есть какая-то странная причудливость, столь характерная для всей эпохи Петровскаго царствованія

Это та же затѣйливая прелесть смѣшенія, какъ на портретѣ Шхонебека (См. т. I, стр. 15), гдѣ «государь всея Руси» изображенъ въ голландскомъ кафтанѣ въ чулкахъ и башмакахъ, на головѣ его большая круглая шляпа съ загнутыми полями, украшенная перьями, изъ-подъ шляпы падаютъ на плечи длинные локоны парика. Въ правой рукѣ онъ держитъ скипетръ, которымъ опирается на столъ съ лежащими на немъ регаліями. Изъ за правой руки Петра видна голова стоящаго позади «арапа».

Портретъ этотъ, сдѣланный, вѣроятно, еще до прибытія Ганнибала въ Россію (Шхонебекъ уже умеръ въ 1704 году), показываетъ, что въ этой причудѣ поставить близко отъ себя «арапа» была какая-то преднамѣренность. Чѣмъ-то это нравилось Петру; будто Петръ понималъ, что «арапская рожа произведетъ с т р а н н о е впечатлѣніе на всю картину». Въ этомъ есть какая-то особая острота начала русскаго XVIII вѣка, тяжелаго, строительнаго, но уже по своему пышнаго и причудливаго. Петръ остался вѣренъ до конца жизни своей экзотической затѣѣ— усердно покровительствовать Ганнибалу. Онъ послалъ его въ Парижъ для науки (по другимъ извѣстіямъ арапъ былъ оставленъ въ Парижѣ Петромъ, бывшимъ тамъ въ 1717 году). Въ 1723 году вызвалъ его въ Россію и «поѣхалъ къ нему навстрѣчу съ Екатериной до 27 версты до Краснаго Села, сдѣлалъ его (22 лѣтъ) бомбардирской роты Л. Г. Преображенскаго полка, коего полка самъ Петръ былъ капитаномъ, капитанъ-лейтенантомъ, въ коемъ чинѣ могъ онъ Государя всегда видѣть безъ доклада». Передъ самой смертью Петръ далъ приказъ выслать Ганнибалу въ Ригу, гдѣ тотъ былъ для поправки укрѣпленій, 2,000 голландскихъ дукатовъ, и на смертномъ одрѣ вспомнилъ о своемъ арапѣ: «Петръ умирая просилъ объ немъ свою наслѣдницу и Великую Княжну Елизавету, дабы его какъ чужестранца»... (охраняли). Такова истинно-тро-

гательная картина отношеній суроваго генія Россіи къ Абраму Петровичу Ганнибалу; картина нисколько не преувеличенная и тонко угаданная Пушкинымъ въ «Арапѣ Петра Великаго».

Относительно жизни Ганнибала въ Парижѣ мы имѣемъ свѣдѣнія весьма скудныя. Сохранились письма Ганнибала въ Россію, къ кабинетъ-секретарю Макарову, по содержанію почти однородныя: всѣ наполнены жалобами на «нищету» и просьбами «не оставить въ такой бѣдности».

5 марта 1722 года Ганнибалъ пишетъ: «мы здѣсь всѣ въ долгу не отъ мотовства, но отъ бумажныхъ денегъ. Если бы не было здѣсь графа Мусинъ-Пушкина, то бъ умерли съ голоду».

Нѣмецкій біографъ сообщаетъ, что Ганнибалъ «окончилъ курсъ математическихъ наукъ подъ руководствомъ Belior, выпущенъ былъ оттуда офицеромъ артиллеріи, служилъ въ Гишпанской наслѣдственной войнѣ, капитаномъ артиллеріи былъ во всѣхъ походахъ, былъ употребляемъ въ копаніи минъ, раненъ въ голову въ одномъ подземномъ сраженіи и взятъ въ плѣнъ».

Мы не имѣемъ никакихъ прямыхъ указаній, что Ганнибалъ жилъ той блестящей жизнью французскаго общества XVIII вѣка, о которой говоритъ Пушкинъ, но не имѣемъ никакихъ основаній считать эту главу «Арапа Петра Великаго» неправдоподобной. Ганнибалъ, по словамъ біографа, имѣлъ особую рекомендацію отъ Петра къ регенту, герцогу Орлеанскому; какъ знатный иностранецъ, онъ имѣлъ, вѣроятно, доступъ въ самые изысканные салоны Парижа. Кромѣ того мы имѣемъ изъ эпохи позднѣйшей, петербургской уже двѣ записочки Абрама Петровича къ какимъ-то «кронштадскимъ плутовкамъ»: сквозь тяжелую неуклюжесть штиля Петровскаго языка въ этихъ запискочкахъ пробивается тонъ опытнаго въ амурныхъ дѣлахъ, жеманнаго и насмѣшливаго французскаго любезника. Приводимъ одну изъ этихъ записочекъ цѣликомъ:

«Комплиментъ не великъ, да жалобенъ, не много пишу, да много силы замыкаю. Кокетка, плутовка, ярыжница, княжна Яковлевна, непостоянница, вѣтеръ бѣшенная, колотовка, долго ли вамъ меня бранить, своего господина, доколѣ вамъ буду терпѣть невѣжество, происходящее изъ вашихъ устъ, аки изъ пропасти бездны морскаго, волю вамъ даю теперь до моего пріѣзду, прости моя Дарья Яковлевна, сударышня глупенькая, шалунья Филипьевна». (Шубинскій, Княгиня А. П. Волконская и ея друзья. «Историческій Вѣстникъ» 1904, № 12).

Изъ Парижа Ганнибалъ привезъ не только внѣшній лоскъ. И по образованію, и по взглядамъ Абрамъ Петровичъ возвратился въ Россію истиннымъ европейцемъ. Біографы Ганнибала, характеризуя его, ссылаются, главнымъ образомъ, на тяжелое дѣло о разводѣ, въ которомъ Ганнибалъ играетъ роль тирана, съ жестокими и необузданными страстями. Но матеріалы, приведенные въ статьѣ г. Шубинскаго о кн. Волконской, рисуютъ намъ Ганнибала и съ другой стороны, какъ просвѣщеннаго и гуманнаго, сравнительно съ своими современниками, государственнаго дѣятеля. Пушкинъ, нѣсколько идеализируя вульгарную семейную исторію Ганнибала, правъ, выставляя его человѣкомъ культурнымъ и тонкимъ и подчеркивая его европеизмъ.

Обращаемся теперь къ тому, что въ продиктованной Пушкинымъ Вульфу программѣ называется «главной завязкой этого романа».

Въ концѣ 1730 года, пріѣхавъ изъ Сибири, Абрамъ Петровичъ познакомился съ капитаномъ галернаго флота Анреемъ Діоперомъ—грекомъ по происхожденію. Дочь его Евдокія скоро покорила сердце Ганнибала, онъ просилъ руки ея и получилъ на это радостное согласіе отца, но не невѣсты, которая ни за что не хотѣла идти за Абрама Петровича «понеже арапъ и не нашей породы». Кромѣ того флотскій поручикъ Кайсаровъ уже былъ счастливымъ любовникомъ Евдокіи Андреевны.

Однако настояніями отца и Ганнибала между 6 января и 21 февраля 1731 года свадьба состоялась и Абрамъ Петровичъ увезъ молодую жену въ Перновъ, куда былъ назначенъ учить кондукторовъ математикѣ и черченію.

Насколько бракъ этотъ обѣщалъ быть счастливымъ, можно судить по тому, что въ первое воскресенье Великаго поста (Пасха въ 1731 году приходилась 9-го апрѣля) у Перновской мѣщанки весьма сомнительнаго поведенія, Морши, Евдокія Андреевна познакомилась съ кондукторомъ Шишковымъ, играла съ нимъ въ короли «и когда Шишковъ король былъ, то ей капитаншѣ, положилъ, чтобы она его цѣловала, что капитанша и учинила».

Вскорѣ послѣ этого у нихъ завязались сношенія черезъ писаря Тимофѣева. Шишковъ клялся «я тебя люблю всѣмъ сердцемъ» и съ этого у нихъ «влюбленіе пошло» вплоть до февраля 1732 года, когда Ганнибалу донесли объ этомъ съ прибавленіемъ, что Шишковъ «хвалился его—капитана окормить». Абрамъ Петровичъ подалъ въ Перновскую канцелярію донесеніе о томъ, а къ женѣ «приставилъ караулъ» и сталъ допрашивать домашнимъ образомъ «билъ и мучилъ ее смертельными побоями необычно», принуждая показать на допросѣ, что она «съ кондукторомъ Шишковымъ хотѣла его Ганнибала отравить».

Евдокія Андреевна подъ угрозой смерти подтвердила все, что значилось въ доносѣ и была посажена на Госпитальный дворъ, гдѣ пробыла пять лѣтъ.

Въ 1736 году, намѣреваясь жениться второй разъ на дочери капитана Перовскаго полка Христинѣ-Регинѣ фонъ-Шёбергъ, съ которой онъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ на своей подгородной мызѣ Курикулля, Ганнибалъ потребовалъ надъ Евдокіей суда, который постановилъ: «прелюбодѣицѣ учинить наказаніе, гонять по городу лозами, а прогнавши, отослать на Прядильный дворъ, на роботу вѣчно, а Ганнибалу, какъ невинному, за руками всѣхъ присутствующихъ выдать аттестатъ». Евдокія Андреевна подала на этотъ приговоръ прошеніе въ Петербургъ и просьбу, чтобы ее вытребовали туда. Въ мартѣ 1736 года по прибытіи въ Петербургъ, она подала въ св. синодъ челобитную, въ которой заявляла, что первоначальныя показанія были вырваны у нея угрозами и пытками.

Послѣ всякихъ канцелярскихъ проволочекъ, въ 1743 году синодъ вытребовалъ дѣло къ себѣ и подсудимая была выпущена до окончательнаго рѣшенія на поруки. На свободѣ Евдокія Андреевна вскорѣ сошлась съ подмастерьемъ академіи наукъ Абумовымъ и родила отъ него дочь Агриппину, вскорѣ умершую, которая, вѣроятно, и породила слухи о бѣлой дочери «арапа», такъ какъ ни о какомъ другомъ ребенкѣ Евдокіи Андреевны въ процессѣ не упоминается. Евдокія Андреевна была взята опять подъ стражу и, по совѣту одного священника, подала въ консисторію прошеніе, въ которомъ она сознавалась въ своихъ проступкахъ и ходатайствовала о разводѣ съ Ганнибаломъ, указывая, что онъ женился уже на другой и имѣетъ отъ нея дѣтей.

Консисторія начала новое дѣло о второмъ бракѣ Ганнибала въ ревельской соборной церкви въ 1736 году. Ганнибалъ подалъ челобитную императрицѣ Елисаветѣ, и окончательное опредѣленіе консисторіи состоялось только въ 1753 году (21 годъ спустя послѣ перваго заключенія Евдокіи Андреевны на Госпитальный дворъ).

Бракъ Ганнибала съ Христиной Шебергъ было постановлено утвердить, наложивъ на Абрама Петровича эпитимью и денежный штрафъ. Евдокія же Андреевна была признана виновной въ преступныхъ сношеніяхъ съ Кайсаровымъ, Шишковымъ и Абумовымъ и присуждена къ разведенію съ Ганнибаломъ и заключенію въ монастырь. 24 января 1754 года отставному солдату Щеколдину было выдано изъ с-петербургской консисторіи 3 рубля и приказано доставить Евдокію Андреевну въ новгородскую консисторію и оттуда въ Староладожскій монастырь, гдѣ она вскорѣ и скончалась.

Такова тяжелая исторія женитьбы «Арапа Петра Великаго», которая должна была служить «главной завязкой этого романа»; исторія фатальная для семейства Ганнибаловъ (сынъ Абрама Петровича—Осипъ Абрамовичъ почти повторилъ исторію отца; въ его процессѣ тоже есть и двоеженство и прочія семейныя неурядицы); исторія, которую Пушкинъ не успѣлъ или *не захотѣлъ* развязать до печальнаго конца, бросивъ «Арапа Петра Великаго» на самомъ первомъ узлѣ «главной завязки».

III.

Въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкинъ писалъ про себя:

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,

(Настоящій демонъ въ шалостяхъ, настоящая обезьяна по виду).

Можно привести еще нѣсколько примѣровъ того, что Пушкинъ какъ-то особенно подчеркивалъ свое физическое родство съ далекимъ предкомъ Ганнибаломъ.

Красной нитью проходитъ въ «Арапѣ Петра Великаго» главное—именно то, что герой его, «арапъ», человѣкъ необычайный по самому происхожденію своему, ко-

торый никогда не можетъ слиться съ окружающимъ его обществомъ, у котораго всегда затаенная печаль о какой-то фантастической, далекой, навсегда утраченной жизни подъ небомъ Африки. «До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между тѣмъ какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отеческаго дома, помнилъ также любимую сестру свою Лагань, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся» (примѣчаніе Пушкина къ 1-й главѣ «Евгенія Онѣгина»).

Судьба этого человѣка имѣетъ въ себѣ много остро привлекательнаго, но и глубокая трагедія таится за этой «необычайностью».

«Обыкновенно смотрѣли на молодого негра, какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже наполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенія особеннаго, чужого, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ». («Арапъ Петра Великаго» глава I).

Когда Пушкинъ почти то же самое, что онъ говоритъ объ Ибрагимѣ, повторяетъ въ посланіи къ Юрьеву о себѣ:

А я, повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ Негровъ безобразный,
Взращенный въ дикой простотѣ,
Любви невѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ,
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній;
Съ невольнымъ пламенемъ ланитъ
Украдкой Нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядитъ,

не даетъ ли онъ право сказать, что печать этого «необычайнаго» чувствуетъ еще и онъ, правнукъ, на себѣ.

Но посланіе къ Юрьеву написано въ 1818 году, а строки объ Арапѣ въ 1827 г.

Въ посланіи къ Юрьеву эта странная «необычайность» юношески радуетъ еще Пушкина; она залогъ значительной и яркой судьбы, которая еще не пугаетъ, не утомляетъ, не заставляетъ малодушно «завидовать людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ и почитать ихъ ничтожество благополучіемъ».

1827 годъ уже является началомъ послѣдняго десятилѣтія жизни Пушкина, въ которое онъ, какой-то усталый, во многомъ разочарованный, такъ необъяснимо стремился (особенно послѣ женитьбы въ 1831 году) къ спокойной обыкновенности свѣтскаго и придворнаго семьянина.

Въ 1835 году онъ писалъ въ «Египетскихъ ночахъ»:

«Чарскій употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище (поэта). Онъ избѣгалъ общества своей братіи литераторовъ и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ, но это не помогало ему».

И вотъ именно въ эту эпоху, когда онъ чувствовалъ что «это не помогало ему» что все-таки онъ останется необычайнымъ посланнымъ Россіи для великаго дѣла, но не могущимъ сдѣлаться совсѣмъ простымъ, совсѣмъ похожимъ на этихъ свѣтскихъ людей, которыми онъ окружилъ себя, въ эту эпоху легко предположить, что браться за «Арапа Петра Великаго», возобновлять въ своей фантазіи постоянно печальную, семейно-роковую повѣсть тоже «необычайнаго» и столь таинственно связаннаго съ нимъ человѣка, Пушкину было не очень пріятно.

Странное безобразіе Ибрагима, которое было сладко преувеличивать раньше Пушкину, какъ усиленіе той «необычайности», что въ 1818 году еще мучительно радовала его и въ себѣ, не было кстати вспоминать въ то время, когда сложная собственная исторія женитьбы ставила мрачный вопросъ Корсакова: ему ли, потомку злосчастнаго мужа Евдокіи Андреевны, «бросаться во всѣ опасности женитьбы»?

Мы не рѣшаемся наши догадки считать твердо-обоснованнымъ отвѣтомъ на вопросъ Бѣлинскаго: «не понимаемъ, почему Пушкинъ не продолжилъ этого романа».

Мы знаемъ, что вступаемъ въ область такихъ интимныхъ и тонкихъ переживаній, гдѣ трудно что-нибудь утверждать, а можно только угадывать. Но то, что романъ «Арапъ Петра Великаго» связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ личною жизнью Пушкина,

что многое написанное о далекомъ прадѣдѣ какъ-то очень близко касалось правнука—въ этомъ едва-ли слѣдуетъ сомнѣваться.

IV.

«Арапъ Петра Великаго» извѣстенъ по рукописи, перебѣленной и снова исправленной въ тетрадяхъ Московскаго Румянцевскаго музея за № 2378 и въ нѣсколькихъ черновыхъ отрывкахъ въ тетрадяхъ № 2367 и 2368. На первой страницѣ рукописи выписаны Пушкинымъ эпиграфы, потомъ отброшенные. Для первой главы—изъ сатирическаго стихотворенія И. И. Дмитріева «Путешествіе N. N. (Василія Львовича Пушкина) въ Парижъ и Лондонъ».

. . . Я въ Парижѣ,
Я началъ жить, а не дышать.

Для слѣдующихъ главъ выписаны слѣдующіе эпиграфы:

Я тебѣ жену добуду
Иль я мельникомъ не буду.
(Аблесимовъ, Мельникъ Колдунъ).

Какъ облако на небѣ
Такъ мысли въ насъ мѣняетъ легкій образъ:
Что любимъ днесь
То завтра ненавидимъ.
(Источникъ не указанъ).

Ужъ столъ накрытъ, ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ.
(Источникъ не указанъ).

Желѣзной волею Петра
Преображенная Россія
(Языковъ).

Не столько нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ,
Желаніемъ честей размученъ...
Зоветъ я слышу славы шумъ,
(Державинъ).

Наконецъ, эпиграфъ изъ «Руслана и Людмилы», который и былъ помѣщенъ Пушкинымъ при IV главѣ, напечатанной въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ.

При жизни Пушкина изъ «Арапа Петра Великаго» были напечатаны только два отрывка. Въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 годъ «IV глава изъ историческаго романа» и въ «Литературной газетѣ» за 1830 годъ въ № 13 — «Ассамблея при Петрѣ I», отрывокъ изъ III главы. Имени автора при обоихъ отрывкахъ поставлено не было, и при второмъ отрывкѣ была сдѣлана выноска: см. Голикова и Русскую Старину («Русская Старина» альманахъ, изданный незадолго передъ тѣмъ Корниловичемъ). Оба отрывка были перепечатаны съ измѣненіями въ 1834 году въ изданіи повѣстей Пушкина. Весь сохранившійся текстъ романа былъ напечатанъ уже послѣ смерти Пушкина въ «Современникѣ» за 1837 годъ въ IV томѣ, но неточно и съ ошибками. Въ рукописи нѣтъ заглавія и фамилія отца невѣсты Арапа обозначалась одной буквой, Р. Въ «Современникѣ» и посмертномъ изданіи была поставлена фамилія Рагузинскій, не смотря на то, что имя Ржевскаго указано въ самомъ текстѣ IV главы, а Рагузинскій напротивъ упоминается теткой Наташи, какъ предполагаемый женихъ.

О томъ, что замыселъ «Арапа Петра Великаго» долго владѣлъ Пушкинымъ, свидѣтельствуютъ два отрывка, близкіе по содержанію къ темѣ романа. Одинъ отрывокъ, извѣстный по Румянцевской рукописи № 2370 отъ 1825 года.

Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку:
Какъ жениться задумалъ царскій арапъ;
Межъ боярынь арапъ похаживаетъ,
На боярышень арапъ поглядываетъ.
Что выбралъ себѣ арапъ сударушку
Черный воронъ—бѣлую лебедушку.
А какъ онъ, арапъ, чернешенекъ,
А она то, душа, бѣлешенька...

Второй отрывокъ не такъ близокъ къ «Арапу Петра Великаго» по содержанію, но въ немъ много общаго по колориту съ первой главой романа. Это драматическая сцена изъ французской жизни XVIII вѣка между господиномъ Дорвилемъ (въ «Арапѣ» любовникъ графини Мервиль) и графиней (см. т. III, стр. 176). Дѣло идетъ о беременности графини и неожиданномъ возвращеніи мужа. Такъ же, какъ въ «Арапѣ Петра Великаго», графиня въ отчаяніи отвергаетъ всѣ предложенія любовника защитить ее (въ «Арапѣ» Ибрагима) и въ концѣ концовъ придумываетъ какой-то ловкій способъ избѣжать гибели.

Отрывокъ этотъ, отнесенный И. А. Шляпкинымъ къ 1830—1831 году, показываетъ, что въ это время Пушкинъ, если уже и не продолжалъ «Арапа», то какъ-то еще вспоминалъ о темѣ и планѣ его. Послѣ 1831 года (годъ женитьбы и рѣзкій

поворотъ въ настроеніяхъ Пушкина) мы не находимъ никакихъ напоминаній о романѣ. Вѣрны ли или нѣтъ наши догадки, случайно ли или не совсѣмъ случайно, но «Арапъ Петра Великаго» съ этого времени былъ сданъ окончательно въ архивъ и забытъ — съ какимъ-то особеннымъ стараніемъ.

V.

«Эти семь главъ неоконченнаго романа, изъ которыхъ одна упредила всѣ историческіе романы гг. Загоскина и Лажечникова, неизмѣримо выше и лучше всякаго историческаго русскаго романа, порознь взятаго, и всѣхъ ихъ, вмѣстѣ взятыхъ». Такъ писалъ Бѣлинскій объ «Арапѣ Петра Великаго», и врядъ ли его приговоръ потерялъ свое значеніе и для нашего времени. Какой историческій романъ [1]) по самому методу и по исполненію поставимъ мы выше «Арапа Петра Великаго»?

Совершенно не прибѣгая къ громоздкой бутафоріи обыкновенныхъ историческихъ романовъ, Пушкинъ передаетъ эпоху съ поразительной точностью въ характеристикахъ своихъ героевъ, въ дѣйствіяхъ и переживаніяхъ ихъ.

«Арапомъ Петра Великаго» положено начало новому методу историческаго романа, методу, по которому художникъ долженъ не только знать всѣ подробности событій, обстановки и друг., но и какъ-то особенно чувствовать эпоху, людей имъ описываемыхъ, посредствомъ высшей интуиціи представлять ихъ такъ точно и ярко, будто они его современники, о которыхъ онъ отлично знаетъ и какъ они одѣваются, и какъ говорятъ, и что переживаютъ.

Это перевоплощеніе развязываетъ художнику руки, позволяетъ избѣжать того нарочитаго историзма, который запахомъ учебниковъ изгоняетъ изъ романа жизнь, но съ другой стороны обязываетъ не сдѣлать ни одного ложнаго жеста, не сказать ни одного фальшиваго противъ стиля эпохи слова.

Высокое преимущество этого метода блестяще доказано «Арапомъ Петра Великаго».

Безъ всякаго напряженія, только иногда вкрапывая мелкія бытовыя подробности, воскрешаетъ Пушкинъ жизнь эпохи сложнѣйшей по соединеніямъ элементовъ самыхъ разнообразныхъ, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на интимныя переживанія своихъ героевъ, съ которыми онъ обращается черезъ столѣтіе съ такой непринужденной простотой, съ такой увѣренностью, будто это его близкіе друзья, прекрасно изученные имъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

И даже нѣкоторыя историческія обмолвки, какъ напримѣръ «старинная зала» въ домѣ Ржевскаго (какія же старинныя залы въ Петербургѣ 1723 года?) не могутъ ни на минуту ослабить геніальной вѣрности и полноты исторической картины, переданной въ этихъ тонкихъ миніатюрахъ семи коротенькихъ главъ неоконченнаго романа.

Весь XVIII вѣкъ Франціи въ этомъ одномъ портретѣ графини, милой, легкомысленной, нѣжной, беззаботной, мѣняющей любовниковъ, какъ перчатки — истинной женщинѣ Франціи XVIII вѣка. Вся порочность, веселость, яркость этого очаровательнаго времени послѣднихъ лѣтъ великолѣпія Версаля передана Пушкинымъ въ нѣсколькихъ, необходимыхъ, казалось бы, только для хода романа, словахъ о графинѣ.

Потайная лѣстница въ домѣ графа; замѣна чернаго ребенка бѣлымъ; поздравленіе недавнимъ любовникомъ графини Мервилемъ Ибрагима съ ея благосклонностью; послѣднее графинино «Bonne nuit, messieurs» мужу и любовнику, изъ которыхъ ни тотъ, ни другой не хотѣли уйти раньше; нѣжное письмо къ Ибрагиму, которому графиня уже измѣнила, — эти нѣсколько небрежно брошенныхъ деталей, нѣсколько мелкихъ эпизодовъ съ такой несомнѣнной подлинностью и убѣдительностью раскрываютъ намъ маленькіе, отдѣльные углы сцены, необходимые для дѣйствія романа, что все цѣлое, о которомъ почти не говорится, угадывается само собой. И весь Парижъ шумный, пышный чувствуется такъ несомнѣнно, какъ не передать бы его никакому самому исторически-точному описанію праздниковъ, маскарадовъ, событій.

Этотъ недостроенный среди болотъ и пустырей Петербургъ, въ которомъ европейская изысканность такъ своеобразно переломлялась со стариной и съ грубой простотой строителей и завоевателей; въ которомъ въ домахъ, построенныхъ на старинный ладъ, упрямые бояре еще вздыхаютъ

---

[1]) «Войну и Миръ» нельзя, конечно, считать историческимъ романомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. *Ред.*

о старыхъ порядкахъ среди шутихъ и томныхъ боярышенъ; Петръ въ холстяной фуфайкѣ принимаетъ на мачтѣ корабля депеши отъ герцога Орлеанскаго; въ наполненныхъ дымомъ трубокъ шкиперовъ низкихъ залахъ танцуютъ менуэтъ; весь этотъ странно-противорѣчивый Петербургъ данъ Пушкинымъ въ нѣсколькихъ мимоходомъ брошенныхъ словахъ.

Всего нѣсколько картинъ, нѣсколько портретовъ; утрированный французскій модникъ Корсаковъ; еще не потерявшая всего очарованія теремной поэзіи, хрупкая, нѣжная—нѣжностью тепличнаго цвѣтка—Наташа; загадочный, задумчиво-печальный Ибрагимъ; домъ Ржевскихъ, со всей тяжестью до-Петровскаго боярскаго быта; Петръ великодушный, простой, бодрый и веселый, съ тяжелой тростью, громкимъ смѣхомъ, глиняной трубкой и гамбургскими газетами, чародѣй и властитель Россіи; и весь Петербургъ, все странное время Петра воскресаетъ, какъ по знаку магической палочки.

И все это достигается тѣмъ, что съ самаго перваго слова романа читатель уже тамъ въ далекой Франціи, въ далекомъ Петербургѣ и поэтому каждый смутный намекъ понятенъ и о многомъ можно просто умолчать, такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ мѣстѣ и времени дѣйствія.

«Арапъ Петра Великаго» остается непревзойденнымъ въ русской литературѣ и является примѣромъ удивительнымъ — совершенства достиженія и совершенства метода [1]).

Сергѣй Ауслендеръ.

---

[1]) Ср.: Д. Н. Анучинъ, «А. С. Пушкинъ», Русскія Вѣдомости, 1899 г., № 99 — № 209 или отд. изд., Москва, 1899 г.; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина»; А. Д. Хмыровъ, «Историческія статьи», С.-П.-Б., 1873; С. П. Опатовичъ, «Е. А. Аннибалъ» (процессъ А.), Русская Старина, 1877 г., т. XVIII; Шубинскій, «Княгиня» А. П. Волконская и ея друзья», Историческій Вѣстникъ, 1904, № 12; Гельбигъ, «Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ».

Арапъ Петра Великаго.

Повѣсть

Буква В изъ Букваря Каріона Истомина (1692).

Глава первая.

ъ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣденій, необходимыхъ Государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ парижскомъ Военномъ училище[Ѣ], выпущенъ былъ капитаномъ Артилеріи, отличился въ Испанской войнѣ,—и тяжело раненый, возвратился въ Парижъ. Императоръ посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы нащетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ (чрезвычайно) имъ доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не торопился. Онъ отговаривался подъ различными предлогами, то раною, то желаніемъ усовершенствовать свои познанія, то недостаткомъ въ деньгахъ, и Петръ снисходительствовалъ его просьбамъ, просилъ заботиться о своемъ здоровіи, благодарилъ за ревность къ ученію, и крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ отеческіе совѣты и предостерегательныя наставленія.

По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомыслiемъ, безумствомъ и роскошью французовъ того времени. Послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностію двора, важностію и приличіемъ, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ нещастію не имѣлъ и тѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были тайною для Парижа; примѣръ былъ заразителенъ. На ту пору явился Laws; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждою наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезали, нравственность гибла; французы смѣялись и разчитывали — и Государство разпадалось подъ игривые припѣвы сатирическихъ водевилей.

Между тѣмъ, общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизили всѣ состоянія. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность; все что подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствіе, было принято съ одинаковой благосклонностію. Литература, ученость и философія оставляли тихій свой кабинетъ и являлись въ кругу большаго свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣніями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожанія. Поверхностная вѣжливость замѣнила глубокое почтеніе. Проказы герцога Ришелье, Алкивіада новѣйшихъ Аѳинъ, принадлежатъ исторіи и даютъ понятіе о нравахъ сего времени.

Temps fortuné, marqué par la licence
Où la folie agitant son grelot

D'un pied leger parcourt toute la France,
Où nul mortel ne daigne être dévot,
Où l'on fait tout excepté pénitence.

Появленіе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желали видѣть у себя le Nègre du Czar, и ловили его на-перехватъ. Регентъ приглашалъ не разъ его на свои веселые вечера; онъ присутствовалъ на ужинахъ одушевленныхъ молодостію Аруэта и старостію Шолье, разговорами Монтескіе и Фонтенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного перваго представленія и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль промѣнять это разсѣяніе, эти блестящія забавы на суровую простоту П.-бургскаго двора не одна ужасала Ибрагима. Другіе, сильнѣйшіе узы привязывали его къ Парижу. Молодой Африканецъ любилъ.

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своей красотою. 17 лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за человѣка, котораго она не успѣла полюбить и который въ послѣдствіи никогда о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ, но по снисходительному уложенію свѣта она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнуть ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеньи. Домъ ея былъ самый модный. У ней соединялось лучшее Парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послѣднимъ ея любовникомъ, что и старался онъ дать почувствовать всѣми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія: это польстило ему. Обыкновенно смотрѣли на молодого Негра какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣтствіями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладостное вниманіе женщинъ, почти единственная цѣль нашихъ усилій, не только не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувствовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, творенья особеннаго, чужово, случайно перенесеннаго въ міръ не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ не замѣчаннымъ и почиталъ ихъ ничтожество благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной страсти, избавила его отъ самонадѣянности и притязаній самолюбія, что придавало рѣдкую прелесть обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ простъ и важенъ; онъ понравился Гр. L., которой надоѣли вѣчныя шутки и тонкіе намѣки французскаго остроумія. Ибрагимъ часто бывалъ у ней. Мало по малу она привыкла къ наружности молодого Негра и даже стала находить что-то пріятное въ этой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудреныхъ париковъ ея гостиной (Ибрагимъ былъ раненъ въ голову и, вмѣсто парика, носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ и строенъ и не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ нежели простое любопытство; но предупрежденный Ибрагимъ, или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокетство. Когда же взоры его встрѣчались со взорами Графини, недовѣрчивость его исчезала. Ея глаза выражали такое милое добродушіе, ея обхожденіе съ нимъ было такъ просто, такъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и тѣни кокетства или насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ,—а уже видѣть Графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданной милостію неба. Графиня прежде чѣмъ онъ самъ, угадала его чувства. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и требованій трогаетъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ разсчетовъ обольщенія. Въ присутствіи Ибрагима, Графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, вслушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность . . . . . Мервиль первый замѣтилъ эту взаимную склонность, и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ одобрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и не довѣряя самой себѣ, торопливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможность обладать любимой женщиной доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ памяти. Напрасно Графиня, испуганная иступленіемъ его страсти, хотѣла противуставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія; она сама ослабѣвала. Неосторожныя вознагражденія быстро слѣ-

довали одно за другимъ. И наконецъ, увлеченная силою страсти, ею же внушенною, изнемогая подъ ея вліяніемъ, она отдалась восхищенному Ибрагиму...

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Новая связь Графини стала скоро всѣмъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору, многимъ казался онъ очень естественнымъ. Одни смѣялись, другія видѣли съ ея стороны непростительную неосторожность. Въ первомъ упоеніи страсти Ибрагимъ и Графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шутки мущинъ и колкія замѣчанія женщинъ стали до нихъ доходить. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ нетерпѣливо и не зналъ чѣмъ отразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она то со слезами жаловалась Ибрагиму, то горько упрекала его, то умоляла за нее не вступаться, чтобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запутало ея положеніе. Обнаружилось слѣдствіе неосторожной любви. (Графиня съ отчаяньемъ объявила Ибрагиму, что она брюхата). Утѣшенія, совѣты, предложенія—все было истощено и все отвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ отчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе Графини стало извѣстно, толки начались съ новою силою, чувствительныя дамы ахали отъ ужаса; мущины бились объ закладъ, кого родитъ Графиня: бѣлаго ли или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались нащетъ ея мужа, который одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минута приближалась. Состояніе Графини было ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ какъ силы душевныя и тѣлесныя постепенно въ ней изчезали. Ея слезы, ея ужасъ возобновлялись поминутно. Наконецъ, она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты на скоро. Графа нашли способъ удалить. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ симъ уговорили одну бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго своего младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни гдѣ лежала нещастная Графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія стенанья, шопотъ служанки и приказанія доктора. Она мучилась долго. Каждый стонъ ея раздиралъ его душу; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка, и не имѣя силы удержать своего восторга, бросился въ комнату Графини.—Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему прижался. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и протянула ему слабую руку... но докторъ опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, оттащилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденнаго положили въ крытую корзину и вынесли изъ дому по потаенной лѣстницѣ. Принесли другого ребенка и поставили его колыбель въ спальнѣ роженицы. Ибрагимъ уѣхалъ, немного успокоенный. Ждали Графа. Онъ возвратился поздно, узналъ о щастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена утѣшаться единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ что судьба его должна была перемѣниться, и что связь его рано или поздно должна дойти до свѣдѣнія Графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы не произошло, погибель Графини была неизбѣжна. Онъ любилъ страстно и такъ же былъ любимъ; но Графиня была своенравна и легкомысленна. Она любила не въ первой разъ. Отвращеніе, ненависть могли замѣнить въ ея сердце[ѣ] чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минуту ея охлажденія; доселѣ онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображалъ что страданія разлуки должны быть менѣе мучительны, и уже намѣревался разорвать нещастную связь, оставить Парижъ и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ и темное чувство собственнаго долга.

Глава вторая.

Буква Д изъ Букваря Каріона Истомина.

нiи, мѣсяцы проходили и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить имъ обольщенную женщину. Графиня часъ отъ часу болѣе къ нему привязывалась. Сынъ ихъ воспитывался въ отдаленной провинціи. Сплетни свѣта стали утихать, и любовники начали наслаждаться большимъ спокойствіемъ, молча помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода Герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и вручилъ ему письмо, приказавъ прочесть на досугѣ. Это было письмо Петра I-го. Государь, угадывая истинную причину его отсутствія, писалъ Герцогу, что онъ ни въ чемъ неволить Ибрагима не намѣренъ, что предоставляетъ его доброй волѣ возвратиться въ Россію, или нѣтъ, но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо тронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участь его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ Регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. Подумайте о томъ, что дѣлаете, сказалъ ему Герцогъ, Россія не есть ваше отечество; не думаю чтобъ вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ. Останьтесь во Франціи, за которую вы уже проливали свою кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія. Ибрагимъ искренно благодарилъ Герцога, но остался твердъ въ своемъ намѣреніи. Жалѣю, сказалъ ему Регентъ; но, впрочемъ, вы правы. Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ Русскому Царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ дорогу. Наканунѣ своего отъѣзда провелъ онъ, по обыкновенію, вечеръ у Графини L. Она ничего не знала; Ибрагимъ не имѣлъ духу ей открыться. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзывала его къ себѣ и шутила надъ его задумчивостью. Послѣ ужина всѣ разъѣхались. Остались въ гостиной Графиня, ея мужъ, да Ибрагимъ. Нещастный отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы только остаться съ нею наединѣ; но графъ L. казалось, расположился у камина такъ спокойно, что нельзя было надѣяться выжить его изъ комнаты. Всѣ трое молчали. Bonne nuit, сказала наконецъ Графиня. Сердце Ибрагима стѣснилось и вдругъ почувствовало всѣ ужасы разлуки. Онъ стоялъ неподвижно. Bonne nuit, messieurs, повторила Графиня. Онъ все не двигался... Наконецъ глаза его потемнѣли, голова закружилась, онъ едва могъ выдти изъ комнаты. Пріѣхавъ домой, онъ почти въ безпамятствѣ написалъ слѣдующее письмо:

«Я ѣду, милая Леонора; оставляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, потому что не имѣю силъ иначе съ тобою объясниться.

«Щастіе мое не могло продолжаться. Я

ЗНАТНАЯ ФРАНЦУЖЕНКА НАЧАЛА XVIII ВѢКА.
Гравюра Daullé (1735) съ портрета P. Mignard'a.

наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбить; очарованіе должно было изчезнуть. Эта мысль меня всегда преслѣдовала, даже въ тѣ минуты когда, казалось, забывалъ я все, когда у твоихъ ногъ упивался я твоимъ страстнымъ самоотверженіемъ, твоею неограниченною нѣжностію... Легкомысленный свѣтъ безпощадно гонитъ на самомъ дѣлѣ то, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливость рано или поздно, побѣдила бы тебя, смирила бы твою пламенную душу и ты наконецъ устыдилась бы своей страсти... Что было бы тогда со мною? Нѣтъ, лучше умереть, лучше оставить тебя прежде ужасной этой минуты...

«Твое спокойствіе мнѣ всего дороже: ты не могла имъ наслаждаться, пока взоры свѣта были на насъ устремлены. Вспомни все что ты вытерпѣла всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія боязни; вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ ли я подвергать тебя долѣе тѣмъ же волненіямъ и опасностямъ? За чѣмъ силиться соединить судьбу столь нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдственной судьбою негра, жалкаго творенія, едва удостоиваемаго названія человѣка?

«Прости, Леонора; прости, милый, единственный другъ. Оставляя тебя, оставляю первыя и послѣднія радости моей жизни. Не имѣю отечества, ни ближнихъ; ѣду въ печальную Россію, гдѣ мнѣ отрадою будетъ мое совершенное уединеніе. Строгія занятія, которымъ отнынѣ предаюсь, если не заглушатъ, то по крайней мѣрѣ будутъ развлекать мучительныя воспоминанія о дняхъ восторговъ и блаженства... Прости, Леонора—отрываюсь отъ этого письма, какъ будто отъ твоихъ объятій, прости, будь щастлива и думай иногда о бѣдномъ негрѣ, о твоемъ вѣрномъ Ибрагимѣ».

Въ ту-же ночь онъ отправился въ Россію.

Путешествіе не показалось ему столь ужасно, какъ онъ того ожидалъ. Воображеніе его восторжествовало надъ существенностію. Чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ Парижа, тѣмъ живѣе, тѣмъ ближе представлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувствительнымъ образомъ очутился онъ на русской границѣ. Осень уже наступала; но ямщики, несмотря на дурную дорогу, везли его съ быстротою вѣтра—и въ 17 день своего путешествія прибылъ онъ утромъ въ Красное Село, черезъ которое шла тогдашняя большая дорога.

Оставалось 28 верстъ до П. Б. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человѣкъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту, облокотясь на столъ, читалъ Гамбургскія газеты. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. Ба, Ибрагимъ! закричалъ онъ, вставая съ лавки: здорово, крестникъ! Ибрагимъ узналъ Петра, въ радости къ нему бросился, но почтительно остановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. Я былъ предувѣдомленъ о твоемъ пріѣздѣ, сказалъ Петръ и поѣхалъ тебѣ навстрѣчу. Жду тебя здѣсь со вчерашняго дня. Ибрагимъ не находилъ словъ для изъявленія своей благодарности. Вели же, продолжалъ государь, твою повозку вести за нами; а самъ садись со мною и поѣдемъ ко мнѣ. Подали Государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ, и они поскакали. Черезъ полтора часа они пріѣхали въ П. Б. Ибрагимъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болота по манію самодержавія. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій. Дома казались наскоро построены. Во всемъ городѣ не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, не украшенной еще гранитною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца т. н. Царицына Сада. На крыльцѣ встрѣтила Петра женщина лѣтъ 35, прекрасная собою одѣтая по послѣдней Парижской модѣ. Петръ поцаловалъ ее въ губы и взявъ Ибрагима за руку, сказалъ; Узнала ли ты, Катинька, моего крестника: Прошу любить и жаловать его по-прежнему. Екатерина устремила на него черные проницательные глаза и благосклонно протянула ему ручку. Двѣ юныя красавицы, высокія, стройныя, свѣжія какъ розы, стояли за нею и почтительно приближались къ Петру. Лиза, сказалъ онъ одной изъ нихъ, помнишь ли ты маленькаго арапа, который для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вотъ онъ: представляю тебѣ его. Великая Княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ столовую. Въ ожиданіи Государя столъ былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима.—Во время обѣда Государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, разпрашивалъ его объ Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о Регентѣ, котораго онъ любилъ, хотя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ отличался умомъ точнымъ и наблюдательнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его отвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкоторыя черты Ибрагимова младенчества и разсказалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселостію, что никто въ ласковомъ и гостепріимномъ хозяинѣ не могъ бы подозрѣвать Героя полтавскаго, могучаго и грознаго преобразователя Россіи.

Послѣ обѣда Государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть. Ибрагимъ остался съ Императрицей и Великими Княжнами. Онъ старался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ Парижской жизни, тамошніе праздники и своенравныя моды. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ особъ, приближенныхъ къ Государю, собрались во дворецъ. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, который, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крутаго совѣтника Петра, ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ русскимъ Фаустомъ, молодого Рагузинскаго, бывшаго своего товарища и другихъ, пришедшихъ къ Государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два. Посмотримъ, сказалъ онъ Ибрагиму, не позабылъ ли ты своей старой должности. Возьми-ка аспидную доску, да ступай за мною. Петръ заперся въ токарьнѣ и занялся Государственными дѣлами. Онъ по очереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генералъ-полицмейстеромъ Девіеромъ и продиктовалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивиться быстрому и твердому его

разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣятельности. По окончаніи трудовъ, Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Потомъ, выходя изъ токарни, сказалъ Ибрагиму: ужъ поздно; ты, я чай, усталъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ старину; завтра я тебя разбужу.

Ибрагимъ, оставшись на единѣ, едва могъ опомниться. Онъ находился въ П. Б. онъ видѣлъ вновь великаго человѣка, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почти съ разкаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что Графиня L., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единственной его мыслію. Онъ увидѣлъ, что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣятельность и постоянныя занятія могутъ оживить его душу, утомленную страстями, праздностію и тайнымъ унынiемъ. Мысль быть сподвижникомъ Великаго человѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честолюбія Въ семъ разположеніи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную кровать и тогда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой Графини.

ПЕТРЪ ВЪ ОЖИДАНІИ ИБРАГИМА.

Рисунокъ Ральфа Штейна.

Глава третья.

Буква Н изъ Букваря Каріона Истомина.

а другой день Петръ по своему обѣщанію разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякой по своему стараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку. Шереметевъ освѣдомился о своихъ Парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ что Ибрагимъ получилъ приглашеній по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные — слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день ото дня болѣе привязывался къ Государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовать за мыслями Великаго человѣка есть наука самая занимательная. Ибрагамъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспориваемаго Бутурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важные запросы законодательства; въ адмиралтейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; видалъ его съ Ѳеофаномъ, Гавріиломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, въ часы отдохновенія, разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, гдѣ движутся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиталъ и себя обязаннымъ трудиться у собственнаго станка, и старался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ Парижской жизни. Труднѣе было ему удалить отъ себя другое, милое воспоминаніе: часто думалъ онъ о Графинѣ L., воображалъ ея справедливое негодованіе, слезы и уныніе... Но иногда мысль ужасная стѣсняла его грудь: разсѣяніе большого свѣта, новая связь, другой счастливецъ—онъ содрогался; ревность начинала бурлить въ африканской его крови и горячія слезы готовы были течь по его черному лицу.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣтствіе на французскомъ языкѣ; Ибрагимъ съ живостію оборотился и молодой Карицкій, котораго оставилъ онъ въ Парижѣ, въ вихрѣ большаго свѣта, обнялъ его съ радостными восклицаніями. «Я сейчасъ только пріѣхалъ, сказалъ К., и прямо прибѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши Парижскіе знакомые тебѣ кланяются, жалѣютъ о твоемъ отсутствіи; Графиня L. велѣла звать тебя непремѣнно и вотъ тебѣ отъ нее письмо. Ибрагимъ схватилъ его съ трепетомъ и смотрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрить своимъ глазамъ. Какъ я радъ, продолжалъ К. что ты еще не умеръ со скуки въ этомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаютъ? чѣмъ занимаются? кто твой портной? заведена ли у васъ хоть опера?

Ибрагимъ въ разсѣяніи отвѣчалъ что вѣроятно Государь работаетъ теперь на корабельной верфи. К. засмѣялся. Вижу, сказалъ онъ что тебѣ теперь не до меня; въ другое время наговоримся досыта; ѣду представляться Государю. Съ этимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнаты.

Ибрагимъ, оставшись на единѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ притворствѣ и недовѣрчивости. Ты говоришь, писала она, что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! еслибъ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня состоянію, въ которое привела меня нечаянная вѣсть о твоемъ отъѣздѣ? Ты боялся, чтобъ я тебя не удержала; будь увѣренъ что не смотря на мою любовь, я умѣла бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому что почитаешь ты своимъ долгомъ. Графиня заключала письмо страстными увѣреніями въ любви и заклинала его хоть изрѣдка ей писать, если уже не было для нихъ надежды снова увидѣться когда нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ восторгомъ цалуя безцѣнныя строки. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ услышать что нибудь о Графинѣ, и собрался ѣхать въ адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще Корсакова; но дверь отворилась, и самъ Карицкій явился опять. Онъ уже представлялся Государю—и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ. Entre nous, сказалъ онъ Ибрагиму, Государь престранный человѣкъ, вообрази, что я засталъ его въ какой-то холстяной фуфайкѣ, на мачтѣ корабля, куда принужденъ я былъ карабкаться съ моими депешами. Я стоялъ на веревочной лѣстницѣ и не имѣлъ довольно мѣста, чтобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, что отъ роду со мною не случалось. Однакожъ Государь, прочитавъ бумаги, посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ, и вѣроятно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ, онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Петербургѣ совершенной чужестранецъ; во время шестилѣтняго отсутствія я вовсе позабылъ здѣшніе обыкновенія, пожалуйста, будь моимъ Ментором, завзжай за мной и представь меня. Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратить разговоръ къ предмету болѣе для него занимательному. «Ну, что графиня L.?»—Графиня? Она, разумѣется, съ начала очень была огорчена твоимъ отъѣздомъ; потомъ, разумѣется, мало по малу утѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R.; что же ты вытаращилъ свои арапскіе бѣлки? или это кажется тебѣ страннымъ, развѣ ты не знаешь что долгая печаль не въ природѣ человѣческой, особенно женской; подумай объ этомъ хорошенько, а я пойду, отдохну съ дороги; не забудь же за мною заѣхать.

Какія чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бѣшенство? отчаянье? нѣтъ, но глубокое стѣсненное уныніе. Онъ повторялъ себѣ: это я предвидѣлъ, это должно было случиться. Потомъ открылъ письмо Графини, перечелъ его снова; повѣсилъ голову и горько заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ что время ѣхать. Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться, но ассамблея была дѣло должностное, и Государь строго требовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за Корсаковымъ.

Корсаковъ сидѣлъ въ шлафрокѣ читая французскую книгу. Такъ рано?—сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. Помилуй, отвѣчалъ тотъ, ужъ половина шестово, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ. Корсаковъ засуетился, сталъ звонить изо всей мочи; люди сбѣжались; онъ сталъ поспѣшно одѣваться. Французъ камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные штаны, розовый кафтанъ, шитый блестками; въ передней наскоро пудрили парикъ; его принесли; К. всунулъ въ него стриженную головку, потребовалъ шпагу и перчатки, разъ десять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ готовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы, и они поѣхали въ Зимній дворецъ.

Корсаковъ осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ П. Б. первая красавица? Кто славится первымъ танцовщикомъ? Какой танецъ нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между тѣмъ они подъѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, старыхъ колымагъ и раззолоченныхъ каретъ стояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреяхъ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажи, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами

своихъ господъ: свита необходимая по понятіямъ бояръ тогдашняго времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, царскій арапъ! Онъ поскорѣе провелъ Корсакова сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей отворилъ имъ двери настежь, и они вошли въ залу. Корсаковъ остолбенѣлъ... Въ большой комнатѣ, освѣщенной сальными свѣчами, которыя тускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыму, Вельможи съ голубыми лентами черезъ плечо, Посланники, иностранные купцы, Офицеры Гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные мастера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались взадъ и впередъ при безпрерывномъ звукѣ духовой музыки. Дамы сидѣли около стѣнъ; молодыя блистали всею роскошію моды. Золото и серебро блистало на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ стебель, ихъ узкая талія; алмазы блистали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались на право и на лѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя старались хитро сочетать новый образъ одежды съ гонимою стариною; чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Натальи Кириловны, а робронды и мантильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, чѣмъ съ удовольствіемъ присутствовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шхиперовъ, которыя, въ канифасныхъ юпкахъ и въ красныхъ кофточкахъ вязали свой чулокъ, между собою смѣясь и разговаривая, какъ будто дома. Замѣтя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и стаканами на подносѣ. «Que diable est-ce que tout cela?» спрашивалъ К..... въ полголоса у Г.... [анибала]. Г.... не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами гостей, привѣтливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнатѣ. К....., желая ему показаться, насилу могъ туда пробраться сквозь безпрестанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иностранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, стаканы съ пуншемъ и шахматные доски. За однимъ изъ сихъ столовъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шхиперомъ. Они усердно салютовали другъ друга залпами табачнаго дыма, и Государь такъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего противника, что не замѣтилъ К....., какъ онъ около ихъ не вертѣлся. Въ это время толстый господинъ, съ толстымъ букетомъ на груди, суетливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались — и тотчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множество гостей, въ томъ числѣ и К.....

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ плачевной музыки, дамы и кавалеры стояли въ два ряда другъ противъ друга; кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали; сперва прямо противъ себя, потомъ поворотясь на право, потомъ на лѣво, тамъ опять прямо, опять на право и такъ далѣе. К....., смотря на сіе затѣйливое препровожденіе времени, таращилъ глаза и кусалъ себѣ губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ, они прекратились и толстый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К.... обрадовался и приготовился блеснуть. Между молодыми гостями, одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ, она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, вида важнаго и суроваго. К..... къ ней разлетѣлся и просилъ сдѣлать честь пойти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ, и казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К..... ждалъ ея рѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, отвелъ на средину залы и важно сказалъ: «Государь мой, ты провинился: во первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей три должные реверанса; а во вторыхъ, взявъ на себя самому ее выбрать, тогда какъ въ менуэтахъ право сіе подобаетъ дамѣ, а не кавалеру; сего ради имѣешь ты быть весьма наказанъ, именно, долженъ выпить *кубокъ большаго орла.*» К..... часъ отъ часу болѣе дивился. Въ одну минуту гости его окружили, шумно требуя немедленнаго исполненія закона. Петръ, услыша хохотъ и крики, вышелъ изъ другой комнаты, будучи большой охотникъ лично присутствовать при таковыхъ наказаніяхъ. Пе-

АССАМБЛЕЯ ПРИ ПЕТРѢ I.

Картина проф. Хлѣбовскаго.

редъ нимъ толпа раздвинулась, и Онъ вступилъ въ кругъ, гдѣ стоялъ осужденный и передъ нимъ Маршалъ асамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіи. Онъ тщетно уговаривалъ преступника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказалъ Петръ, увидя К. . . . . «попался, братъ! Изволь же, Мосье, пить и не морщиться.» Дѣлать было нечего. Бѣдный щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и отдалъ его Маршалу.—«Послушай, К. . . . . ,» сказалъ ему Петръ: «штаны-то на тебѣ бархатныя, какихъ и Я не ношу, а Я тебя гораздо богаче. Это мотовство; смотри, чтобъ Я съ тобой не побранился.» Выслушавъ сей приговоръ, К. . . . . хотѣлъ выйти изъ круга, но зашатался и чуть не упалъ, къ неописанному удовольствію Государя и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не только не повредилъ единству и занимательности главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры стали шаркать и кланяться, а дамы присѣдать и постукивать каблучками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. К. . . . . не могъ участвовать въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію отца своего [Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго] подошла къ Г. . . . [анибалу] и потупя голубые глаза, робко подала ему руку. Г. . . . . протанцовалъ съ нею менуэтъ и отвелъ ее на прежнее мѣсто: потомъ отыскавъ К. . . . . вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карету и отвезъ домой. Дорогою К. . . . . сначала невнятно лепеталъ: «Проклятая асамблея!... проклятый кубокъ большого орла!...» но вскорѣ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили; и проснулся на другой день съ головною болью, смутно помня шарканья, присѣданія, табачный дымъ, господина съ букетомъ и кубокъ большаго орла.

КУБОКЪ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

Съ выгравированнымъ большимъ орломъ.

(Эрмитажъ; есть и другіе кубки съ орлами и въ видѣ орловъ. Изъ какого пили въ асамблеяхъ провинившіеся,—въ точности неизвѣстно).

Глава Четвертая.

Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ
Русланъ и Людмила.

Буква Т изъ Букваря Карiона Истомина.

Теперь долженъ я благосклоннаго читателя познакомить съ Гавр. Аѳ. Р** [жевскимъ]. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъимѣніемъ, былъ хлѣбосолъ, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна, словомъ, онъ былъ коренной руской баринъ; по его выраженію, не терпѣлъ нѣмецкаго духу и старался въ домашнемъ быту сохранять обычаи любезной ему старины. Дочери его было 17 лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она матери. Она была воспитана по старинному, т.-е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золотомъ и не знала грамоты. Отецъ ея не смотря на отвращеніе свое отъ всего заморскаго, не могъ противиться ея желанію учиться пляскамъ нѣмецкимъ у плѣннаго Шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженный танцмейстеръ имѣлъ лѣтъ 50 отъ роду, правая нога была у него прострѣлена подъ Нарвою, и потому была не весьма способна къ менуэтамъ и курантамъ, зато лѣвая съ удивительнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя трудныя *па*. Ученица дѣлала честь его стараніямъ. Наталія Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею танцовщицей, что и было отчасти причиною проступка К-го, который на другой день пріѣзжалъ извиняться передъ Гавр. Аѳ.; но ловкость и щегольство молодого франта не понравились гордому боярину, который прозвалъ его остроумно франц. обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичь ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ старинной залѣ накрывали длинный столъ. Гости съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ, освобожденными отъ затворничества домашняго указами Государя и собственнымъ Его примѣромъ. Наталья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый встарину при такомъ случаѣ, вышелъ ужь изъ обыкновенія; пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяина, сѣлъ тесть его, Князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесяти-лѣтній Боярин; прочіе гости, наблюдая старшинство рода, и тѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли, мужчины по одной сторонѣ, женщины по другой;—въ концѣ заняли свои привычныя мѣста: барская барыня, въ старинномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, тридцатилѣтняя малютка, чопорная и сморщенная, и плѣнный Шведъ въ синемъ поношенномъ мундирѣ. — Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суетливой и многочисленной челядью, между ко-

торою отличался дворецкой строгимъ взоромъ, толстымъ брюхомъ и величавой неподвижностью.—Первыя минуты обѣда посвящены были единственно на вниманіе къ произведенію старинной нашей кухни, звонъ тарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занять гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: «а гдѣ-же Екимовна? Позвать ее сюда!» Нѣсколько слугъ бросились было въ разныя стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленая и нарумяненая, убраная цвѣтами и мишурою, въ штофномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью вошла припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— «Здравствуй, Екимовна», сказалъ К. Лыковъ, «каково поживаешь?»

— «По добру, по здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.»

—«Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ гостей, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру.»

При сихъ словахъ поднялся громкой хохотъ, и дура стала на свое мѣсто, за стуломъ хозяина.

— «А дура-то вретъ, вретъ, да и правду совретъ», сказала Татьяна Аѳанасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. «Подлинно, нынѣшніе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужь и вы, батюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, такъ про женское тряпье толковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника. Вѣдь посмотрѣть на нынѣшнихъ красавицъ, и смѣхъ и жалость: волоски то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны французской мукою, животикъ перетянутъ такъ, что еле не перервется: исподницы напялены на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ; въ двери входятъ—нагибаются; ни стать, ни сѣсть, ни духъ перевести,—сущія мученицы, мои голубушки!»

«Охъ, матушка Татьяна Аѳанасьевна», сказалъ Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воевода, гдѣ нажилъ себѣ три тысячи душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ. «По мнѣ жена какъ хочешь одѣвайся: хоть кутафьей, хоть болдыханомъ; только бъ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя платья, а прежнія бросала новешенькія. Бывало внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе робронды—поглядишь—сегодня на барынѣ, а завтра на холопкѣ. Что дѣлать? разореніе русскому дворянству! бѣда, да и только!» При сихъ словахъ, онъ со вздохомъ посмотрѣлъ на свою Марью Ильиничну, которой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы старинѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

«А кто виноватъ?» сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ, напѣвня кружку кислыхъ щей. «Не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся; а мы имъ потакаемъ.»

«А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирила Петровичъ. «Иной бы радъ былъ запереть жену въ теремѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуютъ на асамблею; мужъ за плетку, а жена за наряды.—Охъ, ужъ эти асамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинична сидѣла, какъ на иголкахъ; языкъ у нея такъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и обратясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою, что находитъ онъ дурнаго въ асамблеяхъ?

«А то въ нихъ дурно», отвѣчалъ разгоряченный супругъ, «что съ тѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладятъ съ женами. Жены позабыли слово Апостольское: *жена да убоится своего мужа.* Хлопочутъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянуться офицерамъ и вертопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, русской боярынѣ или боярышнѣ находиться вмѣстѣ съ Нѣмцами-табачниками, да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло, до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще съ родственниками, а то съ чужими, съ незнакомыми!»

«Сказалъ бы словечко, да волкъ не далечко,» сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ; «признаюсь—асамблеи и мнѣ не по нраву: того и гляди, что на пьянаго натолкнешься, аль и самого на смѣхъ пьянымъ напоятъ. Того и гляди, чтобъ какой-нибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью; а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К . . . . . на прошедшей асамблеѣ, надѣлалъ такого шуму съ Наташей, что привелъ меня въ краску.—На

другой день, гляжу, катятъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ, кого-то Богъ несетъ, ужь не Князя-ли Александра Даниловича? Не тутъ-то было: Ивана Евграфовича! небось не могъ остановиться у воротъ, да потрудиться пѣшкомъ дойти до крыльца— куды! влетѣлъ! разшаркался! разболтался! .... Дура Екимовна уморительно его передразниваетъ; кстати: представь, дура, заморскую обезьяну.»

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будто шляпу и начала кривляться, шаркать и кланяться во всѣ стороны, приговаривая: «мусье... мамзель... асамблея... пардонъ».—Общій и продолжительный хохотъ снова изъявилъ удовольствіе гостей.

«Ни дать, ни взять К .....», сказалъ старый Князь Лыковъ, отирая слезы смѣха, когда спокойствіе мало по малу возстановилось. «А что грѣха таить? Не онъ первый, не онъ послѣдній воротился изъ Нѣметчины на святую Русь скоморохомъ. Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркать, болтать, Богъ вѣсть на какомъ нарѣчіи, не почитать старшихъ, да волочиться за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ (прости Господи), Царской Арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походитъ.

— «Конечно,» замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, «человѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета вѣтрогону... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не опять-ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты?» продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: «бѣгите, отказать ему; да чтобъ и впредь...»

«Старая борода, не бредишь ли?» прервала дура Екимовна. «Али ты,слѣпъ: санито Государевы, Царь пріѣхалъ.»

Гаврила Аѳанасьевичъ всталъ поспѣшно изъ-за стола; всѣ бросились къ окнамъ; и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, который всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился навстрѣчу Петра; слуги разбѣгались (какъ одурѣлые; гости перетрусились), иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра, все утихло, и Царь вошелъ, въ сопровожденіи хозяина, оторопѣлаго отъ радости.— «Здорово, господа!» сказалъ Петръ съ веселымъ лицемъ. Всѣ низко поклонились. Быстрые взоры Царя отыскали въ толпѣ молодую хозяйскую дочь; Онъ подозвалъ ее. Наталья Гавриловна приближались довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ отъ часу хорошѣешь,» сказалъ ей Государь, и по своему обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; потомъ обратясь къ гостямъ,— «Что-же? Я вамъ помѣшалъ. Вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ наполнилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ Государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и вторично пригласилъ гостей продолжать обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, которыя не смѣли оставаться за столомъ, удостоеннымъ Царскимъ присутствіемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минуту передъ симъ шумно оживленный весельемъ и говорливостію, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ, гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-нѣмецки разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что, замѣчу мимоходомъ, вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдъ кончился. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. «Гаврила Аѳанасьевичъ!» сказалъ Онъ хозяину: «Мнѣ нужно съ тобою поговорить на единѣ,» и взявъ его подъ руку, увелъ въ гостиную и заперъ зъ собою дверь. Гости остались въ столовой, шопотомъ толкуя объ этомъ неожиданномъ посѣщеніи, и опасаясь быть нескромными, вскорѣ разъѣжались одинъ за другимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-соль. Тесть его, дочь и сестра провожали ихъ тихонько до порога и остались одни въ столовой, ожидая выхода Государева.

Глава пятая.

Буква Ч изъ Букваря Каріона Истомина.

резъ полчаса дверь отворилась и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтствовалъ онъ на тройной поклонъ К. Лыкова, Татьяны Аѳанасьевны и Наташи, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его тулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвратясь въ столовую Гавр. Аѳ. казался очень озабоченъ. Сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со стола, отослалъ Наташу въ ея свѣтлицу, и объявивъ сестрѣ и тестю, что ему нужно съ ними поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно отдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый князь легъ на дубовую кровать; Тат. Аѳ. сѣла на старинныя штофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гавр. Аѳан. заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ К. Лыкова и началъ вполголоса слѣдующій разговоръ.

Недаромъ Государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?

Какъ намъ знать, батюшка-братецъ сказала Тат. Аѳ.

Не приказалъ ли тебѣ Царь вѣдать какое либо воеводство? сказалъ тесть. Давно пора. Али предложилъ быть въ отвѣтѣ что же? вѣдь не однихъ Дьяковъ—и знатныхъ людей посылаютъ къ чужимъ Государямъ.

Нѣтъ, отвѣчалъ зять, нахмурясь. Я человѣкъ стараго покроя, а нынѣ служба наша не нужна, хоть, можетъ быть, православный Руской дворянинъ стóитъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да басурмановъ. Но этого статья особая.

— Такъ о чемъ же, братецъ, сказала Тат. Аѳ., изволилъ онъ такъ долго съ тобою толковать? Ужъ не бѣда ли какая съ тобою приключилась? Господь упаси и помилуй!

— Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было призадумался.

— Что же такое, братецъ? О чемъ дѣло.

«Дѣло о Наташѣ: царь приѣзжалъ ее сватать.»

Слава Богу! сказала Тат. Аѳ., перекрестясь. Дѣвушка на-выданьи, а каковъ сватъ, таковъ и женихъ—дай Богъ любовь да совѣтъ, а чести много. За кого же царь ее сватаетъ?

Гмъ, крякнулъ Гавр. Аѳ. за кого? то-то, за кого.

А за кого же? повторилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремать.

Отгадайте, сказалъ Гавр. Аѳ.

Батюшка-братецъ, отвѣчала старушка: какъ намъ угадать? Мало ли жениховъ при дворѣ: всякой радъ взять за себя твою Наташу, Долгорукой что-ли?

Нѣтъ, не Долгорукой.

Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шеинъ? Троекуровъ?

Нѣтъ, ни тотъ, ни другой.

Да и мнѣ они не по сердцу: вѣтрогоны, слишкомъ понабрались нѣмецкаго духу. Ну, такъ Милославской?

Нѣтъ, не онъ.

И Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ, Что же? Елецкій? Львовъ? Неужто Рагу-

зинскій? Воля твоя: ума не приложу. Да за кого же Царь сватаетъ Наташу?

«За Арапа Ибрагима.»

Старушка ахнула и сплеснула руками. Князь Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ изумленіемъ повторилъ: за Арапа Ибрагима?

— Батюшка-братецъ! сказала старушка слезливымъ голосомъ: не погуби ты своего родимаго дитяти, не дай ты Наташеньки въ когти черному діаволу!

Но какъ же, возразилъ Гавр. Аѳ., отказать Государю, который за то обѣщаетъ намъ свою милость, мнѣ и всему нашему роду?

Какъ! воскликнулъ старый Князь, у котораго сонъ совсѣмъ прошелъ, Наташу, внучку мою, выдать за купленнаго арапа?

Онъ роду не простова, сказалъ Гавр. Аѳ. онъ сынъ Арапскаго салтана. Бусурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ ЦареградѢ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его Царю. Старшій братъ арапа пріѣзжалъ въ Россію съ знатнымъ выкупомъ и...

— Батюшка, Гавр. Аѳ.! перервала старушка, слыхали мы сказку про Бову Королевича, да Ер. Лаз.! Разскажи-тко намъ лучше, какъ отвѣчалъ ты Государю на его сватаніе.

Я сказалъ, что власть его съ нами, а наше холопье дѣло повиноваться ему во всемъ.

Въ эту минуту за дверью раздался шумъ. Гавр. Аѳ. пошелъ отворить ее, но почувствовалъ сопротивленіе, онъ сильно ее толкнулъ, дверь отворилась—и увидѢли Наташу въ обморокѢ простертую на окровавленномъ полу—

Сердце въ ней замерло, когда Государь заперся съ ея отцомъ. Какое-то предчувствіе шепнуло ей что дѣло касается до нея и когда Гавр. Аѳ. отослалъ ее, объявивъ, что долженъ говорить ея теткѢ и дѣду, она не могла противиться влеченію женскаго любопытства, тихо черезъ внутренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѢднія отцовскія слова, бѢдная дѣвушка лишилась чувствъ и падая разшибла голову о кованый сундукъ гдѢ хранилось ея приданое.

Люди сбѢжались; Наташу подняли, понесли въ ея свѢтлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, открыла глаза, но не узнала ни отца, ни тетки. Сильный жаръ обнаружился; она твердила въ бреду о Царскомъ арапѢ, о свадьбѢ и вдругъ закричала жалобнымъ и пронзительнымъ голосомъ: Валеріанъ, милый Валеріанъ — жизнь моя! Спаси меня: вотъ они! вотъ они!.. Тат. Аѳ. съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѢднѢлъ, закусилъ губы и молча вышелъ изъ свѢтлицы. Онъ возвратился къ старому Князю, который, не могши взойти на лѢстницу, оставался въ низу. Что Наташа, спросилъ онъ. Худо, отвѢчалъ огорченный отецъ, хуже, чѢмъ я думалъ: она въ безпамятствѢ бредитъ Валеріаномъ.

— Кто этотъ Валеріанъ, спросилъ встревоженный старикъ. Неужели тотъ сирота, стрѢлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѢ?

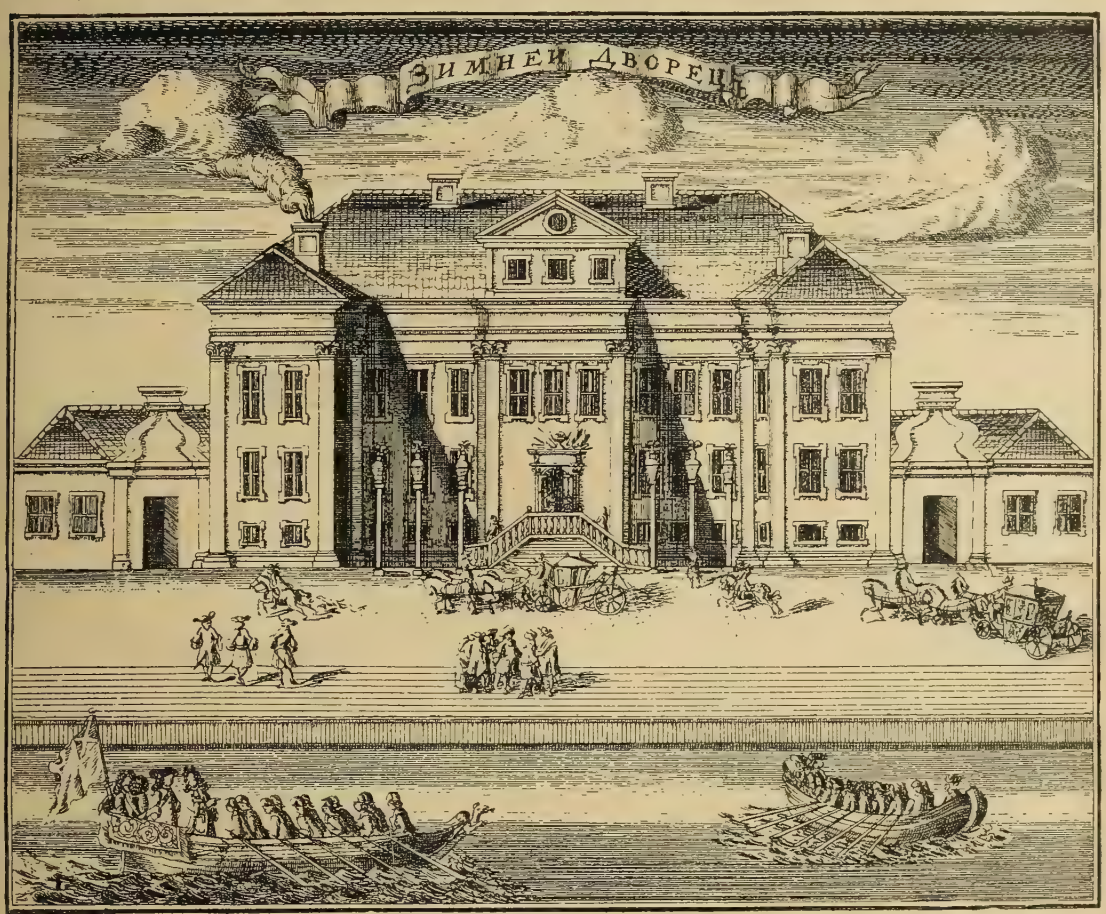
Онъ самъ, на бѢду мою отвѢчалъ Гавр. Аѳ. Отецъ его во время бунта спасъ мнѢ жизнь и чортъ мнѢ догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волченка. Когда тому два года, по его просьбѢ, записали его въ полкъ, Наташа прощаясь съ нимъ разплакалась, а онъ стоялъ какъ окаменѢлый. МнѢ показалось это подозрительнымъ и я говорилъ о томъ сестрѢ. Но съ тѢхъ поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ, она его забыла; анъ видно нѢтъ. Но рѢшено: она выйдетъ за Арапа.

Князь Лыковъ не противорѢчилъ: это было бы напрасно; онъ поѢхалъ домой; Тат. Аѳ. осталась у Наташиной постели; Гавр. Аѳ.,ославъ за лѢкаремъ, заперся въ своей комнатѢ и въ его домѢ все стало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мѢрѢ столь же, какъ и Гавр. Аѳ. Вотъ какъ это случилось. НѢсколько дней спустя (послѢ достопамятной асамблеи) Петръ, занимаясь дѢлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему: Я замѢчаю, братъ, что ты приунылъ; говори прямо, чего тебѢ не достаетъ? Ибрагимъ увѢрилъ Государя, что онъ доволенъ своей участію и лучшей не желаетъ. Добро, сказалъ Государь: если ты скучаешь безо всякой причины такъ я знаю чѢмъ тебя развеселить.

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима: Нравится ли тебѢ дѢвушка, съ которой ты танцовалъ мануэтъ на прошедшей асамблеѢ? Она, Государь, очень мила и, кажется, дѢвушка скромная и до-

брая. — Такъ я жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь ли ты на ней жениться? — Я, Государь?... — Послушай, Ибрагимъ: ты человѣкъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра что съ тобою будетъ, бѣдный мой Арапъ? Надобно тебѣ пристроиться, пока есть еще время, найти опору въ новыхъ связяхъ, вступить въ союзъ съ Русскимъ Сояр-



ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ ПЕТРА I.

Гравюра Зубова.

ствомъ. — Государь, я щастливъ покровительствомъ и милостями В. В. Дай Богъ мнѣ не пережить моего Царя и благодѣтеля—болѣе ничего не желаю; но если бъ и имѣлъ въ виду жениться, то согласится ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность... Твоя наружность, какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, что скажетъ старый Гаврила Р**, когда я самъ буду твоимъ сватомъ?

При сихъ словахъ Государь велѣлъ подавать сани и оставилъ Ибрагима погруженнаго въ глубокія размышленія.

Жениться, думалъ африканецъ, зачѣмъ же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провести жизнь въ одиночествѣ и не знать лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человѣка, потому только, что я родился подъ . . . . . градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться быть любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрить любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись на вѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ иныя обольщенія — болѣе существенныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить

будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Р[жевскою] присоединитъ меня къ гордому рускому дворянству и я перестану быть пришельцемъ въ новомъ моемъ отечествѣ. Отъ жены я не стану требовать любви, буду довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу пріобрету постоянной нѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.

Ибрагимъ по своему обыкновенію хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся и увидѣлъ Государя, который, отпустивъ сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ. Все, братъ, кончено, сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку, я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тестю, но смотри, потѣшь его боярскую спѣсь; оставъ сани у воротъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знатности, и онъ будетъ отъ тебя безъ памяти. Теперь, продолжалъ онъ потряхивая дубинкою, заведи меня къ плуту Данилычу, съ которымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.

Ибрагимъ, сердечно отблагодаривъ Петра за его отеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возвратился домой.

Глава Шестая.

*Буква **Т** изъ Букваря Каріона Истомина.*

ихо теплилась лампада передъ стекляннымъ кивотомъ, въ коемъ блистали золотые и серебряные оклады наслѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ занавѣшенную кровать и столикъ установленный стклянками съ ярлыками. — У печки сидѣла служанка за самопрялкою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ тишину свѣтлицы. Кто здѣсь, произнесъ слабый голосъ. Служанка встала тотчасъ, подошла къ кроватѣ и тихо приподняла пологъ: Скоро ли разсвѣтетъ? спросила Наталья.— Теперь уже полдень, отвѣчала служанка. Ахъ, Боже мой, отчего же такъ темно? — Окны закрыты, барышня. Дай же мнѣ поскорѣе одѣваться.—Нельзя, барышня: дохтуръ не приказалъ. — Развѣ я больна? давно ли? — Вотъ уже двѣ недѣли. — Неужъ-то? а мнѣ казалось, будто я вчера только легла...»

Наташа умолкла; она старалась собрать разсѣянныя мысли: что-то съ нею случилось, но что именно? не могла вспомнить. Служанка все стояла передъ нею, ожидая приказанья. Въ это время раздался снизу глухой шумъ. Что такое, спросила больная. Господа откушали, отвѣчала служанка; встаютъ изъ-за стола. Сейчасъ придетъ сюда Татьяна Аѳанасьевна.—Наташа, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опять за самопрялку.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ темными лентами, и спросила въ полголоса: *что Наташа?*—Здравствуй, тетушка, сказала тихо больная, и Тат. Аѳ. къ ней поспѣшила. Барышня въ памяти, сказала служанка осторожно придвигая кресла. Старушка со слезами поцаловала блѣдное, томное лицо племянницы и сѣла подлѣ нея. Въ слѣдъ за нею нѣмецъ-лѣкарь, въ черномъ кафтанѣ и въ ученомъ парикѣ, вошелъ, пощупалъ у Наташи пульсъ и объявилъ по латыни, а потомъ по руски, что опасность миновалась. Онъ потребовалъ бумаги и чернильницы, написалъ новый рецептъ и уѣхалъ; а старушка встала и, снова поцаловавъ Наталью, тотчасъ отправилась съ доброю вѣстію впизъ къ Гаврилѣ Аѳанасьевичу.

Въ гостиной, въ мундирѣ при шпагѣ, со шляпою въ рукахъ сидѣлъ Царскій Арапъ, почтительно разговаривая съ Гавр. Аѳ. Корсаковъ разтянувшись на пуховомъ диванѣ слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча симъ занятіемъ онъ подошелъ къ зеркалу обыкновенному прибѣжищу праздности, и въ немъ увидѣлъ Тат. Аѳ., которая изъ-за двери дѣлала брату незамѣчаемые знаки. Васъ зовутъ, Гавр. Аѳ., сказалъ Корс., оборотясь къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима. Гав. Аѳ. тотчасъ пошелъ къ сестрѣ и притворилъ за собою дверь.

Дивлюсь твоему терпѣнію, сказалъ Корс. Ибрагиму. Битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокупляешь къ тому свои нравоучительныя примѣчанія. На твоемъ мѣстѣ j'aurais planté là стараго врала и весь его родъ, включая тутъ же и Наталію Гавриловну, которая жеманится, притворяется больной—une petite santé. Скажи по совѣсти: ужели ты влюбленъ въ эту маленькую mijaurée?—Нѣтъ, отвѣчалъ Ибр., я женюсь конечно не по страсти, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвращенія. — Послушай, Ибр., сказалъ Корсаковъ послѣдуй хоть разъ моему совѣту, право, я благоразумнѣе, чѣмъ кажусь. Брось эту блажную мысль—не женись. Мнѣ сдается, что твоя невѣста никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало-ли что случается на свѣтѣ? На примѣръ: я конечно собою недуренъ, но случалось, однакожъ, мнѣ обманывать мужей, которые были, ей-Богу, ничѣмъ не хуже моего. Ты самъ... помнишь нашего парижскаго пріятеля, графа Д**? Нельзя надѣяться на женскую вѣрность; щастливъ кто смотритъ на это равнодушно. Но ты!... Съ твоимъ ли пылкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ ли сплюснымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли паршавой головой бросаться во всѣ опасности женитьбы?...—Благодарю за дружескій совѣтъ, прервалъ холодно Ибр. но знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дѣтей качать... Смотри, Ибр. отвѣчалъ, смѣясь, Корс. чтобъ тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальномъ смыслѣ.

Но разговоръ въ другой комнатѣ становился горячь.—Ты уморишь ее, говорила старушка. Она не вынесетъ его виду. Но посуди ты сама, возражалъ упрямый братъ. Вотъ уже двѣ недѣли ѣздитъ онъ женихомъ а до сихъ не видалъ невѣсты. Онъ наконецъ можетъ подумать, что ея болѣзнь пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ бы время продлить, чтобъ какъ нибудь отъ него отдѣлаться. Да что скажетъ и Царь? Онъ ужъ и такъ 3 раза присылалъ спросить о здоровьѣ Натальи. Воля твоя, а я ссориться съ нимъ не намѣренъ.—Господи Боже мой! сказала Тат. Аѳ. что съ нею, бѣдною, будетъ! По крайней мѣрѣ, пусти меня приготовить ее къ такому посѣщенію. Гавр. Аѳ. согласился и опять вошелъ въ гостиную.

Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму опасность миновалась. — Натальѣ гораздо лучше; если бъ не совѣстно было оставить здѣсь одного дорогова гостя Ив. Евгр., то я повелъ бы тебя вверхъ, взглянуть на свою невѣсту.

Корс. поздравилъ Гавр. Аѳ. просилъ не безпокоиться увѣрялъ что ему необходимо ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между тѣмъ Тат. Аѳ. спѣшила приготовить больную къ появленію страшнаго гостя.—Вошедъ въ свѣтлицу, она сѣла задыхаясь у постели, взяла Наташу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова, какъ дверь отворилась. Наташа спросила: кто пришелъ—Старушка обмерла и онѣмѣла. Гавр. Аѳ. отдернулъ занавѣсъ, холодно посмотрѣлъ на больную и спросилъ какова она? Больная хотѣла ему улыбнуться, но не могла. Суровый взглядъ отца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время ей показалось, что кто-то страшный стоялъ у ея изголовья. Она съ усиліемъ приподняла голову, и вдругъ узнала Царскаго Арапа. Тутъ она вспомнила все, весь ужасъ будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примѣчательнаго потрясенія. Наташа снова опустила голову на подушку и закрыла глаза... сердце въ ней билось болѣзненно. Тат. Аѳ. подала брату знакъ что больная хочетъ уснуть, и всѣ вышли потихоньку изъ свѣтлицы,кромѣ служанки которая снова сѣла за самопрялку.

Нещастная красавица открыла глаза и не видя уже никого около своей постели подозвала служанку и послала за карлицею. Но въ туже минуту круглая, старая крошка какъ шарикъ подкатилась къ ея кровати. Ласточка (такъ прозывалась карлица) во всю прыть коротенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гавр. Аѳ. и Ибрагимомъ, пустилась

вверхъ по лѣстницѣ и притаилась за дверью, не измѣняя любопытству, сродному прекрасному полу. Наташа увидя ее выслала служанку и карлица сѣла у кровати на скамѣечку.

Никогда столь маленькое тѣло не заключало въ себѣ столь много душевной дѣятельности. Она вмѣшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она приобрѣсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, которымъ управляла самовластно. Гавр. Ѳе. слушалъ ея доносы, жалобы и мѣлочныя просьбы; Тат. Ѳе. поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія 16-ти лѣтняго своего сердца.

Знаешь Ласточка? сказала она: батюшка выдаетъ меня за Арапа.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

Развѣ нѣтъ надежды продолжала Наташа, развѣ батюшка не сжалится надо мною?

Карлица тряхнула чепчикомъ.

Не заступятся ли за меня дѣдушка или тетушка?

Нѣтъ барышня. Арапъ во время твоей болѣзни всѣхъ успѣлъ заворожить. Баринъ отъ него безъ ума, Князь только имъ и бредитъ, а Тат. Ѳе. говоритъ: жаль, что Арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

Боже мой, Боже мой! простонала Наташа.

Не печалься, красавица наша, сказала карлица, цѣлуя ея слабую руку. Если ужъ и быть тебѣ за Арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину; мужья женъ не запираютъ: Арапъ слышно богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша, заживешь припѣваючи...

Бѣдный Валеріанъ!, сказала Наташа но такъ тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ, кабы ты меньше думала о стрѣлецкомъ сиротѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила а батюшка не гнѣвался бы.

Что? сказала испуганная Наташа: я бредила Валеріаномъ? батюшка слышалъ? батюшка гнѣвается?

То-то и бѣда, отвѣчала карлица. Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за Арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валеріанъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужъ покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшила. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

Глава Седмая.

Въ домѣ Гавр. Ѳе., изъ сѣней направо, находилась тѣсная коморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней стояла простая кровать, покрытая байковымъ одѣяломъ, а передъ кроватью—еловой столикъ, на которомъ горѣла сальная свѣча и лежали открытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница, треугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибита была лубочная картинка, изображающая Карла XII верьхомъ. Звуки флейты раздавались въ этой смиренной обители. Плѣнный танцмейстеръ, уединенный ея житель, въ колпакѣ и въ китайчатомъ шлафоркѣ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинные веселые шведскіе марши, напоминающіе ему время его юности. Посвятивъ цѣлые 2 часа на сіе упражненіе, Шведъ разобралъ свою флейту, вложилъ ее въ ящикъ и сталъ раздѣваться.

. . . . . .

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

Картина В. А. Серова.

...охъ по лѣстницѣ и притаилась за ...рью, не измѣняя любопытству, сродному ...красному полу. Наташа увидя ее вы...ла служанку и карлица сѣла у кровати ...скамѣечку.

Никогда столь маленькое тѣло не за...очало въ себѣ столь много душевной ...тельности. Она вмѣшивалась во все, ...а все, хлопотала обо всемъ. Хитрымъ ...крадчивымъ умомъ умѣла она приоб...ти любовь своихъ господъ и ненависть ...о дома, которымъ управляла самовластно. ...р. Аѳ. слушалъ ея доносы, жалобы и ...очныя просьбы; Тат. Аѳ. поминутно ...авлялась съ ея мнѣніями и руководство...ась ея совѣтами; а Наташа имѣла къ ... неограниченную привязанность и до...яла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія ...ти лѣтняго своего сердца.

Знаешь, Ласточка? сказала она: батюшка ...аетъ меня за Арапа.

Карлица вздохнула глубоко, и сморщен... лицо ея сморщилось еще болѣе.

Развѣ нѣтъ надежды продолжала Наташа, ...вѣ батюшка не сжалится надо мною?

Карлица тряхнула чепчикомъ.

Не заступятся ли за меня дѣдушка или ...ушка?

...Нѣтъ, барышня, Арапъ во время твоей ...ѣзни всѣхъ успѣлъ заворожить. Баринъ ... него безъ ума, Князь только имъ и бре...ъ, а Тат. Аѳ. говоритъ: жаль, что Арапъ, ...учшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

Боже мой, Боже мой! простонала Наташа.

Не печалься, красавица наша, сказала карлица, цѣлуя ея слабую руку. Если ужъ и быть тебѣ за Арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ старину: мужья женъ не запираютъ: Арапъ слышно богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша, заживешь припѣваючи...

Бѣдный Валеріанъ!, сказала Наташа не такъ тихо, что карлица могла только угадать, а не слышать эти слова.

То-то, барышня, сказала она, таинственно понизивъ голосъ, кабы ты меньше думала о стрѣлецкомъ сиротѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила а батюшка не гнѣвался бы.

Что? сказала испуганная Наташа: я бредила Валеріаномъ? батюшка слышалъ? батюшка гнѣвается?

То-то и бѣда, отвѣчала карлица. Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за Арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валеріанъ тому причиною. Дѣлать нечего: ужъ покорись волѣ родительской, а что будетъ, то будетъ.

Наташа не возразила ни слова. Мысль, что тайна ея сердца извѣстна отцу, сильно подействовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оставалась: умереть прежде совершенія ненавистнаго брака. Эта мысль ее утѣшила. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

Глава Седьмая.

Въ домѣ Гавр. Аѳ., изъ сѣней направо, ...дилась тѣсная коморка съ однимъ ...ошечкомъ. Въ ней стояла простая кро...ть, покрытая байковымъ одѣяломъ, а пе...дъ кроватью — еловой столикъ, на кото...мъ горѣла сальная свѣча и лежали от...ытыя ноты. На стѣнѣ висѣлъ старый ...ій мундиръ и его ровесница, треуголь... шляпа; надъ нею тремя гвоздиками ...ибита была лубочная картинка, изобра...ющая Карла XII верьхомъ. Звуки флейты раздавались въ этой смиренной обители. Плѣнный танцмейстеръ, уединенный ... житель, въ колпакѣ и въ китайчатомъ шлафоркѣ, услаждалъ скуку зимняго ве...чера, наигрывая старинные веселые шве...скіе марши, напоминающіе ему время ... юности. Посвятивъ цѣлые 2 часа на ... упражненіе, Шведъ разобралъ свою флей... вложилъ ее въ ящикъ и сталъ ра...ваться.

. . . . . .

833. [ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА ВЪ ПИСЬМАХЪ].

I. Отъ Лизы къ подругѣ.

Ты, конечно, милая Сашенька, удивилась нечаянному моему отъѣзду въ деревню. Спѣшу объясниться во всемъ откровенно. Зависимость моего положенія была всегда мнѣ тягостна. Конечно, Авдотья Андреевна воспитала меня наравнѣ со своею племянницею. Но въ ея домѣ я все же была воспитанница, а ты не можешь вообразить, какъ много мелочныхъ горестей неразлучны съ этимъ званіемъ. Многое должна я была сносить, во многомъ уступать, многаго не видѣть, между тѣмъ какъ мое самолюбіе прилежно замѣчало малѣйшій оттѣнокъ небреженія. Самое равенство мое съ княжною было мнѣ въ тягость. Когда являлись мы на балѣ, одѣтыя одинаково, я досадовала, не видя на ея шеѣ жемчуговъ. Я чувствовала, что она не носила ихъ для того только, чтобъ не отличаться отъ меня. Не ужь-то предполагаютъ во мнѣ, думала я, зависть, или что нибудь похожее на такое дѣтское малодушіе? Поведеніе со мною мущинъ, какъ бы оно ни было учтиво, поминутно задѣвало мое самолюбіе. Холодность ихъ или привѣтливость, все казалось мнѣ неуваженіемъ. Словомъ я была созданіе пренещастное, и сердце мое, отъ природы нѣжное, часъ отъ часу болѣе ожесточалось. Замѣтила ли ты, что всѣ дѣвушки, состоящія на правахъ воспитанницъ, дальнихъ родственницъ, demoiselles de compagnie и тому подобное, обыкновенно бываютъ или низкія служанки, или несносныя причудницы? Послѣднихъ я уважаю и извиняю отъ всего сердца.

Тому ровно три недѣли получила я письмо отъ бѣдной моей бабушки. Она жаловалась на свое одиночество и звала меня къ себѣ въ деревню. Я рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ. Насилу могла выпросить у Ав[дотьи] Ан[дреевны] позволеніе ѣхать и должна была обѣщать зимою возвратиться въ Петербургъ, но я не намѣрена сдержать свое слово. Бабушка мнѣ чрезвычайно обрадовалась: она никакъ меня не ожидала.

Слезы ея меня тронули несказанно: я сердечно ее полюбила. Она была нѣкогда въ большомъ свѣтѣ и сохранила много тогдашней любезности. Теперь я живу *дома* и *хозяйкою* — и ты не повѣришь, какое это наслажденіе. Я тотчасъ привыкла къ жизни, и мнѣ вовсе не чувствительно отсутствіе роскоши. Деревня наша очень мила. Старый домъ на горѣ, садъ, озеро, сосновая роща, все это осенью немного печально, но зато весной и лѣтомъ должно казаться раемъ. Сосѣдей у насъ мало и я еще ни съ кѣмъ не видѣлась. Уединеніе мнѣ нравится.

Пиши ко мнѣ, мой Ангелъ: письма твои будутъ мнѣ утѣшеніемъ. Что ваши балы, что наши общіе знакомые? Хотя я и сдѣлалась затворницей, однако жь не вовсе отказалась отъ суеты міра. Вѣсти о немъ для меня занимательны.

С. Павловское.

II. Отъ Саши въ деревню къ другу своему.

Милая Лиза! Вообрази мое изумленіе, когда узнала твой отъѣздъ въ деревню. Увидѣвъ княжну Ольгу одну, я думала, что ты нездорова и не хотѣла вѣрить ея словамъ. На другой день получаю твое письмо. Поздравляю тебя, мой Ангелъ, съ новымъ образомъ жизни. Радуюсь, что онъ тебѣ понравился. Твои жалобы о прежнемъ твоемъ положеніи меня тронули до слезъ, но показались мнѣ слишкомъ горькими. Какъ можешь ты сравнивать себя съ вос-

питанницами?... Всѣ знаютъ, что Ольгинъ отецъ былъ всѣмъ обязанъ твоему, и что дружба ихъ была столь же священна, какъ самое близкое родство. Ты была довольна своею судьбой; никогда не предполагала я въ тебѣ столько раздражительности. Признайся, нѣтъ-ли другой, тайной причины твоему поспѣшному отъѣзду?... Я подозрѣваю, но ты со мною скрытничаешь и я боюсь разсердить тебя заочно своими догадками.

Что сказать тебѣ про Петербургъ? Мы еще на дачѣ, но почти всѣ уже разъѣхались. Балы начнутся недѣли черезъ двѣ-три. Погода прекрасная. Я гуляю очень много. На дняхъ обѣдали у насъ гости и одинъ изъ нихъ спрашивалъ: имѣю-ли я о тебѣ извѣстія? Онъ сказалъ, что твое отсутствіе замѣтно, какъ порванная струна въ фортепіано. Я совершенно согласна съ нимъ. Я все надѣюсь, что этотъ припадокъ мизантропіи будетъ не продолжителенъ, а то нынѣшней зимой мнѣ не съ кѣмъ будетъ раздѣлить моихъ невинныхъ наблюденій, некому будетъ передавать эпиграммы моего сердца. Прости, моя милая, подумай и одумайся.

Крестовскій островъ.

III. Письмо Лизы.

1 ноября.

Письмо твое меня чрезвычайно утѣшило: оно такъ живо напомнило мнѣ Петербургъ. Мнѣ казалось, я тебя слышу. Какъ смѣшны твои вѣчныя предположенія! Ты подозрѣваешь во мнѣ какія-то глубокія, тайныя чувства, какую-то несчастную любовь—не правда-ли? Успокойся, милая. Я похожа на героиню только тѣмъ, что живу въ глухой деревнѣ и разливаю чай, какъ Кларисса Гарловъ.

Ты говоришь, что тебѣ некому будетъ нынѣшнею зимою передавать своихъ сатирическихъ наблюденій. А на что жь переписка? Пиши мнѣ все, что замѣтишь; повторяю тебѣ, что я вовсе не отказалась отъ свѣта, что все касающееся до него для меня занимательно. Въ доказательство того, прошу тебя написать, кому отсутствіе мое такъ замѣтно? Алексѣю П[*]? Я увѣрена, что угадала. Уши мои были всегда къ его услугамъ, а ему только и надобно.

Я познакомилась здѣсь съ семействомъ[***]. Отецъ хлѣбосолъ, мать толстая, веселая баба, большая охотница до виста, дочька Маша стройная, меланхолическая дѣвушка лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ. Она цѣлый день въ полѣ съ книгою въ рукахъ, окружена дворными собаками, говоритъ о погодѣ нараспѣвъ и съ чувствомъ подчуетъ вареньемъ. У нея нашла я цѣлый шкафъ, наполненный старыми романами. Я намѣрена все это прочесть и начала Ричардсономъ. Надобно жить въ деревнѣ, чтобъ имѣть возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала съ предисловія переводчика и увидя въ немъ увѣреніе, что хотя первыя шесть частей скучненьки, зато послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаградятъ терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій—скучно, мочи нѣтъ—наконецъ добилась до шестаго. Ну думаю я—теперь буду я награждена за трудъ. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ нескучнымъ.

Чтеніе Ричардсона дало мнѣ поводъ къ размышленіямъ. Какая ужасная разница между идеалами бабушекъ и внучекъ! Что есть общаго между Ловласомъ и Адольфомъ? Между тѣмъ, роль женщинъ не измѣняется. Кларисса, за исключеніемъ церемонныхъ присѣданій, все жъ походитъ на героиню новѣйшихъ романовъ, потому-ли, что способы нравиться въ мущинѣ зависятъ отъ моды, отъ минутнаго вліянія, а въ женщинахъ они основаны на чувствѣ и природѣ, которыя вѣчны.

Ты видишь: я съ тобою болтлива по обыкновенному. Не будь же и ты скупа на заочные разговоры. Пиши ко мнѣ какъ можно чаще и какъ можно болѣе—ты не можешь вообразить, что значитъ ожиданіе почтоваго дня въ деревнѣ. Ожиданіе бала не можетъ съ нимъ сравниться.

IV. Отвѣтъ Саши.

Ты ошиблась, милая Лиза. Чтобъ смирить твое самолюбіе, объявляю тебѣ, что Алексѣй П[*] вовсе не замѣчаетъ твоего отсутствія. Онъ привязался къ Леди Пельгамъ, пріѣзжей Англичанкѣ, и отъ нея не отходитъ. На его рѣчи отвѣчаетъ она видомъ невиннаго удивленія и маленькимъ восклицаніемъ: о, ло!—а онъ въ восхищеніи. Знай-же: спрашивалъ о тебѣ, жалѣетъ о тебѣ всѣмъ сердцемъ твой постоянный admirateur, Владиміръ Z[*]. Довольна-ли ты? Думаю, очень довольна и по своему обы-

ПЕТЕРБУРГСКІЙ БАЛЪ НАЧАЛА 1830 ГОДОВЪ.
Картина кн. Г. Г. Гагарина.

кновенію осмѣливаюсь предполагать, что и безъ меня ты догадалась.

Шутки въ сторону, Z* очень занятъ тобою. На твоемъ мѣстѣ я бы завела его далеко. Онъ прекрасный женихъ. Зачѣмъ не выти за него? Ты жила бы на Англійской набережной, по субботамъ имѣла бы вечера и всякое утро заѣзжала бы за мною. Полно тебѣ дурачиться, мой Ангелъ—брось деревню, пріѣзжай къ намъ и выходи за Z*.

Третьяго дня былъ балъ у К. К.—народу было пропасть, танцовали до 5 часовъ; К. В.—была одѣта очень просто, бѣлое, креповое платьеце, даже безъ *garnitures*, а на головѣ и на шеѣ на полмилліона брилліантовъ; только З*, по своему обыкновенію, была одѣта уморительно. Откуда беретъ она свои наряды? На платьѣ ея нашиты не цвѣты, а какіе-то сушеные грибы. Не ты-ли ей, мой Ангелъ, прислала ихъ изъ деревни? Владиміръ Z* не танцовалъ: онъ ѣдетъ въ отпускъ. С—ы пріѣхали (вѣроятно первыя), просидѣли всю ночь, не танцуя и уѣхали послѣднія. Старшая, кажется, была нарумянена: пора! Балъ очень удался. Мущины были недовольны ужиномъ, но вѣдь они всегда должны быть чѣмъ-нибудь, да недовольны. Мнѣ было очень весело, хоть я и танцовала съ несноснымъ дипломатомъ Ст., который къ природной своей глупости присоединилъ разсѣянность, вывезенную имъ изъ Матрита.

Благодарю тебя, душа моя, за отчетъ о Ричардсонѣ. Теперь я имѣю о немъ понятіе—прочитать его не надѣюсь съ моимъ нетерпѣніемъ: я и въ Вальтеръ-Скоттѣ нахожу лишнія страницы. Кстати, кажется, романъ Елены N. и гр. Л.—кончается, по крайней мѣрѣ онъ такъ пріунылъ, а она такъ важничаетъ, что, вѣроятно, свадьба рѣшена. Довольна ли ты сегодняшней моею болтовней?

V. Письмо Лизы.

Нѣтъ, милая моя сваха, я не думаю оставить деревню и пріѣхать къ вамъ на

свадьбы. Откровенно признаюсь, что Владиміръ Z* мнѣ нравился, но никогда я не предполагала выти за него. Онъ аристократъ—а я смиренная мѣщанка. Спѣшу объясниться и съ гордостію замѣтить, какъ истинная героиня романа, что родомъ принадлежу я къ старинному Русскому дворянству, а что мой рыцарь внукъ бородатаго милліонщика. Какъ бы то ни было, Z* человѣкъ свѣтскій, я могла ему понравиться, но онъ для меня не пожертвуетъ ни богатою невѣстой, ни выгоднымъ родствомъ. Если когда-нибудь и выйду замужъ, то выберу здѣсь какого-нибудь сорокалѣтняго помѣщика: онъ станетъ заниматься сахарнымъ заводомъ своимъ, а я буду щастлива, не танцуя на балѣ у К. К. и не имѣя у себя субботъ на Англійской набережной.

У насъ зима. Въ деревнѣ c'est un événement. Это вовсе перемѣняетъ образъ жизни. Уединенныя прогулки прекращаются, раздаются колокольчики, охотники выѣзжаютъ съ собаками—все дѣлается свѣтлѣе, веселѣе отъ перваго снѣга. Я никакъ этого не ожидала. Зима въ деревнѣ пугала меня. Но все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону.

Я короче познакомилась съ Машенькой*** и полюбила ее. У ней много хорошаго и оригинальнаго. Недавно узнала я, что Владиміръ Z* близкій родня Машѣ. Она не видала его семь лѣтъ, но отъ него въ восхищеніи. Онъ провелъ у нихъ одно лѣто—и Маша безпрестанно разсказываетъ всѣ подробности тогдашней его жизни. Читая ея романы, я нахожу на поляхъ его замѣчанія, блѣдно писанныя карандашемъ: видно, что онъ тогда былъ ребенокъ. Его поражали мысли и чувства, надъ которыми, конечно, сталъ бы онъ теперь смѣяться; по крайней мѣрѣ видна душа свѣжая, чувствительная. Я читаю очень много. Ты не можешь вообразить, какъ странно въ 1825 году читать романъ, писанный въ 775. Кажется будто вдругъ изъ своей гостиной входишь въ старинную залу, обитую штофомъ, садишься на атласныя пуховыя кресла, видишь около себя странныя, однако жь знакомыя платья и лица и узнаешь своихъ дядюшекъ и бабушекъ, но помолодѣвшими. Большею частію эти романы не имѣютъ другаго достоинства: происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный человѣкъ могъ бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, дополнить недомолвки — и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ. Скажи это отъ меня моему неблагодарному Алексѣю П*. Полно ему тратить умъ на разговоры съ Англичанами! Пусть онъ по старой канвѣ вышьетъ новые узоры и представитъ намъ въ маленькой рамѣ картину свѣта и людей, которыхъ онъ такъ хорошо знаетъ.

Маша хорошо знаетъ Рускую литературу. Вообще здѣсь болѣе занимаются словесностію, чѣмъ въ Петербургѣ. Здѣсь получаются журналы, принимаютъ участіе въ ихъ перебранкахъ, попеременно вѣрятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ. Теперь я понимаю, почему Вяз. и Пушкинъ такъ любятъ уѣздныхъ барышень: онѣ — ихъ истинная публика. Я тоже заглянула въ журналы... Смѣшно видѣть, какъ тамъ важно упрекаютъ въ безнравственности и неблагопристойности сочиненія, которыя прочли мы всѣ, петербургскія недотроги.

VI. Другое письмо Лизы вслѣдъ за предыдущимъ.

Милая! мнѣ не возможно долѣе притворяться, мнѣ нужны помощь и совѣты дружбы. Тотъ отъ котораго я убѣжала, кого боюсь, какъ нещастія, Z* — здѣсь! Что мнѣ дѣлать! Голова моя кружится, я теряюсь; ради Бога—рѣши, что мнѣ дѣлать. Разскажу тебѣ все.

Ты замѣтила прошедшею зимою, что онъ отъ меня не отходилъ. Напрасно вооружалась я холодностію, даже видомъ пренебреженія—ни чѣмъ не могла я избавиться отъ него. На балахъ онъ вѣчно умѣлъ найти мѣсто возлѣ меня, на гуляньи онъ вѣчно съ нами встрѣчался, въ театрѣ лорнетъ его былъ устремленъ на нашу ложу. Онъ къ намъ не ѣздилъ, но мы видѣлись вездѣ.

Сначала это льстило моему самолюбію. Я, можетъ быть, слишкомъ дала ему замѣтить это. По крайней мѣрѣ, онъ каждый часъ присвоивалъ себѣ новыя права, говорилъ мнѣ о своихъ чувствахъ, то ревновалъ, то жаловался. Съ ужасомъ думала я—къ чему все это ведетъ и съ отчаяніемъ признавала власть его надъ моею душой. Я уѣхала изъ Петербурга, думая тѣмъ прекратить зло въ самомъ началѣ. Моя рѣшимость, увѣренность въ томъ, что я исполнила свой долгъ—успокоили-было мое сердце. Я начинала думать о немъ

КЛАРИССА ГАРЛОВЪ.

(Героиня романа Ричардсона. Гравюра Скородумова).

равнодушнѣе, съ меньшею горестію. Вдругъ я его вижу.

Я его вижу. Вчера были именины Машенькиной maman. Я пріѣхала къ обѣду, вхожу въ гостиную, нахожу толпу гостей, уланскіе мундиры и дамы меня окружаютъ. Я со всѣми ими перецаловалась, не замѣчая никого, сажусь подлѣ хозяйки, гляжу— Z* предо мной. Я остолбенѣла. Онъ сказалъ мнѣ нѣсколько словъ съ видомъ такой нѣжной, искренней радости, что я не имѣла силы скрыть ни замѣшательства своего, ни удовольствія.

Пошли за столъ. Онъ сѣлъ противъ меня; я не смѣла на него взглянуть, но замѣчала, что всѣ глаза были устремлены на него. Онъ былъ молчаливъ; въ другое время меня бы очень занимало безпокойство барышень, общее желаніе привлечь вниманіе пріѣзжаго гвардейца, неловкость мущинъ, хохотъ ихъ при собственныхъ шуткахъ, и совершенное невниманіе, учтивая холодность гостя...

Послѣ обѣда онъ ко мнѣ подошелъ. Чувствуя, что мнѣ было надобно что-нибудь сказать, я спросила довольно не кстати: по дѣламъ ли заѣхалъ онъ въ нашу сторону? «Я пріѣхалъ по одному дѣлу, отъ котораго зависитъ щастіе моей жизни,»— отвѣчалъ онъ въполголоса и отошелъ. Онъ сѣлъ играть въ бостонъ съ тремя старушками (въ томъ числѣ съ бабушкой), а я ушла наверхъ, къ Машѣ, гдѣ пролежала до вечера, подъ предлогомъ головной боли. Въ самомъ дѣлѣ, я была хуже чѣмъ нездорова. Машенька отъ меня не отходила. Она въ восторгѣ отъ Z*. «Онъ пробудетъ у нихъ цѣлый мѣсяцъ, или болѣе». «Она цѣлый день будетъ съ нимъ». Право, она влюблена въ него. Дай Богъ, чтобъ и онъ влюбился. Она статна и стройна — мущинамъ только того и надобно.

Что мнѣ дѣлать? Здѣсь уже не будетъ мнѣ возможности избѣгнуть его преслѣдованій. Онъ уже успѣлъ обворожить бабушку. Онъ будетъ ѣздить къ намъ. Опять пойдутъ признанія, жалобы, клятвы—*и къ чему?* Онъ добьется моей любви, моего признанія, потомъ размыслитъ о невыго-

дахъ женитьбы, уѣдетъ подъ какимъ нибудь предлогомъ, оставитъ меня — а я? Какая ужасная будущность! Ради Бога, дай мнѣ руку, я тону.

VII. Отвѣтъ Саши.

То ли дѣло облегчить сердце полной исповѣдью. Давно бы такъ, мой Ангелъ! Охота тебѣ была не сознаваться мнѣ въ томъ, что я давно знала: Z* и ты — вы влюблены другъ въ друга. Что за бѣда? На здоровье. Ты имѣешь даръ смотрѣть на вещи Богъ знаетъ съ какой стороны. Ты напрашиваешься на нещастіе — берегись накликать его. Почему тебѣ не выдти за Z*? Какія тутъ неодолимыя препятствія? Онъ богатъ, а ты бѣдна—пустое! Онъ богатъ за двухъ — чего же вамъ болѣе? Онъ аристократъ, а ты развѣ не то же именемъ и воспитаніемъ? Недавно онъ объявилъ, что стоитъ рѣшительно на сторонѣ аристократокъ, потому что онѣ лучше обуваются. Итакъ, не ясно-ль, что ты съ головы до ногъ аристократка? Извини меня, мой Ангелъ, но твое патетическое письмо разсмѣшило меня. Z* пріѣхалъ въ деревню для того, чтобъ тебя видѣть. Какой ужасъ! Ты гибнешь, требуешь совѣтовъ и дружбы... Вотъ мой совѣтъ—обвѣнчаться какъ можно скорѣе въ вашей деревенской церкви и пріѣзжать къ намъ, чтобъ явиться въ картинахъ, которыя затѣваются у. С. Поступокъ твоего рыцаря меня тронулъ, кромѣ шутокъ. Конечно, въ старину любовникъ для благосклоннаго взгляда уѣзжалъ на три года скитаться въ Палестину, но въ наши времена уѣхать за 500 верстъ отъ Петербурга для того, чтобъ увидѣться съ владычицей своего сердца—это много значитъ! Z* достоинъ награды.

VIII. Письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ.

Сдѣлай одолженіе, распусти слухъ, что я при-смерти боленъ. Я намѣренъ просрочить и хочу соблюсти всевозможную благопристойность. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я живу въ деревнѣ и не вижу, какъ время летитъ: отдыхаю отъ петербургской жизни, которая мнѣ ужасно надоѣла. Не любить деревни простительно монастыркѣ, только что выпущенной изъ клѣтки, да двадцатилѣтнему камеръ-юнкеру. Петербургъ прихожая, Москва дѣвичья—деревня же нашъ кабинетъ. Порядочный человѣкъ по необходимости проходитъ черезъ переднюю, рѣдко заглядываетъ въ дѣвичью, а сидитъ у себя въ своемъ кабинетѣ. Тѣмъ и я кончу—выйду въ отставку, женюсь и уѣду въ свою саратовскую деревню. Званіе помѣщика есть та же служба. Заниматься тремя тысячами душъ, коихъ все благосостояніе зависитъ совершенно отъ насъ, важнѣе, чѣмъ командовать взводомъ или переписывать дипломатическія депеши.

Небреженіе, въ которомъ оставляемъ мы нашихъ крестьянъ, непростительно. Чѣмъ болѣе имѣемъ мы надъ ними правъ, тѣмъ болѣе имѣемъ и обязанностей въ ихъ отношеніи. Мы (оставляемъ) ихъ на произволъ плута прикащика, который ихъ притѣсняетъ, а насъ обкрадываетъ; мы проживаемъ въ долгъ наши будущіе доходы и разоряемся; старость насъ застаетъ въ нуждѣ и въ хлопотахъ. Вотъ причина быстраго упадка нашего дворянства: дѣдъ былъ богатъ, сынъ нуждается, внукъ идетъ по-міру. Древнія фамиліи приходятъ въ нищенство, новыя подымаются и въ третьемъ поколѣніи исчезаютъ опять. Къ чему ведетъ такой политическій матеріализмъ? Не знаю, но пора положить этому преграды. Говоря въ пользу аристократіи, я не корчу англійскаго лорда: мое происхожденіе, хоть я имъ и не стыжусь, не даетъ мнѣ на то никакого права. Но я согласенъ съ Лабрюеромъ: Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme.

Я безъ прискорбія никогда не могъ видѣть уничтоженія нашихъ историческихъ родовъ. Никто у насъ ими не дорожитъ, начиная съ тѣхъ, которые имъ принадлежатъ. Прошедшее для насъ и не существуетъ,— да и какой гордости воспоминаній ожидать отъ народа, который пишетъ на памятникахъ: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». Какой князь Пожарскій? Что такое гражданинъ Мининъ? Былъ окольничій князь Дмитрій и Козьма Миничъ Сухорукой, выборные отъ всего государства. Но отечество забыло даже настоящія имена своихъ избавителей. Прошедшее для насъ не существуетъ. Жалкій народъ!

Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то

битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаютъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинство выше знатности рода—именно достоинство личное. Я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?

Все это надумалъ я, живучи въ чужой деревнѣ, глядя на управленіе мелкопомѣстныхъ дворянъ. Эти господа не служатъ и сами занимаются управленіемъ своихъ деревушекъ, но, признаюсь, дай Богъ имъ промотаться, какъ нашему брату! Какая дикость! Для нихъ не прошли еще времена Фонъ-Визина, между ними процвѣтаютъ Простаковы и Скотинины!

Это, впрочемъ, не относится къ родственнику, у котораго я въ гостяхъ. Онъ очень добрый человѣкъ, жена его очень добрая баба, дочь очень добрая дѣвочка. Ты видишь, что я сталъ очень добръ. Въ самомъ дѣлѣ—съ тѣхъ поръ какъ я въ деревнѣ, я сталъ отмѣнно благосклоненъ и снисходителенъ. Дѣйствіе-ли патріархальной жизни и присутствія Лизы***. Мнѣ было скучно безъ нея не на шутку. Я пріѣхалъ уговорить ее возвратиться въ Петербургъ. Наше первое свиданіе было великолѣпно. Тетка была именинница, все сосѣдство съѣхалось, явилась Лиза—и едва повѣрила самой себѣ, увидѣвъ меня... Она не могла не признаться, что я пріѣхалъ сюда только для нея. По крайней мѣрѣ, я постарался дать ей это почувствовать. Здѣсь мой успѣхъ превзошелъ мои ожиданія (что много значитъ). Старушки отъ меня въ восхищеніи, барыни ко мнѣ такъ и льнутъ, а потому что... Мущины отмѣнно недовольны моею fatuité insolente, которая здѣсь еще новость. Они бѣсятся тѣмъ болѣе, что я чрезвычайно учтивъ и благопристоенъ. Они никакъ не понимаютъ, въ чемъ именно состоитъ мое нахальство, хотя и чувствуютъ, что я нахалъ. Прощай. Что дѣлаютъ наши? Servitor di tutti quanti. Пиши ко мнѣ въ село***.

IX. Отвѣтъ друга.

Порученіе твое мною исполнено. Вчера въ театрѣ объявилъ я, что ты занемогъ нервическою горячкою и что, вѣроятно, тебя уже нѣтъ на свѣтѣ. И такъ пользуйся жизнію, покамѣстъ еще ты не воскресъ.

Дай Богъ, чтобъ твое пребываніе въ селѣ*** въ самомъ дѣлѣ пріучило тебя къ деревенскому быту. Твои нравственныя размышленія на счетъ управленія имѣній радуютъ меня за тебя. Чины въ Россіи необходимость—хотя бы для однихъ станцій, гдѣ безъ нихъ не добыться лошадей.

Пустившись въ важныя разсужденія, я совсѣмъ забылъ, что теперь тебѣ не до того. Ты занятъ своею Лизою. Охота тебѣ корчить г-на Фобласа и вѣчно возиться съ женщинами! Въ этомъ отношеніи ты отсталъ отъ своего вѣка и сбиваешься на ci-devant гвардіи хрипуна 1807 г. Покамѣстъ это не замѣтно,—скоро ты будешь смѣшнѣе генерала Г**. Не лучше ли заранѣе привыкнуть къ строгости зрѣлаго возраста и добровольно отказаться отъ увядающей молодости? Знаю, что проповѣдую втунѣ, но таково мое назначеніе.

Всѣ твои друзья тебѣ кланяются и очень жалѣютъ о преждевременной твоей кончинѣ, между прочимъ — прежняя твоя пріятельница, которая возвратилась изъ Рима, влюбленная въ папу. Какъ это на нее похоже и какъ это должно тебя восхитить! Не пріѣдешь ли для соперничества cum servo servorum Dei ? Это было бы похоже на тебя. Я всякій день стану тебя ожидать.

X. Второе письмо Владиміра Z* къ другу въ Петербургъ.

Выговоры твои совершенно несправедливы. Не я, но ты отсталъ отъ своего вѣка—и цѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы явились на балы, не снимая шпагъ: намъ было неприлично танцовать, и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ: теперь это все перемѣнилось. Французская кадриль замѣнила Адама Смита. Всякій волочится и веселится, какъ умѣетъ. Я слѣдую духу времени, но ты неподвиженъ, ты ci-devant un homme стереотипъ. Охота тебѣ сиднемъ сидѣть одному на

оппозиціонной скамеечкѣ. Надѣюсь, что X* обратитъ тебя на истинный путь: поручаю тебя ея ватиканскому кокетству.

Что касается до меня — я совершенно предался патріархальной жизни: ложусь спать въ десять часовъ вечера, ѣзжу на порошу съ здѣшними помѣщиками, играю со старухами въ бостонъ по копѣйкѣ, и сержусь, когда проигрываюсь. Съ Лизою вижусь каждый день и часъ-отъ-часу болѣе въ нее влюбляюсь. Въ ней много увлекательнаго. Эта тихая, благородная стройность въ обращеніи—главная прелесть высшаго петербургскаго общества — а между тѣмъ, что-то живое, снисходительное, доброродное (какъ говоритъ ея бабушка), ничего рѣзкаго, жестокаго въ ея сужденіяхъ. Она не морщится передъ впечатлѣніями, какъ ребенокъ предъ принятіемъ ревеню. Она слушаетъ и понимаетъ — рѣдкое достоинство въ нашихъ женщинахъ. Я часто удивлялся тупости понятія или нечистотѣ воображенія дамъ, впрочемъ очень любезныхъ и милыхъ. Часто самое тонкое, самое поэтическое привѣтствіе онѣ принимаютъ или за нахальную эпиграмму, или за неблагопристойную плоскость. Въ такомъ случаѣ холодный видъ, ими принимаемый, такъ убійственно отвратителенъ, что самая пылкая любовь противъ него не устоитъ. Это испыталъ я съ Еленой***, въ которую былъ влюбленъ безъ памяти: я сказалъ ей какую-то нѣжность, она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей пріятельницѣ. Это меня вовсе разочаровало.

Кромѣ Лизы есть у меня для развлеченія одна милая дѣвушка, моя родственница. Эта дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скирдами, природой и нянюшками, гораздо милѣе нашихъ однообразныхъ красавицъ, которыя до свадьбы придерживаются мнѣнія маменекъ, а послѣ свадьбы мнѣнія мужьевъ. Прощай, мой милый. Что новаго въ свѣтѣ? Объяви всѣмъ, что наконецъ и я пустился въ поэзію; намедни сочинилъ я надпись къ портрету княжны Ольги (за что Лиза очень мило бранила меня)... Попроси В. прислать первый стихъ и отнынѣ считать меня поэтомъ.

834. (СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

[Набросокъ автобіографическаго характера].

часть моя рѣшена. Я женюсь... Та, которую любилъ я цѣлыхъ два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которой встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ,—Боже мой, она почти моя.

Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ—все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значитъ.

Дѣло въ томъ, что я боялся не одного отказа. Одинъ изъ моихъ пріятелей говаривалъ: не понимаю, какимъ образомъ можно свататься, если знаешь навѣрное, что не будетъ отказа.

Жениться! легко сказать—большая часть людей видятъ въ женитьбѣ шали, взятыя въ долгъ, новую карету и розовый шлафрокъ, другіе—приданое и степенную жизнь, третьи женятся такъ—потому что всѣ женятся—потому что имъ 30 лѣтъ. Спросите ихъ, что такое бракъ—въ отвѣтъ они скажутъ вамъ пошлую эпиграмму.

Я женюсь, т.-е. я жертвую независимостію, моей безпечной, прихотливой независимостію, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ. Итакъ, я [удваиваю] жизнь и безъ того неполную, я стану думать: мы. Я никогда не хлопоталъ о щастіи: я могъ обойтиться безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его.—

Пока я не женатъ, что значатъ мои обязанности? Есть у меня больной дядя, котораго почти никогда не вижу. Заѣду къ нему—онъ очень радъ; нѣтъ—такъ онъ извинитъ меня: «повѣса мой молодъ, ему не до меня.» Я ни съ кѣмъ не въ перепискѣ; долги свои выплачиваю каждый мѣсяцъ. Утромъ встаю когда хочу, принимаю кого хочу; вздумаю гулять—мнѣ сѣдлаютъ мою умную, славную Женни; ѣду переулками, смотрю въ окна низенькихъ домиковъ; здѣсь сидитъ семейство за самоваромъ, тамъ слуга мететъ комнаты, далѣе дѣвочка учится за фортепіано; подлѣ нея ремесленникъ музыкантъ. Она поворачиваетъ ко мнѣ разсѣянное лицо—учитель ее бранитъ—я шагомъ ѣду мимо. Пріѣду домой, разбираю книги, бумаги, привожу въ порядокъ мой туалетный столикъ; одѣваюсь небрежно, если ѣду въ гости; со всевозможною старательностью, если обѣдаю въ рестораціи, гдѣ читаю или новый романъ, или журналы. Если же Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого-нибудь уголовнаго процесса—то требую бутылку шампанскаго во льду, смотрю, какъ рюмка стынетъ отъ холода, пью медленно, радуясь, что обѣдъ стоитъ мнѣ семнадцать рублей, и что могу позволить себѣ эту шалость. Ѣду въ театръ,—отыскиваю въ какой-нибудь ложѣ замѣчательный уборъ, черные

глаза; между нами начинается сношеніе—я занятъ до самаго разъѣзда. Вечеръ провожу или въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь городъ, гдѣ я вижу всѣхъ и все и гдѣ меня никто не замѣчаетъ, или въ любезномъ избранномъ кругу, гдѣ говорю я про себя и гдѣ меня слушаютъ. Возвращаюсь поздно—засыпаю, читая хорошую книгу. На другой день опять ѣду верхомъ переулками, мимо дома, гдѣ дѣвочка играла на фортепіано... она твердитъ на фортепіано вчерашній урокъ. Она взглянула на меня, какъ на знакомаго, и засмѣялась. Вотъ моя холостая жизнь...

12 мая.

Но если мнѣ откажутъ, думалъ я, поѣду въ чужіе края—и уже воображалъ себя на пироскафѣ. Около меня суетятся, прощаются, носятъ чемоданы, смотрятъ на часы—пироскафъ тронулся; морской, свѣжій воздухъ вѣетъ мнѣ въ лицо; я долго смотрю на убѣгающій берегъ. My native land, adieu! Подлѣ меня молодую женщину начинаетъ тошнить: это придаетъ ея блѣдному лицу выраженіе томной нѣжности. Она проситъ у меня воды. Слава Богу, до Кронштадта есть для меня занятіе.

Въ эту минуту подали мнѣ записочку отвѣтъ на мое письмо. Отецъ невѣсты моей ласково звалъ меня къ себѣ... Нѣтъ сомнѣнія, предложеніе мое принято. Наденька—мой ангелъ—она моя!.. Всѣ печальныя сомнѣнія изчезли передъ этой райской мыслію. Бросаюсь въ карету, скачу—вотъ ихъ домъ—вхожу въ переднюю,—уже по торопливому пріему слугъ вижу, что я женихъ. Я смутился: эти люди знаютъ мое сердце! говорятъ о моей любви на своемъ холопскомъ языкѣ!.. Отецъ и мать сидѣли въ гостиной. Первый встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Онъ вынулъ изъ кармана платокъ. Онъ хотѣлъ быть тронутымъ, заплакать—но не могъ и рѣшился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку — она вошла блѣдная, неловкая. Отецъ вышелъ и вынесъ образъ Николая чудотворца и Казанской Богоматери. Насъ благословили. Наденька подала мнѣ холодную, безотвѣтную руку. Мать заговорила о приданомъ, отецъ о саратовской деревнѣ—и я женихъ.

И такъ, ужъ это не тайна двухъ сердецъ. Это сегодня новость домашняя, завтра—площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны—продается потомъ въ книжной лавкѣ и критикуется въ журналахъ дураками.

13 мая.

Всѣ радуются моему щастію, всѣ поздравляютъ, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги—кто свой домъ, кто денегъ взаймы, кто знакомаго бухарца съ шалями.

Иные безпокоятся о многочисленности будущаго моего семейства и предлагаютъ мнѣ 12 дюжинъ перчатокъ съ портретомъ m-lle Зонтагъ.

Молодые люди начинаютъ со мною чиниться, уважаютъ во мнѣ уже непріятеля. Дамы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о бѣдной моей невѣстѣ.—«Бѣдная! она такъ молода, такъ невинна, а онъ такой вѣтреный, безнравственный».

Признаюсь, это начинаетъ мнѣ надоѣдать. Мнѣ нравится обычай какого-то древняго народа: женихъ тайно похищалъ свою невѣсту,—на другой день представлялъ ужъ онъ ее городскимъ сплетницамъ, какъ свою супругу. У насъ пріуготовляютъ къ семейственному щастію печатными объявленіями, подарками, извѣстными всему городу, форменными письмами, визитами—словомъ сказать, соблазномъ всякаго рода.—

ПОВѢСТИ

ПОКОЙНАГО

ИВАНА ПЕТРОВИЧА БѢЛКИНА.

Г-ЖА ПРОСТАКОВА.

То, мой батюшка, онъ еще съизмала
къ исторіямъ охотникъ.

СКОТИНИНЪ.

Митрофанъ по мнѣ.

Недоросль.

(Второй титульный листъ изд. 1834 г.).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Взявшись хлопотать объ изданіи Повѣстей И. П. Бѣлкина, предлагаемыхъ нынѣ публикѣ, мы желали къ онымъ присовокупить хотя краткое жизнеописаніе покойнаго Автора, и тѣмъ отчасти удовлетворить справедливому любопытству любителей отечественной словесности. Для сего обратились-было мы къ Марьѣ Алексѣевнѣ Трафилиной, ближайшей родственницѣ и наслѣдницѣ Ивана Петровича Бѣлкина; но къ сожалѣнію ей невозможно было намъ доставить никакого о немъ извѣстія, ибо покойникъ вовсе не былъ ей знакомъ. Она совѣтовала намъ отнестись по сему предмету къ одному почтенному мужу, бывшему другомъ Ивану Петровичу. Мы послѣдовали сему совѣту, и на письмо наше получили нижеслѣдующій желаемый отвѣтъ. Помѣщаемъ его безо всякихъ перемѣнъ и примѣчаній, какъ драгоцѣнный памятникъ благороднаго образа мнѣній и трогательнаго дружества, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и весьма достаточное біографическое извѣстіе.

Милостивый Государь мой ****!

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 15-го сего мѣсяца получить имѣлъ я честь 23 сего же мѣсяца, въ коемъ вы изъявляете мнѣ свое желаніе имѣть подробное извѣстіе о времени рожденія и смерти, о службѣ, о домашнихъ обстоятельствахъ, также и о занятіяхъ и нравѣ покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина, бывшаго моего искренняго друга и сосѣда по помѣстьямъ. Съ великимъ моимъ удовольствіемъ исполняю сіе ваше желаніе и препровождаю къ вамъ, Милостивый Государь мой, все, что изъ его разговоровъ, а также изъ собственныхъ моихъ наблюденій запомнить могу.

Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ родился отъ честныхъ и благородныхъ родителей въ 1798 году въ селѣ Горюхинѣ. Покойный отецъ его, Секундъ-Маіоръ Петръ Ивановичь Бѣлкинъ, былъ женатъ на дѣвицѣ Пелагеѣ Гавриловнѣ, изъ дому Трафилиныхъ. Онъ былъ человѣкъ не богатый, но умѣренный, и по части хозяйства весьма смышленый. Сынъ ихъ получилъ первоначальное образованіе отъ деревенскаго дьячка. Сему-то почтенному мужу былъ онъ, кажется обязанъ охотою къ чтенію и занятіямъ по части Русской Словесности. Въ 1815 году вступилъ онъ въ службу въ пѣхотной егерской полкъ (числомъ не упомню), въ коемъ и находился до самаго 1823 года. Смерть его родителей, почти въ одно время приключившаяся, понудила его подать въ отставку и пріѣхать въ село Горюхино, свою отчину.

Вступивъ въ управленіе имѣнія, Иванъ Петровичь, по причинѣ своей неопытности и мягкосердія, въ скоромъ времени запустилъ хозяйство и ослабилъ строгой порядокъ, заведенный покойнымъ его родителемъ. Смѣнивъ исправнаго и расторопнаго старосту, коимъ крестьяне его (по ихъ привычкѣ) были недовольны, поручилъ онъ управленіе села старой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренность искусствомъ расказывать исторіи. Сія глупая старуха не умѣла никогда различить двадцатипятирублевой ассигнаціи отъ пятидесятирублевой; крестьяне, коимъ она всѣмъ была кума, ея вовсе не боялись; ими выбранный староста до того имъ потворствовалъ, плутуя заодно, что Иванъ Петровичь принужденъ былъ отмѣнить барщину и учредить весьма умѣренный оброкъ; но и тутъ крестьяне, пользуясь его слабостію, на первый годъ выпросили себѣ нарочитую льготу, а въ слѣдующіе, болѣе двухъ третей оброка платили орѣхами, брусникою и тому подобнымъ; и тутъ были недоимки.

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ предлагать и сыну свои совѣты, и неоднократно вызывался возстановить прежній, имъ упущенный, порядокъ. Для сего, пріѣхавъ однажды къ нему, потребовалъ я хозяйствен-

ныя книги, призвалъ плута старосту, и въ присутствіи Ивана Петровича занялся разсмотрѣніемъ оныхъ. Молодой хозяинъ сначала сталъ слѣдовать за мною со всевозможнымъ вниманіемъ и прилѣжностію; но какъ по щетамъ оказалось, что въ послѣдніе два года число крестьянъ умножилось, число же дворовыхъ птицъ и домашняго скота нарочито уменьшилось, то Иванъ Петровичъ довольствовался симъ первымъ свѣдѣніемъ и далѣе меня не слушалъ, и въ ту самую минуту, какъ я своими разысканіями и строгими допросами плута старосту въ крайнее замѣшательство привелъ, и къ совершенному безмолвію принудилъ, съ великою моею досадою услышалъ я Ивана Петровича крѣпко храпящаго на своемъ стулѣ. Съ тѣхъ поръ пересталъ я вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія и предалъ его дѣла (какъ и онъ самъ) распоряженію Всевышняго.

Сіе дружескихъ нашихъ сношеній нисколько впрочемъ не разстроило; ибо я, соболѣзнуя его слабости и пагубному нерадѣнію, общему молодымъ нашимъ дворянамъ, искренно любилъ Ивана Петровича; да не льзя было и не любить молодаго человѣка столь кроткаго и честнаго. Съ своей стороны Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ и сердечно былъ ко мнѣ приверженъ. До самой кончины своей онъ почти каждый день со мною видѣлся, дорожа простою моею бесѣдою, хотя ни привычками, ни образомъ мыслей, ни нравомъ мы большею частію другъ съ другомъ не сходствовали.

Иванъ Петровичъ велъ жизнь самую умѣренную, избѣгалъ всякаго рода излишествъ; никогда не случалось мнѣ видѣть его навеселѣ (что въ краю нашемъ за неслыханное чудо почесться можетъ); къ женскому же полу имѣлъ онъ великую склонность, но стыдливость была въ немъ истинно дѣвическая (*).

Кромѣ повѣстей, о которыхъ въ письмѣ вашемъ упоминать изволите, Иванъ Петровичъ оставилъ множество рукописей, которыя частію у меня находятся, частію употреблены его ключницею на разныя домашнія потребы. Такимъ образомъ прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Вышеупомянутыя повѣсти были, кажется, первымъ его опытомъ. Онѣ, какъ сказывалъ Иванъ Петровичъ, большею частію справедливы и слышаны имъ отъ разныхъ особъ (**). Однакожъ имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ, а названія селъ и деревень заимствованы изъ нашего околотка, отъ чего и моя деревня гдѣ-то упомянута. Сіе произошло не отъ злаго какого либо намѣренія, но единственно отъ недостатка воображенія.

Иванъ Петровичъ осенью 1828 года занемогъ простудною лихорадкою, обратившеюся въ горячку, и умеръ, не смотря на неусыпныя старанія уѣзднаго нашего лѣкаря, человѣка весьма искуснаго, особенно въ лѣченіи закоренѣлыхъ болѣзней, какъ-то мозолей, и тому подобнаго. Онъ скончался на моихъ рукахъ на 30-мъ году отъ рожденія, и похороненъ въ церкви села Горюхина близъ покойныхъ его родителей.

Иванъ Петровичъ былъ росту средняго, глаза имѣлъ сѣрые, волоса русые, носъ прямой: лицемъ былъ бѣлъ и худощавъ.

Вотъ, Милостивый Государь мой, все, что могъ я припомнить, касательно образа жизни, занятій, нрава и наружности покойнаго сосѣда и пріятеля моего. Но въ случаѣ, если заблагоразсудите сдѣлать изъ сего моего письма какое либо употребленіе, всепокорнѣйше прошу никакъ имени моего не упоминать; ибо хотя я весьма уважаю и люблю сочинителей, но въ сіе званіе вступить полагаю излишнимъ и въ мои лѣта неприличнымъ. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и проч.»

1830 году Ноября 16.
Село Ненарадово.

Почитая долгомъ уважить волю почтеннаго друга Автора нашего, приносимъ ему глубочайшую благодарность за доставленныя намъ извѣстія, и надѣемся, что публика оцѣнитъ ихъ искренность и добродушіе.

А. П.

(*) Слѣдуетъ анекдотъ, коего мы не помѣщаемъ, полагая его излишнимъ; впрочемъ, увѣряемъ читателя, что онъ ничего предосудительнаго памяти Ивана Петровича Бѣлкина въ себѣ не заключаетъ.

(**) Въ самомъ дѣлѣ, въ рукописи Г. Бѣлкина, надъ каждою повѣстію рукою Автора написано: Слышано мною отъ такой-то особы (чинъ или званіе и заглавныя буквы имени и фамиліи). Выписываемъ для любопытныхъ изыскателей: Смотритель разсказанъ былъ ему Титулярнымъ Совѣтникомъ А. Г. Н., Выстрѣлъ Подполковникомъ И. Л. П., Гробовщикъ прикащикомъ Б. В., Метель и Барышня дѣвицею К. И. Т.

ГРОБОВЩИКЪ

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?

Державинъ.

Послѣдніе пожитки гробовщика Адріана Прохорова были взвалены на похоронныя дроги, и тощая пара въ четвертый разъ потащилась съ Басманной на Никитскую, куда гробовщикъ переселялся всѣмъ своимъ домомъ. Заперевъ лавку, прибилъ онъ къ воротамъ объявленіе о томъ, что домъ продается и отдается внаймы, и пѣшкомъ отправился на новоселье. Приближаясь къ желтому домику, такъ давно соблазнявшему его воображеніе и наконецъ купленному имъ за порядочную сумму, старый гробовщикъ чувствовалъ съ удивленіемъ, что сердце его не радовалось. Переступивъ за незнакомый порогъ и нашедъ въ новомъ своемъ жилищѣ суматоху, онъ вздохнулъ о ветхой лачужкѣ, гдѣ въ теченіи осьминадцати лѣтъ все было заведено самымъ строгимъ порядкомъ; сталъ бранить обѣихъ своихъ дочерей и работницу за ихъ медленность, и самъ принялся имъ помогать. Вскорѣ порядокъ установился; кивотъ съ образами, шкапъ съ посудою, столъ, диванъ и кровать заняли имъ опредѣленные углы въ задней комнатѣ; въ кухнѣ и гостиной помѣстились издѣлія хозяина: гробы всѣхъ цвѣтовъ и всякаго размѣра, также шкапы съ траурными шляпами, мантіями и факелами. Надъ воротами возвысилась вывѣска, изображающая дороднаго Амура съ опрокинутымъ факеломъ въ рукѣ, съ подписью: «здѣсь продаются и обиваются гробы простые и крашеные, также отдаются на прокатъ и починяются старые». Дѣвушки ушли въ свою свѣтлицу, Адріанъ обошелъ свое жилище, сѣлъ у окошка и приказалъ готовить самоваръ.

Просвѣщенный читатель вѣдаетъ, что Шекспиръ и Вальтеръ Скоттъ оба представили своихъ гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностію сильнѣе поразить наше воображеніе. Изъ уваженія къ истинѣ мы не можемъ слѣдовать ихъ примѣру, и принуждены признаться, что нравъ нашего гробовщика совершенно соотвѣтствовалъ мрачному его ремеслу. Адріанъ Прохоровъ обыкновенно былъ угрюмъ и задумчивъ. Онъ разрѣшалъ молчаніе развѣ только для того, чтобъ журить своихъ дочерей, когда заставалъ ихъ безъ дѣла глазѣющихъ въ окно на прохожихъ, иль чтобъ запрашивать за свои произведенія преувеличенную цѣну у тѣхъ, которые имѣли несчастье (а иногда и удовольствіе) въ нихъ нуждаться. И такъ, Адріанъ, сидя подъ окномъ, и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновенію былъ погруженъ въ печальныя размышленія. Онъ думалъ о проливномъ дождѣ, который, за недѣлю тому назадъ, встрѣтилъ у самой заставы похороны отставнаго Бригадира. Многія мантіи отъ того съузились, многія шляпы покоробились. Онъ предвидѣлъ неминуемые расходы, ибо давній запасъ гробовыхъ нарядовъ приходилъ у него въ жалкое состояніе. Онъ надѣялся вымѣстить убытокъ на старой купчихѣ Трюхиной, которая уже около года находилась при смерти. Но Трюхина умирала на Разгулѣ, и Прохоровъ боялся, чтобъ ея наслѣдники, не смотря на свое обѣщаніе, не полѣнились послать за нимъ въ такую даль и не сторговались бы съ ближайшимъ подрядчикомъ.

Сіи размышленія были прерваны нечаянно тремя фран-масонскими ударами въ

ГРОБОВЩИКЪ УГОЩАЕТЪ ЧАЕМЪ НѢМЦА САПОЖНИКА.
Рисунокъ Пушкина (Румянц. Музей, тетрадь № 2379).

дверь. «Кто тамъ?» спросилъ гробовщикъ. Дверь отворилась, и человѣкъ, въ которомъ съ перваго взгляду можно было узнать Нѣмца ремесленника, вошелъ въ комнату и съ веселымъ видомъ приблизился къ гробовщику. «Извините, любезный сосѣдъ», сказалъ онъ тѣмъ Русскимъ нарѣчіемъ, которое мы безъ смѣха донынѣ слышать не можемъ, «извините, что я вамъ помѣшалъ... я желалъ поскорѣе съ вами познакомиться. Я сапожникъ, имя мое Готлибъ Шульцъ, и живу отъ васъ черезъ улицу, въ этомъ домикѣ, что противъ вашихъ окошекъ.—Завтра праздную мою серебряную свадьбу, и я прошу васъ и вашихъ дочекъ отобѣдать у меня попріятельски». — Приглашеніе было благосклонно принято. Гробовщикъ просилъ сапожника садиться и выкушать чашку чаю, и благодаря открытому нраву Готлиба Шульца, вскорѣ они разговорились дружелюбно. «Каково торгуетъ ваша милость?» спросилъ Адріанъ. — «Э хе хе», отвѣчалъ Шульцъ: «и такъ и сякъ. Пожаловаться не могу. Хоть конечно мой товаръ не то, что вашъ: живой безъ сапогъ обойдется, а мертвый безъ гроба не живетъ».—«Сущая правда», замѣтилъ Адріанъ; «однакожъ, если живому не на что купить сапогъ, то, не прогнѣвайся, ходитъ онъ и босой; а нищій мертвецъ и даромъ беретъ себѣ гробъ». Такимъ образомъ бесѣда продолжалась у нихъ еще нѣсколько времени: наконецъ сапожникъ всталъ и простился съ гробовщикомъ, возобновляя свое приглашеніе.

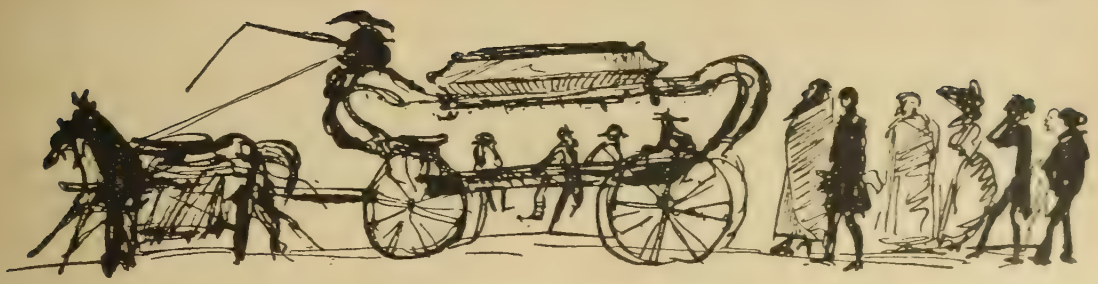
На другой день, ровно въ двѣнадцать часовъ, гробовщикъ и его дочери вышли изъ калитки новокупленнаго дома, и отправились къ сосѣду. Не стану описывать ни Русскаго кафтана Адріана Прохорова, ни Европейскаго наряда Акулины и Дарьи, отступая въ семъ случаѣ отъ обычая, принятого нынѣшними Романистами. По-

лагаю, однакожъ, не излишнимъ замѣтить, что обѣ дѣвицы надѣли желтыя шляпки и красные башмаки, что бывало у нихъ только въ торжественные случаи.

Тѣсная квартирка сапожника была наполнена гостями, большею частію Нѣмцами ремесленниками, съ ихъ женами и подмастерьями. Изъ Русскихъ чиновниковъ былъ одинъ будочникъ, Чухонецъ Юрко, умѣвшій пріобрѣсти, не смотря на свое смиренное званіе, особенную благосклонность хозяина. Лѣтъ двадцать пять служилъ онъ въ семъ званіи вѣрой и правдою, какъ почталіонъ Погорѣльскаго. Пожаръ двѣнадцатаго года, уничтоживъ первопрестольную столицу, истребилъ и его желтую будку. Но тотчасъ, по изгнаніи врага, на ея мѣстѣ явилась новая, сѣренькая съ бѣлыми колонками Дорическаго ордена, и Юрко сталъ опять расхаживать около нея *съ ськирой и въ бронь сермяжной*. Онъ былъ знакомъ большей части Нѣмцевъ, живущихъ около Никитскихъ воротъ: инымъ изъ нихъ случалось даже ночевать у Юрки съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Адріанъ тотчасъ познакомился съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ рано или поздно можетъ случиться имѣть нужду, и какъ гости пошли за столъ, то они сѣли вмѣстѣ. Господинъ и Госпожа Шульцъ и дочка ихъ, семнадцатилѣтняя Лотхенъ, обѣдая съ гостями всѣ вмѣстѣ, угощали и помогали кухаркѣ служить. Пиво лилось. Юрко ѣлъ за четверыхъ; Адріанъ ему не уступалъ; дочери его чинились; разговоръ на Нѣмецкомъ языкѣ часъ отъ часу дѣлался шумнѣе. Вдругъ хозяинъ потребовалъ вниманія, и откупоривая засмоленную бутылку, громко произнесъ по-русски: «за здоровье моей доброй Луизы!» Полушампанское запѣнилось. Хозяинъ нѣжно поцаловалъ свѣжее лицо сорокалѣтней своей подруги, и гости шумно выпили за здоровье доброй Луизы. «За здоровье любезныхъ гостей моихъ!» провозгласилъ хозяинъ, откупоривая вторую бутылку—и гости благодарили его, осушая вновь свои рюмки. Тутъ начали здоровья слѣдовать одно за другимъ: пили здоровье каждаго гостя особливо, пили здоровье Москвы и цѣлой дюжины Германскихъ городковъ, пили здоровье всѣхъ цѣховъ вообще и каждаго въ особенности, пили здоровье мастеровъ и подмастерьевъ. Адріанъ пилъ съ усердіемъ, и до того развеселился, что самъ предложилъ какой-то шутливый тостъ. Вдругъ одинъ изъ гостей, толстой булочникъ, поднялъ рюмку и воскликнулъ: «За здоровье тѣхъ, на которыхъ мы работаемъ, unserer Kundleute!» Предложеніе, какъ и всѣ, было принято радостно и единодушно. Гости начали другъ другу кланяться, портной сапожнику, сапожникъ портному, будочникъ имъ обоимъ, всѣ булочнику, и такъ далѣе. Юрко, посреди сихъ взаимныхъ поклоновъ, закричалъ, обратясь къ своему сосѣду: «Что же? пей, батюшка, за здоровье своихъ мертвецовъ!» Всѣ захохотали, но гробовщикъ почелъ себя обиженнымъ и нахмурился. Никто того не замѣтилъ, гости продолжали пить, и уже благовѣстили къ вечернѣ, когда встали изъ за стола.

Гости разошлись поздно, и по большей части навеселѣ. Толстой булочникъ и переплетчикъ, коего лицо казалось въ красненькомъ сафьянномъ переплетѣ, подруки отвели Юрку въ его будку, наблюдая, въ семъ случаѣ, Русскую пословицу: долгъ платежемъ красенъ. Гробовщикъ пришелъ домой пьянъ и сердитъ. «Чтожъ это, въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ онъ вслухъ, чѣмъ ремесло мое нечестнѣе прочихъ? развѣ гробовщикъ братъ палачу? чему смѣются басурмане? развѣ гробовщикъ гаэръ святочный? Хотѣлось было мнѣ ихъ на новоселье, задать имъ пиръ горой; инъ не бывать же тому! А созову я тѣхъ, на которыхъ работаю: мертвецовъ православныхъ.»—«Что ты батюшка?» сказала работница, которая въ это время разувала его: «что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мертвыхъ на новоселье! Экая страсть!»—«Ей-Богу, созову,» продолжалъ Адріанъ; и на завтрашній же день. Милости просимъ, мои благодѣтели, завтра вечеромъ у меня попировать; угощу, чѣмъ Богъ послалъ». Съ этимъ словомъ гробовщикъ отправился на кровать и вскорѣ захрапѣлъ.

На дворѣ было еще темно, какъ Адріана разбудили. Купчиха Трюхина скончалась въ эту самую ночь, и нарочный, отъ ея прикащика, прискакалъ къ Адріану верхомъ съ этимъ извѣстіемъ. Гробовщикъ далъ ему за то гривенникъ на водку, одѣлся на скоро, взялъ извощика и поѣхалъ на Разгуляй. У воротъ покойницы уже стояла полиція и расхаживали купцы, какъ вороны, почуя мертвое тѣло. Покойница лежала на столѣ, желтая какъ воскъ, но еще необезображенная тлѣніемъ. Около нея тѣснились родственники, сосѣды и домашніе. Всѣ окна были открыты; свѣчи горѣли; священники читали молитвы.—



ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССІЯ.

Рисунокъ Пушкина.

(Воспроизводится здѣсь впервые, по тетради Рум. Музея, № 2379).

Адріанъ подошелъ къ плямяннику Трюхиной, молодому купчику въ модномъ сертукѣ, объявляя ему, что гробъ, свѣчи, покровъ и другія похоронныя принадлежности тотчасъ будутъ ему доставлены во всей исправности. Наслѣдникъ благодарилъ его разсѣянно, сказавъ, что о цѣнѣ онъ не торгуется, а во всемъ полагается на его совѣсть. Гробовщикъ, по обыкновенію своему, побожился, что лишняго не возьметъ; значительнымъ взглядомъ обмѣнялся съ прикащикомъ, и поѣхалъ хлопотать. Цѣлый день разъѣзжалъ съ Разгуляя къ Никитскимъ воротамъ и обратно; къ вечеру все сладилъ, и пошелъ домой пѣшкомъ, отпустивъ своего извощика. Ночь была лунная. Гробовщикъ благополучно дошелъ до Никитскихъ воротъ. У Вознесенія окликалъ его знакомецъ нашъ Юрко, и узнавъ гробовщика, пожелалъ ему доброй ночи.— Было поздно. Гробовщикъ подходилъ уже къ своему дому; какъ вдругъ показалось ему, что кто-то подошелъ къ его воротамъ, отворилъ калитку и въ нее скрылся. «Что бы это значило? подумалъ Адріанъ. Кому опять до меня нужда? Ужъ не воръ ли ко мнѣ забрался? Не ходятъ ли любовники къ моимъ дурамъ? Чего добраго!» И гробовщикъ думалъ уже кликнуть себѣ на помощь пріятеля своего Юрку. Въ эту минуту кто-то еще приблизился къ калиткѣ и собирался войти, но увидя бѣгущаго хозяина, остановился и снялъ треугольную шляпу. Адріану лице его показалось знакомо, но второпяхъ не успѣлъ онъ порядочно его разглядѣть. «Вы пожаловали ко мнѣ», сказалъ запыхавшись Адріанъ; «войдите же, сдѣлайте милость.»—«Не церемонься, батюшка», отвѣчалъ тотъ глухо; «ступай себѣ впередъ; указывай гостямъ дорогу!» Адріану и некогда было церемониться. Калитка была отперта, онъ пошелъ на лѣстницу, и тотъ за нимъ. Адріану показалось, что по комнатамъ его ходятъ люди. «Что за дьявольщина!» подумалъ онъ, и спѣшилъ войти... тутъ ноги его подкосились. Комната полна была мертвецами. Луна сквозь окна освѣщала ихъ желтыя и синія лица, ввалившіеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшіеся носы... Адріанъ съ ужасомъ узналъ въ нихъ людей, погребенныхъ его стараніями, и въ гостѣ, съ нимъ вмѣстѣ вошедшемъ, Бригадира, похороненнаго во время проливнаго дождя. Всѣ они, дамы и мущины, окружили гробовщика съ поклонами и привѣтствіями, кромѣ одного бѣдняка, недавно даромъ похороненнаго, который, совѣстясь и стыдясь своего рубища, не приближался, и стоялъ смиренно въ углу. Прочіе всѣ одѣты были благопристойно: покойницы въ чепцахъ и лентахъ, мертвецы чиновные въ мундирахъ, но съ бородами небритыми, купцы въ праздничныхъ кафтанахъ. «Видишь ли, Прохоровъ», сказалъ Бригадиръ отъ имени всей честной компаніи; «всѣ мы поднялись на твое приглашеніе; остались дома только тѣ, которымъ уже не въ мочь, которые совсѣмъ развалились, да у кого остались однѣ кости безъ кожи, но и тутъ одинъ не утерпѣлъ—такъ хотѣлось ему побывать у тебя...» Въ эту минуту, маленькой скелетъ пробрался сквозь толпу, и приблизился къ Адріану. Черепъ его ласково улыбался гробовщику. Клочки свѣтлозеленаго и краснаго сукна и ветхой холстины кой-гдѣ висѣли на немъ, какъ на шестѣ, а кости ногъ бились въ большихъ ботфортахъ, какъ пестики въ ступахъ. «Ты не узналъ меня, Прохоровъ,»

сказалъ скелетъ. «Помнишь ли отставнаго сержанта гвардіи Петра Петровича Курилкина, того самаго, которому, въ 1799 году, ты продалъ первый свой гробъ—и еще сосновый за дубовый?» Съ симъ словомъ мертвецъ простеръ ему костяныя объятія— но Андріанъ, собравшись съ силами, закричалъ, и оттолкнулъ его. Петръ Петровичъ пошатнулся, упалъ и весь разсыпался. Между мертвецами поднялся ропотъ негодованія; всѣ вступились за честь своего товарища, пристали къ Адріану съ бранью и угрозами, и бѣдный хозяинъ, оглушенный ихъ крикомъ, и почти задавленный, потерялъ присутствіе духа, самъ упалъ на кости отставнаго сержанта гвардіи и лишился чувствъ.

Солнце давно уже освѣщало постелю, на которой лежалъ гробовщикъ. Наконецъ, открылъ онъ глаза и увидѣлъ передъ собою работницу, раздувающую самоваръ. Съ ужасомъ вспомнилъ Адріанъ всѣ вчерашнія происшествія. Трюхина, Бригадиръ и сержантъ Курилкинъ смутно представились его воображенію. Онъ молча ожидалъ, чтобъ работница начала съ нимъ разговоръ, и объявила о послѣдствіяхъ ночныхъ приключеній.—

«Какъ ты заспался, батюшка, Адріанъ Прохоровичъ,» сказала Аксинья, подавая ему халатъ. «Къ тебѣ заходилъ сосѣдъ портной, и здѣшній будочникъ забѣгалъ съ объявленіемъ, что сегодня Частный имянинникъ, да ты изволилъ почивать, и мы не хотѣли тебя разбудить».

— А приходили ко мнѣ отъ покойницы Трюхиной?»

«Покойницы? Да развѣ она умерла?»

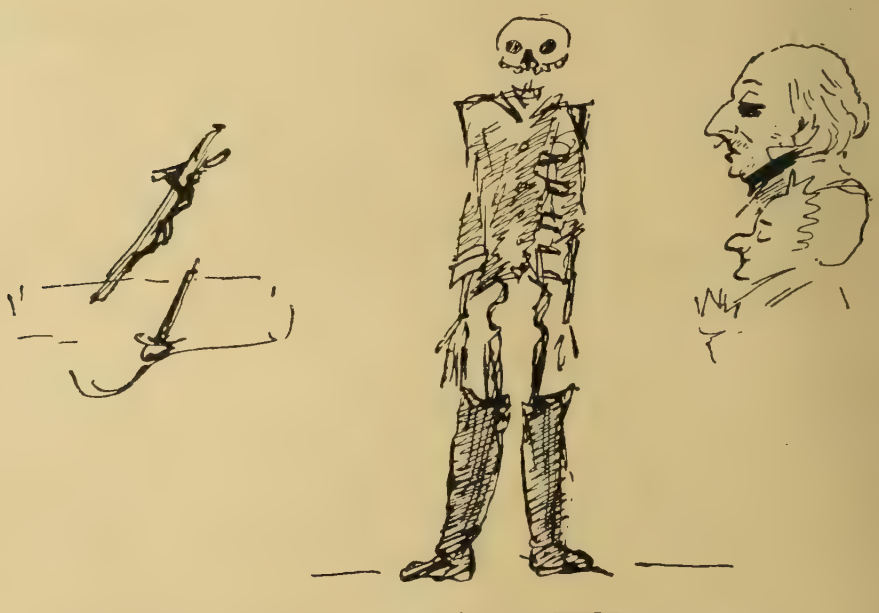
— «Эка дура! Да не ты ли пособляла мнѣ вчера улаживать ея похороны?»

«Что ты, батюшка, не съ ума ли спятилъ, али хмѣль вчерашній еще у тя не прошелъ? Какіе были вчера похороны? Ты цѣлый день пировалъ у Нѣмца, воротился пьянъ, завалился въ постелю, да и спалъ до сего часа, какъ ужъ къ обѣднѣ отблаговѣстили.»

— «Ой ли!» сказалъ обрадованный гробовщикъ.

«Вѣстимо такъ,» отвѣчала работница.

— «Ну, коли такъ, давай скорѣе чаю, да позови дочерей.»



РИСУНКИ ПУШКИНА ВЪ РУКОПИСИ «ГРОБОВЩИКА».

(Распятіе и свѣча, покойникъ, покойница въ чепцѣ, скелетъ въ ботфортахъ очевидно, сержантъ Курилкинъ).

Воспроизводятся здѣсь впервые по рукописи Румянц. Музея № 2379.

Станціонный Смотритель.

Коллежскій Регистраторъ
Почтовой станціи диктаторъ.

Князь Вяземскій.

Кто не проклиналъ станціонныхъ смотрителей, кто съ ними не бранивался? Кто, въ минуту гнѣва, не требовалъ отъ нихъ роковой книги, дабы вписать въ оную свою безполезную жалобу на притѣсненіе, грубость и неисправность? Кто не почитаетъ ихъ извергами человѣческаго рода, равными покойнымъ подъячимъ или по крайней мѣрѣ, Муромскимъ разбойникамъ? Будемъ однако справедливы, постараемся войти въ ихъ положеніе, и можетъ быть, станемъ судить объ нихъ гораздо снисходительнѣе. Что такое станціонный смотритель? Сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ, и то не всегда (ссылаюсь на совѣсть моихъ читателей). Какова должность сего диктатора, какъ называетъ его шутливо Князь Вяземскій? Не настоящая ли каторга? Покоя ни днемъ, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной ѣзды, путешественникъ вымѣщаетъ на смотрителѣ. Погода несносная, дорога скверная, ямщикъ упрямый, лошади не везутъ—а виноватъ смотритель. Входя въ бѣдное его жилище, проѣзжающій смотритъ на него, какъ на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться отъ непрошенаго гостя; но если не случится лошадей?... Боже! какія ругательства, какія угрозы посыплются на его голову! Въ дождь и слякоть принужденъ онъ бѣгать по дворамъ; въ бурю, въ Крещенскій морозъ уходитъ онъ въ сѣни, чтобъ только на минуту отдохнуть отъ крика и толчковъ раздраженнаго постояльца. Пріѣзжаетъ Генералъ; дрожащій смотритель отдаетъ ему двѣ послѣднія тройки, въ томъ числѣ курьерскую. Генералъ ѣдетъ, не сказавъ ему спасибо. Черезъ пять минутъ—колокольчикъ!... и фельдъегерь бросаетъ ему на столъ свою подорожную!... Вникнемъ во все это хорошенько, и вмѣсто негодованія, сердце наше исполнится искреннимъ состраданіемъ. Еще нѣсколько словъ: въ теченіи двадцати лѣтъ сряду, изъѣздилъ я Россію по всѣмъ направленіямъ; почти всѣ почтовые тракты мнѣ извѣстны; нѣсколько поколѣній ямщиковъ мнѣ знакомы; рѣдкаго смотрителя я не знаю въ лицо, съ рѣдкимъ не имѣлъ я дѣла; любопытный запасъ путевыхъ моихъ наблюденій надѣюсь издать въ непродолжительномъ времени; покамѣстъ скажу только, что сословіе станціонныхъ смотрителей представлено общему мнѣнію въ самомъ ложномъ видѣ. Сіи столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, отъ природы услужливые, склонные къ общежитію, скромные въ притязаніяхъ на почести и не слишкомъ сребролюбивые. Изъ ихъ разговоровъ (коими некстати пренебрегаютъ господа проѣзжающіе) можно почерпнуть много любопытнаго и поучительнаго. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю ихъ бесѣду рѣчамъ какого нибудь чиновника 6-го класса, слѣдующаго по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня пріятели изъ почтеннаго сословія смотрителей. Въ самомъ дѣлѣ, память одного изъ нихъ мнѣ драгоцѣнна. Обстоятельства нѣкогда сблизили насъ, и объ немъ-то намѣренъ я теперь побесѣдовать съ любезными читателями.

Въ 1816 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, случилось мнѣ проѣзжать черезъ ***скую губернію, по тракту, нынѣ уничтоженному. Находился я въ мелкомъ чинѣ, ѣхалъ на перекладныхъ, и платилъ прогоны за двѣ лошади. Въ слѣдствіе сего смотрители со мною не церемонились, и часто бивалъ я

съ бою то, что во мнѣніи моемъ, слѣдовало мнѣ по праву. Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрителя, когда сей послѣдній отдавалъ приготовленную мнѣ тройку подъ коляску чиновнаго барина. Столь же долго не могъ я привыкнуть и къ тому, чтобъ разборчивый холопъ обносилъ меня блюдомъ на Губернаторскомъ обѣдѣ. Нынѣ то и другое кажется мнѣ въ порядкѣ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, если бы вмѣсто общеудобнаго правила: *чинъ чина почитай*, ввелось въ употребленіе другое, на примѣръ: *умъ ума почитай?* Какіе возникли бы споры! и слуги съ кого бы начинали кушанье подавать? Но обращаюсь къ моей повѣсти.

День былъ жаркій. Въ трехъ верстахъ отъ станціи *** стало накрапывать, и черезъ минуту проливной дождь вымочилъ меня до послѣдней нитки. По пріѣздѣ на станцію, первая забота была поскорѣе переодѣться, вторая спросить себѣ чаю. «Эй, Дуня!» закричалъ смотритель: «поставь самоваръ, да сходи за сливками». При сихъ словахъ вышла изъ-за перегородки дѣвочка лѣтъ четырнадцати и побѣжала въ сѣни. Красота ея меня поразила. «Это твоя дочка?» спросилъ я смотрителя.—«Дочка-съ,» отвѣчалъ онъ съ видомъ довольнаго самолюбія; «да такая разумная, такая проворная, вся въ покойницу мать.» Тутъ овъ принялся переписывать мою подорожную, а я занялся разсмотрѣніемъ картинокъ, украшавшихъ его смиренную, но опрятную обитель. Онѣ изображали исторію блуднаго сына: въ первой почтенный старикъ въ колпакѣ и шлафрокѣ отпускаетъ безпокойнаго юношу, который поспѣшно принимаетъ его благословеніе и мѣшокъ съ деньгами. Въ другой яркими чертами изображено развратное поведеніе молодого человѣка: онъ сидитъ за столомъ, окруженный ложными друзьями и безстыдными женщинами. Далѣе, промотавшійся юноша, въ рубищѣ и въ треугольной шляпѣ, пасетъ свиней и раздѣляетъ съ ними трапезу; въ его лицѣ изображены глубокая печаль и раскаяніе. Наконецъ представлено возвращеніе его къ отцу; добрый старикъ въ томъ же колпакѣ и шлафрокѣ выбѣгаетъ къ нему навстрѣчу: блудный сынъ стоитъ на колѣнахъ; въ перспективѣ поваръ убиваетъ упитаннаго тельца, и старшій братъ вопрошаетъ слугъ о причинѣ таковой радости. Подъ каждой картинкой прочелъ я приличные Нѣмецкіе стихи. Все это донынѣ сохранилось въ моей памяти, также какъ и горшки съ бальзаминомъ и кровать съ пестрой занавѣскою, и прочіе предметы, меня въ то время окружавшіе. Вижу, какъ теперь, самаго хозяина, человѣка лѣтъ пятидесяти, свѣжаго и бодраго и его длинный зеленый сертукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Не успѣлъ я расплатиться со старымъ моимъ ямщикомъ, какъ Дуня возвратилась съ самоваромъ. Маленькая кокетка со втораго взгляда замѣтила впечатлѣніе, произведенное ею на меня; она потупила большіе голубые глаза; я сталъ съ нею разговаривать, она отвѣчала мнѣ безо всякой робости, какъ дѣвушка, видѣвшая свѣтъ. Я предложилъ отцу ея стаканъ пуншу; Дунѣ подалъ я чашку чаю, и мы втроемъ начали бесѣдовать, какъ будто вѣкъ были знакомы.

Лошади были давно готовы, а мнѣ все не хотѣлось разстаться съ смотрителемъ и его дочкой. Наконецъ я съ ними простился; отецъ пожелалъ мнѣ добраго пути, а дочь проводила до телеги. Въ сѣняхъ я остановился и просилъ у ней позволенія ее поцаловать; Дуня согласилась... Много могу я нащитать поцалуевъ

Съ тѣхъ поръ, какъ этимъ занимаюсь,

но ни одинъ не оставилъ во мнѣ столь долгаго, столь пріятнаго воспоминанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и обстоятельства привели меня на тотъ самый трактъ, въ тѣ самыя мѣста. Я вспомнилъ дочь стараго смотрителя и обрадовался примысли, что увижу ее снова. Но, подумалъ я, старый смотритель, можетъ быть, уже смѣненъ; вѣроятно Дуня уже замужемъ. Мысль о смерти того или другаго также мелькнула въ умѣ моемъ, и я приближался къ станціи *** съ печальнымъ предчувствіемъ. Лошади стали у почтоваго домика. Вошедъ въ комнату, я тотчасъ узналъ картинки, изображающія исторію блуднаго сына; столъ и кровать стояли на прежнихъ мѣстахъ; но на окнахъ уже не было цвѣтовъ, и все кругомъ показывало ветхость и небреженіе. Смотритель спалъ подъ тулупомъ; мой пріѣздъ разбудилъ его; онъ привсталъ... Это былъ точно Симеонъ Выринъ; но какъ онъ постарѣлъ! Покамѣстъ собирался онъ переписать мою подорожную, я смотрѣлъ на его сѣдину, на глубокія морщины давно небритаго лица, на сгорбленную спину— и не могъ надивиться, какъ три или четыре года могли превратить бодраго мущину въ хилаго старика. «Узналъ ли ты меня?» спросилъ я его; «мы съ тобою старые знакомые.»—«Можетъ статься,» отвѣчалъ

онъ угрюмо; «здѣсь дорога большая; много проѣзжихъ у меня перебывало.»—«Здорова ли твоя Дуня?» продолжалъ я. Старикъ нахмурился. «А Богъ ее знаетъ,» отвѣчалъ онъ.—«Такъ видно она замужемъ?» сказалъ я. Старикъ притворился, будто бы не слыхалъ моего вопроса, и продолжалъ пошептомъ читать мою подорожную. Я прекратилъ свои вопросы и велѣлъ поставить чайникъ. Любопытство начинало меня безпокоить, и я надѣялся, что пуншъ разрѣшитъ языкъ моего стараго знакомца.

Я не ошибся: старикъ не отказался отъ предлагаемаго стакана. Я замѣтилъ, что ромъ прояснилъ его угрюмость. На второмъ стаканѣ сдѣлался онъ разговорчивъ; вспомнилъ, или показалъ видъ, будто бы вспомнилъ меня, и я узналъ отъ него повѣсть, которая въ то время сильно меня заняла и тронула.

«Такъ вы знали мою Дуню?» началъ онъ. «Кто же и не зналъ ея? Ахъ, Дуня, Дуня! Что за дѣвка то была! Бывало, кто ни проѣдетъ, всякой похвалитъ, никто не домъ держался; что прибрать, что приготовить, за всѣмъ успѣвала. А я то, старый дуракъ, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; ужъ я ли не любилъ моей Дуни, я ль не лелѣялъ моего дитяти; ужъ ей ли не было житье? Да нѣтъ, отъ бѣды не отбожиться; что суждено, тому не миновать.» Тутъ онъ сталъ подробно разсказывать мнѣ свое горе.

— Три года тому назадъ, однажды, въ зимній вечеръ, когда смотритель разлиневывалъ новую книгу, и дочь его за перегородкой шила себѣ платье, тройка подъѣхала, и проѣзжій въ Черкесской шапкѣ, въ военной шинели, окутанный шалью, вошелъ въ комнату, требуя лошадей. Лошади всѣ были въ разгонѣ. При семъ извѣстіи, путешественникъ возвысилъ-было голосъ и нагайку; но Дуня, привыкшая къ таковымъ сценамъ, выбѣжала изъ-за перегородки и ласково обратилась къ проѣзжему съ вопросомъ: не угодно ли будетъ ему чего нибудь покушать? Появленіе Дуни произвело обыкновенное свое дѣйствіе. Гнѣвъ проѣзжаго прошелъ; онъ согласился

ТРОЙКА.

Литографія Орловскаго.

осудитъ. Барыни дарили ее, та платочкомъ, та сережками. Господа проѣзжіе нарочно останавливались, будто бы пообѣдать, аль отужинать, а въ самомъ дѣлѣ, только, чтобъ на нее подолѣе поглядѣть. Бывало баринъ, какой бы сердитый ни былъ, при ней утихаетъ и милостиво со мною разговариваетъ. Повѣрите ль, сударь: курьеры, фельдъ-егеря съ нею по получасу заговаривались. Ею ждать лошадей и заказалъ себѣ ужинъ. Снявъ мокрую, косматую шапку, отпутавъ шаль и сдернувъ шинель, пріѣзжій явился молодымъ, стройнымъ гусаромъ съ черными усиками. Онъ расположился у смотрителя, началъ весело разговаривать съ нимъ и съ его дочерью. Подали ужинать. Между тѣмъ лошади пришли, и смотритель приказалъ, чтобъ тотчасъ, не кормя, запрягали ихъ

въ кибитку проѣзжаго; но возвратясь, нашелъ онъ молодаго человѣка почти безъ памяти лежащаго на лавкѣ: ему сдѣлалось дурно, голова разболѣлась, не возможно было ѣхать... Какъ быть! смотритель уступилъ ему свою кровать, и положено было, если больному не будетъ легче, на другой день утромъ послать въ С *** за лѣкаремъ.

На другой день гусару стало хуже. Человѣкъ его поѣхалъ верхомъ въ городъ за лѣкаремъ. Дуня обвязала ему голову платкомъ, намоченнымъ уксусомъ, и сѣла съ своимъ шитьемъ у его кровати. Больной при смотрителѣ охалъ и не говорилъ почти ни слова, однакожь выпилъ двѣ чашки кофе, и охая заказалъ себѣ обѣдъ. Дуня отъ него не отходила. Онъ поминутно просилъ пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленнаго лимонада. Больной обмакивалъ губы, и всякой разъ, возвращая кружку, въ знакъ благодарности слабою своею рукою пожималъ Дунюшкину руку. Къ обѣду пріѣхалъ лѣкарь. Онъ пощупалъ пульсъ больного, поговорилъ съ нимъ по Нѣмецки, и по Русски объявилъ, что ему нужно одно спокойствіе, и что дня черезъ два ему можно будетъ отправиться въ дорогу. Гусаръ вручилъ ему двадцать пять рублей за визитъ, пригласилъ его отобѣдать; лѣкарь согласился; оба ѣли съ большимъ аппетитомъ, выпили бутылку вина и разстались очень довольны другъ другомъ.

Прошелъ еще день, и гусаръ совсѣмъ оживился. Онъ былъ чрезвычайно веселъ, безъ умолку шутилъ то съ Дунею, то съ смотрителемъ; насвистывалъ пѣсни, разговаривалъ съ проѣзжими, вписывалъ ихъ подорожныя въ почтовую книгу, и такъ полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему разстаться съ любезнымъ своимъ постояльцемъ. День былъ воскресный; Дуня собиралась къ обѣднѣ. Гусару подали кибитку. Онъ простился съ смотрителемъ, щедро наградивъ его за постой и угощеніе; простился съ Дунею и вызвался довезти ее до церкви, которая находилась на краю деревни. Дуня стояла въ недоумѣніи... «Чего же ты боишься?» сказалъ ей отецъ; «вѣдь Его Высокоблагородіе не волкъ и тебя не съѣстъ; прокатись-ка до церкви.» Дуня сѣла въ кибитку подлѣ гусара, слуга вскочилъ на облучокъ, ямщикъ свиснулъ, и лошади поскакали.

Бѣдный смотритель не понималъ, какимъ образомъ могъ онъ самъ позволить своей Дунѣ ѣхать вмѣстѣ съ гусаромъ, какъ нашло на него ослѣпленіе, и что тогда было съ его разумомъ. Не прошло и получаса, какъ сердце его начало ныть, ныть, и безпокойство овладѣло имъ до такой степени, что онъ не утерпѣлъ, и пошелъ самъ къ обѣднѣ. Подходя къ церкви, увидѣлъ онъ, что народъ уже разходился, но Дуни не было ни въ оградѣ, ни на паперти. Онъ поспѣшно вошелъ въ церковь: священникъ выходилъ изъ алтаря; дьячекъ гасилъ свѣчи, двѣ старушки молились еще въ углу; но Дуни въ церкви не было. Бѣдный отецъ на силу рѣшился спросить у дьячка, была ли она у обѣдни. Дьячекъ отвѣчалъ, что не бывала. Смотритель пошелъ домой ни живъ, ни мертвъ. Одна оставалась ему надежда: Дуня по вѣтренности молодыхъ лѣтъ вздумала, можетъ быть, прокатиться до слѣдующей станціи, гдѣ жила ея крестная мать. Въ мучительномъ волненіи ожидалъ онъ возвращенія тройки, на которой онъ отпустилъ ее. Ямщикъ не возвращался. Наконецъ къ вечеру пріѣхалъ онъ одинъ и хмѣленъ, съ убійственнымъ извѣстіемъ: «Дуня съ той станціи отправилась далѣе съ гусаромъ.»

Старикъ не снесъ своего несчастія; онъ тутъ же слегъ въ ту самую постель, гдѣ наканунѣ лежалъ молодой обманщикъ. Теперь смотритель, соображая всѣ обстоятельства, догадывался, что болѣзнь была притворная. Бѣднякъ занемогъ сильной горячкою; его свезли въ С*** и на его мѣсто опредѣлили навремя другаго. Тотъ же лѣкарь, который пріѣзжалъ къ гусару, лѣчилъ и его. Онъ увѣрилъ смотрителя, что молодой человѣкъ былъ совсѣмъ здоровъ, и что тогда еще догадывался онъ о его злобномъ намѣреніи, но молчалъ, опасаясь его нагайки. Правду ли говорилъ Нѣмецъ, или только желалъ похвастаться дальновидностію, но онъ ни мало тѣмъ не утѣшилъ бѣднаго больнаго. Едва оправясь отъ болѣзни, смотритель выпросилъ у С*** почтмейстера отпускъ на два мѣсяца, и не сказавъ никому ни слова о своемъ намѣреніи, пѣшкомъ отправился за своею дочерью. Изъ подорожной зналъ онъ, что Ротмистръ Минскій ѣхалъ изъ Смоленска въ Петербургъ. Ямщикъ, который везъ его, сказывалъ, что всю дорогу Дуня плакала, хотя, казалось, ѣхала по своей охотѣ. «Авось,» думалъ смотритель, «приведу я домой заблудшую овечку мою.» Съ этою мыслію прибылъ онъ въ Петербургъ, остановился въ Измайловскомъ полку, въ домѣ отставнаго унтеръ-офи-

цера, своего стараго сослуживца, и началъ свои поиски. Вскорѣ узналъ онъ, что Ротмистръ Минскій въ Петербургѣ и живетъ въ Демутовомъ трактирѣ. Смотритель рѣшился къ нему явиться.

Рано утромъ пришелъ онъ въ его переднюю, и просилъ доложить Его Высокоблагородію, что старый солдатъ проситъ съ нимъ увидѣться. Военный лакей, чистя сапогъ на колодкѣ, объявилъ, что баринъ почиваетъ, и что прежде одиннадцати часовъ не принимаетъ никого. Смотритель ушелъ, и возвратился въ назначенное время. Минскій вышелъ самъ къ нему въ халатѣ, въ красной скуфьѣ. «Что, братъ, тебѣ надобно?«спросилъ онъ его. Сердце старика закипѣло, слезы навернулись на глазахъ, и онъ дрожащимъ голосомъ произнесъ только: «Ваше Высокоблагородіе!.. сдѣлайте такую Божескую милость!..» Минскій взглянулъ на него быстро, вспыхнулъ, взялъ его за руку, повелъ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. «Ваше Высокоблагородіе!» продолжалъ старикъ, «что съ возу упало, то пропало; отдайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, бѣдную мою Дуню. Вѣдь вы натѣшились ею; не погубите ее по напрасну.»—«Что сдѣлано, того не воротишь,» сказалъ молодой человѣкъ въ крайнемъ замѣшательствѣ; «виноватъ передъ тобою, и радъ просить у тебя прощенія; но не думай, чтобъ я Дуню могъ покинуть: она будетъ счастлива, даю тебѣ честное слово. Зачѣмъ тебѣ ее? Она меня любитъ; она отвыкла отъ прежняго своего состоянія. Ни ты, ни она—вы не забудете того, что случилось.» Потомъ, сунувъ ему что-то за рукавъ, онъ отворилъ дверь, и смотритель, самъ не помня какъ, очутился на улицѣ.

ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТЪ ПУШКИНСКАГО ВРЕМЕНИ.

Долго стоялъ онъ неподвижно, наконецъ увидѣлъ за обшлагомъ своего рукавсвертокъ бумагъ; онъ вынулъ ихъ и развернулъ нѣсколько пятидесятирублевыхъ смятыхъ ассигнацій. Слезы опять навернулись на глазахъ его, слезы негодованія! Онъ сжалъ бумажки въ комокъ, бросилъ ихъ на земь, притопталъ каблукомъ, и пошелъ... Отошедъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился, подумалъ... и воротился... но ассигнацій уже не было. Хорошо одѣтый молодой человѣкъ, увидя его, подбѣжалъ

къ извощику, сѣлъ поспѣшно и закричалъ: «пошелъ!..» Смотритель за нимъ не погнался. Онъ рѣшился отправиться домой на свою станцію, но прежде хотѣлъ хоть разъ еще увидѣть бѣдную свою Дуню. Для сего, дня черезъ два, воротился онъ къ Минскому; но военный лакей сказалъ ему сурово, что баринъ никого не принимаетъ, грудью вытѣснилъ его изъ передней, и хлопнулъ двери ему подъ носъ. Смотритель постоялъ, постоялъ — да и пошелъ.

Въ этотъ день, вечеромъ, пошелъ онъ по Литейной, отслуживъ молебенъ у Всѣхъ Скорбящихъ. Вдругъ промчались передъ нимъ щегольскія дрожки, и смотритель узналъ Минскаго. Дрожки остановились передъ трех-этажнымъ домомъ у самаго подъѣзда, и гусаръ вбѣжалъ на крыльце. Счастливая мысль мелькнула въ головѣ смотрителя. Онъ воротился, и поровнявшись съ кучеромъ:—«Чья, братъ, лошадь?» спросилъ онъ, «не Минскаго ли?»—«Точно такъ», отвѣчалъ кучеръ, «а что тебѣ?»—«Да вотъ что: баринъ твой приказалъ мнѣ отнести къ его Дунѣ записочку, а я и позабудь, гдѣ Дуня-то его живетъ.»—«Да вотъ здѣсь, во второмъ этажѣ. Опоздалъ ты, братъ, съ твоей запиской; теперь ужъ онъ самъ у нее.»—«Нужды нѣтъ,» возразилъ смотритель съ неизъяснимымъ движеніемъ сердца, «спасибо, что надоумилъ, а я свое дѣло сдѣлаю.» И съ этимъ словомъ пошелъ онъ по лѣстницѣ.

Двери были заперты; онъ позвонилъ, прошло нѣсколько секундъ въ тягостномъ для него ожиданіи. Ключъ загремѣлъ, ему отворили. «Здѣсь стоитъ Авдотья Симеоновна?» спросилъ онъ. «Здѣсь,» отвѣчала молодая служанка; «за чѣмъ тебѣ ея надобно?» Смотритель, не отвѣчая, вошелъ въ залу. «Не льзя, не льзя!» закричала вслѣдъ ему служанка; у Авдотьи Симеоновны гости.» Но смотритель, не слушая, шелъ далѣе. Двѣ первыя комнаты были темны, въ третьей былъ огонь. Онъ подошелъ къ растворенной двери и остановился. Въ комнатѣ прекрасноубранной, Минскій сидѣлъ въ задумчивости. Дуня, одѣтая со всею роскошью моды, сидѣла на ручкѣ его креселъ, какъ наѣздница на своемъ Англійскомъ сѣдлѣ. Она съ нѣжностію смотрѣла на Минскаго, наматывая черные его кудри на свои сверкающіе пальцы. Бѣдный смотритель! Никогда дочь его не казалась ему столь прекрасною; онъ по неволѣ ею любовался. «Кто тамъ?» спросила она, не поднимая головы. Онъ все молчалъ. Не получая отвѣта, Дуня подняла голову... и съ крикомъ упала на коверъ. Испуганный Минскій кинулся ее поднимать, и вдругъ, увидя въ дверяхъ стараго смотрителя, оставилъ Дуню, и подошелъ къ нему, дрожа отъ гнѣва. «Чего тебѣ надобно?» сказалъ онъ ему, стиснувъ зубы; «что ты за мною всюду крадешься, какъ разбойникъ? или хочешь меня зарѣзать? Пошелъ вонъ!» и сильною рукою схвативъ старика за воротъ, вытолкнулъ его на лѣстницу.

Старикъ пришелъ къ себѣ на квартиру. Пріятель его совѣтовалъ ему жаловаться; но смотритель подумалъ, махнулъ рукой и рѣшился отступиться. Черезъ два дня отправился онъ изъ Петербурга обратно на свою станцію, и опять принялся за свою должность. «Вотъ уже третій годъ, заключилъ онъ, какъ живу я безъ Дуни, и какъ отъ ней нѣтъ ни слуху, ни духу. Жива ли, нѣтъ ли, Богъ ее вѣдаетъ. Всяко случается. Не ее первую, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ подержалъ, да и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ, сегодня въ атласѣ да бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкою. Какъ подумаешь порою, что и Дуня, можетъ быть, тутъ же пропадаетъ, такъ по неволѣ согрѣшишь, да пожелаешь ей могилы...»

Таковъ былъ разсказъ пріятеля моего, стараго смотрителя, разсказъ неоднократно прерываемый слезами, которыя живописно отиралъ онъ своею полою, какъ усердный Терентьичъ въ прекрасной балладѣ Дмитріева. Слезы сіи отчасти возбуждаемы были пуншемъ, коего вытянулъ онъ пять стакановъ въ продолженіи своего повѣствованія; но какъ бы то ни было, онѣ сильно тронули мое сердце. Съ нимъ разставшись, долго не могъ я забыть стараго смотрителя, долго думалъ я о бѣдной Дунѣ...

Недавно еще, проѣзжая черезъ мѣстечко ***, вспомнилъ я о моемъ пріятелѣ; я узналъ, что станція, надъ которой онъ начальствовалъ, уже уничтожена. На вопросъ мой: «Живъ ли мой смотритель?» никто не могъ дать мнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Я рѣшился посѣтить знакомую сторону, взялъ вольныхъ лошадей и пустился въ село Н.

Это случилось осенью. Сѣренькія тучи покрывали небо; холодный вѣтеръ дулъ съ пожатыхъ полей, унося красныя и желтыя листья со встрѣчныхъ деревьевъ. Я пріпрі-

Ѣхалъ въ село при закатѣ солнца и остановился у почтоваго домика. Въ сѣни (гдѣ нѣкогда поцаловала меня бѣдная Дуня) вышла толстая баба, и на вопросы мои отвѣчала, что старый смотритель съ годъ какъ померъ, что въ домѣ его поселился пивоваръ, а что она жена пивоварова. Мнѣ стало жаль моей напрасной поѣздки и семи рублей, издержанныхъ даромъ. — «Отъ чего жъ онъ умеръ?» спросилъ я пивоварову жену.—«Спился, батюшка», отвѣчала она.— «А гдѣ его похоронили? — «За околицей, подлѣ покойной хозяйки его». — Не льзя ли довести меня до его могилы»? — «Почему же не льзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителеву могилу».

При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

«Зналъ ты покойника?» спросилъ я его дорогой.

— «Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы-то за нимъ: «Дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!»—а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все бывало съ нами возится.

«А проѣзжіе вспоминаютъ ли его?»

— «Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ засѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ и ходила къ нему на могилу».

«Какая барыня?» спросилъ я съ любопытствомъ.

— «Прекрасная барыня,» отвѣчалъ мальчишка; «ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей, и съ черною моською; и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: «сидите смирно, а я схожу на кладбище». А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: «Я сама дорогу знаю.» И дала мнѣ пятакъ серебромъ... такая добрая барыня!..»

ДЕРЕВЕНСКАЯ КРАСАВИЦА.

Картина Венеціанова.
(1779—1847).

Мы пришли на кладбище, голое мѣсто, ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцемъ. Отроду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

«Вотъ могила стараго смотрителя», сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груду песку, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

— «И барыня приходила сюда?» спросилъ я.

— «Приходила», отвѣчалъ Ванька; «я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь, и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село, и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ — славная барыня!»

И я далъ мальчишкѣ пятачекъ, и не жалѣлъ уже ни о поѣздкѣ, ни о семи рубляхъ, мною истраченныхъ.

ДУНЯ НА МОГИЛѢ ОТЦА.
Рисунокъ Ральфа Штейна.

Барышня крестьянка

Во всѣхъ ты, Душенька нарядахъ хороша.

Богдановичъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній находилось имѣніе Ивана Петровича Берестова. Въ молодости своей служилъ онъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку въ началѣ 1797 года, уѣхалъ въ свою деревню, и съ тѣхъ поръ оттуда не выѣзжалъ. Онъ былъ женатъ на бѣдной дворянкѣ, которая умерла въ родахъ, въ то время, какъ онъ находился въ отъѣзжемъ полѣ. Хозяйственныя упражненія скоро его утѣшили. Онъ выстроилъ домъ по собственному плану, завелъ у себя суконную фабрику, устроилъ доходы и сталъ почитать себя умнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околодкѣ, въ чемъ и не прекословили ему сосѣды, пріѣзжавшіе къ нему гостить съ своими семействами и собаками. Въ будни ходилъ онъ въ плисовой куртКѣ, по праздникамъ надѣвалъ сюртукъ изъ сукна домашней работы; самъ записывалъ расходъ, и ничего не читалъ, кромѣ Сенатскихъ Вѣдомостей. Вообще его любили, хотя и почитали гордымъ. Не ладилъ съ нимъ одинъ Григорій Ивановичъ Муромскій, ближайшій его сосѣдъ. Этотъ былъ настоящій Русской баринъ. Промотавъ въ Москвѣ большую часть имѣнія своего, и на ту пору овдовѣвъ, уѣхалъ онъ въ послѣднюю свою деревню, гдѣ продолжалъ проказничать, но уже въ новомъ родѣ. Развелъ онъ Англійскій садъ, на который тратилъ почти всѣ остальные доходы. Конюхи его были одѣты Англійскими жокеями. У дочери его была Мадамъ Англичанка. Поля свои обрабатывалъ онъ по Англійской методѣ;

Но на чужой манеръ хлѣбъ Русской не родится.

и не смотря на значительное уменьшеніе расходовъ, доходы Григорья Ивановича не прибавлялись; онъ и въ деревнѣ находилъ способъ входить въ новые долги; со всѣмъ тѣмъ почитался человѣкомъ не глупымъ, ибо первый изъ помѣщиковъ своей губерніи догадался заложить имѣніе въ Опекунской Совѣтъ: оборотъ, казавшійся въ то время чрезвычайно сложнымъ и смѣлымъ. Изъ людей, осуждавшихъ его, Берестовъ отзывался строже всѣхъ. Ненависть къ нововведеніямъ была отличительная черта его характера. Онъ не могъ равнодушно говорить объ Англоманіи своего сосѣда, и поминутно находилъ случай его критиковать. Показывалъ ли гостю свои владѣнія, въ отвѣтъ на похвалы его хозяйственнымъ распоряженіямъ: «Да-съ!» говорилъ онъ съ лукавой усмѣшкою; «у меня не то, что у сосѣда Григорья Ивановича. Куда намъ по Англійски разоряться! Были бы мы по Русски хоть сыты.» Сіи и подобныя шутки, по усердію сосѣдовъ, доводимы были до свѣдѣнія Григорья Ивановича съ дополненіемъ и объясненіями. Англоманъ выносилъ критику столь же нетерпѣливо, какъ и наши журналисты. Онъ бѣсился и прозвалъ своего Зоила медвѣдемъ и провинціаломъ.

Таковы были сношенія между сими двумя владѣльцами, какъ сынъ Берестова пріѣхалъ къ нему въ деревню. Онъ былъ воспитанъ въ *** Университетѣ и намѣревался вступить въ военную службу, но отецъ на то не соглашался. Къ статской службѣ молодой человѣкъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Они другъ другу не уступали, и молодой Алексѣй сталъ жить покамѣстъ бариномъ, отпустивъ усы на всякой случай.

Алексѣй былъ, въ самомъ дѣлѣ, молодецъ. Право было бы жаль, если бы его стройнаго стана никогда не стягивалъ военный мундиръ, и если бы онъ вмѣсто того,

чтобъ рисоваться на конѣ, провелъ свою молодость, согнувшись надъ канцелярскими бумагами. Смотря, какъ онъ на охотѣ скакалъ всегда первый, не разбирая дороги, сосѣды говорили согласно, что изъ него никогда не выйдетъ путнаго столоначальника. Барышни поглядывали на него, а иногда и заглядывались; но Алексѣй мало ими занимался, а онѣ причиной его нечувствительности полагали любовную связь. Въ самомъ дѣлѣ, ходилъ по рукамъ списокъ съ адреса одного изъ его писемъ: *Акулинѣ Петровнѣ Курочкиной, въ Москвѣ, напротивъ Алексѣевскаго монастыря, въ домѣ мѣдника Савельева, а васъ покорнѣйше прошу доставить письмо сіе А. Н. Р.*

Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и жизни почерпаютъ изъ книжекъ. Уединеніе, свобода и чтеніе рано въ нихъ развиваютъ чувства и страсти, неизвѣстныя разсѣяннымъ нашимъ красавицамъ. Для барышни звонъ колокольчика есть уже приключеніе, поѣздка въ ближній городъ полагается эпохою въ жизни, и посѣщеніе гостя оставляетъ долгое, иногда и вѣчное воспоминаніе. Конечно всякому вольно смѣяться надъ нѣкоторыми ихъ странностями; но шутки поверхностнаго наблюдателя не могутъ уничтожить ихъ существенныхъ достоинствъ, изъ коихъ главное: *особенность характера, самобытность* (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ и человѣческаго величія. Въ столицахъ женщины получаютъ, можетъ быть, лучшее образованіе; но навыкъ свѣта скоро сглаживаетъ характеръ и дѣлаетъ души столь же однообразными, какъ и головные уборы. Сіе да будетъ сказано не въ судъ и не во осужденіе, однакожъ Nota nostra manet, какъ пишетъ одинъ старинный комментаторъ.

Легко вообразить, какое впечатлѣніе Алексѣй долженъ былъ произвести въ кругу нашихъ барышень. Онъ первый передъ ними являлся мрачнымъ и разочарованнымъ; первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи. Барышни сходили по немъ съ ума.

Но всѣхъ болѣе занята была имъ дочь Англомана моего, Лиза (или Бетси, какъ звалъ ее обыкновенно Григорій Ивановичъ). Отцы другъ ко другу не ѣздили, она Алексѣя еще не видала, между тѣмъ, какъ всѣ молодыя сосѣдки только объ немъ и говорили. Ей было семнадцать лѣтъ. Черные глаза оживляли ея смуглое и очень пріятное лицо. Она была единственное и слѣдственно балованное дитя. Ея рѣзвость и поминутныя проказы восхищали отца и приводили въ отчаяніе ея мадамъ, Миссъ Жаксонъ, сорокалѣтнюю чопорную дѣвицу, которая бѣлилась и сурмила себѣ брови, два раза въ годъ перечитывала Памелу, получала за то двѣ тысячи рублей, и умирала со скуки въ этой варварской Россіи.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же вѣтрена, какъ и ея барышня. Лиза очень любила ее, открывала ей всѣ свои тайны, вмѣстѣ съ нею обдумывала свои затѣи, словомъ, Настя была въ селѣ Прилучинѣ лицемъ гораздо болѣе значительныхъ, нежели любая наперсница во Французской трагедіи.

«Позвольте мнѣ сего дня пойти въ гости» сказала однажды Настя, одѣвая барышню.

— «Изволь; а куда?»

«Въ Тугилово, къ Берестовымъ. Поварова жена у нихъ имянинница, и вчера приходила звать насъ отобѣдать.»

— «Вотъ!» сказала Лиза, «господа въ ссорѣ, а слуги другъ друга угощаютъ.»

«А намъ какое дѣло до господъ!» возразила Настя; «къ тому же, я ваша, а не папенькина. Вы вѣдь не бранились еще съ молодымъ Берестовымъ; а старики пускай себѣ дерутся, коли имъ это весело.»

— Постарайся, Настя, увидѣть Алексѣя Берестова, да раскажи мнѣ хорошенько, каковъ онъ собою и что онъ за человѣкъ.»

Настя обѣщалась, а Лиза съ нетерпѣніемъ ожидала цѣлый день ея возвращенія. Вечеромъ Настя явилась. «Ну, Лизавета Григорьевна,» сказала она, входя въ комнату, «видѣла молодаго Берестова; наглядѣлась довольно; цѣлый день были вмѣстѣ.»

— «Какъ это? Раскажи, раскажи попорядку.»

«Извольте-съ: пошли мы, я, Анисья Егоровна, Ненила, Дунька...»

— «Хорошо, знаю. Ну, потомъ.»

«Позвольте-съ, раскажу все попорядку, Вотъ пришли мы къ самому обѣду. Комната полна была народу. Были Колбинскія, Захарьевскія, прикащица съ дочерьми, Хлупинскія»...

— «Ну! а Берестовъ?»

«Погодите-съ. Вотъ мы сѣли за столъ, прикащица на первомъ мѣстѣ, я подлѣ нея... а дочери и надулись, да мнѣ наплевать на нихъ...»

— «Ахъ, Настя, какъ ты скучна съ вѣчными своими подробностями!»

«Да какъ же вы нетерпѣливы! Ну вотъ вышли мы изъ за стола... а сидѣли мы часа три и обѣдъ былъ славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое... Вотъ вышли мы изъ за стола, и пошли въ садъ играть въ горѣлки, а молодой баринъ тутъ и явился.»

— «Ну чтожъ? Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою?»

«Удивительно хорошъ; красавецъ, можно сказать. Стройный, высокій, румянецъ во всю щеку...»

— «Право? А я такъ думала, что у него лицо блѣдное. Что же? Каковъ онъ тебѣ показался? Печаленъ, задумчивъ?»

«Что вы? Да этакаго бѣшенаго я и сроду не видывала. Вздумалъ онъ съ нами въ горѣлки бѣгать.»

— «Съ вами въ горѣлки бѣгать! Невозможно.»

«Очень возможно. Да что еще выдумалъ! Поймаетъ, и ну цаловать!»

— «Воля твоя, Настя, ты врешь.»

«Воля ваша, не вру. Я насилу отъ него отдѣлалась. Цѣлый день съ нами такъ и провозился.»

— «Да какъ же, говорятъ, онъ влюбленъ и ни на кого не смотритъ?»

«Не знаю-съ, а на меня такъ ужъ слишкомъ смотрѣлъ да и на Таню, прикащикову дочь, тоже; да и на Пашу Колбинскую, да грѣхъ сказать, никого не обидѣлъ, такой баловникъ!»

— «Это удивительно! А что въ домѣ про него слышно?»

«Баринъ, сказываютъ, прекрасный: такой добрый, такой веселый. Одно не хорошо: за дѣвушками слишкомъ любитъ гоняться. Да, по мнѣ, это еще не бѣда: со временемъ остепенится.»

— «Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть!» сказала Лиза со вздохомъ.

«Да что же тутъ мудренаго? Тугилово отъ насъ не далеко, всего три версты: поди те гулять въ ту сторону, или поѣзжайте верхомъ; вы вѣрно встрѣтите его. Онъ же всякой день, рано поутру, ходитъ съ ружьемъ на охоту».

— «Да нѣтъ, нехорошо. Онъ можетъ подумать, что я за нимъ гоняюсь. Къ тому же отцы наши въ ссорѣ, такъ и мнѣ все же не льзя будетъ съ нимъ познакомиться. Ахъ, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!»

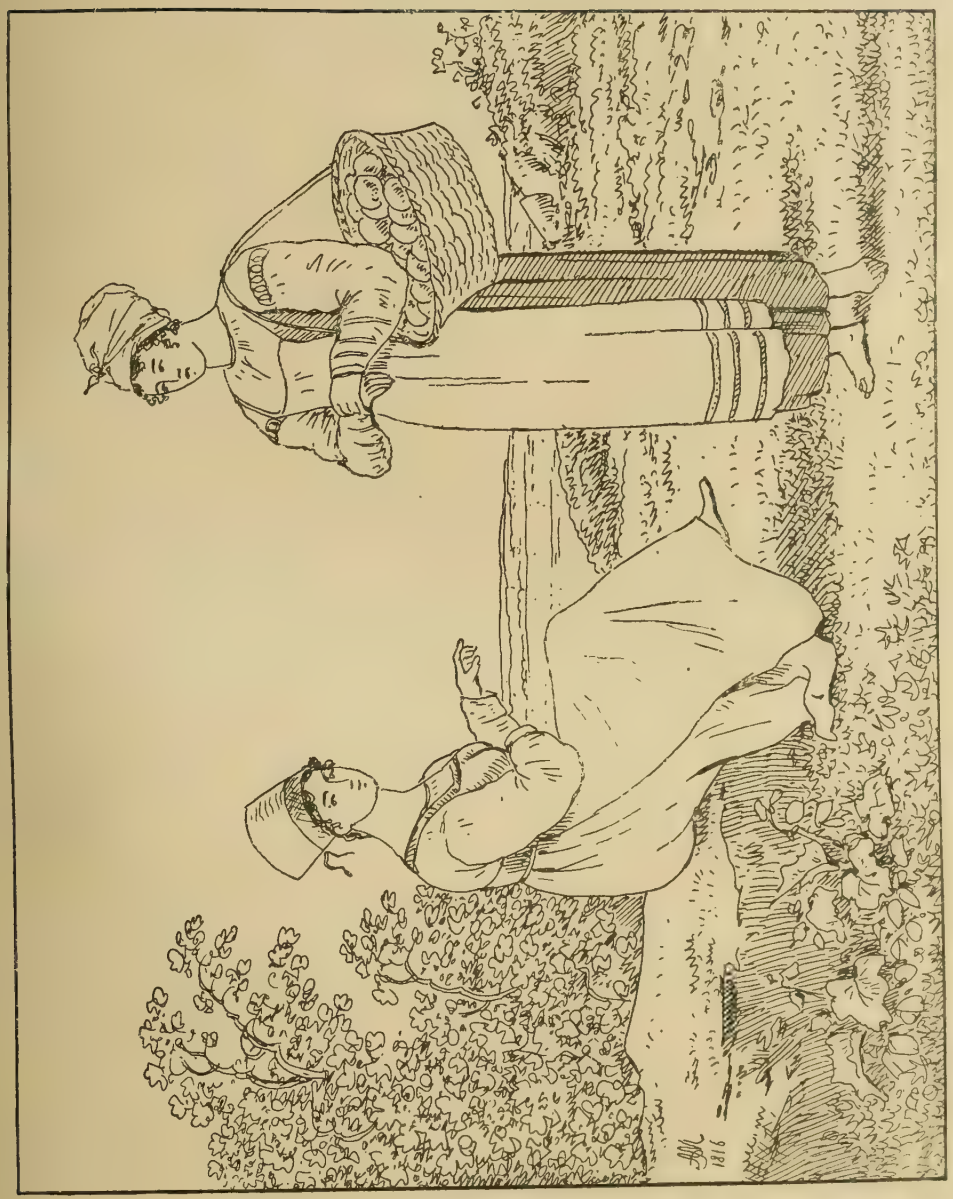
« И въ самомъ дѣлѣ; надѣньте толстую рубашку, сарафанъ, да и ступайте смѣло въ Тугилово; ручаюсь вамъ, что Берестовъ ужъ васъ не прозѣваетъ.»

— «А поздѣшнему я говорить умѣю прекрасно. Ахъ, Настя, милая Настя! какая славная выдумка!» И Лиза легла спать съ намѣреніемъ непремѣнно исполнить веселое свое предположеніе. На другой же день приступила она къ исполненію своего плана, послала купить на базарѣ толстаго полотна, синей китайки в мѣдныхъ пуговокъ, съ помощью Насти скроила себѣ рубашку и сарафанъ, засадила за шитье всю дѣвичью, и къ вечеру все было готово. Лиза примѣрила обнову, и призналась предъ зеркаломъ, что никогда еще такъ мила самой себѣ не казалась. Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и нѣсколько разъ потомъ качала головою, на подобіе глиняныхъ котовъ, говорила на крестьянскомъ нарѣчіи, смѣялась, закрываясь рукавомъ, и заслужила полное одобреніе Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги, а песокъ и камешки показались ей нестерпимы. Настя и тутъ ей помогла: она сняла мѣрку съ Лизиной ноги, сбѣгала въ поле къ Трофиму пастуху и заказала ему пару лаптей по той мѣркѣ. На другой день, ни свѣтъ, ни заря, Лиза уже проснулась. Весь домъ еще спалъ. Настя за воротами ожидала пастуха. Запгралъ рожокъ и деревенское стадо потянулось мимо барскаго двора. Трофимъ, проходя передъ Настей, отдалъ ей маленькія, пестрыя лапти и получилъ отъ нея полтину въ награжденіе. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, шопотомъ дала Настѣ свои наставленія касательно Миссъ Жаксонъ, вышла на заднее крыльцо и черезъ огородъ побѣжала въ поле.

Заря сіяла на востокѣ и золотые ряды облаковъ, казалось, ожидали солнца, какъ царедворцы ожидаютъ Государя; ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли сердце Лизы младенческой веселостію; боясь какой нибудь знакомой встрѣчи, она, казалось, не шла, а летѣла. Приближаясь къ рощѣ, стоящей на рубежѣ отцовскаго владѣнія, Лиза пошла тише. Здѣсь она должна была ожидать Алексѣя. Сердце ея сильно билось, само не зная, почему; но боязнь, сопровождающая

молодыя наши проказы, составляетъ и главную ихъ прелесть. Лиза вошла въ сумракъ рощи. Глухой, перекатный шумъ ея привѣтствовалъ дѣвушку. Веселость ея притихла. Мало по малу предалась она сладкой мечтательности. Она думала... но можно ли съ точностію опредѣлить, о чемъ думаетъ семнадцати-лѣтняя барышня, одна, въ рощѣ, въ шестомъ часу весенняго утра? И такъ она шла, задумавшись, по дорогѣ, осѣненной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями, какъ вдругъ прекрасная лягавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. Въ то же время раздался голосъ: tout beau, Sbogar ici... и молодой охотникъ показался изъ за кустарника. «Не бось, милая,» сказалъ онъ Лизѣ, «собака моя не кусается.» Лиза успѣла уже оправиться отъ испуга, и умѣла тотчасъ воспользоваться обстоятельствами. «Да нѣтъ, баринъ,» сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастѣнчивой, «боюсь, она, вишь, такая злая; опять кинется.» Алексѣй (читатель уже узналъ его) между тѣмъ пристально глядѣлъ на молодую крестьянку. «Я провожу тебя, если ты боишься,» сказалъ онъ ей; «ты мнѣ позволишь итти подлѣ себя?—«А кто те мѣшаетъ?» отвѣчала Лиза; «вольному воля, а дорога мірская.»—«Откуда ты?»—«Изъ Прилучина; я дочь Василья кузнеца, иду по грибы.» (Лиза несла кузовокъ на веревечкѣ). «А ты, баринъ? Тугиловскій, что ли?»—«Такъ точно,» отвѣчалъ Алѣксѣй, «я камердинеръ молодаго барина.» Алексѣю хотѣлось уровнять ихъ отношенія. Но Лиза поглядѣла на него и засмѣялась. «А лжешь,» сказала она, «не на дуру напалъ. Вижу, что ты самъ баринъ.»—«Почему-же ты такъ думаешь?» — «Да по всему.»—«Однакожъ?» — «Да какъ же барина съ слугой не распознать? И одѣтъ-то не такъ, и баишь иначе, и собаку то кличешь не по нашему.» Лиза часъ отъ часу болѣе нравилась Алексѣю. Привыкнувъ не церемониться съ хорошенькими поселянками, онъ было хотѣлъ обнять ее; но Лиза отпрыгнула отъ него и приняла вдругъ на себя такой строгой и холодной видъ, что хотя это и размѣшило Алексѣя, но удержало его отъ дальнѣйшихъ покушеній. «Если вы хотите, чтобъ мы были впередъ пріятелями,» сказала она съ важностію, «то не извольте забываться.» — «Кто тебя научилъ этой премудрости?» спросилъ Алексѣй расхохотавшись. «Ужъ не Настенька ли, моя знакомая, не дѣвушка ли барышни вашей? Вотъ какими путями распространяется просвѣщеніе!» Лиза почувствовала, что вышла было изъ своей роли, и тотчасъ поправилась. «А что думаешь?» сказала она, «развѣ я и на барскомъ дворѣ никогда не бываю? небось: всего наслышалась и наглядѣлась.» «Однако,» продолжала она: «болтая съ тобою, грибовъ не наберешь. Иди-ка ты, баринъ, въ сторону, а я въ другую. Прощенія просимъ...» Лиза хотѣла удалиться, Алексѣй удержалъ ее за руку. Какъ тебя зовутъ, душа моя?»—«Акулиной,» отвѣчала Лиза, стараясь освободить свои пальцы отъ руки Алексѣевой; «да пусти-жъ, баринъ; мнѣ и домой пора.»—«Ну, мой другъ Акулина, непремѣнно буду въ гости къ твоему батюшкѣ, къ Василью кузнецу».—«Что ты?» возразила съ живостію Лиза, «ради Христа, не приходи. Коли дома узнаютъ, что я съ бариномъ въ рощѣ болтала наединѣ, то мнѣ бѣда будетъ; отецъ мой, Василій кузнецъ, прибьетъ мнѣ до смерти.» — «Да я непремѣнно хочу съ тобою опять видѣться.»—«Ну я когда нибудь опять сюда приду за грибами.» — «Когда же?»—«Да хоть завтра.»—«Милая Акулина, расцаловалъ бы тебя, да не смѣю. Такъ завтра, въ это время, не правда ли?»—«Да, да.»—И ты не обманешь меня?»—«Не обману.»—«Побожись.»—«Ну вотъ те святая пятница, приду».

Молодые люди разстались. Лиза вышла изъ лѣсу, перебралась черезъ поле, прокралась въ садъ и опрометью побѣжала въ ферму, гдѣ Настя ожидала ее. Тамъ она переодѣлась, разсѣянно отвѣчая на вопросы нетерпѣливой наперсницы, и явилась въ гостиную. Столъ былъ накрытъ, завтракъ готовъ, и Миссъ Жаксонъ, уже набѣленная и затянутая въ рюмочку, нарѣзывала тоненькія тартинки. Отецъ похвалилъ ее за раннюю прогулку. «Нѣтъ ничего здоровѣе,» сказалъ онъ, «какъ просыпаться на зарѣ.» Тутъ онъ привелъ нѣсколько примѣровъ человѣческаго долголѣтія, почерпнутыхъ изъ англійскихъ журналовъ, замѣчая, что всѣ люди, жившіе болѣе ста лѣтъ, не употребляли водки и вставали на зарѣ зимой и лѣтомъ. Лиза его не слушала. Она въ мысляхъ повторяла всѣ обстоятельства утренняго свиданія, весь разговоръ Акулины съ молодымъ охотникомъ, и совѣсть начинала ее мучить. Напрасно возражала она самой себѣ, что бесѣда ихъ не выходила изъ границъ благопристойности, что эта шалость не могла имѣть никакого послѣдствія, совѣсть ея роптала громче ея разума. Обѣщаніе. данное ею на завтрашній день,



РУССКІЯ КРЕСТЬЯНКИ 1820-хъ ГОДОВЪ.
Съ рѣдкой гравюры Мартынова.

всего болѣе безпокоило ее: она совсѣмъ было-рѣшилась не сдержать своей торжественной клятвы. Но Алексѣй, прождавъ ея напрасно, могъ итти отыскивать въ селѣ дочь Василья кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую дѣвку, и такимъ образомъ догадаться объ ея легкомысленной проказѣ. Мысль эта ужаснула Лизу, и она рѣшилась на другое утро опять явиться въ рощу Акулиной.

Съ своей стороны Алексѣй былъ въ восхищеніи, цѣлый день думалъ онъ о новой своей знакомкѣ; ночью образъ смуглой красавицы и во снѣ преслѣдовалъ его воображеніе. Заря едва занималась, какъ онъ уже былъ одѣтъ. Не давъ себѣ времени зарядить ружье, вышелъ онъ въ поле съ вѣрнымъ своимъ Сбогаромъ и побѣжалъ къ мѣсту обѣщаннаго свиданія. Около получаса прошло въ несносномъ для него ожиданіи; наконецъ онъ увидѣлъ межъ кустарника мелькнувшій синій сарафанъ, и бросился навстрѣчу милой Акулины. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексѣй тотчасъ замѣтилъ на ея лицѣ слѣды унынія и безпокойства. Онъ хотѣлъ узнать тому причину. Лиза призналась, что поступокъ ея казался ей легкомысленнымъ, что она въ немъ раскаивалась, что на сей разъ не хотѣла она не сдержать даннаго слова, но что это свиданіе будетъ уже послѣднимъ, и что она проситъ его прекратить знакомство, которое ни къ чему доброму не можетъ ихъ довести. Все это, разумѣется, было сказано на крестьянскомъ нарѣчіи; но мысли и чувства, необыкновенныя въ простой дѣвушкѣ, поразили Алексѣя. Онъ употребилъ все свое краснорѣчіе, дабы отвратить Акулину отъ ея намѣренія: увѣрялъ ее въ невинности своихъ желаній, обѣщалъ никогда не подать ей повода къ раскаянію, повиноваться ей во всемъ, заклиналъ ее не лишать одной отрады: видаться съ нею наединѣ, хотя бы черезъ день, хотя бы дважды въ недѣлю. Онъ говорилъ языкомъ истинной страсти, и въ эту минуту былъ точно влюбленъ. Лиза слушала его молча. «Дай мнѣ слово,» сказала она наконецъ, «что ты никогда не будешь искать меня въ деревнѣ или распрашивать обо мнѣ. Дай мнѣ слово не искать другихъ со мною свиданій, кромѣ тѣхъ, которыя я сама назначу.» Алексѣй поклялся было ей святою пятницею, но она съ улыбкой остановила его. «Мнѣ не нужно клятвы,» сказала Лиза, «довольно одного твоего обѣщанія.» Послѣ того они дружески разговаривали, гуляя вмѣстѣ по-лѣсу, до тѣхъ поръ пока Лиза сказала ему: пора. Они разстались, и Алексѣй, оставшись наединѣ, не могъ понять какимъ образомъ простая деревенская дѣвочка въ два свиданія успѣла взять надъ нимъ истинную власть. Его сношенія съ Акулиной имѣли для него прелесть новизны, и хотя предписанія странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдержать своего слова не пришла даже ему въ голову. Дѣло въ томъ, что Алексѣй, не смотря на роковое кольцо, на таинственную переписку и на мрачную разочарованность, былъ доброй и пылкой малый и имѣлъ сердце чистое, способное чувствовать наслажденія невинности.

Если бы слушался я одной своей охоты, то непремѣнно и во всей подробности сталъ бы описывать свиданія молодыхъ людей, возрастающую взаимную склонность и довѣрчивость, занятія, разговоры; но знаю, что большая часть моихъ читателей не раздѣлила бы со мною моего удовольствія. Эти подробности вообще должны казаться приторными, и такъ я пропущу ихъ, сказавъ вкратцѣ, что не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, а мой Алексѣй былъ уже влюбленъ безъ памяти, и Лиза была неравнодушнѣе, хотя и молчаливѣе его. Оба они были счастливы настоящимъ и мало думали о будущемъ.

Мысль о неразрывныхъ узахъ довольно часто мелькала въ ихъ умѣ, но никогда они о томъ другъ съ другомъ не говорили. Причина ясная: Алексѣй, какъ ни привязанъ былъ къ милой своей Акулинѣ, все помнилъ разстояніе, существующее между нимъ и бѣдной крестьянкою; а Лиза вѣдала, какая ненависть существовала между ихъ отцами и не смѣла надѣяться на взаимное примиреніе. Къ тому же самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романической надеждою увидѣть наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Вдругъ важное происшествіе чуть было не перемѣнило ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ одно ясное, холодное утро (изъ тѣхъ, какими богата наша русская осень) Иванъ Петровичь Берестовъ выѣхалъ прогуляться верхомъ, на всякой случай взявъ съ собою пары три борзыхъ, стремяннаго и нѣсколько дворовыхъ мальчишекъ съ трещотками. Въ то же самое время Григорій Ивановичь Муромскій, соблазнясь хорошею погодою, велѣлъ осѣдлать кущую свою кобылку и рысью поѣхалъ около своихъ англизиро-

ванныхъ владѣній. Подъѣзжая къ лѣсу, увидѣлъ онъ сосѣда своего, гордо сидящаго верхомъ, въ чекменѣ подбитомъ лисьимъ мѣхомъ, и поджидающаго зайца, котораго мальчишки крикомъ и трещотками выгоняли изъ кустарника. Если бъ Григорій Ивановичь могъ предвидѣть эту встрѣчу, то конечно бъ онъ поворотилъ въ сторону; но онъ наѣхалъ на Берестова вовсе неожиданно, и вдругъ очутился отъ него въ разстояніи пистолетнаго выстрѣла. Дѣлать было нечего: Муромскій, какъ образованный Европеецъ, подъѣхалъ къ своему противнику и учтиво его привѣтствовалъ. Берестовъ отвѣчалъ съ такимъ же усердіемъ, съ каковымъ цѣпной медвѣдь кланяется *Господамъ* по приказанію своего вожатаго. Въ сіе время заяцъ выскочилъ изъ лѣсу и побѣжалъ полемъ. Берестовъ и стремянной закричали во все горло, пустили собакъ и слѣдомъ поскакали во весь опоръ. Лошадь Муромскаго, небывшая никогда на охотѣ, испугалась и понесла. Муромскій, провозгласавшій себя отличнымъ наѣздникомъ, далъ ей волю и внутренно доволенъ былъ случаемъ, избавляющимъ его отъ непріятнаго собесѣдника. Но лошадь, доскакавъ до оврага прежде ею незамѣченнаго, вдругъ кинулась въ сторону, и Муромскій не усидѣлъ. Упавъ довольно тяжело на мерзлую землю, лежалъ онъ, проклиная свою кудую кобылу, которая, какъ будто опомнясь, тотчасъ остановилась, какъ только почувствовала себя безъ сѣдока. Иванъ Петровичь подскакалъ къ нему, освѣдомляясь, не ушибся ли онъ. Между тѣмъ стремянной привелъ виновную лошадь, держа ее подъ устцы. Онъ помогъ Муромскому взобраться на сѣдло, а Берестовъ пригласилъ его къ себѣ. Муромскій не могъ отказаться, ибо чувствовалъ себя обязаннымъ, и такимъ образомъ Берестовъ возвратился домой со славою, затравивъ зайца и ведя своего противника раненымъ и почти военноплѣннымъ.

Сосѣди, завтракая, разговорились довольно дружелюбно. Муромскій попросилъ у Берестова дрожекъ, ибо признался, что отъ ушибу не былъ онъ въ состояніи доѣхать до дома верхомъ. Берестовъ проводилъ его до самаго крыльца, а Муромскій уѣхалъ не прежде, какъ взявъ съ него честное слово на другой же день (и съ Алексѣемъ Ивановичемъ) пріѣхать отобѣдать попріятельски въ Прилучино. Такимъ образомъ вражда старинная и глубоко укоренившаяся, казалось, готова была прекратиться отъ пугливости кудой кобылки.

Лиза выбѣжала навстрѣчу Григорью Ивановичу. «Что это значитъ, папа?» сказала она съ удивленіемъ; «отъ чего вы хромаете? Гдѣ ваша лошадь? Чьи эти дрожки?»—«Вотъ ужъ не угадаешь, my dear,» отвѣчалъ ей Григорій Ивановичь, и разсказалъ все, что случилось. Лиза не вѣрила своимъ ушамъ. Григорій Ивановичь, не давъ ей опомниться, объявилъ, что завтра будутъ у него обѣдать оба Берестовы. «Что вы говорите!» сказала она, поблѣднѣвъ. «Берестовы, отецъ и сынъ! Завтра у насъ обѣдать: нѣтъ, папа, какъ вамъ угодно: я ни за что не покажусь.»—«Что ты, съ ума сошла?» возразилъ отецъ; «давно ли ты стала такъ застѣнчива, или ты къ нимъ питаешь наслѣдственную ненависть, какъ романическая героиня? Полно, не дурачься...» — «Нѣтъ, папа, ни за что на свѣтѣ, ни за какія сокровища не явлюсь я передъ Берестовыми». Григорій Ивановичь пожалъ плечами и болѣе съ нею не спорилъ, ибо зналъ, что противорѣчіемъ съ нея ничего не возьмешь, и пошелъ отдыхать отъ своей достопримѣчательной прогулки.

Лизавета Григорьевна ушла въ свою комнату и призвала Настю. Обѣ долго разсуждали о завтрашнемъ посѣщеніи. Что подумаетъ Алексѣй, если узнаетъ въ благовоспитанной барышнѣ свою Акулину? Какое мнѣніе будетъ онъ имѣть о ея повседеніи и правилахъ, о ея благоразуміи? Съ другой стороны Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе столь неожиданное... Вдругъ мелькнула ей мысль. Она тотчасъ передала ее Настѣ; обѣ обрадовались ей какъ находкѣ, и положили исполнить ее непремѣнно.

На другой день за завтракомъ Григорій Ивановичь спросилъ у дочки все ли намѣрена она спрятаться отъ Берестовыхъ. «Папа,» отвѣчала Лиза,» я приму ихъ, если это вамъ угодно, только съ уговоромъ: какъ бы я передъ ними не явилась, чтобъ я ни сдѣлала, вы бранить меня не будете и не дадите никакого знака удивленія или неудовольствія.» — Опять какія нибудь проказы!» сказалъ смѣясь Григорій Ивановичь. «Ну, хорошо, хорошо; согласенъ, дѣлай, что хочешь, черноглазая моя шалунья.» Съ этимъ словомъ онъ поцаловалъ ее въ лобъ и Лиза побѣжала приготовляться.

Въ два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми,

въѣхала на дворъ и покатилась около густозеленаго, дернового круга. Старый Берестовъ взошелъ на крыльцо съ помощью двухъ ливрейныхъ лакеевъ Муромскаго. Вслѣдъ за нимъ сынъ его пріѣхалъ верхомъ, и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ. Муромскій принялъ своихъ сосѣдовъ, какъ нельзя ласковѣе, предложилъ имъ осмотрѣть передъ обѣдомъ садъ и звѣринецъ, и повелъ по дорожкамъ, тщательно выметеннымъ и усыпаннымъ пескомъ. Старый Берестовъ внутренно жалѣлъ о потерянномъ трудѣ и времени на столь безполезныя прихоти, но молчалъ изъ вѣжливости. Сынъ его не раздѣлялъ ни неудовольствія расчетливаго помѣщика, ни восхищенія самолюбиваго англомана; но съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, какъ намъ извѣстно, было уже занято, но молодая красавица всегда имѣла право на его воображеніе.

Возвратясь въ гостиную, они усѣлись втроемъ: старики вспомнили прежнее время и анекдоты своей службы, а Алексѣй размышлялъ о томъ, какую роль играть ему въ присутствіи Лизы. Онъ рѣшилъ, что холодная разсѣянность во всякомъ случаѣ всего приличнѣе, и въ слѣдствіе сего приготовился. Дверь отворилась; онъ повернулъ голову съ такимъ равнодушіемъ, съ такою гордою небрежностію, что сердце самой закоренѣлой кокетки непремѣнно должно было бы содрогнуться. Къ несчастію, вмѣсто Лизы, вошла старая Миссъ Жаксонъ, набѣленная, затянутая, съ потупленными глазами и съ маленькимъ книксомъ, и прекрасное военное движеніе Алексѣя пропало втунѣ. Не успѣлъ онъ снова собраться съ силами, какъ дверь опять отворилась, и на сей разъ вошла Лиза. Всѣ встали; отецъ началъ было представленіе гостей, но вдругъ остановился и поспѣшно закусилъ себѣ губы... Лиза, его смуглая Лиза, набѣлена была по уши, насурмлена пуще самой Миссъ Жаксонъ; фальшивые локоны, гораздо свѣтлѣе собственныхъ ея волосъ, взбиты были, какъ парикъ Людовика XIV; рукава à l'imbécile торчали какъ фижмы у Madame de Pompadour; талія была перетянута какъ буква иксъ, и всѣ бриліянты ея матери, еще не заложенные въ Ломбардѣ, сіяли на ея пальцахъ, шеѣ и ушахъ. Алексѣй не могъ узнать свою Акулину въ этой смѣшной и блестящей барышнѣ. Отецъ его подошелъ къ ея ручкѣ, и онъ съ досадою ему послѣдовалъ; когда прикоснулся онъ къ ея бѣленькимъ пальчикамъ, ему показалось, что они дрожали. Между тѣмъ онъ успѣлъ замѣтить ножку, съ намѣреніемъ выставленную и обутую со всевозможнымъ кокетствомъ. Это помирило его нѣсколько съ остальнымъ ея нарядомъ. Что касается до бѣлилъ и до сурьмы, то въ простотѣ своего сердца, признаться, онъ ихъ съ перваго взгляда не замѣтилъ, да и послѣ не подозрѣвалъ. Григорій Ивановичъ вспомнилъ свое обѣщаніе и старался не показать и вида удивленія; но шалость его дочери казалась ему такъ забавна, что онъ едва могъ удержаться. Не до смѣху было чопорной Англичанкѣ. Она догадывалась, что сурьма и бѣлилы были похищены изъ ея комода, и багровый румянецъ досады пробивался сквозь искусственную бѣлизну ея лица. Она бросала пламенные взгляды на молодую проказницу, которая, отлагая до другаго времени всякія объясненія, притворялась, будто ихъ не замѣчаетъ.

Сѣли за столъ. Алексѣй продолжалъ играть роль разсѣяннаго и задумчиваго. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспѣвъ и только пофранцузски. Отецъ поминутно засматривался на нее, не понимая ея цѣли, но находя все это весьма забавнымъ. Англичанка бѣсилась и молчала. Одинъ Иванъ Петровичь былъ какъ дома: ѣлъ за двоихъ, пилъ въ свою мѣру, смѣялся своему смѣху и часъ отъ часу дружелюбнѣе разговаривалъ и хохоталъ.

Наконецъ встали изъ за стола; гости уѣхали, и Григорій Ивановичь далъ волю смѣху и вопросамъ. «Что тебѣ вздумалось дурачить ихъ?» спросилъ онъ Лизу. «А знаешь ли что? Бѣлилы право тебѣ пристали; не вхожу въ тайны дамскаго туалета, но на твоемъ мѣстѣ я бы сталъ бѣлиться; разумѣется, не слишкомъ, а слегка.» Лиза была въ восхищеніи отъ успѣха своей выдумки. Она обняла отца, обѣщалась ему подумать о его совѣтѣ, и побѣжала умилостивлять раздраженную Миссъ Жаксонъ, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ея оправданія. Лизѣ было совѣстно показаться передъ незнакомцами такой чернявкою; она не смѣла просить... она была увѣрена, что добрая, милая Миссъ Жаксонъ проститъ ей... и проч., и проч. Миссъ Жаксонъ, удостовѣрясь, что Лиза не думала поднять ее на смѣхъ, успокоилась, поцаловала Лизу и въ залогъ примиренія подарила ей баночку Англійскихъ бѣлилъ,

которую Лиза и приняла съ изъявленіемъ искренней благодарности.

Читатель догадается, что на другой день утромъ Лиза не замедлила явиться въ рощѣ свиданій. «Ты былъ, баринъ, вечоръ у нашихъ господъ?» сказала она тотчасъ Алексѣю; «какова показалась тебѣ барышня?» Алексѣй отвѣчалъ, что онъ ея не замѣтилъ. «Жаль,» возразила Лиза.—«А почему же?» спросилъ Алексѣй.—«А потому, что я хотѣла бы спросить у тебя, правда ли, говорятъ...»—«Что же говорятъ?»—«Правда ли говорятъ, будто бы я на барышню похожа?»—«Какой вздоръ! Она передъ тобой уродъ уродомъ.»—«Ахъ, баринъ, грѣхъ тебѣ это говорить; барышня наша такая бѣленькая, такая щеголиха! Куда мнѣ съ нею ровняться!» Алексѣй божился ей, что она лучше всевозможныхъ бѣленькихъ барышенъ, и чтобы успокоить ее совсѣмъ, началъ описывать ея госпожу такими смѣшными чертами, что Лиза хохотала отъ всей души. «Однакожъ,» сказала она со вздохомъ, «хоть барышня, можетъ, и смѣшна, все же я передъ нею дура безграмотная.»—«И!» сказалъ Алексѣй: «есть о чемъ сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчасъ выучу тебя грамотѣ.»—«А взаправду,» сказала Лиза, «не попытаться ли въ самомъ дѣлѣ?»—«Изволь, милая; начнемъ хоть сей часъ.» Они сѣли. Алексѣй вынулъ изъ кармана карандашъ и записную книжку, и Акулина выучилась азбукѣ удивительно скоро. Алексѣй не могъ надивиться ея понятливости. На слѣдующее утро, она захотѣла попробовать и писать; сначала карандашъ не слушался ея, но черезъ нѣсколько минутъ, она и вырисовывать буквы стала довольно порядочно. «Что за чудо!» говорилъ Алексѣй. «Да у насъ ученіе идетъ скорѣе, чѣмъ по Ланкастерской системѣ.» Въ самомъ дѣлѣ, на третьемъ урокѣ Акулина разбирала уже по складамъ Наталью Боярскую дочь, прерывая чтеніе замѣчаніями, отъ которыхъ Алексѣй истинно былъ въ изумленіи, и круглый листъ измарала афоризмами, выбранными изъ той же повѣсти.

Прошла недѣля и между ними завелась переписка. Почтовая контора учреждена была въ дуплѣ стараго дуба. Настя втайнѣ исправляла должность почталіона. Туда приносилъ Алексѣй крупнымъ почеркомъ написанныя письма, и тамъ же находилъ на синей простой бумагѣ каракульки своей любезной. Акулина видимо привыкала къ лучшему складу рѣчей, и умъ ея примѣтно развивался и образовывался.

Между тѣмъ, недавнее знакомство между Иваномъ Петровичемъ Берестовымъ и Григорьемъ Ивановичемъ Муромскимъ болѣе и болѣе укрѣплялось и вскорѣ превратилось въ дружбу, вотъ по какимъ обстоятельствамъ: Муромскій нерѣдко думалъ, о томъ, что по смерти Ивана Петровича, все его имѣніе перейдетъ въ руки Алексѣю Ивановичу; что въ такомъ случаѣ, Алексѣй Ивановичъ будетъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ той губерніи, и что нѣтъ ему никакой причины не жениться на Лизѣ. Старый же Берестовъ, съ своей стороны, хотя и признавалъ въ своемъ сосѣдѣ нѣкоторое сумазбродство (или, по его выраженію, Англійскую дурь), однако жъ не отрицалъ въ немъ и многихъ отличныхъ достоинствъ, на примѣръ: рѣдкой оборотливости; Григорій Ивановичъ былъ близкой родственникъ Графу Пронскому, человѣку знатному и сильному; Графъ могъ быть очень полезенъ Алексѣю, а Муромскій (такъ думалъ Иванъ Петровичъ) вѣроятно обрадуется случаю выдать свою дочь выгоднымъ образомъ. Старики до тѣхъ поръ обдумывали все это каждый про себя, что наконецъ другъ съ другомъ и переговорились, обнялись, обѣщались дѣло порядкомъ обработать, и принялись о немъ хлопотать каждый со своей стороны. Муромскому предстояло затрудненіе: уговорить свою Бетси познакомиться короче съ Алексѣемъ, котораго не видала она съ самаго достопамятнаго обѣда. Казалось, они другъ другу не очень нравились; по крайней мѣрѣ Алексѣй уже не возвращался въ Прилучино, а Лиза уходила въ свою комнату всякой разъ, какъ Иванъ Петровичъ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Но, думалъ Григорій Ивановичъ, если Алексѣй будетъ у меня всякой день, то Бетси должна же будетъ въ него влюбиться. Это въ порядкѣ вещей. Время все сладитъ.

Иванъ Петровичъ менѣе безпокоился объ успѣхѣ своихъ намѣреній. Въ тотъ же вечеръ призвалъ онъ сына въ свой кабинетъ, закурилъ трубку, и немного помолчавъ, сказалъ: «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Или гусарской мундиръ уже тебя не прельщаетъ?»—«Нѣтъ, батюшка,» отвѣчалъ почтительно Алексѣй, «я вижу, что вамъ не угодно, чтобъ я шелъ въ гусары; мой долгъ вамъ повиноваться.» — «Хорошо,» отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, «вижу, что ты послушный сынъ; это мнѣ утѣшительно; не хочу жъ и я тебя неволить; не понуж-

даю тебя вступить... тотчасъ въ статскую службу: а покамѣстъ намѣренъ я тебя женить.»

«На комъ это, батюшка,» спросилъ изумленный Алексѣй.

— «На Лизаветѣ Григорьевнѣ Муромской,» отвѣчалъ Иванъ Петровичь; «невѣста хоть куда, не правда ли?»

«Батюшка, я о женитьбѣ еще не думаю.»

— «Ты не думаешь, такъ я за тебя думалъ и передумалъ.»

«Воля ваша, Лиза Муромская мнѣ вовсе не нравится.»

— «Послѣ понравится. Стерпится, слюбится.»

Я не чувствую себя способнымъ сдѣлать ея счастіе.»

—«Не твое горе, ея счастье. Что? такъ-то ты почитаешь волю родительскую? Добро!»

«Какъ вамъ угодно, я не хочу жениться и не женюсь.»

— «Ты женишься, или я тебя прокляну, а имѣніе, какъ Богъ святъ! продамъ и промотаю, и тебѣ полушки не оставлю. Даю тебѣ три дня на размышленіе, а покамѣстъ не смѣй на глаза мнѣ показаться.»

Алексѣй зналъ, что если отецъ заберетъ что себѣ въ голову, то ужъ того, по выраженію Тараса Скотинина, у него и гвоздемъ не вышибешь; но Алексѣй былъ въ батюшку, и его столь же трудно было переспорить. Онъ ушелъ въ свою комнату и сталъ размышлять о предѣлахъ власти родительской, о Лизаветѣ Григорьевнѣ, о торжественномъ обѣщаніи отца сдѣлать его нищимъ, и наконецъ объ Акулинѣ. Въ первый разъ видѣлъ онъ ясно, что онъ въ нее страстно влюбленъ; романическая мысль жениться на крестьянкѣ и жить своими трудами, пришла ему въ голову, и чѣмъ болѣе думалъ онъ о семъ рѣшительномъ поступкѣ, тѣмъ болѣе находилъ въ немъ благоразумія. Съ нѣкотораго времени свиданія въ рощѣ были прекращены по причинѣ дождливой погоды. Онъ написалъ Акулинѣ письмо самымъ четкимъ почеркомъ и самымъ бѣшенымъ слогомъ, объявлялъ ей о грозящей имъ погибели, и тутъ же предлагалъ ей свою руку. Тотчасъ отнесъ онъ письмо на почту, въ дупло, и легъ спать весьма довольный собою.

На другой день Алексѣй, твердый въ своемъ намѣреніи, рано утромъ поѣхалъ къ Муромскому, дабы откровенно съ нимъ объясниться. Онъ надѣялся подстрекнуть его великодушіе и склонить его на свою сторону. «Дома ли Григорій Ивановичь?» спросилъ онъ, останавливая свою лошадь передъ крыльцомъ Прилучинскаго замка. «Никакъ нѣтъ,» отвѣчалъ слуга; «Григорій Ивановичь съ утра изволяли выѣхать.»— «Какъ досадно!» подумалъ Алексѣй. «Дома ли, по крайней мѣрѣ, Лизавета Григорьевна?»—«Дома-съ.» И Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, отдалъ поводья въ руки лакею, и пошелъ безъ доклада.

«Все будетъ рѣшено,» думалъ онъ, подходя къ гостиной; «объяснюсь съ нею самою.»—Онъ вошелъ... и остолбенѣлъ! Лиза... нѣтъ Акулина, милая, смуглая Акулина, не въ сарафанѣ, а въ бѣломъ, утреннемъ платьицѣ, сидѣла передъ окномъ и читала его письмо: она такъ была занята, что не слыхала, какъ онъ и вошелъ. Алексѣй не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хотѣла убѣжать. Онъ бросился ее удерживать. «Акулина, Акулина!...» Лиза старалась отъ него освободиться... Mais laissez-moi donc, Monsieur mais êtes-vous fou?» повторяла она, отворачиваясь. «Акулина! другъ мой, Акулина!» повторялъ онъ, цалуя ея руки. Миссъ Жаксонъ, свидѣтельница этой сцены, не знала, что подумать. Въ эту минуту дверь отворилась и Григорій Ивановичь вошелъ.

«Ага!» сказалъ Муромскій: «да у васъ, кажется, дѣло совсѣмъ уже слажено...»

Читатели избавятъ меня отъ излишней обязанности описывать развязку.

ИЗЪ СЕРІИ СИЛУЭТОВЪ КЪ «ВЫСТРѢЛУ» В. В. ГЕЛЬМЕРСЕНА.

(Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 г. въ Академіи Художествъ; воспроизведены не были).

I.

Стрѣлялись мы.

Баратынскій.

Я поклялся застрѣлить его по праву дуэли
(за нимъ остался еще мой выстрѣлъ).

Вечеръ на бивуакѣ.

Мы стояли въ мѣстечкѣ ***. Жизнь армейскаго офицера извѣстна. Утромъ ученье, манежъ; обѣдъ у Полковаго Командира или въ Жидовскомъ трактирѣ; вечеромъ пуншъ и карты. Въ *** не было ни одного открытаго дома, ни одной невѣсты; мы собирались другъ у друга, гдѣ, кромѣ своихъ мундировъ, не видали ничего.

Одинъ только человѣкъ принадлежалъ нашему обществу, не будучи военнымъ. Ему было около тридцати пяти лѣтъ, и мы за то почитали его старикомъ. Опытность давала ему передъ нами многія преимущества; къ тому же, его обыкновенная угрюмость, крутой нравъ и злой языкъ имѣли сильное вліяніе на молодые наши умы. Какая-то таинственность окружала его судьбу; онъ казался Русскимъ, а носилъ иностранное имя. Нѣкогда онъ служилъ въ Гусарахъ, и даже счастливо; никто не зналъ причины, побудившей его выйти въ отставку и поселиться въ бѣдномъ мѣстечкѣ, гдѣ жилъ онъ вмѣстѣ и бѣдно и расточительно: ходилъ вѣчно пѣшкомъ, въ изношенномъ черномъ сертукѣ, а держалъ открытый столъ для всѣхъ офицеровъ нашего полка. Правда, обѣдъ его состоялъ изъ двухъ или трехъ блюдъ, изготовленныхъ отставнымъ солдатомъ, но Шампанское лилось притомъ рѣкою. Никто не зналъ ни его состоянія, ни его доходовъ, и никто не осмѣливался о томъ его спрашивать. У него водились книги, большею частію военныя, да романы. Онъ охотно давалъ ихъ читать, никогда не требуя ихъ назадъ; за то никогда не возвращалъ хозяину книги, имъ занятой. Главное упражненіе его состояло въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Стѣны его комнаты были всѣ источены пулями, всѣ въ скважинахъ, какъ соты пчелиные. Богатое собраніе пистолетовъ было единственной роскошью бѣдной мазанки, гдѣ онъ жилъ. Искусство, до коего достигъ онъ, было неимовѣрно, и если бъ онъ вызвался пулей сбить грушу съ фуражки кого бъ то ни было, никто бъ въ

нашемъ полку не усомнился подставить ему своей головы. Разговоръ между нами касался часто поединковъ; Сильвіо (такъ назову его) никогда въ него не вмѣшивался. На вопросъ, случалось ли ему драться, отвѣчалъ онъ сухо, что случалось, но въ подробности не входилъ, и видно было, что таковые вопросы были ему непріятны. Мы полагали, что на совѣсти его лежала какая нибудь несчастная жертва его ужаснаго искусства. Впрочемъ намъ и въ голову не приходило подозрѣвать въ немъ что нибудь похожее на робость. Есть люди, конхъ одна наружность удаляетъ таковыя подозрѣнія. Нечаянный случай всѣхъ насъ изумилъ.

Однажды человѣкъ десять нашихъ офицеровъ обѣдали у Сильвіо. Пили по обыкновенному, то есть очень много; послѣ обѣда стали мы уговаривать хозяина прометать намъ банкъ. Долго онъ отказывался, ибо никогда почти не игралъ; наконецъ велѣлъ подать карты, высыпалъ на столъ полсотни червонцевъ и сѣлъ метать. Мы окружили его, и игра завязалась. Сильвіо имѣлъ обыкновеніе за игрою хранить совершенное молчаніе, никогда не спорилъ и не объяснялся. Если понтёру случалось обсчитаться, то онъ тотчасъ или доплачивалъ достальное, или записывалъ лишнее. Мы ужъ это знали и не мѣшали ему хозяйничать посвоему; но между нами находился офицеръ, недавно къ намъ переведенный. Онъ, играя тутъ же, въ разсѣянности загнулъ лишній уголъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и уровнялъ счетъ по своему обыкновенію. Офицеръ, думая, что онъ ошибся, пустился въ объясненія. Сильвіо молча продолжалъ метать. Офицеръ, потерявъ терпѣніе, взялъ щетку и стеръ то, что казалось ему напрасно написаннымъ. Сильвіо взялъ мѣлъ и записалъ снова. Офицеръ, разгоряченный виномъ, игрою и смѣхомъ товарищей, почелъ себя жестоко обиженнымъ, и въ бѣшенствѣ схвативъ со стола мѣдный шандалъ, пустилъ его въ Сильвіо, который едва успѣлъ отклониться отъ удара. Мы смутились. Сильвіо всталъ, поблѣднѣлъ отъ злости и съ сверкающими глазами сказалъ: «милостивый государь, извольте вытти и благодарите Бога, что это случилось у меня въ домѣ».

Мы не сомнѣвались въ послѣдствіяхъ, и полагали новаго товарища уже убитымъ. Офицеръ вышелъ вонъ, сказавъ, что за обиду готовъ отвѣчать, какъ будетъ угодно господину банкомету. Игра продолжалась еще нѣсколько минутъ; но чувствуя, что хозяину было не до игры, мы отстали одинъ за другимъ и разбрелись по квартирамъ, толкуя о скорой ваканціи.

На другой день въ манежѣ мы спрашивали уже, живъ ли еще бѣдный Поручикъ, какъ самъ онъ явился между нами; мы сдѣлали ему тотъ же вопросъ. Онъ отвѣчалъ, что объ Сильвіо не имѣлъ онъ еще никакого извѣстія. Это насъ удивило Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ, сажающаго пулю на пулю въ туза, приклееннаго къ воротамъ. Онъ принялъ насъ по обыкновенному, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи. Прошло три дня, Поручикъ былъ еще живъ. Мы съ удивленіемъ спрашивали: не ужели Сильвіо не будетъ драться? Сильвіо не дрался. Онъ довольствовался очень легкимъ объясненіемъ и помирился.

Это-было чрезвычайно повредило ему во мнѣніи молодежи. Недостатокъ смѣлости менѣе всего извиняется молодыми людьми, которые въ храбрости обыкновенно видятъ верхъ человѣческихъ достоинствъ и извиненіе всевозможныхъ пороковъ. Однакожъ мало-по-малу все было забыто, и Сильвіо снова пріобрѣлъ прежнее свое вліяніе.

Одинъ я не могъ уже къ нему приблизиться. Имѣя отъ природы романическое воображеніе, я всѣхъ сильнѣе прежде всего былъ привязанъ къ человѣку, коего жизнь была загадкою, и который казался мнѣ героемъ таинственной какой-то повѣсти. Онъ любилъ меня; по крайней мѣрѣ со мной однимъ оставлялъ обыкновенное свое рѣзкое злорѣчіе и говорилъ о разныхъ предметахъ съ простодушіемъ и необыкновенною пріятностію. Но послѣ нещастнаго вечера, мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала и мѣшала мнѣ обходиться съ нимъ по прежнему; мнѣ было совѣстно на него глядѣть. Сильвіо былъ слишкомъ уменъ и опытенъ, чтобы этого не замѣтить и не угадывать тому причины. Казалось, это огорчало его; по крайней мѣрѣ я замѣтилъ раза два въ немъ желаніе со мною объясниться; но я избѣгалъ такихъ случаевъ, и Сильвіо отъ меня отступился. Съ тѣхъ поръ видался я съ нимъ только при товарищахъ, и прежніе откровенные разговоры наши прекратились.

Разсѣянные жители столицы не имѣютъ понятія о многихъ впечатлѣніяхъ столь извѣстныхъ жителямъ деревень или городковъ, напримѣръ, объ ожиданіи почтоваго

дня: во вторникъ и пятницу полковая наша канцелярія была полна офицерами; кто ждалъ денегъ, кто письма, кто газетъ. Пакеты обыкновенно тутъ же распечатывались, новости сообщались, и канцелярія представляла картину самую оживленную. Сильвіо получалъ письма, адресованныя въ нашъ полкъ и обыкновенно тутъ же находился. Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія. Пробѣгая письмо, глаза его сверкали. Офицеры, каждый занятый своими письмами, ничего не замѣтили. «Господа, сказалъ имъ Сильвіо, обстоятельства требуютъ немедленнаго моего отсутствія; ѣду сегодня въ ночь; надѣюсь, что вы не откажетесь отобѣдать у меня въ послѣдній разъ. Я жду и васъ, продолжалъ онъ, обратившись ко мнѣ: жду непремѣнно.» Съ симъ словомъ онъ поспѣшно вышелъ; а мы согласясь соединиться у Сильвіо, разошлись каждый въ свою сторону.

Я пришелъ къ Сильвіо въ назначенное время и нашелъ у него почти весь полкъ. Все его добро было уже уложено; оставались однѣ голыя, прострѣленныя стѣны. Мы сѣли за столъ; хозяинъ былъ чрезвычайно въ духѣ, и скоро веселость его сдѣлалась общею; пробки хлопали поминутно, стаканы пѣнились и шипѣли безпрестанно, и мы со всевозможнымъ усердіемъ желали отъѣзжающему добраго пути и всякаго блага. Встали изъ за стола уже поздно вечеромъ. При разборѣ фуражекъ, Сильвіо со всѣми прощаясь, взялъ меня за руку и остановилъ меня въ ту самую минуту, какъ собирался я выйти. «Мнѣ нужно съ вами поговорить,» сказалъ онъ тихо. Я остался.

Гости ушли; мы остались вдвоемъ, сѣли другъ противъ друга и молча закурили трубки. Сильвіо былъ озабоченъ; не было и слѣдовъ его судорожной веселости. Мрачная блѣдность, сверкающіе глаза и густой дымъ, выходящій изо рту, придавали ему видъ настоящаго дьявола. Прошло нѣсколько минутъ и Сильвіо прервалъ молчаніе:

ПЕРВАЯ ДУЭЛЬ СИЛЬВІО СЪ ГРАФОМЪ.

(Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 г. въ Академіи Художествъ; воспроизведены не были. Изъ серіи силуэтовъ къ «Выстрѣлу» В. В. Гельмерсена.

«Можетъ быть, мы никогда больше не увидимся,» сказалъ онъ мнѣ; «передъ разлукой я хотѣлъ съ вами объясниться. Вы могли замѣтить, что я мало уважаю постороннее мнѣніе; но я васъ люблю, и чувствую: мнѣ было бы тягостно оставить въ вашемъ умѣ несправедливое впечатлѣніе.»

Онъ остановился и сталъ набивать выгорѣвшую свою трубку; я молчалъ, потупя глаза.

«Вамъ было странно,» продолжалъ онъ, «что я не требовалъ удовлетворенія отъ этого пьянаго сумазброда Р***. Вы согласитесь, что, имѣя право выбрать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ, а моя почти безопасна: я могъ бы приписать умѣренность мою одному великодушію, но не хочу лгать. Если бъ я могъ наказать Р***, не подвергая вовсе моей жизни, то я бъ ни за что не простилъ его.»

Я смотрѣлъ на Сильвіо съ изумленіемъ. Таковое признаніе совершенно смутило меня. Сильвіо продолжалъ.

«Такъ точно: я не имѣю права подвергать себя смерти. Шесть лѣтъ тому назадъ я получилъ пощечину, и врагъ мой еще живъ.»

Любопытство мое сильно было возбуждено. «Вы съ нимъ не дрались?» спросилъ я. «Обстоятельства вѣрно васъ разлучили?»

«Я съ нимъ дрался,» отвѣчалъ Сильвіо: «и вотъ памятникъ нашего поединка.»

Сильвіо всталъ и вынулъ изъ картона красную шапку съ золотою кистью съ галуномъ (то, что Французы называютъ bonnet de police); онъ ее надѣлъ, она была прострѣлена на вершокъ ото лба.

«Вы знаете,» продолжалъ Сильвіо, «что я служилъ въ *** Гусарскомъ полку. Характеръ мой вамъ извѣстенъ: я привыкъ первенствовать, но съ молоду это было во мнѣ страстію. Въ наше время буйство было въ модѣ: я былъ первымъ буяномъ по арміи. Мы хвастались пьянствомъ: я перепилъ славнаго Б*** [урлова], воспѣтаго Д. Д-мъ [Денисомъ Давыдовымъ.] Дуэли въ нашемъ полку встрѣчались поминутно: я на всѣхъ былъ или свидѣтелемъ, или дѣйствующимъ лицемъ. Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно смѣняемые, смотрѣли на меня какъ на необходимое зло.

«Я спокойно (или безпокойно) наслаждался моею славою, какъ опредѣлился къ намъ молодой человѣкъ богатой и знатной фамиліи (не хочу назвать его). Отроду не встрѣчалъ счастливца столь блистательнаго! Вообразите себѣ молодость, умъ, красоту, веселость самую бѣшеную, храбрость самую безпечную, громкое имя, деньги, которымъ не зналъ онъ счета и которыя никогда у него не переводились, и представьте себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ онъ произвести между нами. Первенство мое поколебалось. Обольщенный моею славою, онъ сталъ-было искать моего дружества; но я принялъ его холодно, и онъ безо всякаго сожалѣнія отъ меня удалился. Я его возненавидѣлъ. Успѣхи его въ полку и въ обществѣ женщинъ приводили меня въ совершенное отчаяніе. Я сталъ искать съ нимъ ссоры; на эпиграммы мои отвѣчалъ онъ эпиграммами, которыя всегда казались мнѣ неожиданнѣе и острѣе моихъ, и которыя конечно невпримѣръ были веселѣе: онъ шутилъ, а я злобствовалъ. Наконецъ однажды на балѣ у Польскаго помѣщика, видя его предметомъ вниманія всѣхъ дамъ, и особенно самой хозяйки, бывшей со мною въ связи, я сказалъ ему на ухо какую-то плоскую грубость. Онъ вспыхнулъ и далъ мнѣ пощечину. Мы бросились къ саблямъ; дамы попадали въ обморокъ; насъ разтащили, и въ ту же ночь поѣхали мы драться.

«Это было на разсвѣтѣ. Я стоялъ на назначенномъ мѣстѣ съ моими тремя секундантами. Съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я моего противника. Весеннее солнце взошло и жаръ уже наспѣвалъ. Я увидѣлъ его издали. Онъ шелъ пѣшкомъ, съ мундиромъ на саблѣ, сопровождаемый однимъ секундантомъ. Мы пошли къ нему навстрѣчу. Онъ приближился, держа фуражку, наполненную черешнями. Секунданты отмѣрили намъ двѣнадцать шаговъ. Мнѣ должно было стрѣлять первому; но волненіе злобы во мнѣ было столь сильно, что я не надѣялся на вѣрность руки и, чтобы дать себѣ время остыть, уступалъ ему первый выстрѣлъ; противникъ мой не соглашался. Положили бросить жребій: первый нумеръ достался ему, вѣчному любимцу счастія. Онъ прицѣлился и прострѣлилъ мнѣ фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконецъ была въ моихъ рукахъ; я глядѣлъ на него жадно, стараясь уловить хотя одну тѣнь безпокойства. Онъ стоялъ подъ пистолетомъ, выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки, которыя долетали до меня. Его равнодушіе взбѣсило меня. Что пользы, подумалъ я, лишить его жизни, когда онъ ею вовсе не дорожитъ? Злобная

мысль мелькнула въ умѣ моемъ. Я опустилъ пистолетъ. Вамъ, кажется, теперь не до смерти, сказалъ я ему, вы изволите завтракать; мнѣ не хочется вамъ помѣшать. Вы ничуть не помѣшаете мнѣ, возразилъ онъ, извольте себѣ стрѣлять, а впрочемъ какъ вамъ угодно; выстрѣлъ вашъ остается за вами; я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

Сильвіо вынулъ изъ кармана утромъ полученное письмо и далъ мнѣ его читать. Кто-то (казалось, его повѣренный по дѣламъ) писалъ ему изъ Москвы, что *извѣстная особа* скоро должна вступить въ законный бракъ съ молодой и прекрасной дѣвушкой.

«Вы догадываетесь,» сказалъ Сильвіо,

ГРАФЪ.

ГРАФИНЯ.

СИЛЬВІО.

(Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 г. въ Академіи Художествъ; воспроизведены не были). Изъ серіи силуэтовъ къ «Выстрѣлу» В. В. Гельмерсена.

Я обратился къ секундантамъ, объявивъ, что нынче стрѣлять не намѣренъ, и поединокъ тѣмъ и кончился.

Я вышелъ въ отставку и удалился въ это мѣстечко. Съ тѣхъ поръ не прошло ни одного дня, чтобъ я не думалъ о мщеніи. Нынѣ часъ мой насталъ»...

«кто эта *извѣстная особа*. Ѣду въ Москву. Посмотримъ, такъ ли равнодушно приметъ онъ смерть передъ своей свадьбой, какъ нѣкогда ждалъ ее за черешнями»!

При сихъ словахъ Сильвіо всталъ, бросилъ объ полъ свою фуражку и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ

тигръ по своей клѣткѣ. Я слушалъ его неподвижно; странныя, противоположныя чувства волновали меня.

Слуга вошелъ и объявилъ, что лошади готовы. Сильвіо крѣпко сжалъ мнѣ руку; мы поцаловались. Онъ сѣлъ въ тележку, гдѣ лежали два чемодана, одинъ съ пистолетами, другой съ его пожитками. Мы простились еще разъ, и лошади поскакали.

II.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и домашнія обстоятельства принудили меня поселиться въ бѣдной деревенькѣ N** уѣзда. Занимаясь хозяйствомъ, я не переставалъ тихонько воздыхать о прежней моей шумной и безъ заботной жизни. Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть проводить весенніе и зимніе вечера въ совершенномъ уединеніи. До обѣда кое-какъ еще дотягивалъ я время, толкуя со старостой, разъѣзжая по работамъ или обходя новыя заведенія; но какъ скоро начинало смеркаться, я совершенно не зналъ, куда дѣваться. Малое число книгъ, найденныхъ мною подъ шкафами и въ кладовой, были вытвержены мною наизустъ. Всѣ сказки, которыя только могла запомнить клюшница Кириловна, были мнѣ пересказаны; пѣсни бабъ наводили на меня тоску. Принялся я-было за неподслащенную наливку, но отъ нея болѣла у меня голова; да признаюсь, побоялся я сдѣлаться *пьяницею съ горя*, т.-е. самымъ *горькимъ* пьяницею, чему примѣровъ множество видѣлъ я въ нашемъ уѣздѣ. Близкихъ сосѣдовъ около меня не было, кромѣ двухъ или трехъ *горькихъ*, коихъ бесѣда состояла большею частію въ икотѣ и воздыханіяхъ. Уединеніе было сноснѣе.

Въ четырехъ верстахъ отъ меня находилось богатое помѣстье, принадлежащее Графинѣ Б**; но въ немъ жилъ только управитель, а Графиня посѣтила свое помѣстье только однажды, въ первый годъ своего замужества, и то прожила тамъ не болѣе мѣсяца. Однакожъ во вторую весну моего затворничества разнесся слухъ, что Графиня съ мужемъ пріѣдетъ на лѣто въ свою деревню. Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Іюня мѣсяца.

Пріѣздъ богатаго сосѣда есть важная эпоха для деревенскихъ жителей. Помѣщики и ихъ дворовые люди толкуютъ о томъ мѣсяца два прежде и года три спустя. Что касается до меня, то, признаюсь, извѣстіе о прибытіи молодой и прекрасной сосѣдки сильно на меня подѣйствовало; я горѣлъ нетерпѣніемъ ее увидѣть, и потому въ первое воскресенье по ея пріѣздѣ отправился послѣ обѣда въ село *** рекомендоваться Ихъ Сіятельствамъ, какъ ближайшій сосѣдъ и всепокорнѣйшій слуга.

Лакей ввелъ меня въ Графской кабинетъ, а самъ пошелъ обо мнѣ доложить. Обширный кабинетъ былъ убранъ со всевозможною роскошью; около стѣнъ стояли шкафы съ книгами, и надъ каждымъ бронзовый бюстъ; надъ мраморнымъ каминомъ было широкое зеркало; полъ обитъ былъ зеленымъ сукномъ и устланъ коврами. Отвыкнувъ отъ роскоши въ бѣдномъ углу моемъ, и уже давно не видавъ чужаго богатства, я оробѣлъ и ждалъ Графа съ какимъ-то трепетомъ, какъ проситель изъ провинціи ждетъ выхода Министра. Двери отворились, и вошелъ мущина лѣтъ тридцати двухъ, прекрасный собою. Графъ приблизился ко мнѣ съ видомъ открытымъ и дружелюбнымъ; я старался ободриться и началъ было себя рекомендовать, но онъ предупредилъ меня. Мы сѣли. Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость; я уже начиналъ входить въ обыкновенное мое положеніе, какъ вдругъ вошла Графиня, и смущеніе овладѣло мною пуще прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, она была красавица. Графъ представилъ меня; я хотѣлъ казаться развязнымъ, но чѣмъ больше старался взять на себя видъ непринужденности, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя неловкимъ. Они, чтобъ дать мнѣ время оправиться и привыкнуть къ новому знакомству, стали говорить между собою, обходясь со мною какъ съ добрымъ сосѣдомъ и безъ церемоніи. Между тѣмъ я сталъ ходить взадъ и впередъ, осматривая книги и картины. Въ картинахъ я не знатокъ, но одна привлекла мое вниманіе. Она изображала какой-то видъ изъ Швейцаріи; но поразила меня въ ней не живопись, а то, что картина была прострѣлена двумя пулями, всаженными одна на другую. «Вотъ хорошій выстрѣлъ,» сказалъ я, обращаясь къ Графу. — «Да, отвѣчалъ онъ, выстрѣлъ очень замѣчательный. А хорошо вы стрѣляете?» продолжалъ онъ.— «Изрядно,» отвѣчалъ я, обрадовавшись, что разговоръ коснулся наконецъ предмета, мнѣ близкаго. «Въ тридцати шагахъ промаху въ карту не дамъ, разумѣется, изъ знакомыхъ пистолетовъ.» — «Право?» сказала Графиня съ видомъ большой внимательности: «а ты, мой другъ, попадешь ли въ карту на три-

дцати шагахъ?» Когда нибудь,» отвѣчалъ Графъ, «мы попробуемъ. Въ свое время я стрѣлялъ не худо; но вотъ уже четыре года, какъ я не бралъ въ руки пистолета».—«О, замѣтилъ я, въ такомъ случаѣ бьюсь объ закладъ, что Ваше Сіятельство не попадете въ карту и въ двадцати шагахъ; пистолетъ требуетъ ежедневнаго упражненія. Это я знаю на опытѣ. У насъ въ полку я считался однимъ изъ лучшихъ стрѣлковъ. Однажды случилось мнѣ цѣлый мѣсяцъ не брать пистолета: мои были въ починкѣ; что же бы вы думали, Ваше Сіятельство? Въ первый разъ, какъ сталъ потомъ стрѣлять, я далъ сряду четыре промаха по бутылкѣ въ двадцати пяти шагахъ. У насъ былъ Ротмистръ, острякъ, забавникъ; онъ тутъ случился и сказалъ мнѣ: знать у тебя, братъ, рука не подымается на бутылку. Нѣтъ, Ваше Сіятельство, не должно пренебрегать этимъ упражненіемъ, не то отвыкнешь какъ разъ. Лучшій стрѣлокъ, котораго удалось мнѣ встрѣчать, стрѣлялъ каждый день, по крайней мѣрѣ три раза передъ обѣдомъ. Это у него было заведено, какъ рюмка водки.» Графъ и графиня рады были, что я разговорился.—«А каково стрѣлялъ онъ?» спросилъ меня Графъ. «Да вотъ какъ, Ваше Сіятельство: бывало увидитъ онъ, сѣла на стѣну муха: вы смѣетесь, Графиня? Ей Богу, правда. Бывало, увидитъ муху и кричитъ: Кузька, пистолетъ! Кузька и несетъ ему заряженный пистолетъ. Онъ хлопъ, и вдавитъ муху въ стѣну!» — «Это удивительно!» сказалъ Графъ: «а какъ его звали?» — «Сильвіо, Ваше Сіятельство.» — «Сильвіо!» вскричалъ Графъ, вскочивъ со своего мѣста; «вы знали Сильвіо?» «Какъ не знать, Ваше Сіятельство; мы были съ нимъ пріятели; онъ въ нашемъ полку принятъ былъ, какъ свой братъ товарищъ; да вотъ ужъ лѣтъ пять какъ объ немъ не имѣю никакого извѣстія. Такъ и Ваше Сіятельство стало быть знали его?» —«Зналъ, очень зналъ. Не разсказывалъ ли онъ вамъ одного очень страннаго происшедствія?» Не пощечина ли, Ваше Сіятельство, полученная имъ на балѣ отъ какого-то повѣсы?» «А сказывалъ онъ вамъ имя этого повѣсы?» Нѣтъ, Ваше Сіятельство, не сказывалъ... Ахъ, Ваше Сіятельство!, продолжалъ я, догадываясь объ истинѣ, извините... я не зналъ... ужъ не вы ли?...» Я самъ,» отвѣчалъ Графъ, съ видомъ чрезвычайно растроеннымъ; «а прострѣленная картина есть памятникъ послѣдней нашей встрѣчи»... «Ахъ, милый мой,» сказала Графиня: «ради Бога, не разсказывай; мнѣ страшно будетъ слушать.» —«Нѣтъ,» возразилъ Графъ, «я все разскажу; онъ знаетъ, какъ я обидѣлъ его друга: пусть же узнаетъ, какъ Сильвіо мнѣ отомстилъ.» Графъ подвинулъ мнѣ кресла, и я съ живѣйшимъ любопытствомъ услышалъ слѣдующій разсказъ.

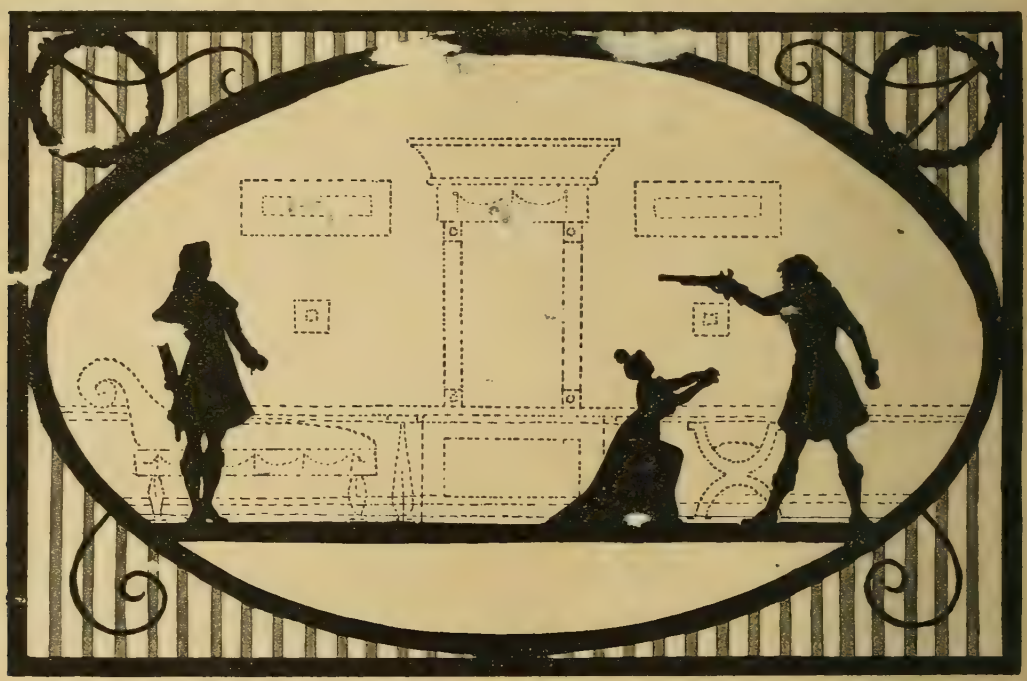
«Пять лѣтъ тому назадъ я женился.— Первый мѣсяцъ, the honey-moon провелъ я здѣсь, въ этой деревнѣ. Этому дому обязанъ я лучшими минутами жизни и однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ воспоминаній.

Однажды вечеромъ ѣздили мы вмѣстѣ верхомъ; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мнѣ поводья и пошла пѣшкомъ домой. Я поѣхалъ впередъ. На дворѣ увидѣлъ я дорожную телегу; мнѣ сказали, что у меня въ кабинетѣ сидитъ человѣкъ, не хотѣвшій объявить своего имени, но сказавшій просто, что ему до меня есть дѣло. Я вошелъ въ эту комнату, и увидѣлъ въ темнотѣ человѣка запыленнаго и обросшаго бородой; онъ стоялъ здѣсь у камина. Я подошелъ къ нему, стараясь припомнить его черты. Ты не узналъ меня, Графъ? сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Сильвіо! закричалъ я, и признаюсь, я почувствовалъ, какъ волоса стали вдругъ на мнѣ дыбомъ. Такъ точно, продолжалъ онъ, выстрѣлъ за мною; я пріѣхалъ разрядить мой пистолетъ; готовъ ли ты? Пистолетъ у него торчалъ изъ боковаго кармана. Я отмѣрилъ двѣнадцать шаговъ, и сталъ тамъ въ углу, прося его выстрѣлить скорѣе, пока жена не воротилась. Онъ медлилъ—онъ просилъ огня. Подали свѣчи.—Я заперъ двери, не велѣлъ никому входить, и снова просилъ его выстрѣлить. Онъ вынулъ пистолетъ и прицѣлился... Я считалъ секунды... я думалъ о ней... Ужасная прошла минута! Сильвіо опустилъ руку. Жалѣю, сказалъ онъ, что пистолетъ заряженъ не черешневыми косточками... пуля тяжела. Мнѣ все кажется, что у насъ не дуэль, а убійство: я не привыкъ цѣлить въ безоружнаго. Начнемъ сызнова; кинемъ жребій, кому стрѣлять первому. Голова моя шла кругомъ... Кажется, я не соглашался... Наконецъ мы зарядили еще пистолетъ; свернули два билета; онъ положилъ ихъ въ фуражку, нѣкогда мною прострѣленную; я вынулъ опять первый нумеръ. Ты, Графъ, дьявольски счастливъ, сказалъ онъ съ усмѣшкою, которой никогда не забуду. Не понимаю, что со мною было, и какимъ образомъ могъ онъ меня къ тому принудить...

но—я выстрѣлилъ, и попалъ вотъ въ эту картину. (Графъ указывалъ пальцемъ на простр[illegible]ленную картину; лице его горѣло какъ огонь; Г[illegible]ня была блѣднѣе своего платка; я не могъ воздержаться отъ восклицанія).

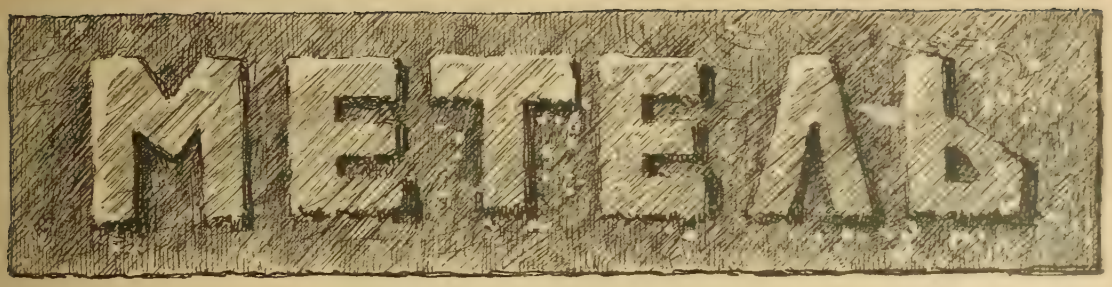
Я выстрѣлилъ, продолжалъ Графъ, и славу Богу, далъ промахъ; тогда Сильвіо... (въ эту минуту онъ былъ, право, ужасенъ) Сильвіо сталъ въ меня прицѣливаться. Вдругъ двери отворились, Маша вбѣгаетъ, и съ визгомъ кидается мнѣ на шею. Ея присутствіе возвратило мнѣ всю бодрость. Милая, сказал[illegible] ей, развѣ ты не видишь, что мы шутимъ? Какъ же ты перепугалась! поди, выпей стаканъ воды и приди къ намъ; я представлю тебѣ стариннаго друга и товарища. Машѣ все еще не вѣрилось. Скажите, правду ли мужъ говоритъ? сказала она, обращаясь къ грозному Сильвіо; правда ли, что вы оба шутите? Онъ всегда шутитъ, Графиня, отвѣчалъ ей Сильвіо; однажды далъ онъ мнѣ шутя пощечину, шутя прострѣлилъ мнѣ вотъ эту фуражку, шутя далъ сейчасъ по мнѣ промахъ; теперь и мнѣ пришла охота пошутить... Съ этимъ словомъ онъ хотѣлъ въ меня прицѣлиться... при ней! Маша бросилась къ его ногамъ. Встань, Маша, стыдно! закричалъ я въ бѣшенствѣ; а вы, сударь, перестанете ли издѣваться надъ бѣдной женщиной? Будете ли вы стрѣлять или нѣтъ? Не буду отвѣчалъ Сильвіо, я доволенъ: я видѣлъ твое смятеніе, твою робость; я заставилъ тебя выстрѣлить по мнѣ, съ меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совѣсти. Тутъ онъ было вышелъ, но остановился въ дверяхъ, оглянулся на простр[illegible]ленную мною картину, выстрѣлилъ въ нее почти не цѣлясь, и скрылся. Жена лежала въ обморокѣ; люди не смѣли его остановить и съ ужасомъ на него глядѣли; онъ вышелъ на крыльце, кликнулъ ямщика, и уѣхалъ, прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться.»

Графъ замолчалъ. Такимъ образомъ узналъ я конецъ повѣсти, коей начало нѣкогда такъ поразило меня. Съ героемъ оной уже я не встрѣчался. Сказываютъ, что Сильвіо, во время возмущенія Александра Ипсиланти, предводительствовалъ отрядомъ Этеристовъ и былъ убитъ въ сраженіи подъ Скулянами.



ВТОРАЯ ДУЭЛЬ СИЛЬВІО СЪ ГРАФОМЪ.

(Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 г. въ Академіи Художествъ; воспроизведены не были). Изъ серіи силуэтовъ къ «Выстрѣлу» В. В. Гельмерсена.



Кони мчатся по буграмъ
Топчутъ снѣгъ глубокой...
Вотъ, ъ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокой.

. . . . . .

Вдругъ метелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Вѣщій стонъ гласитъ печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы...

Жуковскій.

Въ концѣ 1811 года, въ эпоху намъ достопамятную, жилъ въ своемъ помѣстьѣ Ненарадовѣ добрый Гаврила Гавриловичь Р***. Онъ славился во всемъ округѣ гостепріимствомъ и радушіемъ; сосѣды поминутно ѣздили къ нему поѣсть, попить, поиграть по пяти копѣекъ въ бостонъ съ его женою, а нѣкоторые для того, чтобъ поглядѣть на дочку ихъ, Марью Гавриловну, стройную, блѣдную и семнадцатилѣтнюю дѣвицу. Она считалась богатой невѣстою, и многіе прочили ее за себя или за сыновей.

Марья Гавриловна была воспитана на Французскихъ романахъ, и слѣдственно была влюблена. Предметъ, избранный ею, былъ бѣдный армейскій Прапорщикъ, находившійся въ отпуску въ своей деревнѣ. Само по себѣ разумѣется, что молодой человѣкъ пылалъ равною страстію, и что родители его любезной, замѣтя ихъ взаимную склонность, запретили дочери о немъ и думать, а его принимали хуже, нежели отставнаго засѣдателя.

Наши любовники были въ перепискѣ, и всякой день видались наединѣ въ сосновой рощѣ или у старой часовни. Тамъ они клялись другъ другу въ вѣчной любви, сѣтовали на судьбу и дѣлали различныя предположенія. Переписываясь и разговаривая такимъ образомъ, они (что весьма естественно) дошли до слѣдующаго разсужденія: если мы другъ безъ друга дышать не можемъ, а воля жестокихъ родителей препятствуетъ нашему благополучію, то нельзя ли намъ будетъ обойтись безъ нея? Разумѣется, что эта счастливая мысль пришла сперва въ голову молодому человѣку, и что она весьма понравилась романическому воображенію Марьи Гавриловны.

Наступила зима и прекратила ихъ свиданія; но переписка сдѣлалась тѣмъ живѣе. Владиміръ Николаевичъ въ каждомъ письмѣ умолялъ ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые конечно будутъ тронуты наконецъ героическимъ постоянствомъ и нещастіемъ любовниковъ, и скажутъ имъ непремѣнно: Дѣти! придите въ наши объятія.

Марья Гавриловна долго колебалась; множество плановъ побѣга было отверг-

нуто. Наконецъ она согласилась: въ назначенный день она должна была не ужинать, удалиться въ свою комнату подъ предлогомъ головной боли. Дѣвушка ея была въ заговорѣ; обѣ онѣ должны были выдти въ садъ черезъ заднее крыльцо, за садомъ найти готовыя сани, садиться въ нихъ и ѣхать за пять верстъ отъ Ненарадова въ село Жадрино, прямо въ церковь, гдѣ ужъ Владиміръ долженъ былъ ихъ ожидать.

Наканунѣ рѣшительнаго дня, Марья Гавриловна не спала всю ночь; она укладывалась, увязывала бѣлье и платье, написала длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ, ея подругѣ, другое къ своимъ родителямъ. Она прощалась съ ними въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, извиняла свой проступокъ неодолимою силою страсти, и оканчивала тѣмъ, что блаженнѣйшею минутою жизни почтетъ она ту, когда позволено будетъ ей броситься къ ногамъ дрожайшихъ ея родителей. Запечатавъ оба письма Тульской печаткой, на которой изображены были два пылающія сердца съ приличной надписью, она бросилась на постель передъ самымъ разсвѣтомъ и задремала; но и тутъ ужасныя мечтанія поминутно ее пробуждали. То, казалось ей, что въ самую минуту, когда она садилась въ сани, чтобъ ѣхать вѣнчаться, отецъ ея останавливалъ ее, съ мучительной быстротой тащилъ ее по снѣгу и бросалъ въ темное, бездонное подземелье... и она летѣла стремглавъ съ неизъяснимымъ замираніемъ сердца; то видѣла она Владиміра, лежащаго на травѣ, блѣднаго, окровавленнаго. Онъ, умирая, молилъ ее пронзительнымъ голосомъ поспѣшить съ нимъ обвѣнчаться... другія безобразныя, безсмысленныя видѣнія неслись передъ нею одно за другимъ. Наконецъ она встала, блѣднѣе обыкновеннаго и съ непритворной головною болью. Отецъ и мать замѣтили ея безпокойство; ихъ нѣжная заботливость и безпрестанные вопросы: что съ тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? раздирали ея сердце. Она старалась ихъ успокоить, казаться веселою, и не могла. Наступилъ вечеръ. Мысль, что уже въ послѣдній разъ провожаетъ она день посреди своего семейства, стѣняла ея сердце. Она была чуть жива; она втайнѣ прощалась со всѣми особами, со всѣми предметами, ее окружавшими. Подали ужинать; сердце ее сильно забилось. Дрожащимъ голосомъ объявила она, что ей ужинать не хочется, и стала прощаться съ отцомъ и матерью. Они ее поцѣловали и, по обыкновенію, благословили: она чуть не заплакала. Пришедъ въ свою комнату, она кинулась въ кресла и залилась слезами. Дѣвушка уговаривала ее успокоиться и ободриться. Все было готово. Черезъ полчаса Маша должна была навсегда оставить родительскій домъ, свою комнату, тихую дѣвическую жизнь... На дворѣ была метель; вѣтеръ вылъ, ставни тряслись и стучали; все казалось ей угрозой и печальнымъ предзнаменованіемъ. Скоро въ домѣ все утихло и заснуло. Маша окуталась шалью, надѣла теплый капотъ, взяла въ руки шкатулку свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка несла за нею два узла. Онѣ сошли въ садъ. Метель не утихала; вѣтеръ дулъ навстрѣчу, какъ будто силясь остановить молодую преступницу. Онѣ насилу дошли до конца сада. На дорогѣ сани дождались ихъ. Лошади, прозябнувъ, не стояли на мѣстѣ; кучеръ Владиміра разхаживалъ передъ оглоблями, удерживая ретивыхъ. Онъ помогъ барышнѣ и ея дѣвушкѣ усѣсться и уложить узлы и шкатулку, взялъ возжи, и лошади полетѣли. Поручивъ барышню попеченію судьбы и искуству Терешки кучера, обратимся къ молодому нашему любовнику.

Цѣлый день Владиміръ былъ въ разъѣздѣ. Утромъ былъ онъ у Жадринскаго священника; насилу съ нимъ уговорился; потомъ поѣхалъ искать свидѣтелей между сосѣдними помѣщиками. Первый, къ кому явился онъ, отставной сорокалѣтній Корнетъ Дравинъ, согласился съ охотою. Это приключеніе, увѣрялъ онъ, напоминало ему прежнее время и гусарскія проказы. Онъ уговорилъ Владиміра остаться у него отобѣдать, и увѣрилъ его, что за другими двумя свидѣтелями дѣло не станетъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ обѣда явились землемѣръ Шмитъ въ усахъ и шпорахъ, и сынъ Капитанъ-Исправника, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, недавно поступившій въ Уланы. Они не только приняли предложеніе Владиміра, но даже клялись ему въ готовности жертвовать для него жизнію. Владиміръ обнялъ ихъ съ восторгомъ, и поѣхалъ домой приготовляться.

Уже давно смеркалось. Онъ отправилъ своего надежнаго Терешку въ Ненарадово съ своею тройкою и съ подробнымъ, обстоятельнымъ наказомъ, а для себѣ велѣлъ заложить маленькія сани въ одну лошадь, и одинъ безъ кучера отправился въ Жадрино, куда часа черезъ два

должна была пріѣхать и Марья Гавриловна. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего двадцать минутъ.

Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ, и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность изчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то взъѣжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались.— Владиміръ старался только не потерять настоящаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ; рощи все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ него потъ катился градомъ, не смотря на то, что онъ поминутно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ остановился: началъ думать, припоминать, соображать и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно было быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно безпокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ: Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу, и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло-было рысью, но скоро стало приставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, не смотря на всѣ усилія нещастнаго Владиміра.

Мало по малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи. Слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поѣхалъ наудачу. Погода утихла, тучи разходились, передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?»—«Далеко ли Жадрино?»—«Жадрино-то далеко ли?»—»Да, да! Далеко ли?»—«Недалече: верстъ десятокъ будетъ.» При семъ отвѣтѣ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ, приговоренный къ смерти.

«А отколѣ ты?» продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. «Можешь ли ты, старикъ, сказалъ онъ, достать мнѣ лошадей до Жадрина?»— «Каки у насъ лошади?» отвѣчалъ мужикъ.— «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно.»— «Постой,» сказалъ старикъ, опуская ставень: я те сына вышлю; онъ те проводитъ.» Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло минуты, онъ опять началъ стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. «Что те надо?»—«Что жъ твой сынъ?»—«Сей часъ выдетъ, обувается. Али ты прозябъ? взойди погрѣться.»—«Благодарю, высылай скорѣе сына.»

Ворота заскрипѣли; парень вышелъ съ дубиною и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. — «Да ужъ скоро развѣнетъ,» отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже ни слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владиміръ заплатилъ проводнику и поѣхалъ на дворъ къ священнику. На дворѣ тройки его не было. Какое извѣстіе ожидало его!

Но возвратимся къ добрымъ Ненарадовскимъ помѣщикамъ и посмотримъ, что-то у нихъ дѣлается.

А ничего.

Старики проснулись и вышли въ го-

стиную, Гаврила Гавриловичь въ колпакѣ и бойковой куркѣ, Прасковья Петровна въ шлафрокѣ на ватѣ. Подали самоваръ, и Гаврила Гавриловичь послалъ дѣвчонку узнать отъ Марьи Гавриловны, каково ея здоровье и какъ она почивала. Дѣвчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче, и что она-де сей часъ придетъ въ гостиную. Въ самомъ дѣлѣ, дверь отворилась, и Марья Гавриловна подошла здороваться съ папенькой и маменькой.

«Что твоя голова, Маша?» спросилъ Гаврила Гавриловичь.—«Лучше папенька,» отвѣчала Маша. — «Ты вѣрно, Маша, вчерась угорѣла,» сказала Прасковья Петровна.—«Можетъ быть, маменька,» отвѣчала Маша.

День прошелъ благополучно, но въ ночь Маша занемогла. Послали въ городъ за лѣкаремъ. Онъ пріѣхалъ къ вечеру и нашелъ больную въ бреду. Открылась сильная горячка и бѣдная больная находилась у края гроба.

Никто въ домѣ не зналъ о предполагаемомъ побѣгѣ. Письма, на канунѣ ею написанныя, были сожжены; ея горничная никому ни о чемъ не говорила, опасаясь гнѣва господъ. Священникъ, отставной Корнетъ, усастый землемѣръ и маленькій Уланъ были скромны, и недаромъ. Терешка кучеръ никогда ничего лишняго не высказывалъ, даже и въ хмѣлю. Такимъ образомъ тайна была сохранена болѣе чѣмъ полудюжиною заговорщиковъ. Но Марья Гавриловна сама, въ безпрестанномъ бреду, высказывала свою тайну. Однакожъ ея слова были столь несообразны ни съ чѣмъ, что мать, не отходившая отъ ея постели, могла понять изъ нихъ только то, что дочь ея была смертельно влюблена во Владиміра Николаевича, и что вѣроятно любовь была причиною ея болѣзни. Она совѣтовалась со своимъ мужемъ, съ нѣкоторыми сосѣдами, и наконецъ единогласно всѣ рѣшили, что видно такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. Нравственныя поговорки бываютъ удивительно полезны въ тѣхъ случаяхъ, когда мы отъ себя мало что можемъ выдумать себѣ въ оправданіе.

Между тѣмъ барышня стала выздоравливать. Владиміра давно не видно было въ домѣ Гаврилы Гавриловича. Онъ былъ напуганъ обыкновеннымъ пріемомъ. Положили послать за нимъ и объявить ему неожиданное щастіе: согласіе на бракъ. Но каково было изумленіе Ненарадовскихъ помѣщиковъ, когда въ отвѣтъ на ихъ приглашеніе получили они отъ него полусумасшедшее письмо! Онъ объявлялъ имъ, что нога его не будетъ никогда въ ихъ домѣ, и просилъ забыть о нещастномъ, для котораго смерть остается единою надеждою. Черезъ нѣсколько дней узнали они, что Владиміръ уѣхалъ въ армію. Это было въ 1812 году.

Долго не смѣли объявить объ этомъ выздоравливающей Машѣ. Она никогда не упоминала о Владимірѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ уже спустя, нашедъ имя его въ числѣ отличившихся и тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ, она упала въ обморокъ, и боялись, чтобъ горячка ея не возвратилась. Однако, слава Богу, обморокъ не имѣлъ послѣдствія.

Другая печаль ее посѣтила: Гаврила Гавриловичь скончался, оставя ее наслѣдницей всего имѣнія. Но наслѣдство не утѣшало ея; она раздѣляла искренно горесть бѣдной Прасковьи Петровны, клялась никогда съ нею не разставаться; обѣ онѣ оставили Ненарадово, мѣсто печальныхъ воспоминаній и поѣхали жить въ ***ское помѣстье.

Женихи кружились и тутъ около милой и богатой невѣсты: но она никому не подавала и малѣйшей надежды. Мать иногда уговаривала ее выбрать себѣ друга; Марья Гавриловна качала головой и задумывалась. Владиміръ уже не существовалъ: онъ умеръ въ Москвѣ, наканунѣ вступленія Французовъ. Память его казалась священной для Маши; по крайней мѣрѣ она берегла все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанные для нея. Сосѣди, узнавъ обо всемъ, дивились ея постоянству и съ любопытствомъ ожидали Героя, долженствовавшаго наконецъ восторжествовать надъ печальной вѣрностію этой дѣвственной Артемизы.

Между тѣмъ война со славою была кончена. Полки наши возвращались изъ-за границы. Народъ бѣжалъ имъ навстрѣчу. Музыка играла завоеванныя пѣсни: Vive Henri-Quatre, Тирольскіе вальсы и аріи изъ Жоконда. Офицеры, ушедшіе въ походъ почти отроками, возвращались, возмужавъ на бранномъ воздухѣ, обвѣшенные крестами. Солдаты весело разговаривали между собою, вмѣшивая поминутно въ рѣчь Нѣмецкія и

«АЙ, НЕ ОНЪ, НЕ ОНЪ».

Рисунокъ В. Сурикова.

Французскія слова. Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось Русское сердце при словѣ Отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! Съ какимъ единодушіемъ мы соединяли чувства народной гордости и любви къ Государю! А для Него, какая была минута!

Женщины, Русскія женщины были тогда безподобны. Обыкновенная холодность ихъ изчезла. Восторгъ ихъ былъ истинно упоителенъ, когда, встрѣчая побѣдителей, кричали онѣ: *ура!*

И въ воздухъ чепчики бросали.

Кто изъ тогдашнихъ Офицеровъ не сознается, что Русской женщинѣ обязанъ онъ былъ лучшей, драгоцѣннѣйшей наградой?...

Въ это блистательное время Марья Гавриловна жила съ матерью въ *** Губерніи и не видала, какъ обѣ столицы праздновали возвращеніе войскъ. Но въ уѣздахъ и въ деревняхъ общій восторгъ, можетъ быть, былъ еще сильнѣе. Появленіе въ сихъ мѣстахъ Офицера было для него настоящимъ торжествомъ, и любовнику во фракѣ плохо было въ его сосѣдствѣ.

Мы уже сказывали, что, не смотря на ея холодность, Марья Гавриловна все по-прежнему окружена была искателями. Но всѣ должны были отступить, когда явился въ ея замкѣ раненый Гусарской Полковникъ Бурминъ, съ Георгіемъ въ петлицѣ и *съ интересной блѣдностью*, какъ говорили тамошнія барышни. Ему было около двадцати шести лѣтъ. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ свои помѣстья, находившіяся по сосѣдству деревни Марьи Гавриловны. Марья Гавриловна очень его отличала. При немъ обыкновенная задумчивость ея оживлялась. Нельзя было сказать, чтобъ она съ нимъ кокетничала; но Поэтъ, замѣтя ея поведеніе сказалъ бы:

Se amor non é, che dunche...?

Бурминъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень милый молодой человѣкъ. Онъ имѣлъ именно тотъ умъ, который нра-

вится женщинамъ: умъ приличія и наблюденія, безо всякихъ притязаній и безпечно насмѣшливый. Поведеніе его съ Марьей Гавриловной было просто и свободно; но, чтобъ она ни сказала или ни сдѣлала, душа и взоры его такъ за нею и слѣдовали. Онъ казался нрава тихаго и скромнаго, но молва увѣряла, что нѣкогда былъ онъ ужаснымъ повѣсою, и это не вредило ему во мнѣніи Марьи Гавриловны, которая (какъ и всѣ молодыя дамы вообще) съ удовольствіемъ извиняла шалости, обнаруживающія смѣлость и пылкость характера.

Но болѣе всего... (болѣе его нѣжности, болѣе пріятнаго разговора, болѣе интересной блѣдности, болѣе перевязанной руки) молчаніе молодаго Гусара болѣе всего подстрекало ея любопытство и воображеніе. Она не могла не сознаваться въ томъ, что она очень ему нравилась; вѣроятно и онъ, съ своимъ умомъ и опытностью, могъ уже замѣтить, что она отличала его: какимъ же образомъ до сихъ поръ не видала она его у своихъ ногъ и еще не слыхала его признанія? Что удерживало его? робость, гордость или кокетство хитраго волокиты? Это было для нея загадкою. Подумавъ хорошенько, она рѣшила, что робость была единственно тому причиною, и положила ободрить его большею внимательностію, и смотря по обстоятельствамъ, даже нѣжностію. Она пріуготовляла развязку самую неожиданную и съ нетерпѣніемъ ожидала минуты романическаго объясненія. Тайна, какого роду ни была бы всегда тягостна женскому сердцу. Ея военныя дѣйствія имѣли желаемый успѣхъ: по крайней мѣрѣ, Бурминъ впалъ въ такую задумчивость, и черные глаза его съ такимъ огнемъ останавливались на Марьѣ Гавриловнѣ, что рѣшительная минута, казалось, уже близка. Сосѣды говорили о свадьбѣ, какъ о дѣлѣ уже конченномъ, а добрая Прасковья Петровна радовалась, что ея дочь наконецъ нашла себѣ достойнаго жениха.

Старушка сидѣла однажды одна въ гостиной, раскладывая гранъ-пасьянсъ, какъ Бурминъ вошелъ въ комнату и тотчасъ освѣдомился о Марьѣ Гавриловнѣ. «Она въ саду, отвѣчала старушка; подите къ ней, а я васъ буду здѣсь ожидать.» Бурминъ пошелъ, а старушка перекрестилась и подумала: авось дѣло сего дня же кончится!

Бурминъ нашелъ Марью Гавриловну у пруда, подъ ивою, съ книгою въ рукахъ, и въ бѣломъ платьѣ, настоящей героинею романа. Послѣ первыхъ вопросовъ, Марья Гавриловна нарочно перестала поддерживать разговоръ, усиливая такимъ образомъ взаимное замѣшательство, отъ котораго можно было избавиться развѣ только внезапнымъ и рѣшительнымъ объясненіемъ. Такъ и случилось: Бурминъ, чувствуя затруднительность своего положенія, объявилъ, что искалъ давно случая открыть ей свое сердце, и потребовалъ минуты вниманія. Марья Гавриловна закрыла книгу и потупила глаза въ знакъ согласія.

«Я васъ люблю, сказалъ Бурминъ: я васъ люблю страстно...» (Марья Гавриловна покраснѣла и наклонила голову еще ниже). «Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно...» (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux). «Теперь уже поздно противиться судьбѣ моей; воспоминаніе объ васъ, вашъ милый, несравненный образъ отнынѣ будетъ мученіемъ и отрадою жизни моей; но мнѣ еще остается исполнить тяжелую обязанность, открыть вамъ ужасную тайну и положить между нами непреодолимую преграду...»— «Она всегда существовала, прервала съ живостію Марья Гавриловна, я никогда не могла быть вашею женою...»—«Знаю, отвѣчалъ онъ ей тихо, знаю, что нѣкогда вы любили, но смерть и три года сѣтованій... Добрая, милая Марья Гавриловна! не старайтесь лишить меня послѣдняго утѣшенія: мысль, что вы бы согласились сдѣлать мое щастье, если бы... молчите, ради Бога молчите. Вы терзаете меня. Да, я знаю, я чувствую, что вы были бы моею, но—я нещастнѣйшее созданіе... я женатъ!»

Марья Гавриловна взглянула на него съ удивленіемъ.

«Я женатъ, продолжалъ Бурминъ; я женатъ уже четвертый годъ и не знаю— кто моя жена, и гдѣ она, и долженъ ли свидѣться съ нею когда нибудь!»

«Что вы говорите?» воскликнула Марья Гавриловна; «какъ это странно! Продолжайте; я раскажу послѣ... но продолжайте, сдѣлайте милость.»

«Въ началѣ 1812 года, сказалъ Бурминъ! я спѣшилъ въ Вильну, гдѣ находился нашъ полкъ. Пріѣхавъ однажды на станцію поздно вечеромъ, я велѣлъ было поскорѣе закладывать лошадей, какъ вдругъ поднялась ужасная метель, и смотритель

и ямщики совѣтовали мнѣ переждать. Я ихъ послушался, но непонятное безпокойство овладѣло мною; казалось, кто-то меня такъ и толкалъ. Между тѣмъ метель не унималась; я не вытерпѣлъ, приказалъ опять закладывать и поѣхалъ въ самую бурю. Ямщику вздумалось ѣхать рѣкою, что должно было сократить намъ путь тремя верстами. Берега были занесены; ямщикъ поѣхалъ мимо того мѣста, гдѣ выѣзжали на дорогу, и такимъ образомъ очутились мы въ незнакомой сторонѣ. Буря не утихала; я увидѣлъ огонекъ и велѣлъ ѣхать туда. Мы пріѣхали въ деревню; въ деревянной церкви былъ огонь. Церковь была отворена, за оградой стояло нѣсколько саней; по паперти ходили люди. «Сюда! сюда!» закричало нѣсколько голосовъ. Я велѣлъ ямщику подъѣхать. «Помилуй, гдѣ ты замѣшкался?» сказалъ мнѣ кто-то: «невѣста въ обморокѣ; попъ не знаетъ, что дѣлать; мы готовы были ѣхать назадъ. Выходи же скорѣе.» Я молча выпрыгнулъ изъ саней и вошелъ въ церковь, слабо освѣщенную двумя или тремя свѣчами. Дѣвушка сидѣла на лавочкѣ въ темномъ углу церкви; другая терла ей виски. «Слава Богу, сказала эта, насилу мы пріѣхали. Чуть-было вы барышню не уморили.» Старый священникъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Прикажете начинать?»—«Начинайте, начинайте, батюшка,» отвѣчалъ я разсѣянно. Дѣвушку подняли. Она показалась мнѣ не дурна... Непонятная, непростительная вѣтренность... я сталъ подлѣ нея передъ налоемъ; священникъ торопился; трое мущинъ и горничная поддерживали невѣсту и заняты были только ею. Насъ обвѣнчали. «Поцалуйтесь,» сказали намъ. Жена моя обратила ко мнѣ блѣдное свое лице. Я хотѣлъ было ее поцаловать... Она вскрикнула: «Ай, не онъ! не онъ!» и упала безъ памяти. Свидѣтели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся, вышелъ изъ церкви безо всякаго препятствія, бросился въ кибитку и закричалъ: пошелъ!

«Боже мой!» закричала Марья Гавриловна; «и вы не знаете, что сдѣлалось съ бѣдною вашею женою?»

«Не знаю, отвѣчалъ Бурминъ; не знаю, какъ зовутъ деревню, гдѣ я вѣнчался; не помню, съ которой станціи поѣхалъ. Въ то время я такъ мало полагалъ важности въ преступной моей проказѣ, что, отъѣхавъ отъ церкви, заснулъ и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станціи. Слуга, бывшій тогда со мною, умеръ въ походѣ, такъ, что я не имѣю и надежды отыскать ту, надъ которой подшутилъ я такъ жестоко, и которая теперь такъ жестоко отомщена.»

«Боже мой, Боже мой!» сказала Марья Гавриловна, схвативъ его руку: «такъ это были вы! И вы не узнаете меня?»

Бурминъ поблѣднѣлъ... и бросился къ ея ногамъ...

ПОВѢСТИ БѢЛКИНА.

I.

Болдинскій періодъ.

Великое и мудрое спокойствіе осѣнило къ концу 1830-го года мятущуюся душу трагическаго въ своемъ одиночествѣ Пушкина. Оно дало ему возможность развернуть свои геніальныя творческія силы, завершить тѣ великіе пути, по которымъ онъ шелъ до сихъ поръ, и открыть новыя безбрежныя дали—новые горизонты.

По складу своему объективный творецъ, постоянно ощущавшій въ себѣ радостную возможность забыть о своемъ *я* и какъ бы раствориться въ окружающемъ мірѣ, Пушкинъ до 30-го года, въ силу личныхъ невзгодъ, никогда не былъ предоставленъ самому себѣ. Никогда не могъ онъ предаваться спокойному творчеству и, пребывая въ состояніи кипѣнія своихъ могучихъ страстей, невольно вносилъ въ творимые имъ образы большую долю субъективизма. Можно скорѣе удивляться могучей стихійности его объективнаго дара, если при столь неблагопріятныхъ условіяхъ онъ все же создалъ дышащія неземнымъ спокойствіемъ великіе образы старика цыгана и лѣтописца Пимена.

И лишь въ Болдинѣ, въ деревенской тиши, которая такъ благотворно вліяла на его творчество, въ концѣ 30-го года, когда ему ясно стало будущее, сулившее его усталой душѣ блаженство въ личной жизни, онъ, отдѣленный отъ всего міра цѣлымъ рядомъ карантиновъ, сравнительно успокоился. Сдѣлался онъ «тише», отошелъ отъ своего *я* на должное разстояніе, чтобы окунуться въ міръ объективныхъ образовъ, проявить великій даръ проникновенія въ душу людей разнообразнѣйшихъ націй, сословій и положеній. Здѣсь онъ пережилъ необычайный даже для него подъемъ творческой силы, о чемъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 9-ое декабря 1840-го года: « . . . . въ Болдинѣ писалъ, какъ давно уже не писалъ. Вотъ что привезъ сюда: двѣ послѣднія главы Онѣгина... повѣсть, писанную октавами [домикъ въ Коломнѣ] нѣсколько драматическихъ сценъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Пиръ во время чумы и Донъ-Жуанъ. Сверхъ того я написалъ около 30 мелкихъ стихотвореній. Еще не все: написалъ я прозой (весьма секретное)пятьповѣстей[Повѣсти Бѣлкина]».

На Болдинскій періодъ мы должны смотрѣть, такимъ образомъ, какъ на центральный узелъ, откуда исходятъ нити по всѣмъ направленіямъ; какъ на огромный резервуаръ, куда стекаются рѣки его прошлаго творчества и откуда, освѣженныя, онѣ продолжаютъ свои извилистые пути.

Пушкинъ рано сталъ задумываться надъ проблемой индивидуализма. Онъ прочувствовалъ ее впервые на Кавказѣ, частью подъ вліяніемъ личныхъ невзгодъ, поддерживавшихъ пламя мятежа въ его бурной душѣ, частью подъ вліяніемъ европейскаго романтизма, съ его культомъ могучей личности, вступающей въ борьбу съ окружающей ее жизнью,—личности, разбивающей скрижали старыхъ цѣнностей, ставящей себя въ центрѣ мірозданія и на все глядящей съ точки зрѣнія *я*. Пушкинъ принялъ гордую индивидуальность подъ свою защиту, ставъ на ея сторонѣ въ ея тяжбѣ съ обществомъ. Но это было лишь субъективное настроеніе временно встревоженнаго художника, настроеніе, которое умчалось вмѣстѣ съ годами. Созрѣвшій къ 24-му году геній проникся всей серьезностью этой проблемы, постигъ ея вѣчный общечеловѣческій характеръ, понялъ, что ее нельзя ставить въ зависимость отъ личныхъ временныхъ переживаній.—Трепетно жгучая, она властно требуетъ къ себѣ иного отношенія, иныхъ путей разрѣшенія

ПУШКИНЪ.

Автопортретъ, извлеченный изъ черновиковъ «Евгенія Онѣгина»
(тетрадь Румянцев. музея № 2370, листъ 80). Воспроизводится здѣсь впервые.

Два пути намѣчены Пушкинымъ. Оба они ведутъ къ растворенію человѣческаго *я* въ окружающемъ мірѣ, космосѣ или бытіѣ, къ уничтоженію первопричины всѣхъ жгучихъ проблемъ. Они же оба сошлись, скрестились въ его Болдинскихъ твореніяхъ. Вотъ почему, какъ мы увидимъ ниже, всѣ Болдинскія произведенія носятъ одинъ общій характеръ и, при всемъ своемъ многообразіи, поражаютъ насъ своимъ единствомъ—всѣ они запечатлѣны печатью единаго, цѣльнаго въ своей многогранности, генія.

Уже въ «Цыганахъ» страдальческой личности замкнутаго въ самомъ себѣ гордаго Алеко, который «для себя лишь ищетъ воли» и смотритъ на весь окружающій міръ, какъ на подножіе себѣ, противопоставлены: съ одной стороны, вольная, свободная въ своемъ религіозномъ смиреніи, община, идеалъ которой такъ полно воплощенъ въ патріархальной фигурѣ старика цыгана, знающаго про себя великую мудрость, подсказанную самой природой: «чредою дается радость, что было, то не будетъ вновь». А съ другой стороны—своевольная, измѣнчивая Земфира—дитя природы, свободная въ своихъ движеніяхъ, не знающая ни мрачной сосредоточенности, ни тяжелаго постоянства гордаго индивидуализма.

Такую же антитезу мы находимъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Такъ Борису съ его узкой, замкнутой въ предѣлахъ одного страстнаго стремленія къ власти, душой противопоставлены, съ одной стороны, широкая и вольная натура самозванца, откликающагося на всѣ звуки, издаваемыя жизнью, а съ другой—спокойная и мудрая фигура Пимена, какъ мощный монументъ, стоящаго надъ жизнью, ея волненіями и страстями и указующаго путь къ великому смиренію и покорности передъ бытіемъ.

Такъ и Мазепѣ, хитрому и злому политику, стремящемуся къ коронѣ для себя, противопоставленъ вольный и добродушный Петръ, пьющій заздравный кубокъ за враговъ, своихъ учителей шведовъ.

Непосредственная натура, простодушная и наивная душа, открытая для всевозможныхъ звуковъ жизни, стремящаяся къ воплощенію въ себѣ наибольшаго количества сторонъ открываемаго міра или космоса—натура незамкнутая въ себѣ и не возносящая на самый высокій пьедесталъ своего *я*,—радостно и беззаботно растворяющаяся въ объективномъ мірѣ — вотъ онъ идеалъ Пушкина. Такая натура не вѣдаетъ никакихъ проблемъ, не страдаетъ въ жизни, не корчится въ мукахъ одиночества.

Таковъ одинъ путь.

Но такія натуры бываютъ различныхъ масштабовъ и различной сложности. Универсальныя души—геніи растворяются во всемъ космосѣ, во всемъ окружающемъ мірѣ. Творцы, они, какъ эхо, откликаются на всѣ стороны жизни, которая находитъ болѣе или менѣе полное воплощеніе въ ихъ творчествѣ. Таковъ Гете, Моцартъ; таковъ и Пушкинъ, давшій намъ цѣлую галлерею подобныхъ типовъ съ широкой натурой.

Люди съ менѣе сложной душой, съ меньшей, если можно такъ выразиться, душевной емкостью, но такого же склада, успокаиваются въ лонѣ небольшой среды, сливаются съ бытіемъ одной опредѣленной сферы, питаясь всю жизнь интересами цѣлаго и въ немъ растворяя свое *я*. Сліяніе съ бытомъ, признаніе Высшаго начала, господствующаго надъ жизнью, и ощущеніе долга—вотъ второй путь, сулящій покой человѣку на землѣ. Основная же черта характера, служащая психологическимъ основаніемъ для людей, идущихъ по обоимъ выше названнымъ путямъ—это отсутствіе эгоцентризма натуры.

Въ Болдинскій періодъ оба пути, какъ мы уже сказали выше, скрещиваются. Въ «маленькихъ» (какъ назвалъ Пушкинъ «Скупого Рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Каменнаго Гостя» и «Пиръ во время чумы»), но на самомъ дѣлѣ великихъ трагедіяхъ рисуются эти вольныя широкія натуры, вѣдающія счастье на землѣ. Въ послѣднихъ же двухъ главахъ Онѣгина, весь смыслъ которыхъ сводится къ словамъ Татьяны: «но я другому отдана, я буду вѣкъ ему вѣрна», высказывается уже идеалъ всесмиренія и признанія господства морали въ жизни.

II.

Душевное спокойствіе въ Болдинѣ сказалось еще въ томъ, что Пушкинъ переходитъ къ тихой и ясной прозѣ, къ изображенію незатѣйливаго деревенскаго быта.

Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья...
Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи...

Въ такихъ почти меланхолическихъ тонахъ предвѣщаетъ Пушкинъ свой переходъ къ прозѣ. «Повѣсти Бѣлкина» были первымъ продуктомъ этого «прозаическаго» настроенія. Но, сотворенные одновременно съ лучшими перлами Пушкинской поэзіи—съ «Маленькими трагедіями» да съ послѣдними главами Онѣгина, онѣ носятъ слѣды еще не остывшихъ страстей, представляютъ собой попытку перенести въ русскую обстановку тѣ же образы и мысли, которыя волновали его въ этотъ періодъ. Почти изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ Пушкинъ творитъ всѣ свои Болдинскія произведенія, и лишь отъ различнаго ихъ сочетанія, да отъ той среды, въ которую помѣщаетъ онъ своихъ героевъ, зависятъ ихъ характеръ и положеніе, то трагическіе (въ «Маленькихъ трагедіяхъ»), то комическіе (въ «Повѣстяхъ Бѣлкина»).

Прежде всего надо откинуть ходячее представленіе о томъ, что «Повѣсти Бѣлкина» представляютъ собой художественную мистификацію, что поэтъ, загримировавшись простодушнымъ Бѣлкинымъ, пропускаетъ все, о чемъ идетъ рѣчь въ разсказахъ, сквозь простую душу Бѣлкина, все разсматриваетъ съ его точки зрѣнія. Ссылаясь на біографію мнимаго автора, предпосланную повѣстямъ, и смѣшивая въ одно повѣсти съ «Исторіей села Горюхина», несмотря на все ихъ различіе въ стилѣ, въ манерѣ и въ міросозерцаніи, критики впадаютъ въ цѣлый рядъ грубыхъ ошибокъ. съ тѣмъ же правомъ можно было бы сказать, что личности Пушкина не видно и въ «Капитанской дочкѣ», и въ «Дубровскомъ» и въ другихъ прозаическихъ произведеніяхъ, если бъ ему пришло на умъ подписаться подъ ними какимъ-нибудь псевдонимомъ.

И языкъ, и манера и художественные пріемы—все обличаетъ въ этихъ повѣстяхъ присутствіе Пушкина, а сюжеты безусловно свидѣтельствуютъ о тѣсной связи съ остальными произведеніями Болдинскаго періода.

Изъ переписки Пушкина съ Плетневымъ за 1830 годъ тоже видно, что онъ вначалѣ даже не помышлялъ объ изданіи своихъ разсказовъ подъ псевдонимомъ Бѣлкина.

Такъ въ выше уже цитированномъ письмѣ мы читаемъ: «написалъ повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдадимъ Anonyme... Еще не все (весьма секретное, для тебя единое); написалъ я прозою 6 повѣстей, отъ которыхъ Баратынскій ржетъ и бьется—и которыя печатаемъ также Anonyme. Подъ моимъ именемъ нельзя будетъ, ибо Булгаринъ заругаетъ»...

Повидимому, тогда, когда Пушкинъ писалъ письмо, онъ еще не думалъ о псевдонимѣ *Бѣлкинъ*, а хотѣлъ только скрыть свое имя въ силу практическихъ соображеній—онъ просто боялся придирокъ со стороны недоброжелательной критики: «Булгаринъ заругаетъ». По этому самому онъ хотѣлъ издать и «повѣсть, писанную октавами» Anonyme. Вѣдь «Домикъ въ Коломнѣ» та же проза, написанная только стихотворнымъ размѣромъ.

Повторяемъ, въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ ничего Бѣлкинскаго, и онѣ совершенно случайно объединены подъ одно имя. Анализъ каждаго разсказа въ отдѣльности, надѣюсь, подтвердитъ нашу мысль. Если они и имѣютъ что нибудь общее между собой, то лишь постольку, поскольку у ихъ героевъ мелькаютъ однѣ и тѣ же черты. Но это объясняется тѣмъ, что они написаны въ одно и то же время.

Намъ думается, что мы правильнѣе поступимъ, если попытаемся подойти къ этимъ повѣстямъ, беря за исходный пунктъ мотивы, которые звучали въ эту пору въ «Маленькихъ трагедіяхъ» и въ послѣднихъ двухъ главахъ «Евгенія Онѣгина». Мы увидимъ, что три повѣсти: «Выстрѣлъ», «Гробовщикъ» и «Метель» въ основѣ своей имѣютъ тѣ же самые мотивы, причемъ первая вполнѣ выдерживаетъ сравненіе съ «Скупымъ рыцаремъ» и съ «Моцартомъ и Сальери», и по духу, и по серьезности тона, и по психологіи типовъ. Другія же двѣ повѣсти похожи:—«Гробовщикъ» на «Пиръ во время чумы» и «Каменнаго Гостя»,—«Метель» на финалъ «Евгенія Онѣгина». Правда, какъ похожи? Какъ похожъ изящный и художественный водевиль на трагедію, если они оба написаны на одинъ и тотъ же сюжетъ.

Что же касается «Барышни-крестьянки», то она родственна «Домику въ Коломнѣ». И лишь отдѣльное мѣсто занимаетъ ни съ чѣмъ не связанный «Станціонный смотритель»—повѣсть совершенно иного жанра, открывающая великіе горизонты для будущей русской литературы, въ которой будетъ звучать тотъ же мотивъ, что и въ этой повѣсти: «зачѣмъ вы меня обижаете—я вѣдь братъ вашъ».

III.

Выстрѣлъ.

Выше мы сказали, что Пушкинъ въ «Маленькихъ трагедіяхъ» отстаиваетъ идеалъ широкой и вольной натуры, живущей не-

посредственной жизнью и менѣе всего замыкающейся въ сферу ограниченнаго круга интересовъ.

Такъ, праздный гуляка Моцартъ жадно ловитъ гармонію звуковъ, издаваемыхъ міровой душой, и ему противна монашеская келья» гдѣ Сальери, подобно всякому фанатику, «трудами, усердіемъ и самоотверженіемъ, служитъ своему Богу, принося ему въ жертву и жизнь, и себя.

Такъ, «безумный расточитель молодой, развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ», широкая натура, жаждущій веселья и турниров наслѣдуетъ старому барону, который выстрадалъ свое богатство, которому оно стоило столько «горькихъ воздержаній, обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ, дневныхъ заботъ и ночей безсонныхъ».

Такъ, вѣчно юный Донъ-Жуанъ, воплощеніе мужского начала въ любви, танцуя проходитъ по полю жизни и ему, какъ Лаурѣ, которой онъ такъ близокъ по духу, нѣтъ никакого дѣла, что тамъ въ Парижѣ, быть можетъ, небо тучами покрыто, холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ, лишь бы здѣсь, въ Мадридѣ «яркая луна блестѣла на синевѣ густой и темной, небо было бытихо и неподвижно, ночь лимономъ и лавромъ пахла и сторожа кричали бы протяжно и ясно...».

Ту же мысль о возможности счастья только для широкихъ и вольныхъ натуръ Пушкинъ выдвигаетъ и въ «Выстрѣлѣ».

Сильвіо окруженъ ореоломъ таинственности и, очевидно, хранитъ въ душѣ какую-то тайну. Его угрюмость, крутой нравъ, злой языкъ и спартанскій образъ жизни при видимомъ богатствѣ говорятъ за то, что онъ носится съ какой то идеей, замкнутой въ его озлобленной душѣ,—идеей, властно требующей отъ него, какъ и отъ Скупого рыцаря и Сальери, полнаго отреченія отъ жизни. Одержимый страстью, какъ онъ самъ ее опредѣляетъ,—первенствовать, онъ всю жизнь стремится къ власти въ своемъ околодкѣ, въ своемъ полку. Wille zur Macht—основной аккордъ съужившейся души Скупого рыцаря и Сальери—громко звучитъ въ односторонней душѣ Сильвіо, заглушая остальные звуки, будимые жизнью.

Сильвіо одинокъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ всѣ уважаютъ, можетъ быть боятся, но не любятъ. Имъ покоряются, курятъ ѳиміамъ, но отъ нихъ держатся въ нѣкоторомъ отдаленіи. Такимъ людямъ вѣдома лишь тѣнь душевнаго покоя, и то не на долго—слишкомъ ужъ шатко ихъ душевное равновѣсіе. Имъ приходится зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не появился какой-нибудь соперникъ, чтобы вниманіе окружающихъ не отвлеклось внезапно въ сторону отъ нихъ. Раньше подозрительность, а затѣмъ уже злоба на почвѣ жгучей зависти, если таковой соперникъ появляется, омрачаетъ ихъ умъ, нарушаетъ ихъ неустойчивую душевную гармонію.

Сильвіо, какъ всякій человѣкъ, одержимый одной какой-нибудь идеей, подверженный одной какой-либо доминирующей страсти, угрюмъ. Свѣтлыя краски жизни не воспринимаются имъ и не радуютъ его омраченнаго взора. Стрѣльба, оружіе, раскиданное по всѣмъ угламъ и столамъ, и военныя книги какъ нельзя лучше подходятъ къ его тяжелому нраву. Какая-то густая пелена отдѣляетъ его отъ міра, отъ людей. И если онъ разговорчивъ съ товарищами и, повидимому, общителенъ, то только потому, что онъ хочетъ первенствовать, а для этого необходимо приноравливаться къ людямъ, если, конечно, власть первенствующаго не носитъ принудительнаго характера.

Согласно излюбленной идеѣ Пушкина, Сильвіо несчастный страдалецъ. Червь зависти точитъ его всю жизнь. Не находя себѣ пристанища, онъ съ огромнымъ, неудовлетвореннымъ самолюбіемъ скитается по землѣ и затѣмъ гдѣ-то въ чужой сторонѣ погибаетъ, предводительствуя отрядомъ чуждыхъ ему этеристовъ. Чуется, что Сильвіо унесъ на войну свое глубокое одиночество, свою разбитую жизнь. Не храбрый поступокъ безумствующей молодости вы видите здѣсь—его уходъ на войну скорѣе представляется намъ лебединой пѣснью преждевременно состарившагося и нигдѣ не нашедшаго себѣ пристанища человѣка... Такъ безсмысленно гибнутъ всѣ лишніе люди—лишніе отъ того, что не умѣютъ найти для себя сферы, которая могла бы ихъ поглотить; не умѣютъ упиться жизнью, требующей отъ человѣка всесторонняго раскрытія души и всегда жестоко мстящей тѣмъ индивидуалистамъ, которые прислушиваются только къ голосу своего *я* и считаютъ окружающій ихъ міръ лишь подножіемъ для себя.

Антитезой Сильвіо является столь симпатичный Пушкину молодой повѣса, весело и беззаботно упивающійся жизнью, не вѣдающій никакихъ рефлексій и не замыкающійся въ сферу одной опредѣленной страсти. Душа молодого графа отверзта для всей гармоніи звуковъ, издаваемыхъ міромъ. «Веселость его самая бѣшеная, а храбрость

самая безпечная». Онъ не намѣренно стремится къ власти, а пользуется ею по праву, небрежно, почти ее не цѣня. Тотъ же Моцартъ, онъ, пожалуй, готовъ признать всѣхъ равными себѣ, ибо ему совершенно чуждо чувство зависти, снѣдающей душу мрачнаго Сильвіо. Дитя природы и беззаботный, какъ она, графъ непосредственно наслаждается полнотою жизни. Онъ тотъ «бѣлокурый звѣрь», который не знаетъ ни угрызеній совѣсти, ни томленій духа. Онъ живетъ лишь моментами, въ каждый изъ нихъ себя находя. Такіе люди не боятся смерти—они просто не думаютъ о ней. Во время первой дуэли Сильвіо смотрѣлъ на него жадно, какъ хищный звѣрь на свою жертву. Графъ же стоялъ подъ пистолетомъ, «выбирая изъ фуражки спѣлыя черешни и выплевывая косточки», совершенно равнодушный къ тому, что его сейчасъ сразитъ шальная пуля. Вотъ онъ образъ беззаботнаго гуляки, по существу своему не знающаго, что такое добро и зло ни для себя, ни для другихъ. Такимъ людямъ уготовлено счастье на землѣ—они царствуютъ среди людей шутя и легко. Непосредственность и ширь натуры и связанная съ ними воспріимчивость ко всѣмъ сторонамъ жизни спасаетъ ихъ отъ всякихъ тяжелыхъ душевныхъ недуговъ.

Графъ соглашается оба раза метать жребій, кому стрѣлять первымъ, зная, что по праву выстрѣлъ принадлежитъ Сильвіо. Съ точки зрѣнія нравственности, онъ безусловно поступаетъ нехорошо, но ему все прощается Пушкинымъ, такъ какъ онъ усматриваетъ здѣсь не злой умыселъ, а беззаботность ребенка, который ни надъ чѣмъ не задумывается. Сильвіо въ дикой злобѣ упивается муками своей жертвы. Онъ выносилъ эту злобу въ своей мрачной душѣ, онъ ее воспиталъ и она толкнула его на то, чтобы заставить врага пережить такую тяжелую минуту, какую переживаетъ осужденный на смерть передъ казнью.

«Мнѣ все кажется, что у васъ не дуэль, а убійство». Не у н а с ъ, а у м е н я—слѣдовало бы ему сказать: оно было бы гораздо ближе къ правдѣ, ибо душа молодого графа незлобива, независтлива и невластолюбива, словомъ лишена всѣхъ тѣхъ страстей, которыя толкаютъ человѣка на преступленіе.

Какъ видите, мы имѣемъ здѣсь обычное сопоставленіе двухъ взаимно противоположныхъ натуръ, которымъ пользуется Пушкинъ во всѣхъ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, въ особенности въ «Скупомъ рыцарѣ» и «Моцартѣ и Сальери», гдѣ онъ ставитъ вопросы, связанные съ индивидуализмомъ. И въ «Выстрѣлѣ» основной грѣхъ, влекущій за собой несчастье, заключается въ той узости душевной, которая проявляется въ одностороннемъ стремленіи къ какой-нибудь цѣли, въ служеніи одному какому-нибудь богу, будь это идея власти, музыки или любви...

IV.

Скупой рыцарь и Сальери психологически родственные типы. Вѣдь Сальери стремится, главнымъ образомъ, къ славѣ, которая есть не что иное, какъ видоизмѣненная власть.

Кажется, что основной мотивъ трагической души Сальери—зависть; но вѣдь чувство зависти всегда присуще властолюбивой натурѣ. Послѣдняя всегда зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не появилась на горизонтѣ новая звѣзда, яркими лучами своими могущая затмить слабѣющій свѣтъ закатной звѣзды. Въ этомъ смыслѣ образъ Сальери есть дальнѣйшее развитіе скупого рыцаря. Можно смѣло себѣ представить, что еслибы старый рыцарь былъ художникомъ и встрѣтилъ на своемъ пути генія Моцарта, то и онъ бы не остановился передъ преступленіемъ. Роднитъ ихъ также и чувство ревности къ своему богу, къ своему кумиру. Рыцарь хотѣлъ бы и «послѣ смерти сторожевой тѣнью сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ сокровища свои хранить, какъ нынѣ». И Сальери, жрецъ, служитель музыки, приходитъ въ неистовство, отъ того, «то «маляръ негодный пачкаетъ мадонну Рафаэля или фигляръ презрѣнный пародіей безчеститъ Алигьери». Сильвіо же родственъ имъ обоимъ. Онъ представляетъ собою типъ, какъ бы синкретическій, типъ, гдѣ власть и ея родная дочь—зависть еще не расчленены и не размѣщены по двумъ самостоятельнымъ фигурамъ.

Со скупымъ рыцаремъ онъ сходенъ постольку, поскольку и онъ *непосредственно* исходитъ изъ идеи власти. И онъ хочетъ первенствовать среди людей, быть царемъ на землѣ, принести жизнь въ жертву своему «я». И Сильвіо утѣшаетъ нѣчто подобное той фикціи, которую создалъ себѣ старый рыцарь, остановившись на полдорогѣ и начавъ боготворить средство, какъ самоцѣль. Правда, довольно смутно, но все же и онъ довольствуется тѣмъ, что онъ «знаетъ мощь свою», что

онъ могъ бы убить оскорбившаго его офицера, но «съ него довольно сего сознанья». Тѣнью утѣшенья промелькнула въ его душѣ эта фикція и въ послѣдній, самый трагическій для него моментъ, когда идея его рухнула, когда долго лелѣянное имъ мщеніе, которое стоило ему цѣлой жизни, не выдержало натиска со стороны проснувшейся въ немъ совѣсти. «Онъ оглянулся на прострѣленную картину, выстрѣлилъ въ нее, почти ни цѣлясь, и скрылся». Онъ могъ бы убить своего врага, онъ могъ бы воспользоваться своимъ средствомъ, которое онъ такъ долго совершенствовалъ, но не хочетъ. Не потому-ли, что и онъ выше своихъ желаній, что и съ него достаточно сознанія своей мощи?

Сходно также и то, что и Сильвіо зарывается въ какую-то глушь, въ какой-то подвалъ, предаваясь одной идеѣ и жертвуя ей всѣми радостями жизни. При его умѣ, талантахъ, силѣ воли и богатствѣ онъ могъ бы блистать въ свѣтѣ, могъ бы *дѣйственно* проявлять свое стремленіе къ власти. Но и онъ мономанъ и неподвиженъ. И его душевная мрачность отгораживаетъ его отъ всего міра, изолируетъ отъ всѣхъ окружающихъ. И онъ весь во власти своихъ думъ, и онъ сосредоточился на одной только мысли.

Но помимо этихъ психологическихъ черточекъ, мы находимъ много сходнаго въ деталяхъ, такъ сказать, техническаго свойства. Въ этомъ отношеніи «Выстрѣлъ» даже ближе «Скупому рыцарю», чѣмъ «Моцартъ и Сальери», съ которымъ онъ такъ родственъ въ психологическомъ смыслѣ, что порою кажется, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ сюжетомъ.

Прежде всего, намъ кажется не простой случайностью, что Сильвіо помѣщенъ въ военную среду. Не есть-ли эта среда съ ея постоянными дуэлями, съ ея культомъ женщины и съ ея неудержимымъ стремленіемъ къ власти, своего рода рыцарство, помѣщенное только въ русскую обстановку, не есть-ли это, такъ сказать, упрощенное, доморощенное рыцарство?

Любопытно также сопоставить первую сцену «Скупого рыцаря» съ началомъ «Выстрѣла». И здѣсь, и тамъ говорится о винѣ, весельи, о турнирахъ или дуэляхъ. У Сильвіо прострѣлена «красная шапка съ золотой кистью, съ галуномъ, на вершокъ ото лба». Не напоминаетъ-ли эта деталь сбитый молодымъ барономъ съ головы Делоржа шлемъ? Молодой баронъ хотѣлъ убить ростовщика Соломона за его гнусное предложеніе отравить отца, но затѣмъ одумался и прогналъ его. И Сильвіо могъ убить офицера, нанесшаго ему оскорбленіе, но тоже предпочитаетъ выгнать его.

Любопытно также и то, что, какъ въ «Скупомъ рыцарѣ», такъ и въ «Выстрѣлѣ» въ послѣдней сценѣ участвуютъ три лица, изъ которыхъ одно играетъ умиротворяющую роль. Тамъ герцогъ, по духу своему близкій молодому барону, становится между нимъ и старикомъ; здѣсь—жена графа—между мужемъ и Сильвіо.

Можно было бы продолжить параллель, указавъ еще на то, что послѣдняя сцена и здѣсь и тамъ происходитъ въ домѣ этого третьяго лица, что дуэль не состоялась по винѣ активнаго участника.

Но если «Выстрѣлъ» имѣетъ много общаго съ «Скупымъ рыцаремъ» и по идеѣ, и по техникѣ, то съ «Моцартомъ и Сальери» онъ находится въ самомъ тѣсномъ психологическомъ родствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и Сильвіо и Сальери принадлежатъ къ категоріи людей незаурядныхъ, гордыхъ, надѣленныхъ пламеннымъ темпераментомъ, сильными страстями, надъ которыми царствуетъ властная воля, получающая импульсы для себя со стороны одной какой-нибудь доминирующей страсти — въ данномъ случаѣ, жажды славы. Эта-то страсть и служитъ тѣмъ центральнымъ пунктомъ, откуда властной волей направляются во всѣ стороны гибкіе, но крѣпкіе щупальцы, всюду подбирающіе пищу для нея. Эта же воля властно подавляетъ жажду жизни, столь мощную у этихъ необыкновенныхъ натуръ, требуетъ отказа отъ всего моментнаго во имя повелительницы—славы.

Такъ, Сальери «рано отвергъ праздныя забавы», отвергъ и науки, «музыкѣ чуждыя», отвергъ минутныя наслажденія и даръ познанія, горѣвшій въ его душѣ, и съ усиліемъ, напряженіемъ и постоянствомъ стремился къ совершенству, дабы небесными мелодіями услаждать людей. Но не музыка сама по себѣ толкала его на самосожиганіе, не безвозмезднымъ представителемъ чистаго служенія богинѣ искусства хотѣлось ему быть—онъ стремился къ наградѣ земной, слишкомъ земной. Слава—вотъ чего онъ добивался; всеобщее признаніе,—быть кумиромъ для всѣхъ,—вотъ что грезилось ему въ жизни. Свой даръ онъ отдалъ времени и терпѣнію на проценты, съ неустан-

нымъ самообладаніемъ онъ ждалъ возрастанія своихъ капиталовъ до тѣхъ размѣровъ, когда слава его будетъ гремѣть среди... презираемой имъ толпы.

Преданный этой единой идеѣ славы, по-своему стремящійся къ тому, чтобы первенствовать между людьми, онъ болѣзненно зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы не появилась восходящая звѣзда на горизонтѣ музыкальнаго міра и не затмила его слабѣющихъ лучей рѣзвящимся снопомъ ослѣпляющаго свѣта. Долгіе годы онъ носитъ онъ съ собой послѣдній даръ Изоры, ждетъ обиды жгучей,—той обиды, которая не можетъ остаться неотомщенной. Онъ ждетъ такой обиды, месть за которую стоитъ цѣлой жизни. Сальери «не трусъ», не любитъ жизни; онъ часто пировалъ съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой, но никогда на шонотъ искушенія не преклонился онъ». Онъ ждалъ... и дождался обиды, нанесенной ему самимъ Небомъ... Она стряслась въ образѣ безпечнаго гуляки—безумнаго Моцарта, который *однимъ своимъ существованіемъ* отрицаетъ всего его, всѣ его идеалы и пути, ведущіе къ нимъ.

Что такое мимолетное оскорбленіе? Ему та же цѣна, что мимолетнымъ наслажденіямъ, минутнымъ радостямъ, которыми онъ такъ часто пренебрегалъ. Другое дѣло обида, которая сочится безпрестанно, каждый мигъ, какъ жгучій ядъ изъ бездоннаго источника отравы.

Моцартъ ни на одно мгновеніе не оставляетъ его въ покоѣ; отравляетъ его безсонныя ночи, помрачаетъ засіявшую было ему славу, помрачаетъ и будетъ помрачать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать.

Тутъ мыслимо только или-или: или Моцартъ, или Сальери —вмѣстѣ они немыслимы. О, Сальери не зналъ зависти «нижѐ, когда Пиччини плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ, нижѐ когда услышалъ въ первый разъ (онъ) Ифигеніи печальны звуки...»

Можетъ, и тѣмъ жрецамъ не даромъ давалось оно—искусство. А вотъ теперь: «когда священный даръ, когда священный геній—не въ награду любви горящей, самоотверженія, трудовъ, усердія, моленій посланъ, а озаряетъ голову безумца, гуляки празднаго», когда Моцартъ однимъ своимъ бытіемъ отрицаетъ его, какъ типъ, какъ натуру,—теперь «онъ завидуетъ, глубоко мучительно завидуетъ».

Такъ вотъ гдѣ главная причина мучительной трагедіи Сальери! Она скрывается не столько въ померкшей славѣ, не столько въ томъ, что *его* затмили, сколько въ томъ, что *именно Моцартъ, этотъ гуляка праздный* принесъ эти райскія пѣсни. Тутъ глубокая, первопричинная, органическая ненависть *типа къ типу, раба къ господину*. Она таится гдѣ-то глубоко, въ тайникахъ душевныхъ, и, питаемый ею, онъ мучительно ищетъ фикцій, которыя могли бы ее оправдать, хватается за первопопавшуюся, чтобы нанести ударъ своему смертельному врагу.

Таковъ Сальери.

Но обратимся теперь къ Сильвіо. Мы не знаемъ, какъ онъ жилъ прежде, чѣмъ появился на горизонтѣ полковой жизни. Мы застаемъ его въ минуты упоенія славой въ своемъ кругу, въ своемъ маленькомъ мірѣ.

И онъ все дѣлаетъ преднамѣренно, не отъ полноты душевной и не безкорыстно. Онъ дерется или участвуетъ въ дуэляхъ, перепиваетъ Бурцева, воспѣтаго Денисомъ Давидовымъ, срываетъ первые плоды невинной юности не потому, что этого требуетъ его безшабашная натура, не укладывающаяся въ рамки обычной жизни, а потому, что все это считалось въ его средѣ могучимъ средствомъ покорять сердца окружавшей его молодежи. И онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не затмилъ его славы, не похитилъ у него права первенства.

И вотъ на его горизонтѣ появляется личность, однимъ своимъ *существованіемъ*, легкимъ, изящно-беззаботнымъ, отвергающая *его* какъ *типъ, какъ индивидуальность*.

Подобно Моцарту, лишенный чувства зависти соперникъ Сильвіо готовъ съ нимъ сблизиться, вмѣстѣ съ нимъ дѣлить власть надъ умами, но Сильвіо не признаетъ власти, кромѣ единодержавной. Вотъ почему онъ злится, сгораетъ ненавистью и пытается оскорбить, унизить своего врага. И Сильвіо, подобно Сальери, носитъ въ своей душѣ ядъ отравленія, жгучую обиду, нанесенную ему однимъ бытіемъ графа; лелѣетъ мечту, какъ бы жесточе отомстить источнику обиды. Казалось, онъ могъ бы смыть ее кровью, переселиться въ иную среду и снова первенствовать, но онъ бережетъ ударъ для болѣе удобнаго момента, когда местью сумѣетъ насладиться полностью. Онъ готовитъ свой ядъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, упражняется въ стрѣльбѣ, дабы вѣрнѣе сразить похитителя его славы.

И онъ, подобно Сальери, имѣлъ случай въ жизни, когда, казалось, «грянула на него злѣйшая обида». Но на «шопотъ искушенія не преклонился онъ», — онъ бережетъ свой ударъ для того, кто своей безпечностью, невозмутимымъ хладнокровіемъ и божественнымъ весельемъ отрицаетъ его цѣликомъ.

И здѣсь мы усматриваемъ тотъ-же основной психологическій мотивъ, ту же коренную, органическую ненависть, которую питаетъ рабъ къ господину, человѣкъ мрачнаго душевнаго склада, которому все въ жизни достается горестно и трудно, — къ человѣку, радостно и безаботно принимающему жизнь.

Правда, въ душѣ Сильвіо явственно звучитъ мотивъ совѣсти, который такъ искусно заглушается Сальери различнаго рода фикціями. Правда, что этотъ мотивъ опредѣляетъ благополучный финалъ «Выстрѣла», но все же по основнымъ элементамъ своего душевнаго склада Сильвіо вполнѣ тождественъ Сальери.

Родственны между собой и ихъ соперники: — молодой графъ и Моцартъ. Оба они принадлежатъ къ галлереѣ тѣхъ божественно легкомысленныхъ повѣсъ, на сторонѣ которыхъ, какъ мы указали выше, всѣ симпатіи Пушкина.

Многоликіе, они относятся къ жизни безъ того тяжелаго напряженія, которое такъ характерно для ихъ противниковъ.

Жизнь для нихъ не загадка, требующая для своего разрѣшенія затворничества и тяжелой сосредоточенности: легко и беззаботно, въ каждый данный моментъ, она разрѣшается ими дѣйственно.

Многокрасочная, она плѣняетъ ихъ открытые взоры, ударяетъ по струнамъ, звучащимъ въ ихъ душѣ, по всѣмъ разомъ или по одиночкѣ, исторгая мелодіи разнообразныя, какъ она сама, причудливыя, какъ тѣни, играющіе лѣтомъ въ лѣсу рано-ли утромъ на разсвѣтѣ, въ знойный-ли полдень или въ тихій вечеръ на закатѣ.

Оба они не умѣютъ распредѣлять явленія по категоріямъ добра и зла, эстетическаго и не эстетическаго: — для нихъ все законно, все имѣетъ свою неотъемлемую прелесть.

V.

Гробовщикъ.

Мы сидѣли, что «Выстрѣлъ,» по замыслу, по обрисовкѣ типовъ, по основной идеѣ и даже по нѣкоторымъ деталямъ техническаго свойства, весьма близокъ двумъ «маленькимъ» трагедіямъ—«Моцарту и Сальери» и «Скупому рыцарю.» Мы пытались доказать, что въ лицѣ Сильвіо имѣемъ дѣло съ той же трагической душой, что у Сальери и стараго барона, помѣщенной только въ иную обстановку, въ иную среду, а потому съ перваго взгляда кажущуюся намъ совершенно иной. Вѣдь Сильвіо безусловно личность сильная, съ кипучими страстями, съ могучей волей и незаурядnымъ умомъ — словомъ, личность вполнѣ годная для героя трагедіи. Пушкинъ, творя его, несомнѣнно, пребывалъ въ настроеніи художника-трагика; и эта высокая температура творчества и взволнованность мѣшали просто подойти къ прозаическому, по обстановкѣ, сюжету. Вотъ почему Сильвіо кажется намъ, между прочимъ, нѣсколько мелодраматичнымъ, облеченнымъ какой-то странной таинственностью. Здѣсь какъ бы несоотвѣтствіе между прозаической формой, годной для картинъ бытовыхъ, и трагическимъ содержаніемъ. «Выстрѣлъ» писанъ на той же творческой высотѣ, на какой Пушкинъ творилъ свои трагедіи. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, нѣтъ и тѣни того «лукавства ума», которое угодно большинству толкователей Пушкина усматривать во всѣхъ повѣстяхъ Бѣлкина, не исключая и «Выстрѣла». Здѣсь художникъ исключительно серьезенъ.

Но «Гробовщикъ» разсказъ шуточный. Сотворенный на томъ же фонѣ смерти и разложенія, на которомъ созданы вся трагедія «Пира во время чумы» и трагическій финалъ «Каменнаго Гостя», имѣя съ ними много общаго въ отдѣльныхъ деталяхъ, «Гробовщикъ» — воплощеніе беззаботнаго веселья, самаго добродушнаго юмора.

Здѣсь художникъ не боится пугающихъ призраковъ замогильныхъ тѣней,—освобождаетъ себя милымъ смѣхомъ, отдѣлывается отъ нихъ веселой шуткой.

Въ «Пирѣ» страхъ смерти усиливается всего больше отъ того, что его пытаются изгнать ужаснымъ весельемъ, сулящимъ недолгое забвеніе. Раздаются «шутки, повѣсти смѣшныя, отвѣты острые и замѣчанія, столь ѣдкія въ ихъ важности забавной», слышится звонъ рюмокъ, восклицанія, вакхическія пѣсни, рожденныя «за чашею кипящей» въ пиру разврата, бокалы «пѣнятъ дружно»; здѣсь «дѣвы-розы пьютъ дыханье»; здѣсь будто не страшна могилы тьма; и «не смущаетъ ея призванье...» Для мятуща-

гося *я* нѣтъ другого исхода, какъ уйти отъ себя, предаться забвенію, въ вакханаліи топя страшные призраки смерти.

Вѣдь весь ужасъ чумы во внезапности, въ неожиданности, въ томъ, что она отравляетъ настоящій моментъ, нашептывая каждой индивидуальности о грозящей ей гибели. Вотъ почему надо уничтожить это самое чувство индивидуальнаго, растворить его въ необузданныхъ оргіяхъ. Но сквозь щели запертаго дома врываются грозные звуки похороннаго марша и стукъ колесъ огромной телѣги, наполненной мертвыми тѣлами; звуки перевоплощаются въ ужасныя тѣни,—онѣ лепечутъ ужасныя, невѣдомыя рѣчи, и слова ихъ врываются въ веселыя пѣсни пирующихъ:—и въ жалобныхъ стонахъ задумчивой Мери, и въ буйныхъ выкрикахъ бойкой Луизы, и въ вольныхъ напѣвахъ молодого повѣсы, и въ звонѣ рюмокъ и восклицаніяхъ—всюду и во всемъ слышится ужасный зовъ «чернаго бѣлоглазаго демона».

Но вотъ передъ вами тотъ же кладбищенскій фонъ смерти и разложенія. Всю жизнь свою гробовщикъ проводитъ съ мертвецами; всѣ краски жизни слиты для него въ одинъ черный траурный цвѣтъ; вся музыка, что она издаетъ, воплощена для него въ однообразный стукъ колесъ похоронной телѣги, которую онъ самъ возитъ по городу. Онъ сроднился съ этими замогильными тѣнями, сроднился съ ними больше, чѣмъ съ живыми, съ которыми онъ всегда угрюмъ. Онѣ его «Kundleute,» на нихъ онъ строитъ все свое благополучіе... въ жизни.

И вмѣсто страха, можетъ быть, радость по поводу смерти, во всякомъ случаѣ спокойное будничное отношеніе. «Привычка свыше намъ дана». Вотъ почему все, «что гибелью грозитъ»,—для него обычное явленіе и не таитъ въ себѣ ни неизъяснимыхъ наслажденій, ни грозныхъ ужасовъ разложенія. Ему чужда лирика разрушенія: онъ не знаетъ ни «упоенія въ бою и бездны мрачной на краю» или въ дуновеніи чумы. Чуждъ ему и страхъ: онъ просто тупо равнодушенъ. И гробовщикъ по своему пируетъ, но не страхъ свой онъ топитъ въ пивѣ и не забвенія онъ ищетъ въ полушампанскомъ, а дѣлаетъ пріятное одолженіе своему сосѣду, хоть онъ и бусурманъ.

И Луиза изъ Пира, которая тамъ слышитъ «ужасный зовъ чернаго бѣлоглазаго демона», воплотилась здѣсь въ добрую сорокалѣтнюю подругу нѣмца Шульца со свѣжимъ, какъ моложавый огурецъ, лицомъ и съ двойнымъ, расплывшимся отъ пива, подбородкомъ.

Предъ нами, по существу, одинъ и тотъ же фонъ, но зарисованный совершенно различными красками: вмѣсто мрачнаго, пугающаго въ «Пирѣ», онъ здѣсь, въ «Гробовщикѣ», получилъ оттѣнокъ тихій, спокойный и нѣсколько даже веселый.

Но если «Гробовщикъ» по фону похожъ на «Пиръ во время Чумы,» то по фабулѣ, а также по нѣкоторымъ деталямъ, онъ напоминаетъ «Каменнаго Гостя».

При всемъ кажущемся различіи, «Пиръ во время чумы» имѣетъ очень много общаго съ «Каменнымъ Гостемъ» хотя бы въ одинаковой настроенности. Донъ Жуанъ, подобно «пирующимъ», справляетъ вѣдь вѣчный танецъ на могилахъ. Кладбище, смерть, убійства—вотъ обстановка, въ которой вырисовывается беззаботный, смѣлый и жизнерадостный образъ головорѣза. Высшіе моменты его любовныхъ экстазовъ всегда сопровождаются замогильными тѣнями, и въ его ликующія пѣсни любви и возрожденія всегда врывается тяжелый хрипъ предсмертной агоніи. Если онъ его не слышитъ, то только потому, что онъ весь растворяется въ переживаніяхъ даннаго момента. Вся его жизнь сплошной «Пиръ во время чумы», съ той лишь разницей, что онъ тотъ же ангелъ жизни для себя и смерти для другихъ. Онъ-то навѣрно знаетъ, что есть «упоеніе въ бою и бездны мрачной на краю»,—онъ самъ часто свѣшивается надъ этой бездной, и въ своемъ божественномъ легкомысліи осмѣливается даже бросить вызовъ одной изъ обитательницъ ея—тѣни Командора.

«Хвала тебѣ, Чума, намъ не страшна могилы тьма, насъ не смутитъ твое призваніе» — такъ поетъ, *дѣйственно* поетъ, одинъ изъ «пирующихъ», вѣчно юный Донъ Жуанъ, надъ которымъ, кажется, и смерть не властна. Вотъ почему Донъ Жуанъ представляется намъ образомъ, отдѣльно выхваченнымъ изъ всей картины «пирующихъ»—этюдомъ, углубленнымъ и болѣе детально разработаннымъ.

Такимъ образомъ среди «пирующихъ во время чумы» двое только искренно не боятся смерти — Донъ Жуанъ и гробовщикъ.

Комичной кажется параллель между ними. Но все же она напрашивается. Предъ вами безусловно одна и та же фабула, одно и то же явленіе, только иначе

освѣщенное. Они оба призываютъ мертвецовъ и рады съ ними встрѣтиться. Донъ Жуанъ, опьяненный любовью донны Анны, дерзаетъ вызвать статую Командора, чтобы она стояла на часахъ, когда онъ будетъ наслаждаться свиданіемъ тайнымъ съ его женой. Гробовщикъ, тоже опьяненный... пивомъ и полушампанскимъ, зоветъ къ себѣ мертвецовъ на новоселье.

Въ чемъ, собственно, различіе мотивовъ и настроеній обоихъ нарушителей покоя подземныхъ обитателей. Донъ Жуанъ вспоминаетъ о мертвецѣ лишь въ минуты наивысшаго экстаза, когда стирается грань между двумя мірами. У него образъ смерти появляется, въ силу контраста, при наивысшемъ напряженіи жизни, когда онъ «въ величайшемъ восторгѣ пѣть готовъ, радъ весь міръ обнять и счастливъ, какъ ребенокъ». Опьяненный жизнію, онъ дерзко вызываетъ грозный призракъ смерти. Гробовщикъ же зоветъ мертвецовъ, какъ равныхъ себѣ, какъ старыхъ знакомцевъ, съ которыми провелъ всю свою жизнь. У него—не кощунство и не дерзкій вызовъ упоеннаго жизнію, а смиренное, почти равнодушное обращеніе къ обычной средѣ. Понятно, что оно немыслимо въ обычномъ трезвомъ состояніи въ силу всего его душевнаго уклада; но зато оно совершенно естественно въ угарѣ похмелья, когда контроль со стороны разума ослабѣваетъ, и когда фантазія, питаемая образами обычной обстановки, виртуозно скачетъ.

Мертвецы радушно принимаютъ любезное приглашеніе Прохорова и являются къ нему на новоселье такъ же, какъ и статуя Командора къ доннѣ Аннѣ. И на него наступаетъ скелетъ, но не съ угрозой, а съ распростертыми объятіями. И лишь случайное недоразумѣніе возбудило гнѣвъ мертвецовъ, которые навѣрно ушли бы съ миромъ домой.

Такъ исключительность и внезапность обстановки чумнаго пира, поражающія воображеніе и настраивающія на трагическій ладъ, претворились въ обычное состояніе, въ будни Гробовщика. Такъ на фонѣ этихъ будней дерзкій вызовъ Донъ Жуана превращается въ пьяную выходку человѣка, совершенно неспособнаго къ тѣмъ восторженнымъ порывамъ, когда стираются грани между двумя мірами, когда невозможное становится возможнымъ... Такъ появленіе грозной статуи Командора, символизирующей собою пробужденіе совѣсти или судъ высшей правды, претворяется въ кошмарный сонъ пьянаго гробовщика, постоянно думающаго о мертвецахъ, въ силу своей профессіи.

Такимъ образомъ въ «Гробовщикѣ» Пушкинъ еще пока настолько далекъ отъ тѣхъ волнующихъ мотивовъ, которые такъ мощно зазвучатъ въ «Пирѣ» и въ «Каменномъ Гостѣ», что претворилъ ихъ въ шуточную мелодію человѣка совершенно иного склада — человѣка будней. Пушкинъ пока отдѣлывается граціозной и милой шуткой, перломъ художественной прозы, искрящимся весельемъ и здоровымъ юморомъ; довольствуется пока дивнымъ эскизомъ, полнымъ бытовой и психологической правды.

VI.

Метель.

Въ началѣ статьи мы указали, что Пушкинъ стремится къ разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ индивидуализмомъ, двоякимъ путемъ; что одновременно съ широкими натурами—Моцартами и Донъ Жуанами, противостоящими тѣмъ гордымъ Uebermensch'-амъ, которые не останавливаются предъ нарушеніемъ высшей правды во имя своихъ личныхъ цѣлей и интересовъ, предъ его взорами носятся еще люди смирные, взятые изъ русской жизни, прикрѣпленные къ русскому быту. Одновременно съ людьми непокорными, дерзкими, признающими свой высшій судъ только за собой,—людьми съ могучими страстями, непреклонной волей и недюжиннымъ умомъ, онъ видитъ образъ «барышни уѣздной съ печальной думой въ очахъ, съ французской книжкой въ рукахъ,» видитъ «на небѣ сѣренькія тучи, предъ гумномъ соломы кучи...»,—словомъ, проникаетъ въ душу и интересы людей маленькихъ, обыкновенныхъ, живущихъ безъ дерзновенныхъ мыслей и преступныхъ вожделѣній.

Въ Болдинѣ Пушкинъ дописываетъ послѣднія главы «Евгенія Онѣгина», снова переживая въ своей душѣ трогательную любовь къ «милой Танѣ» и легкой проніей прикрытую жалость къ Онѣгину. И тѣ идеалы всесмиренія и покорности предъ высшей правдой, которые были высказаны столь отвлеченно въ отдаленныхъ отъ жизни образахъ старика цыгана и лѣтописца Пимена, пріобрѣтаютъ уже конкретный бытовой характеръ, примѣняются къ русской дѣйствительности, опредѣляя собою поступки обыкновенныхъ, но чистыхъ сердцемъ людей.

«Я васъ люблю (къ чему лукавить),
Но я другому отдана,
Я буду вѣкъ ему вѣрна»...

Татьяна другому отдана не матерью своей, которая «со слезами заклинаній ее молила» и не тетками, возившими ее на собранія и балы, чтобы изъ «архивныхъ» стариковъ одинъ «подсѣлъ и душу ей занять успѣлъ», а той высшей силой, которая руководитъ поступками людей помимо ихъ воли и сознанія.

Та самая Татьяна, сохранившая свою душевную чистоту въ вихрѣ свѣта, «простая дѣва съ мечтами и сердцемъ прежнихъ дней», готовая отдать всю эту «ветошь маскарада, весь этотъ блескъ и шумъ и чадъ за полку книгъ, за дикій садъ, за бѣдное жилище... да за смиренное кладбище, гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей надъ бѣдной няней моей»— та самая религіозная Татьяна, которая видѣла впервые Онѣгина въ мечтахъ тогда, когда «бѣднымъ помогала или молитвою услаждала тоску волнуемой души», не могла не признать, что это «въ высшемъ суждено было совѣтѣ», что «это воля Неба», если она другому отдана. И она покоряется этой волѣ, которая правитъ міромъ, и спокойно ввѣряетъ ей свое будущее. Воля свыше требуетъ отъ нея вѣрности тому, кому она отдана, и она, покорная, будетъ всю жизнь слѣдовать этой волѣ и, по своему, будетъ счастлива, если не земнымъ, то инымъ, высшимъ счастьемъ. Любовь и всесмиреніе — тѣ принципы міропониманія русскаго человѣка, на которыхъ зиждется вся мораль Толстого и Достоевскаго—вотъ что еще открылось Пушкину въ Болдинѣ тогда, когда онъ обратился къ русскому быту, когда попытался проникнуть въ цѣльную душу русской женщины Татьяны.

Но вотъ «мигъ вожделѣнный насталъ»; оконченъ трудъ многолѣтній. Художникъ совершаетъ обратный путь. Удаляются отъ него когда-то юная Татьяна и съ ней Онѣгинъ, Ленскій и другіе; уплываютъ милые, дорогіе образы, съ которыми онъ жилъ слишкомъ 8 лѣтъ и снова «туманной становится даль свободнаго романа» и снова «сквозь магическій кристалъ онъ перестаетъ его ясно различать»... Пушкинъ съ глубокой грустью разстается съ ними, но пробуетъ проститься и милой шуткой, изящной пародіей—«Метелью».

Онъ пробуетъ упростить Татьяну, дѣлаетъ ее менѣе трагической, чтобы можно было безъ тѣни кощунства надъ нею посмѣяться и тѣмъ освободиться отъ нея. И въ результатѣ является Марья Гавриловна, героиня «Метели», имѣющая съ Татьяной почти столько же общаго, сколько гробовщикъ Прохоровъ съ Донъ Жуаномъ.

И она, повидимому, чувствительная, настроенная на романтическій ладъ барышня. Выросшая въ той же деревенской тиши, она тоже живетъ мечтательной жизнью, «воображаясь героиней своихъ возлюбленныхъ творцовъ»: Кларисой, Юліей, Дельфиной, ибо и ей «рано нравились романы и они ей замѣняли все», ибо и у нея навѣрно «какой-нибудь тайный томъ дремалъ до утра подъ подушкой». И она питается волшебными снами, предрекающими будущее. И она, повидимому, остается вѣрной своему возлюбленному, сѣтуя о немъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. «По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ авторъ шутливо, бережетъ все, что могло его напомнить: книги, имъ нѣкогда прочитанныя, его рисунки, ноты и стихи, имъ переписанныя для нея».

Повидимому, полное внѣшнее сходство. Но стоитъ присмотрѣться поближе, и сходство исчезаетъ. Татьяна—рѣзко выраженная индивидуальность, съ самыхъ раннихъ лѣтъ живущая своей самостоятельной жизнью, не похожей на жизнь ея сверстницъ. «Она въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой» и «ласкаться не умѣла къ отцу и къ матери своей».

Дитя природы, сѣверная дѣвушка, съ душой тихой, какъ «зарею поздней сіяніе розовыхъ снѣговъ», она научилась мечтать еще тогда, когда «предупреждала зари восходъ» или «любопытнымъ взоромъ на воскъ потопленный глядѣла» или когда она, «грустная одна бродила по лѣсамъ». Она брала изъ романовъ лишь то, что подходила къ ея своеобразному душевному складу.— «Она слышала лишь то, что понимала». У Татьяны есть свои собственныя слова, свои собственныя мысли; она всегда прислушивается къ своему внутреннему голосу.

Героиня же «Метели»—дочь своихъ родителей, такая же безразличная, какъ они. Ея душа представляла собою tabula rasa, на которые чувствительные романы начертали самые причудливые узоры, самыя затѣйливыя картины всевозможныхъ приключеній. Она не претворила содержанія романовъ въ своей душѣ, не переработала ихъ по своему, а сама подпала подъ ихъ вліяніе. Героическій актъ бѣгства съ возлюбленнымъ совершенно не соотвѣтствовалъ ея мирному характеру — онъ былъ навязанъ ей извнѣ. Вотъ почему она такъ долго колебалась,

отвергла множество плановъ и «только съ трудомъ согласилась». Вотъ почему она въ послѣднюю ночь не забыла написать «длинное письмо къ одной чувствительной барышнѣ ея подругѣ». Вотъ почему она все время чувствуетъ себя преступницей.

Пушкинъ ставитъ ее въ самыя комическія положенія и, преслѣдуя ее по пятамъ, придумываетъ цѣлый рядъ смѣшныхъ каверзъ сплошь до объясненія въ любви того, кто съ ней таинственно обвѣнчался: онъ какъ будто мститъ ей за то, что она хоть нѣсколько похожа на его «милую Таню».

«На дворѣ была метель, вѣтеръ выл, ставни тряслись и стучали... окрестность исчезала во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею». Въ такую-то ужасную ночь она покинула свою теплую дѣвичью комнату, продрогла вся, измучилась въ томительномъ ожиданіи, истрадалась въ угрызеніяхъ совѣсти. И все это для того, чтобы въ самый послѣдній моментъ, когда, казалось, мигъ желанный насталъ, долго жданный поцѣлуй ужъ висѣлъ надъ ея устами, ужъ почти коснулся ея, воскликнуть: «Ай! не онъ, не онъ!» Что можетъ быть комичнѣе этого?

Героиня «Метели» любитъ принимать романическія позы. Ей нравится разыгривать роль печальной дѣвственной Артемиды, оплакивающей раннюю смерть своего возлюбленнаго. Ей очень хочется влюбить въ себя гусара Бурмина, очаровавшаго всѣхъ уѣздныхъ барышенъ «Георгіемъ въ петлицѣ, интересной блѣдностью и тихой задумчивостью», добиться его страстнаго признанья въ любви, чтобы поразить его самой неожиданной развязкой. Если поза, такъ ужъ до конца. Она ждетъ его у пруда подъ ивою, съ книгою въ рукахъ и въ бѣломъ платьѣ (настоящей героиней романа, какъ насмѣшливо замѣчаетъ Пушкинъ), во-время перестаетъ поддерживать разговоръ, усиливая, такимъ образомъ, взаимное замѣшательство, отъ котораго можно избавиться только взаимнымъ рѣшительнымъ объясненіемъ».

Любовная сцена сопровождается со стороны автора самыми веселыми комическими замѣчаніями. «Ея военныя мѣры удались блестяще». Бурминъ требуетъ минуты вниманія. Въ знакъ согласія закрывается книга и опускаются глаза.

Начинается объясненіе: «я васъ люблю страстно. Я поступилъ неосторожно, предаваясь милой привычкѣ видѣть и слышать васъ ежедневно. (Марья Гавриловна вспомнила первое письмо St. Preux)». Въ этомъ-то и вся прелесть. Онъ настоящій герой—онъ выражается точь въ точь, какъ герой ея излюбленнаго романа. Любовное объясненіе продолжается, близится къ концу. Уже готова на ея устахъ знаменитая фраза Татьяны: «но я другому отдана»—другому, таинственному незнакомцу, на мигъ явившемуся передъ ней, пришельцу изъ невѣдомой дали, подосланному самымъ небомъ или сатаной. Наступаетъ самая эффектная сцена, которой она такъ долго и съ такимъ нетерпѣніемъ ждала. Удивленіе и разочарованіе овладѣваютъ ею въ первую минуту, когда онъ открываетъ свою «ужасную тайну», чтобы положить между ними непреодолимую преграду»—пропалъ ея зарядъ, послѣднее слово осталось за нимъ—исчезъ удобный случай разыграть позу. Но вотъ разсказъ начинаетъ ее заинтересовывать,—онъ кажется ей знакомымъ, близкимъ. Вѣдь это тотъ самый таинственный незнакомецъ, который такъ жестоко подшутилъ надъ нею—и онъ у ногъ ея! Разочарованіе смѣняется радостью—осуществляется ея дѣвичья мечта: выйти замужъ. «Такъ это были вы? и вы не узнаете меня? Бурминъ поблѣднѣлъ и бросился къ ея ногамъ».

Такъ шутливо кончается мнимая драма мнимой героини, простенькой дѣвочки, разыгравшей роль романической страдалицы.

Великій смыслъ, заключающійся въ смиренныхъ словахъ Татьяны: «я другому отдана, я буду вѣкъ ему вѣрна», пріобрѣтается истиннымъ страданіемъ, героинѣ же «Метели» не подобаетъ терновый вѣнецъ. Страданье уготовлено для натуръ исключительныхъ, для личности оригинальной. Страданье надо заслужить—оно даромъ не дается.

Вотъ она остроумная шутка, изящный водевиль, написанный на тотъ же сюжетъ, что и драма Татьяны.

Такъ прощается Пушкинъ съ образомъ милой Тани, которая становится еще милѣй, еще трогательнѣе отъ сопоставленія съ ея пародіей—съ героиней «Метели».

Если отнять у «всегда скромной, всегда послушной и какъ жизнь поэта простодушной» Ольги ея веселье, искренность, способность мило щебетать, представить себѣ ее читающей французскіе чувствительные романы и нѣсколько позирующей—то передъ вами готовъ образъ Марьи Гав-

риловны. Вотъ почему герой ея романа долженъ быть похожъ на вялаго и туманнаго Ленскаго. Недаромъ онъ носитъ его имя. Онъ такой же мечтательный романтикъ, съ такой же дряблою душой и слабой волей. И онъ въ жизни невѣжда, но ужъ не такой милый, какъ Ленскій. Весь во власти прочитанныхъ романовъ, онъ совершенно не знаетъ личной инициативы, живетъ и хочетъ дѣйствовать по книжному. Если Ленскій былъ искрененъ въ своихъ туманныхъ порывахъ и неясныхъ увлеченіяхъ, если онъ находился еще въ стадіи переработки чужихъ мнѣній и иностранныхъ идеаловъ, то Владиміръ изъ «Метели» мечтаетъ о томъ, чтобы разыгрывать героя по писанному, рисуя себѣ исходъ въ сладкомъ сантиментальномъ духѣ. Ленскій привезъ изъ туманной Германіи не только кудри черныя до плечъ и всегда восторженную рѣчь», но и пищу для ума—мысли новыя и пламенныя идеи. Владиміръ же жилъ только жизнью чувства, питаясь одними только фантастическими образами, и то не имъ самимъ созданными, а взятыми напрокатъ.

Онъ умоляетъ «ее предаться ему, вѣнчаться тайно, скрываться нѣсколько времени, броситься потомъ къ ногамъ родителей, которые, конечно, будутъ тронуты, наконецъ, героическимъ постоянствомъ и несчастіемъ любовниковъ и скажутъ имъ непремѣнно: дѣти, придите въ наши объятія».

Смѣшонъ онъ въ своихъ мечтахъ, жалокъ, но не трагиченъ въ своемъ несчастіи и его преждевременная гибель ничуть не омрачаетъ свѣтлаго и шуточнаго фона, на которомъ созданъ весь разсказъ.

Послѣ неудачнаго вѣнчанія онъ падаетъ духомъ, запирается дома, не дѣлаетъ никакой попытки объясниться со своей героиней, въ сущности ни въ чемъ неповинной, не дѣлаетъ никакого усилія, чтобы повидаться съ ней почти, умирающей; самъ почти сходитъ съ ума и кончаетъ тѣмъ, что уѣзжаетъ въ армію, умереть гдѣ-нибудь на полѣ брани, какъ умираютъ всѣ несчастные романическіе герои.

Оно и вполнѣ естественно: его разстроенному прочитанными романами воображенію разыгравшаяся непогода и вѣнчаніе его возлюбленной съ какимъ-то таинственнымъ незнакомцемъ должны были показаться въ высшей степени загадочными, имѣющими глубокій мистическій смыслъ. Подобное странное стеченіе обстоятельствъ онъ долженъ былъ понять, какъ угрожающій перстъ свыше, гдѣ несогласны съ его бракомъ.

Такимъ образомъ, Владиміръ представляется намъ пародіей даже на Ленскаго, къ которому Пушкинъ всегда относился нѣсколько насмѣшливо. И про него ужъ навѣрно можно сказать и безъ всякихъ колебаній, что «обыкновенный ждалъ его удѣлъ». «Прошли бы юношества лѣта, въ немъ пылъ души бы охладѣлъ... во многомъ онъ бы измѣнился; въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ, носилъ бы стеганный халатъ; узналъ бы жизнь въ самомъ дѣлѣ, подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ, пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ и, наконецъ, въ своей постелѣ скончался бъ посреди дѣтей, плаксивыхъ бабъ и лекарей». Такъ же, какъ его героиня навѣрно открыла потомъ, какъ вышла замужъ за Бурмина, «тайну, какъ супругомъ единовластно управлять; солила навѣрно на зиму грибы, вела расходы, брила лбы, ходила въ баню по субботамъ, служанокъ била осердясь—все это мужа не спросясь»...

Если дѣйствительно отъ трагическаго до комическаго одинъ шагъ, то это блестяще было доказано Пушкинымъ. Тѣ же сюжеты, которые вдохновили его на созданіе великихъ трагическихъ сценъ и дивныхъ главъ «Евгенія Онѣгина», при извѣстной варіаціи, перевоплотились въ граціозныя шутки-пародіи, полныя настоящаго юмора и дѣтскаго веселья.

А въ сущности вовсе ужъ не такъ трагично на свѣтѣ—шепнула ему на ухо его «лукавство». Дай посмѣяться надъ самимъ собою, надъ самыми дорогими образами, но не конъюнктурно—такихъ надрывовъ душевныхъ Пушкинъ не зналъ,—а легко, беззаботно, весело, тѣмъ здоровымъ заражающимъ смѣхомъ, который такъ характеренъ для всякой молодой души.

Но смѣяться можно, хоть и весело надъ тѣмъ, что уже изжито, что осталось позади. Вотъ почему намъ представляется, что Пушкинъ уже отдаляется отъ тѣхъ образовъ, которые онъ пародируетъ въ повѣстяхъ Бѣлкина; удаляется отъ нихъ навсегда, прощаясь съ ними издалека, незамѣтной для нихъ веселой усмѣшкой. И именно эта-то дальность разстоянія отъ этихъ образовъ можетъ быть и мѣшаетъ вскрыть ихъ связь съ шутливыми героями повѣстей Бѣлкина,—ту связь, которая, повторяемъ, существуетъ между водевилемъ и трагедіей, написанными на одинъ и тотъ же сюжетъ и однимъ и тѣмъ же художникомъ.

Простившись съ великими трагическими образами, можно уже перейти къ быту, къ которому онъ уже давно тяготѣетъ—тамъ искать новой правды, новыхъ идеаловъ. Они уже частью ему открылись при первомъ прикосновеніи къ непосредственной жизни въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Отнынѣ жизнь маленькаго человѣка станетъ ему очень дорога; ее онъ будетъ согрѣвать горячими лучами своей любви, въ ея печали и радости онъ будетъ вникать и ее онъ возводитъ на пьедесталъ въ «Станціонномъ Смотрителѣ», «Капитанской Дочкѣ» и другихъ перлахъ художественной прозы; передъ ней преклоняясь, онъ забудетъ этихъ гордыхъ Uebermensch-овъ, въ честь которыхъ онъ создалъ такія могучія симфоніи, какъ «маленькія» трагедіи и «Онѣгинъ».

Отнынѣ его культъ—маленькій человѣкъ всѣхъ ранговъ и сословій, начиная съ захолустной барышни и «мученика 14-го класса» и кончая сѣрымъ мужикомъ изъ «села Горюхина»...

VII.

Барышня. Крестьянка.

Намъ представляется, что однажды Пушкинъ всталъ въ очень веселомъ настроеніи, посмотрѣлъ на милый его сердцу деревенскій пейзажъ, на желтѣющій съ золотымъ отливомъ невдалекѣ лѣсъ, на невысокіе косогоры, отдающіе млечнымъ цвѣтомъ отъ покрывшаго ихъ тонкаго слоя инея, на крышу барскаго дома, веселѣющую на радостныхъ лучахъ ранняго солнца, вспомнилъ про веселую, живую, въ естественномъ кокетствѣ способную выкидывать различныя штуки, уѣздную барышню — пришелъ отъ всего этого въ шаловливое состояніе, которое было такъ свойственно его неугасавшему съ годами темпераменту, и написалъ дивную граціозную шутку—повѣсть «Барышню крестьянку», къ которой такъ подходитъ стихъ изъ Богдановича: «во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша».

Если въ другихъ повѣстяхъ Бѣлкина порою сквозь шутку пробивается серьезная нотка; если въ нихъ преобладающіе свѣтлые тона порою сочетаются съ тонами вовсе не веселыми, то «Барышня крестьянка» сплошная шутка, сплошная шалость генія, можетъ быть на моменъ только избавившагося отъ серьезныхъ думъ, отъ жгучихъ вопросовъ жизни.

Вся повѣсть искрится веселымъ юморомъ, радостнымъ настроеніемъ, звонкимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, отъ котораго не остается никакой накипи горечи.

Есть шутка и въ «Метели», тоже повѣсти, взятой изъ жизни уѣздныхъ барышенъ. Но все же тамъ типы, весьма реальные, весьма характерные для эпохи 30-хъ годовъ, когда романтизмъ, заброшенный въ глушь русской жизни, принявши тамъ сентиментальную окраску, понуждалъ молодыхъ людей на тѣ или иные серьезные шаги въ жизни, правда, кончившіеся въ данномъ случаѣ довольно благополучно, но только по волѣ каприза свѣтло настроеннаго художника.

Въ «Метели» смѣялся одинъ только художникъ, но не дѣйствующія лица, которыя, наоборотъ, попадали изъ одного глупаго положенія, стоившаго имъ не мало слезъ, въ другое.

Здѣсь же, въ «Барышнѣ крестьянкѣ», веселятся и шалятъ сами герои, два молодыхъ существа, у которыхъ силъ избытокъ, кровь кипитъ и неудержимо хочется выкидывать какія-нибудь шутки. Такъ и кажется, что Пушкинъ подзадориваетъ самого себя, говоря: а вотъ я разскажу такую исторію, гдѣ совсѣмъ ужъ нѣтъ слезъ, ни искреннихъ, ни притворныхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ печалей, ни естественныхъ, ни искусственныхъ.

Пушкинъ былъ великій мастеръ находить самыя разнообразныя фабулы для своихъ повѣстей, разсказывать такъ, чтобы все выходило просто и естественно. И потому, что онъ самъ, подобно Моцарту, былъ «гуляка праздный», способный на всякія остроумныя шалости, разсказъ, кажется, въ высшей степени правдоподобнымъ и блещетъ всѣми прелестями реализма.

Родители молодыхъ людей въ ссорѣ; праздная жизнь, страстное желаніе, имѣющееся у каждаго человѣка, играть роль, обращать на себя вниманіе, словомъ первымъ произносить: э!, да уѣздныя сплетни способны поссорить хоть кого. Поссорилъ же Гоголь Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ изъ-за гусака. Понятно, что молодые люди здѣсь не при чемъ. Здоровые, жизнерадостные, ищущіе развлеченій въ деревенской глуши, они, не имѣя возможности встрѣчаться явно, устраиваютъ тайныя свиданія въ лѣсу. Естественно вполнѣ и то, что молодая дѣвушка, капризная и своевольная, какъ полевой вѣтерокъ, желая сохранить свою дѣвичью гордость и отцов-

скую честь, переодѣвается въ крестьянскій костюмъ, дабы болѣе свободно встрѣчаться съ молодымъ красавцемъ; естественно; что молодой Берестовъ скидываетъ въ деревнѣ Чайльдъ-Гарольдовскій плащъ—вѣдь тутъ предъ кѣмъ рисоваться?—перестаетъ писать таинственныя письма съ таинственными иниціалами, дѣлается простымъ парнемъ, волочится за дворовыми дѣвушками, играетъ съ ними въ горѣлки, а иногда и цѣлуетъ, и увлекается тайными свиданіями съ прекрасной Акулиной, влеченіе къ которой растетъ съ каждымъ днемъ, тѣмъ болѣе, что инстинктивно чуетъ въ ней дѣвушку своего круга. И что тутъ неправдоподобнаго, если способная, неглупая и шаловливая дѣвушка, выросшая рядомъ съ крестьянами и потому великолѣпно знающая ихъ бытъ, манеры и языкъ, отлично справляется со своею ролью?

Сбросили они оба модные костюмы, забыли про свои фантазіи и превратились въ очень милыхъ простыхъ людей, которымъ весело живется ужъ потому одному, что они молоды. И какъ Пушкинъ имъ покровительствуетъ! Онъ отъ души радъ за нихъ, онъ и самъ былъ бы не прочь пошалить. Онъ всегда дѣлаетъ такъ, чтобы заря сіяла на востокѣ, и золотые ряды облаковъ ожидали бы солнца, какъ царедворцы—государя; чтобы ясное небо, утренняя свѣжесть, роса, вѣтерокъ и пѣніе птичекъ наполняли ихъ сердца младенческой веселостью. Ни одно утро не омрачается въ этой повѣсти тучами и ни разу надоѣдливый дождь не помѣшалъ ихъ свиданію. Пусть они радуются, дѣтки! Пусть себѣ веселятся!... Но этого еще мало: художнику хочется счастливаго конца, безмятежной радости для себя и для другихъ. Для этого онъ миритъ ихъ родителей, миритъ вполнѣ естественно, такъ что оба остаются весьма довольными: одинъ оказалъ услугу, спасъ своего противника, зато и повелъ его къ себѣ, какъ побѣдный трофей, другой же чувствовалъ себя обязанкымъ, не могъ отказаться и послѣдовалъ за нимъ. За завтракомъ сосѣди разговорились дружелюбно, а затѣмъ мирно разстались. Сосѣди стали видаться, миръ крѣпчалъ, а потомъ превратился въ дружбу. Что можетъ быть естественнѣе, если на досугѣ, отъ нечего дѣлать, обоимъ старикамъ приходитъ въ голову мысль поженить дѣтей, тѣмъ болѣе—партія выгодная для обѣихъ сторонъ. Такъ устранены Пушкинымъ всѣ препятствія для счастья двухъ тяготѣющихъ другъ къ другу молодыхъ душъ—устранены вполнѣ просто и естественно.

Тѣ же, кажется, люди, что и въ «Метели»: «она» та же уѣздная барышня, начитавшаяся романовъ; и ей страсть, какъ хочется, чтобы ея герой былъ блѣднымъ, печальнымъ, задумчивымъ. И «онъ» тоже «явился мрачнымъ и разочарованнымъ»; первый говорилъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности. Но стоило имъ сдѣлаться естественными, и онъ превратился въ бѣшенаго веселаго юношу, а она плѣнилась именно тѣмъ, что онъ «стройный, высокій, румянецъ во всю щеку».

На жизнь надо смотрѣть проще, прямѣе, и она вовсе уже не такъ трагична. Во всякомъ случаѣ молодая жизнь не должна знать никакихъ печалей, должна играть и веселиться.

Свѣтло становится на душѣ отъ этой молодости, веселья и беззаботности, которой вѣетъ отъ «Барышни крестьянки».

VIII.

Станціонный Смотритель.

Если всѣ вышеразобранныя повѣсти Бѣлкина находятся въ болѣе или менѣе близкомъ психологическомъ родствѣ съ тѣми трагическими мотивами, что такъ мощно звучатъ въ «маленькихъ» трагедіяхъ и въ финалѣ «Онѣгина», если онѣ представляютъ собою, какъ мы видѣли выше, любопытнѣйшую попытку одновременно разсматривать одни и тѣ же явленія жизни подъ двумя совершенно противоположными углами зрѣнія: трагическимъ и комическимъ, то «Станціонный Смотритель» стоитъ совершенно особо, открываетъ совсѣмъ ужъ новую полосу въ творчествѣ Пушкина.

Уже въ концѣ «Евгенія Онѣгина» художникъ спускается съ своихъ высокихъ вершинъ, свѣшивается надъ самой жизнью, пытливо вглядывается въ нее, ловитъ «скучныя», монотонныя пѣсни земли и претворяетъ ихъ въ дивныя мелодіи. Въ «Метели» и «Барышнѣ крестьянкѣ» онъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ ближе къ жизни, къ быту, и ему еще дороже дѣлаются «песчаный косогоръ, калитка, сломанный заборъ» и «на небѣ серенькія тучи». Но все же чувствуется, что художникъ пришелъ изъ иного міра, что онъ только недавно заглянулъ сюда, а потому многихъ деталей еще не замѣчаетъ. Зато въ «Станціонномъ Смот-

рителѣ» онъ уже весь въ жизни: на моментъ претворяется въ одного изъ многихъ сихъ «неразумныхъ», которые живутъ маленькой, обыденной жизнью, преслѣдуютъ маленькія, «ничтожныя» цѣли и носятся со своими обыкновенными, слишкомъ обыкновенными переживаніями.

Правда, всѣ эти произведенія созданы въ одно и то же время и нѣтъ никакого основанія придерживаться той хронологической градаціи, которую, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, мы устанавливаемъ. Но мы вовсе не настаиваемъ на хронологическомъ порядкѣ: мы только пытаемся начертать картину развитія Пушкинскаго творчества, указать психологическую связь между всѣми произведеніями Болдинскаго періода съ одной стороны, и между произведеніями этого періода и послѣдующаго—съ другой. Въ этомъ смыслѣ «Станціонный Смотритель» безусловно ближе къ «Капитанской Дочкѣ», «Дубровскому» и другимъ прозаическимъ произведеніямъ послѣ 30-го года, чѣмъ остальныя повѣсти Бѣлкина. Ближе онъ примыкаетъ и ко всей будущей русской литературѣ, которая такъ любовно относится къ маленькому забитому человѣку, съ его простой, незатѣйливой душой и съ его несложными, безхитростными переживаніями. Здѣсь уже мощно звучитъ нотка той жгучей любви къ «меньшому» брату, которая впервые нашла свое полное выраженіе въ ничтожномъ, стоящемъ почти на грани жизни чисто физіологической—Акакіи Акакіевичѣ, въ его недоумѣнномъ вопросѣ: «зачѣмъ вы меня обижаете: я вѣдь братъ вашъ»...

Съ какой-то трогательной проникновенностью художникъ зоветъ насъ войти вмѣстѣ съ нимъ въ положеніе маленькаго, всѣми гонимаго смотрителя, который во всемъ виноватъ: «погода ли несносная, дорога ли скверная, ямщикъ ли угрюмый или лошадь не везетъ»—за все долженъ расплачиваться «сущій мученикъ четырнадцатаго класса, огражденный своимъ чиномъ токмо отъ побоевъ и то не всегда». Не чувство жалости, по существу своему сентиментальное, а потому дешево стоящее, будитъ онъ, а глубокую любовь, влекущую за собой жертвы—любовь всеобъемлющую, на которую способна только универсальная душа генія, равно относящагося къ великимъ и малымъ, къ добрымъ и злымъ, къ правымъ и виноватымъ.

Пушкинъ рѣдко поясняетъ свои образы, почти никогда не приставалъ къ читателю со своими мыслями и поученіями. Сознавая, что ему предстоитъ объять необъятное, начертать пути всему будущему русскому творчеству, онъ творилъ, волнуясь и спѣша, мало останавливаясь на деталяхъ. А вотъ здѣсь, въ «Смотрителѣ», онъ старательно поясняетъ свою основную идею, почти подчеркиваетъ ее—ужъ слишкомъ новой она должна была казаться современникамъ, которые привыкли искать въ его произведеніяхъ «байроническихъ» мотивовъ.

Художникъ прежде всего рисуетъ несложный фонъ обыденной жизни смотрителя, по своему полной тихой прелести и невозмутимаго счастья. Катится она, эта жизнь, по установленной колеѣ тихо, равномѣрно, спокойно. Изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ дня въ день все одно и то же. Ничто не нарушаетъ ея хода, постояннаго и однообразнаго, какъ монотонное качаяніе маятника. И крики и ругань случайныхъ проѣзжихъ, и бури завываніе снаружи, когда въ домѣ тепло и уютно, и тихое пѣніе кипящаго самовара, и юное щебетаніе красавицы дочки, каждымъ своимъ движеньемъ напоминающей недавно умершую любимую жену,—все это слилось въ одну обычную, но сладостную симфонію, настраивающую смотрителя столь мирно и дружелюбно къ людямъ. А съ симфоніи этой гармонируетъ вся обстановка, отъ которой вѣетъ тѣмъ же тихимъ невозмутимымъ покоемъ. На ея фонѣ сплелось все вмѣстѣ: и развѣшанныя по стѣнамъ нѣмецкія картинки, изображающія исторію блуднаго сына, и горшки съ пахучимъ бальзаминомъ на маленькихъ окнахъ, и кровать съ пестрой занавѣской, и чистота и опрятность, и самъ смотритель, «свѣжій еще и бодрый», и его длинный зеленый сюртукъ съ тремя медалями на полинялыхъ лентахъ.

Прекрасно было настоящее, не омрачалось и будущее. Если онъ только думалъ о немъ, то ему навѣрно рисовались картины, одна плѣнительнѣе другой: какъ онъ никогда не разстанется съ Дуней, въ которой души не чаялъ, какъ онъ выберетъ для Дуни какого-нибудь смирнаго и честнаго человѣка, возьметъ его къ себѣ въ домъ, или переселится вмѣстѣ съ нею къ нему. Во всякомъ случаѣ, его мечты навѣрно не перелетали за частоколъ его настоящей жизни, и будущее ему навѣрно представлялось счастливымъ продолженіемъ счастливаго настоящаго.

Но внезапный ударъ судьбы, слѣпой и

безсмысленный—и все рушится. Не стало дочери, его кумира, на которой весь домъ держался, и весь интересъ къ жизни сразу пропалъ. Въ такомъ крѣпкомъ устойчивомъ быту и мелочь важна. Вотъ Пульхерію Ивановну выбило изъ колеи то, что кошки не стало, а здѣсь похищенъ былъ краеугольный камень — зданіе неминуемо должно было рухнуть. Жизнь стала для него пустой и безсмысленной, все, что было до сихъ поръ такъ ясно и понятно, покрылось густымъ непроницаемымъ мракомъ. Въ его неразсчитанныхъ движеніяхъ, метаніяхъ изъ стороны въ сторону, подобно подстрѣленной птицѣ, совершающей неправильные круги передъ тѣмъ, какъ свинцомъ упасть на сырую землю, явно чувствуются можетъ не сознанные, а потому еще не претворившіеся въ слова, полные трагическаго смысла вопросы: «зачѣмъ и къ чему? кому нужны мои страданія?»

Здѣсь трагедія не столько въ томъ, что дочь гибнетъ, что «сегодня она въ атласѣ, да въ бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицу вмѣстѣ съ голью кабацкой, сколько въ томъ хаосѣ душевномъ, гдѣ все сплелось вмѣстѣ; и страхъ за участь любимой дочери, и жгучесть неотомщенной обиды, и угрюмость предстоящаго одиночества, и, главнымъ образомъ, крахъ собственной тихой счастливой жизни, крахъ установившагося прочнаго быта.

Смотритель принесъ въ Петербургъ свою неотомщенную обиду, свою старческую разбитую жизнь. Какое удовлетвореніе онъ могъ получить? Возможность поселиться здѣсь, вблизи дочери, и часто видаться съ нею? Но это было бы только смягченіе его положенія, ослабленіе недуга, но не исцѣленіе. Вѣдь это не вернуло бы его къ прежней жизни, не возсоздало бы его прежняго быта, съ которымъ онъ такъ сросся. Приспособиться же къ новой жизни на старости лѣтъ невозможно. Къ тому еще тутъ столкнулись два взаимно исключающихъ душевныхъ состоянія его и молодого, весело-беззаботнаго гусара, который не могъ и не хотѣлъ его понять. Что ему за дѣло до страданій смотрителя, до его разбитой жизни: его можно купить нѣсколькими ассигнаціями, и совѣсть спокойна. А можетъ быть онъ хотѣлъ окончательно изолировать Дуню отъ ея прежней обстановки. Можетъ быть, зная ея крѣпкую привязанность къ отцу, онъ боялся ея раздвоенности? Здѣсь возможно очень много правдоподобныхъ догадокъ. Во всякомъ случаѣ, трагическій финалъ кажется намъ вполнѣ естественнымъ, если принять, главнымъ образомъ, во вниманіе то, что гусаръ, въ силу всего своего душевнаго склада, не могъ и не хотѣлъ проникнуться страданіями стараго смотрителя.

«Станціоннымъ Смотрителемъ» открывается новая полоса въ творчествѣ Пушкина. Если въ «Онѣгинѣ» любовное отношеніе къ быту еще прячется подъ мягкимъ, но все же явнымъ юморомъ; если въ остальныхъ повѣстяхъ Бѣлкина художникъ все еще нѣсколько маскируетъ свое сочувственное отношеніе къ простой обыкновенной жизни, то здѣсь онъ уже весь на ея сторонѣ. Пушкину глубоко жаль этой разбитой жизни, жаль, что смотритель извѣдалъ такую бурю на старости лѣтъ, и такъ печально кончилъ свою жизнь.

Впервые въ «Станціонномъ Смотрителѣ» прозвучала у Пушкина нотка осужденія тому божественному легкомыслію, которое было такъ дорого и близко его многогранной душѣ. Вѣдь гусаръ, очень слабо очерченный, можетъ быть даже и намѣренно (такъ какъ Пушкинъ могъ еще не вполнѣ освободиться отъ обаянія Моцартова), все же напоминаетъ своей бурной жизнью, остроумными уловками и беззаботностью вѣчно юнаго Донъ Жуана. А между тѣмъ симпатіи художника явно не на его сторонѣ.

Пушкину открылась новая правда. Начиная съ этого времени, мотивъ любви къ меньшому брату звучитъ у Пушкина довольно часто. Вы его слышите въ «Исторіи Села Горюхина», въ незаконченномъ «Галубѣ», въ «Капитанской Дочкѣ», въ «Дубровскомъ» и, пожалуй, даже въ «Мѣдномъ Всадникѣ», гдѣ, при всемъ апоѳеозѣ того, кто «Россію» поднялъ на дыбы», вы не можете отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что Пушкинъ удѣляетъ «бѣдному Евгенію» очень много вниманія, что среди дикой бури и страшнаго рева невскихъ волнъ, несущихся на городъ, онъ внимаетъ его слабымъ стонамъ протеста и отчаянія...

А. Искозъ.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ПУШКИНА.

«Правда ли, что Баратынскій женится?» спрашивалъ Пушкинъ кн. Вяземскаго въ письмѣ изъ Михайловскаго, во второй половинѣ мая 1826 г. — «Боюсь за его умъ. Законная (жена) — родъ теплой шапки съ ушами: голова вся въ нее уходитъ. Ты, можетъ быть, исключеніе. Но и тутъ я увѣренъ, что ты гораздо былъ бы умнѣе, если (бы) лѣтъ еще десять былъ холостой. Бракъ холоститъ душу».

Такого невыгоднаго мнѣнія о бракѣ держался поэтъ въ пору своего невольнаго житья въ Псковской глуши. Окруженный цѣлымъ «цвѣтникомъ» если не красавицъ, то во всякомъ случаѣ очень милыхъ и интересныхъ барышенъ, постоянно играя съ ними «въ любовь», онъ, однако, ни къ одной изъ нихъ не чувствовалъ сколько-нибудь прочнаго сердечнаго влеченія, и каждой на мысль о супружествѣ могъ бы отвѣтить словами своего разочарованнаго героя:

> Супружество памъ будетъ мукой:
> Я, сколько ни любилъ бы васъ,
> Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ!

Но не прошло и семи мѣсяцевъ, какъ воззрѣнія Пушкина на бракъ и семейную жизнь совершенно измѣнились. Конечно, въ этомъ отношеніи на него повліяла и та рѣзкая перемѣна, какая произошла въ его личной жизни: вызванный въ началѣ сентября 1826 г. въ Москву и получившій затѣмъ отъ новаго государя позволеніе жить въ обѣихъ столицахъ, молодой поэтъ, такъ долго томившійся вдали отъ большого свѣта, сразу окунулся въ водоворотъ шумнаго московскаго общества, гдѣ онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями, и снова началъ давно забытую разсѣянную жизнь юноши-Онѣгина. Свѣтскія красавицы, за которыми онъ въ это время сталъ усердно ухаживать, сочиняя для нихъ альбомные мадригалы, совершенно вытѣснили изъ его памяти тѣхъ скромныхъ деревенскихъ барышенъ, «выросшихъ подъ яблонями, воспитанныхъ между скирдами, природой и нянюшками», среди которыхъ онъ еще такъ недавно проводилъ свой невольный досугъ и которыя теперь вызывали съ его стороны только ироническія замѣчанія. При пылкой натурѣ Пушкина, отъ легкаго ухаживанья недалеко было и до болѣе серьезнаго увлеченія, а затѣмъ—и до мысли о женитьбѣ. Со свойственной ему рѣшительностью, онъ, не долго задумываясь, остановилъ свой выборъ на дальней своей родственницѣ, Софьѣ Ѳедоровнѣ Пушкиной, свояченицѣ его лицейскаго товарища, В. П. Зубкова, у котораго поэтъ останавливался въ этотъ первый свой пріѣздъ въ Москву *). Онъ увидѣлъ «Sophie» одинъ разъ въ театрѣ, другой разъ — на балу, и затѣмъ, возвратившись въ Псковскую губернію, тотчасъ же началъ съ Зубковымъ переписку, изъ которой до насъ, къ сожалѣнію, дошло только одно письмо отъ 1 декабря 1826 г. Изъ этого письма видно, что Пушкинъ серьезно настаивалъ на посредничествѣ Зубкова въ дѣлѣ его сватовства, не смотря на «размышленія и возраженія» своего пріятеля. «Мнѣ 27 лѣтъ, любезный другъ», говоритъ онъ: пора начать жить, т.-е. узнать счастье... Моя жизнь, доселѣ такая непостоянная, такая бурная, мой характеръ — неровный, ревнивый, подозрительный, раздражительный и въ то же время слабый,—вотъ что возбуждаетъ во мнѣ иногда тягостныя размышленія: смѣю ли я связывать съ такой печальной участью, съ такимъ несчастнымъ характеромъ судьбу такого милаго и прекраснаго, существа?...» Тѣмъ не менѣе, страсть беретъ верхъ надъ всѣми резонами, и Пушкинъ настаиваетъ на необходимости этого брака во что бы то ни стало, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, что Софья

*) См. настоящаго изданія т. III, стр. 181—186 статью А. Ѳ. К о н и: «Первое сватовство Пушкина».

Ѳедоровна — уже почти была сговоренная невѣста другого.

Сватовство на этотъ разъ не удалось, но намѣренія Пушкина успѣли все-таки получить широкую огласку: вѣсть о нихъ дошла и до петербургскихъ его друзей. «Ты, слышу, хочешь жениться? благословляю», пишетъ ему Дельвигъ въ половинѣ января 1827 г. Слухи эти не прекращались и въ слѣдующемъ году. Повидимому, они имѣли нѣкоторое основаніе въ настойчивыхъ посѣщеніяхъ Пушкинымъ нѣсколькихъ избранныхъ семействъ, гдѣ были дѣвушки-невѣсты,—напр. Ушаковыхъ, Оленичыхъ и др., которыхъ онъ называлъ «своими» и къ которымъ какъ будто даже и сватался, хотя опять-таки безуспѣшно.

Такъ прошелъ весь 1827 годъ, первые пять мѣсяцевъ котораго Пушкинъ провелъ въ Москвѣ, лишь ненадолго отлучившись въ Тверскую губернію, а въ концѣ мая, впервые послѣ своей ссылки, пріѣхалъ въ Петербургъ, откуда осенью съѣздилъ мѣсяца на два въ Михайловское. Его душевное состояніе было въ эту пору далеко не спокойное. Поэтъ все больше и больше тяготился своимъ одиночествомъ, все больше и больше раздражался мелкими и крупными уколами со стороны своихъ оффиціальныхъ опекуновъ... Весной 1828 г. онъ рѣшился даже просить, чтобы его зачислили въ дѣйствующую армію, по случаю начавшейся тогда войны съ Турціей, — но получилъ отказъ. Онъ вновь попытался попросить о заграничномъ отпускѣ — и также безуспѣшно. Проведя въ Петербургѣ все лѣто, осенью Пушкинъ отправился въ Тверскую губернію, въ имѣніе своего пріятеля Вульфа, а на зиму переѣхалъ въ Москву. Здѣсь, на одномъ изъ тѣхъ баловъ, которые въ Москвѣ того времени не прерывались всю зиму и на которые поэтъ со всѣхъ сторонъ получалъ приглашенія, онъ и встрѣтилъ свою будущую жену.

Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой въ августѣ 1828 г. только что минуло 16 лѣтъ. Впервые въ эту зиму она надѣла длинное платье и начала выѣзжать «въ свѣтъ» — и при первомъ же своемъ появленіи обратила на себя общее вниманіе своей выдающейся красотой. О ней всѣ заговорили, ее стала окружать «толпа архивныхъ юношей», представителей тогдашней блестящей московской молодежи. На Пушкина она сразу произвела сильное, рѣшительное впечатлѣніе. «Когда я ее впервые увидѣлъ», писалъ онъ впослѣдствіи ея матери (апр. 1830), «ея красоту только что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась...» Онъ тутъ же рѣшилъ просить ея руки и при содѣйствіи извѣстнаго «американца» Ѳ. И. Толстого, съ которымъ еще недавно былъ въ ссорѣ, а теперь помирился, вошелъ въ домъ Гончаровыхъ.

Что же это былъ за домъ, и какова была та семья, изъ которой Пушкинъ выбралъ себѣ подругу жизни?

Родоначальникомъ семьи Гончаровыхъ былъ родившійся въ концѣ XVII столѣтія калужскій купецъ Аѳанасій Абрамовичъ Гончаровъ, о которомъ мы находимъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній въ издававшемся въ Калугѣ, въ 1804 г., подъ редакціей мѣстнаго учителя гимназіи Зельницкаго, журналѣ «Уранія». *) «Около 20 лѣтъ своего возраста», говорится здѣсь, «онъ пошелъ въ услуженіе къ нѣкоторому заводчику, небольшого имѣнія котораго онъ сдѣлался наслѣдникомъ. Въ теченіе 50 лѣтъ завелъ бумажную фабрику, желѣзные заводы; парусныя полотна привелъ въ такое совершенство и славу, что изъ Англіи именно требовали полотенъ его фабрики, за работу которыхъ... успѣлъ нажить села и деревни. Имѣніе его болѣе, нежели до $3^1/_2$ мил. руб. простиралось. Самъ онъ въ кругу друзей своихъ признавался, что въ жизни на него шелъ три раза золотой дождь; послѣдній былъ во время отложенія Америки отъ Англіи, ибо тогда кусокъ полотна, считавшійся ему съ расходами въ Петербургѣ менѣе 7 р., продавалъ онъ отъ 15 до 17 р., и притомъ такъ, что деньги получалъ впередъ. Къ сему калужскому гражданину государь Петръ I въ 1718 г., при письмѣ своемъ, прислалъ плотиннаго мастера (ткача полотенъ), нанятаго въ Амстердамѣ, съ тѣмъ, что ежели наемъ дорогъ, то государь оную плату пріемлетъ для себя. Не менѣе того и бумажную фабрику привелъ въ такое состояніе, что бумага его почиталась первою въ Россіи».

Аѳанасій Абрамовичъ умеръ въ глубокой старости, оставивъ колоссальное по тому времени состояніе своему сыну Николаю, который унаслѣдовалъ коммерческія способности и характеръ отца и успѣлъ поэтому значительно увеличить свое богатство. Единственный его сынъ и наслѣдникъ, Аѳанасій Николаевичъ, явился уже не «собирателемъ», а расточителемъ отцов-

*) Кн. I, стр. 112—116; Рус. Стар. 1883, т. 38, стр. 693—694.

скихъ и дѣдовскихъ богатствъ. Избалованный роскошью и привыкшій ни въ чемъ себѣ не отказывать, онъ не зналъ счета деньгамъ, въ особенности послѣ того, какъ его жена, Надежда Платоновна, урожденная Мусина-Пушкина, сошла съ ума, и онъ, чтобы утѣшиться въ этомъ семейномъ горѣ, пустился въ самыя необузданныя удовольствія. «Весьма скоро», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. П. Арапова *), «объемистые, изъ доморощеннаго полотна, туго набитые золотомъ мѣшки, громоздившіеся по угламъ кабинета владѣльцевъ, такъ привычные взорамъ гончаровской челяди, успѣли отойти въ область легенды».

Аѳанасій Николаевичъ, такъ же, какъ и его отецъ, имѣлъ только одного сына,—Николая. Воспитанный въ роскоши, но, по желанію матери, не поступавшій ни на какую службу, этотъ наслѣдникъ гончаровскаго богатства женился на красавицѣ Натальѣ Ивановнѣ Загряжской, сиротѣ, изъ семьи хотя и аристократической, но весьма стѣсненной въ матеріальномъ отношеніи. Вскорѣ послѣ женитьбы ему пришлось узнать всю правду о полномъ разстройствѣ дѣлъ своего отца. Николай Аѳанасьевичъ, обладавшій энергіей своего одноименнато дѣда, не растерялся: ему удалось уговорить отца уѣхать за границу, а затѣмъ онъ дѣятельно принялся за работу и въ нѣсколько лѣтъ успѣлъ почти наверстать потерянное; но возвращеніе отца, который снова устранилъ его отъ дѣлъ и принялся опять за прежнія свои причуды, уничтожило плоды всѣхъ его стараній. Къ этому присоединилась быстро надвигавшаяся наслѣдственная болѣзнь — сумасшествіе, вскорѣ разразившееся буйными припадками. Въ эту пору у Николая Аѳанасьевича было уже шестеро дѣтей,—три сына: Дмитрій, Иванъ и Сергѣй и три дочери: Екатерина, Александра и Наталья. Всей семьѣ пришлось переселиться въ Москву, въ собственный домъ на Никитской, гдѣ началась новая полоса жизни, тягостная и въ матеріальномъ, и еще болѣе—въ нравственномъ отношеніи. Былое богатство смѣнилось нуждой. Для того, чтобы наружно поддерживать «приличное» существованіе дворянскаго дома, приходилось втихомолку отказывать себѣ чуть ли не въ самомъ необходимомъ; при этомъ надо было еще зорко слѣдить за буйнымъ больнымъ, котораго волей-неволей должны были держать дома, такъ какъ Натальѣ Ивановнѣ, не смотря на всѣ старанія, не удавалось добиться оффиціальнаго признанія мужа сумасшедшимъ и помѣщенія его въ лѣчебницу...

«Переживаемыя испытанія», говоритъ А. П. Арапова *), «оставляли двойственный слѣдъ на характерѣ Натальи Ивановны. Ея религіозность принимала съ годами суровый фантастическій складъ, а нравъ словно ожесточился, и строгость относительно дѣтей, а дочерей въ особенности, принимала раздражительный, придирчивый оттѣнокъ. Все свободное время проводила она на своей половинѣ, окруженная монахинями и странницами, которыя свои душеспасительные разсказы и благочестивыя размышленія пересыпали сплетнями и наговорами на неповинныхъ дѣтей или не сумѣвшихъ имъ угодить слугъ, и тѣмъ вызывали грозную расправу... Въ самомъ строгомъ монастырѣ молодыхъ послушницъ не держали въ такомъ слѣпомъ повиновеніи, какъ сестеръ Гончаровыхъ. Если случалось, что какую-либо изъ нихъ призывали къ Натальѣ Ивановнѣ не въ урочное время, то пусть даже и не чувствовала она никакой вины за ссбой,—сердце замирало въ тревожномъ опасеніи, и прежде, чѣмъ переступленъ завѣтный порогъ, рука творила крестное знаменіе, и языкъ шепталъ псаломъ, поминавшій царя Давида и всю кротость его...»

Въ такой-то обстановкѣ, среди заботъ о показномъ богатствѣ и скрытыхъ отъ посторонняго взора лишеній, среди буйныхъ припадковъ сумасшедшаго отца и вспышекъ раздраженія деспотической помѣщицы-матери, въ атмосферѣ, пропитанной ханжествомъ и лицемѣріемъ, воспитывалась красавица Наташа вмѣстѣ съ двумя старшими своими сестрами. Воспитаніе ея, конечно, ничѣмъ не отличалось отъ обычнаго въ тѣ времена выращиванья московскихъ барышенъ или, какъ называлъ ихъ Пушкинъ, «московскихъ кузинъ»: безусловное повиновеніе родительской волѣ, французскій языкъ—въ ущербъ русскому, немножко музыки, немножко «пріятныхъ» рукодѣлій въ родѣ вышиванія бисерныхъ подушекъ, и очень много жеманства и искусственной щепетильности. Главной заботой Натальи Ивановны, разумѣется, была мысль о томъ, какъ бы по возможности скорѣе и выгоднѣе «пристроить» своихъ дочекъ. Но такъ какъ двѣ старшія, не одаренныя красотою или замѣняющимъ ее

*) Новое Время 1907, № 11406.

*) Новое Время 1907, № 11409.

крупнымъ приданымъ, не находили себѣ удачи и начинали уже «засиживаться», то, естественно, всѣ надежды и все вниманіе были обращены на младшую дочь, внѣшнія качества которой не могли не бросаться въ глаза. Ее и начали «вывозить», едва только достигла она установленнаго обычаемъ возраста. Нечего и говорить, что въ то время она была «дитя едва лишь изъ пеленокъ» и на все смотрѣла глазами своей заботливой матери, зорко слѣдившей по сторонамъ, не встрѣтится ли подходящая партія. Найти партію было, однако, не такъ-то легко. Свѣтскіе молодые люди на балахъ и вечерахъ увивались вокругъ юной красавицы, осыпали ее комплиментами и мадригалами,—но не рѣшались идти дальше, очевидно, освѣдомившись о «существенномъ». Одинъ только Пушкинъ, со свойственной ему стремительностью, сразу, очертя голову, рѣшилъ довести дѣло до конца. Онъ обратился, какъ уже сказано выше, къ содѣйствію американца-Толстого, а также — супруги извѣстнаго начальника московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ А. Ѳ. Малиновскаго, и получилъ возможность бывать у Гончаровыхъ. Но съ хозяйкой дома ему не удалось установить сколько-нибудь сносныя отношенія. Это и не удивительно, такъ какъ Наталья Ивановна представляла во всѣхъ смыслахъ полную противоположность Пушкину. У нея была особая молельня со множествомъ образовъ, а про покойнаго государя она выражалась не иначе, какъ съ благоговѣніемъ; и благочестія, и преклоненія передъ Александромъ I поэтъ былъ совершенно чуждъ; свободоязычіе оставалось по-прежнему его слабостью; и на этой почвѣ несходства убѣжденій и характеровъ, съ первыхъ же шаговъ знакомства начались его столкновенія съ будущей тещей... Тѣмъ не менѣе, онъ упорно стремился къ намѣченной цѣли и въ концѣ апрѣля 1829 г. сдѣлалъ, черезъ Толстого, предложеніе. Черезъ Толстого же имъ былъ полученъ и отвѣтъ,—уклончивый и неопредѣленный: Наталья Ивановна, видимо, разсчитывала найти для дочери лучшаго мужа, и потому ограничилась на этотъ разъ обычными фразами о томъ, что Наташа еще очень молода, что надо подождать и проч. Этотъ отвѣтъ, при всей своей неопредѣленности, доставилъ Пушкину, по его словамъ, «минуту восторга». Получивъ письмо Натальи Ивановны 30 апрѣля и отвѣтивъ ей нѣсколькими строчками горячей благодарности за то, что она не лишаетъ его надежды, Пушкинъ въ ту же ночь уѣхалъ на Кавказъ, самъ не зная зачѣмъ: «невольная тоска», говорилъ онъ впослѣдствіи, гнала его изъ Москвы, и онъ смутно надѣялся, что обиліе новыхъ впечатлѣній поможетъ ему избавиться отъ этого тягостнаго душевнаго состоянія. Онъ искалъ забвенія въ сильныхъ ощущеніяхъ, бросался навстрѣчу опасности, не слушая накакихъ предостереженій Паскевича—и, наконецъ, былъ имъ прямо высланъ изъ дѣйствующей арміи обратно въ Россію. Пушкинъ отправился на сѣверъ, но не спѣшилъ въ Москву; онъ задержался въ Тифлисѣ и на сѣверномъ Кавказѣ, по дорогѣ много проигралъ въ карты и, увеличивъ свои долги, только въ концѣ сентября вернулся въ Москву.

У Гончаровыхъ онъ встрѣтилъ нелюбезный пріемъ. Наталья Ивановна отнеслась къ нему «молчаливо и холодно,» дочь ея—«небрежно и безъ вниманія...» Поэтъ «со смертью въ душѣ» бросился вонъ изъ Москвы, куда глаза глядятъ. Онъ поѣхалъ сперва къ Вульфу, въ Малинники, а оттуда—въ свое Михайловское, и только въ ноябрѣ вернулся въ Петербургъ, гдѣ его уже ожидали выговоры Бенкендорфа за самовольную отлучку. «Пріѣхавъ въ Петербургъ», говорилъ онъ въ ту пору сестрѣ, «я очутился будто въ карцерѣ, съ которымъ нѣсколько разъ былъ знакомъ въ лицеѣ. Меня что-то давитъ, душитъ, когда засиживаюсь долго на одномъ мѣстѣ...» *) Это настроеніе отразилось и въ элегическомъ отрывкѣ, начинающемся словами: «Поѣдемъ я готовъ...» Поэтъ готовъ ѣхать куда угодно, «надменной убѣгая»,—въ Парижъ, въ Италію, хоть въ Китай... но—спрашиваетъ онъ друзей:

Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву?
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву
Какъ дань привычную, любовь я принесу?...

Этотъ отрывокъ помѣченъ въ рукописи 23 декабря 1829 г., а въ январѣ 1830 Пушкинъ дѣйствительно сталъ проситься за границу, даже хоть бы въ Китай,—и, конечно, получилъ отказъ... «Въ Петербургѣ тоска, тоска!» писалъ онъ Вяземскому. Всѣ мысли его были въ Москвѣ, около того

*) Л. Павлищевъ, семейныя воспоминанія о П., 139.

«неприступнаго Карса», съ которымъ онъ сравнивалъ молодую Гончарову. До него доходили вѣсти, которыя еще болѣе усиливали его тревогу: «Правда ли», писалъ онъ Вяземскому въ началѣ февраля, «что моя Гончарова выходитъ замужъ за архивнаго Мещерскаго?» и, видимо, не желая выдать этимъ вопросомъ свое душевное волненіе, тутъ же съ равнодушно-шутливымъ видомъ прибавлялъ: «Что дѣлаетъ Ушакова, моя же?» Судьба уже сыграла съ нимъ однажды подобную шутку: С. Ѳ. Пушкина, къ которой онъ вздумалъ-было посвататься, вышла за Панина и теперь онъ могъ ожидать того же отъ Гончаровой... Онъ, наконецъ, не выдержалъ—и въ началѣ марта прискакалъ въ Москву. Отсюда онъ въ первый разъ рѣшился признаться близкому пріятелю въ истинной причинѣ своего безпокойства: «Письмо это», писалъ онъ Вяземскому въ половинѣ марта,—«передастъ тебѣ Гончаровъ, братъ красавицы; теперь ты угадаешь, что тревожитъ меня въ Москвѣ... Распутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы».

Наконецъ, Пушкинъ отважился на рѣшительное объясненіе съ матерью своей невѣсты. Изъ письма его къ Натальѣ Ивановнѣ, писаннаго въ началѣ апрѣля 1830 г., видно, что его исканія, наконецъ, были приняты благосклонно, но все-таки были сдѣланы и нѣкоторыя возраженія, касательно, главнымъ образомъ, приданаго, а затѣмъ—и сомнительнаго положенія поэта, состоявшаго подъ полицейскимъ надзоромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и у самого Пушкина, прежде, чѣмъ рѣшиться на безповоротный шагъ, возникали очень важныя сомнѣнія въ благополучіи будущаго брака. «Я чувствовалъ», говоритъ онъ,—«что сыгралъ довольно смѣшную роль: я впервые въ своей жизни оказался застѣнчивымъ, а застѣнчивость въ человѣкѣ моихъ лѣтъ, конечно, не можетъ понравиться молодой дѣвицѣ въ возрастѣ вашей дочери... Только привычка и продолжительная близость могутъ доставить мнѣ ея привязанность; я могу надѣяться современемъ привязать ее къ себѣ, но во мнѣ нѣтъ ничего, что могло бы ей нравиться; если она согласится отдать мнѣ свою руку, то я буду видѣть въ этомъ только свидѣтельство ея сердечнаго спокойствія и равнодушія. Но сохранитъ ли она это спокойствіе среди окружающаго ее удивленія, поклоненія, искушеній? Ей станутъ говорить, что только несчастная случайность помѣшала ей вступить въ другой союзъ, болѣе равный, болѣе блестящій, болѣе достойный ея,—и, можетъ быть, эти рѣчи будутъ искренни, а во всякомъ случаѣ она сочтетъ ихъ таковыми. Не явится ли у нея сожалѣнія? не будетъ ли она смотрѣть на меня, какъ на препятствіе, какъ на человѣка, обманомъ ее захватившаго? не почувствуетъ ли она отвращенія ко мнѣ? Богъ свидѣтель,—я готовъ умереть ради нея, но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, свободной хоть завтра же выбрать себѣ новаго мужа,—эта мысль—адское мученье!»

Переходя затѣмъ къ вопросу матеріальному, Пушкинъ говоритъ, что денежнымъ средствамъ онъ не придаетъ особеннаго значенія. «Моего состоянія мнѣ было достаточно. Хватитъ ли мнѣ его, когда я женюсь? Я ни за что не потерплю, чтобы моя жена чувствовала какія-либо лишенія, чтобы она не бывала тамъ, куда она призвана блистать и развлекаться. Она имѣетъ право этого требовать. Въ угоду ей я готовъ пожертвовать всѣми своими привычками и страстями, всѣмъ своимъ вольнымъ существованіемъ. Но, все-таки,—не станетъ ли она роптать, если ея положеніе въ свѣтѣ окажется не столь блестящимъ, какъ она заслуживаетъ и какъ я желалъ бы этого?...»

Кромѣ этихъ сомнѣній, Пушкина мучило еще одно опасеніе, котораго онъ не рѣшался повѣрить бумагѣ. Это опасеніе онъ изложилъ только въ письмѣ къ Бенкендорфу отъ 16 апрѣля, гдѣ подробно говорилъ о своемъ «ложномъ и сомнительномъ положеніи по отношенію къ правительству и о томъ, что «г-жа Гончарова боится ввѣрить свою дочь человѣку, имѣющему несчастіе пользоваться дурной репутаціей въ глазахъ государя». Чтобы разсѣять это послѣднее сомнѣніе, Пушкинъ просилъ одного благосклоннаго царскаго слова и разрѣшенія напечатать «Бориса Годунова» безъ дальнѣйшихъ искаженій. Разрѣшеніе было дано; что же касается женитьбы, то Бенкендорфъ не безъ злорадства передалъ поэту замѣчаніе государя, что Пушкинъ, вѣроятно, серьезно обдумалъ этотъ шагъ и нашелъ въ себѣ такія качества сердца и характера, какія необходимы для того, чтобы составить счастіе женщины вообще, а въ особенности—такой милой и интересной, какъ м-ль Гончарова... Къ этому Бенкендорфъ прибавилъ, что государь поручилъ ему увѣрить родныхъ

невѣсты, что Пушкинъ находится «не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ его величества» и что онъ ввѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, а какъ человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя, оберегающаго его своими совѣтами къ его же пользѣ...

Между тѣмъ, 6 апрѣля, въ день Пасхи, Пушкинъ сдѣлалъ уже форменное предложеніе, которое и было принято. Онъ сейчасъ же извѣстилъ объ этомъ своихъ родителей письмомъ, которое, видимо, стоило ему большого труда, такъ какъ приходилось касаться вопроса о матеріальной сторонѣ дѣла и объяснять, что состояніе будущей тещи «весьма разстроено и зависитъ отъ другихъ» и что этотъ пунктъ является единственнымъ препятствіемъ къ счастью поэта. «Получивъ согласіе на бракъ, я уже не въ силахъ и думать о томъ, чтобы отъ него отказаться. Мнѣ гораздо легче надѣяться, что вы придете ко мнѣ на помощь. Заклинаю васъ, напишите мнѣ, что можете вы сдѣлать для меня».

Отецъ отвѣчалъ ему патетическими восклицаніями, которыя должны были изображать «радость безмѣрную», а переходя къ существенному вопросу, писалъ: «Ты знаешь, въ какомъ положеніи мои дѣла. У меня 1000 душъ, но двѣ трети моего имѣнія заложены въ Опекунскомъ Совѣтѣ. Оленькѣ я даю около 4000 р. въ годъ. Свободнымъ остается только имѣніе, доставшееся мнѣ по раздѣлу послѣ покойнаго брата,—200 душъ незаложенныхъ; ихъ я и предоставляю тебѣ въ полное владѣніе. Это можетъ составить до 4000 р. годового дохода, а современемъ, можетъ быть, и больше».

Одновременно Пушкинъ извѣстилъ о новомъ событіи въ своей жизни также и ближайшихъ своихъ друзей, — Дельвига, Вяземскаго, Плетнева, и получилъ поздравленія, съ упреками за скрытность, вслѣдствіе которой они до послѣдней минуты ничего не знали. Но, вѣдь, и самъ Пушкинъ тоже до послѣдней минуты не могъ сказать о себѣ ничего рѣшительнаго. Даже и тогда, когда эта послѣдняя минута уже наступила, его сердце все еще по временамъ сжималось тревогой, и, вѣроятно, бывали моменты горькаго сомнѣнія: рядомъ съ поэзіей любви вставала во всей своей неприглядности пошлая житейская проза, начинались разговоры о деньгахъ, хлопоты о томъ, какъ и гдѣ ихъ достать, неизбѣжныя на «той почвѣ недоразумѣнія и размолвки и т. п. Немудрено, что Пушкинъ уже 2 мая, въ отвѣтъ на поздравленія Вяземскаго, писалъ: «Сказывалъ ты Катеринѣ Андреевнѣ (Карамзиной) о моей помолвкѣ? Я увѣренъ въ ея участіи, но передай мнѣ ея слова: они нужны моему сердцу, и теперь несовсѣмъ счастливому».

Настроеніе Пушкина въ эту пору лучше всего выразилось въ небольшомъ отрывкѣ, сохранившемся въ одной изъ его записныхъ тетрадей. Любопытно, что поэтъ самъ какъ будто боялся «довѣрить бумагѣ» свои чувства,—боялся, что этотъ интимный отрывокъ можетъ попасть на глаза постороннему, и, такъ сказать, «забронировалъ» его припиской сверху: «съ французскаго». Вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ этой исповѣди:

«Участь моя рѣшена,—я женюсь... Та, которую любилъ я цѣлые два года, которую вездѣ первую отыскивали глаза мои, съ которою встрѣча казалась мнѣ блаженствомъ,—Боже мой, она почти моя! Ожиданіе рѣшительнаго отвѣта было самымъ болѣзненнымъ чувствомъ жизни моей. Ожиданіе послѣдней замѣшкавшейся карты, угрызеніе совѣсти, сонъ передъ поединкомъ—все это въ сравненіи съ нимъ ничего не значитъ...

«Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ, непостоянствомъ... Счастіе есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастіи! я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?...

«Но если мнѣ откажутъ, думалъ я,—поѣду въ чужіе края, и уже воображалъ себя на пироскафѣ... Въ эту минуту подали мнѣ записочку — отвѣтъ на мое письмо. Отецъ невѣсты ласково звалъ меня къ себѣ. Нѣтъ сомнѣнія,—предложеніе мое принято. Наденька, мой ангелъ, — она моя! Всѣ печальныя сомнѣнія изчезли передъ этой райской мыслію. Бросаюсь въ карету, скачу,—вотъ ихъ домъ,—вхожу въ переднюю, и уже по торопливому пріему слугъ вижу, что я женихъ. Я смутился: эти люди знаютъ мое сердце, говорятъ о моей любви на своемъ холопскомъ языкѣ! Отецъ и мать сидѣли въ гостиной. Первый встрѣтилъ меня съ отверстыми объятіями. Онъ хотѣлъ быть тронутымъ, вынулъ изъ кармана платокъ и рѣшился высморкаться. У матери глаза были красны. Позвали Наденьку—она явилась блѣдная, неловкая. Отецъ вышелъ

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ГОНЧАРОВА
РЕБЕНКОМЪ.

и вынесъ образъ... Насъ благословили. Наденька подала мнѣ холодную, безотвѣтную руку. Мать заговорила о приданомъ, отецъ—о саратовской деревнѣ,—и я женихъ.

«Итакъ, это уже не тайна двухъ сердецъ. Сегодня эта новость домашняя, завтра—площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны, печатается въ сальной типографіи, продается потомъ въ книжной лавкѣ и разбирается въ журналахъ дураками...

«Всѣ радуются моему счастію, всѣ поздравляютъ, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги: кто—свой домъ, кто—денегъ взаймы, кто—знакомаго бухарца съ шалями... Молодые люди начинаютъ со мною чиниться, уважаютъ во мнѣ уже не пріятеля; обхожденіе молодыхъ дѣвицъ сдѣлалось проще. Дамы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о бѣдной моей невѣстѣ: «Бѣдная! она такъ молода, а онъ такой вѣтренный, безнравственный!» Признаюсь, это начинаетъ мнѣ надоѣдать. Мнѣ нравится обычай какого-то дальнаго народа: женихъ тайно похищалъ свою невѣсту—и на другой уже день представлялъ ее городскимъ сплетницамъ, какъ свою супругу. У насъ пріуготовляются къ семейному счастію печатными объявленіями, подарками, извѣстными всему городу, форменными письмами, визитами, словомъ сказать,—соблазномъ всякаго рода».

«Форменныя письма» и «форменные визиты» выпали также и на долю Пушкина, но прежде всего и больше всего ему пришлось хлопотать о деньгахъ. Не успѣлъ онъ, можно сказать, опомниться послѣ оффиціальнаго обрученія—6 мая, какъ уже началъ осаждать Погодина записочками съ просьбой непремѣнно и какъ можно скорѣе достать денегъ... Въ концѣ мая ему пришлось ѣхать на поклонъ къ новому дѣдушкѣ, Аѳанасію Николаевичу Гончарову, въ его имѣніе «Полотняный Заводъ» Калужской губерніи. Дѣдушка пообѣщалъ дать приданое, но взамѣнъ денегъ, которыхъ у него не оказалось, предложилъ Пушкину, во-первыхъ, выхлопотать ему у министра финансовъ 200—300 тысячъ на приведеніе въ порядокъ разстроенныхъ фабрикъ, а во-вторыхъ—получить черезъ Бенкендорфа у государя разрѣшеніе продать на сломъ неудачно отлитую въ Берлинѣ, по заказу Николая Аѳанасьевича, колоссальную бронзовую статую Екатерины II, за которую торговцы мѣдью предлагали, по его сло-

вамъ, 40.000 р. Это послѣднее разрѣшеніе Пушкину удалось выхлопотать скоро, но на статую не нашлось покупателей; что же касается ссуды изъ казны, то въ ней было рѣшительно отказано,—и Пушкинъ, вопреки всѣмъ обѣщаніямъ, такъ и остался безъ приданаго. Къ этому прибавились еще какія-то недоразумѣнія и размолвки съ будущей тещей. Между тѣмъ, Пушкину необходимо было поѣхать въ Болдино, чтобы выдѣлить и заложить тѣ 200 душъ, которыя были даны ему отцомъ. «Я уѣзжаю, разссорившись съ г-жей Гончаровой», писалъ онъ княгинѣ Вяземской. «На другой день послѣ бала она сдѣлала мнѣ самую смѣшную сцену, какую только можно себѣ представить. Она мнѣ наговорила такихъ вещей, которыхъ я, по совѣсти, не могъ равнодушно слушать. Я еще не знаю, разстроилась ли моя свадьба, но поводъ къ этому налицо, и я оставляю двери широко раскрытыми... «Я отправляюсь въ Нижній безъ увѣренности въ своей судьбѣ», писалъ онъ невѣстѣ. «Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей,—я подпишусь подо всѣми доводами, какіе ей угодно будетъ привести въ пользу своего рѣшенія, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ настолько же основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, какими ей угодно было меня осыпать... Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны...»

«Грустно, тоска, тоска...» читаемъ въ письмѣ къ Плетневу въ самый день отъѣзда. «Жизнь жениха 30-лѣтняго хуже 30-ти лѣтъ жизни игрока. Дѣла будущей тещи моей разстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелести холостой жизни. Къ тому же, московскія сплетни доходятъ до ушей невѣсты и ея матери; отселѣ—размолвки, колкіе обиняки, ненадежныя примиренія... словомъ, если я и несчастливъ, по крайней мѣрѣ—не счастливъ... Чортъ меня догадалъ бредить о счастіи, какъ будто я для него созданъ. Должно мнѣ было довольствоваться независимостію...»

Однако, пріѣхавъ въ Болдино, Пушкинъ получилъ тамъ письмо отъ невѣсты,—и снова ожилъ и сталъ работать съ такой быстротой, напряженностью и производительностью, какъ еще никогда не работалъ: достаточно вспомнить, что въ эту осень 1830 года, съ сентября до конца ноября, были написаны: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Каменный Гость», «Пиръ во время чумы», «Повѣсти Бѣлкина», «Исторія села Горюхина», «Домикъ въ Коломнѣ», 8-я и 9-я главы «Онѣгина», не говоря уже о цѣломъ рядѣ мелкихъ стихотвореній... Въ то же время его размышленія о близкомъ будущемъ принимали уже нѣсколько иной оттѣнокъ, чѣмъ прежде. Онъ безпокоился о невѣстѣ, съ которой его нежданно разлучила холера, вызвавшая повсюду цѣлую сѣть карантиновъ; но по его письмамъ не трудно замѣтить, что предстоящій бракъ сталъ уже пугать его, и что онъ, можетъ быть, былъ бы даже радъ разрыву, если бы онъ произошелъ какъ-нибудь самъ собой, помимо его воли. Увлеченіе Гончаровой, отъ котораго у него еще недавно «кружилась голова», теперь потускнѣло; взамѣнъ его наросло чувство приличія, мѣшавшее прервать затѣянное дѣло... Въ минуты раздумья имъ стали овладѣвать «мрачныя», «черныя» мысли; онъ готовъ былъ думать о томъ, что будетъ несчастенъ въ бракѣ... Холера отрѣзала его отъ невѣсты; писемъ отъ Натальи Николаевны онъ не получалъ, зато сплетни доходили до него въ исправности: такъ, отецъ поторопился его увѣдомить, что, судя по московскимъ слухамъ, свадьба его окончательно разстроилась... Когда же выяснилось, что, не смотря на начавшіяся размолвки, свадьба все-таки состоится, тогда Пушкинъ покорился своей участи, пересталъ говорить о разрывѣ и принялся увѣрять всѣхъ и, кажется, особенно самого себя, въ томъ, что смотритъ впередъ «спокойно, безъ страха, безъ обольщеній...»

Такимъ же духомъ самоутѣшенія и покорности судьбѣ проникнуто и письмо къ старому пріятелю Кривцову (10 февраля 1831): «Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. «Il n'est de bonheur que dans les voies communes». Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся; я поступаю, какъ люди, и, вѣроятно, не буду въ томъ раскаиваться. Къ тому же, я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты.

Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью».

Въ этихъ сухихъ и грустныхъ, но несомнѣнно искреннихъ строчкахъ—цѣлая душевная драма. Отъ прежняго «очарованія», отъ котораго «кружилась голова», не осталось и слѣда: оно называется уже «ребяческимъ». Пушкинъ хочетъ искать счастья «на проторенной дорогѣ», хочетъ «быть какъ всѣ»; онъ заранѣе подготовляетъ себя не къ «розамъ», а къ «терніямъ» супружества,—конечно, потому, что въ минуту отрезвленія не могъ не видѣть, какъ мало подходитъ «московская кузина» къ его идеалу жены—подруги... Нѣкоторые изъ друзей поэта, повидимому, догадывались объ его настроеніи; Сергѣй Киселевъ на собственномъ письмѣ Пушкина къ Алексѣеву приписалъ, что «Пушкинъ женится на Гончаровой,—между нами сказать, бездушной красавицѣ, и мнѣ сдается, что онъ бы съ удовольствіемъ заключилъ отступной трактатъ». Но рѣшительный шагъ былъ уже сдѣланъ—и отступать было поздно...

18 февраля 1834 г. состоялась свадьба Пушкина.

Ему хотѣлось какъ можно скорѣе переселиться въ Петербургъ, подальше отъ тещи и «московскихъ тетокъ», съ которыми, по его словамъ, невозможно было справиться: «требованія глупыя и смѣшныя, а дѣлать нечего». Наталья Ивановна передъ свадьбой «непремѣнно хотѣла, чтобы дочь ея была съ приданымъ», а такъ какъ своихъ денегъ у нея не было, то Пушкину пришлось дать ей 11.000 р. изъ полученныхъ отъ залога болдинскихъ крестьянъ: «пиши пропало!» Пушкинъ могъ бы отказать, но въ такомъ случаѣ свадьба опять затянулась бы на неопредѣленное время, а ему уже надоѣло дожидаться. «Я упрямъ и долженъ былъ по крайней мѣрѣ настоять на свадьбѣ», писалъ онъ Плетневу. «Теперь понимаешь ли, что значитъ приданое и отчего я сердился? Взять жену безъ состоянія—я въ состояніи, но входить въ долги для ея тряпокъ я не въ состояніи... На мою тещу и дѣда жены моей надѣяться плохо, частію оттого, что ихъ дѣла разстроены, частію и оттого, что на слова надѣяться не должно. По крайней мѣрѣ, съ своей стороны я поступилъ честно и болѣе, нежели безкорыстно».

Разныя обстоятельства задержали, однако, Пушкина въ Москвѣ, и только въ половинѣ мая онъ получилъ, наконецъ, возможность уѣхать «подальше отъ тетокъ», сначала въ Петербургъ, а потомъ—на дачу въ Царское Село. Судя по письму его къ тещѣ отъ 26 іюня, «тетки» и теперь не давали ему покоя. «Я былъ вынужденъ», пишетъ онъ, «оставить Москву во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя въ концѣ концовъ могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе: меня изображали моей женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу, и т. д. Согласитесь, что это значитъ—проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены—подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ въ 18 лѣтъ управлять мущиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности; но, повидимому, я только напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и сумѣю его обезпечить».

Этимъ рѣзкимъ оборотомъ, а также напоминаніемъ тещѣ объ ея долгѣ въ 11.000 р., Пушкину удалось, по крайней мѣрѣ, на время, отдѣлаться отъ назойливой женниной родни. «Теперь, кажется, все сладилъ», писалъ онъ Нащекину 1 іюля,—«и буду жить потихоньку, безъ тещи, безъ экипажа—слѣдственно, безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ».

Освободивъ, такимъ образомъ, свою жену отъ вреднаго вліянія матери, Пушкинъ старался заняться перевоспитаніемъ молодой и неопытной Натальи Николаевны. «Ты знаешь», говорилъ онъ ей, «какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышней, все, что не comme il faut, все, что vulgar!» Трудная далась ему задача: смыть съ своей «Мадонны» портившія ее «чуждыя краски», изъ загаженной жеманствомъ и свѣтскими предразсудками «кузины» создать себѣ настоящую жену, чуждую притворства, кокетства, откровенную съ мужемъ, какъ съ единственнымъ другомъ, защитникомъ и руководителемъ... Переживая свои медовые мѣсяцы вдали отъ Петербурга и большого свѣта, въ тѣсномъ кругу близкихъ знакомыхъ, съ которыми онъ старался свести свою жену,—Карамзиныхъ, Жуковскаго, Смирновой,—Пушкинъ начиналъ думать, что его идеалъ семейнаго счастья недалекъ отъ осуществленія. «Я женатъ и счастливъ», писалъ онъ въ ту пору. «Мы живемъ тихо и весело, какъ будто въ глуши деревенской... Одно желаніе мое,—чтобы

ничего въ жизни моей не измѣнилось; лучшаго не дождусь. Это состояніе для меня такъ ново, что, кажется, я переродился...»

Къ этой начальной порѣ семейной жизни поэта относится письмо графини Фикельмонъ (жена австрійскаго посла, внучка фельдмаршала Кутузова) въ Москву, къ князю Вяземскому. Отъ наблюдательной женщины не укрылось зловѣщее облачко, пока еще мало замѣтное на горизонтѣ семейной идилліи.

«Пушкинъ къ намъ пріѣхалъ», писала она,—«къ нашей большой радости. Я нахожу, что онъ въ этотъ разъ еще любезнѣе. Мнѣ кажется, что я въ умѣ его отмѣчаю серьезный оттѣнокъ, который къ нему и идетъ. Жена его—прелестное созданіе; но ея меланхолическое и тихое выраженіе похоже на предчувствіе несчастія. Физіономіи мужа и жены не предсказываютъ ни спокойствія, ни тихой радости въ будущемъ: у Пушкина видны всѣ порывы страстей; у жены — вся меланхолія отреченія отъ себя...» [1])

Жизнь въ Царскомъ Селѣ хотя и скрашивалась присутствіемъ близкихъ Пушкину людей, съ которыми онъ привыкъ дѣлиться «и чистыми мечтами, и пѣснями», но понемногу все больше и больше отравлялась постоянными тревогами о денежной нехваткѣ и о неизбѣжности долговъ. Эти тревоги красною нитью проходятъ по всей перепискѣ поэта, начиная со второй половины 1831 года. «Считать онъ не умѣлъ», говоритъ А. П. Арапова: «появленіе денегъ связывалось у него съ представленіемъ неизсякаемаго Пактола, и, быстро пропустивъ ихъ сквозь пальцы, онъ съ дѣтскою наивностью недоумѣвалъ передъ совершившимся исчезновеніемъ... Часто вспоминала Наталья Николаевна крайности, испытанныя ею съ первыхъ шаговъ супружеской жизни. Бывали дни, послѣ рѣдкаго выигрыша или крупной литературной получки, когда мгновенно являлось въ домѣ изобиліе во всемъ, деньги тратились безъ удержа и разсчета, точно всякій стремился наверстать испытанное лишеніе. Мужъ старался не только исполнить, но предугадать ея желанія. Минуты эти были скоротечны и быстро смѣнялись полнымъ безденежьемъ, когда не только рѣчи быть не могло о какой-нибудь прихоти, но требовалось все напряженіе ума, чтобы извернуться и достать самое необходимое для ежедневнаго существованія...» [1])

Въ особенности пугала Пушкина предстоящая жизнь въ столицѣ: «Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во мнѣ тревожится, писалъ онъ Нащокину. «Ради Бога, вели Смирдину прислать мнѣ денегъ», обращается онъ къ своему литературному коммиссіонеру Плетневу,—«или я самъ явлюсь къ нему, не смотря на карантины». Онъ спѣшитъ окончить «повѣсти Бѣлкина», чтобы скорѣе ихъ «пристроить», разсчитывая, что онѣ должны дать ему не меньше 10.000 р. Въ то же время онъ рѣшается обратиться, черезъ посредство Бенкендорфа, къ государю, во-первыхъ, съ просьбою о повышеніи на два чина, которые ему слѣдовало получить «за выслугу лѣтъ» въ иностранной коллегіи съ 1817 по 1824 годъ, но къ которымъ его забывали представлять, а во-вторыхъ—съ предложеніемъ взять его въ редакторы правительственнаго политическаго и литературнаго журнала или газеты. «Осыпанному уже благодѣяніями Его Величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе», писалъ поэтъ: «если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнить волю Его Величества и готовъ служить Ему по мѣрѣ моихъ способностей...» Впрочемъ, тутъ же онъ прибавилъ, что его занятіямъ и склонностямъ болѣе соотвѣтствовало бы дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ, чтобы исполнить современемъ давнишнее свое желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Петра III. Это послѣднее желаніе поэта было исполнено: государь, по докладу Бенкендорфа, «велѣлъ его принять въ иностранную коллегію, съ позволеніемъ рыться въ старыхъ архивахъ для написанія исторія Петра Великаго». Въ оффиціальной газетѣ, очевидно, не было никакой надобности: для этой цѣли достаточно было «Сѣверной Пчелы» съ ея «сіамскими близнецами» Гречемъ и Булгаринымъ, съ которыми Бенкендорфъ и его сотрудники привыкли обращаться безъ всякой церемоніи. Конечно, только въ минуту отчаянія, вызваннаго вѣчной тревогой о деньгахъ, могла промелькнуть въ головѣ Пушкина эта странная мысль—предложить себя кандидатомъ на булгаринское мѣсто... Зато онъ

[1]) А. С. Пушкинъ, изд. Русскаго Архива, М. 1885, II, 50.

[1]) Новое Время 1907, № 11413.

искренно и обрадовался, когда его миновала чаша сія. «Царь взялъ меня въ службу», писалъ онъ Плетневу,—«но не въ канцелярскую, или придворную, или военную, нѣтъ: онъ далъ мнѣ жалованье, открылъ мнѣ архивы, съ тѣмъ, чтобы я рылся тамъ и ничего не дѣлалъ. Это очень мило съ его стороны, не правда ли? Онъ сказалъ: «Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite». Ей-Богу, онъ очень со мною милъ... Впослѣдствіи выяснилось, что Пушкину было назначено 5000 р. жалованья, но пока все наладилось, ему нерѣдко приходилось сидѣть безъ денегъ и «отмахиваться» отъ назойливыхъ кредиторовъ записочками въ родѣ слѣдующей:

«У меня буквально нѣтъ ни гроша. Будьте добры подождать денекъ, другой».

Еще передъ свадьбой Пушкину пришлось занять довольно крупныя суммы у разныхъ московскихъ ростовщиковъ. Теперь его старый пріятель Нащокинъ взялъ на себя хлопоты и непріятности по улаживанію дѣла съ этими кредиторами, торговался съ ними, иногда, при счастливомъ случаѣ, расплачивался собственными деньгами. «Дай Богъ, чтобы успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою!» писалъ ему Пушкинъ. Не смотря на свое личное пренебреженіе къ денежнымъ дрязгамъ, когда всѣ рессурсы изсякали и становилось ужъ черезчуръ жутко, Пушкинъ вспоминалъ объ обѣщанномъ и еще не выплаченномъ ему приданомъ жены. Происходилъ обмѣнъ писемъ между нимъ и Натальей Ивановной, обыкновенно не достигавшій результата и порождавшій только дальнѣйшее обостреніе ихъ взаимныхъ отношеній. «Теща моя не унимается», писалъ Пушкинъ Нащокину: «ее не перемѣняетъ ничто, ni le temps, ni l' absence, ni des lieux la longeur; бранитъ меня, да и только... Дѣдушка—свинья: онъ выдаетъ свою третью наложницу замужъ съ 10000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ этихъ 12000, и ничего своей внучкѣ не даетъ...» «Мнѣ совѣстно быть неаккуратнымъ», читаемъ въ другомъ письмѣ къ тому же лицу,—«но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро...»

Наконецъ, теща, въ доказательство своей доброй воли исполнить обѣщаніе, прислала Пушкину объемистую шкатулку, наполненную брилліантами и драгоцѣнными парюрами. «Нѣсколько дней пришлось Натальѣ Николаевнѣ полюбоваться уцѣлѣвшими остатками гончаровскихъ милліоновъ. Мужъ объявилъ ей, что они должны быть проданы для уплаты долговъ, и разрѣшилъ ей сохранить на память только одну изъ присланныхъ вещей. Выборъ ея остановился на жемчужномъ ожерельѣ, въ которомъ она стояла подъ вѣнцомъ. Оно было ей особенно дорого...» [1]).

Впрочемъ, всѣ эти треволненія, связанныя съ необходимостью увеличивать свои расходы, не мѣшали Пушкину вѣрить въ свое семейное счастье и надѣяться на лучшее будущее. «Были бы мы живы, будемъ когда-нибудь и веселы!» писалъ поэтъ Плетневу. Тихая, уединенная жизнь въ Царскомъ Селѣ, окруженномъ, по случаю холеры, карантинами, въ тѣсномъ кругу самыхъ близкихъ людей,—Жуковскаго, Карамзиныхъ, Смирновой,—дѣйствовала на Пушкина успокоительно. Чуя приближеніе осени, всегда для него плодотворной, онъ отдавался новымъ литературнымъ замысламъ. Впрочемъ, иногда эти замыслы бывали причиною размолвокъ поэта съ молодой женой. «Когда на него сходило вдохновеніе»,—разсказываетъ г-жа Арапова,—«онъ запирался въ свою комнату, и ни подъ какимъ предлогомъ жена не дерзала переступить порогъ, тщетно ожидая его въ часы завтрака и обѣда, чтобы какъ-нибудь не нарушить приливъ творчества. Послѣ усидчивой работы онъ выходилъ усталый, проголодавшійся, но окрыленный духомъ, и ему дома не сидѣлось. Кипучій умъ жаждалъ обмѣна впечатлѣній, живость характера стремилась поскорѣй отдать на судъ друзей-цѣнителей выстраданные образы, звучными строфами скользнувшіе съ его пера. Съ робкой мольбой просила его Наталья Николаевна остаться съ ней, дать ей первой выслушать новое твореніе. Преклоняясь передъ авторитетомъ Карамзина, Жуковскаго или Вяземскаго, она не пыталась удерживать Пушкина, когда знала, что онъ рвется къ нимъ за совѣтомъ; но сердце невольно щемило, женское самолюбіе вспыхивало, когда, хватая шляпу, онъ съ своимъ беззаботнымъ, звонкимъ смѣхомъ объявлялъ по вечерамъ: «А теперь пора къ Александрѣ Осиповнѣ на судъ. Что-то она скажетъ? Угожу ли я ей своимъ сегодняшнимъ трудомъ?»

«— Отчего ты не хочешь мнѣ прочесть? Развѣ я понять не могу? Развѣ тебѣ не дорого мое мнѣніе?» И ея нѣжный,

[1]) Новое Время 1907, №11413.

вдумчивый взглядъ съ замираніемъ ждалъ отвѣта. Но, выслушавши эту просьбу какъ взбалмошный капризъ милаго ребенка, онъ съ улыбкою отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Наташа. Ты не обижайся, но это—дѣло не твоего ума, да и вообще не женскаго смысла.

— А развѣ Смирнова не женщина, да вдобавокъ—и красивая? съ живостью протестовала она.

— Для другихъ,—не спорю. Для меня—другъ, товарищъ, опытный оцѣнщикъ, и пр.

И, нѣжно погладивъ ея понуренную головку, онъ съ рукописью отправлялся къ Смирновой, оставляя жену одну до поздней ночи съ ея невеселыми, ревнивыми думами [1]).

Объ отношеніяхъ Натальи Николаевны къ Смирновой г-жа Арапова, конечно, со словъ своей матери, говоритъ, что «хотя онѣ и продолжали часто видѣться и были на короткой, дружеской ногѣ, пока Смирнова жила въ Петербургѣ, но искренней симпатіи между ними не было. Наталья Николаевна страдала отъ лишенія того нравственнаго авторитета, которымъ Александра Осиповна завладѣла ей въ ущербъ, часто не щадя ея самолюбія...»

Нѣтъ сомнѣнія, что Наталья Николаевна и по уму, и по характеру была ниже средняго уровня. Смирнова прямо называетъ ее «глупенькой», да и самъ Пушкинъ былъ не далекъ отъ такого же мнѣнія. Конечно, за это онъ не сердился на свою молоденькую «женку», отъ которой и не ожидалъ ничего «особеннаго»; при мысли о ней ему, вѣроятно, не разъ приходили въ голову стихи изъ «Онѣгина»:

Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ и отъ лилей
И чувствъ высокихъ, и страстей!...

«Мотылекъ» развернулъ свои яркія крылышки, когда изъ царскосельскаго одиночества Пушкины переѣхали, въ концѣ октября 1831 г., въ Петербургъ и зажили свѣтскою жизнью. Въ душѣ Пушкина зарождались иныя мысли, иныя желанія:

Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой...

Онъ мечталъ «засѣсть съ молодой хозяйкой въ близкомъ, родномъ ему уголкѣ, около Тригорскаго и Михайловскаго, завести собственный «домокъ» въ маленькой деревушкѣ Савкинѣ, которую серьезно приторговывалъ при посредствѣ П. А. Осиповой... Но для осуществленія этой мечты у поэта не хватало ни независимости матеріальной и нравственной, ни рѣшимости «спрятать» свою молодую красавицу-жену отъ того шумнаго и блестящаго «свѣта», къ которому онъ и самъ былъ неравнодушенъ. Несомнѣнно, извѣстнаго рода тщеславіе сыграло тутъ свою роль. Пушкинъ самъ не хотѣлъ, чтобы его жена въ чемъ-нибудь уступала своимъ великосвѣтскимъ соперницамъ, самъ старался окружать этого «ребенка» баловствомъ и общимъ поклоненіемъ и поощрялъ въ ней беззаботное мотовство. И когда «свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ», поэту пришлось безпрестанно сопровождать ее, въ качествѣ cavalier servente, на вечера и балы, потянувшіеся безконечной вереницей послѣ вынужденнаго холерой затишья. Вскорѣ ему пришлось завидовать тѣмъ изъ своихъ друзей, «у коихъ супруги—не красавицы, не ангелы прелести, не Мадонны etc.»—«Знаешь русскую пѣсню», писалъ онъ однажды женѣ,—«не дай Богъ хорошей жены, хорошу жену часто въ пиръ зовутъ,—а бѣдному-то мужу въ чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ...» «Какія вы помощницы или работницы?» спрашиваетъ онъ въ другомъ письмѣ. «Вы работаете только ножками на балахъ и помогаете мужьямъ мотать... Вы, бабы, не понимаете счастья независимости и готовы закабалить себя навѣки, чтобы только сказали про васъ: «hier madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal»...

Съ другой стороны, ему и самому было пріятно слушать подобные отзывы: это такъ льстило его самолюбію...

Въ началѣ декабря 1831 г. Пушкину пришлось поѣхать въ Москву для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ. Оставивъ жену беременною, онъ каждый день пишетъ ей письма, полныя самой нѣжной заботливости. «Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя оставилъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ,—«мнѣ все что-то страшно за тебя. Дома ты не усидишь, поѣдешь во дворецъ, и того и гляди—выкинешь на сто пятой ступени Комендантской лѣстницы. Душа моя, женка моя, ангелъ мой! сдѣлай мнѣ такую милость: ходи два часа въ сутки по комнатѣ и побереги себя... Если поѣдешь на балъ,—ради Бога, кромѣ кадрилей не

[1]) Новое Время, 1907, № 11413.

пляши ничего...» Тѣ же совѣты повторяются въ другихъ письмахъ, съ прибавкою еще одного замѣчанія, очень характернаго: «На хоры (т. е. во дворцѣ) не ѣзди, это мѣсто не для тебя». Наталья Николаевна, какъ не представленная ко Двору, не могла бывать на дворцовыхъ балахъ иначе, какъ на хорахъ, и это злило Пушкина, во-первыхъ, изъ-за опасенія слишкомъ высокой «Комендантской лѣстницы», а во-вторыхъ—потому, что такое «высокое» положеніе его жены казалось ему унизительнымъ...

Въ концѣ декабря Пушкинъ вернулся въ Петербургъ, а въ половинѣ января 1832 года выѣзды Натальи Николаевны уже дали себя знать новыми хлопотами о томъ, гдѣ бы достать денегъ: между прочимъ, поэтъ обращался къ одному изъ своихъ давнихъ знакомыхъ, богатому помѣщику Судіенкѣ, съ просьбой дать ему взаймы 25.000 р. Мы не знаемъ, какой результатъ имѣла эта просьба...

19 мая 1832 г. у Пушкиныхъ родился первый ребенокъ. Это была дочь, Марья Александровна, впослѣдствіи, въ замужествѣ, Гартунгъ. Проведя лѣто на дачѣ, на Каменномъ островѣ, Пушкинъ въ сентябрѣ опять долженъ былъ поѣхать на три недѣли въ Москву. И снова мы видимъ длинный рядъ писемъ, съ тою же заботливостью о разныхъ мелочахъ будничной жизни Натальи Николаевны, съ недовѣріемъ къ ея умѣнью вести домашнее хозяйство и держать себя въ обществѣ, съ опасеніями за ея здоровье, съ упреками за «кокетничанье» и съ сообщеніемъ разныхъ свѣтскихъ сплетенъ, въ особенности такихъ, которыя имѣли отношеніе къ ея прежнимъ «успѣхамъ...» Вернувшись въ Петербургъ, поэтъ опять, въ угоду женѣ, повелъ разсѣянную жизнь, которая отнимала у него такъ много времени и мѣшала производительному труду. «Пушкина нигдѣ не встрѣтишь, какъ только на балахъ», писалъ 8 февраля Гоголь А. С. Данилевскому: «такъ онъ протранжиритъ всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай, а болѣе необходимость, не затащутъ его въ деревню». Случая, однако, не представлялось, а отъ необходимости поэтъ всѣми мѣрами старался избавиться, хотя временами и самъ ее сознавалъ... «Жизнь моя въ Петербургѣ—ни то, ни се», писалъ онъ Нащокину, 23 февраля. «Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія... Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически». Поэтъ, видимо, все больше и больше чувствовалъ, что ему надо, наконецъ, отдохнуть, «встряхнуться» отъ этой пустой свѣтской суеты, къ которой, благодаря женѣ, онъ былъ прикованъ, какъ каторжникъ къ своему ядру. У него снова являлись по временамъ мысли о продолжительномъ житьѣ въ деревнѣ: «Петербургъ нимало мнѣ не подходитъ», писалъ онъ П. А. Осиповой: «ни мои вкусы, ни мое состояніе съ нимъ не мирятся... Но года два-три придется еще потерпѣть». Покамѣстъ онъ рѣшилъ послѣ рожденія сына Александра (6 іюля 1833 г.), съѣздить въ Нижній, Казань, Симбирскъ и Оренбургъ, для того, чтобы собрать матеріалы для романа изъ эпохи Пугачевщины, которою онъ въ ту пору занимался. «Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ», писалъ онъ начальнику III Отдѣленія Мордвинову, «занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто-литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду...» Какою невольною ироніею звучатъ здѣсь слова объ отдыхѣ отъ «важнѣйшихъ занятій», противополагаемыхъ другимъ, «суетнымъ» занятіямъ, которыя, однако, по словамъ поэта, одни доставляли ему независимость и возможность проживать съ семействомъ въ Петербургѣ...

Получивъ давно желанный отпускъ, Пушкинъ уѣхалъ на цѣлые три мѣсяца. Съ перваго же дня этой поѣздки къ нему вернулось давно утраченное веселое расположеніе духа. Не смотря на постоянныя заботы о здоровьѣ и благополучіи жены и дѣтей, въ его письмахъ сквозитъ радостное настроеніе человѣка, который опять почувствовалъ себя на всей своей волѣ, свободнымъ отъ свѣтскихъ условностей. Онъ посѣтилъ Москву, Нижній, Казань, Симбирскъ, имѣніе поэта Языкова, въ 65 верстахъ отъ Симбирска, и, наконецъ, Оренбургъ и Уральскъ. «И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино и тамъ запереться», пишетъ онъ женѣ: «ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ,—я и въ коляскѣ сочиняю, что ужъ будетъ въ постелѣ?».

Переписка Пушкина вовремя его поѣздки ограничивается почти исключительно письмами къ женѣ. Онъ осыпаетъ ее комплиментами и восторженными восклицаніями, въ родѣ «addio, mia bella, idol mio, mio bel tesoro», увѣряетъ ее, что она прекрасна: «глядѣлась ли ты въ зеркало и увѣрилась ли ты, что съ твоимъ лицомъ ничего сравнить нельзя на свѣтѣ? а душу твою я люблю еще болѣе твоего лица»... Но въ то же время имъ овладѣваетъ опасеніе относительно ея тактичности и умѣнья держать себя въ обществѣ: «Не стращай меня, женка, не говори, что ты искокетничалась: я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать, а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты лучше оставь ужъ меня въ покоѣ, я буду работать и спѣшить... Кокетничать я тебѣ не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности, не говоря уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ тому, а къ чему-то уже важнѣйшему... Недаромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурного тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, какъ за сучкой, бѣгаютъ кобели... есть чему радоваться!»...

Эти полу-шутливыя, полу-грустныя нравоученія повторяются чуть не въ каждомъ письмѣ. «Женка, женка!» восклицаетъ поэтъ: «я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по три мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу,—для чего? для тебя, женка, чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc. etc., не говоря объ cocuage»...

«Перевоспитаніе» удавалось плохо, потому что и у самого «воспитателя» вовсе не было педагогическаго такта и выдержки. Въ кокетствѣ Натальи Николаевны, конечно, не было ничего серьезнаго; но она расточала свои любезности множеству «обожателей» и поклонниковъ; у нея была привычка къ всеобщему обожанію, поклоненію,—привычка, поддерживаемая въ ней самимъ Пушкинымъ, который писалъ ей: «Будь молода, потому что ты молода, и царствуй, потому что ты прекрасна!» Невольно сдержанная въ присутствіи мужа, она чувствовала себя, конечно, гораздо свободнѣе въ его отсутствіи—и, какъ бы потѣшаясь надъ его ревностью, въ своихъ письмахъ подробно перечисляла свои многочисленныя «побѣды»; а въ нихъ, безъ сомнѣнія, играли большую роль тѣ ужимки и жеманство, которыя были «второй натурой» московской барышни и не могли не представляться «вульгарными» тонкому чутью Пушкина...

Сидя въ одиночествѣ въ своемъ Болдинѣ, поэтъ старался работать какъ можно усерднѣе. Кромѣ цѣлаго ряда стихотвореній, имъ были написаны въ эту пору сказки о рыбакѣ и рыбкѣ и о мертвой царевнѣ, «Анджело», оконченъ «Дубровскій» и написанъ «Мѣдный Всадникъ»; кромѣ того, онъ усиленно обрабатывалъ «Исторію Пугачевскаго бунта». Въ Петербургъ онъ вернулся только въ концѣ ноября и, по обыкновенію, чуть ли не прямо изъ дорожной коляски попалъ на балъ. «Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами», писалъ онъ Нащокину: «на масленицѣ танцовали ужъ два раза въ день»... Одинъ изъ этихъ баловъ чуть не стоилъ Натальѣ Николаевнѣ тяжелой болѣзни. «Наконецъ, настало послѣднее воскресенье передъ великимъ постомъ. Думаю: слава Богу, балы съ плечъ долой! Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю,—съ ней дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ»...

30 декабря 1833 г. Пушкинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. «Это довольно неприлично моимъ лѣтамъ», замѣтилъ поэтъ въ своемъ дневникѣ, но утѣшился мыслью о томъ, что при этомъ производствѣ государь думалъ, конечно, объ его чинѣ, а не объ его лѣтахъ, и вѣрно не думалъ его кольнуть. Н. М. Смирновъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, говоритъ, что когда Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ, «это его взбѣсило, ибо сіе званіе точно было неприлично для человѣка 34-хъ лѣтъ, и оно его тѣмъ болѣе оскорбило, что иные говорили, будто оно ему дано, чтобъ имѣть поводъ приглашать ко Двору его жену. Притомъ, на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль, въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина,—будто бы онъ сдѣлался искателенъ, малодушенъ, и онъ, дорожившій своей славой, боялся, чтобы сіе мнѣніе не было принято публикою и не лишило его народности (т. е. популярности). Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ, и рѣшился, чтобъ не ѣздить ко Двору, не шить даже мундира», такъ что Смирновъ насильно заставилъ его купить подержанный мундиръ князя Витгенштейна. Наталья Николаевна, дѣйствительно, была тотчасъ

же представлена ко Двору, и графъ Сологубъ былъ совершенно правъ, занося въ свои воспоминанія отголоски городскихъ толковъ на этотъ счетъ: «Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ для сопутствованія жены-красавицы, игралъ роль жалкую, едва ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко»... Сплетни свѣтскаго муравейника, растревоженнаго этимъ придворнымъ назначеніемъ человѣка, который въ «свѣтѣ» былъ совсѣмъ «не ко двору», доходили даже до намековъ на особое вниманіе къ Натальѣ Николаевны со стороны самого государя. И Пушкинъ, какъ видно изъ его дневника, зналъ объ этихъ сплетняхъ... «Свѣтъ всѣми способами и мѣрами изводилъ ненавистнаго человѣка: смѣялся, когда при разъѣздахъ выкрикивали карету «Пушкина-сочинителя», жену его называлъ не иначе, какъ «Пушкина-поэтша»... Друзья, въ свою очередь, въ цѣляхъ либерализма, не преминули тоже посмѣяться надъ камеръ-юнкерствомъ поэта. Они не могли простить ему примиренія съ правительствомъ, не желали знать никакихъ иныхъ побудительныхъ причинъ, помимо честолюбія»... [1] С. Н. Карамзина, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву, сообщаетъ, что Пушкинъ «крѣпко боялся дурныхъ шутокъ надъ своимъ неожиданнымъ камеръ-юнкерствомъ, но теперь успокоился, ѣздитъ по баламъ и наслаждается торжественною красотою жены, которая, не смотря на блестящіе успѣхи въ свѣтѣ, часто и преискренно страдаетъ мученіемъ ревности, потому что посредственная красота и посредственный умъ другихъ женщинъ не перестаютъ кружить поэтическую голову ея мужа» [2].

Въ этихъ послѣднихъ словахъ слышится отзвукъ настроенія самой Натальи Николаевны, которая, много лѣтъ спустя, жаловалась своей дочери на вѣтренность мужа, будто бы часто ей измѣнявшаго, и картинно разсказывала о томъ, какъ ей приходилось по цѣлымъ ночамъ, въ одиночествѣ, его дожидаться. Въ то же время она жаловалась и на безпричинную ревность Пушкина. Очевидно, жена и мужъ «говорили на разныхъ языкахъ». Не смотря на всѣ заботы Пушкина, между ними не установилось той внутренней, духовной связи, которая является единственно прочнымъ цементомъ супружества. «Она жила, какъ живутъ дѣти, безъ размышленій, безъ заботъ; для нея жизнь была рядомъ празднествъ, баловъ, туалетовъ, прогулокъ—и, какъ только ей дѣлали ласковое лицо, она воображала, что ее обожаютъ»... [1], а изъ пустяковъ готова была дѣлать чуть не домашнюю трагедію.

Между тѣмъ петля все сильнѣе затягивалась вокругъ шеи поэта. «На-дняхъ отецъ мой посылаетъ за мной», разсказываетъ Пушкинъ въ письмѣ къ Нащокину, въ мартѣ 1834 года. «Прихожу, — нахожу его въ слезахъ, мать—въ постели, весь домъ—въ ужасномъ безпокойствіи... «Что такое?»—Имѣніе описываютъ! надо скорѣе заплатить долги!—«Ужъ долгъ заплаченъ, вотъ и письмо управителя; о чемъ же горе?»—Жить нечѣмъ до октября!—«Поѣзжайте въ деревню.» — Не съ чѣмъ! — Что дѣлать? Надо взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты... А надобно: я желалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла брата Льва...», который своими привычками и постоянными требованіями денегъ также причинялъ бѣдному поэту немало хлопотъ. Съ другой стороны, мужъ Ольги Сергѣевны, Н. И. Павлищевъ, узнавъ о томъ, что Пушкинъ получилъ отъ отца полную довѣренность на управленіе всѣми его имѣніями, сталъ требовать своей доли денегъ—или, какъ однажды откровенно выразился Пушкинъ, «цыганить» его, ссылаясь, кстати, на то, что и Левъ Сергѣевичъ ему долженъ. «Покамѣстъ не приведу въ порядокъ сіи запутанныя дѣла, ничего не могу обѣщать», отвѣчалъ Пушкинъ. «Состояніе мое позволяетъ мнѣ не брать ничего изъ доходовъ батюшкинова имѣнія, но своихъ денегъ я не могу и не въ состояніи приплачивать. Я еще не получилъ отъ батюшки довѣренности, а за одинъ мѣсяцъ изъ моихъ денегъ уплатилъ уже 866 за батюшку, а за Льва Сергѣевича 1330. Болѣе не могу».

Получивъ на печатаніе «Пугачева» ссуду изъ казны въ 20.000 р., поэтъ усердно принялся за эту работу, а жену отправилъ 15 апрѣля къ ея роднымъ, въ Калужское имѣніе «Полотняные Заводы». Между супругами опять возобновилась переписка, въ которой, на этотъ разъ, неспокойное душевное состояніе Пушкина

---

[1] И. Ивановъ, Новая культурная сила.
[2] «Пушкинъ», изд. Русскаго Архива, II, 59.

[1] Записки Смирновой, II, 23; ср. Новое Время 1907, № 11413.

обнаруживается гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде. Онъ уже не поддѣлывается, какъ раньше, подъ уровень пониманія своей жены, а прямо и рѣзко открываетъ передъ ней свои тяжелыя думы. Очевидно, и отношенія его къ женѣ теперь перестали быть ровными: если, по-прежнему, онъ свои письма начинаетъ нѣжностями, то кончаетъ ихъ иногда, по его словамъ, «плюхой». По-прежнему онъ даетъ женѣ разные совѣты, но въ этихъ совѣтахъ порою уже звучитъ раздраженіе, даже озлобленіе... А она все не понимала его: отправленная имъ въ деревню съ дѣтьми, едва ли не съ цѣлью отвлечь ее отъ ухаживателей,—она завела ихъ и въ глухой деревнѣ, среди сосѣдей, и по-прежнему подробно доносила о своихъ успѣхахъ мужу... Поэтъ, очевидно, наконецъ понялъ, что за существо его жена—и, быть можетъ, въ это время изъ лучшихъ чувствъ, которыя когда-то его воодушевляли, въ его сердцѣ осталась только жалость къ этой пустой, безвольной и безличной женщинѣ, которая не была не матерью семейства, ни другомъ мужа, ни экономкой... Теперь только, когда всѣ очарованія прошли, Пушкинъ началъ сознавать, какой обузой была для него жена.

Ничто такъ не угнетало его, какъ эта страшная тяжесть зависимости матеріальной и нравственной, которую онъ волей-неволей долженъ былъ взвалить себѣ на плечи. «Я не долженъ былъ вступать въ службу,» писалъ онъ женѣ, «и, что еще хуже,—опутать себя денежными обязательствами. Зависимость, которую мы налагаемъ на себя изъ честолюбія или изъ нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня, какъ на холопа, съ которымъ можно поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога!» Впрочемъ, его еще не покидала надежда, что работая «до низложенія ризъ», онъ будетъ, наконецъ, имѣть возможность обезпечить себѣ нѣкоторое благосостояніе, чтобы «плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ...»

Между тѣмъ, его ждало еще новое униженіе: полиція распечатала его письмо къ женѣ и копію съ него препроводила въ III Отдѣленіе, откуда эта копія попала въ руки государя. Съ этимъ Пушкинъ не въ силахъ былъ помириться. «Однако, какая глубокая безнравственность въ привычкахъ нашего правительства», записалъ онъ у себя въ дневникѣ: «полиція распечатываетъ письма мужа къ женѣ и приноситъ ихъ читать царю, человѣку благовоспитанному и честному,—и царь не стыдится въ томъ признаться и давать ходъ интригѣ, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавнымъ!» Въ то же время поэтъ писалъ женѣ: Свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобою подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство, à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно, безъ семейственной неприкосновенности—невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше». Въ другомъ письмѣ онъ совѣтовалъ женѣ быть осторожнѣе, ибо въ Москвѣ теперь почтъ-директоромъ негодяй Булгаковъ, который не стыдится ни распечатывать чужія письма, ни торговать собственными дочерьми. Это письмо не было получено Натальей Николаевной, но не дошло и до III Отдѣленія...

Подъ вліяніемъ безысходной тоски, въ которую приводило его сознаніе своего унизительнаго положенія, Пушкинъ отважился, наконецъ, на рѣшительный шагъ: 15 іюня онъ написалъ гр. Бенкендорфу письмо, въ которомъ, объясняя, что семейныя дѣла вынуждаютъ его находиться то въ Москвѣ, то во внутреннихъ губерніяхъ и что по этой причинѣ онъ не можетъ болѣе оставаться на службѣ, «умолялъ» его сіятельство исходатайствовать ему увольненіе, не лишая его только права по-прежнему посѣщать архивы. Это письмо вызвало неудовольствіе государя, усмотрѣвшаго въ немъ «неблагодарность», и произвело цѣлый переполохъ среди друзей поэта: Жуковскій, Е. М. Хитрово и другіе стали упрекать его за то, что онъ позволилъ себѣ столь необдуманный шагъ, и заставили его тотчасъ же просить Бенкендорфа не давать ходу злополучному письму. Между тѣмъ, Бенкендорфъ уже поспѣшилъ сообщить ему Высочайшую резолюцію и притомъ, по обыкновенію своему, въ язвительныхъ выраженіяхъ: государь освобождаетъ его отъ службы, но на сохраненіе за нимъ права посѣщать архивы «не изъявилъ своего соизволенія, такъ какъ право сіе можетъ принадлежать единственно людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства». Пушкинъ и растерялся и, по его собственному выраженію, «струхнулъ порядкомъ». Одно

за другимъ, онъ написалъ Бенкендорфу еще два письма, въ которыхъ извинялся за «необдуманное» свое прошеніе и вновь просилъ — оставить его безъ послѣдствій...

Между тѣмъ, матеріальное положеніе поэта сильно пошатнулось. Отцовское имѣніе Болдино, управленіе которымъ онъ взялъ на себя, оказалось крайне обремененнымъ долгами, хозяйство было запущено, крестьяне доведены прямо до нищеты, такъ что новый управляющій, рекомендованный ему Осиповой, честный нѣмецъ Рейхманъ, побывавъ въ Болдинѣ, рѣшительно отказался взять на себя завѣдываніе этимъ разореннымъ гнѣздомъ. «Родители мои не подозрѣваютъ, что они на волосъ отъ полнаго разоренія», писалъ Пушкинъ Осиповой. «Нѣтъ сомнѣнія, что Болдино стоило бы спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которымъ грозитъ если не нищета, то бѣдность; но я не богатъ, у меня семья... Если бы родители рѣшились прожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣло еще можно было бы поправить; но этого никогда не будетъ...»

Пришлось взять на себя новыя хлопоты по перезалогу имѣнія. А въ преспективѣ предстояли еще новыя заботы по собственному домашнему хозяйству: Наталья Николаевна задумала перевезти къ себѣ въ Петербургъ двухъ своихъ старшихъ сестеръ, Екатерину и Александру Николаевну, которыя, коротая жизнь въ родительскомъ домѣ, не могли, конечно, разсчитывать на возможность найти себѣ жениховъ. «Эй, женка, смотри!» писалъ Пушкинъ: «мое мнѣніе,—семья должна быть одна подъ одной кровлей: мужъ, жена, дѣти, покамѣстъ малы, родители, когда ужъ престарѣлы; а то хлопотъ не оберешься, и семейственнаго спокойствія не будетъ». Но Наталья Николаевна мечтала еще о томъ: нельзя ли будетъ сдѣлать своихъ сестеръ фрейлинами. «Охота тебѣ думать о помѣщеніи сестеръ во дворецъ», писалъ ей Пушкинъ: «во-первыхъ, вѣроятно, откажутъ; а во-вторыхъ, коли и возьмутъ, то подумай, что за скверные толки пойдутъ по свинскому Петербургу. Ты слишкомъ хороша, мой ангелъ, чтобъ пускаться въ просительницы. Погоди: овдовѣешь, постарѣешь, — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной совѣтницей. Мой совѣтъ тебѣ и сестрамъ—быть подалѣе отъ Двора: въ немъ толку мало». Наталья Николаевна, однако, не послушалась этого совѣта—и не только перевезла сестеръ въ Петербургъ, но и выпросила для нихъ придворное званіе...

Понятно, что такое настроеніе, какое высказывается, между прочимъ, и въ письмахъ Пушкина къ женѣ 1834 года, не могло быть благопріятнымъ для его поэтическаго творчества. «Поэзія, кажется, для меня изсякла», читаемъ въ одномъ изъ его писемъ того же времени: «Я весь въ прозѣ, да еще въ какой!» И въ самомъ дѣлѣ, изъ крупныхъ произведеній ему удалось въ 1834 году написать только одну сказку о золотомъ пѣтушкѣ, да и повѣсть «Пиковая Дама»...

Наскоро покончивъ съ корректурами «Пугачева», Пушкинъ 26 августа поѣхалъ къ женѣ, въ Калужскую губернію, а 15 сентября былъ уже въ Болдинѣ, разсчитывая тамъ, по своему обыкновенію, приняться за литературную работу. Но работа не налаживалась: «стихи въ голову нейдутъ», писалъ поэтъ женѣ. «Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нѣтъ, такъ съ Богомъ и въ путь». Онъ и въ самомъ дѣлѣ не усидѣлъ въ этомъ нѣкогда любимомъ мѣстѣ своихъ вдохновеній и 18 октября вернулся въ Петербургъ, куда незадолго передъ тѣмъ пріѣхала и его жена съ дѣтьми и двумя сестрами. Это «приращеніе семейства» вызвало, разумѣется, и приращеніе расходовъ; между тѣмъ, хотя новый «оброчный мужикъ» Пушкина, Емелька Пугачевъ, оказался очень исправнымъ плательщикомъ, но такъ какъ поэтъ два года передъ тѣмъ жилъ преимущественно въ долгъ, то доходы, получаемые отъ «Пугачева», цѣликомъ уходили на погашеніе старыхъ обязательствъ. Чтобы поправить свои денежные дѣла, Пушкинъ задумалъ издавать политическую и литературную газету, которая, по его разсчетамъ, могла доставить ему отъ 30 до 40.000 руб. асс. ежегоднаго дохода. Изданіе сначала было ему позволено, но вслѣдъ за тѣмъ опять запрещено. Тогда, желая сразу покончить съ крупными расходами, послѣдствіемъ которыхъ являлись крупные долги, Пушкинъ снова рѣшился просить государя, черезъ Бенкендорфа, о разрѣшеніи прожить три-четыре года въ деревнѣ. «Осыпанный благодѣяніями Императора, я былъ бы въ отчаяніи, если бы Его Величеству угодно было предположить, что мое желаніе удалиться изъ Петербурга вызывается какими-нибудь другими соображеніями, кромѣ требованій безусловной необходимости», писалъ поэтъ своему «опекуну».—Малѣйшаго знака неудовольствія или подозрѣнія было бы достаточно для того, чтобы удержать меня въ

настоящемъ моемъ положеніи, ибо я предпочитаю находиться въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, лишь бы только не навлечь на себя неудовольствія того, кто былъ моимъ благодѣтелемъ не какъ государь, не по долгу и справедливости, а по свободному движенію благородной и великодушной благосклонности».

На письмѣ Пушкина государь написалъ: «Нѣтъ препятствія ему ѣхать, куда хочетъ, но не знаю, какъ разумѣетъ онъ согласить сіе со службою. Спросите, хочетъ ли отставки, ибо иначе нѣтъ возможности его уволить на столь продолжительный срокъ». Пушкинъ отвѣтилъ, что передаетъ свою судьбу въ царскую волю и желаетъ только, чтобы ему не былъ запрещенъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ ему оставаться въ Петербургѣ. Не получая окончательнаго отвѣта, онъ написалъ Бенкендорфу еще два письма, въ которыхъ подробно изложилъ свои матеріальныя нужды. «Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ», писалъ онъ, «у меня накопилось около 60.000 р. долгу. Кромѣ того, я былъ вынужденъ взять на руки дѣла моего семейства, которыя такъ затруднили меня, что я долженъ былъ отказаться отъ наслѣдства, и единственнымъ средствомъ къ приведенію моихъ дѣлъ въ порядокъ было или удаленіе въ деревню, или заемъ однажды навсегда крупной денежной суммы...» Онъ просилъ выдать ему заимообразно хотя бы 30.000 р., удерживая, въ погашеніе этого долга, его жалованье (5.000 р.). Эта просьба была исполнена, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій съ министерствомъ финансовъ, которое сначала хотѣло удержать изъ новой ссуды прежній долгъ Пушкина. Затѣмъ, 27 августа, Пушкинъ получилъ четырехмѣсячный отпускъ и 7 сентября уѣхалъ въ Михайловское, оставивъ въ Петербургѣ жену съ тремя дѣтьми (14 мая 1835 г. у него родился сынъ Григорій). Въ этомъ «уголкѣ земли», съ которымъ у поэта было связано столько воспоминаній, онъ надѣялся отдохнуть отъ всѣхъ петербургскихъ дрязгъ и треволненій, хоть на время забыться, почувствовать себя инымъ, свободнымъ отъ ненавистныхъ условностей, которыя все больше и больше отравляли его существованіе. Но отрава вошла уже слишкомъ глубоко. «Усталымъ пришельцемъ» явился поэтъ туда, гдѣ нѣкогда жилъ «веселымъ юношей», и хотя память о минувшемъ была жива въ его сердцѣ, но воскресить это минувшее онъ былъ уже не въ силахъ. «Писать не начиналъ и не знаю, когда начну», сообщаетъ онъ женѣ въ письмѣ отъ 14 сентября. «Я все безпокоюсь», пишетъ онъ недѣлю спустя,—«и ничего не пишу, а время идетъ! Ты не можешь вообразить, какъ живо работаетъ воображеніе, когда сидишь одинъ между четырехъ стѣнъ, или ходишь по лѣсамъ, когда никто не мѣшаетъ намъ думать,—думать до того, что голова закружится! А о чемъ я думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія,—онъ его уже въ половину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу! У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30.000 р. Все держится на мнѣ, да на теткѣ И. К. Загряжской; но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ,—Богъ знаетъ...» Въ слѣдующихъ письмахъ—та же вѣчная, неотступная тревога. «До сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что неспокоенъ.. Государь обѣщалъ мнѣ газету а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ Петербургѣ, а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета,—твой теряетъ свое отъ глупости и безпечности покойнаго Аѳанасія Николаевича. Что изъ этого будетъ,—Господь вѣдаетъ...»

Единственнымъ утѣшеніемъ въ этихъ тяжелыхъ думахъ и заботахъ, въ которыхъ будущее рисовалось подчасъ въ очень мрачномъ видѣ, была для Пушкина любовь къ своимъ дѣтямъ. По свидѣтельству Смирновой, онъ былъ доволенъ, счастливъ и гордъ тѣмъ, что онъ — отецъ семейства. Особенно привязался поэтъ къ своему мальчику: «всегда присутствуетъ, какъ маленькаго одѣваютъ, кладутъ въ кроватку, убаюкиваютъ, прислушивается къ его дыханію; уходя, три раза перекреститъ, поцѣлуетъ въ лобикъ и долго стоитъ, стоитъ въ дѣтской, имъ любуясь» [1]). Имена «Сашки» и «Машки», всегда называемыя съ нѣжнымъ чувствомъ, то и дѣло мелькаютъ въ письмахъ поэта къ женѣ. Онъ всегда ихъ заочно благословляетъ, ихъ цѣлуетъ, о нихъ постоянно справляется.

[1]) Смирнова и Л. Павлищевъ.

«Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня», писалъ поэтъ Нащокину. «Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость, его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились».

Извѣстіе о болѣзни матери заставило Пушкина прервать свое пребываніе въ Михайловскомъ, гдѣ онъ тщетно ждалъ прилива вдохновенія, и вернуться въ Петербургъ. Притомъ его безпокоило и молчаніе жены, объяснившееся,—какъ оказалось впослѣдствіи, очень просто: Наталья Николаевна не сумѣла вѣрно списать оставленный ей мужемъ адресъ и посылала письма то «въ село Михайловское Псковской губерніи» (въ которой такихъ селъ цѣлые десятки), то «въ городъ Опочку». Понятно, что письма терялись на почтѣ. «Богъ знаетъ, съ чего она это взяла», добродушно говорилъ Пушкинъ.

Возвратившись въ Петербургъ, поэтъ нашелъ свою мать больною при смерти. Она пріѣхала изъ Павловска въ городъ искать квартиру и упала въ обморокъ въ домѣ своихъ знакомыхъ. Доктора нашли ея положеніе «безнадежнымъ». Къ этому огорченію прибавилось еще и другое: до Пушкина стали доходить свѣтскія сплетни объ его женѣ: «вездѣ говорятъ, что она только и дѣлаетъ, что наряжается по модѣ, между тѣмъ какъ ея свекру и свекрови нечего ѣсть, и свекровь умираетъ въ чужомъ домѣ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, называть нищимъ человѣка, у котораго 1200 душъ крестьянъ. У отца есть состояніе, а у меня—ровно ничего...» «Я страдаю отъ желчи и совсѣмъ разстроенъ. Повѣрьте мнѣ въ жизни, не смотря на то, что она süsse Gewohnheit, столько горечи, что она становится, наконецъ, отвратительной, а свѣтъ—не больше, какъ скверная, грязная лужа...»

Въ концѣ 1835 года Пушкинъ получилъ разрѣшеніе издать въ 1836 году 4 тома «статей чисто-литературныхъ, историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ ежемѣсячныхъ Reviews», подъ названіемъ «Современникъ». Такимъ образомъ осуществилась его давнишняя мечта о такомъ періодическомъ изданіи, которое сплотило бы вокругъ него лучшихъ писателей и критиковъ и сдѣлалось бы органомъ тогдашней литературной интеллигенціи,—«аристократіи мысли и чувства»; притомъ Пушкинъ надѣялся, что это изданіе поможетъ ему устроить и денежныя свои дѣла. Поэтъ не ошибся только въ одномъ: къ его журналу дѣйствительно примкнуло все, что было порядочнаго въ тогдашней нашей литературѣ. Но матеріальныя выгоды отъ изданія далеко не уравновѣшивали тѣхъ нравственныхъ мытарствъ, къ какимъ принудила его цензура... Впрочемъ, онъ все еще не терялъ надежды. «Вижу, что непремѣнно нужно имѣть мнѣ 80.000 доходу», писалъ онъ женѣ,—«и буду ихъ имѣть. Не даромъ же пустился въ журнальную спекуляцію,—а вѣдь это все равно, что золотарство: очищать русскую литературу есть чистить нужники и зависѣть отъ полиціи...» Бывали, однако, минуты, когда имъ овладѣвало невыносимо тяжелое настроеніе: «Того и гляди, что... Чортъ ихъ побери! У меня кровь въ желчь превращается... Душа въ пятки уходитъ, какъ вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ ужъ полицейскіе выговоры, и мнѣ говорили: «Vous avez trompé» и тому подобное. Что же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ будетъ на меня смотрѣть какъ на Ѳаддея Булгарина и Николая Полевого, какъ на шпіона. Чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и съ талантомъ. Весело, нечего сказать!...»

29 марта 1836 года, въ день Свѣтлаго Воскресенія, скончалась мать Пушкина. Отношенія ея къ сыну никогда не отличались особенною нѣжностью, и только въ самое послѣднее время, въ пору ея предсмертной болѣзни, стали нѣсколько болѣе задушевными. Пушкинъ отвезъ тѣло матери въ Михайловское, для погребенія въ Святогорскомъ монастырѣ, провелъ нѣсколько дней на своемъ старомъ пепелищѣ—уже въ послѣдній разъ, и оттуда проѣхалъ въ Москву, гдѣ занимался матеріалами для исторіи Петра Великаго въ Главномъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и вербовалъ сотрудниковъ для своего журнала. «Я начинаю его любить», писалъ онъ Нащокину,—«и, вѣроятно, имъ займусь дѣятельно». Возвратился онъ въ Петербургъ, на дачу, 23 мая ночью, и тутъ узналъ, что у него въ этотъ день родилась дочь Наталья (впослѣдствіи въ первомъ бракѣ—Дубельтъ, во второмъ—графиня Меренбергъ).

Семейная жизнь Пушкина въ домѣ, который онъ самъ называлъ холоднымъ, неуютнымъ, вѣчно полнымъ народа, даже и по внѣшней своей обстановкѣ представлялъ мало привлекательнаго. Присутствіе двухъ свояченицъ, на которое онъ долженъ былъ согласиться противъ воли, конечно, не могло не стѣснять его. Старшая свояченица, Екатерина Николаевна, была уже на границѣ возраста «старой дѣвы» и жадно искала случая выйти замужъ; вторая ея сестра, Александра Николаевна, по свидѣтельству А. П. Араповой, «высокимъ ростомъ и безукоризненнымъ тѣлосложеніемъ болѣе подходила къ своей младшей сестрѣ, но черты лица, хотя и напоминавшія правильность гончаровскаго склада, являлись какъ бы его каррикатурою. Матовая блѣдность кожи Натальи Николаевны переходила у нея въ нѣкоторую желтизну; чуть примѣтная неправильность глазъ, придающая особую прелесть вдумчивому взору младшей сестры, перерождалась у ней въ несомнѣнно косой взглядъ; однимъ словомъ, люди, видѣвшіе обѣихъ сестеръ рядомъ, находили, что именно это предательское сходство служило въ явный ущербъ Александрѣ Николаевнѣ».

Наталья Николаевна, по словамъ своей дочери, питала къ этой сестрѣ «самую нѣжную и, можно сказать, самую самоотверженную привязанность. Она инстинктивно подчинялась ея властному вліянію и часто стушевывалась передъ ней, окружая ее непрестанной заботой и всячески ублажая ее».

Далѣе, отмѣчая, что Александра Николаевна «принадлежала къ многочисленной плеядѣ восторженныхъ поклонницъ поэта» и что «совмѣстная жизнь, увядавшая молодость, не пригрѣтая любовью, незамѣтно для нея самой могли переродить родственное сближеніе въ болѣе пылкое чувство», А. П. Арапова весьма недвусмысленно даетъ понять, что между Пушкинымъ и его свояченицей существовала связь, хотя и мимолетная... Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, Александра Николаевна вышла замужъ за австрійскаго барона Фризенгофа.

Между тѣмъ, положеніе Пушкина въ «свѣтѣ», куда онъ вынужденъ былъ являться ради своей жены, становилось, можно сказать, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе невыносимымъ. Поэтъ теперь уже пересталъ стѣсняться въ выраженіяхъ своей открытой вражды къ великосвѣтскому обществу, которое онъ называлъ «притономъ мелкихъ интригановъ, завистниковъ, сплетниковъ, негодяевъ» [1]) и которое, въ свою очередь, мстило ему всевозможными толками. «Когда Nathalie выкинула», писала сестра поэта мужу своему,—«разсказали, будто это произошло вслѣдствіе нанесенныхъ имъ ударовъ... За малѣйшимъ шагомъ Александра слѣдятъ»... [2]) Охотно забавлялись также тѣмъ, что возбуждали ревность недалекой Натальи Николаевны разсказами о мнимыхъ любовныхъ похожденіяхъ ея мужа... [3]) Немудрено, что Пушкинъ съ каждымъ днемъ становился все обидчивѣе и подозрительнѣе. Съ каждымъ днемъ его настроенія становятся безнадежнѣе, жизнь не въ моготу. У него является мысль уйти уже не изъ Петербурга, не отъ свѣта и Третьяго Отдѣленія, а отъ самой жизни... Его характеръ рѣзко мѣняется. Пушкинъ будто заболѣваетъ недугомъ подозрительности и неограниченнаго недовѣрія ко всему человѣчеству. Свѣтъ достигъ своей цѣли. Тайная злоба и клевета заставили поэта чуть не въ каждомъ встрѣчномъ видѣть своего оскорбителя и интригана. Всякій малѣйшій намекъ на его семейную честь приводитъ его въ бѣшенство. Онъ готовъ требовать удовлетворенія у мнимаго преступника, даже не провѣривъ дѣла, не убѣдившись въ винѣ. Яркимъ свидѣтельствомъ такого раздражительнаго душевнаго состоянія служатъ его столкновенія съ графомъ В. А. Сологубомъ, княземъ Репнинымъ, Лагренэ и другими. При этомъ основнымъ побудительнымъ предлогомъ служитъ для поэта мнѣніе «общества», свѣтское que dira-t-on. Юный Сологубъ позволилъ себѣ какую-то безтактность въ отвѣтъ на безтактное же замѣчаніе Натальи Николаевны. Пушкинъ тотчасъ взбѣсился и потребовалъ удовлетворенія: «Имя, вами носимое, и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня» и т. д., писалъ ему поэтъ. Только послѣ продолжительныхъ объясненій удалось Сологубу возстановить прежнія отношенія. Князь Репнинъ, лично съ Пушкинымъ незнакомый, рѣзко отозвался о сатирѣ «На выздоровленіе Лукулла». Этотъ отзывъ былъ повторенъ знакомымъ поэта Боголюбовымъ. Результатомъ явилось немедленное обращеніе Пушкина къ князю съ письмомъ, въ которомъ поэтъ прежде всего писалъ, что

[1]) А. Павлищевъ, Воспоминанія, 356.
[2]) Тамъ же, 364.
[3]) Смирнова, Записки, I, 340; II, 3.

«какъ дворянинъ и отецъ семейства», онъ долженъ оберегать свою честь и имя, которое оставитъ своимъ дѣтямъ, и требовалъ объясненій. Лагренэ (кажется, секретарь французскаго посольства) разговаривалъ на какомъ-то балу съ одной дамой. Къ этой дамѣ подошелъ и Пушкинъ,—и ему послышалось, что въ эту минуту Лагренэ сказалъ своей собесѣдницѣ: «Renvoyez-le!» Этого было достаточно для того, чтобы Пушкинъ, на слѣдующій же день, направилъ къ Лагренэ одного изъ своихъ знакомыхъ съ порученіемъ «потребовать объясненія сказаннаго и затѣмъ поговорить соотвѣтственно».

Въ такомъ настроеніи, очевидно, было довольно одной искры для того, чтобы вызвать цѣлый пожаръ. При этомъ Наталья Николаевна совсѣмъ не понимала своего мужа и никакъ не могла войти въ его душевное состояніе. «Ни одна изъ разряженныхъ подругъ, мнѣніемъ которыхъ она такъ дорожила въ своемъ наивномъ, не лишенномъ провинціализма, тщеславіи, не могла дать ей хорошаго совѣта. Она не довѣряла друзьямъ своего мужа. Ее возстановляли противъ нихъ, даже противъ г-жи Хитрово, увѣряя, будто Пушкинъ былъ влюбленъ въ нее, хотя она приходилась почти ровесницей его тещѣ... Бѣдная Nathalie не была ни хитрою, ни тонкою кокеткою: она передавала Пушкину всѣ пошлости, которыя ей расточали, и это невыразимо мучило его; она же воображала, что это—верхъ чистосердечія. Ей не приходило въ голову самой ввести дерзкаго въ приличныя границы... Но что же дѣлать? у несчастной было такъ мало сообразительности!» [1])

Лѣто и осень 1836 года переполнили, наконецъ, чашу горечи, выпавшую на долю поэта. Его семья поселилась на дачѣ на Каменномъ островѣ, который считался въ ту пору самымъ аристократическимъ мѣстомъ. Только что открывшееся въ Александровскомъ паркѣ «Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ» усердно посѣщалось высшимъ обществомъ, и Наталья Николаевна, только что оправившись отъ родовъ, начала по своей привычкѣ, «блистать» среди этого общества. Здѣсь она сдѣлалась предметомъ особенно настойчиваго ухаживанья со стороны красавца Дантеса, избалованнаго побѣдами въ кругу легкомысленныхъ петербургскихъ дамъ. Своимъ неустаннымъ преслѣдованіемъ онъ добился того, что Наталья Николаевна стала обращать на него вниманіе,—а ея старшая сестра, Екатерина Николаевна, хотя и видѣла, что ухаживанье относится вовсе не къ ней, не замедлила влюбиться въ блестящаго кавалергарда со всѣмъ пыломъ увядающей дѣвы. «Слишкомъ много женщинъ слѣдило ревнивымъ окомъ за поведеніемъ моднаго иностранца, чтобы задуманный имъ и ничуть не скрываемый романъ не сталъ тотчасъ достояніемъ великосвѣтскихъ сплетенъ и пересудовъ. А у Пушкина накопилось столько явныхъ и скрытыхъ враговъ, озлобленныхъ мѣткостью его оцѣнокъ или ядовитостью эпиграммъ, что имъ на руку было, раздувая инцидентъ, поселить раздоръ въ семьѣ и безнаказанно мстить ему изъ-за угла»... [1]) Притомъ, по справедливому замѣчанію одного изъ новѣйшихъ біографовъ поэта, Наталья Николаевна и Дантесъ «сходились характерами и, вѣроятно, легкомысленная красавица, не всегда строгая въ знаніи «тона», чувствовала себя прекрасно въ обществѣ этого развязнаго остроумца, немного циничнаго, но всегда веселаго и жизнерадостнаго... Она вполнѣ подходила на роли героинь сплетни, какъ Дантесъ—на роли героя». [2]) Дѣйствительно, Дантесъ былъ полнымъ олицетвореніемъ того типа мужчинъ, который долженъ былъ неотразимо дѣйствовать на женщинъ, подобныхъ Натальѣ Николаевнѣ. Онъ «отличался умѣньемъ хорошо танцовать, говорить рискованныя остроты, двусмысленности и плоскіе каламбуры, которыми изобилуютъ нѣкоторыя французскія пьесы, плѣнялъ дамъ шутками въ стилѣ Vaudeville и Palais-Royal, а товарищей—казарменными анекдотами. Онъ былъ дурно воспитанъ, всегда предпріимчивъ и дерзокъ, когда его не держали на извѣстномъ разстояніи... Такого тона, говорилъ о немъ Соболевскій, не потерпѣли бы въ русскомъ офицерѣ, но прекрасныя дамы находили его плѣнительнымъ, потому что онъ острилъ по-французски и говорилъ рискованныя вещи... [3]) Тѣ «разряженныя пріятельницы», съ которыми Наталья Николаевна привыкла отводить душу послѣ вспышекъ мужа, нерѣдко упрекавшаго ее за всякія безтактности, втайнѣ, конечно, ей завидовали, но явно старались поддерживать въ ней благосклонное отношеніе къ ухаживаньямъ Дан-

[1]) Смирнова, II, 3.

[1]) Новое Время 1907, № 11416, воспоминанія А. П. Араповой.

[2]) Сиповскій, 420—421.

[3]) Смирнова, II, 6, 12—13.

теса, не безъ злорадства ожидая, какой изъ этого выйдетъ скандалъ...

Скандалъ и не заставилъ себя долго ждать. 4 ноября 1836 г. Пушкинъ получилъ извѣстный анонимный пасквиль, разосланный также и нѣкоторымъ его знакомымъ, въ которомъ его извѣщали о состоявшемся его избраніи «коадъюторомъ великаго мастера Ордена Рогоносцевъ и исторіографомъ этого ордена» (кромѣ грязнаго намека на Наталью Николаевну здѣсь очевиденъ и другой намекъ — на историческія занятія Пушкина). Въ пушкинской литературѣ было много толковъ и споровъ о томъ, кому могло принадлежать авторство этого незавиднаго произведенія; называли даже имена—князя Гагарина, князя Долгорукова, которые, однако, съ негодованіемъ отвергали выставленное противъ нихъ обвиненіе; самъ Пушкинъ подозрѣвалъ старика Геккерена; но въ планы послѣдняго вовсе не входило вызывать оскорбленнаго мужа на какія бы то ни было активныя дѣйствія. «Адскія свѣти, адскія козни устроены были противъ Пушкина», писалъ послѣ смерти поэта князь Вяземскій. Для того свѣтскаго кружка, который, зная характеръ поэта, глубоко его ненавидѣлъ, представился удобный случай вовлечь Пушкина въ «исторію», которая неизбѣжно должна была привести къ кровавой развязкѣ. Враги поэта въ этомъ случаѣ играли безъ проигрыша: каковъ бы ни былъ исходъ предполагаемой дуэли,—Пушкину, все равно, не сдобровать. Будетъ онъ убитъ,—тѣмъ лучше! Убьетъ своего противника,—попадетъ подъ судъ и будетъ посаженъ въ крѣпость или куда-нибудь сосланъ. Если же дуэль окончится легкими ранами или даже безрезультатнымъ обмѣномъ пуль, то, все равно, Пушкину не избѣжать царскаго гнѣва и тяжелыхъ его послѣдствій. По внѣшнему виду бумаги, на которой былъ написанъ пасквиль, по стилю и редакціи письма, Пушкинъ догадывался, что оно исходило отъ иностранца, отъ человѣка, принадлежащаго къ высшему обществу, отъ дипломата. Весьма вѣроятно, что такой выводъ былъ имъ сдѣланъ подъ вліяніемъ предвзятой мысли объ участіи въ этомъ грязномъ дѣлѣ старика Геккерена; но онъ, кажется, не ошибался, указывая на высшія дипломатическія сферы, какъ на источникъ оскорбленія: П. И. Бартеневъ недаромъ упоминаетъ, въ связи съ этимъ дѣломъ, графиню Нессельроде, дочь бывшаго министра финансовъ графа Д. А. Гурьева, прибавляя, что «ненависть Пушкина къ этой представительницѣ олигархическаго ареопага едва ли не превышала ненависть его къ Булгарину. Пушкинъ не пропускалъ случая клеймить эпиграмматическими выходками и анекдотами свою надменную антагонистику, едва умѣвшую говорить по-русски...» [1]) Дѣйствительно, въ тогдашнемъ обществѣ, конечно, хорошо были извѣстны его эпиграммы—одна съ упоминаніемъ отца графини:

Встарь Гольцинъ мудрость вѣсилъ,
Гурьевъ грабилъ весь народъ, и пр.

и другая, совсѣмъ уже нецензурная, съ ея собственнымъ именемъ:

Вотъ, смотри, дивись и ахай,
Православный нашъ народъ, и т. д.

Неудивительно, если графиня старалась платить Пушкину той же монетой...

По словамъ графа Сологуба, Пушкинъ и послѣ полученія анонимнаго письма въ первое время оставался наружно сдержаннымъ. Онъ, сказалъ: «Это—мерзость противъ жены моей. Вы, впрочемъ, понимаете, что безымяннымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто-нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя—ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ!» [2]) А. П. Арапова [3]) разсказываетъ, что «присылка диплома послужила первой отравленной стрѣлой, заставившей Пушкина заняться черезчуръ ярымъ поклонникомъ жены. Онъ хорошо зналъ и цѣнилъ чистоту ея натуры, прямодушный нравъ, чтобы остановиться на мысли о возможномъ паденіи, но, по примѣру Цезаря, считалъ уже оскорбленіемъ, что другой похотливо дерзнулъ взглянуть на нее. Онъ сталъ попрекать ее легкомысліемъ, кокетствомъ, потребовалъ, чтобы она отнюдь не смѣла принимать Дантеса у себя, а въ свѣтѣ тщательно избѣгала всякихъ разговоровъ и холоднымъ отпоромъ положила бы конецъ его оскорбительнымъ надеждамъ». Между тѣмъ, Пушкинъ тотчасъ же послалъ Дантесу вызовъ. Письмо поэта случайно попало въ руки старика Геккерена, который страшно встревожился и сталъ употреблять всѣ усилія для того, чтобы отвратить поединокъ, совершенно нежелательный ни для его сына, ни для него са-

[1]) Пушкинъ, изд. Рус. Архива, II, 72.
[2]) Сологубъ, 43.
[3]) Новое Время 1907. № 11416.

мого. Наскоро былъ придуманъ планъ сватовства Дантеса къ Екатеринѣ Николаевнѣ, чтобы отвлечь подозрѣнія Пушкина и дать другой оборотъ свѣтскимъ толкамъ. По просьбѣ Геккерена, въ дѣло вмѣшался Жуковскій, который, пользуясь своимъ авторитетомъ въ глазахъ Пушкина, сталъ его убѣждать «все остановить» [1]. «Ради Бога, одумайся»,—писалъ онъ поэту. «Дай мнѣ счастіе избавить тебя отъ безумнаго злодѣйства, а жену твою—отъ совершеннаго посрамленія». Не смотря на неожиданность сватовства, Пушкинъ взвѣсилъ цѣну доказательства «Молодому, блестящему красавцу-иностранцу, который могъ бы выбирать изъ самыхъ лучшихъ и выгодныхъ партій, изъ любви къ одной сестрѣ связать себя навѣки со старшей, отцвѣтающей безприданницей,—это было бы наобъяснимымъ безуміемъ. И, разомъ просвѣтленный, Пушкинъ уже добродушно объяснилъ Дантесу, что участь Екатерины Николаевны не отъ него зависитъ, и что для дальнѣйшихъ объясненій ему слѣдуетъ обратиться къ тетушкѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ Загряжской, какъ старшей представительницѣ семьи.

«Наталью Николаевну это неожиданное сватовство поразило еще сильнѣе мужа. Она слишкомъ хорошо видѣла въ этомъ поступкѣ всю необузданность страсти, чтобы не ужаснуться горькой участи, ожидавшей ея сестру.

«Екатерина Николаевна сознавала, что ей суждено любить безнадежно, и потому, какъ въ волшебномъ чаду, выслушала оффиціальное предложеніе, переданное ей тетушкою, боясь повѣрить выпадавшему на ея долю счастью. Тщетно пыталась сестра открыть ей глаза, повѣряя всѣ хитро сплетенныя интриги, которыми до послѣдней минуты пытались ее опутать, и рисуя ей картину семейной жизни, гдѣ съ перваго шага Екатерина Николаевна должна будетъ бороться съ цѣлымъ сонмомъ ревнивыхъ подозрѣній... Екатерина Николаевна, въ свою очередь, не задумалась упрекнуть сестру въ скрытой ревности, наталкивающей ее на борьбу за любимаго человѣка: «Вся суть въ томъ, что ты не хочешь, ты боишься мнѣ его уступить!» запальчиво бросила она ей въ лицо...» [2].

На этомъ объясненія кончились. Пушкинъ сдался на уговоры Жуковскаго и уступилъ передъ фактомъ, который долженъ былъ его успокоить. 17 ноября онъ написалъ секунданту Дантеса, виконту д'Аршіаку, письмо, въ которомъ просилъ «свидѣтелей этого дѣла» считать его вызовъ ничтожнымъ, такъ какъ изъ городскихъ слуховъ узналъ, что Дантесъ рѣшили огласить свое намѣреніе вступить въ бракъ съ Е. Н. Гончаровой послѣ дуэли. «Я не имѣю никакихъ основаній приписывать это рѣшеніе соображеніямъ, недостойнымъ человѣка, имѣющаго сердце», прибавилъ поэтъ.

Вскорѣ затѣмъ, однако, Пушкинъ сказалъ княгинѣ Вяземской: «Я знаю автора безымянныхъ писемъ, и черезъ недѣлю вы услышите о мщеніи, въ своемъ родѣ единственномъ; это мщеніе будетъ полнымъ и совершеннымъ; оно втопчетъ этого человѣка въ грязь» [1]. Дѣло въ томъ, что Пушкину стало извѣстно поведеніе старика Геккерена, который началъ прилагать всѣ усилія, чтобы достигнуть сближенія между своимъ пріемнымъ сыномъ и Натальей Николаевной. «Едва ей удастся избѣгнуть встрѣчи или бесѣды съ Геккереномъ, какъ, всюду преслѣдуя ее, онъ, какъ тѣнь, выростаетъ опять передъ ней, искусно находя случай нашептывать ей о безумной любви сына, способнаго, въ порывѣ отчаянія, наложить на себя руки, описывая картину его мукъ и негодуя на ея холодность и безсердечіе» [2]. Онъ предлагалъ ей даже планъ бѣгства за границу, обдуманный до мельчайшихъ подробностей, подъ его дипломатической эгидой, рисуя самую заманчивую будущность,—на что Наталья Николаевна, по словамъ ея дочери, будто бы отвѣчала: «Допустимъ, что мужъ мой виноватъ передо мною. Допустимъ даже, что мое увлеченіе вашимъ сыномъ такъ сильно, что, отуманенная имъ, я могла бы измѣнить священному долгу; но вы упустили изъ виду одно: я—мать. У меня четверо маленькихъ дѣтей. Покинувъ ихъ въ угоду преступной страсти, я стала бы въ собственныхъ глазахъ самою презрѣнною изъ женщинъ. Между нами все сказано, и я требую, чтобы вы меня оставили въ покоѣ» [3].

Были ли дѣйствительно сказаны эти

---

[1] Пять писемъ Жуковскаго къ Пушкину напечатаны (но не съ подлинниковъ) въ журналѣ «Вѣсы» 1909, № 1, стр. 60—64. Подлинники хранятся у А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ.

[2] А. П. Арапова, Новое Время 1907, № 11421.

[1] 4-е письмо Жуковскаго, «Вѣсы» 1909, № 1.

[2] Новое Время 1907, № 11416.

[3] Тамъ же.

слова, или нѣтъ, но несомнѣнно одно,— что Наталья Николаевна передала свои разговоры съ Геккереномъ Пушкину: иначе—откуда бы онъ могъ узнать ихъ содержаніе? Недальновидная женщина и не подозрѣвала того, какую бурю вызвала она въ душѣ мужа этою своею «искренностью». Пушкинъ сейчасъ же написалъ Бенкендорфу (21 ноября) письмо, въ которомъ, изложивъ исторію полученія имъ анонимнаго пасквиля, прибавилъ: «Я убѣдился въ томъ, что это безымянное письмо исходило отъ г. Геккерена, и считаю своимъ долгомъ предупредить объ этомъ правительство и общество. Будучи единственнымъ судьею и хранителемъ своей чести и чести моей жены и потому не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не желаю представлять кому бы то ни было доказательства того, что я утверждаю». Нѣсколько дней спустя, Пушкинъ написалъ письмо и самому барону Геккерену, составленное въ такихъ выраженіяхъ, которыя совершенно исключали возможность какого бы то ни было примиренія. «Поведеніе вашего сына,—писалъ поэтъ,— мнѣ было давно извѣстно и не могло быть для меня безразличнымъ. Но я довольствовался ролью наблюдателя, предоставляя себѣ вмѣшаться, когда найду это удобнымъ. Случай, который при другихъ обстоятельствахъ былъ бы мнѣ крайне непріятенъ, на этотъ разъ пришелся весьма кстати: я получилъ безымянныя письма. Тогда я увидѣлъ, что настало время дѣйствовать, и воспользовался этимъ. Остальное вамъ извѣстно: я заставилъ вашего сына разыграть такую жалкую роль, что моя жена, изумленная его крайнею трусостью и пошлостью, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, можетъ быть, внушенное ей его великою и возвышенною страстью, успокоилось въ полномъ презрѣніи и заслуженномъ отвращеніи.

«Я долженъ сознаться, что и ваша роль также была несовсѣмъ достойна. Вы, представитель коронованной особы, явились сводникомъ своего сына. Повидимому, вы же руководили и всѣми его поступками, впрочемъ, довольно неумѣлыми. Вѣроятно, вы же диктовали ему и тѣ жалкія слова, которыя имъ говорились, и тѣ пошлости, которыя имъ писались. Подобно развратной старухѣ, вы подстерегали мою жену во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнаго сына или именующаго себя таковымъ; и когда, заболѣвъ дурной болѣзнью, онъ не могъ выходить изъ дома, вы говорили ей, что онъ умираетъ отъ любви къ ней и бормотали: «Возвратите мнѣ сына!»

«Вы хорошо понимаете, что послѣ этого я не могу допустить, чтобы моя семья имѣла какія бы то ни были сношенія съ вашей ссмьей. На этомъ условіи я согласился не давать хода этому грязному дѣлу и не покрывать васъ позоромъ въ глазахъ нашего и вашего Двора, какъ я сначала намѣревался и могъ бы это сдѣлать. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Я не могу позволить, чтобы вашъ сынъ, послѣ своихъ отвратительныхъ поступковъ, смѣлъ еще заговаривать съ моей женой, и еще менѣе могу позволить ему говорить ей казарменные каламбуры и разыгрывать роль преданнаго и несчастнаго влюбленнаго, между тѣмъ какъ онъ—не больше, какъ трусъ и шалопай. Поэтому считаю долгомъ обратиться къ вамъ съ просьбой положить конецъ всѣмъ этимъ продѣлкамъ, если вы желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю».

Письма этого Пушкинъ, однако, не послалъ по адресу, рѣшившись,—вѣроятно, подъ вліяніемъ совѣтовъ Жуковскаго, снова занять выжидательное положеніе. Онъ, однако, прочелъ письмо Сологубу. Какъ онъ волновался при этомъ чтеніи,—видно изъ разсказа Сологуба: «губы Пушкина задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія»... [1]) Совмѣстными усиліями Сологуба и Жуковскаго удалось устранить новую опасность дуэли Пушкина съ Дантесомъ. Но, отказавшись отъ дуэли, Пушкинъ не хотѣлъ мириться съ врагомъ и даже разсердился на Сологуба за то, что тотъ превысилъ данныя ему полномочія и во время своихъ объясненій съ секундантомъ Дантеса д'Аршіакомъ говорилъ не только о «матеріальной сторонѣ» дуэли, но вошелъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу. Поэтъ все еще не вѣрилъ тому, что свадьба Дантеса съ Екатериной Николаевной состоится, смотрѣлъ на иомолвку, какъ на шутовское представленіе, которое приведетъ только къ вящшему сраму его домъ...

Между тѣмъ, въ день Новаго 1837 года Дантесомъ было получено оффиціальное разрѣшеніе вступить въ бракъ, а 10 января

[1]) Сологубъ, 45—47, 56—57

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА,

НЕВѢСТОЙ.

Съ акварели А. Брюлова.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА.

Портретъ Мазера.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА.

Акварельный портретъ Гау.

Съ подлинника, принадлежащаго Н. П. Араповой.

Лит. Р. Кадушкина СПБ

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА.

Акварельный портрет Тид.

Съ позволенія, приложеннаго Н. П. Аргамовой.

Лит. Н. Кадушина. СПБ

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ.
Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго А. П. Арапову.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ.

Копія О. Зычкова съ акварельнаго портрета Гау, находящагося въ альбомѣ, поднесенномъ Николаю I; принадлежитъ Н. П. Араповой.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ.
Портретъ Макарова (1848).

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ ВЪ СТАРОСТИ.

Гравюра В. В. Матэ, по фотографіи 1861 г.

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА ПУШКИНА-ЛАНСКАЯ.

НЕЗАДОЛГО ДО ЕЯ СМЕРТИ.

Съ фотографіи, принадлежащей ея дочери Н. П. Араповой.

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА ГОНЧАРОВА,
свояченица Пушкина, очень ему близкая.
Съ акварельнаго портрета, принадлежащаго А. И. Арапову.

состоялась его свадьба съ Екатериной Николаевной. «Согласно категорически выраженному желанію Пушкина»,—разсказываетъ А. П. Арапова,—«Наталья Николаевна въ домъ къ сестрѣ не ѣздила, а принимала ее только одну... Ея опасенія относительно счастья сестры не замедлили оправдаться. Опрометчивый шагъ, который Дантесъ считалъ, вѣроятно, ступенью къ сближенію, оказался лишь новой, непреодолимой преградой. Лицемѣрить съ постылой женой было не подъ силу. Она чувствовала, что между ними вѣчно стоитъ для него—неприступный, для нея, — раздражающій обликъ сестры... Завѣтною ея мечтою стало—уѣхать съ мужемъ во Францію... Увлекаясь своимъ планомъ, она такъ много говорила о предполагаемомъ отъѣздѣ, что натолкнула недремлющихъ враговъ на новый, энергическій приступъ. Прекратившіеся было анонимные навѣты посыпались на несчастнаго Пушкина съ змѣинымъ шипѣніемъ. Они пытались злорадно изобличить, что бракъ служилъ только ловкимъ прикрытіемъ прежнихъ, разоблаченныхъ отношеній»... [1])

Между тѣмъ, и поведеніе старика Геккерена и Дантеса оставалось по-прежнему назойливымъ и неприличнымъ. Геккеренъ не переставалъ твердить Натальѣ Николаевнѣ о страсти своего сына, а этотъ послѣдній, встрѣчаясь съ нею въ свѣтѣ, продолжалъ обращаться къ ней съ непринужденными каламбурами. Такъ, на балѣ у графа Воронцова онъ спрашивалъ, довольна ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ его женою, и прабавилъ: «Le pédicure prétend que votre cor (corps) est plus beau que celui de ma femme». Этотъ безтактный каламбуръ сейчасъ же разгласили и сдѣлали изъ него чуть не событіе. Само собою разумѣется, что онъ дошелъ и до Пушкина, который снова сталъ мучиться подозрѣніями и жаждою мести. «Я принадлежу странѣ»,—говорилъ поэтъ,—«и хочу, чтобы мое имя было неприкосновенно повсюду, гдѣ оно извѣстно» [2]). До кровавой развязки было уже недалеко. Событіемъ, ее ускорившимъ, былъ новый безтактный поступокъ со стороны Натальи Николаевны.

Дантесъ написалъ ей письмо, въ которомъ умолялъ о свиданіи, грозя, въ противномъ случаѣ, застрѣлиться. Вмѣсто того, чтобы оставить это письмо безъ отвѣта, Наталья Николаевна,—быть можетъ, поддавшись уговорамъ одной изъ своихъ «разряженныхъ подругъ», Идаліи Григорьевны Полетики (незаконная дочь Графа Строгонова, жена одного изъ сослуживцевъ Дантеса по кавалергардскому полку), явилась на свиданіе. Оно произошло въ квартирѣ Полетики, въ кавалергардскихъ казармахъ. Любопытно, что во время этой встрѣчи Натальи Николаевны съ Дантесомъ у подъѣзда стоялъ «на стражѣ» будущій мужъ вдовы Пушкина, тоже кавалергардскій офицеръ, П. П. Ланской, въ ту пору влюбленный въ Идалію и, по ея просьбѣ, принявшій на себя роль оберегателя Дантеса отъ непріятныхъ возможностей... [1])

О чемъ бесѣдовала Наталья Николаевна съ Дантесомъ въ любезно предоставленномъ имъ пріютѣ, подъ охраной «часового»,—этого мы не знаемъ; но не далѣе, какъ на слѣдующій же день, Пушкинъ получилъ отъ «неизвѣстнаго» извѣщеніе о состоявшейся встрѣчѣ. Чаша была переполнена. 25 января поэтъ отослалъ барону Геккерену давно, еще въ ноябрѣ, заготовленное письмо.

Трагическій исходъ жизни Пушкина былъ обусловленъ, конечно, личнымъ его характеромъ, но въ еще большей степени—неудачно сложившимися семейными его отношеніями. Слишкомъ дорогой цѣной суждено было поэту расплатиться за тотъ минутный порывъ, который внушилъ ему несчастную мысль связать свою судьбу съ юнымъ «мотылькомъ»,-который и по своему уму, и по воспитанію, и по всему душевному складу былъ совершенною его противоположностью. Говорятъ, «крайности сходятся». Да, иногда это бываетъ; но чаще изъ подобнаго случайнаго соприкосновенія крайностей, какъ изъ столкновенія двухъ тучъ, происходитъ гроза. Прежде, однако, чѣмъ эта гроза разразилась надъ нашимъ поэтомъ, ему пришлось выпить до дна горькую чашу матеріальныхъ тревогъ и лишеній, которыя не могли не вызывать чувства униженія, чувства постыдной зависимости, невозможности оторваться отъ того каторжнаго ядра, къ которому приковала его роковая случайность. Душа поэта была отравлена горечью этой чаши.

П. Морозовъ.

---

[1]) Новое Время 1908, № 11425.
[2]) Пушкинъ, изд. Рус. Архива, II, 66.

---

[1]) Новое Время 1908, № 11245.

ГОРЮХИНО, А НЕ ГОРОХИНО.

Вотъ уже 70 лѣтъ, какъ въ литературномъ сознаніи прочно засѣло представленіе о селѣ Горохинѣ.

Если не очень вдуматься въ глубокій смыслъ исторіи Бѣлкинской вотчины, то Горохино очень мило вяжется съ внѣшнешутливымъ тономъ пушкинской пародіи. Въ ней, между прочимъ, идетъ рѣчь о «баснословныхъ временахъ», и почему-бы не вспоминать о временахъ добраго царя Гороха и не назвать Бѣлкинскую вотчину въ его честь.

Изслѣдованіе подлинника приводитъ, однако, къ твердому убѣжденію, что начертаніе Горохина совершенно чуждо творческимъ намѣреніямъ Пушкина. Пушкинъ совершенно опредѣленно далъ Бѣлкинскому селу названіе Горюхино. И думается, что это названіе столь-же символично, какъ и вся «Исторія», какъ символичны Некрасовскіе Неѣловы, Горѣловы, Неурожайки тожъ.

Незаконченная, «Исторія села Горюхина» не была напечатана при жизни Пушкина. Она появилась въ «Современникѣ» 1837 г. съ произвольнымъ заглавіемъ «Лѣтопись села Горохина», съ значительными пропусками, вызванными цензурными соображеніями, и съ искаженіями, уже ничего общаго съ цензурностью не имѣющими. Въ томъ же видѣ она появилась и въ посмертномъ изданіи. Посмертное собраніе издано очень небрежно, и особенно небрежно напечатана проза. Часто эта небрежность вполнѣ можетъ быть оправдана неясностью рукописи. Но начертаніе Горохино принадлежитъ къ числу тѣхъ ошибокъ, которыя не имѣютъ никакого оправданія. Я подсчиталъ сколько разъ упоминается въ подлинникѣ (тетрадь Румянц. музея № 2387 А) слово Горюхино и Горюхинцы. Оказывается около 30 разъ. Изъ нихъ только 3 раза такъ написано, что можно прочитать и Горохино.

Замѣчательно въ этой ошибкѣ первыхъ издателей еще вотъ что. Слова Горюхино, Горюхинцы далеко не въ первый разъ стали извѣстны по «Исторіи села Горюхина». Въ предисловіи къ «Повѣстямъ Бѣлкина» дважды упомянуто названіе вотчины Бѣлкина и оба раза это «село Горюхино». Предисловіе дважды напечатано при жизни Пушкина—значитъ предъ нами начертаніе въ которомъ мы не смѣемъ перемѣнить ни одной буквы. И само посмертное изданіе, перенося «Повѣсти Бѣлкина», совершенно правильно печатаетъ Горюхино. Редакторамъ, такимъ образомъ, начертаніе Пушкина было вполнѣ извѣстно. И тѣмъ не менѣе, непонятно откуда берется Горохино.

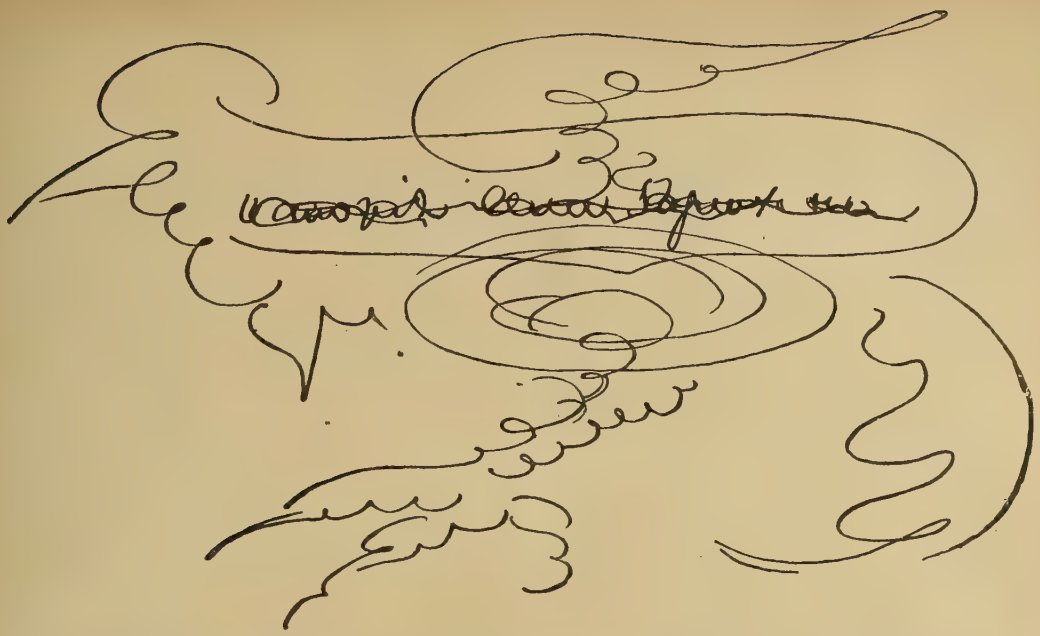
И такъ загипнотизировало всѣхъ это Горохино, что оно стало неистребимымъ. Анненковъ печаталъ по рукописи и все таки пишетъ Горохино. И онъ-же рядомъ, помѣщаетъ предисловіе къ «Повѣстямъ Бѣлкина», гдѣ преисправно пишетъ Горюхино. П. О. Морозовъ тоже печаталъ оба свои изданія по рукописямъ, во многомъ дополнилъ прежнія изданія, но Горохина не тронулъ. В. Е. Якушкинъ въ своемъ прекрасномъ описаніи пушкинскихъ рукописей, тщательнѣйшимъ образомъ обслѣдовалъ рукопись № 2387А, указалъ множество ошибокъ и пропусковъ Анненкова, а вотъ искаженія въ главномъ собственномъ имени не замѣтилъ.

Чтобы привлечь и читателя къ рѣшенію вопроса—хотя тутъ собственно ничего спорнаго и быть не можетъ, разъ самъ Пушкинъ дважды установилъ начертаніе Горюхино—даю на слѣдующей страницѣ снимокъ одной изъ страницъ рукописи «Исторіи». Взято мѣсто особенно важное—виньетка въ видѣ птицы, сочиненная Пушкинымъ. Читатель не преминетъ убѣдиться, что тутъ совершенно опредѣленно написано Горюхино.

Въ заключеніе отмѣчу, что Горохино было-бы прямо ошибкою противъ духа русскаго языка. Суфиксъ инъ, ино является при происхожденіи отъ словъ женскаго рода: борода — бородинъ, бородино; шуба—шубинъ, и т. д. Отъ Гороха былобы Горохово. Пушкинъ слабъ былъ по части теоретической грамматики, но чутье языка у него было геніальное; и не могъ онъ сдѣлать такого промаха противъ духа русскаго языка какъ Горохино.

Но начертаніе Горохино, Горохинцы было бы еще бо́льшею ошибкою противъ исторіи доподлиннаго русскаго «народа». Не до смѣха тутъ, не о шутахъ гороховыхъ идетъ рѣчь въ Пушкинской «Исторіи», и не къ отдаленнымъ временамъ царя Гороха устремленъ былъ взоръ поэта-историка. Въ Словарѣ Даля, гдѣ слова размѣщены по «гнѣздамъ», т.-е. по основному корню, при словѣ горюха сказано: см. горе. Вотъ изъ этого источника и Пушкинъ взялъ свое Горюхино, Николаевская Россія тожъ.

С. Венгеровъ.



ВИНЬЕТКА (ПТИЦА) ПУШКИНА КЪ «ИСТОРІИ СЕЛА ГОРЮХИНА».

(Воспроизводится здѣсь впервые по тетради Румянцев. Музея № 2387, А; начертаніе Горюхино а не Горохино, какъ писали раньше—см. выше, стр. 226—здѣсь вполнѣ ясно).

Если Богъ пошлетъ мнѣ читателей, то, можетъ быть, для нихъ будетъ любопытно узнать, какимъ образомъ рѣшился я написать исторію села Горюхина. Для того долженъ я войти въ нѣкоторыя предварительныя подробности.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по старинному, никогда ничего не читывали и во всемъ домѣ кромѣ Азбуки, купленной для меня, календарей и Новѣйшаго Письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе Письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть и, не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя незамѣченныя красоты. Послѣ генерала .... у котораго Батюшка былъ нѣкогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я разспрашивалъ о немъ у всѣхъ и къ сожалѣнію никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично, на всѣ мои вопросы отвѣчали только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; что твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его, какъ нѣкоего древняго полубога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ и преданіе о немъ—пустою миѳою, ожидавшею изысканія новаго Нибура. Однако же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе, я старался придать какой нибудь образъ сему таинственному лицу, и наконецъ рѣшилъ что долженъ онъ былъ походитъ на земскаго засѣдателя Корючкина, маленькаго старичка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву и отдали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера—гдѣ пробылъ я не болѣе трехъ мѣсяцевъ ибо насъ разпустили передъ вступленіемъ непріятеля... Я возвратился въ деревню, пріобрѣтши въ пансіонѣ только большой навыкъ къ игрѣ, называемой лаптой, коей обучилъ вскорѣ и всѣхъ дворовыхъ мальчиковъ. По изгнаніи двухнадесяти языковъ, хотѣли меня снова везти въ Москву, посмотрѣть, не возвратился ли Карлъ Ивановичъ на прежнее пепелище или, въ противномъ случаѣ, отдать меня въ другое училище; но я упросилъ матушку оставить меня въ деревнѣ, ибо здоровіе мое не позволяло мнѣ вставать съ постели въ 7 часовъ, какъ обыкновенно заведено во всѣхъ пансіонахъ. Такимъ образомъ достигъ я 16-лѣтняго возраста, оставаясь

при первоначальномъ моемъ образованіи и играя въ лапту, единственной наукѣ, въ коей приобрѣлъ я достаточное познаніе во время пребыванія моего въ пансіонѣ.

Въ сіе время опредѣлился я юнкеромъ въ ** пѣхотный полкъ, въ коемъ и находился до прошлаго 18 . . года. Пребываніе мое въ полку оставило мнѣ мало приятныхъ впечатлѣній, кромѣ производства въ офицеры и выигрыша 240 рублей въ то время, какъ у меня въ карманѣ всего оставался рубль 6 гривенъ. Смерть дражайшихъ моихъ родителей, воспослѣдовавшая почти въ одно время, принудила меня подать въ отставку и пріѣхать въ мою вотчину.

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней разспространиться, заранѣе прося извиненія у благосклоннаго читателя, если во зло употреблю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный.—Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горюхино, нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаво, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной что я поминутно погонялъ моего ямщика то обѣщая ему на водку, то угрожая побоями, и какъ удобнѣе было мнѣ толкать его въ спину, нежели вынимать и развязывать кошелекъ, то, признаюсь, раза три и ударилъ его, что отроду со мною не случалось ибо сословіе ямщиковъ, самъ не знаю почему, для меня въ особенности любезно.—Ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, всетаки затягивалъ возжи.—Наконецъ я завидѣлъ Горюхинскую рощу; и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось—я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ. 8 лѣтъ не видалъ я Горюхина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, бывшій нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками,—межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ—теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца.—Человѣкъ пошелъ было отворить двери, но онѣ были заколочены хотя ставни были открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ что Баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица и дружески со всѣми ими цалуясь: мои потѣшные мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, сидѣвшія нѣкогда на полу для посылокъ, замужними бабами. Мущины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: какъ ты постарѣла—и мнѣ отвѣчали съ чувствомъ:—какъ вы-то, батюшка, подурнѣли.—Повели меня на заднее крыльцо, навстрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ нынѣ въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду вызвался приготовить мнѣ обѣдъ, или ужинъ—ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки и я очутился въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за 23 года тому родился.

Около трехъ недѣль прошло для меня въ хлопотахъ всякаго рода—я возился съ засѣдателями, предводителями и всевозможными губернскими чиновниками.—Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣніе вотчиной.—Я успокоился; но скоро скука бездѣйствія стала меня мучить. Я не былъ еще знакомъ съ добрымъ и почтеннымъ сосѣдомъ моимъ **. Занятія хозяйственныя были вовсе для меня чужды.—Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управительницы, состояли щетомъ изъ 15 домашнихъ анекдотовъ, весьма для меня любопытныхъ, но разсказываемыхъ ею всегда одинаково, такъ что она сдѣлалась для меня другимъ Новѣйшимъ Письмовникомъ, въ которомъ я зналъ, на какой страницѣ какую найду строчку. Настоящій же заслуженный Письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состояніи.—Я вынесъ его на свѣтъ и принялся было за него, но Кургановъ потерялъ для меня прежнюю свою прелесть. Я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробовать ли самому что ни-

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ 1820-хъ годовъ.

Съ рѣдкой гравюры изъ собранія кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова.

будь сочинить? Благосклонный читатель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги и что въ послѣдствіи не имѣлъ я случая приобрѣсти самъ собою то что было разъ упущено, до шестнадцати лѣтъ играя съ дворовыми мальчиками, а потомъ—переходя изъ губерніи въ губернію, изъ квартиры на квартиру, провождая время съ жидами да съ маркитантами, играя на ободранныхъ билліардахъ и маршируя въ грязи.

Къ тому же, быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосягаемо намъ непосвященнымъ, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ ли я надѣяться попасть когда нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней страсти моей къ Отечественной словесности.

Въ 1820 году еще юнкеромъ случилось мнѣ быть по казенной надобности въ П.Б.; я прожилъ въ немъ недѣлю и не смотря на то, что не было у меня тамъ ни одного знакомаго человѣка, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день тихонько ходилъ я въ театръ, въ галлерею 4-го яруса. Всѣхъ Актеровъ узналъ по имени, и страстно влюбился въ**, игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Амаліи въ драмѣ: Ненависть къ людямъ и раскаяніе. Утромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфетную лавку, и за чашкой шоколаду читалъ литературные журналы. Однажды сидѣлъ я углубленный въ критическую статью Благонамѣреннаго; нѣкто, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки тихонько потянулъ листокъ Гамбургской Газеты; я такъ былъ занятъ что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифштексу и сѣлъ передо мною; я все читалъ, не обращая на него вниманія; онъ между тѣмъ позавтракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ полбутылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей тутъ же завтракали. Знаешь ли, кто это былъ? сказалъ одинъ другому: это Б., сочинитель.—Сочинитель! воскликнулъ я

невольно—и, оставя журналъ недочитаннымъ и чашку недопитою, побѣжалъ расплачиваться и, не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотря во всѣ стороны, увидѣлъ я издали гороховую шинель и пустился по Невскому проспекту, только что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, чувствую вдругъ, что меня останавливаютъ; оглядываюсь, Гв[ардейскій] офицеръ замѣтилъ мнѣ что-де мнѣ слѣдовало не толкнуть его на тротуарѣ, но скорѣе остановиться и вытянуться.—Послѣ сего выговора я сталъ осторожнѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры, я поминутно останавливался, а сочинитель все уходилъ отъ меня внередъ.—Отроду моя солдатская шинель не была мнѣ столь тягостною—отроду эполеты не казались мнѣ столь завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель. Позвольте спросить, сказалъ я, приставя ко лбу руку, вы Г. Б., коего прекрасныя статьи имѣлъ я щастіе чигать въ Соревнователѣ Просвѣщенія? Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ: я не сочинитель, а стряпчій, но ** мнѣ очень знакомъ; четверть часа тому, я встрѣтилъ его у Полицейскаго моста.—Такимъ образомъ уваженіе мое къ р[усской] литературѣ стоило мнѣ 30 копѣекъ потерянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста—и все даромъ.

Не смотря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлаться писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь и рѣшился, съ твердымъ намѣреніемъ, наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ) были мною разобраны, оцѣнены, и я непремѣнно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ Отечественной исторіи. Недолго искалъ я себѣ героя—выбралъ Рюрика—и принялся за работу.

Къ стихамъ приобрѣлъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая тетрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: Критику на Московскій Бульваръ, на Прѣсненскіе пруды, Опаснаго сосѣда и т. п. Не смотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на третьемъ стихѣ. Я думалъ что эпическій родъ не мой родъ. И началъ трагедію Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратить ее въ балладу, но и баллада какъ то мнѣ не давалась. Наконецъ, вдохновеніе озарило меня, я началъ и благополучно окончилъ надпись къ портрету Рюрика.

Не смотря на то, что надпись моя была не вовсе недостойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодаго стихотворца, однакожъ я почувствовалъ, что я не рожденъ поэтомъ и довольствовался симъ первымъ опытомъ. Но творческія мои попытки такъ привязали меня къ литературнымъ занятіямъ, что я уже не могъ разстаться съ тетрадью и чернильницей.—Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняться предварительнымъ изученіемъ, разположеніемъ плана, скрѣпленіемъ частей и т. п., я вознамѣрился писать отдѣльныя мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ станутъ представляться. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумалъ я только слѣдующее замѣчаніе:

Человѣкъ, не повинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдовать внушеніямъ страстей, часто заблуждается и подвергаетъ себя позднему раскаянію.—Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая.—Оставя мысли, принялся за повѣсти; но, не умѣя съ непривычки разположить вымышленное произшествіе, я избралъ замѣчательные Анекдоты, нѣкогда мною слышанные отъ разныхъ особъ, и старался украсить истину живостью разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Составляя сіи повѣсти, мало-по-малу, образовалъ я свой слогъ и приучился выражаться правильно, пріятно и свободно.—Но скоро запасъ мой истощился, и я сталъ опять искать предмета для литературной моей дѣятельности.

Мысль оставить мѣлочные и сомнительные Анекдоты для повѣствованія истинныхъ и великихъ произшествій давно тревожила мое воображеніе. Быть судіею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя.—Но какую исторію могъ я написать съ моей жалкой образованностію, гдѣ бы не предупредили меня многоученые, добросовѣстные мужи! Какой родъ исторіи не истощенъ уже ими? Стану ли писать исторію всемірную—но развѣ не существуетъ уже безсмертный трудъ Аббата Милота? Обращусь ли къ исторіи отечественной? что скажу я послѣ Татищева, Болтина, Голикова? И мнѣ ли рыться въ лѣтописяхъ и добираться до

сокровеннаго смысла обвѣтшалаго языка, когда не могъ я выучиться славянскимъ цифрамъ? Я думалъ объ исторіи меньшаго объема—напр. объ исторіи губернскаго нашего города; но и тутъ сколько препятствій, для меня неодолимыхъ! Поѣздка въ городъ, визиты къ Губернатору и къ Архіерею, просьба о допущеніи въ Архивы и въ монастырскія кладовыя, и проч. Исторія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимательна ни для философа, ни для прагматика, и представляла мало пищи краснорѣчію. *** былъ переименованъ въ городъ въ 17** году, и единственное замѣчательное произшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ, есть ужасный пожаръ, случившійся 10 лѣтъ тому назадъ и истребившій базаръ и присутственныя мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакѣ, нашла старую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. — Ключница моя въ то самое время, какъ я, сидя за моей тетрадью, грызъ перо и думалъ объ опытѣ сельскихъ проповѣдей, съ торжествомъ втащила корзину въ мою комнату, радостно восклицая: книги! книги!—Книги! повторилъ я съ восторгомъ и бросился къ корзинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ.—Это было собраніе старыхъ календарей. Сіе открытіе охладило мой восторгъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все же это были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полтиною серебромъ.

Оставшись наединѣ, я сталъ разсматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они составляли непрерывную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799, т. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вплетаемые въ календари, были всѣ исписаны старинным почеркомъ. Брося взоръ на сіи строки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что онѣ заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственные щеты, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горюхина. Немедленно занялся я разборомъ драгоцѣнныхъ сихъ записокъ и вскорѣ нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей отчины, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неистощимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюденій. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ заняло меня исключительно, ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное.— Ознакомясь довольно съ драгоцѣнными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горюхина, и вскорѣ обиліе оныхъ изумило меня. Посвятивъ цѣлые 6 мѣсяцевъ на предварительное изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду—и съ помощію Божіею совершилъ оный сего Ноября 2 дня 1827 года. Нынѣ, какъ нѣкоторый мнѣ подобный историкъ, коего имени я не запомню, оконча свой трудный подвигъ кладу перо и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ что мною совершено. Кажется и мнѣ что написавъ исторію Горюхина, я уже не нуженъ міру что долгъ мой исполненъ и что пора мнѣ опочить!

Здѣсь прилагаю списокъ источниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горюхина:

I. Собраніе старинныхъ календарей моего (дѣдушки) 54 [55?] части. Первыя 20 частей исписаны старинным почеркомъ съ титлами. Лѣтопись сія сочинена прадѣдомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она отличается ясностію и краткостію слога: напримѣръ 4 мая снѣгъ. Тришка за грубость битъ. 6—корова бурая пала. Сенька за пьянство битъ. 8—погода ясная. 9—дождь и снѣгъ. Тришка битъ по погодѣ. 10-го—Тришка за пьянство битъ и тому подобное, безо всякихъ размышленій. 11—погода ясная, пороша; затравилъ 3 зайцевъ. — Остальныя 35 частей писаны разными почерками, большею частію такъ называемымъ лавочничьимъ. Съ титлами и безъ титловъ, вообще плодовито, несвязно и безъ соблюденія правописанія; кое-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сіе отдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись Горюхинскаго дьячка. Сія любопытная рукопись отыскана мною у моего попа, женатаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны и употреблены дѣтьми священника на такъ называемые змѣи. Одинъ изъ таковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хотѣлъ было возвратить дѣтямъ, какъ

замѣтилъ что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ строкъ увидѣлъ я, что змѣй составленъ былъ изъ лѣтописи. Къ щастію, успѣлъ спасти остальное. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною за четверть овса, отличается глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенности обязанъ Аграфенѣ Трифоновой, матери Авдея старосты, бывшей, говорятъ, любовницею прикащика Горбо[вицкаго].

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями прежнихъ старостъ (щетныя и разходныя книги) касательно нравственности и состоянія крестьянъ.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ВЪ ГРАВЮРАХЪ МАРТЫНОВА (1820-е годы).
(*Библіотека Академіи Художествъ*).

БАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА. Староста Трифонъ.

Основаніе Горюхина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданія гласятъ, что нѣкогда Горюхино было село богатое и обширное—что всѣ жители онаго были зажиточны—что оброкъ собирали единожды въ годъ и отсылали невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ.—Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не существовало; старосты никого не обижали; обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ.—Мы не должны обольщаться сею очаровательною картиною.—Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываетъ только что люди никогда не довольны настоящимъ и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаютъ невозвратимое минувшее всѣми цвѣтами своего воображенія. Вотъ что достовѣрно:

Село Горюхино издревле принадлежало знаменитому роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои владѣя многими отчинами, не обращали вниманія на сію отдаленную страну. Горюхино платило малую дань и управлялось старшинами, избираемыми народомъ на вѣче[ѣ], мірскою сходкою называемомъ.

Но въ теченіи этого времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Обѣднѣвшіе внуки богатаго дѣда не могли отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ—и требовали прежняго полнаго дохода отъ имѣнія, въ десять кратъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Староста читалъ ихъ на вѣчѣ; старшины витійствовали, міръ волновался—а Господа, вмѣсто двойного оброку, получали скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошемъ.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ ВЪ ГРАВЮРАХЪ МАРТЫНОВА (1820-е гг.).
(*Библіотека Академіи Художествъ*).

Мрачная туча висѣла надъ Горюхинымъ, а никто объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ властвованія Трифона, послѣдняго старосты, народомъ избраннаго, въ самый день хромового праздника, когда весь народъ иль шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчіи именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни Архипа Лысова, въѣхала въ село плетеная крытая бричка, заложенная парою клячь, едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ; а изъ брички высунулась голова въ куртузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смотрѣла на веселящійся народъ.—Жители встрѣтили повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками (NB. Свернувъ трубкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ еврейскимъ возницею и возклицали смѣхотворно: *Жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо!... Лѣтопись горюхинскаго дьячка*). Но сколь изумились они, когда бричка остановилась посреди села и когда пріѣзжій, выпрыгнувъ изъ нее, повелительнымъ голосомъ потребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое старшинъ почтительно вывели его подъ руки.—Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдея съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать, мецъ посмотрѣлъ на него грозно, подалъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедленно. Староста былъ неграмотенъ. Старосты горюхинскіе имѣли обыкновеніе никогда ничего сами не читать. Послали за земскимъ Авдеемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ переулкѣ подъ заборомъ, и привели къ незнакомцу. Но или отъ внезапнаго испуга, или отъ горестнаго предчувствія, буквы письма четко написаннаго, но показались ему отуманенными и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать.—Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдея съ ужаснымъ проклятіемъ отославъ спать,

отложилъ чтеніе письма до завтрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ понесъ за нимъ его маленькій чемоданъ.

Горюхинцы съ безмолвнымъ изумленіемъ смотрѣли на сіе необыкновенное произшествіе; но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты. День кончился шумно и весело—и Горюхино заснуло, не предвидя, что́ ожидало его...

Съ восходомъ утренняго солнца жители были пробуждены стукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане одинъ за другимъ явились на дворъ приказной избы, служившій вѣчевою площадію. Глаза ихъ были мутны и красны, лица опухлы; они зѣвая и почесываясь, смотрѣли на человѣка въ картузѣ, въ старомъ голубомъ кафтанѣ, важно стоявшаго на крыльцѣ приказной избы—и старались припомнить себѣ черты его, когда-то ими видѣнныя.—Староста и земскій А[вдей] стояли подлѣ него безъ шапокъ съ видомъ подобострастія и глубокой горести.—Всѣ ли здѣсь, спросилъ незнакомецъ.—Всѣ ли-ста здѣсь? повторилъ староста.—Всѣ-ста, отвѣчали граждане,—тогда староста объявилъ, что отъ барина получена грамота, и приказалъ земскому прочесть ее во услышаніе міра. — Авдей выступилъ и громогласно прочелъ слѣдующее. (NB. Грамоту грозновѣщую сію списалъ я у Трифона старосты я не могъ само (?) отыскать себѣ любопытнаго письма; у него же хранилася она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памятниками владычества его надъ Горюхинымъ).

Трифонъ Ивановъ!

Вручитель письма сего, повѣренный мой **, ѣдетъ въ отчину мою село Горюхино для поступленія въ управленіе онаго.—Немедленно по его прибытію собрать мужиковъ и объявить имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего ** имъ мужикамъ слушаться какъ моихъ собственныхъ, и все, чего онъ потребуетъ, исполнять безпрекословно, въ противномъ случаѣ имѣетъ онъ ** поступать съ ними со всевозможною строгостію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и твое, Трифонъ Ивановъ, плуговское потворство.

Подписано: N. N.

Тогда ** растопыря ноги на подобіе хера и подбоченясь на подобіе ферта—произнесъ слѣдующую краткую и выразительную рѣчь: Смотрите-жъ вы у меня не очень умничайте—вы, я знаю, народъ избалованный; да я, небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля ни въ одной головѣ уже не было, и горюхинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

Правленіе прикащика **.

** принялъ празды правленія. Онъ потребовалъ опись крестьянамъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей политической системы. Она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая Аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе—чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе.—Вслѣдствіе сего ** старался о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недоимки были разложены на всѣхъ зажиточныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною строгостію.—2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню—если же, по его разсчетамъ, трудъ ихъ оказывался недостаточнымъ, то онъ отдавалъ ихъ въ батраки другимъ крестьянамъ, за что сіи платили ему добровольную дань, а отдаваемые въ холопство имѣли полное право откупаться—заплатя сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общественная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ.—Рекрутство же было торжествомъ корыстолюбивому правителю, ибо отъ онаго по очереди откупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мірскія сходки были уничтожены.—Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглой годъ сряду. Мужики, кажется, платили и не слишкомъ болѣе противу прежняго, но никакъ не могли ни наработать, ни накопить достаточно денегъ. Въ 3 года Горюхино совершенно обнищало. Сверхъ того завелъ онъ печальные сборы. Горюхино пріуныло, базаръ запустѣлъ, пѣсни АрхипаЛысова умолкли. Половина мужиковъ была на пашнѣ, другая служила въ батракахъ; ребятишки пошли по міру — и день храмового праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горестнаго.

Донесенія горюхинскаго лѣтописца.

Посадилъ окаянный прикащикъ Антона Тимоѳеева въ желѣзы—а старикъ Тимоѳей

сына откупилъ за 100 руб.; а прикащикъ заковалъ Петрушку Еремѣева, и того откупилъ отецъ за 68 руб. и хотѣлъ окаянный сковать Леху Тарасова, но тотъ бѣжалъ въ лѣсъ—и прикащикъ о томъ весьма крушился и свирѣпствовалъ во словесахъ; а отвезли въ городъ и отдали въ рекруты Ваньку пьяницу.

[ВРЕМЕНА ИСТОРИЧЕСКІЯ].

(Страна (Горюхинымъ называемая, по имени столицы своей, число жителей простирается до 63 душъ) занимаетъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десятинъ. Къ сѣверу граничитъ она съ деревнями Дернуховомъ и Перкуховомъ (коего обитатели бѣдны, тощи и малорослы, а владѣльцы преданы воинственному упражненію заячьей охоты); къ югу рѣка Сивка отдѣляетъ ее отъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ—сосѣдей безпокойныхъ, извѣстныхъ буйною жестокостію нравовъ; къ западу облегаютъ ее цвѣтущія поля Захарьинскія, благоденствующія подъ властію мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ—къ востоку примыкаетъ она къ дикимъ, необитаемымъ мѣстамъ, къ непроходимому болоту, гдѣ произрастаетъ одна клюква, гдѣ раздается лишь однообразное кваканіе лягушекъ, и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ быть обиталищу нѣкоего бѣса.

NB. Сіе болото и называется Бѣсовскимъ. Разсказываютъ, будто одна полоумная пастушка стерегла стадо свиней не далече отъ сего уединеннаго мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая. Гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса, но сія сказка недостойна вниманія историка, и послѣ Нибура непростительно было бы этому вѣрить.

Издревле Горюхино славилось своимъ плодородіемъ и благорастворенным климатомъ. На тучныхъ его нивахъ рожь, овесъ, ячмень и грѣчиха родятся. Березовая роща и еловой лѣсъ снабжаютъ обитателей деревьями и валежникомъ на постройку и отопку жилищъ. Нѣтъ недостатка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ, черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные въ сметанѣ представляютъ они принятую, хотя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горюхина большею частію росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины отличаются носами... [поднятыми?] нѣсколько... [вверхъ?] выпуклыми скулами и дородностію.

NB. Баба здоровенная. Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старосты къ Ревижскимъ сказкамъ.

Мущины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околодкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію піянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мущинами большую часть ихъ трудовъ; и не уступятъ имъ въ отважности, рѣдкая изъ нихъ боится старосты. [Онѣ составляютъ мощную общественную стражу, неусыпно бодрствующую на барскомъ дворѣ, и называются копейщицами (отъ словенскаго слова копье)]. Главная обязанность копейщицъ—какъ можно чаще бить камнемъ въ чугунную доску и тѣмъ устрашать злоумышленіе. Онѣ столь же цѣломудренны, какъ и прелестны; на покушенія дерзновеннаго отвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Г[орюхина] издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лаптями. Сему способствуетъ рѣка Сивка, черезъ которую весною переплавляются они на челнокахъ подобно древнимъ Скандинавамъ, а прочее время года переходятъ въ бродъ, предварительно засучивъ портки до колѣнъ.

Языкъ Горюхинскій есть рѣшительно отрасль славянскаго, но столь же разнится отъ него, какъ и Русской. Онъ исполненъ сокращеніями и усѣченіями — нѣкоторые звуки вовсе въ немъ уничтожены или замѣнены другими. Однакожъ Россіянину легко понять Горюхинца и обратно.

Мущины женятся обыкновенно на 13-мъ году на дѣвицахъ 20-лѣтнихъ. Жены

били своихъ мужей въ теченіе 4 или 5 лѣтъ. Послѣ чего мужья уже начинали бить женъ; и такимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ. Въ самый день смерти покойника относили на кладбище, дабы мертвой въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣста. Отъ сего случалось, что, къ неописанной радости родственниковъ, мертвецъ чихалъ или зѣвалъ въ ту самую минуту, какъ его выносили въ гробѣ за околицу. Жены оплакивали мужьевъ, воя и приговаривая: «свѣтъ, моя удалая головушка, на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-то мнѣ тебя поминати?»—При возвращеніи съ кладбища начиналась тризна въ честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны по 2—3 дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Сіи древніе обряды сохраняются и понынѣ.

Одежда Горюхинцевъ состояла изъ рубахи надѣваемой сверхъ портокъ, что есть отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія. Зимою носили они овчинные тулупы, но болѣе для красы, нежели изъ настоящей нужды—ибо тулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія.

Науки, искуства и поэзія издревле находились въ Горюхинѣ въ довольно цвѣтущи[е]мъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ, всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Терентьѣ, жившемъ около 1767 года умѣвшемъ писать не только правой, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человѣкъ прославился въ околодкѣ сочиненіемъ всякаго роду писемъ, челобитныхъ, партикулярныхъ пашпортовъ и т. п. Неоднократно пострадавъ за свое искуство, услужливость и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ произшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ приучался писать правою ногою, ибо почерки обѣихъ рукъ—были уже слишкомъ извѣстны.—Онъ играетъ (какъ читатель увидитъ послѣ) важную роль въ исторіи Горюхина.

Музыка была всегда любимое искуство образованныхъ Горюхинцевъ; балалайка и волынка, услаждая чувство и сердце, и понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою и изображеніемъ двуглаваго орла.

Поэзія нѣкогда процвѣтала въ древнемъ Горюхинѣ. Донынѣ стихотворенія Архипа Лысова сохранились въ памяти потомства. (Сіи пѣсни заимствованы большею частью изъ русскихъ, сочиненныхъ солдатами-писателями и боярскими слугами, но приноровленныхъ очень искусно къ нравамъ горюхинскимъ и къ различнымъ обстоятельствамъ). Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Бирки въ пазухѣ несетъ,
Боярину подаетъ;
А боринъ смотритъ,
Ничего не смыслитъ.
Ахъ ты, староста Акимъ:
Обокралъ боярь кругомъ,
Село по міру пустилъ,
Старостиху подарилъ.

Въ нѣжности не уступятъ они эклогамъ извѣстнаго Виргилія; въ красотѣ воображенія далеко превосходятъ они идилліи Г-на Сумарокова. И хотя въ щеголеватости слога и уступаютъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ Музъ, но равняются съ ними затѣйливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горюхинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно поперемѣнно находилось подъ властію старшинъ, выбранныхъ міромъ, прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образовъ правленія будутъ развиты мною въ теченіе моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горюхина и съ нравами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію...

«ИСТОРІЯ СЕЛА ГОРЮХИНА».

I.

«Исторія села Горюхина»—произведеніе въ высшей степени любопытное и въ значительной степени даже загадочное.

Начатое въ 1830 году, въ Болдинѣ же, оно между тѣмъ ничего общаго не имѣетъ съ основными мотивами творчества Пушкина за этотъ періодъ—съ тѣми мотивами, которые, какъ мы пытались доказать въ нашей работѣ о «Повѣстяхъ Бѣлкина», варьируются на различные лады, то трагическіе (въ «Маленькихъ трагедіяхъ»), то комическіе (въ «Повѣстяхъ»):

Внѣшняя форма пародіи, обиліе и сложность мотивовъ, ее проникающихъ, масса бытовыхъ деталей деревенской жизни и, наконецъ, ея незаконченность, приводятъ въ недоумѣніе многихъ изслѣдователей. Изъ нихъ одни, смутно чуя въ ней что-то необыкновенное, небывалое, расточаютъ ея творцу много лестныхъ похвалъ, но ничего не говорятъ по существу—таковы Анненковъ, Бѣлинскій и Аполлонъ Григорьевъ. Другіе же, совершенно обходя содержаніе, удѣляютъ главное вниманіе формѣ ея, стараясь отгадать, кого именно Пушкинъ «пародируетъ» въ ней, кого онъ такъ жестоко преслѣдуетъ въ лицѣ «историка»-Бѣлкина. Таковы Страховъ и его послѣдователи, считающіе ее пародіей на искусственный стиль и ложныя формы «Государства Россійскаго» Карамзина (смотри его замѣтки о Пушкинѣ, стр. 27—32); таковъ и г. Черняевъ, усматривающій въ ней скорѣе насмѣшку надъ Полевымъ и Каченовскимъ (Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Харьковъ 1900.). Правда, г. Черняевъ пытается подойти къ «Исторіи села Горюхина» и со стороны содержанія; но и его цѣнныя замѣчанія тонутъ въ полемикѣ со Страховымъ, якобы незаслуженно оскорбившимъ отъ имени Пушкина тѣнь Карамзина, да въ параллеляхъ между «Исторіей Горюхина» и «Исторіей русскаго народа» Полевого.

Критика, такимъ образомъ, очень мало сдѣлала для выясненія основной идеи этого, по выраженію Бѣлинскаго, литературнаго перла. Выясненіе же этой идеи затрудняется еще тѣмъ, что въ «Исторіи» Пушкинъ старательно затушевываетъ свою личность, дѣйствительно переодѣвается въ Бѣлкина, смотритъ на жизнь его глазами, разсказываетъ о самыхъ ужасныхъ явленіяхъ его невозмутимымъ тономъ спокойнаго «историка, наблюдателя и пророка вѣковъ и народовъ» и пропускаетъ все, о чемъ идетъ рѣчь, сквозь его простую душу, почти никогда не обнаруживая за его спиной своего присутствія. Получается безусловная, художественная мистификація, весьма искусно гримирующая личность творца, но не менѣе искусно затушевывающая центральную идею этого произведенія.

Если ко всему этому еще прибавить, что нѣтъ почти никакихъ фактическихъ данныхъ, которыя могли бы бросить хоть слабый свѣтъ на мотивы и цѣли, которыми руководствовался художникъ, то ясна станетъ безвыходность положенія изслѣдователя. И ему по необходимости остается только гадать, ограничиваться одними только болѣе или менѣе правдоподобными соображеніями психологическаго свойства.

II.

Нѣтъ сомнѣнія, что форма пародіи, въ которую Пушкинъ хотѣлъ облечь свою «Исторію села Горюхина», не случайна. Она безусловно была подсказана ему сильнымъ желаніемъ посмѣяться надъ кѣмъ-то и зло посмѣяться. Можетъ быть онъ дѣйствительно хотѣлъ «пародировать» Карамзина или Полевого, а можетъ быть онъ имѣлъ въ виду и иныхъ современныхъ ему

историковъ и просто писателей, съ «ученымъ видомъ знатока» отстаивающихъ старыя, набившія уже оскомину истины, выдавая ихъ за новыя, и важно опровергающихъ никѣмъ не поддерживаемыя или давно уже отвергнутыя ложныя мнѣнія? Ниже мы остановимся на этомъ вопросѣ. Но какъ бы ни была своеобразна эта форма и какую бы роль она ни играла, мы все же не сумѣемъ постичь чрезвычайно сложный творческій процессъ Пушкина въ этомъ произведеніи, если будемъ исходить только изъ нея. Намъ думается, что художнику прежде всего являются образы и ихъ взаимоотношенія, словомъ то, что составляетъ сущность содержанія, а потомъ уже соотвѣтствующая форма, которая, конечно, можетъ еще видоизмѣняться подъ вліяніемъ различныхъ второстепенныхъ мотивовъ, нѣсколько осложняющихъ и само содержаніе.

Вотъ почему намъ кажется, что мы поступимъ правильнѣе, если изберемъ обратный путь—если, *исходя изъ содержанія*, будемъ слѣдить за тѣмъ, какъ оно постепенно растетъ, осложняется и, впитывая въ себя самые разнообразные мотивы, выливается въ концѣ въ загадочную форму пародіи.

Въ этомъ отношеніи можетъ быть слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, что «Исторія села Горюхина» написана въ Болдинѣ, въ разоренномъ имѣніи отца поэта, Сергѣя Львовича Пушкина, извѣстнаго своими сибаритскими привычками и неумѣньемъ вести хозяйство, къ которому относился съ полнымъ пренебреженіемъ. Можетъ быть именно эта деревня и служила художнику натурой, съ которой списывалъ житье-бытье горюхинцевъ?

Въ «Исторіи» имѣется нѣсколько деталей, наводящихъ на мысль о томъ, что Пушкинъ находился во власти родныхъ картинъ и личныхъ воспоминаній, когда писалъ ее. Такъ, разсказъ Бѣлкина о своемъ возвращеніи въ Горюхино и о той трогательной встрѣчѣ, которую устроили ему дворовые, безусловно воспроизводитъ тѣ радостныя минуты, какія переживалъ Пушкинъ, когда пріѣзжалъ въ Михайловское. Въ письмѣ къ Вяземскому отъ 9-го ноября 1829 года онъ пишетъ: «. . . деревня мнѣ пришлась какъ-то по сердцу... Ты знаешь, что я не корчу чувствительности, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни—ей Богу пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и проч.»...

Возможно, что и для Архипа Лысаго Пушкинъ пользовался готовой моделью среди многочисленной дворни отца, выдѣлявшей изъ себя и баллодописцевъ и стихотворцевъ.

Вполнѣ возможно, что Пушкинъ имѣетъ въ виду своего отца, когда въ «баснословныхъ временахъ» говоритъ о тѣхъ «внукахъ богатыхъ дѣдовъ, которые, не умѣя отвыкнуть отъ своихъ роскошныхъ привычекъ, требовали полные доходы отъ имѣнія въ десять кратъ уже уменьшившагося».

Такимъ образомъ можно, пожалуй, думать, безъ особаго риска ошибиться, что именно бытъ, образъ жизни и нравы болдинцевъ и послужили первымъ побудительнымъ мотивомъ для созданія «Исторіи», что именно въ Болдинѣ онъ черпалъ свѣжія краски для изображенія «горюхинцевъ». Вѣдь надо помнить, что Пушкинъ почти всегда исходитъ изъ реальной дѣйствительности—почти всегда *живые образы* претворяетъ въ свои многообъемлющіе національные или общечеловѣческіе типы.

Но какъ истый геніальный художникъ, Пушкинъ никогда не довольствуется изображеніемъ данной конкретной картины,—онъ всегда въ малой каплѣ ищетъ отраженія всего солнца, въ данномъ конкретномъ образѣ—чертъ характерныхъ для цѣлой исторической полосы, для цѣлаго класса или націи. У него всегда типы—символы, поражающіе своей обобщающей силой.

Вотъ почему онъ и здѣсь поднимается надъ бытомъ и, черпая изъ него матеріалъ, творитъ картину, въ которую укладывается вся деревенская Россія Николаевской эпохи, создаетъ великій символъ, подъ который можно подвести любой уголокъ закрѣпощенной родины. Мы вѣдь ясно ощущаемъ, какъ рамки данной конкретной жизни раздвигаются, мѣстныя краски испаряются и собственныя имена превращаются въ нарицательныя.

Можетъ быть здѣсь, въ Болдинѣ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ крестьянскаго безправія, вновь вспыхнули его прежніе политическіе идеалы, которые тлѣли въ его душѣ и въ Николаевскую эпоху? Можетъ быть онъ своей «Исторіей» только лишній разъ доказываетъ, что всегда оставался вѣренъ своимъ завѣтнымъ стремленіямъ, которыя онъ выразилъ съ такою мощью въ молодые годы въ стихотвореніи «Деревня», проникнутомъ чувствомъ глубокаго негодованія на крѣпостное право.

Пушкину ясна была необходимость осво-

божденія крестьянъ и тогда, когда многіе политическіе дѣятели изъ среды декабристовъ относились еще довольно холодно къ крестьянскому вопросу. Такъ еще въ 1822 г. онъ писалъ: «нынче наша политическая свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ».

И можетъ быть, тотъ, кто заговорилъ раньше другихъ о великой идеѣ свободы, замолчалъ *послѣднимъ*...

С. А. Венгеровъ, свѣряющій Пушкинскій текстъ съ его рукописями, хранящимися въ Румянцевскомъ музеѣ, открылъ одну, кажись, маловажную деталь—вмѣсто Горохино слѣдуетъ читать «Горюхино», но это одна изъ тѣхъ счастливыхъ деталей, которыя иногда бросаютъ цѣлый снопъ свѣта на весь характеръ и смыслъ произведенія.

Какъ ни явно изъ содержанія, что Пушкинъ символизируетъ въ «Исторіи» всю Россію, все же названіе «Горохино» отдаетъ чѣмъ-то смѣшнымъ, несерьезнымъ. «Горюхино» же сразу говоритъ за то, что художникъ вкладываетъ здѣсь серьезный общественный смыслъ, что онъ смотритъ дальше быта, что онъ рисуетъ не случайную картину случайныхъ людей, заброшенныхъ въ отдаленный уголокъ, а широкій фонъ, на которомъ умѣщается вся Россія.

Въ этомъ отношеніи самой замѣчательной является центральная часть «Исторіи», носящей названіе «Баснословныя времена»,— та часть, гдѣ Бѣлкинъ порою сбивается съ своего неестественнаго повышеннаго тона и начинаетъ разсказывать простымъ языкомъ Пушкинской прозы. Можетъ быть, «Баснословныя времена» и *есть то ядро, откуда* исходитъ художникъ, и къ которому потомъ уже, при осложненіи содержанія иными мотивами, присоединяется автобіографія Бѣлкина и «времена историческія»—разсчитанныя главнымъ образомъ на пародію?

«Темныя преданія гласятъ»—наивно и простодушно разсказываетъ Бѣлкинъ, въ «Баснословныхъ временахъ»,—что «нѣкогда приказчиковъ не существовало; старосты никого не обижали, обитатели работали мало, а жили припѣвая, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ»... Но мы не должны обольщаться этой очаровательной картиной —« это не болѣе, какъ миѳа, свидѣтельствующая только о томъ, что люди не довольны настоящимъ и украшаютъ невозвратимое минувшее цвѣтами своего воображенія», ибо «на будущее *по опыту* у нихъ мало надежды», такъ какъ опытъ говоритъ, что 4-го мая былъ битъ Тришка, 6-го Сенька, 9-го опять Тришка и т. д. безъ конца.

А «вотъ что достовѣрно»—и достовѣрно не для одного только Горюхина, а для большей части тогдашней крѣпостной Россіи—что въ теченіе извѣстнаго времени родовыя имѣнія раздроблялись, приходили въ упадокъ, а «обѣднѣвшіе внуки богатыхъ дѣдовъ, не умѣя отвыкнуть отъ роскошныхъ своихъ привычекъ, требовали прежніе полные доходы отъ имѣнія въ десять кратъ уже уменьшившагося», а это неминуемо должно было привести къ полному разоренію крестьянъ, къ все болѣе возраставшей ненависти между господами и рабами и къ усиленнымъ репрессіямъ со стороны первыхъ.

Достовѣрно и то, что въ любомъ уголкѣ Россіи жизнь мужика опредѣлялась капризной прихотью, можетъ быть даже и не плохихъ по характеру Бѣлкиныхъ, изъ туманнаго далека диктовавшихъ свою волю черезъ намѣстниковъ, въ просторѣчьи приказчиками именуемыхъ, которые понимали эту волю по своему.

И всюду приказчики имѣли свои особыя «политическія системы», главнымъ основаніемъ которыхъ служила слѣдующая аксіома: «чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе. Вслѣдствіе сего надо стараться о смирности вотчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели». А эта «аксіома вездѣ» должна была привести къ тому, что села «Горюкины» въ нѣсколько лѣтъ совершенно обнищали, базары пустѣли и пѣсни Архиповъ Лысыхъ умолкали.

На фонѣ такого безправія и нищеты мужикъ дичалъ, превращался въ тупое и покорное животное, безмолвно принимающее удары своего хозяина. И «граждане»—разсказываетъ дальше «историкъ»—на внезапныя бѣды, сотрясавшіяся на ихъ головы въ образѣ «человѣка въ картузѣ и въ старомъ голубомъ кафтанѣ отвѣчали» безсмысленнымъ почесываніемъ затылковъ, а послѣ грозныхъ окриковъ въ родѣ: «небось, выбью дурь изъ вашихъ головъ», опускали носы и «съ ужасомъ расходились по домамъ».

И не въ одномъ только Горюхинѣ, а всюду, въ дни и часы досуда или праздниковъ народъ «шумно окружалъ увеселительное зданіе (кабакомъ въ просторѣчіи именуемое)» напивался до потери сознанія и засыпалъ «гдѣ-нибудь въ переулкахъ за заборами».

Дикимъ и озлобленнымъ, имъ иногда

сильно хотѣлось на комъ-нибудь выместить свою злобу, и тогда съ сладострастной жестокостью отупѣвшаго раба безумно глумились надъ существомъ, еще болѣе безправнымъ, чѣмъ они, будь это измученная рабочая лошадь или на козлахъ сидящій «оборванный жидъ».

Такова картина быта и нравовъ горюхинцевъ. Кажись, она вовсе не сложная: схвачено всего нѣсколько чертъ и то, повидимому, не очень ярко; во всякомъ случаѣ художникъ съ своей стороны дѣлаетъ все возможное, чтобы она вышла какъ нельзя проще и наивнѣе. А между тѣмъ вы явно чувствуете, что рѣчь идетъ не о «странѣ, занимающей на земномъ шарѣ не болѣе 240 десятинъ», а объ огромномъ, пугающемъ своей безбрежностью государствѣ-чудовищѣ, простирающемся «отъ пламенной Калхиды до хладныхъ финскихъ скалъ», отъ никогда не замерзающаго Чернаго моря до покрытаго вѣчнымъ льдомъ Сѣвернаго океана.

Чтобы рельефнѣе стало, что здѣсь виноваты не данныя конкретныя условія, что это не какое-нибудь исключительное мѣсто, а символъ всей Россіи, художникъ дѣлаетъ хозяиномъ этого разореннаго гнѣзда тихаго и безобиднаго Бѣлкина, который самъ не знаетъ и не понимаетъ, что творится за его спиной. Здѣсь, повидимому, меньше всего проявляется чья-нибудь злая воля, которая можетъ быть обуздана.

Вѣдь Бѣлкинъ не принадлежитъ къ тѣмъ внукамъ богатыхъ дѣдовъ, которые, «не умѣя отказаться отъ своихъ роскошныхъ привычекъ, требуютъ прежніе полные доходы отъ имѣнія въ десять кратъ уже уменьшившагося». «Тихій кроткій и честный», онъ ведетъ жизнь самую умѣренную, «избѣгаетъ всякаго рода излишествъ, никогда не бываетъ навеселѣ», и, обладая «стыдливостью истинно дѣвической», не возится съ женщинами, хотя къ «женскому полу имѣетъ великую склонность».

Мечтатель, онъ совершенно далекъ отъ прозы жизни, отъ пошлой обыденщины. Съ неподражаемымъ юморомъ разсказывается, какъ онъ величественно храпитъ въ своемъ стулѣ въ ту самую минуту, какъ сосѣдъ «своими разысканіями и строгими допросами приводитъ въ крайнее замѣшательство плута старосту и къ совершеному безмолвію принуждаетъ»; поручаетъ управленіе села «старой своей ключницѣ, пріобрѣтшей его довѣренность искусствомъ разсказывать исторіи», отмѣняетъ барщину и учреждаетъ «весьма умѣренный оброкъ». Можетъ быть, здѣсь сказывается даже не одна безпечность, а нѣчто другое, болѣе глубокое. Можетъ быть, Бѣлкинъ принадлежитъ даже къ типу тѣхъ прогрессивныхъ молодыхъ дворянъ, которые не безъ доли идейности «тяжелой барщины яремъ оброкомъ легкимъ замѣняли». Говоритъ же его біографъ, Ненарадовскій помѣщикъ, что его «слабость и пагубное нерадѣніе» — обще всѣмъ «молодымъ нашимъ дворянамъ».

Спрашивается, виновата ли такая добрая душа во всемъ томъ, что творится въ его деревнѣ, что хозяйство разорено, что староста плутуетъ, что крестьяне нищаютъ. Вѣдь онъ тутъ рѣшительно не при чемъ.

Чистъ онъ и неповиненъ, какъ славный его собратъ, Маниловъ, у котораго крестьянскія избы частью покосились, частью совсѣмъ заколочены, а мужики почти нищенствуютъ.

Добрые, они вѣдь такъ тепло и такъ трогательно относятся къ людямъ. Маниловъ мечтаетъ о тихой и интимной жизни съ своимъ лучшимъ другомъ, съ которымъ онъ могъ бы въ укромной бесѣдкѣ вести нескончаемые разговоры о самыхъ возвышенныхъ матеріяхъ. А Бѣлкинъ приходитъ въ необыкновенное волненіе при видѣ бурой коровы, которая «паслась на некошенномъ лугу», мужиковъ, бывшихъ когда-то его потѣшными мальчиками и замужнихъ бабъ, которыя нѣкогда, будучи еще дѣвчонками, сидѣли «на полу для посылокъ». Нѣтъ, имъ обоимъ неизвѣстны ни корысть, ни злоба; и съ нихъ вина совершенно снимаются.

Сентиментальные, лѣнивые и безпечные, они, вѣдь, совершенно не вмѣшиваются въ жизнь, предоставляя ее собственному теченію, которое направляется всей этой ужасной «россійской дѣйствительностью», не ими созданной и не ими творимой.

Но Бѣлкинъ не только Маниловъ, но отчасти и Тентетниковъ. И онъ сладко грезитъ о чемъ-то возвышенномъ, постоянно почти пребывая въ атмосферѣ несбыточныхъ мечтаній и «возвышенныхъ» идеаловъ. Какъ ни комично его пристрастіе къ литературѣ, но все же трогаетъ насъ своей искренностью и наивной простотой. Пусть онъ страдаетъ зудомъ писательства, пусть говоритъ въ немъ довольно громко тщеславіе, все же, поскольку онъ далекъ отъ обыденщины, поскольку онъ

испытываетъ даже суевѣрное благоговѣніе предъ отечественной словесностью, которой приноситъ въ жертву всѣ свои матеріальныя блага, онъ человѣкъ высшаго порядка и вовсе не причастенъ къ тому вѣковому злу, которое снѣдало тѣло русскаго государства.

«Боже, какъ грустна наша Россія»,—произнесъ Пушкинъ съ глубокой тоской, когда Гоголь прочелъ ему первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ», для которыхъ «Исторія села Горюхина» является геніальнымъ предначертаніемъ, полнымъ той же неизбывной тоски, того же смѣха сквозь незримыя слезы.

«Исторія села Горюхина» не сатира, а глубокая, полная невыразимой грусти, иронія надъ всей Россіей, надъ всей этой огромной деревней «Горюхинымъ», гдѣ крестьянскія избы зимой почти до крышъ занесены снѣгомъ, гдѣ волки въ глухую долгую ночь тоскливо воютъ подъ окномъ, гдѣ печаль топятъ въ отвратительной водкѣ, гдѣ въ горѣ не плачутъ, а только тупо почесываютъ затылки, если не спины...

Скорби полна эта иронія: она не отравлена жгучимъ ядомъ земного, слишкомъ земного сатирическаго гнѣва, а проникнута глубокой жалостью къ человѣку, той жалостью, которая такъ характерна для юмора. Съ доброй усмѣшкой, почти спокойно, какъ истый мудрецъ, Пушкинъ разсказываетъ то, что ему одному было видно,—разсказываетъ безъ тѣни одобренія или порицанія кому бы то ни было. Онъ просто рисуетъ. Вѣдь онъ всегда таковъ. Онъ никогда никого не обвиняетъ и не осуждаетъ,— онъ постигаетъ. Онъ только пытливо вглядывается въ окружающую жизнь, подходя къ ней съ совершенно инымъ масштабомъ, чѣмъ нашъ, глядя на нее съ точки зрѣнія высшей, ему одному открытой правды.

Щедринъ заимствовалъ форму «Исторіи села Горюхина» для своей «Исторіи одного города»; и онъ вначалѣ старался даже поддѣлываться подъ стиль Бѣлкина. Но какая огромная разница въ манерѣ, въ тонѣ и отношеніи къ изображеннымъ лицамъ!

Щедринъ полонъ жгучей ненависти ко всѣмъ: и къ дикимъ въ своей жестокости правителямъ, и къ тупымъ въ своей покорности опекаемымъ «глуповцамъ». Негодуя, онъ обжигаетъ пламенемъ своего возмущеннаго сердца даже самаго незлобиваго читателя, страстно зоветъ на борьбу во имя извѣстныхъ политическихъ идеаловъ, гнѣвно нападая на своихъ враговъ, на все то, что мѣшаетъ ихъ скорому осуществленію. Онъ не знаетъ чувства жалости, и не любовь онъ будитъ, а ту святую ненависть, которая не должна знать пощады въ борьбѣ. Такъ поступаетъ сатирикъ, который весь въ жизни, который распредѣляетъ людей и явленія по категоріямъ добра и зла, сортируетъ ихъ на правыхъ и виноватыхъ, принимая, конечно, сторону правыхъ.

Пушкину чужда злобная сатира; ему вѣдомъ только юморъ. Онъ всегда смотритъ дальше и глубже; ему открыты иныя, болѣе вѣчныя цѣнности. Вотъ почему все моментное, преходящее не волнуетъ его такъ страстно и не будитъ въ немъ слѣпой ненависти.

Поднимаясь выше классовыхъ или групповыхъ интересовъ, обнимая своимъ проникновеннымъ взоромъ всю жизнь въ ея цѣломъ, онъ постигаетъ то, что творится за видимыми ея формами, постигаетъ истинную причину вещей, въ которыхъ виноваты не правители и не подчиненные—наоборотъ, они одинаково достойны сожалѣнія, а весь складъ жизни, вѣковые устои русскаго государства.

Въ этой то всезахватывающей шири задуманной художникомъ картины русской жизни, въ этой то ужасающей правдѣ, разсказанной простодушнымъ тономъ Бѣлкина, не задающагося никакими общественно-политическими цѣлями—въ гнетущей своей безысходностью правдѣ, служащей самымъ грознымъ осужденіемъ крѣпостному праву, и заключается, несомнѣнно, главный смыслъ и значеніе «Исторіи села Горюхина».

III.

Выше мы сказали, что въ незаконченной «Исторіи» своей Пушкинъ пытался стать выше классовыхъ или групповыхъ интересовъ и нарисовать широкую, всеохватывающую картину Россіи Николаевской эпохи—картину, въ которой фономъ являлся бы крѣпостной бытъ. «Исторія», такимъ образомъ, должна была бы прозвучать неслыханнымъ укоромъ вѣковымъ устоямъ русской жизни, грознымъ осужденіемъ всему ея укладу.

Думается, что это одно могло уже заставить Пушкина старательно скрываться, пользоваться своеобразнымъ, въ своемъ родѣ весьма изящнымъ, езоповскимъ язы-

комъ, въ которомъ слабѣе всего звучали бы субъективныя нотки, меньше всего отражалась бы доподлинная личность его. Вліяніе Бенкендорфщины могло сказаться даже безсознательно: не то, чтобы поэтъ намѣренно прятался за-чьей либо спиной, а ему просто не приходила на умъ откровенная форма, въ которой онъ могъ бы говорить за себя. Вотъ почему, быть можетъ, онъ заставляетъ разсказывать эту «исторію» Бѣлкина, самъ же ограничивается ролью посторонняго слушателя. Тѣмъ болѣе роль эта вполнѣ подходитъ для него, какъ художника юмориста, глядящаго на жизнь нѣсколько издалека и не пылающаго страстнымъ гнѣвомъ, толкающимъ сатирика на постоянное вмѣшательство въ ходъ событій и на порою надоѣдливыя вставки и примѣчанія, которыми изобилуетъ, напримѣръ, «Исторія одного города» Щедрина.

Мы теперь подходимъ къ тому моменту, когда содержаніе осложняется, впитываетъ новые элементы, нѣсколько даже чуждые своему основному характеру. Зная Бѣлкина изъ письма Ненарадовскаго помѣщика и изъ его автобіографіи, какъ человѣка тихаго, скромнаго и стыдливаго, мы ожидали бы услышать изъ его устъ простой и наивный разсказъ, лишенный и тѣни тщеславія. А между тѣмъ Пушкинъ заставляетъ его переживать настоящіе потуги творчества, писать свою «исторію» необыкновенно вычурнымъ и напыщеннымъ стилемъ, претендовать на какую-то ученность и знаніе «знаменитыхъ» историковъ своего времени, въ родѣ Нибура.

Были, очевидно, еще и иныя психологическія причины, по которымъ Пушкинъ намѣренно осложняетъ образъ Бѣлкина, такъ сказать нанизываетъ на остовѣ его характера такія черты, которыхъ мы меньше всего ожидали бы—черты, явно разсчитанныя на то, чтобы надъ ними посмѣяться или вѣрнѣе, чтобы посредствомъ ихъ кого-то высмѣять. Такимъ образомъ, къ главной цѣли, которую мы выяснили въ предыдущей главѣ, приплетается, повидимому, еще одна, которая и придала «Исторіи» форму пародіи.

Кого же Пушкинъ имѣетъ въ виду своей пародіей?

Думается, что помимо той или иной конкретной личности Пушкинъ пытается прежде всего осмѣять какую-то *общую* полосу, *общее* направленіе въ литературѣ. Дѣло въ томъ, что при самыхъ тщательныхъ изслѣдованіяхъ и рискованныхъ параллеляхъ, которыя проводятъ критики въ родѣ Страхова или Черняева, никакъ не удается уловить что-нибудь общее въ стилѣ Бѣлкина и якобы пародируемаго историка—Карамзина (по мнѣнію Страхова) или Полевого (по мнѣнію Черняева). Дальше общихъ мыслей, тона и, при извѣстной натяжкѣ, плана эти сравненія не идутъ. *Языкъ* же остается принадлежностью самого Бѣлкина, такъ сказать оригинальной чертой его творчества.

Вотъ какъ Страховъ доказываетъ свою мысль, что «Лѣтопись села Горюхина» есть пародія на первыя главы «Исторія Государства Россійскаго»:

«Вступленіе,—говоритъ онъ,—соотвѣтствуетъ предисловію». Отъ стиховъ и повѣстей Бѣлкинъ, подобно Карамзину, перешелъ къ исторіи, и перешелъ съ тѣми же чувствами. «Мысль,—пишетъ Бѣлкинъ,—оставить мелочные и сомнительные анекдоты для повѣствованія великихъ и истинныхъ происшествій давно тревожила мое воображеніе». Такъ смотрѣлъ и Карамзинъ. «И вымыслы нравятся,—говорилъ онъ,—но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истины». Совершенно одинаковъ у обоихъ и взглядъ на значеніе исторіи. Каждый смотритъ на себя, какъ «на судью, наблюдателя и пророка вѣковъ и народовъ» и каждому исторія кажется «высшей степенью, доступной для писателя». У обоихъ за вступленіемъ слѣдуетъ списокъ источниковъ, и оба всячески восхваляютъ героевъ своей исторіи. «Но еще сильнѣе,—прибавляетъ затѣмъ Страховъ,—чѣмъ въ отдѣльныхъ чертахъ, въ общемъ тонѣ «Лѣтописи села Горюхина» чувствуется удивительно схваченная манера Карамзина; перечитывая первый томъ «Исторіи», нельзя не чувствовать глубокой фальши, въ которую впалъ Карамзинъ, рѣзкаго и потому смѣшнаго противорѣчія между предметомъ и изложеніемъ».

Какъ видите, Страховъ улавливаетъ только общія черты въ тонѣ, въ расположеніи матеріаловъ, въ мысляхъ. Что же касается стиля, онъ ограничивается только голословнымъ заявленіемъ, что «Лѣтопись села Горюхина» писана языкомъ Карамзинской Исторіи—этимъ знаменитымъ слогомъ, въ которомъ русская проза впервые зазвучала нѣсколько искуственной, монотонной, но ясной мелодіей».

Мы вовсе не раздѣляемъ взгляда г. Черняева, что Пушкинъ не могъ пародировать

Карамзина уже потому одному, что «относился къ нему съ великимъ уваженіемъ и чтилъ его не только какъ писателя, но и какъ человѣка». Это отнюдь не исключаетъ психологической возможности для такого многосторонняго человѣка, какъ Пушкинъ, высмѣивать слабыя стороны Карамзинскаго ложнаго стиля. Въ особенности, если примемъ во вниманіе основную черту Пушкинскаго творчества—стремленіе всегда и всюду къ естественности, простотѣ и правдивости языка. Пародировалъ же Пушкинъ, при всемъ своемъ благоговѣніи передъ Шекспиромъ, его Лукрецію въ «Графѣ Нулинѣ», попытался же онъ отвѣтить свѣтлой шуткой мрачному Данте въ своихъ дивныхъ «подражаніяхъ». Но за то безусловно правъ г. Черняевъ, что параллели, приведенныя Страховымъ, вовсе не убѣдительны; что «списокъ источниковъ находится въ началѣ не одной только «Исторіи Государства Россійскаго», что Бѣлкинымъ и Карамзинымъ руководили совершенно различныя побужденія при писаніи «Исторіи», и что не одинъ только Карамзинъ говоритъ о славянахъ хвалебнымъ языкомъ. Что же касается ложности тона и искусственности подъема, то и въ этомъ повиненъ не одинъ только Карамзинъ. Въ такомъ тонѣ писали и Полевой, и Каченовскій, такого же тона требовала критическая литература и отъ Пушкина, преслѣдовавшая его за несоблюденіе ч и н н о с т и, «начиная съ появленія «Руслана и Людмилы» и кончая «Борисомъ Годуновымъ», въ которомъ даже сцена свиданія Самозванца съ Мариной признана крайне неприличной».

Думается, что этимъ вычурнымъ, ложнымъ, несоотвѣтствующимъ содержанію тономъ Бѣлкина Пушкинъ прежде всего высмѣиваетъ не того или другого отдѣльнаго писателя, а цѣлую полосу въ современной ему русской литературѣ, не умѣвшей еще отказаться отъ ложнаго пафоса, унаслѣдованнаго у предшествовавшаго поколѣнія,—отъ требованія «чинности».

Пушкинъ, какъ сообщаетъ Анненковъ, пересмотрѣлъ въ Болдинѣ все, что объ немъ было сказано въ журналахъ, «написалъ» пропасть полемическихъ статей противъ своихъ «толстопузыхъ критиковъ», глубокомысленнымъ изысканіямъ которыхъ онъ подвелъ итогъ, равняющійся указанію «пяти грамматическихъ ошибокъ въ его сочиненіяхъ».

Въ одной изъ его отповѣдей мы читаемъ: «Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность. Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ, какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую улыбку»...

Вотъ эту-то чопорность и провинціальную вѣжливость, думается, и имѣлъ Пушкинъ въ виду, когда заставлялъ Бѣлкина писать свою «Исторію» необыкновенно витіеватымъ стилемъ, избѣгать такихъ выраженій, какъ кабакъ, приказчикъ, водка и т. п., именовать мужиковъ гражданами, мірскую сходку — вѣчемъ, а фальшивые паспорта «партикулярными». Это же требованіе со стороны критиковъ чинности, доходящей до чопорности, осмѣиваетъ Пушкинъ и тогда, когда заставляетъ Бѣлкина разсказывать о самыхъ ничтожныхъ явленіяхъ тономъ пресерьезнаго изслѣдователя, восхищаться виршами Архипа Лысаго и разбирать ихъ по всѣмъ правиламъ журнальной критики 20-хъ годовъ, любившей сравнивать самыя ничтожныя произведенія русскихъ писателей съ произведеніями знаменитыхъ поэтовъ античнаго міра.

Этотъ же тонъ, общій для всей критической литературы, Пушкинъ могъ имѣть въ виду и тогда, когда заставляетъ Бѣлкина съ важностью разсказывать о томъ, какъ «наука, искусство и поэзія издревле находились въ Горюхинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи», что «музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горюхинцевъ: балалайка и волынка, услаждая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ жилищахъ». Ту же напыщенность Пушкинъ вышучиваетъ и тогда, когда Бѣлкинъ старается объяснить причину, почему земскій Авдей не могъ прочесть «грозное посланіе помѣщика» и никакъ не рѣшается сказать, что онъ былъ пьянъ—столь простое объясненіе ужъ слишкомъ не соотвѣтствовало бы важности изложенныхъ событій.

Такимъ образомъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду общій характеръ и тонъ русской литературы, искусственно приподнятый и ложный,—тонъ, который, начиная съ Карамзина, звучалъ въ продолженіе 20-хъ годовъ, не ослабѣлъ и къ 1830-му году, мѣшая такимъ образомъ сближенію жизни и литературы—водвореніе реалистическаго направленія, творцомъ котораго является

Пушкинъ. Въ этомъ смыслѣ «Исторія»—пародія на ложный, искусственный стиль всѣхъ вообще манерныхъ и чопорныхъ писателей, въ томъ числѣ и Карамзина.

IV.

Однако «Исторія села Горюхина» изобилуетъ многими деталями, явно свидѣтельствующими о томъ, что помимо ироническаго отвѣта своимъ критикамъ и осмѣиванія ложнаго тона, господствовавшаго въ литературѣ, Пушкинъ имѣлъ еще въ виду и опредѣленныхъ писателей.

И въ данномъ случаѣ слѣдуетъ согласиться съ г. Черняевымъ, что Пушкинъ скорѣе пародировалъ не Карамзина, а Полевого съ его диллетантскимъ увлеченіемъ Нибуромъ, Гизо и Тьерри, задѣвая можетъ быть мимоходомъ и Каченовскаго, съ его одностороннимъ историческимъ скептицизмомъ.

Не останавливаясь на параллели, проводимой г. Черняевымъ между текстами «Исторіи села Горюхина» и «Исторіи русскаго народа» Полевого, столь же мало убѣдительной, какъ и вышеуказанная параллель Страхова, мы приведемъ нѣсколько фактовъ, явно свидѣтельствующихъ о томъ, что именно Полевого Пушкинъ могъ имѣть въ виду своей пародіей.

Прежде всего надо помнить, что почти одновременно съ «Исторіей» Пушкинъ писалъ свои враждебныя статьи противъ Полевого; уже по этому одному нужно думать, что именно Полевой служилъ моделью для пародіи.

Въ «Дѣтскихъ сказочкахъ», написанныхъ въ 1830 г., Пушкинъ уподобляетъ Полевого неглупому, но слишкомъ вѣтренному и заносчивому мальчику, который ничему не хотѣлъ порядочно учиться, а потому прослылъ невѣждой.

И Бѣлкинъ, какъ мы знаемъ, ничему не учился въ дѣтствѣ и остался на всю жизнь невѣждой, который едва поднялся выше интереса къ «Письмовнику» Курганова.

«Г-нъ Полевой,—читаемъ мы въ замѣткахъ Пушкина объ «Исторіи русскаго народа», написанныхъ въ томъ же 1830 году,—сильно почувствовалъ достоинство Баранта и Тьерри и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ... Желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія «Исторіи Государства Россійскаго», такъ разсказъ г-на Полевого слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа историографа»... И дальше: «основываемся на стараніи г-на Полевого сохранить драгоцѣнныя краски старины и частыхъ его заимствованіяхъ у лѣтописей».

Въ этой цитатѣ указываются какъ разъ тѣ самыя черты, которыя такъ безпощадно преслѣдуются въ Бѣлкинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ Полевой приступаетъ къ своей работѣ не съ благоговѣніемъ постригшагося въ историки Карамзина и не съ его смиреніемъ, а съ дерзостью человѣка, желающаго во что бы то ни стало обратить на себя вниманіе. Просто, лавры Карамзина или Нибура не даютъ ему спать.

И для Бѣлкина главнымъ стимуломъ было то, что и ему хотѣлось увѣковѣчить свое имя въ литературѣ, что и ему казалась соблазнительной роль писателя, въ особенности историка—«судьи, наблюдателя и пророка вѣковъ и народовъ».

Полевой, желая «сохранить драгоцѣнныя краски старины», слишкомъ часто заимствуетъ у лѣтописей.

И Бѣлкинъ сплошь да рядомъ прерываетъ свой разсказъ длинными выписками изъ своихъ лѣтописей, тоже стараясь «сохранить драгоцѣнныя краски старины».

Полевой считаетъ Нибура «первымъ историкомъ нашего вѣка» и въ великомъ благоговѣніи посвящаетъ ему свой трудъ.

И Бѣлкинъ нѣсколько разъ упоминаетъ имя Нибура, какъ самое авторитетное.

Полевой размахиваясь направо и налѣво, съ легкимъ скептицизмомъ отвергаетъ мнѣніе своего предшественника. Такой же скептицизмъ одолѣваетъ и Бѣлкина, когда онъ разсказываетъ о «баснословныхъ временахъ» или когда производитъ глубокомысленныя изысканія по поводу «Бѣсовскаго болота».

Повидимому, многое говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Пушкинъ пародировалъ именно Полевого: и то, что онъ занимался его «Исторіей русскаго народа» и думалъ о немъ почти въ то же время, когда рисовалъ Бѣлкина, какъ «историка», и то, что онъ питалъ къ Полевому вражду за оскорбленную память Карамзина и за слишкомъ легкое отношеніе его къ своему труду, и то, что у нихъ обоихъ—у Полевого и у Бѣлкина—имѣются общія черты и даже детали, характерныя для нихъ, какъ «историковъ».

Вотъ почему слѣдуетъ думать, что если Пушкинъ имѣлъ въ виду конкретную личность, то только Полевого.

Мы остановились на Полевомъ, какъ

на наиболѣе вѣроятной модели для пародіи. Впрочемъ допустимо, что Пушкинъ хотѣлъ задѣть и Каченовскаго, отрицательное отношеніе къ которому онъ проявилъ еще въ началѣ 1820-хъ гг. въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ. Возможно также, что Пушкинъ имѣлъ въ виду еще и иныхъ историковъ: и такъ называемой норманской школы, которая выводила первыхъ князей изъ Скандинавіи, и русской школы, отстаивавшей точку зрѣнія славянскаго происхожденія Рюрика съ его братьями.

Не ихъ-ли имѣетъ Пушкинъ въ виду, когда Бѣлкинъ усматриваетъ въ одеждѣ Горюхинцевъ, состоявшей «изъ рубахи, надѣваемой сверхъ нижняго платья», «отличительный признакъ ихъ славянскаго происхожденія»; а въ ихъ переправленіи весною черезъ рѣку Сивку на челнокахъ—сходство съ «древними скандинавами».

Но во всякомъ случаѣ не эти историки дали главный матеріалъ для пародіи и не ихъ преслѣдовать было ея главной цѣлью.

V.

Въ заключеніе, остановимся на чрезвычайно странной попыткѣ В. В. Сиповскаго доказать, что Пушкинъ заимствовалъ форму и тонъ для «Исторіи села Горюхина» у нѣмецкаго сатирика Рабенера, по увѣренію г. Сиповскаго, достаточно популярнаго въ Россіи въ XVIII вѣкѣ [1]).

Г. Сиповскій самъ сознается, что «у него нѣтъ данныхъ утверждать, что эта сатира (переведенная на русскій языкъ въ 1764 г. подъ назв. «Сокращеніе, учиненное изъ лѣтописи деревни Кверлеквичъ») была извѣстна великому поэту», а потому... строитъ свое доказательство на томъ основаніи, что «при любви его (Пушкина) рыться въ старыхъ книгахъ, она *могла* попасть ему въ руки и возбудить его интересъ»! Но, главнымъ образомъ, г. Сиповскаго убѣждаетъ то, что «слишкомъ ужъ исключительно сходно содержаніе произведеній Рабенера и Пушкина, чтобы можно было упорно отрицать всякую связь между ними» (стр. 5). И въ доказательство этого «исключительнаго сходства» г. Сиповскій передаетъ самымъ пространнымъ образомъ содержаніе сатиры Рабенера, отличающейся обычной тяжеловѣсностью нѣмецкаго остроумія и въ своемъ тонѣ ничѣмъ рѣшительно не напоминающей изящную и въ высшей степени художественную пародію Пушкина.

Но интереснѣе всего то, что именно по *содержанію*-то она меньше всего похожа на «Исторію села Горюхина». И даже самъ г. Сиповскій, вопреки, якобы подмѣченному имъ «исключительному сходству», самъ сознается, что «конечно, между лѣтописью села Горюхина и лѣтописью деревни Кверлеквичъ сходства въ содержаніи почти нѣтъ»! (стр.. 11). Г. Сиповскій ссылается еще на якобы существующую «тождественность у обоихъ авторовъ художественныхъ замысловъ литературной формы и тона». Но тутъ-то совсѣмъ нельзя постичь, почему это то, что дано нѣмецкому сатирику Рабенеру, не дано Пушкину, почему это «исключительная литературная форма» могла быть найдена Рабенеромъ, а не Пушкинымъ?

Неужели на томъ только основаніи, что «Исторія села Горюхина» стоитъ особнякомъ «въ ряду всѣхъ твореній не только Пушкина, но и другихъ русскихъ произведеній болѣе раннихъ и современныхъ Пушкину», мы должны усомниться «въ оригинальности ея замысла и формы»? Мало ли у Пушкина такихъ произведеній, которыя стоятъ особнякомъ «въ ряду произведеній болѣе раннихъ и современныхъ ему»? Вѣдь этимъ-то онъ и великъ, что всѣ его замыслы и формы въ высшей степени оригинальны!

Но еще больше: при самомъ даже бѣгломъ сравненіи «Исторіи села Горюхина» съ сатирой Рабенера сразу обнаруживается ихъ рѣзкое различіе «въ художественныхъ замыслахъ и въ тонѣ». Въ то время какъ «Лѣтопись деревни Кверлеквичъ» представляетъ собою сатиру, порою довольно даже грубую, «Исторія села Горюхина», какъ мы видѣли выше, совершенно лишена сатирическаго оттѣнка и проникнута тѣмъ глубокимъ юморомъ и той великой жалостью къ человѣку, которые такъ характерны для всепрощающей и любящей души Пушкина, всегда постигающаго, но никогда никого не обвиняющаго. Тамъ, въ сатирѣ Рабенера—грубыя краски, бьющія на эффектъ весьма не тонкаго художественнаго вкуса; здѣсь же въ «Исторіи села Горюхина» тонъ въ высшей степени мягкій, изящный—смѣхъ сквозь незримыя слезы. Тамъ отношеніе автора къ героямъ грубо насмѣшливое, здѣсь же отношеніе Пушкина

[1]) См. 4-й выпускъ академ. изданія «Пушкинъ и его современники», ст. В. В. Сиповскаго: «Къ литературной исторіи «Исторіи села Горохина».

къ Бѣлкину сочувственное, почти даже любовное. Повторяемъ, просто не понятно, какъ это можно на основаніи такихъ шаткихъ доводовъ строить такую странную догадку?

У г. Сиповскаго имѣется еще одинъ доводъ. Онъ правильно полагаетъ, что «однимъ желаніемъ высмѣять Полевого» нельзя объяснить «съ художественной точки зрѣнія замыслъ, болѣе сложный—сжать исторію государства въ исторію села», а между тѣмъ «едва-ли Пушкинъ сознательно желалъ въ своемъ произведеніи высмѣять Россію». Но почему едва-ли? Почему, какъ разъ наоборотъ, не допустить, что главной цѣлью Пушкина было вовсе не пародировать кого-нибудь, хотя-бы Полевого, а именно «сжать исторію государства въ исторію села»?

Прежде всего бытъ разоренныхъ болдинцевъ могъ разбудить въ Пушкинѣ старые политическіе взгляды, дать ему толчокъ, а также реальныя краски для того, чтобы попытаться создать широкую, всеохватывающую картину закрѣпощенной Россіи Николаевской эпохи. А затѣмъ уже къ этому основному мотиву прибавились еще другіе, въ томъ числѣ и желаніе высмѣять Полевого, повліявшее на выборъ своеобразной формы пародіи. Если не прибѣгать къ теоріи безсознательнаго творчества, къ установленію произведеній, исполненіе которыхъ идетъ гораздо дальше замысла, то «Исторія села Горюхина» прежде всего и главнымъ образомъ глубокая и полная невыразимой грусти иронія надъ всей Россіей, надъ всей этой огромной деревней, «Горюхинымъ» именуемой. Все значеніе ея заключается именно въ этой захватывающей шири задуманной художникомъ картины русской жизни, въ этой ужасающей правдѣ, разсказанной простодушнымъ тономъ Бѣлкина—въ гнетущей своей безвыходностью правдѣ, служащей самымъ грознымъ осужденіемъ безсмысленной дикости условій русской жизни.

А. Искозъ.

841 [РОСЛАВЛЕВЪ].

[I].

Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы.
1811 годъ.

Читая «Рославлева», съ изумленіемъ увидѣла я, что завязка его основана на истинномъ происшествіи, слишкомъ для меня извѣстномъ. Нѣкогда я была другомъ нещастной женщины, выбранной г. Загоскинымъ въ героини его повѣсти. Онъ вновь обратилъ вниманіе публики на происшествіе забытое, разбудилъ чувства негодованія, усыпленныя временемъ, и возмутилъ спокойствіе могилы. Я буду защитницею тѣни,—и читатель извинитъ слабость пера моего, уваживъ сердечныя мои побужденія. Буду принуждена много говорить о самой себѣ, потому что судьба моя долго была связана съ участью бѣдной моей подруги.

Меня вывезли въ свѣтъ зимою 1811 года. Не стану описывать первыхъ моихъ впечатлѣній. Легко можно себѣ вообразить, что̀ должна была чувствовать шестнадцатилѣтняя дѣвушка, промѣнявъ антрсоли и учителей на безпрерывные балы и визиты. Я предавалась вихрю веселія со всею живостью моихъ лѣтъ и еще не размышляла... Жаль: тогдашнее время стоило наблюденія.

Между дѣвицами, выѣхавшими вмѣстѣ со мною, отличалась княжна ** (г. Загоскинъ назвалъ ее Полиною оставлю ей это имя). Мы скоро подружились вотъ по какому случаю.

Братъ мой, двадцати-двухъ-лѣтній малой, принадлежалъ сословію тогдашнихъ франтовъ; онъ считался въ Иностранной Коллегіи, и жилъ въ Москвѣ, танцуя и повѣсничая. Онъ влюбился въ Полину и упросилъ меня сблизить наши домы. Братъ былъ идоломъ всего нашего семейства, а изъ меня дѣлалъ, что хотѣлъ.

Сблизясь съ Полиною изъ угожденія къ нему, вскорѣ я искренно къ ней привязалась. Въ ней было много страннаго и еще болѣе привлекательнаго. Я еще не понимала ея, а уже любила. Нечувствительно я стала смотрѣть ея глазами и думать ея мыслями.

Отецъ Полины былъ заслуженный человѣкъ, т. е. ѣздилъ цугомъ и носилъ ключь и звѣзду, впрочемъ былъ вѣтренъ и простъ. Мать ея, напротивъ, была женщина степенная и отличалась важностію и здравымъ смысломъ.

Полина являлась вездѣ; она окружена была поклонниками; съ нею любезничали,—но она скучала, и скука придавала ей видъ гордости и холодности. Это чрезвычайно шло къ ея Греческому лицу и къ чернымъ бровямъ. Я торжествовала, когда мои сатирическія замѣчанія наводили улыбку на это правильное и скучающее лице.

Полина чрезвычайно много читала, и безъ всякаго разбора. Ключь отъ библіотеки отца ея былъ у нея. Библіотека большею частію состояла изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Французская словесность отъ Монтескьё до романовъ Кребильйона, была ей знакома. Руссо знала она наизустъ. Въ библіотекѣ не было ни одной Русской книги, кромѣ сочиненій Сумарокова, которыхъ Полина никогда не раскрывала. Она сказывала мнѣ, что съ трудомъ разбирала Русскую печать, и вѣроятно ничего по Русски не читала, не исключая и стишковъ, поднесенныхъ ей Московскими стихотворцами.—

Здѣсь позволю себѣ маленькое отступленіе. Вотъ уже, слава Богу, лѣтъ тридцать какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-Русски не читаемъ и не умѣемъ (будто бы) изъясняться на Отечественномъ языкѣ. (NB. Автору «Юрія Милославскаго» грѣхъ повторять пошлыя обвиненія. Мы всѣ прочли его и, кажется, одной изъ насъ обязанъ онъ и переводомъ своего романа на Французскій языкъ). Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-Русски; но словесность наша кажется не старѣе Ломоносова и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но не льзя же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ имѣемъ мы только «Исторію Карамзина»; первые два или три романа появились два или три года назадъ, между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги одна другой замѣчательнѣе слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены все, извѣстія и понятія, черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ и мыслимъ мы на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ этомъ признавались мнѣ самые извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы Русскія книги, похожи на жалобы Русскихъ торговокъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлера и не довольствуемся произведеніями Костромскихъ модистокъ... Обращаюсь къ моему предмету.

Воспоминанія свѣтской жизни обыкновенно слабы и ничтожны даже въ эпоху историческую. Однакожь, появленіе въ Москвѣ одной путешественницы оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе. Эта путешественница — M^de^ de Staël. Она пріѣхала лѣтомъ, когда большая часть Московскихъ жителей разъѣхалась по деревнямъ. Русское гостепріимство засуетилось; не знали, какъ угостить славную иностранку. Разумѣется, давали ей обѣдъ. Мущины и дамы съѣзжались поглазѣть на нее, и были по большей части не довольны ею. Они видѣли въ ней пятидесятилѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны, а рукава слишкомъ коротки. Отецъ Полины, знавшій M^de^ de Staël еще въ Парижѣ, далъ ей обѣдъ, на который скликалъ всѣхъ нашихъ Московскихъ умниковъ. Тутъ увидѣла я сочинительницу Корины. Она сидѣла на первомъ мѣстѣ, облокотясь на столъ, свертывая и развертывая прекрасными пальцами трубочку изъ бумаги. Она казалась не въ духѣ; нѣсколько разъ принималась говорить и не могла разговориться. Наши умники ѣли и пили въ свою мѣру и, казалось, были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою M^de^ de Staël. Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ мыслей и оробѣвшіе при Европейской знаменитости. Во все время обѣда Полина сидѣла какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и M^de^ de Staël. Ждали отъ нея поминутно bon-mot; наконецъ вырвалось у ней двусмысліе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину. Лице ея пылало, и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъза стола, совершенно примиренные съ M^de^ de Staël: она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу.

«Что съ тобою сдѣлалось, ma chère?»— спросила я Полину:—«неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?»—Ахъ, милая,—отвѣчала Полина,—я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіи цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились! Я сгорѣла со стыда, и готова была заплакать... Но пускай,—съ жаромъ продолжала Полина,— пускай она вывезетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его. Ты слы-

М-ме де-С Т А Л Ь.
Портретъ Жерара.

шала, что сказала она дядюшкѣ, этому старому несносному шуту, который изъ угожденія къ иностранкѣ вздумалъ было смѣяться надъ Русскими бородами: «Народъ, который, тому сто лѣтъ, отстоялъ свою бороду, отстоитъ въ наше время и свою голову.» Какъ она мила! Какъ я люблю ее! Какъ ненавижу ея гонителя!

Не я одна замѣтила смущеніе Полины. Другія проницательныя глаза остановились на ней въ ту же самую минуту: черные глаза самой M^de^ de Staël. Не знаю, что подумала она, но она подошла послѣ обѣда къ моей подругѣ, и съ нею разговорилась. Чрезъ нѣсколько дней M^de^ de Staël написала ей слѣдующую записку:

Ma chère enfant, je suis tout malade. Il seroit bien aimable à vous de venir me ranimer. Tachez de l'obtenir de m^de^ votre mère et veuillez lui présenter les respects de votre amie. *de S.*

Эта записка хранится у меня. Никогда Полина не объясняла мнѣ своихъ сношеній съ M^de^ de Staël, не смотря на все мое любопытство. Она была безъ памяти отъ славной женщины, столь же добродушной, какъ и геніальной.

До чего доводитъ охота къ злословію! Недавно разсказывала я все это въ одномъ порядочномъ обществѣ. «Можетъ быть,»— замѣтили мнѣ,—«M^de^ de Staël была не что иное, какъ шпіонъ Наполеоновъ, а княжна ** доставляла ей нужныя свѣдѣнія.» — Помилуйте,—сказала я—M^de^ de Staël, десять лѣтъ гонимая Наполеономъ, благородная, добрая, M^de^ de Staël, насилу убѣжавшая подъ покровительство Русскаго Императора, M^de^ de Staël, другъ Шатобріана и Байрона, M^de^ de Staël будетъ шпіономъ у Наполеона!.. «Очень, очень можетъ статься,»— возразила мнѣ востроносая графиня Б.— «Наполеонъ былъ такая бестія, а M^de^ de Staël—претонкая штука».

Съ Французскаго.

[II].

Всѣ говорили о близкой войнѣ и сколько помню, довольно легкомысленно. Подражаніе французскому тону временъ Людовика XV было въ модѣ. Любовь къ отечеству казалась педанствомъ. Тогдашніе умники превозносили Наполеона съ фанатическимъ подобострастіемъ, и шутили надъ нашими неудачами. Къ нещастію, заступники отечества были немного простоваты; они были осмѣяны довольно забавно и не имѣли никакого вліянія. Ихъ патріотизмъ ограничивался жестокимъ порицаніемъ употребленія французскаго языка въ обществахъ, введенія иностранныхъ словъ, грозными выходками противъ Кузнецкаго моста и тому подоб. Молодые люди говорили обо всемъ русскомъ съ презрѣніемъ или равнодушіемъ и, шутя, предсказывали Россіи участь Рейнской конфедераціи. Словомъ, общество было довольно гадко.

Вдругъ извѣстіе о нашествіи и воззваніе государя поразили насъ. Москва взволновалась. Появились простонародные листки Графа Растопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы вструхнули.

Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный верхъ, и гостиныя наполнились патріотами. Кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русской; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, а принялся за кислыя щи. Всѣ заклялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни.

Полина не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-французски; за столомъ, въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. Дай Богъ, говорила она, чтобы всѣ Русскіе любили свое отечество, какъ я его люблю. Она удивляла меня. Я всегда знала Полину скромной и молчаливой и не понимала, откуда взялась у нея такая смѣлость. Помилуй, сказала я однажды, охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мущины себѣ дерутся, и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ, и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта. Глаза ея засверкали. Стыдись, сказала она, развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужьевъ? развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ,

а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное или даже на сердце хоть одного человѣка. Я не признаю униженія къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M^de^ de Staël. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силой... И дядюшка смѣетъ еще насмѣхаться надъ ея робостію при приближеніи французской арміи! «Будьте спокойны, сударыня: Наполеонъ воюетъ противъ Россіи, не противу васъ...» Да! Если бъ дядюшка попался въ руки французамъ, то его бы пустили гулять по Пале-Роялю; но M^de^ de Staël, въ такомъ случаѣ умерла бы въ Государственной темницѣ. А Шарлотъ Корде? а наша Марѳа Посадница? А княгиня Д^**^[ашкова]? Чѣмъ я ниже ихъ? Ужъ вѣрно не смѣлостію души и рѣшительностію.—Я слушала Полину съ изумленіемъ. Никогда не подозрѣвала я въ ней такого жара, такого честолюбія. Увы! Къ чему привели ее необыкновенныя качества души и мужественная возвышенность ума? Правду сказалъ мой любимый писатель: Il n'est de bonheur que dans les voies communes [1]).

Пріѣздъ Государя усугубилъ общее волненіе. Восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ. Гостиныя превратились въ палаты преній. Вездѣ толковали о патріотическихъ пожертвованіяхъ. Повторяли безсмертную рѣчь молодого Графа Мамонова, пожертвовавшаго всѣмъ своимъ имѣніемъ. Нѣкоторыя маменьки послѣ того замѣтили, что Графъ ужъ не такой завидный женихъ; но мы всѣ были отъ него въ восхищеніи. Полина бредила имъ. Вы чѣмъ пожертвуете, спросила она разъ у моего брата. Я не владѣю еще моимъ имѣніемъ, отвѣчалъ мой повѣса. У меня всего на все 30,000 долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества. Полина разсердилась. Для нѣкоторыхъ людей, сказала она, и честь, и отечество—все бездѣлица. Братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ. Не знаю, найдется ли женщина, довольно низкая, чтобъ позволить такимъ фиглярамъ притворяться передъ нею въ любви. Братъ мой вспыхнулъ. Вы слишкомъ взыскательны, княжна, возразилъ онъ. Вы требуете, чтобы всѣ видѣли въ васъ M^de^ de Staël и говорили бы вамъ тирады изъ Коринны. Знайте, что кто шутитъ съ женщиною, тотъ можетъ не шутить передъ лицомъ отечества и его непріятелемъ. — Съ этимъ словомъ онъ отвернулся. Я думала, что они навсегда поссорились, но ошиблась: Полинѣ понравилась дерзость моего брата; она простила ему неумѣстную шутку за благородный порывъ негодованія и, узнавъ чрезъ недѣлю что онъ вступилъ въ Мамоновскій полкъ, сама просила, чтобъ я ихъ помирила. Братъ былъ въ восторгѣ. Онъ тутъ же предложилъ ей свою руку. Она согласилась, но отстрочила свадьбу до конца войны. На другой день братъ мой отправился въ Армію.

Наполеонъ шелъ на Москву; наши отступали, Москва тревожилась; жители ея выбирались одинъ за другимъ. Князь и княгиня уговорили матушку вмѣстѣ ѣхать въ ихъ ***скую деревню.

[III].

Мы пріѣхали въ **, огромное село въ 20-ти верстахъ отъ Губернскаго Города. Около насъ было множество сосѣдей, большею частію пріѣзжихъ изъ Москвы. Всякой день всѣ бывали вмѣстѣ; наша деревенская жизнь походила на городскую. Письма изъ Арміи приходили почти каждый день—старушки искали на картѣ мѣстечка *Бивакъ* и сердились, не находя его.—Полина занималась одною политикою, ничего не читала, кромѣ газетъ, Растопчинскихъ афишекъ, и не открывала ни одной книги. Окруженная людьми коихъ понятія были ограничены, слыша сужденія почти нелѣпыя и новости неосновательныя, она томилась, впала въ глубокое уныніе. Она отчаивалась въ спасеніе Россіи. Казалось ей, что Россія быстро приближается къ своему паденію, военныя реляціи усугубляли ея безнадежность—политическія объявленія Гр. Растопчина выводили ее изъ терпѣнія—шутовской слогъ ихъ казался ей верхомъ неприличія, а мѣры имъ принимаемыя — варварствомъ нестерпимымъ. Она не постигала мысли тогдашняго времени, столь великой въ своемъ ужасѣ, не поняла мысли, которой смѣлое исполненіе спасло Россію и освободило Европу. Цѣлые часы проводила она облокотясь на карту Россіи разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову. Однажды она мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни, явиться въ фр. лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ. Мнѣ не трудно

[1]) Кажется, слова Шатобріана.
Примѣч. издателя [Пушкина]

было убѣдить ее въ безумствѣ такого предпріятія—но мысль о Шарлотѣ Корде долго ее не оставляла.—

Отецъ ея, какъ уже извѣстно, былъ человѣкъ довольно легкомысленный; онъ только думалъ, чтобы жить въ деревнѣ какъ можно болѣе по-Московскому, давалъ обѣды, завелъ théâtre de société, гдѣ разыгрывались французскія proverbes, и всячески старался разнообразить наши удовольствія. Въ городъ прибыло нѣсколько плѣнныхъ французовъ. Князь обрадовался новымъ лицамъ—и выпросилъ у губернатора позволеніе помѣстить ихъ у себя. Ихъ было четверо; трое довольно незначущіе люди, фанатически преданные Наполеону, нестерпимые крикуны,—правда, выкупающіе свою хвастливость своими почтенными ранами. Но третій [четвертый?]—былъ человѣкъ чрезвычайно примѣчательный.

Ему было тогда 36 лѣтъ—онъ принадлежалъ хорошему дому. Лицо его было приятно, тонъ очень хорошій: мы тотчасъ отличили его. Ласки принималъ онъ съ благородной скромностію. Онъ говорилъ мало, но рѣчи его были основательны. Полинѣ онъ понравился тѣмъ, что первый могъ ясно ей истолковать военныя дѣйствія и движенія войскъ. Онъ успокоилъ ее, удостовѣривъ, что отступленіе русскихъ войскъ было не безсмысленный побѣгъ, и столько же безпокоило (Наполеона), какъ и ожесточало русскихъ... Но вы, спросила его Полина: развѣ вы не убѣждены въ непобѣдимости Вашего Императора?—Синекуръ (назову жъ и его именемъ, даннымъ ему г-мъ Загоскинымъ), Синекуръ, нѣсколько помолчавъ, отвѣчалъ, что въ его положеніи откровенность была бы затруднительна. Полина настоятельно требовала отвѣта. Синекуръ признался, что устремленіе французскихъ войскъ въ сердце Россіи могло сдѣлаться для нихъ опасно, что походъ 1812 года, кажется, конченъ, но не представляетъ ничего рѣшительнаго. Конченъ! возразила Полина: а Наполеонъ все еще идетъ впередъ, а мы все отступаемъ.—Тѣмъ хуже для насъ, отвѣчалъ Синекуръ, и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Полина, которой надоѣли и трусливыя предсказанія, и глупое хвастовство сосѣдей, жадно слушала сужденія, основанныя на знаніи дѣла и безпристрастіи. Отъ брата получала она письма, въ которыхъ толку невозможно было добиться; онѣ были наполнены шутками умными и плохими, вопросами о Полинѣ, пошлыми увѣреніями въ любви и проч. Полина, читая ихъ, досадовала и пожимала плечами. Признайся, говорила она, что твой Алексѣй препустой человѣкъ. Даже въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, съ поля сраженія, находитъ онъ способъ писать ничего не значущія письма; какова же будетъ мнѣ его бесѣда въ теченіе тихой семейственной жизни? Она ошибалась. Пустота братниныхъ писемъ происходила не отъ его собственнаго ничтожества, но отъ предразсудка, впрочемъ, самаго оскорбительнаго для насъ. Онъ полагалъ, что съ женщинами должно употреблять языкъ, приноровленный къ слабости ихъ понятій, и что важные предметы до насъ не касаются. Таково мнѣніе вездѣ было бы невѣжливо, но у насъ оно и глупо. Нѣтъ сомнѣнія, что Русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мущины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ.

Разнеслась вѣсть о Бородинскомъ сраженіи. Всѣ толковали о немъ, у всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ убитымъ и раненымъ; братъ намъ не писалъ. Мы чрезвычайно были встревожены. Наконецъ одинъ изъ развозителей всякой всячины пріѣхалъ насъ извѣстить о его взятіи въ плѣнъ, а между тѣмъ по шепту объявилъ Полинѣ о его смерти. Полина глубоко огорчилась. Она не была влюблена въ брата и часто на него досадовала, но въ эту минуту видѣла она въ немъ мученика, героя, и оплакивала въ тайнѣ отъ меня. Нѣсколько разъ я заставала ее въ слезахъ. Это меня не удивляло; я знала, какое болѣзненное участіе принимала она въ судьбѣ страждущаго нашего отечества. Я не подозрѣвала еще, что было еще причиной ея горести.

Однажды утромъ я гуляла въ саду; подлѣ меня шелъ Синекуръ. Мы разговаривали о Полинѣ. Я замѣтила что онъ глубоко чувствовалъ ея необыкновенныя качества, и что ея красота сдѣлала на него сильное впечатлѣніе. Я, смѣясь, дала ему замѣтить, что положеніе его самое романическое... Раненый рыцарь влюбляется въ благородную владѣтельницу замка, трогаетъ ея сердце и наконецъ получаетъ ея руку.—Нѣтъ, сказалъ мнѣ Синекуръ: княжна видитъ во мнѣ врага Россіи и никогда не согласится оставить свое отечество.—Въ эту минуту Полина показалась въ концѣ аллеи, мы пошли къ ней на встрѣчу. Она приближалась скорыми шагами. Блѣдность ея меня поразила.—Москва взята! сказала она мнѣ, не отвѣ-

чая на поклонъ Синекура. Сердце мое сжалось, слезы потекли ручьемъ. Синекуръ молчалъ, потупя глаза.—Благородные, просвѣщенные французы, продолжала она голосомъ, дрожащимъ отъ негодованія,—ознаменовали свое торжество достойнымъ образомъ. Они зажгли Москву — Москва горитъ уже 2 дня. Что вы говорите, закричалъ Синекуръ, не можетъ быть!—Дождитесь ночи, отвѣчала она сухо: можетъ быть, увидите зарево.—Боже мой! Онъ погибъ, сказалъ Синекуръ. Какъ, развѣ вы не видите, что пожаръ Москвы есть гибель всему французскому войску, что Наполеону нигдѣ нечѣмъ будетъ держаться, что онъ принужденъ будетъ скорѣе отступить сквозь разоренную, опустѣвшую дорогу, съ войскомъ разстроеннымъ и недовольнымъ. И вы могли думать, что французы сами изрыли себѣ адъ: Русскіе, Русскіе зажгли Москву! Ужасное, варварское великодушіе. Теперь все рѣшено: ваше отечество вышло изъ опасности; что будетъ съ нами, что будетъ съ нашимъ Императоромъ! Онъ оставилъ насъ. Полина и я не могли опомниться. Неужели, сказала она, Синекуръ правъ, и пожаръ Москвы—нашихъ дѣло? Если такъ... О, мнѣ можно гордиться именемъ Россіянки! Вселенная изумится великой жертвѣ! Теперь и паденіе наше мнѣ не страшно—честь наша спасена; никогда Европа не осмѣлится уже бороться съ народомъ, который рубитъ самъ себѣ руки и жжетъ свою столицу. Глаза ея такъ и блистали, голосъ такъ и звенѣлъ. Я обняла ее, мы смѣшали слезы благороднаго восторга и жаркія моленія за Отечество. «Ты не знаешь?» сказала мнѣ Полина съ видомъ вдохновеннымъ: «твой братъ... онъ щастливъ, онъ не въ плѣну—радуйся: онъ убитъ за спасеніе Россіи». Я вскрикнула и упала безъ чувствъ въ ея объятія...

842. ВЪ ОДНО ИЗЪ ПЕРВЫХЪ ЧИСЕЛЪ АПРѢЛЯ.

[Набросокъ 1831 г.].

Въ одно изъ первыхъ чиселъ Апрѣля 181... года, въ домѣ Катерины Петровны Томской происходила большая суматоха. Всѣ двери были разтворены настежь—зала и передняя загромождены сундуками и чамоданами, ящики во всѣхъ комодахъ выдвинуты, слуги поминутно бѣгали по лѣстницамъ, служанки суетились и спорили; сама хозяйка, лѣтъ 45-ти дама, сидѣла въ спальнѣ пересматривая щетныя книги, принесенныя ей толстымъ управителемъ, который стоялъ передъ нею съ руками за спиной, и выдвинулъ правую ногу впередъ.

К. П. показывала видъ будто бы хозяйственныя тайны были ей коротко знакомы но ея вопросы и замѣчанія обнаруживали ея барское невѣдѣніе и возбуждали изрѣдка едва замѣную улыбку на величавомъ лицѣ управителя, который однако жъ съ большею снисходительностію подробно входилъ во всѣ требуемыя объясненія. Въ это время слуга доложилъ, что Парасковья Ивановна Поводова пріѣхала. Катерина Петровна обрадовалась случаю прервать свои совѣщанія, велѣла просить и отпустила управителя.

Помилуй, мать моя, сказала вошедшая старая дама: да ты собираешься въ дорогу! Куда тебя Богъ несетъ?

На Кавказъ, милая Пар. Ив.

На Кавказъ! Стало быть, Москва въ первой отъ роду правду сказала,—а я не вѣрила. На Кавказъ! да вѣдь это ужесть какъ далеко. Охота тебѣ тащиться Богъ вѣдаетъ куда, Богъ вѣдаетъ зачѣмъ?

— Какъ быть? Доктора объявили, что моей Машѣ нужны желѣзныя воды а для моего здоровья необходимы горячія ванны. Вотъ ужъ полтора года какъ я все страдаю—авось Кавказъ поможетъ.—

Дай—то Богъ—а скоро ли ѣдешь?

— Дня черезъ четыре, много-много промѣшкаю недѣлю—все ужъ готово. Вчера привезли мнѣ новую дорожную карету—что за карета! игрушка, заглядѣнье—вся въ ящикахъ и чего тутъ нѣтъ—постеля, туалетъ—погребокъ, аптечка, кухня, сервизъ.—Хочешь ли посмотрѣть?

Изволь мать моя. Обѣ дамы вышли на крыльцо.—Кучера выдвинули изъ сарая дорожную карету.—Катерина Петровна велѣла открыть дверцы, вошла въ карету, показала всѣ ея тайны, всѣ удобности, перерыла въ ней всѣ подушки, выдвинула всѣ ящики, приподняла всѣ ставни, всѣ зеркала—выворотила всѣ сумки, словомъ для больной женщины оказалась очень дѣятельной и проворной. Полюбовавшись экипажемъ обѣ дамы возвратились въ гостиную, гдѣ разговорились опять о предстоящемъ пути, о возвращеніи, о планахъ на будущую зиму:

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, сказала Кат. Петр., надѣюсь непремѣнно воротиться. У меня будутъ вечера, два раза въ недѣлю, и надѣюсь, милая, что ты ко мнѣ перенесешь свой бостонъ...

Въ эту минуту дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и высокая, съ блѣднымъ прекраснымъ лицемъ и черными огненными глазами—тихо вошла въ комнату, присѣла Поводовой и подошла къ рукѣ К. Петровны.

Хорошо ты спала, Маша, спросиля К. П.

Хорошо, Маменька, сей часъ только встала. Вы удивляетесь моей лѣни, П. Ив.? Что дѣлать—больной простительно.

Спи, мать моя, спи себѣ на здоровье, отвѣчала Парасковья Ивановна. Да смотри: воротись у меня съ Кавказа румяная, здоровая, а Богъ дастъ—и замужняя...

Какъ замужняя, возразила Кат. П., смѣясь, да за кого выйдти ей на Кавказѣ. Развѣ за черкесскаго князя...

За черкеса! сохрани ее Богъ! Да вѣдь они что турки да бухарцы—нехристы. Они ее забрѣютъ, да запрутъ. (Нѣтъ, мало ли нашихъ военныхъ въ тамошнемъ краю; а имъ-то женщины въ диковинку; наткнешься на какого-нибудь холостого генерала...).

— Пошли намъ Богъ только здоровье, сказала со вздохомъ Кат. П., а женихи не уйдутъ. Слава Богу Маша еще молода, приданое есть а добрый человѣкъ полюбитъ, такъ и безъ приданаго возьметъ.

А съ приданымъ все-таки лучше, мать моя—сказала Пар. Ив., вставая.—Ну, простимся же, Кат. Ив. [Петровна], ужъ я тебя до сентября не увижу: далеко мнѣ до тебя тащиться съ Басманной на Арбатъ.—И тебя не прошу, знаю что тебѣ теперь нѣкогда. Прощай и ты, красавица, не забудь же моего совѣта.—

Дамы разпростились—и Пар. Ив. уѣхала.

---

843. ВЪ 179* ГОДУ ВОЗВРАЩАЛСЯ Я.

[Набросокъ 1831—1832 гг.].

Въ 179* году возвращался я въ Лифляндію съ веселою мыслію обнять мою старушку-мать послѣ четырехлѣтней разлуки. Чѣмъ болѣе приближался я къ нашей мызѣ, тѣмъ сильнѣе волновало меня нетерпѣніе. Я погонялъ почтаря, хладнокровнаго моего единоземца, и душевно жалѣлъ о русскихъ ямщикахъ и объ удалой русской ѣздѣ.

Къ умноженію досады, бричка моя сломалась. Я принужденъ былъ остановиться. Къ щастію, станція была недалеко.

Я пошелъ пѣшкомъ въ деревню, чтобы выслать людей къ бѣдной моей бричкѣ. Это было въ концѣ лѣта. Солнце садилось. Съ одной стороны дороги простирались распаханныя поля, съ другой луга поросшіе мелкимъ кустарникомъ. Издали слышалась печальная пѣснь молодой Эстонки. Вдругъ въ общей тишинѣ раздался явственно пушечный выстрѣлъ... и замеръ безъ отзыва. Я удивился. Въ сосѣдствѣ не находилось ни одной крѣпости; какимъ же образомъ пушечный выстрѣлъ могъ быть слышенъ въ этой мирной сторонѣ? Я рѣшилъ, что, вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости находился лагерь, и воображеніе перенесло меня на минуту къ занятіямъ военной жизни, мною только что покинутой.

Подходя къ деревнѣ, увидѣлъ я въ сторонѣ Господскій домикъ. На балконѣ сидѣли двѣ дамы. Проходя мимо ихъ, я поклонился—и отправился на почтовый дворъ.

Едва успѣлъ я справиться съ лѣнивыми кузнецами, какъ явился ко мнѣ старичокъ, отставной русскій солдатъ, и отъ имени барыни позвалъ меня откушать чаю. Я согласился охотно и отправился на Господскій дворъ.

Дорогою узналъ я отъ солдата что старую барыню зовутъ Каролиной Ивановной, что она вдова, что дочь ея, Катерина Ивановна—уже въ невѣстахъ, что обѣ такія добрыя, и проч... Въ 179 году мнѣ было ровно 23 года, и мысль о *молодой барышнѣ* была достаточна, чтобы возбудить живое любопытство.

Старушка приняла меня ласково и радушно. Узнавъ меня, мою фамилію, Кар. К. [И.?] сочлась со мною свойствомъ, и я узналъ въ ней вдову фонъ-В., дальняго намъ родственника, храбраго генерала, убитаго въ 1772 году.

Между тѣмъ какъ я повидимому со вниманіемъ вслушивался въ генеалогическія воспоминанія доброй К. Ив., я украдкою посматривалъ на ея милую дочь, которая разливала чай и мазала свѣжее янтарное масло на ломтики домашняго хлѣба. 18 лѣтъ круглое румяное лицо, темныя, узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки, вполнѣ оправдывали мое ожиданіе.—Мы скоро познакомились, и на третьей чашкѣ чаю уже обходился я съ нею какъ съ кузиною. Между тѣмъ, бричку мою привезли: Иванъ пришелъ мнѣ доложить что она не прежде готова будетъ, какъ на другой день утромъ. Это извѣстіе меня вовсе не огорч[и]ло, и по приглашенію Кар. Ив. я остался ночевать.

844. ГОСТИ СЪѢЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ.

[Набросокъ 1831—1832 гг.].

Гости съѣзжались на дачу *** Зала наполнялась дамами и мущинами, пріѣхавшими въ одно время изъ театра, гдѣ давали новую Ит. драму (?) Каждый гость (пробравшись до круглаго стола, гдѣ разливали чай, спѣшилъ поклониться хозяйкѣ и потомъ изчезнуть въ толпѣ, еще не занятой ни картами, ни разговорами). Мало-по-малу порядокъ установился. Дамы заняли свои мѣста по диванамъ. Около ихъ составился кружокъ мущинъ. Висты учредились. Осталось на ногахъ нѣсколько молодыхъ людей, и смотръ парижскихъ литографій замѣнилъ общій разговоръ.

На балконѣ сидѣло двое мущинъ. Одинъ изъ нихъ, путешествующій Испанецъ, казалось, живо наслаждался прелестію сѣверной ночи. Съ восхищеніемъ глядѣлъ онъ на ясное, блѣдное небо, на величавую Неву, озаренную свѣтомъ неизъяснимымъ, и на окрестныя дачи, рисующіяся въ прозрачномъ сумракѣ. Какъ хороша ваша сѣверная ночь, сказалъ онъ наконецъ, и какъ не пожалѣть объ ея прелести, даже подъ небомъ моего отечества!—«Одинъ изъ нашихъ поэтовъ—отвѣчалъ ему другой—сравнивалъ ее съ русской, бѣлобрысой красавицей; признаюсь, что смуглая, черноглазая италіянка или испанка, исполненная живости и полуденной нѣги, болѣе плѣняетъ мое воображеніе. Впрочемъ, давнишній споръ между la brune et la blonde еще не рѣшенъ. Но къ стати: знаете ли вы, какъ одна иностранка изъяснила строгость и чистоту П.Б—ихъ нравовъ? Она увѣряла, что наши зимнія ночи слишкомъ холодны, а лѣтнія слишкомъ свѣтлы для любовныхъ приключеній. Испанецъ улыбнулся. «Итакъ, благодаря вліянію климата,» сказалъ онъ, «П.Б.—есть обѣтованная земля красоты любезности и безпорочности.»—«Что касается до красоты, отвѣчалъ русской, то вы правы, здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаете вы красавицу: вообще, въ нихъ есть и природный умъ, и образованность; но нѣчего говорить объ нашей любезности:—она не въ модѣ, никто объ ней и не думаетъ. Женщины боятся прослыть кокетками, мущины уронить свое достоинство. Всѣ стараются быть ничтожными, со вкусомъ и приличіемъ. Что наше общество? Тѣ же лица каждый день вмѣстѣ; а есть ли между ними что-нибудь похожее на искренность, на благорасположеніе и близость сношеній, на все, что составляетъ прелесть общежитія? Вслушайтесь въ наши разговоры: сухія извѣстія изъ арміи, которыя завтра же прочтете вы въ газетахъ, толки о новомъ посредственномъ актерѣ, изрѣдка—соблазнительный анекдотъ, разсказанный безъ всякаго правдоподобія, разтолкованный, разобранный безо всякой веселости. Волочиться почитаемъ мы за дурной тонъ и извиняемъ его только въ старикахъ. Однако, мнѣ хочется дать вамъ понятіе о нравахъ нашего большаго свѣта, и дабы не употребить во зло довѣренности иностранца, я разкажу вамъ...» И разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

— Вы такъ откровенны и снисходительны, сказалъ исп., что осмѣлюсь просить васъ разрѣшить одну задачу: я шатался по всѣму свѣту, представлялся во всѣхъ дворахъ, вездѣ посѣщалъ высшее общество, но нигдѣ не чувствовалъ себя такъ связаннымъ, такъ неловкимъ, какъ въ проклятомъ вашемъ аристократическомъ кругу.—Всякой разъ, когда я вхожу въ залу Княгини В.—и вижу эти нѣмыя, неподвижныя муміи, напоминающія мнѣ Египетскія кладбища, какой-то холодъ мнѣ принизываетъ. Межъ ними нѣтъ ни одной моральной Власти, ни одно имя не натвержено мнѣ Славою,—предъ чѣмъ же я робѣю?

— Передъ недоброжелательствомъ, отвѣчалъ Русской. Это—черта нашихъ нравовъ: въ народѣ выражается она насмѣшливостію, въ высшемъ кругу—невниманіемъ и холодностію. О мущинахъ нечего и говорить: ихъ нравственность...Наши дамы очень поверхностно образованы, ничто Европейское къ тому-же не занимаетъ ихъ мыслей. Политика и литература для нихъ не существуетъ. Остроуміе давно въ опалѣ, какъ признакъ легкомыслія.—О чемъ же станутъ онѣ говорить? О самихъ себѣ? Нѣтъ, онѣ слишкомъ хорошо воспита[ны]. Остается имъ разговоръ какой-то домашній, мѣлочной, часто понятный только для немногихъ, для избранныхъ.—И человѣкъ, не принадлежащій къ этому малому стаду, принятъ какъ чужой,—не только иностранецъ, но и свой.

— Извините мнѣ мои вопросы, сказалъ Испанецъ,—но врядъ ли мнѣ найти въ другой

разъ удовлетворительные отвѣты, и я спѣшу вами пользоваться.—Вы упомянули о вашей Аристократіи, что такое русская Аристократія—Занимаясь вашими законами,—я вижу, что наслѣдственной Аристократіи, основанной на недѣлимости имѣній, у васъ не существуетъ. Кажется, между вашимъ дворянствомъ существуетъ гражданское равенство,—и доступъ къ оному ничѣмъ не ограниченъ. На чемъ же основывается ваша т. н. [такъ называемая] Аристократія? Развѣ только на одной древности родовъ русскихъ замѣчательныхъ [людей?]

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ. Древнее русское дворянство, въ слѣдствіе причинъ, вами упомянутыхъ, упало въ неизвѣстность и составило родъ третьяго состоянія; чернь, къ которой и я принадлежу, считаетъ между своими родоначальниками Рюрика и Мономаха; но настоящая Аристократія наша съ трудомъ можетъ назвать и своего дѣда. Древность рода ихъ возходитъ до Петра и Елизаветы. Деньщики, пѣвчіе, хохлы—вотъ ихъ родоначальники, будь сказано не въ упрекъ: достоинство—всегда достоинство, и государственная польза требуетъ его возвышенія. Смѣшно только видѣть въ ничтожныхъ внукахъ спѣсь, точно они потомки перваго христіанскаго барона Клермонъ-Тоннера...

— Я самъ, напримѣръ, продолжалъ русской съ видимымъ самодовольствомъ небреженія,—хотя дворянство мое теряется въ отдаленной древности и имена предковъ моихъ сохранились (?) на всѣхъ страницахъ исторіи нашей; но если бы я подумалъ назвать себя Аристократомъ, то, вѣроятно, насмѣшилъ бы многимъ. Мы такъ положительны, что мы на колѣняхъ предъ настоящимъ случаемъ, успѣхомъ и славою, но у насъ нѣтъ очарованія древностію, благодарности къ прошедшему и уваженія къ нравственному достоинству... Прошедшее для васъ не существуетъ. Карамзинъ недавно разказалъ намъ нашу исторію. Но едва ли мы выслушали его. Мы гордимся не славою предковъ, но чиномъ какого-нибудь дяди-дурака или баломъ двоюродной сестры. Замѣтьте, что неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности...

Чтожъ касается до чистоты нравовъ, то дабы не ввести въ заблужденіе довѣрчивости иностранца, я разкажу вамъ... и разговоръ принялъ самое сатирическое направленіе.

Въ сіе время двери въ залу отворились, и Вольская вошла. Она была въ первомъ цвѣтѣ молодости. Правильныя черты, большіе черные глаза, живость, самая странность наряда—все поневолѣ привлекало вниманіе. Мущины встрѣтили ее съ какою-то шутливой привѣтливостію. Дамы съ замѣтнымъ недоброжелательствомъ; но Вольская ничего не замѣчала; отвѣчая криво на общіе вопросы, она разсѣянно глядѣла во всѣ стороны; лицо ея, измѣнчивое какъ облако, изобразило досаду; она сѣла подлѣ важной Княгини Г. и, какъ говорится, *se mit à bouder*.

Вдругъ она вздрогнула и обернулась къ балкону. Безпокойство овладѣло ею; она встала, пошла около креселъ и столовъ, остановилась на минуту за стуломъ стараго генерала Р., ничего не отвѣчала на его тонкій мадригалъ, и вдругъ скользнула на балконъ.

Испанецъ и Русской (прекратили свой разговоръ) и оба встали. Она подошла къ нимъ и съ явнымъ замѣшательствомъ сказала нѣсколько словъ по-Русски. Испанецъ, полагая себя лишнимъ, оставилъ ее и возвратился въ залу.

Важная Княгиня Г. проводила Вольскую глазами и вполголоса сказала своему сосѣду: Это ни на что не похоже.

Она ужасно вѣтрена, отвѣчалъ онъ.

Вѣтрена? этого мало. Она ведетъ себя—непростительно. Она можетъ не уважать себя сколько ей угодно; но свѣтъ еще не заслуживаетъ отъ нея такого пренебреженія. Минскій могъ бы ей этой замѣтить.

Il n'en fera rien; trop heureux de pourvoir la compromettre. Между тѣмъ, я бьюсь объ закладъ, что разговоръ ихъ самый невинный.

Я въ томъ увѣрена... Давно ли вы стали такъ добродушны?

Признаюсь, я принимаю участіе въ судьбѣ этой молодой женщины. Въ ней много хорошаго и гораздо менѣе дурного, нежели думаютъ. Но страсти ее погубятъ.

Страсти! какое громкое слово! Что такое страсти? Не воображаете ли вы что у ней пылкое сердце, романическая голова? Просто, она дурно воспитана... Что это за литографія? Портретъ Гуссейнъ-паши? покажите мнѣ его.

Гости разъѣзжались; ни одной дамы не оставалось уже въ гостиной; лишь хозяйка съ явнымъ неудовольствіемъ стояла у стола, за которымъ два дипломата доигрывали послѣднюю игру въ экарте. Вольская вдругъ замѣтила зарю и поспѣшно оставила балконъ, гдѣ она около трехъ часовъ сряду

находилась наединѣ съ Минскимъ. Хозяйка простилась съ нею холодно, а Минскаго не удостоила и взгляда.

У подъѣзда нѣсколько гостей ожидали своихъ экипажей. Минской посадилъ Вольскую въ ея карету.

Кажется, твоя очередь, сказалъ ему молодой офицеръ.

— Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Она занята; я просто ея наперсникъ или что вамъ угодно. Но я люблю ее отъ души: она уморительно смѣшна.

Зинаида Вольская лишилась матери на шестомъ году отъ рожденія. Отецъ ея, человѣкъ дѣловой и разсѣянный, отдалъ ее на руки француженкѣ, нанялъ учителей всякаго рода, и послѣ ужь объ ней не заботился. 14 лѣтъ она была прекрасна, (читала романы) и писала любовныя записки своему танцмейстеру. Отецъ объ этомъ узналъ, отказалъ танцмейстеру и вывезъ ее въ свѣтъ, полагая, что воспитаніе ея кончено. Появленіе Зинаиды надѣлало шуму. Вольскій, богатый молодой человѣкъ, привыкшій подчинять свои чувства мнѣнію другихъ, влюбился въ нее потому, что генер.-адъютантъ** на одномъ придворномъ балѣ рѣшительно объявилъ, что Зинаида первая красавица въ Петербургѣ и что Г** [осударь] встрѣтясь на Англійской набережной, цѣлый часъ съ нею разговаривалъ. Онъ сталъ свататься. Отецъ обрадовался случаю сбыть съ рукъ модную невѣсту. Зинаида горѣла нетерпѣніемъ быть замужемъ, чтобы видѣть у себя весь городъ. Къ тому же, Вольскій ей не былъ противенъ, и такимъ образомъ участь ея была рѣшена.

ГУСАРЪ НАЧАЛА 1830-хъ гг.
Этюдъ Г. Г. Чернецова.
(Галлерея П. Е. Цвѣткова въ Москвѣ).

Ея искренность, неожиданныя проказы, дѣтское легкомысліе производили съ начала пріятное впечатлѣніе, и даже свѣтъ былъ благодаренъ той, которая поминутно прерывала важное однообразіе Аристократическаго круга. Смѣялись ея шалостямъ; повторяли ея странныя выходки. Но годы шли, а душѣ Зинаиды все еще было 14 лѣтъ. Стали роптать. Нашли что Вольская не имѣетъ никакого чувства приличія, свойственнаго ея полу. Женщины стали отъ нее удаляться, а мущины приблизились. (Сперва) Зинаида (огорчилась, но потомъ) подумала, что она не въ проигрышѣ, и утѣшилась.

Молва стала приписывать ей любовниковъ. Злословіе даже безъ доказательствъ оставляетъ почти вѣчные слѣды. Въ свѣтскомъ уложеніи правдоподобіе равняется правдѣ, а быть предметомъ клеветы угрожаетъ пасъ въ собственномъ мнѣніи. Вольская, въ слезахъ негодованія, рѣши-

лась возмутиться противъ власти несправедливаго свѣта. Случай скоро представился.

Между молодыми людьми ее окружающими, Зинаида отличила (Минскаго). Повидимому, нѣкоторое сходство въ характерахъ и обстоятельствахъ жизни должно было ихъ сблизить. Въ первой молодости Минскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ также порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою. Минскій оставилъ его, притворяясь равнодушнымъ. Страсти на время заглушили въ его сердцѣ угрызенія самолюбія; но усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему, уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Онъ не любилъ свѣта, но не презиралъ, ибо зналъ необходимость его одобренія. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію. Вольская нравилась ему за то что она осмѣливалась явно презирать ему ненавистныя условія. Онъ подстрекалъ ее одобреніемъ и совѣтами, сдѣлался ея наперсникомъ и вскорѣ сталъ ей необходимымъ.

Б*** нѣсколько времени занималъ ея воображеніе. Онъ слишкомъ для васъ ничтоженъ, сказалъ ей Минскій Весь умъ его почерпнутъ изъ Liaisons dangereuses, такъ же какъ весь его Геній выкраденъ изъ Жомини. Узнавъ его короче вы будете презирать его тяжелую безнравственность какъ военные люди презираютъ его пошлыя разсужденія.

Мнѣ хотѣлось бы влюбиться въ Р., сказала ему Зинаида.

Какой вздоръ! отвѣчалъ онъ. Охота вамъ связаться съ человѣкомъ, который краситъ волосы и каждыя 5 минутъ повторяетъ съ упоеніемъ: *quand j'étais à Florence...* Говорятъ, его несносная жена влюблена въ него; оставьте ихъ въ покоѣ, они созданы другъ для друга.

А баронъ W.?

Это дѣвочка въ мундирѣ; но знаете ли что? Влюбитесь въ Л. Онъ займетъ ваше воображеніе; онъ такъ же необыкновенно уменъ, какъ необыкновенно дуренъ, et puis c'est un homme à grands sentiments, онъ будетъ ревнивъ и страстенъ, онъ будетъ васъ мучить и смѣшить, чего вамъ болѣе?

Однакожъ Вольская его не послушалась. Минскій угадывалъ ея сердце; самолюбіе его было тронуто; не полагая чтобъ легкомысліе могло быть соединено съ сильными страстями, онъ предвидѣлъ связь безо всякихъ важныхъ послѣдствій, лишнюю женщину въ спискѣ вѣтреныхъ своихъ любовницъ, и хладнокровно обдумывалъ свою побѣду.—Вѣроятно, еслибъ онъ могъ вообразить бури, его ожидающія, то отказался бы отъ своего торжества, ибо свѣтскій человѣкъ легко жертвуетъ своими наслажденіями и даже тщеславіемъ лѣни и благоприличію...

Минскій лежалъ еще въ постели, когда слуга подалъ ему письмо. Онъ распечаталъ его, зѣвая, пожалъ плечами, развернулъ два листа, вдоль и поперекъ исписанные мелкимъ женскимъ почеркомъ. Письмо начиналось такимъ образомъ: «Я намѣрена тебѣ сказать все, что имѣю на сердцѣ. Въ твоемъ присутствіи я не нахожу мыслей, которыя такъ сильно меня преслѣдуютъ. Твои софизмы не убѣждаютъ меня, но заставляютъ меня молчать. Это доказываетъ твое всегдашнее превосходство надо мною, но этого недовольно для спокойствія моего сердца...» Вольская упрекала его въ холодности, недовѣрчивости и проч., жаловалась, умоляла, сама не зная о чемъ, разсыпалась въ нѣжныхъ, ласковыхъ увѣреніяхъ и назначала ему вечеромъ свиданіе въ своей ложѣ. Минскій отвѣчалъ ей въ двухъ словахъ, извиняясь скучными необходимыми дѣлами и обѣщаясь быть непремѣнно въ театрѣ.

845. ВЪ КОЛОМНѢ НА УГЛУ МАЛЕНЬКОЙ ПЛОЩАДИ.

[Набросокъ 1831 г.].

ГЛАВА II.

Votre coeur est l'éponge imbibé
de fiel et de vinaigre.

Correspondance inédite.

(Въ Коломнѣ) на углу маленькой площади передъ деревяннымъ домикомъ стояла карета, явленіе рѣдкое въ сей отдаленной части города. Кучеръ спалъ лежа на козлахъ, а форейторъ игралъ въ снѣжки съ дворовыми мальчишками.

Въ комнатѣ, убранной со вкусомъ и роскошью, на диванѣ, обложенная подушками, одѣтая съ большой изысканностію, лежала блѣдная дама, ужъ не молодая но еще прекрасная. Передъ каминомъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ 26, перебирающій листы англійскаго романа.

Начинало смеркаться, каминъ гаснулъ; молодой человѣкъ продолжалъ свое чтеніе.

Блѣдная дама не спускала съ него своихъ черныхъ и впалыхъ глазъ, окруженныхъ болѣзненною синевою. Наконецъ она сказала: Что съ тобою сдѣлалось, Валеріанъ? ты сегодня сердитъ.

Сердитъ, отвѣчалъ онъ не поднимая глазъ съ своей книги.

— На кого?

На князя Горѣцкаго. У него сегодня балъ, и я незванъ.

— А тебѣ очень хотѣлось быть на его балѣ?

Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ. Но если зоветъ онъ весь городъ, то долженъ звать и меня.

— Который это Горѣцкой? Не князь ли Яковъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Князь Яковъ давно умеръ. Это братъ его, князь Григорій, извѣстная скотина.

(А! тотъ, который получилъ когда-то пощечину и не дрался?

— Совсѣмъ нѣтъ. Его били палкою... А все это штуки его жены; я не имѣлъ счастья ей понравиться).

На комъ онъ женатъ?

— На дочери того пѣвчаго... какъ бишь его?

— Я такъ давно не выѣзжала, что совсѣмъ разнакомилась съ вашимъ (высшимъ обществомъ)... Такъ ты очень дорожишь вниманіемъ князя Григорія, извѣстнаго мерзавца, и благосклонностію жены его, дочери цаловальника?

И конечно, съ жаромъ отвѣчалъ молодой человѣкъ, бросая книгу на столъ. Я человѣкъ свѣтской и не хочу быть въ пренебреженія у свѣтскихъ Аристократовъ. Мнѣ дѣла нѣтъ ни до ихъ родословной, ни до ихъ нравственности.

Кого ты называешь у насъ Аристократами?

— Тѣхъ, которые протягиваютъ руку Графинѣ Фуфлыгиной.

А кто такая Гр. Фуфлыгина?

— (Взяточница, толстая), наглая дура!

(Какія тонкія эпиграммы!) сказала дама послѣ нѣкотораго молчанія.

— (Я за остроуміемъ, слава Богу, не гоняюсь).

— И пренебреженіе людей, которыхъ ты презираешь, можетъ до такой степени тебя [разстраивать]... Признайся, тутъ есть иная причина...

Такъ: опять подозрѣнія! опять ревность! Это, ей-Богу, несносно.

Съ этимъ словомъ онъ всталъ и взялъ шляпу.

Ты ужъ ѣдешь, сказала дама съ безпокойствомъ. Ты не хочешь здѣсь отобѣдать?

— Нѣтъ, я далъ слово.

— Обѣдай со мною, продолжала она ласковымъ и робкимъ голосомъ. Я велѣла взять шампанскаго

— Это за чѣмъ? развѣ я москоскій

банкометъ, развѣ я безъ шампанскаго обойтиться не могу?

Но впослѣдній разъ ты нашелъ что вино у меня дурно, ты сердился что женщины въ этомъ не знаютъ толку. На тебя не угодишь.

— Не прошу и угождать.

Она не отвѣчала ничего. Молодой человѣкъ тотчасъ раскаялся въ грубости сихъ послѣднихъ словъ. Онъ къ ней подошелъ, взялъ ее за руку и сказалъ съ нѣжностію: Зинаида! прости меня: я сегодня самъ не свой; сержусь на всѣхъ и на все. Въ эти минуты надобно мнѣ сидѣть дома... Прости меня, не сердись.

— Я не сержусь, Валеріанъ: но мнѣ больно видѣть, что съ нѣкотораго времени ты совсѣмъ перемѣнился. Ты пріѣзжаешь ко мнѣ, какъ по обязанности, не по сердечному внушенію. Тебѣ скучно со мною. Ты молчишь, не знаешь, чѣмъ заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мнѣ, чтобы со мною побраниться и уѣхать... Я не упрекаю тебя: сердце наше не въ нашей волѣ; но я...

Валеріанъ уже ея не слушалъ. Онъ натягивалъ давно надѣтую перчатку и нетерпѣливо поглядывалъ на улицу.

Она замолчала съ видомъ стѣсненной досады. Онъ пожалъ ея руку, сказалъ нѣсколько незначущихъ словъ и выбѣжалъ изъ комнаты, какъ рѣзвый школьникъ выбѣгаетъ изъ класса. Зинаида подошла къ окошку, смотрѣла какъ подали ему карету, какъ онъ сѣлъ и уѣхалъ. Долго стояла она на томъ же мѣстѣ, опершись горячимъ лбомъ о оледѣнѣлое стекло. Наконецъ она сказала въ слухъ: нѣтъ онъ меня ужъ не любитъ! отерла глаза, позвонила; вошла горничная она велѣла засвѣтить лампу и сѣла за письменное бюрю...

** скоро удостовѣрился въ невѣрности своей жены. Это чрезвычайно его разстроило. Онъ не зналъ, на что рѣшиться: притвориться ничего не замѣчающимъ казалось ему глупымъ; смѣяться надъ нещастіемъ столь обыкновеннымъ—презрительнымъ; сердиться не на шутку—слишкомъ шумнымъ; жаловаться съ видомъ грубого оскорбленнаго чувства—слишкомъ смѣшнымъ. Къ щастію, жена его явилась ему на помощь.

Полюбивъ Володскаго, она почувствовала отвращеніе отъ своего мужа, сродное однѣмъ женщинамъ и понятное только имъ... Однажды вошла она къ нему въ кабинетъ, заперла за собою и объявила, что любитъ Володскаго, что не хочетъ обманывать мужа и втайнѣ его безчестить и что она рѣшилась развестись. ** не могъ опомниться отъ такого чистосердечія, былъ встревоженъ стремительностію; она не дала ему времени опомниться, въ тотъ же день переѣхала съ Англійской набережной въ Коломну и въ короткой записочкѣ увѣдомила обо всемъ Володскаго, ничего тому подобнаго не ожидавшаго. Онъ былъ въ отчаяніи: никогда не думалъ онъ связать себя такими узами. Онъ не любилъ скуки... боялся обязанностей и выше всего цѣнилъ свою себялюбивую независимость... Но все было кончено. Зинаида оставалась на его рукахъ. Онъ притворился благодарнымъ и приготовился на хлопоты любовной связи какъ на занятіе должностное или какъ на скучную обязанность повѣрять ежемѣсячные счеты своего дворецкаго... Но чѣмъ далѣе...

846. [МАРЬЯ ШОНИНГЪ].

[Набросокъ 1832 г.].

Анна Г[арлинъ] къ Марьѣ Ш[онингъ].

25-го апрѣля.

Милая Марья!

Что съ тобою дѣлается? Ужъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ не получала я отъ тебя ни строчки. Здорова ли ты? Кабы не всегдашнія хлопоты, я бы ужъ побывала у тебя въ гостяхъ, но ты знаешь: 12 миль — не шутка. Безъ меня хозяйство станетъ; Фрицъ въ немъ ничего не смыслитъ — настоящій ребенокъ. Ужъ не вышла ли ты за мужъ? Нѣтъ, вѣрно бы ты обо мнѣ вспомнила—и порадовала свою подругу вѣстію о своемъ щастіи. Въ послѣднемъ письмѣ ты писала, что твой бѣдный отецъ все еще хвараетъ; надѣюсь, что весна ему помогла и что теперь ему легче.—О себѣ скажу что я слава Богу здорова и щастлива. Работа идетъ помаленьку, но я все еще не умѣю ни запрашивать, ни торговаться. А надобно будетъ выучиться. Фрицъ также довольно здоровъ, но съ нѣкоторыхъ поръ деревянная нога начинаетъ его безпокоить—онъ мало ходитъ, а въ ненастное время кряхтитъ да охаетъ. Впрочемъ, онъ попрежнему веселъ, по прежнему любитъ выпить стаканъ вина, и все еще не досказалъ мнѣ исторію о своихъ походахъ. Дѣти растутъ и хорошѣютъ. Франкъ становится молодецъ. Вообрази, милая Марья, что ужъ онъ бѣгаетъ за дѣвочками,—каковъ?—а ему нѣтъ еще и трехъ лѣтъ. А какой забіяка! Фрицъ не можетъ имъ налюбоваться, и ужасно его балуетъ; вмѣсто того чтобъ ребенка унимать, онъ еще его подстрекаетъ, и радуется всѣмъ его проказамъ. Мина гораздо степеннѣе; правда—она годомъ старше,—я начала ужъ учить ее азбукѣ. Она очень понятлива и кажется будетъ хороша собою. Но что въ красотѣ? была бы добра и разумна, тогда вѣрно будетъ и щастлива.

P. S. Посылаю тебѣ въ гостинецъ косынку; обнови ее милая М. въ будущее воскресеніе, когда пойдешь въ церковь. — Это подарокъ Фрица, но красный цвѣтъ болѣе идетъ къ твоимъ чернымъ волосамъ, нежели къ моимъ свѣтлорусымъ. Мущины этого не понимаютъ. Имъ все равно что голубое, что красное. Прости, милая Марья, я съ тобою заболталась.—Отвѣчай же мнѣ поскорѣе. Батюшкѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе. Напиши мнѣ, каково его здоровье. Мать нашего пастора совѣтуетъ ему употреблять, вмѣсто чаю, красный *бедринецъ*, цвѣтокъ очень обыкновенный;— я отыскала и латинское его названіе; всякій аптекарь тебѣ укажетъ его.—Вѣкъ не забуду, что я провела три года подъ его кровлею, и что онъ обходился со мною, бѣдной сироткою, не какъ съ наемной служанкой — а какъ съ дочерью.

Марья Ш[онингъ] къ Аннѣ Г[арлинъ].

28-го апрѣля.

Я получила письмо твое въ прошедшую пятницу, (но) прочла письмо твое только сегодня. Бѣдный отецъ мой скончался въ тотъ самый день въ шесть часовъ поутру— вчера были похороны.

Я никакъ не воображала чтобъ смерть была такъ близка. Во все послѣднее время ему было гораздо легче—и Г. Кельцъ имѣлъ надежду на совершенное его выздоровленіе. Въ понедѣльникъ онъ даже гулялъ по нашему садику, и дошелъ до колодезя не задохнувшись. Возвратясь въ комнату онъ почувствовалъ легкій ознобъ, я уложила его и побѣжала къ Г. Кельцю—его не было дома... Возвратясь къ отцу я нашла его въ усыпленіи—я подумала, что сонъ успокоитъ его совершенно. Г. Кельцъ пришелъ вечеромъ— онъ осмотрѣлъ больного, и былъ недоволенъ его состояніемъ. Онъ прописалъ ему новое лѣкарство. Ночью отецъ проснулся и просилъ ѣсть—я дала ему супу; онъ хлебнулъ одну ложку и болѣе не захотѣлъ. Онъ опять впалъ въ усыпленіе.—На другой день

съ нимъ сдѣлались спазмы. Г. Кельцъ отъ него не отходилъ. Къ вечеру боль унялась—но имъ овладѣло такое безпокойство что онъ пяти минутъ сряду не могъ лежать въ одномъ положеніи—я должна была поворачивать его съ боку на бокъ... Передъ утромъ онъ утихъ... и часа два лежалъ въ усыпленіи.—Г. Кельцъ вышелъ сказавъ мнѣ что воротится часа черезъ два. — Вдругъ отецъ мой приподнялся и позвалъ меня—я къ нему подошла, и спросила что ему надобно? Онъ сказалъ мнѣ: Марья, что такъ темно... открой ставни.—Я испугалась и сказала ему: батюшка! развѣ вы не видите... ставни открыты. — Онъ сталъ искать около себя, схватилъ меня за руку и сказалъ: Марья, Марья, мнѣ очень дурно—я умираю... Дай, благословлю тебя—поскорѣе.—Я бросилась на колѣни, и положила его руку себѣ на голову — рука вдругъ отяжелѣла. Онъ сказалъ: Господь! награди ее; Господь! тебѣ ее поручаю. Онъ замолкъ; я подумала, что онъ опять заснулъ, и нѣсколько минутъ не смѣла шевельнуться. Вдругъ вошелъ Г. Кельцъ снялъ съ моей головы руку его—и сказалъ мнѣ: Теперь оставьте его, подите въ свою комнату. Я взглянула: отецъ лежалъ блѣдный и недвижимый. Все было кончено.

Добрый Г. Кельцъ цѣлые два дня не выходилъ изъ нашего дома и все разпорядилъ, потому что я была не въ силахъ. И въ послѣдніе дни я одна ходила за больнымъ: некому бы меня смѣнить. Часто я вспоминала о тебѣ и горько сожалѣла, что тебя съ нами не было. Вчера я встала съ постели и пошла было за гробомъ; но мнѣ стало дурно. Я стала на колѣни, чтобъ издали съ нимъ проститься. Фрау Ротбергъ сказала: какая комедіантка! Вообрази, что эти слова кольнули меня въ сердце, но мнѣ право было не до этой Ротберъ. Вообрази, милая Анна, что эти два слова возвратили мнѣ силу. Я пошла за гробомъ удивительно легко. Въ церкви, мнѣ казалось, было чрезвычайно свѣтло, и все кругомъ меня шаталось. Я не плакала. Мнѣ было душно, и мнѣ все хотѣлось смѣяться...

Его снесли на кладбище, что за церковью св. Якова, и при мнѣ опустили въ могилу. Мнѣ вдругъ захотѣлось тогда ее разрыть, потому что я съ нимъ не совсѣмъ простилась. Но многіе еще гуляли по кладбищу—и я боялась, что фрау Ротбергъ не сказала опять: какая комедіантка!

Какая жестокость не позволять дочери проститься съ мертвымъ отцомъ если ей вздумается...

Возвратясь домой, я нашла чужихъ людей которые сказали мнѣ что надобно запечатать все имѣніе и бумаги покойнаго отца.—Они оставили мнѣ мою комнату, только вынесли изъ нее все, кромѣ кровати и одного стула. Завтра воскресенье,—я не обновлю твою косынку, но очень тебя за нее благодарю. Кланяюсь твоему мужу, Франка и Н... цалую. Прощай. Пишу, стоя у окошка,—а чернильницу заняла у сосѣдей.

Марья Ш[онингъ] къ Аннѣ Г[арлинъ].

Милая Анна! Вчера пришелъ ко мнѣ чиновникъ и объявилъ, что все имѣніе покойнаго отца моего должно продаваться съ публичнаго торга въ пользу городской казны,—за то, что онъ былъ обложенъ не по состоянію и что по описи имѣнія оказался онъ гораздо богаче, нежели думали. Я тутъ ничего не понимаю. Въ послѣднее время мы очень много тратили на лѣкарство, у меня всего на разходъ осталось 23 талера.—Я показала ихъ чиновникамъ, которые однако жъ сказали чтобъ я деньги эти взяла себѣ,—потому что законъ ихъ не требуетъ.—Домъ нашъ будетъ продаваться на будущей недѣлѣ, и я не знаю, куда мнѣ дѣться.—Я ходила къ Г. Бургмейстеру, — онъ принялъ меня хорошо, но на мои просьбы отвѣчалъ что онъ ничего не можетъ для меня сдѣлать. Не знаю, куда мнѣ опредѣлиться. Если нужна тебѣ служанка, то напиши мнѣ; ты знаешь что я могу тебѣ помогать въ хозяйствѣ и въ рукодѣліи, а сверхъ того буду смотрѣть за дѣтьми и за Франкомъ, если онъ занеможетъ.—За больными ходить я научилась. Пожалуйста напиши нужна ли я тебѣ и не совѣстись. Я увѣрена, что отношенія наши отъ того нимало не перемѣнятся и что ты будешь для меня все та же добрая и снисходительная подруга.

Домикъ стараго Шонинга полонъ былъ народу. Толпа тѣснилась около стола за которымъ предсѣдательствовалъ оцѣнщикъ. Онъ кричалъ: Байковый камзолъ съ мѣдными пуговицами ** [столько-то]. Разъ, — два... Никто болѣе—байковый камзолъ ** — три. Камзолъ перешелъ въ руки новаго своего владѣльца.

Покупщики осматривали съ хулой и любопытствомъ вещи выставленныя на

торгъ. Фрау Ротбергъ разсматривала черное бѣлье, не вымытое послѣ смерти Шонинга; она теребила его, стряхивала и повторяла: дрянь, вѣтошь, лохмотья—и надбавляла по грошамъ. Трактирщикъ Гирцъ купилъ двѣ серебряныя ложки, пол-дюжины салфетокъ, и двѣ фарфоровыя чашки. Кровать, на которой умеръ Шонингъ, куплена была Каролиною Шмидтъ, дѣвушкой сильно нарумяненной, вида скромнаго и смиреннаго.

Марья, блѣдная какъ тѣнь стояла тутъ же, смотря на разхищеніе бѣднаго своего имущества. Она держала въ рукѣ ** талеровъ, готовясь купить что-нибудь и не имѣла духу перебивать добычу у покупщиковъ.

— Народъ выходилъ, унося пріобрѣтенное. Оставались непроданными два портрета въ рамахъ нѣкогда вызолоченныхъ, засиженныхъ мухами. На одномъ изображенъ былъ Шонингъ молодымъ человѣкомъ въ красномъ кафтанѣ, на другомъ—Христина, жена его, съ собачкою на рукахъ. Оба портрета были нарисованы рѣзко и ярко. Гирцъ хотѣлъ купить и ихъ чтобы повѣсить въ угольной комнатѣ своего трактира, потому что стѣны были слишкомъ голы. Портреты оцѣнены были въ **. Гирцъ вынулъ кошелекъ.

Въ это время Марья превозмогла свою робость и дрожащимъ голосомъ надбавила цѣну. Гирцъ бросилъ на нее презрительный взглядъ, и началъ торговаться.—Мало-по-малу цѣна возросла до ***. Марья дала наконецъ ***, Гирцъ отступился и портреты остались за нею. Она отдала деньги, остальныя спрятала въ карманъ, взяла портреты и вышла изъ дому, не дождавшись конца Аукціону.

Когда Марья вышла на улицу съ портретомъ въ каждой рукѣ, она остановилась въ недоумѣніи: куда ей были идти?..

Молодой человѣкъ въ золотыхъ очкахъ (одѣтый съ нѣкоторою странностію) подошелъ къ ней и очень вѣжливо вызвался отнести портреты куда ей будетъ угодно.

Я очень вамъ благодарна... я, право, не знаю... И Марья думала, куда бы ей отнести портреты покамѣсть она сама безъ мѣста.—

Молодой человѣкъ подождалъ нѣсколько секундъ и пошелъ своею дорогою, а Марья рѣшилась отнести портреты къ лѣкарю Кельцу...

НЕОКОНЧЕННЫЯ ПОВѢСТИ ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Пушкинъ при жизни напечаталъ десять повѣстей въ прозѣ: 5 «повѣстей Бѣлкина», «Пиковую Даму», «Исторію села Горюхина», «Кирджали», «Дубровскаго», «Капитанскую Дочку». Но одновременно съ ними былъ имъ задуманъ и начатъ цѣлый рядъ другихъ, отъ которыхъ сохранились черновые наброски и планы. Не считая «Арапа Петра Великаго» и «Египетскихъ Ночей», двухъ замысловъ, принявшихъ болѣе или менѣе отчетливыя очертанія, мы знаемъ еще объ одиннадцати повѣстяхъ Пушкина, оставшихся, такъ сказать, въ зародышѣ [1]). А отъ сколькихъ другихъ, тоже задуманныхъ и, можетъ быть, тоже начатыхъ, не дошло до насъ никакихъ слѣдовъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что каждое изъ этихъ неосуществленныхъ созданій Пушкина было имъ столь же любовно лелѣяно, какъ и его другіе, болѣе счастливые замыслы. На основаніи сохранившихся «программъ» и «плановъ» поэмъ и повѣстей Пушкина, мы знаемъ, какъ подробно и основательно обдумывалъ онъ всѣ свои произведенія, прежде чѣмъ приступалъ къ ихъ словесной обработкѣ. Мы вправѣ заключить по аналогіи, что и тѣ повѣсти, отъ которыхъ дошли до насъ лишь отрывочныя страницы и разрозненныя главы, самому Пушкину представлялись, хотя бы и «сквозь магическій кристалъ», но во вполнѣ законченныхъ формахъ. Тамъ, гдѣ мы порою затрудняемся уловить даже основную идею разсказа, для Пушкина былъ цѣлый міръ, полный разнообразныхъ событій и населенный толпою людей, которымъ лишь та или другая случайность не дала воплотиться въ художественныхъ образахъ.

Всматриваясь въ эти блѣдныя тѣни, въ эти слабо очерченныя фигуры, въ эти бѣгло намѣченныя событія, еще разъ изумляешься неисчерпаемой творческой мощи Пушкина и еще разъ понимаешь, какъ много мы потеряли съ нимъ. Если бы всѣ задуманныя Пушкинымъ повѣсти были написаны, русская литература обогатилась бы цѣлымъ рядомъ живыхъ лицъ, ярко представляющихъ нашу дѣйствительность и наше прошлое,—образовъ, которые были бы намъ столь же знакомы и любы, какъ Гриневъ, какъ Германъ, какъ Троекуровъ, какъ Царскій Арапъ... Теперь

---

[1]) 1) «Наденька» (1819 г.); 2) «Участь моя рѣшена» (1830—1831 г.); 3) Отрывки изъ романа въ письмахъ (1831 г.); 4) «Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля» (1831 г.); 5) «Въ 179* году возвращался я въ Лифляндію» (1831 г.); 6) «Гости съѣзжались на дачу графини Л'» (1831 г.); 7) «Рославлевъ» (1831 г.); 8) «Въ Коломнѣ на углу» (1832 г.); 9) «Марья Шонингъ» (1832 г.); 10) «Русскій Пеламъ» (1835 г.); 11) «Цесарь путешествовалъ» (1835 г.). Къ этому списку можно прибавить 12) недошедшій до насъ юношескій романъ «Цыганъ» (см. т. 1, стр. 68) и 13—14) два названныхъ выше отрывка: «Арапъ Петра Великаго» (1827 г.) и «Египетскія Ночи» (1835 г.). Что касается двухъ другихъ отрывковъ, присоединенныхъ сюда нѣкоторыми издателями, «4 мая 18** произведенъ я въ офицеры» (по Анненкову (1825 г.) и «Года четыре тому назадъ» (1834 г.), то первый изъ нихъ, повидимому,—первоначальный набросокъ «Станціоннаго Смотрителя», а второй—«Пиковой дамы». Еще меньше основаній причислять къ неоконченнымъ повѣстямъ Пушкина — начатую имъ обработку записокъ П. В. Нащокина. Добавимъ, что въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина хранятся еще два прозаическихъ наброска Пушкина (по описанію Б. Л. Модзалевскаго №№ 26 и 35), которые, повидимому, являются варіантами указанныхъ выше, и написанный по французски планъ неизвѣстнаго намъ произведенія (№ 30), можетъ быть, повѣсти.

же, стараясь разгадать творческіе замыслы Пушкина, приходится съ горестью повторять слова другого поэта:

Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или я самъ, или никто.

Если даже оставить въ сторонѣ тѣ наброски, въ которыхъ Пушкинъ намѣренъ былъ возсоздать картины исторической жизни Запада («Цесарь путешествовалъ» и «Марья Шонингъ»), все же въ девяти неоконченныхъ повѣстяхъ изъ русской жизни насъ не можетъ не поразить разнообразіе темъ, положеній, выведенныхъ типовъ. Кажется что на этихъ немногихъ, наскоро набросанныхъ страницахъ Пушкинъ успѣлъ коснуться всѣхъ сторонъ современной ему жизни, намѣтить всѣ характернѣйшіе типы, встрѣчавшіеся въ ней.

Въ большей части этихъ повѣстей дѣйствіе развивается въ Петербургѣ, въ кругу такъ называемыхъ «свѣтскихъ людей». Но въ каждомъ изъ отрывковъ этотъ кругъ представленъ съ новой точки зрѣнія. Въ «Наденькѣ» передъ нами молодые «повѣсы», гусары, которые по своему положенію могли бы бывать въ лучшемъ обществѣ, на предпочитаютъ ему свои «дружескія собранія», гдѣ можно поиграть въ банкъ, и вечера «у дѣвченокъ», гдѣ такъ пріятно ужинать. Пушкинъ намѣревался въ этой повѣсти изобразить тотъ кругъ, въ которомъ самъ вращался въ первый періодъ своей петербургской жизни. Будь «Наденька» написана, она стала бы драгоцѣннымъ дополненіемъ къ тѣмъ строфамъ 1-й главы «Онѣгина», гдѣ поминаются—

Красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой...

Или къ откинутымъ позднѣе строфамъ 2-й главы, гдѣ разсказывалось, какъ въ минувши годы Онѣгинъ готовъ былъ до свѣта—

Допрашивать судьбы завѣтъ,
Налѣво ляжетъ ли валетъ.

Отрывокъ «Участь моя рѣшена» рисуетъ частную жизнь свѣтскаго человѣка, который тоже не очень заботится о своихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, но уже «перебѣсился», начинаетъ тяготиться одиночествомъ, хотя еще любитъ проводить свои вечера «въ мужскомъ обществѣ, гдѣ тѣснится весь народъ». Въ отрывкѣ «Гости съѣзжались на дачу» мы видимъ подлинный «свѣтъ», гдѣ вращаются дипломаты и сановники. Это тотъ же кругъ салоновъ, который изображенъ въ VIII главѣ «Онѣгина». Петербургъ вечеровъ и баловъ, Петербургъ съ точки зрѣнія «выѣзжающей дѣвицы», мелькаетъ въ «Романѣ въ письмахъ». Отрывокъ «Въ Коломнѣ на углу» открываетъ намъ уголокъ жизни тѣхъ, кто былъ изъ «свѣта» выброшенъ и создалъ себѣ отдѣльную жизнь въ сторонѣ. Наконецъ, «Русскій Пеламъ» долженъ былъ охватить всѣ стороны русской жизни, въ томъ числѣ и петербургской,—жизнь «золотой молодежи», за кулисами театра, въ притонахъ, въ семьѣ...

Въ міръ русской помѣщичьей усадьбы переноситъ насъ большая часть сценъ «Романа въ письмахъ». Ихъ можно назвать варіантами къ безсмертнымъ сценамъ въ домѣ Лариныхъ. Мы вновь присутствуемъ на домашнемъ праздникѣ, напоминающемъ именины Татьяны, вновь признаемъ и «героевъ виста» и «дѣвченокъ», «прыгающихъ заранѣ» при вѣсти о полковой музыкѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи видна невеселая жизнь крестьянъ, которые для большинства героевъ только «души», отданныя на произволъ плута-приказчика. Та же помѣщичья жизнь, но уже не въ коренной Россіи, а въ Лифляндіи, должна была раскрыться въ отрывкѣ «Въ 179* г. возвращался я», отъ котораго къ сожалѣнію сохранилось лишь самое начало. Москва, съ ея старозавѣтнымъ укладомъ жизни, выступаетъ въ отрывкѣ «Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля». На двухъ-трехъ страницахъ первоначальнаго наброска Пушкинъ сумѣлъ намѣтить все своеобразіе жизни, сохранившейся въ городскихъ усадьбахъ на Арбатѣ и на Басманной. Эти страницы тоже можно назвать дополненіемъ къ «Онѣгину», именно къ главѣ VII, гдѣ Пушкинъ въ легкихъ строфахъ зарисовалъ «Грибоѣдовскую Москву». Наконецъ, широкую историческую панораму русской жизни «при французѣ», въ Москвѣ и въ деревнѣ, долженъ былъ развернуть передъ нами Пушкинскій «Рославлевъ».

Еще большее разнообразіе находимъ мы въ намѣченныхъ Пушкинымъ типахъ.

Особое вниманіе Пушкина привлекалъ образъ женщины страстной, экзальтированной, не умѣющей владѣть своими страстями. Пушкина, повидимому, соблазняла мысль изобразить и этотъ типъ, прямо противоположный его обычнымъ героинямъ,

Татьянамъ, Ольгамъ, Наташамъ... Самъ онъ въ жизни не разъ встрѣчалъ такихъ женщинъ, и одной изъ нихъ, А. Ѳ. Закревской, посвятилъ свои замѣчательные стихи:

Съ своей пылающей душой,
Съ своими бурными страстями,
О жены сѣвера, межъ вами
Она является порой.
И мимо всѣхъ условій свѣта
Стремится до утраты силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу расчисленномъ свѣтилъ.

Всего полнѣе удалось Пушкину воплотить этотъ типъ въ образѣ Вольской («Гости съѣзжались на дачу»). «Въ ней много хорошаго, и гораздо меньше дурнаго, нежели думаютъ, но страсти ее погубятъ», такъ характеризуетъ Вольскую одно изъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти. Такой и изобразилъ ее Пушкинъ. Презирая «всѣ условья свѣта», она хочетъ быть сама собой, свободно отдаваться всѣмъ своимъ желаніямъ и даже прихотямъ. Мы видимъ, какъ она дерзко бросаетъ вызовъ свѣтскимъ приличіямъ, бесѣдуя на балконѣ съ Минскимъ три часа наединѣ. Мы видимъ ея страстную, смятенную душу въ томъ письмѣ, какое она посылаетъ Минскому. Судя по словамъ Пушкина, что Минскій, еслибъ могъ вообразить бури, его ожидающія, навѣрное отказался бы отъ связи съ Вольской,—надо думать, что въ дальнѣйшемъ развитіи повѣсти Вольская должна была проявить всю пылкую страстность своей души. Мы, конечно, не можемъ предугадать, какую развязку далъ бы Пушкинъ этому роману, но нѣсколько замѣчаній, оброненныхъ имъ, заставляютъ думать, что онъ имѣлъ въ виду оправдать свои слова:

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ;
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ...

«Свѣтъ» долженъ былъ отомстить Вольской за ея смѣлость.

Къ тому же типу, какъ Вольская, принадлежитъ и Зинаида ** («Въ Коломнѣ на углу...»). Только для нея борьба со «всѣми условіями свѣта» уже въ прошломъ. Полюбивъ Валерьяна, она прямо объявила объ этомъ своему мужу и, не давъ ему опомниться, переѣхала съ Англійской набережной въ Коломну. Со всей рѣшительностью она сразу сломала свою жизнь, чтобы начать новую. Въ разговорѣ съ Валерьяномъ она столь же рѣшительно критикуетъ обычныя свѣтскія условности. О Вольской говорятъ, что «страсти ее погубятъ». Зинаида** уже сдѣлала послѣдній шагъ къ этой гибели. Изъ написанныхъ сценъ мы знаемъ, что Валерьянъ не любитъ болѣе Зинаиды. Сохранившаяся программа [1]) говоритъ намъ, что въ послѣднихъ главахъ къ этому охлажденію должно было присоединиться новое увлеченіе Валерьяна молодой дѣвушкой, на которой онъ готовъ жениться... Страстная ревность уже не молодой женщины, которая всѣмъ въ жизни пожертвовала своей любви и видитъ своей соперницей наивную, юную дѣвочку,—вотъ тотъ драматическій замыселъ, который образуетъ сущность повѣсти. Онъ уже былъ когда-то Пушкинымъ затронутъ въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ». Но какъ много новаго сумѣлъ бы дать Пушкинъ, развивая тотъ же замыселъ въ рамахъ близко ему знакомой, современной петербургской жизни! Насколько полнѣе сумѣлъ бы онъ, черезъ десять лѣтъ послѣ созданія образа Заремы, пересказать «языкъ мучительныхъ страстей»!

Близко къ Вольской и Зинаидѣ** стоитъ и Полина («Рославлевъ»). Она тоже пренебрегаетъ разными «условностями». Въ дни всеобщаго увлеченія патріотизмомъ она нарочно на улицахъ говоритъ по французски. Она энергично возстаетъ противъ того положенія женщины, на которое обрекъ ее обычай. «Я не признаю униженія, къ которому присуждаютъ насъ... Посмотри на M-de de Staël... А Шарлотта Кордэ? а наша Марѳа Посадница? а княгиня Дашкова? Чѣмъ я ниже ихъ?»—говоритъ она. Окружающіе не понимаютъ ее, смѣются надъ ея экзальтаціей, злословятъ о ней, но и о ней какъ о Вольской, должно сказать: «въ ней гораздо меньше дурного, нежели думаютъ». Сохранившаяся программа повѣсти [2]) касается только ея первыхъ главъ, но по

[1]) Въ Коломнѣ avant-soirée... Она—больная нѣжная. Онъ—разсѣянный, сатирическій. Явленіе въ свѣтъ молодой дѣвушки; онъ влюбляется.—Утро молодого человѣка.—У нихъ будутъ балы, покамѣстъ не выйдетъ замужъ; онъ представленъ. Сцены въ Коломнѣ. Онъ ссорится, (Рук. Румянц. музея № 2382). Замѣтимъ, что другой варіантъ начала той же повѣсти находится въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина. (По описанію Б. Л. Модзалевскаго, № 50).

[2]) Москва тому назадъ 20 лѣтъ — Полина г. Загоскина.—Ея семейство, ея характеръ.—M-me de Сталь въ Москвѣ.—Обѣдъ, данный ей княземъ. Ея записка.—Война съ Наполеономъ.—Молодой графъ Мамоновъ.—Мы ѣдемъ изъ Москвы. (Рук. Румянц. музея № 2382).

вступленію видно, что Пушкинъ намѣренъ былъ сохранить фабулу Загоскинскаго романа. Дама, отъ лица которой ведется этотъ разсказъ, прямо говоритъ, что хочетъ быть «защитницей тѣни». Слѣдовательно, Полина Пушкина, какъ и Полина Загоскина, должна была полюбить Синекура, француза, врага отечества. Смѣлое рѣшеніе Полины—послѣдовать влеченію своего сердца, наперекоръ господствующимъ предразсудкамъ, и должно было образовать завязку Пушкинскаго «Рославлева» [1]).

Скорѣе къ Татьянѣ, чѣмъ къ Вольской, приближается Лиза («Романъ въ письмахъ»). Она опытнѣе, искушеннѣе Татьяны, такъ какъ воспитывалась не въ деревнѣ, не въ уединеніи, но въ Петербургѣ, привыкла къ обществу, къ балamъ. Къ ней не примѣнимо то, что Пушкинъ говоритъ о Татьянѣ:

Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива...

Но у нея общаго съ Татьяной—потребность жить внутри себя, замкнутой жизнью чувства. Даже въ «болтливыхъ» письмахъ къ подругѣ Лиза не договариваетъ до конца всего, что думаетъ, и долго тантъ «тайну сердца своего». Какъ Татьяна, полюбивъ, она любитъ навсегда, глубоко, съ негодованіемъ отвергаетъ легкомысленные совѣты подруги и съ ужасомъ признается, какъ легко отъ нея «добиться любви», «добиться признанія». Повѣсть обрывается намекомъ на то, что Владиміръ Z*, любя Лизу, не прочь въ то же время повести и другой романъ, съ Машенькой. На этомъ, конечно, и былъ бы основанъ драматизмъ повѣсти, такъ какъ душа Лизы не могла бы примириться ни съ какимъ раздѣленіемъ чувства. Намъ кажется, что Пушкинъ въ своей повѣсти хотѣлъ еще разъ показать, что для Татьяны, для Лизы счастіе всегда только «возможно», только «близко», но не достижимо никогда.

До нѣкоторой степени къ типу Татьяны принадлежитъ и соперница Лизы — Машенька. Но если въ образѣ Лизы есть черты, которыхъ нѣтъ у Татьяны, то Машенькѣ, напротивъ, многихъ чертъ Татьяны не достаетъ. Въ ней меньше глубины, меньше своеобразности. «Стройная, меланхолическая дѣвушка, лѣтъ семнадцати, воспитанная на романахъ и на чистомъ воздухѣ», говоритъ о ней Лиза. «Дѣвушка, выросшая подъ яблонями, воспитанная между скирдами, природой и нянюшками», говоритъ Владиміръ Z*. Машенька, какъ Татьяна, съ дѣтства

влюблялася въ обманы
И Ричардсона и Руссо.

Но она чужда странностей Татьяны, которая «въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой. Съ книгой въ рукахъ, Машенька цѣлый день проводитъ въ полѣ, окружена дворовыми собаками, говоритъ о погодѣ нараспѣвъ, съ чувствомъ потчуетъ вареньемъ. Кажется Пушкинъ въ Машенькѣ хотѣлъ изобразить «уѣздную барышню» безъ той идеализаціи, которую придалъ своему «милому идеалу».

Подруга Лизы, Саша, отдаленно напоминаетъ Ольгу Ларину, только съ дѣтства перенесенную въ Петербургъ въ кругъ «большого свѣта». Ея единственное достоинство, отличающее ее отъ «простодушной» Ольги,—злое остроуміе, которое она охотно изливаетъ въ «эпиграммахъ сердца», т. е. въ злословіи обо всѣхъ знакомыхъ. Это не мѣшаетъ ей быть, подобно Ольгѣ, всегда «веселой какъ утро». На жизнь она смотритъ поверхностно и мужчинъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія брака, разбирая, насколько выгоденъ тотъ или другой женихъ. Лизѣ она даетъ добрый совѣтъ «завлечь далеко» Владиміра Z*, такъ какъ послѣ этого она могла бы жить на Англійской набережной и давать вечера по субботамъ. Когда Лиза повѣряетъ ей, наконецъ, тайну своей любви и истинную причину своего отъѣзда изъ Петербурга, Саша отвѣчаетъ ей, искренно не понимая глубины ея чувства: «Ты имѣешь даръ смотрѣть на вещи Богъ знаетъ съ какой стороны».

Очень блѣдно намѣчены два другихъ женскихъ облика, которымъ, повидимому, назначалась важная роль въ двухъ начатыхъ повѣстяхъ. Первая, это—дочь Томской («Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»), о которой сказано только: «дѣвушка лѣтъ 18-ти, стройная и высокая, съ блѣднымъ прекраснымъ лицомъ и черными глазами». Вторая,—дочь Каролины Ивановны («Въ 179* году возвращался я...»): «осьмнадцать лѣтъ, круглое румяное лицо, темныя, узенькія брови, свѣжій ротикъ и голубые глазки...» Едва ли мы ошибаемся, предположивъ въ этихъ двухъ дѣвушкахъ два новыхъ воплощенія любимѣйшихъ женскихъ типовъ Пушкина: Татьяны и Ольги.

Среди типовъ мужчинъ особенно внимательно вырисованъ Пушкинымъ образъ Минскаго («Гости съѣзжались на дачу»).

[1]) Ср. дальше нашу статью «Русская Шарлота Кордэ—неизвѣстный замыслъ Пушкина». *Ред.*

Онъ также принадлежитъ къ числу новыхъ людей какъ Вольская, какъ Зинаида**. Онъ такъ же, какъ онѣ, какъ раньше него Онѣгинъ, «условій свѣта свергнулъ бремя». Но въ то время, какъ женщинами руководятъ при этомъ страсти, Минскій умѣетъ подчинять ихъ холодному разсудку. «Въ первой молодости, говоритъ Пушкинъ, Минскій порочнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ порицаніе свѣта, который наказалъ его клеветою... Усмиренный опытами, явился онъ вновь на сцену общества и принесъ ему уже не пылкость неосторожной своей юности, но снисходительность и благопристойность эгоизма. Со всѣмъ тѣмъ, уважая вообще, онъ не щадилъ его въ особенности, и каждаго члена его готовъ былъ принести въ жертву своему злопамятному самолюбію».

Эта характеристика пополняется еще описаніемъ того, какъ Минскій держалъ себя съ Вольской. «Онъ подстрекалъ ее одобреніями и совѣтами». Онъ «сдѣлался ея наперсникомъ» и язвительно остерегалъ ее противъ всѣхъ, кто занималъ ея воображеніе. Онъ хладнокровно обдумывалъ свою побѣду, готовилъ въ Вольской себѣ лишнюю любовницу. Получивъ письмо Вольской, Минскій являетъ всѣ признаки недовольства. Онъ самъ вовсе не увлеченъ Вольской и не охотно пожертвовалъ бы своимъ спокойствіемъ даже ради тщеславія... Минскій никого не любитъ, всѣхъ презираетъ; въ душѣ онъ поставилъ себя не только выше «условій свѣта», но, можетъ быть, и выше условій морали и чувствуетъ свое превосходство надъ всѣми. Минскій— прототипъ будущаго Печорина.

Если въ Минскомъ Пушкинъ хотѣлъ изобразить «современнаго человѣка»

Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,

то во Владимірѣ Z* («Романъ въ письмахъ») онъ искалъ типъ человѣка средняго, не слишкомъ дурного, не слишкомъ хорошаго, не слишкомъ «новаго», не слишкомъ старозавѣтнаго, въ общемъ, что называется «добраго малаго». Пушкинъ удѣлилъ Владиміру нѣкоторыя свои мысли, заставилъ его смѣяться надъ упѣлѣвшими въ деревнѣ Простаковыми и Скотиниными, но выставилъ на видъ и всю его мелочность. Съ чрезмѣрной живостью Владиміръ чувствуетъ уколъ, когда его другъ намекаетъ ему, что онъ отсталъ отъ вѣка, отъ моды. Владиміръ искренно увлеченъ Лизой, ради нея бросилъ Петербургъ, но въ то же время заводитъ романъ съ Машенькой. Весь характеръ Владиміра основанъ на поверхностномъ отношеніи къ жизни, которое порою становится преступнымъ. Къ какой бы развязкѣ ни повелъ Пушкинъ свой «Романъ въ письмахъ», ясно, что Владиміру онъ могъ предсказать только тотъ «обыкновенный удѣлъ», котораго такъ боялся для Ленскаго:

Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганный халатъ...
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ...

Незатѣйливымъ юношей, истиннымъ сыномъ своего вѣка изображенъ Валерьянъ Володскій или по другому варіанту Алексѣй Высоцкій («Въ Коломнѣ на углу»). Если ни Минскаго, при всемъ его презрѣніи къ людямъ, ни Владиміра, при всей его безпечности, Пушкинъ не освободилъ отъ боязни «общественнаго мнѣнія», на которой будто бы «вертится міръ», то въ Валерьянѣ онъ изобразилъ эту боязнь въ каррикатурѣ. Валерьянъ жалуется, что не званъ къ князю Горецкому. «А тебѣ очень хотѣлось быть на его балѣ»? спрашиваетъ Зинаида.— «Нимало. Чортъ его побери съ его баломъ. Но если зоветъ весь городъ, то долженъ звать и меня». Немного дальше, на вопросъ, кого называть аристократами, онъ отвѣчаетъ: «Тѣхъ, которые протягиваютъ руку графинѣ Фуфлыгиной...»—А кто такая графиня?— «Взяточница, толстая, наглая дура». Въ этомъ діалогѣ Пушкинъ приближается къ шаржу, хотя заботливость Валерьяна о томъ, что скажутъ, должна была составлять главную пружину романа. Именно эта заботливость заставила его, ненавидѣвшаго всякія обязанности, выше всего цѣнившаго «себялюбивую независимость», — согласиться на открытую связь съ Зинаидой и выполнять свою должность любовника, какъ «занятіе должностное».

Автобіографическія черты явно видны въ женихѣ Наденьки («Участь моя рѣшена»). Пушкинъ писалъ этотъ отрывокъ въ тѣ дни, когда самъ былъ женихомъ Гончаровой. Но, конечно, герой отрывка лишь настолько Пушкинъ, насколько можно у Пушкина отнять его геній, его поэтическій даръ. Подобно Володскому, этотъ герой выше всего цѣнитъ свою независимость, «свою безпечную, прихотливую независимость», подъ которой онъ разумѣетъ и уединеніе, и право на непостоянство, и возможность читать за обѣдомъ новый

романъ Купера или Вальтера-Скотта, а вечеръ проводитъ «въ мужскомъ обществѣ». Можно напомнить, что и отъ своего лица высказывалъ Пушкинъ сродные идеалы.

Никому

Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать...
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественной природы красотамъ...[1])

Рядомъ съ этими фигурами, которыя должны были дѣйствовать на первомъ планѣ въ задуманныхъ повѣстяхъ, стоятъ другія, второстепенныя, однако, порой намѣченныя очень ярко.

Прежде всего должно упомянуть двухъ московскихъ барынь,—Катерину Петровну Томскую и Прасковью Ивановну Поводову («Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля»). Съ добродушнымъ юморомъ Пушкинъ нарисовалъ въ нихъ типы старой, «допожарной» Москвы, которая какъ бы оживаетъ въ ихъ рѣчахъ. И, можетъ быть, самое замѣчательное въ этомъ отрывкѣ именно рѣчь этихъ двухъ барынь, необыкновенно красочная, характерная, въ которой остро подмѣчены всѣ особенности московскаго говора на рубежѣ двухъ вѣковъ, XVIII и XIX. Бѣгло, но выпуклыми чертами изображенъ первый женихъ Полины («Рославлевъ»), братъ той дамы, отъ лица которой ведется разсказъ,—повѣса, франтъ, общій баловенъ, но человѣкъ не лишенный благородства чувствъ. Какъ эпизодическое лицо, но тоже очень живо, выведена M-me de Staël (тамъ же)... Еще дальше, на послѣднемъ планѣ стоитъ цѣлая толпа лицъ, образующихъ всю русскую жизнь того времени, лицъ охарактеризованныхъ большею частью одной строкой, однимъ эпитетомъ: отецъ Полины, заслуженный человѣкъ, ѣздившій цугомъ, носившій ключъ и звѣзду, однако, вѣтреный и простой («Рославлевъ»); мужъ Зинаиды, котораго невѣрность жены разстроила главнымъ образомъ потому, что онъ не зналъ, какъ слѣдуетъ ему въ такомъ случаѣ поступить («Въ Коломнѣ на углу»); родители Машеньки, отецъ—хлѣбосолъ, мать—толстая веселая баба, большая охотница до виста («Романъ въ письмахъ»); плутъ-приказчикъ, притѣсняющій крестьянъ, а господъ обкрадывающій (тамъ же) и т. д., и т. д.

Громадное число лицъ было намѣчено Пушкинымъ для его романа «Русскій Пелямъ». Въ написанной части романа его герой, Пелымовъ, еще не обрисованъ. Мы видимъ только его раннее дѣтство и годы студенчества въ нѣмецкомъ университетѣ. Самъ Пелымовъ называетъ себя «безпечнымъ» и это единственная характеристика, которую можно дать юношѣ, изображенному въ отрывкѣ романа. Полнѣе охарактеризованъ отецъ героя, о которомъ въ одной программѣ сказано: «frivole въ русскомъ родѣ» Это—одинъ изъ своевольныхъ, неукротимыхъ людей XVIII в., немного въ духѣ отца П. В. Нащокина (см. дальше его «Записки»). Онъ женится противъ воли родителей, бросаетъ службу, потомъ влюбляется въ женщину, «извѣстную красотой и любовными похожденіями», покупаетъ ее у мужа за 10.000 руб., хотя вовсе не былъ богатъ и т. д. О характерѣ Анны Петровны Вирлацкой Пушкинъ оставляетъ догадываться читателя по словамъ о ея «любовныхъ приключеніяхъ», такъ какъ въ самой повѣсти показываетъ только «видную бабу, не въ первомъ цвѣтѣ молодости», скупую и злую. Нѣсколькими штрихами намѣчены комическія фигуры учителей.

Главное значеніе романа должно было раскрыться только въ послѣдующихъ главахъ, гдѣ Пушкинъ хотѣлъ изобразить похожденія Пелымова во всѣхъ кругахъ и слояхъ общества. Сохранившіяся пять программъ романа и самое его заглавіе, заимствованное у романа Бульвера «Pelham or the adventures of a gentleman», говорятъ намъ, что Пушкинъ имѣлъ въ виду дать широкую картину своей эпохи. Въ этихъ программахъ Пушкинъ обозначалъ своихъ героевъ именами лицъ, дѣйствительно жив-

---

[1]) Пушкинъ говорилъ, негодуя:

Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ!

и упрекалъ Байрона въ томъ, что онъ каждому изъ дѣйствующихъ лицъ своей трагедіи роздалъ по одной изъ составныхъ частей своего характера. Но надо замѣтить, что и въ большинствѣ героевъ Пушкина можно узнать отдѣльныя стороны его характера. Среди героевъ «неоконченныхъ повѣстей» не одинъ только женихъ Наденьки напоминаетъ Пушкина: Владиміръ Z* стремится въ деревню, какъ Пушкинъ, замышлявшій «побѣгъ въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ»; Валерьянъ Володскій страдаетъ той слабостью, отъ которой не былъ вполнѣ свободенъ и Пушкинъ и т. д. Труднѣе всего сблизить Пушкина съ Минскимъ (хотя онъ и вложилъ въ уста Минскому свои мысли о дворянствѣ). Но и въ Минскомъ можно усмотрѣть черты той стороны духа Пушкина, которую онъ умѣлъ таить, которую едва-едва удается угадать въ нѣсколькихъ неосторожно вырвавшихся у него признаніяхъ....

шихъ, и это позволяетъ намъ болѣе или менѣе ясно представить себѣ всѣ главныя фигуры романа. Рядомъ съ Пелымовымъ, человѣкомъ добрымъ, но слабохарактернымъ, долженъ былъ стоять, то какъ его другъ, то какъ соперникъ, Ѳ. Ѳ. Орловъ, un mauvais sujet, по опредѣленію Пушкина. Затѣмъ Пушкинъ предполагалъ вывести въ своемъ романѣ чуть ли не всѣхъ сколько-нибудь видныхъ представителей русскаго общества 20-хъ годовъ: А. Ѳ. Орлова, Н. В. Всеволожскаго, гр. В. П. Кочубея и его дочь Наталью, Н. С. Мордвинова, семью Пашковыхъ, декабристовъ (И. Долгорукаго, С. Трубецкаго, Н. Муравьева), литераторовъ (Ив. Козлова, А. Грибоѣдова, кн. Шаховского), знаменитыхъ танцовщицъ (Истомину, Овошникову), актрисъ (Ежову) и мн. др. Важнѣйшими событіями романа должны были быть убійство Ѳ. Ѳ. Орловымъ нѣкоего Щепочкина,—преступленіе, въ которомъ былъ заподозрѣнъ и Пелымовъ,—и сношенія Пелымова съ Н. В. Кочубей.

Въ наброскахъ нѣкоторыхъ повѣстей Пушкинъ влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ разсужденія объ интересовавшихъ его предметахъ. Владиміръ Z** пространно обсуждаетъ назначеніе помѣщика. Тотъ же Владиміръ Z**, хотя онъ и внукъ «бородатаго милліонщика», и Минскій много говорятъ о дворянствѣ. Полина разсуждаетъ о правахъ женщины и т. т. Во всѣхъ этихъ рѣчахъ Пушкинъ повторяетъ тѣ же мысли, которыя мы находимъ въ его статьяхъ и замѣткахъ.

Валерій Брюсовъ.

ДУБРОВСКІИ.

У Пушкина находимъ мы рядъ произведеній съ идеей государственной, съ ярко подчеркнутой тенденціей даже не національной и не патріотической, а именно государственной идеализаціи. Нигдѣ она не сказалась болѣе мощно, красиво и на первый взглядъ убѣдительно, какъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ». Поэтому представители офиціальной народности, начиная съ 40-хъ годовъ и вплоть до нашихъ дней, такъ легко могли считать своимъ в с е г о поэта, разражаться выкриками въ стилѣ «онъ не вашъ, не вашъ!» Эти удивительныя по своей прямолинейности заявленія могли основываться только на той разносторонности Пушкина, которая дѣлаетъ его образъ подчасъ даже двойственнымъ. И представители офиціальной народности забывали, что тому же Пушкину принадлежитъ, кромѣ ряда великолѣпныхъ произведеній съ апоѳеозаціей свободы въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ,—первый серьезный и художественно-реальный соціальный русскій романъ. Съ него начинается совершенно новый у насъ литературно-общественный жанръ, всего черезъ шесть лѣтъ послѣ своего появленія въ печати давшій уже начало «Записокъ охотника».

I.

Это — «Дубровскій», набросанный наскоро, карандашомъ, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, съ слабыми слѣдами отдѣлки, порой только съ намѣченными широкими картинами соціальнаго зла и съ яснымъ отвѣтомъ, даннымъ, впрочемъ, не самимъ Пушкинымъ, а жизнью. Авторъ не отдавалъ «Дубровскаго» въ печать едва ли потому только, что, какъ думаетъ большинство историковъ литературы, хотѣлъ начать имъ серію большихъ и глубокихъ бытовыхъ романовъ и собирался серьезно отдѣлать и закончить «Дубровскаго». Скорѣе— потому, что находилъ то время совершенно неудобнымъ, даже невозможнымъ для печатанія подобныхъ вещей. Въ данномъ случаѣ болѣе справедливо удивленіе тѣхъ же историковъ по поводу того, что въ 1841 году романъ Пушкина не встрѣтилъ особенныхъ препятствій со стороны цензуры, хотя всѣ данныя для того были на лицо, вплоть до «восхваленія преступленій». Особенно опаснымъ мѣстомъ казалось описаніе въ XIX главѣ стычки шайки Дубровскаго съ правительственными войсками, полное пораженіе послѣднихъ и побѣда разбойниковъ.

Какъ художникъ-гражданинъ, Пушкинъ въ «Дубровскомъ» нападаетъ не на отдѣльныя личности, а на весь государственный укладъ. Въ этомъ смыслѣ мы и сближаемъ его съ тургеневскими разсказами. Вѣдь, «обличеніе» отдѣльныхъ отрицательныхъ» личностей, въ данномъ случаѣ жестокихъ помѣщиковъ, подкупныхъ чиновниковъ и т. д., словомъ, «злонравія достойныхъ плодовъ»—не было новостью. Ими русская литература не бѣдна, начиная хотя бы съ Кантемира, не говоря уже объ анонимныхъ сатирическихъ повѣствованіяхъ XVII вѣка и даже болѣе раннихъ. Соціальная правда «Дубровскаго» и образа самого Дубровскаго состоитъ именно во всемъ ужасѣ того порядка, который дѣлаетъ невозможнымъ существованіе массъ, развращаетъ тѣхъ, кто владѣетъ этими массами и вызываетъ появленіе такихъ героевъ, которые своимъ благородствомъ, идеализмомъ, рыцарствомъ, душевной красотой приковываютъ къ себѣ всѣ симпатіи

массъ, терроризуютъ угнетателей и власти, все время держатъ въ напряженіи вниманіе читателей, заставляютъ его трепетать за судьбу героевъ. Это—тѣ разбойники-идеалисты, которые не убиваютъ, а только грабятъ, которые отнимаютъ, отбираютъ у имущихъ слишкомъ много, грабятъ не для себя, а для неимущихъ, далеки отъ жестокости, изувѣрства, къ которымъ съ необыкновенной любовью относится и русская устная пѣсня, и чуткій къ правдѣ народъ.

Образъ разбойника много разъ привлекалъ вниманіе Пушкина. Припомнимъ Пугачева въ «Капитанской дочкѣ» и въ «Матеріалахъ для исторіи пугачевскаго бунта», Разина—въ собранныхъ имъ устныхъ пѣсняхъ, «Братьевъ разбойниковъ», «Кирджали», «Гайдука Хризича» и другихъ сербскихъ гайдуковъ въ «Пѣсняхъ западныхъ славянъ», «Сказку о мертвой царевнѣ», «Жениха», «Узника» и т. д., и т. д. ВъБессарабіи Пушкинъ интересовался разбойникомъ-румыномъ Урсуломъ, полнымъ такого же обаянія, живописности и высшей правды и приказалъ переписать все судебное дѣло о немъ. Пушкинъ слыхалъ и на сѣверѣ не мало подобныхъ разсказовъ, всегда исполненныхъ симпатіи къ своимъ героямъ,—но и нигдѣ образъ разбойника-идеалиста не вылился въ такой законченной и цѣльной формѣ, какъ въ «Дубровскомъ».

II.

При первомъ появленіи въ печати «Дубровскій» былъ признанъ не вполнѣ удачнымъ. И даже тѣ критики, которые умѣли или только желали найти въ немъ нѣчто положительное, высказывали похвалы со всякаго рода оговорками. Наиболѣе благопріятные отзывы о повѣсти (въ томъ числѣ и о главныхъ герояхъ, но не о картинахъ русской жизни, признанныхъ удачными почти единогласно) сводились къ тому, что Пушкинъ въ концѣ концовъ все-таки справился съ романомъ, при всей неблагодарности канвы «заурядnаго романа приключеній», или что «вообще вся повѣсть сильно отзывается мелодрамой». И уже въ этихъ словахъ мы видимъ, что Дубровскій, непонятый и одинокій въ жизни, остался непонятымъ и одинокимъ въ критикѣ, хотя авторъ сдѣлалъ все, чтобы образъ героя сталъ близкимъ и любовнымъ.

Причина непониманія Дубровскаго заключается прежде всего въ сложности его образа и объясняется отчасти тѣмъ, что онъ соединяетъ въ себѣ черты типично русскія вмѣстѣ съ не менѣе яркими западными. Указанія на эту двойственность, притомъ съ яснымъ намекомъ на нерусскій оригиналъ, найдемъ у Бѣлинскаго: «молодой Дубровскій представленъ Ахилломъ между людьми такого рода (помѣщиками)»; «несмотря на все мастерство, которое обнаружилъ авторъ въ его изображеніи», Дубровскій «все-таки остался лицомъ мелодраматическимъ».

Еще болѣе опредѣленно говоритъ о томъ же анонимный критикъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1841 годъ—отзывъ слишкомъ отрицательный, въ основѣ своей невѣрный, съ типичными передержками профессіональнаго шулерства въ области «пунктовъ обвиненія», предъявленнаго къ Дубровскому,—и согласиться съ нимъ можно развѣ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о западныхъ образцахъ или параллеляхъ.

«Молодой Дубровскій кажется намъ лицомъ не русской природы. Это какая то смѣсь Фрадіаволо и Карла Моора — русскій офицеръ, который изъ мщенія и ненависти дѣлается атаманомъ разбойниковъ, потомъ подъ личиной гувернера-француза скрывается въ домѣ Троекурова, смертельнаго врага своего; ловкій и хитрый удалецъ, который, будучи преслѣдуемъ полиціей, въ этомъ самомъ домѣ, безъ важной побудительной причины, грабитъ ночью одного гостя и открываетъ ему свое имя; въ одно время проказничаетъ на большихъ дорогахъ и заводитъ интригу съ дочерью Троекурова,—все это не весьма естественно, въ Радклифовскомъ, а не въ Пушкинскомъ духѣ.

На тѣ же западныя параллели найдемъ намеки и въ самой повѣсти. Вся сцена около кареты послѣ вѣнчанія, начиная съ «человѣка въ полумаскѣ» и кончая рыцарскими отвѣтами и поступками Дубровскаго, сразу же переноситъ читателя изъ сѣвернаго русскаго лѣса на поля Италіи. Князь Верейскій спрашиваетъ во время прогулки:

— Куда жъ дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ ли онъ? живъ ли онъ?

Или другой его вопросъ, героинѣ повѣсти:

— Не правда-ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче съ этимъ романтическимъ героемъ?

III.

Эти отзывы и факты заставляютъ историка литературы обратиться къ западнымъ литературамъ, гдѣ найдутся, конечно, не столько источники-оригиналы для Пушкина, сколько такія параллели, которыя дѣйствительно говорятъ о нерусскихъ внѣшнихъ, чисто-рыцарскихъ чертахъ разбойника-героя. И если обратимся къ фактамъ, собраннымъ въ старомъ изслѣдованіи Аппеля «Die Ritter-Räuber — und Schaueromantik (1859) или въ болѣе новой диссертаціи Карла Миллера Фраурейта (Müller-Fraureuth) «Die Ritter-und Räuberromane. Ein Beitrag zur Bildungsgeschichte des deutschen Volkes» (Галле, 1894), а вмѣстѣ съ тѣмъ припомнимъ, что переводы наиболѣе популярныхъ на западѣ «разбойничьихъ романовъ» были сдѣланы у насъ въ концѣ XVIII и началѣ минувшаго вѣка, что ими зачитывались, что имъ подражали не только въ литературѣ, но и въ жизни, что о благородныхъ разбойникахъ-герояхъ мечтали юныя читательницы и читатели и т. д.,—то весь образъ Дубровскаго, созданный Пушкинымъ, сразу же выйдетъ за предѣлы рамокъ русской дѣйствительности. Онъ станетъ нѣсколько экзотическимъ, нѣсколько дѣланнымъ, но въ то же время болѣе осязательнымъ, понятнымъ и литературно-жизненнымъ. Сходство касается всего образа, его сущности, а не деталей, всецѣло русскихъ и только связанныхъ съ реальнымъ бытомъ эпохи, къ которой относится повѣсть.

Какъ гетевскій «Гётцъ» долго считался высокимъ, почти недостижимымъ образцомъ для романовъ рыцарскихъ, такъ «Разбойники» Шиллера, гдѣ идеалъ разбойника и идеалъ рыцаря такъ тѣсно соединены между собой,—служили образцомъ для романовъ разбойничьихъ. Вторая драма появилась десять лѣтъ спустя послѣ первой, но обѣ онѣ связаны удивительнымъ духовнымъ родствомъ: обѣ онѣ—результатъ одинаковыхъ соціально-культурныхъ настроеній. Нѣмецкіе изслѣдователи усматриваютъ въ Гётцѣ и Карлѣ Моорѣ «свойственное нѣмцамъ стремленіе къ свободѣ и самостоятельности». Но они, конечно, не правы, приписывая «то стремленіе одной лишь націи. Оба героя борются противъ возмутительныхъ соціальныхъ условій, ставятъ себя внѣ законовъ, осуществляютъ великіе идеалы Руссо,—и этотъ взглядъ на разбойничество едва-ли можетъ считаться опять-таки нѣмецкой особенностью.

Уваженіе къ разбойникамъ врядъ ли могло продолжаться такъ долго, если бы ихъ не считали, съ одной стороны, героями, съ другой—дѣтьми природы. Идеальными людьми являются браконьеры и контрабиндисты уже у Дидро, затѣмъ они приводятъ въ восхищеніе молодого Гете. Въ разсказѣ Дидро «Два друга» одинъ изъ героевъ спасаетъ, путемъ насилія, своего пріятеля-контрабандиста отъ эшафота; спасенный отправляется къ угольщику, укрывается въ лѣсахъ, наконецъ, поступаетъ на службу къ Фридриху Великому. Здѣсь чувствуется то же настроеніе, что и въ «Разбойникахъ» Шиллера. Разбойники—тѣ же герои, какъ и рыцари; они представители силы, вѣрности, справедливости, ведутъ борьбу противъ разслабленнаго и безсильнаго общества, совершаютъ такіе же подвиги благородства, какъ рыцари, защищаютъ права бѣдныхъ, притѣсненныхъ, слабыхъ—передъ богатыми, угнетателями, сильными и, конечно, несправедливыми.

Вполнѣ естественно поэтому, что Шпису и Крамеру, авторомъ наиболѣе типичныхъ рыцарскихъ романовъ, какъ нельзя больше нравились разбойники и герои Шиллера и Гете. Рыцари литературныхъ произведеній первыхъ двухъ писателей въ большинствѣ очень похожи на Карла Моора: и тѣ, и другіе мстятъ за соціальное зло, служатъ высшей справедливости, сохраняютъ чувство собственнаго достоинства, съ отвращеніемъ относятся къ обычному грабежу, къ грабежу съ цѣлями эгоистическими, третью часть добычи отдаютъ неимущимъ, заступаются за своихъ товарищей или слугъ и т. д. Читателей они покоряютъ прежде всего той нравственной силой, которая у нихъ всегда тѣсно связана съ гуманностью. Личныхъ интересовъ для разбойниковъ-героевъ не существуетъ. Они всѣмъ жертвуютъ для блага ближнихъ и если сами не могутъ ужиться въ обществѣ, то только въ силу несовершенства соціальнаго строя.

Подобно Дубровскому, герои западныхъ разбойничьихъ романовъ, не ужившись въ обществѣ, становятся затѣмъ преступниками вслѣдствіе того же несовершенства соціальнаго строя. Клейстъ говоритъ о Михаилѣ Кольгаазе, что человѣчество должно было бы благословлять его память, если бы «онъ не злоупотреблялъ своей добродѣтелью»,—и только убѣжденіе въ полной правотѣ сдѣлало его убійцей.

IV.

Изъ литературныхъ фактовъ, остановимся на главныхъ. Въ 1796 году Гавріилъ Штейнъ (А. Г. Шуманъ) издалъ серію разсказовъ—«Пестрый портфель». Герой одного изъ разсказовъ, «Бѣдный Вильгельмъ», желаетъ жениться и, не имѣя средствъ для содержанія семьи, совершаетъ кражу у человѣка богатаго, у своего двоюроднаго брата. Въ тюрьмѣ онъ произноситъ полныя жестокой правды слова:

— Я былъ добрый, но бѣдный. Ты, же, общество, не позволяешь бѣднякамъ оставаться честными!

Похожую мысль, что люди, общество дѣлаютъ человѣка разбойникомъ, высказываетъ Дубровскій во время свиданія съ Маріей Кириловной:

— Я тотъ несчастный, котораго вашъ отецъ лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ.

Еще болѣе характернымъ вышелъ образъ героя другого, семейнаго по основному характеру, романа К. В. Мейсснера «Карлъ Штральгеймъ, или благородный разбойникъ» (1804). Онъ поджигаетъ, убиваетъ соблазнителя сестры и убійцу отца и т. д.; и хотя симпатіи читателей все время остаются на сторонѣ разбойника, авторъ все-таки заставляетъ его сначала сойти съ ума и полуголымъ долго скитаться въ лѣсу, затѣмъ выздоровѣть, раскаяться «въ грѣхахъ», предъ смертію пріобщиться и благочестиво умереть. Наконецъ, разсказъ Филиберта (псевдонимъ Августа Келера) «О крестьянинѣ Мартынѣ убійцѣ» (1801) изображаетъ исполненнаго благородства крестьянина, который убиваетъ помѣщика изъ мести: помѣщикъ соблазнилъ его невѣсту и издѣвался надъ самымъ героемъ. К. Мюллеръ-Фраурейтъ обращаетъ вниманіе на отношеніе читателей къ ужасамъ, которые совершаются героями романовъ Шписа и Крамера и ихъ подражателей: ихъ не только прощали или извиняли, но вполнѣ понимали; всякихъ разбойниковъ сравнивали съ Мооромъ, и скоро нельзя было даже представить себѣ разбойника литературнаго произведенія, не похожаго на Моора.

Какъ Гете создалъ идеалъ рыцаря, такъ Шиллеръ — разбойника, а сліяніе идеаловъ рыцаря и разбойника совершено современниками этихъ великихъ писателей—Шписомъ и Крамеромъ. Въ основаніи литературной славы Карла Крамера, безспорно лежатъ «Приключенія странствующаго механика Эразма Шлейхера» (1789—1791), выдержавшія четыре изданія, переведенныя, между прочимъ, и на русскій языкъ [1]), передѣланныя въ драму, вызвавшія рядъ подражаній и т. д.

Если нѣкоторое время разбойничій романъ имѣлъ много общаго съ рыцарскимъ, то позднѣе онъ пріобрѣтаетъ особыя черты; герои его, съ одной стороны, приближаются къ средневѣковымъ идеаламъ, съ другой, надѣляются элементами современности; въ литературныхъ произведеніяхъ разбойники являются одновременно и грабителями, и судьями, и членами тайныхъ обществъ, и т. д. Предкомъ ихъ справедливо считается знаменитый «Великій бандитъ Абеллино» Цшокке. Онъ напечатанъ въ 1793 году, черезъ два года передѣланъ въ драму и пользовался удивительнымъ успѣхомъ. Абеллино обрисованъ натурой загадачной, сложной, двойственной, какъ и Ловласъ. Кровожадный разбойникъ, способный на «грязныя преступленія», превращается временами въ блестящаго кавалера Флодоардо и добивается руки племянницы дожа. Въ своемъ дневникѣ Гете не безъ грусти отмѣчаетъ тотъ фактъ, что драма «Абеллино» въ классическомъ Веймарѣ стояла на одной высотѣ съ драмами Шиллера. Не замедлили явиться подражатели. Въ 1801 году вышла «Героиня Ванден. Абеллино-женщина», «романтическій разсказъ изъ эпохи французской войны». Дочь республиканскаго генерала переодѣвается въ мужское платье, сражается подъ стѣнами города, покидаетъ городъ уже въ женскомъ платьѣ, подвергается нападенію разбойниковъ, должна стать любовницей ихъ атамана Рояль-Массакръ, но ее спасаетъ молодой вандеецъ. Другое подражаніе «Абеллино»—«Гвидо Мазарини, или замаскированный Ирландо» Карла Бухгольца; но здѣсь все слишкомъ уже невѣроятно, сверхъестественно. Характерно то, что черезъ десять лѣтъ самъ Цшокке написалъ подражаніе своему первому роману—«Джуліо дела Обицци, или Абеллино среди калабрійцевъ». Названными, а также другими романами, напр., «Короната, король морскихъ разбойниковъ», «Аламонтаде, галерный невольникъ», Цшокке направилъ этотъ

[1]) «Жизнь, мнѣнія и странныя приключенія Эразма Шлейхера». Переводъ съ нѣмецкаго (гвардейскаго офицера Димитрія Языкова). 2 части. М. 1802. 2-е изданіе вышло въ 4-хъ частяхъ въ 1817 году.

литературный жанръ на совершенно новый путь. Онъ перенесъ мѣсто дѣйствія въ классическую Италію, съ страстными натурами ея жителей, съ коварствомъ, столь типичнымъ для южанъ, и этимъ какъ бы узаконилъ ее въ глазахъ своихъ послѣдователей и подражателей, какъ непремѣнное условіе для успѣха разбойничьяго романа, для привлекательности, занимательности героя [1]).

V.

«Итальянизація» такихъ героевъ шла непомѣрно интенсивно и вылилась въ образъ своего рода безсмертнаго храбраго капитана Ринальдо Ринальдини, затмившаго даже Абеллино. «Ринальдо Ринальдини, атаманъ разбойниковъ» написанъ Христіаномъ Августомъ Вульпіусомъ, шуриномъ Гете, человѣкомъ мало образованнымъ, но безусловно талантливымъ, и вышелъ въ 1797 году. Сюжетъ Вульпіусъ заимствовалъ изъ небольшого итальянскаго разсказа о смерти Ринальдо Ринальдини. Сынъ крестьянина, онъ, подобно Карлу Моору, воспламенялъ свою пылкую фантазію чтеніемъ жизнеописаній Плутарха, какъ извѣстно, очень популярныхъ въ Италіи и въ XVIII вѣкѣ. Не обошлось, конечно, и безъ другихъ литературныхъ вліяній, на первомъ планѣ—Шиллера. Его герой прежде всего—графъ, какъ и Карлъ Мооръ, и такъ же отказывается отъ привилегій своего сословія, отъ своего общества—здѣсь уже готовый мотивъ для «дворянина» Дубровскаго. Его образъ—смѣшеніе великодушія и зла, благодѣяній и преступленій; при самыхъ благихъ намѣреніяхъ онъ всегда запутывается въ сѣтяхъ случайностей, хитро сплетенныхъ обстоятельствъ, новыхъ преступленій. Впрочемъ, разбойничья карьера его протекаетъ скорѣе до начала романа; на первомъ планѣ у Вульпіуса—любовныя приключенія героя, и изъ опасныхъ положеній Ринальдо спасаетъ его прекрасно организованная шайка. Въ описаніи послѣднихъ авторъ воспользовался подобными-же любовными приключеніями Ардингелло и Вильгельма Мейстера.

Съ ногъ до головы окутанный романтическимъ флеромъ Ринальдо Ринальдини пришелся по вкусу нѣмцамъ не меньше, чѣмъ итальянцамъ; романъ выдержалъ двадцать изданій и самимъ же Вульпіусомъ былъ передѣланъ въ драму; наконецъ, онъ же написалъ нѣсколько продолженій: «Фернандо Фернандини», «Леонардо Монтебелло, или союзъ карбонаріевъ» [1]). Но и это не могло устранить подражателей, и изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ Іоганъ Брикнеръ, авторъ «Діаноры, графини Монтаньо, любовницы Ринальдо Ринальдини» (1799). Словомъ, скоро весь нѣмецкій Парнасъ былъ заполоненъ отважными предводителями разбойниковъ, которые совершали безпримѣрные подвиги, плѣняли читательницъ безъ различія положенія и возраста, казались идеаломъ всякихъ добродѣтелей, спасителями областей и цѣлыхъ государствъ. Ремесло разбойника окружено было ореоломъ, находитъ защиту, оправданіе и т. д.

Одѣтые въ живописные итальянскіе костюмы, одѣленные всѣми чертами чистоитальянской утонченности, такіе разбойники-герои нравились нѣмцамъ. Отчасти объясняется это пристрастіемъ нѣмцевъ того времени ко всему иностранному.

Какъ гетевскій Гётцъ только нѣсколько лѣтъ спустя вызвалъ рыцарскіе романы, такъ и разбойничьи романы, дѣйствіе которыхъ перенесено уже въ Германію, появились значительно позднѣе, послѣ громкаго успѣха «Абеллино». Г-жа Валленродтъ пишетъ продолженіе шиллеровскихъ «Разбойниковъ» и называетъ ихъ «Ринальдини». «Разбойники» Шиллера были передѣланы въ неудачный романъ «Графы Моръ. Семейная хроника» (1802), гдѣ шайка какихъ-то чудовищъ буквально свирѣпствуетъ, льется

[1]) Въ русскомъ переводѣ съ французскаго въ 1807 году въ Москвѣ вышелъ романъ Левиса «Разбойникъ въ Венеціи, или Абеллино, великій изъ разбойниковъ», въ 2 частяхъ; второе изданіе—въ 1816 году. Изъ другихъ романовъ подобнаго жанра намъ извѣстны еще «Разбойники въ подземельѣ Кутанскаго замка. Англійское сочиненіе, переведенное съ франц.» (М. 1802, въ 3 частяхъ); «Альбертъ и Теодоръ, или разбойники», (у Смирдина № 8491); «Разбойники чернаго лѣса» (съ франц. М. 1803) и др. Прибавимъ еще, что «Разбойники» Шиллера были переведены прозой съ нѣмецкаго Николаемъ Сандуновымъ (М. 1793) и съ французскаго, тоже прозой, Ѳ. Ивановымъ (ср. примѣчаніе къ № 11945 въ «Опытѣ россійской библіографіи» В. Сопикова, подъ ред. В. Н. Рогожина, ч. V. СПБ. 1906, стр. 29).

[1]) Изъ русскихъ переводовъ романовъ Вульпіуса отмѣтимъ слѣдующіе: «Глоріозо, или атаманъ-патріотъ», въ 3 частяхъ, «съ фигурами», переводъ Федора Адамовича Зейделя (М. 1806); «Ринальдо Ринальдини, или разбойничій атаманъ романъ 18 столѣтія», съ картинами, въ 8 частяхъ (М. 1802—1804, второе изданіе—1818 г.); «Прекрасная Шарлотта, страшная атаманка. Сочиненіе автора Ринальдо Ринальдини. Перевели съ франц. Степанъ и Алексѣй Мельгуновы», въ 4 частяхъ (М. 1809—1810).

кровь, происходятъ ужасы. Въ 1837 году этотъ нелѣпый романъ подвергся еще разъ переработкѣ Вангенгеймомъ. Эти факты говорятъ уже о полномъ паденіи разбойничьяго романа, какъ особаго литературнаго жанра.

VI.

Размѣры статьи не позволяютъ остановиться на типѣ благороднаго разбойника у многихъ народовъ, который мы изучали въ произведеніяхъ фольклора и въ беллетристикѣ южныхъ славянъ, румынъ, албанцевъ, грековъ, мадьяръ, народовъ кавказскихъ [1]). Параллелей къ Дубровскому мы могли бы привести огромное количество. Отмѣтимъ только конечный результатъ нашихъ наблюденій.

Пѣсни, устныя преданія, произведенія лубочной и отчасти художественной литературы о разбойникахъ-герояхъ создаютъ въ общемъ опредѣленный канонъ, выливаются въ устойчивую схему, строятся по извѣстной канвѣ,—и варіанты падаютъ исключительно на долю деталей. Прежде всего термины «разбойникъ», «гайдукъ» и т. п. пріобрѣтаютъ оттѣнокъ почета, благородства, удальства, тѣлесной и духовной красоты, равносильны «витязю», «молодцу», «удальцу», ничего общаго не имѣютъ со словами «воръ», «обманщикъ», «грабитель», «плутъ», «конокрадъ» и т. п., какъ итальянскій banditto—«изгнанникъ, скрывающійся отъ правосудія»—отличается отъ briganto. Разбойникъ-герой всегда бываетъ красивый, сильный, смѣлый, ловкій, выносливый, находчивый, увѣренный въ себѣ, повелительный, угадываетъ моментъ, обаятельно дѣйствуетъ на толпу, любитъ эффектъ даже въ минуты серьезной опасности. Онъ всегда спасается отъ преслѣдованій полиціи и сыщиковъ, которые оказываются въ смѣшномъ и жалкомъ положеніи, надъ которыми самъ онъ издѣвается за то, что его упустили; онъ полагается не столько на товарищей, сколько на себя, на помощь населенія, иногда самой природы и чудесныхъ силъ, находится подъ покровительствомъ мѣстныхъ святыхъ, разныхъ талисмановъ.

Онъ—необыкновенно честенъ: если въ числѣ отнятыхъ у богача вещей попадается случайно такая, которую онъ не требовалъ (напр., образокъ, крестикъ, дѣтская игрушка и т. п.), разбойникъ изыскиваетъ всѣ способы, чтобы возвратить ее—и дѣлаетъ это при явной для себя опасности, иногда въ людномъ мѣстѣ, среди поджидающей его полиціи. Онъ—набоженъ, соблюдаетъ посты, самъ молится, велитъ молиться ограбленнымъ, по случаю сохраненія жизни, велитъ молиться о спасеніи своей души, часто въ концѣ концовъ удаляется въ монастырь и оканчиваетъ дни въ покаяніи. Нужно глубоко вдуматься въ психологію подобныхъ эпизодовъ, чтобы не признать просто на просто шаржа въ слѣдующей характеристикѣ итальянскаго разсказа «Два Марилло» (1801), которое одинъ критикъ считаетъ лучшимъ мѣстомъ разсказа: «Разбойникъ, особенно живущій въ наше время въ Неаполѣ,—честный, прекрасный человѣкъ. Онъ держитъ свое обѣщаніе. Онъ вѣренъ своему слову. Два раза въ недѣлю ходитъ въ церковь, молится за души тѣхъ, кого ему пришлось убить. Онъ никогда не грабитъ, никогда не говоритъ неправды. Онъ — хорошій другъ, вѣрный супругъ. Каждый мѣсяцъ бываетъ у причастія, милосердъ къ бѣднымъ. Чего же больше?» Впрочемъ, нѣчто подобное можно сказать, и на самомъ дѣлѣ не разъ говорилось, о «Разбойникахъ» Шиллера. Въ этомъ одномъ заключается уже высшая идеализація разбойника-героя.

Гроза для власть имущихъ и просто имущихъ, разбойникъ-герой проявляетъ къ бѣднякамъ заботливость, нѣжность: отдаетъ имъ часть отнятаго у богатыхъ, онъ имѣетъ въ виду фактическую помощь, матеріальный прокъ, устраиваетъ свадьбы, поправляетъ хозяйство, даетъ соотвѣтствующіе совѣты, наконецъ, наказываетъ тѣхъ, кто эти деньги тратитъ по пустому, пропиваетъ. Онъ—избавитель отъ притѣснителей, несправедливыхъ, жестокихъ, грабитъ купцовъ, помѣщиковъ, управителей, властей, при этомъ избѣгаетъ убійства, прибѣгаетъ къ нему въ крайности. Отнимая деньги у богатыхъ и передавая ихъ бѣднымъ, разбойникъ-герой требуетъ «вернуть награбленное бѣднякамъ» и затѣмъ «дѣлится» съ послѣдними. Очевидно, Пушкинъ слыхалъ это именно выраженіе.

— Я слышалъ, — говоритъ генералъ вдовѣ Глобовой,—что Дубровскій нападаетъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабитъ до-чиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ.

---

[1]) Часть нашихъ наблюденій и записей напечатана въ статьѣ «Разбойники Бессарабіи въ разсказахъ о нихъ» («Этногр. Обозрѣніе», 1895, кн. III).

Такимъ образомъ, ихъ стихійно-анархическая дѣятельность скорѣе антиправительственная, но ни въ коемъ случаѣ не антисоціальная. И, въ силу инстинкта самосохраненія общества, всѣ симпатіи разсказчиковъ и слушателей, авторовъ и читателей—всегда на сторонѣ разбойниковъ-героевъ. Поэтому и появляются они только въ эпохи безправія, когда они нужны бываютъ бѣдному населенію, угнетеннымъ, лишеннымъ правосудія; и какъ только соціальныя условія измѣняются къ лучшему, какъ только справедливость начинаетъ возстанавляться иными путями,—они исчезаютъ куда-то, исчезаютъ сами по себѣ, чтобы снова появиться, когда это снова будетъ необходимо.

VII.

Какъ во всякихъ «романахъ приключеній», въ западныхъ разбойничьихъ романахъ и въ устныхъ разсказахъ о разбойникахъ-герояхъ—масса эффектныхъ мѣстъ. Не лишена ихъ и повѣсть Пушкина, причемъ замѣтно, что авторъ умѣетъ обставлять ихъ красиво и сильно.

Дѣйствительно, эффектны всѣ мѣста, гдѣ неожиданно появляется Дубровскій, гдѣ такъ же неожиданно упоминается о немъ, хотя въ нихъ налицо тѣ именно средства, которыя въ мелодрамахъ годятся «подъ занавѣсъ». Припомнимъ прежде всего послѣднія слова X главы—сцены ограбленія Спицына въ домѣ Троекурова, послѣ праздника.

— Тише! молчать! отвѣчалъ мнимый французъ-учитель чистымъ русскимъ языкомъ: — молчать! или вы пропали. Я — Дубровскій.

Далѣе слѣдуетъ первое свиданіе съ Марьей Кирилловной, съ заключительными словами:

— Я не то, что вы предполагали. Я не французъ Деформъ. Я—Дубровскій.

Или въ концѣ суроваго объясненія Троекурова съ дочерью, когда на окрикъ отца:

— Ты смѣешь стращать защитникомъ! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ.

— Владиміръ Дубровскій, — отвѣчаетъ она въ отчаяніи.

Тѣмъ же зловѣще дышитъ отвѣтъ рыжаго мальчика; передъ пыткой, которую готовитъ ему разсвирѣпѣвшій Троекуровъ и въ которой травля медвѣдями показалась бы, навѣрное, дѣтской шалостью,— на вопросъ «чей ты?» онъ спокойно говоритъ:

— Я—дворовый человѣкъ господъ Дубровскихъ.

Но, конечно, не въ этихъ эффектныхъ появленіяхъ кроется тайна обаянія героя. Тайна его обаянія кроется глубже и своей духовной красотой обязательно для всѣхъ.

Рыцарь во весь ростъ, изящный, полный красоты во всѣхъ движеніяхъ, какъ будто постигшій тайну какой-то высшей правды, Дубровскій ни въ чемъ не проявляетъ жестокости, боится крови, этимъ привлекаетъ особыя симпатіи читателей и становится еще обаятельнѣе для читательницъ въ духѣ такихъ мечтательницъ, какъ сама героиня повѣсти; даже наводитъ еще большій страхъ на помѣщиковъ, видящихъ въ поступкахъ-необыкновеннаго разбойника нѣчто еще болѣе ужасное, роковое, неизбѣжное, чѣмъ въ разбойникахъ обычныхъ; наконецъ, вызываетъ какое-то бережное отношеніе къ себѣ автора, который нѣсколько разъ подчеркиваетъ мысль объ отсутствіи у Дубровскаго и тѣни жестокости. Такихъ мѣстъ много.

Быть-можетъ, нѣкоторые читатели нѣсколько даже разочаровываются такой неплотоядностью своего героя, когда, напримѣръ, послѣ вѣнчанія разбойники повинуются Дубровскому и уходятъ, «оставя карету посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей отпряженныхъ, но не разграбя ничего и не проливъ ни одной капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана». Или въ послѣдней главѣ: «грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились»—объ убійствахъ не упоминается здѣсь совсѣмъ, потому что ихъ и не было въ дѣйствительности. Словомъ, единственная кровь, пролитая Дубровскимъ, это — кровь медвѣдя-великана — великолѣпная параллель тоже къ «единственному порядочному человѣку» среди всѣхъ героевъ-«злодѣевъ» въ «Цыганахъ», по заключенію извѣстнаго критика,—тоже медвѣдю, котораго водили цыгане, и также на цѣпи.

И если тѣнь жестокости какъ-будто набрасываетъ на Дубровскаго расправа его съ прикащикомъ помѣщицы Глобовой — «прикащика нашли на другой день въ лѣсу, привязаннаго къ дубу и ободраннаго, какъ липку»,—то это не входило въ программу дѣйствій разбойника, а являлось возмездіемъ за клевету, клевету, ни на чемъ положительно не основанную и набрасывав-

шую позоръ на весь обликъ благороднаго защитника угнетенныхъ. Несправедливо также мнѣніе рецензента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ годъ выхода повѣсти, будто Дубровскій «безъ важной побудительной причины грабитъ ночью одного гостя и открываетъ ему свое имя». Передержка здѣсь вопіющая. Стоитъ только припомнить самый фактъ ограбленія, опять-таки обставленный у Пушкина красивой смѣлостью, дерзкимъ спокойствіемъ, какой-то роковой неизбѣжностью и удивительной законченностью, а затѣмъ сопоставить его съ цинично-гадливой похвальбой самого Спицына въ началѣ обѣда,—и мы увидимъ, что здѣсь была заслуженная месть: «по совѣсти и справедливости». Спицынъ признаетъ, что Дубровскій—«малый не промахъ, никому не спуститъ; а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдеретъ».

— За что же, братъ, такое отличіе?.

— Какъ за что, батюшка Кирила Петровичъ? А за тяжбу-то покойнаго Андрея Гавриловича? Не я ли, въ удовольствіе ваше, т.-е. по совѣсти и справедливости, показалъ, что Дубровскій владѣетъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное!) обѣщалъ со мною по-свойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино!

VIII.

Но образъ Дубровскаго, не чуждый и книжныхъ чертъ, въ основѣ своей все-таки созданъ на основаніи дѣйствительности. У Пушкина не только выдержанъ весь историческій фонъ, но есть прямыя указанія на жизненность самого героя.

П. В. Нащокинъ видѣлъ въ острогѣ дворянина, котораго до нищеты довелъ богатый и властный сосѣдъ. Разсказъ о дворянинѣ Островскомъ Пушкинъ слыхалъ отъ Нащокина въ Москвѣ, куда ѣздилъ хлопотать объ изданіи уже разрѣшенной газеты,—въ сентябрѣ 1832 года. Островскій разссорился съ богатымъ сосѣдомъ-помѣщикомъ, подвергся серьезнымъ преслѣдованіямъ послѣдняго, по милости продажныхъ приказныхъ лишился помѣстья и сдѣлался поэтому разбойникомъ. У Пушкина было самое судебное дѣло объ отобраніи имѣнія богатымъ помѣщикомъ у бѣднаго сосѣда, и подлинный текстъ постановленія былъ имъ подготовленъ для включенія въ повѣсть цѣликомъ, лишь съ измѣненіемъ собственныхъ именъ, географическихъ названій и т. п. А такой разсказъ, который передаетъ помѣщица Глобова за обѣдомъ у Троекурова, можно найти въ любой записи этнографовъ о русскихъ разбойникахъ-герояхъ, и, несомнѣнно, подобный разсказъ Пушкинъ слышалъ отъ живыхъ людей. И даже такія детали, какъ то, что во время пожара дома Дубровскаго кузнецъ спасаетъ кошку,—не выдуманы, а взяты изъ дѣйствительности. Это—извѣстный подвигъ мастерового во время пожара Большого театра въ Москвѣ, обошедшій всѣ газеты того времени, попавшій въ сборники всякаго рода «поучительныхъ и трогательныхъ происшествій», а также во многія хрестоматіи, въ родѣ «Памятника русскихъ добродѣтелей» М. Т—кова (М. 1845). Производятъ впечатлѣніе также не сочиненныхъ, а если не цѣликомъ списанныхъ съ настоящихъ писемъ, то во всякомъ случаѣ необыкновенно выдержанныхъ въ особомъ «эпистолярномъ штилѣ» конца XVIII вѣка, письма старика Дубровскаго Троекурову и няни Егоровны молодому Дубровскому.

Но самое главное—дѣйствительные разбойники съ оттѣнкомъ идеализма появлялись одинъ за другимъ въ теченіе XVIII—начала XIX вѣковъ и позднѣе, и изъ разсказовъ о нихъ Пушкинъ могъ почерпнуть почти всѣ выдающіеся эпизоды для своей повѣсти. Одинъ списокъ именъ такихъ разбойниковъ говоритъ о живучести и стихійности всего этого соціальнаго русскаго явленія. Приведемъ изъ нихъ хотя бы главныя: Степанъ Разинъ, Пугачевъ, Заруцкій, Гришка Мурышка, Иванъ Осиповъ, Ванька Каинъ, Петръ Камчатка, Бухтей, Камазаевъ, Медвѣдь, Лебедь, Танька Ростокинская, Гаврюшенко, Груня, Кудеяръ, Иванъ Выжигинъ, атаманъ Беркутъ, Кочуй, Загоринъ. Тришка Сибирякъ, Быковъ, Чайкинъ, Травинъ, Савва Чалый, Нечай, Голый, Гаркуша, Кармелюкъ, Добашукъ и др. Многіе изъ нихъ—личности всецѣло историческія, изслѣдованы въ извѣстной монографіи Мордовцева, пѣсни о нихъ—въ работѣ Аристова «Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсенъ» (Воронежъ, 1875), а психологія всего «идеальнаго разбойничества»—въ недавнихъ очеркахъ прозы Ѳирсова «Разиновщина» и «Пугачевщина» (СПБ. 1908 и 1909).

Только эта близость героя повѣсти къ русской дѣйствительности спасаетъ его отъ всякаго рода крайностей книжныхъ чертъ.

При всемъ своемъ нерусскомъ «рыцарствѣ», образъ Дубровскаго-разбойника удивителенъ по своей жизненности, правдоподобности. Онъ умѣетъ, напримѣръ, обращаться съ людьми всякаго званія, положенія, для всякаго найдетъ подходящее сдово. Отпущенному имъ прикащику онъ говоритъ: «ступай себѣ съ Богомъ, отдай это на почту». Помѣщицѣ Глобовой, вдовѣ военнаго, онъ заявляетъ: «знайте, что Дубровскій самъ былъ гвардейскимъ офицеромъ. Онъ не захочетъ обидѣть товарища».

IX.

Сближеніе Дубровскаго съ разбойниками-героями устныхъ русскихъ пѣсенъ, въ свое время изслѣдованныхъ Аристовымъ въ названной выше спеціальной работѣ, тоже очень поучительно.

Какъ и герои устныхъ разбойничьихъ пѣсенъ, Дубровскій олицетворяетъ собой высшую правду. И чѣмъ больше ее подавляли всѣ ужасы тогдашнихъ соціальныхъ условій, тѣмъ самымъ они, эти ужасы, заставляли чувствовать, ждать, требовать этой правды еще больше, еще мучительнѣе. И если реальные Дубровскіе могли осуществлять ее въ десяткахъ, сотняхъ отдѣльныхъ случаевъ, на самомъ дѣлѣ не только тонувшихъ въ общей пучинѣ соціальнаго зла, но очень нерѣдко еще больше его увеличивавшихъ, то народная молва все-таки находила въ такихъ случаяхъ моральное удовлетвореніе, преувеличивала и обобщала подобные факты заступничества разбойниковъ за угнетаемыхъ, за бѣдныхъ. Она заставляла вѣрить въ возможность заступничества въ каждомъ случаѣ, въ возможность внезапнаго, всегда красиваго и ошеломляющаго появленія отъ куда-то, изъ-подъ земли, такого разбойника-идеалиста въ необходимую минуту, когда, казалось бы, исчерпаны уже всѣ естественныя средства защиты.

Въ этомъ отношеніи разбойничьи пѣсни и разсказы, построенные по одинаковой схемѣ, напоминаютъ мораль сказки, такъ же «сложенной», согласно народному опредѣленію («сказка—складка»), быть можетъ, даже сознательно сочиненной для «насъ возвышающаго обмана», для необходимой иллюзіи. Какъ сказка никогда не позволитъ погибнуть своему герою-альтруисту, который не для себя, а для другихъ добываетъ со дня моря, изъ далекихъ невѣдомыхъ странъ символы счастья; какъ сказка спасетъ изъ неволи, выведетъ изъ любого несчастья своего любимаго героя и въ концѣ-концовъ наградитъ его полцарствомъ, прекрасной царевной, плѣнительнымъ свадебнымъ пиромъ, — такъ и любой типичный разсказъ о разбойникѣ-идеалистѣ съ необыкновенной бережностью охраняетъ свободу своего героя, охраняетъ его во все возможныхъ приключеніяхъ. И если она не въ силахъ наградить всѣмъ, чего, по убѣжденію основной морали такихъ «разсказовъ-обмановъ», достоинъ герой, то, по крайней мѣрѣ, во-время прекратитъ повѣсть, таинственно спрячетъ героя, чтобы снова вызвать къ жизни и подвигамъ, когда не въ моготу станутъ притѣсненія, несправедливости, стоны.

Путемъ этихъ устныхъ разсказовъ идетъ и Пушкинъ. Онъ никогда не ставитъ Дубровскаго въ безвыходное положеніе, всегда рисуетъ побѣдителемъ. Реализмъ повѣсти и другія соображенія, о которыхъ рѣчь дальше, лишали автора возможности наградить Дубровскаго избранницей его сердца, матеріальнымъ довольствомъ и т. д., и онъ во-время удаляетъ своего героя со сцены, окружаетъ его красивой таинственностью въ концѣ повѣсти и особенно—въ послѣднихъ ея словахъ: «Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинѣ сихъ показаній — приверженность разбойниковъ къ атаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи. Но послѣдстія ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу».

X.

Сочувствіе разбойничьихъ разсказовъ и устныхъ пѣсенъ къ своимъ героямъ покоилось, какъ упомянуто выше, на томъ, что разбойники-идеалисты дѣйствовали не въ эгоистическихъ цѣляхъ, заботились не о собственномъ благѣ. Она брали на себя страданія милліоновъ, поднимали и несли громадный крестъ многихъ и все время чувствовали, что за ними стоитъ весь народъ, что сами они — только олицетвореніе стремленій этого народа, символы столь желанной для всѣхъ угнетаемыхъ соціальной правды.

И здѣсь Пушкинъ идетъ по тому же пути. Помимо общихъ очертаній образа Дубровскаго и всѣхъ выдающихся эпизодовъ,

объ этомъ опредѣленно и не разъ говоритъ авторъ, влагая въ уста крестьянъ, дворовыхъ, тѣхъ именно, кому особенно тяжелы были помѣщики въ стилѣ Троекурова,—такія слова, которыя не оставляютъ уже никакихъ сомнѣній въ томъ, что Дубровскіе дѣйствуютъ не по своей иниціативѣ, не за собственный страхъ и совѣсть.

Предъ читателемъ мелькаетъ сначала простой офицеръ, безъ тѣни будущаго разбойника-дворянина; самъ Дубровскій еще ни однимъ словомъ, ни одной мыслью не выказываетъ того, что готово разразиться,—а представители народа одинъ за другимъ смѣло и опредѣленно внушаютъ ему, что онъ—не одинъ, что за нимъ—эти невидимые милліоны. Уже при первомъ знакомствѣ со своими крестьянами Дубровскій чувствуетъ, что онъ, только что пріѣхавшій изъ столицы на старыя мѣста, и они, эти незнакомые ему люди, на самомъ дѣлѣ принадлежащіе даже не ему, а врагу-самодуру,—одна сила. Антонъ, который везъ Дубровскаго съ почтовой станціи въ деревню, заключаетъ свой разговоръ о тяжеломъ положеніи крѣпостныхъ словами:

— Не выдавай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ.

И Пушкинъ прибавляетъ при этомъ фразу, на первый взглядъ ничего, кажется, не значащую—не болѣе, какъ заключительный аккордъ разговора, введенный исключительно съ художественно-музыкальными цѣлями: «при сихъ словахъ Антонъ размахнулъ кнутомъ, тряхнулъ вожжами,—и лошади его побѣжали крупной рысью». Но припомнимъ такія же заключительныя слова великолѣпнаго символа-стихотворенія А. Майкова «Поля», также въ концѣ дорожнаго разговора барина съ бывшими дворовыми-крѣпостными, когда молодой кучеръ, не находя отвѣта на вопросъ «куда глядятъ? чего хотятъ?»—

«Чего?—онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ,—
И тройка рванулась впередъ!

А дальше—увѣренія въ томъ же родѣ. Когда приказные вводятъ Троекурова во владѣніе Кистеневкой, крестьяне кричатъ Дубровскому: — «Умремъ, а тебя не выдадимъ. Прикажи, государь, съ судомъ мы управимся».

И слѣдующее за тѣмъ пятно, когда дворовые рвутся къ расправѣ:«да что на него смотрѣть! ребята, бери ихъ!... ребята, принимай!»—кажется уже слабымъ. Уже чувствуется, что объектомъ мести крестьянъ должны быть не приказные и исправникъ, а тотъ ужасный порядокъ, который дѣлаетъ плохими всѣхъ людей—и угнетателей, и угнетаемыхъ. И противъ этого порядка выступаетъ самъ Дубровскій.

Наконецъ, послѣдній разъ эта связь разбойника съ массой, на защиту которой выступаетъ онъ, отмѣчена въ томъ мѣстѣ повѣсти, гдѣ описывается, какъ горитъ домъ съ приказными, и дворовые говорятъ: «отецъ ты нашъ, кормилецъ: умремъ—не оставимъ тебя, идемъ съ тобою».

XI.

Итакъ, мораль разбойничьихъ пѣсенъ ярко оживлена во всемъ обликѣ Дубровскаго, а тѣ двѣ-три черты, которыми Пушкинъ наскоро, въ самомъ концѣ повѣсти, набросалъ картину разбойничьяго укрѣпленія въ лѣсу и его обитателей, какъ нельзя лучше дорисовываютъ этотъ обликъ. Очень кстати и на мѣстѣ прибавлено упоминаніе о томъ, что разбойники Дубровскаго поютъ «меланхолическую старую пѣсню»:

Не шуми ты, мать зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати.

Первыя слова пѣсни, приписываемой разнымъ разбойникамъ, лицамъ историческимъ, сразу же вводятъ читателя въ міръ разбойничьихъ устныхъ пѣсенъ, съ ихъ особымъ колоритомъ, съ затаенной грустью, красивой надеждой, тоскливой неудовлетворенностью, съ той примиряющей моралью, которая проникаетъ все великое въ великомъ русскомъ фольклорѣ. А примиряющій элементъ въ разбойничьихъ пѣсняхъ, обыкновенно въ концѣ ихъ, звучащій какъ будто диссонансомъ съ началомъ и рисующій иную, вѣчную, неистребимую правду, это—раскаяніе разбойниковъ, такое же цѣльное и красивое, какъ и весь обликъ типичнаго разбойника-героя. Въ пѣсняхъ мотивы раскаянія разбойника, желанія его чѣмъ-нибудь искупить вольныя и невольныя преступленія, надежды его на милость царя, или пониманіе того, что жестокое наказаніе является въ сущности только послѣдней жертвой человѣка, все отдавшаго другимъ,—мотивы обычные, и останавливаться на нихъ не будемъ. Они—не рѣдкость въ старинной письменности, въ повѣстяхъ Патериковъ о покаявшемся разбойникѣ-

отшельникѣ. А главное, все это—въ духѣ народной морали, русскаго богоискательства, въ духѣ Толстого и Достоевскаго, постигшихъ мучительное исканіе вѣчной правды русскимъ народомъ.

И въ повѣсти Пушкина все время чувствуется, что русскій Фрадьяволо-Ринальдо скоро сброситъ итальянскій плащъ, разгримируется и однимъ-двумя движеніями повѣдаетъ намъ тотъ же мотивъ народной пѣсни. Одно изъ такихъ движеній—въ началѣ драмы Дубровскаго. Когда приказные чиновники и полиція вводятъ во владѣніе Троекурова, Дубровскій останавливаетъ бунтъ крестьянъ:

— Не бойтесь: государь милостивъ. Я буду просить его—онъ насъ не обидитъ—мы всѣ его дѣти; а какъ ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?

При свиданіи съ Марьей Кирилловной, послѣ ея помолвки, онъ говоритъ:

— Никогда злодѣйство не будетъ совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ преступленіяхъ.

Съ той же моралью пѣсенъ связываютъ повѣсти и послѣднія слова Дубровскаго въ повѣсти, обращенныя къ товарищамъ:

— Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ. Каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можно пробраться въ какую-нибудь отдаленную губернію и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи.

XII.

Большинство критиковъ сходятся во мнѣніяхъ относительно образа Марьи Кирилловны. Они находятъ его неудачнымъ, недописаннымъ, блѣднымъ и т. п. Это справедливо только въ томъ случаѣ, если смотрѣть на нее дѣйствительно, какъ на «героиню повѣсти», о чемъ, впрочемъ, вполнѣ опредѣленно говоритъ и самъ авторъ въ началѣ восьмой главы. Но эти именно отрицательные отзывы критики, на нашъ взглядъ, говорятъ только о томъ, что рядомъ съ яркимъ и цѣльнымъ образомъ Дубровскаго Марья Кирилловна должна быть блѣдной, недописанной, вялой, невыдержанной. Если бы Пушкинъ нарисовалъ ее широкими мазками, во весь ростъ, словомъ, такъ, чтобы она пришлась подстать Дубровскому и хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была бы настоящей «героиней»,—получилась бы явная фальшь. Дубровскій и Троекурова не полюсы, какъ Онѣгинъ и Ларина, онъ—«бездогматецъ», она—съ твердымъ «догматомъ». Троекурова должна только оттѣнить собой героя: она—фонъ, аксессуаръ, не больше. И было бы странно даже, если бы авторъ задумалъ изобразить Троекурову и н о й—рядомъ чуть не съ единственнымъ, во всякомъ случаѣ рѣдкимъ въ русской художественной литературѣ героемъ, не только знающимъ, но и исповѣдывающимъ, проводящимъ въ жизнь опредѣленный «догматъ». Вотъ въ этомъ и заключается ошибка критиковъ, желавшихъ видѣть въ ней «героиню» и потому подходившихъ къ изученію ея образа съ требованіями условнаго «героизма».

Внимательно изучая Троекурову на фонѣ тѣхъ недосягаемыхъ образовъ русскихъ дѣвушекъ, сильныхъ, законченныхъ, съ ясными движеніями, исполненныхъ душевной красоты, русскихъ дѣвушекъ, которымъ нѣтъ равныхъ во всей міровой литературѣ, мы приходимъ къ выводу, что, создавая образъ Марьи Кирилловны, Пушкинъ очень долго колебался и не зналъ, что въ концѣ концовъ выйдетъ изъ нея. Онъ вводитъ ее постепенно: сначала только вскользь упоминаетъ о ней въ дружеской бесѣдѣ двухъ стариковъ-отцовъ; затѣмъ ее вспоминаетъ, опять мимолетно, молодой Дубровскій, проѣзжая мимо Покровскаго, когда онъ увидѣлъ «бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада»,—и читатель невольно уже догадывается, что она—«героиня» романа. Съ этой догадкой читатель остается долго,—и Пушкинъ не напрасно только въ восьмой главѣ рекомендуетъ ее, какъ «героиню повѣсти»: очевидно онъ самъ еще не предвидитъ, какъ сложатся обстоятельства (см. первоначальный планъ повѣсти).

Чувство Марьи Кирилловны къ Дубровскому также развивается и растетъ постепенно, проходитъ сначала чрезъ простое любопытство, чрезъ удивленіе, интересъ къ смѣлому, находчивому учителю въ сценѣ съ медвѣдемъ; это вполнѣ понятно для Марьи Кирилловны, «пылкой мечтательницы, напитанной таинственными ужасами Радклифъ». Словомъ, чувство идетъ и растетъ въ ней романтическимъ путемъ. Дубровскій-разбойникъ былъ, такимъ образомъ, далеко не новостью для нея, для ея воображенія, замѣнявшаго реальную жизнь. Какъ Татьяна полюбила въ Онѣгинѣ свой идеалъ, созданный книжнымъ путемъ и вскормленный красивыми мечтами объ

интересномъ героѣ, и даже въ своемъ полномъ разочарованіи узнала въ Онѣгинѣ москвича, но все-таки въ литературномъ «гарольдовомъ плащѣ»,—такъ и Марья Кирилловна ожидала своего героя въ духѣ Ринальдо или Моора и, увидавъ Дубровскаго, могла сказать: «это—онъ». («Евг. Онѣгинъ», III, 8).

На пространствѣ пяти главъ (XII—XVIII) Марья Кирилловна какъ-будто готовится стать въ глазахъ читателя настоящей героиней, особенно мѣстами, и только глава восемнадцатая въ концѣ разрушаетъ иллюзію: «Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова»,—и то обаяніе, которымъ уже окутывался образъ Маріи Троекуровой, которое уже свѣтилось въ ней, сразу же ушло куда-то, навѣки стало невозвратимымъ. Законная жена ненавистнаго старика, княгиня Марія Верейская сразу же поглотила, вмѣстѣ съ титуломъ и паспортомъ, и все то «героическое», что́ складывалось или по крайней мѣрѣ готово было сложиться въ воображеніи читателя.

XIII.

Если эту фальшь замѣтили критики, то объясненія никто не далъ, объясненія хотя бы правдоподобнаго, пріемлемаго. Всѣ толкованія критиковъ поражаютъ своей трафаретностью, наивной прямолинейностью. Марья Кирилловна «Дубровскаго», Марья Гавриловна «Метели», отчасти Марья Ивановна «Капитанской дочки»,—эти три Маріи, вмѣстѣ, конечно, съ Татьяной Лариной, рисуются критикамъ олицетвореніемъ долга—не больше. Слова Марьи Кирилловны: «поздно, я обвѣнчана, я жена князя», «я согласилась, я дала клятву», хотя до самаго произнесенія «невозвратимыхъ словъ» она любила одного Дубровскаго, ея слова: «я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты» и т. д.—напоминали только классическій отвѣтъ Татьяны:

Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Какъ для Марьи Кирилловны оставались пустыми всѣ резоны Дубровскаго («нѣтъ, вы не жена его; вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться»), такъ и для критиковъ указанныя выше слова княгини Верейской поглощали все предшествующее, что, какъ оказывается, напрасно строилъ авторъ на пространствѣ многихъ главъ. Отсюда недалеко было до признанія Марьи Кирилловны не болѣе и не менѣе, какъ «исповѣдницей святости и неразрывности брака». Больше того: чуть не основной идеей всего «Дубровскаго» нѣкоторые критики находили «святость брака, какъ таинства неразрывнаго союза», «крѣпкіе религіозно-нравственные устои русской жизни, еще не тронутые разлагающимъ вліяніемъ невѣрія и скептицизма»—и такъ далѣе въ томъ же родѣ. На самомъ дѣлѣ Пушкину совсѣмъ не нужны были ни святость брака, ни всякаго рода устои русской жизни, а нужно было закончить романъ именно такъ; отдать же свою «героиню кому бы то ни было, но только не Дубровскому,—это входило въ его исключительно художественныя задачи, и вотъ почему.

Съ начала и до конца въ Дубровскомъ насъ плѣняетъ красота одиночества—байроновскаго, демоническаго, разбойниковъ русскихъ пѣсенъ или какого-нибудь иного одиночества,—все равно; но Дубровскій, обвѣнчанный съ Марьей Кирилловной, потерялъ бы всю прелесть, мощь, обаяніе, утратилъ бы весь смыслъ,—и фальшь получилась бы вопіющая. Его надо было оставить одинокимъ и здѣсь, и въ его душевной жизни. Марья Кирилловна—только фонъ. Ея роль—только служебная. Ни на одну минуту въ ней не чувствуется самодовлѣющей цѣнности. Съ нею обойтись автору было не трудно: долго останавливаться на ней—незачѣмъ. И вотъ, на сцену является своего рода шаблонъ-клише: «отданная другому» героиня сохраняетъ вѣрность навѣки... Словомъ, все это нужно было исключительно для обрисовки Дубровскаго, а не Троекуровой-Верейской,—и чуткій къ художественной правдѣ Пушкинъ легко жертвуетъ своей «героиней», окончательно портитъ въ глазахъ читателя ея образъ, лишь бы цѣльнымъ, правдивымъ, красивымъ сохранить образъ героя, настоящаго и уже безспорнаго.

XIV.

Изъ общихъ наблюденій критики надъ всей повѣстью, въ ея цѣломъ, можно сдѣлать тотъ выводъ, что «Дубровскій» признается удачнымъ, какъ правдивое изображеніе провинціальной жизни. Большинство критиковъ повторяютъ наблюденія Бѣлинскаго и Анненкова, прибавляя мелочи, рѣдко характерныя или вносящія въ дѣло

что-нибудь существенно новое. Бѣлинскому бросился въ глаза одинъ реализмъ: «старинный бытъ русскаго дворянства... изображенъ съ ужасающей вѣрностью». Анненковъ видитъ «замѣчательно строгую вѣрность съ дѣйствительнымъ бытомъ и нравами описываемаго общества», говоритъ, что всюду чувствуется «живопись мастера», называетъ Пушкина предшественникомъ Гоголя въ области изображенія русскаго быта и вскользь бросаетъ цѣнное замѣчаніе: «вся повѣсть и теперь поражаетъ соединеніемъ истины и поэзіи». Въ послѣднихъ словахъ—на-лицо элементы болѣе точнаго и болѣе понятнаго историко-литературнаго термина: художественный реализмъ.

И если говорить о художественномъ реализмѣ въ «Дубровскомъ», то прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе вполнѣ эпическая, даже скорѣе скульптурная, чѣмъ просто живописная фигура Троекурова. Существуетъ мнѣніе, будто важный въ историко-литературномъ отношеніи образъ Троекурова впослѣдствіи оказалъ нѣкоторое вліяніе и на повѣсть Мельникова «Старые годы», и на типъ стараго князя Болконскаго въ «Войнѣ и Мирѣ», а также князя Хвалынскаго-отца въ «Пугачевцахъ»[1]). Едва ли, впрочемъ, въ указанныхъ типахъ необходимо видѣть непремѣнно литературное вліяніе. Такія яркія личности были очень нерѣдки въ самой жизни, неотдѣлимы отъ представленія о «добрыхъ старыхъ временахъ» крѣпостничества, съ какой то неистребимостью бросались въ глаза даже при слабой наблюдательности, закрѣплялись въ памяти своими чисто эпическими чертами колоссальныхъ размѣровъ и просились на полотно. Пройти мимо нихъ нельзя было ни одному художнику, и дѣйствительно, Пушкинъ нарисовалъ умѣло, ярко, смѣло, правдиво, широкими мазками, словно писалъ на грубомъ холстѣ чистыми тонами, не смѣшивая одну краску съ другой, а просто накладывая ихъ рядомъ и избѣгая полутоновъ, которыхъ и на самомъ дѣлѣ не было въ оригиналѣ; наконецъ, писалъ онъ, не заканчивая образа и не сглаживая фона, какъ это принято обыкновенно на старинныхъ портретахъ даже лучшей работы лучшихъ мастеровъ. Написать фигуру Троекурова акварелью или пастелью невозможно. Для этого пригодны только уголь, масленыя краски или же глина (не мраморъ и не тонкій рѣзецъ),—и въ выборѣ матеріала для изображенія Пушкинъ едва ли колебался.

Генералъ-аншефъ въ отставкѣ, богатый, своенравный, крутой, въ сознаніи своей внѣшней и внутренней силы, съ извѣстной системой въ своей безалаберности, не знающій разлада ни съ окружающими, ни съ самимъ собой,—какая богатая натура, и какъ легко можно допустить фальшь въ ея изображеніи, утрировать то, что на самомъ дѣлѣ уже въ готовомъ видѣ было слишкомъ выпуклымъ! Тайна изображенія Троекурова у Пушкина и заключается прежде всего въ томъ, что онъ заставляетъ читателя вѣрить въ правдивость каждой мелочи даже въ томъ случаѣ, когда она близка къ шаржу.

Поражаетъ прежде всего цѣльность. Цѣльнымъ человѣкомъ проходитъ предъ читателями Троекуровъ въ отношеніяхъ къ дочери, которую онъ сильно любитъ и въ то же время съ необыкновенной жестокостью выдаетъ за противнаго ей стараго князя. Цѣльный онъ и въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ, которыхъ по своему отличаетъ, третируетъ, наказываетъ наѣздами на ихъ усадьбы, воскрешая страницы «Пана Тадеуша». А на ряду съ этимъ—трогательно-бережное отношеніе къ старику Дубровскому.

Тѣмъ же эпическимъ лицомъ остается Троекуровъ на псарнѣ, на охотѣ, среди крѣпостного гарема, медвѣдей, во время церковной службы, когда онъ съ гордымъ смиреніемъ кланяется въ землю при поминаніи зиждителя храма. Великолѣпенъ онъ въ разговорѣ съ «юристомъ особаго рода» Шабашкинымъ, — полный пренебреженія, прямой, грубый, издѣвающійся надъ подобострастіемъ угодливаго приказнаго, который весь обращается въ «усердіе», и въ надеждѣ на «благодарность» со стороны всесильнаго богача помѣщика, отличается своего рода «профессіональнымъ самолюбіемъ». Еще нѣсколько штриховъ, и намъ понятенъ тотъ же Троекуровъ, когда онъ кричитъ Шабашкину: «пошелъ вонъ! мнѣ не до тебя!» когда, приказавъ подавать гостямъ ужинъ, онъ отправляется спать и своимъ удаленіемъ оживляетъ всѣхъ, кого подавляло самое присутствіе его.

А такія пятна, какъ «Громъ побѣды, раздавайся», которое повторяется въ опредѣленныхъ мѣстахъ, словно грозный яркій рефренъ; или чаепитье при гостяхъ «въ байковомъ сюртукѣ и въ туфляхъ», и «съ широкой чашкой, похожей на полоскатель-

[1]) А. Бороздинъ. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ, т. I, 180.

ную» и т. д. и т. д. Сознаніе силы, вся живописная красота этого, на самомъ дѣлѣ ужасающаго по своей безнравственности, «все позволено»—такъ проникаетъ читателя, что тѣ страницы, которыя посвящены Троекурову, онъ невольно пробѣгаетъ съ особеннымъ трепетомъ, съ томительнымъ любопытствомъ. Поэтому не звучитъ шаржемъ отзывъ дьячка о Троекуровѣ: «Я скорѣе соглашусь, кажется, просить на владыку, нежели косо взглянуть на Кирилу Петровича. Какъ увидишь его — страхъ и ужасъ! А спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется»... Наконецъ, все духовное богатство Троекурова какъ нельзя лучше выражается въ его глубокой внутренней борьбѣ при заключительныхъ аккордахъ вражды съ старикомъ Дубровскимъ, когда гордый самодуръ почувствовалъ всю нравственную силу умирающаго, имъ же убитаго человѣка,—и ничего не отвѣтилъ на дерзкія слова молодого Дубровскаго. Для Троекурова и этого слишкомъ много.

Поэтому на вопросъ «дурной ли человѣкъ Троекуровъ»—нельзя дать никакого отвѣта. Троекуровъ—только Троекуровъ... Онъ—одинъ изъ тѣхъ помѣщиковъ, которымъ «все дозволено», не больше; онъ—продуктъ извѣстнаго соціальнаго порядка, а не «злой воли»; безъ него немыслима вся эпоха крѣпостничества. И если Пушкинъ мѣстами какъ будто нѣсколько и сгущаетъ краски, то поступаетъ не съ цѣлью показать «нравственное безобразіе недостойнаго человѣка»; а съ цѣлями исключительно художественными — дать яркій типъ эпическихъ размѣровъ, лицо въ нѣкоторомъ смыслѣ собирательное. Такимъ образомъ, анализъ здѣсь уступаетъ мѣсто синтезу, а у великихъ мастеровъ послѣдній никогда не ошибается и поглощаетъ въ себѣ всякія нареканія тѣхъ критиковъ, которые за деревьями не видятъ лѣса.

XV.

Заканчивая разборъ повѣсти съ точки зрѣнія требованій художественнаго реализма, отмѣтимъ замѣтное преувеличеніе Бѣлинскаго, мнѣніе котораго о «Дубровскомъ» слишкомъ часто повторялось послѣдующей критикой, съ очень незначительными, впрочемъ, измѣненіями и добавленіями. Именно, Бѣлинскій слишкомъ обобщаетъ, называя всю повѣсть мелодрамой. Дѣйствительно все, въ чемъ Дубровскій напоминаетъ западныхъ разбойниковъ - героевъ, отдаетъ немалой дозой мелодраматизма. Но всюду, гдѣ сквозитъ русская дѣйствительность, гдѣ для автора оригиналомъ служила жизнь, или же гдѣ ему приходилось создавать въ духѣ той же жизни, гдѣ онъ былъ только художникомъ-реалистомъ,—чувствуется великолѣпная правда, никогда не измѣнявшая Пушкину.

Эту правду мы отмѣтили во всѣхъ мелочахъ, характеризующихъ Троекурова. Ею полны фигуры и остальныхъ лицъ повѣсти. Остановимся хотя бы на слѣдующихъ двухъ.

Въ галереѣ типовъ повѣсти за Троекуровымъ слѣдуетъ, безспорно, старый Дубровскій,— такой же цѣльный человѣкъ, несложный, красиво-гордый, съ удивительнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, своеобычными повадками, тактомъ, баринъ съ головы до ногъ. Прекрасенъ и законченъ старый Дубровскій и въ сценѣ на псарнѣ, и въ своей обидѣ, и въ своихъ наивно-великолѣпныхъ письмахъ, въ отказѣ отъ предложенія Троекурова выдать дочь «за Володьку, когда въ немъ будетъ путь»,—во всемъ—и ничто не нарушаетъ гармоніи, которую авторъ чувствуетъ во всякой мелочи. По мѣрѣ того, какъ развертываются предъ глазами читателя событія, эта эпическая фигура растетъ, становится недосягаемо высокой, громадной, особенно послѣ сцены суда, пріобрѣтаетъ вполнѣ героическія черты стариковъ Мироновыхъ.

Послѣдняя законченная и живая фигура въ повѣсти—князь Верейскій, несомнѣнно, цѣликомъ списаный съ натуры, и оригиналъ, повидимому, не трудно будетъ опредѣлить. Старикъ, поживший, воспитанный, обаятельный въ тонкомъ обращеніи, англоманъ, съ двумя звѣздами и тремя тысячами душъ родового имѣнія—типъ новый для той эпохи, новый и въ жизни, и въ литературѣ. И въ немъ нѣтъ ни тѣни фальши: въ изображеніи его авторъ на всемъ пространствѣ остается только художникомъ-реалистомъ.

Такъ же хороши, образны, цѣльны, такъ же вылѣзаютъ съ громаднаго холста всей повѣсти и мелкія фигуры, на второмъ планѣ, начиная съ разнообразныхъ гостей Троекуровскаго дома и кончая чиновниками—тѣми особенными организмами, съ совершенно особой психикой, съ особымъ же, специфическимъ общимъ колоритомъ, составляющимъ какъ бы отдѣльный міръ, міръ взяточничества, судебной волокиты, своеобразной школы юриспруденціи, наглo-

сти, воровства, криводушія и обмана. И если русская литература, старая и новая, далеко не бѣдна по части изображенія этого особаго міра; если на одномъ концѣ стоятъ сатирическія повѣсти въ родѣ «Шемякина суда» или «Ерша Ершовича сына Щетинникова», а на другомъ «Ревизоръ», «Мертвыя души» и т. д., то и здѣсь Пушкинъ, останавливаясь на такихъ чиновникахъ лишь вскользь, обрисовывая ихъ какъ бы случайными штрихами, мимоходомъ, набрасывая оставшимися на палитрѣ красками,— не повторялъ стараго, а скорѣе угадывалъ новое, намѣчалъ путь для позднѣйшихъ безсмертныхъ сатиръ этого жанра въ духѣ Щедрина.

И безусловно новое найдемъ мы въ изображеніи массъ,—крестьянства, дворовыхъ. Крылатыя слова, великолѣпный по своей проникновенности символъ, завершающій «Бориса Годунова», ни въ коемъ случаѣ нельзя повторить, перечитывая разбираемую повѣсть: «народъ безмолвствуетъ»— этого нельзя сказать о «Дубровскомъ». Ни въ одномъ изъ другихъ произведеній Пушкина не является въ такой мѣрѣ главнымъ героемъ если не народъ, то по крайней мѣрѣ его представители—тѣ, кто олицетворяетъ собою волю народа.

«Дубровскій» стоитъ въ этомъ отношеніи особнякомъ. Мы не имѣемъ даже въ виду всего образа Дубровскаго, осуществлявшаго эту волю; не имѣемъ въ виду и того, что въ этой именно повѣсти такъ прекрасно, съ техническими пріемами большого живописца, нарисованы типы изъ народа, что именно въ ней уже не мимоходомъ, а съ самодовлѣющимъ художественнымъ интересомъ, изображены движенія массъ, такъ удачно намѣчена психологія этихъ массъ. Мы имѣемъ въ виду вскользь брошенное наблюденіе, что масса въ «Дубровскомъ» «не представляется стадомъ, а есть совокупность сознательныхъ личностей». Замѣчаніе это можно не развивать и не иллюстрировать примѣрами: все въ повѣсти подтверждаетъ указанную мысль.

Но никто не обратилъ еще вниманія на полное отсутствіе идеализаціи народа у Пушкина въ повѣсти. И если бы народъ былъ бы изображенъ только подавленнымъ, угнетеннымъ, стонущимъ, только «способнымъ страдать», съ однѣми положительными чертами, хотя, казалось бы, на-лицо всѣ данныя для такого изображенія, въ цѣляхъ нарисовать контрастъ, разжалобить, возмутить читателя картиной помѣщичьяго и чиновничьяго безправія,—тогда, именно тогда «народъ безмолвствовалъ бы». На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и здѣсь опять снимается съ автора всякій упрекъ въ измѣнѣ художественному реализму.

Народъ, главнымъ образомъ, дворовые, обрисованъ въ повѣсти безъ всякихъ намековъ на идеализацію. Предъ читателемъ проходятъ такіе же живые люди, какъ и господа, такой же результатъ соціальнаго порядка. Великолѣпно подмѣчена Пушкинымъ слѣдующая черточка при характеристикѣ крестьянъ Троекурова: «съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно; не смотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатствомъ и славою своего господина и въ свою очередь позволяли себѣ многое къ ихъ сосѣдамъ, надѣясь на его сильное покровительство». Въ повѣсти, написанной по шаблону, не нашлось бы мѣста такой замѣчательной по своей жизненности оговоркѣ. Или въ сценѣ на псарнѣ Троекурова, когда на замѣчаніе старика Дубровскаго: псарня чудная: врядъ ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ»,—одинъ изъ «обидѣвшихся» псарей говоритъ: «Мы на свое житье, благодаря Бога и барина, не жалуемся. А что правда, иному и дворянину не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было-бы и сытнѣе, и теплѣе». Въ повѣсти, которая, повторяемъ, по идеѣ должна всѣми средствами сохранять симпатіи читателей на сторонѣ крестьянъ,—такое мѣсто звучало бы диссонансомъ: Пушкинъ остается выше шаблона. Сюда же слѣдуетъ отнести разговоръ молодого Дубровскаго по дорогѣ въ Кистеневку съ старымъ кучеромъ Антономъ, который замѣчаетъ: «не наше холопское дѣло разбирать барскія ихъ воли, а, ей Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на Кирилу Петровича: плетью обуха не перешибешь» — хотя, въ концѣ концовъ, самъ же Антонъ рисуетъ печальную картину: «у него тамъ я своимъ плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкуру, да и мясо-то отдеретъ».

XVI.

Въ заключеніе—нѣсколько замѣчаній о внѣшней сторонѣ повѣсти. На всемъ пространствѣ ея чувствуется художникъ музыкальной рѣчи, съ ея несравненной простотой и пластикой, съ ея удивительнымъ

спокойствіемъ и силой. И это—не смотря на явные слѣды спѣшности работы, незаконченность, отсутствіе отдѣлки, не рѣдко—просто скомканность.

Не надо забывать, конечно, исторію работы надъ «Дубровскимъ», чтобы отказаться отъ предъявленія къ нему слишкомъ строгихъ требованій.

Есть данныя, что Пушкинъ горячо принялся за повѣсть, работалъ надъ ней съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и «закончилъ» въ три съ небольшимъ мѣсяца; что захватывающій сюжетъ лишалъ его возможности останавливаться на отдѣлкѣ. Но окончаніе повѣсти представило автору массу затрудненія. Когда началась работа надъ послѣдними главами, Пушкинъ почувствовалъ какую то дѣланность, недостатки и въ предыдущихъ главахъ. Поэтому, прибавивъ къ написанному двѣ, по оцѣнкѣ Анненкова, «эффектныя сцены», набросанныя, какъ видно, наспѣхъ, онъ больше не возобновлялъ работы, даже не переписалъ ея.

И тѣмъ не менѣе, въ художественномъ отношеніи вся повѣсть стоитъ на высотѣ, всюду—отпечатокъ свѣжести, спокойствія, мощи, музыки, красочности. Поразительно красивымъ спокойствіемъ дышатъ всѣ о п и с а т е л ь н ы я части повѣсти, сразу же взятыя въ вѣрномъ тонѣ, хотя бы напр.—описаніе (безъ всякаго оттѣнка повѣствованія или драматизаціи) богатаго, знатнаго и всемогущаго Троекурова въ самомъ началѣ повѣсти, съ тѣми чертами музыки, которыя такъ прекрасны въ «Полтавѣ», въ такомъ же по художественному назначенію отрывкѣ.—

Богатъ и знатенъ Кочубей...

То же чисто эпическое спокойствіе не покидаетъ Пушкина-поэта, когда онъ въ начальныхъ же словахъ повѣсти говоритъ о всѣхъ ужасахъ своевластія, капризовъ, жестокости и самодурства Троекурова. И замѣчательно еще, что даже болѣе энергичныя мысли, со всей ихъ эффектностью и леденящимъ страхомъ, облечены у него въ форму сравнительно краткихъ фразъ; что ничего здѣсь не подчеркнуто искусственными средствами рѣчи, словно говорится о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ; что спокойствіе это остается, несмотря на то, что Пушкинъ и здѣсь уже какъ будто начинаетъ спѣшить, чтобы перейти къ настоящей драмѣ, которая чувствуется съ первыхъ же словъ этого простого въ духѣ эпопеи описанія.

Тотъ же удивительно мощный, спокойный тонъ прерываетъ драматизмъ разсказа всякій разъ, когда это требуется для цѣлей музыкальныхъ. Напримѣръ, въ VII главѣ, начиная со словъ: «Появились разбойники и распространили ужасъ по всѣмъ окрестностямъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ правительствомъ, оказались недостаточными»... и т. д., а также—въ послѣднихъ словахъ заключительной главы.

Кстати, и опять съ назначеніемъ музыкальныхъ пятенъ, вносятся въ разсказъ пейзажи, всегда несложные, грустные, въ двухъ-трехъ очертаніяхъ, словно этюды-элегіи Левитана. Незамѣнимы, напримѣръ, березки на первомъ планѣ въ сценѣ возвращенія Дубровскаго на родину. Или весь пейзажъ въ описаніи похоронъ стараго владѣльца Кистеневки: «день былъ ясный и холодный; осенніе листья падали съ деревъ»—и больше ни одного штриха. Настроеніе даетъ пейзажъ и въ разсказѣ о томъ, какъ послѣ погребенія отца Дубровскій углубился въ чащу лѣса и здѣсь впервые, кажется, серьезно почувствовалъ всю тяжесть своего положенія, почувствовалъ всю великость своей миссіи.

И единственной фальшью во всей повѣсти бы мы назвали мысли молодого Дубровскаго, въ тотъ же знаменательный день, о землѣ, въ которой покоится прахъ его отца, думы его о портретѣ матери, перечитываніе писемъ ея, гдѣ она сообщаетъ мужу о ребенкѣ Володѣ. Дѣланную сентиментальность этихъ мѣстъ можно объяснить развѣ тѣмъ, что они играютъ служебную роль, роль контраста съ послѣдующимъ; что они должны оттѣнить собой стихійно-грозное и лишенное всякой уже нѣжности рѣшеніе Дубровскаго посвятить свою жизнь мщенію за свои личныя и за чужія обиды, неистребимо-мощное рѣшеніе радикально бороться съ соціальнымъ зломъ.

А. Яцимирскій.

ДУБРОВСКІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

I.

ГЛАВА [ПЕРВАЯ].

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ своихъ помѣстій, жилъ старинный Русской баринъ, Кирила Петровичь Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю всѣмъ порывамъ пылкаго своего нрава и всѣмъ затѣямъ довольно ограниченнаго ума. Сосѣди рады были угождать малѣйшимъ его прихотямъ; губернскіе чиновники трепетали при его имени. Кир. Петр. принималъ знаки подобострастія, какъ надлежащую дань; домъ его всегда былъ полонъ гостями, готовыми тѣшить его барскую праздность, раздѣляя шумныя а иногда и буйныя его увеселенія. Никто не дерзалъ отказываться отъ его приглашенія или въ извѣстные дни не являться съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирила Петровичь былъ великій хлѣбосолъ. Не смотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, онъ раза два въ недѣлю страдалъ отъ обжорства, и каждый вечеръ бывалъ навеселѣ. (Рѣдкая дѣвушка изъ его дворовыхъ избѣгала сластолюбивыхъ покушеній пятидесятилѣтняго сатира. Сверхъ того), въ одномъ изъ флигелей его дома жили 16 горничныхъ, занимаясь рукодѣліями свойственными ихъ полу. Окны во флигель были загорожены деревянною рѣшеткою; двери запирались замками отъ коихъ ключи хранились у Кирила Петровича. Молодыя затворницы въ положенные часы сходили въ садъ и прогуливались подъ надзоромъ двухъ старухъ. Отъ времени до времени Кирила Петровичь выдавалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за мужъ, и новыя поступали на ихъ мѣсто. Съ крестьянами и дворовыми обходился онъ строго и своенравно; не смотря на то, они были ему преданы: они тщеславились богатствомъ и славою своего Господина и въ свою очередь позволяли себѣ многое въ отношеніи къ ихъ сосѣдямъ, надѣясь на его сильное покровительство.

Всегдашнія занятія Троекурова состояли въ разъѣздахъ около пространныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ, и въ проказахъ ежедневно притомъ изобретаемыхъ и жертвою коихъ бывалъ обыкновенно какой нибудь новый знакомецъ, хотя и старинные приятели не всегда ихъ избѣгали, за изключеніемъ одного Андрея Гавриловича Дубровскаго.

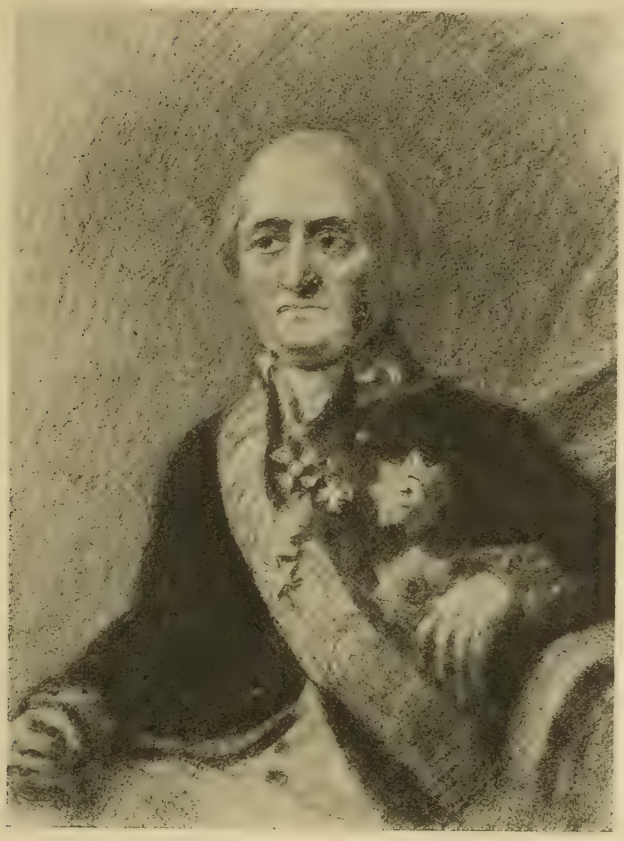
Сей Дубровскій отставной поручикъ гвардіи былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣлъ семидесятью душами. Троекуровъ надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія уважалъ Дубровскаго не смотря на его смиренное состояніе. Нѣкогда были они товарищами по службѣ и Троекуровъ зналъ по опыту нетерпѣливость и рѣшительность его характера. (Славный 1762 годъ разлучилъ ихъ надолго. Троекуровъ, родственникъ княгини Дашковой, пошелъ въ гору) Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выдти въ отставку и поселиться въ остальной своей деревнѣ. Кирила Петровичь узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство, но Дубровскій благодарилъ его и остался бѣденъ и независимъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Троекуровъ, отставной Генералъ-Аншефъ, пріѣхалъ въ свое помѣстіе; они свидѣлись

и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Петровичь, отъ роду не удостоивавшій никого своимъ посѣщеніемъ, заѣзжалъ запросто въ домишко своего стараго товарища. (Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти и въ характерахъ и наклонностяхъ). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (и) судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ осталось по ребенку.—Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Петербургѣ, дочь Кирилы Петровича росла въ глазахъ родителя, и Троекуровъ часто говаривалъ Дубровскому: Слушай братъ, Андрей Гавриловичь: когда въ твоемъ Володькѣ будетъ путь, такъ отдамъ за него Машу; даромъ, что онъ голъ какъ соколъ. Андрей Гавриловичь качалъ головою и отвѣчалъ обыкновенно: Нѣтъ Кирила Петровичь, мой Володька не женихъ Маріи Кириловнѣ. Бѣдному дворянчику, каковъ онъ, лучше жениться на бѣдной дворяночкѣ, да быть главою въ домѣ, чѣмъ сдѣлаться прикащикомъ избалованной бабенки.

Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между надменнымъ Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ, и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ за столомъ у Кирилы Петровича прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ противорѣчило ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые пытались было ему подражать и выдти изъ предѣловъ должнаго повиновенія; но Кирила Петровичь пугнулъ ихъ такъ, что навсегда у нихъ отбилъ охоту къ таковымъ покушеніямъ; а Дубровскій одинъ остался внѣ общаго закона. Нечаянный случай все разстроилъ и перемѣнилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичь собирался въ отъѣзжее поле. Наканунѣ отданъ былъ приказъ псарямъ и стрѣмяннымъ быть готовыми къ пяти часамъ утра. Палатка и кухня отправлены были впередъ на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичь долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пяти сотъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ прославляя щедрость Кирилы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тутъ же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ штабъ-лѣкаря Тимошки, и отдѣленіе, гдѣ суки ощенялись и кормили своихъ щенятъ. Кирила Петровичь гордился симъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упускалъ случая похвастать онымъ предъ своими гостями, изъ коихъ каждый осматривалъ его по крайней мѣрѣ уже двадцатый разъ. Онъ разхаживалъ по псарнѣ, окруженный своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями, останавливался передъ нѣкоторыми конурами, то разпрашивая о здоровіи больныхъ, то дѣлая замѣчанія, болѣе или менѣе строгія и справедливыя—то подзывая къ себѣ знакомыхъ собакъ и ласково съ ними разговаривая.—Гости почитали обязанностію восхищаться псарнею Кирила Петровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился—онъ былъ горячій охотникъ. Его состояніе позволяло ему держать только двухъ гончихъ и одну суку борзую. Онъ не могъ удержаться отъ нѣкоторой зависти при видѣ сего великолѣпнаго заведенія. Что же ты хмуришься, братъ, спросилъ его Кирила Петровичь: или псарня моя тебѣ не нравится.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ [Дубровскій] сурово—псарня чудная—врядъ ли и людямъ Вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ. Одинъ изъ псарей обидѣлся.—Мы на свое житье, сказалъ онъ: благодаря Бога и барина, не жалуемся;—а что правда то правда, иному и дворянину не худо бы промѣнять усадьбу на любую здѣшнюю конуру—ему было бы и сытнѣе, и теплѣе. Кирила Петровичь громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а гости вслѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла относится и къ нимъ.—Дубровскій поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кирилѣ Петровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щенятъ; онъ занялся ими, выбралъ себѣ двухъ, прочихъ велѣлъ утопить. Между тѣмъ Андрей Гавр. скрылся, и никто того не замѣтилъ.—

Возвратясь съ гостями со пс. двора, Кирила Петровичь сѣлъ ужинать, и тогда только, не видя Дубровскаго, хватился о немъ. Люди отвѣчали, что Андрей Гавриловичь уѣхалъ домой. Троекуровъ велѣлъ тотчасъ его догнать и воротить непремѣнно. Отроду не выѣзжалъ онъ на охоту безъ Дубровскаго, опытнаго и тонкаго цѣнителя псовыхъ достоинствъ и безошибочнаго рѣшителя возможныхъ охотничьихъ споровъ.—Слуга поскакавшій за нимъ, воротился какъ еще сидѣли за столомъ, и доложилъ своему Господину, что, дескать Андрей Гавриловичь не послушался и не хотѣлъ воротиться.—Кирила Петровичь, по обыкновенію своему разгоряченный наливками, осердился и вторично послалъ того же



ТРОЕКУРОВЪ (ВЪ ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФСКОМЪ МУНДИРѢ).
Рисунокъ Э. О. Визеля.

слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ тотчасъ же не пріѣдетъ ночевать въ Покровское, то онъ, Троекуровъ, съ нимъ навѣки разсорится.—Слуга снова поскакалъ, Кирилла Петровичъ всталъ изъ-за стола, отпустилъ гостей и отправился спать.

На другой день первый его вопросъ былъ: здѣсь ли Андрей Гавриловичъ? Ему подали письмо сложенное треугольникомъ. Кирила Петровичь приказалъ своему писарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

Государь мой премилостивый,

Я до тѣхъ поръ не намѣренъ ѣхать въ Покровское, пока не вышлете Вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будетъ моя воля наказать его или помиловать; а я терпѣть шутокъ отъ Вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и отъ Васъ ихъ не стерплю, потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ.—За симъ остаюсь покорнымъ ко услугамъ

Андрей Дубровскій.

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ письмо сіе было бы весьма неприличнымъ; но оно разсердило Кирила Петровича не страннымъ слогомъ и разположеніемъ, но только своею сущностію. Какъ, закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ постели босой—высылать къ нему моихъ людей съ повинною. Онъ воленъ ихъ миловать и наказывать!—Да что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ; да знаетъ ли онъ, съ кѣмъ связывается! Вотъ я жь его... Наплачется онъ у меня, узнаетъ каково идти на Троекурова!

Однако Кирила Петровичь одѣлся и выѣхалъ на охоту съ обыкновенною своею пышностію.—Но охота не удалась;—во весь день видѣли одного только зайца, и того протравили;—обѣдъ въ полѣ подъ палаткою также не удался, или, по крайней мѣрѣ, былъ не по вкусу Кирила Петровича, который прибилъ повара, разбранилъ гостей, и на возвратномъ пути со всею своей охотою нарочно поѣхалъ полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней, и вражда между двумя сосѣдами не унималась. — Андрей Гавриловичъ не возвращался въ Покровшино[ское?], Кирила Петровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя, благодаря усердію тамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленныя и дополненныя. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе; приближаясь къ березовой рощѣ услышалъ онъ удары топора, и чрезъ минуту—трескъ повалившагося дерева; онъ поспѣшилъ туда и наѣхалъ на покровскихъ мужиковъ, спокойно ворующихъ у него лѣсъ. Увидя его, они бросились было бѣжать; Дубровскій со своимъ кучеромъ поймалъ изъ нихъ двоихъ и привелъ ихъ связанными къ себѣ на дворъ; три непріятельскія лошади достались тутъ же въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ; прежде сего люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалить въ предѣлахъ его владѣнія, зная пріятельскую связь его съ ихъ Господиномъ; Дубровскій увидѣлъ, что теперь пользовались они происшедшимъ разрывомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прутьями, коими запаслись они въ его же рощѣ, а лошадей отдать въ работу, приписавъ къ барскому скоту.

Слухъ о семъ произшествіи въ тотъ же день дошелъ до Кирила Петровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минуту гнѣва хотѣлъ было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Кистеневку (такъ называлась деревня сосѣда), разорить ее до тла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; таковые подвиги ему были не въдиковинку; но мысли его приняли вскорѣ другое направленіе. Разхаживая тяжелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воротъ остановившуюся тройку;—маленькій человѣкъ въ кожаномъ картузѣ и фризовой шинели вышелъ изъ телеги и пошелъ во флигель къ прикащику.—Троекуровъ узналъ засѣдателя Шабашкина, и велѣлъ его позвать.—Черезъ минуту Шабашкинъ уже стоялъ передъ Кирилою Петровичемъ, отвѣшивая поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая его приказаній.

Здорово, какъ бишь тебя зовутъ? сказалъ Троекуровъ; зачѣмъ пожаловалъ?—

— Я ѣхалъ въ городъ, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ Шабашкинъ, и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать не будетъ ли какого приказанія отъ Вашего Превосходительства.

Очень кстати заѣхалъ... какъ бишь тебя зовутъ, мнѣ до тебя нужда; выпей водки, да выслушай.—

Таковой ласковый приемъ приятно изумилъ засѣдателя;—онъ отказался отъ водки и сталъ слушать Кирилу Петровича со всевозможнымъ вниманіемъ.—

У меня сосѣдъ есть, сказалъ Троекуровъ: мелкопомѣстный грубіянъ; я хочу взять у него имѣніе—какъ ты про то думаешь.—

— Ваше Превосходительство, коли есть какіе нибудь документы или

Врешь, братецъ, какіе тебѣ документы? На то указы. Въ томъ-то и сила, чтобы безо всякаго права отнять имѣніе (и пустить его нищимъ). Постой однакожь! Это имѣніе принадлежало нѣкогда намъ, было куплено у какого-то Спицына и продано потомъ отцу Дубровскаго. Нельзя ли къ этому придраться?

— Мудрено, Ваше Превосходительство: вѣроятно, сія продажа совершена законнымъ порядкомъ.

Подумай, братецъ, поищи хорошенько.

— Если бы, напримѣръ, Ваше Превосходительство могли достать какимъ нибудь образомъ отъ Вашего сосѣда запись, въ силу которой владѣетъ онъ своимъ имѣніемъ, то, конечно...

Понимаю, да вотъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.

— Какъ, Ваше Превосходительство, бумаги его сгорѣли! Чего же вамъ лучше? Въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ, и безъ всякаго сомнѣнія получите ваше совершенное удовольствіе.

Ты думаешь? Ну, смотри же,—я полагаюсь на твое усердіе, а въ благодарности моей можешь быть увѣренъ.

Шабашкинъ, поклонившись почти до земли, вышелъ вонъ, съ того же дня сталъ

хлопотать по замышленному дѣлу и благодаря его проворству, ровно черезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе доставить немедленно надлежащія объясненія (вслѣдствіе поступившаго отъ генералъ-аншефа Троекурова въ судъ прошенія на щетъ якобы неправильнаго его владѣнія сельцомъ Кистеневкою).

Андрей Гавриловичъ, изумленный неожиданнымъ запросомъ, въ тотъ же день написалъ въ отвѣтъ довольно грубое отношеніе въ коемъ объяснялъ онъ, что сельцо Кистеневка досталось ему по смерти покойнаго его родителя, что онъ владѣетъ имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него дѣла никакого нѣтъ, и что всякое постороннее притязаніе на сію его собственность—есть ябеда и мошеничество.

Письмо сіе произвело весьма приятное впечатлѣніе въ душѣ засѣдателя Шабашкина; — онъ увидѣлъ, 1) что Дубровскій мало знаетъ толку въ дѣлахъ; во 2), что человѣка столь горячаго и неосмотрительнаго не трудно будетъ поставить въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичь, разсмотрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ задумался, увидѣлъ необходимость отвѣчать обстоятельнѣе; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу, но она впослѣдстіи времени оказалась недостаточною.

Дубровскій не имѣлъ опытности въ дѣлахъ тяжебныхъ. Онъ руководствовался большею частью здравымъ смысломъ, путеводителемъ рѣдко вѣрнымъ и почти всегда недостаточнымъ.

Дѣло стало тянуться. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичь мало о немъ безпокоился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньгами, и хотя онъ бывало первый трунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени, но мысль сдѣлаться жертвою ябеды не приходила ему въ голову. Съ своей стороны, Трекуровъ столь же мало думалъ о выигрышѣ имъ задуманнаго дѣла—Шабашкинъ за него хлопоталъ, дѣйствуя отъ его имени, стращая и подкупая судей и толкуя вкривь и вкось всѣ возможные указы. Какъ бы то ни было, 18.. года, февраля 9-го дня, Дубровскій получилъ черезъ городовую полицію приглашеніе явиться къ** земскому судьѣ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между имъ, поручикомъ Дубровскимъ, и Генералъ-Аншефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія.—Въ тотъ же день Дубровскій отправился въ городъ; на дорогѣ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга, и Дубровскій замѣтилъ злобную улыбку на лицѣ своего противника.

Пріѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичь остановился у знакомаго купца, ночевалъ у него и на другой день утромъ явился въ присутствіе уѣзднаго суда. Никто не обратилъ на него вниманія. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ и Кирила Петровичь; писаря встали и заложили перья за ухо; члены встрѣтили его съ изъявленіемъ глубокаго подобострастія, придвинули ему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣтамъ и дородности; онъ сѣлъ; въ открытыхъ дверяхъ Андрей Гавриловичь, стоя, прислонился къ стѣнкѣ. Настала глубокая тишина, и секретарь сталъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда. Мы помѣщаемъ его вполнѣ, полагая, что всякому приятно будетъ увидѣть одинъ изъ способовъ, коимъ на Руси можемъ мы лишиться имѣнія, на владѣніе коимъ имѣемъ неоспоримыя права.

«18** года октября . . . дня К[озловскій] Уѣздный судъ разсматривая дѣло о неправильномъ владѣніи гвардіи порутчикомъ Андреемъ Гавриловичемъ сыномъ Дубровскимъ имѣніемъ, принадлежащимъ Генералъ-Аншефу Кирилу Петровичу сыну Троекурову, состоящимъ Т... губерніи К... округи въ сельцѣ Кистеневкѣ мужеска 186-ю душами, да земли съ лугами и угодьями 932 десятины. Изъ коего дѣла видно: означенный Генералъ-Аншефъ Троекуровъ прошлаго 18** г. іюня 9-го дня взошелъ въ сей судъ съ прошеніемъ въ томъ, что покойный его отецъ Коллежскій Ассесоръ и Кавалеръ Петръ Ефимовъ сынъ Троекуровъ, съ 1759 года августа 14-го дня, служившій въ то время въ Т... намѣстническомъ правленіи провинціальнымъ секретаремъ, купилъ изъ дворянъ у канцеляриста Фадея Егорова сына Спицына имѣніе, состоящее К... округи въ помянутомъ сельцѣ Кистеневкѣ (которое селеніе тогда по ревизіи называлось Кистеневскими выселками), всего значущихся по 4-й ревизіи мужеска пола 113 душъ со всѣмъ ихъ крестьянскимъ имуществомъ, усадьбою, съ пашенною и не пашенною землею, лѣсами, сѣнными покосы, рыбными ловли по рѣчкѣ, называемой [Кистеневкѣ], и со всѣми принадлежащими къ оному имѣнію угодьями и господскимъ деревяннымъ домомъ, и словомъ все безъ остатка, что ему послѣ отца его изъ дворянъ урядника Егора Терентьева, сына

Спицына, по наслѣдству досталось и во владѣніи его было, ни оставляя изъ людей ни единыя души, а изъ земли ни единаго четверика, цѣною за 2,500 руб.; на что и купчая въ тотъ же день въ Т... палатѣ суда и расправы совершена, и отецъ его тогда же, августа въ 26-й день, К... земскимъ судомъ введенъ былъ во владѣніе и учиненъ за него отказъ. А, наконецъ, 17** года сентября 6-го дня отецъ его волею Божіею померъ, а между тѣмъ онъ, проситель Генералъ-Аншефъ Троекуровъ, съ 1782 года, почти съ малолѣтства находился въ военной службѣ и по большей части былъ въ походахъ за границами, почему онъ и не могъ имѣть свѣдѣнія какъ о смерти отца его, равно и объ оставшемся послѣ его имѣніи. Нынѣ же по выходѣ совсѣмъ изъ той службы въ отставку и по возвращеніи въ имѣнія отца своего, состоящія Т... и Р... губерніяхъ, К..., П... и Р... уѣздахъ, въ разныхъ селеніяхъ всего до 3,000 душъ, находитъ, что изъ числа таковыхъ имѣній вышеписанными К—ми 113-ю душами (коихъ нынѣшней 7-й ревизіи значится въ томъ сельцѣ всего 186 душъ) съ землею и со всѣми угодьями владѣетъ безъ всякихъ укрѣпленій вышеписанный порутчикъ Андрей Дубровскій, почему, представляя при оном прошеніи ту подлинную купчую, данную отцу его продавцомъ Спицынымъ, проситъ, отобравъ помянутое имѣніе изъ неправильнаго владѣнія Дубровскаго, отдать по принадлежности въ полное его, Троекурова, распоряженіе. А за несправедливое онаго присвоеніе съ коего онъ пользовался получаемыми доходами, по учиненіи объ оныхъ надлежащаго дознанія, положить съ него, Дубровскаго, слѣдующее по законамъ взысканіе и онымъ его, Троекурова, удовлетворить.

По учиненіи жь К... земскимъ судомъ по сему прошенію изслѣдованію открылось, что помянутый нынѣшній владѣлецъ спорнаго имѣнія, порутчикъ Дубровскій, далъ на мѣстѣ дворянскому засѣдателю объясненіе, что владѣемое имъ нынѣ имѣніе, состоящее въ означенномъ сельцѣ Кистеневкѣ 186 душъ съ землею и угодьями, досталось ему по наслѣдству послѣ смерти отца его артиллеріи подпорутчика Гаврила Сергѣева сына Дубровскаго, а ему дошедшее по покупкѣ отъ отца сего просителя прежде бывшаго провинціальнаго секретаря, а потомъ Коллежскаго Ассесора Троекурова, по довѣренности, данной отъ него въ 1759 г. августа 30-го дня, засвидѣтельствованной въ К... уѣздномъ судѣ, Титулярному Совѣтнику Григорью Васильевичу сыну Соболеву, по которой должна быть отъ него на имѣніе сіе выдана отцу его купчая, потому что въ оной именно сказано, что онъ Троекуровъ, все доставшееся ему по покупкѣ отъ канцеляриста Спицына имѣніе 113 душъ съ землею продалъ отцу его, Дубровскаго, и слѣдующія по договору деньги 3,200 р. всѣ сполна съ отца его безъ возврата получилъ и просилъ онаго довѣреннаго Соболева выдать отцу его указную крѣпость. А между тѣмъ отцу его въ той же довѣренности по случаю заплаты всей суммы владѣть тѣмъ покупнымъ у него имѣніемъ и распоряжаться впредь до совершенія оной крѣпости, какъ настоящему владѣльцу, и ему продавцу Троекурову, впредь и никому въ то имѣніе уже не вступаться. Но когда именно и въ какомъ присутственномъ мѣстѣ таковая купчая отъ повѣреннаго Соболева дана его отцу ему, Андрею Дубровскому, неизвѣстно, ибо онъ въ то время былъ въ совершенномъ малолѣтствѣ, и послѣ смерти его отца таковой крѣпости отыскать не могъ, а полагаетъ, что не сгорѣла ли съ прочими бумагами и имѣніемъ во время бывшаго въ 17** году въ домѣ ихъ пожара, о чемъ извѣстно было и жителямъ того селенія. А что онымъ имѣніемъ со дня продажи Троекуровымъ, или выдачи Соболеву довѣренности, т. е. съ 17** года, и по смерти отца его съ 17** года и понынѣ они, Дубровскіе, безспорно владѣли, въ томъ свидѣтельствуется на окольныхъ жителей,— которые, всего 52 человѣка, на спросъ подъ присягою показали, что дѣйствительно, какъ они могутъ запомнить, означеннымъ спорнымъ имѣніемъ начали владѣть помянутые гг. Дубровскіе назадъ сему лѣтъ 70-ть безъ всякаго отъ кого либо спора, но по какому именно акту или крѣпости, имъ неизвѣстно. Упоминаемый же по сему дѣлу прежней покупчикъ сего имѣнія, бывшій провинціальный секретарь Петръ Троекуровъ, владѣлъ ли симъ имѣніемъ, они не запомнятъ. Домъ же гг. Дубровскихъ назадъ сему лѣтъ 30, отъ случившагося въ ихъ имѣніи въ ночное время пожара, сгорѣлъ; причемъ сторонніе люди дополнили, что доходу означенное спорное имѣніе можетъ приносить, полагая съ того времени въ сложности ежегодно не менѣе, какъ до 2,000 рублей.

Напротивъ же сего Генералъ-Аншефъ

Кирила Петровъ сынъ Троекуровъ 5-го Генваря сего года взошелъ въ сей судъ съ прошеніемъ, что хотя помянутый порутчикъ Андрей Дубровскій и представилъ при учиненномъ слѣдствіи къ дѣлу сему выданную покойнымъ его отцомъ Петромъ Троекуровымъ Титулярному Совѣтнику Соболеву довѣренность на запроданное ему имѣніе, но по оной не только подлинной купчей, но даже и на совершеніе когда-либо оной никакихъ ясныхъ доказательствъ по силѣ Генеральнаго Регламента 19-ой главы и указа 1752 года ноября 29 дня не представилъ. Слѣдовательно, самая довѣренность нынѣ за смертію самого дателя оной, отца его, по указу 18** года маія дня, совершенно уничтожается. А сверхъ сего велѣно спорныя имѣнія отдавать во владѣнія крѣпостныя по крѣпостямъ, а не крѣпостныя по розыску, на каковое имѣніе, принадлежащее отцу его, представленъ уже отъ него въ доказательство крѣпостной актъ, по которому и слѣдуетъ, на основаніи означенныхъ узаконеній, изъ неправильнаго владѣнія помянутаго Дубровскаго отобравъ, отдать ему по праву наслѣдства. А какъ означенные помѣщики, имѣя во владѣніи непринадлежащаго имъ имѣнія и безъ всякаго укрѣпленія пользовались съ онаго неправильно и имъ непринадлежащими доходами, то по исчисленіи, сколько таковыхъ будетъ причитаться по силѣ . . . . . съ помѣщика Дубровскаго взыскать и его, Троекурова, оными удовлетворить.

По разсмотрѣніи каковаго дѣла и учиненной изъ онаго и изъ законовъ выписки въ К... УѢздномъ Судѣ *опредѣлено*:

Какъ изъ дѣла сего видно, что Генералъ Аншефъ и Кавалеръ Кирила Петровъ сынъ Троекуровъ на означенное спорное имѣніе, находящееся нынѣ во владѣніи у порутчика Андрея Гаврилова сына Дубровскаго, состоящее въ сельцѣ Кистеневкѣ, по нынѣшней 7 ревизіи всего мужеска пола 186 душъ съ землею и угодьями, представилъ подлинную купчую на продажу онаго покойному отцу его, провинціальному секретарю, который потомъ былъ ассесоромъ, въ 17** году изъ дворянъ канцеляристомъ Фадеемъ Спицынымъ, и что сверхъ того сей покупщикъ Троекуровъ, какъ изъ учиненной по той купчей надписи видно, былъ въ томъ же году К... земскимъ судомъ введенъ во владѣніе, которое имѣніе уже за него отказано; и хотя напротивъ сего со стороны порутчика Андрея Дубровскаго и представлена довѣренность, данная тѣмъ умершимъ покупщикомъ Троекуровымъ Титулярному Совѣтнику Соболеву для совершенія купчей на имя отца его Дубровскаго, но по таковымъ здѣлкамъ не только утверждать крѣпостныя недвижимыя имѣнія, но даже и временно владѣть по указу . . . . . воспрещено, къ тому жь и самая довѣренность смертію дателя оной совершенно уничтожается. Но чтобъ сверхъ сего дѣйствительно была по оной довѣренности совершена гдѣ и когда на означенное спорное имѣніе купчая—со стороны Дубровскаго никакихъ ясныхъ доказательствъ къ дѣлу съ начала производства, то есть съ 18** года, по сіе время не представлено. А потому сей судъ и полагаетъ означенное имѣніе, 186 душъ съ землею и угодьями, въ какомъ нынѣ положеніи оное окажется, утвердить по представленной на оное купчей за Генералъ-Аншефа Троекурова; о удаленіи отъ распоряженія онымъ порутчика Дубровскаго и о надлежащемъ вводѣ во владѣніе за него, г. Троекурова, и о отказѣ за него какъ дошедшаго къ нему по наслѣдству предписать К... земскому суду. И хотя сверхъ сего Генералъ-Аншефъ Троекуровъ и проситъ о взысканіи съ порутчика Дубровскаго за неправое владѣніе наслѣдственнымъ его имѣніемъ воспользовавшихся съ онаго доходовъ,—но какъ оное имѣніе по показанію старожилыхъ людей было у гг. Дубровскихъ нѣсколько лѣтъ въ безспорномъ владѣніи, и изъ дѣла сего не видно, чтобъ со стороны г. Троекурова были какія либо до сего времени прошенія о таковомъ неправильномъ владѣніи Дубровскими онаго имѣнія, къ тому по уложенію . . . . велѣно, ежели кто чужую землю засѣетъ или усадьбу загородитъ, и на того о неправильномъ владѣніи станутъ бити челомъ, и про то сыщется допрямо, тогда правому отдавать тую землю и съ посѣяннымъ хлѣбомъ, и городьбою, и строеніемъ. А посему Генералъ-Аншефу Троекурову въ изъявленномъ на порутчика Дубровскаго искѣ отказать, ибо принадлежащее ему имѣніе возвращается въ его владѣніе, не изъемля изъ онаго ничего. А что при вводѣ за него оказаться можетъ, все безъ остатка,—предоставя между тѣмъ Генералъ-Аншефу Троекурову, буде онъ имѣетъ о таковой своей претензіи какія либо ясныя и законныя доказательства, можетъ просить, гдѣ слѣдуетъ, особо.—

Каковое рѣшеніе напредъ объявить какъ истцу, равно и отвѣтчику на законномъ основаніи аппелляціоннымъ порядкомъ, коихъ и вызвать въ сей судъ—для выслушанія сего рѣшенія и подписи удовольствія или неудовольствія черезъ полицію».

Секретарь умолкнулъ; засѣдатель всталъ и съ низкимъ поклономъ обратился къ [Троекурову], приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующій Троекуровъ, взявъ отъ него перо, подписалъ подъ рѣшеніемъ суда совершенное свое удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ. Секретарь поднесъ ему бумагу. Но Дубровскій стоялъ неподвижно, потупя голову. Секретарь повторилъ ему свое приглашеніе: подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или явное неудовольствіе, если паче чаянія чувствуетъ по совѣсти что дѣло его есть правое и намѣренъ въ положенное законами время просить по аппелляціи, куда слѣдуетъ.—

Дубровскій молчалъ... Вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, оттолкнулъ секретаря съ такою силою, что тотъ упалъ, схватилъ чернильницу (и) пустилъ ею въ засѣдателя. Всѣ пришли въ ужасъ. Дубровскій закричалъ дикимъ голосомъ:—Какъ, не почитать церковь Божію! Прочь, хамово племя!— Потомъ, обратясь къ Кирилу Петровичу: — Слыхано ли дѣло, Ваше Превосходительство, продолжалъ онъ, псари вводятъ собакъ въ Божію церковь! Собаки бѣгаютъ по церкви! Я васъ ужо проучу! Сторожа сбѣжались на шумъ, и насилу имъ овладѣли.—Его вывели и усадили въ сани.— Троекуровъ вышелъ вслѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ судомъ;—внезапное сумасшествіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе и отравило его торжество; судіи, надѣявшіеся на его благодарность не удостоились получить отъ него ни единаго привѣтливаго слова. Онъ въ тотъ-же день отправился въ Покровшино, втайнѣ мучимый совѣстію и не вполнѣ насладившись удовлетвореніемъ своей ненависти. Дубровскій, между тѣмъ, лежалъ въ постелѣ; уѣздный лѣкарь по счастью не совершенный невѣжда успѣлъ пустить ему кровь, поставить піявки и шпанскія мухи — къ вечеру ему стало легче, и на другой день повезли его въ Кистеневку, почти уже ему не принадлежащую.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

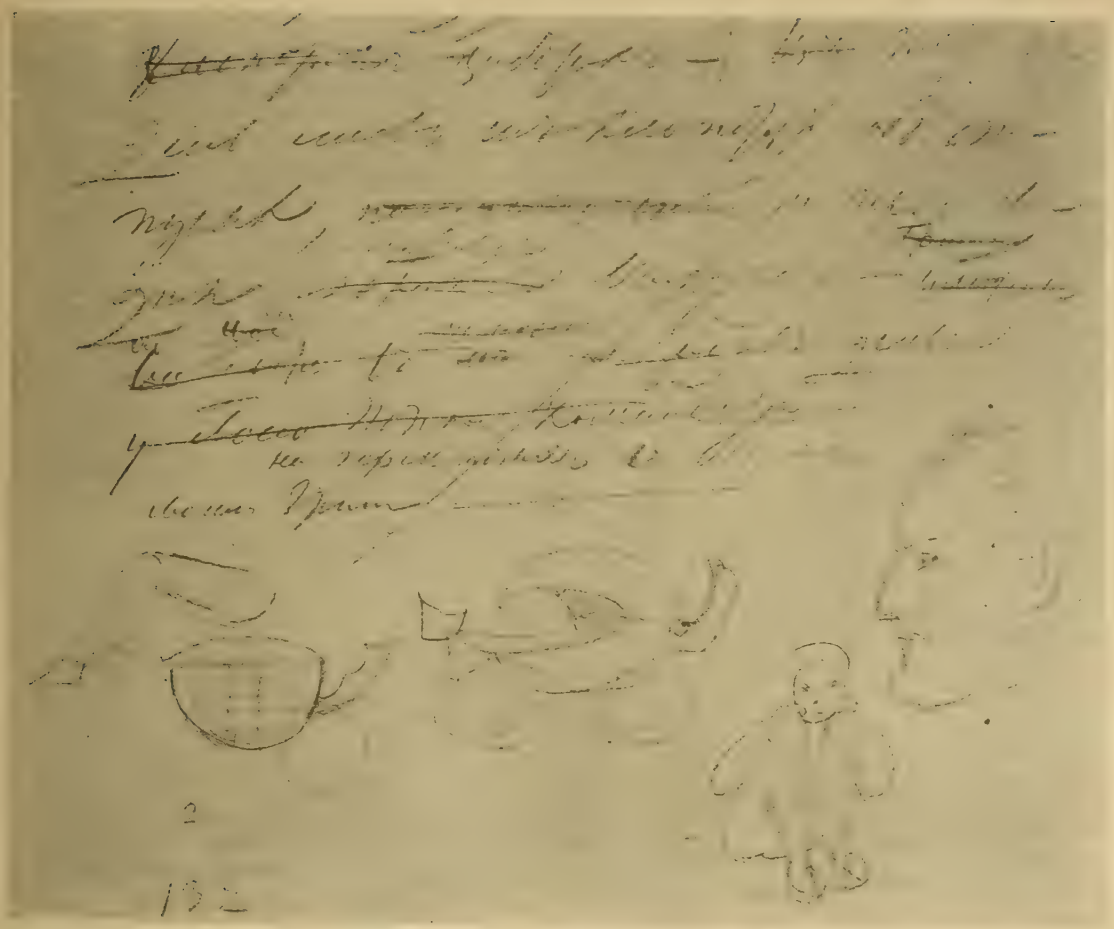
Прошло нѣсколько времени, а здоровье бѣднаго Дубровскаго все еще было плохо.— Правда, припадки сумасшествія уже не возобновлялись, но силы его примѣтно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая старуха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣлалась и его нянькою. Она смотрѣла за нимъ какъ за ребенкомъ, напоминая ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гавриловичъ повиновался ей, и кромѣ ея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія.—Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость увѣдомить обо всемъ молодого Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ гвард. пѣх. полковъ и находящагося въ то время въ П.Б. Итакъ, отодравъ листъ отъ разходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистеневскому грамотѣю, письмо которое въ тотъ же день и отослала въ городъ на почту.

Но пора читателя познакомить съ настоящимъ героемъ нашей повѣсти.

Владиміръ Дубровскій воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и выпущенъ былъ корнетомъ въ Гвардію. Отецъ не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія, и молодой человѣкъ получалъ изъ дому болѣе нежели долженъ былъ ожидать.—Будучи неосторожень и честолюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти; игралъ въ карты, входилъ въ долги и, не заботясь о будущемъ, ... рано или поздно . . . придется . . . богатую невѣсту.

Однажды вечеромъ когда нѣсколько офицеровъ сидѣли у него, развалившись по диванамъ и куря изъ его янтарей, Гриша, его камердинеръ, подалъ ему письмо, коего надпись и печать тотчасъ поразили молодаго человѣка. Онъ поспѣшно распечаталъ и прочелъ слѣдующее:

«Государь ты нашъ, Владиміръ Андреевичъ, я, твоя старая нянька, осмѣлюсь



ИЗЪ РУКОПИСИ 3-й ГЛАВЫ «ДУБРОВСКАГО».

(Румянц. Музей, тетрадь № 2380, л. 54. Воспроизводится впервые).

тебѣ доложить о здоровьѣ папенькиномъ! Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ какъ дитя глупое—а въ животѣ и смерти Богъ воленъ—пріѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ, отдать насъ подъ началъ Кирилу Петровичу Троекурову—потому что мы-дескать ихніе, а мы искони Ваши—и отроду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ П.Б., доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду. (У насъ дожди идутъ вотъ уже другая недѣля, и пастухъ Родя померъ около Миколина дня. Посылаю мое материнское благословеніе Гришѣ. Хорошо ли онъ тебѣ служитъ). Остаюсь твоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева».

Владиміръ Дубровскій нѣсколько разъ сряду прочиталъ сіи довольно безтолковыя строки съ необыкновеннымъ волненіемъ. Онъ лишился матери въ малолѣтствѣ и, почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ П.Б. на 8-мъ году своего возраста. Со всѣмъ тѣмъ, онъ романически былъ къ нему привязанъ, и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положеніе бѣднаго больнаго, которое угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ отца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой старухи и дворни, угрожаемаго какимъ-то бѣдствіемъ и угасающаго безъ помощи, въ мученіяхъ тѣ-

лесныхъ и душевныхъ. Владиміръ упрекалъ себя въ преступномъ небреженіи. Долго не получая отъ отца никакого извѣстія, онъ и не подумалъ о немъ освѣдомиться, полагая его въ разъѣздахъ или хозяйственныхъ заботахъ. Онъ рѣшился къ нему ѣхать и даже выдти въ отставку, если болѣзненное состояніе отца потребуетъ его присутствія. — Товарищи замѣтивъ его безпокойство, ушли — Владиміръ оставшись одинъ написалъ просьбу объ отпускѣ, закурилъ трубку и погрузился въ глубокія размышленія. (Въ тотъ же день сталъ онъ хлопотать объ отпускѣ, и черезъ два дня пустился въ дорогу на перекладныхъ съ вѣрнымъ своимъ Гришею).

Владиміръ Андреевичь приближался къ той станціи, съ которой онъ долженъ былъ своротить на Кистеневку.—Сердце его исполнено было печальныхъ предчувствій: онъ боялся уже не застать отца въ живыхъ, онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ деревнѣ; глушь, безлюдье, бѣдность, и хлопоты по дѣламъ, въ коихъ онъ не зналъ никакого толку. Пріѣхавъ на станцію, онъ вошелъ къ смотрителю и спросилъ вольныхъ лошадей.—Смотритель освѣдомился куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланныя изъ Кистеневки, ожидали его уже четвертыя сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу старый кучеръ Антонъ, нѣкогда водившій его по конюшнѣ и смотрѣвшій за его маленькой лошадкою.— Антонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что старый баринъ еще живъ, и побѣжалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичь отказался отъ предлагаемаго завтрака и спѣшилъ отправиться. Антонъ повезъ его проселочными дорогами, и между ними завязался разговоръ.

«Скажи, пожалуйста, Антонъ, какое дѣло у отца моего съ Троекуровымъ?»

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, батюшка Владиміръ Андреевичь; баринъ, слышь, не поладилъ съ Кирилой Петровичемъ, а тотъ и подалъ въ судъ—хоть почасту онъ самъ себѣ судія. Не наше холопье дѣло разбирать барскія воли, а, ей-Богу, напрасно батюшка Вашъ пошелъ на Кирилу Петровича: плетью обуха не перешибешь.

«Такъ видно, этотъ Кирила Петровичь у васъ дѣлаетъ что хочетъ?»

— И вѣстимо, баринъ (Губернаторъ ѣздитъ къ нему на поклонъ) засѣдателя, слышь, онъ и въ грошъ не ставитъ, исправникъ у него на посылкахъ;—господа съѣзжаются къ нему на поклонъ; и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будутъ.

Правда ли, что отымаетъ онъ у насъ имѣніе?—

Охъ, баринъ, слышали такъ и мы. Надняхъ покровскій пономарь сказалъ на крестинахъ у нашего старосты: Полно вамъ гулять; вотъ ужо приберетъ васъ къ рукамъ Кирила Петровичь; а Микита кузнецъ сказалъ ему: Полно, Савельичь, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петровичь самъ по себѣ, а Андрей Гавриловичь самъ по себѣ—а всѣ мы Божіи, да государевы! Да вѣдь на чужой ротъ пуговицы не нашьешь.—

Стало быть, вы не желаете перейти во владѣніе Троекурова.

Во владѣніе Кирилы Петровича! Господь упаси и избави!—у него тамъ и своимъ плохо приходится, а достанутся чужіе, такъ онъ съ нихъ не только шкурку, да и мясото отдеретъ.—Нѣтъ, дай Богъ долго здравствовать Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его приберетъ, такъ не надо намъ никого, кромѣ тебя, нашъ кормилецъ.—Не выдавай ты насъ, а мы ужъ за тебя станемъ.—При сихъ словахъ Антонъ размахнулъ кнутомъ, тряхнулъ возжами, и лошади его побѣжали крупной рысью.—

Тронутый преданностію стараго кучера, Дубровскій замолчалъ—и предался своимъ размышленіямъ. Прошло болѣе часу; вдругъ Гриша пробудилъ его восклицаніемъ: *Вотъ Покровское!* Дубровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ котораго вытекала рѣчка и терялась вдали, извиваясь между холмами.—На одномъ изъ нихъ, надъ густою зеленью рощи, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома, на другомъ—пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенскія избы съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ сіи мѣста; онъ вспомнилъ, что на семъ самомъ холмѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обѣщала быть красавицей. Онъ хотѣлъ объ ней освѣдомиться у Антона, но какая-то застѣнчивость удержала его.

Подъѣхавъ къ Господскому дому, онъ увидѣлъ бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада.—Въ это время Антонъ ударилъ по лошадямъ и, повинуясь честолюбію, общему и деревенскимъ кучерамъ, какъ и извощикамъ, пустился во весь духъ

черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, поднялись они на гору, и Владиміръ увидѣлъ березовую рощу, а влѣво на открытомъ мѣстѣ—сѣренькій домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилось—передъ собою видѣлъ онъ Кистеневку и бѣдный домъ своего отца.

Черезъ 10 минутъ въѣхалъ онъ на барской дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ: 12 лѣтъ не видалъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками межь коими шла широкая дорога тщательно выметаемая, обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнавъ Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодого барина съ шумными изъявленіями радости. Насилу могъ онъ продраться сквозь ихъ усердную толпу и взбѣжалъ на вѣтхое крыльцо; въ сѣняхъ встрѣтила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника.—Здорово, здорово няня, повторялъ онъ, прижимая къ сердцу добрую старуху: что батюшка, гдѣ онъ? каковъ онъ? Въ эту минуту въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, старикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатѣ и колпакѣ. «Гдѣ жь Володька?» сказалъ онъ слабымъ голосомъ и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего.—Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное потрясеніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились и онъ бы упалъ, если бъ сынъ не поддержалъ его. Зачѣмъ ты всталъ съ постели, говорила ему Егоровна: на ногахъ не стоитъ, а туда же норовитъ, куда и люди. Старика отнесли въ спальню. Онъ силился съ нимъ разговаривать, но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ разположился въ его спальнѣ и просилъ оставить его наединѣ съ отцомъ. Домашніе повиновались, и тогда всѣ обратились къ Гришѣ и повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по деревенскому со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣтствіями.

ГЛАВА IV.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, молодой Дубровскій хотѣлъ заняться дѣлами, но отецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныя объясненія; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашелъ онъ только первое письмо засѣдателя и черновой отвѣтъ на оное.—Изъ этого не могъ онъ получить ясное понятіе о тяжбѣ и рѣшился ожидать послѣдствій, надѣясь на правоту самаго дѣла.

Между тѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часъ-отъ-часу становилось хуже.—Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не отходилъ отъ старика впадавшаго въ совершенное дѣтство.

Между тѣмъ срокъ положенный прошелъ и аппелляція не была подана. Кистеневка принадлежала Троекурову.—Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить: когда угодно будетъ Его Превосходительству вступить во владѣніе новоприобрѣтеннымъ имѣніемъ—самому или кому изволитъ онъ дать на то довѣренность? Кирила Петровичь смутился. Отъ природы не былъ онъ корыстолюбивъ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко; совѣсть его роптала.—Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его противникъ, старый товарищъ его по молодости,—и побѣда не радовала его сердце. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чтобъ его выбранить, но, не нашедъ достаточнаго къ тому предлога, сказалъ ему сердито:—Пошелъ вонъ; не до тебя! Шабашкинъ видя, что онъ не въ духѣ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичь, оставшись наединѣ, сталъ разхаживать взадъ и впередъ, насвистывая: *Громъ побѣды раздавайся*, что всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запрячь себѣ бѣговыя дрожки, одѣлся потеплѣе (это было уже въ концѣ сентября) и самъ правя выѣхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онъ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувства наполнили душу его. Удовлетворенное мщеніе и властолюбіе заглушали до нѣкоторой степени чувства болѣе благородныя, но по-

слѣднія наконецъ восторжествовали.—Онъ рѣшился помириться съ старымъ своимъ сосѣдомъ, уничтожить и слѣды ссоры, возвратить ему его достоляніе. Облегчивъ душу симъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Петровичь пустился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда—и въѣхалъ прямо на дворъ.

Въ это время больной сидѣлъ въ спальной у окна. Онъ узналъ Кирилу Петровича—и ужасное смятеніе изобразилось на лицѣ его—багровой румянецъ заступилъ мѣсто обыкновенной блѣдности, глаза засверкали, онъ произносилъ невнятные звуки.—Сынъ его, сидѣвшій тутъ за хозяйственными книгами, поднялъ голову и пораженъ былъ его состояніемъ. Больной указывалъ пальцемъ на дворъ съ видомъ ужаса и гнѣва. Въ сію минуту раздался голосъ и тяжелая походка Егоровны—Баринъ, баринъ! Кирила Петровичь пріѣхалъ, Кирила Петровичь у крыльца!—Егоровна ахнула: «Господи, Боже мой! Это что такое? Что это съ нимъ сдѣлалось?» Онъ торопился подбирать полы своего халата, собираясь встать съ креселъ, приподнялся—и вдругъ упалъ. Сынъ бросился къ нему; старикъ лежалъ безъ чувствъ, безъ дыханія: параличъ его ударилъ. Скорѣй, скорѣй въ городъ, за лѣкаремъ! кричалъ Владиміръ.—Кирила Петровичь спрашиваетъ васъ, сказалъ вошедшій слуга.—Владиміръ бросилъ на него ужасный взглядъ.—Скажи Кирилу Петровичу, чтобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора—пошелъ!—Слуга радостно побѣжалъ исполнить приказаніе своего барина.—Егоровна всплеснула руками.—Батюшка ты нашъ—сказала она пискливымъ голосомъ: погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичь съѣстъ насъ.—Молчи, няня—сказалъ съ сердцемъ Владиміръ. Сейчасъ пошли Антона въ городъ за лѣкаремъ. Егоровна вышла. Въ передней никого не было—всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича.—Она вышла на крыльцо и услышала отвѣтъ слуги отъ имени молодого барина. Кирила Петровичь выслушалъ его, сидя на дрожкахъ—лице его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и поѣхалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минуту передъ симъ сидѣлъ Андрей Гавриловичь, но гдѣ ужь его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ толковала о семъ произшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и отрывисто сказалъ: Не надобно лѣкаря—батюшка скончался.—

Сдѣлалось смятеніе. Люди бросились въ комнату стараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на которыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь—не было уже и признака жизни въ семъ тѣлѣ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кончиною.—Егоровна взвыла, слуги окружили трупъ, оставленный на ихъ попеченіе—вымыли его, одѣли въ мундиръ, сшитый еще въ 1797 году, и положили на тотъ самый столъ, за которымъ столько лѣтъ они служили своему Господину.

ГЛАВА V.

Похороны совершились на третій день.—Тѣло бѣднаго старика лежало на столѣ, покрытое савановъ и окруженное свѣчами. Столовая полна была дворовыхъ, готовившихся къ выносу. Владиміръ и слуги подняли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ сопровождалъ его, воспѣвая погребальныя молитвы. Хозяинъ Кистеневки въ послѣдній разъ перешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рощею—церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осенніе листья падали съ деревъ. При выходѣ изъ рощи, увидѣли кистеневскую деревянную церковь и кладбище, осѣненное старыми липами. Тамъ покоилось тѣло Владиміровой матери; тамъ, подлѣ могилы ея, наканунѣ вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была кистеневскими крестьянами, пришедшими отдать послѣднее поклоненіе Господину своему. Молодой Дубровскій сталъ у крылоса; онъ не плакалъ и не молился; но лице его было страшно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ тѣломъ, за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколотили гробъ. Бабы громко выли, мужики изрѣдка утирали слезы кулакомъ. Владиміръ и тѣ же 3 слуги понесли его на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу—всѣ присутствовавшіе бросили въ нее по горсти песку—яму засыпали, покло-

пились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ кистеневскую рощу.

Егоровна отъ имени его пригласила попа и весь причетъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на ономъ присутствовать.—Итакимъ образомъ отецъ Антонъ, попадья Ѳедотовна и дьячекъ пѣшкомъ отправились на барской дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что, повидимому, ожидало его наслѣдника. (Пріѣздъ Троекурова и пріемъ, ему оказанный, были уже извѣстны всему околодку, и тамошніе политики предвѣщали важныя оному послѣдствія).

— Что будетъ, то будетъ, сказала попадья, а жаль, если не Владиміръ Андреевичь будетъ нашимъ Господиномъ. Молодецъ, нечего сказать.

— А кому же и быть, какъ не ему, у насъ Господиномъ, прервала Егоровна; — напрасно Кирила Петровичь и горячится— не на робкаго напалъ, мой соколикъ и самъ за себя постоитъ—да и Богъ дастъ— благодѣтели его не оставятъ. Больно спѣсивъ Кирила Петровичь! А небось, поджалъ хвостъ, когда Гришка мой закричалъ ему: Вонъ, старый песъ!—Долой со двора!

— Ахти, Егоровна, сказалъ дьячекъ: да какъ у Григорья-то языкъ повернулся? я скорѣе соглашусь, кажется, (просить) на Владыку, чѣмъ косо взглянуть на Кирилу Петровича.—Какъ увидишь его—страхъ и трепетъ! А спина-то сама такъ и гнется, такъ и гнется...

— Суета суетъ, сказалъ священникъ: и Кирилѣ Петровичу отпоютъ вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше,—а Богу не все ли равно!...

Ахъ, батька! и мы хотѣли созвать весь околотокъ, да Владиміръ Андреевичь не захотѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, есть чѣмъ угостить... да что прикажешь дѣлать? По крайней мѣрѣ, коли нѣтъ людей, такъ ужъ васъ уподчую, дорогіе гости.

Сіе ласковое обѣщаніе и надежда найти лакомый пирогъ ускорили шаги собесѣдниковъ, и они благополучно прибыли въ барскій домъ, гдѣ столъ былъ уже накрытъ и водка подана.

Между тѣмъ Владиміръ углублялся въ чащу деревъ, движеніемъ и усталостію стараясь заглушить душевную скорбь. Онъ шелъ не разбирая дороги; сучья поминутно задѣвали и царапали его, ноги его поминутно вязли въ болотѣ—онъ ничего не замѣчалъ.—Наконецъ достигнулъ онъ маленькой лощины со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсомъ; ручеекъ извивался молча около деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Владиміръ остановился, сѣлъ на холодный дернъ, и мысли одна другой мрачнѣе стѣснились въ душѣ его... Сильно чувствовалъ онъ свое одиночество, будущее для него являлось покрытымъ грозными тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣщала ему новыя несчастія. Бѣдное его достояніе могли отойти отъ него въ чужія руки: въ такомъ случаѣ нищета ожидала его. Долго сидѣлъ онъ неподвижно, на томъ же мѣстѣ, взирая на тихое теченіе ручья, уносящаго нѣсколько поблеклыхъ листьевъ, и живо представлялось ему подобіе жизни — подобіе столь вѣрное, обыкновенно. Наконецъ замѣтилъ онъ, что начало смеркаться;—онъ всталъ и пошелъ искать дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакомому лѣсу, пока не попалъ на тропинку, которая и привела его прямо къ воротамъ его дома.

Навстрѣчу Дубровскому попался попъ со всѣмъ причетомъ. Мысль о нещастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольно прошелъ стороною и скрылся за деревьями. Они его не замѣтили и съ жаромъ говорили между собою. Удались отъ зла и сотвори благо, говорилъ попъ попадьѣ. Нечего намъ здѣсь оставаться, не твоя бѣда, чѣмъ бы дѣло ни кончилось. Попадья что-то отвѣчала, но Владиміръ не могъ ея разслышать.

Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ множество народу: крестьяне и дворовые люди толпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая стояли двѣ тройки. На крыльцѣ нѣсколько незнакомыхъ людей въ мундирныхъ сертукахъ, казалось, о чемъ-то толковали. Что это значитъ, спросилъ онъ сердито у Антона, который бѣжалъ ему навстрѣчу, это кто такіе, и что имъ надобно? — Ахъ, батюшка Владиміръ Андреевичь, отвѣчалъ старикъ, запыхавшись: судъ пріѣхалъ. Отдаютъ насъ Троекурову, отымаютъ насъ отъ твоей милости!...

Владиміръ потупилъ голову, люди его окружили нещастнаго своего Господина.— Отецъ ты нашъ, кричали они, цалуя ему руки, не хотимъ другово барина, кромѣ тебя. Прикажи, Осударь, съ судомъ мы управимся. Умремъ, а не выдадимъ. —

Владиміръ смотрѣлъ на нихъ, и страшныя чувства волновали [его]. — Стойте смирно, сказалъ онъ имъ: а я съ приказными переговорю. — Переговори, батюшка, закричали ему изъ толпы: да усовѣсти окаянныхъ. Владиміръ подошелъ къ чиновникамъ. Шабашкинъ, съ картузомъ на головѣ, стоялъ подбочась и гордо взирая около себя. Исправникъ, высокій и толстый мущина, лѣтъ пятидесяти, съ краснымъ лицемъ и въ усахъ, увидя приближающагося Дубровскаго, крякнулъ и произнесъ охриплымъ голосомъ: И такъ, я вамъ повторяю то, что уже сказалъ: по рѣшенію Уѣзднаго суда, отнынѣ принадлежите вы Кирилѣ Петровичу Троекурову и коего лице представляетъ здѣсь Г. Шабашкинъ. Слушайте его во всемъ, что ни прикажетъ; а вы, бабы, любите и почитайте его во всемъ, а онъ до васъ большой охотникъ.—При сей острой шуткѣ исправникъ захохоталъ, а Шабашкинъ и прочіе члены ему послѣдовали. Владиміръ кипѣлъ отъ негодованія. Позвольте узнать, что это значитъ, спросилъ онъ съ притворнымъ хладнокровіемъ у веселаго исправника.

— А это значитъ, отвѣчалъ замысловатый чиновникъ:—что мы пріѣхали вводить во владѣніе сего Кирилу Петровичу Троекурову и просить *иныхъ прочихъ* убираться по добру, по здорову...

Но вы могли бы кажется отнестись ко мнѣ, прежде чѣмъ къ моимъ крестьянамъ, и объявить помѣщику отрѣшеніе отъ власти...

— Бывшій помѣщикъ Андрей Гавриловъ сынъ Дубровскій волею Божіею помре; а ты кто такой? сказалъ Шабашкинъ съ дерзкимъ взоромъ: мы васъ не знаемъ, да и знать не хотимъ.—

Ваше благородіе, онъ Владиміръ Анреевичь нашъ молодой баринъ, сказалъ голосъ изъ толпы.

— Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть! сказалъ грозно исправникъ, какой баринъ? Какой Владиміръ Андреевичъ? Баринъ вашъ Кирила Петровичъ Троекуровъ... слышите ли, олухи?

Какъ не такъ! сказалъ тотъ же голосъ.—

Да это бунтъ! закричалъ исправникъ. Гей, староста, сюда!

Староста выступилъ впередъ.

— Отыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его!...

Староста обратился въ толпу, спрашивая, кто говорилъ. Но всѣ молчали. Вскорѣ въ задникъ рядахъ поднялся ропотъ, сталъ усиливаться и въ минуту превратился въ ужаснѣйшіе вопли. Исправникъ понизилъ голосъ и хотѣлъ было ихъ уговаривать... Да что на него смотрѣть, закричали дворовые: ребята, бери ихъ! и толпа двинулась. Шабашкинъ и члены поспѣшно бросились въ сѣни и заперли за собою дверь. Ребята, впередъ (?) закричалъ тотъ же голосъ,—и толпа стала напирать. Стойте, крикнулъ Дубровскій: дураки! что вы это? вы губите и себя и меня; ступайте по дворамъ и оставьте меня въ покоѣ. Не бойтесь, Государь милостивъ: я буду просить его—онъ насъ не обидитъ—мы всѣ его дѣти; а какъ ему за васъ будетъ заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать?

Рѣчь молодого Дубровскаго, его звучный голосъ и величественный видъ произвели желаемое дѣйствіе. Народъ утихъ и разошелся; дворъ опустѣлъ, члены сидѣли въ домѣ. Владиміръ печально вошелъ на крыльцо. Шабашкинъ отперъ двери и съ униженными поклонами сталъ благодарить Дубровскаго за его милостивое заступленіе.— Владиміръ слушалъ его съ презрѣніемъ и ничего не отвѣчалъ.—Мы рѣшили, продолжалъ засѣдатель, съ вашего дозволенія остаться здѣсь ночевать; а то уже темно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ.—Сдѣлайте такую милость, прикажите послать намъ хоть сѣна въ гостиной; чѣмъ-свѣтъ, мы отправимся во свояси.

Дѣлайте, что хотите, отвѣчалъ имъ сухо Дубровскій: я здѣсь уже не хозяинъ.

Съ этимъ словомъ онъ удалился въ комнату отца своего и заперъ за собою дверь.

ГЛАВА VI.

«Итакъ все кончено!» сказалъ [Владиміръ] самъ себѣ: еще утромъ имѣлъ я уголъ и кусокъ хлѣба; завтра долженъ буду оставить домъ, гдѣ я родился. Мой отецъ, земля, гдѣ онъ покоится, будетъ принадлежать ненавистному человѣку, виновнику его смерти и моей нищеты!... Владиміръ стиснулъ зубы, и глаза его неподвижно остановились на портретѣ его матери. Живописецъ представилъ ее облокоченною на перила въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, съ одною розою въ волосахъ. И портретъ этотъ достанется врагу моего семейства— подумалъ Владиміръ—онъ заброшенъ будетъ въ кладовую вмѣстѣ съ изломанными стульями, или повѣшенъ въ передней, какъ предметъ насмѣшекъ и замѣчаній его псарей; а въ ея спальной, въ комнатѣ, гдѣ умеръ отецъ, поселится его прикащикъ или помѣстится его гаремъ. Нѣтъ, нѣтъ! пускай же и ему не достанется печальный домъ, изъ котораго онъ выгоняетъ меня. Владиміръ стиснулъ зубы; страшныя мысли рождались въ умѣ его. Голоса подъячихъ доходили до него; они хозяйничали, требовали то того, то другово, и непріятно развлекали его среди печальныхъ его размышленій. Наконецъ все утихло.

Владиміръ отперъ комоды и ящики [и] занялся разборомъ бумагъ покойнаго. Онѣ большею частію состояли изъ хозяйственныхъ щетовъ и переписки по разнымъ дѣламъ.—Владиміръ разорвалъ ихъ не читая.— Между ними попался ему пакетъ съ надписью: *Письма моей жены.* Съ сильнымъ движеніемъ чувства Владиміръ принялся за нихъ! они писаны были во время турецкаго похода и были адресованы въ армію изъ Кистеневки. Она описывала ему свою пустынную жизнь и хозяйственныя занятія, съ нѣжностію сѣтовала на разлуку и призывала его домой, въ объятія доброй подруги. Въ одномъ изъ нихъ она изъявляла ему свое безпокойство на щетъ здоровья маленькаго Владиміра; въ другомъ она радовалась его раннимъ способностямъ и предрекала для него щастливую и блестящую будущность. Владиміръ зачитался и позабылъ все на свѣтѣ, погрузясь душою въ міръ семейственнаго щастія, и не замѣтилъ, какъ прошло время: стѣнные часы пробили 11. Владиміръ положилъ письма въ карманъ, взялъ свѣчу и вышелъ изъ кабинета.— Въ залѣ приказные спали на полу. На столѣ стояли стаканы ими опорожненные и сильный духъ рома слышенъ [былъ] по всей комнатѣ. Владиміръ съ отвращеніемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Тамъ было темно. Кто-то, увидя свѣтъ, бросился въ уголъ. Обратясь къ нему со свѣчею, Владиміръ узналъ Архипа-кузнеца.

Зачѣмъ ты здѣсь? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Я хотѣлъ... я пришелъ было провѣдать всѣ ли дома? тихо отвѣчалъ Архипъ, запинаясь.

А зачѣмъ съ тобою топоръ?

— Топоръ-то зачѣмъ? Да какъ же безъ топора нонече и ходить? Эти приказные такіе, вишь, озорники: того и гляди...

Ты пьянъ; брось топоръ, поди выспись.

— Я пьянъ? Батюшка Владиміръ Андреевичь, Богъ свидѣтель, ни единой капли во рту не было... да и пойдетъ ли вино-то на умъ? Слыхано ли дѣло, подъячіе задумали нами владѣть, подъячіе гонятъ нашихъ господъ съ барскаго двора... Экъ они храпятъ, окаянные; всѣхъ бы разомъ, такъ и концы въ воду.

Дубровскій нахмурился.

Послушай Архипъ, сказалъ онъ, немного помолчавъ: не дѣло твои затѣи, не приказные виноваты. Засвѣти-ка фонарь, ты ступай за мною.

Архипъ взялъ свѣчу изъ рукъ барина, отыскалъ за печкою фонарь, засвѣтилъ его, и оба тихо сошли съ крыльца и пошли около двора. Сторожъ началъ бить въ чугунную доску; собаки залаяли.—Кто на сторожахъ? спросилъ Дубровскій, — Мы, батюшка, отвѣчалъ тонкій голосъ: Василиса да Лукерья. — Подите по дворамъ, сказалъ имъ Дубровскій: васъ не нужно.— Шабашъ, промолвилъ Архипъ.—Спасибо, кормилецъ, отвѣчали бабы и тотчасъ отправились домой.

Дубровскій пошелъ далѣе.—Два человѣка приблизились къ нему; они его окликали; Дубровскій узналъ голосъ Антона и Гриши.— Зачѣмъ вы не спите?—спросилъ онъ ихъ.— До сна ли намъ, отвѣчалъ Антонъ; до чего мы дожили, кто бы подумалъ...

Тише, прервалъ Дубровскій; гдѣ Егоровна?

— Въ барскомъ домѣ, въ своей свѣтелкѣ, отвѣчалъ Гриша.

Поди, приведи ее сюда, да выведи изъ дому всѣхъ нашихъ людей, чтобъ ни одной души въ немъ не оставалось, кромѣ приказныхъ;—а ты Антонъ [запряги телегу].

Гриша ушелъ; чрезъ минуту онъ явился со своей матерью. Старуха не раздѣвалась въ эту ночь; кромѣ приказныхъ, никто во всемъ домѣ не смыкалъ глаза.

Всѣ ли здѣсь? спросилъ Дубровскій: не осталось ли кого въ домѣ?

— Никого, кромѣ подъячихъ, отвѣчалъ Гриша.

Давайте сюда сѣна или соломы, сказалъ Дубровскій.

Люди побѣжали на конюшню и возвратились, неся въ охапкахъ сѣно.

Подложите подъ крыльцо,—вотъ такъ. Ну, ребята,—огню!—

Архипъ открылъ фонарь, Дубровскій зажегъ лучину.

Постой, сказалъ онъ Архипу, кажется, въ торопяхъ я заперъ двери въ переднюю, поди скорѣе отопри ихъ.

Архипъ побѣжалъ въ сѣни,—двери были отперты.—Архипъ заперъ ихъ на ключь, промолвя вполголоса: *какъ не такъ, отопри*, и отправился къ Дубровскому.

Дубровскій приблизилъ лучину, сѣно вспыхнуло, пламя взвилось и освѣтило весь дворъ.

Ахти! жалобно закричала Егоровна: Владиміръ Андреевичь, что ты дѣлаешь!

Молчи! сказалъ Дубровскій. Ну, дѣти, прощайте! иду, куда Богъ поведетъ; будьте щастливы съ новымъ Вашимъ Господиномъ.

Отецъ ты насъ, кормилецъ, отвѣчали люди: умремъ не оставимъ тебя, идемъ съ тобою!

Лошади были поданы. Дубровскій сѣлъ съ Гришею въ телѣгу; Антонъ ударилъ по лошадямъ и они выѣхали со двора.

Въ одну минуту пламя обхватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались, пылающія бревна стали падать; красный дымъ вился надъ кровлею; раздался жалобный вопль и крики: помогите, помогите!—Какъ не такъ, сказалъ Архипъ, съ злобною улыбкой взирающій на пожаръ. — Архипушка, говорила ему Егоровна: спаси ихъ, окаянныхъ, Богъ тебя наградитъ! — Какъ не такъ, отвѣчалъ кузнецъ. Въ сію минуту приказные показались въ окна, стараясь выломать двойныя рамы. Но тутъ кровля съ трескомъ обрушилась—и вопли утихли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребятишки прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полетѣли огненной метелью, избы загорѣлись.—Теперь все ладно—сказалъ Архипъ, каково горитъ, а? Чай, изъ Покровскаго славно смотрѣть. Въ сію минуту новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, недоумѣвая, куда спрыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь; мальчишки помирали со смѣху смотря на ея отчаяніе.—Чему смѣетесь, бѣсенята, сказалъ имъ сердито кузнецъ;—Бога вы не боитесь—Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь—и поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою—она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности—уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ.—Ну, ребята прощайте,—сказалъ онъ смущенной дворнѣ: мнѣ здѣсь дѣлать нечего—щастливо, не поминайте меня лихомъ. Кузнецъ ушелъ, пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители Кистеневки.

ГЛАВА VII.

На другой день вѣсть о пожарѣ разнеслась по всему околодку.—Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ изъ неосторожности, другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельи. Нѣкоторые догадывались объ истинѣ, и утверждали, что виновникомъ сего ужаснаго бѣдствія былъ самъ Дубровскій, движимый злобой и отчаяніемъ; (многіе увѣряли, что онъ сгорѣлъ съ судомъ и со всѣми дворовыми). Троекуровъ пріѣзжалъ на другой же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что исправникъ, засѣдатель

ТРОЕКУРОВСКОЕ СЕЛО ПОКРОВСКОЕ (ПОКРОВШИНО).
Рисунокъ Е. Е. Лансере.

земскаго суда, стряпчій и писарь, такъ же, какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человѣкъ Григорій, кучеръ Антонъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда.—Всѣ дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы Василиса и Лукерья сказали, что Дубровскаго и Архипа-кузнеца видѣли онѣ за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ.—Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и вѣроятно главный, если не единственный виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Петровичъ послалъ Губернатору подробное описаніе всему произшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣсти дали другую пищу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и разпространили ужасъ по всѣмъ окрестностямъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ Правительствомъ, оказались недостаточными.—Грабительства одно другово замѣчательнѣе слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности, ни по дорогамъ, ни по деревнямъ.—Нѣсколько троекъ наполненныхъ разбойниками, разъѣзжали днемъ по всей губерніи—останавливали путешественниковъ и почту, приѣзжали въ селы, грабили помѣщичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Разсказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всѣхъ устахъ: всѣ были увѣрены, что онъ, а ни кто другой предводительствовалъ отважными злодѣями. Удивлялись одному: — помѣстія Троекурова были пощажены, разбойники не ограбили у него ни единаго сарая, не остановили ни одного воза. Съ обыкновенной своей надменностію Троекуровъ приписывалъ сіе изключеніе страху, который умѣлъ онъ внушать всей губерніи, также и отмѣнно хорошей полиціи имъ заведенной въ его деревняхъ.—Сначала сосѣди смѣялись между собою надъ высокомѣріемъ Троекурова, и каждый ожидалъ чтобъ незванные гости посѣтили Покровское гдѣ было имъ чѣмъ поживиться, но наконецъ принуждены были съ нимъ согласиться и сознаться что и разбойники оказывали ему непонятное уваженіе. Троекуровъ торжествовалъ, и при каждой вѣсти о новомъ грабительствѣ Дубровскаго разсыпался намеками на щетъ губернатора, исправниковъ и ротныхъ командировъ, отъ коихъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между тѣмъ наступило 1-е октября, день храмоваго праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ произшествій, мы должны познакомить читателя съ лицами, для него новыми, или о коихъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣсти.

ГЛАВА VIII.

Читатель вѣроятно уже догадался, что дочь Кирилы Петровича, о которой сказали мы еще только нѣсколько словъ, есть Героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было 17 лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Отецъ любилъ ее до безумія, но обходился съ нею съ свойственнымъ ему своенравіемъ, то стараясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, то пугая ее суровымъ, а иногда жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты.—Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣзжали къ Кирилѣ Петровичу, коего обыкновенные разговоры, увеселенія, требовали товарищества мущинъ, а не присутствія дамъ.—Рѣдко наша красавица являлась посреди гостей пирующихъ у Кирилы Петровича. Огромная библіотека, составленная большею частію изъ сочиненій французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отецъ ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ *Совершенной Поварихи*, не могъ руководствовать ее въ выборѣ книгъ, и Маша, естественнымъ образомъ перерывъ сочиненія всякаго рода, остановилась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начатое нѣкогда подъ руководствомъ Мамзель Мими, которой Кирила Петровичь оказывалъ большую довѣренность и благосклонность, и которую принужденъ онъ былъ наконецъ выслать тихонько въ другое помѣстіе, когда слѣдствія сего дружества оказались слишкомъ явными.—Мамзель Мими оставила по себѣ память довольно приятную. Она была добрая дѣвушка и никогда во зло не употребляла вліянія которое видимо имѣла надъ Кирилою Петровичемъ — въ чемъ отличалась она отъ другихъ наперсницъ, поминутно имъ смѣняемыхъ.—Самъ Кирила Петровичь, казалось, любилъ ее болѣе прочихъ, и черноглазый мальчикъ, шалунъ лѣтъ 9-ти напоминающій полуденныя черты M-lle Мими, воспитывался при немъ и признанъ былъ его сыномъ, не смотря на то, что множество босыхъ ребятишекъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича—бѣгали передъ его окнами и считались дворовыми. — Кирила Петровичь выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши француза-учителя, который и прибылъ въ Покровское во время произшествій, нами теперь описываемыхъ.

Сей учитель понравился Кирилѣ Петровичу своей пріятной наружностію и простымъ обращеніемъ. Онъ представилъ Кирилѣ Петровичу свои аттестаты и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго 4 года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичь все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостію своего француза, не потому, что полагалъ бы сей любезный недостатокъ несовмѣстнымъ съ терпѣніемъ и опытностію, столь нужными въ нещастномъ званіи учителя—но у него были свои сомнѣнія, которыя тотчасъ и рѣшился ему объяснить.—Для сего велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу (Кирила Петровичь по-французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ). — Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье что такъ и быть принимаю его, только съ тѣмъ, чтобъ онъ у меня за моими дѣвушками не осмѣливался волочиться, не то я его, собачьяго сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснѣла и, обратясь къ учителю, сказала ему по-фр., что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

Хорошо, хорошо сказалъ Кирила Петровичь. Не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія.—Дѣло его ходить за Сашей и учить граматикѣ да географіи... переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичь отпустилъ своего француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодова француза, воспитанная въ Аристократическихъ предразсудкахъ, учитель

былъ для нея родъ слуги или мастерового, а слуга или мастеровой не казался ей мущиною.—Она не замѣтила и впечатлѣнія, произведеннаго ею на М-r Русло [Деформа], ни его смущенія, ни его трепета, ни измѣнившагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности.—Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

На дворѣ у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ покровскаго помѣщика. Въ первой своей молодости медвѣжата приводимы были ежедневно въ гостиную, гдѣ Кирила Петровичь по цѣлымъ часамъ возился съ ними, стравливая ихъ съ кошками и щенятами.—Возмужавъ, они были посажены на цѣпь, въ ожиданіи настоящей травли. Изрѣдка [ихъ] выводили предъ окна барскаго дома и подкатывали имъ порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями, медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ тихонько до нея дотрагивался, кололъ себѣ лапы, осердясь, толкалъ ее сильнѣе, и сильнѣе становилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покамѣстъ не отнимали у бѣднаго звѣря предмета тщетной его ярости.—Случалось, что въ телегу впрягали пару медвѣдей, волею и неволею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божію. Но лучшею шуткою почиталась у Кирилы Петровича слѣдующая:

Проголодавшагося медвѣдя запрутъ бывало въ пустой комнатѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ стѣну. Веревка была длиною почти во всю комнату, такъ что одинъ только противоположный уголъ могъ (укрыть) безопаснымъ отъ нападенія страшнаго звѣря. — Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнаты, нечаянно вталкивали его къ медвѣдю, двери запирались и нещастную жертву оставляли на единѣ съ косматымъ пустынникомъ. Бѣдный гость, съ оборванною полою, съ оцарапанной ?, скоро отыскивалъ безопасный уголъ, но принужденъ былъ иногда цѣлые три часа стоять, прижавшись къ стѣнѣ и видѣть, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился на дыбы, ревѣлъ, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородныя увеселенія Русскаго Барина! Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнатѣ; для сего призвавъ его однажды утромъ, повелъ онъ его съ (?)темными корридорами—вдругъ боковая дверь отворилась—двое слугъ вталкиваютъ въ нее француза и запираютъ ее на ключь.—Опомнившись, учитель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркать, издали обнюхивая своего гостя и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него... Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; (Русло) Деформъ вынулъ изъ кармана маленькій пистолетъ, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отворились—Кирила Петровичь вошелъ, изумленный развязкою своей шутки.

Кирила Петровичь хотѣлъ непремѣнно объясненія всему дѣлу. — Кто предварилъ Деформа о шуткѣ, для него приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолетъ? Онъ послалъ за Машей. Маша прибѣжала и перевела французу вопросы отца.—

Я не слыхивалъ о медвѣдѣ, отвѣчалъ Деформъ, но я вседа ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу требовать удовлетворенія.

Маша смотрѣла на него съ изумленіемъ и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петровичь ничего не отвѣчалъ, велѣлъ вытащить медвѣдя и снять съ него шкуру; потомъ обратясь къ своимъ людямъ, сказалъ:—Каковъ молодецъ! не струсилъ, ей-Богу, не струсилъ. — Съ той минуты онъ Деформа полюбилъ и не думалъ уже его пробовать.

Но случай сей произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено: она видѣла мертваго медвѣдя и Деформа спокойно стоящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храбрость и гордое самолюбіе не исключительно принадлежатъ одному сословію — и съ тѣхъ поръ стала оказывать молодому учителю уваженіе, которое часъ-отъ-часу становилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкоторыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности; Деформъ вызвался давать ей уроки.—Послѣ того читателю уже не трудно догадаться что Маша въ него влюбилась, сама еще въ томъ не признаваясь.

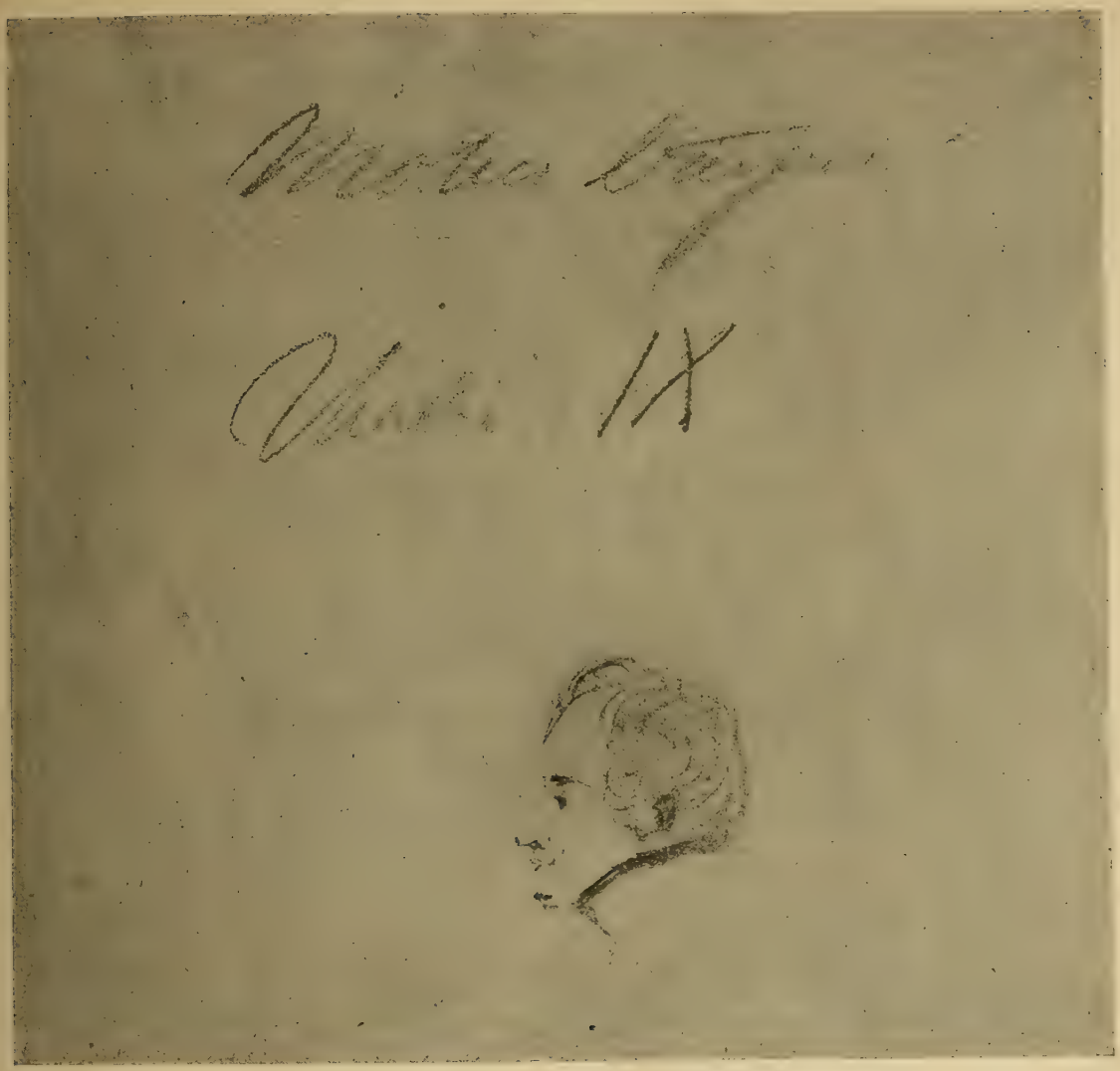
ТОМЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА IX.

Наканунѣ праздника гости начали съѣзжаться; иные останавливались въ Господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе у прикащика, третьи у священника, четвертые у зажиточныхъ крестьянъ, — конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. Въ 9 часовъ утра заблаговѣстили къ обѣднѣ, и все потянулось къ новой каменной церкви, построенной Кирилою Петровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями.—Собралось такое множество почетныхъ богомольцевъ, что простые крестьяне не могли помѣститься въ церкви, и стояли на паперти и въ оградѣ.—Обѣдня не начиналась:—ждали Кирилу Петровича. Онъ пріѣхалъ въ коляскѣ шестернею и торжественно пошелъ на свое мѣсто, сопровождаемый Маріею Кириловной.—Взоры мущинъ и женщинъ обратились на нее — первые удивлялись ея красотѣ, вторые со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня, домашніе пѣвчіе пѣли на крылосѣ, Кирила Петровичь самъ подтягивалъ, молился, не смотря ни направо ни налѣво, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громогласно упомянулъ и *о зиждителѣ храма сего.*

Обѣдня кончилась.—Кирила Петровичь первый подошелъ къ кресту. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ; сосѣды подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Петровичь, выходя изъ церкви, пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, сѣлъ въ коляску и отправился домой.—Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнаты наполнились гостями; поминутно входили новыя лица, и насилу могли пробраться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ, одѣтыя по запоздалой модѣ, въ поношенныхъ и дорогихъ нарядахъ, всѣ въ жемчугахъ и брилліантахъ; мущины толпились около икры и водки, съ шумнымъ разногласіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали столъ на 80 приборовъ;— слуги суетились, разставляли бутылки и графины, и прилаживали скатерти.—Наконецъ дворецкій провозгласилъ: Кушаніе поставлено—и Кирила Петровичь первый пошелъ садиться за столъ, за нимъ двинулись дамы, и важно заняли свои мѣста наблюдая нѣкоторое старшинство; барышни стѣснились межъ собою какъ робкое стадо козочекъ, и выбрали себѣ мѣсто одна подлѣ другой; — противъ нихъ помѣстились мущины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнія руководствуясь лафатеровскими догадками, и почти всегда безошибочно. Звонъ тарелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. Кирила Петровичь весело обозрѣвалъ свою трапезу и вполнѣ наслаждался счастіемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала во дворъ коляска, запраженная шестью лошадьми. Это кто? спросилъ хозяинъ. Антонъ Пафнутьичъ, отвѣчали нѣсколько человѣкъ. Двери отворились—и Антонъ Пафнутьичъ Спицынъ, толстый мущина, лѣтъ 50-ти, съ круглымъ и рябымъ лицемъ, украшеннымъ тройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться. Приборъ сюда! закричалъ Кирила Петровичь: милости просимъ, Антонъ Пафнутьичъ, садись, да скажи намъ, что это значитъ: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоленъ, и покушать любишь. — Виноватъ, отвѣчалъ Антонъ Пафнутьичъ, привязывая салфетку въ петлицу гороховаго кафтана: виноватъ, батюшка Кирила Петровичь: я было рано пустился въ дорогу, да не успѣлъ отъѣхать и десяти верстъ, вдругъ шина у передняго колеса пополамъ—что прикажешь? Къ щастію, недалеко было отъ деревни; пока до нея дотащились, да отыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно три часа—дѣлать было нечего. Ѣхать ближнимъ путемъ черезъ *Кистеневскій* лѣсъ я не осмѣлился, а пустился въ объѣздъ. — Эге! прервалъ Кирила Петровичь: да ты, знать, не изъ храбраго десятка: чего ты боишься?—Какъ, чего боюсь, батюшка Кирила Петровичь? а Дубровскаго-то: того и гляди, попадешься ему въ лапы. Онъ малый не промахъ, никому не спуститъ; а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдеретъ. — За что жь, братъ, такое отличіе? — Какъ за



ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТЪ II ТОМА «ДУБРОВСКАГО».

(*Воспроизводится впервые по рукописи Румянц. Музея, № 2380. Думается, что Пушкинъ набросалъ тутъ портретъ Дефоржи-Дубровскаго*).

что, батюшка Кирила Петровичь? а за тяжбу-то покойника Андрея Гавриловича? Не я ли, въ удовольствіе ваше, т.-е. по совѣсти и справедливости, показалъ, что Дубровскіе владѣютъ Кистеневкою безъ всякаго на то права, а единственно по снисхожденію вашему, и покойникъ (царство ему небесное!) обѣщалъ со мною посвойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержитъ слово батюшкино. Доселѣ Богъ миловалъ: всего-на-все разграбили у меня одинъ амбаръ, да и того и гляди, до усадьбы доберутся.—А въ усадьбѣ-то будетъ имъ раздолье, замѣтилъ Кирила Петровичь;—я чай, красная шкатулочка полнымъ—полна.—Куда, батюшка Кирила Петровичь; была полна; а нынче совсѣмъ опустѣла!—Полно врать, Антонъ Пафнутьичь. Знаемъ мы васъ; куда тебѣ деньги тратить, дома живешь свинья-свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь—знай копишь, да и только.—Вы все изволите шутить, батюшка Кирила Петровичь, пробормоталъ съ улыбкою Антонъ Пафнутьичь—

а мы ей-Богу разорились,'— и Антонъ Пафнутьичь сталъ заѣдать барскую шутку хозяина жирнымъ кускомъ кулебяки.—Кирила Петровичь оставилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ гости пріѣхавшему, и сидящему на другомъ концѣ стола подлѣ учителя.

А что, господинъ исправникъ, скоро-ль поймаете вы Дубровскаго?

Исправникъ, струсилъ, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнесъ наконецъ: Постараемся, Ваше Превосходительство.

Гм. постараемся.— Давно, давно стараетесь, а проку все-таки нѣтъ. Да правда зачѣмъ и ловить его? Разбои Дубровскаго, благодать для исправниковъ: разъѣзды, слѣдствія, подводы, а деньги въ карманѣ.—Какъ такого благодѣтеля извести? Неправда ли, господинъ исправникъ?

Сущая правда, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ совершенно смутившійся исправникъ.

Гости захохотали.

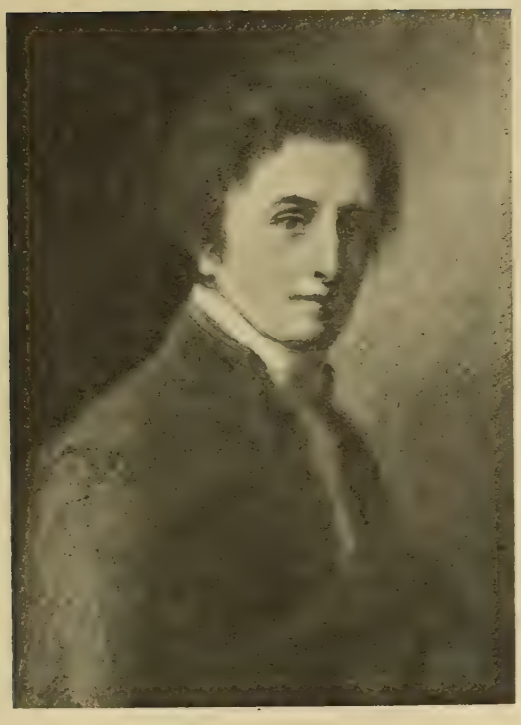
Люблю молодца за искренность, сказалъ Кирила Петровичь. Такъ, видно, придется мнѣ взяться за дѣло, не дожидаясь помощи отъ начальства здѣшняго. А жаль покойнаго исправника Тараса Алексѣевича:—кабы не сожгли его, такъ въ околодкѣ было бы тише. А что слышно про Дубровскаго? Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?

У меня, Кирила Петровичь, пропищалъ толстый дамскій голосъ: въ прошлый вторникъ обѣдалъ онъ у меня.

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Глобову, довольно простую вдову, всѣми любимую за добрый и веселый нравъ. Всѣ съ любопытствомъ приготовились услышать ея разсказъ.

Надобно знать, что тому три недѣли послала я прикащика на почту съ письмомъ для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ состояніи баловать, хоть бы и хотѣла; однако, сами изволите знать, офицеру Гвардіи нужно содержать себя приличнымъ образомъ, и я съ Ванюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками. Вотъ, и послала ему 2000 рублей; хоть Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верстъ, авось Богъ пронесетъ. Смотрю: вечеромъ мой прикащикъ возвращается блѣденъ, оборванъ и пѣшъ. Я такъ и ахнула. Что такое? Что съ тобою сдѣлалось? Онъ мнѣ: Матушка, Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чуть не убили. Самъ Дубровскій былъ тутъ, хотѣлъ повѣсить меня, а сжалился и отпустилъ: зато всего обобралъ, отнялъ и лошадь, и телегу. Я обмерла. Царь мой небесный! Что будетъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлать нечего; написала я снова письмо, разсказала все и послала ему свое благословеніе безъ гроша денегъ.

Прошла недѣля, другая. Вдругъ въѣзжаетъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-то Генералъ проситъ со мною увидѣться; милости просимъ. Входитъ ко мнѣ человѣкъ лѣтъ 35-ти, смуглый, черноволосый, въ усахъ, въ бородѣ, сущій портретъ Кульнева; рекомендуется мнѣ какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхать къ его вдовѣ, зная, что я тутъ живу. Я угостила его чѣмъ Богъ послалъ, разговорилась о томъ, о семъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я разсказала ему свое горе. Генералъ мой нахмурился. Это странно, сказалъ онъ: я слышалъ, что Дубровскій нападаетъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и тутъ дѣлится съ ними, а не грабитъ дочиста. А въ убійствахъ никто его не обвиняетъ; нѣтъ ли тутъ плутни? Прикажите-ка позвать вашего прикащика. Пошли за прикащикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ Генерала, онъ такъ и остолбенѣлъ. Разскажи-ка мнѣ, братецъ, какимъ образомъ Дубровскій тебя ограбилъ и какъ онъ хотѣлъ тебя повѣсить? Прикащикъ мой задрожалъ и повалился Генералу въ ноги.— Батюшка, виноватъ—грѣхъ попуталъ... солгалъ.— Коли такъ, отвѣчалъ Генералъ: такъ изволь же разсказать барынѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю.—Прикащикъ не могъ опомниться.—Ну, что же, продолжалъ Генералъ, разсказывай, гдѣ ты встрѣтился съ Дубровскимъ?—У двухъ сосенъ, батюшка, у двухъ сосенъ.—Что же сказалъ онъ тебѣ?—Онъ спросилъ у меня чей ты, куда ѣдешь, зачѣмъ?—Ну, а послѣ?—А послѣ потребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я отдалъ ему письмо и деньги—А онъ?—Ну, а онъ... батюшка, виноватъ! — Ну, что же онъ сдѣлалъ?— Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо, да сказалъ: ступай себѣ съ Богомъ, отдай это на почту.—Ну!—Батюшка, виноватъ! — Я съ тобою голубчикъ управлюсь, сказалъ грозно Генералъ. А вы, сударыня, прикажите обыскать сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровскій самъ былъ гвардейскимъ офицеромъ, онъ не захочетъ



ДЕФОРЖЪ-ДУБРОВСКІЙ.
Рисунокъ Э. Визеля.

обидѣть товарища. Я догадывалась, кто былъ Его Превосходительство: нечего мнѣ было съ нимъ толковать. Кучера привязали прикащика къ козламъ коляски; деньги нашли; Генералъ у меня отобѣдалъ, потомъ тотчасъ уѣхалъ и увезъ съ собою прикащика. Прикащика моего нашли на другой день въ лѣсу, привязаннаго къ дубу и ободраннаго какъ липку.

Всѣ слушали молча разсказъ Анны Савишны, особенно барышни.—Многія изъ нихъ втайнѣ ему [Дубровскому] доброжелательствовали, видя въ немъ Героя романическаго, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклифъ.

И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскій? спросилъ Кирила Петровичъ. Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто былъ у тебя въ гостяхъ, а только не Дубровскій.

Какъ, батюшка, не Дубровскій? — Да кто же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорогу и станетъ останавливать прохожихъ, да ихъ осматривать?

Не знаю, а ужь вѣрно не Дубровскій. Я помню его ребенкомъ, не знаю, почернѣли ль у него волосы, а тогда былъ онъ кудрявый, бѣлокуренькой мальчикъ;—но знаю навѣрно, что Дубровскій 5-ю годами старше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не 35 лѣтъ, а около 23.

Точно такъ, Ваше Превосходительсто, провозгласилъ исправникъ, у меня въ карманѣ и примѣты Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему отъ роду 23-й годъ.

А! сказалъ Кирила Петровичъ: къ стати: прочтите-ка, а мы послушаемъ! не худо намъ знать его примѣты, авось въ глаза попадется, такъ не вырвется.—

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностію и сталъ читать на-разпѣвъ.

Примѣты Владиміра Дубровскаго, составленныя по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей:

Отроду 24 года, *роста* средняго, *лицомъ* чистъ, *бороду* брѣетъ, *глаза* имѣетъ

каріе, *волосы* русые, носъ прямой. Примѣты особыя: таковыхъ не оказалось.

И только! сказалъ Кирила Петровичь.

Только, сказалъ исправникъ, складывая бумагу.

Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай да бумага! По этимъ примѣтамъ не мудрено будетъ вамъ отыскать Дубровскаго! Да кто же не средняго роста, у кого же не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Бьюсь объ закладъ: 3 часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказать, умныя головушки приказныя!

Исправникъ смиренно положилъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ капустой; между тѣмъ слуги успѣли уже нѣсколько разъ обойти гостей, наливая каждому его рюмку.—Нѣсколько бутылокъ горскаго и цымлянскаго громко были откупорены и приняты благосклонно подъ именемъ шампанскаго; лица начинали рдѣть, разговоры становились звонче, несвязнѣе и веселѣе.

Нѣтъ, продолжалъ Кирила Петровичь: ужь не видать намъ такого исправника, каковъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣевичь! Этотъ былъ не промахъ, не розиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы отъ него не ушелъ ни одинъ человѣкъ изо всей шайки. Онъ бы всѣхъ до единаго переловилъ,—да и самъ Дубровскій не вывернулся бы. Тарасъ Алексѣевичь деньги съ него взять-то бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника.—Дѣлать нечего; видно мнѣ вступиться въ это дѣло, да пойти на разбойниковъ съ моими домашними.—На первый случай отряжу человѣкъ двадцать, такъ они и очистятъ воровскую рощу; народъ не трусливый, каждый въ одиночку на медвѣдя ходитъ,—отъ разбойниковъ не попятится.—

Здоровъ ли вашъ медвѣдь, батюшка Кирила Петровичь, сказалъ Антонъ Пафнутьичь, вспоминая при сихъ словахъ о косматомъ знакомцѣ и о нѣкоторыхъ шуткахъ, коихъ и онъ былъ когда-то жертвою.

Миша приказалъ долго жить, отвѣчалъ Кирила Петровичь, умеръ славною смертію отъ руки непріятеля.—Вонъ его побѣдитель—Кирила Петровичь указалъ на Деформа. Вымѣняй образъ моего француза.—Онъ отомстилъ за твою... съ позволенія сказать... помнишь?

Какъ не помнить, сказалъ Антонъ Пафнутьичь, почесываясь: очень помню. Такъ Миша умеръ—жаль Мишу, ей-Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! эдакаго медвѣдя другаго не сыщешь.—Да зачѣмъ мусье убилъ его?

Кирила Петровичь съ великимъ удовольствіемъ сталъ разказывать подвигъ своего француза, ибо имѣлъ щастливую способность тщеславиться всѣмъ, что только ни окружало его. Гости со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишиной смерти и съ изумленіемъ посматривали на Деформа, который не подозрѣвая, что разговоръ шелъ о его храбрости, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравственныя замѣчанія рѣзвому своему воспитанику.

Обѣдъ, продолжавшійся около 3 часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфетку на столъ, всѣ встали и пошли въ гостиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, карты и продолженіе попойки, столь славно начатой въ столовой.

ГЛАВА X.

Около семи часовъ вечера нѣкоторые гости хотѣли ѣхать, но хозяинъ развеселенный пуншемъ, приказалъ запереть ворота, и объявилъ что до слѣдующаго утра никого со двора не выпуститъ. Скоро загремѣла музыка, двери въ залу отворились,—и балъ завязался. Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая стаканъ за стаканомъ и любуясь веселостію молодежи. Старушки играли въ карты.—Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не квартируетъ какой-нибудь уланской бригады, было менѣе нежели дамъ, всѣ мущины, годные на то были завербованы. Учитель между всѣми отличался; онъ танцовалъ болѣе всѣхъ, всѣ барышни выбирали его и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировать. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною, и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинать, а самъ отправился спать.

Отсутствіе Кирила Петровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣста подлѣ дамъ—Дѣвицы смѣялись и перешептывались съ своими сосѣдами; дамы громко разгова-

ривали черезъ столъ. Мущины пили, спорили и хохотали;—словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ—и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человѣкъ не участвовалъ въ общей радости.—Антонъ Пафнутьичь сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, ѣлъ разсѣянно и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры о разбойникахъ взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнутьичъ, призывая Господа во свидѣтели въ томъ что красная шкатулка точно была пуста, не лгалъ и не согрѣшалъ—красная шкатулка точно была пуста, деньги, нѣкогда въ ней хранившіяся, перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой.—Сею только предосторожностію успокоивалъ онъ свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ остаться ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся чтобъ не отвели ему ночлега гдѣ нибудь въ уединенной комнатѣ, куда легко могли забраться воры, онъ искалъ глазами надежнаго товарища, и выбралъ наконецъ Деформа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, имъ оказанная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о коемъ бѣдный Антонъ Пафнутьичь, не могъ вспомнить безъ содроганія, рѣшили его выборъ.—Когда встали изъ-за стола, Антонъ Пафнутьичь сталъ вертѣться около молодаго француза, покрякивая и откашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

Гм. гм. нельзя ли, Мусье, переночевать мнѣ въ вашей комнатѣ, потому что изволишь видѣть...

Que désire Monsieur? спросилъ Деформъ, учтиво ему поклонившись.

Эхъ, бѣда! ты, Мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа ше ву куше, понимаешь ли?

Monsieur, très volontiers, отвѣчалъ Деформъ, veuiliez donner des ordres en consèquence.

Антонъ Пафнутьичь, очень довольный своими свѣдѣніями во французскомъ языкѣ, пошелъ разпоряжаться.

Гости стали прощаться между собою и каждый отправился въ комнату, ему назначенную—Антонъ Пафнутьичь пошелъ съ учителемъ во флигель.—Ночь была темная.—Деформъ освѣщалъ дорогу фонаремъ, Антонъ Пафнутьичь шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди потаенную суму,—дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, учитель засвѣтилъ свѣчу, и оба стали раздѣваться: между тѣмъ Антонъ Пафнутьичъ похаживалъ по комнатѣ, осматривая замки и окна и качая головою при семъ неутѣшительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкою, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался было жаловаться на то Деформу—но знанія его во фр. языкѣ были слишкомъ ограничены для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понялъ, и Антонъ Пафнутьичь принужденъ былъ оставить свои жалобы.—Постели ихъ стояли одна противъ другой, оба легли, и учитель потушилъ свѣчу.

Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше, закричалъ Антонъ Пафнутьичь, спрягая съ грѣхомъ пополамъ русскій глаголъ *тушу* на французскій ладъ.—Я не могу дормиръ въ потемкахъ. Деформъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.—

Проклятый Басурманъ, проворчалъ Спицынъ, закутываясь въ одѣяло.—Нужно ему было свѣчку тушить.—Ему же хуже. Я спать не могу безъ огня.—Мусье, мусье, продолжалъ онъ:—же ве авекъ ву парле.

Но французъ не отвѣчалъ, и вскорѣ захрапѣлъ.

Храпитъ бестія французъ, подумалъ Антонъ Пафнутьичь,—а мнѣ такъ и сонъ въ умъ нейдетъ:—того и гляди воры войдутъ въ открытыя двери, или влѣзутъ въ окно—а его бестію и пушками не добудишься. — Мусье! а мусье!—дьяволъ тебя побери!

Антонъ Пафнутьичь замолчалъ—усталость и винные пары мало по малу превозмогли его боязливость;—онъ сталъ дремать, и вскорѣ глубокій сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное готовилось ему пробужденіе.—Онъ чувствовалъ сквозь сонъ, что кто-то тихонько дергалъ его за воротъ рубашки.—Антонъ Пафнутьичъ открылъ глаза и при блѣдномъ свѣтѣ осенняго утра увидѣлъ передъ собою Деформа: французъ въ одной рукѣ держалъ карманный пистолетъ, а другою отстегивалъ завѣтную суму. Антонъ Пафнутьичь обмеръ.—Кесь ке се Мусье, кесь ке се? произнесъ онъ трепещущимъ голосомъ.—Тише! молчать, отвѣчалъ учитель чистымъ русскимъ языкомъ: молчать! или вы пропали. Я—Дубровскій.

ГЛАВА XI.

Теперь попросимъ [у] читателя позволенія объяснить послѣднія произшествія повѣсти нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успѣли мы еще разсказать.

На станціи **, въ домѣ смотрителя о коемъ мы уже упомянули, сидѣлъ въ углу проѣзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ, обличающимъ разночинца или иностранца, т. е. человѣка не имѣющаго голоса на почтовомъ трактѣ.—Бричка его стояла на дворѣ, ожидая подмазки.—Въ ней лежалъ маленькій чемоданъ, тощее доказательство не весьма достаточнаго состоянія.—Проѣзжій не спрашивалъ себѣ ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвистывалъ къ великому неудовольствію смотрительши, сидѣвшей за перегородкою.—

Вотъ, Богъ послалъ свистуна, говорила она въ полголоса:—экъ посвистываетъ—чтобъ онъ лопнулъ, окаянный басурманъ.—

А что? сказалъ смотритель: что за бѣда, пускай себѣ свищетъ.

Что за бѣда? возразила сердитая супруга:—а развѣ не знаешь примѣты?

Какой примѣты? Что свистъ деньгу выживаетъ.—И, Пахомовна, у насъ что свисти, что нѣтъ,—а денегъ все нѣтъ какъ нѣтъ.—

Да отпусти ты его, Сидорычь.—Охота тебѣ его держать.—Дай ему лошадей, да провались онъ къ чорту.—

— Подождетъ, Пахомовна; на конюшнѣ всего три тройки, четвертая отдыхаетъ.—Того и гляди, подоспѣютъ хорошіе пріѣзжіе. Не хочу своею шеей отвѣчать за француза.—Чу! такъ и есть! вонъ скачутъ! Эгеге! и, да какъ шибко! Ужъ не Генералъ ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козелъ,—отперъ дверцы, и черезъ минуту молодой человѣкъ въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ, вошелъ къ смотрителю: вслѣдъ за нимъ слуга внесъ шкатулку и поставилъ ее на окошко.

Лошадей! сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

Сейчасъ! отвѣчалъ смотритель; пожалуйте подорожную.

Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ сторону... Развѣ ты меня не узнаешь?—

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиковъ.—Молодой человѣкъ сталъ разхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ, зашелъ за перегородку, и спросилъ тихо у смотрительши: кто такой проѣзжій.—

Богъ его вѣдаетъ, отвѣчала смотрительша: какой-то французъ; вотъ ужъ 5 часовъ дожидается лошадей да свищетъ. Надоѣлъ, проклятый.

Молодой человѣкъ заговорилъ съ проѣзжимъ по-французски.

Куда изволите вы ѣхать, спросилъ онъ его.

Въ ближній городъ, отвѣчалъ французъ: оттуда отправлюсь къ одному помѣщику, который нанялъ меня за-глаза въ учители.—Я думалъ сегодня быть уже на мѣстѣ, но Г. смотритель, кажется, судилъ иначе.—Въ этой землѣ трудно достать лошадей, г-нъ офицеръ.

А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы? спросилъ офицеръ.

— Къ Г-ну Троекурову, отвѣчалъ французъ.

Къ Троекурову? Кто такой этотъ Троекуровъ?

— Ma foi, Monsieur... я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываютъ что онъ баринъ гордый и своенравный, жестокой въ обращеніи съ своими домашними—что никто не можетъ съ нимъ ужиться, что всѣ трепещутъ при его имени, что съ учителями (avec les outchitels) онъ не церемонится и ужъ двухъ засѣкъ до смерти.

Помилуйте! и вы рѣшаетесь опредѣлиться къ такому чудовищу?

— Что же дѣлать, г-нъ офицеръ.—Онъ предлагаетъ мнѣ хорошее жалованье, 3,000 р. въ годъ, и все готовое. Быть можетъ, я буду щастливѣе другихъ. У меня старуха мать: половину жалованья буду отсылать ей на пропитаніе; изъ остальныхъ денегъ въ 5 лѣтъ могу скопить маленькій капиталъ, достаточный для будущей моей независимости—и тогда bonsoir, ѣду въ Парижъ и пускаюсь въ коммерческіе обороты.

Знаетъ ли кто нибудь васъ въ домѣ Троекурова, спросилъ онъ [офицеръ].

— Никто, отвѣчалъ учитель: меня онъ выписалъ изъ Москвы чрезъ одного изъ своихъ пріятелей, у коего поваръ мой соотечественникъ меня рекомендовалъ. Надобно вамъ знать, что я готовился не въ учителя, а въ кондитеры; но мнѣ сказали, что въ вашей землѣ званіе учителя не въ примѣръ выгоднѣе...

Офицеръ задумался.—Послушайте, прервалъ онъ француза: что если бы вмѣсто этой будущности предложили вамъ 10,000 р. чистыми деньгами, съ тѣмъ, чтобъ сей же часъ вы отправились обратно въ Парижъ?—

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ изумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій смотритель.

— Слуга подтвердилъ то же самое.

Сейчасъ, отвѣчалъ офицеръ. Выдьте вонъ на минуту. (Смотритель и слуга вышли). Я не шучу, продолжалъ онъ по-французски: 10,000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только Ваше отсутствіе и Ваши бумаги.—При сихъ словахъ онъ отперъ шкатулку и вынулъ нѣсколько кипъ ассигнацій.

Французъ вытаращилъ глаза. Онъ не зналъ, что и думать.—Мое отсутствіе... мои бумаги, повторялъ онъ съ изумленіемъ... Вотъ мои бумаги... но вы шутите: зачѣмъ вамъ мои бумаги.—

Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю согласны вы, или нѣтъ.—

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, протянулъ бумаги свои молодому офицеру, который быстро ихъ пересмотрѣлъ.

Вашъ паспортъ... хорошо; письмо рекомендательное... посмотримъ; свидѣтельство о рожденіи... прекрасно.—Ну, вотъ же вамъ Ваши деньги, отправляйтесь назадъ. Прощайте.—

Французъ стоялъ, какъ вкопаный. Офицеръ воротился.—Я было забылъ самое важное: дайте мнѣ честное слово что все это останется между нами... честное ваше слово.—

Честное мое слово, отвѣчалъ французъ.—Но мои бумаги? Что мнѣ дѣлать безъ нихъ?

Въ первомъ городѣ объявите, что вы были ограблены Дубровскимъ.—Вамъ повѣрятъ, и дадутъ нужныя свидѣтельства.—Прощайте; дай Богъ вамъ скорѣе доѣхать до Парижа и найти матушку въ добромъ здоровьи.

Дубровскій вышелъ изъ комнаты, сѣлъ въ коляску и поскакалъ.—

Смотритель смотрѣлъ въ окошко, и когда коляска уѣхала, обратился къ женѣ съ возклицаніемъ:—Пахомовна! знаешь ли ты что? вѣдь это былъ Дубровскій.

Смотрительша опрометью кинулась къ окошку, но было уже поздно. Дубровскій былъ уже далеко. Она принялась бранить мужа: Бога ты не боишься, Сидорычь! зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровскаго, а теперь жди, чтобъ онъ опять завернулъ. — Безсовѣстный ты, право, безсовѣстный!

Французъ стоялъ какъ вкопаный.—Договоръ съ офицеромъ, деньги—все казалось ему сновидѣніемъ.—Но кипы ассигнацій были тутъ, у него въ карманѣ, и краснорѣчиво твердили ему существенность удивительнаго произшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города.—Ямщикъ повезъ его шагомъ, и ночью дотащился онъ до города.

Не доѣзжая заставы у которой вмѣсто часового, стояла развалившаяся бутка, французъ велѣлъ остановиться,—вылѣзъ изъ брички, и пошелъ пѣшкомъ,—объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ даритъ ему на водку.—Ямщикъ былъ въ такомъ же изумленіи отъ его щедрости, какъ и самъ французъ отъ предложенія Дубровскаго.—Но заключивъ изъ того что нѣмецъ сошелъ съ ума ямщикъ поблагодарилъ его усерднымъ поклономъ, и не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ отправился въ извѣстное ему увеселительное заведеніе—коего хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день утромъ на порожней тройкѣ отправился во свояси—безъ брички и безъ чемодана, съ пухлымъ лицомъ и красными глазами.

Дубровскій, овладѣвъ бумагами француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домѣ.—Каковы ни были его тайныя намѣренія (мы ихъ узнаемъ послѣ), но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго.—Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши, давалъ ему полную свободу повѣсничать и не строго взыскивалъ за уроки задаваемые только для формы, за то съ большимъ прилежаніемъ слѣдовалъ за музыкальными успѣхами своей ученицы, и часто по цѣлымъ часамъ сиживалъ съ нею за фортепіано.—Всѣ любили молодаго учителя: Кирила Петровичь—за его смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кириловна—за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша—за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе—за доброту и за щедрость, повидимому несовмѣстную съ его состояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и почиталъ уже себя членомъ онаго.—

Прошло около мѣсяца отъ его вступленія въ званіе учительское до достопамятнаго празднества, и никто не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ французѣ таился грозный разбойникъ—коего имя наводило ужасъ на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскій не отлучался изъ Покровскаго, но слухъ о разбояхъ его не утихалъ, благодаря изобрѣтательному воображенію сельскихъ жителей; но могло статься и то, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ отсутствіе начальника.

Ночуя въ одной комнатѣ съ человѣкомъ, коего могъ онъ почесть личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдствія, Дубровскій не могъ удержаться отъ искушенія.—Онъ зналъ о существованіи сумки и рѣшился ею завладѣть. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнутьича неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителей въ разбойники.

ГЛАВА XII.

Въ 9 часовъ утра гости, ночевавшіе въ Покровскомъ, собрались одинъ за другимъ въ гостиной, гдѣ кипѣлъ уже самоваръ, предъ которымъ въ утреннемъ платьѣ сидѣла Марья Кириловна,—а Кирила Петровичь, въ байковомъ сюртукѣ и въ туфляхъ, выпивалъ свою широкую чашку похожую на полоскательную. — Послѣднимъ явился Антонъ Панфнутьичь; онъ былъ такъ блѣденъ и казался такъ разстроенъ, что видъ его всѣхъ поразилъ и что Кирила Петровичь освѣдомился о его здоровіи. Спицынъ отвѣчалъ безо всякаго смысла и съ ужасомъ поглядывалъ на учителя, который тутъ же сидѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Черезъ нѣсколько минутъ, слуга вошелъ и объявилъ Спицыну, что коляска его готова.—Антонъ Панфнутьичь спѣшилъ откланяться, вышелъ поспѣшно изъ комнаты и тотчасъ уѣхалъ. (Гости и хозяинъ) не понимали, что съ нимъ сдѣлалось, и Кирила Петровичь рѣшилъ, что онъ объѣлся. Послѣ чаю и прощальнаго завтрака прочіе гости начали разъѣзжаться, и вскорѣ Покровское опустѣло, и все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Прошло нѣсколько дней и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровшина[скаго] была однообразна. Кирила Петровичь ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну,—особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинствамъ молодаго француза.—Онъ съ своей стороны не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и строгой пристойности и тѣмъ успокаивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣрчивостію предавалась увлекательной привычкѣ.—Она скучала безъ Дефоржа; въ его присутствіи поминутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Можетъ быть, она не была еще влюблена; но при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы, пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна съ изумленіемъ замѣтила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ.—Она открыла фортепьяно, пропѣла нѣсколько нотъ; но Дубровскій, подъ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая ноты, подалъ ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и разкаялась въ ту же минуту; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнату, развернула записку и прочла слѣдующее (строки):

Будьте сегодня въ 7 часовъ въ бесѣдкѣ у ручья:—мнѣ необходимо съ вами говорить.—

Любопытство ея было сильно возбуждено.—Она давно ожидала признанія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было услышать подтвержденіе того, о чемъ она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать таковое объясненіе отъ человѣка, который по состоянію своему не долженъ былъ надѣяться когда-нибудь получить ея руку.—Она рѣшилась идти на свиданіе, но колебалась въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя, съ аристократическимъ ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ участіемъ.—Между тѣмъ она поминутно поглядывала на часы.—Смерклось; подали свѣчи;

МАРЬЯ КИРИЛОВНА ТРОЕКУРОВА.

Рисунокъ Э. О. Визелл.

Кирила Петровичь сѣлъ играть въ бостонъ съ приѣзжими сосѣдами; столовые часы пробили третью четверть седьмаго, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ стороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, въ двухъ шагахъ отъ себя нельзя было ничего видѣть; но Марья Кириловна шла въ темнотѣ по знакомымъ дорожкамъ, и черезъ минуту очутилась у бесѣдки; тутъ остановилась она, дабы перевести духъ и явиться передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и нетерпѣливымъ. Но Дефоржъ стоялъ ужъ передъ нею.

Благодарю васъ, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ,—что вы не отказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ бы въ отчаяніи, если бы вы на то не согласились. —

Марья Кириловна отвѣчала заготовленною фразой: Надѣюсь, что вы не заставите меня разкаяться въ моей снисходительности.

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ. Обстоятельства требуютъ... я долженъ васъ оставить, сказалъ онъ наконецъ... вы скоро, можетъ быть услышите .. но передъ разлукой я долженъ съ вами объясниться...

Марья Кириловна не отвѣчала ничего.— Въ этихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.—

Я не то, что вы предполагаете, продолжалъ онъ, потупя голову... я не французъ Дефоржъ,—я Дубровскій.

Марья Кириловна вскрикнула.—Не бойтесь, ради Бога; Вы не должны бояться моего имени.—Да, я тотъ нещастной, котораго Вашъ отецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ отеческаго дома и послалъ грабить на большихъ дорогахъ.—Но вамъ не надобно меня бояться ни за себя, ни за него.—Все кончено... я ему простилъ, послушайте: Вы спасли его.—Первый мой кровавый подвигъ долженъ былъ совершиться надъ нимъ.—Я ходилъ около его дома, назначая, гдѣ вспыхнуть пожару, откуда войти въ его спальню, какъ пересѣчь ему всѣ пути къ бѣгству;—въ ту минуту вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе,—и сердце мое смирилось.—Я понялъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ что ни единое существо связанное съ вами узами крови, не подлежитъ моему проклятію.—Я отказался отъ мщенія, какъ отъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покр., въ надеждѣ увидѣть издали ваше бѣлое платье.—Въ вашихъ неосторожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадываясь отъ куста къ кусту, щастливый мыслію, что для васъ нѣтъ опасности тамъ, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ случай представился—я поселился въ вашемъ домѣ.—Эти три недѣли были для меня днями щастія—ихъ воспоминаніе будетъ отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ котораго мнѣ невозможно долѣе здѣсь оставаться.—Я разстаюсь съ вами сего дня, сей-же часъ... Но прежде я долженъ былъ вамъ открыться, чтобъ вы не проклинали меня, не презирали.—Думайте иногда о Дубровскомъ.—Знайте, что онъ рожденъ былъ для иного назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда...

Тутъ раздался сильный свистъ,—и Дубровскій умолкъ. Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ пылающимъ устамъ. Свистъ повторился. — Простите, сказалъ Дубровскій: меня зовутъ; минута можетъ погубить меня.—Онъ отошелъ.—Марья Кириловна стояла неподвижно.—Дубровскій воротился и снова взялъ ея руку.—Если когда-нибудь, сказалъ онъ ей нѣжнымъ и трогательнымъ голосомъ, если когда-нибудь нещастіе васъ постигнетъ, и вы ни отъ кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, въ такомъ случаѣ обѣщаетесь ли вы прибѣгнуть ко мнѣ, требовать отъ меня всего—для вашего спасенія? Обѣщаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча.—Свистъ раздался въ третій разъ.—

Вы меня губите! закричалъ Дубровскій: я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ отвѣта—обѣщаетесь ли вы или нѣтъ.—

Обѣщаюсь, прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворѣ было много народу, у крыльца стояла тройка, всѣ люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи: издали услышала она голосъ Кирилы Петровича—и спѣшила войти въ комнаты, опасаясь чтобъ отсутствіе не было замѣчено.—Въ залѣ встрѣтилъ ее Кирила Петровичь; гости окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправникъ въ дорожномъ платьѣ вооруженный съ ногъ до головы, отвѣчалъ имъ съ видомъ таинственнымъ и суетливымъ. Гдѣ ты была, Маша? спросилъ Кирила

Петровичъ: встрѣтила ли ты М-г Деформа? Маша насилу могла отвѣчать отрицательно.— Вообрази, продолжалъ Кирилъ Петровичъ: исправникъ пріѣхалъ его арестовать, и увѣряетъ меня, что это самъ Дубровскій.— Всѣ примѣты, Ваше Превосходительство, сказалъ почтительно исправникъ. — Охъ, братецъ, прервалъ Кирила Петровичъ— убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами.—Я тебѣ моего француза не выдамъ, покамѣстъ самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣрить на слово Антону Пафнутьевичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то утро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова...—Французъ застращалъ его, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ исправникъ— и взялъ съ него клятву молчать... — Вранье, рѣшилъ Кирила Петровичъ—сейчасъ я все выведу на чистую воду.—Гдѣ же учитель, спросилъ онъ у вошедшаго слуги.—Нигдѣ не найдутъ съ, отвѣчалъ слуга. — Такъ сыскать его, закричалъ Троекуровъ начинающій сомнѣваться. Покажи мнѣ твои хваленыя примѣты, сказалъ онъ исправнику, который тотчасъ и подалъ ему бумагу. Гмъ гмъ—23 года и проч.—Оно такъ, да это еще ничего не доказываетъ.— Что жъ учитель?—Не найдутъ съ былъ опять отвѣтъ. Кирила Петровичъ начиналъ безпокоиться; Марья Кириловна была ни жива, ни мертва. Ты блѣдна, Маша, замѣтилъ ей отецъ: тебя перепугали.— Нѣтъ, папенька, отвѣчала Маша: у меня голова болитъ. — Поди Маша въ свою комнату и не безпокойся—Маша поцаловала у него руку и ушла скорѣе въ свою комнату; тамъ она бросилась на постель и зарыдала въ истерическомъ припадкѣ.—Служанки сбѣжались, раздѣли ее насилу, насилу успѣли ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами;—ее уложили, и она впала въ усыпленіе.

Между тѣмъ француза не находили.— Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, грозно насвистывая *Громъ побѣды раздавайся*. Гости шептались между собою, исправникъ казался въ дуракахъ;— француза не нашли. Вѣроятно, онъ успѣлъ и скрыться бывъ предупрежденъ. Но кѣмъ какъ? Это оставалось тайною.

Было 11 и никто не думалъ о снѣ. Наконецъ Кирила Петровичъ сказалъ сердито исправнику: Ну, что? вѣдь не до свѣту же тебѣ здѣсь оставаться; домъ мой не харчевня. Не съ твоимъ проворствомъ, братецъ, поймать Дубровскаго, если ужъ это Дубровскій. Отправляйся-ка восвояси, да впредь будь разторопнѣе. Да и вамъ пора домой, продолжалъ онъ, обратясь къ гостямъ.—Велите закладывать, а я хочу спать.

Такъ немилостиво разстался Троекуровъ со своими гостями.

ГЛАВА XIII.

Прошло нѣсколко времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семейномъ быту Кирилы Петровича.

Въ 30 верстахъ отъ него, находилось богатое помѣстье Князя Верейскаго.— Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ:—всѣмъ имѣніемъ у него управлялъ отставной маіоръ, и никакого сношенія не существовало между Покров. и Арбатовымъ. Но въ концѣ мая мѣсяца, Князь возвратился изъ-за границы и пріѣхалъ въ свою деревню, которой отроду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности онъ не могъ вынести уединенія, и на третій день по своемъ пріѣздѣ отправился обѣдать къ Троекурову, съ которымъ былъ нѣкогда знакомъ.—

Князю было около 50 лѣтъ, но онъ казался гораздо старѣе.—Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печать. Онъ имѣлъ непрестанную нужду въ разсѣяніи и непрестанно скучалъ. Не смотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка быть всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность особенно съ женщинами. Кирила Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его посѣщеніемъ, принявъ оное знакомъ уваженія отъ человѣка, знающаго свѣтъ; онъ по обыкновенію своему, сталъ угощать его осмотромъ своихъ заведеній и повелъ на псарный дворъ.—Но князь чуть не задохся въ собачей атмосферѣ и спѣшилъ выдти вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами.—Старинный садъ, съ его стриженными липами, четыреугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился: онъ любилъ англійскіе

сады и такъ называемую природу, но хвалилъ и возхищался; слуга пришелъ доложить, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдать. Князь прихрамывалъ, уставъ отъ своей прогулки, и уже разкаявался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залѣ встрѣтила ихъ Марья Кириловна и старый волокита былъ пораженъ ея красотой.—Троекуровъ посадилъ гостя подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присутствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разсказами.—Послѣ обѣда Кирила Петровичь предложилъ ѣхать верхомъ, но Кн. извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя надъ своею подагрой.—Онъ предложилъ прогулку въ линейкѣ, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться со милою своей сосѣдкою. Линейку заложили. Старики и красавица сѣли втроемъ и поѣхали. — Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала льстивыя и веселыя привѣтствія свѣтскаго человѣка, какъ вдругъ Верейскій обратясь къ Кирилѣ Петровичу,—спросилъ у него что значитъ это погорѣлое строеніе и ему ли оно принадлежитъ? Кирила Петровичь нахмурился; воспоминанія, возбуждаемыя въ немъ погорѣлою усадьбой, были ему непріятны. Онъ отвѣчалъ, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому. Дубровскому? повторилъ В. — какъ, этому славному разбойнику? — Отцу его, отвѣчалъ Троекуровъ, да и отецъ-то былъ порядочный разбойникъ.—

Куда же дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ ли онъ, живъ ли онъ?

И живъ и на волѣ и — покамѣстъ у насъ будутъ исправники злодѣи съ ворами, до тѣхъ поръ не будетъ онъ пойманъ. Къ стати, Князь, Дубровскій побывалъ вѣдь у тебя въ **?

Да, прошлаго года онъ кажется что-то сжегъ или разграбилъ. Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче съ этимъ романтическимъ Героемъ?

Что любопытнаго! сказалъ Троекуровъ: она знакома съ нимъ.—Онъ цѣлыя 3 недѣли училъ ее музыки, да слава Богу, не взялъ ничего за уроки.—Тутъ Кирила Петровичь началъ разсказывать повѣсть о [мнимомъ] французѣ-учителѣ. Марья Кириловна, сидѣла, какъ на иголкахъ. Верейскій, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ, нашелъ все это очень страннымъ, и перемѣнилъ разговоръ.—Возвратясь онъ велѣлъ подавать свою карету и не смотря на усиленныя просьбы Кирилы Петровича остаться ночевать, уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю;—но прежде просилъ Кирила Петровича пріѣхать къ нему въ гости съ Марьею Кириловной, и гордый Троекуровъ обѣщался; ибо, взявъ въ уваженіе Княжеское достоинство, двѣ звѣзды и 3000 душъ родового имѣнія, онъ до нѣкоторой степени почиталъ князя Верейскаго себѣ равнымъ.

ГЛАВА [какая?].

Два дня спустя послѣ его посѣщенія, Кирила Петровичь отправился съ дочерью въ гости къ князю Верейскому. Подъѣзжая къ **[Арбатову] онъ не могъ не любоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ, и каменнымъ городскимъ домомъ,—выстроеннымъ во вкусѣ Англійскихъ замковъ.—Передъ домомъ разтилался овальный густозеленой лугъ, на коемъ паслись швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ. — Хозяинъ встрѣтилъ гостей у крыльца, и подалъ руку молодой красавицѣ. Они вошли въ великолѣпную залу—гдѣ столъ былъ накрытъ на три прибора.—Князь подвелъ гостей къ окну, и имъ открылся прелестный видъ.—Волга протекала передъ окнами, по ней шли нагруженныя барки подъ натянутымн парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванныя душегубкамм. За рѣкой тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Потомъ они занялись разсмотрѣніемъ галлереи картинъ, купленныхъ Княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснялъ Марьѣ Кириловнѣ содержаніе, исторію живописцевъ, указывалъ на достоинства и недостатки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педантическаго знатока, но съ чувствомъ и воображеніемъ.—Марья Кириловна слушала его съ удовольствіемъ.—Пошли за столъ. Троекуровъ отдалъ полную справедливость винамъ своего Амфитріона и искусству его

повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія въ бесѣдѣ съ человѣкомъ, котораго видѣла она только во второй разъ отъ роду. Послѣ обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они пили кофе въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усѣяннаго островами. — Вдругъ раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ.—Они поѣхали по озеру, около острововъ,—посѣщали нѣкоторые изъ нихъ—на одномъ находили мраморную статую, на другомъ уединенную пещеру, на третьемъ памятникъ съ таинственною надписью, возбуждавшей въ Марьѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не вполнѣ удовлетворенное учтивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. Начало смеркаться.—Князь подъ предлогомъ свѣжести и росы спѣшилъ возвратиться домой;—самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ стараго холостяка. Она разливала чай—слушая неистощимые разсказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выстрѣлъ—и ракета освѣтила небо... Князь подалъ Марьѣ Кириловнѣ шаль, позвалъ ее и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ въ темнотѣ разноцвѣтные огни вспыхнули, завертѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фонтанами, посыпались дождемъ, звѣздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась какъ дитя. Князь Верейскій радовался ея возхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ tous les frais князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ничѣмъ не уступалъ обѣду. Гости отправились въ комнаты, для нихъ отведенныя, и на другой день поутру разстались съ любезнымъ хозяиномъ, давъ другъ другу обѣщаніе вскорѣ снова увидѣться...

ГЛАВА XIV и XV.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ пяльцахъ, передъ открытымъ окошкомъ. Она не путалась шелками, подобно любовницѣ Конрада, которая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, не смотря на то, ея мысли не слѣдовали за работой—онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошко тихонько протянулась рука—кто-то положилъ на пяльцы письмо и скрылся, прежде нежели Марья Кириловна успѣла образумиться.—Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и позвалъ ее къ Кирилѣ Петровичу. Она съ трепетомъ спрятала письмо за косынку, и поспѣшила къ отцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него.—При появленіи Марьи Кириловны Князь всталъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ.—Подойди сюда, Маша, сказалъ Кирила Петровичь.—Скажу тебѣ новость, которая, надѣюсь, тебя обрадуетъ. Вотъ тебѣ женихъ: Князь тебя сватаетъ.

Маша остолбенѣла, смертная блѣдность покрыла ея лице.—Она молчала.—Князь къ ней подошелъ, взялъ ея руку и съ видомъ тронутымъ спросилъ: согласна ли она сдѣлать его щастіе—Маша молчала.

Согласна, конечно, согласна, сказалъ Кирила Петровичь: но знаешь Князь: дѣвушкѣ трудно выговорить это слово.—Ну, дѣти, поцалуйтесь и будьте щастливы.

Маша стояла неподвижно, старый Князь поцаловалъ ея руку, вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. — Князь слегка нахмурился.

Пошла, пошла, пошла, сказалъ Кирила Петровичь: осуши свои слезы, и воротись къ намъ веселешенька.—Онѣ всѣ плачутъ при помолвкѣ, продолжалъ онъ обратясь къ Верейскому, это у нихъ ужъ такъ заведено. Теперь, Князь, поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о приданомъ.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться.—Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою стараго Князя; онъ вдругъ показался ей отвратительнымъ и ненавистнымъ... Бракъ пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила!... Нѣтъ, нѣтъ, повторяла она въ отчаяніи: лучше умереть, лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго. — Тутъ она вспомнила о письмѣ, и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него.—Въ самомъ дѣлѣ, оно было писано имъ и заключало только слѣдующія слова:

Вечеромъ, въ 10 часовъ, на прежнемъ мѣстѣ.—

Луна сіяла; сельская ночь была тиха— изрѣдка подымался вѣтерокъ, и легкій шохоръ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая тѣнь, молодая красавица приблизилась къ мѣсту назначеннаго свиданія. Еще никого не было видно; вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею. Я все знаю, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ. Вспомните Ваше обѣщаніе.

Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша, — но не сердитесь... оно пугаетъ меня.—Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помочь?

Я бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго человѣка.

Ради Бога, не трогайте его, не смѣйте его трогать, если вы меня любите: — я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

Я не трону его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ онъ жизнію.— Никогда злодѣйство не будетъ совершено во имя Ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ преступленіяхъ. Но какъ же спасу васъ отъ жестокаго отца?

Еще есть надежда: я надѣюсь тронуть его моими слезами и отчаяніемъ.—Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

Не надѣйтесь по пустому: въ этихъ слезахъ увидитъ онъ только обыкновенную боязливость и отвращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идутъ онѣ замужъ не по страсти, а изъ благоразумнаго разсчета; но если возьметъ онъ себѣ въ голову сдѣлать щастіе ваше вопреки васъ самихъ, если насильно повезутъ васъ подъ вѣнецъ, чтобъ навѣки предать судьбу вашу во власть стараго мужа?

Тогда... тогда дѣлать нечего — явитесь за мною—я буду вашею женою.

Дубровскій затрепеталъ—блѣдное лице покрылось багровымъ румянцемъ, и въ ту же минуту стало блѣднѣе прежняго.—Онъ долго молчалъ,—потупя голову.

Соберитесь со всѣми силами души, умоляйте отца, бросьтесь къ его ногамъ; представьте ему весь ужасъ будущаго, вашу молодость, увядающую близь хилаго и развратнаго старика; скажите, что богатство не доставитъ вамъ и одной минуты щастія; роскошь утѣшаетъ одну бѣдность, и то съ непривычки на одно мгновеніе; не отставайте отъ него, не пугайтесь ни его гнѣва, ни угрозъ, пока останется хоть тѣнь надежды; ради Бога, не отставайте. Если жъ не будетъ уже другого средства — рѣшитесь на жестокое объясненіе: скажите, что если онъ останется неумолимъ, то... то вы найдете ужасную защиту...

Тутъ Дубровскій закрылъ лице руками; онъ, казалось, задыхался. Маша плакала...

Бѣдная, бѣдная моя участь, сказалъ онъ, горько вздохнувъ. За васъ отдалъ бы я жизнь, видѣть васъ издали, касаться руки вашей было для меня упоеніемъ; и когда открывается для меня возможность прижать васъ къ волнующемуся сердцу и сказать: Ангелъ, умремъ!—бѣдный! я долженъ остерегать[ся] отъ блаженства,—я долженъ отталкивать его всѣми силами! Я не смѣю пасть къ вашимъ ногамъ и благодарить небо за непонятную незаслуженную награду.—О какъ долженъ я ненавидѣть того... но чувствую, теперь въ сердце[ѣ] моемъ нѣтъ мѣста ненависти...

Онъ тихо обнялъ стройный ея станъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу, Довѣрчиво склонила она голову на плечо молодого разбойника—оба молчали...

Время летѣло.—Пора, сказала наконецъ, Маша. Дубровскій какъ будто очнулся отъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палецъ кольцо. — Если рѣшитесь прибѣгнуть ко мнѣ, сказалъ онъ, то принесите кольцо сюда, опустите въ дупло этого дуба; я буду знать, что дѣлать.

Дубровскій поцаловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА XVI.

Сватовство князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства.—Кирила Петровичь принималъ поздравленія, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала рѣшительное объявленіе.—Между тѣмъ обращеніе ея со старымъ женихомъ было холодно и принужденно—Князь о томъ не заботился—онъ о любви не хлопоталъ довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло.—Маша наконецъ рѣшилась дѣйствовать—и написала письмо Князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердце[ѣ] чувство великодушія; откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни

малѣйшей привязанности, умоляла его отказаться отъ ея руки и самому защищать ее отъ власти родителя.—Она тихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ прочелъ его наединѣ и нимало не былъ тронутъ откровенностью своей невѣсты.—Напротивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускорить свадьбу и для того почелъ нужнымъ показать письмо будущему тестю.

Кирила Петровичь взбѣсился; насилу князь могъ уговорить его не показывать Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Петровичь согласился ей о томъ не говорить, но рѣшился не тратить времени и назначилъ быть свадьбѣ на другой же день.—Князь нашелъ сіе весьма благоразумнымъ, пошелъ къ своей невѣстѣ, сказалъ ей, что письмо очень его опечалило, но что онъ надѣется современемъ заслужить ея привязанность, что мысль ея лишиться слишкомъ для него тяжела, и что онъ не въ силахъ согласиться на свой смертный приговоръ. —Засимъ онъ почтительно поцаловалъ ея руку и уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Петровича.

Но едва выѣхалъ онъ со двора какъ отецъ ея вошелъ, и напрямикъ велѣлъ ей быть готовой на завтрашній день. Марья Кириловна уже взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ отца. Папенька, закричала она жалобнымъ голосомъ, папенька не губите меня; я не люблю Князя, я не хочу быть его женою...

Это что значитъ, сказалъ грозно Кирила Петровичь, до сихъ поръ ты молчала и была согласна, а теперь, когда все рѣшено ты вздумала капризничать и отрекаться.—Не изволь дурачиться; этимъ со мною ты ничего не выиграешь.—

Не губите меня, повторяла бѣдная Маша. За что гоните меня отъ себя прочь и отдаете человѣку нелюбимому? развѣ я вамъ надоѣла? Я хочу остаться съ вами по прежнему. Папенька, вамъ безъ меня будетъ грустно, еще грустнѣе, когда подумаете, что я нещастлива. Папенька, не принуждайте меня: я не хочу идти замужъ...

Кирила Петровичь былъ тронутъ—но скрылъ свое смущеніе и оттолкнулъ ее сказавъ сурово.

Все это вздоръ, слышишь ли? — Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего щастія. Слезы тебѣ не помогутъ; послѣзавтра будетъ твоя свадьба.

Послѣзавтра! вскрикнула Маша. Боже мой! Нѣтъ; нѣтъ, невозможно, этому не быть!—Папенька, послушайте, если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.—

Что? что? сказалъ Троекуровъ, угрозы! мнѣ угрозы; дерзкая дѣвчонка! Да знаешь ли ты, что я съ тобою сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смѣешь стращать защитникомъ! Посмотримъ, кто будетъ этотъ защитникъ.

Владиміръ Дубровскій, отвѣчала Маша въ отчаяніи.

Кирила Петровичь подумалъ, что она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ. — Добро, сказалъ онъ ей, послѣ нѣкотораго молчанія: жди себѣ, кого хочешь въ избавители, а покамѣсть сиди въ этой комнатѣ—ты изъ нее не выдешь до самой свадьбы.—Съ этимъ словомъ Кирила Петровичь вышелъ и заперъ за собою двери.

Долго плакала бѣдная дѣвушка воображая все то что ожидало ее; но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать о своей участи и о томъ, что надлежало ей дѣлать.—Главное было для нее: избавиться отъ ненавистнаго брака; участь супруги разбойника казалась для нея раемъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей уготовленнымъ —Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно желала она увидѣться съ нимъ наединѣ и еще разъ передъ рѣшительной минутой долго посовѣтоваться. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близь бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ, какъ только станетъ смеркаться. Смерклось— Маша приготовилась—но дверь ея заперта на ключь. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Петровичь не приказалъ ее выпускать.—Она была подъ арестомъ.—Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко, и до глубокой ночи сидѣла; не раздѣваясь, неподвижно глядя на темное небо. На разсвѣтѣ она задремала; но тонкій сонъ ея былъ встревоженъ печальными видѣніями, и лучи возходящаго солнца разбудили ее.

ГЛАВА XVII.

Она проснулась—и съ первою мыслію представился ей весь ужасъ ея положенія.—Она позвонила, дѣвка вошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Петровичь вечеромъ ѣздилъ въ ** и возвратился поздно—что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ея изъ комнаты и смотрѣть за тѣмъ чтобъ никто съ нею не говорилъ—что впрочемъ не видно никакихъ особенныхъ приготовленій къ свадьбѣ, кромѣ того что велѣно было попу не отлучаться изъ деревни ни подъ какимъ предлогомъ.—Послѣ сихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.—

Ея слова ожесточили молодую затворницу.—Голова ея кипѣла—кровь волновалась—она рѣшилась дать знать обо всемъ Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо въ дупло завѣтнаго дуба.—Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло, и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидала маленькаго Сашу—дѣлающаго ей знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. Она отворила окно.—Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь? — Я пришелъ сестрица узнать отъ васъ, не надобно ли вамъ чего нибудь. Папенька сердитъ и запретилъ всему дому васъ слушаться; но велите мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?

— Знаю, сестрица.

— Такъ если ты меня любишь, сбѣгай туда поскорѣе и положи вотъ это кольцо въ дупло; да смотри же, чтобъ никто тебя не видалъ.

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.—

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать—и въ три минуты очутился у завѣтнаго дерева. Тутъ онъ остановился, задыхаясь, оглянулся во всѣ стороны и положилъ колечко въ дупло. Окончивъ дѣло благополучно, хотѣлъ онъ тотъ же часъ донести о томъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжій и [полу]оборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ дупло.—Саша быстрѣе бѣлки бросился къ нему и вцѣпился обѣими руками.

Что ты здѣсь дѣлаешь? сказалъ онъ грозно.

Тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ мальчишка, стараясь отъ него освободиться.—

Оставь это кольцо, рыжій заяцъ, кричалъ Саша или я проучу тебя по-свойски.—

Вмѣсто отвѣта тотъ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ и закричалъ во все горло:—воры, воры—сюда, сюда...

Мальчишка силился отъ него отдѣлаться.—Онъ былъ, повидимому, двумя годами старѣе Саши и гораздо его сильнѣе, но Саша былъ увертливѣе.—Они боролись нѣсколько минутъ; наконецъ рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу наземь и схватилъ его за горло. Но въ это время сильная рука вцѣпилась въ его рыжіе и щетинистые волосы, и садовникъ Степанъ приподнялъ его на полъ-аршина отъ земки.

Ахъ ты, рыжая бестія, говорилъ садовникъ, да какъ ты смѣешь бить маленькаго барина...

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.

Ты меня схватилъ подъ-силки, сказалъ онъ: а то бы никогда меня не повалилъ.—Отдай сейчасъ кольцо и убирайся.

— Какъ не такъ, отвѣчалъ рыжій, и вдругъ, перевернувшись на одномъ мѣстѣ, освободилъ свои щетины отъ руки Степановой. Тутъ онъ пустился было бѣжать, но Саша догналъ его, толкнулъ въ спину и мальчишка упалъ со всѣхъ ногъ.—Садовникъ снова его схватилъ, и связалъ кушакомъ.

— Отдай кольцо! кричалъ Саша.

Погоди, баринъ, сказалъ Степанъ:—мы сведемъ его на разправу къ прикашику.—

Садовникъ повелъ плѣнника на барскій дворъ, а Саша его сопровождалъ, съ безпокойствомъ поглядывая на свои шаровары, разорванныя и замазанныя зеленью. Вдругъ всѣ трое очутились передъ Кирилой Петровичемъ, идущимъ осматривать свою конюшню.—

Это что, спросилъ онъ Степана.—

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все произшествіе.

Кирила Петровичь выслушалъ его со вниманіемъ.

Ты, повѣса, сказалъ онъ обратясь къ Сашѣ: за что ты съ нимъ связался?

Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажите отдать кольцо.

Какое кольцо? изъ какого дупла?

Да мнѣ Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смутился, спутался. Кирила Петровичь нахмурился и сказалъ, качая головою:

Тутъ замѣшалась Марья Кириловна.— Признавайся во всемъ, или такъ отдеру тебя розгою, что ты и своихъ неузнаешь.

— Ей-Богу, папенька, я, папенька... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

Степанъ, ступай-ка, да срѣжь мнѣ хорошенькую, березовую розгу...

Постойте, папенька, я все вамъ разкажу. Я сегодня бѣгалъ по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сестрица ненарочно уронила кольцо, а я спряталъ его въ дупло, и... и... этотъ рыжій мальчикъ хотѣлъ кольцо украсть.

Ненарочно уронила, ты хотѣлъ спрятать... Степанъ! ступай за розгами.

Папенька, погодите, я все разкажу. Сестрица Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгать къ дубу и положить кольцо въ дупло; я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а этотъ скверный мальчикъ...

Кирила Петровичь обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно: чей ты?

— Я дворовый человѣкъ господъ Дубровскихъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

Ты, кажется, меня господиномъ не признаешь—добро. А что ты дѣлалъ въ моемъ саду...

Малину кралъ, отвѣчалъ мальчикъ съ большимъ равнодушіемъ.

Ага! слуга въ барина; каковъ попъ, таковъ и приходъ; а малина развѣ растетъ у меня на дубахъ? слыхалъ ли ты это?

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ.

Папенька, прикажите ему отдать кольцо, сказалъ Саша.—

Молчи, Александръ! отвѣчалъ Кирила Петровичь: не забудь, что я собираюсь съ тобой раздѣлаться. Ступай въ свою комнату. Ты, косой, ты мнѣ кажешься малый не промахъ; если ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я тебя не высѣку, и дамъ еще пятакъ на орѣхи. Отдай кольцо и ступай. Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего. «Не то, я съ тобою сдѣлаю то, чего ты не ожидалъ. Ну!»

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и стоялъ потупя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

(Добро сказалъ Кирила Петровичь) запереть его куда нибудь, да смотрѣть, чтобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.—

Степанъ отвелъ мальчика на голубятню, заперъ его тамъ и приставилъ смотрѣть за нимъ старую птичницу Агаѳью.

Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія: она сохранила сношенія съ проклятымъ Дубровскимъ. Неужели и въ самомъ дѣлѣ она звала его на помощь? думалъ Кирила Петровичь, разхаживая по комнатѣ и сердито насвистывая *Громъ побѣды раздавайся.* Можетъ быть я напалъ на его горячіе слѣды, и онъ отъ насъ не увернется.—Мы воспользуемся этимъ случаемъ... Чу! колокольчикъ; слава Богу, это исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго.

Между тѣмъ тележка въѣхала на дворъ, и знакомый уже намъ исправникъ вошелъ въ комнату, весь запыленный.

Славная вѣсть, сказалъ Кирила Петровичь: я поймалъ Дубровскаго.

— Слава Богу, Ваше Превосходительство—сказалъ исправникъ съ видомъ обрадованнымъ. Гдѣ же онъ?

То есть, не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведутъ. Онъ пособитъ намъ поймать самого атамана. Вотъ, его и привели.

Исправнивъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумленъ, увидѣвъ 13 лѣтняго мальчика довольно слабой наружности.—Онъ съ недоумѣніемъ обратился къ Кирилу Петровичу и ждалъ объясненія. Кирила Петровичь сталъ тутъ же разсказывать, не упоминая, однакожь, о Марьѣ Кириловнѣ, утреннее происшествіе.

Исправникъ выслушалъ его со вниманіемъ, поминутно взглядывая на маленькаго негодяя, который, прикинувшись дуракомъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія на все, что дѣлалось около него.

— Позвольте, Ваше Превосходительство, переговорить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ исправникъ.

Кирила Петровичь повелъ его въ другую комнату и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опять въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенія своей участи.

— Баринъ хотѣлъ, сказалъ ему исправникъ, посадить тебя въ острогъ, выстегать плетьми и послать потомъ на поселеніе;

но я вступился за тебя и выпросилъ тебѣ прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

— Благодари же барина, сказалъ исправникъ.

Мальчикъ подошелъ къ Кирилѣ Петровичу и поцаловалъ у него руку.

Ступай себѣ домой, сказалъ ему Кирила Петровичь да впередъ не крадь малины по дупламъ.—

Мальчикъ вышелъ,—весело спрыгнулъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле, въ Кистеневкѣ. Добѣжавъ до деревни, онъ остановился у полуразвалившейся избушки, первой скраю, и постучалъ въ окошко... Окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлѣба! сказалъ мальчикъ я съ утра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду.

— Ахъ! это ты, Митя; да гдѣ жъ пропадалъ, бѣсенокъ, отвѣчала старуха.

Послѣ разскажу, бабушка; ради Бога, хлѣба!

— Да войди-жъ въ избу.

Нѣкогда, бабушка: мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа, хлѣба.

— Экой непосѣдъ, проворчала старуха: на, вотъ тебѣ ломоть,—и сунула въ окно ломоть чернаго хлѣба».

Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ отправился далѣе.

Начинало смеркаться—Митя пробирался овинами и огородами въ Кистеневскую рощу.—Дошедши до двухъ сосенъ, столщихъ передовыми стражами рощи, онъ остановился, оглядѣлся во всѣ стороны, свистнулъ свистомъ пронзительнымъ и отрывисто, и сталъ вслушиваться; легкій и продолжительный свистъ послышался ему въ отвѣтъ: кто-то вышелъ изъ рощи и приблизился къ нему.

ГЛАВА XVIII.

Кирила Петровичь ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи; слуги бѣгали, дѣвки суетились—въ сараѣ кучера закладывали карету.—На дворѣ толпился народъ.—Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея томно клонилась подъ тяжестью брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, безсмысленно глядясь въ зеркало.—Скоро ли, раздался у дверей голосъ Кирилы Петровича. — Сію минуту, отвѣчала дама. Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?—Марья Кириловна встала и не отвѣчала ничего.—Двери отворились. Невѣста готова, сказала дама Кирилѣ Петровичу, прикажите садиться въ карету. — Съ Богомъ! отвѣтилъ Кирила Петровичь, и взявъ со стола образъ — подойди ко мнѣ, Маша, сказалъ онъ ей тронутымъ голосомъ: благословляю тебя... Бѣдная дѣвушка упала ему въ ноги и зарыдала. Папенька... папенька... говорила она въ слезахъ, и голосъ ее замиралъ. Кирила Петровичь спѣшилъ ее благословить; ее подняли и почти понесли въ карету.—Съ нею сѣла посаженная мать—и одна изъ служанокъ.—Онѣ поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ.—Онъ вышелъ на встрѣчу невѣсты и былъ пораженъ ея блѣдностію и страннымъ видомъ. Они вмѣстѣ вошли въ холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священникъ вышелъ изъ алтаря и тотчасъ же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самаго утра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минуту ея не покидала. Но когда священникъ обратился къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медлила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшись ея отвѣта, произнесъ невозвратимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ. Она чувствовала холодный поцалуй не милаго супруга; она слышала льстивыя поздравленія присутствующихъ, и все еще не могла повѣрить что жизнь ея была навѣки окована, что Дубровскій не прилетѣлъ освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами, она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперти толпились крестьяне изъ Покровскаго.—Взоръ ея быстро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ **, куда уже Кирила Петровичь отправился прежде, дабы встрѣтить тамъ молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нимало не былъ сму-

ШАЙКА ДУБРОВСКАГО ОСТАНАВЛИВАЕТЪ СВАДЕБНУЮ КАРЕТУ.

Рисунокъ Е. Е. Лансере (1899).

щенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не сталъ докучать ей приторными изъясненіями и смѣшными восторгами; слова его были просты и не требовали отвѣтовъ. Такимъ образомъ проѣхали они около 10 верстъ; лошади неслись быстро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не качалась на своихъ англинскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони, карета остановилась, и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полумаскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей: Вы свободны! выходите. — Что это значитъ, закричалъ князь, кто ты такой... Это Дубровскій, сказала княгиня... Князь не теряя присутствія духа, вынулъ изъ бокового кармана дорожный пистолетъ и выстрѣлилъ въ маскированнаго разбойника. Княгиня вскрикнула и съ ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо; кровь полилась.—Князь не теряя ни минуты, вынулъ другой пистолетъ. Но ему не дали времени выстрѣлить; дверцы разтворились, и нѣсколько сильныхъ рукъ вытащили его изъ кареты и выхватили у него пистолетъ. Надъ нимъ засверкали ножи.—Не трогать его! закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники отступили. — Вы свободны, продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ.—Нѣтъ, отвѣчала она: поздно—я обвѣнчана, я жена князя Верейскаго. — Что вы говорите! закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться... Я согласилась, я дала клятву, возразила она съ твердостію. Князь — мой мужъ, прикажите освободить его, и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... Но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ. Но Дубровскій уже ее не слыхалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса, разбойники окружили его.—Онъ успѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, третій взялъ лошадь подъ уздцы, и всѣ поѣхали въ сторону, оставя карету посреди дороги, людей связаныхъ, лошадей отпряженныхъ,но не разграбя ничего и не проливъ ни единой капли крови въ отмщеніе за кровь своего атамана.

ГЛАВА XIX.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось маленькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала и рва,—за коими находилось нѣсколько шалашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, коихъ по разнообразію одежды и по общему воруженію можно было тотчасъ признать за разбойниковъ, обѣдало сидя безъ шапокъ около братскаго котла.—На валу подлѣ маленькой пушки сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ вставлялъ заплатку въ нѣкоторую часть своей одежды, владѣя иголкою съ искусствомъ, обличающимъ опытнаго портного— и поминутно посматривалъ на всѣ стороны.

Хотя нѣкоторый ковшикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, странное молчаніе царствовало въ сей толпѣ; разбойники отобѣдали; одинъ послѣ другова вставалъ и молися Богу; нѣкоторые разошлись по шалашамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по Русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, встряхнулъ свою рухлядь, полюбовался заплатою, прикололъ къ рукаву иголку, сѣлъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую старую пѣсню:

Не шуми ты, мать зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, молодцу, думу думати.

Въ это время дверь одного изъ шалашей отворилась, и старуха въ бѣломъ чепцѣ, опрятно и чопорно одѣтая, показалась у порога. — Полно тебѣ, Степка, сказала она сердито баринъ почиваетъ, а ты знай гарланишь—нѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости. — Виноватъ, Петровна, отвѣчалъ Степка—ладно, больше не буду, пусть онъ себѣ, батюшка, почиваетъ да выздоравливаетъ. Старушка ушла, а Степка сталъ расхаживать по валу.—

Въ шалашѣ изъ котораго вышла старуха, за перегородкой, раненый Дубровскій лежалъ на походной кровати. Передъ нимъ на столикѣ лежали его пистолеты, а сабля висѣла въ головахъ. Землянка устлана и обвѣшана была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный туалетъ и трюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрыты.—И старушка, поглядывающая изъ-за перегородки, не могла знать, заснулъ ли онъ, или только задумался.

Вдругъ, Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась тревога — и Степка просунулъ къ нему голову въ окошко. Батюшка, Владиміръ Андреевичъ! закричалъ онъ, наши знакъ подаютъ: насъ ищутъ.—Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе, и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворѣ; при его появленіи настало глубокое молчаніе.—Всѣ ли здѣсь, сиросилъ Дубровскій. Всѣ, кромѣ дозорныхъ, отвѣчали. — По мѣстамъ! закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣсто. Въ сіе время трое дозорныхъ прибѣжали къ воротамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ навстрѣчу. Что такое? спросилъ онъ. — Солдаты въ лѣсу, отвѣчали они: насъ окружаютъ.— Дубровскій велѣлъ запереть вороты и самъ пошелъ освидѣтельствовать пушку. По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и стали приближаться.— Разбойники ожидали въ безмолвіи.—Вдругъ три или четыре солдата показались изъ лѣсу—и тотчасъ подались назадъ, выстрѣлами давъ знать товарищамъ.—Готовиться къ бою!—сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; — снова все утихло. Тогда услышали шумъ приближающейся команды; оружія блеснули между деревьями; человѣкъ полтораста солдатъ высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ устремились на валъ. Дубровскій приставилъ фитиль: выстрѣлъ былъ удаченъ—одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятеніе, но офицеръ бросился впередъ, солдаты за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выстрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ и стали съ топорами въ рукахъ защищать валъ, на который лѣзли остервенѣлые солдаты, оставя во рву человѣкъ двадцать раненыхъ товарищей. Рукопашный бой завязался.—Солдаты уже были на валу— разбойники начали уступать; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приставилъ ему пистолетъ къ груди и выстрѣлилъ. Офицеръ грянулся навзничь, нѣсколько солдатъ подхватили его на руки и спѣшили унести въ лѣсъ; прочіе, лишась начальника, остановились. Ободренные разбой-

ники воспользовались сей минутою недоумѣнія, смяли ихъ, стѣснили въ ровъ; осаждающіе побѣжали;—разбойники съ крикомъ устремились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разстройство непріятеля, остановилъ своихъ и заперся въ крѣпости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ отлучаться, приказавъ подобрать раненыхъ.

Послѣднія произшествія обратили уже не на шутку вниманіе Правительства на дерзновенные разбои Дубровскаго. Собранны были свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Отправлена была рота солдатъ дабы взять его мертваго или живаго. Поймали нѣсколько человѣкъ изъ его шайки и узнали отъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ [боя?] онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что намѣренъ навсегда ихъ оставить, совѣтовалъ и имъ перемѣнить образъ жизни. — Вы разбогатѣли подъ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую-нибудь отдаленную губернію и тамъ провести остальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ мошенники, и вѣроятно, не захотите оставить ваше ремесло.— Послѣ сей рѣчи онъ оставилъ ихъ, взявъ съ собою одного **. Никто не зналъ, куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинѣ сихъ показаній—приверженность разбойниковъ къ Атаману была извѣстна— Полагали, что они старались о его спасеніи—но послѣдствія ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились,—дороги стали свободны.—По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу.

ПИКОВАЯ ДАМА.

I.

Зачѣмъ понадобилось Пушкину разсказать такой странный, мало-правдоподобный анекдотъ? Или въ самомъ дѣлѣ это—не болѣе, какъ «шалость геніальнаго пера», подобно «Графу Нулину», хотя и въ другомъ, фантастическомъ родѣ? Бѣлинскій писалъ о «Пиковой Дамѣ»: «Собственно, это не повѣсть, а анекдотъ: для повѣсти содержаніе «Пиковой Дамы» слишкомъ исключительно и случайно»; но анекдотъ, прибавляетъ онъ, мастерски разсказанный. Какъ бы хорошо ни былъ разсказанъ анекдотъ, какъ бы тонко ни были очерчены дѣйствующія въ немъ лица, отъ этого его сущность не мѣняется: его содержаніе всецѣло исчерпывается фабулой; онъ лишенъ художественной идеи. Итакъ, Бѣлинскій хотѣлъ сказать, что въ «Пиковой дамѣ» нѣтъ художественной идеи, а есть только мастерски изложенная фабула.

Если бы это было такъ, «Пиковую даму» надо было бы назвать единственнымъ исключеніемъ среди творчества зрѣлой поры Пушкина. Сюжетъ этой повѣсти, разсматриваемый какъ фабула, *какъ разсказъ о фактахъ*, есть прямая нелѣпость. Эта старуха, знающая три вѣрныя карты, появленіе ея посмертной тѣни передъ Германомъ—что это: объективно разсказанныя происшествія, или намѣренная фантастика? Въ обоихъ случаяхъ *факты* слишкомъ невѣроятны, чтобы Пушкинъ, съ его трезвымъ умомъ, съ его любовью къ простому и реальному, могъ соблазниться такимъ Гофманновскимъ сюжетомъ. Какъ «анекдотъ», «Пиковая дама» представляла бы плохую и не идущую къ Пушкину выдумку. Но «Пиковая дама»—совсѣмъ не анекдотъ: на этотъ разъ Бѣлинскій ошибся.

2.

За ужиномъ послѣ картъ въ офицерской компаніи Томскій разсказалъ анекдотъ о своей бабушкѣ, какъ она въ молодости прожигая жизнь съ мужемъ въ Парижѣ проиграла однажды герцогу Орлеанскому большую сумму, какъ мужъ отказался платить и она въ отчаяніи рѣшилась на скользкій шагъ — обратиться къ графу Сенъ-Жермэну, который слылъ за чудодѣя, но, впрочемъ, «былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный»; и будто бы графъ дѣйствительно выручилъ ее, открывъ ей тайну трехъ вѣрныхъ картъ, что и помогло ей отыграться; и будто тайны этой она потомъ никому не открывала, даже своимъ четыремъ сыновьямъ, которые всѣ были отчаянные игроки,—открыла только разъ молодому Чаплицкому, когда онъ сильно проигрался, и тѣмъ дѣйствительно спасла его.

Разумѣется, пустая сказка, шитая бѣлыми нитками. Какой-нибудь положительный, пошловатый человѣкъ, выслушавъ ее, вѣроятно, подумалъ бы: «Знаемъ мы эти чудеса. Разумѣется, Сенъ-Жермэнъ просто далъ ей денегъ за нѣжную плату, а Чаплицкому она сама въ трудную минуту помогла за снисхожденіе къ ея увядшимъ прелестямъ. Миѳъ о трехъ картахъ пущенъ въ ходъ, конечно, ею самой, и въ этомъ смыслѣ онъ, дѣйствительно, не лишенъ остроумія».

Такъ, вѣроятно, и подумали слушатели, и можетъ-быть они были правы. Пушкинъ намѣренно оставляетъ факты подъ дымкою. О чемъ говорила *наединѣ* молодая красавица съ Сенъ-Жермэномъ, этого, разумѣется, никто не могъ знать,—развѣ что она сама потомъ разсказала; а случай съ Чаплицкимъ Томскій передаетъ со словъ своего дяди, графа Ивана Ильича, который «увѣрялъ его въ томъ честью».

Итакъ, вся эта исторія о трехъ таинственныхъ картахъ представляла собою, вѣроятно, не болѣе, какъ комочекъ житейской пошлости. Остальные присутствовавшіе взглянули, увидали комочекъ пошлости или, на иной взглядъ, обыденнаго быта, и безъ особеннаго вниманія прошли мимо. Но од-

ному изъ слушателей анекдотъ глубоко запалъ въ память—и здѣсь, въ душѣ насыщенной взрывчатыми газами, комочекъ грязи получилъ силу динамита. Онъ разорветъ вздребезги эту душу и всего человѣка.

Таковъ художественный замыселъ «Пиковой дамы»: соприкосновеніе души, опредѣленно настроенной, съ соотвѣтствующимъ этому настроенію элементомъ дѣйствительности. Вся грядущая драма Германа—его безуміе и гибель—уже до начала дѣйствія заложена въ его душѣ потенціально, но для того, чтобы она разразилась, нуженъ толчокъ извнѣ, хотя бы самый незначительный. Въ высшей степени любопытно видѣть, съ какимъ стараніемъ Пушкинъ позаботился ослабить этотъ внѣшній толчокъ. Добро-бы Германъ представлялъ живой кусокъ дѣйствительности: здѣсь было бы, по крайней мѣрѣ, непосредственное впечатлѣніе, способное увлечь наперекоръ разсудку. Но нѣтъ, душа Германа вспыхиваетъ отъ пустой, явно выдуманной сказки, разсказанной легкомысленнымъ офицеромъ передъ разъѣздомъ.

Обликъ Томскаго, обстановка, въ которой онъ разсказываетъ свой анекдотъ, и самый характеръ его разсказа—все это какъ бы снимаетъ съ реальности одну оболочку за другой, чтобы оставить только тѣнь реальности. И этой тѣни оказалось довольно, чтобы сыграть для Германа роль искры, брошенной въ пороховой погребъ. Пушкинъ какъ бы хочетъ сказать: мы всѣ ходимъ, ежеминутно готовые для драмы; наша насыщенная страстью душа жадно ищетъ въ мірѣ пищи для своей страсти—такъ жадно, что даже тѣнь вещи способна соблазнить ее, и тогда она мгновенно вспыхиваетъ вся и сгоряетъ въ мучительномъ счастіи, одна медленнѣе, другая сразу, какъ этотъ Германъ. Таковъ законъ человѣческаго духа. Таковъ, между прочимъ,—это всѣ знаютъ—законъ любви; такъ Таня уже до встрѣчи съ Онѣгинымъ была готова для любви: «Душа ждала... кого нибудь».

Та исключительность и случайность, которую Бѣлинскій ставитъ въ вину «Пиковой дамѣ»—очевидно, только кажущаяся; здѣсь есть преувеличеніе въ количествѣ, но оно служитъ только для болѣе рѣзкаго обнаруженія вѣчной нормы—того непреложнаго закона, которому подчинена жизнь человѣческой души. Въ этомъ свойствѣ ея—отъ соприкосновенія съ подходящимъ элементомъ дѣйствительности загораться пожаромъ, испепеляющимъ и ее самое, и все смежное съ ней въ мірѣ,—залогъ ея могущества и корень ея безумія. Человѣкъ толпы живетъ мелкими вспышками, медленно тлѣя; чѣмъ сильнѣе личность, тѣмъ больше горючаго матеріала въ ней и тѣмъ неизбѣжнѣе она сгоритъ вся отъ ничтожнѣйшаго толчка извнѣ. Не такъ ли и душа самого Пушкина подъ конецъ была насыщена и готова для драмы, такъ что пошлѣйшей интриги оказалось довольно, чтобы взорвать его и испепелить?

3.

Съ той минуты, какъ душа Германа соприкоснулась съ нужнымъ ей отрывкомъ дѣйствительности (въ данномъ случаѣ—даже только съ «тѣнью вещи»), онъ уже не владѣетъ собой: онъ одержимъ, онъ обезумѣлъ. Степень его безумія Пушкинъ показываетъ намъ не только въ томъ, что онъ повѣрилъ глупой баснѣ о трехъ картахъ, что онъ рѣшается пробраться къ старухѣ, грозитъ ей пистолетомъ и пр. Воспитанница графини, Лизавета Ивановна, очевидно не была нужна для развитія драмы; можно было придумать десять другихъ правдоподобныхъ способовъ, чтобы дать возможность Герману проникнуть днемъ или ночью въ этотъ плохо охраняемый домъ, и конечно не для этого Пушкинъ осложнилъ драму романомъ. Но романъ былъ ему нуженъ, чтобы въ полной силѣ обнаружить одержимость героя. Между героемъ и его навязчивой мыслью онъ ставитъ сильнѣйшій для пылкаго молодого человѣка соблазнъ—соблазнъ обладанія прелестной дѣвушкой. На первыхъ стадіяхъ безумія Германъ еще доступенъ очарованію любви: онъ искренно влюбляется въ Лизавету Ивановну. И вотъ, когда въ одной минутѣ для него сосредоточиваются двѣ возможности: достигнуть цѣли своей любви и вынудить у старухи ея тайну, онъ даже не колеблясь отказывается отъ первой ради второй—и во всѣхъ дальнѣйшихъ сценахъ Лизавета Ивановна для него вовсе не существуетъ. Кто внимательно перечтетъ эти страницы, тотъ безъ труда замѣтитъ, какъ старательно Пушкинъ подчеркнулъ и то, что Германъ былъ страстно увлеченъ дѣвушкой, и то, какъ въ эти минуты онъ ея не чувствуетъ и не видитъ: онъ весь во власти своей маніи.

Смертью старухи завершается первый актъ драмы. Она еще не кончена, ея роковая развязка впереди. Сознаніе, что тайна утеряна навѣки, не только не гаситъ по-

жара въ душѣ Германа, но, наоборотъ, разжигаетъ его. Эта внѣшняя неудача дѣлаетъ только то, что его энергія, направившаяся-было на дѣйствіе, теперь вся сосредоточивается внутри его, еще безконечно болѣе напряженная. Такъ Пушкинъ говоритъ и о любви Маши Троекуровой къ Дубровскому: «Она не была еще влюблена, но при первомъ случайномъ препятствіи или внезапномъ гоненіи судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ». Такъ и Таня, убѣдившись въ равнодушіи Онѣгина, не только не остываетъ:—

Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ.

Всюду тѣ же двѣ стадіи хотѣнія или страсти: сначала неопытно рвущейся наружу, а потомъ, встрѣтивъ преграду, уходящей внутрь и именно тамъ, въ этой второй стадіи, достигающей зенита.

Какая глубокая правда въ этомъ! И какъ вѣрно изображенъ въ «Пиковой дамѣ» весь этотъ переходъ отъ внѣшняго обнаруженія страсти—черезъ поступокъ (типичная для всякой страсти первая попытка осуществленія) къ внутреннему ея разгару, гдѣ самый поступокъ своими многообразными послѣдствіями весь идетъ на ея усиленіе. Смерть старухи, боязнь ея загробной мести, присутствіе на ея похоронахъ, ея шурящійся глазъ, разстройство нервовъ отъ этого видѣнія, излишне выпитое вино—всѣ эти мелкія событія съ неотразимой послѣдовательностью вытекаютъ изъ поступка и, какъ шпоры коня, гонятъ обреченную душу въ пропасть. Этотъ поднятый поступкомъ вихрь тревожныхъ, полубезумныхъ чувствъ окончательно отдаетъ Германа во власть его навязчивой идеи; и тутъ какъ нельзя естественнѣе возникаетъ въ немъ галлюцинація, въ которой наконецъ разрѣшается безмѣрное напряженіе его воли. Въ этой галлюцинаціи нѣтъ ни тѣни фантастики: она реальна или психологична до малѣйшей черты. Лучшее въ ней—то, что старуха говоритъ: «Я пришла къ тебѣ противъ своей воли: мнѣ велѣно исполнить твою просьбу». Такъ—какъ высшее велѣніе—долженъ былъ чувствовать Германъ свою страсть; такъ, болѣе или менѣе отчетливо, чувствуетъ каждый человѣкъ свое непреодолимое хотѣніе. Все остальное, что говоритъ старуха, внушено Герману его памятью и безсознательнымъ чувствомъ. Она велитъ ему ставить тѣ три карты одну за другою и послѣ того уже никогда не играть: это тѣ самыя условія, которыя она, по разсказу Томскаго, поставила Чаплицкому; и еще она велитъ ему жениться на Лизаветѣ Ивановнѣ: такъ разстроенный мозгъ Германа отразилъ въ себѣ его страхъ передъ убитой имъ и, можетъ быть, смутное чувство вины предъ оскорбленной имъ дѣвушкой. Что въ галлюцинаціи ему померещились эти, а не другія три карты, это, конечно, случайность: не все ли равно, какія?

Но вотъ что странно: эти случайныя карты дѣйствительно даютъ ему выигрышъ. Что это: случайность?—Я думаю, нѣтъ. Мысль, руководившая Пушкинымъ, представляется мнѣ въ такомъ видѣ.

Страсть Германа, подстрекаемая внѣшними обстоятельствами, вошла внутрь и здѣсь достигла своего апогея: на высшей своей точкѣ она рождаетъ галлюцинацію, которая и разрѣшаетъ мучительную полноту чувства тѣмъ, что даетъ Герману иллюзію объективности. Таковъ вѣчный законъ человѣческаго духа: всякое хотѣніе порождаетъ иллюзію объективности (объективной истины или объективнаго блага); притомъ, чѣмъ напряженнѣе хотѣніе, тѣмъ увѣреннѣе сама объективація. Увѣренность Германа въ объективной истинѣ померещившихся ему картъ безпредѣльна, въ соотвѣтствіи съ необычайной напряженностью его мечты. Онъ абсолютно увѣренъ въ своихъ трехъ картахъ—такъ увѣренъ, что сразу ставитъ на первую карту, очевидно, весь свой капиталъ—47 тысячъ,—онъ, жившій до сихъ поръ однимъ жалованьемъ, не трогавшій даже процентовъ съ наслѣдства, никогда не рисковавшій играть въ карты. И мнѣ кажется, что, по мысли Пушкина, самъ космосъ склоняется передъ такой непреклонной вѣрой, слѣпой случай, какъ песъ, лижетъ властную руку: вотъ почему Германъ выигрываетъ. Германъ могъ выиграть и на третьей картѣ, могъ и не выиграть по собственной оплошности, какъ дѣйствительно случилось; на этой безумной высотѣ у человѣка не можетъ не кружиться голова, ему слишкомъ легко оступиться; но горе ему, если онъ оступился: милѣйшій невѣрный шагъ,—движеніе Наполеона на Москву или, какъ здѣсь, ошибочно вынутая карта—и онъ летитъ въ бездну, увлекаемый порожденіями собственнаго возмущеннаго духа. Что Герману открылась пиковая дама, это была, конечно, чистая случайность, да и видъ этой карты, вѣро-

ятно, не имѣлъ никакого сходства съ мертвой старухой во гробу; все равно—разъ сорвавшись съ высоты, человѣкъ д о л ж е н ъ погибнуть, и тогда для гибели ему достаточно любого внутренняго образа, самаго ничтожнаго или обманчиваго. Ихъ много, больныхъ и призрачныхъ, въ мозгу маніака.

Слово маніакъ здѣсь, можетъ-быть, неумѣстно. Всякій человѣкъ—болѣе или менѣе маніакъ въ каждомъ своемъ хотѣніи. Пушкинъ, повторяю, избралъ форму настоящей маніи только затѣмъ, чтобы наглядн̀ѣе представить универсальный законъ, по которому растетъ и дѣйствуетъ всякое человѣческое хотѣніе.

4.

Первые наброски «Пиковой Дамы» находятся въ тетради Пушкина, занятой произведеніями 1832—33 годовъ («Галубъ», «Родословная моего героя», «Воевода»). Надо думать, что повѣсть была и начата, и кончена осенью 1833 года. Появилась она во II книгѣ «Библіотека для чтенія» 1834 года (ценз. помѣта: 31 генваря 1834). Вотъ эти первоначальные наброски [1]).

Первый набросокъ.

(Года два) (Лѣтъ 5) Года 4 тому назадъ (жилъ я (находясь) въ П. Б. и велъ я жизнь (очень) довольно безпорядочную). (Въ П. Б.) собралось насъ въ П. Б. нѣсколько молодыхъ людей (независимыхъ по состоянію) (связанныхъ) (недавно сближенныхъ) между собою обстоятельствами. Мы вели жизнь довольно безпорядочную. Обѣдали у Андріэ безъ аппетита, пили безъ (завлеченія) веселости, ѣздили къ С. А. (безъ нужды) (чтобы позѣвать и) побѣсить (ее) бѣдную старуху своей притворной безразборчивостію; день убивали кое-какъ, а вечеромъ по очереди собирались другъ у друга (и до зари) (и всю ночь проводили за картами).

Второй набросокъ.

Теперь позвольте мнѣ покороче (ближе) познакомить васъ съ героиней моей повѣсти·

Въ одной изъ etc.

(Шарлота Миллеръ была четвертая дочь (обанкрутившагося) обрусѣвшаго нѣмца). Отецъ ея былъ нѣкогда купцомъ второй гильдіи (потомъ учителемъ въ кад. корп.), потомъ аптекаремъ, потомъ директоромъ пансіона, наконецъ (журналистомъ) корректоромъ въ типографіи, и умеръ, оставивъ (женѣ) кой какіе долги (и нѣсколько рукописей, касающихся ботаники) и довольно полное собраніе бабочекъ и насѣкомыхъ. Онъ былъ человѣкъ добрый (и честный) и имѣлъ много основательныхъ свѣдѣній, которыя ни къ чему хорошему (его) не привели. (Вдова его, продавъ рукописи лавочнику) расплатилась съ табачной лавочкой и стала (жить) кормиться съ Шарлотою (трудами своихъ рукъ). Германъ жилъ (съ ними) на одномъ дворѣ съ его вдовою, познакомился съ Шарлотой, и скоро они полюбили другъ друга, какъ только нѣмцы могутъ еще любить въ наше время.

Но въ сей день или справедливѣе etc. И когда милая нѣмочка отдернула бѣлую занавѣску (окна своего), Германъ не явился у своего васисдаса и не привѣтствовалъ ее обычной улыбкою.

Отецъ его, обрусѣвшій нѣмецъ, оставилъ ему послѣ себя (60 тысячъ капиталу) маленькій капиталъ; Германъ оставилъ ихъ въ ломбардѣ, не касаясь и процентовъ, а жилъ однимъ жалованьемъ.

Германъ былъ твердо etc.

Оба эти отрывка любопытны. Первый изъ нихъ показываетъ, что первоначально Пушкинъ думалъ придать своей повѣсти характеръ личнаго разсказа. Потомъ онъ оставилъ эту мысль, по понятной причинѣ: было бы слишкомъ трудно о т ъ л и ц а р а з с к а з ч и к а обрисовать сложную психологію героя, изобразить его безумныя переживанія и его поступки, напр., галлюцинацію, свиданіе съ Лизаветой Ивановной въ ея комнатѣ и пр. Любопытно далѣе, что въ этой первой редакціи, гдѣ разсказчикъ долженъ былъ являться если не дѣйствующимъ лицомъ, то по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ происшествій, Пушкинъ совершенно точно, и съ конкретными подробностями, воспроизвелъ картину своего собственнаго недавняго опыта: именно такъ, въ кругу военныхъ, проигрывая ночи напролетъ и навѣщая веселый пріютъ Софьи Астафьевны, жилъ онъ въ Петербургѣ передъ женитьбою. Въ январѣ 1832 г. Пушкинъ писалъ Судіенку: «Надобно тебѣ сказать, что я женатъ около года, и что вслѣдствіе сего образъ жизни моей совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Астафьевны и кавалергардскихъ шаромыжниковъ. Отъ картъ и костей отсталъ я болѣе двухъ лѣтъ; на бѣду мою я забастовалъ будучи въ проигрышѣ». Рѣшивъ при-

[1]) Воспроизвожу по рук. Румянц. музея № 2373.

дать разсказу объективную форму, Пушкинъ выбросилъ это вступленіе, рисующее образъ жизни участниковъ: въ окончательномъ видѣ повѣсть начинается прямо съ дѣйствія; и соотвѣтственно съ этимъ исчезли тѣ конкретныя, автобіографическія черты. Изъ нихъ уцѣлѣла только одна—въ первой строкѣ! «Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова».

Еще больше свѣта на процессъ Пушкинскаго творчества бросаетъ второй изъ приведенныхъ выше набросковъ. Эта нѣмочка и любовь къ ней Германа въ повѣсти совсѣмъ исчезли: ихъ замѣнила интрига съ воспитанницей графини. Соображенія, которыми руководился Пушкинъ при этой замѣнѣ не трудно возстановить.

Какъ я уже сказалъ, Пушкинъ для вящшей наглядности эксперимента выбралъ характеръ исключительный, т. е. такой, въ которомъ хотѣніе или страсть достигаютъ предѣльнаго напряженія, поглощаютъ всю волю безъ остатка. Поэтому Германъ былъ съ самаго начала задуманъ, какъ контрастная натура. Въ немъ сочетаются твердость воли и самообладаніе съ одной стороны—сильныя страсти и «огненное» воображеніе съ другой, т. е. въ обыденной жизни разсудочная трезвость, но въ потенціи—оргіазмъ, и именно оргіазмъ одной какой-нибудь страсти, потому что такая собранная воля недѣлима: либо она вся владѣетъ собою, и тогда Германъ—филистеръ изъ самыхъ педантическихъ, либо она вся же срывается въ пропасть, устремившись за какимъ-нибудь признакомъ. Первую черту—трезвость и самообладаніе, какъ общій фонъ характера Германа—Пушкинъ мотивируетъ и рисуетъ чрезвычайно внимательно. Именно для этого онъ дѣлаетъ Германа нѣмцемъ—и дважды обращаетъ на это вниманіе читателя. Въ первой же сценѣ Германъ говоритъ о себѣ: «Игра занимаетъ меня сильно, но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее»,—и Томскій замѣчаетъ: «Германнъ нѣмецъ; онъ разсчетливъ—вотъ и все». Дальше Пушкинъ еще подробнѣе выписываетъ этотъ фонъ: «Германъ былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти»; и, конечно, это самое убѣжденіе «въ необходимости упрочить свою независимость» заставило его стать не просто офицеромъ, а инженеромъ.

Второй набросокъ показываетъ, что Пушкинъ первоначально имѣлъ въ виду провести эту черту еще дальше. Филистерство Германа должно было вступить на путь осуществленія. Онъ влюбляется въ милую нѣмочку, свою сосѣдку, разумѣется находитъ взаимность, ждетъ по утрамъ, когда Шарлотта отдернетъ бѣлую занавѣску у своего окна, и привѣтствуетъ ее улыбкою. Словомъ, банальный, чистонѣмецкій романъ, который вскорѣ увѣнчается свадьбою. И вотъ изъ самой глубины этого филистерства Германа вырываетъ вспыхнувшая въ немъ страсть. Таковъ, повидимому, начальный замыселъ.

Этотъ планъ имѣлъ серьезныя художественныя основанія. Пушкину надо было на дѣлѣ, а не только путемъ авторской характеристики, показать обыденную трезвость Германа, а романъ съ нѣмочкой превосходно удовлетворялъ этой цѣли. Но это была частичная художественная задача, и, въ концѣ концовъ, Пушкинъ рѣшилъ пожертвовать ею ради стройности цѣлаго. Въ окончательной редакціи филистерство Германа характеризуется тѣмъ, что онъ не играетъ въ карты, живетъ однимъ жалованьемъ и пр. Изъ первоначальнаго замысла Пушкинъ удержалъ только одну черту, самую существенную: ему нужно было, какъ мы видѣли, вложить въ Германа любовь къ женщинѣ, для того чтобы представить его въ пароксизмѣ страсти проходящимъ мимо любимой дѣвушки. Эту коллизію онъ облекъ теперь въ новую форму—въ форму романа съ Лизаветой Ивановной, и это былъ несомнѣнный выигрышъ, потому что въ романѣ съ Лизаветой Ивановной данная психологическая черта оказалась непосредственно вплетенной въ фабулу разсказа, тогда какъ романъ съ нѣмочкой развивался бы параллельно съ этой фабулой, въ сторонѣ отъ нея.

Рѣшивъ оставить эти первые наброски и начать заново, Пушкинъ вынулъ изъ подъ спуда давнишнюю свою тетрадь, гдѣ 15 лѣтъ назадъ имъ была начата и на первой же страницѣ брошена такая же повѣсть изъ быта кутящихъ и играющихъ петербургскихъ офицеровъ («Наденька»).

Этимъ началомъ Пушкинъ теперь воспользовался. Оно было хорошо тѣмъ, что безъ прелюдій, безъ описаній сразу вводило in medias res. Пушкинъ только придалъ ему болѣе строгій видъ, выкинувъ всѣ лишнія

детали; вспомнимъ, что онъ писалъ около этого времени о «манерности въ описаніяхъ», о «близорукой мелочности нынѣшнихъ французскихъ романистовъ» [1]). Использовать въ зрѣлыхъ своихъ произведеніяхъ обрывки стараго, свои давніе наброски и записи, было, какъ извѣстно, въ привычкахъ Пушкина. Такъ, и въ «Пиковой дамѣ» онъ, кромѣ наброска 1819 года, употребилъ въ дѣло свои старые шуточные стихи: «А въ ненастные дни», сообщенные имъ Вяземскому еще въ 1828 году, и еще другую шутку — французскій эпиграфъ къ 3-й главѣ, — записанную имъ среди строкъ неоконченной повѣсти «На углу маленькой площади» (1832) [2]).

5.

Скажу, не обинуясь, что на мой взглядъ «Пиковая дама»—одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей, достойная быть поставленной рядомъ, если не выше, съ такими перлами, какъ «Тамань» Лермонтова и «Казаки» Л. Толстого. Нельзя достаточно надивиться на эту сжатость, стремительность, сосредоточенность разсказа, на эту ясность линій и цѣломудріе слога, словомъ на недосягаемую экономію средствъ, употребленныхъ здѣсь поэтомъ для воплощенія глубокой художественной идеи. Ни одной лишней черты, но всякая черта, какъ радіусъ, стремится къ центру повѣствованія; ни одного психологическаго описанія, но все дѣйствіе насыщено психологіей; безпредѣльное напряженіе силъ, почти математическая художественная разсчетливость— и ни малѣйшей нарочитости, но все течетъ естественно, какъ въ самой жизни. Я не знаю ничего совершеннѣе, какъ завязка повѣсти, нежели начало «Пиковой дамы». Какъ естественно завязывается здѣсь, за ужиномъ, разговоръ о шансахъ въ карточной игрѣ, какъ незамѣтно сразу дается характеристика будущаго героя, и какъ непринужденно выступаетъ затѣмъ узелъ драмы, разсказъ Томскаго о его бабушкѣ! Я уже говорилъ о томъ, съ какимъ искусствомъ Пушкинъ тутъ же показываетъ ничтожный удѣльный вѣсъ этого анекдота, вкладывая его въ уста вѣтреннаго Томскаго и пр. Этотъ анекдотъ, содержащій такую малую долю реальности, есть какъ бы микроскопическая доза чрезвычайно ослабленной вакцины, прививаемая душѣ Германа. И смотрите, какъ медленно и неотвратимо начинаетъ дѣйствовать въ немъ ядъ. Въ первую минуту, выслушавъ разсказъ, онъ рѣшительно заявляетъ: «Сказка»! Но анекдотъ не выходитъ изъ его головы. Онъ мечтаетъ— и самъ себя останавливаетъ: можно ли вѣрить такой баснѣ! Потомъ, случайно набредши на домъ графини, онъ опять охваченъ желаніемъ, онъ ходитъ около дома, потомъ долго не можетъ заснуть, ему снятся карты и груды червонцевъ, и на утро онъ опять у того дома, точно «невѣдомая сила привлекала его къ нему». Ядъ уже вошелъ въ кровь, Герману не спастись; но ближайшія стадіи процесса скрыты отъ насъ: ядъ, войдя въ организмъ, начинаетъ дѣйствовать въ глубинѣ, недоступной взору. Въ ближайшіе дни Германъ, повидимому, всецѣло поглощенъ интригой съ Лизаветой Ивановной; онъ влюбляется искренно и сильно, но тѣмъ временемъ, помимо его сознанія, процессъ внутри его завершается. Получивъ письмо съ указаніемъ, какъ войти въ домъ графини, Германъ «трепеталъ, какъ тигръ». Пушкинъ не говоритъ намъ, отчего трепеталъ Германъ: отъ мысли, что черезъ нѣсколько часовъ любимая дѣвушка будетъ въ его объятіяхъ, или отъ надежды выпытать у старухи тайну: Германъ, конечно, самъ не зналъ этого. Но, очутившись между кабинетомъ старухи и лѣстницей, которая вела въ комнату Лиз. Ив., онъ даже не сталъ колебаться въ выборѣ. Перевѣсъ страсти въ его душѣ надъ увлеченіемъ дѣвушкой давно былъ рѣшенъ въ немъ,— теперь онъ только послушно слѣдовалъ неотвратимому рѣшенію; «онъ окаменѣлъ».

Не буду говорить о мастерствѣ въ обрисовкѣ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ — графини, Лизаветы Ивановны, Томскаго, Чекалинскаго: оно бросается въ глаза. Портретъ графини на всѣ вѣка останется классическимъ изображеніемъ старости, наряду съ геніальнѣйшими типами міровой литературы — Скупымъ рыцаремъ и Плюшкинымъ, Отелло и пр. Вообще «Пиковая дама» представляется мнѣ во

---

[1]) Въ статьѣ «О трехъ повѣстяхъ г. Павлова».

[2]) См. «Рукописи А. С. Пушкина въ Румянц. музеѣ» В. Е. Якушкина, Р. Стар. 1884 іюль, стр. 52. Любопытно отмѣтить, что фамилію «Нарумовъ» Пушкинъ въ первый разъ употребилъ въ черновомъ наброскѣ начала «Дубровскаго», написанномъ, повидимому, въ одно время съ черновымъ началомъ «Пиковой дамы»: въ этомъ наброскѣ позднѣйшій Троекуровъ названъ Нарумовымъ (см. Р. Стар., тамъ же, стр. 329). Потомъ, рѣшивъ передѣлать начало «Пиковой дамы», Пушкинъ использовалъ здѣсь эту фамилію, самодуру же изъ «Дубровскаго» далъ имя Троекурова.

многихъ отношеніяхъ вѣнцомъ прозаическаго творчества Пушкина. Ея художественное совершенство такъ велико, что три четверти вѣка, протекшія со времени ея написанія, почти не состарили ея; въ ней нѣтъ ни одной унціи рыхлой плоти, которая отъ лѣтъ могла бы стать дряблой, ничего «литературнаго», что выдохлось бы съ годами. Напротивъ, поскольку она устарѣла, ея старомодность обусловлена какъ-разъ ея излишней сухостью. Я разумѣю то отсутствіе воздуха и глубины, тотъ недостатокъ сочности, который присущъ всѣмъ повѣстямъ Пушкина, не исключая даже—хотя въ меньшей степени—«Капитанской дочки». Повѣсть Пушкина, въ отличіе отъ нашей, современной повѣсти,—не картина, а рисунокъ перомъ; въ ней нѣтъ мазковъ, передающихъ полутоны,—все сухія, четкія линіи, рисующія какъ-бы остовъ событія, обстановки или характера. Отчасти эта особенность Пушкинской прозы объясняется, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что, прежде тѣмъ заняться прозою, Пушкинъ долго работалъ стихомъ и привыкъ къ тому способу описанія, какого требуетъ—и какой единственно допускаетъ стихотворная повѣсть: описанія именно линіями, а не широкими мазками. Но была и другая, болѣе общая причина: такова была вообще беллетристическая техника 20-хъ—30-хъ годовъ. Искусство воспроизводить полноту жизни, передавать воздухъ и глубину картины было достигнуто позднѣе. Нуженъ былъ геній Гоголя и вся черная работа «физіологической» беллетристики 40-хъ и 50-хъ годовъ, чтобы дать эту сочность.

Пушкинъ, повидимому, самъ сознавалъ этотъ недостатокъ и мѣстами старался восполнить его, впрочемъ, не всегда удачно. Въ «Пиковой дамѣ» есть два такихъ мѣста. Разсказъ Томскаго о его бабушкѣ по деталямъ превосходенъ, но именно какъ разсказъ Томскаго онъ не можетъ быть оправданъ. Вѣтреный Томскій, конечно, не сталъ бы, да и не сумѣлъ бы, выписывая эти очаровательныя, искусно-подобранныя черты быта версальской эпохи: онъ долженъ былъ разсказать свой анекдотъ проще, грубѣе. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ хотѣлъ передать картину быта, и сдѣлалъ это некстати. Такою же художественной ошибкой надо признать описаніе графининой спальни, въ которую вошелъ Германъ. Современный художникъ, напримѣръ Чеховъ, нарисовалъ бы здѣсь только тѣ черты обстановки, которыя могъ и долженъ былъ въ эту минуту величайшаго напряженія замѣтить Германъ. Такъ поступилъ и самъ Пушкинъ, рисуя приготовленія къ дуэли Онѣгина съ Ленскимъ:

Вотъ пистолеты ужъ блеснули,
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще...

Это—не объективная картина, которую могъ бы отъ себя, для читателя, нарисовать художникъ: здѣсь воспроизведены лишь тѣ звуки и движенія, за которыми напряженно слѣдятъ Онѣгинъ и Ленскій, ожидая призыва къ дуэли. Современный художникъ сдѣлалъ-бы больше: онъ воспроизвелъ бы эти черты не фотографически, какъ Пушкинъ, а съ той цѣлью, чтобы подборомъ замѣченныхъ чертъ уяснить намъ душевное состояніе героя. Въ этомъ отношеніи образцомъ могутъ служить тѣ строки «Войны и мира», гдѣ разсказанъ пріѣздъ молодого Ростова съ театра войны въ отпускъ домой. Онъ бѣжитъ «по сѣнямъ и знакомымъ, покрывившимся ступенямъ. Все та же дверная ручка замка, за нечистоту которой сердилась графиня, такъ-же слабо отворялась. Въ передней горѣла одна сальная свѣча. Старикъ Михайло спалъ на ларѣ. Прокофій, выѣздной лакей, тотъ, который былъ такъ силенъ, что за задокъ поднималъ карету, сидѣлъ и вязалъ изъ покромокъ лапти». Самыя элементарныя зрительныя впечатлѣнія, схваченныя на-лету (Ростовъ бѣжитъ)—и вихремъ возникающіе обрывки воспоминаній: все та же слабая ручка, грязная—за это мама неразъ сердилась... Прокофій—а, это тотъ, силачъ!...

Съ этой точки зрѣнія подробное объективное описаніе графининой спальни, какъ ни хорошо оно само по себѣ,—серьезный художественный промахъ; всего, что здѣсь перечислено, Германъ, конечно, не могъ тогда видѣть и сопоставлять въ своемъ умѣ.

М. Гершензонъ.

ПИКОВАЯ ДАМА

Пикокая дама означаетъ тайную недоброжелательность.

Новѣйшая гадательная книга.

I.

А въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули—Богъ ихъ прости!—
Отъ пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ, въ ненастные дни,
Занимались они
Дѣломъ.

Однажды играли въ карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незамѣтно; сѣли ужинать въ пятомъ часу утра. Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ аппетитомъ; прочіе, въ разсѣянности, сидѣли передъ пустыми своими приборами. Но шампанское явилось, разговоръ оживился, и всѣ приняли въ немъ участіе.

— Что ты сдѣлалъ Суринъ? спросилъ хозяинъ.

— Проигралъ, по обыкновенію. Надо бы признаться, что я несчастливъ: играю мирандолемъ, никогда не горячусь, ничѣмъ меня съ толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставилъ на *руте*?... Твердость твоя для меня удивительна.

— А каковъ Германнъ! сказалъ одинъ изъ гостей, указывая на молодого инженера: отъ рода не бралъ онъ карты въ руки, отъ роду не загнулъ ни одного пароли, а до пяти часовъ сидитъ съ нами, и смотритъ на нашу игру.

— Игра занимаетъ меня сильно, сказалъ Германнъ: но я не въ состояніи жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее.

— Германнъ Нѣмецъ: онъ расчетливъ, вотъ и все! замѣтилъ Томскій. А если кто для меня непонятенъ, такъ это моя бабушка, Графиня Анна Ѳедотовна.

— Какъ? что? закричали гости.

— Не могу постигнуть, продолжалъ Томскій: какимъ образомъ бабушка моя не понтируетъ.

— Да что жъ тутъ удивительнаго, сказалъ Нарумовъ, что осьмидесятилѣтняя старуха не понтируетъ?

— Такъ вы ничего про нее не знаете?

— Нѣтъ! право, ничего!

— О, такъ послушайте:

Надобно знать, что бабушка моя, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, ѣздила въ Парижъ, и была тамъ въ большой модѣ. Народъ бѣгалъ за нею, чтобъ увидѣть la Vénus mocsovite; Ришелье за нею волочился, и бабушка увѣряетъ, что онъ чуть было не застрѣлился отъ ея жестокости.

Въ то время дамы играли въ фараонъ. Однажды при Дворѣ она проиграла на слово Герцогу Орлеанскому что-то очень много. Пріѣхавъ домой, бабушка, отлѣпливая мушки

съ лица и отвязывая фижмы, объявила дѣдушкѣ о своемъ проигрышѣ, и приказала заплатить.

Покойный дѣдушка, сколько я помню былъ родъ бабушкина дворецкаго. Онъ ея боялся, какъ огня; однако, услышавъ о такомъ ужасномъ проигрышѣ, онъ вышелъ изъ себя, принесъ счеты, доказалъ ей, что въ полгода они издержали полмилліона, что подъ Парижемъ нѣтъ у нихъ ни Подмосковной, ни Саратовской деревни, и начисто отказался отъ платежа. Бабушка дала ему пощечину, и легла спать одна, въ знакъ своей немилости.

На другой день она велѣла позвать мужа, надѣясь что домашнее наказаніе надъ нимъ подѣйствовало, но нашла его непоколебимымъ. Въ первый разъ въ жизни она дошла съ нимъ до разсужденій и объясненій; думала усовѣстить его, снисходительно доказывая, что долгъ долгу рознь, и что есть разница между Принцемъ и каретникомъ.— Куда! дѣдушка бунтовалъ. Нѣтъ, да и только! Бабушка не знала, что дѣлать.

Съ нею былъ коротко знакомъ человѣкъ очень замѣчательный. Вы слышали о Графѣ Сенъ-Жерменѣ, о которомъ разсказываютъ такъ много чудеснаго. Вы знаете, что онъ выдавалъ себя за вѣчнаго жида, за изобрѣтателя жизненнаго эликсира и философскаго камня, и прочая. Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ Запискахъ, говоритъ, что онъ былъ шпіонъ; впрочемъ, Сенъ-Жерменъ, не смотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человѣкъ очень любезный. Бабушка до сихъ поръ любитъ его безъ памяти, и сердится, если говорятъ объ немъ съ неуваженіемъ. Бабушка знала, что Сенъ-Жерменъ могъ располагать большими деньгами. Она рѣшилась къ нему прибѣгнуть. Написала ему записку, и просила немедленно къ ней пріѣхать.

Старый чудакъ явился тотчасъ, и засталъ въ ужасномъ горѣ. Она описала ему самыми черными красками варварство мужа, и сказала наконецъ, что всю свою надежду полагаетъ на его дружбу и любезность.

Сенъ-Жерменъ задумался.—«Я могу вамъ услужить этой суммою», сказалъ онъ, «но знаю, что вы не будете спокойны, пока со мною не расплатитесь, а я бы не желалъ вводить васъ въ новыя хлопоты. Есть другое средство: вы можете отыграться.»

«Но, любезный Графъ,» отвѣчала бабушка, «я говорю вамъ, что у насъ денегъ вовсе нѣтъ.»—«Деньги тутъ не нужны,» возразилъ Сенъ-Жерменъ: «извольте меня выслушать.» Тутъ онъ открылъ ей тайну, за которую всякой изъ насъ дорого бы далъ...

Молодые игроки удвоили вниманіе. Томскій закурилъ трубку, затянулся, и продолжалъ.

Въ тотъ же самый вечеръ бабушка явилась въ Версали, au jeu de la Reine. Герцогъ Орлеанскій металъ; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, въ оправданіе сплела маленькую исторію, и стала противъ него понтировать. Она выбрала три карты, поставила ихъ одну за другою: всѣ три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! сказалъ одинъ изъ гостей.

— Сказка! замѣтилъ Германнъ.

— Можетъ статься порошковыя карты? подхватилъ третій.

— Не думаю, отвѣчалъ важно Томскій.

— Какъ! сказалъ Нарумовъ; у тебя есть бабушка, которая угадываетъ три карты сряду, а ты до сихъ поръ не перенялъ у ней ея кабалистики?

Да, чорта съ два! отвѣчалъ Томскій. у ней было четверо сыновей, въ томъ числѣ и мой отецъ; всѣ четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны; хоть это было бы не худо для нихъ, и даже для меня. Но вотъ что мнѣ разсказывалъ дядя, Графъ Иванъ Ильичъ, и въ чемъ онъ меня увѣрялъ честью. Покойный Чаплицкій, тотъ самый, который умеръ въ нищетѣ, промотавъ милліоны, однажды въ молодости своей проигралъ— помнится Зоричу,—около трехъ сотъ тысячъ. Онъ былъ въ отчаяніи. Бабушка, которая всегда была строга къ шалостямъ молодыхъ людей, какъ-то сжалилась надъ Чаплицкимъ. Она дала ему три карты, съ тѣмъ, чтобъ онъ поставилъ ихъ одну за другою, и взяла съ него честное слово впредь уже никогда не играть. Чаплицкій явился къ своему побѣдителю: они сѣли играть. Чаплицкій поставилъ на первую карту пятьдесятъ тысячъ, и выигралъ соника; загнулъ пароли, пароли-пе,—отыгрался, и остался еще въ выигрышѣ...

Однако пора спать; уже безъ четверти шесть.

Въ самомъ дѣлѣ, ужъ разсвѣтало; молодые люди допили свои рюмки, и разъѣхались.

JEU DE LA REINE ВЪ ВЕРСАЛИ.
Рисунокъ Александра Бенуа.

II.

- Il paraît, que monsieur est décidément pour les suivantes.
— Que voulez-vous, madame? Elles sont plus fraîches.

Свѣтскій разговоръ.

Старая Графиня *** сидѣла въ своей уборной передъ зеркаломъ. Три дѣвушки окружали ее. Одна держала банку румянъ, другая коробку со шпильками, третья высокій чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Графиня не имѣла ни малѣйшаго притязанія на красоту, давно увядшую, но сохранила всѣ привычки своей молодости, строго слѣдовала модамъ семидесятыхъ годовъ и одѣвалась такъ же долго, такъ же старательно, какъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. У окошка сидѣла за пяльцами барышня, ея воспитанница.

— Здравствуйте, grand'maman, сказалъ, вошедши, молодой офицеръ. Bon jour, mademoiselle Lise. Grand'maman, я къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, Paul?

— Позвольте вамъ представить одного изъ моихъ пріятелей, и привезти его къ вамъ въ Пятницу на балъ.

— Привези мнѣ его прямо на балъ, и тутъ мнѣ его и представишь. Былъ ты вчерась у ***?

— Какъ же! очень было весело; танцовали до пяти часовъ. Какъ хороша была Елецкая!

— И, мой милый! Что въ ней хорошаго? Такова ли была ея бабушка, Княгиня Дарья Петровна?... Кстати: я чай, она уже очень постарѣла Княгиня Дарья Петровна?

— Какъ, постарѣла? отвѣчалъ разсѣянно Томскій: она лѣтъ семь какъ умерла.

Барышня подняла голову, и сдѣлала знакъ молодому человѣку. Онъ вспомнилъ, что отъ старой Графини таили смерть ея ровесницъ, и закусилъ себѣ губу. Но Гра-

финя услышала вѣсть, для нея новую, съ большимъ равнодушіемъ.

— Умерла! сказала она: а я и не знала! Мы вмѣстѣ были пожалованы во Фрейлины, и когда мы представились, то Государыня....

И Графиня въ сотый разъ разсказала внуку свой анекдотъ.

— Ну, Paul, сказала она потомъ: теперь помоги мнѣ встать. Лизанька, гдѣ моя табакерка?

И графиня со своими дѣвушками пошла за ширмами оканчивать свой туалетъ. Томскій остался съ барышнею.

— Кого это вы хотите представить? тихо спросила Лизавета Ивановна.

— Нарумова. Вы его знаете?

— Нѣтъ! Онъ военный, или статскій?

— Военный.

— Инженеръ?

— Нѣтъ! кавалеристъ. А почему вы думали, что онъ инженеръ?

Барышня засмѣялась, и не отвѣчала ни слова.

— Paul! закричала Графиня изъ-за ширмовъ: пришли мнѣ какой нибудь новый романъ, только, пожалуйста, не изъ нынѣшнихъ.

— Какъ это, grand'maman?

— То-есть, такой романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ. Я ужасно боюсь утопленниковъ!

— Такихъ романовъ нынче нѣтъ. Не хотите ли развѣ Русскихъ?

— А развѣ есть Русскіе романы?.... Пришли, батюшка, пожалуйста пришли!

— Простите, grand'maman; я спѣшу... Простите, Лизавета Ивановна! Почему же вы думали, что Нарумовъ инженеръ?

И Томскій вышелъ изъ уборной.

Лизавета Ивановна осталась одна: она оставила работу и стала глядѣть въ окно. Вскорѣ на одной сторонѣ улицы изъ-за угольнаго дома показался молодой офицеръ. Румянецъ покрылъ ея щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову надъ самой канвою. Въ это время вошла Графиня, совсѣмъ одѣтая.

— Прикажи, Лизанька, сказала она, карету закладывать, и поѣдемъ прогуляться.

Лизанька встала изъ-за пяльцевъ и стала убирать свою работу.

— Что ты, мать моя! глуха, что ли? закричала Графиня. Вели скорѣй закладывать карету.

— Сейчасъ! отвѣчала тихо барышня, и побѣжала въ переднюю.

Слуга вошелъ, и подалъ Графинѣ книги отъ Князя Павла Александровича.

— Хорошо! Благодарить, сказала Графиня. Лизанька, Лизанька! да куда жъ ты бѣжишь?

— Одѣваться.

— Успѣешь, матушка. Сиди здѣсь. Раскрой-ка первый томъ; читай вслухъ...

Барышня взяла книгу и прочла нѣсколько строкъ.

— Громче! сказала Графиня. Что съ тобою, мать моя? съ голосу спала, что ли?... Погоди: подвинь мнѣ скамеечку; ближе,... ну!—

Лизавета Ивановна прочла еще двѣ страницы. Графиня зѣвнула.

— Брось эту книгу, сказала она: что за вздоръ! Отошли это Князю Павлу и вели благодарить... Да что-жъ карета?...

— Карета готова, сказала Лизавета Ивановна, взглянувъ на улицу.

— Что жъ ты не одѣта? сказала Графиня: всегда надобно тебя ждать! Это, матушка, несносно.

Лиза побѣжала въ свою комнату. Не прошло двухъ минутъ, Графиня начала звонить изо всей мочи. Три дѣвушки вбѣжали въ одну дверь, а камердинеръ въ другую.

— Что это васъ не докличешься? сказала имъ Графиня. Сказать Лизаветѣ Ивановнѣ, что я ее жду.

Лизавета Ивановна вошла въ капотѣ и въ шляпѣ.

— Наконецъ, мать моя! сказала Графиня. Что за наряды! За чѣмъ это?... кого прельщать?... А какова погода?—кажется, вѣтеръ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Ваше Сіятельство! очень тихо-съ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Вы всегда говорите наобумъ! Отворите форточку. Такъ и есть: вѣтеръ! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поѣдемъ: нечего было наряжаться.

И вотъ моя жизнь! подумала Лизавета Ивановна.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизавета Ивановна была пренесчастное созданіе. Горекъ чужой хлѣбъ, говоритъ Данте, и тяжелы ступени чужаго крыльца, а кому и знать горечь зависимости, какъ не бѣдной воспитанницѣ знатной старухи? Графиня ***, конечно, не имѣла злой души; но была своенравна, какъ женщина, избалованная свѣтомъ, скупа и погружена въ холодный эгоизмъ, какъ и всѣ старые люди, отлюбившіе въ

ГРАФИНЯ И ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА НА БАЛУ.

Рисунокъ Александра Бенуа.

свой вѣкъ и чуждые настоящему. Она участвовала во всѣхъ суетностяхъ большаго свѣта; таскалась на балы, гдѣ сидѣла въ углу, разрумяненная и одѣтая по старинной модѣ, какъ уродливое и необходимое украшеніе бальной залы; къ ней съ низкими поклонами подходили пріѣзжающіе гости, какъ по установленному обряду, и потомъ уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь городъ, наблюдая строгій этикетъ и не узнавая никого въ лице. Многочисленная челядь ея, разжирѣвъ и посѣдѣвъ въ ея передней и дѣвичьей, дѣлала, что хотѣла, наперерывъ обкрадывая умирающую старуху. Лизавета Ивановна была домашней мученицею. Она разливала чай, и получала выговоры за лишній расходъ сахара; она вслухъ читала романы, и виновата была во всѣхъ ошибкахъ автора; она сопровождала Княгиню [Графиню] въ ея прогулкахъ, и отвѣчала за погоду и за мостовую. Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; между тѣмъ требовали отъ нее, чтобъ она одѣта была, какъ и всѣ, то есть, какъ очень немногія. Въ свѣтѣ играла она самую жалкую роль. Всѣ ее знали, и никто не замѣчалъ; на балахъ она танцовала только тогда, какъ не доставало vis-à-vis, и дамы брали ее подъ руку всякой разъ, какъ имъ нужно было итти въ уборную поправить что-нибудь въ своемъ нарядѣ. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положеніе, и глядѣла кругомъ себя,—съ нетерпѣніемъ ожидала избавителя; но молодые люди, расчетливые въ вѣтреномъ своемъ тщеславіи, и не удостоивали ея вниманія, хотя Лизавета Ивановна была сто разъ милѣе наглыхъ и холодныхъ нсвѣстъ, около которыхъ они увивались. Сколько разъ, оставя тихонько скучную и пышную гостиную, она уходила плакать въ бѣдной своей комнатѣ, гдѣ стояли ширмы, оклеенныя обоями, комодъ, зеркальце и краше-

ная кровать, и гдѣ сальная свѣча темно горѣла въ мѣдномъ шандалѣ!

Однажды,—это случилось дня два послѣ вечера, описаннаго въ началѣ этой повѣсти, и за недѣлю передъ той сценой, на которой мы остановились,—однажды Лизавета Ивановна, сидя подъ окошкомъ за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу, и увидѣла молодого инженера, стоящаго неподвижно и устремившаго глаза къ ея окошку. Она опустила голову и снова занялась работой; черезъ пять минутъ взглянула опять,—молодой офицеръ стоялъ на томъ же мѣстѣ. Не имѣя привычки кокетничать съ прохожими офицерами, она перестала глядѣть на улицу, и шила около двухъ часовъ, не приподнимая головы. Подали обѣдать. Она встала, начала убирать свои пяльцы, и, взглянувъ нечаянно на улицу, опять увидѣла офицера. Это показалось ей довольно страннымъ. Послѣ обѣда она подошла къ окошку съ чувствомъ нѣкотораго безпокойства, но уже офицера не было,—и она про него забыла...

Дня черезъ два, выходя съ Княгинею [Графинею] садиться въ карету, она опять его увидѣла. Онъ стоялъ у самаго подъѣзда, закрывъ лицо бобровымъ воротникомъ: черные глаза его сверкали изъ-подъ шляпы. Лизавета Ивановна испугалась, сама не зная чего, и сѣла въ карету съ трепетомъ неизъяснимымъ.

Возвратясь домой, она подбѣжала къ окошку,—офицеръ стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, устремивъ на нее глаза: она отошла, мучась любопытствомъ и волнуемая чувствомъ, для нея совершенно новымъ.

Съ того времени не проходило дня, чтобъ молодой человѣкъ, въ извѣстный часъ, не являлся подъ окнами ихъ дома. Между имъ и ею учредились неусловленныя сношенія. Сидя на своемъ мѣстѣ за работой, она чувствовала его приближеніе,—подымала голову, смотрѣла на него съ каждымъ днемъ долѣе и долѣе. Молодой человѣкъ, казалось, былъ за то ей благодаренъ; она видѣла острымъ взоромъ молодости, какъ быстрый румянецъ покрывалъ его блѣдныя щеки всякой разъ, когда взоры ихъ встрѣчались. Черезъ недѣлю она ему улыбнулась....

Когда Томскій спросилъ позволенія представить Княгинѣ [Графинѣ] своего пріятеля, сердце бѣдной дѣвушки забилось. Но узнавъ, что Нарумовъ не инженеръ, а конногвардеецъ, она сожалѣла, что нескромнымъ вопросомъ высказала свою тайну вѣтреному Томскому.

Германнъ былъ сынъ обрусѣвшаго Нѣмца, оставившаго ему маленькій капиталъ. Будучи твердо убѣжденъ въ необходимости упрочить свою независимость, Германнъ не касался и процентовъ, жилъ однимъ жалованьемъ, не позволялъ себѣ малѣйшей прихоти. Впрочемъ, онъ былъ скрытенъ и честолюбивъ, и товарищи его рѣдко имѣли случай посмѣяться надъ его излишней бережливостью. Онъ имѣлъ сильныя страсти и огненное воображеніе, но твердость спасла его отъ обыкновенныхъ заблужденій молодости. Такъ, напримѣръ, будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки, ибо расчиталъ, что его состояніе не позволяло ему (какъ сказывалъ онъ) *жертвовать необходимымъ въ надеждѣ пріобрѣсти излишнее*,—а между тѣмъ, цѣлыя ночи просиживалъ за карточными столами, и слѣдовалъ съ лихорадочнымъ трепетомъ за различными оборотами игры.

Анекдотъ о трехъ картахъ сильно подѣйствовалъ на его воображеніе, и цѣлую ночь не выходилъ изъ его головы. — Что, если, думалъ онъ на другой день вечеромъ, бродя по Петербургу: что, если старая Графиня откроетъ мнѣ свою тайну?—или назначитъ мнѣ эти три вѣрныя карты! Почему жъ не попробовать своего счастія? Представиться ей, подбиться въ ея милость,—пожалуй, сдѣлаться ея любовникомъ,—но на все это требуется время—а ей восемьдесятъ семь лѣтъ,—она можетъ умереть черезъ недѣлю,—черезъ два дня!... Да и самый анекдотъ?... Можно ли ему вѣрить?... Нѣтъ!... расчетъ, умѣренность и трудолюбіе: вотъ мои три вѣрныя карты, вотъ что утроитъ, усемеритъ мой капиталъ, и доставитъ мнѣ покой и независимость!—

Разсуждая такимъ образомъ, очутился онъ въ одной изъ главныхъ улицъ Петербурга, передъ домомъ старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились къ освѣщенному подъѣзду. Изъ каретъ поминутно вытигивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулокъ и дипломатическій башмакъ. Шубы и плащи мелькали мимо величаваго швейцара. Германнъ остановился.

— Чей это домъ? спросилъ онъ у угловаго будочника.

— Графини ***, отвѣчалъ будочникъ.

Германнъ затрепеталъ. Удивительный анекдотъ снова представился его воображенію. Онъ сталъ ходить около дома, думая объ его хозяйкѣ и о чудной ея способности. Поздно воротился онъ въ смиренный свой уголокъ; долго не могъ заснуть, и, когда сонъ имъ овладѣлъ, ему пригрѣ(е)зались карты, зеленый столъ, кипы ассигнацій и груды червонцевъ. Онъ ставилъ карту за картой, гнулъ углы рѣшительно, выигрывалъ безпрестанно, и загребалъ къ себѣ золото, и клалъ ассигнаціи въ карманъ. Проснувшись уже поздно, онъ вздохнулъ о потерѣ своего фантастическаго богатства, пошелъ опять бродить по городу, и опять очутился передъ домомъ Графини ***. Невѣдомая сила, казалось, привлекла его къ нему. Онъ остановился, и сталъ смотрѣть на окна. Въ одномъ увидѣлъ онъ черноволосую головку, наклоненную, вѣроятно, надъ книгой или надъ работой. Головка приподнялась. Германнъ увидѣлъ свѣжее личико и черные глаза. Эта минута рѣшила его участь.

III.

Vous m'écrivez, mon ange, des lettres de quatre pages plus vite que je ne puis les lire.

Переписка.

Только Лизавета Ивановна успѣла снять капотъ и шляпу, какъ уже Графиня послала за нею, и велѣла опять подавать карету. Онѣ пошли садиться. Въ то самое время, какъ два лакея приподняли старуху и просунули въ дверцы, Лизавета Ивановна у самаго колеса увидѣла своего инженера; онъ схватилъ ея руку; она не могла опомниться отъ испугу, молодой человѣкъ исчезъ: письмо осталось въ ея рукѣ. Она спрятала его за перчатку, и во всю дорогу ничего не слыхала и не видала. Графиня имѣла обыкновеніе поминутно дѣлать въ каретѣ вопросы: кто это съ нами встрѣтился? — какъ зовутъ этотъ мостъ? — что тамъ написано на вывѣскѣ? Лизавета Ивановна на сей разъ отвѣчала наобумъ и не въ попадъ, и разсердила Графиню.

— Что съ тобою сдѣлалось, мать моя? Столбнякъ на тебя нашелъ, что ли? Ты меня или не слышишь или не понимаешь?..! Слава Богу, я не картавлю, и изъ ума еще не выжила!

Лизавета Ивановна ея не слушала. Возвратясь домой, она побѣжала въ свою комнату, вынула изъ-за перчатки письмо: оно было не запечатано. Лизавета Ивановна его прочитала. Письмо содержало въ себѣ признаніе въ любви: оно было нѣжно, почтительно и слово-въ-слово взято изъ Нѣмецкаго романа. Но Лизавета Ивановна по-Нѣмецки не умѣла и была очень имъ довольна.

Однако принятое ею письмо безпокоило ее чрезвычайно. Впервые входила она въ тайныя, тѣсныя сношенія съ молодымъ мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя въ неосторожномъ поведеніи, и не знала, что дѣлать: перестать ли сидѣть у окошка, и невниманіемъ охладить въ молодомъ офицерѣ охоту къ дальнѣйшимъ преслѣдованіямъ?—отослать ли ему письмо?—отвѣчать ли холодно и рѣшительно? Ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться, у ней не было ни подруги, ни наставницы. Лизавета Иванова рѣшилась отвѣчать.

Она сѣла за письменный столикъ, взяла перо, бумагу, — и задумалась. Нѣсколько разъ начинала она свое письмо,—и рвала его: то выраженія казались ей слишкомъ снисходительными, то слишкомъ жестокими. Наконецъ ей удалось написать нѣсколько строкъ, которыми она осталась довольна. «Я увѣрена, писала она, что вы имѣете честныя намѣренія, и что вы не хотѣли оскорбить меня необдуманнымъ поступкомъ; но знакомство наше не должно бы начинаться такимъ образомъ. Возвращаю вамъ письмо ваше, и надѣюсь, что не буду впредь имѣть причины жаловаться на незаслуженное неуваженіе.»

На другой день, увидя идущаго Германна, Лизавѣ[е]та Ивановна встала изъ-за пальцевъ, вышла въ залу, отворила форточку, и бросила письмо на улицу, надѣясь

на проворство молодого офицера. Германнъ подбѣжалъ, поднялъ его, и вошелъ въ кондитерскую лавку. Сорвавъ печать, онъ нашелъ свое письмо, и отвѣтъ Лизаветы Ивановны. Онъ того и ожидалъ, и возвратился домой, очень занятый своей интригою.

Три дня послѣ того, Лизаветѣ Ивановнѣ молоденькая, быстроглазая мамзель принесла записечку изъ модной лавки. Лизавѣта Ивановна открыла ее съ безпокойствомъ, предвидя денежныя требованія, и вдругъ узнала руку Германна.

— Вы, душенька, ошиблись, сказала она: эта записка не ко мнѣ.

— Нѣтъ, точно къ вамъ! отвѣчала смѣлая дѣвушка, не скрывая лукавой улыбки. Извольте прочитать!

Лизавета Ивановна пробѣжала записку. Германнъ требовалъ свиданія.

— Не можетъ-быть! сказала Лизавета Ивановна, испугавшись и поспѣшности требованій, и способу, имъ употребленному. Это писано вѣрно не ко мнѣ. — И разорвала письмо въ мелкіе кусочки.

— Коли письмо не къ вамъ, зачѣмъ же вы его разорвали? сказала мамзель: я бы возвратила его тому, кто его послалъ.

— Пожалуйста, душенька! сказала Лизавета Ивановна, вспыхнувъ отъ ея замѣчанія: впередъ ко мнѣ записокъ не носите. А тому, кто васъ послалъ, скажите, что ему должно быть стыдно....

Но Германнъ не унялся. Лизавета Ивановна каждый день получала отъ него письма, то тѣмъ, то другимъ образомъ. Онѣ уже не были переведены съ Нѣмецкаго. Германнъ ихъ писалъ, вдохновенный страстію, и говорилъ языкомъ, ему свойственнымъ: въ нихъ выражались и непреклонность его желаній, и безпорядокъ необузданнаго воображенія. Лизавета Ивановна уже не думала ихъ отсылать: она упивалась ими; стала на нихъ отвѣчать, — и ея записки часъ отъ часу становились длиннѣе и нѣжнѣе. Наконецъ, она бросила ему въ окошко слѣдующее письмо:

— «Сегодня балъ у ***скаго Посланника. Графиня тамъ будетъ. Мы останемся часовъ до двухъ. Вотъ вамъ случай увидѣть меня наединѣ. Какъ скоро Графиня уѣдетъ, ея люди вѣроятно разойдутся, въ сѣняхъ останется швейцарь, но и онъ обыкновенно уходитъ въ свою каморку. Приходите въ половинѣ двѣнадцатаго. Ступайте прямо на лѣстницу. Коли вы найдете кого въ передней, то вы спросите, дома ли Графиня. Вамъ скажутъ нѣтъ,— и, дѣлать нечего. Вы должны будете воротиться. Но вѣроятно вы не встрѣтите никого. Дѣвушки сидятъ у себя, всѣ въ одной комнатѣ. Изъ передней ступайте налѣво, идите все прямо до Графининой спальни. Въ спальнѣ, за ширмами, увидите двѣ маленькія двери: справа въ кабинетъ, куда Графиня никогда не входитъ; слѣва въ коридоръ, и тутъ же узенькая витая лѣстница: она ведетъ въ мою комнату.»

Германнъ трепеталъ, какъ тигръ, ожидая назначеннаго времени. Въ десять часовъ вечера онъ ужъ стоялъ передъ домомъ Графини. Погода была ужасная: вѣтеръ выл, мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; фонари свѣтились тускло; улицы были пусты. Изрѣдка тянулся Ванька на тощей клячѣ своей, высматривая запоздалаго сѣдока.—Германнъ стоялъ въ одномъ сюртукѣ, не чувствуя ни вѣтра, ни снѣга. Наконецъ Графинину карету подали. Германнъ видѣлъ, какъ лакеи вынесли подъ-руки сгорбленную старуху, укутанную въ соболью шубу, и какъ воспѣдъ за нею, въ холодномъ плащѣ, съ головой, убранною свѣжими цвѣтами, мелькнула ея воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатилась по рыхлому снѣгу. Швейцаръ заперъ двери. Окна померкли. Германнъ сталъ ходить около опустѣвшаго дома: онъ подошелъ къ фонарю, взглянулъ на часы,— было двадцать минутъ двѣнадцатаго. Онъ остался подъ фонаремъ, устремивъ глаза на часовую стрѣлку и выжидая остальныя минуты. Ровно въ половинѣ двѣнадцатаго Германнъ ступилъ на Графинино крыльцо и взошелъ въ ярко освѣщенныя сѣни. Швейцара не было. Германнъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, отворилъ двери въ переднюю, и увидѣлъ слугу, спящаго подъ лампою, въ старинныхъ, запачканныхъ креслахъ. Легкимъ и твердымъ шагомъ Германнъ прошелъ мимо его. Зала и гостиная были темны. Лампа слабо освѣщала ихъ изъ передней. Германнъ вошелъ въ спальню. Передъ кивотомъ, наполненнымъ старинными образами, теплилась золотая лампада. Полинялыя штофныя кресла и диваны съ пуховыми подушками, съ сошедшей позолотою, стояли въ печальной симетріи около стѣнъ, обитыхъ Китайскими обоями. На стѣнѣ висѣли два портрета, писанные въ Парижѣ Me Lebrun. Одинъ изъ нихъ изображалъ мужчину лѣтъ сорока, румянаго и полнаго, въ свѣтло-зеленомъ мун-

ГРАФИНЯ УѢЗЖАЕТЪ НА БАЛЪ.
Рис. Александра Бенуа.

дирѣ и со звѣздою; другой—молодую красавицу съ орлинымъ носомъ, съ зачесанными висками и съ розою въ пудренныхъ волосахъ. По всѣмъ угламъ торчали фарфоровыя пастушки, столовые часы работы славнаго Leroy, коробочки, рулетки, вѣера и разныя дамскія игрушки, изобрѣтенныя въ концѣ минувшаго столѣтія вмѣстѣ съ Монгольфьеровымъ шаромъ и Месмеровымъ магнетизмомъ. Германнъ пошелъ за ширмы. За ними стояла маленькая желѣзная кровать; справа находилась дверь, ведущая въ кабинетъ; слѣва, другая въ коридоръ. Германнъ ее отворилъ, увидѣлъ узкую, витую лѣстницу, которая вела въ комнату бѣдной воспитанницы.... Но онъ воротился и вошелъ въ темный кабинетъ.

Время шло медленно. Все было тихо. Въ гостиной пробило двѣнадцать; по всѣмъ комнатамъ часы одни за другими прозвонили двѣнадцать,—и все умолкло опять. Германнъ стоялъ, прислонясь къ холодной печкѣ. Онъ былъ спокоенъ; сердце его билось ровно, какъ у человѣка, рѣшившагося на что-нибудь опасное, но необходимое. Часы пробили первый и второй часъ утра,—и онъ услышалъ дальній стукъ кареты. Невольное волненіе овладѣло имъ. Карета подъѣхала и остановилась. Онъ услышалъ стукъ опускаемой подножки. Въ домѣ засуетились. Люди побѣжали, раздались голоса и домъ освѣтился. Въ спальню вбѣжали три старыя горничныя, и Графиня, чуть живая, вошла, и опустилась въ Вольтеровы кресла. Германнъ глядѣлъ въ щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германнъ услышалъ ея торопливые шаги по ступенямъ ея лѣстницы. Въ сердцѣ его отозвалось нѣчто похожее на угрызеніе совѣсти, и снова умолкло. Онъ окаменѣлъ.

Графиня стала раздѣваться передъ зеркаломъ. Откололи съ нее чепецъ, украшенный розами; сняли напудренный парикъ съ ея сѣдой и плотно остриженной головы. Булавки дождемъ сыпались около нея. Желтое платье, шитое серебромъ, упало къ ея распухлымъ ногамъ. Германнъ былъ свидѣтелемъ отвратительныхъ таинствъ ея

туалета: наконецъ, Графиня осталась въ спальной кофтѣ и ночномъ чепцѣ: въ этомъ нарядѣ, болѣе свойственномъ ея старости, она казалась менѣе ужасна и безобразна.

Какъ и всѣ старые люди вообще, Графиня страдала безсонницей. Раздѣвшись, она сѣла у окна въ Вольтеровы кресла, и отослала горничныхъ. Свѣчи вынесли, комната опять освѣтилась одною лампадою. Графиня сидѣла вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налѣво. Въ мутныхъ глазахъ ея изображалось совершенное отсутствіе мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качаніе страшной старухи происходило не отъ ея воли, но по дѣйствію скрытаго гальванизма.

Вдругъ это мертвое лицо измѣнилось неизъяснимо. Губы перестали шевелиться, глаза оживились: передъ Графинею стоялъ незнакомый мужчина.

— Не пугайтесь, ради Бога, не пугайтесь? сказалъ онъ внятнымъ и тихимъ голосомъ. Я не имѣю намѣренія вредить вамъ; я пришелъ умолять васъ объ одной милости.

Старуха молча смотрѣла на него и, казалось, его не слыхала. Германнъ вообразилъ, что она глуха, и наклонясь надъ самымъ ея ухомъ повторилъ ей то же самое. Старуха молчала по-прежнему.

— Вы можете, продолжалъ Германнъ, составить счастіе моей жизни, и оно ничего не будетъ вамъ стоить: я знаю, что вы можете угадать три карты сряду...

Германнъ остановился. Графиня казалось, поняла, чего отъ нее требовали; казалось, она искала словъ для своего отвѣта.

— Это была шутка, сказала она наконецъ: клянусь вамъ! это была шутка!

— Этимъ нечего шутить, возразилъ сердито Германнъ. Вспомните Чаплицкаго, которому помогли вы отыграться.

Графиня видимо смутилась. Черты ея изобразили сильное движеніе души, но она скоро впала въ прежнюю безчувственность.

— Можете ли вы, продолжалъ Германнъ, назначить мнѣ эти три вѣрныя карты?

Графиня молчала; Германнъ продолжалъ:

— Для кого вамъ беречь вашу тайну? Для внуковъ? Они богаты и безъ того; они не знаютъ и цѣны деньгамъ. Моту не помогутъ ваши три карты. Кто не умѣетъ беречь отцовское наслѣдство, тотъ все-таки умретъ въ нищетѣ, не смотря ни на какія демонскія усилія. Я не мотъ; я знаю цѣну деньгамъ. Ваши карты для меня не пропадутъ. Ну!....

Онъ остановился, и съ трепетомъ ожидалъ ея отвѣта. Графиня молчала. Германнъ сталъ на колѣни.

— Если когда-нибудь, сказалъ онъ, сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ея восторги, если вы хоть разъ улыбнулись при плачѣ новорожденнаго сына, если что нибудь человѣческое билось когда нибудь въ груди вашей, то умоляю васъ чувствами супруги, любовницы, матери,—всѣмъ, что ни есть святого въ жизни,—не откажите мнѣ въ моей просьбѣ!—откройте мнѣ вашу тайну!—что вамъ въ ней?.... Можетъ-быть она сопряжена съ ужаснымъ грѣхомъ, съ пагубою вѣчнаго блаженства, съ дьявольскимъ договоромъ.... Подумайте: вы стары; жить вамъ ужъ недолго,—я готовъ взять грѣхъ вашъ на свою душу. Откройте мнѣ только вашу тайну. Подумайте, что счастіе человѣка находится въ вашихъ рукахъ; что не только я, но дѣти мои, внуки и правнуки благословятъ вашу память и будутъ ее чтить, какъ святыню...

Старуха не отвѣчала ни слова.

Германнъ всталъ.

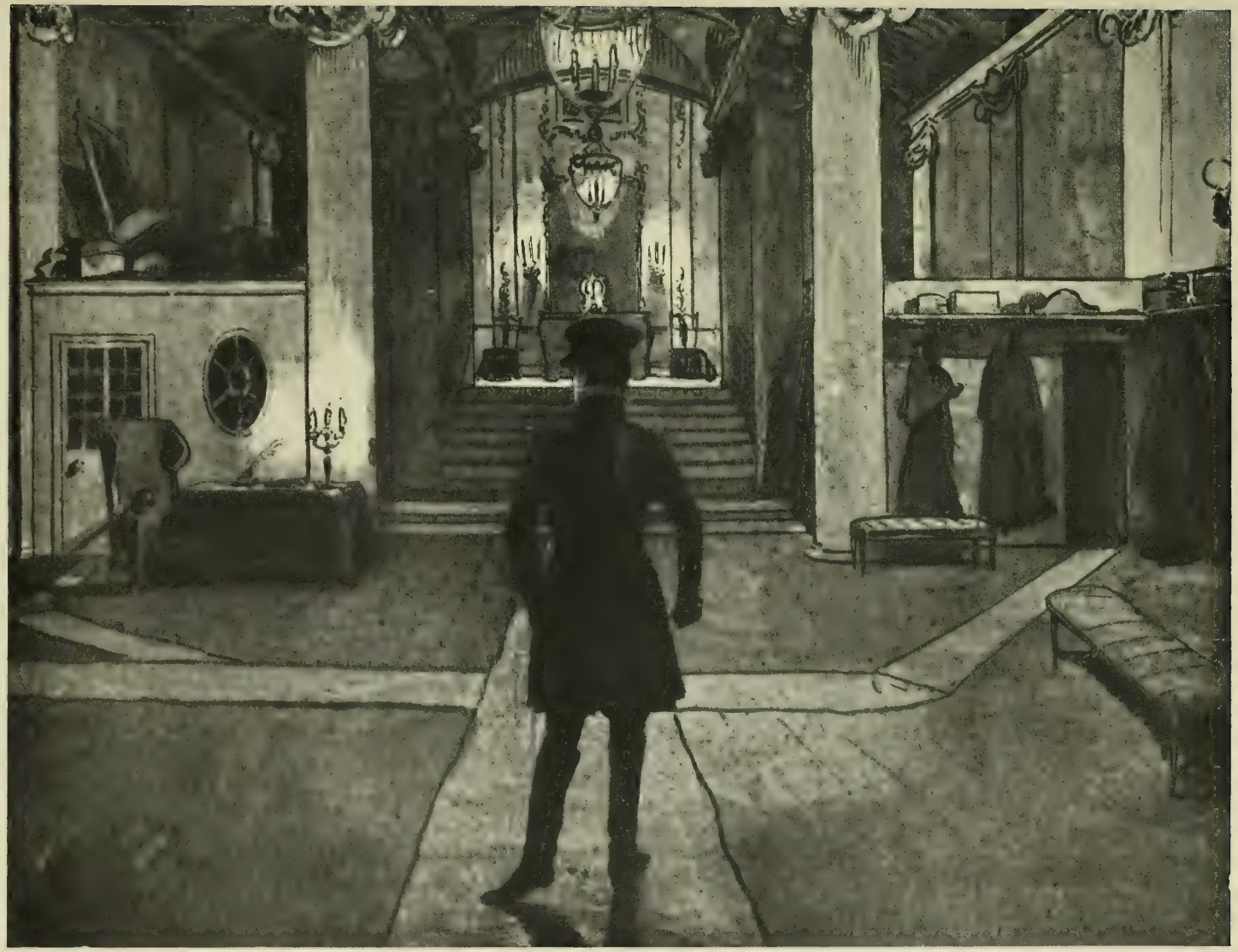
— Старая вѣдьма! сказалъ онъ, стиснувъ зубы: такъ я жъ заставлю тебя отвѣчать...

Съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ.

При видѣ пистолета Графиня во второй разъ оказала сильное чувство. Она закивала головою, и подняла руку, какъ бы заслоняясь отъ выстрѣла... Потомъ покатилась навзничь... и осталась недвижима.

— Перестаньте ребячиться, сказалъ Германнъ, взявъ ея руку. Спрашиваю въ послѣдній разъ: хотите ли назначить мнѣ ваши три карты?—да или нѣтъ?

Графиня не отвѣчала. Германнъ увидѣлъ, что она умерла.



ГЕРМАНЪ ВЪ ВЕСТИБЮЛѢ ДОМА ГРАФИНИ.

Рисунокъ Александра Бенуа.

ГЕРМАННЪ НАВОДИТЪ НА ГРАФИНЮ ПИСТОЛЕТЪ.

Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.

(Предназначался для изданія 1834 года, но своевременно не появился).

IV.

7 Mai 18**

Homme sans moeurs et sans religion!

Переписка.

Лизавета Ивановна сидѣла въ своей комнатѣ, еще въ бальномъ своемъ нарядѣ, погруженная въ глубокія размышленія. Пріѣхавъ домой, она спѣшила отослать заспанную дѣвку, нехотя предлагавшую ей свою услугу,—сказала, что раздѣнется сама, и съ трепетомъ вошла къ себѣ, надѣясь найти тамъ Германна, и желая не найти его. Съ перваго взгляда она удостовѣрилась въ его отсутствіи, и благодарила судьбу за препятствіе, помѣшавшее ихъ свиданію. Она сѣла, не раздѣваясь, и стала припоминать всѣ обстоятельства, въ такое короткое время и такъ далеко ее завлекшія. Не прошло трехъ недѣль съ той поры, какъ она въ первый разъ увидѣла въ окошко молодого человѣка,—и уже она была съ нимъ въ перепискѣ,—и онъ успѣлъ вытребовать отъ нея ночное свиданіе! Она знала имя его, потому только, что нѣкоторыя изъ его писемъ были имъ подписаны; никогда съ нимъ не говорила, не слыхала его голоса, никогда о немъ не слыхала.... до самаго его вечера. Странное

дѣло! Въ самый тотъ вечеръ, на балѣ, Томскій дуясь на молодую Княжну Полину ***, которая, противъ обыкновенія, кокетничала не съ нимъ, желалъ отомстить, оказывая равнодушіе: онъ позвалъ Елисавету [Лизавету] Ивановну, и танцовалъ съ нею безконечную мазурку. Во все время шутилъ онъ надъ ея пристрастіемъ къ инженернымъ офицерамъ, увѣрялъ, что онъ знаетъ гораздо болѣе, нежели можно было ей предполагать, и нѣкоторыя изъ его шутокъ были такъ удачно направлены, что Елисавета [Лизавета] Ивановна думала нѣсколько разъ, что ея тайна была ему извѣстна.

— Отъ кого вы все это знаете? спросила она смѣясь.

— Отъ пріятеля извѣстной вамъ особы, отвѣчалъ Томскій: человѣка очень замѣчательнаго!

— Кто жъ этотъ замѣчательный человѣкъ?

— Его зовутъ Германномъ.

Елизавета [Лизавета] Ивановна не отвѣчала ничего, но ея руки и ноги поледенѣли....

— Этотъ Германнъ, продолжалъ Томскій, лице истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совѣсти по крайней мѣрѣ три злодѣйства. Какъ вы поблѣднѣли!....

— У меня голова болитъ.... Что же говорилъ вамъ Германнъ—или какъ бишь его?....

— Германнъ очень недоволенъ своимъ пріятелемъ: онъ говоритъ, что на его мѣстѣ онъ поступилъ бы совсѣмъ иначе.... Я даже полагаю, что Германнъ самъ имѣетъ на васъ виды, по крайней мѣрѣ онъ очень неравнодушно слушаетъ влюбленныя восклицанія своего пріятеля.

— Да гдѣ жъ онъ меня видѣлъ?

— Въ церкви, можетъ-быть—на гуляньѣ!.... Богъ его знаетъ! можетъ быть, въ вашей комнатѣ, во время вашего сна: отъ него станетъ...

Подошедшія къ нимъ три дамы съ вопросами: oubli ou regret?—прервали разговоръ, который становился мучительно любопытенъ для Лизаветы Ивановны.

Дама, выбранная Томскимъ, была сама Княжна***. Она успѣла съ нимъ изъясниться, обѣжавъ лишній кругъ и лишній разъ повертѣвшись передъ своимъ стуломъ.— Томскій, возвратясь на свое мѣсто, уже не думалъ ни о Германнѣ, ни о Лизаветѣ Ивановнѣ. Она непремѣнно хотѣла возобновить прерванный разговоръ; но мазурка кончилась, и вскорѣ послѣ старая Графиня уѣхала.

Слова Томскаго были не что иное, какъ мазурочная болтовня, но они глубоко заронились въ душу молодой мечтательницы. Портретъ, набросанный Томскимъ, сходствовалъ съ изображеніемъ, составленнымъ ею самою, и, благодаря новѣйшимъ романамъ, это, уже пошлое лице, пугало и плѣняло ея воображеніе. Она сидѣла, сложа крестомъ голыя руки, наклонивъ на открытую грудь голову, еще убранную цвѣтами.... Вдругъ дверь отворилась, и Германнъ вошелъ. Она затрепетала....

— Гдѣ же вы были? спросила она испуганнымъ шепотомъ.

— Въ спальнѣ у старой Графини, отвѣчалъ Германнъ: я сейчасъ отъ нее. Графиня умерла.

— Боже мой!... что вы говорите?...

— И кажется, продолжалъ Германнъ, я причиною ея смерти.

Лизавета Ивановна взглянула на него, и слова Томскаго раздались въ ея душѣ: *у этого человѣка по крайней мѣрѣ три злодѣйства на душѣ!* Германнъ сѣлъ на окошко подлѣ нее, и все разсказалъ.

Лизавета Ивановна выслушала его съ ужасомъ. И такъ эти страстныя письма, эти пламенныя требованія, это дерзкое, упорное преслѣдованіе, все это было не любовь! Деньги,—вотъ чего алкала его душа! Не она могла утолить его желанія и осчастливить его! Бѣдная воспитанница была не что иное, какъ слѣпая помощница разбойника, убійцы старой ея благодѣтельницы!.... Горько заплакала она, въ позднемъ мучительномъ своемъ раскаяніи. Германнъ смотрѣлъ на нее молча: сердце его также терзалось, но ни слезы бѣдной дѣвушки, ни удивительная прелесть ея горести не тревожили суровой души его. Онъ не чувствовалъ угрызенія совѣсти при мысли о мертвой старухѣ. Одно его ужасало: невозвратимая потеря тайны, отъ которой ожидалъ обогащенія.

— Вы чудовище! сказала наконецъ Лизавета Ивановна.

Я не хотѣлъ ея смерти, отвѣчалъ Германнъ: пистолетъ мой не заряженъ.

Они замолчали.

Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свѣчу: блѣдный свѣтъ озарилъ ея комнату. Она отерла заплаканные глаза, и подняла ихъ на Германна: онъ сидѣлъ на окошкѣ, сложа руки и грозно нахмурясь. Въ этомъ положеніи

ГЕРМАННЪ СКВОЗНЫМЪ КОРРИДОРОМЪ ВЫХОДИТЪ НА УЛИЦУ.
Рисунокъ Александра Бенуа.

удивительно напоминалъ онъ портретъ Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну.

— Какъ вамъ выйти изъ дому? сказала наконецъ Лизавета Ивановна. Я думала провести васъ по потаенной лѣстницѣ, но надобно итти мимо спальни, а я боюсь.

— Разскажите мнѣ, какъ найти эту потаенную лѣстницу; я выйду.

Лизавета Ивановна встала, вынула изъ комода ключъ, вручила его Германну и дала ему подробное наставленіе. Германнъ пожалъ ея холодную, безотвѣтную руку, поцѣловалъ ея наклоненную голову и вышелъ.

Онъ спустился внизъ по витой лѣстницѣ, и вошелъ опять въ спальню Графини. Мертвая старуха сидѣла, окаменѣвъ; но лице ея выражало глубокое спокойствіе. Германнъ остановился передъ нею, долго смотрѣлъ на нее, какъ бы желая удостовѣриться въ ужасной истинѣ; наконецъ вошелъ въ кабинетъ, ощупалъ за обоями дверь, и сталъ сходить по темной лѣстницѣ, волнуемый странными чувствованіями. По этой самой лѣстницѣ, думалъ онъ, можетъ-быть лѣтъ шестьдесятъ назадъ, въ эту самую спальню, въ такой же часъ, въ шитомъ кафтанѣ, причесанный à l'oiseau royal, прижимая къ сердцу треугольную свою шляпу, прокрадывался молодой счастливецъ, давно уже истлѣвшій въ могилѣ, а сердце престарѣлой его любовницы сегодня перестало биться....

Подъ лѣстницею Германнъ нашелъ дверь, которую отперъ тѣмъ же ключемъ, и очутился въ сквозномъ корридорѣ, выведшемъ его на улицу.

V.

Въ эту ночь явилась ко мнѣ покойница Баронесса фонъ В***. Она была вся въ бѣломъ и сказала мнѣ: «здравствуйте, господинъ Совѣтникъ!»

Шведенборгъ.

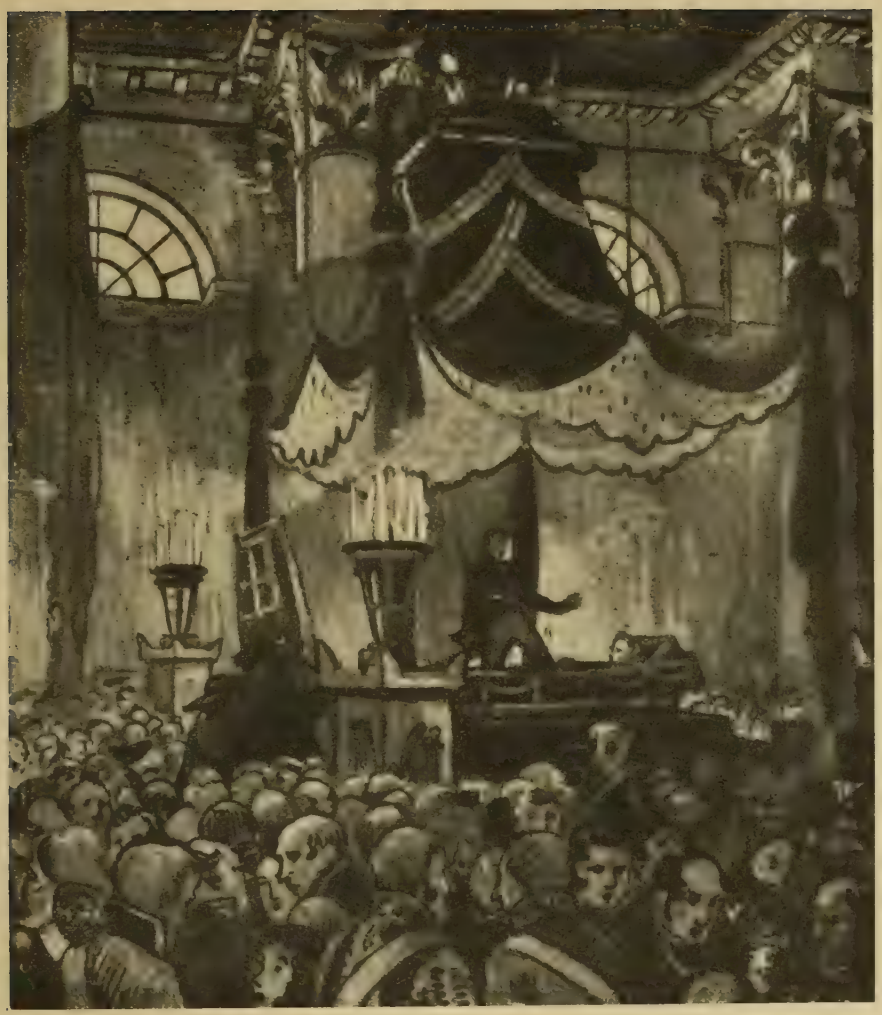
Три дня послѣ роковой ночи, въ девять часовъ утра, Германнъ отправился въ *** монастырь, гдѣ должны были отпѣвать тѣло усопшей Графини. Не чувствуя раскаянія, онъ не могъ однако совершенно заглушить голосъ совѣсти, твердившей ему: ты убійца старухи! Имѣя мало истинной вѣры, онъ имѣлъ множество предразсудковъ. Онъ вѣрилъ, что мертвая Графиня могла имѣть вредное вліяніе на его жизнь,— и рѣшился явиться на ея похороны, чтобы испросить у ней прощеніе.

Церковь была полна. Германнъ насилу могъ пробраться сквозь толпу народа. Гробъ стоялъ на богатомъ катафалкѣ подъ бархатнымъ балдахиномъ. Усопшая лежала въ немъ съ руками, сложенными на груди, въ кружевномъ чепцѣ и въ бѣломъ атласномъ платьѣ. Кругомъ стояли ея домашніе: слуги въ черныхъ кафтанахъ съ гербовыми лентами на плечѣ, и со свѣчами въ рукахъ; родственники въ глубокомъ траурѣ,—дѣти, внуки и правнуки. Никто не плакалъ; слезы были бы—une affectation. Графиня такъ была стара, что ея смерть никого не могла поразить, и что ея родственники давно смотрѣли на нее, какъ на отжившую. Молодой Архіерей произнесъ надгробное слово. Въ простыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ представилъ онъ мирное успеніе праведницы, которой долгіе годы были тихимъ, умилительнымъ приготовленіемъ къ Христіанской кончинѣ. «Ангелъ смерти обрѣлъ ее, сказалъ ораторъ, бодрствующую въ помышленіяхъ благихъ и въ ожиданіи жениха полунощнаго». Служба совершилась съ печальнымъ приличіемъ. Родственники первые пошли прощаться съ тѣломъ. Потомъ двинулись и многочисленные гости, пріѣхавшіе поклониться той, которая такъ давно была участницей въ ихъ суетныхъ увеселеніяхъ. Послѣ нихъ и всѣ домашніе. Наконецъ приблизилась старая барская барыня, ровесница покойницы. Двѣ молодыя дѣвушки вели ее подъ руки. Она не въ силахъ была поклониться до земли,— и одна пролила нѣсколько слезъ, поцѣловавъ холодную руку госпожи своей. Послѣ нее(я) Германнъ рѣшился подойти къ гробу. Онъ поклонился въ землю, и нѣсколько минутъ лежалъ на холодномъ полу усыпанномъ ельникомъ. Наконецъ приподнялся, блѣденъ какъ сама покойница, взошелъ на ступени катафалка и наклонился... Въ эту минуту показалось ему что мертвая насмѣшливо взглянула на него, прищуривая однимъ глазомъ. Германнъ, поспѣшно подавшись назадъ, опустился, и навзничь грянулся объ земь. Его подняли. Въ то же самое время Лизавету Ивановну вынесли въ обморокѣ на паперть. Этотъ эпизодъ возмутилъ на нѣсколько минутъ торжественность мрачнаго обряда. Между посѣтителями поднялся глухой ропотъ, а худощавый Камергеръ, близкій родственникъ покойницы, шепнулъ на ухо стоящему подлѣ него Англичанину, что молодой офицеръ ея побочный сынъ, на что Англичанинъ отвѣчалъ холодно: Oh?

Цѣлый день Германнъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Обѣдая въ уединенномъ трактирѣ, онъ, противъ обыкновенія своего, пилъ очень много, въ надеждѣ заглушить внутреннее волненіе. Но вино еще болѣе горячило его воображеніе. Возвратясь домой, онъ бросился, не раздѣваясь, на кровать, и крѣпко заснулъ.

Онъ проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Онъ взглянулъ на часы: было безъ четверти три. Сонъ у него прошелъ: онъ сѣлъ на кровать, и думалъ о похоронахъ старой Графини.

Въ это время, кто-то съ улицы взглянулъ къ нему въ окошко,—и тотчасъ отошелъ. Германнъ не обратилъ на то ни какого вниманія. Черезъ минуту услышалъ онъ, что отпирали дверь въ передней комнатѣ. Германнъ думалъ, что денщикъ его, пьяный по своему обыкновенію, возвращался съ ночной прогулки. Но онъ услышалъ незнакомую походку: кто-то ходилъ, тихо шаркая туфлями. Дверь отворилась, вошла женщина въ бѣломъ платьѣ. Германнъ принялъ ее за свою старую корми-



ГЕРМАННЪ У ГРОБА ГРАФИНИ.
Рисунокъ Александра Бенуа.

лицу, и удивился, что могло привести ее въ такую пору? Но бѣлая женщина, скользнувъ, очутилась вдругъ передъ нимъ,—и Германнъ узналъ Графиню!

— Я пришла къ тебѣ противъ своей воли, сказала она твердымъ голосомъ: но мнѣ велѣно исполнить твою просьбу. Тройка, семерка и тузъ выиграютъ тебѣ сряду,— но съ тѣмъ, чтобы ты въ сутки болѣе одной карты не ставилъ, и чтобъ на всю жизнь уже послѣ не игралъ. Прощаю тебѣ мою смерть, съ тѣмъ, чтобы ты женился на моей воспитанницѣ Лизаветѣ Ивановнѣ....

Съ этимъ словомъ она тихо повернулась, пошла къ дверямъ, и скрылась, шаркая туфлями. Германнъ слышалъ, какъ хлопнула дверь въ сѣняхъ, и увидѣлъ, что кто-то опять поглядѣлъ къ нему въ окошко.

Германнъ долго не могъ опомниться. Онъ вышелъ въ другую комнату. Денщикъ его спалъ на полу; Германнъ насилу его добудился. Денщикъ былъ пьянъ по обыкновенію: отъ него нельзя было добиться ни какого толку. Дверь въ сѣни была заперта. Германнъ возвратился въ свою комнату, засвѣтилъ свѣчку и записалъ свое видѣніе.

VI.

— *Атàнде!*
— Какъ вы смѣли мнѣ сказать *атàнде?*
— Ваше Превосходительство, я сказалъ *атàнде-съ!*

Двѣ неподвижныя идеи не могутъ вмѣстѣ существовать въ нравственной Природѣ, такъ же, какъ два тѣла не могутъ въ физическомъ мірѣ занимать одно и то же мѣсто. Тройка, семерка, тузъ—скоро заслонили въ воображеніи Германна образъ мертвой старухи. Тройка, семерка, тузъ—не выходили изъ его головы и шевелились на его губахъ. Увидѣвъ молодую дѣвушку, онъ говорилъ: Какъ она стройна!.... Настоящая тройка червонная. У него спрашивали: который часъ: онъ отвѣчалъ:—безъ пяти минутъ семерка.—Всякой пузастый мужчина напоминалъ ему туза. Тройка, семерка, тузъ—преслѣдовали его во снѣ, принимая всѣ возможные виды. Тройка цвѣла передъ нимъ въ образѣ пышнаго грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, тузъ огромнымъ паукомъ. Всѣ мысли его слились въ одну,—воспользоваться тайной, которая дорого ему стоила. Онъ сталъ думать объ отставкѣ и о путешествіи. Онъ хотѣлъ въ открытыхъ игрецкихъ домахъ Парижа вынудить кладъ у очарованной фортуны. Случай избавилъ его отъ хлопотъ.

Въ Москвѣ составилось общество богатыхъ игроковъ, подъ предсѣдательствомъ славнаго Чекалинскаго, проведшаго весь вѣкъ картами и нажившаго нѣкогда милліоны, выигрывая векселя и проигрывая чистыя деньги. Долговременная опытность заслужила ему довѣренность товарищей, а открытый домъ, славный поваръ, ласковость и веселость пріобрѣли уваженіе публики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Молодежь къ нему нахлынула, забывая балы для картъ и предпочитая соблазны фараона обольщеніямъ волокитства. Нарумовъ привезъ къ нему Германна.

Они прошли рядъ великолѣпныхъ комнатъ, наполненныхъ учтивыми офиціантами. Нѣсколько Генераловъ и Тайныхъ Совѣтниковъ играли въ вистъ; молодые люди сидѣли, развалясь на штофныхъ диванахъ, ѣли мороженое и курили трубки. Въ гостиной за длиннымъ столомъ, около котораго тѣснилось человѣкъ двадцать игроковъ, сидѣлъ хозяинъ и металъ банкъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, самой почтенной наружности; голова покрыта была серебряной сѣдиною; полное и свѣжее лицо изображало добродушіе; глаза блистали, оживленные всегдашнею улыбкою. Нарумовъ представилъ ему Германна. Чекалинскій дружески пожалъ ему руку, просилъ не церемониться, и продолжалъ метать.

Талья длилась долго. На столѣ стояло болѣе тридцати картъ. Чакалинскій останавливался послѣ каждой прокидки, чтобы дать играющимъ время распорядиться, записывалъ проигрышъ, учтиво вслушивался въ ихъ требованія, еще учтивѣе отгибалъ лишній уголъ, загибаемый разсѣянною рукою. Наконецъ талья кончилась. Чекалинскій стасовалъ карты, и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, сказалъ Германнъ, протягивая руку изъ-за толстаго господина, тутъ-же понтировавшаго.

Чекалинскій улыбнулся и поклонился молча, въ знакъ покорнаго согласія. Нарумовъ, смѣясь, поздравилъ Германна съ разрѣшеніемъ долговременнаго поста, и пожелалъ ему счастливаго начала.

— Идетъ! сказалъ Германнъ, подписавъ мѣломъ кушъ надъ своею картою.

— Сколько-съ? спросилъ, прищуриваясь, банкометъ; извините-съ, я не разгляжу.

— Сорокъ семь тысячъ, отвѣчалъ Германнъ.

При этихъ словахъ, всѣ головы обратились мгновенно и всѣ глаза устремились на Германна. Онъ съ ума сошелъ! подумалъ Нарумовъ.

— Позвольте замѣтить вамъ, сказалъ Чекалинскій съ неизмѣнной своею улыбкою, что игра ваша сильна: никто болѣе двухъ сотъ семи десяти пяти семпелемъ здѣсь еще не ставилъ.

— Что жъ? возразилъ Германнъ: бьете вы мою карту или нѣтъ?

Чекалинскій поклонился съ видомъ того же смиреннаго согласія.

— Я хотѣлъ только вамъ доложить, сказалъ онъ, что, будучи удостоенъ довѣренности товарищей, я не могу метать иначе, какъ на чистыя деньги. Съ моей стороны я конечно увѣренъ, что довольно вашего слова, но для порядка игры и счетовъ, прошу васъ поставить деньги на карту.

Германнъ вынулъ изъ кармана банковый билетъ, и подалъ его Чекалинскому, который, бѣгло посмотрѣвъ его, положилъ на Германнову карту.

Онъ сталъ метать. На право легла десятка, на лѣво тройка.

— Выиграла! сказалъ Гарманнъ, показывая свою карту.

Между игроками поднялся шопотъ. Чекалинскій нахмурился, но улыбка тотчасъ возвратилась на его лице.

— Изволите получить? спросилъ онъ Гарманна.

— Сдѣлайте одолженіе.

Чекалинскій вынулъ изъ кармана нѣсколько банковыхъ билетовъ, и тотчасъ расчелся. Германнъ принялъ свои деньги и отошелъ отъ стола. Нарумовъ не могъ опомниться. Германнъ выпилъ стаканъ лимонаду и отправился домой.

На другой день, вечеромъ, онъ опять явился у Чекалинскаго. Хозяинъ металъ. Германнъ подошелъ къ столу; понтеры тотчасъ дали ему мѣсто. Чекалинскій ласково ему поклонился.

Германнъ дождался новой тальи, поставилъ карту, положивъ на нее свои сорокъ семь тысячь и вчерашній выигрышъ.

Чекалинскій сталъ метать. Валетъ вышелъ на право, семерка на лѣво.

Германнъ открылъ семерку.

Всѣ ахнули. Чекалинскій видимо смутился. Онъ отсчиталъ девяносто четыре тысячи и передалъ Германну. Германнъ принялъ ихъ съ хладнокровіемъ, и въ ту же минуту удалился.

На слѣдующій вечеръ Германнъ явился опять у стола. Всѣ его ожидали. Генералы и Тайные Совѣтники оставили свой вистъ, чтобъ видѣть игру, столь необыкновенную. Молодыя[е] офицеры соскочили съ диванов, всѣ офиціанты собрались въ гостиной. Всѣ обступили Германна. Прочіе игроки не поставили своихъ картъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, чѣмъ онъ кончитъ. Германнъ стоялъ у стола, готовясь одинъ понтировать противу блѣднаго, но все улыбающагося Челак[кал]инскаго. Каждый распечаталъ колоду картъ. Чекалинскій стасовалъ. Германнъ снялъ, и поставилъ свою карту, покрывъ ее кипой банковыхъ билетовъ. Это похоже было на поединокъ. Глубокое молчаніе царствовало кругомъ.

Чекалинскій сталъ метать, руки его тряслись. На право легла дама, на лѣво тузъ.

— Тузъ выигралъ! сказалъ Германнъ и открылъ свою карту.

— Дама ваша убита, сказалъ ласково Чекалинскій.

Германнъ вздрогнулъ: въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто туза у него стояла пиковая дама. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не понимая, какъ могъ онъ обдернуться.

Въ эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмѣхнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! закричалъ онъ въ ужасѣ.

Чекалинскій потянулъ къ себѣ проигранные билеты. Германнъ стоялъ неподвижно. Когда отошелъ онъ отъ стола, поднялся шумный говоръ. — Славно спонтировалъ! говорили игроки.—Чекалинскій снова стасовалъ карты: игра пошла своимъ чередомъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Германнъ сошелъ съ ума. Онъ сидитъ въ Обуховской больницѣ, въ 17 нумерѣ, не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы, и бормочетъ необыкновенно скоро:—Тройка, семерка, тузъ! Тройка, семерка, дама!...

Лизавета Ивановна вышла замужъ за очень любезнаго молодого человѣка; онъ гдѣ-то служитъ и имѣетъ порядочное состояніе: онъ сынъ бывшаго управителя у старой Графини. У Лизаветы [Ивановны] воспитывается бѣдная родственница.

Томскій произведенъ въ Ротмистры и женится на Княжнѣ Полинѣ.

ПРОЗАИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ 1833—1835 гг.

849. ИЗЪ WORDSWORTH.

Лѣтнее утро. Авторъ доходитъ до развалившейся хижины въ деревнѣ, и тамъ встрѣчаетъ почтеннаго друга — путешественника. [Дальше почти стершійся карандашній набросокъ не поддается чтенію. См. исторію текста].

850. [ИЗЪ ПОСВЯЩЕНІЯ «ЧАЙЛЬДЪ ГАРОЛЬДА» БАЙРОНА].

Ни въ краяхъ, по коимъ я странствовалъ и гдѣ красота издавна почиталась совершенствомъ; ни въ видѣніяхъ по коимъ сердце воздыхаетъ, сожалѣя, что они — пустыя грезы, ничего, тебѣ подобнаго, ни во снѣ, ни на яву не являлось мнѣ. Тщетно захотѣлъ бы я описать измѣнчивыя и блестящія твои прелести. Для того, кто не видѣлъ тебя, слова мои были бы слабы; для того, кто тебѣ видѣлъ, какая рѣчь можетъ ихъ выразить?

Останься вѣкъ тою же, что ты теперь, достойная обѣщаній весны твоей, прекрасна видомъ, сердцемъ горяча и безпорочна, образъ на землѣ безкрылой любви необманчивая передъ воображеніемъ Надежды! И вѣрно та, которая съ такою нѣжностью бережетъ юность твою, видитъ въ минутномъ ея сіяніи небесную радугу будущихъ годовъ, предъ которой всѣ печали исчезаютъ.

Юная Пери Запада! Щастливъ я, что мои года почти вдвое превышаютъ твои лѣта, безсмертной взоръ мой можетъ тебя видѣть не смущаясь и безопасно глядѣть на блескъ разцвѣтающей твоей красоты. Щастливъ я, что не увижу ея въ увяданіи; щастливѣе тѣмъ, что пока молодыя сердца истекать будутъ кровью, мое избѣжитъ участь, предопредѣленную твоими глазами даже и тому, чье удивленіе восторжествуетъ, но смѣшанное съ муками, опредѣленными самымъ щастливѣйшимъ часамъ любви.

О, пусть эти очи, тихія, какъ у газели, то ясно смѣлыя, то прекрасно стыдливыя, увлекательныя, когда сверкаютъ, ослѣпляющія, когда недвижимы, блеснутъ на страницу сію!

851. [ИЗЪ САФО].

Пѣсенка Афродитѣ.

О Венера безсмертная, драгоцѣнно-престольная (разно - каменно - престольная), хитрая, обманчивая дщерь Юпитера прошу тебя: не огорчай меня, о Богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала, оставивъ златой отцовскій домъ, ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые по воздуху несли (везли) тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая.—Лишь только были они отпряжены, ты, о Богиня щастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицомъ спрашиваешь меня чѣмъ я огорчена и зачѣмъ тебя (здѣсь) я позвала? что ты хочешь изъ себя сдѣлать въ любовномъ изступленіи? кого я должна слушать? кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь онъ тебя избѣгаетъ, скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если подарковъ не присылаетъ, скоро будетъ давать. Если теперь не любитъ, скоро полюбитъ. — Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь, избавь меня отъ печали тяжкой,—и то, что сердце мое хочетъ совершить, совершн сама, о Венера, и будь моей помощницей...

Діонизіи.

Тотъ мнѣ кажется равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголящую и улыбаясь приятно, то что мнѣ сердце въ груди наполнило страхомъ какъ только тебя увидѣла—теряю голосъ—языкъ мой ломается,—огонь проникаетъ въ мою кожу,—въ ушахъ звенитъ, и глаза покрываются ночью, и холодный потъ течетъ, дрожь по всему [пазамъ?] тѣлу—я становлюсь зеленѣе травы—боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна...

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.

Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства,
Любви плѣнительные спы,
Да нравы нашей старины.

Такъ говорилъ Пушкинъ за 12 лѣтъ до появленія въ печати «Капитанской Дочки», говорилъ, обращаясь съ улыбкой къ прозаическимъ бреднямъ, «къ пестрому сору» Фламандской школы, но сквозь эту улыбку, сквозь этотъ юморъ прорывалось искреннее влеченіе къ этому пестрому сору, и въ этихъ немногихъ словахъ сказалось предвидѣніе художникомъ своего будущаго. По мѣрѣ того, какъ наставалъ полдень поэта, по мѣрѣ того, какъ поэтъ прощался со своей легкой юностью и пускался въ новый путь «отъ жизни прошлой отдохнуть»—романъ «на старый ладъ» все болѣе и болѣе оттанавливалъ на себѣ его вниманіе и въ 1834—1836 гг. Пушкинъ осуществилъ программу, начертанную имъ въ 1824 г. Предвидѣніе художника оказалось слишкомъ точнымъ: этотъ романъ на старый ладъ—«Капитанская Дочка»—дѣйствительно занялъ закатъ поэта... «Капитанская Дочка»—вѣнецъ творчества Пушкина-прозаика—является завершеніемъ стремленій Пушкина, уходящихъ въ глубь 20-хъ годовъ, а послѣдовательными ступенями ихъ были: «Арапъ Петра Великаго», «Повѣсти Бѣлкина», «Дубровскій»... Общее всѣмъ имъ—простой пересказъ «смиренной прозой» преданій русскаго семейства, да нравовъ нашей старины.

Ни одно изъ произведеній Пушкина, за исключеніемъ «Евгенія Онѣгина», не занимало такъ долго его вниманія, какъ «Капитанская Дочка» и недаромъ Бѣлинскій называетъ ее «Евгеніемъ Онѣгинымъ» въ прозѣ: «Капитанская Дочка» писалась 4 года, создавалась же болѣе 10 лѣтъ—корни «Капитанской Дочки» уходятъ, какъ мы видѣли, къ 24—26 году, къ той порѣ, которую можно охарактеризовать, какъ окончаніе періода Stürm'овъ и Dräng'овъ, какъ пору примиренія съ жизнью или лучше, словами самого поэта,—какъ пору его полудня.

Очень трудна задача полнаго возстановленія процесса созданія «Капитанской Дочки», процесса выполненія программы романа, обѣщаннаго въ шутливой формѣ Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ». Можно только набросать планъ этого процесса, пересказать слагаемыя романа.

I.

Въ 1824 году Пушкинъ говорилъ о прозѣ съ оттѣнкомъ шутливаго презрѣнія—онъ предвидитъ, что въ него вселится новый бѣсъ, что онъ «унизится» до «смиренной прозы».

Въ 1826 году поэта

Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью рифму гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

Къ 30-мъ годамъ Пушкинъ перестаетъ быть лирикомъ въ собственномъ смыслѣ, не оставляя поэзіи, не оставляя поэтической формы. Творчество его, по самой природѣ своей объективное, теряетъ совершенно характеръ поэтическаго дневника, лирическихъ признаній.

Въ 30-хъ годахъ, сверхъ того, мы замѣчаемъ пониженіе поэтическаго творчества Пушкина, часто слышимъ мы сѣтованія поэта, что рифмы бѣгутъ отъ него. Съ тѣмъ бо́льшею энергіей поэтъ обращается къ прозѣ.

Не слѣдуетъ забывать и другихъ стимуловъ устремленія Пушкина къ прозѣ. Пушкинъ вполнѣ сознавалъ, что искусство поднято имъ на небывало высокую ступень въ Россіи. Поэзія, бывшая до Пушкина чѣмъ-то въ родѣ пріятнаго прохладительнаго напитка, становится жречествомъ, поэтъ получаетъ званіе жреца и пророка. Но проза... проза, разбуженная Карамзинымъ, въ эпоху Пушкина еще только выходила изъ младенческаго состоянія. «Положимъ что русская поэзія достигла уже высокой степени образованности,—писалъ Пушкинъ [1]): просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но ученость, политика и философія еще по-русски не изъяснялись; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы вынуждены создавать обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны». Пушкинъ не могъ себѣ представить нашихъ дамъ съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ, письмо Татьяны, его милой Тани, онъ принужденъ переводить съ французскаго. Татьяна, какъ и Полина (въ отрывкѣ «Рославлевъ»), не читала по-русски, по той простой причинѣ, что ничего и не писалось. Дама, отъ лица которой ведется разсказъ въ «Рославлевѣ», говоритъ: «Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старѣе Ломоносова и чрезвычайно ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя же атъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ мы имѣемъ только «Исторію» Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ; между тѣмъ, какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, одна другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другой... Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы русскія книги, похожи на жалобы русскихъ торговокъ, негодующихъ на то, что мы шляпы наши покупаемъ у Сихлеръ, а не довольствуемся произведеніями костромскихъ модистокъ...» Дать въ руки русскимъ читателямъ русскую книгу, которая оставляла бы далеко позади себя «произведенія костромскихъ модистокъ»—толпы подражателей Вальтеръ Скота, помѣряться силами и, быть можетъ, превзойти самаго «шотландскаго чародѣя»—задача эта становится на очередь уже съ середины 20-хъ годовъ. Еще въ юности своей Пушкинъ совѣтовалъ писателямъ прислушиваться къ рѣчамъ московскихъ просвирень, и самъ Пушкинъ не переставалъ учиться русскому языку... Поэтъ говорившій, что «la langue de l'Europe m'est plus familière que la nôtre», создалъ простой, безыскусственный и полный необычной для того времени красоты языкъ—въ Борисѣ Годуновѣ.

Первое прозаическое произведеніе—неоконченный романъ «Арапъ Петра Великаго» свидѣтельствуетъ уже о необычайномъ развитіи Пушкинскаго прозаическаго языка. Съ тѣхъ поръ Пушкинъ не перестаетъ писать прозой («Повѣсти Бѣлкина», «Дубровскій» etc.), съ тѣхъ поръ языкъ Пушкина,

---

[1]) О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова.

обработанный классическій языкъ, не перестаетъ эволюціонировать, обогащаясь съ искусствомъ употребленными архаизмами, неологизмами и варваризмами. Завершеніемъ этой эволюціи прозы Пушкина является «Капитанская Дочка»—самое совершенное и самое безукоризненное произведеніе его въ художественной прозѣ.

Въ эпоху созданія «Капитанской Дочки» Пушкинъ уже не могъ говорить, что «la langue de l'Europe m'est plus familière que la nôtre: въ 20-хъ годахъ Пушкинъ писалъ по-русски, думая по-французски, въ 30-хъ онъ и пишетъ и думаетъ по-русски, только по-русски [1]).

II.

«Въ наше время подъ словомъ романъ разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собой цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ шотландскаго чародѣя!..»

«Дѣйствіе Вальтеръ Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности...»

Приведенные нами два отрывка изъ «Литературной» газеты 1830 г. достаточно говорятъ о пониманіи Пушкинымъ значенія и вліянія Вальтеръ Скотта. Самъ Пушкинъ—русскій чародѣй — подпалъ подъ обаяніе шотландскаго чародѣя. Но въ то время, какъ наши костромскія модистки жалко топтались на мѣстѣ, наивно и неумѣло подражая Вальтеръ Скотту, Пушкинъ создавалъ замѣчательнѣйшій русскій романъ: Вальтеръ Скоттъ далъ толчокъ новымъ силамъ Пушкина, до тѣхъ поръ дремавшимъ въ немъ. Начало чтенія Пушкинымъ В. Скотта надо относить къ 20 годамъ, но настоящее увлеченіе имъ къ 30 годамъ [2]).

Приведенные нами отрывки относятся къ 1830 г. Въ 1831 въ отрывкѣ «Съ французскаго», слишкомъ явно носящемъ автобіографическій характеръ (не для того-ли, чтобы замаскировать послѣдній, Пушкинъ назвалъ его «Съ французскаго»: извѣстно, что подобнаго рода мистификація не была чужда Пушкину), лошадь героя называется Женни (не въ честь-ли Джени, героини «Эдинбургской темницы» Вальтеръ Скотта?), самъ же герой разсказываетъ о себѣ, что въ ресторація онъ читаетъ новый романъ или журналы,—«если же Вальтеръ Скоттъ и Куперъ ничего не написали, а въ газетахъ нѣтъ какого нибудь уголовнаго процесса—то требую бутылку шампанскаго...» и т. д.

По мѣрѣ того, какъ Пушкинъ все болѣе и болѣе увлекался В. Скоттомъ, «Капитанская Дочка» вырисовывалась передъ нимъ все яснѣе и яснѣе: мы не можемъ приписать простой случайности, что имя Вальтеръ Скотта встрѣчается въ письмахъ Пушкина чаще всего въ эпоху созданія и работы поэта надъ «Капитанской Дочкой».

Въ сентябрѣ 1834 года Пушкинъ пишетъ женѣ изъ Болдина: «Читаю Вальтеръ-Скотта и Библію...» 21-го сентября 1835 г. (ей же «Я взялъ у нихъ (у Вревскихъ) Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалѣю, что не взялъ съ собою Англійскаго...», 25-го сентября (1835 годъ): «... Гуляю пѣшкомъ и верьхомъ, читаю романы В. Скотта, отъ которыхъ въ восхищеніи, да охаю о тебѣ...» Желая похвалить «Тараса Бульбу» Гоголя, онъ говоритъ, что начало его «достойно Вальтеръ-Скотта».

Вальтеръ-Скоттъ укрѣпилъ въ Пушкинѣ его внутреннее влеченіе къ простому быту: Пушкинъ осозналъ это влеченіе (въ «Повѣстяхъ Бѣлкина» и «Капитанской Дочкѣ») къ простымъ «преданьямъ русскаго семейства» подъ вліяніемъ чтенія романовъ В. Скотта. Подобно тому, какъ В. Скоттъ воскрешалъ нравы шотландской старины XVIII вѣка, Пушкинъ въ «Капитанской Дочкѣ» воскресилъ нравы русской старины XVIII вѣка. Савельичъ—едва ли не первый въ нашей литературѣ правдивый типъ крестьянина-слуги [1])—написанъ подъ безусловнымъ вліяніемъ «Ламермурской невѣсты» В. Скотта, что отмѣтилъ и Бѣлинскій, назвавъ его «русскимъ Калебомъ». И дѣйствительно, Савельичъ нарисованъ подъ явнымъ вліяніемъ В. Скотта, но от-

---

[1]) Самымъ очевиднымъ и наглядымъ доказательствомъ тому служатъ письма Пушкина къ женѣ, всѣ написанныя на русскомъ языкѣ. Говоря о «Капитанской Дочкѣ», какъ о совершеннѣйшей прозѣ Пушкина, мы колеблемся—не слѣдуетъ ли на первое мѣсто поставить его письма...

[2]) Надо думать, что письмо Д. В. Давыдова о заочномъ знакомствѣ съ В. Скоттомъ (августъ-сентябрь 1827 г. Москва) служитъ отвѣтомъ на разспрашиваніе Пушкина; заключительная фраза этого письма «Вотъ вся исторія моего знакомства съ Вальтеръ-Скоттомъ» позволяетъ дѣлать такое предположеніе.

[1]) См. Литературныя характеристики А. К. Бороздина.

личіе его отъ Калеба, точно также, какъ главное отличіе Марьи Ивановны отъ Джени, заключается въ томъ, что Калебъ—шотландскій крестьянинъ, тогда какъ Пушкинскій Савельичъ чисто русскій народный типъ—отличіе слишкомъ значительное, чтобы говорить о подражательности Пушкина въ созданіи образовъ. Болѣе всего точекъ соприкосновенія, однако, «Капитанская Дочка» имѣетъ съ «Эдинбургской темницей».

Обѣ героини (и Джени, и Марья Ивановна) отправляются въ столицу съ просьбой о помилованіи невинно осужденныхъ (сестры и жениха) [1]), останавливаются у дамъ, имѣющихъ доступъ ко двору (одна—миссисъ Гласъ—посредствомъ продажи табаку герцогу Аргайлю, другая—Анна Васьевна — черезъ своего дядю, придворнаго истопника). Обѣ героини подкупаютъ монархинь своей искренностью и этимъ всесильнымъ средствомъ добиваются помилованія. Несмотря на то, что этотъ эпизодъ (путешествіе и просьба) занимаетъ у Пушкина въ 20 разъ меньше мѣста (недаромъ необыкновенная сжатость — характерная черта Пушкина), мы находимъ въ описаніи Вальтеръ Скотта много общихъ деталей, которыя необъяснимы простымъ совпаденіемъ [2]).

[1]) Эфи, мнимая преступница, приговоренная къ смертной казни за дѣтоубійство, легко могла бы оправдаться, если бы назвала имя своего возлюбленнаго, точно такъ же какъ и Гриневъ избѣгнулъ бы своего приговора, если бы назвалъ имя Маріи Ивановны.

[2]) Пушкину принадлежитъ прекрасная картина свиданія Маріи Ивановны съ императрицей Екатериной: онъ не вводитъ посредниковъ въ отношеніи императрицы къ дочери коменданта Бѣлогорской крѣпости (такимъ посредникомъ у Вальтеръ Скотта является идеальный герцогъ Аргайль) и, ничуть не погрѣшая этимъ противъ исторической правды, создаетъ такую великолѣпную картину, равной которой ни по замыслу, ни по краскамъ, ни по рисунку, ни по идеѣ—тщетно искали бы мы у Вальтеръ Скотта. Но тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя детали послѣдствій перваго свиданія Маріи Ивановны съ Екатериной слишкомъ напоминаютъ послѣдствія свиданія Джени съ герцогомъ Аргайлемъ.

Предлагаемъ читателю сравнить слѣдующіе параллельные отрывки изъ В. Скотта и Пушкина:

«Эдинбургская темница».	«Капитанская Дочка».
Слѣдующій день начался тѣмъ же образомъ. Но передъ обѣдомъ хорошо одѣтый джентльменъ зашелъ въ лавку миссисъ Глассъ, и спро-	Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ и за

Кромѣ того, что Пушкинъ обязанъ «шотландскому чародѣю» пробужденіемъ но-

силъ молодую женщину изъ Шотландіи...

Понятно, что Джени не заставила себя ждать долго, но она едва чувствовала подъ собою свои ноги, когда спускалась внизъ по лѣстницѣ.

— Я долженъ васъ просить поѣхать со мною,—сказалъ Арчибальдъ, вѣжливо поклонясь ей.

— Я готова, сэръ,— отвѣчала Джени.

— Если моя родственница выѣзжаетъ, мистеръ Арчибальдъ, то я должна сопровождать ее...

Джемсъ Расперъ, смотри за лавкою... Мистеръ Арчибальдъ,—продолжала она, подставляя ему банку съ табакомъ, — прошу наполняйте себѣ табакерку ради стараго знакомства, пока я переодѣнусь; это тотъ самый табакъ, который употребляетъ его свѣтлость.

Мистеръ Арчибальдъ пересыпалъ немного табаку изъ поданной ему банки въ свою табакерку, но сказалъ, что обязанъ отказаться отъ удовольствія взять съ собою миссисъ Гласъ, такъ какъ ему приказано было привести только одну молодую особу.

— Одну молодую особу! — воскликнула миссисъ Гласъ. — Это, кажется, необычайно, мистеръ Арчибальдъ.

Но его свѣтлость лучше знаетъ приличіе, а вы мистеръ Арчибальдъ, степенный человѣкъ. Я-бы не пустила своей родственницы съ любымъ человѣкомъ изъ знатнаго дома...

Но, Джени, вамъ нельзя идти по улицамъ съ мистеромъ Арчибальдомъ съ вашимъ тартаномъ на плечахъ, какъ будто вы гоните стадо скота на горахъ. Подождите, я вамъ принесу шелковую шаль, иначе за вами будетъ бѣгать чернь. Джени не знала

чашкою чаю только-было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Васьевна изумилась и расхлопоталась.

«Ахти, Господи» закричала она, «Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки, я васъ хоть въ чемъ-нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ».

Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ.

Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Васьевны.

выхъ силъ, дремавшихъ доселѣ въ немъ. Подъ вліяніемъ Вальтеръ Скотта Пушкинъ осознаетъ свое внутреннее природное влеченіе къ простому русскому быту, онъ позаимствовалъ отъ Вальтеръ Скотта и нѣкоторые внѣшніе пріемы писанія — напр., эпиграфы изъ писателей XVIII вѣка и народныхъ пѣсенъ и пословицъ, что придавало извѣстный колоритъ его повѣствованію. Пользовался Пушкинъ иногда (очень рѣдко и притомъ сильно измѣнялъ) рисункомъ Вальтеръ Скотта, но краски находилъ всегда на своей палитрѣ, краски свѣжія, яркія и оригинальныя, никогда не впадалъ въ монотонность, размазываніе и повтореніе, чего не избѣгаетъ В. Скоттъ при всемъ своемъ огромномъ талантѣ. Говорить о подражательности Пушкина—смѣшно: вліяніе, которое испытывалъ Пушкинъ, надо понимать не какъ подчиненіе себя другому писателю, но только какъ возбужденіе, какъ стимулъ творчества.

Нѣтъ надобности сколько нибудь детально доказывать, что Пушкинъ не былъ и ученикомъ Загоскина, Лажечникова, Булгарина и прочихъ «русскихъ Вальтеръ Скоттовъ», которые также безусловно повліяли на Пушкина—бѣлкина. Несомнѣнно, однакожъ, что только среди безчисленныхъ романовъ толпы подражателей Вальтеръ Скотта могла появиться «Капитанская Дочка», только на этомъ фонѣ «русской Вальтеръ-Скоттовщины» становится понятнымъ созданіе Пушкинымъ «Капитанской Дочки». Но только одинъ Пушкинъ могъ стать настоящимъ русскимъ Вальтеръ Скоттомъ — чародѣемъ.

III.

Исторія Пугачевскаго бунта (или, какъ ее назвалъ Пушкинъ «Исторія Пугачева») дала фонъ для семейной хроники Гриневыхъ. «Капитанская Дочка» (со всѣми своими недостатками, обусловленными «Исторіей Пугачевскаго бунта») немыслима внѣ занятій Пушкинымъ Пугачевщиной; также немыслимъ и весь второй, зрѣлый періодъ творчества Пушкина внѣ его занятій исторіей. Своей гармоніей, своимъ олимпійскимъ величіемъ Гете немало обязанъ занятіямъ естественными науками; Пушкинъ своей гармоніей, своимъ мягкимъ человѣчнымъ всеоправдывающимъ объективизмомъ сильно обязанъ занятіямъ исторіей, которая научила его безпристрастно и справедливо смотрѣть на вещи. Зрѣлый Пушкинъ, по его собственному свидѣтельству, на все взираетъ очами исторіи. Пушкина влекла къ исторіи его природа и интересъ къ ней начинаетъ въ немъ про-

---

какъ отдѣлаться отъ услужливости доброй лэди, но ее выручилъ мистеръ Арчибальдъ.

— У меня здѣсь коляска, — сказалъ онъ, — притомъ намъ нужно торопиться, и нѣтъ времени для перемѣны одежды.

Сжатая сцена вторичнаго свиданія Маріи Ивановны съ Екатериной превосходитъ многословное описаніе В. Скотта разговоровъ герцога Аргайля съ королевой Каролиной и послѣдней съ Джени — обѣ монархини щедро одарили своихъ просительницъ. Когда наши героини вернулись домой, обѣихъ ждали разспросы.

Миссисъ Гласъ давно уже волновалась отъ нетерпѣнія и любопытства; она стремительно бросилась на пашу героиню и засыпала ее вопросами:

— Видѣли вы герцога, герцогиню, молодыхъ лэди? Видѣли вы короля,—Господь благослови его,—королеву, принца Валлійскаго, принцессу, или кого-нибудь изъ королевской фамиліи? Добились ли вы помилованія? Полнаго или только смягченія наказанія? Куда и какъ далеко вы ѣздили? Кого видѣли? О чемъ говорили? Кто задержалъ васъ такъ долго?

Таковы были вопросы, которыми миссисъ Гласъ забросала Джени съ такою поспѣшностью, что даже желающій не могъ бы отвѣтить на нихъ...

На всѣ эти отвѣты Джени отвѣтила уклончиво...

Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марія Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ (какъ Джени не полюбопытствовала взглянуть на Лондонъ), обратно поѣхала въ деревню...

Продолженіе романа о томъ, какъ Джени вышла замужъ за Бутлера, какъ они спокойно и мирно жили на фермѣ, производя потомство — занимаетъ болѣе 100 страницъ у Вальтеръ Скотта, у Пушкина продолженіе романа пересказано въ двухъ словахъ:

«Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ благоденствуетъ въ Симбирской губерніи. Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятерымъ помѣщикамъ». Вотъ и все, что сказалъ Пушкинъ, о дальнѣйшей судьбѣ Гринева и Марьи Ивановны и фантазія читателя не нуждается ни въ какихъ дополненіяхъ и объясненіяхъ: наша фантазія сама заполняетъ эти контуры.

буждаться очень рано. Еще на лицейской скамьѣ онъ зачитывается «Исторіей Государства Россійскаго» Карамзина. Карамзинъ былъ первымъ наставникомъ Пушкина въ исторіи и ученикъ скоро уже высказываетъ недовольство, неудовлетворенность своимъ учителемъ и въ 1818 году пишетъ эпиграмму на Карамзина:

Послушайте: я вамъ скажу про старину,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгородъ, про время золотое,
И наконецъ про Грознаго Царя.
— И, бабушка, затѣяла пустое:
Докончи лучше намъ Илью богатыря.

Къ 22-му году относятся попытки Пушкина создать историческую драму или историческую поэму (сохранились программы и по одному отрывку и того и другого)— «Вадимъ».

Если принять за фактъ, что именно нашему поэту принадлежитъ извѣстная эпиграмма на исторію Карамзина:

Изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута,

то драма Пушкина проникнута совершенно противоположной тенденціей. Возбужденная общественными устремленіями и революціонными мечтами, фантазія Пушкина взялась за «Вадима», какъ за подходящій сюжетъ для выраженія своего либерализма, своего политическаго протеста. Начало драмы свидѣтельствуетъ объ этомъ.

. . . . . Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя влачитъ позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ;
Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой
встрѣчѣ.
Унынiе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
Умы встревожены—и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.

Приподнятый тонъ этой драмы (поэма отличается меньшею приподнятостью) свидѣтельствуетъ, что эти попытки не были результатомъ очень глубокаго творческаго настроенія. Пушкинъ бросилъ ихъ незаконченными, художникъ побѣдилъ въ немъ либерала.

Тому же 22-му году принадлежитъ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», которой уже предчувствовалось эпическое спокойствіе...

Въ селѣ Михайловскомъ Пушкинъ углубился въ чтеніе лѣтописей, въ которыхъ «старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

И созданіе Пушкинымъ образа лѣтописца Пимена, о которомъ (какъ говорилъ Достоевскій въ своей рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ) можно написать цѣлыя книги, достаточно доказываетъ, что Пушкинъ проникъ въ «образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени». Созданіе Бориса Годунова, явившееся результатомъ изученія Шекспира и Карамзина и углубленія въ лѣтописи, раскрыло силы Пушкина — «je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée — je puis créer»—писалъ Пушкинъ въ 1825 году.

Съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ угадалъ «образъ мыслей и языкъ» лѣтописца, онъ не перестаетъ заниматься исторіей. То, что въ юности Пушкина было увлеченіемъ и средствомъ, — исторія становится теперь занятіемъ, важнымъ дѣломъ, которое онъ ставитъ иногда выше занятій поэзіей.

Замѣчательно, какъ интересъ Пушкина къ исторіи придвигался все ближе и ближе къ современной ему дѣйствительности: начавъ Вадимомъ и Олегомъ Вѣщимъ, Пушкинъ подошелъ къ эпохѣ смуты въ «Борисѣ Годуновѣ» и, дойдя до Великаго Петра, образъ котораго на вѣки поразилъ Пушкина, создавшаго ему апоѳеозъ въ «Полтавѣ» и обожествленіе въ «Мѣдномъ Всадникѣ» [1]), онъ обращается и къ его преемникамъ, исторію которыхъ предполагалъ написать. Гриневъ, послѣднее историческое лицо Пушкина, дожилъ до «дней Александровыхъ прекраснаго начала».

Чрезвычайно характерно, что вниманіе Пушкина привлекали страницы исторіи, отмѣченныя борьбой: бунтъ Вадима, бунтъ Стеньки Разина, бунтъ Пугачева, Самозванецъ Димитрій, бурная эпоха Гиганта-Петра...

Пугачевъ привлекалъ къ себѣ Пушкина еще въ серединѣ 20-хъ годовъ, но въ это время Пушкинъ ничего не могъ узнать о немъ, такъ какъ самое имя его запрещено

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ создалъ «Мѣдный Всадникъ», Мѣдный Всадникъ Фальконета сталъ значительнѣе въ нѣсколько разъ. Памятникъ, украшающій Петербургъ, вылитъ не однимъ Фальконетомъ, но и Пушкинымъ.

было упоминать (это запрещеніе было снято только Александромъ I, но фактически сохраняло свою силу и при Николаѣ) и только въ 31 году, получивши доступъ въ архивы [1]), Пушкинъ могъ поближе познакомиться съ нимъ. А разъ натолкнувшись на него, Пушкинъ не переставалъ работать надъ изслѣдованіемъ исторіи этого замѣчательнаго бунтовщика и на время отложить даже свою исторію Петра Великаго, для которой онъ и сталъ посѣщать архивы.

Зимой 1832 и 1833 года Пушкинъ зарывался въ архивы, погружался въ изслѣдованія о Пугачевѣ, и та тщательность, съ которой онъ собиралъ все, что было возможно собрать, свидѣтельствуетъ о замѣчательной добросовѣстности его работы. Въ 1833 году Пушкинъ ѣздилъ въ Казань и въ Оренбургъ, чтобы и на мѣстѣ собрать матеріалы, и въ концѣ ноября вернулся въ Петербургъ съ готовой къ печати «Исторіей Пугачева». Но печатаніе затянулось и «Исторія Пугачевскаго бунта» вышла въ свѣтъ уже къ январю 1835 года [2]).

Разборъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» выходитъ за предѣлы нашей темы, но намъ необходимо отмѣтить два существенныхъ недостатка: образъ Пугачева (какъ показало изслѣдованіе Дубровина), созданный Пушкинымъ, не соотвѣтствуетъ историческому Пугачеву [3]) и соціальный элементъ движенія Пугачевщины совершенно оставленъ безъ вниманія Пушкинымъ [1]).

Это необходимо отмѣтить, такъ какъ «Исторія Пугачевскаго бунта» является основой «Капитанской Дочки»—и въ повѣсти Пушкина остается то же несоотвѣтствіе Пушкинскаго героя историческому самозванцу. Но что составляетъ недостатокъ историческаго повѣствованія не является еще недостаткомъ въ художественномъ творчествѣ—послѣднее имѣетъ свои законы, отличные отъ протокольной дѣйствительности; Марія въ «Полтавѣ» нисколько не теряетъ своего значенія отъ того, что она совершенно не соотвѣтствуетъ исторической Матренѣ. Соціальный фонъ Пугачевщины въ повѣсти также не тронутъ.

IV.

Такъ создавалась ткань «Капитанской Дочки»... Фонъ этой повѣсти былъ уже приготовленъ изслѣдованіями Пушкина Пугачевскаго бунта, а сплетающіяся нити различныхъ условій создавали содержаніе повѣсти — семейную хронику Гриневыхъ. Мы отмѣтили уже выше вліяніе Вальтеръ Скотта, вліяніе прелести его романовъ, состоящей въ томъ, «что мы знакомимся съ его романами, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ» [2]).

Но не будь въ Пушкинѣ внутренняго влеченія къ изображенію прошедшаго вре-

---

[1]) Во второй половинѣ іюля 1831 года Пушкинъ писалъ А. Бенкендорфу (Пер. № 591, т. II, стр. 278—279): «Болѣе соотвѣтствовало-бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ Государственныхъ Архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званіе Исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина; но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать исторію Петра Великаго и Его наслѣдниковъ до Государя Петра III». А 21-го іюля онъ уже сообщалъ П. В. Нащокину (№ 576, стр. 285): «нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь въ Архивы, куда входъ дозволенъ мнѣ Царемъ».

[2]) Намъ кажется нелишнимъ отмѣтить, что и послѣ выхода въ свѣтъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» Пушкинъ не переставалъ работать надъ Пугачевымъ и продолжалъ собирать матеріалы.

[3]) Говоря о такомъ историческомъ несоотвѣтствіи, мы не желаемъ вовсе дѣлать упрековъ Пушкину: Пушкинъ изобразилъ Пугачева такимъ, какимъ представлялъ себѣ его по матеріаламъ, собраннымъ имъ (а извѣстно, что далеко не всѣ матеріалы были доступны ему), и по разсказамъ его современниковъ. Въ немъ совершенно не было сознательнаго намѣренія идеализировать Пугачева. «Что касается до тѣхъ мыслителей—писалъ Пушкинъ Дмитріеву (26 IV, 1835),—которые негодуютъ на меня за то, что Пугачевъ предста-

влепъ у меня Емелькою Пугачевымъ, а не Байроновымъ Ларою, то охотно отсылаю ихъ къ г. Полевому, который, вѣроятно, за сходную цѣну возьмется идеализировать это лице по самому послѣднему фасону...»

[1]) Вопросъ о томъ—понималъ или не понималъ Пушкинъ соціальную подкладку «Исторіи Пугачевскаго бунта»—представляется очень труднымъ для разрѣшенія. И въ «Исторіи», и въ «Капитанской Дочкѣ» находятся фразы (въ родѣ слѣдующей: «Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, коего цѣль была ниспровержепіе престола и истребленіе дворянскаго рода»), которыя можно принять за уши юродиваго, спрятанныя подъ колпакъ. Это предположеніе находитъ себѣ также поддержку въ дополнепіи къ XIII главѣ «Капитанской Дочки», которое Пушкинъ не готовилъ къ печати и въ которомъ разсказанъ бунтъ крестьянъ Гриневыхъ, тогда какъ въ «Исторіи» весь бунтъ представленъ, какъ дѣло Пугачева, его «господъ енараловъ» и инородцевъ-башкирцевъ. Думается, что Пушкинъ понималъ смыслъ и основу Пугачевщины, но не могъ писать объ этомъ во времена Николая I и графа Бенкендорфа.

[2]) Замѣтки Пушкина при чтеніи книгъ.

мени «домашнимъ образомъ», Пушкинъ и не оцѣнилъ бы «прелести» Вальтеръ Скотта и тѣмъ болѣе—не создалъ бы «Капитанской Дочки». Были же и другія условія, были же и другія нити, помимо историческихъ занятій и чтенія романовъ Вальтеръ Скотта, сплетенія которыхъ и вызвали, подготовили созданіе исторической повѣсти Пушкина.

Несомнѣнно, что въ Пушкинѣ всегда живо было стремленіе и любовь къ простой, скромной и величавой въ своей простотѣ и скромности природѣ. Несомнѣнно, что Пушкину былъ дорогъ Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ—«временъ новѣйшихъ Митрофанъ» (выраженіе профес. В. О. Ключевскаго)—«славный малый», какъ его называлъ самъ поэтъ [1]).

Это стремленіе къ простой, но естественной, искренней, неистерической, свѣжей натурѣ (простота, естественность, искренность, неиспорченность, свѣжесть—все это начало только отрицательныя, всего на всего условія, прекрасный сосудъ для наполненія) должно было тѣмъ болѣе увеличиваться въ Пушкинѣ, чѣмъ болѣе тяготился поэтъ своей петербургской жизнью. Выговоры отъ Бенкендорфа, свѣтская и придворная жизнь, въ которой кружился поэтъ, вѣчные балы, на которыхъ поэтъ долженъ былъ присутствовать со своей «Мадонной» и «жрать мороженое»—все это заставляло его стремиться въ деревню, къ себѣ, на покой, ненавидѣть и проклинать Петербургъ, къ которому онъ былъ привязанъ безъ надежды когда бы то ни было вырваться изъ него [2]).

До какой степени Пушкинъ тяготился своей придворной петербургской жизнью, можно видѣть изъ всѣхъ исторій съ прошеніями объ отставкѣ. Пушкину была болѣе чѣмъ ненавистна окружающая его обстановка и онъ сваливалъ сперва вину на царя, милостиво «облагодѣтельствовавшаго» его и связавшаго его своими милостями [1]).

Но впослѣдствіи (съ 34 года) онъ пересталъ винить въ своихъ несчастіяхъ царя.—«На того я пересталъ сердиться,—разсказываетъ Пушкинъ, — потому что, toute réflexion faîte, не онъ виноватъ въ свинствѣ, его окружающемъ. А живя въ н....., по неволѣ привыкнешь къ г...., и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ» [2]).

И этотъ мотивъ «Ухъ кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ» безъ конца повторяется и становится главнымъ лейтмотивомъ 30-хъ годовъ, звучащимъ все болѣе и болѣе назойливо, съ отчаяніемъ за послѣднія уходящія силы:

Пора мой другъ, пора. Покоя сердце проситъ,
Летятъ за днями дни, и каждый день уноситъ
Частицу бытія. А мы съ тобой вдвоемъ
Располагаемъ жить. И глядь—все прахъ!—умремъ.
На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой да воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля.
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

«да плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино, да жить бариномъ».

Бѣлкинъ выросталъ не какъ противовѣсъ культурѣ и просвѣщенію, но какъ противовѣсъ окружающей Пушкина мишурѣ, пустой, съ фальшивымъ блескомъ. Въ Бѣлкинѣ было хоть немного, но настоящаго, землей рожденнаго, алмаза,—

---

[1]) См. письмо къ П. А. Плетневу отъ 3 іюля 1831 г.

«Я переписалъ мои 5 повѣстей и предисловіе, т.-е. сочиненія покойнаго Бѣлкина, славнаго малаго».

[2]) 29 мая 1834 года Пушкинъ пишетъ женѣ: «Ты развѣ думаешь, что свинскій Петербургъ не гадокъ мнѣ? что мнѣ весело въ немъ жить между пасквилями и доносами?..» Въ другомъ письмѣ (отъ 30-го апрѣля 1834 года) онъ сообщаетъ о мнимой покражѣ денегъ: «.... Не дождавшись сумерковъ, пошелъ я въ Англ. клобъ, гдѣ со мною случилось небывалое происшествіе. У меня въ клобѣ украли 350 рублей, украли не въ тинтере, не въ вистъ, а украли, какъ крадутъ на площадяхъ. Каковъ нашъ клобъ? перещеголяли и Московскій! Ты думаешь, что я сердился? ничуть. Я золъ на Петербургъ, и радуюсь каждой его гадости...»

[1]) «Надобно тебѣ поговорить о моемъ горѣ,—писалъ Пушкинъ Н. Н. въ іюлѣ 1844 года послѣ неудавшейся отставки.—На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я струхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставку не давали. А ты и рада, не такъ? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, а что скажетъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили, какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ. Ну, дѣлать нечего. Богъ Великъ; главное то, что я не хочу, чтобы могли меня подозрѣвать въ неблагодарности. Это хуже либерализма...»

[2]) Н. Н. Пушкиной, 11-го іюля 1834 г., Петербургъ.

вокругъ себя Пушкинъ видѣлъ только одни фальшивые поддѣльные камни. Пушкинъ могъ или обрушиться на окружающую его среду, обратиться къ ней со словомъ поученія или осужденія, «обличить» ее въ сатирической повѣсти, или же обратиться къ скромному «славному малому» Ивану Петровичу Бѣлкину.

Но Пушкину вообще было мало свойственно сатирическое направленіе. Едва ли не единственное поученіе, обращенное имъ къ свѣтскимъ салонамъ было: «Подите прочь, какое дѣло поэту мирному до васъ... во гробахъ каменѣйте смѣло, не пробудитъ васъ лиры гласъ...». Къ тому-же всѣ попытки Пушкина къ изображенію быта современнаго ему общества разбивались не разъ о цензурныя препятствія. Все обращало Пушкина къ роману «на старый ладъ», къ любви, плѣнительнымъ снамъ да нравамъ нашей старины.

Бѣлкинъ относится къ 1830 году и съ тѣхъ поръ эта струя не умирала болѣе въ Пушкинѣ, но росла, развивалась и вылилась въ наиболѣе чистомъ и привлекательномъ видѣ въ «Капитанской Дочкѣ», ближайшею ступенью къ которой явился «Дубровскій» — «pendant къ «Капитанской Дочкѣ», какъ называлъ Бѣлинскій этотъ разсказъ-повѣсть. «Дубровскій» былъ задуманъ почти одновременно съ «Капитанской Дочкой» и въ обоихъ этихъ произведеніяхъ мы находимъ кое-какія общія черты: дѣйствіе происходитъ на рубежѣ XVIII и XIX вв., шайка Дубровскаго во многомъ напоминаетъ намъ разбойничью шайку Пугачева. Какъ подготовительная ступень, мелодраматическій и романтическій «Дубровскій» и не могъ занимать особенно высокаго мѣста въ творчествѣ Пушкина, но при изслѣдованіи «Капитанской Дочки» необходимо учесть и эту подготовительную ступень.

V.

Мы должны нѣсколько подробнѣе остановиться на поѣздкѣ Пушкина въ Казань и въ Оренбургъ, такъ какъ эта поѣздка сильно повліяла на созданіе «Капитанской Дочки». Пребываніемъ Пушкина въ Казани и Оренбургѣ опредѣляется не только фабула романа и его отдѣльныя картины, но также и описаніе быта со всѣми его достоинствами и недостатками.

30-го іюля 1833 года Пушкинъ писалъ управляющему дѣлами III отдѣленія, А. Н. Мордвинову:

«...Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную.

Можетъ быть, Государю угодно знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось-бы мнѣ посѣтить обѣ сіи губерніи...» [1]).

7-го августа Мордвиновъ извѣстилъ Пушкина, что «Его Императорское Величество дозволяетъ Вамъ, согласно изъявленному Вами желанію, ѣхать въ Оренбургъ и Казань на четыре мѣсяца», и 18 августа Пушкинъ уже уѣхалъ изъ Петербурга, 22-го былъ въ Павловскомъ и 26-го пишетъ женѣ изъ Москвы, куда онъ пріѣхалъ наканунѣ. 29-го августа Пушкинъ уѣхалъ изъ Москвы и «насилу дотащился до Нижняго 2-го сентября». 5-го сентября вечеромъ Пушкинъ уже былъ въ Казани [2]).

---

[1]) Это письмо представляетъ характерный показатель состоянія Пушкина въ 1833 г., когда жена его была въ «большой модѣ», а самъ Пушкинъ долженъ былъ кружиться въ свѣтѣ и не имѣлъ «досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя». Письмо къ А. Н. Мордвинову кажется намъ лучшимъ комментаріемъ къ словамъ Пушкина въ письмѣ П. В. Нащокину (отъ 23 февраля 1833 г.): «Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически». Только этимъ нравственнымъ и физическимъ изнеможеніемъ и можно объяснить ѣдкія, полныя горькой насмѣшки и сарказма слова, вырвавшіяся съ болью изъ сердца Пушкина: «Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія». Видно, что Пушкинъ облюбовывалъ эту насмѣшку, которую мы находимъ и въ черновикѣ его письма.

Въ этомъ письмѣ нѣтъ ни слова правды, кромѣ того, что «мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи»...

[2]) Письмо Н. Н. Пушкиной. См. также статью Е. А. Боброва «А. С. Пушкинъ въ Казани». Пушкинъ и его современники, выпускъ III, стр. 32—34.

Изъ Казани Пушкинъ выѣхалъ 8-го рано утромъ, 10-го былъ въ Симбирскѣ, 12-го сентября писалъ женѣ изъ села Языкова (въ 65 верстахъ отъ Симбирска), 13-го былъ вторично въ Симбирскѣ, 18-го пріѣхалъ въ Оренбургъ, гдѣ пробылъ три дня (18, 19 и 20), затѣмъ пробылъ у Донскихъ казаковъ въ Уральскѣ, выѣхалъ оттуда 23-го сентября (29-30 пробылъ опять въ Языковѣ) и 1-го октября пріѣхалъ въ Болдино. Въ Болдинѣ Пушкинъ пробылъ полтора мѣсяца и въ серединѣ ноября вернулся въ Петербургъ за мѣсяцъ до истеченія срока отпуска.

Эта поѣздка значительно освѣжила и укрѣпила Пушкина, несмотря на то, что все время онъ не переставалъ заботиться и безпокоиться объ оставленной дома женѣ и дѣтяхъ [1]).

---

[1]) Письмо № 740 (2-го сентября изъ Нижняго Новгорода):

«..... Мой ангелъ, кажется, я глупо сдѣлалъ, что оставилъ тебя и началъ опять кочевую жизнь. Живо воображаю первое число. Тебя теребятъ за долги,—Параша, поваръ, извощикъ, аптекарь, m-me Zichler etc., у тебя не хватаетъ денегъ, Смирдинъ передъ тобой извиняется, ты безпокоишься, сердишься на меня—и по дѣломъ. А это еще хорошая сторона картины—что, если у тебя опять нарывы, что, если Машка больна? А другіе—непредвидѣнные случаи?—Пугачевъ не стоитъ этого; того и гляди, я на него плюну—и явлюсь къ тебѣ»...

№ 748. (2-го октября изъ Болдина):

«Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня; думалъ здѣсь найти отъ тебя письма и не нашелъ ни одного. Что съ вами? Здорова ли ты? здоровы ли дѣти? сердце замираетъ, какъ подумаешь. Подъѣзжая къ Болдину, у меня были самыя мрачныя предчувствія, такъ что не нашедъ о тебѣ никакого извѣстія, я почти обрадовался. Такъ боялся я недоброй вѣсти. Нѣтъ, мой другъ: плохо путешествовать женатому; то ли дѣло холостому! ни о чемъ не думаешь, ни о какой смерти не печалишься...»

№ 749 (8-го октября изъ Болдина):

«.... Двѣ вещи меня безпокоятъ: то, что я оставилъ тебя безъ денегъ, а можетъ быть и брюхатою... Не стращай меня, женка, не говори, что ты изкокетничалась: я пріѣду къ тебѣ, ничего не успѣвъ написать—а безъ денегъ сядемъ на мель. Ты ужъ лучше, оставь ужъ меня въ покоѣ, а я буду работать и спѣшить...»

Несмотря на такія, постоянно повторяющіяся сѣтованія и безпокойства, Пушкинъ, какъ можно судить по благодушному, часто юмористическому тону писемъ, чувствовалъ себя свѣжо и бодро. Безпокойство о женѣ, сопровождающее выѣздъ поэта изъ Петербурга, покидаетъ его во время поѣздки и усиливается только тогда, когда Пушкинъ пріѣхалъ къ себѣ въ Болдино: добродушный юморъ пропадаетъ, смѣняется жалобами на хандру, на головную боль, «на то, что старамъ стала, и умомъ плохамъ», что «ни къ чему нѣтъ охоты».

Еще большее вліяніе оказала поѣздка на созданіе «Исторіи Пугачева» и «Капитанской Дочки». Въ Казани Пушкинъ былъ въ семействѣ К. Ѳ. Фуксъ [1]), «умнаго и ученаго нѣмца», по его выраженію, который «сильно одолжилъ Пушкина тѣмъ, что далъ ему цѣнныя свѣдѣнія по исторіи и эпохѣ Пугачевскаго бунта, возилъ его къ казанскому старожилу Л. Ф. Крупенникову, бывшему плѣнникомъ Пугачева, и разсказалъ ему извѣстный анекдотъ о казанскомъ лютеранскомъ пасторѣ, анекдотъ, который и легъ въ основу «Капитанской Дочки» [2]).

На этой темѣ благодарности Пугачева къ человѣку, разъ оказавшему ему услугу, и построена «Капитанская Дочка»—милостыня была замѣнена заячьимъ тулупомъ, лютеранскій пасторъ—Гриневымъ... Здѣсь мы приступаемъ къ тайнѣ творчества: какъ собираются различныя части для того, чтобы слиться въ единое художественное цѣлое, какъ поэтъ собираетъ отовсюду цвѣточную пыль и лѣпитъ соты...

Наконецъ, А. С. Пушкинъ не вытерпѣлъ своего одиночества и пріѣхалъ раньше времени въ Петербургъ.

[1]) О пребываніи Пушкина въ Казани и въ семействѣ К. Ѳ. Фуксъ см. статью Е. А. Боброва «А. С. Пушкинъ въ Казани». Пушкинъ и его современники, III, 23—67. Отмѣтимъ излишнее довѣріе автора статьи къ показаніямъ А. А. Фуксъ.

[2]) Этотъ анекдотъ Пушкинъ передаетъ и въ своей «Исторіи Пугачева» и сообщаетъ слѣдующее о лютеранскомъ пасторѣ: «Во время Казанскаго пожара онъ былъ приведенъ къ Пугачеву; самозванецъ узналъ его: нѣкогда ходя въ цѣпяхъ по городскимъ улицамъ, Пугачевъ получалъ отъ него милостыню. Бѣдный пасторъ ожидалъ смерти. Пугачевъ принялъ его ласково и пожаловалъ въ полковники. Пасторъ-полковникъ посаженъ былъ верхомъ на башкирскую лошадь. Онъ сопровождалъ бѣгство Пугачева и нѣсколько дней уже спустя отсталъ отъ него и возвратился въ Казань». Къ этому мѣсту Пушкинъ сдѣлалъ примѣчаніе:

«Слышано мною отъ К. Ѳ. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанскомъ университетѣ, человѣка столь же ученаго, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему обязанъ я многими любопытными извѣстіями касательно эпохи и стороны здѣсь описанныхъ».

О томъ, что разсказанный К. Ѳ. Фуксомъ анекдотъ дѣйствительно легъ въ основу «Капитанской Дочки», свидѣтельствуетъ и самъ Пушкинъ въ предположенномъ предисловіи къ своей повѣсти:

«Анекдотъ, служившій основаніемъ повѣсти, нами издаваемой, извѣстенъ въ Оренбургскомъ краѣ. Читателю легко будетъ распознать нить истиннаго происшествія, проведенную сквозь вымыслы романтическіе, а для насъ это было бы излишнимъ трудомъ...»

Пребываніе въ Оренбургѣ было еще важнѣе по своимъ результатамъ. Пушкинъ, пріѣхавъ въ Оренбургъ 18-го сентября, на другой день встрѣтился съ Далемъ, съ которымъ и объѣхалъ всю цѣпь укрѣпленій, изучая природу мѣстности. Важную роль въ дѣлѣ созиданія «Капитанской Дочки» сыграла и встрѣча съ казачкой, которую Пушкинъ и описалъ въ письмѣ (отъ 2-го октября изъ Болдина) женѣ:

«Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-ти лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобою 1830 годъ. Я отъ нее не отставалъ, виноватъ, и про тебя не подумалъ...» [1]).

Казачка о которой говоритъ Пушкинъ, оказала на «Капитанскую Дочку» большое вліяніе (не меньшее, быть можетъ, чѣмъ Вальтеръ Скоттъ): Пушкинъ услышалъ живую рѣчь современницы Пугачева, помнившей это время, какъ Пушкинъ свои предсвадебныя мытарства, услышалъ пѣсни, сложенныя въ эпоху Пугачевщины и до нея...

Достаточно сказать, что сцена присяги всецѣло заимствована изъ разсказа старухи, точно такъ же, какъ и образъ Пугачева живостью и яркостью своихъ красокъ многимъ обязанъ этой безвѣстной женщинѣ. Мы не сомнѣваемся также въ томъ, что «въ эпиграфахъ къ нѣкоторымъ главамъ повѣсти и въ ея текстѣ авторъ помѣстилъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ—быть можетъ, изъ числа тѣхъ, которыя пѣла ему та же бердинская его знакомка» [2])

Не безполезно было также посѣщеніе Пушкинымъ уральскихъ казаковъ. «Тамош-

---

[1]) Послѣднее требуетъ нѣкоторой поправки la bonne fortune—казачка Пушкина разсказываетъ: «показалъ мнѣ патретъ: красавица такая написана. «Вотъ, говоритъ,—она станетъ твои пѣсни пѣть».

[2]) Л. Майковъ. Пушкинъ.

Въ своемъ изслѣдованіи, Л. Майковъ приводитъ очень интересное письмо молодой москвички, проживавшей въ Оренбургѣ въ 1833 году и видѣвшей знакомую Пушкину казачку два мѣсяца спустя послѣ того, какъ посѣтилъ ее поэтъ. Вотъ это важное письмо: «Мы вчера ѣздили въ Берды къ старушкѣ, которая разсказывала Пушкину о Пугачевѣ. Мы посѣтили ее съ тою же цѣлью. Взяли съ собою бумаги и карандашъ, чтобы записывать, если она будетъ намъ, какъ и Пушкину, пѣть пѣсни. Вошедши въ избу, мы увидѣли ее сидящею на печи, окруженною молоденькими дѣвочками и маленькими дѣтьми. Я сначала не думала, чтобъ это была она: старуха свѣжая, здоровая, даже не беззубая, а говоритъ, что при Пугачевѣ была лѣтъ двадцати. П. И. сказалъ ей, что мы къ ней пріѣхали, такъ какъ слышали, что она помнитъ Пугачева. «Да, батюшка», отвѣчала она, проворно слѣзая съ печки и низко кланяясь,—«нечего грѣха таить, моя вина». Какая же это вина, старушка, что ты знала Пугачева? «Знала, батюшка, знала; какъ теперь на него гляжу: мужикъ былъ плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростомъ не больно высокъ и не малъ, немного пониже вашего благородія. Какъ же, хорошо знала его и присягала ему вмѣстѣ съ другими. Бывало, онъ сидитъ, на колѣни положитъ платокъ, на платокъ руку, по сторонамъ сидятъ его енаралы: одинъ держитъ серебряный топоръ, того и гляди, что срубитъ, другой—серебряный мечъ; супротивъ висѣлица, а около мы на колѣнахъ присягаемъ; присягнемъ да поочередно, перекрестившись, руку у него поцѣлуемъ, а межъ тѣмъ на висѣлицу-то беспрестанно вздергиваютъ. Видишь все это, скрѣпя сердце. Ужъ никого намъ такъ жалко не было, какъ коменданта: предобрый баринъ; всѣ мы его любили, словно отца родного. Какъ его повѣсили, такъ мы и залились слезами всѣ до единаго,—куда и страхъ дѣвался! Жена его также была барыня добрая, прекрасная; ее да ея брата, барина молодого, Пугачевъ взялъ къ себѣ, съ мѣсяцъ держалъ у себя, а тамъ и велѣлъ разстрѣлять изъ двѣнадцати ружей, да чтобъ больше ихъ напугать, велѣлъ прежде выстрѣлить мимо, а въ другой разъ застрѣлить ужъ до смерти. Батюшка мой также былъ въ службѣ у Пугачева, а которымъ онъ приказалъ разстрѣливать-то, у моего отца были подъ начальствомъ,—такъ ужъ онъ ихъ упросилъ застрѣлить несчастныхъ сразу. На другой день батюшка пошелъ на это мѣсто, чтобы поплакать надъ ними и похоронить какъ-нибудь,—что же бы думали? Когда ихъ разстрѣливали, то разставили таки далеко другъ отъ дружки, а тутъ батюшка нашелъ ихъ обнявшись. Видно, ихъ не до смерти убили,—такъ они сползлись, обнялись, да такъ и померли».

Много еще она намъ разсказывала, какъ ихъ, молодыхъ дѣвушекъ, когда нагрянула шайка Пугачева, попрятали въ сусѣки, просомъ засыпали... Все это происходило въ крѣпости Озерной, гдѣ жила тогда разсказница наша. Эта крѣпость нѣсколько времени была резиденціей Пугачева; онъ жилъ тамъ въ мирное время, отъѣзжалъ только иногда въ Уральскъ къ своей «барынѣ», какъ говорила старуха. Потомъ сказывала намъ сочиненныя въ то время пѣсни, и мы записали ихъ. Начавши говорить намъ эти пѣсни, она вдругъ сказала со слезами на глазахъ: «Я говорю, а сердце-то у меня не на мѣстѣ. Кто знаетъ, зачѣмъ вы распрашиваете меня о Пугачевѣ? Онамедни тоже пріѣзжали господа, и одинъ все меня заставлялъ разсказывать; а другія бабы пришли да и говорятъ: «Смотри старуха, не наболтай на свою голову, вѣдь это—антихристъ».

Мы старались ее разувѣрить. «Да и я такъ думаю: вѣдь я говорю правду, не выдумываю,—такъ, кажись, что тутъ за бѣда. Онъ же дай Богъ ему здоровья,—наградилъ меня за разсказы. Да тутъ же съ нимъ былъ и пріятель нашъ полковникъ Артюковъ, ужъ онъ бы не захотѣлъ ввести насъ въ бѣду. А бабы-то какъ было меня напугали. Много ихъ набѣжало, когда тотъ баринъ меня разспрашивалъ, и пѣсни я ему пѣла про Пугача. Показалъ онъ мнѣ патретъ: красавица такая написана.

ній Атаманъ—писалъ Пушкинъ женѣ (отъ 2-го октября 1833 года изъ Болдина)—и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, на перерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду, и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной...» Мы не можемъ не приписать разсказамъ уральскихъ казаковъ извѣстной доли вліянія на обрисовку характера Пугачева [1]).

«Уральскіе казаки (большею частью раскольники),—писалъ Пушкинъ въ примѣчаніяхъ къ пятой главѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта»,—донынѣ привязаны къ памяти Пугачева. Грѣхъ сказать, говорила мнѣ 80-ти лѣтняя казачка, на него мы не жалуемся; онъ намъ зла не сдѣлалъ.—Разскажи мнѣ, говорилъ я Дмитрію Пьянову, какъ Пугачевъ, былъ у тебя посаженнымъ отцомъ.—Онъ для тебя Пугачевъ, отвѣчалъ мнѣ сердито старикъ, а для меня онъ былъ великій государь Петръ Ѳедоровичъ.—Когда упоминалъ я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили». Наши критики, удивляющіеся тому, что Пушкинъ не сдѣлалъ изъ Пугачева мелодраматическаго злодѣя, должны бы отдать должное разсказамъ старой бердинской казачки и уральскихъ казаковъ. Удивительно ли, что Пушкинъ создалъ народнаго Пугачева, если пониманію Пугачева Пушкина научилъ тотъ же самый народъ.

Итакъ, мы должны поставать очень высоко поѣздку Пушкина въ Казань и въ Оренбургъ въ процессѣ созиданія романа. Пушкинъ жадно набирался впечатлѣній. Явилась такая потребность скорѣе высказаться, что онъ сочинялъ даже въ экипажѣ («А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ, я и въ коляскѣ сочиняю; что жъ будетъ въ постелѣ»—Н. Н. Пушкиной. 19-го сентября 1833 года, Оренбургъ).

Съ 1-го октября поэтъ засѣлъ въ своемъ Болдинѣ. Первыя три недѣли работа шла медленно—«работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю», но 3-го октября онъ сообщаетъ женѣ: «Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей, и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно разписался и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5—въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да грешневой кашей. До 9 часовъ читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо...»

Пушкинъ просился въ путешествіе для того, чтобы «дописать романъ» и пріѣхалъ въ Петербургъ... съ исторіей Пугачева. 6-го декабря 1833 года онъ пишетъ графу А. А. Бенкендорфу «... Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугачева, но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ Исторію Пугачевщины». Нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять этому свидѣтельству самого Пушкина, но можно предполагать, что по пріѣздѣ въ Болдино, въ то время, когда онъ «началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты» [1]), была начата и «Капитанская Дочка», но прервана по той причинѣ, что его «хандра грызла». Увлекшись писаніемъ «Исторіи» (начатой, по всей вѣроятности, одновременно съ «Капитанской Дочкой»), Пушкинъ отложилъ на будущее время историческій романъ. Во всякомъ случаѣ, Пушкинъ не могъ совершенно оставить мысль написать историческій романъ, относящійся ко времени Пугачева, — если и не этой, то слѣдующей осенью (1834 года) результаты поѣздки Пушкина въ Казань и Оренбургъ блестяще сказались.

«Вотъ», говоритъ,—«она стапетъ твои пѣсни пѣть». Только онъ со двора, бабы всѣ такъ на меня и напустились. Кто говоритъ, что его подослали; кто говоритъ: «Антихристъ. Видѣла когти-то у него какія. Да и въ Писаніи сказано, что антихристъ будетъ любить старухъ, заставлять ихъ пѣсни пѣть и деньгами станетъ дарить». Слегла я со страху, велѣла телѣгу заложить, везти меня въ Оренбургъ къ начальству. Такъ и говорю: «Смилуйтесь защитите, коли я чего наплела на свою голову; захворала я съ думы». Тѣ смѣются «Не бойся», говорятъ.—«Это ему самъ государь позволилъ объ Пугачевѣ вездѣ разспрашивать. Ну ужъ я и успокоилась, никого не стала слушать».

Это письмо драгоцѣнно въ особенности потому, что изъ него мы можемъ приблизительно возстановить бесѣду Пушкина съ бердинской казачкой. Какъ-то само напрашивается предположеніе, что образъ добраго героя Миронова навѣянъ разсказами той же словоохотливой казачки.

Пушкинъ долженъ былъ отнестись съ тѣмъ большимъ вниманіемъ къ разсказу старухи, что ему рѣдко приходилось слышать имя Пугачева отъ очевидцевъ его бунта: мѣры, принятыя правительствомъ противъ Пугачева, отличались необычайною жестокостью, запрещено было произносить даже его имя. Характерно, что императоръ Николай зачеркнулъ заглавіе Пушкина «Исторія Пугачева» и навязалъ Пушкину заглавіе «Исторія Пугачевскаго бунта», на томъ основаніи, что «бунтовщикъ» не можетъ имѣть исторіи.

[1]) Вѣроятно, что и калмыцкую сказку объ орлѣ и воронѣ, вошедшую въ одиннадцатую главу «Капитанской Дочки», разсказали Пушкину тѣ жи уральскіе (яицкіе тожъ) казаки.

[1]) Письмо Н. Н. Пушкиной 21-го октября 1833 г. Болдино.

VI.

Вспросъ о времени написанія «Капитанской Дочки» является весьма спорнымъ въ нашей литературѣ. Анненковъ увѣренъ, что повѣсть была окончена въ 1833 году, большинство издателей помѣчаютъ «Капитанскую Дочку» этимъ же годомъ. П. О. Морозовъ поставилъ болѣе осторожно 1833—1834 и въ предисловіи своемъ говоритъ, что «повѣсть была окончена, вѣроятно, въ 1834 году (поступившая въ Императорскую публичную библіотеку изъ бумагъ Краевскаго 1-я глава переписана набѣло на бумагѣ съ клеймомъ 1834 г.), но затѣмъ еще передѣлывалась и исправлялась». Владиміровъ [1]) высказываетъ предположеніе, что, по всей вѣроятности, работа надъ «Капитанской Дочкой» и «Дубровскимъ» происходила одновременно — въ 1832 году и въ 1833 г. Пушкинъ окончилъ свою повѣсть. Большинство изслѣдователей признаютъ работу надъ «Капитанской Дочкой» одновременной и параллельной работѣ надъ «Исторіей Пугачевскаго бунта». Въ виду такихъ разнорѣчивыхъ и неясныхъ утвержденій (такъ, П. О. Морозовъ говоритъ, что «вѣроятно» «Капитанская Дочка» окончена въ 1834 г., но доводы, приводимые имъ самимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, убѣждаютъ отнести окончаніе повѣсти къ 1836 году) надо разобраться въ этомъ вопросѣ.

Приблизительно около 1832 г. Пушкинъ, занимаясь въ архивахъ, натолкнулся на дѣло о Пугачевѣ и тогда же у него явилось намѣреніе написать романъ, относящійся къ этой эпохѣ. По первоначальному плану—главную роль долженъ былъ играть въ этомъ романѣ Швабринъ-Шванвичъ, какъ на то ясно указываетъ первоначальная программа повѣсти, датированная 31 января 1833 года: «Шванвичъ за буйство сосланъ въ гарнизонъ. Степная крѣпость. Подступаетъ Пугачевъ. Шванвичъ передаетъ ему крѣпость. Взятіе крѣпости. Шванвичъ дѣлается сообщникомъ Пугачева. Ведетъ свое отдѣленіе въ Нижній. Спасаетъ сосѣда отца своего. Чика между тѣмъ чуть было не повѣсилъ стараго Шванвича. Шванвичъ привозитъ сына въ Петербургъ. Орловъ выпрашиваетъ прощеніе».

Кромѣ этого отрывка, мы имѣемъ еще два другихъ неизвѣстной даты. Въ этихъ отрывкахъ мы встрѣчаемся съ другимъ героемъ — Башаринымъ-Буланинымъ-Гриневымъ, въ повѣсть вплетается романическая фабула, упоминается дочь стараго коменданта, а въ послѣднемъ отрывкѣ вводится и завязка повѣсти—буранъ и повѣсть строится на темѣ великодушія и благодарности Пугачева. [1])

По этимъ отрывкамъ, однако, мы можемъ судить, насколько «Капитанская Дочка» не соотвѣтствуетъ ея первоначальнымъ наброскамъ и намѣреніямъ Пушкина написать историческій романъ. Первоначальная «Капитанская Дочка» — исключительно историческій романъ, и второй планъ,—выступившій впослѣдствіи на первый планъ,—семейная хроника, «романъ на старый ладъ»,—совершенно отсутствуетъ въ немъ. Съ этой цѣлью, съ цѣлью написать «историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугачевщины», Пушкинъ и занимался въ архивахъ и ѣздилъ въ Казань и Оренбургъ. По мѣрѣ того, какъ накоплялись матеріалы по бунту, Пушкина все болѣе и болѣе привлекала мысль написать «Исторію Пугачева». Осенью 1833 года «Исторія Пугачевскаго бунта» была уже окончена, а «Капитанская Дочка» только начата (да и послѣднее мы можемъ говорить только преположительно) въ черновыхъ наброскахъ. По времени — «Капитанская Дочка» была задумана раньше «Исторіи Пугачевскаго бунта», но выполнена она значительно послѣ «Исторіи». Подтвержденіе

---

[1]) «А. С. Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ». «Унив. изв.» памяти Пушкина. Май 1899 г., Кіевъ.

[1]) «Башаринъ отцомъ своимъ привезенъ въ Петербургъ и записанъ въ гарнизонъ; за шалость сосланъ въ гарнизонъ, пощаженъ Пугачевымъ, при взятіи крѣпости, произведенъ имъ въ капитаны и отряженъ съ отдѣльной партіей въ Симбирскъ, подъ начальствомъ одного изъ полковниковъ Пугачева. Онъ спасаетъ отца своего, который его не узнаетъ. Является къ Михельсону, который принимаетъ его къ себѣ; отличается противъ Пугачева; принятъ опять въ гвардію, является къ отцу въ Москву, идетъ съ нимъ къ Пугачеву. Старый комендантъ отправляетъ свою дочь въ ближнюю крѣпость. Пугачевъ, взявъ одну, подступаетъ къ другой. Башаринъ первый на приступѣ. Требуетъ въ награду...

Въ другомъ отрывкѣ читаемъ:

«Башаринъ дорогой, во время бурана, спасаетъ башкирца, Башкирецъ спасаетъ его по взятіи крѣпости. Пугачевъ щадитъ его, сказавъ башкирцу: «Ты своей головой отвѣчаешь за него». Башкирецъ убитъ, «etc». Намъ кажется несомнѣннымъ, что первый отрывокъ значительно отдаленъ отъ двухъ другихъ, которые мы склонны весьма сближать одно съ другимъ: «etc», оканчивающее слѣдующій отрывокъ, предполагаетъ предыдущій.

этому мы находимъ и въ свидѣтельствѣ самого Пушкина: 6-го декабря 1833 г. онъ пишетъ Бенкендорфу: «Я думалъ нѣкогда написать историческій Романъ, относящійся ко временамъ Пугачева, но нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ Исторію Пугачевщины». Только тогда, когда исторія Пугача уже вполнѣ сложилась въ головѣ Пушкина, когда онъ отдохнулъ отъ «Исторіи», когда «Исторія» отодвинулась, отошла въ прошлое (таковы законы художественнаго творчества: художникъ всегда творитъ post factum, post rem, а не inter rem), Пушкинъ могъ свободно создавать живые образы живой дѣйствительности на фонѣ дѣйствительности исторической...

Когда именно писалась «Капитанская Дочка»—сказать трудно. По всѣй вѣроятности, въ 1834 и 1835 годахъ, но она подверглась въ 1836 году такимъ значительнымъ измѣненіямъ, что намъ представляется совершенно необходимымъ помѣчать окончаніе «Капитанской Дочки» 36 годомъ.

Бумага, съ клеймомъ 1834 г., на которой была переписана 1-я глава повѣсти, нисколько не опровергаетъ сказаннаго: клеймо 1834 говоритъ о томъ, что 1-я глава не могла быть переписана до 1834 года, но послѣ 34 года она могла быть переписана (развѣ нельзя писать на прошлогодней и третьегодней бумагѣ)? И неужели изъ того, что 1-я глава «Евгенія Онѣгина» окончена въ 23 году, слѣдуетъ заключить, что и весь романъ написанъ въ этомъ году? (Отмѣтимъ кстати, что первая глава даже можетъ предполагать перерывъ въ писаніи: образъ Гринева, какимъ онъ рисуется намъ въ первой главѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ образу Гринева IV-й и слѣдующихъ главъ).

Такъ называемое «дополненіе къ XIII главѣ», исключенное Пушкинымъ [1]) далеко не изъ однихъ цензурныхъ соображеній, но какъ противорѣчащее всей повѣсти, (между прочимъ, въ этомъ дополненіи Гриневъ названъ еще Буланинымъ, а Зуринъ — Гриневымъ), свидѣтельствуетъ объ очень значительныхъ измѣненіяхъ «Капитанской Дочки»: по этому варіанту старикъ-Гриневъ долженъ бы вѣрить въ невинность своего сына, между тѣмъ какъ его повергаетъ въ отчаяніе приговоръ Гриневу-сыну, въ справедливости котораго старикъ—Гриневъ нисколько не сомнѣвается.—Только нашимъ предположеніемъ, что въ 1836 г. «Капитанская Дочка» была значительно передѣлана, исправлена и обработана, можетъ объясниться тотъ фактъ, что до 1836 г. «Капитанская Дочка» никому не извѣстна и что въ октябрѣ—ноябрѣ 1836 г. Пушкинъ нѣсколько разъ кряду читаетъ ее въ дружескихъ кружкахъ, какъ послѣднюю новинку. [1]) 27-го сентября «Капитанская Дочка» еще не въ полномъ видѣ (остановка могла быть за перепиской) была представлена въ цензуру и въ серединѣ ноября прочитана читателями въ IV номерѣ «Современника» [2]).

[1]) См. Незеленова, Шесть статей о Пушкинѣ, стр. 96—103.

VII.

Такъ создавалась «Капитанская Дочка»—работа «многихъ дней» Пушкина. Мы прослѣдили, насколько возможно было, тѣ слагаемыя, сумма которыхъ дала эту замѣчательную повѣсть, тѣ нити, сплетенія которыхъ и дали чудный узоръ, вышитый Пушкинымъ. Историкъ литературы можетъ и обязанъ прослѣживать тѣ шелки и ту канву, по которой вышиваетъ художникъ, но тайна творчества остается ему непонятной. Зная шелки и канву, мы останавливаемся, изумленные, передъ тѣмъ чуднымъ, новымъ для насъ рисункомъ, который созданъ поэтомъ.

«Капитанская Дочка», одно изъ наиболѣе зрѣлыхъ произведеній Пушкина, останется и на всѣ времена образцовой повѣстью, образцовой «семейной хроникой» и «историческимъ романомъ». Пушкинъ былъ для насъ «русскимъ Вальтеръ Скоттомъ» и даже не будь онъ Пушкинымъ (а неисчерпаемый Пушкинъ не только Вальтеръ Скоттъ...), значеніе его было неизмѣримо. Самымъ драгоцѣннымъ въ этой простой повѣсти является языкъ, и стиль-тонъ «Капитанской Дочки» и «Повѣстей Бѣлкина», выше всего, что создано русской прозой. Только одинъ Левъ Толстой могъ соперничать съ «Капитанской Дочкой» — «Войной и Миромъ».

Да въ сущности, другихъ историческихъ

[1]) Такъ, кн. Вяземскій сообщаетъ А. И. Тургеневу 2-го ноября 1836 г.: «Пушкинъ читалъ у меня новый романъ «Капитанская Дочка», повѣсть изъ временъ Пугачевщины. Много интереса, движенія и простоты. Онъ будетъ напечатанъ въ 4-мъ «Современникѣ».

[2]) Этотъ томъ «Современника», имѣющій цензурное одобреніе отъ 11 ноября 1836, былъ послѣднимъ, вышедшимъ при жизни Пушкина.

повѣстей, въ которыхъ были бы выражены «преданья русскаго семейства, любви плѣнительные сны да нравы нашей старины», у насъ и нѣтъ, кромѣ «Войны и Мира» и «Капитанской Дочки». Но «Капитанская Дочка» совершеннѣе, «Капитанская Дочка» шире по объему (она затрагиваетъ всѣ классы русскаго общества, тогда какъ «Война и Миръ» касается преимущественно военной среды и аристократіи), хотя и написана болѣе сжато, болѣе очерками, поразительными по своей правдѣ и красотѣ. «Война и Миръ»—вся сплошь написана красками такими, которыхъ еще не было у Пушкина и которыя появились только у Толстого. XVIII вѣкъ изображенъ, домашнимъ образомъ, правдиво и просто «Капитанской Дочкой», начало XIX—«Войной и Миромъ». Главное, какъ мы сказали, въ повѣсти Пушкина—тонъ, стиль. Но этотъ стиль тотъ, какими писали и говорили въ 20-хъ и 30-хъ годахъ современники Пушкина. Пушкинъ достигаетъ впечатлѣнія XVIII вѣка и народности, ни разу не прибѣгая къ стилизаціи XVIII вѣка, ни разу не поддѣлываясь подъ народныя рѣчи и не потому, что это было недоступно ему. «Когда мы всѣ», говоритъ Аполлонъ Григорьевъ, «восторгались «народными» разговорами въ романахъ Загоскина, Пушкинъ, въ высокой степени владѣвшій народною рѣчью (отрывокъ о Медвѣдицѣ), понимавшій глубоко и комическія пружины быта русскаго человѣка (Лѣтопись села Горюхина), и трагическія (кузнецъ въ «Дубровскомъ», Емеля въ «Капитанской Дочкѣ», пиръ Пугачева, и т. д.), онъ ни разу не позволилъ себѣ написать какую-либо повѣсть съ «народными разговорами», ибо зналъ, что не пришло еще время, нѣтъ еще красокъ подъ рукою и неоткуда ихъ взять, пока не послѣдуютъ его совѣту и не будутъ учиться русскому языку у московскихъ просвиренъ (примѣчаніе къ «Онѣгину»), что рѣчь, которую выдавали за народную—не народная, а подслушанная у дворни, что чувства этою рѣчью выражаемыя—фальшивы и т. д. Онъ, опять повторяю, только тамъ писалъ красками, гдѣ зналъ краски; зато все то, что оставилъ онъ намъ писаннаго красками, вѣчно, какъ народная сущность, будутъ ли это рѣчи Татьяниной няни и разсказъ ея о выходѣ замужъ, будутъ ли это рѣчи «Наташи» въ балладѣ «Женихъ», рѣчи дочери мельника, въ которыхъ даже пятистопный ямбъ превращается въ складъ народнаго стиха... будутъ ли это народныя сцены въ «Борисѣ»... Все это вѣчно, все это правдиво» [1]).

Письмо Савельича написано такъ же грамотно, какъ и письмо Гринева—старика, какъ и записки Петра Андреевича Гринева, хотя Пушкину ничего не стоило скопировать его съ писемъ своей няни. Но великій въ своей простотѣ художникъ избѣгалъ всего «умышленнаго», всего дѣланнаго, стилизованнаго, когда въ этомъ не было необходимости (а въ данномъ случаѣ не было необходимаго—по тону, по содержанію сейчасъ же видно, что это письмо могъ написать только одинъ Савельичъ). Пушкинъ избѣгалъ всякаго подчеркиванія и генералъ Рейнсдорпъ, выходящій на сцену съ его «Поже мой» и «ешофыми рукавицами» продолжаетъ говорить такимъ правильнымъ языкомъ, какимъ рѣдко говорятъ и прирожденные русскіе люди. Но въ исключительныхъ случаяхъ Пушкинъ отступаетъ отъ своего правила и даетъ намъ пересыпанную пословицами и поговорками рѣчь Пугачева, реестрикъ Савельича, языкъ «господъ енараловъ» Пугача и т. д. и т. д. Также мало XVIII вѣка мы найдемъ и во внѣшнихъ чертахъ быта повѣсти. На каждой страницѣ можно найти примѣры анахронизмовъ (билліардъ въ захолустномъ трактирѣ, поставецъ, распространенность у крестьянъ самоваровъ, картина взятія Очакова [2]) и т. д.), перечислять которые мы считаемъ излишнимъ по той причинѣ, что въ «Капитанской Дочкѣ» Пушкинъ изобразилъ Оренбургскій и Казанскій край современнымъ ему, такимъ, какимъ онъ наблюдалъ его на своихъ нерекладныхъ во время поѣздки въ 1833 г. въ Казань и Оренбургъ, такъ значительно повліявшей на его повѣсть. Все это, если угодно, и недостатки, но они вполнѣ искупаются другими пріемами, употребленными Пушкинымъ, и эти-то пріемы и создаютъ въ наеъ впечатлѣніе XVIII вѣка. Въ «Капитанской Дочкѣ» Пушкинъ достигъ удивительнаго отождествленія съ воззрѣніями своихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ: Пушкинъ заставляетъ ихъ говорить языкомъ XIX вѣка, но психика его дѣйствующихъ лицъ принадлежитъ XVIII вѣку—такъ мыслили и чувствовали, какъ мыслили и чувство-

---

[1]) Аполлонъ Григорьевъ, стр. 517—518.

[2]) Пушкинъ, очевидно, имѣлъ въ виду взятіе Очакова при императрицѣ Екатеринѣ—картину примелькавшуюся ему въ станціонныхъ избахъ, а не совершенно непопулярное взятіе Очакова при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

вали герои повѣсти Пушкина, люди XVIII вѣка, и это отождествленіе Пушкина съ психикой XVIII вѣка гораздо глубже и значительнѣе внѣшняго и искусственнаго отождествленія съ языкомъ XVIII вѣка нашихъ бѣдныхъ стилизаторовъ. Изумительно при этомъ разнообразіе типовъ, проходящихъ передъ нами въ «Капитанской Дочкѣ», образовъ, начертанныхъ безконечно правдиво и сильно однимъ мастерскимъ штрихомъ: достаточно сказать, что никто не превзошелъ Пушкина въ созданіи Екатерины, хотя «Великая жена» появляется только мелькомъ въ повѣсти Пушкина. Генералъ-нѣмецъ Рейнсдорпъ, мосье Бопре, Гриневы, Мироновы, Швабринъ, Пугачевъ съ его «господами енаралами», трогательный Савельичъ съ его преданностью и заячьимъ тулупомъ, слуга-крестьянинъ, сохранившій, по выраженію Н. О. Лернера «нетлѣнныя сокровища ума и души въ удушливомъ мракѣ крѣпостного права», масса народная, башкирцы—всѣ эти живыя лица XVIII вѣка навѣки сохраняются въ нашей памяти послѣ перваго прочтенія «Капитанской Дочки» въ раннемъ дѣтствѣ (кто изъ насъ не воспитался на «Капитанской Дочкѣ» и въ комъ не осталась она на всю жизнь?).

Немало способствуютъ также впечатлѣнію XVIII вѣка нѣкоторые внѣшніе пріемы Пушкина. Эпиграфы изъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ [1]) и писателей XVIII вѣка, (Княжнина, Фонвизина, Хераскова), калмыцкая сказка Пугачева, любовные куплеты Гринева—все это создаетъ фонъ, на которомъ вырисовывается передъ нами «романъ на старый ладъ», все это придаетъ извѣстный колоритъ архаизма «преданіемъ русскаго семейства». Пріемъ этотъ, заимствованный главнымъ образомъ отъ Вальтеръ Скотта, Пушкинъ довелъ до изумительнаго совершенства.

VIII.

Въ «Капитанской Дочкѣ» необходимо различать два наслоенія, два плана: одинъ, явившійся непосредственнымъ результатомъ «Исторіи Пугачевскаго бунта»—планъ военныхъ дѣйствій, картина Пугачевщины, и другой, возникшій на этомъ фонѣ, на почвѣ изученія исторіи Пугачева, Бѣлкинскій—хроника семейства простыхъ людей Гриневыхъ и Мироновыхъ. Достоинства этихъ двухъ плановъ далеко не одинаковы: въ то время, какъ мы не можемъ сдѣлать ни единаго упрека семейной хроникѣ, фонъ этой семейной хроники страдаетъ крупными недостатками.

Какъ и въ «Исторіи», въ повѣсти совершенно не затронута соціальная сторона движенія, все ограничивается бродягой Емелькой, господами енаралами и башкирцами, весь бунтъ стянутъ къ очень маловажному и начальному пункту: отъ художника, и притомъ такого художника, какимъ былъ Пушкинъ, мы въ вправѣ требовать стихіи бунта, картины того движенія, которое захватило чуть-ли не всю Россію, а эта-то стихія бунта какъ разъ и отсутствуетъ въ повѣсти Пушкина. Но геройская смерть простого русскаго человѣка, героизмъ смерти никогда не изображался до Пушкина такъ правдиво и такими простыми и величавыми словами.

Соединены оба плана въ повѣсти анекдотической благодарностью и великодушіемъ Пугачева къ автору записокъ—Петру Андреевичу Гриневу: завязкой служитъ заячій тулупъ, подаренный Гриневымъ бродягѣ Емелькѣ на постояломъ дворѣ—и это соединеніе нельзя не признать мелодраматичнымъ. Слишкомъ неестественно и вредитъ правдивости образа Пугачева многократное спасеніе Гринева милостями Емельки. Но какъ прекрасно семейное преданіе Гриневыхъ, по которому благодарный Пугачевъ и передъ казнію кивнулъ головою Гриневу, какъ трогательна эта легендарность преданія.

---

[1]) Мы уже замѣчали выше, сколько Пушкинъ обязанъ 75-ти лѣтней бердинской казачкѣ и яицкимъ казакамъ. Пушкинъ чуткимъ ухомъ прислушивался всю жизнь свою къ народному творчеству и можно только удивляться его знанію народныхъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и сказокъ. Также удивительно его знаніе литературы XVIII вѣка и начала XIX. Такъ эпиграфъ къ гл. II взятъ изъ пѣсни, напечатанной въ книгѣ «Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ; перваго—россійскаго славнаго вора, разбойника и бывшаго московскаго сыщика Ваньки Каина, со всѣми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою, забавными разными его пѣснями и портретомъ его; второго—французскаго мошенника Картуша и его сотоварищей. С.-ПБ. 1779, 1788, 1794. Извѣстные стихи Швабрина въ главѣ IV «Капитанская дочь, не ходи гулять въ полночь» заимствованы изъ сборника Прача (изд. 1815). Но болѣе всего Пушкинъ пользовался сборниками Новикова: извѣстные куплеты Гринева—Мысль любовну истребляя,—въ IV главѣ, эпиграфы къ VI и VII главамъ взяты оттуда.

IX.

«Среди образовъ XVIII вѣка не могъ Пушкинъ не отмѣтить Недоросля, и отмѣтилъ его безпристрастнѣе и правдивѣе Фонвизина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается въ каррикатуру, въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль не каррикатура и не анекдотъ, а самое простое и вседневное явленіе, къ тому же не лишенное довольно почтенныхъ качествъ. Это—самый обыкновенный, нормальный дворянинъ средней руки. Высшее дворянство находило себѣ пріютъ въ гвардіи, у которой была своя политическая исторія въ XVIII вѣкѣ, впрочемъ, болѣе шумная, чѣмъ плодотворная. Скромная была судьба нашихъ Митрофановъ. Они всегда учились понемногу, сквозь слезы при Петрѣ I, со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно сдѣлали нашу военную исторію XVIII вѣка; это—пѣхотные армейскіе офицеры, и въ этомъ чинѣ они протоптали славный путь отъ Кунерсдорфа до Рымника и до Нови. Они съ русскими солдатами вынесли на своихъ плечахъ дорогіе лавры Миниховъ, Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Пушкинъ отмѣтилъ два вида Недоросля, или точнѣе, два момента его исторіи: одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горюхина Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ, который уже человѣкъ XIX вѣка, «временъ новѣйшихъ Митрофанъ». Къ обоимъ Пушкинъ отнесся съ сочувствіемъ. Недаромъ и капитанская дочь М. И. Миронова предпочла добродушнаго армейца Гринева остроумному и знакомому съ французскою литературой гвардейцу Швабрину. Историку XVIII вѣка остается одобрить и сочувствіе Пушкина и вкусъ Марьи Ивановны» [1]).

Каждое слово драгоцѣнно въ этой характеристикѣ, сдѣланной проф. В. О. Ключевскимъ. Въ ней мѣтко подмѣчены и историческая вѣрность типа П. А. Гринева, и чуткое пониманіе Пушкинымъ дѣйствительной жизни, и связь Гринева съ Бѣлкинымъ, и противоположность Гринева съ Швабринымъ. Историкамъ русской литературы остается только дополнять и расширять взглядъ, высказанный нашимъ замѣчательнымъ русскимъ историкомъ.

[1]) В. Ключевскій. («Вѣнокъ на памятникъ Пушкину»).

П. А. Гриневъ—полная противоположность Швабрину. Если Швабрина мы можемъ назвать человѣкомъ по преимуществу головнымъ, раціоналистомъ — аналитикомъ, то Гринева — человѣкомъ душевнымъ, сердечнымъ: центръ жизни Гринева находится въ сердцѣ, сердце — его единственное и драгоцѣнное сокровище. Подобно Марьѣ Ивановнѣ, онъ всегда руководится побужденіями сердца и даже въ рѣшительныя, критическія минуты—умъ его «безмолвствуетъ» (какъ это было въ сценѣ съ висѣлицей). Въ немъ сильно чувство долга и сознаніе своихъ обязанностей—чувства эти онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца, въ которомъ, однако, сердце никогда не господствуетъ и никогда не приказываетъ головѣ. Гриневъ—настоящій сынъ нѣсколько крутого, но добраго Андрея Петровича и мягкой доброй «матушки» Автотьи Васильевны, и въ обрисовкѣ этого семейства (неотдѣльныхъ членовъ семьи, но семейства, какъ чего-то единаго цѣлаго) Пушкинъ оказался великимъ психологомъ. Въ семействѣ Ларинныхъ могли и не родиться Татьяна и Ольга, въ семействѣ Ларинныхъ одинъ членъ семьи не обусловливаетъ неизбѣжно другого, но семейство Гриневыхъ инымъ мы не можемъ себѣ и представить. Мы знаемъ, мы чувствуемъ навѣрное, что Андрей Петровичъ долженъ былъ жениться на Авдотьѣ Васильевнѣ, что отъ нихъ долженъ родиться Петръ Андреевичъ (даже назвать его нельзя было иначе, какъ не въ честь дѣда). Въ этомъ и только въ этомъ заключается великое и простое откровеніе «семейной хроники», сдѣланное Пушкинымъ. Г. Черняевъ даже вычислилъ (и довольно точно), что отецъ Гринева долженъ былъ родиться приблизительно въ 1709—1710 году. Молодой Гриневъ носитъ въ себѣ всѣ свойства слѣдующаго поколѣнія; насколько старикъ Гриневъ съ обузданіемъ своего добраго сердца—строгій, рѣшительный, непреклонный, нѣсколько деспотическій въ отношеніяхъ и къ любимой и любящей женѣ, неизмѣнно преданной службѣ, солдатъ, родившійся въ царствованіе Великаго Петра [1]),

[1]) Старый Гриневъ во многомъ напоминаетъ старика Дэвида Дійнса изъ «Эдинбургской темницы» Вальтеръ-Скотта: оба насквозь проникнуты чувствомъ долга, который они ставятъ выше всякихъ сердечныхъ стремленій, побужденій и влеченій. Оба они были прекрасными семьянинами, но считали постыднымъ обнаруживать это качество свое, считая семью чѣмъ-то недостойнымъ

характеренъ для своего времени, настолько для своего времени характеренъ молодой Гриневъ. Молодой Гриневъ смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, смѣшаннымъ съ жалостью къ «несчастному», на пытку башкирца; старикъ Гриневъ отнесся бы къ этому съ полнымъ хладнокровіемъ. Объясненіе этому заключается въ словахъ Гринева: «Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку и что нынѣ я дожилъ до кроткаго царствованія Императора Александра,—не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ человѣколюбія». Гриневъ-сынъ въ столько же разъ мягче и человѣчнѣе отца-Гринева, во сколько мягче и человѣчнѣе было время Екатерины II и «дней Александровыхъ прекрасное начало»—временъ владычества «припадочныхъ» людей.

Швабринъ только набросанъ, но набросанъ яркими, рѣзкими чертами; Гриневъ нарисованъ гораздо тщательнѣе и тоньше. Тонкій рисунокъ Гринева и давалъ поводъ видѣть въ немъ нашей критикѣ совершенно безцвѣтное лицо, его незначительность. Между тѣмъ Гриневъ, авторъ записокъ, вырисовывается передъ нами совершенно явственно; правда мы не знаемъ его внѣшняго облика (авторъ записокъ, конечно, не могъ описать своей наружности), но внутренній міръ его души, всѣ его помыслы и чувства—его чистое и своей простотой, цѣломудріемъ и свѣжей силой сердце мы знаемъ вполнѣ.

Гриневъ въ высшей степени простъ и въ этомъ значеніе его образа.

Нельзя не видѣть, однако, нѣкоторыхъ недочетовъ въ повѣствованіи Пушкина о Гриневѣ. Такъ, намъ остается совершенно непонятнымъ его слишкомъ скорый физическій и духовный ростъ. «Съ пятилѣтняго возраста,—говоритъ Гриневъ,—я отданъ былъ на руки стремянному Савельичу, за трезвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году, выучился я русской грамотѣ, и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзаго кобеля». Правда, что вмѣстѣ съ прованскимъ масломъ былъ выписанъ и «мосье Бопре» [1]), но «мы тотчасъ поладили и хотя по контракту обязанъ онъ былъ учить меня по-французски, по-нѣмецки и всѣмъ наукамъ, но онъ предпочелъ наскоро научиться отъ меня кое-какъ болтать по-русски, и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ». Занятія Гринева науками были очень не сложны: такъ, по географіи онъ занимался тѣмъ, что «прилаживалъ мочальный хвостъ къ мысу Доброй Надежды». Да и этотъ мосье, ничему не научившій своего питомца, былъ скоро прогнанъ и Петрушка «жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чехарду съ дворовыми мальчишками», и на такихъ занятіяхъ засталъ его 16 тилѣтній возрастъ. Мы живо представляемъ себѣ этого деревенскаго недоросля 16-ти лѣтъ, воспитаннаго суровымъ, преданнымъ службѣ отцомъ, заботливымъ Савельичемъ и нѣжной матерью, мы представляемъ себѣ, что онъ съ дѣтства могъ усвоить себѣ наставленіе отца «беречь честь съ молоду» и много хорошихъ качествъ. Но мы совершенно не можемъ уяснить себѣ, какъ этотъ 16-ти-лѣтній деревенскій недоросль, который только то и дѣлалъ, что гонялъ голубей, игралъ въ чехарду да пускалъ змѣевъ, разсуждаетъ о литературѣ съ образованнымъ и умнымъ Швабринымъ. Трудно также понять, какъ умный и образованный Швабринъ могъ снизойти до нашего Петрушки, какъ могъ серьезно драться, видя себѣ въ 16-ти-лѣтнемъ мальчикѣ опаснаго противника и т. д. и т. д. Гриневъ, подобно

(одинъ—церкви, другой службы Царю). Когда Дэвидъ Дійнсъ говоритъ о томъ, что ему не жаль своей преступной дочери, что ему тяжекъ ея грѣхъ, а не наказаніе ей, мы ему не вѣримъ и имѣемъ всѣ основанія не вѣрить, такъ какъ онъ и самъ нѣсколько разъ проговаривается. Мнимая измѣна Петра Андреевича — «сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился своей обыкновенной твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ, повторялъ онъ, выходя изъ себя: сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева. Боже праведный, до чего я дожилъ. Государыня избавляетъ его отъ казни. Отъ этого развѣ мнѣ легче. Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопами... Стыдъ и срамъ нашему роду». Но мы не можемъ повѣрить, чтобы въ отцѣ умерло чувство жалости къ своему сыну и желаніе его спасти.

[1]) Изображеніе въ неприглядномъ видѣ французовъ-гувернеровъ, бывшихъ въ своей родинѣ парикмахерами, поварами и проч. и пріѣхавшихъ въ Россію «pour être outschitel», не очень понимая значеніе этого слова, обще и Пушкину, и другимъ писателямъ какъ XIX, такъ и XVIII вѣка. Но у Пушкина эта нелюбовь къ французамъ—outschitel'ямъ могла увеличиваться и вслѣдствіе воспоминаній дѣтства. Быть можетъ, въ лицѣ мосье Бопре Пушкинъ изобразилъ одного изъ мучителей своего дѣтства.

Бѣлкину, двоится на нашихъ глазахъ: только что мы видѣли его неучемъ и мальчишкой, который кажется еще младше своего возраста, и вдругъ передъ нами взрослый, образованный мужчина.

Трудно говорить о прототипѣ Гринева: Пушкинъ, задумавъ писать «Капитанскую Дочку», хотѣлъ вывести сперва Башарина, помилованнаго самозванцемъ при взятіи Ильинской крѣпости, потомъ Пушкинъ назвалъ своего героя Буланинымъ и только въ 1836 году появляется на сцену Гриневъ (въ дополненіи къ XIII главѣ Гриневъ все еще названъ Буланинымъ). Быть можетъ, Пушкинъ далъ это имя своему герою, найдя его въ числѣ лицъ, подозрѣваемыхъ «въ сообщеніи съ злодѣями», но впослѣдствіи оказавшихся невиновными. Дѣлая такое предположеніе, мы отказываемся видѣть въ историческомъ Гриневѣ прототипъ Пушкинскаго (ибо имя героя «Капитанской Дочки» дано значительно послѣ того, какъ былъ созданъ самый образъ Гринева).

Для того, чтобы разъяснить происхожденіе образа Гринева, намъ пришлось бы восходить къ «Повѣстямъ Бѣлкина».

X.

Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ;
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣзвилась.

Муза Пушкина—рѣзвящаяся вакханочка—воспѣвала красавицъ и ихъ прекрасныя ножки, улыбаясь, скользя и перелетая съ цвѣтка на цвѣтокъ, подобно пчелѣ, и, подобно пчелѣ, всюду собирая цвѣточную пыль. Имена красавицъ мелькаютъ въ первыхъ тетрадяхъ Пушкина, подобно чуднымъ, но мимолетнымъ, мгновеннымъ видѣніямъ...

Въ тѣ великія минуты рожденія Поэта, когда проходила любовь и прояснялся темный умъ—Пушкину становилось горько за своихъ красавицъ—образовъ Музы и съ какою-то горечью сожалѣнія и раскаянія поэтъ говорилъ, что

Онѣ не стоютъ ни страстей,
Ни пѣсенъ, ими вдохновенныхъ...
Я содрогаюсь: сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ...

Много времени прошло съ тѣхъ поръ: перо Пушкина уже не рисовало, забывшись, «близъ неоконченныхъ стиховъ ни женскихъ ножекъ, ни головъ»

Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ, она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французскою книжкою въ рукахъ.

И передъ этой «барышней уѣздной»—поэтъ пришелъ въ умиленіе, увидя въ ней великое начало, образующее міръ, нѣжную и могучую стихію, мудрую въ своей безсознательной стихійности, безконечно правую и священную въ своей любви. Съ тѣхъ поръ, какъ рѣзвая вакханочка—Муза приняла на себя образъ уѣздной барышни Татьяны, нѣжное чувство, полное любви и благоговѣнія, возвышается надъ страстью и даетъ ту чудную гармонію, которая могла поэту диктовать привѣты удаляющемуся мимолетному призраку милой:

Ужель не можно ль мнѣ
Глазами слѣдовать за ней и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселье, миръ души, безпечные досуги...
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

Когда говорятъ о Татьянѣ, какъ объ апоѳеозѣ русской женщины, обыкновенно дѣлаютъ совершенно ненужное удареніе на словѣ русская. Татьяна, этотъ чудный образъ Пушкинской Музы, конечно русская (сама не зная почему) женщина, но она прежде всего женщина—и, создавая Татьяну, Пушкинъ создавалъ апоѳеозъ женщины, ея душевной красоты, безсознательной и стихійной.

Рисуя образъ Татьяны, говоря о ней, Пушкинъ не можетъ сдержать своего нѣжнаго чувства къ ней и восклицаетъ: «Простите мнѣ — я такъ люблю Татьяну милую мою».

Съ тѣмъ же чувствомъ любви, съ тѣмъ же нѣжнымъ отношеніемъ, Пушкинъ создавалъ и образъ Марьи Ивановны въ «Капитанской Дочкѣ». Не потому ли и мы очаровываемся Марьей Ивановной, что Пушкинъ какою то магической силой передалъ намъ свое отношеніе, свою любовь къ этой совсѣмъ простой и совсѣмъ не замѣчательной дѣвушкѣ и заставилъ насъ проникнуть въ это чудное простое сердце—въ святое святыхъ красоты.

Поверхностный наблюдатель или прохожій художникъ-реалистъ совсѣмъ не за-

мѣтилъ бы «незнаемой въ глуши лѣсной ни мотыльками, ни пчелой» мечтательной уѣздной барышни Татьяны, «съ печальной думою въ очахъ, съ французскою книжкой въ рукахъ», а Марью Ивановну едва ли бы даже удостоилъ своимъ презрѣніемъ...

Въ самомъ дѣлѣ, что, казалось бы, замѣчательнаго въ дѣвушкѣ «лѣтъ осьмнадцати, круглолицой, румяной, съ свѣтло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у нея такъ и горѣли». Такою представляется Марья Ивановна на первый, бѣглый взглядъ. Швабринъ описалъ ее Гриневу совершенной дурочкой, и врядъ ли описаніе его далеко отъ истины.

По крайней мѣрѣ, немногое можно сказать объ умѣ Марьи Ивановны по ея разговору съ Гриневымъ. На вопросъ Гринева, почему она не пошла за Швабрина, человѣка, котораго она не только не любитъ, но который, по ея выраженію, ей «очень противенъ», — Марья Ивановна отвѣчаетъ: «Алексѣй Ивановичъ, конечно, человѣкъ умный и хорошей фамиліи, и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ поцѣловаться.... ни за что! Ни за какія благополучія».

Пушкинъ сознательно лишаетъ всякаго ореола эту «благоразумную и чувствительную дѣвушку» (Татьяну все же окружаетъ романтическій ореолъ): она не красива, не образована, не умна — и тѣмъ не менѣе всякій, прочитавшій «Капитанскую Дочку», никогда не забудетъ эту неумную, необразованную и некрасивую дѣвушку».

Подобно Татьянѣ, русская природа создала и воспитала и Марью Ивановну: Марья Ивановна вышла изъ сердца русской природы и изъ сердца простого русскаго народа, которыхъ не пойметъ и не оцѣнитъ гордый взоръ.

Марья Ивановна отъ дѣдовъ и прадѣдовъ усвоила свою красоту души, свой героизмъ и свою мудрость. Марья Ивановна не умна, но она мудра мудростью русской сказки и многовѣковаго прадѣдовскаго опыта. Она только унаслѣдовала отъ своихъ отцовъ-созидателей лучшія черты: «добродѣтели» Марьи Ивановны, если такъ можно выразиться, не личныя, не индивидуальныя, а семейныя, принадлежащія всему роду (и даже, можетъ быть, еще болѣе широко — всему народу). Отсюда и проистекаетъ та безсознательность, которая такъ характерна для героизма Марьи Ивановны; отсюда же проистекаютъ и другія характерныя ея черты: необычайная чуткость (при небольшомъ умѣ) и нѣжная, глубокая красота души.

Марья Ивановна, конечно, героиня, но какъ странно звучитъ это имя, прилагаемое къ ней, и какъ удивилась бы она сама, если бы узнала, что ее называютъ этимъ громкимъ именемъ. Героизмъ Марьи Ивановны совершенно не имѣетъ личной инициативы и ужъ по одному этому ее нельзя сравнивать ни съ женами декабристовъ, ни тѣмъ паче съ Натальей Павловной изъ «Графа Нулина»! (чѣмъ инымъ, какъ не комическимъ недоразумѣніемъ, можно объяснить подобное сравненіе, дѣлаемое проф. Владиміровымъ) [1].

Героизмъ Марьи Ивановны, истинный, подлинный, но скромный, безсознательный героизмъ сказался не только въ ея путешествіи въ Петербургъ къ императрицѣ Екатеринѣ съ просьбой о помилованіи ея жениха Гринева, но и въ томъ особенномъ героизмѣ любви, на который была способна природа Пушкина и которымъ онъ одѣлилъ Капитанскую Дочку.

Слова Маши послѣ полученія Гриневымъ письма отца съ отказомъ въ роди-

---

[1]) Марью Ивановну сравнивали еще съ Наташей (изъ «Жениха») и съ Татьяной (изъ «Евгенія Онѣгина»). Послѣднее сравненіе наиболѣе плодотворное: нельзя не видѣть, дѣйствительно, что источникъ прелести и очарованія, производимый на насъ этими прекрасными женскими образами — общій у Татьяны и Марьи Ивановны. Не менѣе общаго имѣетъ Капитанская Дочка и съ Джени, героиней романа Вальтеръ Скотта «Эдинбургская темница».

«Джени была небольшого роста, очень полная, съ сѣрыми глазами, свѣтлыми волосами и круглымъ добродушнымъ лицомъ, смуглымъ отъ сильнаго загара; главную прелесть ея составлялъ необыкновенно свѣтлый, мягкій взоръ, въ которомъ сказывалась чистая совѣсть, доброе сердце и спокойное настроеніе человѣка, постоянно исполняющаго свой долгъ». Помимо внутренняго сходства, судьбы героинь Вальтеръ-Скотта и Пушкина также напоминаютъ другъ друга. Конечно, можно возразить, что главный стимулъ безсознательнаго героизма Джени (героизмъ и Джени и Маши — равно безсознательный) — чувство долга, тогда какъ стимуломъ героизма Маши является любовь и внутреннее чувство правды, но въ концѣ концовъ все сводится на безусловный голосъ сердца, которому и повинуются обѣ героини. Болѣе существеннымъ является другое различіе: В.-Скоттъ написалъ идеальный образъ шотландки, Пушкинъ — простой русской дѣвушки: обѣ тѣсно связаны съ своей родной почвой и внѣ ея немыслимы. Отмѣтимъ вскользь, что Пушкинъ назвалъ капитанскую дочку въ честь М. И. Осиповой, но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что послѣдняя является прототипомъ дочери коменданта Бѣлогорской крѣпости.

тельскомъ благословеніи и согласіи на бракъ:

«Я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастія. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженую, коли полюбишь другую—Богъ съ тобою, Петръ Андреевичъ, а я за Васъ обоихъ...»—

кажутся намъ переложеніемъ извѣстнаго Пушкинскаго стихотворенія

Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай Вамъ Богъ любимой быть всегда.

Необычайная чуткость и мудрость сказывается въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ Капитанской Дочки. Не умомъ своимъ, а мудростью и чуткостью она сразу угадала и оцѣнила Гринева и Швабрина, и мы не удивляемся тому, что она отдала предпочтеніе безхитростному, правдивому Гриневу предъ блестящимъ, образованнымъ, ѣдкимъ Швабринымъ.

XI.

«Швабринъ для меня имѣетъ много нравственно-чудеснаго», писалъ князь В. Ѳ. Одоевскій Пушкину. И мы не можемъ не согласиться со взглядомъ князя Одоевскаго. Швабринъ, дѣйствительно, имѣетъ много нравственно-чудеснаго. Швабринъ чудесенъ, и не только нравственно-непонятно, чудесно появленіе этого мелодраматическаго злодѣя. Откуда Пушкинъ его взялъ, что хотѣлъ разсказать Пушкинъ, набрасывая, а не рисуя «чудесный» образъ Швабрина? Только рѣшивъ послѣднюю задачу, мы и можемъ судить о Швабринѣ, только когда мы узнаемъ, что Пушкинъ хотѣлъ сказать имъ, можемъ мы рѣшать вопросъ о томъ, какъ онъ сказалъ это, удался или не удался этотъ образъ поэту.

Всякій художественный образъ, всякое созданіе фантазіи художника, для того, чтобы быть значительнымъ, должно обладать конкретностью, ясностью, должно имѣть опредѣленный рисунокъ. И по одному тому, что о Швабринѣ можно гадать—надо признать, что этотъ образъ не принадлежитъ къ числу лучшихъ, художественно-выдержанныхъ созданій Пушкина.

Одно можно сказать съ полною достовѣрностью, какъ намъ кажется, — это то, что Пушкинъ хотѣлъ представить имъ чужое, чуждое, вторгающееся въ мирную обстановку Бѣлогорской крѣпости. Пушкинъ вводитъ Швабрина въ міръ Гриневыхъ и Мироновыхъ, чтобы оттѣнить имъ этотъ нравственно-здоровый міръ.

Швабринъ—это чуждая стихія, которая врывалась въ мирный бытъ цыганъ въ образѣ Алеко, въ мирный бытъ Ларинныхъ и чистое сердце Татьяны—въ образѣ Евгенія Онѣгина, та чуждая стихія, которая производитъ всюду, гдѣ ни коснется, бурю и опустошеніе, стихія, разрушающая диссонансомъ первобытную гармонію. Оправданіе появленія Швабрина въ «Капитанской Дочкѣ» заключается въ томъ, что онъ необходимъ для романа, что безъ него мы не узнали бы такъ и не полюбили бы Гриневыхъ и Мироновыхъ, что безъ него пропали бы лучшія страницы повѣсти.

Швабринъ оттѣняетъ Марью Ивановну, какъ Онѣгинъ оттѣняетъ Татьяну, какъ Алеко—Стараго Цыгана. Но какъ измѣнилось это чужое съ поры «гордаго человѣка»—Алеко. Швабринъ не имѣетъ никакого очарованія, его не окружаетъ никакой романтическій ореолъ (что мы знаемъ о его прошломъ—только то, что онъ дрался на дуэли и былъ за то сосланъ въ богоспасаемую крѣпость, а по какому поводу произошла дуэль, мы не знаемъ и предполагаемъ въ Швабринѣ не гордаго протестанта, а всего на всего несчастнаго человѣка). Швабринъ не только не производитъ никакой бури и опустошенія, онъ не можетъ смутить ничей покой. Почему? А потому, что Швабринъ набросанъ, а не нарисованъ (какъ вѣрно отмѣтилъ кн. Одоевскій), Швабринъ разсказанъ, а не показанъ, склеенъ, а не созданъ. Судъ надъ Швабринымъ должны были произнести герои Бѣлогорской крѣпости, но Пушкинъ не удовольствовался этимъ судомъ и заранѣе приговорилъ его къ смерти. Образованный, умный, ѣдкій циникъ Швабринъ такъ простодушно раскрываетъ свои карты передъ простыми людьми Мироновыми, что не можетъ никого ввести въ заблужденіе относительно своей особы. Побѣда, доставшаяся этимъ простымъ людямъ, слишкомъ легкая, слишкомъ дешевая, чтобы мы ее смогли должно оцѣнить—недостатки въ созданіи образа Швабрина отзываются и на всей повѣсти...

Швабринъ непонятенъ: онъ слишкомъ уменъ, чтобы такъ глупо вести себя, онъ слишкомъ тонокъ и «гвардеецъ», чтобы заранѣе пристать къ «сволочи»...

Спесивый дворянинъ-циникъ могъ измѣнить долгу, но не могъ вступить

въ союзъ со «смердами». Непонятна и исторія отношеній Швабрина къ Марьѣ Ивановнѣ: злодѣй, которому настоящее чувство благородной деликатности и внутренняго такта не позволило произнести на судѣ (и при томъ на очной ставкѣ съ Гриневымъ) имя Марьи Ивановны [1]), не могъ такъ издѣваться надъ ней, какъ издѣвался надъ ней Швабринъ, когда капитанская дочка попалась ему въ руки. Обращаясь съ ней такъ грубо, онъ не могъ не уступить своей страсти, чтобы она добровольно въ отвѣтъ на его жестокости (не изъ чувства ли благодарности) отвѣтила ему лаской... Пушкинъ задалъ намъ Швабринымъ загадку. Кто онъ—сознательный ли нравственный уродъ, или злодѣй изъ неудавшихся «героевъ».

Во всякомъ случаѣ—Швабринъ не живое лицо въ портретной галлереѣ Пушкина.

XII.

«Я сталъ на колѣна и устремилъ глаза мои на больного. Что-жъ.. Вмѣсто отца моего, вижу, въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: «Что это значитъ. Это не батюшка. И съ какой мнѣ стати просить благословенія мужика?»—Все равно, Петруша, отвѣчала мнѣ матушку: это твой посаженый отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пустъ онъ тебя благословитъ... — Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря: «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе»... Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною»...

Этотъ роковой «страшный мужикъ» принимаетъ какіе-то чудовищно-неестественные размѣры, подавляющіе насъ въ пророческомъ снѣ Гринева, подобно страшному мужику въ пророческомъ снѣ Анны Карениной...

«Страшный мужикъ» Емелька Пугачевъ нарисованъ здѣсь такими же правдивыми огромными чертами, какими рисуетъ своихъ богатырей русская народная пѣсня и сказка. Пугачевъ Пушкина не соотвѣтствуетъ Пугачеву исторіи, но вполнѣ соотвѣтствуетъ тому богатырю, какимъ его создалъ народъ. 75-ти лѣтняя бердинская знакомая Пушкину казачка и уральскіе казаки продиктовали Пушкину отношеніе къ «Государю Петру Федоровичу», штрихами своими Пушкинъ обязанъ этимъ безвѣстнымъ людямъ, но краски для изображенія этого исполинскаго образа Пушкинъ могъ найти только у себя на палитрѣ.

Весь бунтъ Пугачева построенъ на рискѣ, на томъ страшномъ русскомъ «авось», которому и терять нечего. «Нѣтъ,—говоритъ Пугачевъ Гриневу,—поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся. Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою». Пушкинскій Пугачевъ—это тотъ народный богатырь, у котораго силы рвутся изъ груди отъ избытка, отъ переполненія и которому некуда дѣть ихъ, некуда приложить свои силы, которыя тяжело носить въ груди. Слѣпыя силы—неудобоносимое бремя—«тяжко отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени». Богатырь не можетъ ничего дѣлать понемножку—«чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью; а тамъ,—что Богъ дастъ». Это стихійная безшабашность страшна своей силой, которой нѣтъ удержу, которая ни передъ чѣмъ не останавливается, потому что ничего не видитъ—все бѣжитъ передъ ея слѣпымъ, отчаяннымъ натискомъ, ничто не сопротивляется и не можетъ сопротивляться передъ этой безумной храбростью—разбоемъ. Народу импонировалъ этотъ богатырь-разбойникъ съ его безграничнымъ удальствомъ русскаго «авося», и народъ встрѣчалъ Пугачева колокольнымъ звономъ и хлѣбомъ-солью. «Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный»—разгадка этихъ словъ Пуш-

---

[1]) Г. Черняевъ, желающій во что бы то ни стало пѣть одни диѳирамбы въ своемъ изслѣдованіи о «Капитанской Дочкѣ», а потому превозносящій до небесъ созданіе Пушкинымъ Швабрина, объясняетъ это умолчаніе Швабрина тѣмъ, что ему невыгодно было вплетать въ свое дѣло имя Марьи Ивановны, какъ дочери героя, что Швабринъ изъ-за боязни за свою шкуру ее обходилъ. Предоставляемъ читателямъ судить, на сколько можно давать такую интерпретацію тексту Пушкина: «...Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, оттого-ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ, оттого-ли, что въ сердцѣ его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать».

кина заключается въ его пониманіи Пугачевщины, какъ мятежа страшныхъ слѣпыхъ силъ, увлеченныхъ богатыремъ-разбойникомъ Емелькой Пугачевымъ. «Что Богъ дастъ», «авось»—этимъ исчерпывается пониманіе Пушкинымъ основъ Пугачевскаго бунта.

По народнымъ легендамъ, Пугачевъ былъ великодушенъ, и уральскіе казаки сваливали всѣ ужасы Пугачевщины на приближенныхъ «господъ енераловъ» Пугачева. И смышленный казакъ, «страшный мужикъ» Пушкина не повиненъ въ злодѣйствахъ. Пугачевъ—малое дитя, которымъ распоряжаются его совѣтчики. Пушкинъ не сдѣлалъ изъ Пугачева мелодраматическаго злодѣя и вслѣдствіе своего художественнаго и человѣческаго чутья дѣйствительности, въ которой нѣтъ совершенныхъ злодѣевъ и совершенныхъ праведниковъ (замѣтимъ, что всѣ разбойники и злодѣи Пушкина надѣлены или великодушіемъ преимущественно—или другими симпатичными качествами), и вслѣдствіе разсказовъ яицкихъ казаковъ, восхвалявшихъ доброту Пугачева. Анекдотъ о лютеранскомъ пасторѣ, которому Пугачевъ подарилъ жизнь за то, что тотъ подавалъ ему мѣдные гроши во время прогулокъ Пугачева въ кандалахъ по Казани, послужилъ фабулой «Капитанской Дочки» и лишнимъ стимуломъ для великодушія «страшнаго мужика». Пушкинъ не сдѣлалъ Пугачева мелодраматическимъ злодѣемъ, но онъ впалъ въ другую крайность, въ другую ошибку и сдѣлалъ Пугачева мелодраматическимъ великодушцемъ.

Какъ не подходитъ къ этому «страшному мужику» женская чувствительность и сентиментальность, которую онъ выказываетъ въ уметѣ (а послѣдствія этой сентиментальности проходятъ и по всей повѣсти). «Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе. Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей». Совершенно непонятно, почему Пугачевъ могъ такъ растрогаться отъ подареннаго ему заячьяго тулупа, который ему стоилъ нѣсколькихъ рюмокъ водки, и который ему не былъ вовсе необходимъ (вѣдь, наканунѣ онъ заложилъ свой тулупъ за стаканъ водки; очевидно, что и заячій тулупъ долженъ итти къ тому же цѣловальнику).

Во всякомъ случаѣ, образъ Пугачева надо судить по законамъ художественнаго творчества, а не по книгѣ Дубровина, а съ точки зрѣнія художественнаго творчества созданіе образа Пугачева является однимъ изъ значительныхъ у Пушкина, хотя и обладаетъ указаннымъ нами существеннымъ недостаткомъ.

XIII.

При выходѣ въ свѣтъ «Капитанской Дочки» оцѣнили ее гораздо вѣрнѣе и лучше простые читатели, нежели критики. Современная Пушкину критика почти совсѣмъ не отозвалась на великое явленіе. Князь В. Ѳ. Одоевскій лучше всѣхъ, быть можетъ, почувствовалъ «Капитанскую Дочку», но въ письмѣ къ Пушкину онъ написалъ только о недостаткахъ этого историческаго романа [1]) и большая часть его замѣчаній не утратила своей силы и въ настоящее время. Плетневъ говорилъ, что «Капитанскою Дочкою» Пушкинъ «достигъ высочайшаго совершенства,—простоты самой природы». Но настоящими судьями и цѣнителями новой (послѣдней) повѣсти Пушкина явились простые русскіе читатели, и, преимущественно, русскія читательницы, тѣ самыя русскія дамы, которымъ Пушкинъ хотѣлъ дать въ руки русскую книгу, пре-

[1]) «Капитанскую Дочь» я читалъ два раза сряду и буду писать о ней особо въ Литературныхъ Прибавленіяхъ. Комплиментовъ вамъ въ лицо дѣлать не буду,—вы знаете все, что я объ васъ думаю и къ вамъ сочувствую; но вотъ критика не въ художественномъ, но въ читательномъ отношеніи. Пугачевъ слишкомъ скоро, послѣ того, какъ о немъ въ первый разъ говорится, нападаетъ на крѣпость: увеличеніе слуховъ не довольно растянуто: читатель не имѣетъ времени побояться за жителей Бѣлогорской крѣпости, когда она уже взята. Семейство Гринева не хотѣлось бы видѣть еще разъ послѣ всей передряги: хочется знать, что скажетъ Гриневъ, увидя Машу съ Савельичемъ. Савельичъ—чудо. Это лицо самое трагическое, т.-е. котораго больше всѣхъ жаль въ повѣсти. Пугачевъ чудесенъ, онъ нарисованъ мастерски. Швабринъ, набросанъ прекрасно, но только набросанъ; для зубовъ читателя трудно пережевать его переходъ изъ гвардіи офицера въ сообщники Пугачева. По выраженію Іосифа Прекраснаго, Швабринъ слишкомъ уменъ и тонокъ, чтобы повѣрить возможности успѣха Пугачева, и не довольно страстенъ, чтобъ изъ любви къ Машѣ рѣшиться на такое дѣло. Маша такъ долго въ его власти, а онъ не пользуется этими минутами. Покамѣстъ Швабринъ для меня имѣетъ много нравственно-чудеснаго: можетъ быть, какъ прочту въ третій разъ, лучше пойму. О подробностяхъ не говорю, объ интересѣ—тоже: я не могъ ни на минуту оставить книги, читая ее даже не какъ художникъ, но стараясь быть просто читателемъ, добравшимся до повѣсти». «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 817.

восходящую не только произведенія нашихъ доморощенныхъ Вальтеръ Скоттовъ, «костромскихъ модистокъ», но, быть-можетъ, даже и западные образцы. По свидѣтельству графа Эльмптъ, великая княгиня Елена Павловна (супруга Михаила Павловича) выразилась въ разговорѣ съ Барантомъ (французскій посолъ) о Пушкинѣ, что «его историческій романъ гораздо выше романовъ Вальтеръ Скотта» [1]).

Ольга Сергѣевна Павлищева писала Сергѣю Львовичу Пушкину 3-го февраля 1837 г. изъ Варшавы (еще не зная о смерти брата):

«On voit qu'il est très affairé et de mauvaise humeur. Le 4-me volume de son journal est embelli par sa production Капитанская дочка; il y a longtemps que je n'ai rien lu d'aussi intéressent en Russe»..... [2]).

Таково было первое впечатлѣніе отъ «Капитанской Дочки», и все же надо сознаться, что она не имѣла и половины того успѣха, какимъ пользовался «Юрій Милославскій» Загоскина или «Ледяной домъ» Лажечникова. Время шло, и «Капитанская Дочка» все больше и больше находила себѣ читателей и суровой незаслуженной критики. Вышло какъ-то странно: русская критика проглядѣла «Капитанскую Дочку» и, превознося ее или порицая, не оцѣнила ея значенія. Бѣлинскій въ 41 году отдавалъ предпочтеніе мелодраматическому «Дубровскому» (мелодраматизмъ этой повѣсти сознавалъ самъ Пушкинъ—взыскательный художникъ—высшій судья своихъ произведеній), котораго онъ называлъ «однимъ изъ величайшихъ созданій генія Пушкина» и только въ 46 году отдалъ нѣкоторую часть должнаго «Капитанской Дочкѣ», сказавъ, что она—«нѣчто въ родѣ Онѣгина въ прозѣ». Но, удѣливъ листы для выясненія значенія «Евгенія Онѣгина» въ стихахъ, для «Евгенія Онѣгина въ прозѣ» онъ ограничился нѣсколькими строками, въ которыхъ тонкое пониманіе соперничаетъ съ грубымъ непониманіемъ.

«Капитанская дочка»—нѣчто въ родѣ «Онѣгина» въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества въ царствованіе Екатерины. Многія картины по вѣрности, истинѣ содержанія и мастерству изложенія — чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера-француза и, въ особенности, его дядьки изъ псарей, Савельича, этого русскаго Калеба,—Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума Ивана Игнатьевича, наконецъ, самого Пугачева съ его «господами енаралами»; таковы многія сцены, которыхъ, за ихъ множествомъ, не находимъ нужнымъ пересчитывать. Ничтожный, безцвѣтный характеръ героя повѣсти и его возлюбленной Марьи Ивановны, и мелодраматическій характеръ Швабрина, хотя принадлежатъ къ рѣзкимъ недостаткамъ повѣсти—однакожъ не мѣшаютъ ей быть однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы».

И это все, что сказалъ великій критикъ о великомъ произведеніи. Если Бѣлинскій такъ говорилъ о «Капитанской Дочкѣ», то послѣдователи его или вовсе не замѣчали этой повѣсти, или обнаруживали полное непониманіе ея. И только одинъ Гоголь въ 40-хъ годахъ понялъ историческое значеніе «Капитанской Дочки», назвавъ ее «рѣшительно лучшимъ произведеніемъ въ повѣствовательномъ родѣ».

«Сравнительно съ «Капитанской Дочкой»,—писалъ Гоголь [1]),—всѣ наши романы и повѣсти кажутся приторною размазней. Чистота и безыскусственность взошли въ ней на такую высокую ступень, что сама дѣйствительность кажется передъ нею искусственною и каррикатурною. Въ первый разъ выступили истинно русскіе характеры: простой комендантъ крѣпости, капитанша, поручикъ, сама крѣпость съ единственною пушкой, безтолковщина времени и простое величіе простыхъ людей, все—не только самая правда, еще какъ бы лучше ея. Такъ оно быть должно: на то и призваніе поэта, чтобъ изъ насъ же взять насъ и насъ же возвратить намъ въ очищенномъ видѣ» [2]).

---

[1]) См. записки А. О. Смирновой, п. II, стр. 92.

[2]) Письма Ольги Сергѣевны Павлищевой къ ея отцу, Сергѣю Львовичу Пушкину, въ Москву, въ 1836 и 1837 гг. Сообщ. Л. Н. Павлищевъ. «Пушкинъ и его современники», вып. XII, стр. 101.

[1]) «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». «Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность».

[2]) Отмѣтимъ кстати, что не разъ подымался въ нашей критикѣ вопросъ о вліяніи Гоголя на Пушкина и притомъ рѣшался не въ отрицательномъ смыслѣ. Такъ какъ «Капитанская Дочка» является органическимъ продолженіемъ и завершеніемъ «Повѣстей Бѣлкина», то и вопросъ о вліяніи Гоголя переносится съ «Капитанской Дочки» на «Повѣсти Бѣлкина». А могъ ли Гоголь оказать вліяніе на «Повѣсти Бѣлкина», можно судить по тому, что «Повѣсти Бѣлкина» были написаны осенью 1830 г., а въ апрѣлѣ 1831 года Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу: «о Гоголѣ не скажу тебѣ ничего потому, что доселѣ (ничего) его не читалъ за недосугомъ». Намъ кажется, что эта фраза не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

Лучшій толкователь-художникъ Пушкинской прозы, Аполлонъ Григорьевъ, не посвятилъ отдѣльной статьи «Капитанской Дочкѣ», такъ какъ онъ не считалъ ея органическимъ завершеніемъ того великаго нравственнаго процесса, который породилъ Бѣлкина и все, что говорилъ Григорьевъ о повѣстяхъ Бѣлкина, можно отнести и къ «Капитанской Дочкѣ».

Всѣ наши жилы бились въ натурѣ Пушкина, и, въ настоящую минуту, литература наша развиваетъ только его задачи—въ особенности же типъ и взглядъ Бѣлкина. Бѣлкинъ, который писалъ въ «Капитанской Дочкѣ» хронику семейства Гриневыхъ, написалъ и хронику семейства Багровыхъ. Бѣлкинъ—и у Тургенева и у Писемскаго; Бѣлкинъ отчасти и у Толстого—ибо Бѣлкинъ Пушкинскій былъ первымъ выраженіемъ критической стороны нашей души, очнувшейся отъ сна, въ которомъ грезились ей различные міры». Аполлонъ Григорьевъ, несомнѣнно, преувеличилъ цѣльность и значеніе типа Бѣлкина въ творчествѣ Пушкина. Но онъ первый поставилъ вопросъ объ историческомъ значеніи повѣсти Пушкина на вѣрную почву, какъ онъ первый внятно заговорилъ о томъ, что въ «Капитанской Дочкѣ» — въ особенности поэтъ достигаетъ удивительнѣйшаго отождествленія съ воззрѣніями отцовъ, дѣдовъ и даже прадѣдовъ», умалчивая, однако, о томъ, на сколько XVIII вѣкъ Пушкина (внѣ психики дѣйствующихъ лицъ) соотвѣтствуетъ историческому XVIII вѣку.

Подобно тому, какъ голосъ Гоголя не былъ никѣмъ услышанъ въ 40-хъ годахъ, голосъ Аполлона Григорьева въ 50 и 60-хъ г.г. прозвучалъ также глухо и пустынно и не нашелъ себѣ ни въ комъ отклика, за исключеніемъ Страхова (преданнаго поклонника Аполлона Григорьева), который разобралъ «Капитанскую Дочку» съ точки зрѣнія семейной хроники и назвалъ ее однимъ «изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній нашей литературы». Не малой заслугой Страхова является сравненіе «Капитанской Дочки» съ «Войной и Миромъ», Льва Толстого, а также указаніе на вліяніе семейной хроники «Капитанской Дочки» на всѣ послѣдующія семейныя хроники. Л. Н. Толстой, скупой вообще на похвалы и отзывы о русскихъ писателяхъ въ особенности, считалъ «Капитанскую Дочку» верхомъ Пушкинскаго творчества, и вглядѣвшись пристальнѣй въ «Капитанскую Дочку» и «Войну и Миръ», можно разглядѣть много общихъ чертъ; быть можетъ, и самая мысль написать романъ въ двухъ плоскостяхъ — военно и мирно-исторической, богатой бряцаніемъ оружія и семейной, богатой силою домашняго уклада и семейныхъ преданій,—внушена Толстому Пушкинымъ. Точно также и Хлоповъ (въ разсказѣ Л. Толстого «Набѣгъ») сильно напоминаетъ капитана Миронова. Толстой говоритъ, что «въ фигурѣ капитана было очень мало воинственнаго, но за то въ ней было столько истины и простоты, что она необыкновенно поразила меня. Вотъ кто истинно храбръ,—сказалось мнѣ невольно» [1]).

Гораздо больше оживленія принесли Пушкинскія празднества въ 1880 (по случаю открытія памятника) и въ 1889 (столѣтній юбилей).—1880-му году принадлежитъ знаменитая рѣчь Достоевскаго и менѣе извѣстная—В. О. Ключевскаго, который, сдѣлавъ общій обзоръ вклада Пушкина въ исторію, призналъ, что наиболѣе цѣннымъ произведеніемъ въ этомъ отношеніи была «Капитанская Дочка». Она заставила насъ почувствовать XVIII вѣкъ больше, чѣмъ это можетъ сдѣлать историческое повѣствованіе (въ родѣ Пушкинской же «Исторіи Пугачевскаго бунта»).

Съ Пушкинскихъ празднествъ стали отдавать должное «Капитанской Дочкѣ» и называть ее не иначе, какъ «вѣнцомъ пушкинской прозы — произведеніемъ, не имѣющимъ на себѣ ни единаго пятна, во всѣхъ отношеніяхъ выдержаннымъ и безупречнымъ» [2]), но спеціальныхъ изслѣдованій о «Капитанской Дочкѣ» не было и за послѣдніе 30 лѣтъ, такъ же, какъ и за предыдущіе 44. Единственнымъ исключеніемъ является монографія Н. И. Черняева, помѣщенная въ 1897 въ «Русскомъ Обозрѣніи» и вышедшая тогда-же отдѣльнымъ оттискомъ.

Мы называемъ монографію Черняева только попыткой такого изслѣдованія, ибо она обладаетъ очень крупными недостатками: вызванная политическими цѣлями, она состоитъ изъ одного сплошного диѳирамба всѣмъ достоинствамъ и недостаткамъ «Капитанской Дочки».—Авторъ-апологетъ исходитъ изъ разсмотрѣнія

---

[1]) Ср. Лобода стр. 270 и пред. въ «Университетскихъ извѣстіяхъ»—«Памяти Пушкина», май 1899. Кіевъ. «Отзвуки Пушкинской поэзіи».

[2]) Н. О. Лернеръ. «Проза Пушкина», стр. 397 «Исторія русской литературы» XIX вѣка», изд. т-ва «Міръ», т. I. Москва, 1908 г.

повѣсти Пушкина, какъ чего-то совершенно исключительнаго и превосходящаго чуть ли не все написанное въ міровой литературѣ.

Этими политическими-апологетическими цѣлями обусловлены и другіе крупные недостатки монографіи г. Черняева. Удѣляя много мѣста разбору критики «Капитанской Дочки» и характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ повѣсти, авторъ вскользь говоритъ объ исторіи возникновенія «Капитанской Дочки», о ея вліяніи на послѣдующую русскую литературу.

«Капитанская Дочка»—одно изъ крупнѣйшихъ и наиболѣе зрѣлыхъ произведеній Пушкина — принадлежитъ къ тѣмъ явленіямъ искусства, которыя входятъ въ плоть и кровь нашу, растворяясь въ ней, переиначивая, измѣняя нашу психику и самую жизнь. По одному этому можно заранѣе быть увѣреннымъ, что вліяніе «Капитанской Дочки» на русскихъ писателей XIX вѣка было неизмѣримо. Къ «Капитанской Дочкѣ» большинство русскихъ писателей и публика относились всегда восторженно и если высказывали свой восторгъ въ двухъ — трехъ строкахъ, а не въ многотомныхъ изслѣдованіяхъ, то это вполнѣ объясняется тѣмъ, что о «Капитанской Дочкѣ» нечего было сказать, какъ нечего сказать о томъ, что составляетъ часть себя. «Капитанская Дочка» вошла и въ Гоголя, и въ Толстого... Эпопеи нашего стараго помѣщичьяго быта—хроника Аксакова и «Пошехонская старина» Салтыкова могли появиться только послѣ «Капитанской Дочки». Подлинный крестьянинъ вошелъ въ нашу литературу послѣ того, какъ въ ней занялъ почетное мѣсто «русскій Калебъ»—Савельичъ. Но говорить о вліяніи «Капитанской Дочки» трудно, вліяніе ея, несомнѣнно ощущаемое, мало поддается анализу.

Модестъ Гофманъ.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Береги честь смолоду.

Пословица.

ГЛАВА I.

Сержантъ гвардіи.

Былъ бы гвардіи онъ завтра жъ капитанъ.
— Того не надобно: пусть въ арміи послужитъ.
Изрядно сказано! Пускай его потужитъ...
. . . . . .
Да кто же его отецъ?

Княжнинъ.

Отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ, и вышелъ въ отставку премьеръ-майоромъ въ 17... году. Съ тѣхъ поръ жилъ онъ въ своей Симбирской деревнѣ, гдѣ и женился на дѣвицѣ Авдотьѣ Васильевнѣ Ю., дочери бѣднаго тамошняго дворянина. Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Всѣ мои братья и сестры умерли во младенчествѣ. [Матушка была еще мною брюхата, какъ уже] я былъ записанъ въ Семеновскій полкъ сержантомъ, по милости майора гвардіи князя Б., близкаго нашего родственника. [Если бы, паче всякаго чаянія, матушка родила дочь, то батюшка объявилъ-бы, куда слѣдовало, о смерти неявившагося сержанта, и дѣло тѣмъ-бы и кончилось.] Я считался въ отпуску до окончанія наукъ. Въ то время воспитывались мы не по нынѣшнему. Съ пятилѣтняго возраста отданъ я былъ на руки стремянному Савельичу, за трѣзвое поведеніе пожалованному мнѣ въ дядьки. Подъ его надзоромъ, на двѣнадцатомъ году, выучился я Русской грамотѣ, и могъ очень здраво судить о свойствахъ борзаго кобеля. Въ это время батюшка нанялъ для меня Француза, мосье Бопре, котораго выписали изъ Москвы вмѣстѣ съ годовымъ запасомъ вина и Прованскаго масла. Пріѣздъ его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу»—ворчалъ онъ про себя—«кажется, дитя умытъ, причесанъ, накормленъ. Куда какъ нужно тратить лишнія деньги и нанимать мусье, какъ будто и своихъ людей не стало!»

Бопре въ отечествѣ своемъ былъ парикмахеромъ, потомъ въ Пруссіи солдатомъ, потомъ пріѣхалъ въ Россію pour être outchitel, не очень понимая значеніе этого слова. Онъ былъ добрый малый, но вѣтренъ и безпутенъ до крайности. Главною его слабостію была страсть къ прекрасному полу; не рѣдко за свои нѣжности получалъ онъ толчки, отъ которыхъ охалъ по цѣлымъ суткамъ. Къ тому же не былъ онъ (по его выраженію) и *врагомъ бутылки*, т. е. (говоря по-Русски) любилъ хлебнуть лишнее. Но какъ вино подавалось у насъ только за обѣдомъ, и то по рюмочкѣ, при чемъ учителя обыкновенно и

обносили: то мой Бопре очень скоро привыкъ къ Русской настойкѣ, и даже сталъ предпочитать ее винамъ своего отечества, какъ не въ примѣръ болѣе полезную для желудка. Мы тотчасъ поладили, и хотя по контракту обязанъ онъ былъ учить меня *по-Французски, по-Нѣмецки и всѣмъ наукамъ*, но онъ предпочелъ наскоро выучиться отъ меня кое-какъ болтать по-Русски,—и потомъ каждый изъ насъ занимался уже своимъ дѣломъ. Мы жили душа въ душу. Другаго ментора я и не желалъ. Но вскорѣ судьба насъ разлучила, и вотъ по какому случаю:

Прачка Палашка, толстая и рябая дѣвка, и кривая коровница Акулька какъ-то согласились въ одно время кинуться матушкѣ въ ноги, винясь въ преступной слабости и съ плачемъ жалуясь на мусье, обольстившаго ихъ неопытность. Матушка шутить этимъ не любила, и пожаловалась батюшкѣ. У него расправа была коротка. Онъ тотчасъ потребовалъ каналью Француза. Доложили, что мусье давалъ мнѣ свой урокъ. Батюшка пошелъ въ мою комнату. Въ это время Бопре спалъ на кровати сномъ невинности. Я былъ занятъ дѣломъ. Надобно знать, что для меня выписана была изъ Москвы географическая карта. Она висѣла на стѣнѣ безо всякаго употребленія и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я рѣшился сдѣлать изъ нее змѣй, и пользуясь сномъ Бопре, принялся за работу. Батюшка вошелъ въ то самое время, какъ я прилаживалъ мочальный хвостъ къ Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражненія въ географіи, батюшка дернулъ меня за ухо, потомъ подбѣжалъ къ Бопре, разбудилъ его очень неосторожно, и сталъ осыпать укоризнами. Бопре въ смятеніи хотѣлъ было привстать, и не могъ: несчастный Французъ былъ мертво пьянъ. Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ. Батюшка за воротъ приподнялъ его съ кровати, вытолкалъ изъ дверей, и въ тотъ же день прогналъ со двора, къ неописанной радости Савельича. Тѣмъ и кончилось мое воспитаніе.

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чахарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ. Тутъ судьба моя перемѣнилась.

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. Батюшка у окна читалъ Придворный Календарь, ежегодно имъ получаемый. Эта книга имѣла всегда сильное на него вліяніе: никогда не перечитывалъ онъ ея безъ особеннаго участія, и чтеніе это производило въ немъ всегда удивительное волненіе желчи. Матушка, знавшая наизусть всѣ его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу какъ можно подалѣе, и такимъ образомъ Придворный Календарь не попадался ему на глаза иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ. За то, когда онъ случайно его находилъ, то бывало по цѣлымъ часамъ не выпускалъ ужь изъ своихъ рукъ. И такъ батюшка читалъ Придворный Календарь, изрѣдка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генералъ-поручикъ!... Онъ у меня въ ротѣ былъ сержантомъ!... Обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ!... А давно ли мы?»... Наконецъ батюшка швырнулъ Календарь на диванъ, и погрузился въ задумчивость, не предвѣщавшую ничего добраго.

Вдругъ онъ обратился къ матушкѣ: «Авдотья Васильевна, а сколько лѣтъ Петрушѣ?»

— Да вотъ, пошелъ семнадцатый годокъ—отвѣчала матушка. Петруша родился въ тотъ самый годъ, какъ окривѣла тетушка Настасья Герасимовна, и когда еще...

«Добро» — прервалъ батюшка — «пора его въ службу. Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ, да лазить на голубятни.»

Мысль о скорой разлукѣ со мною такъ поразила матушку, что она уронила ложку въ кострюльку, и слезы потекли по ея лицу. Напротивъ того трудно описать мое восхищеніе. Мысль о службѣ сливалась во мнѣ съ мыслями о свободѣ, объ удовольствіяхъ Петербургской жизни. Я воображалъ себя офицеромъ гвардіи, что по мнѣнію моему было верхомъ благополучія человѣческаго.

Батюшка не любилъ ни перемѣнять своихъ намѣреній, ни откладывать ихъ исполненіе. День отъѣзду моему былъ назначенъ. Наканунѣ батюшка объявилъ, что намѣренъ писать со мною къ будущему моему начальнику, и потребовалъ пера и бумаги.

«Не забудь, Андрей Петровичъ»—сказала матушка—«поклониться и отъ меня князю Б.; я дескать надѣюсь, что онъ не оставитъ Петрушу своими милостями.»

— Что за вздоръ!—отвѣчалъ батюшка нахмурясь. Къ какой стати стану я писать къ князю Б.?

«Да вѣдь ты сказалъ, что изволишь писать къ начальнику Петруши.»

ПЕТРУША ГРИНЕВЪ ПРИЛАЖИВАЕТЪ МОЧАЛЬНЫЙ ХВОСТЪ КЪ МЫСУ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.
Неизданный рисунокъ Павла Соколова.
(Изъ коллекціи Е. Н. Тевяшева).

— Ну, а тамъ что?

«Да вѣдь начальникъ Петрушинъ — князь Б. Вѣдь Петруша записанъ въ Семеновскій полкъ.»

— Записанъ! А мнѣ какое дѣло что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ, служа въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ лямку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ. Записанъ въ гвардіи! Гдѣ его паспортъ? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспортъ, хранившійся въ ея шкатулкѣ вмѣстѣ съ сорочкою, въ которой меня крестили, и вручила его батюшкѣ дрожащею рукою. Батюшка прочелъ его со вниманіемъ, положилъ передъ собою на столъ, и началъ свое письмо.

Любопытство меня мучило. Куда-жь отправляютъ меня, если ужь не въ Петербургъ? Я не сводилъ глазъ съ пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконецъ онъ кончилъ, запечаталъ письмо въ одномъ пакетѣ съ паспортомъ, снялъ очки, и подозвавъ меня, сказалъ: «Вотъ тебѣ письмо къ Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты ѣдешь въ Оренбургъ служить подъ его начальствомъ».

И такъ, всѣ мои блестящія надежды рушились! Вмѣсто веселой Петербургской жизни ожидала меня скука въ сторонѣ глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думалъ я съ такимъ восторгомъ,

показалась мнѣ тяжкимъ несчастіемъ. Но спорить было нечего! На другой день по утру подвезена была къ крыльцу дорожная кибитка; уложили въ нее чемоданъ, погребецъ съ чайнымъ приборомъ и узлы съ булками и пирогами, послѣдними знаками домашняго баловства. Родители мои благословили меня. Батюшка сказалъ мнѣ: «Прощай, Петръ. Служи вѣрно, кому присягнешь; слушайся начальниковъ; за ихъ лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; отъ службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье съ нову, а честь съ молоду.» Матушка въ слезахъ наказывала мнѣ беречь мое здоровье, а Савельичу смотрѣть за дитятей. Надѣли на меня заячій тулупъ, а сверху лисью шубу. Я сѣлъ въ кибитку съ Савельичемъ, и отправился въ дорогу, обливаясь слезами.

Въ ту же ночь пріѣхалъ я въ Симбирскъ, гдѣ долженъ былъ пробыть сутки для покупки нужныхъ вещей, что и было поручено Савельичу. Я остановился въ трактирѣ. Савельичъ съ утра отправился по лавкамъ. Соскуча глядѣть изъ окна на грязный переулокъ, я пошелъ бродить по всѣмъ комнатамъ. Вошедъ въ билліардную, увидѣлъ я высокаго барина, лѣтъ тридцати пяти, съ длинными черными усами, въ халатѣ, съ кіемъ въ рукѣ и съ трубкой въ зубахъ. Онъ игралъ съ маркеромъ, который при выигрышѣ выпивалъ рюмку водки, а при проигрышѣ долженъ былъ лѣзть подъ билліардъ на четверинкахъ. Я сталъ смотрѣть на ихъ игру. Чѣмъ долѣе она продолжалась, тѣмъ прогулка на четверинкахъ становилась чаще, пока наконецъ маркеръ остался подъ билліардомъ. Баринъ произнесъ надъ нимъ нѣсколько сильныхъ выраженій въ видѣ надгробнаго слова, и предложилъ мнѣ сыграть партію. Я отказался по неумѣнію. Это показалось ему, по видимому, страннымъ. Онъ поглядѣлъ на меня какъ бы съ сожалѣніемъ; однако мы разговорились. Я узналъ, что его зовутъ Иваномъ Ивановичемъ Зуринымъ, что онъ ротмистръ ** гусарскаго полка и находится въ Симбирскѣ при пріемѣ рекрутъ, а стоитъ въ трактирѣ. Зуринъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ чѣмъ Богъ послалъ, по-солдатски. Я съ охотою согласился. Мы сѣли за столъ. Зуринъ пилъ много и подчивалъ и меня, говоря что надобно привыкать къ службѣ; онъ разсказывалъ мнѣ армейскіе анекдоты, отъ которыхъ я со смѣху чуть не валялся, и мы встали изъ-за стола совершенными пріятелями. Тутъ вызвался онъ выучить меня играть на билліардѣ. «Это» — говорилъ онъ— «необходимо для нашего брата служиваго. Въ походѣ, напримѣръ, придешь въ мѣстечко; чѣмъ прикажешь заняться? Вѣдь не все же бить Жидовъ. По неволѣ пойдешь въ трактиръ и станешь играть на билліардѣ; а для того надобно умѣть играть!» Я совершенно былъ убѣжденъ, и съ большимъ прилежаніемъ принялся за ученіе. Зуринъ громко ободрялъ меня, дивился моимъ быстрымъ успѣхамъ; и послѣ нѣсколькихъ уроковъ, предложилъ мнѣ играть въ деньги, по одному грошу, не для выигрыша, а такъ, чтобъ только не играть даромъ, что, по его словамъ, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зуринъ велѣлъ подать пуншу и уговорилъ меня попробовать, повторяя, что къ службѣ надобно мнѣ привыкать; а безъ пуншу, что и служба! Я послушался его. Между тѣмъ игра наша продолжалась. Чѣмъ чаще прихлебывалъ я отъ моего стакана, тѣмъ становился отважнѣе. Шары поминутно летали у меня черезъ бортъ; я горячился, бранилъ маркера, который считалъ Богъ вѣдаетъ какъ, часъ отъ часу умножалъ игру, словомъ,—велъ себя какъ мальчишка, вырвавшійся на волю. Между тѣмъ время шло незамѣтно. Зуринъ взглянулъ на часы, положилъ кій, и объявилъ мнѣ, что я проигралъ сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я сталъ извиняться. Зуринъ меня прервалъ: «Помилуй! Не изволь и безпокоиться я могу и подождать; а покамѣстъ поѣдемъ къ Аринушкѣ.»

Что прикажете? День я кончилъ также безпутно, какъ и началъ. Мы отужинали у Аринушки. Зуринъ поминутно мнѣ подливалъ, повторяя, что надобно къ службѣ привыкать. Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ; въ полночь Зуринъ отвезъ меня въ трактиръ.

Савельичъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Онъ ахнулъ, увидя несомнѣнные признаки моего усердія къ службѣ. «Что́ это, сударь, съ тобою сдѣлалось?»—сказалъ онъ жалкимъ голосомъ. «Гдѣ ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого грѣха не бывало!» — Молчи, хрычь, отвѣчалъ я ему, запинаясь; — ты вѣрно пьянъ, пошелъ спать..... и уложи меня.

На другой день я проснулся съ головною болью, смутно припоминая себѣ вчерашнія происшествія. Размышленія мои прерваны были Савельичемъ, вошедшимъ

ко мнѣ съ чашкою чая. «Рано, Петръ Андреичъ»—сказалъ онъ мнѣ, качая головою—«рано начинаешь гулять. И въ кого ты пошелъ? Кажется, ни батюшка, ни дѣдушка пьяницами не бывали; о матушкѣ и говорить нечего: отроду, кромѣ квасу, въ ротъ ничего не изволила брать. А кто всему виноватъ? Проклятый мусье. То и дѣло, бывало, къ Антипьевнѣ забѣжитъ: «Мадамъ, же ву при, водкю». Вотъ тебѣ и же ву при! Нечего сказать: добру наставилъ, собачій сынъ. И нужно было нанимать въ дядьки басурмана, какъ будто у барина не стало и своихъ людей!»

Мнѣ было стыдно. Я отвернулся и сказалъ ему: Поди вонъ, Савельичъ; я чаю не хочу. Но Савельича мудрено было унять, когда бывало примется за проповѣдь. «Вотъ, видишь ли, Петръ Андреичъ, каково подгуливать. И головкѣ-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человѣкъ пьющій ни на что не годенъ... Выпей-ка огуречнаго разсолу съ медомъ, а всего бы лучше опохмѣлиться полстаканчикомъ настойки. Не прикажешь ли?»

Въ это время мальчикъ вошелъ, и подалъ мнѣ записку отъ И. И. Зурина. Я развернулъ ее и прочелъ слѣдующія строки:

«Любезный Петръ Андреевичъ, пожалуйста пришли мнѣ съ моимъ мальчикомъ сто рублей, которые ты мнѣ вчера проигралъ. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ.

Готовый къ услугамъ.

Иванъ Зуринъ.»

Дѣлать было нечего. Я взялъ на себя видъ равнодушный, и обратясь къ Савельичу, который былъ *и денегъ и бѣлья и дѣлъ моихъ рачитель*, приказалъ отдать мальчику сто рублей. «Какъ! зачѣмъ?» спросилъ изумленный Савельичъ. — Я ихъ ему долженъ — отвѣчалъ я со всевозможною холодностію. «Долженъ!» возразилъ Савельичъ, часъ отъ часу приведенный въ большее изумленіе;—«да когда же сударь, успѣлъ ты ему задолжать? Дѣло что-то не ладно. Воля твоя, сударь, а денегъ я не выдамъ.»

Я подумалъ, что если въ сію рѣшительную минуту не переспорю упрямаго старика, то ужь въ послѣдствіи времени трудно мнѣ будетъ освободиться отъ его опеки, и взглянувъ на него гордо, сказалъ: Я твой господинъ, а ты мой слуга. Деньги мои. Я ихъ проигралъ, потому что такъ мнѣ вздумалось. А тебѣ совѣтую не умничать, и дѣлать, что тебѣ приказываютъ.

Савельичъ такъ былъ пораженъ моими словами, что сплеснулъ руками и остолбенѣлъ. Что же ты стоишь! — закричалъ я сердито. Савельичъ заплакалъ. «Батюшка, Петръ Андреичъ» — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ—«не умори меня съ печали. Свѣтъ ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутилъ, что у насъ и денегъ то такихъ не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебѣ родители крѣпко на крѣпко заказали играть, окромѣ какъ въ орѣхи»... Полно врать—прервалъ я строго—подавай сюда деньги, или я тебя въ зашею прогоню.

Савельичъ поглядѣлъ на меня съ глубокой горестью и пошелъ за моимъ долгомъ. Мнѣ было жаль бѣднаго старика; но я хотѣлъ вырваться на волю и доказать, что ужь я не ребенокъ. Деньги были доставлены Зурину. Савельичъ поспѣшилъ вывезти меня изъ проклятаго трактира. Онъ явился съ извѣстіемъ, что лошади готовы. Съ неспокойной совѣстью и съ безмолвнымъ раскаяніемъ выѣхалъ я изъ Симбирска, не простясь съ моимъ учителемъ и не думая съ нимъ уже когда нибудь увидѣться.

ГЛАВА II.

Вожатый.

Сторональ моя сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не самъ ли я на тебя зашелъ,
Что не добрый ли да меня конь завезъ:
Завезла меня, добраго молодца,
Прыткость, бодрость молодецка
И хмѣлинушка кабацкая.

Старинная пѣсня.

Дорожныя размышленія мои были не очень пріятны. Проигрышъ мой, по тогдашнимъ цѣнамъ былъ немаловаженъ. Я не могъ не признаться въ душѣ, что поведеніе мое въ Симбирскомъ трактирѣ было глупо, и чувствовалъ себя виноватымъ передъ Савельичемъ. Все это меня мучило. Старикъ угрюмо сидѣлъ на облучкѣ, отворотясь отъ меня и молча, изрѣдка только покрякивая. Я непремѣнно хотѣлъ съ нимъ помириться, и не зналъ съ чего начать: Наконецъ я сказалъ ему: «Ну, ну, Савельичь! полно, помиримся, виноватъ; вижу самъ, что виноватъ. Я вчера напроказилъ, а тебя напрасно обидѣлъ. Обѣщаюсь впередъ вести себя умнѣе и слушаться тебя. Ну, не сердись, помиримся.»

— Эхъ, батюшка Петръ Андреичь!— отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Сержусь-то я на самого себя; самъ я кругомъ виноватъ. Какъ мнѣ было оставлять тебя одного въ трактирѣ! Что дѣлать? Грѣхъ попуталъ: вздумалъ забрести къ дьячихѣ, повидаться съ кумою. Такъ то: зашелъ къ кумѣ, да и засѣлъ въ тюрьмѣ. Бѣда да и только! Какъ покажусь я на глаза господамъ? Что скажутъ они, какъ узнаютъ, что дитя пьетъ и играетъ?

Чтобъ утѣшить бѣднаго Савельича, я далъ ему слово впредь безъ его согласія не располагать ни одною копейкою. Онъ мало по малу успокоился, хотя все еще изрѣдка ворчалъ про себя, качая головою: «Сто рублей! Легко ли дѣло!»

Я приближался къ мѣсту моего назначенія. Вокругъ меня простирались печальныя пустыни, пересѣченныя холмами и оврагами. Все покрыто было снѣгомъ. Солнце садилось. Кибитка ѣхала по узкой дорогѣ, или точнѣе по слѣду, проложенному крестьянскими санями. Вдругъ ямщикъ сталъ посматривать въ сторону, и наконецъ, снявъ шапку, обратился ко мнѣ и сказалъ: «Баринъ, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачѣмъ?

«Время ненадежно: вѣтеръ слегка подымается;—вишь, какъ онъ сметаетъ порошу.»

— Чтожь за бѣда!

«А вишь тамъ что?» (Ямщикъ указалъ кнутомъ на востокъ).

— Я ничего не вижу, кромѣ бѣлой степи, да яснаго неба.

«А вонъ—вонъ: это облачко.»

Я увидѣлъ въ самомъ дѣлѣ, на краю неба бѣлое облачко, которое принялъ было сперва за отдаленный холмикъ. Ямщикъ изъяснилъ мнѣ, что облачко предвѣщало буранъ.

Я слыхалъ о тамошнихъ метеляхъ, и зналъ, что цѣлые обозы бывали ими занесены. Савельичь, согласно съ мнѣніемъ ямщика, совѣтовалъ воротиться. Но вѣтеръ показался мнѣ не силенъ; я понадѣялся добраться заблаговременно до слѣдующей станціи, и велѣлъ ѣхать скорѣе.

Ямщикъ поскакалъ; но все поглядывалъ на востокъ. Лошади бѣжали дружно. Вѣтеръ между тѣмъ часъ отъ часу становился сильнѣе. Облачко обратилось въ бѣлую тучу, которая тяжело подымалась, росла, и постепенно облегала небо. Пошелъ мелкій снѣгъ и вдругъ повалилъ хлопьями. Вѣтеръ завылъ; сдѣлалась метель. Въ одно мгновеніе темное небо смѣшалось съ снѣжнымъ моремъ. Все исчезло. «Ну, баринъ» — закричалъ ямщикъ—«бѣда: буранъ!»...

Я выглянулъ изъ кибитки: все было мракъ и вихорь. Вѣтеръ выл съ такой свирѣпой выразительностью, что казался одушевленнымъ; снѣгъ засыпалъ меня и Савельича; лошади шли шагомъ — и скоро стали. «Что же ты не ѣдешь?» спросилъ я ямщика съ нетерпѣніемъ.—Да что ѣхать?

ВОЖАТЫЙ.

Рис. С. Иванова.

отвѣчалъ онъ, слѣзая съ облучка;—невѣсть и такъ куда заѣхали: дороги нѣтъ, и мгла кругомъ. Я сталъ было его бранить. Савельичъ за него заступился: «И охота было не слушаться» — говорилъ онъ сердито — «воротился бы на постоялый дворъ, накушался бы чаю, почивалъ бы себѣ до утра, буря бъ утихла, отправились бы далѣе. И куда спѣшимъ? Добро бы на свадьбу!» — Савельичъ былъ правъ. Дѣлать было нечего. Снѣгъ такъ и валилъ. Около кибитки подымался сугробъ. Лошади стояли, понуря голову и изрѣдка вздрагивая. Ямщикъ ходилъ кругомъ, отъ нечего дѣлать улаживая упряжь. Савельичъ ворчалъ; я глядѣлъ во всѣ стороны, надѣясь увидѣть хоть признакъ жила или дороги, но ничего не могъ различить, кромѣ мутнаго круженія метели... Вдругъ увидѣлъ я что-то черное. «Эй, ямщикъ!» — закричалъ я — «смотри: что́ тамъ такое чернѣется?» Ямщикъ сталъ всматриваться.—А Богъ знаетъ, баринъ— сказалъ онъ, садясь на свое мѣсто; возъ не возъ, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть или волкъ или человѣкъ.

Я приказалъ ѣхать на незнакомый предметъ, который тотчасъ и сталъ подвигаться намъ навстрѣчу. Черезъ двѣ минуты мы поравнялись съ человѣкомъ. «Гей, добрый человѣкъ!»—закричалъ ему ямщикъ. «Скажи, не знаешь ли гдѣ дорога!»

— Дорога-то здѣсь; я стою на твердой полосѣ, отвѣчалъ дорожный; да что толку?

Послушай, мужичокъ—сказалъ я ему— знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

«Сторона мнѣ знакомая»—отвѣчалъ дорожный — слава Богу, исхожена и изъѣзжана вдоль и поперегъ. Да вишь какая погода: какъ разъ собьешся съ дороги. Лучше здѣсь остановиться, да переждать, авось буранъ утихнетъ да небо прояснится: тогда найдемъ дорогу по звѣздамъ».

Его хладнокровіе ободрило меня. Я ужь рѣшился, предавъ себя Божьей волѣ, ночевать посреди степи, какъ вдругъ дорожный сѣлъ проворно на облучекъ и сказалъ ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай въ право, да поѣзжай.» — А почему ѣхать мнѣ въ право?—спросилъ ямщикъ съ неудовольствіемъ.—Гдѣ ты видишь дорогу? Небось: лошади чужія, хомутъ не свой, погоняй, не стой.—Ямщикъ казался мнѣ правъ. «Въ самомъ дѣлѣ»— сказалъ я;—«почему думаешь ты, что жило не далече?»—А потому, что вѣтеръ оттолѣ потянулъ—отвѣчалъ дорожный,—и я слышу, дымомъ пахнуло; знать, деревня близко.— Смѣтливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велѣлъ ямщику ѣхать. Лошади тяжело ступали по глубокому снѣгу. Кибитка тихо подвигалась, то въѣзжая на сугробъ, то обрушаясь въ оврагъ и переваливаясь то на одну то на другую сторону. Это похоже было на плаваніе судна по бурному морю. Савельичъ охалъ, поми-

нутно толкаясь о мои бока. Я опустилъ цыновку, закутался въ шубу и задремалъ, убаюканный пѣніемъ бури и качкою тихой ѣзды.

Мнѣ приснился сонъ, котораго никогда не могъ я позабыть, и въ которомъ до сихъ поръ вижу нѣчто пророческое, когда соображаю съ нимъ странныя обстоятельства моей жизни. Читатель извинитъ меня: ибо вѣроятно знаетъ по опыту, какъ сродно человѣку предаваться суевѣрію, не смотря на всевозможное презрѣніе къ предразсудкамъ.

Я находился въ томъ состояніи чувствъ и души, когда существенность, уступая мечтаніямъ, сливается съ ними въ неясныхъ видѣніяхъ первосонія. Мнѣ казалось, буранъ еще свирѣпствовалъ, и мы еще блуждали по снѣжной пустынѣ... Вдругъ увидѣлъ я ворота и въѣхалъ на барскій дворъ нашей усадьбы. Первою мыслію моею было опасеніе, чтобъ батюшка не прогнѣвался на меня за невольное возвращеніе подъ кровлю родительскую, и не почелъ бы его умышленнымъ ослушаніемъ. Съ безпокойствомъ я выпрыгнулъ изъ кибитки и вижу: матушка встрѣчаетъ меня на крыльцѣ съ видомъ глубокаго огорченія. «Тише,»—говоритъ она мнѣ «отецъ боленъ при смерти и желаетъ съ тобою проститься.»—Пораженный страхомъ, я иду за нею въ спальню. Вижу, комната слабо освѣщена; у постели стоятъ люди съ печальными лицами. Я тихонько подхожу къ постели; матушка приподнимаетъ пологъ и говоритъ: «Андрей Петровичъ, Петруша пріѣхалъ; онъ воротился, узнавъ о твоей болѣзни; благослови его». Я сталъ на колѣни, и устремилъ глаза мои на больнаго. Чтожь?... Вмѣсто отца моего, вижу въ постели лежитъ мужикъ съ черной бородою, весело на меня поглядывая. Я въ недоумѣніи оборотился къ матушкѣ, говоря ей: Что это значитъ? Это не батюшка. И къ какой мнѣ стати просить благословенія у мужика?—«Все равно, Петруша,»—отвѣчала мнѣ матушка—«это твой посаженный отецъ; поцѣлуй у него ручку, и пусть онъ тебя благословитъ...» Я не соглашался. Тогда мужикъ вскочилъ съ постели, выхватилъ топоръ изъ-за спины и сталъ махать во всѣ стороны. Я хотѣлъ бѣжать... и не могъ; комната наполнилась мертвыми тѣлами; я спотыкался о тѣла и скользилъ въ кровавыхъ лужахъ... Страшный мужикъ ласково меня кликалъ, говоря «Не бойсь, подойди подъ мое благословеніе».... Ужасъ и недоумѣніе овладѣли мною... И въ эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельичъ держалъ меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: пріѣхали.»

— Куда пріѣхали? спросилъ я, протирая глаза.—«На постоялый дворъ. Господь помогъ, наткнулись прямо на заборъ. Выходи, сударь, скорѣе, да обогрѣйся».

Я вышелъ изъ кибитки. Буранъ еще продолжался, хотя съ меньшою силою. Было такъ темно, что хоть глазъ выколи. Хозяинъ встрѣтилъ насъ у воротъ, держа фонарь подъ полою, и ввелъ меня въ горницу, тѣсную, но довольно чистую; лучина освѣщала ее. На стѣнѣ висѣла винтовка и высокая казацкая шапка.

Хозяинъ, родомъ Яицкій казакъ, казался, мужикъ лѣтъ шестидесяти, еще свѣжій и бодрый. Савельичъ внесъ за мною погребецъ, потребовалъ огня, чтобъ готовить чай, который никогда такъ не казался мнѣ нуженъ. Хозяинъ пошелъ хлопотать.

— Гдѣ же вожатый?—спросилъ я у Савельича.

«Здѣсь, ваше благородіе» — отвѣчалъ мнѣ голосъ сверху. Я взглянулъ на полати, и увидѣлъ черную бороду и два сверкающіе глаза.—Что, братъ, прозябъ?—«Какъ не прозабнуть въ одномъ худенькомъ армякѣ! Былъ тулупъ, да что грѣха таить? заложилъ вечоръ у цѣловальника: морозъ показался невеликъ.» Въ эту минуту хозяинъ вошелъ съ кипящимъ самоваромъ; я предложилъ вожатому нашему чашку чаю; мужикъ слѣзъ съ полатей. Наружность его показалась мнѣ замѣчательна. Онъ былъ лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь; живые большіе глаза такъ и бѣгали. Лице его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. Волоса были обстрижены въ кружокъ, на немъ былъ оборванный армякъ и Татарскіе шаровары. Я поднесъ ему чашку чаю; онъ отвѣдалъ и поморщился. «Ваше благородіе, сдѣлайте мнѣ такую милость,—прикажите поднести стаканъ вина; чай не наше казацкое питье.» Я съ охотой исполнилъ его желаніе. Хозяинъ вынулъ изъ ставца штофъ и стаканъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ ему въ лице: «Эхъ»—сказалъ онъ:—«опять ты въ нашемъ краю! Отколѣ Богъ принесъ?»—Вожатый мой мигнулъ значительно и отвѣчалъ поговоркою: «Въ огородѣ леталъ, конопли клевалъ; швырнула бабушка камушкомъ,—да мимо. Ну, а что ваши?»

— Да что наши!—отвѣчалъ хозяинъ,

продолжая иносказательный разговоръ.— Стали было къ вечерни звонить, да попадья не велитъ: попъ въ гостяхъ, черти на погостѣ.—«Молчи, дядя,»—возразилъ мой бродяга — «будетъ дождикъ, будутъ и грибки; а будутъ грибки, будетъ и кузовъ: А теперь (тутъ онъ мигнулъ опять) заткни топоръ за спину: лѣсничій ходитъ. Ваше благородіе! за ваше здоровье!»—При сихъ словахъ онъ взялъ стаканъ, перекрестился и выпилъ однимъ духомъ. Потомъ поклонился мнѣ, и воротился на полати.

Я ничего не могъ тогда понять изъ этого воровскаго разговора, но послѣ ужь догадался, что дѣло шло о дѣлахъ Яицкаго войска, въ то время только что усмиреннаго послѣ бунта 1772 года. Савельичь слушалъ съ видомъ большаго неудовольствія. Онъ посматривалъ съ подозрѣніемъ то на хозяина, то на вожатаго. Постоялый дворъ, или, по тамошнему *уметъ*, находился въ сторонѣ, въ степи, далече отъ всякаго селенія, и очень походилъ на разбойническую пристань. Но дѣлать было нечего. Нельзя было и подумать о продолженіи пути. Безпокойство Савельича очень меня забавляло. Между тѣмъ я расположился почевать и легъ на лавку. Савельичь рѣшился убраться на печь; хозяинъ легъ на полу. Скоро вся изба захрапѣла, и я заснулъ какъ убитый.

Проснувшись по утру довольно поздно, я увидѣлъ, что буря утихла. Солнце сіяло. Снѣгъ лежалъ ослѣпительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ насъ такую умѣренную плату, что Савельичь съ нимъ не заспорилъ и не сталъ торговаться по своему обыкновенію, и вчерашнія подозрѣнія изгладились совершенно изъ головы его. Я позвалъ вожатаго, благодарилъ за оказанную помощь, и велѣлъ Савельичу дать ему полтину на водку. Савельичь нахмурился. «Полтину на водку!»—сказалъ онъ,—«за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти его къ постоялому двору? Воля твоя, сударь; нѣтъ у насъ лишнихъ полтинъ. Всякому давать на водку, такъ самому скоро придется голодать.» Я не могъ спорить съ Савельичемъ. Деньги, по моему обѣщанію, находились въ полномъ его распоряженіи. Мнѣ было досадно однакожь, что не могъ отблагодарить человѣка, выручившаго меня, если не изъ бѣды, то по крайней мѣрѣ изъ очень непріятнаго положенія. Хорошо — сказалъ я хладнокровно; если не хочешь дать полтину, то вынь ему что нибудь изъ моего платья. Онъ одѣтъ слишкомъ легко. Дай ему мой заячій тулупъ.

«Помилуй, батюшка Петръ Андреичь!»— сказалъ Савельичь. «За чѣмъ ему твой заячій тулупъ? Онъ его пропьетъ, собака, въ первомъ кабакѣ.»

— Это, старинушка, ужь не твоя печаль—сказалъ мой бродяга, пропью ли я его или нѣтъ. Его благородіе мнѣ жалуетъ шубу съ своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться.

«Бога ты не боишься, разбойникъ!» — отвѣчалъ ему Савельичь сердитымъ голосомъ. «Ты видишь, что дитя еще не смыслитъ, а ты и радъ его обобрать, простоты его ради. За чѣмъ тебѣ барскій тулупчикъ? Ты и не напялишь его на свои окаянныя плечища.»

— Прошу не умничать,—сказалъ я своему дядькѣ; сейчасъ неси сюда тулупъ.

«Господи Владыко!» простоналъ мой Савельичь.—«Заячій тулупъ почти новешенькій! И добро бы кому, а то пьяницѣ оголѣлому!»

Однако заячій тулупъ явился. Мужичокъ тутъ же сталъ его примѣривать. Въ самомъ дѣлѣ тулупъ, изъ котораго успѣлъ и я вырости, былъ немножко и для меня узокъ. Однако онъ какое-какъ умудрился, и надѣлъ его, распоровъ по швамъ. Савельичь чуть не завылъ, услышавъ, какъ нитки затрещали. Бродяга былъ чрезвычайно доволенъ моимъ подаркомъ. Онъ проводилъ меня до кибитки и сказалъ съ низкимъ поклономъ: «Спасибо, ваше благородіе! Награди васъ Господь за вашу добродѣтель. Вѣкъ не забуду вашихъ милостей». — Онъ пошелъ въ свою сторону, а я отправился далѣе, не обращая вниманія на Савельича, и скоро позабылъ о вчерашней вьюгѣ, о своемъ вожатомъ и о заячемъ тулупѣ.

Пріѣхавъ въ Оренбургъ, я прямо явился къ генералу. Я увидѣлъ мужчину роста высокаго, но уже сгорбленнаго старостію. Длинные волосы его были совсѣмъ бѣлы. Старый полинялый мундиръ напоминалъ воина временъ Анны Іоанновны, а въ его рѣчи сильно отзывался Нѣмецкій выговоръ. Я подалъ ему письмо отъ батюшки. При имени его онъ взглянулъ на меня быстро: «Поже мой!» сказалъ онъ. «Тавно ли, кажется, Андрей Петровичь былъ еще твоихъ лѣтъ, а теперь вотъ ушь какой у него молотецъ! Ахъ, фремя, фремя!»—Онъ распечаталъ письмо и сталъ читать его въ пол-

голоса, дѣлая свои замѣчанія: «Милостивый государь, Иванъ [Андрей] Карловичь, надѣюсь, что ваше превосходительство»..... Это что за церемоніи? Фуй, какъ ему не софѣстно! Конечно, дисциплина перво дѣло, но такъ ли пишутъ къ старому камрадъ?.... «ваше превосходительство не забыло»..... гм.. «и.... когда... покойнымъ фельдмаршаломъ Мин..... походѣ... также и... Каролинку»..... Эхе, брудеръ! такъ онъ еще помнитъ стары наши проказъ? «Теперь о дѣлѣ... Къ вамъ моего повѣсу»..... гм.... «держать въ ежевыхъ рукавицахъ»..... Что такое ешевы рукавицъ? Это должно быть Русска поговоркъ... Что такое держать въ ешевыхъ рукавицахъ?»—повторилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Это значитъ, — отвѣчалъ я ему съ видомъ какъ можно болѣе невиннымъ, — обходиться ласково, не слишкомъ строго, давать побольше воли, держать въ ежевыхъ рукавицахъ.

«Гмъ, понимаю.... «и не давать ему воли».... нѣтъ, видно ешевы рукавицы не то.... «При семъ.... его паспортъ».... Гдѣжь онъ? А, вотъ.... «Отписать въ Семеновскій».... Хорошо, хорошо: все будетъ сдѣлано.... «Позволишь безъ чиновъ обнять себя и.... старымъ товарищемъ и другомъ» — а! наконецъ догадался.... и прочая, и прочая.., Ну, батюшка» — сказалъ онъ, прочитавъ письмо и отложивъ въ сторону мой паспортъ—«все будетъ сдѣлано: ты будешь офицеромъ переведенъ въ *** полкъ, и чтобъ тебѣ времени не терять, то завтра же поѣзжай въ Бѣлогорскую крѣпость, гдѣ ты будешь въ командѣ капитана Миронова, добраго и честнаго человѣка. Тамъ ты будешь на службѣ настоящей, научишься дисциплинѣ. Въ Оренбургѣ дѣлать тебѣ нечего; разсѣяніе вредно молодому человѣку. А сегодня милости просимъ отобѣдать у меня.»

Часъ отъ часу не легче! подумалъ я про себя: къ чему послужило мнѣ то, что почти въ утробѣ матери я былъ уже гвардіи сержантомъ! Куда это меня завело? Въ *** полкъ и въ глухую крѣпость, на границу Киргизъ-Кайсацкихъ степей!.... Я отобѣдалъ у Андрея Карловича, втроемъ съ его старымъ адъютантомъ. Строгая Нѣмецкая экономія царствовала за его столомъ, и я думаю, что страхъ видѣть иногда лишняго гостя за своею холостою трапезою былъ отчасти причиною поспѣшнаго удаленія моего въ гарнизонъ. На другой день я простился съ генераломъ и отправился къ мѣсту моего назначенія.

ГЛАВА III.

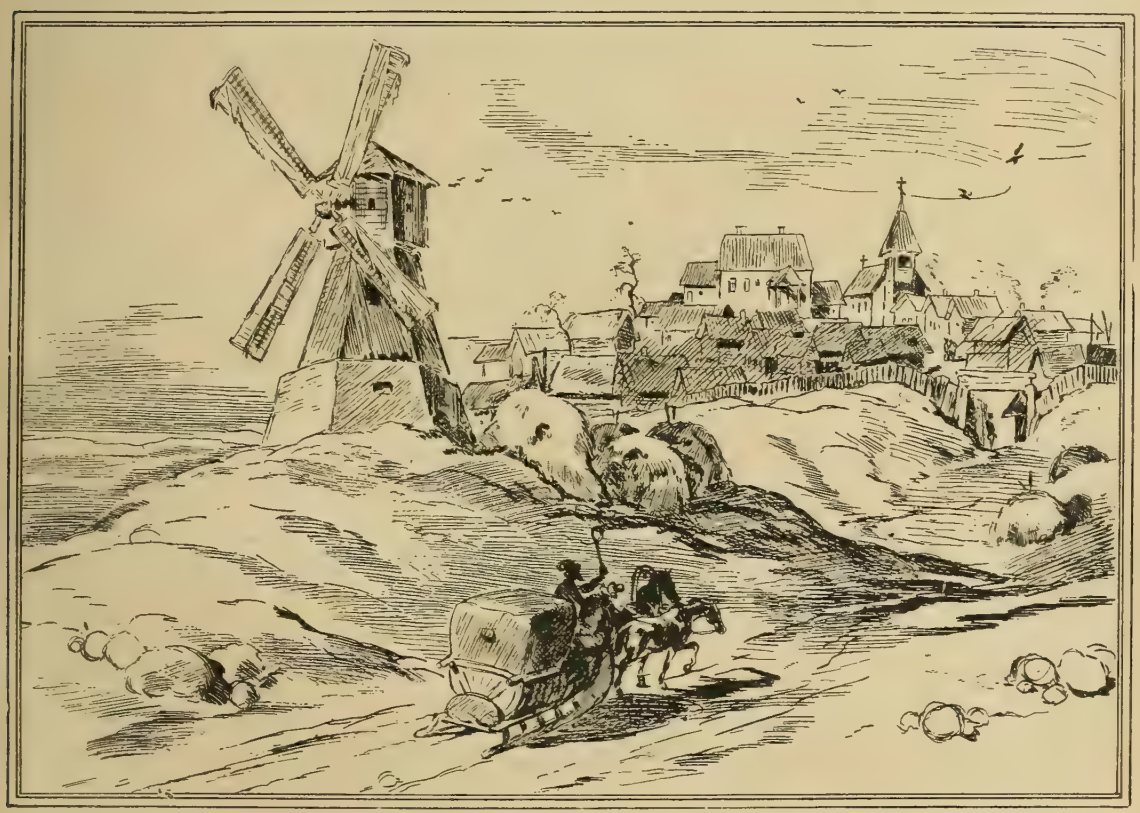
Крѣпость.

Мы въ фортеціи живемъ,
Хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ;
А какъ лютые враги
Придутъ къ намъ на пироги,
Зададимъ гостямъ пирушку:
Зарядимъ картечью пушку.
Солдатская пѣсня.

Старинные люди, мой батюшка.
Недоросль.

Бѣлогорская крѣпость находилась въ сорока верстахъ отъ Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Рѣка еще не замерзла, и ея свинцовыя волны грустно чернѣли въ однообразныхъ берегахъ, покрытыхъ бѣлымъ снѣгомъ. За ними простирались Киргизскія степи. Я погрузился въ размышленія, большею частію печальныя. Гарнизонная жизнь мало имѣла для меня привлекательности. Я старался вообразить себѣ капитана Миронова, моего будущаго начальника, и представлялъ его строгимъ, сердитымъ старикомъ, не знающимъ ничего, кромѣ своей службы, и готовымъ за всякую бездѣлицу сажать меня подъ арестъ на хлѣбъ и на воду. Между тѣмъ начало смеркаться. Мы ѣхали довольно скоро. Далече ли до крѣпости? — спросилъ я у своего ямщика. — «Недалече» — отвѣчалъ онъ. «Вонъ ужь видна.» Я глядѣлъ во всѣ стороны, ожидая увидѣть грозные бастіоны, башни и валъ; но ничего не видалъ, кромѣ деревушки, окруженной бревенчатымъ заборомъ. Съ одной стороны стояли три или

четыре скирда сѣна, полузанесенные снѣгомъ; съ другой скривившаяся мѣ[е]льница, съ лубочными крыльями, лѣниво опущенными. Гдѣ же крѣпость?—спросилъ я съ удивленіемъ. — «Да вотъ она» — отвѣчалъ ямщикъ, указывая на деревушку, и съ этимъ словомъ мы въ нее въѣхали. У воротъ увидѣлъ я старую чугунную пушку; улицы были тѣсны и кривы; избы низки и большею частію покрыты соломою. Я велѣлъ ѣхать къ коменданту, и черезъ минуту кибитка остановилась передъ дере-



БѢЛОГОРСКАЯ КРѢПОСТЬ.

Съ рѣдкаго офорта А. Чернышева.
(Изъ коллекціи Е. Н. Тевяшева).

вяннымъ домикомъ, выстроеннымъ на высокомъ мѣстѣ, близъ деревянной же церкви.

Никто не встрѣтилъ меня. Я пошелъ въ сѣни и отворилъ дверь въ переднюю. Старый инвалидъ, сидя на столѣ, нашивалъ сюнюю заплату на локоть зеленаго мундира. Я велѣлъ ему доложить обо мнѣ. «Войди, батюшка» — отвѣчалъ инвалидъ; «наши дома». Я вошелъ въ чистенькую комнату, убранную по старинному. Въ углу стоялъ шкафъ съ посудой; на стѣнѣ висѣлъ дипломъ офицерскій за стекломъ и въ рамкѣ; около него красовались лубочныя картинки, представляющія взятіе Кистрина и Очакова, также выборъ невѣсты и погребеніе кота. У окна сидѣла старушка въ тѣлогрѣйкѣ и съ платкомъ на головѣ. Она разматывала нитки, которыя держалъ, распяливъ на рукахъ, кривой старичокъ въ офицерскомъ мундирѣ. «Что вамъ угодно, батюшка?»—спросила она, продолжая свое занятіе. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ на службу и явился по долгу своему къ господину капитану, и съ этимъ словомъ обратился было къ кривому старичку, принимая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мною рѣчь. «Ивана Кузмича дома нѣтъ»—сказала она; «онъ пошелъ въ гости къ отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и

жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула дѣвку и велѣла ей позвать урядника. Старичокъ своимъ одинокимъ глазомъ поглядывалъ на меня съ любопытствомъ. «Смѣю спросить»—сказалъ онъ; «вы въ какомъ полку изволили служить?» Я удовлетворилъ его любопытству. «А смѣю спросить»—продолжалъ онъ, «за чѣмъ изволили вы перейти изъ гвардіи въ гарнизонъ?» Я отвѣчалъ, что такова была воля начальства. «Чаятельно, за неприличные гвардіи офицеру поступки»—продолжалъ неутомимый вопрошатель.—«Полно врать пустяки»—сказала ему капитанша—«ты видишь, молодой человѣкъ съ дороги усталъ; ему не до тебя.... (держи-ка руки прямѣе).... А ты мой батюшка»—продолжала она, обращаясь ко мнѣ—«не печалься, что тебя упекли въ наше захолустье. Не ты первый, не ты послѣдній. Стерпится, слюбится. Швабринъ Алексѣй Иванычь вотъ ужь пятый годъ какъ къ намъ переведенъ за смертоубійство. Богъ знаетъ, какой грѣхъ его попуталъ; онъ, изволишь видѣть, поѣхалъ за городъ съ однимъ поручикомъ, да взяли съ собою шпаги, да и ну другъ на друга пырять; а Алексѣй Иванычь и закололъ поручика, да еще при двухъ свидѣтеляхъ! Что прикажешь дѣлать? На грѣхъ мастера нѣтъ».

КАПИТАНША И КРИВОЙ ПОРУЧИКЪ.

Рисунокъ Павла Соколова.

Въ эту минуту вошелъ урядникъ, молодой и статный казакъ. «Максимычь!» сказала ему капитанша. «Отведи г. офицеру квартиру, да почище»,—«Слушаю, Василиса Егоровна,—отвѣчалъ урядникъ.—Не помѣстить ли его благородіе къ Ивану Полежаеву?» — «Врешь, Максимычь» — сказала капитанша: «у Полежаева и такъ тѣсно; онъ же мнѣ кумъ и помнитъ, что мы его начальники. Отведи г. офицера.... какъ ваше имя и отчество, мой батюшка?» — Петръ Андреичь! — «Отведи Петра Андреича къ Семену Кузову. Онъ, мошенникъ, лошадь свою пустилъ ко мнѣ въ огородъ. Ну что, Максимычь, все ли благополучно?»

— Все, слава Богу, тихо,—отвѣчалъ казакъ;—только капралъ Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

«Иванъ Игнатьичь!» —сказала капитанша кривому старичку. — «Разбери Прохорова съ Устиньей, кто правъ кто виноватъ. Да обоихъ и накажи. Ну, Максимычь, ступай себѣ съ Богомъ. Петръ Андреичь, Максимычь отведетъ васъ на вашу квартиру».

Я откланялся. Урядникъ привелъ меня въ избу, стоявшую на высокомъ берегу рѣки, на самомъ краю крѣпости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мнѣ. Она состояла изъ одной горницы довольно опрятной, раздѣленной надвое перегородкой. Савельичь сталъ въ ней распоряжаться; я сталъ глядѣть въ узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Наискось стояло нѣсколько избушекъ; по улицѣ бродило нѣсколько курицъ. Старуха, стоя на крыльцѣ съ корытомъ, кликала свиней, которыя отвѣчали ей дружелюбнымъ хрюканьемъ. И вотъ въ какой сторонѣ осужденъ я былъ проводить мою молодость! Тоска взяла меня; я отошелъ отъ окошка и легъ спать безъ ужина, не смотря на увѣщанія Савельича, который повторялъ съ сокрушеніемъ: «Господи Владыко! ничего кушать не изволитъ! Что скажетъ барыня, коли дитя занеможетъ?»

На другой день по утру я только-что сталъ одѣваться, какъ дверь отворилась и ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ невысокаго роста, съ лицомъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ, но чрезвычайно живымъ. «Извините меня» — сказалъ онъ мнѣ по-французски—«что я безъ церемоніи прихожу съ вами познакомиться. Вчера узналъ я о вашемъ пріѣздѣ; желаніе увидѣть наконецъ человѣческое лице такъ овладѣло мною, что я не вытерпѣлъ. Вы это поймите, когда проживете здѣсь еще нѣсколько времени.»—Я догадался, что это былъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за поединокъ. Мы тотчасъ познакомились. Швабринъ былъ очень не глупъ. Разговоръ его былъ остеръ и занимателенъ. Онъ съ большой веселостію описалъ мнѣ семейство коменданта, его общество и край, куда завела меня судьба. Я смѣялся отъ чистаго сердца, какъ вошелъ ко мнѣ тотъ самый инвалидъ, ко-

УЧЕНЬЕ ВЪ БѢЛОГОРСКОЙ КРѢПОСТИ.
Рисунокъ Павла Соколова.

торый чистилъ [чинилъ?] мундиръ въ передней коменданта, и отъ имени Василисы Егоровны позвалъ меня къ нимъ обѣдать. Швабринъ вызвался идти со мной вмѣстѣ.

Подходя къ комендантскому дому, мы увидѣли на площадкѣ человѣкъ двадцать старенькихъ инвалидовъ съ длинными косами и въ треугольныхъ шляпахъ. Они выстроены были во фрунтъ. Впереди стоялъ комендантъ, старикъ бодрый и высокаго роста, въ колпакѣ и въ китайчатомъ халатѣ. Увидя насъ, онъ къ намъ подошелъ, сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и сталъ опять командовать. Мы остановились-было смотрѣть на ученіе, но онъ просилъ насъ идти къ Василисѣ Егоровнѣ, обѣщаясь быть вслѣдъ за нами. «А здѣсь» — прибавилъ онъ—«нечего вамъ смотрѣть.»

Василиса Егоровна приняла насъ запросто и радушно, и обошлась со мною какъ бы вѣкъ была знакома. Инвалидъ и Палашка накрывала на столъ. «Что это мой Иванъ Кузмичь сегодня такъ заучился!» сказала комендантша. «Палашка, позови барина обѣдать. Да гдѣ же Маша?»—Тутъ вошла дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, круглолицая, румяная, съ свѣтлорусыми волосами, гладко зачесанными за уши, которыя у ней такъ и горѣли. Съ перваго взгляда она не очень мнѣ понравилась. Я смотрѣлъ на нее съ предубѣжденіемъ: Швабринъ описалъ мнѣ Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна сѣла въ уголъ и стала шить. Между тѣмъ подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за нимъ Палашку. «Скажи барину: гости-де ждутъ, щи простынутъ; слава Богу, ученье не уйдетъ; успѣетъ накричаться.»—Капитанъ вскорѣ явился, сопровождаемый кривымъ старичкомъ. «Что это, мой батюшка?» — сказала ему жена. «Кушанье давнымъ-давно подано, а тебя не дозовешься.»—А слышь ты, Василиса Егоровна,—отвѣчалъ Иванъ Кузмичь,—я былъ занятъ службой: солдатушекъ училъ.

«И, полно!» — возразила капитанша. — «Только слава, что солдатъ учишь: ни имъ служба не дается, ни ты въ ней толку не вѣдаешь. Сидѣлъ бы дома, да Богу молился, такъ было бы лучше. Дорогіе гости, милости просимъ за столъ.»

Мы сѣли обѣдать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители, живы ли они, гдѣ живутъ и каково ихъ состояніе? Услыша, что у батюшки триста душъ крестьянъ, «легко ли!»—сказала она; «вѣдь есть же на свѣтѣ богатые люди! А у насъ, мой батюшка, всего-то душъ одна дѣвка Палашка; да слава Богу, живемъ по маленьку. Одна бѣда: Маша; дѣвка на выданьи, а какое у ней приданое? частый гребень, да вѣникъ, да алтынъ денегъ (прости Богъ!) съ чѣмъ въ баню сходить. Хорошо, коли найдется добрый человѣкъ; а то и сиди въ дѣвкахъ вѣковѣчной невѣстою.» — Я взглянулъ на Марью Ивановну; она вся покраснѣла, и даже слезы капнули на ея тарелку. Мнѣ стало жаль ея, и я спѣшилъ перемѣнить разговоръ. Я слышалъ,—сказалъ я довольно

некстати, — что на вашу крѣпость собираются напасть Башкирцы. «Отъ кого, батюшка, ты изволилъ это слышать?»—спросилъ Иванъ Кузмичь.—Мнѣ такъ сказывали въ Оренбургѣ,—отвѣчалъ я. «Пустяки!»—сказалъ комендантъ. «У насъ давно ничего не слыхать. Башкирцы — народъ напуганный, да и Киргизцы проучены. Не бось, на насъ не сунутся; а насунутся, такъ я такую задамъ острастку, что лѣтъ на десять угомоню.» — И вамъ не страшно, — продолжалъ я, обращаясь къ капитаншѣ,— оставаться въ крѣпости, подверженной такимъ опасностямъ? — «Привычка, мой батюшка» — отвѣчала она. «Тому лѣтъ двадцать какъ насъ изъ полка перевели сюда, и не приведи Господи какъ я боялась проклятыхъ этихъ нехристей! Какъ завижу, бывало, рысьи шапки, да какъ заслышу ихъ визгъ, вѣришь ли, отецъ мой, сердце такъ и замретъ! А теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ.»

— Василиса Егоровна прехрабрая дама— замѣтилъ важно Швабринъ. — Иванъ Кузмичь можетъ это засвидѣтельствовать.

«Да, слышь ты,» — сказалъ Иванъ Кузмичь; «баба-то не робкаго десятка.»

— А Марья Ивановна? — спросилъ я, также ли смѣла, какъ и вы?

«Смѣла ли Маша?» — отвѣчала мать. «Нѣтъ, Маша трусиха. До сихъ поръ не можетъ слышать выстрѣла изъ ружья: такъ и затрепещется. А какъ тому два года Иванъ Кузмичь выдумалъ въ мои имянины палить изъ нашей пушки, такъ она, голубушка, чуть со страха на тотъ свѣтъ не отправилась. Съ тѣхъ поръ ужь и не палимъ изъ проклятой пушки.»

Мы встали изъ-за стола. Капитанъ съ капитаншею отправились спать; а я пошелъ къ Швабрину, съ которымъ и провелъ цѣлый вечеръ.

ГЛАВА IV.

Поединокъ.

— Инъ изволь и стань же въ позитуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру!

Княжнинъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. Въ домѣ коменданта былъ я принятъ какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузмичь, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, былъ человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностію. Василиса Егоровна и на дѣла службы смотрѣла, какъ на свои хозяйскія, и управляла крѣпостію такъ точно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ доброму семейству, даже къ Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, о которомъ Швабринъ выдумалъ, будто бы онъ былъ въ непозволительной связи съ Василисой Егоровной, что не имѣло и тѣни правдоподобія; но Швабринъ о томъ не безпокоился.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не отягощала. Въ богоспасаемой крѣпости не было ни смотровъ, ни ученій, ни карауловъ. Комендантъ по собственной охотѣ училъ иногда солдатъ; но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая лѣвая, хотя многіе изъ нихъ дабы въ томъ не ошибиться, передъ каждымъ оборотомъ клали на себя знаменіе креста. У Швабрина было нѣсколько Французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота къ литературѣ. По утрамъ я читалъ, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ. Обѣдалъ почти всегда у коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, куда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою Акулиной Памфиловной, первою вѣстовщицею во всемъ околодкѣ Съ А. И. Швабринымъ, разу-

мѣется, видѣлся я каждый день; но часъ отъ часу бесѣда его становилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шутки его насчетъ семьи коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марьѣ Ивановнѣ. Другаго общества въ крѣпости не было; но я другаго и не желалъ.

Не смотря на предсказанія [генерала], Башкирцы не возмущались. Спокойствіе царствовало вокругъ нашей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ внезапнымъ междоусобіемъ.

Я ужь сказывалъ, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашняго времени, были изрядны, и Александръ Петровичь Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалялъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. Извѣстно, что сочинители иногда, подъ видомъ требованія совѣтовъ, ищутъ благосклоннаго слушателя. И такъ, переписавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. Послѣ маленькаго предисловія, вынулъ я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смутили,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжалься, Маша, надо мной;
Зря меня въ сей лютой части,
И что я плѣненъ тобой.

Какъ ты это находишь? — спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдующей. Но къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя нехороша.

Почему такъ?—спросилъ я его, скрывая свою досаду.

«Потому» — отвѣчалъ онъ—«что такіе стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплетцы.»

Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердно разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мной самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужь отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надъ этой угрозою.—«Посмотримъ сказалъ онъ—«сдержишь ли ты свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузмичу графинчикъ водки передъ обѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужь не Марья ль Ивановна?»

— Не твое дѣло—отвѣчалъ я нахмурясь,—кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.

«Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ!»—продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня;—«но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совѣтую дѣйствовать не пѣсенками».

— Что это, сударь, значитъ? Изволь объясниться.

«Съ охотою. Это значитъ, что ежели хочешь, чтобъ Маша Миронова ходила къ тебѣ въ сумерки, то вмѣсто нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ.»

Кровь моя закипѣла. А почему ты объ ней такого мнѣнія?—спросилъ я, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

«А потому, отвѣчалъ онъ съ адскою усмѣшкою,»—что знаю по опыту ея нравъ и обычай.»

— Ты лжешь, мерзавецъ!—вскричалъ я въ бѣшенствѣ,—ты лжешь самымъ безстыднымъ образомъ.

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ. «Это тебѣ такъ не пройдетъ» — сказалъ онъ, стиснувъ мнѣ руку. «Вы мнѣ дадите сатисфакцію.»

— Изволь; когда хочешь!—отвѣчалъ я обрадовавшись. Въ эту минуту я готовъ былъ растерзать его.

Я тотчасъ отправился къ Ивану Игнатьичу, и засталъ его съ иголкою въ рукахъ: по препорученію комендантши, онъ нанизывалъ грибы для сушенья на зиму. «А, Петръ Андреичь!»—сказалъ онъ увидя меня; «добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу смѣю спросить?» Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что я поссорился съ Алексѣемъ Иванычемъ, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнатьичь выслушалъ меня со вниманіемъ, вытараща на меня свой единственный глазъ. «Вы изволите говорить» — сказалъ онъ

мнѣ—«что хотите Алексѣя Иваныча заколоть и желаете, чтобъ я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ-ли? смѣю спросить.»

— Точно такъ.

«Помилуйте, Петръ Андреичь! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побранились? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье—и разойдитесь; а мы васъ ужь помиримъ. А то: доброе ли дѣло заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро бъ ужь закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ; я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?»

Разсужденія благоразумнаго поручика не поколебали меня. Я остался при своемъ намѣреніи. «Какъ вамъ угодно»—сказалъ Иванъ Игнатьичь; «дѣлайте, какъ разумѣете. Да за чѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Къ какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ Шведа и подъ Турку: всего насмотрѣлся.»

Я кое-какъ сталъ изъяснять ему должность секунданта, но Иванъ Игнатьичь никакъ не могъ меня понять. «Воля ваша»—сказалъ онъ. Коли ужь мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузмичу да довести ему по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе противное казенному интересу: не благоугодно ли будетъ господину коменданту принять надлежащія мѣры...»

Я испугался и сталъ просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорилъ; онъ далъ слово, и я рѣшился отъ него отступиться.

Вечеръ провелъ я, по обыкновенію своему, у коменданта. Я старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, дабы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучныхъ вопросовъ; но признаюсь, я не имѣлъ того хладнокровія, которымъ хвалятся почти всегда тѣ, которые находились въ моемъ положеніи. Въ этотъ вечеръ я расположенъ былъ къ нѣжности и къ умиленію. Марья Ивановна нравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можетъ быть, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился тутъ же. Я отвелъ его въ сторону, и увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ. «Зачѣмъ намъ секунданты? сказалъ онъ мнѣ сухо: «безъ нихъ обойдемся.» Мы условились драться за скирдами, что находились подлѣ крѣпости, и явиться туда на другой день въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, по видимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнатьичь отъ радости проболтался. «Давно бы такъ»—сказалъ онъ мнѣ съ довольнымъ видомъ; «худой миръ лучше доброй ссоры, а и не честенъ такъ здоровъ.»

«Что, что, Иванъ Игнатьичь?»—сказала комендантша, которая въ углу гадала въ карты; «я не вслушалась.»

Иванъ Игнатьичь, замѣтивъ во мнѣ знаки неудовольствія и вспомня свое обѣщаніе, смутился и не зналъ, что отвѣчать. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.

«Иванъ Игнатьичь» — сказалъ онъ— «обод[доб]ряетъ нашу мировую».

— А съ кѣмъ это, мой батюшка, ты ссорился?

«Мы было поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.»

— За что такъ?

«За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна.»

— Нашли, за что ссориться! за пѣсенку!.. да какъ же это случилось?

«Да вотъ какъ: Петръ Андреичь сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затянулъ мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять въ полночь.

Вышла разладица. Петръ Андреичь было и разсердился, но потомъ разсудилъ, что всякъ воленъ пѣть, что кому угодно. Тѣмъ дѣло и кончилось.»

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило; но никто, кромѣ меня, не понялъ грубыхъ его обиняковъ; но крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Отъ пѣсенокъ разговоръ обратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣтилъ, что всѣ они безпутные и горькіе пьяницы, и дружески совѣтовалъ мнѣ оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему доброму не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ; пришедъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу, попробовалъ ея конецъ, и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ седьмомъ часу.

На другой день въ назначенное время я

ОБѢДЪ У КОМЕНДАНТА.

Рисунокъ Павла Соколова.

стоялъ уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился. «Насъ могутъ застать»—сказалъ онъ мнѣ; «надобно поспѣшить». Мы сняли мундиры; остались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ-за скирда вдругъ появился Иванъ Игнатьичъ и человѣкъ пять инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ коменданту. Мы повиновались съ досадою; солдаты насъ окружили, и мы отправились вслѣдъ за Иваномъ Игнатьичемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительной важностію.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнатьичъ отворилъ двери, провозгласивъ торжественно: «привелъ!» Насъ встрѣтила Василиса Егоровна. «Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? въ нашей крѣпости заводить смертоубійство! Иванъ Кузьмичь, сейчасъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андреичь! Алексѣй Иванычь! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги въ чуланъ. Петръ Андреичь! Этого я отъ тебя не ожидала. Какъ тебѣ не совѣстно? Добро Алексѣй Иванычь: онъ за душегубство и изъ гвардіи выписанъ, онъ и въ Господа Бога не вѣруетъ; а ты-то что? туда же лѣзешь?»

Иванъ Кузьмичь вполнѣ соглашался съ своею супругою и приговаривалъ: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говоритъ. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.» Между тѣмъ Палашка взяла у насъ шпаги и отнесла въ чуланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохранилъ свою важность: «При всемъ моемъ уваженіи къ вамъ»—сказалъ онъ ей хладнокровно—«не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите безпокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дѣло».—Ахъ мой, батюшка!—возразила комендантша;—да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? Иванъ Кузмичь! что ты зѣваешь? Сейчасъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобъ у нихъ дурьто прошла; да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ эпитимію, чтобъ молили у Бога прощенія, да каялись передъ людьми.

Иванъ Кузьмичь не зналъ, на что рѣшиться. Марья Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало по малу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила насъ другъ друга поцаловать. Палашка принесла намъ наши шпаги. Мы вышли отъ коменданта, по видимому, примиренные. Иванъ Игнатьичь насъ сопровождалъ.—Какъ вамъ не стыдно было—сказалъ я ему сердито—доносить на насъ коменданту послѣ того, какъ дали мнѣ слово того не дѣлать?—«Какъ Богъ святъ, я Ивану Кузмичу того не говорилъ»—отвѣчалъ онъ; «Василиса Егоровна вывѣдала все отъ меня. Она всѣмъ и распорядилась безъ вѣдома коменданта. Впрочемъ, слава Богу, что все такъ кончилось». Съ этимъ словомъ онъ повер-

нулъ домой, а Швабринъ и я остались наединѣ. Наше дѣло этимъ кончиться не можетъ—сказалъ я ему. «Конечно» — отвѣчалъ Швабринъ; «вы своею кровью будете отвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами вѣроятно станутъ присматривать. Нѣсколько дней намъ должно будетъ притворяться. До свиданія!»—И мы разстались, какъ ни въ чемъ не бывали.

Возвратясь къ коменданту, я по обыкновенію своему подсѣлъ къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали въ полголоса. Марья Ивановна съ нѣжностію выговаривала мнѣ за безпокойство, причиненное всѣмъ моею ссорою съ Швабринымъ. «Я такъ и обмерла»—сказала она—«когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мужчины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно бъ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнію, но и совѣстію, и благополучіемъ тѣхъ, которые... Но я увѣрена, что не вы зачинщикъ ссоры. Вѣрно, виноватъ Алексѣй Иванычъ.»

— А почему же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

«Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Иваныча. Онъ очень мнѣ противенъ; а странно! ни за что бъ я не хотѣла, чтобъ и я ему также не нравилась. Это меня безпокоило бы страхъ.»

— А какъ вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему, или нѣтъ?

Марья Ивановна заикнулась и покраснѣла. «Мнѣ кажется»—сказала она, «я думаю, что нравлюсь».

— Почему же вамъ такъ кажется?

«Потому что онъ за меня сватался.»

— Сватался! Онъ за васъ сватался? Когда же?

«Въ прошломъ году, мѣсяца два до вашего пріѣзда.»

— И вы не пошли?

«Какъ изволите видѣть. Алексѣй Иванычъ, конечно человѣкъ умный, и хорошей фамиліи, и имѣетъ состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться.... ни за что! ни за какія благополучія!»

Слова Марьи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили многое. Я понялъ упорное злорѣчіе, которымъ Швабринъ ее преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія поводъ къ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда вмѣсто грубой и непристойной насмѣшки увидѣлъ я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злоязычника сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидѣлъ я за элегіей и грызъ перо въ ожиданіи риѳмы, Швабринъ постучался подъ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взялъ шпагу и къ нему вышелъ. «Зачѣмъ откладывать?—сказалъ мнѣ Швабринъ; «за нами не смотрятъ. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ.» Мы отправились молча. Спустясь по крутой тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринъ былъ искуснѣе меня, но я сильнѣе и смѣлѣе, и monsieur Бопре, бывшій нѣкогда солдатомъ, далъ мнѣ нѣсколько уроковъ въ фехтованіи, которыми я и воспользовался. Швабринъ не ожидалъ найти во мнѣ столь опаснаго противника. Долго мы не могли сдѣлать другъ другу никакого вреда; наконецъ, примѣтя, что Швабринъ ослабѣваетъ, я сталъ съ живостію на него наступать и загналъ его почти въ самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся и увидѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по нагорной тропинкѣ...

... Въ это самое время меня сильно кольнуло въ грудь пониже праваго плеча; я упалъ и лишился чувствъ.

ГЛАВА V.

Любовь.

Ахъ, ты, дѣвка, дѣвка красная!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ;
Ты спроси, дѣвка, отца, матери;
Отца, матери, роду, племени;
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Пѣсня народная.

Буде лучше меня найдешь, позабудешь,
Если хуже меня найдешь, воспомянешь.

То же.

Очнувшись, я нѣсколько времени не могъ опомниться и не понималъ, что́ со мною сдѣлалось. Я лежалъ на кровати, въ незнакомой горницѣ, и чувствовалъ большую слабость. Передо мною стоялъ Савельичъ со свѣчкою въ рукахъ. Кто-то бережно развивалъ перевязи, которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало по малу мысли мои прояснились. Я вспомнилъ свой поединокъ, и догадался, что былъ раненъ. Въ эту минуту скрыпнула дверь. «Что? каковъ?» — произнесъ по шепту голосъ, отъ котораго я затрепеталъ.—Все въ одномъ положеніи, — отвѣчалъ Савельичь со вздохомъ; — все безъ памяти, вотъ уже пятыя сутки. — Я хотѣлъ оборотиться, но не могъ. Гдѣ я? кто здѣсь? сказалъ я съ усиліемъ. Марья Ивановна подошла къ моей кровати и наклонилась ко мнѣ. «Что? какъ вы себя чувствуете? сказала она. Слава Богу—отвѣчалъ я слабымъ голосомъ. Это вы, Марья Ивановна? Скажите мнѣ.... я не въ силахъ былъ продолжать и замолчалъ. Савельичь ахнулъ. Радость изобразилась на его лицѣ. «Опомнился! опомнился!» — повторялъ онъ. «Слава тебѣ, Владыко! Ну, батюшка, Петръ Андреичь! напугалъ ты меня! легко ли? пятыя сутки!»... Марья Ивановна прервала его рѣчь. «Не говори съ нимъ много, Савельичь — сказала она. Онъ еще слабъ.»—Она вышла и тихонько притворила дверь. Мысли мои волновались. И такъ я былъ въ домѣ коменданта, Марья Ивановна входила ко мнѣ. Я хотѣлъ сдѣлать Савельичу нѣкоторые вопросы, но старикъ замоталъ головою и заткнулъ себѣ уши. Я съ досадою закрылъ глаза и вскорѣ забылся сномъ.

Проснувшись, подозвалъ я Савельича, и вмѣсто его увидѣлъ передъ собою Марью Ивановну; ангельскій голосъ ея меня привѣтствовалъ. Не могу выразить сладостнаго чувства, овладѣвшаго мною въ эту минуту. Я схватилъ ея руку и прильнулъ къ ней, обливая слезами умиленія. Маша не отрывала ее... и вдругъ ея губки коснились моей щеки, и я почувствовалъ ихъ жаркій и свѣжій поцѣлуй. Огонь пробѣжалъ по мнѣ. Милая, добрая Марья Ивановна—сказалъ я ей—будь моей женою, согласись на мое счастіе.—Она опомнилась. «Ради Бога, успокойтесь»—сказала она, отнявъ у меня свою руку. «Вы еще въ опасности: рана можетъ открыться. Поберегите себя хоть для меня.» Съ этимъ словомъ она ушла, оставя меня въ упоеніи восторга. Счастіе воскресило меня. Она будетъ моя! она меня любитъ! Эта мысль наполняла все мое существованіе.

Съ той поры мнѣ часъ отъ часу становилось лучше. Меня лечилъ полковой цырюльникъ, ибо въ крѣпости другаго лекаря не было, и, слава Богу, не умничалъ. Молодость и природа ускорили мое выздоровленіе. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна отъ меня не отходила. Разумѣется, при первомъ удобномъ случаѣ я принялся за прерванное объясненіе, и Марья Ивановна выслушала меня терпѣливѣе. Она безо всякаго жеманства призналась мнѣ въ сердечной склонности и сказала, что ея родители конечно рады будутъ ея счастію. «Но подумай хорошенько»—прибавила она; «со стороны твоихъ родныхъ не будетъ ли препятствія?»

Я задумался. Въ нѣжности матушкиной я не сомнѣвался; но, зная нравъ и образъ мыслей отца, я чувствовалъ, что любовь моя не слишкомъ его тронетъ, и что онъ будетъ на нее смотрѣть, какъ на блажь молодаго человѣка. Я чистосердечно признался въ томъ Марьѣ Ивановнѣ, и рѣшился однако писать къ батюшкѣ какъ можно краснорѣчивѣе, прося родительскаго благословенія. Я показалъ письмо Марьѣ Ивановнѣ, которая нашла его столь убѣдительнымъ и трогательнымъ, что не сомнѣвалась въ успѣхѣ его, и предалась чувствамъ нѣжнаго своего сердца со всею довѣрчивостію молодости и любви.

Съ Швабринымъ я помирился въ первые дни моего выздоровленія. Иванъ Кузмичь, выговаривая мнѣ за поединокъ, сказалъ мнѣ. «Эхъ, Петръ Андреичь! надлежало бы мнѣ посадить тебя подъ арестъ, да ты ужь и безъ того наказанъ. А Алексѣй Иванычь у меня таки сидитъ въ хлѣбномъ магазинѣ подъ карауломъ, и шпага его подъ замкомъ у Василисы Егоровны. Пускай онъ себѣ надумается, да раскаится.» — Я слишкомъ былъ счастливъ, чтобъ хранить въ сердцѣ чувство непріязненное. Я сталъ просить за Швабрина, и добрый комендантъ, съ согласія своей супруги, рѣшился его освободить. Швабринъ пришелъ ко мнѣ; онъ изъявилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что случилось между нами; признался, что былъ кругомъ виноватъ, и просилъ меня забыть о прошедшемъ. Будучи отъ природы незлопамятенъ, я искренно простилъ ему и нашу ссору и рану, мною отъ него полученную. Въ клеветѣ его видѣлъ я досаду оскорбленнаго самолюбія и отвергнутой любви, и великодушно извинялъ своего несчастнаго соперника.

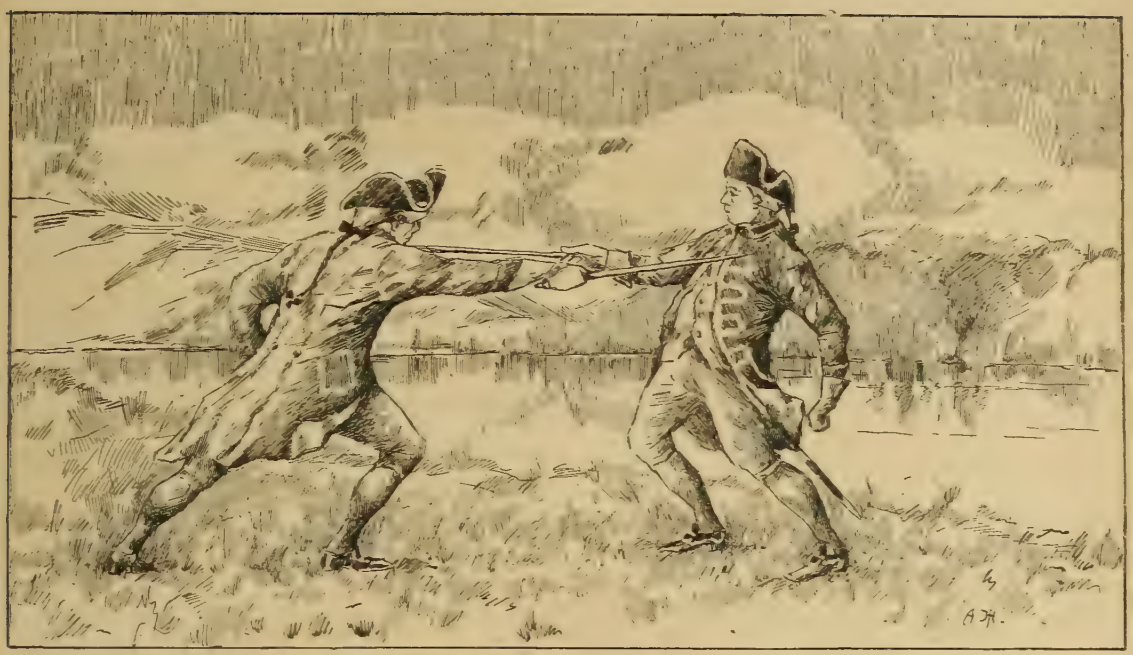
Вскорѣ я выздоровѣлъ, и могъ перебраться на мою квартиру. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я отвѣта на посланное письмо, не смѣя надѣяться, и стараясь заглушить печальныя предчувствія. Съ Василисой Егоровной и съ ея мужемъ я еще не объяснился; но предложеніе мое не должно было ихъ удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать отъ нихъ свои чувства, и мы заранѣе были ужь увѣрены въ ихъ согласіи.

Наконецъ однажды утромъ Савельичь вошелъ ко мнѣ, держа въ рукахъ письмо. Я схватилъ его съ трепетомъ. Адресъ былъ написанъ рукою батюшки. Это пріуготовило меня къ чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мнѣ матушка, а онъ въ концѣ приписывалъ нѣсколько строкъ. Долго не распечатывалъ я пакета и перечитывалъ торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, въ Оренбургскую Губернію въ Бѣлогорскую крѣпость.» Я старался по почерку угадать расположеніе духа, въ которомъ писано было письмо; наконецъ рѣшился его распечатать, и съ первыхъ строкъ увидѣлъ, что все дѣло пошло къ чорту. Содержаніе письма было слѣдующее:

«Сынъ мой Петръ! Письмо твое, въ которомъ просишь ты насъ о родительскомъ нашемъ благословеніи и согласіи на бракъ съ Марьей Ивановной дочерью Мироновой, мы получили 15 сего мѣсяца, и не только ни моего благословенія, ни моего согласія дать я тебѣ не намѣренъ, но еще и собираюсь до тебя добраться, да за проказы твои проучить тебя путемъ, какъ мальчишку, не смотря на твой офицерскій чинъ: ибо ты доказалъ, что шпагу носить еще недостоинъ, которая пожалована тебѣ на защиту отечества, а не для дуелей съ такими же сорванцами, каковъ ты самъ. Немедленно буду писать къ Андрею Карловичу, прося его перевести тебя изъ Бѣлогорской крѣпости куда нибудь подальше, гдѣ бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнавъ о твоемъ поединкѣ и о томъ, что ты раненъ, съ горести занемогла и теперь лежитъ. Что изъ тебя будетъ? Молю Бога, чтобъ ты исправился, хоть и не смѣю надѣяться на Его великую милость.

Отецъ твой *А. Г.*»

Чтеніе сего письма возбудило во мнѣ разныя чувствованія. Жестокія выраженія, на которыя батюшка не поскупился, глубоко оскорбили меня. Пренебреженіе, съ какимъ онъ упоминалъ о Марьѣ Ивановнѣ казалось мнѣ столь же непристойнымъ, какъ и несправедливымъ. Мысль о переведеніи моемъ изъ Бѣлогорской крѣпости меня ужасала, но всего болѣе огорчило меня извѣстіе о болѣзни матери. Я негодовалъ на Савельича, не сомнѣваясь, что поединокъ мой сталъ извѣстенъ родителямъ черезъ него. Шагая взадъ и впередъ по тѣсной моей комнатѣ, я остановился передъ нимъ и сказалъ, взглянувъ на него грозно: Видно тебѣ не довольно, что я, благодаря тебя, раненъ и цѣлый мѣсяцъ былъ на краю гроба; ты и мать мою хочешь уморить. Савельичь былъ пораженъ какъ громомъ. «Помилуй, сударь»—сказалъ



ПОЕДИНОКЪ МЕЖДУ ШВАБРИНЫМЪ И ГРИНЕВЫМЪ.
Рис. А. Жаба.

онъ чуть не зарыдавъ — «что́ это изволишь говорить? Я причина, что ты былъ раненъ! Богъ видитъ, бѣжалъ я заслонить тебя своею грудью отъ шпаги Алексѣя Иваныча! Старость проклятая помѣшала. Да чтожь я сдѣлалъ матушкѣ-то твоей?»— Что ты сдѣлалъ? — отвѣчалъ я. Кто просилъ тебя писать на меня доносы? развѣ ты приставленъ ко мнѣ въ шпіоны?—«Я? писалъ на тебя доносы?»—отвѣчалъ Савельичъ со слезами. «Господи Царю небесный! Такъ изволь-ка прочитай, что пишетъ ко мнѣ баринъ: увидишь, какъ я доносилъ на тебя.» Тутъ онъ вынулъ изъ кармана письмо и я прочелъ слѣдующее:

Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты, не взирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ Петрѣ Андреевичѣ, и что посторонніе принуждены увѣдомлять меня о его проказахъ. Такъ ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, стараго пса! пошлю свиней пасти за утайку правды и потворство къ молодому человѣку. Съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ немедленно отписать ко мнѣ, каково теперь его здоровье, о которомъ пишутъ мнѣ, что поправилось; да въ какое именно мѣсто онъ раненъ и хорошо ли его залечили.»

Очевидно было, что Савельичъ передо мною былъ правъ, и что я напрасно оскорбилъ его упрекомъ и подозрѣніемъ. Я просилъ у него прощенія; но старикъ былъ неутѣшенъ. «Вотъ до чего я дожилъ»— повторялъ онъ; «вотъ какихъ милостей дослужился отъ своихъ господъ! Я и старый песъ, и свинопасъ, да я жь и причина твоей раны? Нѣтъ, батюшка Петръ Андреичъ! не я, проклятый мусье всему виноватъ: онъ научилъ тебя тыкаться желѣзными вертелами, да притопывать, какъ будто тыканьемъ да топаньемъ убережешься отъ злаго человѣка! Нужно было нанимать мусье, да тратить лишнія деньги!»

Но кто же бралъ на себя трудъ увѣдомить отца моего о моемъ поведеніи? Генералъ? Но онъ, казалось, обо мнѣ не слишкомъ заботился; а Иванъ Кузмичъ не почелъ за нужное рапортовать о моемъ поединкѣ. Я терялся въ догадкахъ. Подозрѣнія мои остановились на Швабринѣ. Онъ одинъ имѣлъ выгоду въ доносѣ, коего слѣдствіемъ могло быть удаленіе мое изъ крѣпости и разрывъ съ комендантскимъ

семействомъ. Я пошелъ объявить обо всемъ МарьѢ Ивановнѣ. Она встрѣтила меня на крыльцѣ. «Что это съ вами сдѣлалось?— сказала она, увидѣвъ меня. Какъ вы блѣдны!—Все кончено!—отвѣчалъ я, и, отдалъ ей батюшкино письмо. Она поблѣднѣла въ свою очередь. Прочитавъ, она возвратила мнѣ письмо дрожащею рукою и сказала дрожащимъ голосомъ: «Видно, мнѣ не судьба.... Родные ваши не хотятъ меня въ свою семью. Буди во всемъ воля Господня! Богъ лучше нашего знаетъ, что намъ надобно. Дѣлать нечего, Петръ Андреичь; будьте хоть вы счастливы».... Этому не бывать!—вскричалъ я, схвативъ ее за руку; ты меня любишь; я готовъ на все. Пойдемъ, кинемся въ ноги къ твоимъ родителямъ, они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они насъ благословятъ; мы обвѣнчаемся... а тамъ, современемъ, я увѣренъ, мы умолимъ отца моего; матушка будетъ за насъ; онъ меня проститъ.... «НѢтъ, Петръ Андреичь»—отвѣчала Маша—«я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастія. Покоримся волѣ Божіей. Коли найдешь себѣ суженную, коли полюбишь другую—Богъ съ тобою, Петръ Андреичь; а я за васъ обоихъ».... Тутъ она заплакала и ушла отъ меня; я хотѣлъ было войти за нею въ комнату, но чувствовалъ, что былъ не въ состояніи владѣть самымъ собою и воротился домой.

Я сидѣлъ погруженный въ глубокую задумчивость, какъ вдругъ Савельичъ прервалъ мои размышленія. «Вотъ, сударь»— сказалъ онъ, подавая исписанный листъ бумаги;—«посмотри, доносчикъ ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына съ отцомъ.» Я взялъ изъ рукъ его бумагу: это былъ отвѣтъ Савельича на полученное имъ письмо. Вотъ онъ отъ слова до слова:

«Государь Андрей Петровичь, отецъ нашъ милостивый!

«Милостивое описаніе ваше я получилъ, въ которомъ изволишь гнѣваться на меня, раба вашего, что-де стыдно мнѣ не исполнять господскихъ приказаній;—а я, не старый песъ, а вѣрный вашъ слуга, господскихъ приказаній слушаюсь и усердно вамъ всегда служилъ и дожилъ до сѣдыхъ волосъ. Я жь про рану Петра Андреича ничего къ вамъ не писалъ, чтобъ не испужать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и такъ съ испугу слегла, и за ея здоровье Богу буду молить. А Петръ Андреичь раненъ былъ подъ правое плечо, въ грудь, подъ самую косточку, въ глубину на полтора вершка, и лежалъ онъ въ домѣ у коменданта, куда принесли мы его съ берега, и лечилъ его здѣшній цырюльникъ Степанъ Парамоновъ; и теперь Петръ Андреичь, слава Богу, здоровъ, и про него кромѣ хорошаго нечего и писать. Командиры, слышно, имъ довольны; а у Василисы Егоровны онъ какъ родной сынъ. А что съ нимъ случилась такая оказія, то быль молодцу не укора: конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается. У изволите вы писать, что сошлете меня свиней пасти, и на то ваша боярская воля. За симъ кланяюсь рабски.

Вѣрный холопъ вашъ

Архипъ Савельевъ».

Я не могъ нѣсколько разъ не улыбнуться, читая грамоту добраго старика. Отвѣчать батюшкѣ я былъ не въ состояніи; а чтобъ успокоить матушку, письмо Савельича показалось мнѣ достаточнымъ.

Съ той поры положеніе мое перемѣнилось. Марья Ивановна почти со мною не говорила, и всячески старалась избѣгать меня. Домъ коменданта сталъ для меня постылъ. Мало по малу пріучился я сидѣть одинъ у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мнѣ пеняла; но видя мое упрямство, оставила меня въ покоѣ. Съ Иваномъ Кузмичемъ видѣлся я только, когда того требовала служба. Съ Швабринымъ встрѣчался рѣдко и неохотно, тѣмъ болѣе что замѣчалъ въ немъ скрытую къ себѣ непріязнь, что и утверждало меня въ своихъ подозрѣніяхъ. Жизнь моя сдѣлалась мнѣ несносна. Я впалъ въ мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездѣйствіе. Любовь моя разгоралась въ уединеніи и часъ отъ часу становилась мнѣ тягостнѣе. Я потерялъ охоту къ чтенію и словесности. Духъ мой упалъ. Я боялся или сойти съ ума или удариться въ распутство. Неожиданныя происшествія, имѣвшія важныя вліянія на всю мою жизнь, дали вдругъ моей душѣ сильное и благое потрясеніе.

ГЛАВА VI.

Пугачевщина.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будемъ сказывати.

Пѣсня.

Прежде, нежели приступлю къ описанію странныхъ происшествій, коимъ я былъ свидѣтель, я долженъ сказать нѣсколько словъ о положеніи, въ которомъ находилась Оренбургская Губернія въ концѣ 1773 года.

Сія обширная и богатая губернія обитаема была множествомъ полудикихъ народовъ, признавшихъ еще недавно владычество Россійскихъ Государей. Ихъ поминутныя возмущенія, непривычка къ законамъ и гражданской жизни, легкомысліе и жестокость требовали со стороны правительства непрестаннаго надзора для удержанія ихъ въ повиновеніи. Крѣпости выстроены были въ мѣстахъ, признанныхъ удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними обладателями Яицкихъ береговъ. Но Яицкіе казаки, долженствовавшіе охранять спокойствіе и безопасность сего края, съ нѣкотораго времени были сами для правительства неспокойными и опасными подданными. Въ 1772 году произошло возмущеніе въ ихъ главномъ городѣ. Причиною тому были строгія мѣры, предпринятыя генералъ-майоромъ Траубенбергомъ, дабы привести войско къ должному повиновенію. Слѣдствіемъ было варварское убіеніе Траубенберга, своевольная перемѣна въ управленіи, и наконецъ усмиреніе бунта картечью и жестокими наказаніями.

Это случилось [за] нѣсколько времени передъ прибытіемъ моимъ въ Бѣлогорскую крѣпость. Все было уже тихо, или казалось таковымъ; начальство слишкомъ легко повѣрило мнимому раскаянію лукавыхъ мятежниковъ, которые злобствовали въ тайнѣ и выжидали удобнаго случая для возобновленія безпорядковъ.

Обращаюсь къ моему разсказу.

Однажды вечеромъ (это было въ началѣ октября 1773 года) сидѣлъ я дома одинъ, слушая вой осенняго вѣтра и смотря въ окно на тучи, бѣгущія мимо луны. Пришли меня звать отъ имени коменданта. Я тотчасъ отправился. У коменданта нашелъ я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкаго урядника. Въ комнатѣ не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендантъ со мною поздоровался съ видомъ озабоченнымъ. Онъ заперъ двери, всѣхъ усадилъ, кромѣ урядника, который стоялъ у дверей, вынулъ изъ кармана бумагу и сказалъ намъ: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишетъ генералъ.» Тутъ онъ надѣлъ очки и прочелъ слѣдующее:

«Господину коменданту Бѣлогорской крѣпости капитану Миронову.

«По секрету».

«Симъ извѣщаю васъ, что убѣжавшій изъ-подъ караула Донской казакъ и раскольникъ Емельянъ Пугачевъ, учиня непростительную дерзость принятіемъ на себя имени покойнаго Императора Петра III, собралъ злодѣйскую шайку, произвелъ возмущеніе въ Яицкихъ селеніяхъ, и уже взялъ и разорилъ нѣсколько крѣпостей, производя вездѣ грабежи и смертныя убійства. Того ради, съ полученіемъ сего, имѣете вы, господинъ капитанъ, немедленно принять надлежащія мѣры къ отраженію помянутаго злодѣя и самозванца, а буде можно и къ совершенному уничтоженію онаго, если онъ обратится на крѣпость, ввѣренную вашему попеченію.»

«Принять надлежащія мѣры!»—сказалъ комендантъ, снимая очки и складывая бумагу. «Слышь ты, легко сказать. Злодѣйто видно силенъ; а у насъ всего сто тридцать человѣкъ, не считая казаковъ, на которыхъ плоха надежда, не въ укоръ буди тебѣ сказано, Максимычь (Урядникъ усмѣхнулся). Однако дѣлать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы, да ночные дозоры; въ случаѣ нападенія

запирайте ворота, да выводите солдатъ. Ты, Максимычъ, смотри крѣпко за своими казаками. Пушку осмотрѣть, да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это въ тайнѣ, чтобъ въ крѣпости никто не могъ о томъ узнать преждевременно.»

Раздавъ сіи повелѣнія, Иванъ Кузмичь насъ распустилъ. Я вышелъ вмѣстѣ со Швабринымъ, разсуждая о томъ, что мы слышали. Какъ ты думаешь, чѣмъ это кончится?—спросилъ я его. «Богъ знаетъ»—отвѣчалъ онъ; «посмотримъ. Важнаго покамѣсть еще ничего не вижу. Если же»... Тутъ онъ задумался и въ разсѣяніи сталъ насвистывать Французскую арію.

Не смотря на всѣ наши предосторожности, вѣсть о появленіи Пугачева разнеслась по крѣпости. Иванъ Кузмичь, хоть и очень уважалъ свою супругу, но ни за что на свѣтѣ не открылъ бы ей тайны, ввѣренной ему по службѣ. Получивъ письмо отъ генерала, онъ довольно искуснымъ образомъ выпроводилъ Василису Егоровну, сказавъ ей, будто бы отецъ Герасимъ получилъ изъ Оренбурга какія-то чудныя извѣстія, которыя содержитъ въ великой тайнѣ. Василиса Егоровна тотчасъ захотѣла отправиться въ гости къ попадьѣ, и, по совѣту Ивана Кузмича, взяла съ собою и Машу, чтобъ ей не было скучно одной.

Иванъ Кузмичь, оставшись полнымъ хозяиномъ, тотчасъ послалъ за нами, а Палашку заперъ въ чуланъ, чтобъ она не могла насъ подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успѣвъ ничего вывѣдать отъ попадьи, и узнала, что во время ея отсутствія было у Ивана Кузмича совѣщаніе, и что Палашка была подъ замкомъ. Она догадалась, что была обманута мужемъ, и приступила къ нему съ допросомъ. Но Иванъ Кузмичь приготовился къ нападенію. Онъ ни мало не смутился и бодро отвѣчалъ своей любопытной сожительницѣ: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломою; а какъ отъ того можетъ произойти несчастіе, то я и отдалъ строгій приказъ впредь соломою бабамъ печей не топить, а топить хворостомъ и валежникомъ.»—А для чего жь было тебѣ запирать Палашку?—спросила комендантша.—За что бѣдная дѣвка просидѣла въ чуланѣ, пока мы не воротились?—Иванъ Кузмичь не былъ приготовленъ къ таковому вопросу; онъ запутался и пробормоталъ что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидѣла коварство своего мужа; но зная, что ничего отъ него не добьется, прекратила свои вопросы и завела рѣчь о соленыхъ огурцахъ, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особеннымъ образомъ. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть, и никакъ не могла догадаться, что бы такое было въ головѣ ея мужа, о чемъ бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь отъ обѣдни, она увидѣла Ивана Игнатьича, который вытаскивалъ изъ пушки тряпички, камешки, щепки, бабки и соръ всякаго рода, запиханный въ нее ребятишками. «Что бы значили эти военныя приготовленія?» — думала комендантша; «ужь не ждутъ ли нападенія отъ Киргизцевъ? Но не ужь-то Иванъ Кузмичь сталъ бы отъ меня таить такіе пустяки»? Она кликнула Ивана Игнатьича съ твердымъ намѣреніемъ вывѣдать отъ него тайну, которая мучила ея дамское любопытство.

Василиса Егоровна сдѣлала ему нѣсколько замѣчаній относительно хозяйства, какъ судія, начинающій слѣдствіе вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность отвѣтчика. Потомъ, помолчавъ нѣсколько минутъ, она глубоко вздохнула и сказала качая головою: «Господи Боже мой! Вишь, какія новости! Что изъ этого будетъ?»

— И, матушка!—отвѣчалъ Иванъ Игнатьичь. Богъ милостивъ: солдатъ у насъ довольно, пороху много, пушку я вычистилъ. Авось дадимъ отпоръ Пугачеву. Господь не выдастъ, свинья не съѣстъ!

«А что за человѣкъ этотъ Пугачевъ?»—спросила комендантша.

Тутъ Иванъ Игнатьичь замѣтилъ, что проговорился, и закусилъ языкъ. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всемъ признаться, давъ ему слово не разсказывать о томъ никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обѣщаніе и никому ни сказала ни одного слова, кромѣ какъ попадьѣ, и то потому только, что корова ея ходила еще въ степи и могла быть захвачена злодѣями.

Вскорѣ всѣ заговорили о Пугачевѣ. Толки были различные. Комендантъ послалъ урядника съ порученіемъ развѣдать хорошенько обо всемъ по сосѣднимъ селеніямъ и крѣпостямъ. Урядникъ возратился черезъ два дня и объявилъ, что въ степи верстъ за шестьдесятъ отъ крѣпости видѣлъ онъ множество огней и слышалъ отъ Башкирцевъ, что идетъ невѣдомая сила. Впрочемъ

не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что Ѣхать далѣе побоялся.

Въ крѣпости между казаками замѣтно стало необыкновенное волненіе; во всѣхъ улицахъ они толпились въ кучки, тихо разговаривали между собою, и расходились, увидя драгуна или гарнизоннаго солдата. Подосланы были къ нимъ лазутчики. Юлай, крещеный Калмыкъ, сдѣлалъ коменданту важное донесеніе. Показанія урядника, по словамъ Юлая, были ложны; по возвращеніи своемъ лукавый казакъ объявилъ своимъ товарищамъ, что онъ былъ у бунтовщиковъ, представлялся самому ихъ предводителю, который допустилъ его къ своей рукѣ и долго съ нимъ разговаривалъ. Комендантъ немедленно посадилъ урядника подъ караулъ, а Юлая назначилъ на его мѣсто. Эта новость принята была казаками съ явнымъ неудовольствіемъ. Они громко роптали, и Иванъ Игнатьичь, исполнитель комендантскаго распоряженія, слышалъ своими ушами, какъ они говорили: «Вотъ ужо тебѣ будетъ, гарнизонная крыса!» Комендантъ думалъ въ тотъ же день допросить своего арестанта; но урядникъ бѣжалъ изъ-подъ караула, вѣроятно, при помощи единомышленниковъ.

ИНОРОДЕЦЪ-АЗІАТЪ СРЕДИНЫ XVIII ВѢКА.

Рис. Лепренса.

Новое обстоятельство усилило безпокойство коменданта. Схваченъ былъ Башкирецъ съ возмутительными листами. По сему случаю комендантъ думалъ опять собрать своихъ офицеровъ, и для того хотѣлъ опять удалить Василису Егоровну подъ благовиднымъ предлогомъ. Но какъ Иванъ Кузмичь былъ человѣкъ самый прямодушный и правдивый, то и не нашелъ другаго способа, кромѣ какъ единожды уже имъ употребленнаго.

«Слышь ты, Василиса Егоровна»,—сказалъ онъ ей покашливая. «Отецъ Герасимъ получилъ, говорятъ, изъ города»...—Полно врать, Иванъ Кузьмичь,—перервала комендантша; ты, знать, хочешь собрать совѣщаніе, да безъ меня потолковать объ Емельянѣ Пугачевѣ; да лихъ не проведешь.»—Иванъ Кузмичь вытаращилъ глаза. «Ну, матушка» — сказалъ онъ — «коли ты уже все знаешь, такъ пожалуй оставайся; мы потолкуемъ и при тебѣ.»—То-то, батька мой,—отвѣчала она; не тебѣ бы хитрить; посылай-ка за офицерами.

Мы собрались опять. Иванъ Кузмичь въ присутствіи жены прочелъ намъ воззваніе Пугачева, писанное какимъ нибудь полуграмотнымъ казакомъ. Разбойникъ объявлялъ о своемъ намѣреніи немедленно идти на нашу крѣпость; приглашалъ казаковъ и солдатъ въ свою шайку, а командировъ увѣщевалъ не сопротивляться, угрожая казнію въ противномъ случаѣ. Воззваніе написано было въ грубыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ, и должно было произвести опасное впечатлѣніе на умы простыхъ людей.

«Каковъ мошенникъ!»—воскликнула комендантша. «Что смѣетъ еще намъ предлагать! Выдти къ нему на встрѣчу и положить къ ногамъ его знамена! Ахъ онъ собачій сынъ! Да развѣ не знаетъ онъ, что мы уже сорокъ лѣтъ въ службѣ, и всего, слава Богу, насмотрѣлись? Не ужь-то нашлись такіе командиры, которые послушались разбойника?»

— Кажется, не должны бы—отвѣчать Иванъ Кузмичь. А слышно, злодѣй завладѣлъ ужь многими крѣпостями.

«Видно онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ» — замѣтилъ Швабринъ.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ настоящую его силу—сказалъ комендантъ.—Василиса Егоровна, дай мнѣ ключь отъ анбара. Иванъ Игнатьичь, приведи-ка Башкирца, да прикажи Юлая принести сюда плетей.

«Постой, Иванъ Кузмичь»—сказала комендантша, вставая съ мѣста. «Дай, уведу Машу куда нибудь изъ дому; а то услышитъ крикъ, перепугается. Да и я правду сказать, не охотница до розыска. Счастливо оставаться.»

Пытка встарину была такъ укоренена въ

обычаяхъ судопроизводства, что благодѣтельный указъ, уничтожившій оную, долго оставался безо всякаго дѣйствія. Думали, что собственное признаніе преступника необходимо было для его полнаго обличенія,—мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицаніе подсудимаго не пріемлется въ доказательство его невинности, то признаніе его и того менѣе должно быть доказательствомъ его виновности. Даже и нынѣ случается мнѣ слышать старыхъ судей, жалѣющихъ объ уничтоженіи варварскаго обычая. Въ наше же время никто не сомнѣвался въ необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. И такъ приказаніе коменданта никого изъ насъ не удивило и не встревожило. Иванъ Игнатьичь отправился за Башкирцемъ, который сидѣлъ въ анбарѣ подъ ключемъ у комендантши, и черезъ нѣсколько минутъ невольника привели въ переднюю. Комендантъ велѣлъ его къ себѣ представить.

Башкирецъ съ трудомъ шагнулъ черезъ порогъ (онъ былъ въ колодкѣ), и, снявъ высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянулъ на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человѣка. Ему казалось лѣтъ за семьдесятъ. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вмѣсто бороды торчало нѣсколько сѣдыхъ волосъ; онъ былъ малаго росту, тощъ и сгорбленъ; но узенькіе глаза его сверкали еще огнемъ. «Эхе!» сказалъ комендантъ, узнавъ, по страшнымъ его примѣтамъ, одного изъ бунтовщиковъ, наказанныхъ въ 1741 году. «Да ты видно старый волкъ, побывалъ на нашихъ капканахъ. Ты знать не въ первой уже бунтуешь, коли у тебя такъ гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослалъ?»

Старый Башкирецъ молчалъ и глядѣлъ на коменданта съ видомъ совершеннаго безсмыслія. «Что же ты молчишь?» продолжалъ Иванъ Кузмичь; «али бельмесъ по Русски не разумѣешь? Юлай, спроси-ка у него по вашему, кто его подослалъ въ нашу крѣпость?»

Юлай повторилъ на Татарскомъ языкѣ вопросъ Ивана Кузмича. Но Башкиръ глядѣлъ на него съ тѣмъ же выраженіемъ, и не отвѣчалъ ни слова.

«Якши» сказалъ комендантъ; «ты у меня заговоришь. Ребята! съимите-ка съ него дурацкій полосатый халатъ, да выстрочите ему спину. Смотри жь, Юлай: хорошенько его!»

Два инвалида стали Башкирца раздѣвать. Лицо несчастнаго изобразило безпокойство. Онъ оглядывался на всѣ стороны, какъ звѣрокъ, пойманный дѣтьми. Когда жь одинъ изъ инвалидовъ взялъ его руки и положивъ ихъ себѣ около шеи, поднялъ старика на свои плечи, а Юлай взялъ плеть и замахнулся: тогда Башкирецъ застоналъ слабымъ, умоляющимъ голосомъ, и кивая головою, открылъ ротъ, въ которомъ вмѣсто языка шевелился короткій обрубокъ.

Когда вспомню, что это случилось на моемъ вѣку, и что нынѣ дожилъ я до кроткаго царствованія Императора Александра, не могу не дивиться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія и распространенію правилъ человѣколюбія. Молодой человѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній.

Всѣ были поражены. «Ну» — сказалъ комендантъ; «видно намъ отъ него толку не добиться. Юлай, отведи Башкирца въ анбаръ. А мы, господа, кой о чемъ еще потолкуемъ.»

Мы стали разсуждать о нашемъ положеніи, какъ вдругъ Василиса Егоровна вошла въ комнату, задыхаясь и съ видомъ чрезвычайно встревоженнымъ.

«Что это съ тобою сдѣлалось?» спросилъ изумленный комендантъ.

— Батюшки, бѣда!—отвѣчала Василиса Егоровна. Нижнеозерная взята сегодня утромъ. Работникъ отца Герасима сейчасъ оттуда воротился. Онъ видѣлъ какъ ее брали. Комендантъ и всѣ офицеры перевѣшаны. Всѣ солдаты взяты въ полонъ. Того и гляди, злодѣи будутъ сюда.

Неожиданная вѣсть сильно меня поразила. Комендантъ Нижнеозерной крѣпости, тихій и скромный молодой человѣкъ, былъ мнѣ знакомъ: мѣсяца за два передъ тѣмъ проѣзжалъ онъ изъ Оренбурга съ молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась отъ нашей крѣпости верстахъ въ двадцати пяти. Съ часу на часъ должно было и намъ ожидать нападенія Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мнѣ, и сердце у меня такъ и замерло.

Послушайте, Иванъ Кузмичь!—сказалъ я коменданту. Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія; объ этомъ и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщинъ. От-

правьте ихъ въ Оренбургъ, если дорога еще свободна, или въ отдаленную, болѣе надежную крѣпость, куда злодѣи не успѣли бы достигнуть.

Иванъ Кузмичь оборотился къ женѣ и сказалъ ей: «А слышь ты, матушка, и въ самомъ дѣлѣ, не отправить ли васъ подалѣ, пока не управимся мы съ бунтовщиками?»

— И, пустое!—сказала комендантша. Гдѣ такая крѣпость, куда бы пули не залетали? Чѣмъ Бѣлогорская ненадежна? Слава Богу, двадцать второй годъ въ ней проживаемъ. Видали и Башкирцевъ, и Киргизцевъ: авось, и отъ Пугачева отсидимся!

«Ну, матушка» возразилъ Иванъ Кузмичь: «оставайся, пожалуй, коли ты на крѣпость нашу надѣешься. Да съ Машей-то что намъ дѣлать? Хорошо, коли отсидимся, или дождемся сикурса; ну, а коли злодѣи возьмутъ крѣпость?»

— Ну, тогда... Тутъ Василиса Егоровна заикнулась и замолчала съ видомъ чрезвычайнаго волненія.

«Нѣтъ, Василиса Егоровна» продолжалъ комендантъ, замѣчая, что слова его подѣйствовали, можетъ быть, въ первой разъ въ его жизни. «Машѣ здѣсь оставаться не гоже. Отправимъ ее въ Оренбургъ къ ея крестной матери: тамъ и войска и пушекъ довольно, и стѣна каменная. Да и тебѣ совѣтовалъ бы съ нею туда же отправиться; даромъ что ты старуха, а посмотри, что́ съ тобою будетъ, коли возьмутъ фортецію приступомъ.»

— Добро,—сказала комендантша,—такъ и быть, отправимъ Машу. А меня и во снѣ не проси: не поѣду. Нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобою, да искать одинокой могилы на чужой сторонкѣ. Вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать.

«И то дѣло» сказалъ комендантъ. «Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу въ дорогу. Завтра чѣмъ свѣтъ ее и отправимъ, да дадимъ ей и конвой, хоть людей лишнихъ у насъ и нѣтъ. Да гдѣ же Маша?

— У Акулины Памфиловны,—отвѣчала комендантша. Ей сдѣлалось дурно, какъ услышала о взятіи Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи Владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать объ отъѣздѣ дочери. Разговоръ у коменданта продолжался; но я уже въ него не мѣшался и ничего не слушалъ. Марья Ивановна явилась къ ужину блѣдная и заплаканная. Мы отужинали молча, и встали изо стола скорѣе обыкновеннаго; простясь со всѣмъ семействомъ, мы отправились по домамъ. Но я нарочно забылъ свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовалъ, что застану Марью Ивановну одну. Въ самомъ дѣлѣ, она встрѣтила меня въ дверяхъ и вручила мнѣ шпагу. «Прощайте, Петръ Андреичь!» сказала она мнѣ со слезами; «Меня посылаютъ въ Оренбургъ. Будьте живы и счастливы; можетъ быть, Господь приведетъ насъ другъ съ другомъ увидѣться; если же нѣтъ».... Тутъ она зарыдала. Я обнялъ ее.—Прощай, ангелъ мой,—сказалъ я,—прощай, моя милая, моя желанная! Что́ бы со мною ни было, вѣрь, что послѣдняя моя мысль и послѣдняя молитва будетъ о тебѣ! Маша рыдала, прильнувъ къ моей груди. Я съ жаромъ ее поцѣловалъ, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

ГЛАВА VII.

Приступъ.

Голова моя головушка,
Голова послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго
И ни рангу себѣ высокаго;
Только выслужила головушка
Два высокіе столбика,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.

Народная пѣсня.

Въ эту ночь я не спалъ и не раздѣвался. Я намѣренъ былъ отправиться на зарѣ къ крѣпостнымъ воротамъ, откуда Марья Ивановна должна была выѣхать, и тамъ проститься съ нею въ послѣдній разъ. Я чувствовалъ въ себѣ великую перемѣну: волненіе души моей было мнѣ гораздо менѣе тягостно, нежели то уныніе, въ которомъ еще недавно былъ я погруженъ. Съ грустію разлуки сливались во мнѣ и неясныя, но сладостныя надежды, и нетерпѣливое ожиданіе опасностей, и чувства благороднаго честолюбія. Ночь прошла незамѣтно. Я хотѣлъ уже выдти изъ дому, какъ дверь моя отворилась и ко мнѣ явился капралъ съ донесеніемъ, что наши казаки ночью выступили изъ крѣпости, взявъ съ собою насильно Юлая, и что около крѣпости разъѣзжаютъ невѣдомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня; я поспѣшно далъ капралу нѣсколько наставленій, и тотчасъ бросился къ коменданту.

Ужь разсвѣтало. Я летѣлъ по улицѣ, какъ услышалъ, что зовутъ меня. Я остановился. «Куда вы?» сказалъ Иванъ Игнатьичь, догоняя меня. «Иванъ Кузмичь на валу, и послалъ меня за вами. Пугачь пришелъ».—Уѣхала ли Марья Ивановна?—спросилъ я съ сердечнымъ трепетомъ. — «Не успѣла» отвѣчалъ Иванъ Игнатьичь: «дорога въ Оренбургъ отрѣзана; крѣпость окружена. Плохо, Петръ Андреичь!»

Мы пошли на валъ, возвышеніе образованное природой и укрѣпленное частоколомъ. Тамъ уже толпились всѣ жители крѣпости. Гарнизонъ стоялъ въ ружьѣ. Пушку туда перетащили наканунѣ. Комендантъ расхаживалъ передъ своимъ малочисленнымъ строемъ. Близость опасности одушевляла стараго воина бодростію необыкновенной. По степи, не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, разъѣзжали человѣкъ двадцать верхами. Они, казалося, [были] казаки, но между ними находились и Башкирцы, которыхъ легко было распознать по ихъ рысьимъ шапкамъ и по колчанамъ. Комендантъ обошелъ свое войско, говоря солдатамъ: «Ну, дѣтушки, постоимъ сегодня за матушку Государыню, и докажемъ всему свѣту, что мы люди бравые и присяжные!» Солдаты громко изъявили усердіе. Швабринъ стоялъ подлѣ меня и пристально глядѣлъ на непріятеля. Люди, разъѣзжающіе въ степи, замѣтя движеніе въ крѣпости, съѣхались въ кучку и стали между собой толковать. Комендантъ велѣлъ Ивану Игнатьичу навести пушку на ихъ толпу, и самъ приставилъ фитиль. Ядро зажужжало и пролетѣло надъ ними, не сдѣлавъ никакого вреда. Наѣздники, разсѣясь, тотчасъ ускакали изъ виду, и степь опустѣла.

Тутъ явилась на валу Василиса Егоровна и съ нею Маша, нехотѣвшая отстать отъ нея. «Ну, что?» сказала комендантша. «Каково идетъ баталья? Гдѣ же непріятель?»—Непріятель недалече—отвѣчалъ Иванъ Кузмичь.—Богъ дастъ все будетъ ладно. Что, Маша, страшно тебѣ?—«Нѣтъ, папенька,»—отвѣчала Марья Ивановна; дома одной

КОМЕНДАНТЪ БЛАГОСЛОВЛЯЕТЪ МАШУ.

Рисунокъ Павла Соколова.

страшнѣе.» Тутъ она взглянула на меня и съ усиліемъ улыбнулась. Я невольно стиснулъ рукоять моей шпаги, вспомня, что наканунѣ получилъ ее изъ ея рукъ, какъ бы на защиту моей любезной. Сердце мое горѣло. Я воображалъ себя ея рыцаремъ. Я жаждалъ доказать, что былъ достоинъ ея довѣренности и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать рѣшительной минуты.

Въ это время изъ-за высоты, находившейся въ полверстѣ отъ крѣпости, показались новыя конныя толпы, и вскорѣ степь усѣялась множествомъ людей, вооруженныхъ копьями и сайдаками. Между ими на бѣломъ конѣ ѣхалъ человѣкъ въ красномъ кафтанѣ съ обнаженной саблею въ рукѣ: это былъ самъ Пугачевъ. Онъ остановился; его окружили и, какъ видно, по его повелѣнію, четыре человѣка отдѣлились и во весь опоръ подскакали подъ самую крѣпость. Мы въ нихъ узнали нашихъ измѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ надъ шапкою листъ бумаги; у другаго на копье воткнута была голова Юлая, которую, стряхнувъ, перекинулъ онъ къ намъ чрезъ частоколъ. Голова бѣднаго Калмыка упала къ ногамъ коменданта. Измѣнники кричали: «Не стрѣляйте; выходите вонъ къ Государю. Государь здѣсь»!

— «Вотъ я васъ!»—закричалъ Иванъ Кузмичь.—«Ребята! стрѣляй!» Солдаты наши дали залпъ. Казакъ, державшій письмо зашатался и свалися съ лошади; другіе поскакали назадъ. Я взглянулъ на Марью Ивановну. Пораженная видомъ окровавленной головы Юлая, оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. Комендантъ подозвалъ капрала и велѣлъ ему взять листъ изъ рукъ убитаго казака. Капралъ вышелъ въ поле и возвратился, ведя подъ устцы лошадь убитаго. Онъ вручилъ коменданту письмо. Иванъ Кузмичь прочелъ его про себя и разорвалъ потомъ въ клочки. Между тѣмъ мятежники видимо приготовлялись къ дѣйствію. Вскорѣ пули начали свистать около нашихъ ушей, и нѣсколько стрѣлъ воткнулись около насъ въ землю и въ частоколъ. «Василиса Егоровна!». сказалъ комендантъ. «Здѣсь не бабье дѣло, уведи Машу; видишь: дѣвка ни жива, ни мертва.»

Василиса Егоровна, присмирѣвшая подъ пулями, взглянула на степь, на которой замѣтно было большое движеніе; потомъ обратилась къ мужу и сказала ему: «Иванъ Кузмичь, въ животѣ и смерти Богъ воленъ: благослови Машу. Маша, подойди къ отцу.»

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузмичу, стала на колѣни и поклонилась ему въ землю. Старый комендантъ перекрестилъ ее трижды; потомъ поднялъ, и поцѣловавъ, сказалъ ей измѣнившимся голосомъ: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной. Ну,

прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорѣе.» (Маша кинулась ему на шею и зарыдала).—Поцѣлуемся жь и мы,— сказала заплакавъ комендантша. Прощай, мой Иванъ Кузмичь. Отпусти мнѣ, коли въ чемъ я тебѣ досадила! «Прощай, прощай, матушка!» сказалъ комендантъ, обнявъ свою старуху. «Ну, довольно! Ступайте, ступайте домой; да коли успѣешь, надѣнь на Машу сарафанъ». Комендантша съ дочерью удалились. Я глядѣлъ во слѣдъ Марьи Ивановны; она оглянулась и кивнула мнѣ головой. Тутъ Иванъ Кузмичь оборотился къ намъ, и все вниманіе его устремилось на непріятеля. Мятежники съѣзжались около своего предводителя, и вдругъ начали слѣзать съ лошадей. «Теперь стойте крѣпко» сказалъ комендантъ; будетъ приступъ».... Въ эту минуту раздался страшный визгъ и крики; мятежники бѣгомъ бѣжали къ крѣпости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендантъ подпустилъ ихъ на самое близкое разстояніе, и вдругъ выпалилъ опять. Картечь хватила въ самую средину толпы. Мятежники отхлынули въ обѣ стороны и попятились. Предводитель ихъ остался одинъ впереди.... Онъ махалъ саблею, и казалось, съ жаромъ ихъ уговаривалъ.... Крикъ и визгъ, умолкнувшіе на минуту, тотчасъ снова возобновились. «Ну, ребята» сказалъ комендантъ; теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ. Ребята! впередъ на вылазку, за мною!»

Комендантъ, Иванъ Игнатьичь и я мигомъ очутились за крѣпостнымъ валомъ; но обробѣлый гарнизонъ не тронулся. Чтожь вы, дѣтушки, стоите?» Закричалъ Иванъ Кузмичь. «Умирать, такъ умирать: дѣло служивое!» Въ эту минуту мятежники набѣжали на насъ и ворвались въ крѣпость. Барабанъ умолкъ; гарнизонъ бросилъ ружья; меня сшибли было съ ногъ; но я всталъ и вмѣстѣ съ мятежниками вошелъ въ крѣпость. Комендантъ, раненный въ голову, стоялъ въ кучкѣ злодѣевъ, которые требовали отъ него ключей. Я бросился было къ нему на помощь: нѣсколько дюжихъ казаковъ схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «вотъ ужо вамъ будетъ, Государевымъ ослушникамъ!» Насъ потащили по улицамъ; жители выходили изъ домовъ съ хлѣбомъ и солью. Раздавался колокольный звонъ. Вдругъ закричали въ толпѣ, что Государь на площади ожидаетъ плѣнныхъ и принимаетъ присягу. Народъ повалилъ на площадь; насъ погнали туда же.

Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ на крыльцѣ комендантскаго дома. На немъ былъ красивый [красный] казацкій кафтанъ, обшитый голунами. Высокая соболья шапка съ золотыми кистями была надвинута на его сверкающіе глаза. Лице его показалось мнѣ знакомо. Казацкіе старшины окружали его. Отецъ Герасимъ, блѣдный и дрожащій, стоялъ у крыльца съ крестомъ въ рукахъ, и, казалось, молча, умолялъ его за предстоящія жертвы. На площади ставили наскоро висѣлицу. Когда мы приближались, Башкирцы разогнали народъ и насъ представили Пугачеву. Колокольный звонъ утихъ; настала глубокая тишина. «Который комендантъ?» спросилъ самозванецъ. Нашъ урядникъ выступилъ изъ толпы и указалъ на Ивана Кузмича. Пугачевъ грозно взглянулъ на старика и сказалъ ему: «Какъ ты смѣлъ противиться мнѣ, своему Государю?» Комендантъ, изнемогая отъ раны, собралъ послѣднія силы и отвѣчалъ твердымъ голосомъ: «Ты мнѣ не Государь, ты воръ и самозванецъ, слышь ты!» Пугачевъ мрачно нахмурился и махнулъ бѣлымъ платкомъ. Нѣсколько казаковъ подхватили стараго капитана и потащили къ висѣлицѣ. На ея перекладинѣ очутился верхомъ изувѣченный Башкирецъ, котораго допрашивали мы наканунѣ. Онъ держалъ въ рукѣ веревку и черезъ минуту увидѣлъ я бѣднаго Ивана Кузмича вздернутаго на воздухъ. Тогда привели къ Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай» сказалъ ему Пугачевъ «Государю Петру Ѳеодоровичу!» — Ты намъ не Государь, — отвѣчалъ Иванъ Игнатьичь, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, воръ и самозванецъ! — Пугачевъ махнулъ опять платкомъ, и добрый поручикъ повисъ подлѣ своего стараго начальника.

Очередь была за мною. Я глядѣлъ смѣло на Пугачева, готовясь повторить отвѣтъ великодушныхъ моихъ товарищей. Тогда, къ неописуемому моему изумленію, увидѣлъ я среди мятежныхъ старшинъ Швабрина, обстриженнаго въ кружокъ и въ казацкомъ кафтанѣ. Онъ подошелъ къ Пугачеву и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ. «Вѣшать его!» сказалъ Пугачевъ, не взглянувъ уже на меня. Мнѣ накинули на шею петлю. Я сталъ читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяніе во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ и моля его о спасеніи всѣхъ близкихъ моему сердцу. Меня притащили подъ висѣлицу. «Не бось, не бось» повторяли мнѣ губители, можетъ быть и вправду желая меня ободрить. Вдругъ услы-

ПУГАЧЕВЪ—ПОБѢДИТЕЛЬ.
Рисунокъ С. Иванова.

шалъ я крикъ: «Постой-те, окаянные! погодите!»... Палачи остановились. Гляжу: Савельичь лежитъ въ ногахъ у Пугачева. «Отецъ родной!» говорилъ бѣдный дядька. «Что тебѣ въ смерти барскаго дитяти? Отпусти его; за него тебѣ выкупъ дадутъ; а для примѣра и страха ради, вели повѣсить хоть меня старика!» Пугачевъ далъ знакъ, и меня тотчасъ развязали и оставили. «Батюшка нашъ тебя милуетъ»—говорили мнѣ. Въ эту минуту, не могу сказать, чтобъ я обрадовался своему избавленію, не скажу однако жь, чтобъ я о немъ и сожалѣлъ. Чувствованія мои были слишкомъ смутны. Меня снова привели къ самозванцу и поставили передъ нимъ на колѣни. Пугачевъ протянулъ мнѣ жилистую свою руку. «Цѣлуй руку, цѣлуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочелъ бы самую лютую казнь такому подлому униженію. «Батюшка, Петръ Андреичь!» — шепталъ Савельичь, стоя за мною и толкая меня. «Не упрямься! Что тебѣ стоитъ? плюнь да поцѣлуй у злод.. (тьфу!) поцѣлуй у него ручку.» Я не шевелился. Пугачевъ опустилъ [руку], сказавъ съ усмѣшкою: «Его благородіе знать одурѣлъ отъ радости. Подымите его!» — Меня подняли и оставили на свободѣ. Я сталъ смотрѣть на продолженіе ужасной комедіи.

Жители начали присягать. Они подходили одинъ за другимъ, цѣлуя распятіе и потомъ кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тутъ же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, рѣзалъ у нихъ косы. Они, отряхиваясь, подходили къ рукѣ Пугачева, который объявлялъ имъ прощеніе и принималъ въ свою шайку. Все это продолжалось около трехъ часовъ. Наконецъ Пугачевъ всталъ съ креселъ и сошелъ съ крыльца въ сопровожденіи своихъ старшинъ. Ему подвели бѣлаго коня, украшеннаго богатой сбруей. Два казака взяли его подъ руки и посадили на сѣдло. Онъ объявилъ отцу Герасиму, что будетъ обѣдать у него. Въ эту минуту раздался женскій крикъ. Нѣсколько разбойниковъ вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздѣтую донага. Одинъ изъ нихъ успѣлъ уже нарядиться въ ея душегрѣйку. Другіе таскали перины, сундуки, чайную

посуду, бѣлье и всю рухлядь. «Батюшки мои!» кричала бѣдная старушка. «Отпустите душу на покаяніе. Отцы родные, отведите меня къ Ивану Кузмичу.» Вдругъ она взглянула на висѣлицу и узнала своего мужа. «Злодѣи!» закричала она въ исступленіи. Что это вы съ нимъ сдѣлали? Свѣтъ ты мой, Иванъ Кузмичь, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки Прусскіе, ни пули Турецкія; не въ честномъ бою положилъ ты свой животъ, а сгинулъ отъ бѣглаго каторжника!»—Унять старую вѣдьбу! — сказалъ Пугачевъ. Тутъ молодой казакъ ударилъ ее саблею по головѣ, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачевъ уѣхалъ; народъ бросился за нимъ.

ГЛАВА VIII.

Незванный гость.

Незванный гость хуже Татарина.

Пословица.

Площадь опустѣла. Я все стоялъ на одномъ мѣстѣ и не могъ привести въ порядокъ мысли, смущенныя столь ужасными впечатлѣніями.

Неизвѣстность о судьбѣ Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Гдѣ она? что съ нею? успѣла ли спрятаться? надежно ли ея убѣжище?... Полный тревожными мыслями, я вошелъ въ комендантскій домъ... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я взбѣжалъ по маленькой лѣстницѣ, которая вела въ свѣтлицу, и въ первый разъ отроду вошелъ въ комнату Марьи Ивановны. Я увидѣлъ ея постелю, перерытую разбойниками; шкапъ былъ разломанъ и ограбленъ; лампадка теплилась еще передъ опустѣлымъ кивотомъ. Уцѣлѣло и зеркальцо, висѣвшее въ простѣнкѣ.... Гдѣ жь была хозяйка этой смиренной дѣвической келльи? Страшная мысль мелькнула въ умѣ моемъ: я вообразилъ ее въ рукахъ у разбойниковъ.... Сердце мое сжалось.... Я горько, горько заплакалъ, и громко произнесъ имя моей любезной.... Въ эту минуту послышался легкій шумъ, и изъ-за шкапа явилась Палаша, блѣдная и трепещущая.

«Ахъ, Петръ Андреичъ!» — сказала она, сплеснувъ руками. «Какой денекъ! какія страсти!»...

А Марья Ивановна?—спросилъ я нетерпѣливо. Что Марья Ивановна?

«Барышня жива» — отвѣчала Палаша. «Она спрятана у Акулины Памфиловны».

— У попадьи! — вскричалъ я съ ужасомъ. Боже мой! да тамъ Пугачевъ!...

Я бросился вонъ изъ комнаты, мигомъ очутился на улицѣ и опрометью побѣжалъ въ домъ священника, ничего не видя и не чувствуя. Тамъ раздавались крики, хоходъ и пѣсни.... Пугачевъ пировалъ съ своими товарищами. Палаша прибѣжала туда же за мною. Я подослалъ ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Черезъ минуту попадья вышла ко мнѣ въ сѣни съ пустымъ штофомъ въ рукахъ.

— Ради Бога! гдѣ Марья Ивановна? — спросилъ я съ неизъяснимымъ волненіемъ.

«Лежитъ, моя голубушка, у меня на кровати, тамъ за перегородкою»—отвѣчала попадья. «Ну, Петръ Андреичъ, чуть-было не стряслась бѣда, да слава Богу, все прошло благополучно: злодѣй только что усѣлся обѣдать, какъ она моя бѣдняжка очнется да застонетъ!... Я такъ и обмерла. Онъ услышалъ: «А кто это у тебя охаетъ, старуха?» Я вору въ поясъ: племянница моя, Государь, захворала, лежитъ, вотъ ужь другая недѣля.—«А молода твоя племянница?— Молода, Государь,—«А покажи-ка мнѣ, старуха, свою племянницу.» — У меня сердце такъ и йокнула, да нечего было дѣлать.— Изволь, Государь; только дѣвка-то не сможетъ встать и придти къ твоей милости.— «Ничего, старуха, я и самъ пойду погляжу.» И вѣдь пошелъ окаянный за перегородку; какъ ты думаешь! вѣдь отдернулъ занавѣсъ; взглянулъ ястребиными своими глазами — и ничего... Богъ вынесъ! А вѣришь ли, я и батька мой такъ ужь и приготовились къ мученической смерти. Къ счастію, она моя голубушка не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бѣдный Иванъ Кузмичь! кто бы подумалъ!... А Василиса-то Егоровна? А Иванъ-то Игнатьичь? Его-то за что?... Какъ это васъ пощадили? А каковъ Швабринъ, Алексѣй Иванычь? Вѣдь остригся въ кру-

жокъ и теперь у насъ тутъ же съ ними пируетъ! Проворенъ, нечего сказать! А какъ сказала я про больную племянницу, такъ онъ, вѣришь ли, такъ взглянулъ на меня, какъ-бы ножемъ насквозь; однако не выдалъ, спасибо ему и за то.» Въ эту минуту раздались пьяные крики гостей и голосъ отца Герасима. Гости требовали вина, хозяинъ кликалъ сожительницу. Попадья расхлопоталась. «Ступайте себѣ домой, Петръ Андреичь» сказала она; «теперь не до васъ; у злодѣевъ попойка идетъ. Бѣда, попадетесь подъ пьяную руку. Прощайте, Петръ Андреичь. Что будетъ, то будетъ; авось Богъ не оставитъ!»

Попадья ушла. Нѣсколько успокоенный, я отправился къ себѣ на квартиру. Проходя мимо площади, я увидѣлъ нѣсколько Башкирцевъ, которые тѣснились около висѣлицы и стаскивали сапоги съ повѣшенныхъ; съ трудомъ удержалъ я порывъ негодованія, чувствуя безполезность заступленія. По крѣпости бѣгали разбойники, грабя офицерскіе дома. Вездѣ раздавались крики пьянствующихъ мятежниковъ. Я пришелъ домой. Савельичъ встрѣтилъ меня у порога. «Слава Богу!» вскричалъ онъ, увидя меня. «Я было думалъ, что злодѣи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петръ Андреичь! вѣришь ли? все у насъ разграбили, мошенники: платье, бѣлье, вещи, посуду—ничего не оставили. Да что ужь! Слава Богу, что тебя живаго отпустили! А узналъ ли ты, сударь, атамана?»

— Нѣтъ, не узналъ; а кто жь онъ такой!

«Какъ, батюшка? Ты и позабылъ того пьяницу, который выманилъ у тебя тулупъ на постояломъ дворѣ? Заячій тулупчикъ совсѣмъ новёшенькій; а онъ, бестія, его такъ и распоролъ, напяливая на себя!»

Я изумился. Въ самомъ дѣлѣ, сходство Пугачева съ моимъ вожатымъ было разительно. Я удостовѣрился, что Пугачевъ и онъ были одно и то же лице, и понялъ тогда причину пощады, мнѣ оказанной. Я не могъ не подивиться странному сцѣпленію обстоятельствъ: дѣтскій тулупъ, подаренный бродягѣ, избавлялъ меня отъ петли, и пьяница, шатавшійся по постоялымъ дворамъ, осаждалъ крѣпости и потрясалъ государствомъ!

«Не изволишь ли покушать?» спросилъ Савельичъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ. «Дома ничего нѣтъ; пойду, пошарю, да что нибудь тебѣ изготовлю.»

Оставшись одинъ, я погрузился въ размышленія. Что мнѣ было дѣлать? Оставаться въ крѣпости подвластной злодѣю, или слѣдовать за его шайкою, было неприлично офицеру. Долгъ требовалъ, чтобъ я явился туда, гдѣ служба моя могла еще быть полезна отечеству въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ... Но любовь сильно совѣтовала мнѣ оставаться при Марьѣ Ивановнѣ и быть ей защитникомъ и покровителемъ. Хотя я и предвидѣлъ скорую и несомнѣнную перемѣну въ обстоятельствахъ, но все же не могъ не трепетать, воображая опасность ея положенія.

Размышленія мои были прерваны приходомъ одного изъ казаковъ, который прибѣжалъ съ объявленіемъ, «что-де Великій Государь требуетъ тебя къ себѣ».—Гдѣ же онъ? спросилъ я, готовясь повиноваться.

«Въ комендантскомъ», отвѣчалъ казакъ. «Послѣ обѣда батюшка нашъ отправился въ баню, а теперь отдыхаетъ. Ну, ваше благородіе, по всему видно, что персона знатная: за обѣдомъ скушать изволилъ двухъ жареныхъ поросятъ, а парится такъ жарко, что и Тарасъ Курочкинъ не вытерпѣлъ, отдалъ вѣникъ Ѳомкѣ Бикбаеву, да на силу холодной водой откачался. Нечего сказать: всѣ пріемы такіе важные... А въ банѣ, слышно, показывалъ царскіе свои знаки на грудяхъ: на одной—двуглавый орелъ, величиною съ пятакъ, а на другой персона его.»

Я не почелъ нужнымъ оспаривать мнѣнія казака, и съ нимъ вмѣстѣ отправился въ комендантскій домъ, заранѣе воображая себѣ свиданіе съ Пугачевымъ и стараясь предугадать, чѣмъ оно кончится. Читатель легко можетъ себѣ представить, что я не былъ совершенно хладнокровенъ.

Начинало смеркаться, когда пришелъ я къ комендантскому дому. Висѣлица съ своими жертвами страшно чернѣла. Тѣло бѣдной комендантши все еще валялось подъ крыльцемъ, у котораго два казака стояли на караулѣ. Казакъ, приведшій меня, отправился про меня доложить, и, тотчасъ же воротившись, ввелъ меня въ ту комнату, гдѣ наканунѣ такъ нѣжно прощался я съ Марьей Ивановной.

Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни на-

шего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. «Добро пожаловать; честь и мѣсто, милости просимъ.» Собесѣдники потѣснились. Я молча сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простого вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ на первомъ мѣстѣ сидѣлъ, облокотясь на столъ и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его дядюшкою. Всѣ обходились между собою какъ товарищи и не оказывали никакого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія и свободно оспоривалъ Пугачева. И на семъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было идти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы»— сказалъ Пугачевъ—«затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсенку. Чумаковъ! начинай!»—Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ голоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ доброму молодцу думу думати.
Что за утра мнѣ доброму молодцу во допросъ идти
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Ужь какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа православный Царь,
Всее правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищь темная ночь,
А второй мой товарищь булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищь, то мой добрый конь,
А четвертой мой товарищь, то тугой лукъ,
Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговоритъ надежа православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ и безъ того выразительнымъ—все потрясало меня какимъ то піитическимъ ужасомъ.

Гости выпили еще по стакану, встали изо стола и простились съ Пугачевымъ. Я хотѣлъ за ними послѣдовать; но Пугачевъ сказалъ мнѣ: «Сиди; я хочу съ тобою переговорить.»—Мы остались глазъ на глазъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось обоюдное наше молчаніе. Пугачевъ смотрѣлъ на меня пристально, изрѣдка прищуривая лѣвый глазъ съ удивительнымъ выраженіемъ плутовства и насмѣшливости. Наконецъ онъ засмѣялся, и съ такою непритворной веселостію, что и я, глядя на него, сталъ смѣяться, самъ не зная чему.

«Что, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ. «Струсилъ ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебя веревку на шею? Я чаю, небо съ овчинку показалось.... А покачался бы на перекладинѣ, если бъ не твой слуга. Я тотчасъ узналъ стараго хрыча. Ну, думалъ ли ты, ваше благородіе, что человѣкъ, который вывелъ тебя къ умету, были самъ Великій Государь? (Тутъ онъ взялъ на себя видъ важный и таинственный). Ты крѣпко предо мною виноватъ» — продолжалъ онъ; «но я помиловалъ тебя за твою добродѣтель, за то, что ты оказалъ мнѣ услугу, когда принужденъ я былъ скрываться отъ своихъ недруговъ. То ли еще увидишь! Такъ ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обѣщаешься ли служить мнѣ съ усердіемъ?»

Вопросъ мошенника и его дерзость показались мнѣ такъ забавны, что я не могъ не усмѣхнуться.

«Чему ты усмѣхаешься?» спросилъ онъ меня нахмурясь. «Или ты не вѣришь, что я великій Государь? Отвѣчай прямо.»

Я смутился. Признать бродягу Государемъ былъ я не въ состояніи: это казалось мнѣ малодушіемъ непростительнымъ. Назвать его въ глаза обманщикомъ—было подвергнуть себя погибели; и то, на что былъ я готовъ подъ висѣлицей въ глазахъ всего народа и въ первомъ пылу негодованія, теперь казалось мнѣ безполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачевъ мрачно ждалъ моего отвѣта. Наконецъ (и еще нынѣ съ самодовольствіемъ поминаю

ПИРУШКА ПУГАЧЕВА.

Рисунокъ Павла Соколова.

эту минуту) чувство долга восторжествовало во мнѣ надъ слабостію человѣческою. Я отвѣчалъ Пугачеву: Слушай; скажу тебѣ всю правду. Разсуди, могу ли признать въ тебѣ Государя? Ты человѣкъ смышленный: ты самъ увидѣлъ бы, что я лукавствую.»

«Кто же я таковъ, по твоему разумѣнію?»

— Богъ тебя знаетъ; но кто бы ты ни былъ, ты шутишь опасную шутку.

Пугачевъ взглянулъ на меня быстро. «Такъ ты не вѣришь»—сказалъ онъ «чтобъ я былъ Государь Петръ Ѳедоровичь? Ну, добро. А развѣ нѣтъ удачи удалому? Развѣ въ старину Гришка Отрепьевъ не царствовалъ? Думай про меня что хочешь, а отъ меня не отставай. Какое тебѣ дѣло до инаго-прочаго? Кто ни попъ, тотъ батька. Послужи мнѣ вѣрой и правдою, и я тебя пожалую въ фельдмаршалы, и въ князья [Потемкины]. Какъ ты думаешь?»

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я съ твердостію. Я природный дворянинъ; я присягалъ Государынѣ Императрицѣ: тебѣ служить не могу. Коли ты въ самомъ дѣлѣ желаешь мнѣ добра, такъ отпусти меня въ Оренбургъ.

Пугачевъ задумался. «А коли отпущу» сказалъ онъ «такъ обѣщаешься ли по крайней мѣрѣ противъ меня не служить?»

— Какъ могу тебѣ въ этомъ обѣщаться?—отвѣчалъ я. Самъ знаешь, не моя воля: велятъ идти противъ тебя—пойду, дѣлать нечего. Ты теперь самъ начальникъ; самъ требуешь повиновенія отъ своихъ. На что это будетъ похоже, если я отъ службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя въ твоей власти: отпустишь меня—спасибо; казнишь—Богъ тебѣ судья; а я сказалъ тебѣ правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Такъ и быть» сказалъ онъ, ударя меня по плечу. «Казнить, такъ казнить, миловать такъ миловать. Ступай себѣ на всѣ четыре стороны и дѣлай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себѣ спать, и меня ужъ дрема клонитъ».

Я оставилъ Пугачева и вышелъ на улицу. Ночь была тихая и морозная. Мѣсяцъ и звѣзды ярко сіяли, освѣщая площадь и висѣлицу. Въ крѣпости все было спокойно и темно. Только въ кабакѣ свѣтился огонь и раздавались крики запоздалыхъ гулякъ. Я взглянулъ на домъ священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все въ немъ было тихо.

Я пришелъ къ себѣ на квартиру, и нашелъ Савельича, горюющаго по моемъ отсутствіи. Вѣсть о свободѣ моей обрадовала его несказанно. «Слава тебѣ, Владыко!» сказалъ онъ перекрестившись. «Чѣмъ свѣтъ оставимъ крѣпость и пойдемъ куда глаза глядятъ. Я тебѣ кое-что заготовилъ; покушай-ка, батюшка, да и почивай себѣ до утра, какъ у Христа за пазушкой.»

Я послѣдовалъ его совѣту, и, поужинавъ съ большимъ аппетитомъ, заснулъ на голомъ полу, утомленный душевно и физически.

ГЛАВА IX.

Разлука.

Сладко было спознаваться
Мнѣ, прекрасная, съ тобой:
Грустно, грустно разставаться,
Грустно, будто бы съ душой.

Херасковъ.

Рано утромъ разбудилъ меня барабанъ. Я пошелъ на сборное мѣсто. Тамъ строились уже толпы пугачевскія около висѣлицы, гдѣ все еще висѣли вчерашнія жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты подъ ружьемъ. Знамена развѣвались. Нѣсколько пушекъ, между коихъ узналъ я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Всѣ жители находились тутъ же, ожидая самозванца. У крыльца комендантскаго дома казакъ держалъ подъ устцы прекрасную бѣлую лошадь Киргизской породы. Я искалъ глазами тѣла комендантши. Оно было отнесено немного въ сторону и прикрыто рогожею. Наконецъ Пугачевъ вышелъ изъ сѣней. Народъ снялъ шапки. Пугачевъ остановился на крыльцѣ и со всѣми поздоровался. Одинъ изъ старшинъ подалъ ему мѣшокъ съ мѣдными деньгами, и онъ сталъ ихъ метать пригоршнями. Народъ съ крикомъ бросился ихъ подбирать, и дѣло обошлось не безъ увѣчья. Пугачева окружили главныя изъ его сообщниковъ. Между ними стоялъ и Швабринъ. Взоры наши встрѣтились; въ моемъ онъ могъ прочесть презрѣніе, и онъ отворотился съ выраженіемъ искренней злобы и притворной насмѣшливости. Пугачевъ увидѣлъ меня въ толпѣ, кивнулъ мнѣ головою и подозвалъ къ себѣ. «Слушай» сказалъ онъ мнѣ. «Ступай сей же часъ въ Оренбургъ и объяви отъ меня губернатору и всѣмъ генераламъ, чтобъ ожидали меня черезъ недѣлю. Присовѣтуй имъ встрѣтить меня съ дѣтскою любовію и послушаніемъ; не то не избѣжать имъ лютой казни. Счастливый путь, ваше благородіе!» Потомъ обратился онъ къ народу и сказалъ, указывая на Швабрина. «Вотъ вамъ, дѣтушки, новый командиръ. Слушайтесь его во всемъ, а онъ отвѣчаетъ мнѣ за васъ и за крѣпость.» Съ ужасомъ услышалъ я сіи слова: Швабринъ дѣлался начальникомъ крѣпости; Марья Ивановна оставалась въ его власти! Боже, что съ нею будетъ! Пугачевъ сошелъ съ крыльца. Ему подвели лошадь. Онъ проворно вскочилъ въ сѣдло, не дождавшись казаковъ, которые хотѣли было подсадить его.

Въ это время, изъ толпы народа, вижу, выступилъ мой Савельичъ, подходитъ къ Пугачеву, и подалъ ему листъ бумаги. Я не могъ придумать, что изъ того выйдетъ. «Это что?» спросилъ важно Пугачевъ.— Прочитай, такъ изволишь увидѣть—отвѣчалъ Савельичъ. Пугачевъ принялъ бумагу и долго разсматривалъ съ видомъ значительнымъ. «Что ты такъ мудрено пишешь?» сказалъ онъ наконецъ. «Наши свѣтлыя очи не могутъ тутъ ничего разобрать. Гдѣ мой оберъ-секретарь?»

Молодой малый въ капральскомъ мундирѣ проворно подбѣжалъ къ Пугачеву. «Читай въ слухъ» сказалъ самозванецъ, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовалъ узнать, что дядька мой вздумалъ писать Пугачеву. Оберъ-секретарь громогласно сталъ по складамъ читать слѣдующее:

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.»

— Это что значитъ?—сказалъ, нахмурясь, Пугачевъ.

Прикажи читать далѣе — отвѣчалъ спокойно Савельичъ.

Оберъ-секретарь продолжалъ:

«Мундиръ изъ тонкаго зеленаго сукна, на семь рублей.

«Штаны бѣлые суконные, на пять руб.

«Двѣнадцать рубахъ полотняныхъ Голландскихъ съ манжетами, на десять рублей.

«Погребецъ съ чайною посудою, на два рубля съ полтиною»....

— Что за вранье?—прервалъ Пугачевъ. Какое мнѣ дѣло до погребцовъ и до штановъ съ манжетами?

ПУГАЧЕВЪ И САВЕЛЬИЧЪ.

Рисунокъ Павла Соколова.

Савельичъ крякнулъ и сталъ объясняться. «Это, батюшка, изволишь видѣть, реестръ барскому добру, раскраденному злодѣями»...

— Какими злодѣями? — сказалъ грозно Пугачевъ.

«Виноватъ: обмолвился» отвѣчалъ Савельичъ. «Злодѣи не злодѣи, а твои ребята, таки пошарили, да порастаскали. Не гнѣвись: конь и о четырехъ ногахъ да спотыкается. Прикажи ужь дочитать.»

— Дочитывай—сказалъ Пугачевъ. Секретарь продолжалъ: «Одѣяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумагѣ, четыре рубля.

«Шуба лисья, крытая алымъ ратиномъ, 40 рублей.

«Еще заячій тулупчикъ, пожалованный твоей милости на постояломъ дворѣ, пятнадцать рублей».

— Это что еще!—вскричалъ Пугачевъ, сверкнувъ огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бѣднаго моего дядьку. Онъ хотѣлъ было пуститься опять въ объясненія, но Пугачевъ его прервалъ: «Какъ ты смѣлъ лѣзть ко мнѣ съ такими пустяками?» вскричалъ онъ, выхватя бумагу изъ рукъ секретаря и бросивъ ее въ лице Савельичу. «Глупый старикъ! Ихъ обобрали: экая бѣда! Да ты долженъ, старый хрычь, вѣчно Бога молить за меня да за моихъ ребятъ, за то, что ты и съ бариномъ-то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими ослушниками... Заячій тулупъ! Я-те дамъ заячій тулупъ! Да знаешь ли ты, что я съ тебя живого кожу велю содрать на тулупы?»

— Какъ изволишь,—отвѣчалъ Савельичъ; — а я человѣкъ подневольный, и за барское добро долженъ отвѣчать.

Пугачевъ былъ видно въ припадкѣ великодушія. Онъ отворотился и отъѣхалъ, не сказавъ болѣе ни слова. Швабринъ и старшины послѣдовали за нимъ. Шайка выступила изъ крѣпости въ порядкѣ. Народъ пошелъ провожать Пугачева. Я остался на площади одинъ съ Савельичемъ. Дядька мой держалъ въ рукахъ свой реестръ и разсматривалъ его съ видомъ глубокаго сожалѣнія.

Видя мое доброе согласіе съ Пугачевымъ, онъ думалъ употребить оное въ пользу; но мудрое намѣреніе ему не удалось. Я сталъ-было его бранить за неумѣстное усердіе, и не могъ удержаться отъ смѣха. «Смѣйся, сударь» отвѣчалъ Савельичъ; «смѣйся; а какъ придется намъ съизнова заводиться всѣмъ хозяйствомъ, такъ посмотримъ, смѣшно ли будетъ».

Я спѣшилъ въ домъ священника увидѣться съ Марьей Ивановной. Попадья встрѣтила меня съ печальнымъ извѣстіемъ. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала безъ памяти и въ бреду. Попадья ввела меня въ ея комнату. Я тихо подошелъ къ ея кровати. Перемѣна въ ея лицѣ поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоялъ я передъ нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утѣшали. Мрачныя мысли волновали меня. Состояніе бѣдной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобныхъ мятежниковъ, собственное мое безсиліе устра-

шали меня. Швабринъ, Швабринъ пуще всего терзалъ мое воображеніе. Облеченный властію отъ самозванца, предводительствуя въ крѣпости, гдѣ оставалась несчастная дѣвушка—невинный предметъ его ненависти, онъ могъ рѣшиться на все. Что мнѣ было дѣлать? Какъ подать ей помощь? Какъ освободить изъ рукъ злодѣя? Оставалось одно средство: я рѣшился тотъ же часъ отправиться въ Оренбургъ, дабы торопить освобожденіе Бѣлгородской крѣпости, и по возможности тому содѣйствовать. Я простился съ священникомъ и съ Акулиной Памфиловной, съ жаромъ поручая ей ту, которую почиталъ уже своею женою. Я взялъ руку бѣдной дѣвушки и поцѣловалъ ее, орошая слезами. «Прощайте» говорила мнѣ попадья, провожая меня; «прощайте, Петръ Андреичъ. Авось увидимся въ лучшее время. Не забывайте насъ и пишите къ намъ почаще. Бѣдная Марья Ивановна кромѣ васъ не имѣетъ теперь ни утѣшенія, ни покровителя.»

Вышедъ на площадь, я остановился на минуту, взглянулъ на висѣлицу, поклонился ей, вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по Оренбургской дорогѣ, сопровождаемый Савельичемъ, который отъ меня не отставалъ.

Я шелъ, занятый своими размышленіями, какъ вдругъ услышалъ за собою конскій топотъ. Оглянулся; вижу: изъ крѣпости скачетъ казакъ, держа Башкирскую лошадь въ поводья и дѣлая издали мнѣ знаки. Я остановился, и вскорѣ узналъ нашего урядника. Онъ, подскакавъ, слѣзъ съ своей лошади и сказалъ, отдавая мнѣ поводья другой: «Ваше благородіе! Отецъ нашъ вамъ жалуетъ лошадь и шубу съ своего плеча (къ сѣдлу привязанъ былъ овчинный тулупъ). Да еще»—промолвилъ запинаясь урядникъ—«жалуетъ онъ вамъ... полтину денегъ... да я растерялъ ее дорогою: простите великодушно». Савельичъ посмотрѣлъ на него косо и проворчалъ: Растерялъ дорогою! А что жь у тебя побрякиваетъ за пазухой? Безсовѣстный!— «Что у меня за пазухой-то побрякиваетъ?» возразилъ урядникъ, нимало не смутясь. «Богъ съ тобою, старинушка! Это бренчитъ уздечка, а не полтина.» Добро,—сказалъ я, прерывая споръ. Благодари отъ меня того, кто тебя прислалъ; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратномъ пути, и возьми себѣ на водку. «Очень благодаренъ, ваше благородіе» отвѣчалъ онъ, поворачивая свою лошадь; «вѣчно за васъ буду Бога молить». При сихъ словахъ онъ поскакалъ назадъ, держась одной рукою за пазуху, и черезъ минуту скрылся изъ виду.

Я надѣлъ тулупъ и сѣлъ верхомъ, посадивъ за собою Савельича. «Вотъ, видишь ли, сударь» сказалъ старикъ, «что я недаромъ подалъ мошеннику челобитье; ворутo стало совѣстно, хоть Башкирская долговязая кляча да овчинный тулупъ не стоятъ и половины того, что они, мошенники, у насъ украли, и того, что ты ему самъ изволилъ пожаловать; да все же пригодится, а съ лихой собаки хоть шерсти клокъ.»

ГЛАВА X.

Осада города.

Занявъ луга и горы,
Съ вершины, какъ орелъ, бросалъ на градъ онъ взоры.
За станомъ повелѣлъ соорудить раскатъ,
И въ немъ перуны скрывъ, въ нощи привесть подъ градъ.

Херасковъ.

Приближаясь къ Оренбургу, увидѣли мы толпу колодниковъ съ обритыми головами, съ лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укрѣпленій, подъ надзоромъ гарнизонныхъ инвалидовъ. Иные вывозили въ тележкахъ соръ, наполнявшій ровъ; другіе лопатками копали землю; на валу каменьщики таскали кирпичь и чинили городскую стѣну. У воротъ часовые остановили насъ и потребовали нашихъ паспортовъ. Какъ скоро сержантъ услышалъ, что я ѣду изъ Бѣлогорской крѣпости, то и повелъ меня прямо въ домъ генерала.

Я засталъ его въ саду. Онъ осматривалъ яблони, обнаженныя дыханіемъ осени,

и, съ помощью стараго садовника, бережно ихъ укутывалъ теплой соломой. Лице его изображало спокойствіе, здоровье и добродушіе. Онъ мнѣ обрадовался, и сталъ разспрашивать объ ужасныхъ происшествіяхъ, коимъ я былъ свидѣтель. Я разсказалъ ему все. Старикъ слушалъ меня со вниманіемъ и между тѣмъ отрѣзывалъ сухія вѣтви. «Бѣдный Мироновъ!» сказалъ онъ, когда кончилъ я свою печальную повѣсть. «Жаль его; хорошій былъ офицеръ. И мадамъ Мироновъ добрая была дама, и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвѣчалъ, что она осталась въ крѣпости, на рукахъ у попадьи. «Ай, ай, ай!» замѣтилъ генералъ. «Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойниковъ никакъ нельзя положиться. Что будетъ съ бѣдной дѣвушкою?» Я отвѣчалъ, что до Бѣлогорской крѣпости недалеко и что вѣроятно его превосходительство не замедлитъ выслать войско для освобожденія бѣдныхъ ея жителей. Генералъ покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивости. «Посмотримъ, посмотримъ», сказалъ онъ. «Объ этомъ мы еще успѣемъ потолковать. Прошу ко мнѣ пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будетъ военный совѣтъ. Ты можешь намъ дать вѣрныя свѣдѣнія о бездѣльникѣ Пугачевѣ и объ его войскѣ. Теперь покамѣсть поди отдохни.»

Я пошелъ на квартиру, мнѣ отведенную, гдѣ Савельичъ уже хозяйничалъ, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать назначеннаго времени. Читатель легко себѣ представитъ, что я не преминулъ явиться на совѣтъ, долженствовавшій имѣть такое вліяніе на судьбу мою. Въ назначенный часъ я уже былъ у генерала.

Я засталъ у него одного изъ городскихъ чиновниковъ, помнится, директора таможни, толстаго и румянаго старичка въ глазетовомъ кафтанѣ. Онъ сталъ разспрашивать меня о судьбѣ Ивана Кузмича, котораго называлъ кумомъ, и часто прерывалъ мою рѣчь дополнительными вопросами и нравоучительными замѣчаніями, которыя, если и не обличали въ немъ человѣка свѣдущаго въ военномъ искусствѣ, то по крайней мѣрѣ обнаруживали сметливость и природной умъ. Между тѣмъ собрались и прочіе приглашенные. Когда всѣ усѣлись и всѣмъ разнесли по чашкѣ чаю, генералъ изложилъ весьма ясно и пространно, въ чемъ состояло дѣло: «Теперь, господа,»— продолжалъ онъ—«надлежитъ рѣшить, какъ намъ дѣйствовать противу мятежниковъ: *наступательно*, или *оборонительно?* Каждый изъ оныхъ способовъ имѣетъ свою выгоду и невыгоду. Дѣйствіе наступательное представляетъ болѣе надежды на скорѣйшее истребленіе непріятеля; дѣйствіе оборонительное болѣе вѣрно и безопасно... И такъ начнемъ собирать голоса по законному порядку, то есть, начиная съ младшихъ по чину. Г. прапорщикъ!»—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. «Извольте объяснить намъ ваше мнѣніе.»

Я всталъ, и, въ короткихъ словахъ описавъ сперва Пугачева и шайку его, сказалъ утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильнаго оружія.

Мнѣніе мое было принято чиновниками съ явною неблагосклонностію. Они видѣли въ немъ опрометчивость и дерзость молодаго человѣка. Поднялся ропотъ, и я услышалъ явственно слово: молокососъ, произнесенное кѣмъ-то въ полголоса. Генералъ обратился ко мнѣ и сказалъ съ улыбкою: Г. прапорщикъ! Первые голоса на военныхъ совѣтахъ подаются обыкновенно въ пользу движеній наступательныхъ: это законный порядокъ. Теперь станемъ продолжать собираніе голосовъ. Г. коллежскій совѣтникъ! скажите намъ ваше мнѣніе».

Старичекъ въ глазетовомъ кафтанѣ поспѣшно допилъ третью свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, и отвѣчалъ генералу: Я думаю, ваше превосходительство, что не должно дѣйствовать ни наступательно, ни оборонительно.

«Какъ-же такъ, господинъ коллежскій совѣтникъ?» возразилъ изумленный генералъ. «Другихъ способовъ тактика не представляетъ: движеніе оборонительное или наступательное»...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

«Э хе, хе! мнѣніе ваше весьма благоразумно. Движенія подкупательныя тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашимъ совѣтомъ. Можно будетъ обѣщать за голову бездѣльника... рублей семьдесятъ или даже сто... изъ секретной суммы»...

— И тогда,—прервалъ таможенный директоръ,—будь я Киргизскій баранъ, а не коллежскій совѣтникъ, если эти воры не выдадутъ намъ своего атамана скованнаго по рукамъ и по ногамъ.

«Мы еще объ этомъ подумаемъ и потолкуемъ» — отвѣчалъ генералъ. «Однако надлежитъ во всякомъ случаѣ предпринять и военныя мѣры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку».

Всѣ мнѣнія оказались противными моему. Всѣ чиновники говорили о ненадежности войскъ, о невѣрности удачи, объ осторожности, и тому подобномъ. Всѣ полагали, что благоразумнѣе оставаться подъ прикрытіемъ пушекъ за крѣпкой каменной стѣной, нежели на открытомъ полѣ испытывать счастіе оружія. Наконецъ генералъ, выслушавъ всѣ мнѣнія, вытрехнулъ пепелъ изъ трубки и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Государи мои! долженъ я вамъ объявить, что съ моей стороны я совершенно съ мнѣніемъ господина прапорщика согласенъ: ибо мнѣніе сіе основано на всѣхъ правилахъ здравой тактики, которая всегда почти наступательныя движенія оборонительнымъ предпочитаетъ.»

Тутъ онъ остановился, и сталъ набивать свою трубку. Самолюбіе мое торжествовало. Я гордо посмотрѣлъ на чиновниковъ, которые между собою перешептывались съ видомъ неудовольствія и безпокойства.

«Но, государи мои»,— продолжалъ онъ выпустивъ, вмѣстѣ съ глубокимъ вздохомъ, густую струю табачнаго дыма—«я не смѣю взять на себя столь великую отвѣтственность, когда дѣло идетъ о безопасности ввѣренныхъ мнѣ провинцій Ея Императорскимъ Величествомъ, Всемилостивѣйшей моею Государыней. И такъ я соглашаюсь съ большинствомъ голосовъ, которое рѣшило, что всего благоразумнѣе и безопаснѣе внутри города ожидать осады, а нападенія непріятеля силой артиллеріи и (буде окажется возможнымъ) вылазками — отражать».

Чиновники въ свою очередь насмѣшливо поглядѣли на меня. Совѣтъ разошелся. Я не могъ не сожалѣть о слабости почтеннаго воина, который наперекоръ собственному убѣжденію, рѣшился слѣдовать мнѣніямъ людей несвѣдущихъ и неопытныхъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сего знаменитаго совѣта, узнали мы, что Пугачевъ, вѣрный своему обѣщанію, приближался къ Оренбургу. Я увидѣлъ войско мятежниковъ съ высоты городской стѣны. Мнѣ показалось, что число ихъ вдесятеро увеличилось со премени послѣдняго приступа, коему былъ я свидѣтель. При нихъ была и артиллерія, взятая Пугачевымъ въ малыхъ крѣпостяхъ, имъ уже покоренныхъ. Вспомня рѣшеніе совѣта, я предвидѣлъ долговременное заключеніе въ стѣнахъ Оренбургскихъ, и чуть не плакалъ отъ досады.

Не стану описывать Оренбургскую осаду, которая принадлежитъ исторіи, а не семейственнымъ запискамъ. Скажу вкратцѣ, что сія осада по неосторожности мѣстнаго начальства была гибельна для жителей, которые претерпѣли голодъ и всевозможныя бѣдствія. Легко можно себѣ вообразить, что жизнь въ Оренбургѣ была самая несносная. Всѣ съ унынiемъ ожидали рѣшенія своей участи; всѣ охали отъ дороговизны, которая въ самомъ дѣлѣ была ужасна. Жители привыкли къ ядрамъ, залетавшимъ на ихъ дворы; даже приступы Пугачева ужь не привлекали общаго любопытства. Я умиралъ со скуки. Время шло. Писемъ изъ Бѣлогорской крѣпости я не получалъ. Всѣ дороги были отрѣзаны. Разлука съ Марьей Ивановной становилась мнѣ нестерпима. Неизвѣстность о ея судьбѣ меня мучила. Единственное развлеченіе мое состояло въ наѣздничествѣ. По милости Пугачева я имѣлъ добрую лошадь, съ которой дѣлился скудной пищею, и на которой ежедневно выѣзжалъ я за городъ перестрѣливаться съ Пугачевскими наѣздниками. Въ этихъ перестрѣлкахъ перевѣсъ былъ обыкновенно на сторонѣ злодѣевъ сытыхъ, пьяныхъ и доброконныхъ. Тощая городовая конница не могла ихъ одолѣть. Иногда выходила въ поле и наша голодная пѣхота; но глубина снѣга мѣшала ей дѣйствовать удачно противу разсѣянныхъ наѣздниковъ. Артиллерія тщетно гремѣла съ высоты вала, а въ полѣ вязла и не двигалась по причинѣ изнуренія лошадей. Таковъ былъ образъ нашихъ военныхъ дѣйствій. И вотъ что Оренбургскіе чиновники называли осторожностію и благоразуміемъ!

Однажды, когда удалось намъ какъ-то разсѣять и прогнать довольно густую толпу, наѣхалъ я на казака, отставшаго отъ своихъ товарищей; я готовъ былъ уже ударить его своею Турецкою саблею, какъ вдругъ онъ снялъ шапку и закричалъ: «Здравствуйте, Петръ Андреичъ! Какъ васъ Богъ милуетъ?»

Я взглянулъ, и узналъ нашего урядника. Я несказанно ему обрадовался. Здравствуй, Максимычъ,—сказалъ я ему. Давно ли изъ Бѣлогорской?

«Недавно, батюшка Петръ Андреичъ; только вчера воротился. У меня есть къ вамъ письмецо.»

— Гдѣ-жь оно? — вскричалъ я, весь такъ и вспыхнувъ.

«Со мною» отвѣчалъ Максимычъ, положивъ руку за пазуху. «Я обѣщался Па-

лашѣ ужь какъ нибудь вамъ доставить.» Тутъ онъ подалъ мнѣ сложенную бумагу и тотчасъ ускакалъ. Я развернулъ ее и съ трепетомъ прочелъ слѣдующія строки:

«Богу угодно было лишить меня вдругъ отца и матери: не имѣю на землѣ ни родни, ни покровителей. Прибѣгаю къ вамъ, зная, что вы всегда желали мнѣ добра и что вы всякому человѣку готовы помочь. Молю Бога, чтобъ это письмо какъ нибудь до васъ дошло! Максимычь обѣщалъ вамъ его доставить. Палаша слышала также отъ Максимыча, что васъ онъ часто издали видитъ на вылазкахъ, и что вы совсѣмъ себя не бережете и не думаете о тѣхъ, которые за васъ со слезами Бога молятъ. Я долго была больна; а когда выздоровѣла, Алексѣй Ивановичь, который командуетъ у насъ на мѣстѣ покойнаго батюшки, принудилъ отца Герасима выдать ему, застращавъ Пугачевымъ. Я живу въ нашемъ домѣ подъ карауломъ. Алексѣй Ивановичь принуждаетъ меня выдти за него замужъ. Онъ говоритъ, что спасъ мнѣ жизнь, потому что прикрылъ обманъ Акулины Памфиловны, которая сказала злодѣямъ, будто бы я ея племянница. А мнѣ легче было бы умереть, нежели сдѣлаться женою такого человѣка, каковъ Алексѣй Ивановичь. Онъ обходится со мною очень жестоко, и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезетъ меня въ лагерь къ злодѣю, и съ вами-де то же будетъ, что съ Лизаветой Харловой. Я просила Алексѣя Ивановича дать мнѣ подумать. Онъ согласился ждать еще три дня; а коли черезъ три дня я за него не выду, такъ ужь никакой пощады не будетъ. Батюшка, Петръ Андреичь! вы одинъ у меня покровитель; заступитесь за меня бѣдную. Упросите генерала и всѣхъ командировъ прислать къ намъ поскорѣе сикурсу, да пріѣзжайте сами, если можете. Остаюсь вамъ покорная бѣдная сирота

Марья Мироновна.»

Прочитавъ это письмо, я чуть съ ума не сошелъ. Я пустился въ городъ, безъ милосердія пришпоривая бѣднаго моего коня. Дорогою придумывалъ я и то и другое для избавленія бѣдной дѣвушки, и ничего не могъ выдумать. Прискакавъ въ городъ, я отправился прямо къ генералу и опрометью къ нему вбѣжалъ.

Генералъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, куря свою пенковую трубку. Увидя меня, онъ остановился. Вѣроятно, видъ мой поразилъ его; онъ заботливо освѣдомился о причинѣ моего поспѣшнаго прихода. Ваше превосходительство,—сказалъ я ему—прибѣгаю къ вамъ, какъ къ отцу родному; ради Бога, не откажите мнѣ въ моей просьбѣ; дѣло идетъ о счастіи всей моей жизни.

«Что такое, батюшка?» спросилъ изумленный старикъ. «Что я могу для тебя сдѣлать? Говори.»

— Ваше превосходительство, прикажите взять мнѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ и пустите меня очистить Бѣлогорскую крѣпость.

Генералъ глядѣлъ на меня пристально, полагая, вѣроятно, что я съ ума сошелъ (въ чемъ почти и не ошибался).

«Какъ это? Очистить Бѣлогорскую крѣпость?»—сказалъ онъ наконецъ.

— Ручаюсь вамъ за успѣхъ—отвѣчалъ я съ жаромъ. Только отпустите меня.

«Нѣтъ, молодой человѣкъ» — сказалъ онъ качая головой. «На такомъ великомъ разстояніи непріятелю легко будетъ отрѣзать васъ отъ коммуникаціи съ главнымъ стратегическимъ пунктомъ и получить надъ вами совершенную побѣду. Пресѣченная коммуникація»...

Я испугался, увидя его завлеченнаго въ военныя разсужденія, и спѣшилъ его прервать. Дочь капитана Миронова,—сказалъ я ему,—пишетъ ко мнѣ письмо; она проситъ помощи; Швабринъ принуждаетъ ее выдти за него замужъ.

«Неужь-то? О, этотъ Швабринъ превеликій Schelm, и если попадется ко мнѣ въ руки, то я велю его судить въ 24 часа и мы разстрѣляемъ его на парапетѣ крѣпости! Но покамѣстъ надобно взять терпѣніе»...

— Взять терпѣніе!—вскричалъ я внѣ себѣ. А онъ между тѣмъ женится на Марьѣ Ивановнѣ!..

«О!» возразилъ генералъ. «Это еще не бѣда: лучше ей быть, покамѣстъ, женою Швабряна; онъ теперь можетъ оказать ей протекцію; а когда его разстрѣляемъ, тогда, Богъ дастъ, сыщутся ей и женишки. Миленькія вдовушки въ дѣвкахъ не сидятъ; то есть, хотѣлъ я сказать, что вдовушка скорѣе найдетъ себѣ мужа, нежели дѣвица.»

— Скорѣе соглашусь умереть,—сказалъ я въ бѣшенствѣ, — нежели уступить ее Швабрину!

«Ба, ба, ба, ба!» — сказалъ старикъ. «Теперь понимаю: ты видно въ Марью

Ивановну влюбленъ. О, дѣло другое! Бѣдный малый! Но все я никакъ не могу дать тебѣ роту солдатъ и полсотни казаковъ. Эта экспедиція была бы неблагоразумна; я не могу взять ее на свою отвѣтственность.»

Я потупилъ голову; отчаяніе мною овладѣло. Вдругъ мысль мелькнула въ головѣ моей: въ чемъ оная состояла, читатель увидитъ изъ слѣдующей главы, какъ говорятъ старинные романисты.

ГЛАВА XI.

Мятежная слобода.

Въ ту пору левъ былъ сытъ, хоть сроду онъ свирѣпъ.
«Зачѣмъ пожаловать изволилъ въ моей вертѣ[е]пъ?»
Спросилъ онъ ласково.
А. Сумароковъ.

Я оставилъ генерала и поспѣшилъ на свою квартиру. Савельичъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ своимъ увѣщаніемъ. «Охота тебѣ, сударь, перевѣдываться съ пьяными разбойниками! Боярское ли это дѣло? Не равенъ часъ: ни за что пропадешь. И добро бы ужь ходилъ ты на Турку или на Шведа, а то грѣхъ и сказать, на кого.»

Я прервалъ его рѣчь вопросомъ: сколько у меня всего-на-все денегъ? Будетъ съ тебя» отвѣчалъ онъ съ довольнымъ видомъ. «Мошенники какъ тамъ не шарили, а я все-таки успѣлъ утаить». И съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ кармана длинный вязаный кошелекъ полный серебра. Ну, Савельичь,—сказалъ я ему,—отдай же мнѣ теперь половину; а остальное возьми себѣ. Я ѣду въ Бѣлогорскую крѣпость.

«Батюшка Петръ Андреичь!» сказалъ добрый дядька дрожащимъ голосомъ. «Побойся Бога; какъ тебѣ пускаться въ дорогу въ нынѣшнее время, когда никуда проѣзду нѣтъ отъ разбойниковъ! Пожалѣй ты хоть своихъ родителей, коли самъ себя не жалѣешь. Куда тебѣ ѣхать? Зачѣмъ? Погоди маленько: войска придутъ, переловятъ мошенниковъ; тогда поѣзжай себѣ хоть на всѣ четыре стороны.»

Но намѣреніе мое было твердо принято. Поздно разсуждать,—отвѣчалъ я старику. Я долженъ ѣхать, я не могу не ѣхать. Не тужи, Савельичь: Богъ милостивъ; авось увидимся! Смотри же, не совѣстись и не скупись. Покупай, что тебѣ будетъ нужно, хоть въ тридорога. Деньги эти я тебѣ дарю. Если черезъ три дня я не ворочусь...

«Что ты это сударь?»—прервалъ меня Савельичь. «Чтобъ я тебя пустилъ одного! Да этого и во снѣ не проси. Коли ты ужь рѣшился ѣхать, то я хоть пѣшкомъ да пойду за тобой, я тебя не покину. Чтобъ я сталъ безъ тебя сидѣть за каменной стѣною! Да развѣ я съ ума сошелъ? Воля твоя, сударь, а я отъ тебя не отстану.»

Я зналъ, что съ Савельичемъ спорить было нечего, и позволилъ ему приготовляться въ дорогу. Черезъ полчаса я сѣлъ на своего добраго коня, а Савельичь на тощую и хромую клячу, которую даромъ отдалъ ему одинъ изъ городскихъ жителей, не имѣя болѣе средствъ кормить ее. Мы пріѣхали къ городскимъ воротамъ; караульные насъ пропустили; мы выѣхали изъ Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шелъ мимо Бердской слободы, пристанища Пугачевскаго. Прямая дорога занесена была снѣгомъ; но по всей степи видны были конскіе слѣды, ежедневно обновляемые. Я ѣхалъ крупной рысью. Савельичь едва могъ слѣдовать за мною издали, и кричалъ мнѣ поминутно: «Потише, сударь, ради Бога, потише! Проклятая кляченка моя не успѣваетъ за твоимъ долгоногимъ бѣсомъ. Куда спѣшишь? Добро бы пиръ, а то подъ обухъ, того и гляди... Петръ Андреичь... батюшка Петръ Андреичь!.. Не погуби!.. Господи Владыко, пропадетъ барское дитя!»

Вскорѣ засверкали Бердскіе огни. Мы подъѣхали къ оврагамъ, естественнымъ укрѣпленіямъ слободы. Савельичь отъ меня не отставалъ, не прерывая жалобныхъ своихъ моленій. Я надѣялся объѣхать слободу благополучно, какъ вдругъ увидѣлъ въ сумракѣ прямо передъ собой человѣкъ пять мужиковъ, вооруженныхъ дубинами; это былъ передовой караулъ Пугачевскаго при-

станища. Насъ окликали. Не зная пароля, я хотѣлъ молча проѣхать мимо ихъ; но они меня тотчасъ окружили, и одинъ изъ нихъ схватилъ лошадь мою за узду. Я выхватилъ саблю и ударилъ мужика по головѣ; шапка спасла его, однако онъ зашатался и выпустилъ изъ рукъ узду. Прочіе смутились и отбѣжали; я воспользовался этою минутою, пришпорилъ лошадь и поскакалъ.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня отъ всякой опасности, какъ вдругъ, оглянувшись, увидѣлъ я, что Савельича со мною не было. Бѣдный старикъ на своей хромой лошади не могъ ускакать отъ разбойниковъ. Что было дѣлать? Подождавъ его нѣсколько минутъ и удостовѣрясь въ томъ, что онъ задержанъ, я поворотилъ лошадь и отправился его выручать.

Подъѣзжая къ оврагу, услышалъ я издали шумъ, крики и голосъ моего Савельича. Я поѣхалъ скорѣе и вскорѣ очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня нѣсколько минутъ тому назадъ. Савельичь находился между ими. Они стащили старика съ его клячи, и готовились вязать. Прибытіе мое ихъ обрадовало. Они съ крикомъ бросились на меня и мигомъ стащили съ лошади. Одинъ изъ нихъ, повидимому главный, объявилъ намъ, что онъ сейчасъ поведетъ насъ къ Государю. «А нашъ батюшка» прибавилъ онъ: «воленъ приказать: сейчасъ ли васъ повѣсить, али дождаться свѣту Божія.» Я не противился; Савельичь слѣдовалъ моему примѣру, и караульные повели насъ съ торжествомъ.

Мы перебрались черезъ оврагъ и вступили въ слободу. Во всѣхъ избахъ горѣли огни. Шумъ и крики раздавались вездѣ. На улицѣ я встрѣтилъ множество народу; но никто въ темнотѣ насъ не замѣтилъ и не узналъ во мнѣ Оренбургскаго офицера. Насъ привели прямо къ избѣ, стоявшей на углу перекрестка. У воротъ стояло нѣсколько винныхъ бочекъ и двѣ пушки. «Вотъ и дворецъ» сказалъ одинъ изъ мужиковъ; «сей часъ объ васъ доложимъ.» Онъ вошелъ въ избу. Я взглянулъ на Савельича; старикъ крестился, читая про себя молитву. Я дожидался долго; наконецъ мужикъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай; нашъ батюшка велѣлъ впустить офицера.»

Я вошелъ въ избу, или во дворецъ, какъ называли ее мужики. Она освѣщена была двумя сальными свѣчами, а стѣны оклеяны были золотою бумагою; впрочемъ, лавки, столъ, рукомойникъ на веревочкѣ, полотенце на гвоздѣ, ухватъ въ углу и широкій шестокъ, уставленный горшками— все было какъ въ обыкновенной избѣ. Пугачевъ сидѣлъ подъ образами, въ красномъ кафтанѣ, въ высокой шапкѣ и важно подбочась. Около него стояло нѣсколько изъ главныхъ его товарищей, съ видомъ притворнаго подобострастія. Видно было, что вѣсть о прибытіи офицера изъ Оренбурга пробудила въ бунтовщикахъ сильное любопытство, и что они приготовились встрѣтить меня съ торжествомъ. Пугачевъ узналъ меня съ перваго взгляду. Поддѣльная важность его вдругъ исчезла. «А, ваше благородіе!» — сказалъ онъ мнѣ съ живостію. «Какъ поживаешь? зачѣмъ тебя Богъ принесъ?» Я отвѣчалъ, что ѣхалъ по своему дѣлу, и что люди его меня остановили. «А по какому дѣлу?» спросилъ онъ меня. Я не зналъ, что отвѣчать. Пугачевъ, полагая, что я не хочу объясниться при свидѣтеляхъ, обратился къ своимъ товарищамъ и велѣлъ имъ выдти. Всѣ послушались, кромѣ двухъ, которые не тронулись съ мѣста. «Говори смѣло при нихъ» сказалъ мнѣ Пугачевъ: «отъ нихъ я ничего не таю.» Я взглянулъ наискось на наперсниковъ самозванца. Одинъ изъ нихъ тщедушный и сгорбленный старичекъ съ сѣдою бородкою, не имѣлъ въ себѣ ничего замѣчательнаго, кромѣ голубой ленты, надѣтой черезъ плечо по сѣрому армяку. Но ввѣкъ не забуду его товарища. Онъ былъ высокаго росту, дороденъ и широкоплечъ, и показался мнѣ лѣтъ сорока пяти. Густая рыжая борода, сверкающія глаза, носъ безъ ноздрей и красноватыя пятна на лбу и на щекахъ придавали его рябому, широкому лицу выраженіе неизъяснимое. Онъ былъ въ красной рубахѣ, въ Киргизскомъ халатѣ и казацкихъ шароварахъ. Первый (какъ я узналъ послѣ) былъ бѣглый капралъ Бѣлобородовъ; второй—Аѳанасій Соколовъ (прозванный Хлопушей), ссыльный преступникъ, три раза бѣжавшій изъ Сибирскихъ рудниковъ. Не смотря на чувства, исключительно меня волновавшія, общество, въ которомъ я такъ нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображеніе. Но Пугачевъ привелъ меня въ себя своимъ вопросомъ: «Говори: по какому же дѣлу выѣхалъ ты изъ Оренбурга?»

Странная мысль пришла мнѣ въ голову: мнѣ показалось, что Провидѣніе, вторично приведшее меня къ Пугачеву, подавало мнѣ случай привесть въ дѣйство мое намѣреніе. Я рѣшился имъ воспользоваться, и, не

успѣвъ обдумать то, на что рѣшался, отвѣчалъ на вопросъ Пугачева:

— Я ѣхалъ въ Бѣлогорскую крѣпость избавить сироту, которую тамъ обижаютъ.

Глаза у Пугачева засверкали. «Кто изъ моихъ людей смѣетъ обижать сироту?» закричалъ онъ. «Будь онъ семи пядень во лбу, а отъ суда моего не уйдетъ. Говори: кто виноватый?»

— Швабринъ виноватый,—отвѣчалъ я. Онъ держитъ въ неволѣ ту дѣвушку, которую ты видѣлъ, больную, у попадьи, и насильно хочетъ на ней жениться.

«Я проучу Швабрина» сказалъ грозно Пугачевъ. «Онъ узнаетъ, каково у меня своевольничать и обижать народъ. Я его повѣшу».

«Прикажи слово молвить» — сказалъ Хлопуша хриплымъ голосомъ. «Ты поторопился назначить Швабрина въ коменданты крѣпости, а теперь торопишься его вѣшать. Ты ужь оскорбилъ казаковъ, посадивъ дворянина имъ въ начальники; не пугай же дворянъ, казни ихъ по первому наговору».

«Нечего ихъ ни жалѣть, ни жаловать!» сказалъ старичекъ въ голубой лентѣ. «Швабрина сказнить не бѣда; а не худо и господина офицера допросить порядкомъ: зачѣмъ изволилъ пожаловать? Если онъ тебя Государемъ не признаетъ, такъ нечего у тебя и управы искать; а коли признаетъ, что́ же онъ до сегодняшняго дня сидѣлъ въ Оренбургѣ съ твоими супостатами? Не прикажешь ли свести его въ приказную, да запалить тамъ огоньку: мнѣ сдается, что его милость подосланъ къ намъ отъ Оренбургскихъ командировъ.»

Логика стараго злодѣя показалась мнѣ довольно убѣдительною. Морозъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу, при мысли, въ чьихъ рукахъ я находился. Пугачевъ замѣтилъ мое смущеніе. «Ась, ваше благородіе?» сказалъ онъ мнѣ подмигивая. «Фельдмаршалъ мой, кажется, говоритъ дѣло. Какъ ты думаешь?»

Насмѣшка Пугачева возвратила мнѣ бодрость. Я спокойно отвѣчалъ, что я нахожусь въ его власти, и что онъ воленъ поступить со мною, какъ ему будетъ угодно.

«Добро» сказалъ Пугачевъ. «Теперь скажи, въ какомъ состояніи вашъ городъ?»

— Слава Богу,—отвѣчалъ я; все благополучно.

«Благополучно?» повторилъ Пугачевъ. «А народъ мретъ съ голоду!»

Самозванецъ говорилъ правду; но я по долгу присяги сталъ увѣрять, что все это пустые слухи и что въ Оренбургѣ довольно всякихъ запасовъ.

«Ты видишь» подхватилъ старичекъ,— «что онъ тебя въ глаза обманываетъ. Всѣ бѣглецы согласно показываютъ, что въ Оренбургѣ голодъ и моръ, что тамъ ѣдятъ мертвечину, и то за честь; а его милость увѣряетъ, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повѣсить, то ужь на той висѣлицѣ повѣсь и этого молодца, чтобъ никому не было завидно.»

Слова проклятаго старика, казалось, поколебали Пугачева. Къ счастію Хлопуша, сталъ противорѣчить своему товарищу. «Полно, Наумычь» сказалъ онъ ему. «Тебѣ бы все душить да рѣзать. Что ты за богатырь? Поглядѣть, такъ въ чемъ душа держится. Самъ въ могилу смотришь, а другихъ губишь. Развѣ мало крови на твоей совѣсти?»

— Да ты что за угодникъ?—возразилъ Бѣлобородовъ. У тебя-то откуда жалость взялась?

«Конечно» отвѣчалъ Хлопуша «и я грѣшенъ, и эта рука (тутъ онъ сжалъ свой костливый кулакъ и, засуча рукава, открылъ косматую руку), и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепутьѣ да въ темномъ лѣсу, не дома, сидя за печью; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ.»

Старикъ отворотился и проворчалъ слова: «рваныя ноздри!»...

— Что ты тамъ шепчешь, старый хрычь?—закричалъ Хлопуша. Я тебѣ дамъ рваныя ноздры; погоди, придетъ и твое время; Богъ дастъ, и ты щипцевъ понюхаешь... А покамѣстъ смотри, чтобъ я тебѣ бородишки не вырвалъ!

«Господа енаралы!» — провозгласилъ важно Пугачевъ. «Полно вамъ ссориться. Не бѣда, еслибъ и всѣ Оренбургскія собаки дрыгали ногами подъ одной перекладиной: бѣда если наши кабели межь собою перегрызутся. Ну, помиритесь.»

Хлопуша и Бѣлобородовъ не сказали ни слова, и мрачно смотрѣли другъ на друга. Я увидѣлъ необходимость перемѣнить разговоръ, который могъ кончиться для меня очень невыгоднымъ образомъ, и, обратясь къ Пугачеву, сказалъ ему съ веселымъ видомъ: Ахъ! я было и забылъ благодарить тебя за лошадь и за тулупъ. Безъ тебя я не добрался бы до города и замерзъ бы на дорогѣ.

Уловка моя удалась. Пугачевъ развеселился.

«Долгъ платежемъ красенъ» сказалъ онъ, мигая и прищуриваясь. «Разскажи-ка мнѣ теперь, какое тебѣ дѣло до той дѣвушки, которую Швабринъ обижаетъ? Ужъ не зазноба ли сердцу молодецкому? а?»

— Она невѣста моя,—отвѣчалъ я Пугачеву, видя благопріятную перемѣну погоды и не находя нужды скрывать истину.

«Твоя невѣста!» закричалъ Пугачевъ. «Что жь ты прежде не сказалъ? Да мы тебя женимъ, и на свадьбѣ твоей попируемъ!» Потомъ обращаясь къ Бѣлобородову: «Слушай, фельдмаршалъ! Мы съ его благородіемъ старые пріятели; сядемъ-ка да поужинаемъ, утро вечера мудренѣе. Завтра посмотримъ, что съ нимъ сдѣлаемъ.»

Я радъ былъ отказаться отъ предлагаемой чести; но дѣлать было нечего. Двѣ молодыя казачки, дочери хозяина избы, накрыли столъ бѣлой скатертью, принесли хлѣба, ухи и нѣсколько штофовъ съ виномъ и пивомъ, и я вторично очутился за одною трапезою съ Пугачевымъ и съ его страшнымя товарищами.

Оргія, коей я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, продолжалась до глубокой ночи. Наконецъ хмѣль началъ одолѣвать собесѣдниковъ. Пугачевъ задремалъ, сидя на своемъ мѣстѣ; товарищи его встали и дали мнѣ знакъ оставить его. Я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. По распоряженію Хлопушки, караульный отвелъ меня въ приказную избу, гдѣ я нашелъ и Савельича и гдѣ меня оставили съ нимъ взаперти. Дядька былъ въ такомъ изумленіи при видѣ всего что происходило, что не сдѣлалъ мнѣ никакого вопроса. Онъ улегся въ темнотѣ, и долго вздыхалъ и охалъ, наконецъ захрапѣлъ, а я предался размышленіямъ, которыя во всю ночь ни на одну минуту не дали мнѣ задремать.

Поутру пришли меня звать отъ имени Пугачева. Я пошелъ къ нему. У воротъ его стояла кибитка, запряженная тройкою Татарскихъ лошадей. Народъ толпился на улицѣ. Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Пугачева: онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ шубѣ и въ Киргизской шапкѣ. Вчерашніе собесѣдники окружали его, принявъ на себя видъ подобострастія, который сильно противорѣчилъ всему, чему я былъ свидѣтелемъ наканунѣ. Пугачевъ весело со мною поздоровался и велѣлъ мнѣ садиться съ нимъ въ кибитку.

Мы усѣлись. «Въ Бѣлогорскую крѣпость!» сказалъ Пугачевъ широкоплечему Татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчикъ загремѣлъ, кибитка полетѣла...

«Стой! стой!» раздался голосъ слишкомъ мнѣ знакомый,—и я увидѣлъ Савельича, бѣжавшаго намъ на встрѣчу. Пугачевъ велѣлъ остановиться. «Батюшка Петръ Андреичь!» кричалъ дядька. «Не покинь меня на старости лѣтъ посреди этихъ мошен...»— А, старый хрычь!—сказалъ ему Пугачевъ. Опять Богъ далъ свидѣться. Ну, садись на облучекъ.

«Спасибо, Государь, спасибо, отецъ родной!» говорилъ Савельичъ усаживаясь. «Дай Богъ тебѣ сто лѣтъ здравствовать за то, что меня старика призрилъ и успокоилъ. Вѣкъ за тебя буду Бога молить, а о заячьемъ тулупѣ и упоминать ужь не стану.»

Этотъ заячій тулупъ могъ наконецъ не на шутку разсердить Пугачева. Къ счастію, самозванецъ или не разслыхалъ, или пренебрегъ неумѣстнымъ намекомъ. Лошади поскакали; народъ на улицѣ останавливался и кланялся въ поясъ. Пугачевъ кивалъ головою на обѣ стороны. Черезъ минуту мы выѣхали изъ слободы и помчались по гладкой дорогѣ.

Легко можно себѣ представить, что чувствовалъ я въ эту минуту. Черезъ нѣсколько часовъ долженъ я былъ увидѣться съ той, которую почиталъ уже для меня потерянною. Я воображалъ себѣ минуту нашего соединенія... Я думалъ также и о томъ человѣкѣ, въ чьихъ рукахъ находилась моя судьба, и который по странному стеченію обстоятельствъ, таинственно былъ со мною связанъ. Я вспоминалъ объ опрометчивой жестокости, о кровожадныхъ привычкахъ того, кто вызвался быть избавителемъ моей любезной! Пугачевъ не зналъ что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабринъ могъ открыть ему все; Пугачевъ могъ провѣдать истину и другимъ образомъ... Тогда что станется съ Марьей Ивановной? Холодъ пробѣжалъ по моему тѣлу и волоса становились дыбомъ...

Вдругъ Пугачевъ прервалъ мои размышленія, обратясь ко мнѣ съ вопросомъ:

«О чемъ, ваше благородіе, изволилъ задуматься?»

— Какъ не задуматься,—отвѣчалъ я ему. Я офицеръ и дворянинъ; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня ѣду съ тобой въ одной кибиткѣ, и счастіе всей моей жизни зависитъ отъ тебя.

«Что жь?» спросилъ Пугачевъ. «Страшно тебѣ?»

Я отвѣчалъ, что, бывъ однажды уже имъ помилованъ, я надѣялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

«И ты правъ, ей-Богу правъ!» сказалъ самозванецъ. «Ты видѣлъ, что мои ребята смотрѣли на тебя косо; а старикъ и сегодня настаивалъ на томъ, что ты шпіонъ, и что надобно тебя пытать и повѣсить; но я не согласился» прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, чтобъ Савельичъ и Татаринъ не могли его услышать—«помня твой стаканъ вина и заячій тулупъ. Ты видишь, что я не такой еще кровопійца, какъ говоритъ обо мнѣ ваша братья.»

Я вспомнилъ взятіе Бѣлогорской крѣпости; но не почелъ нужнымъ его оспаривать, и не отвѣчалъ ни слова.

«Что говорятъ обо мнѣ въ Оренбургѣ?» спросилъ Пугачевъ, помолчавъ немного.

— Да говорятъ, что съ тобой сладить трудновато; нечего сказать: далъ ты себя знать.

Лице самозванца изобразило довольное самолюбіе.

«Да!» сказалъ онъ съ веселымъ видомъ. «Я воюю хоть куда. Знаютъ ли у васъ въ Оренбургѣ о сраженіи подъ Юзеевой? Сорокъ енераловъ убито, четыре арміи взято въ полонъ. Какъ ты думаешь: Прусскій король могъ ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мнѣ забавна. Самъ какъ ты думаешь? сказалъ я ему; управился ли бы ты съ Фридерикомъ?

«Съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ? А какъ же нѣтъ? Съ вашими енералами вѣдь я же управляюсь; а они ево бивали. Доселѣ оружіе мое было счастливо. Дай срокъ, то ли еще будетъ, какъ пойду на Москву.»

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванецъ нѣсколько задумался и сказалъ въ полголоса: «Богъ вѣсть. Улица моя тѣсна; воли мнѣ мало. Ребята мои умничаютъ. Они воры. Мнѣ должно держать ухо востро; при первой неудачѣ, они свою шею выкупятъ моею головою.»

— То-то!—сказалъ я Пугачеву. Не лучше ли тебѣ отстать отъ нихъ самому, заблаговременно, да прибѣгнуть къ милосердію Государыни?

Пугачевъ горько усмѣхнулся. «Нѣтъ» отвѣчалъ онъ; «поздно мнѣ каяться. Для меня не будетъ помилованія. Буду продолжать, какъ началъ. Какъ знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь поцарствовалъ же надъ Москвою.»

— А знаешь ты, чѣмъ онъ кончилъ? Его выбросили изъ окна, зарѣзали, сожгли, зарядили его пепломъ пушку и выпалили!

«Слушай» — сказалъ Пугачевъ съ какимъ-то дикимъ вдохновеніемъ. «Разскажу тебѣ сказку, которую въ ребячествѣ мнѣ разсказывала старая Калмычка. Однажды орелъ спрашивалъ у ворона: скажи, воронъ-птица, отъ чего живешь ты на бѣломъ свѣтѣ триста лѣтъ, а я всего-на-все только тридцать три года?—Отъ того, батюшка, отвѣчалъ ему воронъ, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орелъ подумалъ: давай попробуемъ и мы питаться тѣмъ же. Хорошо. Полетѣли орелъ да воронъ. Вотъ завидѣли палую лошадь; спустились и сѣли. Воронъ сталъ клевать, да похваливать. Орелъ клюнулъ разъ, клюнулъ другой, махнулъ крыломъ и сказалъ ворону: нѣтъ, братъ воронъ; чѣмъ триста лѣтъ питаться падалью, лучше разъ напиться живой кровью, а тамъ, что Богъ дастъ!—Какова Калмыцкая сказка?

— Затѣйлива—отвѣчалъ я ему. Но жить убійствомъ и разбоемъ значитъ по мнѣ клевать мертвечину.

Пугачевъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и ничего не отвѣчалъ. Оба мы замолчали, погрузясь каждый въ свои размышленія. Татаринъ затянулъ унылую пѣсню; Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. Кибитка летѣла по гладкому зимнему пути. .. Вдругъ увидѣлъ я деревушку на крутомъ берегу Яика, съ частоколомъ и съ колокольней—и черезъ четверть часа въѣхали мы въ Бѣлогорскую крѣпость.

ПУГАЧЕВЪ и ГРИНЕВЪ ПО ДОРОГѢ ВЪ БѢЛОГОРСКУЮ КРѢПОСТЬ.
Рисунокъ С. Иванова.

ГЛАВА XII.

Сирота.

Какъ у нашей у яблоньки
Ни верхушки нѣтъ, ни отросточекъ;
Какъ у нашей у княгинюшки
Ни отца нѣту, ни матери.
Снарядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная пѣсня.

Кибитка подъѣхала къ крыльцу комендантскаго дома. Народъ узналъ колокольчикъ Пугачева и толпою бѣжалъ за нами. Швабринъ встрѣтилъ самозванца на крыльцѣ. Онъ былъ одѣтъ казакомъ и отростилъ сѣбѣ бороду. Измѣнникъ помогъ Пугачеву вылѣзть изъ кибитки, въ подлыхъ выраженіяхъ изъявляя свою радость и усердіе. Увидя меня, онъ смутился, но вскорѣ оправился, протянулъ мнѣ руку, говоря: «И ты нашъ? Давно бы такъ!» Я отворотился отъ него и ничего не отвѣчалъ.

Сердце мое заныло, когда очутились мы въ давно знакомой комнатѣ, гдѣ на стѣнѣ висѣлъ еще дипломъ покойнаго коменданта, какъ печальная эпитафія прошедшему времени. Пугачевъ сѣлъ на томъ диванѣ, на которомъ, бывало, дремалъ Иванъ Кузмичь, усыпленный ворчаніемъ своей супруги. Швабринъ самъ поднесъ ему водки. Пугачевъ выпилъ рюмку, и сказалъ ему, указавъ на меня: «Поподчуй и его благородіе.» Швабринъ подошелъ ко мнѣ съ своимъ подносомъ; но я вторично отъ него отворотился. Онъ казался самъ не свой. При обыкновенной своей сметливости, онъ, конечно, догадался, что Пугачевъ былъ имъ недоволенъ. Онъ трусилъ передъ нимъ, а на меня поглядывалъ съ недовѣрчивостію. Пугачевъ освѣдомился о состояніи крѣпости, о слухахъ про непріятельскія войска и тому подобномъ, и вдругъ спросилъ его неожиданно: «Скажи, братецъ, какую дѣвушку держишь ты у себя подъ карауломъ? Покажи-ка мнѣ ее.»

Швабринъ поблѣднѣлъ какъ мертвый. Государь,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.... Государь, она не подъ карауломъ.... она больна.... она въ свѣтлицѣ лежитъ.

«Веди жь меня къ ней» сказалъ само-

званецъ вставая съ мѣста. Отговориться было невозможно. Швабринъ повелъ Пугачева въ свѣтлицу Марьи Ивановны. Я за нимп послѣдовалъ.

Швабринъ остановился на лѣстницѣ.

«Государь!» сказалъ онъ «Вы властны требовать отъ меня, что вамъ угодно; но не прикажите постороннему входить въ спальню къ женѣ моей.»

Я затрепеталъ. Такъ ты женатъ! сказалъ я Швабрину, готовяся его растерзать.

«Тише!» прервалъ меня Пугачевъ. «Это мое дѣло. А ты»—продолжалъ онъ, обращаясь къ Швабрину,—«не умничай и не ломайся: жена ли она тебѣ, или не жена, а я веду къ ней кого хочу. Ваше благородіе, ступай за мною.»

У дверей свѣтлицы Швабринъ опять остановился и сказалъ прерывающимся голосомъ: «Государь, предупреждаю васъ, что она въ бѣлой горячкѣ, и третій день какъ бредитъ безъ умолку.»

— Отворяй!—сказалъ Пугачевъ.

Швабринъ сталъ искать у себя въ карманахъ, и сказалъ, что не взялъ съ собою ключа. Пугачевъ толкнулъ дверь ногою; замокъ отскочилъ; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянулъ, и обмеръ. На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья Ивановна, блѣдная, худая, съ растрепанными волосами. Передъ нею стоялъ кувшинъ воды, накрытый ломтемъ хлѣба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что́ тогда со мною стало—не помню.

Пугачевъ посмотрѣлъ на Швабрина, и сказалъ съ горькой усмѣшкою: «Хорошъ у тебя лазаретъ!» Потомъ, подошедъ къ Марьѣ Ивановнѣ: «Скажи мнѣ, голубушка, за что твой мужъ тебя наказываетъ? въ чемъ ты передъ нимъ провинилась»?

— Мой мужъ! — повторила она. Онъ мнѣ не мужъ. Я никогда не буду его женою! Я лучше рѣшилась умереть, и умру, если меня не избавятъ.

Пугачевъ взглянулъ грозно на Швабрина. «И ты смѣлъ меня обманывать!» сказалъ онъ ему: «Знаешь ли, бездѣльникъ, чего ты достоинъ?»

Швабринъ упалъ на колѣни.... Въ эту минуту презрѣніе заглушило во мнѣ всѣ чувства ненависти и гнѣва. Съ омерзѣніемъ глядѣлъ я на дворянина, валяющагося въ ногахъ бѣглаго казака. Пугачевъ смягчился. «Милую тебя на сей разъ» сказалъ онъ Швабрину; «но знай, что при первой винѣ тебѣ припомнится и эта.» Потомъ обратился онъ къ Марьѣ Ивановнѣ и сказалъ ей ласково: «Выходи, красная дѣвица; дарую тебѣ волю. Я Государь.»

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что передъ нею убійца ея родителей. Она закрыла лицо обѣими руками и упала безъ чувствъ. Я кинулся къ ней; но въ эту минуту очень смѣло въ комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачевъ вышелъ изъ свѣтлицы, и мы трое сошли въ гостиную.

«Что, ваше благородіе?» сказалъ смѣясь Пугачевъ. «Выручили красную дѣвицу! Какъ думаешь, не послать ли за попомъ, да не заставить ли его обвѣнчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженнымъ отцомъ, Швабринъ дружкою; закутимъ, запьемъ— и ворота запремъ!»

Чего я опасался, то и случилось. Швабринъ, услыша предложеніе Пугачева, вышелъ изъ себя. «Государь!» закричалъ онъ въ изступленіи. «Я виноватъ, я вамъ солгалъ; но и Гриневъ васъ обманываетъ. Эта дѣвушка не племянница здѣшняго попа; она дочь Ивана Миронова, который казненъ при взятіи этой крѣпости.»

Пугачевъ устремилъ на меня свои огненные глаза. «Это что еще?» спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Швабринъ сказалъ тебѣ правду,— отвѣчалъ я съ твердостію.

«Ты мнѣ этого не сказалъ» замѣтилъ Пугачевъ, у коего лицо омрачилось.

— Самъ ты разсуди,—отвѣчалъ я ему,— можно ли было при твоихъ людяхъ объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто бы ее не спасло!

«И то правда» сказалъ смѣясь Пугачевъ.—«Мои пьяницы не пощадили бы бѣдную дѣвушку. Хорошо сдѣлала кумушка-попадья, что обманула ихъ.»

— Слушай, — продолжалъ я, видя его доброе расположеніе. Какъ тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу.... Но Богъ видитъ, что жизнію моей радъ бы заплатить тебѣ за то, что ты для меня сдѣлалъ. Только не требуй того, что противно чести моей и христіанской совѣсти. Ты мой благодѣтель. Доверши какъ началъ: отпусти меня съ бѣдной сиротою, куда намъ Богъ путь укажетъ. А мы, гдѣ бы ты ни былъ и чтобы съ тобою ни случилось, каждый день будемъ Бога молить о спасеніи грѣшной твоей души....

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Инъ быть по твоему!»—сказалъ

ПУГАЧЕВЪ ОСВОБОЖДАЕТЪ МАРЬЮ ИВАНОВНУ.

Рисунокъ Павла Соколова.

онъ. «Казнить такъ казнить, жаловать такъ жаловать: таковъ мой обычай. Возьми себѣ свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вамъ Богъ любовь да совѣтъ!»

Тутъ онъ обратился къ Швабрину и велѣлъ выдать мнѣ пропускъ во всѣ заставы и крѣпости подвластныя ему. Швабринъ, совсѣмъ уничтоженный, стоялъ какъ остолбенѣлый. Пугачевъ отправился осматривать крѣпость. Швабринъ его сопровождалъ; а я остался подъ предлогомъ приготовленій къ отъѣзду.

Я побѣжалъ въ свѣтлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто тамъ?» спросила Палаша. Я назвался. Милый голосокъ Марьи Ивановны раздался изъ-за дверей: «Погодите, Петръ Андреичь. Я переодѣваюсь. Ступайте къ Акулинѣ Памфиловнѣ: я сейчасъ туда же буду.»

Я повиновался и пошелъ въ домъ отца Герасима. И онъ и попадья выбѣжали ко мнѣ на встрѣчу. Савельичь ихъ уже предупредилъ. «Здравствуйте, Петръ Андреевичь» говорила попадья. «Привелъ Богъ опять увидѣться. Какъ поживаете? А мы-то про васъ каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпѣлась безъ васъ, моя голубушка!.. Да скажите, мой отецъ, какъ это вы съ Пугачевымъ-то поладили? Какъ онъ это васъ не укокошилъ? Добро, спасибо злодѣю и за то.»—Полно, старуха, прервалъ отецъ Герасимъ. Не все то ври, что знаешь. Нѣсть спасенія во многоглаголаніи. Батюшка, Петръ Андреевичь! войдите, милости просимъ. Давно, давно не видались.

Попадья стала угощать меня чѣмъ Богъ послалъ. А между тѣмъ говорила безъ умолку. Она разсказала мнѣ, какимъ образомъ Швабринъ принудилъ ихъ выдать ему Марью Ивановну; какъ Марья Ивановна плакала и не хотѣла съ ними разстаться; какъ Марья Ивановна имѣла съ нею всегдашнія сношенія черезъ Палашку (дѣвку бойкую, которая и урядника заставляетъ плясать по своей дудкѣ); какъ она присовѣтовала Марьѣ Ивановнѣ написать ко мнѣ письмо, и прочее. Я въ свою очередь разсказалъ ей вкратцѣ свою исторію. Попъ и попадья крестились, услыша, что Пугачеву извѣстенъ ихъ обманъ. «Съ нами сила крестная!» говорила Акулина Памфиловна. «Промчи Богъ тучу мимо. Ай-да Алексѣй Иванычь; нечего сказать: хорошъ гусь!» Въ самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла съ улыбкою на блѣдномъ лицѣ. Она оставила свое

крестьянское платье и одѣта была по прежнему, просто и мило.

Я схватилъ ея руку и долго не могъ вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали отъ полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что намъ было не до нихъ, и оставили насъ. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна разсказала мнѣ все, что съ нею случилось съ самаго взятія крѣпости; описала мнѣ весь ужасъ ея положенія, всѣ испытанія, которымъ подвергалъ ее гнусный Швабринъ. Мы вспомнили и прежнее счастливое время.... Оба мы плакали... Наконецъ я сталъ объяснять ей мои предположенія. Оставаться ей въ крѣпости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабринымъ, было невозможно. Нельзя было думать и объ Оренбургѣ, претерпѣвающемъ всѣ бѣдствія осады. У ней не было на свѣтѣ ни одного родного человѣка. Я предложилъ ей ѣхать въ деревню къ моимъ родителямъ. Она сначала колебалась: извѣстное ей неблагорасположеніе отца моего ее пугало. Я ее успокоилъ. Я зналъ, что отецъ почтетъ за счастіе и вмѣнитъ себѣ въ обязанность принять дочь заслуженнаго воина, погибшаго за отечество. Милая Марья Ивановна!—сказалъ я наконецъ. Я почитаю тебя своею женою. Чудныя обстоятельства соединили насъ неразрывно: ничто на свѣтѣ не можетъ насъ разлучить. Марья Ивановна выслушала меня просто, безъ притворной застѣнчивости, безъ затѣйливыхъ отговорокъ. Она чувствовала, что судьба ея соединена была съ моею. Но она повторила, что не иначе будетъ моею женою, какъ съ согласія моихъ родителей. Я ей и не противорѣчилъ. Мы поцѣловались горячо, искренно—и такимъ образомъ все было между нами рѣшено.

Чрезъ часъ урядникъ принесъ мнѣ пропускъ, подписанный каракульками Пугачева, и позвалъ меня къ нему, отъ его имени. Я нашелъ его готоваго пуститься въ дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовалъ, разставаясь съ этимъ человѣкомъ, извергомъ, злодѣемъ для всѣхъ, кромѣ одного меня. Зачѣмъ не сказать истины? Въ эту минуту сильное сочувствіе влекло меня къ нему. Я пламенно желалъ вырвать изъ его среды злодѣевъ, которыми онъ предводительствовалъ, и спасти его голову, пока еще было время. Швабринъ и народъ, толпящійся около насъ, помѣшали мнѣ высказать все, чѣмъ исполнено было мое сердце.

Мы разстались дружески. Пугачевъ, увидя въ толпѣ Акулину Памфиловну, погрозилъ пальцемъ и мигнулъ значительно; потомъ сѣлъ въ кибитку, велѣлъ ѣхать въ Берду, и когда лошади тронулись, то онъ еще разъ высунулся изъ кибитки и закричалъ мнѣ: «Прощай, ваше благородіе! Авось увидимся когда нибудь»—Мы точно съ нимъ увидились, но въ какихъ обстоятельствахъ!....

Пугачевъ уѣхалъ. Я долго смотрѣлъ на бѣлую степь, по которой неслась тройка. Народъ разошелся. Швабринъ скрылся. Я воротился въ домъ священника. Все было готово къ нашему отъѣзду; я не хотѣлъ болѣе медлить. Добро наше все было уложено въ старую комендантскую повозку. Ямщики мигомъ заложили лошадей. Марья Ивановна пошла проститься съ могилами своихъ родителей, похороненныхъ за церковью. Я хотѣлъ ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отецъ Герасимъ и жена его вышли на крыльцо. Мы сѣли въ кибитку втроемъ: Марья Ивановна съ Палашей и я. Савельичъ забрался на облучекъ. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Петръ Андреичъ, соколъ нашъ ясный!» говорила добрая попадья. «Счастливый путь, и дай Богъ вамъ обоимъ счастія.» Мы поѣхали. У окошка комендантскаго дома я видѣлъ стоящаго Швабрина. Лице его изображало мрачную злобу. Я не хотѣлъ торжествовать надъ уничтоженнымъ врагомъ и обратилъ глаза въ другую сторону. Наконецъ мы выѣхали изъ крѣпостныхъ воротъ и навѣкъ оставили Бѣлогорскую крѣпость.

ГЛАВА XIII.

Арестъ.

Не гнѣвайтесь, сударь: по долгу моему,
Я долженъ сей же часъ отправить васъ въ тюрьму.
— Извольте, я готовъ; но я въ такой надеждѣ
Что дѣло объяснить дозволите мнѣ прежде.

Княжнинъ.

Соединенный такъ нечаянно съ милой дѣвушкою, о которой еще утромъ я такъ мучительно безпокоился, я не вѣрилъ самому себѣ и воображалъ, что все со мною случившееся было пустое сновидѣніе. Марья Ивановна глядѣла съ задумчивостью то на меня, то на дорогу и, казалось, не успѣла еще опомниться и придти въ себя. Мы молчали. Сердца наши слишкомъ были утомлены. Непримѣтнымъ образомъ, часа черезъ два очутились мы въ ближней крѣпости также подвластной Пугачеву. Здѣсь мы перемѣнили лошадей. По скорости, съ каковою ихъ запрягали, по торопливой услужливости брадатаго казака, поставленнаго Пугачевымъ въ коменданты, и увидѣлъ, что, благодаря болтливости ямщика, насъ привезшаго, меня приняли какъ придворнаго временьщика.

Мы отправились далѣе. Стало смеркаться: Мы приближались къ городку, гдѣ, по словамъ бородатаго коменданта, находился сильный отрядъ, идущій на соединеніе къ самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопросъ: кто ѣдетъ? ямщикъ отвѣчалъ громогласно: «Государевъ кумъ со своею хозяюшкою». Вдругъ толпа гусаровъ окружила насъ съ ужасною бранью. «Выходи, бѣсовъ кумъ!» сказалъ мнѣ усатый вахмистръ. «Вотъ ужо тебѣ будетъ баня, и съ твоею хозяюшкою!»

Я вышелъ изъ кибитки и требовалъ, чтобъ отвели меня къ нихъ начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистръ повелъ меня къ майору. Савельичь отъ меня не отставалъ, поговаривая про себя: «Вотъ тебѣ и Государевъ кумъ! Изъ огня да въ полымя... Господи Владыко! чѣмъ это все кончится?» Кибитка шагомъ поѣхала за нами.

Черезъ пять минутъ мы пришли къ домику, ярко освѣщенному. Вахмистръ оставилъ меня при караулѣ и пошелъ обо мнѣ доложить. Онъ тотчасъ же воротился, объявивъ мнѣ, что его высокоблагородію некогда меня принять, а что онъ велѣлъ отвести меня въ острогъ, а хозяюшку къ себѣ привести.

— Что это значитъ?—закричалъ я въ бѣшенствѣ. Да развѣ онъ съ ума сошелъ?

«Не могу знать, ваше благородіе»— отвѣчалъ вахмистръ. «Только его высокоблагородіе приказалъ ваше благородіе отвести въ острогъ, а ея благородіе приказано отвести къ его высокоблагородію, ваше благородіе!»

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбѣжалъ въ комнату, гдѣ человѣкъ шесть гусарскихъ офицеровъ играли въ банкъ. Майоръ металъ. Каково было мое изумленіе, когда, взглянувъ на него, узналъ я Ивана Ивановича Зурина, нѣкогда обыгравшаго меня въ Симбирскомь трактирѣ!

— Возможно ли? вскричалъ я. Иванъ Иванычь! ты ли?

«Ба, ба, ба, Петръ Андреичь! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, братъ. Не хочешь ли поставить карточку?»

— Благодаренъ. Прикажи-ка лучше отвести мнѣ квартиру.

«Какую тебѣ квартиру? Оставайся у меня.»

— Не могу: я не одинъ.

«Ну, подавай сюда и товарища».

— Я не съ товарищемъ; я... съ дамою.

«Съ дамою! Гдѣ же ты ее подцѣпилъ? Эге, братъ!» (При сихъ словахъ Зуринъ засвистѣлъ такъ выразительно, что всѣ захохотали. а я совершенно смутился).

«Ну» продолжалъ Зуринъ; «такъ и быть. Будетъ тебѣ квартира. А жаль... Мы бы попировали по старинному... Гей! малой! Да что жь сюда не ведутъ кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтобъ она не боялась; баринъ-де прекрасный; ничѣмъ не обидитъ, да хорошенько ее въ шею.»

— Что ты это—сказалъ я Зурину. Какая кумушка Пугачева? Это дочь покой-

наго капитана Миронова. Я вывезъ ее изъ плѣна и теперь провожаю до деревни батюшкиной, гдѣ и оставлю ее.

«Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ докладывали? Помилуй! что жъ это значитъ?»

— Послѣ все разскажу. А теперь, ради Бога, успокой бѣдную дѣвушку, которую гусары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ распорядился. Онъ самъ вышелъ на улицу извиняться передъ Марьей Ивановной въ невольномъ недоразумѣніи, и приказалъ вахмистру отвести ей лучшую квартиру въ городѣ. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и когда остались вдвоемъ, я разсказалъ ему свои похожденія. Зуринъ слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ. Когда я кончилъ, онъ покачалъ головою и сказалъ: «все это, братъ, хорошо; одно не хорошо: за чѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать; повѣрь же ты мнѣ, что женидьба блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да няньчиться съ ребятишками? Эй, плюнь. Послушайся меня: развяжись ты съ капитанскою дочкой. Дорога въ Симбирскъ мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра жь одну къ родителямъ твоимъ; а самъ оставайся у меня въ отрядѣ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ не за чѣмъ. Попадешься опять въ руки бунтовщикамъ, такъ врядъ ли отъ нихъ еще разъ отдѣлаешься. Такимъ образомъ любовная дурь кройдетъ сама собою, и вся будетъ ладно.»

Хотя я не совсѣмъ былъ съ нимъ согласенъ, однакожь чувствовалъ, что долгъ чести требовалъ моего присутствія въ войскѣ Императрицы. Я рѣшился послѣдовать совѣту Зурина: отправить Марью Ивановну въ деревню, и остаться въ его отрядѣ.

Савельичь явился меня раздѣвать; я объявилъ ему, чтобъ на другой же день готовъ онъ былъ ѣхать въ дорогу съ Марьей Ивановной. Онъ было заупрямился. «Что ты, сударь? Какъ же я тебя-то покину? Кто за тобою будетъ ходить? Что скажутъ родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамѣрился убѣдить его лаской и искренностію. Другъ ты мой, Архипъ Савельичь!— сказалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благодѣтелемъ; въ прислугѣ здѣсь я нуждаться не стану, а не буду спокоенъ, если Марья Ивановна поѣдетъ въ дорогу безъ тебя. Служа ей, служишь ты и мнѣ, потому что я твердо рѣшился, какъ скоро обстоятельства дозволятъ, жениться на ней.

Тутъ Савельичъ сплеснулъ руками съ видомъ изумленія неописаннаго. «Жениться!» повторилъ онъ. «Дитя хочетъ жениться! А что скажетъ батюшка, а матушка-то что подумаетъ?»

Согласятся, вѣрно согласятся,—отвѣчалъ я,—когда узнаютъ Марью Ивановну. Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебѣ вѣрятъ: ты будешь за насъ ходатаемъ не такъ-ли?

Старикъ былъ тронутъ. «Охъ, батюшка ты мой, Петръ Андреичь!» отвѣчалъ онъ. «Хоть раненько задумалъ ты жениться, да за то Марья Ивановна такая добрая барышня, что грѣхъ и пропустить оказію. Инъ быть по твоему! Провожу ее ангела Божія, и рабски буду доносить твоимъ родителямъ, что такой невѣстѣ не надобно и приданаго.»

Я благодарилъ Савельича, и легъ спать въ одной комнатѣ съ Зуринымъ. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зуринъ сначала со мною разговаривалъ охотно; но мало по малу слова его стали рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто отвѣта на какой-то запросъ, онъ захрапѣлъ и присвиснулъ. Я замолчалъ и вскорѣ послѣдовалъ его примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ Марьѣ Ивановнѣ. Я сообщилъ ей свои предположенія. Она признала ихъ благоразуміе и тотчасъ со мною согласилась. Отрядъ Зурина долженъ былъ выступить изъ города въ тотъ-же день. Нечего было медлить. Я тутъ же разстался съ Марьей Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ ей письмо къ моимъ родителямъ. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Петръ Андреичь!» сказала она тихимъ голосомъ. «Придется ли намъ увидѣться или нѣтъ, Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забуду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ моемъ сердцѣ.» Я ничего не могъ отвѣчать. Люди насъ окружили. Я не хотѣлъ при нихъ предаваться чувствамъ, которыя меня волновали. Наконецъ она уѣхала. Я возвратился къ Зурину, грустенъ и молчаливъ. Онъ хотѣлъ меня развеселить; я думалъ себя разсѣять: мы провели день шумно и буйно, и вечеромъ выступили въ походъ.

Это было въ концѣ февраля. Зима, затруднявшая военныя распоряженія, проходила, и наши генералы готовились къ дружному содѣйствію. Пугачевъ все еще стоялъ подъ Оренбургомъ. Между тѣмъ около его отряды

ПУГАЧЕВЩИНА.

Картина Перова.

го капитана Миронова. Я вывезъ ее изъ
ѣна и теперь провожаю до деревни ба-
шкиной, гдѣ и оставлю ее.

«Какъ! Такъ это о тебѣ мнѣ сейчасъ
кладывали? Помилуй! что жъ это значитъ?»

— Послѣ все разскажу. А теперь, ради
та, успокой бѣдную дѣвушку, которую
сары твои перепугали.

Зуринъ тотчасъ распорядился. Онъ самъ
шелъ на улицу извиниться передъ Марьей
вановной въ невольномъ недоразумѣніи,
приказалъ квартмистру отвести ей лучшую
артиру въ городѣ. Я остался ночевать
него.

Мы ужинали, и когда остались вдвоемъ,
разсказалъ ему свои похожденія. Зуринъ
ушалъ меня съ большимъ вниманіемъ,
гда я кончилъ, онъ покачалъ головою и
азалъ: «все это, братъ, хорошо; одно не
рошо: за чѣмъ тебя чортъ несетъ же-
иться? Я, честный офицеръ, не захочу
бя обманывать; повѣрь же ты мнѣ, что
ѣвидьба ложь. Ну, куда тебѣ возиться съ
ною да нянчиться съ ребятишками!
й, плюнь. Послушайся меня: развяжись
съ капитанскою дочкой. Дорога въ Си-
рскъ мною очищена и безопасна. От-
ань ее завтра же одну къ родителямъ
ошь; а самъ оставайся у меня въ от-
лѣ. Въ Оренбургъ возвращаться тебѣ
чѣмъ. Попадешься опять въ руки бун-
щикамъ, такъ врядъ ли отъ нихъ еще
я дурь кройдетъ сама собою, и вся бу-
гъ ладно.»

Хотя я не совсѣмъ былъ съ нимъ со-
ненъ, однакожь чувствовалъ, что долгъ
сти требовалъ моего присутствія въ вой-
Императрицы. Я рѣшился послѣдо-
совѣту Зурина: отправить Марью Ива-
ну въ деревню, и остаться въ его от-
лѣ.

Савельичъ явился меня раздѣвать; я
лъ ему, чтобъ на другой же день
онъ былъ ѣхать въ дорогу съ
рьей Ивановной. Онъ было заупрямился.
Что ты, сударь? Какъ же я тебя-то покину?
то за тобою будетъ ходить? Что скажутъ
дители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я возна-
брился убѣдить его лаской и искрен-
стію. Другъ ты мой, Архипъ Савельичъ!—
азалъ я ему. Не откажи, будь мнѣ благо-
телемъ; въ прислугѣ здѣсь я нуждаться
стану, а не буду спокоенъ, если Марья
вановна поѣдетъ въ дорогу безъ тебя.
ужба ай. служишь ты и мнѣ, потому что
я твердо рѣшился, какъ скоро обстоятель-
ства дозволятъ, жениться на ней.

Тутъ Савельичъ сплеснулъ руками съ
видомъ изумленія неописаннаго. «Же-
ниться!» повторилъ онъ. «Дитя хочетъ же-
ниться! А что скажетъ батюшка, а ма-
тушка-то что подумаетъ?»

Согласятся, вѣрно согласятся,—отвѣ-
чалъ я,—когда узнаютъ Марью Ивановну.
Я надѣюсь и на тебя. Батюшка и ма-
тушка тебѣ вѣрятъ: ты будешь за насъ
ходатаемъ не такъ-ли?

Старикъ былъ тронутъ. «Охъ, батюшка
ты мой, Петръ Андреичъ!» отвѣчалъ онъ.
«Хоть раненько задумалъ ты жениться, да
за то Марья Ивановна такая добрая ба-
рышня, что грѣхъ и пропустить оказію. Ись
быть по твоему! Провожу ее ангела Бо-
жія, и рабски буду доносить твоимъ ро-
телямъ, что такой невѣстѣ не надобно и
приданаго.»

Я благодарилъ Савельича, и легъ спать
въ одной комнатѣ съ Зуринымъ. Разгоря-
ченный и взволнованный, я разболтался.
Зуринъ сначала со мною разговаривалъ
охотно; но мало по малу слова его стали
рѣже и безсвязнѣе; наконецъ, вмѣсто от-
вѣта на какой-то запросъ, онъ захрапѣлъ
во [illegible]. Я замолчалъ и вскорѣ по-
[illegible] примѣру.

На другой день утромъ пришелъ я къ
[illegible]вѣ. Я сообщилъ ей свои
предположенія. Она признала ихъ благо-
разуміе и тотчасъ со мною согласилась.
Отрядъ Зурина долженъ былъ выступить
изъ города въ тотъ-же день. Нечего было
медлить. Я тутъ же разстался съ Марьей
Ивановной, поручивъ ее Савельичу и давъ
ей письмо къ моимъ родителямъ. Марья
Ивановна заплакала. «Прощайте, Петръ
Андреичъ!» сказала она тихимъ голосомъ.
«Придется ли намъ увидѣться или нѣтъ...
Богъ одинъ это знаетъ; но вѣкъ не забу-
ду васъ; до могилы ты одинъ останешься въ
моемъ сердцѣ.» Я ничего не могъ отвѣ-
чать. Люди насъ окружили. Я не хотѣлъ
при нихъ предаваться чувствамъ, которыя
меня волновали. Наконецъ она уѣхала. Я
возвратился къ Зурину, грустенъ и мол-
чаливъ. Онъ хотѣлъ меня развеселить; я
малъ себя разсѣять: мы провели день шу-
и буйно, и вечеромъ выступили въ похо-

[illegible] было въ концѣ февраля. Зима, [illegible]
нявшая военныя распоряженія, проходила,
и наши генералы готовились къ дружному
содѣйствію. Пугачевъ все еще стоялъ подъ
Оренбургомъ. Между тѣмъ около его отряды

соединялись и со всѣхъ сторонъ приближались къ злодѣйскому гнѣзду. Бунтующія деревни, при видѣ нашихъ войскъ, приходили въ повиновеніе; шайки разбойниковъ вездѣ бѣжали отъ насъ, и все предвѣщало скорое благополучное окончаніе.

Вскорѣ князь Голицынъ, подъ крѣпостію Татищевой, разбилъ Пугачева, разсѣялъ его толпы, освободилъ Оренбургъ и, казалось, нанесъ бунту послѣдній и рѣшительный ударъ. Зуринъ былъ въ то время отряженъ противу шайки мятежныхъ Башкирцевъ, которые разсѣялись прежде нежели мы ихъ увидали. Весна осадила насъ въ Татарской деревушкѣ. Рѣчки разлились и дороги стали непроходимы. Мы утѣшались въ нашемъ бѣдствіи мыслію о скоромъ прекращеніи скучной и мелочной войны съ разбойниками и дикарями.

Но Пугачевъ не былъ пойманъ. Онъ явился на Сибирскихъ заводахъ, собралъ тамъ новыя шайки, и снова началъ злодѣйствовать. Слухъ о его успѣхахъ снова распространился. Мы узнали о разореніи Сибирскихъ крѣпостей. Вскорѣ вѣсть о взятіи Казани и о походѣ самозванца на Москву встревожила начальниковъ войскъ, безпечно дремавшихъ въ надеждѣ на безсиліе презрѣннаго бунтовщика. Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончанія войны. Скажу коротко, что бѣдствіе доходило до крайности. Мы проходили черезъ селенія, разоренныя бунтовщиками, и поневолѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что успѣли они спасти. Правленіе было повсюду прекращено; помѣщики укрылись по лѣсамъ. Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду; начальники отдѣльныхъ отрядовъ самовластно наказывали и миловали; состояніе всего обширнаго края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно... Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ безсмысленный и безпощадный!

Пугачевъ бѣжалъ, преслѣдуемый Иваномъ Ивановичемъ Михельсономъ. Вскорѣ узнали мы о совершенномъ его разбитіи. Наконецъ Зуринъ получилъ извѣстіе о поимкѣ самозванца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе остановиться. Война была кончена. Наконецъ мнѣ можно было ѣхать къ моимъ родителямъ! Мысль ихъ обнять, увидѣть Марью Ивановну, отъ которой не имѣлъ я никакого извѣстія, одушевляла меня восторгомъ. Я прыгалъ какъ ребенокъ. Зуринъ смѣялся и говорилъ пожимая плечами: «Нѣтъ! тебѣ не сдобровать! Женишься—ни за что пропадешь!»

Но между тѣмъ странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодѣѣ, обрызганномъ кровію столькихъ невинныхъ жертвъ, и о казни, его ожидающей, тревожила меня по неволѣ: Емеля, Емеля!—думалъ я съ досадою; за чѣмъ не наткнулся ты на штыкъ, или не подвернулся подъ картечь? Лучше ничего не могъ бы ты придумать. Что прикажете дѣлать! Мысль о немъ неразлучна была во мнѣ съ мыслію о пощадѣ, данной мнѣ имъ въ одну изъ ужасныхъ минутъ его жизни, и объ избавленіи моей невѣсты изъ рукъ гнуснаго Швабрина.

Зуринъ далъ мнѣ отпускъ. Чрезъ нѣсколько дней долженъ я былъ очутиться посреди моего семейства, увидѣть опять мою Марью Ивановну... Вдругъ неожиданная гроза меня поразила.

Въ день, назначенный для выѣзда, въ самую ту минуту, когда готовился я пуститься въ дорогу, Зуринъ вошелъ ко мнѣ въ избу, держа въ рукахъ бумагу, съ видомъ чрезвычайно озабоченнымъ. Что-то кольнуло меня въ сердце. Я испугался, самъ не зная чего. Онъ выслалъ моего деньщика и объявилъ, что имѣетъ до меня дѣло. Что такое? спросилъ я съ безпокойствомъ.—«Маленькая непріятность» отвѣчалъ онъ, подавая мнѣ бумагу. «Прочитай, что сейчасъ я получилъ.» Я сталъ ее читать: это былъ секретный приказъ ко всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ арестовать меня, гдѣ бы ни попался, и немедленно отправить подъ карауломъ въ Казань въ Слѣдственную Коммиссію, учрежденную по дѣлу Пугачева.

Бумага чуть не выпала изъ моихъ рукъ. «Дѣлать нечего!» сказалъ Зуринъ. «Долгъ мой повиноваться приказу. Вѣроятно, слухъ о твоихъ дружескихъ путешествіяхъ съ Пугачевымъ какъ нибудь да дошелъ до правительства. Надѣюсь, что дѣло не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій и что ты оправдаешься передъ коммиссіей. Не унывай и отправляйся.» Совѣсть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсрочить минуту сладкаго свиданія, можетъ быть, на нѣсколько еще мѣсяцевъ—устрашала меня. Тележка была готова. Зуринъ дружески со мною простился. Меня посадили въ тележку. Со мною сѣли два гусара съ саблями наголо, и я поѣхалъ по большой дорогѣ.

ГЛАВА XIV.

Судъ.

Мірская молва—
Морская волна.

Пословица.

Я былъ увѣренъ, что виною всему было самовольное мое отсутствіе изъ Оренбурга. Я легко могъ оправдаться: наѣздничество не только никогда не было запрещено, но еще всѣми силами было ободряемо. Я могъ быть обвиненъ въ излишней запальчивости, а не въ ослушаніи. Но пріятельскія сношенія мои съ Пугачевымъ могли быть доказаны множествомъ свидѣтелей и должны были казаться по крайней мѣрѣ весьма подозрительными. Во всю дорогу размышлялъ я о допросахъ, меня ожидающихъ, обдумывалъ свои отвѣты, и рѣшился передъ судомъ объявить сущую правду, полагая сей способъ оправданія самымъ простымъ, а вмѣстѣ и самымъ надежнымъ.

Я пріѣхалъ въ Казань, опустошенную и погорѣлую. По улицамъ, на мѣсто домовъ, лежали груды углей и торчали закоптѣлыя стѣны безъ крышъ и оконъ. Таковъ былъ слѣдъ, оставленный Пугачевымъ! Меня привезли въ крѣпость, уцѣлѣвшую посреди сгорѣвшаго города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Онъ велѣлъ кликнуть кузнеца. Надѣли мнѣ на ноги цѣпь и заковали ее наглухо. Потомъ отвели меня во тюрьму и оставили одного въ тѣсной и темной кануркѣ, съ однѣми голыми стѣнами и съ окошечкомъ, загороженнымъ желѣзною рѣшеткою.

Такое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Однакожь я не терялъ ни бодрости, ни надежды. Я прибѣгнулъ къ утѣшенію всѣхъ скорбящихъ, и, въ первые вкусивъ сладость молитвы, изліянной изъ чистаго, но растерзаннаго сердца, спокойно заснулъ, не заботясь о томъ, что со мною будетъ.

На другой день тюремный сторожъ меня разбудилъ съ объявленіемъ, что меня требуютъ въ коммиссію. Два солдата повели меня черезъ дворъ въ комендантскій домъ, остановились въ передней и впустили одного во внутреннія комнаты.

Я вошелъ въ залу довольно обширную. За столомъ, покрытымъ бумагами, сидѣли два человѣка: пожилой генералъ, виду строгаго и холоднаго, и молодой гвардейскій капитанъ, лѣтъ двадцати осьми, очень пріятной наружности, ловкій и свободный въ обращеніи. У окошка за особымъ столомъ сидѣлъ секретарь съ перомъ за ухомъ, наклонясь надъ бумагою, готовый записывать мои показанія. Начался допросъ. Меня спросили о моемъ имени и званіи. Генералъ освѣдомился, не сынъ ли я Андрея Петровича Гринева? И на отвѣтъ мой возразилъ сурово: «Жаль, что такой почтенный человѣкъ имѣетъ такого недостойнаго сына!» Я спокойно отвѣчалъ, что каковы бы ни были обвиненія, тяготѣющія на мнѣ, я надѣюсь ихъ разсѣять чистосердечнымъ объясненіемъ истины. Увѣренность моя ему не понравилась. «Ты, братъ, востеръ» сказалъ онъ мнѣ нахмурясь; «но видали мы и не такихъ!»

Тогда молодой человѣкъ спросилъ меня: по какому случаю и въ какое время вошелъ я въ службу къ Пугачеву и по какимъ порученіямъ былъ я имъ употребленъ?

Я отвѣчалъ съ негодованіемъ, что я, какъ офицеръ и дворянинъ, ни въ какую службу къ Пугачеву вступать не могъ, и никакихъ порученій отъ него принять не могъ.

«Какимъ же образомъ» возразилъ мой допросчикъ, «дворянинъ и офицеръ одинъ пощаженъ самозванцемъ, между тѣмъ какъ всѣ его товарищи злодѣйски умерщвлены? Какимъ образомъ этотъ самый офицеръ и дворянинъ дружески пируетъ съ бунтовщиками, принимаетъ отъ главнаго злодѣя подарки, шубу, лошадь и полтину денегъ? Отчего произошла такая странная дружба и на чемъ она основана, если не на измѣнѣ, или по крайней мѣрѣ на гнусномъ и преступномъ малодушіи?»

Я былъ глубоко оскорбленъ словами

гвардейскаго офицера, и съ жаромъ началъ свое оправданіе. Я разсказалъ, какъ началось мое знакомство съ Пугачевымъ въ степи, во время бурана, когда при взятіи Бѣлогорской крѣпости онъ меня узналъ и пощадилъ. Я сказалъ, что тулупъ и лошадь, правда, не посовѣстился я принять отъ самозванца; но что Бѣлогорскую крѣпость защищалъ я противу злодѣя до послѣдней крайности. Наконецъ я сослался и на моего генерала, который могъ засвидѣтельствовать мое усердіе во время бѣдственной Оренбургской осады.

ГРИНЕВЪ-ОТЕЦЪ ДОПРАШИВАЕТЪ САВЕЛЬИЧА.

Рисунокъ Павла Соколова.

Строгій старикъ взялъ со стола открытое письмо и сталъ читать его вслухъ:

«На запросъ вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замѣшаннаго въ нынѣшнемъ смятеніи и вошедшаго въ сношенія съ злодѣемъ, службою недозволенныя и долгу присяги противныя, объяснить имѣю честь: оный прапорщикъ Гриневъ находился на службѣ въ Оренбургѣ отъ начала октября прошлаго 1773 года до 24 февраля нынѣшняго года, въ которое число онъ изъ города отлучился, и съ той поры уже въ команду мою не являлся. А слышно отъ перебѣжчиковъ, что онъ былъ у Пугачева въ слободѣ и съ нимъ вмѣстѣ ѣздилъ въ Бѣлогорскую крѣпость, въ коей прежде находился онъ на службѣ; что касается до его поведенія, то я могу...» Тутъ онъ прервалъ свое чтеніе и сказалъ мнѣ сурово: «Что ты теперь скажешь себѣ въ оправданіе?»

Я хотѣлъ-было продолжать, какъ началъ, и объяснить мою связь съ Марьей Ивановной также искренно, какъ и все прочее. Но вдругъ почувствовалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ пришло въ голову, что если назову ее, то коммиссія потребуетъ ее къ отвѣту; и мысль впутать имя ея между гнусными извѣтами злодѣевъ и ее самую привести на очную съ ними ставку—эта ужасная мысль такъ меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшіе, казалось, выслушивать отвѣты мои съ нѣкоторою благосклонностію, были снова предубѣждены противу меня при видѣ моего смущенія. Гвардейскій офицеръ потребовалъ, чтобъ меня поставили на очную ставку съ главнымъ доносителемъ. Генералъ велѣлъ крикнуть *вчерашняго злодѣя*. Я съ живостью обратился къ дверямъ, ожидая появленія своего обвинителя. Черезъ нѣсколько минутъ загремѣли цѣпи, двери отворились, и вошелъ—Швабринъ. Я изумился его перемѣнѣ. Онъ былъ ужасно худъ и блѣденъ. Волосы его, недавно черные какъ смоль, совершенно посѣдѣли; длинная борода была всклокочена. Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, но смѣлымъ голосомъ. По его словамъ, я отряженъ былъ отъ Пугачева въ Оренбургъ шпіономъ; ежедневно выѣзжалъ на перестрѣлки, дабы передавать письменныя извѣстія о всемъ, что дѣлалось въ городѣ; что наконецъ явно передался самозванцу, разъѣзжалъ съ нимъ изъ крѣпости въ крѣпость, стараясь всячески губить своихъ товарищей-измѣнниковъ, дабы занимать ихъ мѣста и пользоваться наградами, раздаваемыми отъ самозванца.—Я выслушалъ его молча и былъ доволенъ однимъ: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнуснымъ злодѣемъ, отъ того ли, что самолюбіе его страдало при мысли о той, которая отвергла его съ презрѣніемъ, отъ того ли, что въ сердцѣ его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать,—какъ бы то ни было, имя дочери Бѣлогорскаго коменданта не было произнесено въ присутствіи коммиссіи. Я утвердился еще болѣе въ моемъ намѣреніи, и когда судьи спросили: чѣмъ могу опровергнуть показанія Швабрина, я отвѣчалъ, что держусь перваго своего объясненія и ничего другаго въ оправданіе себѣ сказать не могу. Генералъ велѣлъ насъ вывести. Мы вышли вмѣстѣ. Я спокойно взглянулъ на Швабрина, но не сказалъ ему ни слова. Онъ усмѣхнулся злобной усмѣшкою, и, приподнявъ свои цѣпи, опе-

редилъ меня и ускорилъ свои шаги. Меня опять отвели въ тюрьму и съ тѣхъ поръ уже къ допросу не требовали.

Я не былъ свидѣтелемъ всему, о чемъ остается мнѣ увѣдомить читателя; но я такъ часто слыхалъ о томъ разсказы, что малѣйшія подробности врѣзались въ мою память, и что мнѣ кажется, будто бы я тутъ же невидимо присутствовалъ.

Марья Ивановна принята была моими родителями съ тѣмъ искреннимъ радушіемъ, которое отличало людей стараго вѣка. Они видѣли благодать Божію въ томъ, что имѣли случай пріютить и обласкать бѣдную сироту. Вскорѣ они къ ней искренно привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшкѣ пустою блажью; а матушка только того и желала чтобъ ея Петрушка женился на милой капитанской дочкѣ.

Слухъ о моемъ арестѣ поразилъ все мое семейство. Марья Ивановна такъ просто разсказала моимъ родителямъ о странномъ знакомствѣ моемъ съ Пугачевымъ, что оно не только не безпокоило ихъ, но еще заставляло часто смѣяться отъ чистаго сердца. Батюшка не хотѣлъ вѣрить, чтобы я могъ быть замѣшанъ въ гнусномъ бунтѣ, коего цѣль была ниспроверженіе престола и истребленіе дворянскаго рода. Онъ строго допросилъ Савельича. Дядька не утаилъ, что баринъ бывалъ въ гостяхъ у Емельки Пугачева, и что-де злодѣй его таки жаловалъ; но клялся, что ни о какой измѣнѣ онъ и не слыхивалъ. Старики успокоились и съ нетерпѣніемъ стали ждать благопріятныхъ вѣстей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но молчала, ибо въ высшей степени одарена была скромностію и осторожностію.

Прошло нѣсколько недѣль ... Вдругъ батюшка получаетъ изъ Петербурга письмо отъ нашего родственника, князя Б. Князь писалъ ему обо мнѣ. Послѣ обыкновеннаго приступа, онъ объявилъ ему, что подозрѣнія насчетъ участія моего въ замыслахъ бунтовщиковъ къ несчастію оказались слишкомъ основательными, что примѣрная казнь должна была бы меня постигнуть, но что Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына, и избавляя его отъ позорной казни, повелѣла только сослать въ отдаленный край Сибири на вѣчное поселеніе.

Сей неожиданный ударъ едва не убилъ отца моего. Онъ лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно нѣмая) изливалась въ горькихъ жалобахъ. «Какъ!» повторялъ онъ, выходя изъ себя. «Сынъ мой участвовалъ въ замыслахъ Пугачева! Боже праведный, до чего я дожилъ! Государыня избавляетъ его отъ казни! Отъ этого развѣ мнѣ легче? Не казнь страшна: пращуръ мой умеръ на лобномъ мѣстѣ, отстаивая то, что почиталъ святынею своей совѣсти; отецъ мой пострадалъ вмѣстѣ съ Волынскимъ и Хрущевымъ. Но дворянину измѣнить своей присягѣ, соединиться съ разбойниками, съ убійцами, съ бѣглыми холопьями!... Стыдъ и срамъ нашему роду!...» Испуганная его отчаяніемъ матушка не смѣла при немъ плакать и старалась возвратить ему бодрость, говоря о невѣрности молвы, о шаткости людскаго мнѣнія. Отецъ мой былъ неутѣшенъ.

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ оправдаться, когда бы только захотѣлъ, она догадывалась объ истинѣ и почитала себя виновницею моего несчастія. Она скрывала отъ всѣхъ свои слезы и страданія, и между тѣмъ непрестанно думала о средствахъ, какъ бы меня спасти.

Однажды вечеромъ батюшка сидѣлъ на диванѣ, перевертывая листы «Придворнаго Календаря»; но мысли его были далеко, и чтеніе не производило надъ нимъ обыкновеннаго своего дѣйствія. Онъ насвистывалъ старинный маршъ. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку и слезы изрѣдка капали на ея работу. Вдругъ Марья Ивановна, тутъ же сидѣвшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляетъ ѣхать въ Петербургъ, и что она проситъ дать ей способъ отправиться. Матушка очень огорчилась. «За чѣмъ тебѣ въ Петербургъ?» сказала она. «Неужь-то, Марья Ивановна, хочешь и ты насъ покинуть?» Марья Ивановна отвѣчала, что вся будущая судьба ея зависитъ отъ этого путешествія, что она ѣдетъ искать покровительства и помощи у сильныхъ людей, какъ дочь человѣка, пострадавшаго за свою вѣрность.

Отецъ мой потупилъ голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступленіе сына, было ему тягостно и казалось колкимъ упрекомъ. «Поѣзжай, матушка!» сказалъ онъ ей со вздохомъ. «Мы твоему счастію помѣхи сдѣлать не хотимъ. Дай Богъ тебѣ въ женихи добраго человѣка, не ошельмованнаго измѣнника.» Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наединѣ съ матушкою, отчасти объяснила ей свои предположенія. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучномъ концѣ замышленнаго дѣла. Марью Ивановну снарядили, и черезъ нѣсколько дней она отправилась въ дорогу съ вѣрной Палашей и съ вѣрнымъ Савельичемъ, который, насильственно разлученный со мною, утѣшался по крайней мѣрѣ мыслію, что служитъ нареченной моей невѣстѣ.

Марья Ивановна благополучно прибыла въ Софію и узнавъ, что дворъ находился въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника, и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ, кого принимала вечеромъ,— словомъ разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день рано утромъ Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъподъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только-что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка Англійской породы залаяла и побѣжала ей навстрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ». И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла; а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей, казалось, лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ, я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы такъ еще молоды.»

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь, конечно, по какимъ-нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самаго, что былъ комендантомъ въ одной изъ Оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута.—«Извините меня» сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и, можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.»

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила.

Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ; но вдругъ лице ея перемѣнилось,—и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.»

— Ахъ, неправда!— вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ неправда!» возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей-Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня.—Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ. «Гдѣ вы остановились?» спросила она потомъ; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.»

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чая только было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и каммеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи!» закричала она. «Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете.... Не проводить ли мнѣ васъ? Все-таки я васъ хоть въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?» — Каммеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна, и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежь. Она прошла длинный рядъ пустыхъ великолѣпныхъ комнатъ; каммеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла держаться на ногахъ. Чрезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснилась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.»

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты» сказала она; «но я не въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состояніе.»

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенія, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинціальной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню....

Здѣсь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Изъ семейственныхъ преданій извѣстно, что онъ былъ освобожденъ отъ заключенія въ концѣ 1774 года, по именному повелѣнію; что онъ присутствовалъ при казни Пугачева, который узналъ его въ толпѣ и кивнулъ ему головою, которая черезъ минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскорѣ потомъ Петръ Андреевичъ женился на Марьѣ Ивановнѣ. Потомство ихъ бла-

годенствуетъ въ Симбирской Губерніи.— Въ тридцати верстахъ отъ *** находится село, принадлежащее десятерымъ помѣщикамъ. Въ одномъ изъ барскихъ флигелей показываютъ письмо Екатерины II за стекломъ и въ рамкѣ. Оно писано къ отцу Петра Андреевича и содержитъ оправданіе его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была намъ отъ одного изъ его внуковъ, который узналъ, что мы заняты были трудомъ, относящимся ко временамъ, описаннымъ его дѣдомъ. Мы рѣшились, съ разрѣшенія родственниковъ, издать ее особо, приискавъ къ каждой главѣ приличный эпиграфъ и дозволивъ себѣ перемѣнить нѣкоторыя собственныя имена.

Издатель.

МАША МИРОНОВА и ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА.

Рисунокъ Павла Соколова.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ XIII [1]).

Зуринъ получилъ повелѣніе переправиться черезъ Волгу и спѣшить къ Симбирску, гдѣ уже разгоралось пламя пожара. Мысль, что можетъ быть удастся мнѣ заѣхать къ намъ въ деревню, обнять родителей и увидѣться съ Марьей Ивановной, одушевила меня радостью. Я прыгалъ какъ ребенокъ и повторялъ, обнимая Зурина: «Въ Симбирскъ! въ Симбирскъ!» Зуринъ вздыхалъ и говорилъ, пожимая плечами: «Нѣтъ, тебѣ не сдобровать. Женишься, ни за что пропадешь!....»

Мы приближались къ берегамъ Волги; полкъ нашъ вступилъ въ деревню** и остановился въ ней ночевать. На другой день утромъ мы должны были переправиться. Староста объявилъ мнѣ, что на той сторонѣ всѣ деревни взбунтовались, шайки Пугачевскія бродятъ вездѣ.

Это извѣстіе меня сильно встревожило. Нетерпѣніе овладѣло мною и не давало мнѣ покою. Деревня отца моего находилась въ 30 верстахъ по ту сторону рѣки. Я спросилъ, не сыщется ли перевощика. Всѣ крестьяне были рыболовы; лодокъ много. Я пришелъ къ Зурину и объявилъ ему о своемъ намѣреніи.—Берегись, сказалъ онъ мнѣ. Одному ѣхать опасно. Дождись утра. Мы переправимся первые и пріѣдемъ въ гости къ твоимъ родителямъ съ 50 гусарами на всякой случай.

Я настоялъ на своемъ. Лодка была готова. Я сѣлъ въ нее съ двумя гребцами. —Они отчалили и ударили въ весла.

Небо было [ясно?] Луна сіяла.—Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка плавно качаясь скользила по поверхности темныхъ волнъ. Прошло около получаса. Я погрузился въ мечты воображенія: (спокойствіе природы и ужасы политическіе,) любовь etc. Мы достигли средины рѣки.... Вдругъ гребцы начали шептаться между собою.—Что такое, спросилъ я, очнувшись.—Не знаемъ, Богъ вѣсть, отвѣчали гребцы, смотря въ одну сторону. Глаза мои приняли то же направленіе, и я увидѣлъ въ сумракѣ что-то плывшее внизъ по Волгѣ. Незнакомый предметъ приближался. Я велѣлъ гребцамъ остановиться и дождаться. Луна зашла за облако. Плывучій призракъ сдѣлался еще темнѣе. Онъ былъ отъ меня уже близко, и я все еще не могъ его различить. Что бы это было, говорили гребцы. Парусъ не парусъ, мачты не мачты. Вдругъ луна вышла изъ-за облака и озарила зрѣлище ужасное. Къ намъ навстрѣчу плыла висѣлица утвержденная на плоту. 3 тѣла висѣли на перекладинѣ. Болѣзненное любопытство овладѣло мною.—Я захотѣлъ взглянуть на лица висѣльниковъ. По моему приказанію гребцы зацѣпили плотъ багромъ, и лодка моя толкнулась о плывучую висѣлицу. Я выпрыгнулъ и очутился между ужасными столбами. [Полная?] луна озаряла обезображенныя лица нещастныхъ. Одинъ изъ нихъ былъ старый чувашъ, другой—русскій крестьянинъ, сильный и здоровый малый лѣтъ 20-ти. Взглянувъ на третьяго, я сильно былъ пораженъ и не могъ удержаться отъ жалобнаго восклицанія: это былъ Ванька, бѣдный мой Ванька, по-глупости своей приставшій къ Пугачеву. Надъ ними прибита была черная доска, на которой бѣлыми крупными словами было написано: *Воры и бунтовщики.* Гребцы единодушно ожидали меня, удерживая плотъ багромъ. Я прыгнулъ опять въ лодку.

Плотъ поплылъ внизъ по рѣкѣ. Висѣлица долго чернѣла во мракѣ. Наконецъ она исчезла, лодка моя пристала къ высокому и крутому берегу...

Я щедро разплатился съ гребцами. Одинъ изъ нихъ привелъ меня къ выборному деревни, находившейся у перевоза. Я вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ избу. Выборный, услышавъ, что я требую лошадей, принялъ было меня довольно грубо, но мой вожатый сказалъ ему тихо нѣсколько словъ, и его суровость тотчасъ обратилась въ торопливую услужливость. Въ одну минуту тройка была готова. Я сѣлъ въ тележку—и велѣлъ себя везти въ нашу деревню.

Я скакалъ по большой дорогѣ мимо спящихъ деревень. Я боялся одного: быть остановлену на дорогѣ. Если ночная встрѣча моя на Волгѣ доказывала присутствіе бунтовщиковъ, то она вмѣстѣ была доказатель-

---

[1]) При окончательной отдѣлкѣ «Капит. Дочки» Пушкинъ выбросилъ эту главу, гдѣ сдѣлана попытка затронуть соціальную сторону пугачевскаго бунта. Въ подлинникѣ Гриневъ названъ *Буланинымъ*, а Зуринъ — *Гриневымъ*, но для единообразія мы называемъ дѣйствующихъ лицъ именами окончательной редакціи. *С. В.*

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Гравюра Уткина.

ствомъ и сильнаго противодѣйствія правительства. На всякой случай я имѣлъ въ карманѣ пропускъ, выданный мнѣ Пугачевымъ, и приказъ полковника Зурина. Но никто мнѣ не встрѣчался, и къ утру я завидѣлъ рѣку и еловую рощу, за которой находилась наша деревня. Ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и черезъ четверть часа я выѣхалъ въ**. Барскій домъ находился на другомъ концѣ села. Лошади мчались во весь духъ. Вдругъ посреди улицы ямщикъ началъ ихъ удерживать.—Что такое? спросилъ я съ нетерпѣніемъ. Застава, баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, съ трудомъ остановя разъяренныхъ коней. Въ самомъ дѣлѣ, я увидѣлъ рогатку и караульнаго съ дубиною. Мужикъ подошелъ ко мнѣ и снялъ шляпу, спрашивая пашпорту.—Что это значитъ, спросилъ я его. Зачѣмъ здѣсь рогатка? Кого ты караулишь?—Да мы, батюшка, бунтуемъ, отвѣчалъ онъ почесываясь— А гдѣ ваши господа? спросилъ я съ сердечнымъ замираніемъ.

Господа-то наши гдѣ? повторилъ мужикъ. Господа наши въ хлѣбномъ анбарѣ.

Какъ въ анбарѣ?—Да Андрюха—земскій посадилъ, вишь, ихъ въ колодки—и хочетъ везти къ Батюшкѣ-Государю! Боже мой! Отворачивай, дуракъ, рогатку. Что же ты зѣваешь?

Караульный медлилъ. Я выскочилъ изъ телеги, треснулъ его (виноватъ) въ ухо—и самъ отодвинулъ рогатку. Мужикъ мой глядѣлъ на меня съ глупымъ недоумѣніемъ. Я сѣлъ опять въ телегу и велѣлъ скакать къ барскому дому. Хлѣбный анбаръ находился на дворѣ. У запертыхъ дверей стояли два мужика съ дубинами.—Телега остановилась прямо передъ ними.—Я выскочилъ и бросился прямо на нихъ.—Отворяй двери! сказалъ я имъ.—Вѣроятно, видъ мой былъ страшенъ; по крайней мѣрѣ, оба убѣжали бросивъ дубины. Я попытался сбить замокъ съ двери, выломать;—но двери были дубовыя, а огромный замокъ несокрушимъ. Въ эту минуту молодой мужикъ вышелъ изъ людской избы и съ видомъ надменнымъ спросилъ меня, какъ я смѣю буянить. Гдѣ Андрюшка земскій, закричалъ я ему. Кликнуть его ко мнѣ!

— Я самъ Андрей Аѳанасьевичь, а не Андрюшка», отвѣчалъ онъ мнѣ гордо подбочась. Чего надобно?

Вмѣсто отвѣта я схватилъ его за шиворотъ и, притащивъ къ дверямъ анбара, велѣлъ ихъ отпирать. Земскій было заупрямился, но *отеческое* наказаніе подѣйствовало и на него. Онъ вынулъ ключь и отперъ анбаръ.—Я кинулся черезъ порогъ—и въ темномъ углу, слабо освѣщенномъ узкимъ отверстіемъ, прорубленнымъ въ потолкѣ,—увидѣлъ мать и отца. Руки ихъ были связаны,—на ноги набиты были колодки. Я бросился ихъ обнимать и не могъ выговорить ни слова. Оба смотрѣли на меня съ изумленіемъ—3 года военной жизни такъ измѣнили меня, что они не могли узнать меня.

Вдругъ услышалъ я милый, знакомый голосъ. Петръ Андр[еичь]! Это вы?... Я оглянулся—и вижу въ другомъ углу Марью Ивановну, также связанную. Я остолбенѣлъ. Отецъ глядѣлъ на меня молча—не смѣя вѣрить самому себѣ. Радость блистала на лицѣ его. Здравствуй, здравствуй, Петруша, говорилъ онъ, прижимая меня къ сердцу. Слава Богу, дождались тебя... Матушка ахнула и залилась слезами. Петруша, другъ мой, говорила матушка. Какъ тебя Господь привелъ? Здоровъ ли ты?

Я спѣшилъ саблею разрѣзать узлы ихъ веревокъ и вывести ихъ изъ заключенія;—но, подошедъ къ двери, я нашелъ ее снова запертою. Андрюшка, закричалъ я, отопри. Какъ не такъ, отвѣчалъ изъ-за двери земскій. Сиди-ка самъ сдѣсь, Вотъ, ужо научимъ тебя буянить да за воротъ таскать Государевыхъ чиновниковъ»!

Я сталъ осматривать анбаръ ища не было ли какого-нибудь способа выбраться. Не трудись, сказалъ мнѣ батюшка. Не таковскій и хозяинъ, чтобъ можно было въ анбары мои входить и выходить воровскими лазейками. Матушка, на минуту обрадованная моимъ появленіемъ, была въ отчаяніе, видя, что пришлось и мнѣ раздѣлить погибель всей семьи. Но я былъ спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ находился съ ними и съ М[арьеѣ] Ив[ановной]. Со мною была сабля и два пистолета: я могъ еще выдержать осаду. Зуринъ долженъ былъ подоспѣть къ вечеру и насъ освободить. Я сообщилъ все это моимъ родителямъ и успѣлъ успокоить матушку и (Марью Ивановну). Онѣ предались вполнѣ радости свиданія, (и нѣсколько часовъ прошли для насъ незамѣтно во взаимныхъ ласкахъ и непрерывныхъ разговорахъ).

Ну Петръ, сказалъ мнѣ отецъ, довольно ты проказилъ и я на тебя порядкомъ былъ сердитъ. Но нечего поминать про старое. Надѣюсь, что теперь ты исправился, и перебѣсился. Знаю, что ты служилъ какъ надлежитъ честному офи-

церу. Спасибо. Утѣшилъ меня старика. Коли тебѣ обязанъ я буду избавленіемъ, то жизнь мнѣ вдвое будетъ пріятнѣе. Я со слезами цѣловалъ его руку и глядѣлъ на М[арью] Ив[ановну], которая была такъ обрадована моимъ присутствіемъ, что казалась совершенно щастлива и спокойна.

Около полудни услышали мы необычайный шумъ и крики. Что это значитъ, сказалъ отецъ. Ужь не твой ли полковникъ подоспѣлъ? Невозможно, отвѣчалъ я: онъ не будетъ прежде вечера. Шумъ умножался. Били въ набатъ.—По двору скакали конные люди. Въ эту минуту въ узкое отверстіе прорубленное въ стѣнѣ просунулась сѣдая голова Савельича, и мой бѣдный дядька, произнесъ жалостнымъ голосомъ: Андрей Петровичь! Батюшка ты мой, Петръ Андреичь! Марья Ивановна! Бѣда! Злодѣи вошли въ село. И знаешь ли, Петръ Андреичъ, кто ихъ привелъ? Швабринъ Алексѣй Иванычь, нелегкое его побери!

Услыша ненавистное имя, Мар[ья] Ив[ановна] всплеснула руками и осталась неподвижною. Послушай, сказалъ я Савельичу, «пошли кого нибудь верьхомъ къ перевозу, навстрѣчу гусарскому полку, и вели дать знать полковнику объ нашей опасности.

— Да кого же послать, сударь? Всѣ мальчишки бунтуютъ а лошади всѣ захвачены. Ахти! Вотъ ужъ на дворѣ! До анбара добираются.

Въ это время за дверью раздалось нѣсколько голосовъ.—Я далъ знакъ матушкѣ и Мар[ьѣ] Ив[ановнѣ] удалиться въ уголъ, обнажилъ саблю и прислонился къ стѣнѣ у самой двери. Батюшка взялъ пистолеты, на обоихъ взвелъ курокъ и сталъ подлѣ меня. Загремѣлъ замокъ, дверь отворилась и голова земскаго показалась.—Я ударилъ по ней саблею, и онъ упалъ, загородивъ входъ. Въ ту же минуту батюшка выстрѣлилъ въ двери изъ пистолета. Толпа осаждавшая насъ отбѣжала съ проклятіями. Я перетащилъ черезъ порогъ раненаго и заперъ дверь внутреней петлею.

Дворъ былъ полонъ вооруженныхъ людей.—Между ними узналъ я Швабрина.—Не бойтесь, сказалъ я женщинамъ:—есть надежда. А вы, батюшка, уже болѣе не стрѣляйте. Побережемъ послѣдній зарядъ.

Матушка молча молилась Богу. Марья Ив[ановна] стояла подлѣ нея съ Ангельскимъ спокойствіемъ ожидая рѣшенія судьбы своей. За дверьми раздавались угрозы, брань и проклятія. Я стоялъ на своемъ мѣстѣ готовый изрубить перваго смѣльчака.—Вдругъ злодѣи замолчали. Я услышалъ голосъ Швабрина, зовущаго меня по имени.

Я здѣсь. Чего ты хочешь.

Сдайся, Гриневъ: противиться напрасно. Пожалѣй своихъ стариковъ. Упрямствомъ себя не спасешь.—Я до васъ доберусь!

Попробуй, измѣнникъ!—

Не стану ни самъ соваться по пустому ни своихъ людей тратить. А велю поджечь анбаръ, и тогда посмотримъ, что ты станешь дѣлать, Донъ-Кишотъ Бѣлогорскій. Теперь пора обѣдать. Покамѣстъ сиди да думай на досугѣ. До свиданья! Марья Ивановна, не извиняюсь передъ вами: Вамъ, вѣроятно, не скучно въ потемкахъ съ вашимъ рыцаремъ—

Швабринъ удалился, оставя караулъ у анбара. Мы молчали. Каждый изъ насъ думалъ про себя, не смѣя сообщить другому своихъ мыслей.—Я воображалъ себѣ все что въ состояніи былъ учинить озлобленный Швабринъ. О себѣ я почти не заботился. Признаться ли? И участь родителей моихъ не столько ужасала меня, какъ судьба Ма[рьи] Ив[ановны]. Я зналъ, что матушка была обожаема крестьянами и дворовыми людьми, батюшка, не смотря на свою строгость, былъ также любимъ, ибо былъ справедливъ и зналъ истинныя нужды подвластныхъ ему людей. Бунтъ ихъ былъ заблужденіе, мгновенное пьянство, а не изъявленіе ихъ негодованія. Тутъ пощада была вѣроятна. Но Мар[ья] Ив[ановна?] Какую участь готовилъ ей безсовѣстный и развратный человѣкъ! Я не смѣлъ останавливаться на этой ужасной мысли и готовился, прости Господи, умертвить ее скорѣе нежели вторично увидѣть въ рукахъ жестокаго недруга.

Прошло еще около часа. Въ деревнѣ раздавались пѣсни пьяныхъ. Караульные наши имъ завидовали и, досадуя на насъ, ругались и стращали насъ истязаніями и смертію.—Мы ожидали послѣдствія угрозамъ Швабрина. Наконецъ сдѣлалось большое движеніе на дворѣ и мы опять услышали голосъ Швабрина.

— Что, надумались ли вы? Сдаетесь ли добровольно въ мои руки?

Никто не отвѣчалъ.

Подождавъ немного, Швабринъ велѣлъ принести соломы.—Черезъ нѣсколько минутъ вспыхнулъ огонь и освѣтилъ темный анбаръ. Дымъ началъ пробиваться изъ подъ щелей порога.

ПЛОВУЧАЯ ВИСЬЛИЦА.
Рис. Н. Каразина.

Тогда Марья Ив[ановна]подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала: Полно, П[етръ] Андр[ечь]! Не губите за меня—и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!

Ни за что! Закричалъ я съ сердцемъ. Знаете ли вы, что васъ ожидаетъ.

Безчастія не переживу, отвѣчала она спокойно. Но, можетъ быть, я спасу моего избавителя и семью которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Пе[тровичь]! Прощайте *** Вы были для меня болѣе чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, [Петръ Андреичь]. Будьте увѣрены, что... что... Тутъ она заплакала... и закрыла лице руками... Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

Полно врать, Марья Ив[ановна], сказалъ мой отецъ. Кто тебя пуститъ одну къ разбойникамъ? Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужь вмѣстѣ. Слушай!— Что тамъ еще говорятъ?

Сдаетесь ли? кричалъ Швабринъ. Видите, черезъ 5 минутъ васъ изжарятъ.

— Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему батюшка твердымъ голосомъ. Бодрое лицо его, покрытое морщинами, оживлено было удивительно. Глаза сверкали изъ-подъ сѣдыхъ бровей. — И обратясь ко мнѣ, сказалъ: Теперь пора!—

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и взвился по бревнамъ, законопаченнымъ сухимъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: За мной. — Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Шв[абринъ], прострѣленный дряхлою рукою отца моего; толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободрилась и начала насъ окружать. Я успѣлъ нанести еще нѣсколько ударовъ; но кирпичь, удачно брошенный, угодилъ мнѣ прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту лишился чувствъ; меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ все наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки.—Толпа крестьянъ, казаковъ и Башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукой прижималъ онъ раненый бокъ. Лице его изображало мученіе и злобу. Онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ: Вѣшать его... и всѣхъ... кромѣ ея...

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота въѣхалъ Зуринъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями на-голо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Зуринъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку. Къ стати же я подоспѣлъ, сказалъ онъ намъ. А вотъ и твоя невѣста. Марья Ив[ановна] покраснѣла по уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя Ангеломъ-избавителемъ. Милости просимъ къ намъ, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабрина, Зуринъ остановился. Это кто спросилъ онъ, глядя на раненаго. Это самъ предводитель шайки, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина. Богъ помогъ мнѣ, дряхлой рукѣ моей наказать моего злодѣя и отомстить ему за кровь моего сына». — Это Швабринъ, сказалъ я Зурину.

Швабринъ! Очень радъ. Гусары, возьмите его! Да сказать лекарю, чтобъ онъ перевязалъ ему рану и берегъ его какъ зѣницу ока. Швабрина надобно непремѣнно представить въ секретную казанскую коммиссію. Онъ одинъ изъ главныхъ преступниковъ, и показанія его должны быть важны!

Швабринъ открылъ томный взглядъ. На лицѣ его ничего не изображалось кромѣ физической муки. Гусары отнесли его на плащѣ.

Мы вышли въ комнаты. Съ трепетомъ смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая свои младенческіе годы. Ничто въ домѣ не измѣнилось, все было на прежнемъ мѣстѣ: Швабринъ не дозволилъ его разграбить, сохраняя въ самомъ своемъ униженіи невольное отвращеніе отъ безчестнаго корыстолюбія.—

Слуги явились въ переднюю. Они не участвовали въ бунтѣ, и отъ чистаго сердца радовались нашему избавленію. Савельичь торжествовалъ. Надобно знать, что во время тревоги произведенной нападеніемъ разбойниковъ, онъ побѣжалъ въ конюшню, гдѣ стояла лошадь Швабрина, осѣдлалъ ее, вывелъ тихонько и, благодаря суматохѣ,

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА.
Рис. Шарлемань.

Тогда Марья Ив[ановна] подошла ко мнѣ и тихо, взявъ меня за руку, сказала: Полно, П[етръ] Андр[ечь]! Не губите за меня—и себя, и родителей. Швабринъ меня послушаетъ. Выпустите меня!

Ни за что! Закричалъ я съ сердцемъ. Знаете ли вы, что васъ ожидаетъ.

Безчастія не переживу, отвѣчала она [illegible]. Но, можетъ быть, я спасу моего [illegible] и семью которая такъ великодушно призрѣла мое бѣдное сиротство. Прощайте, Андрей Петровичь]! Прощайте [illegible] Вы были для меня болѣе чѣмъ благодѣтели. Благословите меня. Простите же и вы, [Петръ Андреичь]. Будьте увѣрены, что... [illegible] Тутъ она заплакала... и закрыла лице руками. Я былъ какъ сумасшедшій. Матушка плакала.

[illegible] Марья Ив[ановна], сказалъ мой отецъ. Кто тебя пустилъ одну къ разбойникамъ? Сиди здѣсь и молчи. Умирать, такъ умирать ужь вмѣстѣ. Слушай!— Что тамъ еще говорятъ?

Сдаетесь ли? кричалъ Швабринъ. Видите, черезъ 5 минутъ васъ [illegible]

Не сдадимся, злодѣй! отвѣчалъ ему [illegible] [illegible] удивительно. Глаза сверкали изъ подъ сѣдыхъ бровей. — И обратясь ко мнѣ, сказалъ: Теперь пора!—

Онъ отперъ двери. Огонь ворвался и [illegible] химъ мохомъ. Батюшка выстрѣлилъ, шагнулъ за пылающій порогъ и закричалъ: За мной. — Я взялъ за руки матушку и Марью Ивановну и быстро вывелъ ихъ на воздухъ. У порога лежалъ Шв[абринъ], простреленный дряхлою рукою отца моего: толпа разбойниковъ, бѣжавшая отъ неожиданной нашей вылазки, тотчасъ ободрилась и начала насъ окружать. Я успѣлъ [illegible] еще нѣсколько ударовъ; но кир[illegible] прямо въ грудь. Я упалъ и на минуту ли[illegible] меня обступили и обезоружили. Пришедъ въ себя, увидѣлъ я Швабрина, сидѣвшаго на окровавленной травѣ, и передъ нимъ все наше семейство.

Меня поддерживали подъ руки.—Толпа крестьянъ, казаковъ и Башкирцевъ окружала насъ. Швабринъ былъ ужасно блѣденъ. Одной рукой прижималъ онъ раненый бокъ. Лице его изображало мученіе и злобу. Онъ медленно поднялъ голову, взглянулъ на меня и произнесъ слабымъ и невнятнымъ голосомъ: Вѣшать его [illegible] всѣхъ... кромѣ ея...

Толпа тотчасъ окружила насъ и потащила къ воротамъ. Но вдругъ они насъ оставили и разбѣжались: въ ворота въѣхалъ Зуринъ и за нимъ цѣлый эскадронъ съ саблями на-голо.

Бунтовщики утекали во всѣ стороны. Гусары ихъ преслѣдовали, рубили и хватали въ плѣнъ. Зуринъ соскочилъ съ лошади, поклонился батюшкѣ и матушкѣ и крѣпко пожалъ мнѣ руку. Къ стати же я подоспѣлъ, сказалъ онъ намъ. А вотъ и твоя невѣста. Марья Ив[ановна] покраснѣла по уши. Батюшка къ нему подошелъ и благодарилъ его съ видомъ спокойнымъ хотя и тронутымъ. Матушка обнимала его, называя Ангеломъ-избавителемъ. Милости просимъ къ намъ, сказалъ ему батюшка и повелъ его къ намъ въ домъ.

Проходя мимо Швабрина, Зуринъ остановился. Это кто спросилъ онъ, глядя на раненаго. Это самъ предводитель шайки, отвѣчалъ мой отецъ съ нѣкоторою гордостью, обличающей стараго воина. [illegible] рукѣ моей [illegible] и отомстить ему за кровь [illegible] — Это Швабринъ, сказалъ [illegible]

Швабринъ! Очень рядъ Гусары, возьмите его! Да сказать [illegible] онъ перевязалъ ему [illegible] какъ зѣницу ока. [illegible] непремѣнно представить въ секретную казанскую коммиссію. Онъ одинъ [illegible] преступниковъ, и [illegible] должны быть важны!

Швабринъ открылъ [illegible] На лицѣ его ничего не [illegible] кромѣ физической муки. Гусары [illegible] его на плащѣ.

Мы вышли въ комнаты. Съ [illegible] смотрѣлъ я вокругъ себя, припоминая [illegible] младенческіе годы. Ничто въ домѣ [illegible] мѣнилось, все было на прежнемъ [illegible] Швабринъ не дозволилъ его [illegible] сохраняя въ самомъ своемъ [illegible] вольное отвращеніе отъ безчестнаго [illegible] столюбія.—

Слуги явились въ переднюю [illegible] участвовали въ бунтѣ, и отъ ч[illegible] радовались нашему избавленію. [illegible] торжествовалъ. Надобно знать, что [illegible] тревоги произведенной нападе[illegible] бойниковъ, онъ побѣжалъ въ [illegible] гдѣ стояла лошадь Шваб[illegible] вывелъ тихонько и, бла[illegible]

Лит. К. Кадушина. СПБ

незамѣтнымъ образомъ поскакалъ къ перевозу. Онъ встрѣтилъ полкъ, отдыхавшій уже по сю сторону Волги. Зуринъ узнавъ отъ него объ нашей опасности, велѣлъ садиться, скомандовалъ маршъ-маршъ, въ галопъ—и слава Богу, прискакалъ во время.

Зуринъ настоялъ на томъ, чтобы голова земскаго была на нѣсколько часовъ выставлена на шестѣ у кабака.

Гусары возвратились съ погони захватя въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ.—Ихъ заперли въ тотъ самый анбаръ, въ которомъ выдержали мы достопамятную осаду. Мы разошлись каждый по своимъ комнатамъ. Старикамъ нуженъ былъ отдыхъ. Не спавши цѣлую ночь, я бросился на постель и крѣпко заснулъ. Зуринъ пошелъ дѣлать свои распоряженія.

Вечеромъ мы соединились въ гостиной около самовара, весело разговаривая о минувшей опасности. Ма]рья] Ив[ановна] разлива чай. Я сѣлъ подлѣ нее и занялся ею исключительно. Родители мои, казалось, благосклонно смотрѣли на нѣжность нашихъ отношеній. Доселѣ этотъ вечеръ живетъ въ моемъ воспоминаніи.—Я былъ щастливъ, щастливъ совершенно;—а много ли такихъ минутъ въ бѣдной жизни человѣческой?

На другой день доложили батюшкѣ, что крестьяне явились на барскій дворъ съ повинною. Батюшка вышелъ къ нимъ на крыльцо. При его появленіи мужики стали на колѣни. Ну, что, дураки, сказалъ онъ имъ. Зачѣмъ вы вздумали бунтовать?—

Виноваты, Государь ты нашъ, отвѣчали они въ [одинъ] голосъ. То-то виноваты, напроказятъ, да и сами не рады—Прощаю васъ для радости, что Богъ привелъ меня свидѣться съ сыномъ П[етромъ] Андре[евичемъ]. Ну, добро: повинную голову мечь не сѣчетъ.—Виноваты; конечно виноваты. Богъ даетъ вёдро, пора лы сѣно убирать;—а вы дурачье цѣлые три дня что дѣлали? Староста! Нарядитъ поголовно на сѣнокосъ; да смотри, рыжая бестія, чтобъ у меня къ Иванову дню все сѣно было въ копнахъ! Убирайтесь.

Мужики поклонились и пошли на барщину какъ ни въ чемъ не бывало.

Рана Шв[абрина] оказалась не смертельна. Его съ конвоемъ отправили въ Казань. Я видѣлъ изъ окна, какъ его уложили въ телегу. Взоры наши встрѣтились, онъ потупилъ голову, а я отошелъ поспѣшно отъ окна, я боялся показать видъ, что торжествую надъ уничиженіемъ и нещастіемъ недруга.

Зуринъ долженъ былъ отправиться далѣе. Я рѣшился за нимъ послѣдовать, не смотря на мое желаніе пробыть еще нѣсколько дней посреди моего семейства. Наканунѣ похода я пришелъ къ моимъ родителямъ и по тогдашнему обыкновенію поклонился имъ въ ноги, прося ихъ благословенія на бракъ съ Марьею Ив[ановной]. Старики меня подняли и въ радостныхъ [слезахъ?] изъявили свое согласіе.—Я привелъ къ нимъ Марью Ив[ановну], блѣдную и трепещущую. — Насъ благословили... Что чувствовалъ я, того не стану описывать. Кто бывалъ въ моемъ положеніи, тотъ и безъ того меня поймет, кто не бывалъ, о томъ я только могу пожалѣть и совѣтовать, [пока?] еще время не ушло, влюбиться и получить отъ родителей благословеніе.

На другой день полкъ собрался. Зуринъ простился съ нашимъ семействомъ. Всѣ мы были увѣрены, что военныя дѣйствія скоро будутъ прекращены; черезъ мѣсяцъ я надѣялся быть супругомъ. Марья Ив[ановна], прощаясь со мною, поцѣловала меня при всѣхъ.—Я сѣлъ въ кибитку. Савельичь опять за мною послѣдовалъ, и полкъ ушелъ. Долго смотрѣлъ я издали на сельскій домъ, опять мною покидаемый. Мрачное предчувствіе тревожило меня. Кто-то мнѣ шепталъ, что не всѣ нещастія для меня миновались. Сердце чуяло новую бурю.

Не стану описывать нашего похода и окончанія Пугачевской войны. Мы проходили черезъ селенія разоренныя Пугачевымъ, и поневолѣ отбирали у бѣдныхъ жителей то, что оставлено было имъ разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правленіе было всюду прекращено. Помѣщики укрывались по лѣсамъ.—Шайки разбойниковъ злодѣйствовали повсюду. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ посланныхъ въ погоню за Пугачевымъ тогда уже бѣгущимъ къ Астрахани, самовластно наказывали виноватыхъ и безвинныхъ... Состояніе всего края, гдѣ свирѣпствовалъ пожаръ, было ужасно. Не приведи Богъ видѣть русской бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ жестокосердые, коимъ и своя шейка копѣйка, а чужая головушка полушка.—

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

I.

Къ послѣднему періоду дѣятельности Пушкина относится рядъ произведеній, въ которыхъ онъ стремится проникнуть въ духъ античнаго міросозерцанія, античныхъ идеаловъ жизни.

Въ самомъ Пушкинѣ было не мало чертъ, напоминавшихъ эти идеалы античнаго міра: гармоническая уравновѣшенность, неисчерпаемая любовь къ радостямъ бытія, культъ внѣшней красоты. Въ увлеченіи классической поэзіей Андрэ Шенье и творчествомъ Шекспира, поэта, впитавшаго въ себя всѣ вѣянья Возрожденія, въ преклоненіи передъ Петромъ Великимъ и Наполеономъ, въ цѣломъ рядѣ созданій, исполненныхъ классической ясности и соразмѣрности, Пушкинъ выразилъ античную сторону своей души. Но въ существѣ Пушкина была и другая сторона, та, которая дала ему возможность создать образы Стараго Цыгана, Татьяны, Тазита, героевъ «Повѣстей Бѣлкина», которая въ концѣ жизни заставила его обратиться къ Библіи, къ Евангелію, къ вопросамъ христіанской мистики, и лирическимъ выраженіемъ которой были такіе стихи, какъ «Отцы-пустынники и жены непорочны», Когда великое свершалось торжество», «Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ»... Эта сторона души дѣлала Пушкина чуждымъ античнымъ идеаламъ, враждебнымъ имъ.

Къ античному искусству Пушкинъ всегда относился съ величайшимъ уваженіемъ. «Каждый образованный европеецъ, — писалъ онъ (1834 г.),—долженъ имѣть достаточное понятіе о безсмертныхъ созданіяхъ величавой древности». Но нѣсколько разъ онъ повторялъ, что идеалы древности уже не могутъ быть нашими идеалами. Всего опредѣленнѣе выразилъ Пушкинъ это свое мнѣніе въ замѣчаніяхъ на предисловіе Полевого къ его «Исторіи» (1830 г.): «Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ... Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима, — исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его!» Въ другомъ мѣстѣ (1832 г.), разбирая книгу А. Н. Муравьева «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ», Пушкинъ противопоставилъ «святой храмъ, нынѣ забытый христіанской Европой»,—«суетнымъ развалинамъ Парѳенона и Ликея».

Однако, именно въ послѣдніе годы жизни, когда имъ все болѣе и болѣе овладѣвали настроенія христіанской мистики, когда Жуковскій говорилъ о немъ: «Онъ гораздо болѣе вѣрующій, нежели я»,—Пушкинъ съ особымъ вниманіемъ обратился къ изученію древняго міра. Въ эти годы Пушкинъ дѣлаетъ рядъ переводовъ изъ древнихъ писателей: изъ Аѳенея, Іона Хіосскаго, Ксенофона Колофонскаго, Анакреона, Горація, Катулла... Въ своихъ собственныхъ созданіяхъ онъ все охотнѣе начинаетъ пользоваться пріемами антологической поэзіи и древними метрами. Онъ задумываетъ цѣлую повѣсть изъ древнеримскаго быта, изъ которой дошло до насъ нѣсколько набросанныхъ отрывковъ («Цесарь путешествовалъ» и др.). Наконецъ, онъ возвращается къ отрывку изъ поэмы о Клеопатрѣ, написанному имъ еще въ 1824—5 г., и хочетъ придать ему новый смыслъ, введя его въ разсказъ изъ современной жизни.

II.

По опредѣленію Анненкова, Пушкинъ въ «Египетскихъ Ночахъ» «изъ противоположности понятій, какая должна была оказаться между взглядомъ древнихъ на извѣстный предметъ и нынѣшними требованіями вкуса и приличій, хотѣлъ извлечь сильный романическій эффектъ». Можетъ

быть мы будемъ ближе къ истинѣ, если выразимъ мысль Анненкова проще, сказавъ, что Пушкинъ въ «Египетскихъ Ночахъ» хотѣлъ сопоставить два міра, два міросозерцанія—древнее и современное.

Сопоставленіе начинается уже съ описанія самой внѣшности, той обстановки, въ которой совершаются сцены міра древняго и сцены современной жизни. Въ древности Пушкинъ видитъ «пышный пиръ» въ чертогахъ царицы:

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу...

Въ современности этому соотвѣтствуетъ: «Подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двѣнадцать рядовъ... Зала была освѣщена; у дверей, передъ столикомъ для продажи и пріема билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина... У подъѣзда стояли жандармы... Въ половинѣ осьмого музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли»...

Надъ сценами древняго міра господствуетъ образъ «гордой» Царицы. Она знаетъ, что «сердца несутся къ ея престолу» и спокойно принимаетъ это поклоненіе. «Съ видомъ яснымъ» говоритъ она своимъ поклонникамъ:—

Въ моей любви для васъ блаженство,

и съ тѣмъ же «видомъ яснымъ», громко на пиру разсказываетъ всѣмъ о тѣхъ «тайнахъ лобзанья», о той «нѣгѣ дивной», которыми она сладострастно утолитъ желанья своихъ мгновенныхъ властителей. Къ вопросамъ смерти и страсти подступаетъ она съ простотой существа цѣльнаго и сильнаго. Бросивъ свой «вызовъ наслажденья»:

. . . Кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?

она съ «высокомѣрнымъ презрѣньемъ» смотритъ на колебаніе большинства гостей,—и въ этомъ взглядѣ, въ этой «холодной дерзости лица» столько же «высокомѣрія», т.-е. обожествленія себя самой, сколько «презрѣнія» къ людямъ, не умѣющимъ цѣнить радости жизни выше самой жизни.

Съ тѣми же чертами цѣльности и силы выступаютъ и всѣ второстепенныя лица поэмы. На «вызовъ наслажденья» изъ толпы гостей выходятъ трое. Флавій—(по первоначальному наброску Аквила), «воинъ смѣлый», «клевретъ Помпея», «въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый»—вполнѣ римлянинъ, вполнѣ воинъ. Онъ привыкъ видѣть смерть и играть ею; онъ принимаетъ вызовъ Царицы такъ же просто,

Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яркаго сраженья.

Критонъ, «младой мудрецъ», усвоившій съ самой его привлекательной стороны ученіе Эпикура, всю свою жизнь посвятившій наслажденіямъ и радостямъ любви, остается вѣренъ себѣ и своей мудрости, предпочитая всей жизни—блаженство одной ночи. Замѣтимъ еще, что Критонъ—поэтъ; онъ поклонникъ и пѣвецъ

Харитъ, Киприды и Амура.

И на «пышномъ пиру» онъ—свой, здѣсь ему и мѣсто, среди «земныхъ боговъ».—Послѣдній, «никѣмъ не знаемый, ничѣмъ не знаменитый», любитъ Клеопатру истинной, первой любовью. Этой любви онъ отдается также безраздѣльно, полно:

Огонь любви въ его очахъ пылалъ,
Во всѣхъ чертахъ любовь изображалась,
Онъ Клеопатрою, казалося, дышалъ... [1])

У всѣхъ трехъ, когда они выходятъ на вызовъ—«смѣла поступь» и «ясны очи», а о послѣднемъ поэтъ еще добавляетъ:

Восторгъ въ очахъ его сіялъ...

Напротивъ того, во всѣхъ лицахъ, выведенныхъ въ сценахъ изъ современной жизни, мы видимъ прежде всего душевный разладъ, мелочность, лицемѣріе. Чарскій, которому Пушкинъ далъ не мало чертъ своей собственной личности, всячески старается казаться инымъ, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Онъ скрываетъ отъ всѣхъ, что онъ—поэтъ, стыдится этого, прикидывается то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаянымъ игрокомъ, то тонкимъ гастрономомъ. Оказывается, что въ современномъ обществѣ «зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ». Импровизаторъ принужденъ вести жизнь «кочующаго артиста» ютиться въ грязномъ трактирѣ и выступать передъ публикой въ нарядѣ «заѣзжаго фигляра». При случаѣ онъ обнаруживаетъ «такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ

[1]) Первоначальные наброски (см. Исторію текста).

прибыли», что становится противенъ. На вечерѣ «некрасивая дѣвица» пишетъ тему „Cleopatra e i suoi amanti“, по приказанію матери, краснѣя по уши, и послѣ не рѣшается сознаться въ этомъ. Люди общества идутъ слушать импровизатора, между прочимъ, и затѣмъ, чтобы показать, что они понимаютъ итальянскій языкъ, котораго на дѣлѣ не знаютъ, и т. д.

Еще болѣе примѣровъ такой мелочности, такого лицемѣрія можно найти въ первоначальныхъ наброскахъ «Египетскихъ Ночей». Лидина, «вдова по разводу», услышавъ, что рѣчь идетъ объ «ужасныхъ нравахъ древности», чопорно опускаетъ огненные свои глаза и говоритъ: «Ахъ, нѣтъ, не разсказывайте». Алексѣй Иванычъ, желая разсказать объ условіи Клеопатры, предпосылаетъ своимъ словамъ всякія извиненія: «Я робѣю. Я сталъ благовоспитанъ какъ журналистъ и стыдливъ какъ цензура. Ну, такъ и быть». Графиня К*, дурнушка, за деньги нашедшая титулованнаго мужа, заявляетъ: «Есть и нынче женщины, которыя цѣнятъ себя подороже». И княгиня Д* проявляетъ степень крайней смѣлости, во всеуслышаніе признаваясь, что она смотрѣла «Antony» и читала „La Physiologie du Mariage“ [1]). Она же, намекая на всеобщее лицемѣріе, спрашиваетъ: Qui est-ce donc que l'on trompe ici? (Кого здѣсь морочатъ?).

Гостей Клеопатры, когда она объявляетъ имъ о своемъ условіи, охватываетъ «ужасъ», но въ то же время «страстью дрогнули сердца». Сначала гости встрѣчаютъ слова Царицы «смущеннымъ ропотомъ», но потомъ, изъ ихъ среды, выходятъ одинъ за другимъ, трое, принявшихъ условіе.

Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Никто не споритъ, никто не возражаетъ, хотя потрясенные «страстнымъ торгомъ», гости, пока вынимаются жребіи, и остаются «неподвижны».

Въ современной жизни, въ салонѣ княгини Д* (Первоначальные наброски), всѣ встрѣчаютъ разсказъ объ условіи Клеопатры съ величайшимъ легкомысліемъ. «И *только-то*?» спрашиваетъ хозяйка. «Но что же вы тутъ находите восхитительнаго?»—«Этотъ предметъ,—говоритъ кто-то изъ гостей,—должно бы доставить маркизѣ Жоржъ Зандъ, *такой же безстыдницѣ*, какъ ваша Клеопатра. Она вашъ египетскій анекдотъ передѣлала бы на нынѣшніе нравы».—«Ваша Клеопатра не кстати такъ дорожилась»,—заявляетъ еще кто-то. Впрочемъ, нѣкоторыя дамы восклицаютъ: «Какой ужасъ!» Но когда Алексѣй Иванычъ хочетъ разспросить въ серьезъ, что объ условіи Клеопатры, думаетъ Лидина, онъ принужденъ, съвъ подлѣ нея, сдѣлать видъ будто разсматриваетъ ея работу и говорить вполголоса.

Однако, есть въ повѣсти одинъ мигъ, когда образы современности принимаютъ тотъ же характеръ величавости, какъ образы древняго міра. Въ этомъ мѣстѣ самый языкъ Пушкина мѣняется, и въ прозѣ онъ начинаетъ говорить тѣмъ же сжатымъ, сильнымъ, чуть-чуть повышеннымъ тономъ, какимъ большею частью говоритъ въ стихахъ. Это—тотъ мигъ, когда приступаетъ къ импровизаціи итальянецъ. «Лице его страшно поблѣднѣло; онъ затрепеталъ, какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело»... Пушкинъ опредѣляетъ это странное состояніе словами: «Импровизаторъ чувствовалъ приближеніе *бога*». Послѣднее выраженіе какъ бы стираетъ грань между залой княгини Д*, гдѣ происходила импровизація, и чертогомъ Клеопатры. Поэтъ, въ минуту вдохновенія, словно становится причастенъ міру античнаго многобожія. Среди «блестящихъ дамъ» и мужчинъ во фракахъ, собравшихся съ «Сѣвернымъ равнодушіемъ» смотрѣть на «заѣзжаго фигляра», прозвучали шаги грознаго бога Аполлона-Кіѳареда.

III.

Центральное мѣсто въ «Египетскихъ Ночахъ» занимаетъ поэма о Клеопатрѣ. Прозаическій разсказъ является только ея рамой. Сцены современной жизни только оттѣняютъ событія древняго міра.

Обсуждая въ салонѣ княгини Д* разсказъ объ условіи Клеопатры, дамы называютъ его «египетскимъ *анекдотомъ*». Но, конечно, самъ Пушкинъ не могъ бы присоединиться къ этому свѣтскому мнѣнію. По всему строю поэмы видно, что для него этотъ разсказъ былъ не «анекдотомъ», т. е. случайнымъ происшествіемъ, но событіемъ глубоко характернымъ для античнаго міра, выражающимъ его сущность.

[1]) «Antony»—драма Александра Дюма-отца. «La Physiologie du Mariage» сочиненіе Бальзака.

Античное міросозерцаніе было культомъ плоти [1]). Античная религія не стыдилась Красоты и Сладострастія. Вся античная древность обожествляла обнаженную красоту человѣческаго тѣла. Фалліческія изображенія, какъ символы не только Афродиты и Пріапа, но и Діоноса и Гермеса, стояли въ храмахъ и были предметами священнослуженія. Свой «страстный торгъ», свой вызовъ купить три страстныхъ ночи, Клеопатра ставитъ подъ покровительство боговъ. Жребіи, опредѣляющіе чередъ трехъ, купившихъ ложе смерти, выходятъ изъ роковой урны,

Благославленные жрецами.

Узнавъ этотъ чередъ, сама Клеопатра обращается къ богамъ съ клятвой:

Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго Аида!
Клянусь...

Въ міросозерцаніи, основанномъ на культѣ плоти, должны господствовать двѣ идеи: наслажденія и смерти. «Любовь и Смерть — ось земной жизни», говоритъ одинъ изъ современныхъ намъ послѣдователей этого міросозерцанія [2]). Въ «египетскомъ анекдотѣ» Пушкина надъ событіями и господствуютъ эти двѣ силы. Клеопатра съ клятвой обращается къ «мощной Кипридѣ» и къ «богамъ грознаго Аида», къ богинѣ Страсти и къ богамъ Смерти. Гостей пира, при словахъ Клеопатры, охватываетъ «ужасъ» (страхъ смерти) и «страсть». Притомъ и Страсть и Смерть предстаютъ здѣсь въ своемъ самомъ ужасномъ обликѣ: страсть—какъ неодолимое влеченіе, ради которой жертвуютъ жизнью, смерть—какъ величайшая плата, которой можетъ располагать человѣкъ. Здѣсь, дѣйствительно, Киприда—мощная и боги Аида—грозные.

Клеопатра является какъ бы олицетвореніемъ этого античнаго міра. Въ Клеопатрѣ воплощенъ идеалъ тѣлесной красоты. Къ ея престолу «несутся сердца»; для всѣхъ въ ея любви—«блаженство»; она задумывается—и сотни присутствующихъ замираютъ,—«безмолвны гости, хоръ молчитъ». Въ Клеопатрѣ воплощенъ и идеалъ обожествленія человѣка. Она властвуетъ своимъ міромъ, какъ боги своимъ. «Чего еще не достаетъ Египта древняго царицѣ? спрашиваетъ поэтъ. «Покорны ей земные боги», добавляетъ онъ [1]). Она далека отъ мысли видѣть въ своихъ празднествахъ и пирахъ что-то не должное, грѣхъ, развратъ. Она пируетъ среди своихъ поклонниковъ такъ же просто, какъ принималъ бывало, въ странѣ эѳіоповъ, крайнихъ людей, пышную гекатомбу быковъ—Посидонъ. И свои ночи Клеопатра почитаетъ приношеніемъ богамъ, говоря Кипридѣ:

Се новый даръ тебѣ, ночей моихъ награда [2]).

Что же такое «вызовъ» Клеопатры? Только ли, какъ объяснялъ Алексѣй Иванычъ, желаніе «испытать то, что твердятъ ей поминутно любовники: что любовь ея была бы дороже имъ жизни»? Быть можетъ, Клеопатрѣ и не чуждо это желаніе «испытать» своихъ поклонниковъ. На это намекаетъ одинъ первоначальный (откинутый позднѣе поэтомъ) наброскъ ея рѣчи:

Я жду—вѣщаетъ—что жъ молчите?
Или теперь бѣжите прочь?
Васъ было много,—приступите,
Купите радостную ночь.

Въ окончательной редакціи поэмы мы тоже читаемъ о «холодной дерзости лица», съ какой Клеопатра внемлетъ смущенный ропотъ своихъ поклонниковъ, и о томъ, что въ ея вызовѣ послышалось инымъ «высокомѣрное презрѣнье».

Но въ то же время сама Клеопатра указываетъ опредѣленно, какая мысль заставляетъ ее назначить «страстный торгъ».

Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.

Красота и наслажденіе суть дары божества. Утаивать красоту и укрывать свои ласки значитъ совершать грѣхъ противъ бога. Клеопатра хочетъ установить равенство между своими гостями, предложивъ себя всѣмъ, безъ исключенія. Древній міръ зналъ священную проституцію при храмахъ. Женщина, продавая себя за деньги, исполняла служеніе богу. Въ ряды такихъ храмовыхъ проститутокъ становится и Клеопатра. Только она назначаетъ за свою любовь наивысшую плату, какую знаетъ древній міръ. Сходя «на ложе страстныхъ искушеній» по найму, Клеопатра служитъ божеству, какъ она то и говоритъ сама:

Клянусь, о матерь наслажденій,
Тебѣ неслыхано служу.

---

[1]) Говоря объ античномъ міросозерцаніи, мы, конечно, больше имѣемъ въ виду взгляды Пушкина, нежели лично наши.

[2]) Ст. Пшибышевскій.

[1]) Первоначальные наброски. (См. Исторію текста).

[2]) Первоначальные наброски. (См. Исторію текста).

Въ чертогѣ Клеопатры, какъ и во всемъ античномъ мірѣ, «мощная Киприда» торжествуетъ. «Эросъ, непобѣдимый въ бояхъ», одерживаетъ новую побѣду. Соблазнъ сладострастія заставляетъ пренебречь страхомъ смерти. На «вызовъ наслажденія» выходятъ трое. Эти трое олицетворяютъ три рода отношеній къ страсти, возможные въ древнемъ мірѣ.

Флавій не названъ въ поэмѣ стоикомъ, но, кажется, мы въ правѣ дать ему это названіе, по крайней мѣрѣ въ его широкомъ значеніи. Флавій—олицетвореніе Рима и его высшей доблести, храбрости. Флавій соглашается на условіе Клеопатры потому, что онъ смѣетъ смотрѣть въ глаза и страсти и смерти. Поэтъ намекаетъ, что онъ принялъ вызовъ, какъ бы въ отвѣтъ на «высокомѣрное презрѣніе» женщины, чтобы доказать ей, что мужчины не такъ малодушны, какъ она думаетъ. Но не надо забывать, что уже раньше онъ былъ въ толпѣ ея «поклонниковъ»; онъ также изъ числа тѣхъ, которыхъ «было много».

Критонъ—эпикуреецъ. Онъ—олицетвореніе Эллады, гдѣ умѣли чтить музъ и подѣтски радоваться на жизнь. Первоначальный набросокъ даже сообщаетъ намъ, что онъ былъ воспитанъ «подъ небомъ Арголиды». Критонъ принимаетъ вызовъ Клеопатры вполнѣ сознательно, потому, что въ мірѣ онъ не знаетъ ничего прекраснѣе наслажденія. Наслажденіе есть цѣль его жизни, его святыня, его божество, и этому Божеству онъ охотно приноситъ въ даръ свою жизнь.

Третій, безымянный, принимаетъ вызовъ потому, что любитъ Клеопатру первой, истинной любовью, но у него

Страстей неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ.

Древній міръ не зналъ любви безъ страсти. Юноша принимаетъ условія Клеопатры потому, что для него любить—значитъ отдаваться страсти, потому, что утолить свою любовь онъ можетъ только сойдя «на ложе страстныхъ искушеній», хотя бы оно и было въ то же время «ложемъ смерти».

На клятвѣ Клеопатры, произнесенной ею послѣ того, какъ были вынуты жребіи, поэма прерывается. Дальше сохранился еще отрывокъ описывающій вечеръ въ александрійскихъ чертогахъ и кончающійся соблазнительнымъ стихомъ:

Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое...

Пушкинъ не довершилъ своей поэмы. Онъ показалъ намъ, какой великій соблазнъ, какая страшная сила сокрыта для человѣческаго существа въ сладострастіи. Показалъ намъ, какъ люди готовы ринуться въ эту черную пропасть, даже если бы за то надо было заплатить жизнью. Намекнулъ намъ на таинственную близость между страстью и смертью. Но Пушкинъ не договорилъ начатыхъ словъ.

Что могло слѣдовать дальше? Хотѣлъ ли Пушкинъ представить въ образахъ купленныя ночи? три отношенія къ страсти и къ смерти трехъ разныхъ душъ? и отношеніе къ нимъ Клеопатры? Можетъ быть, хотѣлъ онъ, въ дальнѣйшихъ стихахъ, придать нѣсколько больше человѣчности образу Клеопатры, остающемуся въ написанной части поэмы почти бездушнымъ олицетвореніемъ красоты и соблазна? Не на это ли намекаютъ стихи первоначальнаго наброска, гдѣ Клеопатра не можетъ сдержать въ себѣ чувства горести, видя третьяго изъ своихъ «властителей»?—

И грустный взоръ остановила
Царица гордая на немъ.

Отвѣта нѣтъ на наши вопросы. Тайну своей поэмы Пушкинъ унесъ съ собой.

Мы даже не знаемъ, хотѣлъ ли Пушкинъ свою поэму продолжать и окончить. Въ одномъ изъ первоначальныхъ набросковъ Пушкинъ влагаетъ въ уста своего Алексѣя Иваныча такія слова: «Я предлагалъ ** сдѣлать изъ этого поэму, онъ было началъ да бросилъ». Изъ этого можно заключить, что Пушкинъ предполагалъ включить въ повѣсть поэму въ формѣ отрывка. Однако, то самое обстоятельство, что въ 1835 г. Пушкинъ возвратился къ замыслу, давно имъ оставленному, даетъ право предположить, что онъ намѣревался обработать и закончить свою поэму о Клеопатрѣ. Кромѣ того, въ спискѣ книгъ, доставленныхъ Пушкину 15 августа 1836 г. книжнымъ магазиномъ Беллизара[1]) читаемъ: «Cléopâtre. 2 vol. 18 R-bles.».

4.

Двѣ составныя части «Египетскихъ Ночей», поэма изъ древней жизни и повѣсть изъ жизни современной, были написаны Пушкинымъ въ разное время.

Поэма была написана еще въ Михай-

[1]) См. «Искры» 1909 г., № 45.

ловскомъ, въ 1824-25 гг., вѣроятно, подъ вліяніемъ чтенія Аврелія Виктора. Пушкинъ самъ приводитъ, въ одномъ изъ первоначальныхъ набросковъ, то мѣсто Аврелія Виктора, которое поразило его: «Haec tantae libidinis fuit ut saepe prostiterit, tantae pulchritudinis ut multi noctem illius morte emirint» [1]). Стихотвореніе не было закончено Пушкинымъ и оставалось въ его бумагахъ лѣтъ десять, до 1835 г., когда онъ вернулся къ мысли о торгѣ Клеопатры. Въ этомъ году Пушкинъ задумалъ вставить свою поэму въ рамки повѣсти изъ современной жизни.

Трудно опредѣлить съ несомнѣнностью, почему Пушкинъ пришелъ къ такому рѣшенію. Мы полагаемъ, что онъ хотѣлъ разительнѣе сопоставить міръ древній и міръ современный. Но можетъ быть, къ этому рѣшенію привело его и желаніе сложить съ себя, какъ съ автора, долю отвѣтственности. Онъ намѣревался вложить свою поэму въ уста разсказчика (Алексѣя Иваныча) или импровизатора подобно тому, какъ «Скупого Рыцаря» приписалъ несуществующему Ченстону или свои повѣсти назвалъ «Повѣстями Бѣлкина». Кромѣ того, изображаемые имъ салонные разговоры о смыслѣ поэмы давали ему возможность до нѣкоторой степени смягчить ея впечатлѣніе.

До насъ дошелъ въ двухъ варіантахъ отрывокъ изъ начатой повѣсти, гдѣ изображается разговоръ въ салонѣ княгини Д. Одинъ изъ гостей разсказываетъ о Клеопатрѣ и ея условіи и передаетъ поэму на эту тему, написанную его знакомымъ, поэтомъ. Гости обсуждаютъ «египетскій анекдотъ», высказывая о немъ различныя, въ общемъ весьма легкомысленныя сужденія. Но самъ разсказчикъ задаетъ, «голосомъ вдругъ измѣнившимся», одной изъ присутствующихъ дамъ вопросъ согласится ли она повторить условія Клеопатры. Услышавъ отвѣтъ утвердительный, онъ встаетъ и тотчасъ исчезаетъ... На этомъ разсказъ обрывается. Повидимому, дальше должно было слѣдовать повтореніе «египетскаго анекдота» въ современныхъ условіяхъ жизни.

Однако Пушкинъ не сталъ продолжать этой повѣсти, но началъ другую. Можетъ быть, ему показался слишкомъ искусственнымъ тотъ пріемъ, которымъ онъ вводилъ въ разсказъ поэму о Клеопатрѣ. Въ новой повѣсти (начало которой тоже сохранилось въ двухъ варіантахъ) поэму импровизируетъ, передъ собравшейся свѣтской публикой, заѣзжій итальянецъ. Повѣсть также осталась неконченной и обрывается на импровизаціи... Хотѣлъ ли Пушкинъ въ дальнѣйшемъ повторить свѣтскіе толки объ условіи Клеопатры, была ли должна импровизація итальянца повести къ повторенію въ Петербургѣ «страстнаго торга»,— неизвѣстно.

Вторая повѣсть начата по плану гораздо болѣе широкому, нежели первая. Въ первыхъ трехъ, написанныхъ, главахъ сколько-нибудь охарактеризованы только два лица: Чарскій и импровизаторъ. Самая завязка разсказа должна была, повидимому, слѣдовать за импровизаціей, такъ что мы имѣемъ едва половину повѣсти. Въ написанныхъ главахъ только сопоставлены два міра, античный и современный. Выводы изъ ихъ сопостановленія еще предстояло сдѣлать.

Поэма о Клеопатрѣ также дошла до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Наиболѣе ранняя изъ нихъ, въ шестистопныхъ ямбахъ, излагаетъ клятву Клеопатры и даетъ характеристики трехъ поклонниковъ, купившихъ ея ночи цѣною жизни. Въ окончательной редакціи Пушкинъ только переложилъ шестистопные ямбы въ четырехстопные, почти рабски слѣдуя своимъ собственнымъ выраженіямъ. Это переложеніе поэмы изъ одного размѣра въ другой можно назвать своего рода tour de force. Пушкинъ проявилъ въ этомъ величайшее мастерство художника, и сравненіе двухъ редакцій можетъ служить прекраснымъ урокомъ стихотворной техники. Валерій Брюсовъ.

---

[1]) Разсказъ о Клеопатрѣ входитъ въ книгу Аврелія Виктора «О знаменитыхъ людяхъ Рима» (De viris illustribus urbis Romae, cap. LXXXVI). Вотъ онъ полностью: «Клеопатра, дочь египетскаго царя Птоломея, прогнанная къ Цезарю своимъ братомъ и супругомъ, Птоломеемъ, котораго хотѣла лишить царства, вошла въ Александрію, благодаря междоусобной войнѣ; будучи красива и вступивъ въ связь съ Цезаремъ, она добилась отъ него царства Птоломея и его убіенія. Была она такъ сластолюбива, что часто продавалась, и такъ прекрасна, что многіе покупали ея ночь цѣной смерти. Позднѣе, соединившись съ Антоніемъ и вмѣстѣ съ нимъ побѣжденная, она въ его гробницѣ, сдѣлавъ видъ, что приноситъ жертвы его тѣни, погибла, пропустивъ къ себѣ аспидовъ». Замѣтимъ, однако, что новѣйшая критика книгу «De viris illustribus» не признаетъ произведеніемъ Аврелія Виктора, которому несомнѣнно принадлежитъ сочиненіе «De Caesaribus». (См. M. Schanz. Geschichte der Römischen Litteratur, München 1905-07).

ГЛАВА I.

Quel est cet homme?—
Ha, c'est un bien grand talent, il fait de sa voix tout ce qu'il veut.—
Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte.

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Петербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойвый дядя его, бывшій Вицъ губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень приятна; но онъ имѣлъ нещастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэтомъ, а въ лакейскихъ сочинителемъ.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться, кромѣ права ставить винительный падежъ вмѣсто родительнаго и еще кой-какихъ, такъ называемыхъ, поэтическихъ вольностей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за русскими стихотворцами не вѣдаемъ) какъ бы то ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невзгодамъ и неприятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, которымъ онъ заклейменъ и которое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея *пользы и удовольствія.* Возвратится ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, о болѣзни милаго ему человѣка: тотъ часъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое возклицаніе: вѣрно что-нибудь сочиняете! Влюбится ли онъ?— Красавица его покупаетъ себѣ Альбомъ въ Англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ Элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ человѣку почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ: тотъ ужъ кличетъ своего сынка и заставляетъ читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣты ремесла! Каковы же должны быть невзгоды? Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей братьи литераторовъ, и предпочиталъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ пустыхъ. Однакожъ . . . . . не избавляли его. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался литературы. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостью и суевѣріемъ молодаго Москвича въ первый разъ отроду пріѣхавшаго въ

Петербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя; книги не валялись по столамъ и подъ столами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, который обличаетъ присутствіе Музы и отсутствіе метлы и щетки. Чарскій былъ въ отчаяніи если кто-нибудь изъ свѣтскихъ его друзей заставалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣрить, до какихъ мелочей могъ доходить человѣкъ, одаренный впрочемъ талантомъ и душою. Онъ прикидывался то страстнымъ охотникомъ до лошадей, то отчаяннымъ игрокомъ, то самымъ тонкимъ гастрономомъ, хотя никакъ не могъ различить Горской породы отъ Арабской, никогда не помнилъ козырей и втайнѣ предпочиталъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣтеніямъ французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; торчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ обѣдахъ и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однакожь, онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая *дрянь* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ, и писалъ съ утра до поздней ночи.

Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное щастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и притворяясь и слыша поминутно славный вопросъ: не написали ли вы чего нибудь новенькаго?

Однажды утромъ Чарскій чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія видѣній вашихъ, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше, и звучныя риѳмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою въ сладостное забвеніе... и свѣтъ, и мнѣнія свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали.—Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрыпнула, и незнакомая голова человѣка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился.

Кто тамъ? спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго росту—худощавъ и казался лѣтъ тридцати. Черты смуглаго его лица были выразительны: блѣдный, высокій лобъ, осѣненный черными клоками волосъ, черные, сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желто смуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣтнія (хотя на дворѣ стояла уже глубокая осень); подъ изтертымъ чернымъ галстухомъ на желтоватой манишкѣ блестѣлъ фальшивый алмазъ; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро, и ненастье. Встрѣтясь съ этимъ человѣкомъ въ лѣсу вы приняли бы его за разбойника; въ обществѣ—за политическаго заговорщика; въ передней — за шарлатана, торгующаго элексирами и мышьякомъ.

Что вамъ надобно? спросилъ его Чарскій на французскомъ языкѣ.

Signor, отвѣчалъ иностранецъ съ низкими поклонами: Lei voglia perdonar mi, si...

Чарскій не предложилъ ему стула и всталъ самъ, разговоръ продолжался на италіанскомъ языкѣ.—

Я неаполитанскій художникъ, говорилъ незнакомый, обстоятельства принудили меня оставить отечество; я пріѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что неаполитанецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончелѣ и развозитъ по домамъ свои билеты. Онъ ужъ хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ:

— Надѣюсь, signor, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести тщеславію Чарскаго оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ спѣсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ.

Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете? спросилъ онъ съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

Неаполитанецъ замѣтилъ его досаду.

— Signor, отвѣчалъ онъ запинаясь, ho creduto... ho sentito... la vostra Eccelenza... mi perdonera...

Что вамъ угодно? повторилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе Господа ставятъ за честь оказывать всевозможное покровительство такому превосходному поэту, отвѣчалъ итальянецъ: и потому я осмѣлился къ Вамъ явиться...

Вы ошибаетесь, Signor, прервалъ его Чарскій. Званіе поэтовъ у насъ не суще-

ствуетъ. Наши поэты не пользуются покровительствомъ Господъ; наши поэты сами Господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери)! этого не знаютъ, тѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ оборванныхъ аббатовъ, которыхъ Музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ, вѣроятно, вамъ сказали въ шутку, будто я великій стихотворецъ. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ Г. стихотворцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.

Бѣдный итальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, разставленныя на готическихъ этажеркахъ, поразили его. Онъ понялъ что между надменнымъ Dandy, стоящимъ передъ нимъ въ хохлатой парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ китайскомъ халатѣ, опоясанномъ турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ кучующимъ артистомъ, въ истертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ—ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выдти. Жалкій видъ его тронулъ Чарскаго, который, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ устыдился раздражительности своего самолюбія.

Куда жъ вы? сказалъ онъ итальянцу. Постойте... Я долженъ былъ отклонить отъ себя незаслуженное титло и признаться Вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о Вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?

Нѣтъ, Eccelenza! отвѣчалъ итальянецъ: я бѣдный Импровизаторъ.

Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы Импровизаторъ? и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ Италіанца. Онъ простодушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему деньги были нужны: онъ надѣялся въ Россіи кое-какъ поправить свои домашнія обстоятельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику: что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общество никогда еще не слыхало Импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, итальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи; Васъ не поймутъ, но это не бѣда; главное, чтобъ вы были въ модѣ.

— Но если у васъ никто не понимаетъ итальянскаго языка, сказалъ, призадумавшись, импровизаторъ, кто жъ поѣдетъ меня слушать?

Поѣдутъ,—не опасайтесь: иные изъ любопытства, другіе—чтобъ провести вечеръ какъ-нибудь, третьи чтобъ показать, что понимаютъ итальянскій языкъ; повторяю, надобно только, чтобъ вы были въ модѣ: а вы ужъ будете въ модѣ—вотъ вамъ моя рука.

Чарскій ласково разстался съ Импровизаторомъ, взялъ себѣ его адресъ и въ тотъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопотать.

ГЛАВА II.

Я царь, я рабъ, я червь, я Богъ.

Державинъ.

На другой день Чарскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира отыскивалъ 35-й нумеръ. Онъ остановился у двери и постучался. Вчерашній италіанецъ отворилъ ее. Побѣда! сказалъ ему Чарскій: ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня** даетъ вамъ свою залу; вчера на раутѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ если не за тріумфъ, по крайней мѣрѣ—за барышъ ..

А это главное, вскричалъ италіанецъ, изъявляя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы мнѣ поможете. Corbo di Bacco! Вы поэтъ, такъ же, какъ и я; а что ни говори, поэты славные ребята! Какъ изъявлю вамъ мою благодарность. Постойте... хотите ли выслушать импровизацію?

Импровизацію!... развѣ вы можете обойтиться и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?

Пустое, пустое! гдѣ найти мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ, вы поймете меня лучше ихъ—и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій... Садитесь гдѣ нибудь и задайте мнѣ тему.—

Чарскій сѣлъ на чемоданѣ (изъ двухъ стульевъ, находившихся въ тѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со стѣны гитару и сталъ передъ Чарскимъ, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

Вотъ вамъ тема, сказалъ ему Чарскій: *поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пѣсенъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.*

Глаза италіанца засверкали;—онъ взялъ нѣсколько акордовъ;—гордо поднялъ голову, и пылкіе стихи—выраженія мгновеннаго чувства—стройно излетали изъ устъ его... Вотъ они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ приятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго...

Италіанецъ умолкъ... Чарскій молчалъ, изумленный и разтроганный.

— Ну, что? спросилъ Импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

Что? спросилъ Импровизаторъ, каково?

Удивительно! отвѣчалъ поэтъ. Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха и уже стала вашею собственностью, какъ будто вы съ нею носились, лелѣяли, развивали ее безпрестанно. Итакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію?... Удивительно, удивительно!..

Импровизаторъ отвѣчалъ: всякой талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ Ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера, и выводитъ его на свѣтъ, рѣзцомъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже сооруженная четырьмя рифмами, размѣренная стройными, однообразными стопами? Такъ никто, кромѣ самого Импровизатора, не можетъ понять эту быстроту впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внѣ(шней волею)—тщетно я самъ хотѣлъ бы это изъяснить. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между тѣмъ не остался въ накладѣ? Говорятъ, la signora Catalani брала по 25 рублей. Цѣна хорошая...

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конторщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость и пустился съ италіанцемъ въ меркантильные разчеты. Италіанецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую дикую жадность, такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опротивѣлъ Чарскому, который поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсѣмъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящимъ Импровизаторомъ. Озабоченный италіанецъ не замѣтилъ этой перемѣны и проводилъ Чарскаго по коридору и по лѣстницѣ съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА III.

Цѣна за билетъ 10 рублей; начало въ 7 часовъ.

Афишка.

Зала княгини ** отдана была въ распоряженіе Импровизатора; подмостки были сооружены; стулья разставлены въ двенадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей и передъ столикомъ, для продажи и пріема билетовъ, сидѣла старая долгоносая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда стояли жандармы. Публика начала собираться. Чарскій пріѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія, и хотѣлъ видѣть Импровизатора чтобъ узнать всѣмъ ли онъ доволенъ? Онъ нашелъ италіанца въ боковой комнатѣ, съ нетерпѣніемъ посматривающаго на часы. Италіанецъ одѣтъ былъ театрально. Онъ былъ въ чер-

номъ съ ногъ до головы. Кружевной воротникъ его рубашки былъ откинуть; голая шея своею странной бѣлизною ярко отдѣлялась отъ густой и черной бороды; волоса опущенными клоками осѣняли ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, которому непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ послѣ короткаго разговора возвратился въ залу, которая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды креселъ были заняты блестящими дамами, мущины стѣсненной рамою стали у подмостковъ, вдоль стѣнъ, и за послѣдними стульями. Музыканты, съ своими пульпитрами, занимали обѣ стороны подмостковъ. Посрединѣ стояла на столѣ фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали начала; наконецъ, въ половинѣ осьмого, музыканты засуетились, приготовили смычки и заиграли увертюру изъ Танкреда. Все усѣлось и примолкло—Послѣдніе звуки увертюры прогремѣли... Импровизаторъ, встрѣченный оглушительнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ сторонъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмостковъ.

Чарскій съ безпокойствомъ ожидалъ, какое впечатлѣніе произведетъ первая минута, но онъ замѣтилъ что нарядъ, который показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику; самъ Чарскій не нашелъ ничего въ немъ смѣшнаго, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчей. Плескъ утихъ, говоръ умолкъ... Италіанецъ, изъясняясь на плохомъ французскомъ языкѣ,—просилъ Господъ посѣтителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Италіанецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками, имъ овладѣло безпокойство; онъ предчувствовалъ что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько дамскихъ головокъ обратились къ нему и стали вызывать его сперва вполголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, Импровизаторъ отыскалъ его глазами у своихъ ногъ, и подалъ ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играть роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно; но дѣлать было нечего: онъ взялъ карандашъ и бумагу изъ рукъ италіанца и написалъ нѣсколько словъ; италіанецъ взявъ со стола вазу, сошелъ съ подмостковъ поднесъ ее Чарскому, который бросилъ въ нее свою тему. Его примѣръ подѣйствовалъ: два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по темѣ; секретарь Неаполитанскаго посольства и молодой человѣкъ, недавно возвратившійся изъ путешествія бредя о Флоренціи положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ, одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей матери со слезами на глазахъ написала нѣсколько строкъ по-италіански, и покраснѣвъ по уши отдала ихъ Импровизатору, между тѣмъ какъ дамы смотрѣли на нее молча съ едва замѣтною усмѣшкой. Возвратясь на свои подмостки Импровизаторъ поставилъ урну на столъ и сталъ вынимать бумажки одна за другою, читая каждую вслухъ:

Семейство Ченчи (La famiglia dei Cenci) L'ultimo giorno di Pompeia.—Cleopatra e i suoi amanti.—La primavera veduta da una prigione.—Il trinmfo di Tasso.

Что прикажетъ почтенная публика? спросилъ смиренный италіанецъ: назначитъ ли мнѣ сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоставитъ рѣшить это жребію?...

— Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы, жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть тему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды стульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, тутъ сидѣвшихъ не тронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, страдалъ... Вдругъ замѣтилъ онъ въ сторонѣ поднявшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ:—онъ съ живостію оборотился и подошелъ къ молодой, величавой красавицѣ сидѣвшей на краю втораго ряда. Она встала безъ всякаго смущенія и со всевозможною простотою опустила въ урну аристократическую ручку и вынула свертокъ. Извольте развернуть и прочитать, сказалъ ей Импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: Cleopatra e i suoi amanti.—Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ, но въ залѣ царствовала такая тишина что всѣ ихъ услы-

шали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ съ видомъ глубокой благодарности и возвратился на свои подмостки. Господа! сказалъ онъ, обратясь къ публикѣ, жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовники. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, perche la grande regina aveva molto?...

При сихъ словахъ многіе мущины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился.

Я желалъ бы знать, продолжалъ онъ: на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему?... Я буду весьма благодаренъ если угодно ей будетъ изъясниться.

Никто не торопился отвѣчать. Нѣсколько дамъ обратили взоры на некрасивую дѣвушку написавшую тему по приказанію своей матери. Бѣдная дѣвушка замѣтила это неблагосклонное вниманіе и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ... Чарскій не могъ этого вынести и обратясь къ Импровизатову, сказалъ ему на италіанскомъ языкѣ: тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, который пишетъ будто бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что нашлись обожатели, которыхъ такое условіе не испугало и не отвратило. Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ... Не выберете ли вы другова?...

Но уже Импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога... Онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лицо его страшно поблѣднѣло; онъ затрепеталъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, отеръ платкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь... музыканты умолкли... Импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу—
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась—и долу
Поникла дивною главой.

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости—хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ говоритъ:
Въ моей любви для васъ блаженство;
Блаженство можно вамъ купить:
Внемлете мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю—
Скажите кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?

Рекла—и ужасъ всѣхъ объемлетъ.
И страстью дрогнули сердца—
Она смущенный ропотъ внемлетъ
Съ холодной дерзостью лица
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой:
И первый—Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый;
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья:
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яркаго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура.
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура.—
Любезный сердцу и очамъ,
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ;
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстой неопытная сила
Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

Клянусь... о, матерь наслажденій!
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простей наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго Аида!

Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!

И вотъ, уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій ѳиміамъ,
И сладострастныя прох. ады
Земнымъ готовятся богамъ;
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое...

. . . . . .

ПУШКИНЪ.

Портретъ И. Л. Линева.

Лит. Я. Кадушина. СПБ

...нусь, до утренней зари
...ихъ властителей желаньѧ
[illegible]
...всѣми тайнами добиться
...дивной вѣсой утѣшаю!
... только утренней [illegible]
...рора вѣчная [illegible]
...нусь, подъ [illegible]
...ва [illegible]

И вотъ, [illegible]
[illegible]

...кіе чертоги
[illegible] ...ная тѣнь:
[illegible] горятъ лампады,
[illegible] ...ймъ,
[illegible] ...ды
[illegible] готовятся богамъ:
...ломъ золотомъ покоѣ,
[illegible] ...ныхъ чудесъ,
[illegible] пурпурныхъ завѣсъ
...етъ ложе золотое...

. . . .

Лит. К. Кадушина СПБ

853. РУССКІЙ ПЕЛАМЪ.

ЗАПИСКИ М.*

Я начинаю помнить себя съ самаго нѣжнаго младенчества; а вотъ сцена которая живо сохранилась въ моемъ воображеніи.

Нянька приноситъ меня въ большую комнату, слабо освѣщенную. На постелѣ, подъ зелеными занавѣсами, лежитъ женщина въ бѣломъ; отецъ мой беретъ меня на руки—рыдаетъ громко—бѣлая женщина цалуетъ меня и плачетъ; няня меня выноситъ, говоря Миша хочетъ бай, бай? Помню также большую суматоху, множество гостей; люди бѣгаютъ изъ комнаты въ комнаты. Солнце свѣтитъ во всѣ окошки, и мнѣ очень весело. Монахъ, съ золотымъ крестомъ на груди благословляетъ меня; въ двери выносятъ длинный красный гробъ.—Вотъ все, что похороны матери оставили у меня въ сердцѣ. Она была женщина съ необыкновеннымъ умомъ и сердцемъ, какъ узналъ я послѣ, по разсказамъ людей, не знавшихъ ей цѣны.

Тутъ воспоминанія мои становятся сбивчивы. Я могу дать ясный отчетъ о себѣ не прежде, какъ ужъ съ осьмилѣтняго моего возраста.—Но прежде долженъ я поговорить о моемъ семействѣ.

Отецъ мой былъ пожалованъ сержантомъ, когда еще бабушка была имъ брюхата. Онъ воспитывался дома до 18 лѣтъ. Учитель его, М-г Дерори, былъ простой и добрый старичокъ, очень хорошо знавшій французскую орѳографію. Неизвѣстно, были ли у отца другіе наставники; но отецъ кромѣ французской орѳографіи кажется ничего основательно не зналъ. Онъ женился противъ воли своихъ родителей на дѣвушкѣ которая была старѣе его нѣсколькими годами; въ тотъ же годъ вышелъ въ отставку — и уѣхалъ въ Москву. Старый Савельичъ его камердинеръ, сказывалъ мнѣ что первые годы супружества были щастливы. Мать моя успѣла примирить мужа съ его семействомъ, въ которомъ ее полюбили. Но легкомысленный и непостоянный характеръ отца моего не позволялъ ей насладиться спокойствіемъ и щастіемъ. Онъ вошелъ въ связь съ женщиной извѣстной въ свѣтѣ своей красотою и любовными похожденіями. Она для него развелась съ своимъ мужемъ, который уступилъ ее отцу моему за 10000 и потомъ обѣдывалъ у насъ довольно часто. Мать моя знала все, и молчала. Душевныя страданія разстроили ея здоровье: она слегла и уже не встала.

Отецъ имѣлъ 5000 душъ. Слѣдственно былъ изъ тѣхъ дворянъ, которыхъ покойный Гр. Ш[еремететвъ] называлъ мѣлкопомѣстными, удивляясь отъ чистаго сердца, какимъ образомъ они могутъ жить!—Дѣло въ томъ, что отецъ мой жилъ не хуже Графа Ш**[еремететва], хотя былъ ровно въ 20 разъ бѣднѣе. Москвичи помнятъ еще его обѣды, домашній театръ и роговую музыку. Года два послѣ смерти матери моей, Анна Петровна Вирлицкая, виновница этой смерти, поселилась въ его домѣ. Она была, какъ говорится, видная баба, впрочемъ уже не въ первомъ цвѣтѣ молодости. Мнѣ подвели мальчика, въ красной курточкѣ съ манжетами, и сказали, что онъ мнѣ братецъ. Я смотрѣлъ на него во всѣ глаза. Мишинька шаркнулъ на право, шаркнулъ на лѣво—и хотѣлъ поиграть моимъ ружьецомъ; я вырвалъ игрушку изъ его рукъ.—Мишинька заплакалъ и отецъ поставилъ меня въ уголъ, подаривъ братцу мое ружье.

Таковое начало не предвѣщало мнѣ ничего добраго. И въ самомъ дѣлѣ, пребываніе мое подъ отеческою кровлею не оставило ничего пріятнаго въ моемъ воображеніи. Отецъ конечно меня любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на попеченіе Французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человѣкъ неглупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеной нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то что я пролилъ чернила на его жилетъ; третій, прожившій у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться Аннѣ Петровнѣ на меня и на Мишиньку за то что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покою, и что сверхъ того чертенокъ повадился вить гдѣзда въ его колпакѣ. Прочіе Французы не могли ужиться съ Анной Петровной, которая не давала имъ вина за обѣдомъ, или лошадей по воскресеньямъ; сверхъ того, имъ платили очень неисправно. Виноватымъ остался я: Анна Петровна рѣшила, что не[и] одинъ изъ моихъ гувернеровъ не могъ сладить съ такимъ несноснымъ мальчишкою.

Впрочемъ, и то правда, что не было изъ нихъ ни одного, котораго бы въ двѣ недѣли по его вступленію въ должность не обратилъ я въ домашняго шута; съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаю о (женевцѣ), котораго увѣрилъ я что Анна Петровна была въ него влюблена.

Надобно было видѣть цѣломудренной ужасъ лица его съ нѣкоторою примѣсью лукаваго кокетства, когда Анна Петровна косо поглядывала на него за столомъ говоря вполголоса: экой обжора!

Я былъ рѣзовъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою отъ меня можно было добиться всего. Къ нещастію, всякой вмѣшивался въ мое воспитаніе и никто не умѣлъ за меня взяться.

Надъ учителями я смѣялся и проказилъ; съ Анной Петровной бранился зубъ за зубъ; съ Мишинькой имѣлъ безпрестанныя ссоры и драки;—съ отцомъ доходило часто дѣло до буйныхъ объясненій которыя съ обѣихъ сторонъ оканчивались слезами. Наконецъ, Анна Петровна уговорила отца отослать меня въ Университетъ. Мнѣ тогда было 15 лѣтъ.

Университетская жизнь моя оставила мнѣ пріятныя воспоминанія, которыя, если ихъ разобрать, относятся къ произшествіямъ ничтожнымъ, иногда непріятнымъ; но молодость—великій чародѣй. Дорого бы я далъ, чтобъ сидѣть за кружкою пива, въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и съ засаленной бархатной [фуражкой] на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народу, и Богъ знаетъ какого народу, за наши латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистрами!—

Вольное университетское ученіе принесло мнѣ болѣе пользы, чѣмъ домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только фехтованію и дѣланію пунша.—Изъ дому получалъ я деньги въ разные не положенные сроки.—Это приучило меня къ долгамъ и къ безпечности. Прошло 3 года, и я получилъ отъ отца изъ П.Б. приказаніе оставить Университетъ и ѣхать въ Россію служить. Нѣсколько словъ о разстроенномъ состояніи, о лишнихъ расходахъ, о перемѣнѣ жизни показались мнѣ странными; но я не обратилъ на нихъ большаго вниманія. При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству и никогда не принимать должности цензора; на другой день, съ головною болью и съ книгою, отправился въ дорогу.

Программы «Русскаго Пелама».

I.

Русскій Паламъ—сынъ барина, воспитанъ французами. Отецъ его *frivole* въ русскомъ родѣ. Двоюродный братъ его... Пеламъ въ свѣтѣ — театръ, литераторы, картежники. Онъ свидѣтель безчестія одного молодаго человѣка. Его дружба съ Ѳ. Ор[ловымъ. Онъ помогаетъ ему увезти любовницу, отказывается отъ игры *фальшивой*. Братъ его въ игрѣ получаетъ пощечину; дуэль, братъ его струсилъ.

Ор[ловъ] увозитъ дѣвушку—ея нещастное положеніе—бѣдность—развратъ мужа—она влюбляется въ Пелама — связь ея съ нимъ—подозрѣнія мужа. Смерть Ѳ. Ор[лова].

Пеламъ влюбляется въ женщину высшаго общества. Пеламъ въ большомъ обществѣ, любовь въ большомъ свѣтѣ — (Пеламъ ѣдетъ въ). Отецъ его умираетъ. Пеламъ въ деревнѣ (Эпизодъ жены Ѳ. Ор[лова]). Сосѣди, жизнь русскихъ помѣщиковъ. Слышитъ о свадьбѣ двоюрод. брата, ѣдетъ въ Петербургъ. Братъ его дѣлается его вра-

гомъ, чернитъ его въ глазахъ правительства. Онъ высланъ изъ города (Ѳ. Ор[ловъ] доходитъ до разбойничества—Пеламъ son confident). Онъ свидѣтель нападенія. Онъ оправданъ самимъ Ѳ. Ор[ловымъ].

II.

Пеламъ выходитъ въ большой свѣтъ, (влюбляется), и наскуча имъ, вдается въ дурное общество.

Въ обществѣ актрисъ и литераторовъ встрѣчаетъ Ѳ. Ор[лова] и съ нимъ дружится, отказывается отъ игры на-вѣрное, помогаетъ ему увезти дѣвушку.

Продолжаетъ свою безпутную жизнь. Связь его съ танцоркой на щетъ Гр. З*[авадовскаго].

Дуэль Ѳ. О[рлова] съ двоюроднымъ братомъ Пелама (Нещастная жизнь жены Ѳ. О.—Ор[ловъ] доходитъ до нищеты и разбойничества. Пеламъ узнаетъ обо всемъ—укрываетъ его у себя).

Пеламъ влюбляется. Отецъ у него умираетъ. Перемѣна его. Онъ ссорится съ танцоркой.

Онъ сватается—ему отказываютъ.

Онъ ѣдетъ въ деревню.

Разбой.

Доносъ.

Судъ.

Тайный непріятель.

Письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа.

Узнаетъ о свадьбѣ брата.

Отчаяніе.

Онъ (оправданъ) освобожденъ по покровительству Ал[ексѣя] Ор[лова].

Болѣзнь душевная — Сплетни свѣта — Уединенная жизнь — Ор[ловъ] пойманъ въ разбоѣ. Пел[амъ] оправданъ и—получаетъ позволеніе уѣхать въ П.Б.

Заключеніе.

Характеры. Отецъ и его любовница. Двоюр[одный] братъ (выб...) Ѳ[ед]. Ор.[ловъ]—Ал. Ор[ловъ]—Кочубей, дочь его.—Кн. Шаховской, Ежова—Истомина, Гриб[оѣдовъ], Завадовскій. — Домъ Всеволожскихъ]—(Всевол. и Овошникова).—Котляревскій—Мордвиновъ, его общество—Хрущовъ. Общество *умныхъ* (Илья Долг[оруковъ], Сергѣй Трубецкой, Ник[ита] Мур[авьевъ] etc).

Служба, юнкеръ гв[ардіи], офицеръ гва[рдіи], нѣмецъ начальникъ, *отставка*, долги, Неѣловъ, Шишкинъ.

Похороны отца etc. Привычка къ роскоши. Обѣды, литераторы.—Ив. Козловъ.

Большое общество — семья Пашковыхъ etc.

Игроки. Ор[ловъ],—Павловъ.

III.

Исторія Ѳед. Ор. (élégant, un Zavadovski), un mauvais sujet, des maitresses, des dettes. Онъ влюбляется въ бѣдную вѣтреную дѣвушку, увозитъ ее; первые года роскоши, впадаетъ въ бѣдность, cherche des distractions chez sa première maitresse, devient escroc et dueliste, доходитъ до разбойничества, зарѣзываетъ Щепочкина, застрѣливается (или изчезаетъ).

Исторія Пелымова. Онъ знакомится съ Ѳ. О[рловымъ] dans la mauvaise société—помогаетъ ему увезти дѣвушку, отказывается отъ фальшивой игры, на дуэлѣ секундантомъ у него—(не). Узнаетъ отъ него о убійствѣ Щ[почкина],—devient l'éxécuteur testamentaire de Ѳ. Ор[ловъ], попадаетъ въ подозрѣніе. Онъ даетъ ломбар. билетъ (носитъ часы) Щепочкина. Обращается къ Ал. О[рлову] изъ крѣпости.

Эпизоды. (Уѣзжаетъ въ деревню—смерть отца его—эпизодъ крѣпостной любви).

Исторія брата его. Онъ зарывается въ канцеляріи—отрекается отъ своей матери—(является въ дурномъ обществѣ по страсти къ деньгамъ — получаетъ пощечину)—дѣлается врагомъ Пелымову, выходитъ въ люди (въ секретари Чуполея), преслѣдуетъ тайно своего брата—сватается за его невѣсту и женится на ней. Мать его (княгиня Х[ованская]) расточаетъ деньги Все[волож-ск]—для Норовова, котораго обыгрываетъ шайка Ѳ. Ор[лова] и который получаетъ пощечину etc.

Мат[алья] К[очубей] вступаетъ съ Пелымовымъ въ переписку, предостерегаетъ его etc.

Une danseuse. Пелымовъ съ нею знакомится, находитъ у ней Ѳ[ед]. Ор[лова].

Пелымовъ воспитанъ у отца 7-ю французами, нѣм[ами], швед[ами], англич[анами].—Отецъ имъ не занимается, но любитъ. Ссорится съ нимъ за Норовова. Отецъ назначаетъ ему 1000 въ годъ, и выгоняетъ его. Умираетъ въ нищетѣ — сынъ его хоронитъ — Бат[уринъ] (Пелымовъ) pour vivre traduit des vaudevilles. Шах[овской], Еж[ова] etc. etc.

IV.

1. Воспитаніе. Смерть матери. Явленіе княгини Х[ованской] съ Наградскимъ; мои ошибки съ нимъ, его сплетни. Гувернеры.

Жизнь отца. Il reçoit bonne compagnie en fait d'hommes et mauvaise en fait de femme. **Я выхожу въ службу и въ свѣтъ.**

II. Свѣтская жизнь петербургская. Получаю часть моей матери: балы, скука большаго свѣта, происходящая отъ бранчивости женщинъ; (онъ) по примѣру молодежи удаляется въ холостую компанію, дружится съ Zavad. (Θ. Ор[ловъ]).

III. Общество Zav. — les parasites, les actrices, sa mauvaise réputation, il devient amoureux. Пелы[мовъ] est son confident.

IV. Enlévement. — P[elham] devient aux yeux du monde un mauvais sujet. C'est alors qu'il est en correspondance avec N[athalie] [Кочубей]. Il reçoit la première lettre au sortir de chez la Istom[ine] qu'il console du mariage de Zav[adovski].

V. La porte de Чок[олей-Кочубей] lui est refusé, il ne la voit qu'au théâtre (ou) il apprend que son frère est secretaire du Чок[олей-Чуполей].

VI. Vie splendide de Zav[adovski] Il donne des diners et des bals. Embarras domestiques. Creanciers, jeu.

VII. Норовой et son duel.

VIII. Soène chez le père.

IX. Explication avec Zav[adovski].

X. P[elham] rompt avec Zav[adovski].

V.

I. Continuation des amours de P[elham].

II. (Zav... brigand...) La femme de Z[avadovski] (misère), le mari devenu (ami de) Θ. Ор[ловъ]. Ses nouveaux compagnions—leurs exploits. Ils arrètent dans la rue P[elham].— Θ. Ор[ловъ] le reconnait et tourne la chose en plaisanterie.

Ce chapitre après la catastrophe.

III. Malagie, delaissement et mort du père de P[elham].

IV. Situation du frère.

V. Assassinat.

VI. . . . . .

854. ЦЕЗАРЬ ПУТЕШЕСТВОВАЛЪ.

[I].

Цезарь путешествовалъ; мы съ Т[итомъ] Пет[роніемъ] слѣдовали за нимъ издали... По захожденіи солнца [разбивали] шатеръ, разставляли постели, мы ложились пировать и весело бесѣдовали. На зарѣ снова пускались въ дорогу, и сладко засыпали каждый въ лектикѣ своей, утомленные жаромъ и ночными наслажденіями.

Мы достигли Кумъ и уже думали пуститься далѣе, какъ явился къ намъ посланный отъ Нерона.—Онъ принесъ Петронію повелѣніе цезаря возвратиться въ Римъ и тамъ ожидать рѣшенія своей участи, вслѣдствіе ненавистнаго обвиненія.

Мы были поражены ужасомъ: — одинъ Петроній равнодушно выслушалъ свой приговоръ, отпустилъ гонца съ подаркомъ, и объявилъ свое намѣреніе остановиться въ Кумахъ.—Онъ послалъ своего любимаго раба выбрать ему домъ, и сталъ ожидать его возвращенія въ кипарисной рощѣ, посвященной Эвменидамъ.—

Мы окружили его съ безпокойствомъ— Флавій Аврелій спросилъ—Долго ли думаетъ онъ оставаться въ Кумахъ и не страшится ли раздражить Нерона ослушаніемъ?

— Я не только не думаю ослушаться его, отвѣчалъ Петроній съ улыбкою, но даже намѣренъ предупредить его желанія. Но вамъ, друзья мои, совѣтую возвратиться: путникъ въ ясный день отдыхаетъ подъ тѣнію дуба, но во время грозы отъ него благоразумно удаляется, страшаясь ударовъ молніи.

Мы всѣ изъявили желаніе съ нимъ остаться, и Петроній ласково насъ благодарилъ.—Слуга возвратился и повелъ насъ въ домъ, уже имъ выбранный. Онъ находился въ предмѣстіи города—

[II].

[Программа: Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ; онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти— избираетъ теплыя ванны. Греч. философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ *оду*. Описаніе приготовленій; онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. *Первый вечеръ*: о Клеопатрѣ—наши разсужденія о томъ. *Второй вечеръ*: Петроній приказываетъ разбить драгоцѣнную чашу—диктуетъ Satyricon — разсужденіе о паденіи боговъ, объ общемъ безвѣріи — о превращеніяхъ Нерона. *Рабъ-Христіанинъ*].

. . . Имъ управлялъ старый отпущенникъ въ отсутствіи хозяина, уже давно покинувшаго Италію. Нѣсколько рабовъ подъ его надзоромъ заботились о чистотѣ комнатъ и садовъ. Въ широкихъ сѣняхъ нашли мы кумиры девяти музъ; у дверей стояли два кентавра. Петроній остановился у мраморнаго порога и прочелъ начертанное на немъ привѣтствіе; здравствуй! Печальная улыбка изобразилась на лицѣ его. Старый управитель повелъ его въ библіотеку, гдѣ осмотрѣли мы нѣсколько свитковъ, и вошли потомъ въ спальню хозяина. Она убрана была просто. Въ ней находились только двѣ семейныя статуи: одна изображала матрону, сидящую въ креслахъ, другая—дѣвочку, играющую мячемъ. На столикѣ, подлѣ постели, стояла маленькая лампада. Здѣсь Петроній остался и отпустилъ насъ, пригласивъ вечеромъ къ нему собраться.

Я не могъ уснуть. Печаль наполняла мою душу. Я видѣлъ въ Петроніѣ не только благодѣтеля, но и друга, искренно ко мнѣ привязаннаго. Я уважалъ его обширный умъ, любилъ его прекрасную душу. Въ разговорахъ его почерпалъ я

знаніе свѣта и людей, извѣстныхъ мнѣ болѣе по умозрѣніямъ божественнаго Платона, нежели по собственному опыту. Его сужденія обыкновенно были быстры и вѣрны: равнодушіе избавляло его отъ пристрастія. Искренность въ отношеніи къ самому себѣ дѣлала его проницательнымъ. Жизнь не могла представить ему ничего новаго: чувства его дремали, притупленныя привычкою, но умъ его хранилъ удивительную свѣжесть. Онъ любилъ игру мыслей, какъ и гармонію словъ, охотно слушалъ философскія разсужденія и самъ писалъ стихи не хуже Катулла.

Я сошелъ въ садъ и долго ходилъ по извилистымъ его тропинкамъ, осѣненнымъ старыми деревьями. Я сѣлъ на скамейку подъ тѣнь широкаго тополя, у котораго стояла статуя молодаго сатира, прорѣзывающаго тростникъ. Желая развлечь какъ-нибудь печальныя мысли, я вынулъ записныя дощечки и перевелъ одну изъ одъ Анакреона, которую и сберегъ въ память этого печальнаго дня.

Порѣдѣли, побѣлѣли
Кудри—честь главы моей,
Зубы въ деснахъ ослабѣли
И потухъ огонь очей.
Сладкой жизни мнѣ не много
Провожать осталось дней:
Парка счетъ ведетъ имъ строго,
Тартаръ тѣни ждетъ моей.
Страшенъ хладъ подземна свода:
Входъ въ него для всѣхъ открытъ,
Изъ него же нѣтъ исхода;
Всякъ навѣки тамъ забытъ.

[III].

. . . Солнце клонилось къ западу: я пошелъ къ Петронію. Онъ разхаживалъ въ библіотекѣ, съ нимъ былъ его домашній лекарь Септимій. Петроній, увидя меня, остановился и произнесъ шутливо:

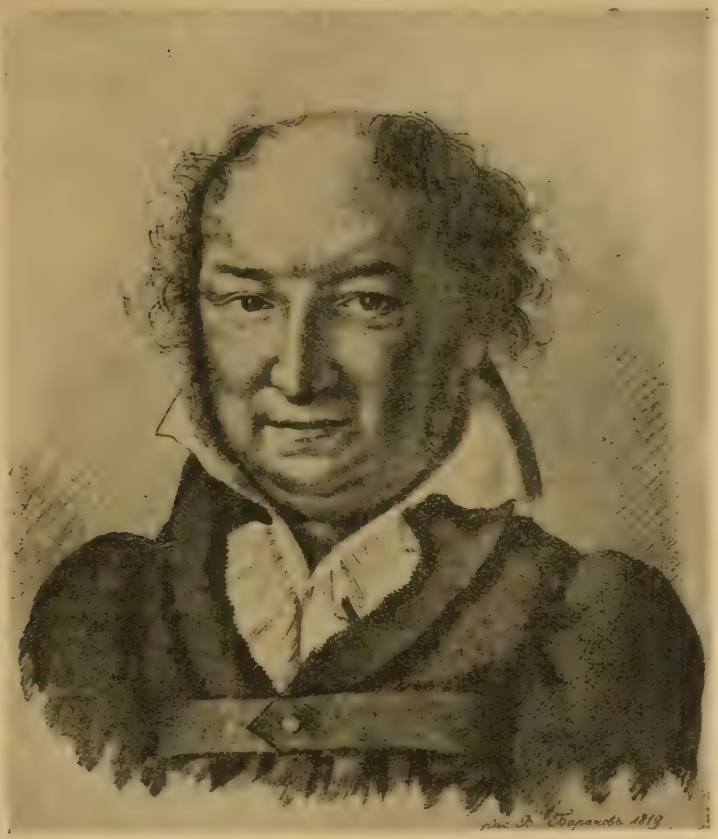
Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по вызженнымъ таврамъ;
Узнаемъ Парфянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ;
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ:
Въ нихъ сіяетъ пламень томный,
Наслажденій знакъ нескромный.

— Не скромничай, продолжалъ Петроній, вынимай изъ-подъ тоги свои дощечки и прочти. Ты угадалъ, отвѣчалъ я Петронію, и подалъ дощечки. Онъ прочиталъ мои стихи. Облако задумчивости прошло по его лицу и тотчасъ разсѣялось. Когда читаю подобныя стихотворенія, сказалъ онъ, мнѣ всегда любопытно знать, какъ умерли тѣ, которые такъ сильно были поражены мыслію о смерти. Анакреонъ увѣряетъ, что Тартаръ его ужасаетъ, но не вѣрю ему, такъ же какъ не вѣрю трусо ти Горація. Вы знаете оду его:

. . . . . .
Ты помнишь часъ ужасной битвы,
Когда я, трепетный квиритъ,
Бѣжалъ, нечестно бросивъ щитъ,
Творя обѣты и молитвы?
Какъ я боялся! какъ бѣжалъ!
Но Эрмій самъ незапной тучей
Меня покрылъ и вдаль умчалъ,
И спасъ отъ смерти неминучей...

Хитрый стихотворецъ хотѣлъ разсмѣшить Августа и Мецената своею трусостью, чтобъ не напоминать имъ о другомъ...

КРИТИКА
ПУБЛИЦИСТИКА
ПУТЕШЕСТВІЕ
ИСТОРІЯ



КНЯЗЬ А. А. ШАХОВСКОЙ.
Съ литографіи 1819 г.

856. МОИ МЫСЛИ О ШАХОВСКОМЪ.

Шах— никогда не хотѣлъ учиться своему искусству и сталъ посредственный стихотворецъ.—Шах— не имѣетъ большова вкуса, онъ худой писатель.—Что жъ онъ такой? не глупой человѣкъ,—который, замѣчая все смѣшное или замысловатое въ обществахъ <другихъ>, пришедъ домой все записываетъ и потомъ какъ ни попало вклеиваетъ въ свои комедіи.

Онъ написалъ *Новаго Стерна;* холодный пасквиль на Карамзина.

Онъ написалъ водевиль *Ломоносовъ*: представилъ отца русской поэзіи въ кабакѣ, и заставилъ его нѣмцамъ говорить дерзскія свои стихи и растянулъ на три дѣйствія двѣ или три занимательныя сцены.

Онъ написалъ *Казакъ-Стихотворецъ*: въ немъ есть щастливыя *слова*, пѣсни замысловатыя,—но нѣтъ даже и тѣни ни завязки, ни развязки. *Маруся* занимаетъ, но всѣ прочія холодны и скучны.

Не говорю о *Встрѣчѣ незваныхъ*—пустомъ представленьи, безъ малѣйшаго искусства или занимательности.

Онъ написалъ поэму *Шубы*, и *всѣ дрожатъ*.

Наконецъ онъ написалъ *Кокетку*.

И наконецъ написалъ онъ комедію, хотя исполненную ошибокъ во всѣхъ родахъ, въ продолженіе 3 первыхъ дѣйствій холодную и скучную и безъ завязки, но все комедію.

Первыя ея явленія скучны. Князь Холмскій, лицо не дѣйствующее, усыпительный проповѣдникъ, надутый педантъ—и въ Липецкъ пріѣзжаетъ только для того, чтобы пошептать на-ухо своей теткѣ въ концѣ 5-го дѣйствія.

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВА.

Гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго.

857. МОИ ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ РУССКОМЪ ТЕАТРѢ.

Должно ли сперва поговорить о себѣ, если захочешь поговорить о другихъ? Нужна ли старая маска Лужническаго пустынника для безымяннаго критика Исторіи К[арамзина]? Должно ли укрываться въ чухонскую деревню дабы сравнивать нѣмку Ленору съ Шотландской Людмилой и чувашкой Ольгою? Ужели наконецъ необходимо для любителя франц. Акт. и ненавистника Руск. театра прикинуться кривымъ и безрукимъ Инвалидомъ, какъ будто потерянный глазъ и оторванная рука даютъ полное право и криво судить и не умѣть писать по Руски? Думаю что нѣтъ, и потому не прилагаю здѣсь ни своего послужнова списка, ни свидѣтельства о Рожденіи, ни росписи своимъ знакомымъ и друзьямъ ни собственной Апологіи. Читатель, которому до меня нѣтъ никакой нужды, этимъ нимало не оскорбится, и если ему нечего дѣлать то пробѣжитъ мои *замѣчанія объ Рус. Театрѣ*, не заботясь, по какому поводу я ихъ написалъ и напечаталъ.

Публика образуетъ драматическіе таланты. Что такое наша Публика?

Предъ началомъ оперы, трагедіи, балета молодой человѣкъ гуляетъ по всѣмъ десяти рядамъ крѣселъ, ходитъ по всѣмъ ногамъ, разговариваетъ со всѣми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?»—Отъ Сем...[еновой], отъ Сосн...[ицкаго], отъ Кол...[осовой], отъ Ист...[оминой]»—«Какъ ты щастливъ!» — «Сегодня она поетъ — она танцуетъ—похлопаемъ ей—вызовемъ ее! она такъ мила! у ней такіе глаза! такія ножки! такой талантъ!»—Занавѣсъ подымается. Молодой человѣкъ, его приятели переходя съ мѣста на мѣсто восхищаются и хлопаютъ. Не хочу здѣсь обвинять пылкую, вѣтреную молодость, знаю, что она требуетъ снисходительности. Но можно ли полагаться на мнѣнія таковыхъ судей?

Часто пѣвецъ или пѣвица заслужившіе любовь нашей публики, фальшиво дотягиваютъ арію Боэльдьэ или della Maria. Знатоки примѣчаютъ, любители чувствуютъ.

АЛЕКСАНДРА КОЛОСОВА.

Они молчатъ изъ уваженія къ таланту. *Прочіе* хлопаютъ изъ довѣренности и кричатъ форо изъ приличія.

Траг[ическій] Акт[еръ] зареветъ громче сильнѣе обыкновеннаго; оглушенный раёкъ приходитъ въ изступленіе, театръ трепещетъ отъ рукоплесканій.

Актриса... Но довольно будетъ, если скажу, что невозможно цѣнить таланты нашихъ Актеровъ по шумнымъ одобреніямъ нашей публики.

Еще замѣчаніе. Значительная часть нашего Партера <т. е. крѣселъ> слишкомъ занята судьбою Европы и отечества, слишкомъ утомлена трудами, слишкомъ глубокомысленна, слишкомъ важна, слишкомъ осторожна въ изъявленіи душевныхъ движеній дабы принимать какое нибудь участіе въ достоинствѣ драматическаго искусства <къ тому же—Рускаго>, и если въ половинѣ седьмова часа одни и тѣ же лица являются, изъ казармъ и совѣта занять первые ряды абон[ированныхъ] крѣселъ, то это болѣе для нихъ условный этикетъ, нѣжели пріятное отдохновеніе. Ни въ какомъ случаѣ невозможно требовать отъ холодной ихъ разсѣянности здравыхъ понятій и сужденій и того менѣе движенія какого нибудь чувства. Слѣдовательно, они служатъ только почтеннымъ украшеніемъ Большого каменнаго театра, но вовсе не принадлежатъ ни къ толпѣ любителей ни къ числу просвѣщенныхъ или пристрастныхъ судей.

Еще одно замѣчаніе. Сіи великіе люди нашего времени, носящіе на лицѣ своемъ однообразную печать скуки, спѣси, заботъ и глупости, неразлучныхъ съ образомъ ихъ занятій, сіи всегдашніе передовые зрители нахмуренные въ комедіяхъ, зѣвающіе въ трагедіяхъ, дремлющіе въ операхъ внимательные можетъ быть въ однихъ только балетахъ не должны ли необходимо охлаждать игру самыхъ ревностныхъ нашихъ Артистовъ и наводить лѣнь и томность на ихъ души если природа одарила ихъ душою.

Но посмотримъ, достойны ли Рускіе Актеры такова убійственнаго равнодушія. Разберемъ отдѣльно трагедію, комедію, оперу и балетъ и постараемся быть снисходительными и строгими но особливо безпристрастными.

Говоря объ Руской трагедіи, говоришь о Семеновой—и, м[ожетъ] б[ыть], только объ ней. Одаренная талантомъ, красотою, чувствомъ живымъ и вѣрнымъ, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имѣла подлинника. Бездушная фр[анцузская] Актриса Жоржъ и вѣчно восторженный поэтъ Гнѣдичъ могли только ей намекнуть о тайнахъ искусства которое поняла она откровеніемъ души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленныхъ движеній, органъ чистый, ровный, приятный и часто порывы истиннаго вдохновенія, все сіе принадлежитъ ей и ни отъ кого не заимствовано. Она украсила несовершенныя творенія нещастнаго Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измѣренныя строки Лобанова; въ ея устахъ понравились намъ славянскіе стихи Катенина полные силы и огня но отверженные вкусомъ и Гармоніей. Въ пестрыхъ переводахъ составленныхъ общими силами и которые, по нещастью, стали нынче слишкомъ обыкновенны, слышали мы одну Семенову и Геній Актрисы удержалъ на сценѣ всѣ сіи плачевныя произведенія союзныхъ поэтовъ, отъ которыхъ каждый отецъ отрекается по одиночкѣ. Семенова не имѣетъ соперницы. Пристрастные толки и минутныя журтвы принесенныя новости прекратились; она осталась единодержавною Царицею траг[ической] сцены. Было время когда хотѣли съ нею сравнивать прекрасную комическую Актрису Валберхову, которая въ роли Дидоны живо напоминала намъ жеманную Селимену <такъ какъ въ роли [1]) *ревнивой жены* напоминаетъ она и теперь Карѳагенскую Царицу>. Но истинные почитатели ея таланта забыли что видали ее въ вѣнцѣ и мантіи, которые весьма благоразумна сложила она для платья съ шлейфомъ и шляпки съ перьями.

Въ скромной одеждѣ Антигоны, при плескахъ полнаго Театра, мокодая милая робкая Колосова явилась недавно на поприщѣ Мельпомены. 17 лѣтъ, прекрасные глаза, прекрасные зубы <слѣдовательно, частая приятная улыбка>, нѣжный недостатокъ въ выговорѣ обворожили судей траг[ическихъ] талантовъ. Приговоръ почти единогласный назвалъ Сашеньку Колосову надежной наслѣдницей Семеновой. Во все продолженіе игры ея рукоплесканья не прерывались. По окончаніи трагедіи она была вызвана криками изступленія, и когда Г-жа Колосова большая,

filiae pulchrae mater pulchrior,

въ руской одеждѣ, блистая материнскою гордостью вышла въ послѣдующемъ балетѣ, все загремѣло, все закричало. Щастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Примѣръ единственной въ исторіи нашего Театра. Разсказываю просто, не дѣлая на это никакихъ замѣчаній. Три раза сряду Колосова играла три разныя роли съ равнымъ успѣхомъ. Чемъ же все кончилось? Восторгъ къ ея таланту и красотѣ мало по малу охолодѣлъ, похвалы стали умѣреннѣе рукоплесканія утихли; перестали ее сравнивать съ несравненною Семеновой; вскорѣ стала она являться предъ опустѣлымъ театромъ—Наконецъ въ ея бенефисъ когда играла она роль Заиры,—всѣ заснули и проснулись только тогда, когда Христіанка Заира, умерщвленная въ 5 дѣй[ствіи] тр[агедіи], показалась въ концѣ довольно скучнаго водевиля въ малиновомъ сарафанѣ въ золотой повязкѣ и пошла плясать по-руски съ большою приятностію на голосъ: «Во саду-ли, въ огородѣ».

Если Колосова будетъ менѣе заниматься флигель-адьютантами Е. И. В., а болѣе своими ролями; если она исправитъ свой однообразный напѣвъ, рѣзкія вскрикиванья и парижскій выговоръ буквы *р*, очень приятный въ комнатѣ, но неприличной на траг[ической] сценѣ; если жесты ея будутъ естественнѣе и не столь жеманными; если будетъ подражать не только одному выраженію лица Семеновой—но постарается себѣ присвоить и глубокое ея понятіе о своихъ роляхъ—то мы можемъ надѣяться имѣть современемъ истинно хорошую Актрису—не только прелестную собой но и прекрасную умомъ, искусствомъ и неоспоримымъ дарованіемъ. Красота проходитъ, таланты долго не увядаютъ. Кто нынче говоритъ объ Каратыгиной, которая, по собственному признанію, никогда не могла понять смысла ни единаго слова своей

[1]) Иные почитаютъ лучшею ролью г-жи Валберховой роль *Ревнивой жены*. Совершенно несправедливо. Развѣ они не видали ее въ Мизантропѣ, въ Нечаянномъ закладѣ, въ Пустодомахъ и проч.

ВАЛБЕРХОВА.

роли, если она писана была стихами. Было время когда ослѣпленная публика кричала объ чудномъ талантѣ прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду съ его законною вдовою, и никто не возьметъ на себя рѣшить, которая изъ нихъ непонятнѣе и неприятнѣе. Скромная никѣмъ не замѣченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица траг[ической] наперс[ницы], предпочитается имъ обѣимъ простымъ, равнодушнымъ чтеніемъ стиховъ, которое по крайней мѣрѣ никогда не вредитъ игрѣ главной Актрисы.

Долго Семенова являясь передъ нами съ дикимъ но пламеннымъ Яковлевымъ, который, когда не былъ пьянъ, напоминалъ намъ пьянаго Тальма. Въ то время имѣли мы двухъ трагическихъ Актеровъ! Яковлевъ умеръ: Брянской заступилъ его мѣсто но не замѣнилъ его. Брянской, можетъ быть, благопристойнѣе вообще, имѣетъ болѣе благородства на сценѣ, болѣе уваженія къ публикѣ, тверже знаетъ свои роли, не останавливаетъ представленій *внезапными своими болѣзнями;* но за то какая холодность! какой однообразный, тяжелый напѣвъ!

По мнѣ, — ужъ лучше пѣй,
Да дѣло разумѣй.

Яковлевъ имѣлъ часто восхитительные порывы Генія, иногда—порывы лубочнаго Тальма. Брянской всегда, вездѣ одинаковъ. Вѣчно улыбающійся Фингалъ, Тезей, Орозманъ, Язонъ, Димитрій—равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: разшевелись, батюшка, развернись, разсердись,—ну, ну! Неловкій, размѣренный, сжатый во всѣхъ движеніяхъ онъ не умѣетъ владѣть ни своимъ голосомъ, ни своей фигурою. Брянской въ трагедіи никогда никого не тронулъ а въ комедіи—не разсмѣшилъ. Не смотря на это какъ комическій Актеръ онъ имѣетъ преимущество и даже—истинное достоинство. Оставляю на жертву *Бенуару* Щеникова, Глухарева, Каменогорскаго, Толченова и проч. Всѣ они, принятые сначала съ восторгомъ а послѣ падшіе въ презрѣніе самаго райка *погибли безъ шума.* Но изъ числа сихъ отверженныхъ исключимъ Борецкаго. Любовь, иные думаютъ, нещастная, къ своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Онъ не имѣетъ величественной осанки Яковлева, ни даже довольно пріятной фигуры Брянскаго; его напѣвъ еще однообразнѣе и томительнѣе; вообще, играетъ онъ хуже его. Certes, c'est beau-

Гравюра С. Галактіонова съ рис. Эстерейха.

coup dire; — со всѣмъ тѣмъ, я Борецкаго предпочитаю Брянскому. Борецкій имѣетъ чувство; мы слыхали порывы души его въ роли Эдипа и стараго Горація. Надежда въ немъ еще не пропала. Изкорененіе всѣхъ привычекъ, совершенная перемѣна методы, новый образъ выражаться могутъ сдѣлать изъ Борецкаго, одареннаго средствами душевными и физическими, Актера съ великимъ достоинствомъ.

Но оставимъ неблагодарное поле тра[гедіи] и приступимъ къ разбору комическихъ талантовъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИПСИЛАНТИ.

858. [ИЗЪ ЖУРНАЛА ГРЕЧЕСКАГО ВОЗСТАНІЯ].

I. Notice sur la révolution d'Ipsylanti.

Le hospodar Ipsylanti a trahi la cause de l'etérie et fut cause de la mort de Riga et... Son fils Alexandre fut etériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur). Ses frères Канъ, Кантогони, Софіаносъ, Тапо. Michel Suzzo fut reçu etériste en 1820; Alexandre Suzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'etérie par son secrétaire (Valetto) qui se laissa pènetrer ou gagner en devenant son gendre. Alex. Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en Servie avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, général des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople— cela fit que les plans furent changé tout de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichineff. On empoisonna Alaxandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la revolution.

Les capitans sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu Formaki, Iordaki-Olimbiotti, Колокотрони, Контогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers la frontière de la

ГРАФЪ КАПО Д'ИСТРІА.

Hongrie. Alex. Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h. combattit 5 fois l'armée turque, et senferma enfin dans le monastère (de Skovlian). Trahi par les juifs entouré des turcs, il mit le feu à la poudre et sauta.

Formaki, capitan, etériste; fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Constantinople.

II. Notice sur Penda-Déka.

Penda-Déka fut élévé à Moscou; en 1817 il servit à un évêque grec tefugié... et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. 200 grecs assassinèrent 150 turcs. 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étaient réfugiés. P.-D. vint quelques jours après à Ibraïl comme éspion. Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitsch: celui-ci l'envoya calmer les troubls du Jassy—il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauvèrent.

КОНСТАНТИНЪ ИПСИЛАНТИ.

АЛЕКСАНДРЪ И ДМИТРІЙ ИПСИЛАНТИ.

Il prit de munitions pour 1,500 hommes tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie. Кантакузенъ arriva et prit le commandement. On se retira vers Stinka. Кантакузенъ envoya P.-D. reconnaître les ennemis. L'avis de P.-D. fût de se fortifier à Barda (1-re station vers Iassy). Кантакузенъ se retira à Skovlian, et demanda que P.-D. fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Déka accepta. P.-D. nomma son second Papas-Ouglou-Arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre Ibraïl et Jourja. Les turcs fuyaient de toutes parts croyant voir les russes à leur trousse. A Boucharest les députés bulgares (entre autre Capidgi-bachi) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leurs pays—il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulûssent pas rendre les armes.

---

859. [ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ].

№ 1.

По смерти Петра I движеніе переданное сильнымъ человѣкомъ все еще продолжалось въ огромныхъ составахъ Государства преобразованнаго. Связи древняго порядка вещей были прерваны навѣки, воспоминанія старины мало-по-малу изчезали. Народъ упорнымъ постоянствомъ удержавъ бороду и руской кафтанъ, доволенъ былъ своею побѣдою и смотрѣлъ уже равнодушно на нѣмецкій образъ жизни обритыхъ своихъ бояръ. Новое поколѣніе воспитанное подъ вліяніемъ Европейскимъ, часъ отъ часу болѣе привыкало къ выгодамъ просвѣщенія. Гражданскіе и военные чиновники болѣе и болѣе умножались; иностранцы, въ то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизмъ по прежнему приносилъ свою непримѣтную

пользу. Отечественные таланты стали изрѣдка появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наслѣдники сѣвернаго исполина, изумленные блескомъ его величія, съ суевѣрной точностію подражали ему во всемъ что только не требовало новаго вдохновенія. Такимъ образомъ, дѣйствія правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тѣмъ какъ Азіатское невѣжество обитало при дворѣ [1]).

Петръ I-й не страшился народной Свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія ибо довѣрялъ своему могуществу и презиралъ человѣчество можетъ быть болѣе чемъ Наполеонъ. (Исторія представляетъ около его всеобщее рабство. Указъ разорванный Кн. Долгорукимъ и письмо съ береговъ Прута, приносятъ великую честь необыкновенной душѣ Самовластнаго Государя; впрочемъ всѣ состоянія, окованныя безъ разбора были равны предъ его *дубинкою*). Все дрожало, все безмолвно повиновалось. Аристократія послѣ его неоднократно замышляла ограничить самодержавіе; къ щастію хитрость Государей торжествовала надъ честолюбіемъ вельможъ и образъ правленія остался неприкосновеннымъ. Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма и существованіе народа не отдѣлилось вѣчною чертою отъ существованія Дворянъ. Еслибы гордые замыслы Долгорукихъ и проч. совершились, то Владѣльцы душъ, сильные своими правами всѣми силами затруднилибъ или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостного состоянія, ограничилибъ число дворянъ и заградилибъ для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей Государственныхъ. Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче-же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ, желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы. Памятниками неудачнаго боренія Аристократіи съ Деспотизмомъ, остались только два указа Петра III *о вольности дворянъ*, Указы, коими предки наши столько гордились и коихъ справедливѣе должны были бы стыдиться.

[1]) Доказательства тому царствованіе безграмотной Екатерины I, кроваваго злодѣя Бирона, и сладострастной Елисаветы.

Царствованіе Екатерины II имѣло новое и сильное вліяніе на политическое и нравственное состояніе Россіи. Возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ нищетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. (Самый развратъ) Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утверждалъ[о] ея владычество. Производя слабый ропотъ въ народѣ привыкшемъ уважать (и) пороки своихъ властителей, (онъ) оно возбуждало гнусное соревнованіе въ высшихъ состояніяхъ, ибо не нужно было ни ума, ни заслугъ, ни талантовъ для достиженія втораго мѣста въ Государствѣ. Много было званыхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ (ненависти) презрѣнію потомства, имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою Исторіи. Онъ раздѣлитъ съ Екатериною часть воинской ея славы, ибо ему обязаны мы Чернымъ моремъ и блестящими, хоть и безплодными, побѣдами въ сѣверной Турціи [1]).

Униженная Швеція и уничтоженная Польша, вотъ великія права Екатерины на благодарность Рускаго народа. Но со временемъ Исторія оцѣнитъ вліяніе царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма, подъ личиной кротости и терпимости, народъ угнетенный намѣстниками, казну разхищенную любовниками; покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ проклятія Россіи.

Мы видѣли какимъ образомъ Екатерина унизила духъ дворянства. Въ этомъ дѣлѣ ревностно помогали ей любимцы. Стоитъ напомнить о пощечинахъ щедро ими раздаваемыхъ нашимъ князьямъ и

[1]) *Безплодными*, ибо Дунай долженъ быть настоящею Границею между Турціею и Россіей. За чемъ Екатерина не совершила сего важнаго плана въ началѣ фр. рев., когда Европа не могла обратить дѣятельнаго вниманія на воинскія наши предпріятія а изнуренная Турція намъ противостать? Это избавило бы насъ отъ будущихъ хлопотъ.

боярамъ, о славной роспискѣ Потемкина, хранимой донынѣ въ одномъ изъ присудственныхъ мѣстъ Государства [1]), объ обезьянѣ Графа Зубова, о кофейникѣ К. К. [князя Куракина] и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любовниковъ но молчала. Ободренные таковою слабостію, они не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика, съ жадностію пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій, и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно. Такимъ образомъ развратная Государыня развратила и свое Государство.

Екатерина уничтожила званіе <справедливѣе: названіе> рабства, а раздарила около миліона Государственныхъ крестьянъ <т. е. свободныхъ хлѣбопашцевъ> и закрѣпостила вольную Малороссію и польскія провинціи. Екатерина уничтожила пытку—а тайная канцелярія процвѣтала подъ ея патріархальнымъ правленіемъ; Екатерина любила просвѣщеніе, а Новиковъ разпространившій первые лучи его, перешелъ изъ рукъ Шешковскаго [2]) въ темницу, гдѣ и находился до самой ея смерти. Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, Княжнинъ умеръ подъ розгами и Фонъ-Визинъ, котораго она боялась, не избѣгнулъ же той же участи, еслибъ не чрезвычайная его извѣстность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи (которыя зависѣли отъ монастырей, а нынѣ отъ Епископовъ) пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей необходимыхъ въ Государствѣ ихъ унижаетъ, и отнимаетъ у нихъ самую возможность заниматься важною своею должностію. Отъ сего происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ Отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ рускихъ суевѣрными: можетъ быть нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на щетъ всего церковнаго. Жаль! ибо Греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ даетъ намъ особенный національный характеръ.

Въ Россіи вліяніе Духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ Римско-католическихъ. Тамъ оно признавая главою своею Папу, составляло особое общество, независимое отъ Гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ того завися какъ и всѣ прочія состоянія, отъ единой Власти но огражденное святыней Религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и Государемъ, какъ между человѣкомъ и Божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашей Исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это, и имѣла свои виды.

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмѣрными похвалами: очень естественно; они знали ее только по перепискѣ съ Вольтеромъ, и по разказамъ тѣхъ именно, коимъ она позволяла путешествовать.

Фарса нашихъ Депутатовъ, столь непристойно разыгранная, имѣла въ Европѣ свое дѣйствіе; наказъ ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ. Довольно было чтобы поставить ее наряду съ Титами и Траянами; но перечитывая сей лицемѣрный наказъ нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юпкѣ и въ коронѣ, онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины; но подлость рускихъ писателей для меня непонятна.

Царствованіе Павла доказываетъ одно: что и въ просвѣщенные времена могутъ родиться Калигулы. Рускіе защитники Самовластія въ томъ несогласны и принимаютъ славную шутку Г-жи де-Сталь за основаніе нашей конституціи. *En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation* [1]).

2 августа 1822 года.

---

[1]) П[отемкинъ] послалъ однажды адъютанта взять изъ казеннаго мѣста 100,000 рублей. Чиновники не осмѣлились отпустить эту сумму безъ письменнаго вида. П[отемкинъ] на другой сторонѣ ихъ отношенія, своеручно написалъ: дать е . . . . м . . .

[2]) Домашній палачь кроткой Екатерины.

[1]) Правленіе въ Россіи есть Самовластіе ограниченное удавкою.

860. [О СЛОГѢ].

Д'Аламбертъ сказалъ однажды Лагарпу не выхваляйте мнѣ Бюфона; (этотъ человѣкъ) пишетъ—благороднѣйшее изо всѣхъ пріобрѣтеній человѣка было сіе животное гордое, пылкое и проч—за чемъ просто не сказать—лошадь—Лагарпъ удивляется сухому разсужденію философа—но д'Аламберъ (былъ) очень умный человѣкъ и признаюсь я почти согласенъ съ его мнѣніемъ.

Замѣчу мимоходомъ что дѣло шло о Бюфонѣ, великомъ живописцѣ природы. Слогъ его цвѣтущій полный всегда будетъ образцомъ описательной прозы. Но что сказать объ нашихъ писателяхъ которые, почитая за низость изъяснять просто вещи самыя обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажутъ *дружба*, не прибавивъ: сіе священное чувство, коего благородный пламень и пр.—должно бы сказать рано поутру—а они пишутъ едва первые лучи восходящаго солнца озарили восточные края лазурнаго неба.—Какъ это все ново и свѣжо, развѣ оно лучше потому только что длиннѣе?

Читаю отчетъ новаго любителя театра—сія юная питомица Таліи и Мельпомены, щедро одаренная Апол... Боже мой да поставь это молодая хорошая актриса, и продолжай — а будь увѣренъ что никто не замѣтитъ твоихъ выраженій, никто спасибо не скажетъ. И развѣ завистливый зоилъ, коего неусыпная зависть изливаетъ усыпительный свой ядъ на лавры рускаго Парнасса, коего утомительная тупость можетъ только сравниться съ неутомимой злостію... Боже мой, зачемъ просто не сказать л о ш а д ь, не короче ли.

Г-нъ Издатель такого-то журнала....

Вольтеръ можетъ почесться прекраснымъ образцомъ благоразумнаго слога. — Онъ осмѣялъ въ одномъ своемъ Микромегасѣ изысканность [тонкихъ?] выраженій Фонтенеля,—который никогда не могъ ему того простить [1]).

Точность опрятность вотъ первыя достоинства прозы.—Она требуетъ мыслей и мыслей—блестящія выраженія ни къ чему не служатъ—стихи дѣло другое <впрочемъ, и въ нихъ не мѣшало бы нашимъ поэтамъ имѣть сумму идей гораздо позначительнѣе чемъ у нихъ обыкновенно водится (?) съ воспоминаніями о протекшей юности литература наша далеко впередъ не подвинется>.

Вопросъ: чья проза лучшая въ нашей литературѣ?—Отвѣтъ *Карамзина*. Это еще похвала небольшая. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ почтен

---

[1]) Сначала было написано: «не могъ ему простить его справедливыя насмѣшки» и внизу была сдѣлана в ы н о с к а: «Къ статіи о слогѣ должно ли въ семъ случаѣ сказать: не могъ ему и пр. или . . .? Кажется, что слова сіи зависятъ не отъ глагола могъ, управляемаго частицею не, но отъ неопредѣленнаго наклоненія п р о с т и т ь, требующаго *Винительнаго* падежа. Впрочемъ, Н. М. К[арамзинъ] пишетъ иначе—

861. ИЗДАТЕЛЮ СЫНА ОТЕЧЕСТВА.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ мнѣ случалось быть предметомъ журнальныхъ замѣчаній. Часто несправедливыя, часто непристойныя, иныя не заслуживали никакого вниманія; на другія издали отвѣчать было невозможно. Оправданія оскорбленнаго Авторскаго самолюбія не могли быть занимательны для публики; я молча предполагалъ исправить въ новомъ изданіи недостатки, указанные мнѣ какимъ бы то ни было образомъ, и съ живѣйшей благодарностію читалъ изрѣдка лестныя похвалы и ободренія, чувствуя, что не одно, довольно слабое достоинство моихъ стихотвореній давало поводъ благородному изъявленію снисходительности и дружелюбія.

Нынѣ нахожусь въ необходимости прервать молчаніе. Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ изъ дружбы ко мнѣ изданіе Бахчисарайскаго фонтана, присоединилъ къ одному Разговоръ между Издателемъ и Антиромантикомъ, разговоръ вѣроятно вымышленный: по крайней мѣрѣ, если между вашими печатными Классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ Классикомъ Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью.

Сей разговоръ не понравился одному изъ судей нашей Словесности. Онъ напечаталъ въ 5 № Вѣстника Европы второй разговоръ между Издателемъ и Класси-

комъ, гдѣ между прочимъ прочелъ я слѣдующее:

«Изд. И такъ разговоръ мой вамъ не нравится?—К л а с с. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина, думаю и самъ Авторъ объ этомъ пожалѣетъ».

Авторъ, очень радъ, что имѣетъ случай благодарить Князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны, и не стоятъ столь блистательнаго отраженія.

– Не хочу, или не имѣю права, жаловаться по другому отношенію, и съ искреннимъ смиреніемъ принимаю похвалы неизвѣстнаго Критика.

Александръ Пушкинъ.

Одесса.

862. ПРИЧИНАМИ, ЗАМѢДЛИВШИМИ ХОДЪ НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Причинами, замѣдлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются — 1) общее употребленіе фр. языка, и пренебреженіе рускаго.—Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виноватъ какъ не они сами. — Изключая тѣхъ которые занимаются стихами рускій языкъ ни для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ; у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ, мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими игрушками; но ученость, политика и философія по-Руски еще не изъяснились. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены *создавать* обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны.

Но, скажутъ мнѣ, Руская поэзія достигла высокой степени образованности. Согласенъ что нѣкоторыя оды Держ[авина] не смотря на неровность слога и неправильность языка исполнены порывами истиннаго Генія, что въ Душенькѣ Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, изключая, можетъ быть, сего же самаго Лафонтена, что Батюшковъ, счастливый сподвижникъ Ломоносова, сдѣлалъ для Рускаго языка то же самое, что Петрарка для италіянскаго, что Жуковскаго перевели бы на всѣ языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ...

863. [О ВДОХНОВЕНІИ И ВОСТОРГѢ]

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе *души* къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ *спокойствіе*—необходимое условіе *прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества. Она исключаетъ постоянный трудъ безъ коего нѣтъ истинно великаго. Трагедія, Комедія, Сатира всѣ болѣе ея требуютъ творчества, fantaisie, воображенія, знанія природы. И *плана* не можетъ быть въ одѣ. Единый *планъ* Дантова Ада есть уже плодъ высокаго генія. Какой планъ въ одахъ Пиндара? Какой планъ въ Водопадѣ, лучшемъ произведеніи Державина?

864. О Г-ЖѢ СТАЛЬ И О Г. А. М.—ВѢ [МУХАНОВѢ].

Изъ всѣхъ сочиненій г-жи Сталь книга: *Десятилѣтнее изгнаніе*, должна была преимущественно обратить на себя вниманіе Русскихъ. Взглядъ быстрый и проницательный, замѣчанія разительныя по свой новости и истинѣ, благодарность и доброжелательство, водившія перомъ Сочинительницы—все приноситъ честь уму и чувствамъ необыкновенной женщины. Вотъ что сказано объ ней въ одной рукописи: «Читая ея книгу *Dix ans d'éxil*, можно вядѣть ясно, что тронутая ласковымъ пріемомъ Русскихъ Бояръ, она не высказала всего, что бросалось ей въ глаза [1]). Не смѣю въ томъ укорять краснорѣчивую, благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость Русскому народу, вѣчному предмету невѣжественной клеветы писателей иностранныхъ». Эта снисходительность, которую не смѣетъ порицать Авторъ рукописи, именно и составляетъ главную прелесть той части книги, которая посвящена описанію нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россію какъ священное убѣжище, какъ семейство, въ которое она была принята съ довѣренностію и радушіемъ. Исполняя долгъ благороднаго сердца, она говоритъ объ насъ съ уваженіемъ и скромностію, съ полнотою душевною хвалитъ, порицаетъ осторожно, *не выноситъ сора изъ избы*. Будемъ же и мы благодарны знаменитой гостьѣ нашей: почтимъ ея славную память, какъ она почтила гостепріимство наше..

Изъ Россіи г-жа Сталь ѣхала въ Швецію по печальнымъ пустынямъ Финляндіи. Въ преклонныхъ лѣтахъ, удаленная отъ всего милаго ея сердцу, семь лѣтъ гонимая дѣятельнымъ деспотизмомъ Наполеона, принимая мучительное участіе въ политическомъ состояніи Европы, она не могла конечно въ сіе врéмя (въ осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслажденія красотами природы. Немудрено что почернѣлыя скалы, дремучіе лѣса и озера наводили на нее унынiе.

Недоконченныя ея записки останавливаются на мрачномъ описаніи Финляндіи...

Г. А. М. [1]), *пробывая снова книжку г-жи Сталь, набрелъ* на сей послѣдній отрывокъ и перевелъ его довольно тяжелою прозою, присовокупивъ къ оному слѣдующія *замѣчанія на грѣзы г-жи Сталь:* «Не говоря уже о обличеніи вѣтренаго легкомыслія, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольно поражающихъ читателей, *знакомыхъ съ твореніями Автора книги о Германіи*, я въ свою очередь былъ пораженъ самимъ разсказомъ, во всемъ подобнымъ пошлому пустомельству *тѣхъ щепетильныхъ Французиковъ*, «*которые, немного времени тому назадъ*, «*являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и* «*богатыми надеждами въ Россію*, такъ ра- «*достно принимались щедрыми и подчасъ* «*неумѣстно-добродушными нашими соотe-* «*чественниками (только по образу мыслей* «*не нашими современниками)*».

Что за слогъ и что за *тонъ*! Какое сношеніе имѣютъ двѣ страницы Записокъ съ Дельфиною, Коринною, Взглядомъ на Французскую революцію и проч., и что есть общаго между *щепетильными (?) Французиками* и дочерью Неккера, гонимою Наполеономъ и покровительствуемою великодушіемъ Русскаго Императора?

Кто читалъ творенія г-жи Сталь», продолжаетъ Г. А. М. «въ коихъ такъ часто ширяется она и пр... тому точно покажется страннымъ, какъ безпредѣльные лѣса и проч... не сдѣлали другого впечатлѣнія на Автора Коринны, кромѣ скуки отъ единообразія»—За симъ Г. А. М. ставитъ въ примѣръ самого себя. «Нѣтъ! никогда», говоритъ онъ, «не забуду я волненія души «моей, расширявшейся для вмѣщенія столь «сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду помнить «утра...» и проч.—Слѣдуетъ описаніе сѣверной природы слогомъ, совершенно отличнымъ отъ прозы г-жи Сталь.

Далѣе совѣтуетъ онъ покойной Сочинительницѣ, *посредствомъ какого-либо толмача, разспросить извощиковъ своихъ о точной причинѣ пожаровъ* и пр.

Шутка о близости волковъ и медвѣдей къ Абовскому Университету отмѣнно не понравилась Г-ну А. М., но Г. А. М. и

[1]) РѢчь идетъ о большомъ обществѣ Петербургскомъ, прежде 1812 г. *Соч.*

[1]) «Сынъ От.» № 10.

самъ расшутился. «Ужели», говоритъ онъ, «400 студентовъ, тамъ воспитывающихся, «готовятъ себя въ звѣроловы? Въ этомъ «случаѣ, Академію сію могла бы она точнѣе «назвать псарнымъ дворомъ? Ужели г-жа «Сталь не нашла другого *способа отыскивать «причинъ*, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, «какъ перерядившись Діаной, заставить чи«тателя рыскать вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ «Финляндскихъ, по порошамъ, за медвѣдями «и волками, и зачѣмъ ихъ искать въ берло«гахъ?... Наконецъ, отъ страха, наведеннаго «*на робкую душу нашей барыни*» и проч.

О сей *барынѣ* должно было говорить языкомъ вѣжливымъ образованнаго человѣка. Эту *барыню* удостоилъ Наполеонъ гоненія, Монархи довѣренности, Европа своего уваженія, а Г. А. М. журнальной статейки, не весьма острой и весьма неприличной.

Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить. *Ст. Ар.*

9 іюня 1825.

---

865. О ПРЕДИСЛОВІИ Г-НА ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА.

Любители нашей Словесности были обрадованы предпріятіемъ Графа Орлова, хотя и догадывались, что способъ перевода столь блестящій и столь недостаточный нанесетъ нѣсколько вреда Баснямъ неподражаемаго нашего Поэта. Многіе съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали предисловія Г-на Лемонте; оно въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательно, хотя и не совсѣмъ удовлетворительно. Вообще тамъ, гдѣ Авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый Писатель едва коснулся до такихъ предметовъ, о коихъ мнѣнія его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью [1]) съ невольной досадою, какъ иногда слушаешь разговоръ очень умнаго человѣка, который, будучи связанъ какими-то приличіями, слишкомъ многаго не договариваетъ и слишкомъ часто отмалчивается.

Бросивъ бѣглый взглядъ на Исторію нашей словесности, Авторъ говоритъ нѣсколько словъ о нашемъ языкѣ, признаетъ его первобытнымъ, не сомнѣвается въ томъ, что онъ способенъ къ усовершенствованію и ссылаясь на увѣренія Русскихъ, предполагаетъ, что онъ богатъ, сладкозвученъ и обиленъ разнообразными оборотами.

Мнѣнія сіи не трудно было оправдать. Какъ матеріялъ Словесности, языкъ Славяно-Русскій имѣетъ неоспоримое превосходство передъ всѣми Европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. Въ XI вѣкѣ древній Греческій языкъ вдругъ открылъ ему свой Лексиконъ, сокровищницу гармоніи, даровалъ ему законы обдуманной своей Грамматики, свои прекрасные обороты, величественное теченіе рѣчи; словомъ, усыновилъ его, избавя такимъ образомъ отъ медленныхъ усовершенствованій времени. Самъ по себѣ уже звучный и выразительный, отселѣ заемлетъ онъ гибкость и правильность. Простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго; но впослѣдствіи они сблизились, и *такова стихія, данная намъ для сообщенія нашихъ мыслей.*

Г. Лемонте напрасно думаетъ, что владычество татаръ оставило ржавчину на русскомъ языкѣ. Чуждый языкъ распространяется не саблею и пожарами, но собственнымъ обиліемъ и превосходствомъ. Какія-же новыя понятія, требовавшія новыхъ словъ, могло принести намъ кочующее племя варваровъ, не имѣвшихъ ни Словесности, ни торговли, ни законодательства? Ихъ нашествіе не оставило никакихъ слѣдовъ въ языкѣ образованныхъ Китайцевъ, и предки наши, въ теченіе двухъ вѣковъ стоная подъ Татарскимъ игомъ, на языкѣ родномъ молились Русскому Богу, проклинали грозныхъ властителей и передавали другъ другу свои сѣтованія. Таковой-же примѣръ видѣли мы въ новѣйшей Греціи. Какое дѣйствіе имѣетъ на порабощенный народъ сохраненіе его языка? Разсмотрѣніе сего вопроса завлекло-бы насъ слишкомъ далеко. Какъ-бы то ни было, едва ли полсотни Татарскихъ словъ перешло въ Русскій языкъ. Войны Литовскія не имѣли также

---

[1]) По крайней мѣрѣ въ переводѣ, напечатанномъ въ С[ынѣ] О[течества]. Мы не имѣли случая видѣть Французскій подлинникъ.

вліянія на судьбу нашего языка; онъ одинъ оставался неприкосновенною собственностію несчастнаго нашего Отечества.

Въ царствованіе Петра I-го началъ онъ примѣтно искажаться отъ необходимаго введенія Голландскихъ, Нѣмецкихъ и французскихъ словъ. Сія мода распространяла свое вліяніе и на писателей, въ то время покровительствуемыхъ Государями и вельможами; къ счастію, явился Ломоносовъ.

Г. Лемонте въ одномъ замѣчаніи говоритъ о всеобъемлющемъ геніи Ломоносова; но онъ взглянулъ не съ настоящей точки на великаго сподвижника Великаго Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли съ необыкновенною силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Жажда науки была сильнѣйшею страстію сей души, исполненной страстей. Историкъ, Риторъ, Механикъ, Химикъ, Минералогъ, Художникъ и Стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ... Первый углубляется въ Исторію Отечества, утверждаетъ правила общественнаго языка его, даетъ законы и образцы классическаго краснорѣчія, съ несчастнымъ Рихманомъ предугадываетъ открытія Франклина, учреждаетъ фабрику, самъ сооружаетъ махины, даритъ художества мозаическими произведеніями и наконецъ открываетъ намъ истинные источники нашего поэтическаго языка.

Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся Поэтами; она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни; но если мы станемъ изслѣдовать жизнь Ломоносова, то найдемъ, что науки точныя были всегда главнымъ и любимымъ его занятіемъ, стихотворство же—иногда забавою, но чаще должностнымъ упражненіемъ. Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ Лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія. Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго Славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ. Вотъ почему преложенія Псалмовъ и другія сильныя и близкія подражанія высокой Поэзіи священныхъ книгъ суть его лучшія произведенія (*). Они останутся вѣчными памятникажи Русской Словесности; по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій 70 лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ Публики. Какъ будто нужны для славы великаго Ломоносова мѣлочныя почести моднаго писателя!

Упомянувъ объ исключительномъ употребленіи Французскаго языка въ образованномъ кругу нашихъ обществъ, г. Л[емонте], столь же остроумно, какъ и справедливо, замѣчаетъ, что Русскій языкъ чрезъ то долженъ былъ непремѣнно сохранить драгоцѣнную свѣжесть, простоту и, такъ сказать, чистосердечность выраженій. Не хочу оправдывать нашего равнодушія къ успѣхамъ отечественной Литературы, но нѣтъ сомнѣнія, что если наши писатели чрезъ то теряютъ много удовольствія, по крайней мѣрѣ языкъ и Словесность много выигрываютъ. Кто отклонилъ Французскую поэзію отъ образцовъ классической древности? Кто напудрилъ и нарумянилъ Мельпомену Расина и даже строгую музу стараго Корнеля? Придворныя Людовика XIV. Что навело холодный лоскъ вѣжливости и остроумія на всѣ произведенія писателей 18 столѣтія? Общество Mes du Deffand, Boufflers, d'Epinay, очень милыхъ и образованныхъ женщинъ. Но Мильтонъ и Данте писали не для *благосклонной улыбки прекраснаго пола.*

Строгій и справедливый приговоръ Французскому языку дѣлаетъ честь безпристрастію Автора. Истинное просвѣщеніе безпристрастно. Приводя въ примѣръ судьбу сего прозаическаго языка, Г. Лемонте утверждаетъ, что и нашъ языкъ не столько отъ своихъ Поэтовъ, сколько отъ Прозаиковъ долженъ ожидать *Европейской своей общежительности.* Русскій переводчикъ оскорбился симъ выраженіемъ; но если въ подлинникѣ сказано civilisation Européenne, то Сочинитель чуть ли не правъ.

Положимъ, что Русская Поэзія достигла уже высокой степени образованности: просвѣщеніе вѣка требуетъ пищи для размышленія, умы не могутъ довольствоваться однѣми играми гармоніи и воображенія, но

(*) Любопытно видѣть, какъ тонко насмѣхается Тредьяковскій надъ *Славянщизнами* Ломоносова, какъ важно совѣтуетъ онъ ему перенимать *легкость* и *щеголевитость* *рѣченій изрядной компаніи!* Но удивительно, что Сумароковъ съ большею точностію опредѣлилъ въ одномъ полустишіи достоинство Ломоносова Поэта:

Отъ нашихъ странъ Мальгербъ, онъ Пиндару подобенъ.

Enfin Malherbe vint et le premier en France etc.—

ученость, политика и философія еще по-Русски не изъяснились; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Проза наша такъ еще мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены *создавать* обороты для изъясненія понятій самыхъ обыкновенныхъ, такъ что лѣность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно готовы и всѣмъ извѣстны.

Г. Лемонте, входя въ нѣкоторыя подробности касательно жизни и привычекъ нашего Крылова, сказалъ, что онъ не говоритъ ни на какомъ иностранномъ языкѣ и только понимаетъ по-французски. *Не правда!* рѣзко возражаетъ Переводчикъ въ своемъ примѣчаніи. Въ самомъ дѣлѣ, Крыловъ знаетъ главные Европейскіе языки и, сверхъ того, онъ, какъ Альфіери, пятидесяти лѣтъ выучился древнему Греческому. Въ другихъ земляхъ таковая характеристическая черта извѣстнаго человѣка была бы прославлена во всѣхъ журналахъ; но мы въ біографіи славныхъ Писателей нашихъ довольствуемся означеніемъ года ихъ рожденія и подробностями послужного списка, да сами-же потомъ и жалуемся на невѣдѣніе иностранцевъ о всемъ, что до насъ касается.

Въ заключеніе скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшаго истинно-народнаго Поэта, дабы познакомить Европу съ Литературою Сѣвера. Конечно, ни одинъ Французъ не осмѣлится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можемъ предпочитать ему Крылова. Оба они вѣчно останутся любимцами своихъ единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе (naivité, bonhomie) есть врожденное свойство Французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ—представители духа обоихъ народовъ.

Н. К.

12 августа.

P. S. Мнѣ показалось излишнимъ замѣчать нѣкоторыя явныя ошибки, простительныя иностранцу, напримѣръ сближеніе Крылова съ Карамзинымъ (сближеніе, ни на чемъ не основанное), мнимая неспособность языка нашего къ стихосложенію совершенно метрическому и проч.

866—870. МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ, ПОВИДИМОМУ ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ 1825 ГОДУ.

866. [О переводчикахъ].

Переводчики суть подставныя лошади просвѣщенія.

867. Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины.

Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины, прочіе бываютъ едва замѣчены. Такъ въ началѣ сраженія первый раненый производитъ болѣзненное впечатлѣніе и истощаетъ состраданіе наше.

868. [О романахъ Вальтеръ-Скотта].

Главная прелесть романовъ W. Scott состоитъ въ томъ, что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ, не съ enflure французской трагедіи, не съ чопорностію чувствительныхъ романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ. Они не подходятъ (какъ герои французскіе) на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté de théâtral, même dans les circonstances solennelles—car les grandes circonstances leur sont familières.

869. [Объ Андре Шенье].

A. Chénier погибъ жертвой французской революціи на 31-мъ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько элегіи.... и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году...

870. [По поводу дѣленія «Моск. Телеграфомъ» Европы на классическую и романтическую].

Побѣда будетъ несомнѣнно принадлежать классицизму, благодаря неожиданной помощи, доставленной журналомъ. Данте (il gran padre Alighieri), Аріосто, Лопецъ, Кальдеронъ, Сервантесъ попали въ классическую фалангу.

---

871. [ЗАМѢЧАНІЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА].

[1].

Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о болѣзни престарѣлаго Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ [§ 5]. Первое злодѣяніе его <замѣчаетъ Т[ацитъ]> было умерщвленіе Постумы Агриппы, внука Августова. Если въ самодержавномъ правленіи политическое убійство можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агр[иппа], родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже *простотою ума*. Таковые люди всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно, гов[оритъ] Т[ацитъ], Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно Ливія; но и Тиберій не пощадилъ бы его [§ 6].

[2].

Когда сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія—Тиберій позволилъ сіе съ *насмѣшливой скромностью*. Тиб[ерій] никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Но сіе уже въ послѣдствіи. Въ началѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, казался онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ сенату [§§ 7 и 8].

[3].

Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунства. Точно ли въ *насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ собою* хвалилъ наружность и нравы своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи (могъ ли точно или) онъ изъ единой ли зависти совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся (заключавшейся) тогда отъ—до—? (§§ 10 и 11].

[4].

Тиберій отказывается отъ управленія государства, но изъявляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложатъ [§ 11].

Сквозь раболѣпство Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предпріимчивость, негодуетъ на Скавра, нападаетъ на Готерія, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасенъ просьбами Августы Ливіи [§§ 12 и 13].

Т[иберій] не допускаетъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія,—не отъ *зависти*, какъ думаетъ Тацитъ; но увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Августомъ (12) [§ 14].

[5].

Первое дѣйствіе Тиб[еріевой] власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ—слѣдств[енно]—и довершеніе уничтоженія республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ). [§ 15].

[6].

35. Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ (обнажилъ мечъ и), хотѣлъ заколоться въ глазахъ воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ ему свой мечъ, говоря: *Онъ вострѣе*. Это показалось, (гов. Т.), слишкомъ злобно и жестоко самымъ яростнымъ мятежникамъ. По нашимъ понятіямъ слово сіе было бы только грубая насмѣшка, но самоубійство такъ же было обыкновенно въ древности, какъ поединокъ въ наши времена. Врядъ ли могъ Германикъ отказаться отъ сего предложенія, когда бы прочіе не воспротивились. (Мы видимъ, что)

Мать Мессалины совѣтуетъ ей убиться. Мессалина въ нерѣшимости подноситъ ножъ то къ горлу, то къ груди. (Не въ силахъ будучи рѣшиться). Мать ее не удерживаетъ. Сенека не препятствуетъ своей женѣ Паулинѣ, рѣшившейся послѣдовать за нимъ, (Неронъ) и проч. Предложеніе воина есть хладнокровный вызовъ, а не неумѣстная шутка.

[7].

52. Тиб[ерій] не могъ доволенъ быть Германикомъ, оказавшимъ много слабости въ подавленіи бунта легіоновъ. Германикъ соглашается на требованія мятежниковъ, ограничиваетъ (даетъ имъ отставку) время

службы, допущаетъ самовольныя казни, даже междоусобную битву. Блестящія пораженія непріятеля при Марсорскихъ селеніяхъ не заглаживаютъ столько явныхъ ошибокъ.

Тиб[ерій] въ своей рѣчи старался ихъ прикрыть риторическими украшеніями; меньше хвалилъ Друза, но откровеннѣе и вѣрнѣе. Щастливыя обстоятельства благопріятствовали Друзу, но сей оказалъ и много (болѣе) благоразумія, не склонился на требованія мятежниковъ, самъ казнилъ первыхъ возмутителей, самъ водворяетъ порядокъ.

[8].

53. Юлія, дочь Августа, славная своимъ распутствомъ и ссылкой Овидія, умираетъ *въ изгнаніи, въ нищетѣ*, мож[етъ] б[ыть], но не *отъ нищеты и голода*, какъ пишетъ Тац[итъ]. (Невѣроятно). Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ.

[9].

Съ таковыми сужденіями не удивительно что Тацитъ, *бичъ тирановъ*, не нравился Наполеону,—но удивительно чистосердечіе Наполеона, въ томъ признававшагося, не думая о добрыхъ людяхъ готовыхъ видѣть тутъ ненависть тирана къ своему мертвому карателю.

Тац[итъ] говоритъ о Тиберіи что онъ не любилъ смѣнять своихъ проконсуловъ, однажды назначенныхъ. Ибо, прибавляетъ онъ важно, злая душа его не желала счастія многихъ...

872. О НАРОДНОСТИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности, жаловаться на отсутствіе народности; но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность.

Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи *). Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что, изъясняясь по-Русски, употребляютъ русскія выраженія *).

Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно или не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый Нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; Французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это, однакожь, носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...

*) Въ рукописи здѣсь оставлено мѣсто для цитаты.

873. О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

[Записка, представленная Пушкинымъ императору Николаю].

Послѣднія происшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій. Лѣтъ 15 тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною свѣтской образованностію или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонялось отъ первоначальныхъ начертаній. Десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій; литературу (подавленную самою своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры,

замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные.

Ясно, что походамъ 1813 и 1814 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и Германіи, должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой — необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостію первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія, есть корень всякаго зла. *Не просвѣщенію* (сказано въ высочайшемъ манифестѣ отъ 13 іюля 1826 года), *но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній, должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель.* Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человѣкъ кончаетъ курсъ ученія около 25 лѣтъ; у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безъ всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ: всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать; онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлію и достояніемъ просвѣщенія; должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства; должно его тамъ удержать, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенокъ окруженъ одними холопями, видитъ одни гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ не многимъ лучше, здѣсь и тамъ оно кончается на 16-ти лѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитаніе частное.

Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (напримѣръ, прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ).

Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открыть дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ-нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзаменъ сдѣлался новой отраслію промышленности для профессоровъ. Онъ походитъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. И такъ (съ такого то года) *молодой человѣкъ, не воспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.*

Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противодѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе станутъ пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ Гетингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общественнаго.

Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію; чрезъ сію полицію должны будутъ доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную—исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослаго человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ заранѣе внушать воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія. Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ, слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ, тремя годами кругъ обыкновенный ученія, *по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.*

Преобразованіе семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полнаго, особеннаго разсмотрѣнія.

Предметы ученія, въ первые годы, не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однакожь, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-тилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навыкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? Къ чему латинскій или греческій? позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатбкъ необходимаго?

Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

Высшія политическія науки займутъ окончательные годы. Преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій, безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ, не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убивства Кесаря, превознесеннаго 2,000 лѣтъ, но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.

Вообще, не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія государства россійскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна

русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика, ея законодательство требуютъ особенныхъ каѳедръ. Изученіе Россіи должно будетъ преимущественно занять въ окончательные годы умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлію искренно, усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе; одно желаніе усердіемъ и искренностію оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудило меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ, болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ.

---

874. ЗАМѢЧАНІЯ ПУШКИНА НА СТАТЬЮ КН. ВЯЗЕМСКАГО ОБЪ ОЗЕРОВѢ.

Къ изданію сочиненій Озерова, вышедшему въ 1816 г., былъ приложенъ критико-біографическій очеркъ кн. П. А. Вяземскаго. Въ Остафьевскомъ архивѣ кн. Вяземскаго, какъ сообщаетъ Леонидъ Майковъ (Пушкинъ, стр. 270), сохранился веленевый оттискъ этой статьи «съ приложенными бѣлыми листами (въ нихъ водяной знакъ 1825 года), на которыхъ, а равно на поляхъ печатнаго текста, находится рядъ критическихъ замѣтокъ, какъ о статьѣ Вяземскаго, такъ и о самомъ Озеровѣ. Замѣтки эти принадлежатъ А. С. Пушкину. Надобно думать, что онѣ набросаны не ранѣе Сентября 1826 г., когда Пушкинъ впервые увидѣлся съ Вяземскимъ по возвращеніи изъ ссылки, и не позже первыхъ мѣсяцевъ 1828 г., когда была закончена перепечатка статьи Вяземскаго для изданія 1828 г.»

Взятыя отдѣльно, замѣчанія Пушкина совершенно непонятны, а потому извлекаемъ изъ очерка Майкова подробное сопоставленіе этихъ замѣчаній съ тѣми мѣстами, которыхъ они касаются.

Ред.

Слогъ статьи Вяземскаго непріятно поразилъ Пушкина своимъ приподнятымъ тономъ.

«Да говори просто: ты довольно уменъ для этого»,

восклицаетъ Пушкинъ, встрѣтивъ въ статьѣ объ Озеровѣ слѣдующую пышную фразу: «Изъ нашихъ драматическихъ твореній всякое болѣе или менѣе ознаменовано печатію отверженія, наложенною на нашъ театръ рукою Таліи и Мельпомены». На другой страницѣ той же статьи Пушкинъ прочелъ такія слова: «главнымъ свойствомъ его сердца была любовь къ друзьямъ»—и спѣшитъ замѣтить:

«любовь къ друзьямъ—по русски *дружба*, не свойство, а страсть развѣ».

Много неудачныхъ выраженій Вяземскаго Пушкинъ просто зачеркиваетъ или замѣняетъ своею поправкою; такъ, напримѣръ, противъ словъ: «и совсѣмъ поглотила его бездна забвенія» онъ пишетъ:

и совсѣмъ его забыли (проще и лучше)».

Въ одномъ случаѣ Вяземскій не удержался отъ игры словами: «Новѣйшіе, рабски слѣдуя древнимъ, приняли ихъ мѣрку, не заботясь о выкройкѣ ихъ». Пушкинъ самъ былъ мастеръ на острословіе; но въ данномъ случаѣ, когда дѣло шло о размѣрахъ древней и новой трагедіи, онъ счелъ неумѣстнымъ примѣненіе терминовъ портняжнаго ремесла къ поэзіи и отечески пожурилъ пріятеля:

«Перестань, не шали!»

Лишь изрѣдка счастливый оборотъ рѣчи у Вяземскаго вызываетъ одобреніе Пушкина, выражаемое словами:

«Хорошо», «прекрасно»;

но въ такихъ случаяхъ дѣло не всегда обходится безъ поправки; такъ, выраженіе Вяземскаго: «въ льдистомъ сосудѣ» понравилось поэту, очевидно, по своей образности; онъ написалъ на полѣ:

«Хорошо, смѣло»,

но тутъ же предложилъ и исправленіе:

«не въ ледяномъ ли?»

Кромѣ того, въ этюдѣ Вяземскаго Пушкинъ находилъ, съ одной стороны, ненужныя распространенія, а съ другой—кое-гдѣ недосказанность. Длинноты онъ зачеркнулъ въ самомъ текстѣ, отмѣтивъ притомъ на поляхъ:

«лишнее, повтореніе уже сказаннаго»,

а тамъ, гдѣ видѣлъ неполноту изложенія, ставилъ знакъ вопроса или писалъ:

«гдѣ какъ?»

или:

«почему? изъясни».

Особенно недоволенъ онъ остался тѣмъ, какъ Вяземскій разсказалъ исторію сердечныхъ треволненій Озерова.

«Все это сбивчиво»,

пишетъ Пушкинъ на полѣ,

«ты сперва говоришь о его любви, потомъ о его романизмѣ въ трагедіяхъ, потомъ о дружбѣ, потомъ опять о любви, опять о щекотливости, опять о любви. Болѣе методы, ясности!»

Среди этихъ упрековъ Пушкинъ не замѣтилъ и не оцѣнилъ даже очень вѣрнаго замѣчанія Вяземскаго, что чтеніе старинныхъ романовъ дало особый характерный оттѣнокъ вымысламъ фантазіи Озерова. Въ одномъ изъ подобныхъ замѣчаній Пушкина слышится даже нѣкоторая жесткость. Вяземскій, вспоминая, что Озеровъ въ молодости перевелъ героиду Колардо «Элоиза къ Абелару», замѣчаетъ, что было бы несправедливо «не признать грядущаго поэта» въ этомъ трудѣ, а Пушкинъ противъ этихъ словъ приписываетъ на полѣ:

«Какъ тебѣ не стыдно распространяться объ этомъ! Все это лишнее».

Въ критической части своего этюда Вяземскій, прежде чѣмъ представить оцѣнку произведеній Озерова, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ его предшественникахъ на поприщѣ русской драматургіи. О Сумароковѣ онъ судитъ очень строго, и хотя признаетъ въ немъ умъ и дарованіе, относительно его сочиненій замѣчаетъ только, что «въ трагедіяхъ Сумароковъ такъ же выше комедій своихъ, какъ Княжнинъ въ комедіяхъ выше трагедій Сумарокова и своихъ собственныхъ». Пушкинъ тоже былъ невысокаго мнѣнія о Сумароковѣ: въ одной изъ своихъ критическихъ статей онъ называетъ его «несчастнѣйшимъ изъ подражателей», а трагедіи его—«вялыми и холодными», «исполненными противомыслія, написанными варварскимъ языкомъ». Согласно съ такимъ мнѣніемъ, и въ замѣткахъ на статью объ Озеровѣ противъ сдѣланнаго Вяземскимъ сопоставленія Сумарокова съ Княжнинымъ онъ пишетъ:

«И этого не вижу: въ немъ все дрянь, кромѣ нѣкоторыхъ одъ».

Эта послѣдняя оговорка представляется намъ не совсѣмъ понятною: трудно догадаться, какія стихотворенія Сумарокова поэтъ могъ исключать изъ «дряни», наполняющей многотомное собраніе его сочиненій; не разумѣлъ ли онъ, быть можетъ, тѣ немногія пьесы, въ которыхъ Сумароковъ пользовался мотивами и выраженіями народной поэзіи? Такая догадка становится допустимою, когда мы прочтемъ слѣдующія—впрочемъ, не совсѣмъ справедливыя—слова, которыми Пушкинъ заключаетъ свое сужденіе объ «отцѣ русскаго театра».

«NB. Сумароковъ прекрасно зналъ русскій языкъ (лучше, нежели Ломоносовъ)».

Къ Княжнину Вяземскій отнесся въ своей статьѣ очень благосклонно: «Княжнинъ первый положилъ твердое основаніе какъ трагическому, такъ и комическому слогу. Лучшая комедія въ стихахъ на нашемъ театрѣ есть неоспоримо «Хвастунъ», хотя и въ ней критика найдетъ много недостатковъ. и вкусъ не всѣ стихи освятилъ своею печатью. Но за то сколько сценъ истинно комическихъ, являющихъ блестящія дарованія автора! Сколько счастливыхъ стиховъ, вошедшихъ непримѣтно въ пословицы! Сколько цѣлыхъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ, такъ сказать, о зрѣлости слога Княжнина!... «Утѣшенная вдова» до сего времени можетъ служить у насъ образцовою (комедіей) по достоинству прозаическаго и комическаго слога, тонкой насмѣшки и веселости». Излишество въ этихъ похвалахъ не могло не поразить Пушкина; еще въ 1825 году, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бестужеву, онъ съ ироніей говорилъ, что у насъ «Княжнинъ безмятежно пользуется своею славою»; въ замѣткахъ на статью Вяземскаго онъ счелъ необходимымъ предостеречь его отъ подобныхъ увлеченій.

«Хвастунъ», напоминаетъ ему Пушкинъ, — переводъ изъ «L'Important»; я не читалъ подлинника, пересмотри»;

а по поводу «Утѣшенной вдовы» онъ прибавляетъ:

«Полно, такъ ли?»

О Княжнинѣ, какъ авторѣ трагедій, Вяземскій судилъ болѣе строго и находилъ даже, что «главный недостатокъ Княжнина происходитъ отъ свойствъ души его: онъ не рожденъ трагикомъ».

«То-есть, онъ просто не поэтъ»,

коротко поясняетъ со своей стороны Пушкинъ.

Вяземскій, признавшій нужнымъ благосклонно отозваться о прозаической комедіи Княжнина, упомянулъ о піесахъ Фонвизина лишь вскользь, въ подстрочномъ примѣчаніи. Очевидно, въ глазахъ Вяземскаго еще сохраняли значеніе понятія старинной литературной теоріи, по которымъ комедія въ прозѣ считалась ниже, чѣмъ комедія въ стихахъ. Пушкина такія соображенія уже не могли стѣснять. «Фонвизинъ»—говорится въ примѣчаніи Вяземскаго—«умѣлъ быть оригинальнымъ и хорошимъ стихотворцемъ, но писалъ прозою комедіи, донынѣ лучшія на нашемъ театрѣ, и даже единственныя, какъ по силѣ представленныхъ нравовъ и характеровъ, такъ и по разговору, который блистаетъ непринужденнымъ остроуміемъ».

«Не поэтому»

возражаетъ въ своей замѣткѣ къ приведеннымъ словамъ Пушкинъ.

«Но о Фонвизинѣ поговоримъ послѣ».

Къ сожалѣнію, Пушкинъ не привелъ своего намѣренія въ исполненіе. Несомнѣнно однако, что онъ цѣнилъ Фонвизина высоко, и не за силу его сатиры или за его остроуміе, а за жизненность образовъ, созданныхъ его творчествомъ: довольно вспомнить его восторженный отзывъ про «Разговоръ у княгини Халдиной». Когда Вяземскій въ концѣ двадцатыхъ годовъ принялся за большой трудъ о Фонвизинѣ, Пушкинъ горячо привѣтствовалъ это предпріятіе и, безъ сомнѣнія, содѣйствовалъ князю въ уясненіи и разработкѣ его задачи.

Какъ извѣстно, въ русской литературѣ XVIII вѣка Пушкинъ, хорошо ее знавшій, признавалъ только три крупныя дарованія—Ломоносова, Фонвизина и Державина. Такъ, и при разборѣ статьи Вяземскаго, прочитавъ его слова, что стихи Державина къ Озерову «отзываются старостью поэта и не стоютъ прозы Озеровой», Пушкинъ поспѣшилъ замѣтить:

«Милый мой, уважай отца Державина, не равняй его стиховъ съ прозой Озерова!»

А между тѣмъ никто лучше Пушкина не видѣлъ недостатковъ Державинскаго стихотворства.

Мы уже упоминали о томъ, что князь Вяземскій, въ своей статьѣ, рѣшился даже провести параллель между заслугами Озерова, какъ «преобразователя русской трагедіи», и заслугами Карамзина, какъ «преобразователя прозаическаго языка». «Оба», говорилъ онъ,— оставили между собою и предшественниками своими великое разстояніе. Судя по твореніямъ, которыя застали они, нельзя не признать, что ими вдругъ подвинулось искусство, и если бы не при насъ случилось сіе важное преобразованіе, трудно было бы повѣрить, что оно не приготовлено было твореніями, отъ насъ утраченными. Но для нѣкоторыхъ людей сей геркулесовскій подвигъ не существуетъ». Въ этихъ послѣднихъ словахъ Вяземскій намекаетъ на Шишкова, который одинаково враждебно высказывался и противъ Карамзина, и противъ Озерова, предпочитая послѣднему даже Сумарокова. Пушкинъ, разумѣется, не желалъ, да и не могъ оказаться единомышленникомъ адмирала-литератора; тѣмъ не менѣе, онъ не находилъ справедливымъ сопоставленіе, сдѣланное Вяземскимъ.

«Большая разница»,

спѣшитъ онъ отвѣтить на слова послѣдняго:—

«Карамзинъ—великій писатель во всемъ смыслѣ этого слова, а Озеровъ — очень посредственный. Озеровъ сдѣлалъ шагъ въ слогѣ, но искусство чуть ли не отступило. Геркулесовскаго въ немъ нѣтъ ничего».

Нѣсколько далѣе Вяземскій, впадая отчасти въ противорѣчіе съ самимъ собою, замѣчаетъ, что не смотря на дѣятельность Озерова, «драматическое искусство у насъ еще въ колыбели». Пушкинъ немедленно подхватываетъ это выраженіе и пишетъ на полѣ противъ него:

«Гдѣ же геркулесовскій подвигъ Озерова?»

Еще далѣе Вяземскій высказываетъ мнѣніе, что «Эдипъ въ Аѳинахъ» поставилъ Озерова «на степень первѣйшаго нашего трагика». Пушкинъ подчеркиваетъ слово *первѣйшій* и сбоку приписываетъ:

Въ Москвѣ считался знаменитымъ,
Затѣмъ что былъ одинъ.

Наконецъ, встрѣтивъ въ статьѣ Вяземскаго собственное признаніе Озерова, что чтеніе стиховъ ничтожнаго французскаго поэта прошлаго вѣка Колардо «открыло ему путь парнасскій», Пушкинъ тонко замѣчаетъ:

«Это даетъ мнѣ мѣрку дарованія Озерова».

Все это показываетъ, что Пушкинъ признавалъ талантъ автора «Дмитрія Донского» блѣднымъ и слабымъ, и между прочимъ неспособнымъ именно къ творчеству драматическому.

Какъ и слѣдовало ожидать, князь Вяземскій отводитъ въ своей статьѣ много мѣста разбору отдѣльныхъ трагедій Озерова. Эта часть статьи, повидимому, мало удовлетворила Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала съ его стороны лишь небольшое число замѣчаній. «Въ разборѣ «Эдипа въ Аѳинахъ» онъ просто зачеркиваетъ отдѣльныя выраженія и цѣлыя фразы, ему не понравившіяся, но только въ рѣдкихъ случаяхъ сопровождаетъ эти помарки своими замѣчаніями. Должно признать, что ни авторъ статьи, ни его критикъ не были настолько хорошо знакомы съ Софокломъ, чтобъ основательно судить, какъ далеко Озеровъ отступилъ отъ своего греческаго образца; притомъ, оба они упустили изъ виду, что русскій трагикъ руководствовался не прямо трагедіей древняго поэта, а ея плохими передѣлками, принадлежавшими XVIII вѣку. При такихъ условіяхъ замѣчанія Вяземскаго объ «Эдипѣ въ Аѳинахъ» получили характеръ нѣсколько случайный и нетвердый, и въ свою очередь возраженія на нихъ со стороны Пушкина какія-то отрывочныя и недосказанныя. Такъ, у Вяземскаго встрѣчается, напримѣръ, такая фраза: «Отнимая у Эдипа все то, что, такъ сказать, теряется для глазъ нашихъ,— его несчастіе, благородная твердость, нѣжная любовь его дочери имѣютъ еще довольно правъ на состраданіе, и повѣсть Эдипа останется всегда богатымъ и счастливымъ наслѣдствомъ древнихъ, которымъ успѣшно могутъ пользоваться и новѣйшіе трагики». Читая эту фразу, трудно догадаться, что въ первой половинѣ ея авторъ намекаетъ на значеніе рока, судьбы въ жизни Эдипа, значеніе, соотвѣтственное языческимъ представленіямъ древнихъ грековъ, но совершенно чуждое нашимъ христіанскимъ понятіямъ, Пушкинъ, быть можетъ, и чувствовалъ неясность этого намека, но со своей стороны ограничился лишь слѣдующею, тоже неопредѣленною оговоркой противъ вышеприведенной фразы:

«Критика слишкомъ незрѣлая».

Далѣе, въ своей попыткѣ сравнить Озеровскаго Эдипа въ Аѳинахъ» съ Софокловымъ «Эдипомъ въ Колонѣ» Вяземскій проводитъ параллель между тѣмъ, какимъ образомъ древній и новый поэты привели трагедію къ развязкѣ. У Софокла трагедія кончается смертью Эдипа, но самая эта смерть облечена покровомъ таинственности: Эдипъ загадочно погибаетъ въ святилищѣ мстительныхъ Евменидъ. Таково было древнее преданіе, и Софоклъ остался ему вѣренъ. Напротивъ того, Озеровъ отступилъ отъ него самымъ произвольнымъ образомъ: у него Эдипъ, послѣ всѣхъ своихъ злоключеній, остается живъ, а умираетъ его врагъ Креонъ, и такимъ образомъ наивно достигается нравоучительная цѣль трагедіи: порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. Странность такой развязки—кстати сказать, совершенно не соотвѣтствующей древнему преданію, ибо надъ Эдипомъ все-таки тяготѣетъ преступленіе, хотя и невольное,—не ускользнула отъ строгаго осужденія со стороны Вяземскаго: «Озеровъ, какъ сказываютъ, сперва и хотѣлъ перенести въ свою трагедію прекрасный конецъ Софокловой; но одинъ актеръ, въ школѣ Сумарокова воспитанный, испугалъ его, предсказывая, что публика дурно приметъ конецъ, столь противный общимъ понятіямъ о цѣли драматическихъ твореній, и родилъ въ немъ мысль развязать трагедію смертію Креона. Озеровъ принялъ этотъ совѣтъ и лишилъ себя и насъ счастливаго, можетъ быть, единственнаго случая познакомиться съ сверхъестественными окончаніями древняго театра. Такимъ образомъ, вкоренѣлые предразсудки и уполномоченные представители ихъ въ обществѣ заграждаютъ произвольными межами путь

генію, еще не довольно возмужавшему, чтобы съ постоянною смѣлостью презрѣть ихъ въ полетѣ своемъ». Замѣчаніе Вяземскаго сводится въ концѣ концовъ лишь къ тому заключенію, что развязка трагедіи въ томъ видѣ, въ какомъ представилъ ее Софоклъ, могла быть эффектною и на современной сценѣ; о чисто же античномъ свойствѣ этой развязки, въ смыслѣ примиренія невольнаго преступника (а съ нимъ вмѣстѣ и зрителей) съ неизбѣжною силой рока, князь Вяземскій и не думалъ; онъ даже прямо говоритъ, что не дѣло трагическаго поэта заботиться о жребіи и приговорѣ Провидѣнія. Еще менѣе Пушкинъ думалъ о томъ, какъ древніе разумѣли конечную судьбу Эдипа: въ своей замѣткѣ къ послѣднимъ изъ приведенныхъ словъ Вяземскаго онъ предлагаетъ только частную поправку:

«Тутъ не было ни генія, ни смѣлаго полета,—просто вкусъ».

ОЗЕРОВЪ.

Гравюра Уткина съ рис. А. Нотбека.

То-есть, дурной вкусъ Озерова и его совѣтниковъ; словомъ, Пушкинъ остается при своемъ убѣжденіи насчетъ слабости дарованія Озерова; но изъ его поправки нельзя заключить, сочувствовалъ ли онъ справедливому сожалѣнію Вяземскаго объ устраненіи Софокловой развязки. Вообще, по вопросу о нравственномъ значеніи трагедіи, поднятому Вяземскимъ по поводу «Эдипа въ Аѳинахъ», Пушкинъ старается или вовсе не высказываться, или переноситъ его на чисто эстетическую почву. Слова Вяземскаго, что «трагикъ не есть уголовный судія», вызываютъ у него восклицаніе:

«Прекрасно!»

«Но когда, вслѣдъ затѣмъ, Вяземскій впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою и говоритъ: «Обязанность его (трагика) и всякаго писателя есть согрѣвать любовію къ добродѣтели и воспалять ненависть къ пороку... Великіе трагики и изъ новѣйшихъ чувствовали сію истину, и Вольтеръ, поражая Зопира и щадя Магомета, не былъ ни гонителемъ добродѣтели, ни льстецомъ порока», Пушкинъ спѣшитъ возразить на это разсужденіе слѣдующими горячими словами.

«Ни чуть! Поэзія выше нравственности, или по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло. Господи Іисусе! Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ—ихъ одна поэтическая сторона».

По поводу другой трагедіи Озерова «Фингалъ» князь Вяземскій возбуждаетъ вопросъ о томъ, насколько поэмы Оссіана, служившія въ данномъ случаѣ источникомъ для русскаго автора, вообще способны представить матеріалъ для трагедіи.

Среди разныхъ литературныхъ вліяній, пережитыхъ Пушкинымъ, имъ была заплачена, въ очень ранней юности, нѣкоторая дань и каледонскому барду; онъ былъ, слѣдовательно, знакомъ съ особенностями и настроеніямъ Оссіановской поэзіи. Въ бѣглой замѣткѣ, написанной Пушкинымъ противъ вышеприведеннаго вопросо-отвѣта Вяземскаго, онъ говоритъ:

«Что общаго между однообразіемъ Оссіановскихъ поэмъ и трагедіей, которая заимствуетъ у нихъ единый слогъ?»

Слово *слогъ* здѣсь нужно понимать, конечно, не въ тѣсномъ значеніи правильнаго и краснваго выраженія, а въ томъ смыслѣ, который далъ ему въ знаменитомъ афоризмѣ Бюффона: «Le style est l'homme même». Подъ слогомъ Пушкинъ разумѣетъ здѣсь не только стройность рѣчи, но и ея соотвѣтствіе съ мыслями и чувствами писателя. Такимъ образомъ, Пушкинъ признаетъ, что въ «Фингалѣ» Озеровъ умѣлъ усвоить себѣ настроеніе Оссіановскихъ поэмъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря, что Озеровъ заимствовалъ въ своемъ источникѣ «единый слогъ», онъ даетъ понять, что русскій авторъ отклонился отъ Оссіана въ разработкѣ избранной имъ темы.

Пушкинъ, очевидно, не одобрялъ Озерова за такія передѣлки; онъ видѣлъ въ нихъ неспособность русскаго автора освободиться отъ ложноклассическаго преданія. Слѣдующее замѣчаніе Пушкина подтверждаетъ наше толкованіе. «Вяземскій хвалитъ Озерова за «искусство», съ которымъ онъ «умѣлъ противопоставить мрачному и злобному Старну, таящему въ глубинѣ печальной души преступныя надежды,... благородство и довѣрчивость Фингала». Пушкинъ на это отвѣчаетъ:

«Противоположности характеровъ — вовсе не искусство, но пошлая пружина французскихъ трагедій».

Послѣднія страницы своей статьи князь Вяземскій посвятилъ общей оцѣнкѣ таланта Озерова и его литературной дѣятельности. Пушкинъ оставилъ эти страницы безъ всякихъ замѣчаній и только отчеркнулъ карандашемъ слѣдующую фразу:

«Трагедія Озерова... уже нѣсколько принадлежитъ къ новѣйшему драматическому

роду, такъ-называемому романтическому, который принятъ нѣмцами отъ испанцевъ и англичанъ».

Не будемъ входить въ сужденіе о томъ, какое значеніе имѣетъ здѣсь слово романтическій, и какъ вообще смотрѣли на романтизмъ Вяземскій и Пушкинъ въ двадцатыхъ годахъ; замѣтимъ только, что съ вышеприведеннымъ мнѣніемъ перваго послѣдній не могъ быть согласенъ, ибо видѣлъ въ Озеровѣ, не смотря на всѣ его пресловутыя «отступленія отъ правилъ», вѣрнаго послѣдователя псевдоклассической піитики.

Вслѣдъ за концомъ этюда Вяземскаго Пушкинъ написалъ и свое заключеніе, въ которомъ высказалъ свой общій отзывъ объ этой статьѣ и свое окончательное мнѣніе объ Озеровѣ. Вотъ эти строки:

Часть критическая вообще слаба, слишкомъ слаба. Слогъ имѣетъ твои недостатки, не имѣя твоихъ достоинствъ. Лучше написать совсѣмъ новую статью, чѣмъ предавать печати это сбивчивое и невѣрное изображеніе. Озерова я не люблю не отъ зависти (сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ), но изъ любви къ искусству. Ты самъ признаёшь, что слогъ его нехорошъ, а я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянетъ, и лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ. Озерова перевели; переводъ есть оселокъ драматическаго писателя; посмотри же, что изъ него вышло во французской прозѣ. Александръ Пушкинъ.

---

876. ЗАМѢЧАНІЯ ПУШКИНА НА ПОЛЯХЪ «ОПЫТОВЪ» БАТЮШКОВА.

Какъ и предыдущія замѣчанія, извлекаемъ эти отмѣтки изъ книги Леонида Майкова «Пушкинъ» (СПБ., 1900). И эти отмѣтки непонятны сами по себѣ, а потому опять приводимъ ихъ вмѣстѣ съ подробными сопоставленіями Майкова. *Ред.*

Пушкинъ всегда сохранялъ глубокое уваженіе къ таланту Батюшкова, къ «не созрѣвшимъ надеждамъ», имъ внушеннымъ, и къ его дѣйсвительнымъ заслугамъ на литературномъ поприщѣ. Памятникомъ этого уваженія остается экземпляръ «Опытовъ» Батюшкова, находившійся въ рукахъ Пушкина, и вторая часть котораго, содержащая въ себѣ стихи, испещрена его рукописными замѣтками. Экземпляръ этотъ принадлежитъ старшему сыну поэта А. А. Пушкину. Благодаря содѣйствію П. И. Бартенева, мы имѣли возможность разсмотрѣть эту драгоцѣнность, списали замѣтки Пушкина и предлагаемъ ихъ здѣсь, сопровождая нашими объясненіями.

Замѣчанія, находящіяся въ разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, сдѣланы Пушкинымъ не ранѣе второй половины 1826 года и, можетъ быть, не позже 1828 года.

Весьма вѣроятно также, что замѣтки писались не въ одинъ пріемъ: по крайней мѣрѣ однѣ изъ нихъ, и притомъ большая часть, написаны карандашемъ, другія - перомъ; перомъ же вписана и піеса: «Есть наслажденіе...»

Замѣчанія Пушкина разбросаны на страницахъ книги случайно; поэтому передавать ихъ здѣсь въ той же послѣдовательности нѣтъ никакого интереса, ни нужды. Самая форма ихъ изложенія очень отрывочна. Обыкновенно Пушкинъ ограничивается двумя-тремя словами одобренія или порицанія, нерѣдко даже однимъ; иногда лишь карандашная помѣта намекаетъ на то, что тѣ или другіе стихи обратили на себя вниманіе читателя: то сбоку отмѣтитъ онъ рядъ стиховъ, то подчеркнетъ отдѣльную строку или отдѣльное слово, то длинною чертой, проведенною черезъ все стихотвореніе, проявить свое неодобреніе. Но рядомъ съ этими отмѣтками, смыслъ которыхъ не всегда ясенъ, и съ краткими приговорами въ двухъ-трехъ словахъ попадаются замѣчанія болѣе значительнаго объема.

Въ своей ранней молодости Пушкинъ восхищался не только піесами Батюшкова въ антологическомъ родѣ, но и его сатирическими стихотвореніями. Не такъ уже думалъ онъ въ то время, когда писалъ свои замѣчанія. Большія сатирическія піесы Батюшкова не были включены въ «Опыты», но мы встрѣчаемъ здѣсь нѣсколько его эпиграммъ; нѣкоторыя изъ нихъ Пушкинъ проходитъ молчаніемъ; три («Какъ трудно Бибрису...», Оп., 222; Соч. I, 72.—«Памфилъ забавенъ...», Оп., 222; Соч., I, 220.—«На книгу подъ названіемъ Смѣсь», Оп., 207; Соч., I, 33) просто зачеркиваетъ въ знакъ неодобренія; наконецъ, о трехъ остальныхъ дѣлаетъ замѣтки. Такъ, по поводу эпиграммы: «Всегдашній гость...» (Оп., 222; Соч., I, 128) сказано:

«Это не Батюшкова, а Блудова, и то переводъ».

Дѣйствительно, эпиграмма переведена изъ Лебрена. По случаю «Мадригала новой Сафѣ», (Оп., 223; Соч., I, 72) замѣчено:

«Переведенное остроуміе—плоскость».

Эпиграмма эта, хотя и направлена Батюшковымъ противъ А. П. Буниной, основана на мотивѣ, тоже взятомъ у Лебрена. Такое же замѣчаніе:

«какая плоскость!»

читаемъ мы и по поводу «Мадригала Мелинѣ, которая называла себя нимфою» (Оп., 207; Соч. I, 72).

Подтвержденіе этимъ строгимъ приговорамъ объ эпиграммахъ Батюшкова находимъ въ слѣдующей замѣткѣ Пушкина по поводу шутливаго

«Отвѣта» А. И. Тургеневу (Оп., 153—156; Соч., I, 148—150):

«Какъ неудачно почти всегда шутитъ Батюшковъ! Но его «Видѣніе» умно и смѣшно».

Вотъ какое сужденіе о «Монхъ Пенатахъ» находимъ мы въ замѣткахъ Пушкина:

«Главный порокъ въ семъ прелестномъ посланіи есть слишкомъ явное смѣшеніе древнихъ обычаевъ миѳологіи съ обычаями жителя подмосковной деревни. Музы—существа идеальныя; христіанское воображеніе наше къ нимъ привыкло; но *норы* и *кельи*, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствіемъ находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ—Суворовскаго солдата съ двуструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ уже противорѣчитъ».

Перечитывая это посланіе, Пушкинъ останавливается на его отдѣльныхъ мѣстахъ. Онъ перечеркиваетъ стихи 45-й—48-й:

Развратные счастливцы.
Придворные друзья,
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!

какъ бы считая эти строки неумѣстными, однако сбоку пишетъ:

«Сильные стихи».

Стихи 139-й—143-й также перечеркнуты, вѣроятно, по своей неудовлетворительности. Въ концѣ посланія, по поводу стиховъ 301-го—304-го:

Къ чему сія куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?

находимъ такую замѣтку:

«Стихи прекрасные, но опять тоже противорѣчіе».

Этими словами Пушкинъ возвращается къ своей прежней мысли о смѣшеніи образовъ христіанскихъ съ языческими. Дѣло въ томъ, что Батюшковъ, за нѣсколько строкъ предъ описаніемъ панихиды, намекаетъ на свою смерть тѣмъ, что

Парки тощи
Нить жизни допрядутъ.

Заключительное замѣчаніе Пушкина показываетъ всю ту цѣну, какую онъ придавалъ знаменитому посланію:

«Это стихотвореніе дышетъ какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденья, слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется, гармонія очаровательна».

Изъ другихъ стихотвореній Батюшкова въ томъ же родѣ Пушкину нравилось посланіе къ Жуковскому (Оп., 148—152; Соч., I, 145—147), написанное вслѣдъ за «Пенатами» и отчасти служащее дополненіемъ къ этой піесѣ. Вотъ какъ отзывается Пушкинъ объ этомъ посланіи:

«Прекрасно, достойно блестящихъ и небрежныхъ шалостей французскаго остроумія,—и вездѣ языкъ поэзіи».

Менѣе благосклонны отзывы Пушкина объ остальныхъ посланіяхъ, помѣщенныхъ въ «Опытахъ». Такъ, о стихахъ, обращенныхъ къ графу М. Ю. Виліегорскому (Оп. 138—141; Соч., I, 65—66), находимъ такое строгое сужденіе.

«Преглупая піеса».

Многія строки этого стихотворенія подчеркнуты въ знакъ неодобренія, а иныя снабжены замѣтками. Такъ, по поводу стиха 7-го:

И новый *регламентъ*, и новые законы

сказано:

«Mauvais goût—это рѣдкость у Батюшкова».

О стихѣ 15-мъ:

Какими бъ и у насъ гордилась красота

замѣтка:

«Какъ дурно!»

По поводу стиховъ 25-го—29-го:

О мой любезный другъ, отдай, отдай назадъ
Зарю прешедшихъ дней и съ прежними бѣдами,
Съ любовью и войной!
Или, волшебникъ мой,
Одушеви мое музыкой нѣсколько...

читаемъ:

«Не понимаю этого перехода».

По поводу стиховъ 32-го и 33-го:

И камни приводить въ движенье,
И горы, и лѣса!

замѣтка:

«плоско».

Къ стиху 34-му:

Тогда я съ сильфами взлечу на небеса

приписано:

«Вотъ сунуло куда!»

Наконецъ, стихи 39-й—43-й отмѣчены чертою съ боку и вызываютъ слѣдующее восклицаніе Пушкина:

«Сильваны, нимфы и наяды—*межъ* сыромъ выписнымъ и гамбургскимъ журналомъ!»

Указывая на странное сочетаніе всѣхъ этихъ предметовъ въ стихахъ Батюшкова, Пушкинъ, очевидно, имѣлъ ту же мысль, которую высказалъ по поводу «Монхъ Пенатовъ».

Такъ же строги замѣчанія на посланіе къ А. П. Тургеневу (Оп., 142—145; Соч., I, 243—245). Къ стихамъ 19-му и 20-му:

Лишь «дайте имъ!» промолви—въ мигъ
Онѣ очутятся съ серьгами

приписано:

«какъ плоско!»

Къ стихамъ 27-му и 28-му:

Былъ бѣденъ. Умеръ. Отъ долговъ
Онъ слѣдственно спокоенъ

относится замѣтка:

«Какая холодная шутка!»

Слово *но*, дважды встрѣчающееся въ стихахъ 29-мъ и 30-мъ, даетъ поводъ къ отмѣткѣ:

«Что за слогъ!»

Стихи 37-й—39-й:

Прекрасно, славно, спору нѣтъ!
Но... здѣшній свѣтъ
Не рай—мнѣ сказывалъ мой дѣдъ

снабжены ироническою замѣткой:

«Стихи достойные В. Л.» (то-есть, Василья Львовича Пушкина).

Въ стихѣ 50-мъ:

И стала грація *точь въ точь*

послѣднія слова подчеркнуты, и къ нимъ приписано:

«опять!»

потому что тотъ же оборотъ рѣчи уже встрѣчался выше въ стихѣ 21-мъ. Заключительные стихи піесы:

Онѣ предъ образомъ, конечно,
Затеплятъ чистую свѣчу,
За чье здоровье—умолчу:
Ты угадаешь, другъ сердечной!

сопровождаются такою припиской:

«Я не угадаю; если за здоровье Тургенева, то это плоско; если нѣтъ, такъ изъяснись. Охота печатать всякій вздоръ! Батюшковъ не виноватъ!»

Изъ послѣднихъ словъ надобно заключать, что Пушкинъ приписывалъ редакцію «Опытовъ» не самому автору, а Гнѣдичу; на самомъ же дѣлѣ послѣдній былъ только издателемъ и печаталъ сборникъ по рукописи, доставленной Батюшковымъ; Гнѣдича можно винить лишь за то, что онъ не удержалъ своего друга отъ помѣщенія въ «Опыты» нѣсколько слабыхъ піесъ.

Въ стихотвореніи «Отвѣтъ Гнѣдичу» (Оп., 147; Соч., I, 67—68) начальные стихи:

Твой другъ тебѣ на вѣкъ отнынѣ
Съ рукою сердце отдаетъ

вызываютъ со стороны Пушкина шутку:

«Батюшковъ женился на Гнѣдичѣ!»

О посланіи къ И. М. Муравьеву-Апостолу (Оп., 160—166; Соч., I, 205—206) Пушкинъ отозвался такъ:

«Цѣль посланія не довольно ясна: недостаточно то, что̀ выполнено прекрасно».

Дѣйствительно, въ первыхъ строкахъ піесы Батюшковъ говоритъ, что

Отъ первыхъ впечатлѣній,
Отъ первыхъ, свѣжихъ чувствъ заемлетъ силу геній,

а далѣе, въ стихахъ 33-мъ—36-мъ, предлагаетъ слѣдующій вопросъ:

Не тамъ ли, гдѣ роскошная природа
И раскаленный Фебъ съ безоблачнаго свода
Обиліемъ поля счастливыя даритъ,
Таланта колыбель и область піэридъ?

Эти стихи кажутся Пушкину не соотвѣтствующими основной мысли піесы, и по поводу ихъ онъ замѣчаетъ:

«Это дѣло десятое; не о томъ дѣло; см. ст. 1».

Неясность мысли находитъ онъ и въ послѣднихъ двухъ строкахъ посланія и пишетъ противъ нихъ:

«темно».

Кромѣ этихъ замѣчаній, относящихся къ неопредѣленной идеѣ стихотворенія, еще двѣ замѣтки касаются слога. Противъ стиха 72-го:

И день, чудесный день, безъ ночи, безъ *зарей*

поставлена поправка

«зорь»,

а противъ стиховъ 79-го—81-го написано:

«вяло».

Посланіе къ Гнѣдичу (Оп., 75—76; Соч., I, 41—42: «Только дружба обѣщаетъ...») было написано Батюшковымъ въ раннюю пору его поэтической дѣятельности, въ 1807 году. Пушкинъ угадалъ это своимъ критическимъ чутьемъ и противъ первыхъ строкъ этой піесы отмѣтилъ:

«Что за дѣтскіе стихи!»

Но заключительныя строки посланія ему понравились и онъ пишетъ:

«Послѣдніе 4 стиха очень милы».

Къ посланію къ Д. В. Дашкову (Оп., 77—80; Соч., I, 151—153) Пушкинъ отнесся съ похвалою. По поводу стиховъ 6-го—8-го:

Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ,
Я на распутьи видѣлъ ихъ...

онъ замѣчаетъ:

«прекрасное повтореніе»,

а противъ стиховъ 23-го—26-го:

И тамъ, гдѣ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ...

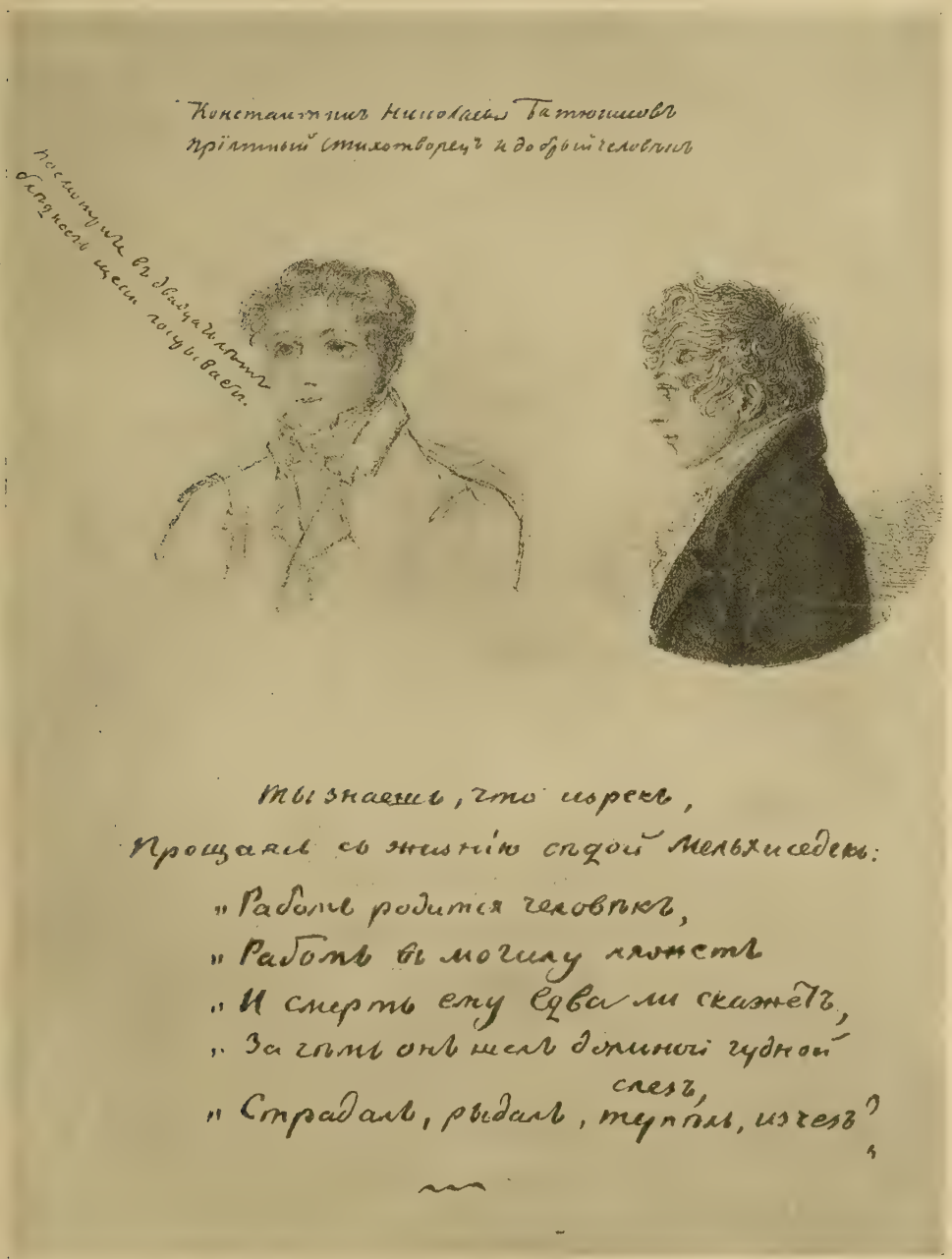
пишетъ:

«прелесть!»

Въ Пушкинскихъ наброскахъ 1822 года есть даже подражаніе этимъ стихамъ:

На тихихъ берегахъ Москвы
Церквей, вѣнчанныя крестами,
Сіяютъ ветхія главы
Надъ монастырскими стѣнами;
Кругомъ простерлись по холмамъ
Во вѣкъ не рубленныя рощи;
Издавна почивали тамъ
Угодниковъ святыя мощи...

Менѣе нравилось Пушкину посланіе къ. Н. М. Муравьеву (Оп., 199—201; Соч., I, 270—271) Въ припискѣ къ заглавію онъ называетъ его:



ДВА АВТОПОРТРЕТА БАТЮШКОВА.

(*Стихи Батюшкова подъ ними подписалъ Жуковскій*).

«подражаніе старымъ трубадурамъ»

и отмѣчаетъ неловкое выраженіе въ стихахъ 31-мъ и 32-мъ:

Что вы для нихъ, для сихъ *сердецъ*,
Природой *вскормленныхъ* для сѣчи?

По поводу стиха 40-го:

Мы «Хвалимъ Господа» поемъ

онъ пишетъ:

«*Te Deum laudamus*, а по нашему должно бы: *Царю Небесный*».

Зато стихъ 53-й:

Спокойся! съ первыми громами

встрѣтилъ его одобреніе и сопровождается словомъ:

«прекрасно!»

Совершенно не по вкусу Пушкина пришлось посвященіе, которое Батюшковъ предпослалъ стихотворному отдѣлу своихъ «Опытовъ», подъ заглавіемъ: «Къ друзьямъ» (Соч., I, 275—276); онъ отмѣтилъ въ этой піесѣ слабыя риѳмы въ стихахъ 2-мъ и 3-мъ (*драгоцѣненъ и увѣренъ*), а подъ послѣднею строкой подписалъ:

«весьма дурные стихи».

Какъ всѣ писатели стараго времени, Батюшковъ испытывалъ свой талантъ въ различныхъ родахъ поэзіи, писалъ даже басни и сказки. Въ «Опытахъ» была помѣщена его басня «Сонъ Могольца» (Оп., 186—188; Соч., I, 47—48); хотя и переведенная изъ Лафонтена, она встрѣтила со стороны Пушкина очень неблагосклонное сужденіе:

«Монгольская басня, какъ называетъ ее самъ Батюшковъ».

Немного снисходительнѣе отзывъ Пушкина о сказкѣ «Странствователь и домосѣдъ» (Оп., 208—229; Соч., I, 207—219). Пушкинъ читалъ ее очень внимательно и снабдилъ многими замѣтками. Такъ, по поводу стиха 4-го:

Какъ трудно быть своихъ привычекъ властелиномъ

написано:

«Стихъ не сказочный, натянутый».

По поводу стиха 24-го:

Такіе завели другъ съ другомъ разговоры

читаемъ:

Они тутъ необходимо; *другъ съ другомъ*— нарѣчіе, а не существительныя имена».

Въ стихахъ 34-мъ и 35-мъ подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *несходенъ* и *неспособенъ*. Въ стихѣ 97-мъ:

Отъ скуки самъ съ собой въ полголосъ разсуждая

сдѣлана поправка: вмѣсто

въ полголосъ поставлено «въ полголоса».

Съ этого же стиха начинаются указанія на растянутость піесы; такъ, стихи 97-й—163-й перечеркнуты и сопровождаются надписями:

«лишнее», «дурно», «холодно», «все это лишнее».

Затѣмъ, противъ стиховъ 210-го, означенныхъ чертою сбоку, отмѣчено:

«прекрасно»;

но далѣе опять длинные ряды зачеркнутыхъ строкъ: стихи 226-й—246-й, 249-й—251-й, 268-й—276-й, 296-й—300-й, и надпись:

«лишнее».

Противъ стиховъ 307-го—315-го примѣчаніе:

«прекрасно, но не въ томъ дѣло».

Подъ послѣдними стихами піесы читается окончательный приговоръ Пушкина:

«Конецъ прекрасенъ. Но плана никакого нѣтъ, цѣли не видно—все вообще холодно, растянуто, ничего не доказываетъ и пр.»

Изъ Тибулла Батюшковъ заимствовалъ три элегіи; переводы его неблизкіе, что называлось въ старину «вольные», но они удачно сохраняютъ характеръ подлинника. Переводъ X-й элегіи I-й книги далъ Пушкину поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ. Къ стиху 29-му:

Мы *учинимъ* предъ нимъ обильны *возліянья*

— «проза».

Къ стихамъ 30-му и 31-му:

Иль на чело его, въ знакъ *мирнаго вѣнчанья*
Возложимъ мы вѣнки изъ митровъ и лилей

приписано:

«Увѣнчаемъ въ знакъ вѣнчанья!!!» Къ стиху 44-му:

Обрызганъ кровію, *выигрываетъ бой*,

— «проза».

Наконецъ, стихи 46-й—48:

О подвигахъ своихъ разсказываетъ древній воинъ
Товарищу юности и, сидя за столомъ,
Мнѣ лагерь начертитъ веселыхъ чашъ виномъ

вызываютъ со стороны Пушкина слѣдующую любопытную оговорку:

«Было прежде: *чашъ пролитыхъ виномъ*— точнѣе».

По этому примѣру можно судить, какъ внимательно младшій поэтъ изучалъ старшаго, и какъ хорошо помнилъ то, что особенно нравилось ему и особенно поражало въ произведеніяхъ учителя. Въ первоначальной редакціи Батюшковскаго перевода, помѣщенной въ *Вѣстникѣ Европы* 1810 года и въ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ», стихъ 48-й дѣйствительно читается такъ:

Пусть ратный станъ чертитъ *чашъ пролитыхъ виномъ*.

«Точнѣе» въ словахъ Пушкина слѣдуетъ разумѣть не по отношенію къ болѣе вѣрной передачѣ подлинника, а къ большей точности русскаго выраженія: переводъ же Батюшкова въ обоихъ случаяхъ неблизокъ.

Переводъ III й элегіи III-й книги вызвалъ со стороны Пушкина также немного замѣчаній. Онъ подчеркнулъ въ немъ два плохіе стиха, а именно стихъ 23-й:

Въ богатствѣ ль счастіе? Въ немъ призракъ, тщетный видъ!

и стихъ 39-й:

Когда суровыхъ *сестръ противно вретено*..

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ послѣдній стихъ поразилъ Пушкина своею какофоніей, столь необычною въ гармоническихъ строкахъ Батюшкова. Кромѣ того, въ стихѣ 25:

Колѣнъ *предъ случаемъ* во вѣкъ не преклоняетъ.

Пушкинъ нашелъ неудачнымъ или, можетъ быть, слишкомъ архаичнымъ употребленіе слова *случай* и приписалъ:

«faveur—не то»;

а въ стихѣ 38-мъ:

.... Когда же паркъ *сужденье*

предложилъ замѣнить послѣднее слово другимъ болѣе точнымъ выраженіемъ

«приговоръ».

Всего же любопытнѣе приписка, сдѣланная Пушкинымъ въ концѣ піесы:

«Стихи замѣчательные по счастливымъ усѣченіямъ; мы слишкомъ остерегаемся усѣченій, придающихъ много живости стихамъ».

Эти слова могутъ служить примѣромъ того, какъ изъ наблюденій надъ стихомъ Батюшкова Пушкинъ выводилъ общія правила стихотворной техники.

Третье заимствованіе Батюшкова изъ Тибулла, вольный переводъ III-й элегіи I-й книги (Оп., 19—26; Соч., I, 194—198), также вызвалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній со стороны Пушкина. Стихи 29-й и 30-й сопровождаются отмѣткой:

«вяло»;

противъ стиха 54-го приписано:

«лишній стихъ»:

стихи 67-й, 68-й, 72-й, 74-й—76 подчеркнуты какъ слабые или сопровождающіеся плохими риѳмами; противъ стиха 83-го:

До гроба я носилъ твои оковы нѣжны

приписано съ боку:

«узы»;

а къ стихамъ 104-му и 105-му:

Ужасный *Энкеладъ и Тифій преогромный*
Питаетъ жадныхъ птицъ утробою своей

предложена поправка:

«и Тифій тамъ» (огромный) и сдѣлано примѣчаніе: «Ошибка миѳологическая и грамматическая».

Въ отношеніи грамматики критикъ призналъ здѣсь погрѣшностью, вѣроятно, употребленіе сказуемаго въ единственномъ числѣ при двухъ подлежащихъ; что же касается ошибки миѳологической, то Пушкинъ едва ли былъ правъ въ ея указаніи.

Переводы Батюшкова изъ Парни также встрѣчаютъ себѣ большею частью одобрительный отзывъ Пушкина, что впрочемъ не мѣшаетъ ему высказывать частныя замѣчанія разнаго рода, иногда довольно строгія. Больше всего сдѣлано ихъ по поводу піесы «Мщеніе» (Оп., 35—38; Соч., I, 240—242). Такъ, въ стихахъ 4-мъ и 5-мъ подчеркнуты бѣдныя риѳмы: *невозвратно и пріятной*. О стихахъ 9-мъ и 10-мъ замѣчено: «лишнее и вялое». Стихи 12-й—15-й:

Ты здѣсь, подобная лилеѣ бѣлоснѣжной,
Взлелѣянной Авророй и весной,
Подъ сѣнью безмятежной
Цвѣла невинностью близъ матери *твоей*

сопровождаются критическимъ замѣчаніемъ:

«И у Парни это мѣсто дурно, у Батюшкова хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравненіями».

Кромѣ того, къ послѣднему слову стиха 15-го предложена поправка.

«своей» вмѣсто *твоей*.

Далѣе противъ стиха 17-го:

Здѣсь жертвы приносилъ у мирныхъ алтарей

замѣчено.

«Что такое?»

Въ стихѣ 22-мъ подчеркнуто некрасивое слово *краснѣлся*, а стихъ 32-й:

Тому сей дикій боръ нѣмой свидѣтель былъ

сопровождается восклицаніемъ:

«Какой оборотъ!»

Къ стиху 48-му:

И жребій съ трепетомъ читаетъ

опять приписана поправка:

«Должно быть: *свой* жребій».

О стихѣ 55-мъ:

Гдѣ юность пылкая *и взоръ считаетъ свой*

замѣчено:

«темно»,

а по поводу заключительныхъ строкъ піесы:

Скажу: будь счастлива, въ послѣдній жизни часъ,
И тщетны будутъ всѣ любовника молитвы

читаемъ:

«Je dirai: qu'elle soit heureuse
«Et ce voeu ne pourra te donner le bonheur!
«Какая разница!»

Въ стихотвореніи «Источникъ» (Оп., 21—83; Соч., I, 115—116), переведенномъ съ прозы Парни, подчеркнуто нѣсколько слабыхъ стиховъ, а въ концѣ замѣчено:

«Не стоитъ ни прелестной прозы Парни, ни даже слабаго подражанія Мильвуа».

Въ піесѣ «Привидѣніе» (Оп., 39—42; Соч. I, 98—100) отмѣчены бѣдныя риѳмы въ стихахъ 40-мъ и 41-мъ: *томной* и *подобной*, и подчеркнутъ дурной стихъ 58-й:

Часъ блаженнѣйшій!... но ахъ!

За то стихи 31-й—34-й:

Если пламень потаенной
По ланитамъ пробѣжалъ,
Если поясъ сокровенной
Развязался и упалъ

сопровождаются отзывомъ:

«прелесть».

Стихотвореніе «Ложный страхъ» (Оп., 183—185; Соч., I, 108—109) заслужило со стороны Пушкина только похвалы: такъ, противъ стиховъ 21-го—28-го написано:

«очень мило»,

а противъ стиховъ 29-го—44-го:

«прекрасно».

Кромѣ того, о стихѣ 16-мъ замѣчено:

«стихъ Муравьева»

(то-есть, Михаила Никитича Муравьева, воспитателя Батюшкова), а къ стиху 44-му:

Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой

предложена такая поправка:

Подѣлился бы съ тобой.

Наконецъ, знаменитая «Вакханка» (Оп., 175—176; Соч., I, 261—262) дала поводъ лишь къ слѣдующимъ замѣткамъ Пушкина. Къ стихамъ 11-му и 12-му:

Нагло ризы поднимали
И свивали ихъ клубкомъ

—«смѣло и счастливо»,

а къ стихамъ 27-му и 28-му:

И по рощѣ раздавались
«Эвоэ» и нѣги гласъ

—«можетъ быть, слишкомъ громкое слово».

Кромѣ того, въ концѣ стихотворенія читаемъ:

«Подражаніе Парни, но лучше подлинника, живѣе».

Самымъ яркимъ доказательствомъ тому, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ мастерскую отдѣлку этой піесы, служитъ сдѣланный имъ совершенно въ той же манерѣ переводъ стихотворенія Парни «Прозерпина».

У современника Парни, но далеко не равнаго ему по таланту, Мильвуа Батюшковъ взялъ два стихотворенія: «Послѣдняя вѣсна» и «Гезіодъ и Омиръ соперники», но перевелъ ихъ, по мнѣнію Пушкина, далеко не съ равнымъ успѣхомъ. О Послѣдней веснѣ» (Оп., 72—74; Соч., I, 231—232) онъ прямо говоритъ:

«неудачное подражаніе Мильвуа»

и, подчеркнувъ въ этой піесѣ стихи 26-й—30-й, пишетъ сбоку:

«чортъ знаетъ что такое»,

а противъ стиховъ 33-го и 34-го отмѣчаетъ:

«дурно».

За то переводъ «Гезіода и Омира» (Оп., 91—100; Соч., I, 247—251) встрѣченъ горячими похвалами Пушкина. Изъ сдѣланныхъ къ нему замѣтокъ лишь одна содержитъ въ себѣ неодобреніе, да и тутъ погрѣшность падаетъ, можетъ быть, не на самаго Батюшкова, а на его издателя Гнѣдича. Дѣло въ томъ, что въ стихѣ 1-мъ говорится о *Колхидѣ*, что подало поводъ къ такому восклицанію Пушкина:

«невѣжество непростительное».

Дѣйствительно, вмѣсто Колхиды слѣдовало упомянуть Халкиду (городъ на островѣ Евбеѣ), ибо въ подлинникѣ читается Chalcis, а не Colchide. Далѣе, стихи 17-й — 22-й сопровождаются замѣткой:

«прекрасно».

Къ стиху 23-му:

Пройдя изъ края въ край *гостепріимный міръ*

относится слѣдующее замѣчаніе:

«Въ концѣ сказано: *Рожденный въ Самосѣ* и пр.: противурѣчіе».

Это ссылка на послѣднія строки стихотворенія, въ которыхъ дѣйствительно говорится, что слѣпецъ Гомеръ нигдѣ въ Элладѣ не находитъ себѣ пристанища, а потому міръ въ отношеніи къ нему не можетъ быть названъ «гостепріимнымъ». Затѣмъ, къ стихамъ 35-му—39-му замѣтка:

«прекрасно».

Къ стиху 42-му:

О нѣжны дочери суровой Мнемозины!

—«зачѣмъ *суровой?*»

Къ стихамъ 65-му и 66-му:

и вѣчны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги,

—«вотъ примѣръ удачной перемѣны цензуры».

Къ стиху 67-му:

И что жъ? Въ юдоли сей страдалецъ искони

—«библеизмъ неумѣстный».

Общее сужденіе Пушкина объ этомъ стихотвореніи видно изъ слѣдующихъ словъ, набросанныхъ подъ послѣдними строками піесы:

«Вся элегія превосходна—жаль, что переводъ».

Вліяніе французской поэзіи, современной Батюшкову, сказалось еще на тѣхъ его стихотвореніяхъ, которыя написаны въ формѣ романсовъ: подобные сентиментальные романсы сочинялись въ то время во Франціи въ большомъ количествѣ. Мы видѣли уже, что этотъ «style troubadour» Пушкинъ подмѣтилъ въ посланіи Батюшкова къ Н. М. Муравьеву. Еще рѣзче тотъ же характеръ выступаетъ въ такихъ піесахъ, какъ «Разлука» (Гусаръ на саблю опираясь...), «Любовь въ челнокѣ» и «Плѣнный». Піесы эти не удовлетворяли Пушкина, хотя въ ранней юности онъ самъ грѣшилъ подражаніемъ имъ, напримѣръ, въ стихотвореніи 1816 года «Слеза». «Любовь въ челнокѣ» (Оп., 189—191; Соч., I, 201—202) онъ просто зачеркнулъ въ знакъ неодобренія, а о «Разлукѣ» (Оп. 180—182; Соч., I, 181—182) отозвался въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Цирлихъ манирлихъ; съ Д. Давыдовымъ не должно и спорить».

«Плѣнный» (Оп., 86—90; Соч., I, 183—185) подалъ ему поводъ къ нѣсколькимъ замѣчаніямъ, любопытнымъ въ разныхъ отношеніяхъ. Во 2-й строфѣ этой піесы ему не понравились стихи 2-й и 4-й, а въ 3-й—стихъ 8-й; по крайней мѣрѣ, строки эти подчеркнуты. За то строфа 8-я сопровождается отмѣткой:

«прекрасно».

Въ строфѣ 7-й къ стиху 5-му:

Покрытый въ зиму яркимъ снѣгомъ

приписано:

«было прежде: *бѣлымъ снѣгомъ*».

И дѣйствительно, такой варіантъ находится въ «Образцовыхъ Сочиненіяхъ», гдѣ стихотвореніе Батюшкова было сперва напечатано. Въ строфѣ 8-й, въ стихѣ 2-мъ:

Гдѣ ждетъ меня *краса*

указано неправильное словоупотребленіе:

«вмѣсто *красавица*; неудачно».

Въ совершенно другомъ родѣ замѣтка къ послѣднимъ строкамъ строфы 2-й:

Съ полей побѣды похищенный
Одинъ толпой враговъ

— «любимые стихи князя Петра Вяземскаго».

Затѣмъ, въ концѣ стихотворенія набросано нѣсколько строкъ, въ которыхъ Пушкинъ соединилъ извѣстіе о происхожденіи піесы съ общимъ о ней отзывомъ:

«Левъ Васильевичъ Давыдовъ въ плѣну у французовъ говорилъ одной женщинѣ: „Rendez moi mes frimas". Батюшкову это подало мысль написать своего «Плѣннаго». Онъ неудаченъ, хотя полонъ прекрасными стихами. Русскій казакъ поетъ какъ трубадуръ, слогомъ Парни, куплетами французскаго романса».

Есть въ «Опытахъ» Батюшкова два подражанія италіанскому поэту Касти. Одно изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Счастливецъ» (Оп., 192—195; Соч., I, 122—124) Пушкинъ, очевидно, находилъ слабымъ: оно все, кромѣ двухъ послѣднихъ четверостишій, перечеркнуто въ его экземплярѣ «Опытовъ». Напротивъ того, другое заимствованіе изъ Касти, озаглавленное «Радость» (Оп., 196—198; Соч., I, 120—121), нравилось ему по стиху, и онъ написалъ:

«Вотъ Батюшковская гармонія!»

Мелкія стихотворенія Батюшкова въ антологическомъ родѣ—то, что онъ называлъ «легкою поэзіей»,—вошли въ «Опыты» лишь въ небольшомъ числѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ вовсе оставлены Пушкинымъ безъ вниманія, и лишь о двухъ онъ обронилъ свое сужденіе. О стихотвореніи: «Въ день рожденія N.» (Оп., 65; Соч., I, 106) онъ замѣтилъ:

«есть чувство»,

а о піесѣ «Бесѣдка музъ» (Оп., 254—256; Соч., I, 272—273) выразился однимъ, но вѣскимъ словомъ:

«прелесть».

Изъ всѣхъ родовъ лирики Батюшковъ всегда ставилъ элегію особенно высоко, и едва ли не первымъ его стихотвореніемъ была элегія «Мечта», написанная, когда ему было всего семнадцать лѣтъ. Онъ особенно любилъ своего первенца, неоднократно передѣлывалъ эту піесу и пожелалъ помѣстить ее даже въ «Опыты» 1817 года (Оп., 106—118); Соч., I, 263—269).

Пушкинъ зналъ это стихотвореніе и въ его ранней редакціи, и въ позднѣйшей переработкѣ, даже подражалъ ему въ юности, но ни въ какомъ видѣ оно само по себѣ ему не нравилось. Вотъ что написалъ онъ о «Мечтѣ» на экземплярѣ «Опытовъ», бывшемъ у него въ рукахъ:

«Писано въ молодости поэта. Самое слабое изъ всѣхъ стихотвореній Батюшкова».

Этому строгому приговору соотвѣтствуютъ и частныя замѣтки Пушкина объ отдѣльныхъ мѣстахъ піесы; порицаній здѣсь гораздо больше, чѣмъ похвалъ. Правда, противъ стиховъ 8-го—14-го написано:

«гармонія»;

противъ стиховъ 26-го и 27-го—

«прекрасно».

Но далѣе все чаще и чаще выражается неодобреніе; такъ, послѣ стиховъ 32-го—39-го, гдѣ упоминается скальдъ, «царь пѣвцовъ», читаемъ:

«Скальдъ и бардъ одно и то же, по крайней мѣрѣ для нашего воображенія».

Стихи 46-й—66-й зачеркнуты, и надъ первыми изъ нихъ надпись:

«дѣтскіе стихи».

Противъ стиха 74-го:

Въ восторгѣ скальдъ поетъ

«опять все то же».

Стихи 104-й—108-й сопровождаются отмѣткою

«дурно»,

дважды написанною. Противъ стиховъ 109-го—137-го трижды означено:

«какая дрянь»!

Къ стихамъ 138-му—143-му замѣтка: «немного опять похоже на Батюшкова», а о стихахъ 143-мъ и 144-мъ:

Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки
И нектаромъ любви кропитъ лѣнивы маки

говорится:

«Катенинъ находилъ эти два стиха достойными Баркова».

Далѣе опять рядъ строгихъ большею частью сужденій; такъ, къ стихамъ 145-му—149-му замѣтка:

«дурно, вяло»,

къ стихамъ 151-му—172-му:

«дурно, слабо, дурно, пошло»;

только о стихахъ 174-мъ—177-мъ сказано:

«хорошіе 4 стиха».

Стихи 178-й—186-й зачеркнуты, а стихи 187-й и 188-й сопровождаются припиской:

«прекрасно».

Наконецъ, противъ стиховъ 188-го—199-го дважды отмѣчено:

«дрянь».

Не нравилась Пушкину и другая элегія Батюшкова «Воспоминаніе» (Оп. 27—29), написанная въ 1809 году и также впослѣдствіи неоднократно подвергавшаяся авторскимъ передѣлкамъ. Въ «Опытахъ» была помѣщена только первая половина ея, которую и имѣлъ въ виду Пушкинъ. На своемъ экземплярѣ «Опытовъ» онъ отмѣтилъ въ концѣ стихотворенія:

«писано въ первой молодости поэта»,

подчеркнулъ въ разныхъ мѣстахъ піесы строки, показавшіяся ему особенно неудовлетворительными (стихи 12-й, 20-й, 24-й, 28-й—30-й, 32-й и 33-й), противъ стиха 20-го написалъ:

«слабо»,

а противъ стиховъ 27-го—31-го:

«неудачный оборотъ и дурные стихи».

Между ранними стихотвореніями Батюшкова встрѣчается однако піеса, о которой мы имѣемъ самый благосклонный отзывъ Пушкина: это—«Выздоровленіе» (Оп., 33—34; Соч., I, 49), стихотвореніе, написанное въ 1808 году.

«Одна изъ лучшихъ элегій Батюшкова»,

говоритъ о немъ Пушкинъ. Въ текстѣ элегіи подчеркнутъ только стихъ 1-й:

Какъ ландышъ подъ серпомъ убійственнымъ жнеца...

сопровождаемый любопытнымъ замѣчаніемъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какъ строго Пушкинъ наблюдалъ точность въ поэтическихъ изображеніяхъ и поэтической рѣчи:

«Не подъ *серпомъ*, а подъ *косою*: ландышъ растетъ въ лугахъ и рощахъ—не на пашняхъ засѣянныхъ».

Въ 1814 году написана элегія «Тѣнь друга», а въ 1815—рядъ любовныхъ элегій, которыя еще до появленія въ печати были сообщены Батюшковымъ на судъ Жуковскаго и встрѣчены послѣднимъ съ горячимъ одобреніемъ. Такими же похвалами сопровождаетъ ихъ и Пушкинъ въ разсмотрѣнномъ нами экземплярѣ «Опытовъ»; здѣсь сосредоточены его главныя сужденія объ особенностяхъ таланта Батюшкова, и если среди многихъ выраженій одобренія встрѣчаются иногда замѣчанія отрицательнаго свойства, то они имѣютъ лишь самое ограниченное значеніе. Такъ о «Тѣни друга» (Оп., 48—51; Соч., I, 186—188) Пушкинъ говоритъ:

«Прелесть и совершенство—какая гармонія!».

Кромѣ того, о начальныхъ строкахъ этого стихотворенія онъ записалъ слѣдующее:

«Дмитріевъ осуждалъ цезуру двухъ этихъ стиховъ, кажется, несправедливо».

Къ 1813—1815 годамъ относится, какъ извѣстно, періодъ несчастной любви Батюшкова. Поэтъ недегко пережилъ свою сердечную драму, какъ свидѣтельствуетъ рядъ написанныхъ имъ въ 1815 году элегій; мы разумѣемъ слѣдующія піесы: «Таврида», «Разлука» (Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ...), «Пробужденіе», «Воспоминанія», «Мой геній», «О Таридѣ» (Оп., 68—70; Соч. I, 221—222) Пушкинъ написалъ:

«По чувству, по гармоніи, по искусству стихосложенія, по роскоши и небрежности воображенія—лучшая элегія Батюшкова».

И тутъ же, по поводу стиховъ 21-го—24-го, сообщается:

«Любимые стихи Батюшкова самого».

О «Разлукѣ» (Оп., 66 67; Соч., I, 223—224) отзывъ въ одномъ словѣ:

«прелесть».

«Пробужденіе» (Оп., 65; Соч., I, 225) дало случай къ двумъ замѣткамъ; къ стиху 9-му:

Ни быстрый бѣгъ коня ретива

— «усѣченіе гармоническое»,

и къ послѣднимъ стихамъ:

И гордый умъ не побѣдитъ
Любви, холодными словами

— «смыслъ выходитъ: *холодными словами любви*; запятая не поможетъ».

Къ «Воспоминанію» (Оп., 30-32; Соч., I, 226—229), піесѣ, которая въ «Опытахъ» была напечатана безъ второй, лучшей своей половины, относится лишь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Такъ, о стихахъ 10-мъ и 11-мъ сказано:

«вяло»;

къ стиху 24-му:

Средь *бурей* и *недугъ*

приписаны поправки

«бурь», «недуговъ»

къ стиху 48-му:

Обитель древняя и доблести, и *нравовъ*!

отмѣтка:

«галлицизмъ».

Затѣмъ о стихахъ 50-мъ—55-мъ, которыми піеса кончается въ «Опытахъ», мы читаемъ:

«Послѣдніе стихи славны своей гармоніей».

Элегія «Мой геній» (Оп., 44; Соч., I, 230) вызываетъ такое сужденіе Пушкина:

«прелесть, кромѣ первыхъ 4» (стиховъ).

Къ 1815 году относятся еще два стихотворенія Батюшкова, замѣчательныя не только своимъ поэтическимъ достоинствомъ, но и тѣмъ, что въ нихъ особенно ярко выразилась перемѣна, совершившаяся въ ту пору въ душевномъ настроеніи и въ міросозерцаніи поэта. По поводу одного изъ нихъ, названнаго «Надежда» (Оп., 9—10; Соч., I, 233—234), Пушкинъ приписалъ къ заглавію:

«Точнѣе бы *Вѣра*».

Но такая поправка едва ли вполнѣ справедлива: данное Батюшковымъ заглавіе, повидимому, указываетъ на то, что въ тревожной душѣ поэта еще не было полной и твердой вѣры.

Дополненіемъ къ этому стихотворенію является другое, написанное «Къ другу» (Оп., 101—105; Соч., I, 235—237), въ которомъ поэтъ говоритъ, что онъ утратилъ способность наслажденія, что для него исчезла возможность земного счастія, и онъ стремится въ иной міръ, къ жизни загробной. Это стихотвореніе произвело сильное впечатлѣніе на Пушкина, какъ своимъ возвышеннымъ строемъ, такъ и красотою своей формы, что ясно видно изъ тѣхъ замѣчаній, которыми онъ сопровождаетъ строфы этой дѣйствительно прекрасной піесы. Такъ, послѣ строфы 7-й онъ пишетъ:

«Прелесть!—Да и все прелесть!».

Къ первымъ двумъ стихамъ строфы 9-й:

Нравъ тихій ангела, даръ слова, тонкій вкусъ,
Любви и очи, и ланиты

онъ приписываетъ:

«Звуки италіанскіе! Что за чудотворецъ этотъ Батюшковъ!»

Въ 11-й строфѣ стихъ 2-й:

Она въ страданіяхъ почила

даетъ поводъ къ восклицанію:

«прекрасно»!

Въ 14-й строфѣ даже нѣсколько сомнительный стихъ 2-й:

И *Кліи* мрачныя скрижали

комментированъ въ пользу Батюшкова:

«*Кліо*, какъ *депо*, не склоняется; но это правило было бы затруднительно».

Сравненіе, развитое въ строфѣ 15-й, вызываетъ Пушкина на такое замѣчаніе:

«подраженіе «Torrismondo» и Ломоносову».

«Torrismondo»—трагедія Тасса, изъ которой Батюшковъ взялъ эпиграфъ къ «Умирающему Тассу»; на эти стихи и намекаетъ Пушкинъ. Что же касается Ломоносова, то очевидно, имѣется въ виду вторая строфа изъ его «Вечерняго размышленія о Божіемъ величествѣ». Весь этотъ рядъ похвалъ Пушкинъ заключаетъ слѣдующими словами въ концѣ піесы:

«Сильное, полное и блистательное стихотвореніе».

Въ элегіи «На развалинахъ замка въ Швеціи»: (Оп., 11—18; Соч., I, 189—193) Пушкину правились многія отдѣльныя мѣста; противъ послѣднихъ четырехъ стиховъ 9-й строфы онъ пишетъ:

«Вотъ стихи прелестные, собственно Батюшкова—вся строфа прекрасна»,

противъ послѣднихъ стиховъ 11-й строфы опять:

«прекрасно»;

противъ стиховъ 5-го и 6-го въ строфѣ 13-й

«живо, прекрасно»,

и только первые стихи 7-й строфы сопровождаются замѣткой:

«вяло»;

но въ цѣломъ элегія не удовлетворяетъ Пушкина, и окончательный приговоръ его таковъ:

«Вообще мысли пошлыя, и стихи не довольно живы».

Пошлость мысли въ этой піесѣ заключается въ томъ, что поэтъ оплакиваетъ проходимость всего земного: тема слишкомъ избитая, развитія которой, на взглядъ Пушкина, не искупаютъ ни красота стиховъ, ни яркость образовъ.

«Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (Оп., 172—174; Соч., I, 238—239) дала Пушкину поводъ лишь къ частнымъ замѣткамъ. Въ 1-й строфѣ стихъ 7-й:

Когда мы, *содвинувъ стьной корабли*,

сопровождается вопросительнымъ знакомъ; стихи 8-й во 2-й строфѣ и 4-й въ строфѣ 3-й подчеркнуты, но безъ всякихъ объясненій, и только стихъ 6-й въ 3-й строфѣ отмѣченъ словомъ:

«прекрасно».

Самая извѣстная изъ элегій Батюшкова, его любимое произведеніе, «Умирающій Тассъ» (Оп., 243—253; Соч., I, 253—258), встрѣтила въ Пушкинѣ очень строгаго критика. Частныхъ замѣчаній тутъ немного: только къ стиху 66-му въ первой рѣчи Тасса, гдѣ онъ жалуется, что нигдѣ не могъ спасти себя отъ преслѣдованій судьбы, приписано:

«Добродушіе историческое, но вовсе не поэтическое»;

да въ концѣ Тассовой рѣчи, къ стихамъ 147-му и 148-му:

Тамъ, тамъ—о счастіе!—средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ Элеонова встрѣтитъ

сдѣлана замѣтка:

«Остроуміе, а не чувство. Это—покровенная глава Агамемнона въ картинѣ»

(намекъ на извѣстную картину Лемуана, изображающую принесеніе Ифигеніи въ жертву ея отцомъ, который представленъ тутъ съ покрытою головой). За то въ началѣ элегіи читаемъ общее о ней сужденіе очень неблагосклонное:

«Эта элегія, конечно, ниже своей славы. Я не видалъ французской элегіи, давшей Батюшкову поводъ къ своему стихотворенію; но сравните «Сѣтованія Тасса» поэта Байрона съ этимъ тощимъ произведеніемъ. Тассъ дышалъ любовью и всѣми страстями, а здѣсь, кромѣ славолюбія и добродушія (см. замѣчанія), ничего не видно. Это—умирающій Василій Львовичъ, а не Торкватo».

Послѣднее изъ стихотвореній Батюшкова, о которомъ мы имѣемъ отзывъ Пушкина, есть «Переходъ черезъ Рейнъ» (Оп., 231—241; Соч., I, 176—180). Вовсе не существенно, принадлежитъ

ли оно къ разряду историческихъ элегій, но замѣчательно, что это произведеніе, вообще мало оцѣненное въ нашей литературѣ, заслужило отъ Пушкина столь высокую похвалу:

«Лучшее стихотвореніе поэта—сильнѣйшее и болѣе всѣхъ обдуманное».

Кромѣ этого общаго отзыва, противъ строфы 15-й написано:

«прелесть»,

а противъ 11-й замѣчено:

«темно; дѣло идетъ о Елизаветѣ Алексѣевнѣ».

876. НИ ОДНО ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЛОРДА БАЙРОНА.

Ни одно изъ произведеній Лорда Байрона не сдѣлало въ Англіи такого сильнаго впечатлѣнія, какъ его поэма *Корсаръ*, не смотря на то, что она достоинствомъ уступаетъ многимъ другимъ: *Гяуру* въ пламенномъ изображеніи страстей, *Осадѣ Коринѳа, Шильонскому Узнику* въ трогательномъ развитіи *сердца человѣческаго*, *Паризинѣ* въ трагической силѣ, *Чайльдъ Гарольду* въ глубокомысліи и высотѣ паренія лирическаго и въ удивительномъ Шекспировскомъ разнообразіи—*Д.-Жуану*. Корсаръ неимовѣрнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ характеру главнаго лица, таинственно напоминающаго намъ человѣка, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой. По крайней мѣрѣ англійскіе критики предполагаютъ въ Байронѣ сіе намѣреніе, но вѣроятно, что поэтъ и здѣсь вывелъ на сцену лицо, являющееся во всѣхъ его созданіяхъ и которое наконецъ принялъ онъ самъ на себя въ Ч. Гарольдѣ. Какъ бы то ни было, поэтъ никогда не изъяснялъ своего намѣренія: сближеніе съ Наполеономъ нравилось его самолюбію!

Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ. Что же мы подумаемъ о писателѣ, который изъ поэмы *Корсаръ* выбираетъ одинъ только планъ, достойный нелѣпой повѣсти, и по сему дѣтскому плану составляетъ длинную трагедію, замѣнивъ очаровательную и глубокую поэзію Байрона прозой надутой и уродливой, достойной нашихъ нещастныхъ подражателей покойному Коцебу? Спрашивается: что же въ Байроновской поэмѣ его поразило? Неужели планъ? О *Miratores!*

Англ. критики оспаривали у Л. Байрона драматическій талантъ. Они кажется правы. — Б[айронъ] столь оригинальный въ Ч[айльдъ]-Г[арольдѣ], въ Гяурѣ и въ Д[онъ]-Ж[уанѣ], дѣлается подражателемъ, коль скоро вступаетъ на поприще драмы.— Въ Manfred'ѣ онъ подражалъ *Фаусту*,— замѣняя простонародныя сцены и субботы другими, по его мнѣнію благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно какъ Иліада служитъ памятникомъ классической древности.

Въ другихъ трагедіяхъ кажется образцомъ Байрону былъ Alfieri. Каинъ имѣетъ одну только форму драмы, но по безсвязности сценъ и отвлеченнымъ разсужденіямъ въ самомъ дѣлѣ относится къ роду скептической поэзіи Чильдъ-Гарольда. Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отвратился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ поэтически онъ создалъ и описалъ единый характеръ <именно—свой>; все, кромѣ... etc. отнесъ онъ къ своему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному. Когда же онъ сталъ составлять свою трагедію,—то каждому дѣст[вующему] лицу роздалъ онъ по одной изъ составныхъ частей сильнаго и сложнаго характера... созданіе и такимъ образомъ раздробилъ величественное свое созданіе на нѣсколько лицъ, мелкихъ и незначительныхъ. Байронъ чувствовалъ свою ошибку, и въ послѣдствіи времени принялся вновь за Фауста, подражая ему въ своемъ *Превращенномъ Уродѣ* (думая тѣмъ исправить le chef d'oeuvre).

Онъ представилъ намъ свой призракъ. Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренегата, то въ плащѣ корсара, то вздыхающимъ подъ схимой, то странствующимъ посреди...

«ЛОРДЪ МИДАСЪ»—ГРАФЪ М. С. ВОРОНЦОВЪ.

877. ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

Истинный вкусъ состоитъ не въ безотчетномъ отверженіи такого-то слова, такого-то оборота, но въ чувствѣ соразмѣрности и сообразности.

Ученый безъ дарованія подобенъ тому бѣдному Муллѣ, который изрѣзалъ и съѣлъ Коранъ, думая исполниться духа Магометова.

Однообразность въ писателѣ доказываетъ односторонность ума, хоть можетъ быть, и глубокомысленнаго.

Жалуются на равнодушіе русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи, полагая тому причиною незнаніе отечественнаго языка; но какая же дама не пойметъ стиховъ Жуковскаго, Вяземскаго или Баратынскаго? Дѣло въ томъ, что женщины вездѣ тѣ же. Природа, одаривъ ихъ тонкимъ умомъ и чувствительностію самой раздражительною, едва ли не отказала имъ въ чувствѣ изящнаго. Поэзія скользитъ по слуху ихъ, не досягая души; онѣ безчувственны къ ея гармоніи; примѣчайте, какъ онѣ поютъ модные романсы, какъ искажаютъ стихи самые естественные, разстроиваютъ мѣру, уничтожаютъ риѳму. Вслушивайтесь въ ихъ литературныя сужденія, и вы удивитесь кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія... Исключенія рѣдки.

Мнѣ пришла въ голову мысль, говорите вы: не можетъ быть. Нѣтъ, N. N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не такъ..

Чѣмъ болѣе мы холодны, разчетливы, осмотрительны, тѣмъ менѣе подвергаемся нападеніямъ насмѣшки. Эгоизмъ можетъ быть отвратительнымъ, но онъ смѣшонъ, ибо отмѣнно благоразуменъ. Однако есть люди, которые любятъ себя съ такою нѣжностію, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности.

Никто болѣе Баратынскаго не имѣетъ чувства въ своихъ мысляхъ и вкуса въ своихъ чувствахъ.

Примѣры невѣжливости.

Въ нѣкоторомъ Азіатскомъ народѣ мужчины каждый день, возставъ отъ сна, благодарятъ Бога, создавшаго ихъ не женщинами.

Магометъ оспориваетъ у дамъ существованіе души.

Во Франціи, въ землѣ, прославленной своею учтивостію, грамматика торжественно провозгласила мужескій родъ благороднѣйшимъ.

Стихотворецъ отдалъ свою трагедію на разсмотрѣніе извѣстному критику. Въ рукописи находился стихъ:

Я человѣкъ и шла путями заблужденій...

Критикъ подчеркнулъ стихъ, усомнясь, можетъ ли женщина называться человѣкомъ. Это напоминаетъ извѣстное рѣшеніе: женщина не человѣкъ, курица не птица, прапорщикъ не офицеръ.

Даже люди, выдающіе себя за усерднѣйшихъ почитателей прекраснаго пола, не предполагаютъ въ женщинахъ ума, равнаго нашему, и приноравливаясь къ слабости ихъ понятія, издаютъ ученыя книжки для дамъ, какъ будто для дѣтей, и т. п.

Тредьяковскій пришелъ однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше Высокопревосходительство! меня Александръ Петровичъ такъ ударилъ въ правую щеку,— что она до сихъ поръ у меня болитъ.»— «Какъ же, братецъ? отвѣчалъ ему Шуваловъ, у тебя болитъ правая щека, а ты держишься за лѣвую».—«Ахъ, Ваше Высокопревосходительство, вы имѣете резонъ», отвѣчалъ Тредьяковскій и перенесъ руку на другую сторону. Тредьяковскому не разъ случалось быть битымъ. Въ дѣлѣ Волынскаго сказано, что сей однажды въ какой-то праздникъ потребовалъ оду у придворнаго пѣвчаго Василія Тредьяковскаго; но ода была не готова, и пылкій Статсъ-Секретарь наказалъ тростію оплошнаго стихотворца.

Одинъ изъ нашихъ поэтовъ говорилъ гордо: пускай въ стихахъ моихъ найдется безсмыслица, за то ужь прозы не найдется. Байронъ не могъ изъяснить нѣкоторые свои стихи. Есть два рода безсмыслицы: одна происходитъ отъ недостатка чувствъ и мыслей, замѣняемаго словами; другая отъ полноты чувствъ и мыслей и недостатка словъ для ихъ выраженія.

«Все, что превышаетъ геометрію, превышаетъ насъ», сказалъ Паскаль. И въ слѣдствіе того написалъ свои философическія мысли.

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme. Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедіи... Что это значитъ? можно ли сказать, что хорошій завтракъ лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Хорошо было сказать это въ первый разъ; но какъ можно важно повторить столь великую истину? Эта шутка Вольтера служитъ основаньемъ поверхностной критикѣ литературныхъ скептиковъ; но скептицизмъ, во всякомъ случаѣ есть только первый шагъ умствованія. Впрочемъ, нѣкто замѣтилъ, что и Вольтеръ не сказалъ: également bons.

Путешественникъ Ансело говоритъ о какой-то грамматикѣ, утвердившей правила нашего языка и еще не изданной, о какомъ-то русскомъ романѣ, прославившемъ автора и еще находящемся въ рукописи, и о какой-то комедіи, лучшей изъ всего русскаго театра и еще не игранной и не напечатанной. Забавная словесность!

Л., состарѣвшійся волокита, говорилъ: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.

Вдохновеніе есть разположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи.

Иностранцы, утверждающіе, что въ древнемъ нашемъ дворянствѣ не существовало понятіе о чести (point d'honneur),

очень ошибаются. Сія честь, состоящая въ готовности жертвовать всѣмъ для поддержанія какого-нибудь условнаго правила, во всемъ блескѣ своего безумія видна въ древнемъ нашемъ мѣстничествѣ. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду Царскому свои родословныя распри. Юный Ѳеодоръ, уничтоживъ сію спѣсивую дворянскую оппозицію, сдѣлалъ то, на что не рѣшились ни могущій Іоаннъ III, ни нетерпѣливый внукъ его, ни тайно злобствующій Годуновъ.

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе. «Государственное правило», говоритъ Карамзинъ, «ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному». Греки въ самомъ своемъ униженіи помнили славное произхожденіе свое и тѣмъ самымъ уже были достойны своего освобожденія... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей, утвержденный демократической завистію нѣкоторыхъ философовъ, служитъ только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣческаго сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage!

Сказано: Les sociétés secrétes sont la diplomatie des peuples. Но какой же народъ ввѣритъ права свои тайнымъ обществамъ, и какое правительство, уважающее себя, войдетъ съ оными въ переговоры?

Байронъ говорилъ, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видалъ бы собственными глазами. Однако жь въ Д. Жуанѣ описываетъ онъ Россію; за то примѣтны нѣкоторыя погрѣшности противу мѣстности. На прим. онъ говоритъ о грязи улицъ Измаила; Д. Жуанъ отправляется въ Петербургъ *въ кибиткѣ, безпокойной повозкѣ безъ рессоръ, по дурной, каменистой дорогѣ*. Измаилъ взятъ былъ зимою, въ жестокій морозъ. На улицахъ, непріятельскіе трупы прикрыты были снѣгомъ, и побѣдитель ѣхалъ по нимъ, удивляясь опрятности города: «помилуй Богъ, какъ чисто!...» Зимняя кибитка не безпокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другія ошибки, болѣе важныя.—Байронъ много читалъ и разспрашивалъ о Россіи. Онъ, кажется, любилъ ее и хорошо зналъ ея новѣйшую исторію. Въ своихъ поэмахъ онъ часто говоритъ о Россіи, о нашихъ обычаяхъ. Сонъ Сарданапаловъ напоминаетъ извѣстную, политическую каррикатуру, изданную въ Варшавѣ во время Суворовскихъ войнъ. Въ лицѣ Нимврода изобразилъ онъ Петра Великаго. Въ 1813 году Байронъ намѣревался черезъ Персію пріѣхать на Кавказъ.

Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ,
Достопочтенный Лордъ Мидасъ,
Съ душой посредственной и низкой,
Чтобъ не упасть дорогой склизкой,
Ползкомъ проползъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный господинъ.
Еще два слова объ Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ;
Имѣлъ онъ не блестящій умъ.
Душой не слишкомъ былъ отваженъ;
За то былъ сухъ, учтивъ и важенъ.
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тонкимъ, и проч.

Пушкинъ.

Coquette, prude. Слово кокетка обрусѣло, но prude не переведено и не вошло еще въ употребленіе. Слово это означаетъ женщину, чрезмѣрно щекотливую въ своихъ понятіяхъ о чести <женской,>—недотрогу. Таковое свойство предполагаетъ нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ, особенно молодой. Пожилой женщинѣ позволяется многое знать и многаго опасаться, но невинность есть лучшее украшеніе молодости. Во всякомъ случаѣ, *прюдство* или смѣшно, или несносно.

Нѣкоторые люди не заботятся ни о славѣ, ни о бѣдствіяхъ отечества, его исторію знаютъ только со времени кн. Потемкина, имѣютъ нѣкоторое понятіе о статистикѣ только той губерніи, въ которой находятся ихъ помѣстья; со всѣмъ тѣмъ почитаютъ себя патріотами, потому что любятъ батвинью и что дѣти ихъ бѣгаютъ въ красной рубашкѣ.

Должно стараться имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ: не оскорбляйте же глупцовъ.

Появленіе Исторіи Государства Россійскаго <какъ и надлежало быть> надѣлало много шуму и произвело сильное впечатлѣніе. 3000 экз. разошлись въ одинъ мѣсяцъ, чего не ожидалъ и самъ Карамзинъ. Свѣтскіе люди бросились читать исторію своего отечества. Она была для нихъ новымъ открытіемъ. Древняя Россія, казалось, найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ. Нѣсколько времени нигдѣ ни о чемъ иномъ не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать; они были въ состояніи отучить хоть кого, отъ охоты къ славѣ. Одна дама <впрочемъ очень милая> при мнѣ, открывъ вторую часть прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... «*Однако*! зачѣмъ не *но*? Однако! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина».—Въ журналахъ его не критиковали: у насъ никто не въ состояніи изслѣдовать, оцѣнить огромное созданіе Карамзина. К[ачеповскій] бросился на предисловіе. Н[икита Муравьевъ], молодой человѣкъ умный и пылкій, разобралъ предисловіе <предисловіе!>. М[ихаилъ Орловъ], въ письмѣ къ В[яземскому], пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія, не помѣстилъ онъ какой нибудь блестящей гипотезы о произхожденіи Славянъ, т. е. требовалъ отъ историка не исторіи, а чего-то другаго. Нѣкоторые остряки за ужиномъ переложили первыя главы Тита-Ливія слогомъ Карамзина; за то почти никто не сказалъ спасибо человѣку, уединившемуся въ ученый кабинетъ, во время самыхъ лестныхъ успѣховъ, и посвятившему цѣлыхъ 12 лѣтъ жизни безмолвнымъ и неутомимымъ трудамъ. Примѣчанія къ Русской Исторіи свидѣтельствуютъ обширную ученость Карамзина, пріобрѣтенную имъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно заключенъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію. Многіе забывали, что Карамзинъ печаталъ свою Исторію въ Россіи. Повторяю, что Исторія Государства Россійскаго есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка.

Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила.

<*Извлечено изъ неизданныхъ Записокъ*> [1]).

[1]) Примѣчаніе, видимо, ред. «Сѣверныхъ Цвѣтовъ». *С. В.*

878. ЕСТЬ РАЗЛИЧНАЯ СМѢЛОСТЬ.

[О смѣлости выраженій].

Есть различная смѣлость; Державинъ написалъ: «Былъ на высотѣ... когда щастіе тебѣ хребетъ свой съ грознымъ [смѣхомъ] повернуло, ты видишь, видишь, какъ мечты сіянье вкругъ тебя заснуло» — Жуковскій говоритъ о Богѣ.

Онъ въ дымъ могилъ себя облекъ.

Мы находимъ эти выраженія смѣлыми; Крыловъ говоритъ о храбромъ муравьѣ, что

Онъ даже хаживалъ одинъ на паука.

Французы донынѣ еще удивляются смѣлости Расина, употребившаго слово *pavé*, помостъ:

benir avec respect le pavé de ces lieux.

И Делиль гордится тѣмъ, что онъ употребилъ слово *vache*. [Нещастная?] словесность, повинующаяся таковой мѣлочной и своенравной критикѣ. Жалка участь поэтовъ <какого бы достоинства они, впрочемъ, ни были>, если они принуждены славиться подобными побѣдами надъ предразсудками вкуса.

Описаніе водопада:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ, и проч.—

есть высшая смѣлость: смѣлость изображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію; такова смѣлость Шекспира, Dante Milton, ибо они сильно и необыкновенно передаютъ намъ... мысль, картины поэтическія, *Гёте*, въ *Фаустѣ*, *Моліера* въ *Тартюфѣ*, (Фонвизина въ *Недорослѣ*, Байрона въ *Чайльдъ-Гарольдѣ*).

Кальдеронъ называетъ молнію огненными языками небесъ, глаголющихъ землѣ. Мильтонъ говоритъ, что адское пламя давало только различать вѣчную тьму преисподней.

879. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АРЗРУМЪ

во время похода 1829 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно попалась мнѣ въ руки книга, напечатанная въ Парижѣ въ прошломъ 1834 году подъ названіемъ: Voyage en Orient entre par ordre du Gouvernement François. Авторъ, по своему описывая походъ 1829 года, оканчиваетъ свои разсужденія слѣдующими словами:

Un poëte distingué par son imagination a trouvé dans tant de hauts faits dont il a été témoin non le sujet d'un poëme, mais celui d'une satyre.

Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ, зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи Графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое путешествіе къ святымъ мѣстамъ, произведшее столь сильное впечатлѣніе. Но я не читалъ никакой сатиры на Арзрумскій походъ.

Никакъ бы я не могъ подумать, что дѣло здѣсь идетъ обо мнѣ, еслибы въ той самой книгѣ не нашелъ я своего имени между именами Генераловъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Parmi les chefs qui la commandaient (l'armée du Prince Paskewitch) on distinguoit le Général Mouravief... le Prince Géorgie Tsitsevaze... le Prince Armenien Beboutof... le Prince Potemkine, le General Raiewesky, & enfin—M. Pouchkine... qui avoit quitté la capitale pour chanter les exploits de ses compatriotes.

Признаюсь: эти строки Французскаго путешественника, не смотря на лестные эпитеты, были мнѣ гораздо досаднѣе, нежели брань Русскихъ журналовъ. *Искать вдохновенія* всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь; оно само должно найти поэта. Пріѣхать на войну съ тѣмъ, чтобъ воспѣвать будущіе подвиги, было-бы для меня съ одной стороны слишкомъ самолюбиво, а съ другой—слишкомъ непристойно. Я не вмѣшиваюсь въ военныя сужденія. Это не мое дѣло. Можетъ быть, смѣлый переходъ черезъ Соганъ-Лу, движеніе, коимъ Графъ Паскевичь отрѣзалъ Сераскира отъ Османъ-Паши, пораженіе двухъ непріятельскихъ корпусовъ въ теченіе однихъ сутокъ, быстрый походъ къ Арзруму, все это, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, можетъ быть, и чрезвычайно достойно посмѣянія въ глазахъ военныхъ людей (каковы, на примѣръ, г. купеческій Консулъ Фонтанье, авторъ путешествія на Востокъ): но я устыдился бы писать сатиры на прославленнаго Полководца, ласково принявшаго меня подъ сѣнь своего шатра и находившаго время посреди своихъ великихъ заботъ оказывать мнѣ лестное вниманіе. Человѣкъ не имѣющій нужды въ покровительствѣ Сильныхъ, дорожитъ ихъ радушіемъ и гостепріимствомъ, ибо инаго отъ нихъ не можетъ и требовать. Обвиненіе въ неблагодарности не должно быть оставлено безъ возраженія, какъ ничтожная критика или литературная брань. Вотъ почему рѣшился я напечатать это предисловіе и выдать свои путевыя записки, какъ *все*, что мною написано о походѣ 1829 года.

А. Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степи. Калмыцкая кибитка. Кавказскія воды. Военная Грузинская дорога. Владикавказъ. Осетинскія похороны. Терекъ. Дарiальское ущелiе. Переѣздъ чрезъ снѣговыя горы. Первый взглядъ на Грузію. Водопроводы. Хозревъ-Мирза. Душетскій Городничій.

. . . . Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ, и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ *** [Ермолова].

[Онъ живетъ въ Орлѣ, близь коего находится его деревня. Я пріѣхалъ къ нему въ 8 часовъ утра и не засталъ его дома. Извощикъ мой сказалъ мнѣ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простого, набожнаго старика; что онъ не принимаетъ однихъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ его портретами, писанными обыкновевно профилемъ. Лицо круглое, огненные сѣрые глаза, сѣдые волосы дыбомъ. Голова тигра на Геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то онъ становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шашки и кинжалы—памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ и всегда язвительно: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго—графомъ Эрихонскимъ. «Пускай нападетъ онъ», говорилъ Ермоловъ, «на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напримѣръ на пашу, начальствовавшаго въ Шумлѣ,—и Паскевичъ пропалъ». Я передалъ Ермолову слова гр. Толстого, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человѣку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. Ермоловъ засмѣялся, но не соглашался. «Можно было бы сберечь людей и издержки», сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ, или хочетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина: онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества и славѣ и могуществу. О запискахъ кн. Курбскаго говорилъ онъ con amore. Нѣмцалъ досталось. «Лѣтъ черезъ 50», сказалъ онъ, «подумаютъ, что въ нынѣшнемъ походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами». Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полнаго имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говорилъ онъ, что отъ ихъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова].

Мнѣ предстоялъ путь черезъ Курскъ и Харьковъ: но я своротилъ на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошимъ обѣдомъ въ Курскомъ трактирѣ <что не бездѣлица въ нашихъ путешествіяхъ> и не любопытствуя посѣтить *** (харьковскій университетъ, который не стоитъ Курской ресторацiи. До Ельца дороги ужасны). Нѣсколько разъ коляска моя вязла въ грязи, достойной грязи Одесской. Мнѣ случалось въ цѣлыя сутки проѣхать не болѣе пятидесяти верстъ. [Смотря на маневры ямщиковъ, я со скуки пародировалъ американца Купера въ его описанiяхъ морскихъ эволюцiй]. Наконецъ, увидѣлъ я Воронежскія степи и свободно покатился по зеленой равнинѣ [и благополучно прибылъ въ Новочеркаскъ, гдѣ нашелъ гр. Вл. Пушкина, также ѣдущаго въ Тифлисъ. Я сердечно ему обрадовался, и мы согласились путешествовать вмѣстѣ. Онъ ѣдетъ въ огромной бричкѣ. Это родъ укрѣпленнаго мѣстечка; мы ее прозвали Отрадною. Въ сѣверной ея части хранятся вина и съѣстные припасы; въ южной — книги, мундиры, шляпы etc. etc. Съ западной и восточной стороны она защищена ружьями, пистолетами, мушкетонами, саблями и проч. На каждой станцiи выгружается часть сѣ-

ЕРМОЛОВЪ ВЪ СТАРОСТИ.

верныхъ запасовъ, и такимъ образомъ мы проводимъ время какъ нельзя лучше].

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, холмы сглаживаются, трава густѣетъ и являетъ бо́льшую силу растительности; показываются птицы невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ; орлы сидятъ на кочкахъ, означающихъ большую дорогу, какъ будто на стражѣ, и гордо смотрятъ на путешественника. Калмыки располагаются около станціонныхъ хатъ. У кибитокъ ихъ пасутся уродливыя, косматыя козы, знакомыя вамъ по прекраснымъ рисункамъ Орловскаго.

Надняхъ посѣтилъ я Калмыцкую кибитку <клѣтчатый плетень, обтянутый бѣлымъ войлокомъ>. Все семейство собиралось завтракать; котелъ варился посрединѣ, и дымъ выходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ верху кибитки. Молодая Калмычка, собою очень недурная, шила, куря табакъ. Я сѣлъ подлѣ нее. Какъ тебя зовутъ?— ***. — Сколько тебѣ лѣтъ? — Десять и восемь — Что ты пьешь? — портка. — Кому?—себя. Она подала мнѣ свою трубку и стала завтракать. Въ котлѣ варился чай съ бараньимъ жиромъ и солью. Она предложила мнѣ свой ковшикъ. Я не хотѣлъ отказаться и хлебнулъ, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что нибудь гаже. Я попросилъ чѣмъ-нибудь заѣсть. Мнѣ дали кусочикъ сушеной кобылятины; я былъ и тому радъ. Калмыцкое кокетство испугало меня: я поскорѣе выбрался изъ кибитки и поѣхалъ отъ степной цирцеи.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ я большую перемѣну. Въ мое время ванны находилось въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источ-

ники, большею частію въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры, или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склоненію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ, на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость...

Признаюсь; Кавказскія воды представляютъ нынѣ болѣе удобностей; но мнѣ было жаль прежняго, дикаго состоянія; мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался. Съ грустью оставилъ я воды, и отправился обратно въ Георгіевскъ. Скоро настала ночь. Чистое небо усѣялось міліонами звѣздъ; я ѣхалъ берегомъ Подкумка. Здѣсь, бывало, сиживалъ со мною А. Р.[аевскій], прислушиваясь къ мелодіи водъ. Величавый Бештy чернѣе и чернѣе рисовался въ отдаленіи, окруженный горами, своими вассалами, и наконецъ исчезъ во мракѣ...

На другой день мы отправились далѣе и прибыли въ Екатериноградъ, бывшій нѣкогда намѣстническимъ городомъ.

Съ Екатериноградa начинается военная Грузинская дорога; почтовой трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ пятисотъ человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрыпѣлъ обозъ двухколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали Ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты разкуривали имъ свои трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только пятнадцать верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ безпрерывный скрыпъ Ногайскихъ арбъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрыпомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ бы въ старину не разбѣгаясь, съ заржавѣвшими пушками, не стрѣлявшими со временъ Графа Гудовича, съ обрушеннымъ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куръ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минаретъ. Приближаясь къ ней, нашъ караванъ ѣхалъ по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячь умершихъ чумою. Пестрѣлись цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ снѣжный Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора, за нею находилась крѣпость: кругомъ ея видны были слѣды разореннаго аула, называвшагося Татартубомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минаретъ свидѣтельствуетъ о бытіи исчезнувшаго селенія. Онъ стройно возвышается между грудами камней, на берегу изсохшаго потока. Внутренняя лѣстница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашелъ я нѣсколько неизвѣстныхъ именъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ славолюбивыми путешественниками.

Дорога наша сдѣлалась живописна. Горы тянулись надъ нами. На ихъ вершинахъ ползли чуть видныя стада и казались насѣкомыми. Мы различили и пастуха, быть можетъ, Русскаго, нѣкогда взятаго въ плѣнъ и состарѣвшагося въ неволѣ. Мы встрѣтили еще курганы, еще развалины. Два, три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похо-

ронены ихъ наѣздники. Татарская надпись, изображеніе шашки, танга, изсѣченныя на камнѣ, оставлены хищнымъ внукамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы насъ ненавидятъ. Мы вытѣснили ихъ изъ привольныхъ пастбищъ; аулы ихъ разорены, цѣлыя племена уничтожены. Они часъ отъ часу далѣе углубляются въ горы и оттуда направляютъ свои набѣги. Дружба *мирныхъ* черкесовъ ненадежна; они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтно упалъ. Они рѣдко нападаютъ въ равномъ числѣ на казаковъ, никогда на пѣхоту, и бѣгутъ, завидя пушку. За то никогда не пропустятъ случая напасть на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Почти нѣтъ никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружатъ, какъ обезоружили Крымскихъ Татаръ, что чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующаго между ими наслѣдственныхъ распрей и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели лепетать. У нихъ убійство—простое тѣлодвиженіе. Плѣнниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчіемъ, заставляютъ работать сверхъ силъ, кормятъ сырымъ тѣстомъ, бьютъ, когда вздумается, и приставляютъ къ нимъ для стражи своихъ мальчишекъ, которые за одно слово вправѣ ихъ изрубить своими дѣтскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выстрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался тѣмъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Что дѣлать съ таковымъ народомъ? Должно однако жъ, надѣяться, что пріобрѣтеніе восточнаго края Чернаго Моря, отрѣзавъ Черкесовъ отъ торговли съ Турціей, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію; самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія; [но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобъ скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленныхъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? — Обращеніе престарѣлаго рыбака или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается].—Черкесы очень недавно приняли Магометанскую вѣру. Они были увлечены дѣятельнымъ фанатизмомъ апостоловъ *Корана*, между коими отличался Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ противу Русскаго владычества, наконецъ, схваченный нами и умершій въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидаетъ Христіанскихъ миссіонеровъ.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженъ Осетинскими аулами. Я посѣтилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго съѣзжались со всѣхъ сторонъ и съ громкимъ плачемъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на буркѣ.

> ... like a warrior taking his rest
> With his martial cloak around him,

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подлѣ тѣла. Волы тронулись. Гости поѣхали слѣдомъ. Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ,

верстахъ въ тридцати отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны и, какъ слышно, очень благосклонны къ путешественникамъ. У воротъ крѣпости встрѣтилъ я жену и дочь заключеннаго Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однакожъ при моемъ приближеніи, обѣ потупили голову и закрылись своими изодранными *чадрами*. Въ крѣпости видѣлъ я Черкесскихъ атамановъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они поминутно проказятъ и бѣгаютъ изъ крѣпости. [Ихъ держатъ въ жалкомъ положеніи. Они ходятъ въ лохмотьяхъ, полунагіе, и въ отвратительной нечистотѣ. На иныхъ видѣлъ я деревянныя колодки. Вѣроятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалѣютъ о своемъ пребываніи въ Владикавказѣ].

Пушка оставила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и казаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое святилище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливающійся по разнымъ направленіямъ. Мы поѣхали по его лѣвому берегу. Шумныя волны его приводятъ въ движеніе колеса низенькихъ Осетинскихъ мѣльницъ, похожихъ на собачьи кануры. Чѣмъ далѣе углублялись мы въ горы, тѣмъ уже становилось ущеліе. Стѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутныя волны чрезъ утесы, преграждающіе ему путь. Ущеліе извивается вдоль его теченія. Каменныя подошвы горъ обточены его волнами. Я шелъ пѣшкомъ и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестію природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черныхъ вершинъ. Графъ П[ушкинъ] и Ш[ернваль], смотря на Терекъ, вспоминали Иматру и отдавали преимущество *рѣкѣ на Съверѣ гремящей*. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнить мнѣ предстоявшаго зрѣлища.

Не доходя до Ларса, я отсталъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещетъ Терекъ съ яростію неизъяснимой. Вдругъ бѣжитъ ко мнѣ солдатъ, крича издали: *не останавливайтесь В. б., убьютъ!* Это предостереженіе съ непривычки показалося мнѣ чрезвычайно страннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинскіе разбойники, безопасные въ этомъ узкомъ мѣстѣ, стрѣляютъ черезъ Терекъ въ путешественниковъ. Наканунѣ нашего перехода они напали такимъ образомъ на генерала Бековича, проскакавшаго сквозь ихъ выстрѣлы. На скалѣ видны развалины какого-то замка: онѣ облѣплены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласточекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы путешественника Француза, который напугалъ насъ предстоящею дорогой. Онъ совѣтовалъ намъ бросить экипажи въ Коби и ѣхать верхомъ. Съ нимъ выпили мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго *бурдюка*, вспоминая пированія Иліады:

«И въ козіихъ мѣхахъ вино, отраду нашу»!

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказскаго Пленника* и, признаюсь, перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣрно.

На другой день поутру отправились мы далѣе. Турецкіе плѣнники разработывали дорогу. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Русскому черному хлѣбу. Это напоминало мнѣ слова моего пріятеля Ш. по возвращеніи его изъ Парижа: «Худо, братъ, жить въ Парижѣ: ѣсть нечего; чернаго хлѣба не допросишься»!

Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Даріальскій постъ. Ущелье носитъ то же имя. Скалы съ обѣихъ сторонъ стоятъ параллельными стѣнами. Здѣсь такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тѣсноту. Клочекъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашей головою. Ручьи, падающіе изъ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же, и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены каменья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло переброшенъ черезъ рѣку. На немъ стоишь, какъ на мѣльницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ Даріала, на крутой скалѣ, видны развалины крѣпости. Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то царица Дарія, давшая имя свое ущелію: сказка. Даріалъ на древнемъ Персидскомъ языкѣ значитъ ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія врата, ошибочно называемыя Каспій-

скими, находились здѣсь. Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, деревянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ Плиній, течетъ рѣка Дріодорисъ. Тутъ была воздвигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ племенъ, и ироч. <см. Путешествіе Графа И. Потоцкаго, коего ученыя изысканія столь же занимательны, какъ и Испанскіе романы>.

Изъ Даріала отправились мы къ Казбеку. Мы увидѣли *Троицкія ворота* <арка, образованная въ скалѣ взрывомъ пороха>— подъ ними шла нѣкогда дорога, а нынѣ протекаетъ Терекъ, часто мѣняющій свое русло.

Недалеко отъ селенія Казбекъ, переѣхали мы черезъ *бѣшеную Балку*, оврагъ, во время сильныхъ дождей превращающійся въ яростный потокъ. Онъ въ это время былъ совершенно сухъ и громокъ однимъ своимъ именемъ.

Деревня Казбекъ находится у подошвы горы Казбекъ, и принадлежитъ князю Казбеку. Князь, мужчина лѣтъ сорока пяти, ростомъ выше Преображенскаго флигельмана. Мы нашли его въ духанѣ <такъ называются Грузинскія харчевни, которыя гораздо бѣднѣе и не чище Русскихъ>. Въ дверяхъ лежалъ пузатый бурдюкъ <воловій мѣхъ>, разтопыря свои четыре ноги. Великанъ тянулъ изъ него чихирь и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, на которые отвѣчалъ я съ почтеніемъ, подобаемымъ его званію и росту. Мы разстались большими пріятелями.

Скоро притупляются впечатлѣнія. Едва прошли сутки, и уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Нетерпѣніе доѣхать до Тифлиса исключительно овладѣло мною. Я столь же равнодушно ѣхалъ мимо Казбека, какъ нѣкогда плылъ мимо Чатырдага. Правда и то, что дождливая и туманная погода мѣшала мнѣ видѣть его снѣговую груду, по выраженію поэта, *подпирающую небосклонъ*.

Ждали Персидскаго Принца. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались намъ на встрѣчу нѣсколько колясокъ и затруднили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разъѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ намъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго поэта, и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-Хану. Я, съ помощію переводчика, началъ было высокопарное восточное привѣтствіе; но какъ же мнѣ стало совѣстно, когда Фазиль-Ханъ отвѣчалъ на мою неумѣстную затѣйливость простою, умной учтивостію порядочнаго человѣка! «Онъ надѣялся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будетъ непродолжительно», и проч. Со стыдомъ принужденъ я былъ оставить важно-шутливый тонъ и съѣхалъ на обыкновенныя Европейскія фразы. Вотъ урокъ нашей Русской насмѣшливости. Впередъ не стану судить о человѣкѣ по его бараньей папахѣ * и по крашенымъ ногтямъ.

Постъ Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ которую предстоялъ намъ переходъ. Мы тутъ остановились ночевать и стали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на казачьихъ лошадей, или послать за Осетинскими волами? На всякой случай, я написалъ отъ имени всего нашего каравана оффиціальную просьбу къ Г. Ч*** [Чиляеву], начальствующему въ здѣшней сторонѣ, и мы легли спать въ ожиданіи подводъ.

На другой день около 12-ти часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: осмнадцать паръ тощихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ толпою полунагихъ Осетинцевъ, насилу тащили легкую Вѣнскую коляску пріятеля моего О**. Это зрѣлище тотчасъ разсѣяло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился отправить мою тяжелую Петербургскую коляску обратно въ Владикавказъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П[ушкинъ] не хотѣлъ слѣдовать моему примѣру. Онъ предпочелъ впрячь цѣлое стадо воловъ въ свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ переѣхалъ черезъ снѣговой хребетъ. Мы разстались, и я поѣхалъ съ Полковникомъ Ог[аревымъ], осматривающимъ здѣшнія дороги.

Дорога шла черезъ обвалъ, обрушившійся въ концѣ Іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждыя семь лѣтъ. Огромная глыба свалясь, засыпала ущеліе на цѣлую версту, и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу

*) Такъ называются Персидскія шапки.

подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой рокотъ. «Это обвалъ», сказалъ мнѣ Г. Ог[аревъ]. Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь нерѣдки. Въ прошломъ году Русскій извозчикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телегу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею. Мы достигли самой вершины горы. Здѣсь поставленъ гранитный крестъ, старый памятникъ, обновленный Г. Ермоловымъ.

Здѣсь путешественники обыкновенно выходятъ изъ экипажей, и идутъ пѣшкомъ. Недавно проѣзжалъ какой-то иностранный Консулъ: онъ такъ былъ слабъ, что велѣлъ завязать себѣ глаза; его вели подъ-руки, и когда сняли съ него повязку, тогда онъ сталъ на колѣна, благодарилъ Бога, и проч., что очень изумило проводниковъ.

Мгновенный переходъ отъ грознаго Кавказа къ миловидной Грузіи восхитителенъ. Воздухъ юга вдругъ начинаетъ повѣвать на путешественника. Съ высоты Гутъ-горы открывается Кайшаурская долина съ ея обитаемыми скалами, съ ея садами съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная лента, и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ трехверстной пропасти, по которой идетъ опасная дорога.

Мы спускались въ долину. Молодой мѣсяцъ показался на ясномъ небѣ. Вечерній воздухъ былъ тихъ и тепелъ. Я ночевалъ на берегу Арагвы, въ домѣ Г. Ч[иляева]. На другой день я разстался съ любезнымъ хозяиномъ и отправился далѣе.

Здѣсь начинается Грузія. Свѣтлыя долины, орошаемыя веселой Арагвою, смѣнили мрачныя ущелія и грозный Терекъ. Вмѣсто голыхъ утесовъ я увидѣлъ около себя зеленыя горы и плодоносныя деревья. Водопроводы доказывали присутствіе образованности. Одинъ изъ нихъ поразилъ меня совершенствомъ оптическаго обмана: вода, кажется, имѣетъ свое теченіе по горѣ снизу вверхъ.

Въ Пайсанаурѣ остановился я для перемѣны лошадей. Тутъ я встрѣтилъ Русскаго офицера, провожающаго Персидскаго Принца. Вскорѣ услышалъ я звукъ колокольчиковъ, и цѣлый рядъ катаровъ <муловъ>, привязанныхъ одинъ къ другому и навьюченныхъ по-Азіатски, потянулся по дорогѣ. Я пошелъ пѣшкомъ, не дождавшись лошадей, и въ полуверстѣ отъ Ананура, на поворотѣ дороги, встрѣтилъ Хозревъ-Мирзу. Экипажи его стояли. Самъ онъ выглянулъ изъ своей коляски и кивнулъ мнѣ головою. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ нашей встрѣчи, на Принца напали Горцы. Услыша свистъ пуль, Хозревъ выскочилъ изъ своей коляски, сѣлъ на лошадь и ускакалъ. Русскіе, бывшіе при немъ, удивились его смѣлости. Дѣло въ томъ, что молодой Азіатецъ, не привыкшій къ колескѣ, видѣлъ въ ней скорѣе западню, нежели убѣжище.

Я дошелъ до Аванура, не чувствуя усталости. Лошади мои не приходили. Мнѣ сказали, что до города Душета оставалось не болѣе какъ десять верстъ, и я опять отправился пѣшкомъ. Но я не зналъ, что дорога шла въ гору. Эти десять верстъ стоили добрыхъ двадцати.

Наступилъ вечеръ; я шелъ впередъ, подымаясь все выше и выше. Съ дороги сбиться было невозможно; но мѣстами глинистая грязь, образуемая источниками, доходила мнѣ до колѣна. Я совершенно утомился. Темнота увеличивалась. Я слышалъ вой и лай собакъ и радовался, воображая, что городъ недалеко. Но ошибался: лаяли собаки Грузинскихъ пастуховъ, а выли шакалы, звѣри въ той сторонѣ обыкновенные. Я проклиналъ свое нетерпѣніе, но дѣлать было нечего. Наконецъ увидѣлъ я огни, и около полуночи очутился у домовъ, осѣненныхъ деревьями. Первый встрѣчный вызвался провести меня къ Городничему и требовалъ за то съ меня *абазъ*.

Появленіе мое у Городничаго, стараго офицера изъ Грузинъ, произвело большое дѣйствіе. Я требовалъ во-первыхъ комнаты, гдѣ бы могъ раздѣться, во вторыхъ стакана вина, въ-третьихъ абаза для моего провожатаго. Городничій не зналъ, какъ меня принять, и посматривалъ на меня съ недоумѣніемъ. Видя, что онъ не торопится исполнить мои просьбы, я сталъ передъ нимъ раздѣваться, прося извиненія de la liberté grande. Къ счастію, нашелъ я въ карманѣ подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественникъ, а не Ринальдо-Ринальдини. Благословенная хартія возымѣла тотчасъ свое дѣйствіе: комната была мнѣ отведена, стаканъ вина принесенъ, и абазъ выданъ моему проводнику, съ отеческимъ выговоромъ за его корыстолюбіе, оскорбительное для Грузинскаго гостепри-

КАВКАЗСКІЙ КАЗАКЪ.

Рисунокъ Пушкина въ Ушаковскомъ альбомѣ.

имства. Я бросился на диванъ, надѣясь послѣ моего подвига заснуть богатырскимъ сномъ: не тутъ-то было! блохи, которыя гораздо опаснѣе шакаловъ, напали на меня и во всю ночь не дали мнѣ покою. Поутру явился ко мнѣ мой человѣкъ и объявилъ, что Графъ П[ушкинъ] благополучно переправился на волахъ черезъ снѣговыя горы и прибылъ въ Душетъ. Нужно было мнѣ торопиться. Графъ П[ушкинъ] и Ш[ернваль] посѣтили меня и предложили опять отправиться вмѣстѣ въ дорогу. Я оставилъ Душетъ съ пріятной мыслію, что ночую въ Тифлисѣ.

Дорога была такъ же пріятна и живописна, хотя рѣдко видѣли мы слѣды народонаселенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гарпискала мы переправились черезъ Куру по древнему мосту, памятнику Римскихъ походовъ, и крупной рысью, а иногда и вскачь, поѣхали къ Тифлису, въ которомъ непримѣтнымъ образомъ и очутились часу въ одиннадцатомъ вечера.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Тифлисъ. Народныя бани. Безносый Гассанъ. Нравы грузинскіе. Пѣсни. Кахетинское вино. Причина жаровъ. Дороговизна. Описаніе города. Отъѣздъ изъ Тифлиса. Грузинская ночь. Видъ Арменіи. Двойной переходъ. Армянская деревня. Гергеры. Грибоѣдовъ. Безобдалъ. Минеральный ключь. Буря въ горахъ. Ночлегъ въ Гумрахъ. Араратъ. Граница. Турецкое гостепріимство. Карсъ. Армянская семья. Выѣздъ изъ Карса. Лагерь Графа Паскевича.

Я остановился въ трактирѣ, на другой день отправился въ славныя Тифлисскія бани. Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегорожали дорогу. Армяне, Грузинцы, Черкесы, Персіяне тѣснились на неправильной площади; между ними молодые Русскіе чиновники разъѣзжали верхами на Карабахскихъ жеребцахъ. При входѣ въ бани сидѣлъ содержатель, старый Персіянинъ. Онъ отворилъ мнѣ дверь, я вошелъ въ обширную комнату, и что же увидѣлъ? Болѣе пятидесяти женщинъ, молодыхъ и старыхъ, полуодѣтыхъ и вовсе неодѣтыхъ, сидя и стоя раздѣвались, одѣвались на лавкахъ, разставленныхъ около стѣнъ. Я остановился. «Пойдемъ, пойдемъ, сказалъ мнѣ хозяинъ, сегодня вторникъ: женскій день. Ничего, не бѣда». Конечно не бѣда, отвѣчалъ я ему, напротивъ. Появленіе мужчинъ не произвело никакого впечатлѣнія. Онѣ продолжали смѣяться и разговаривать между собою. Ни одна не поторопилась покрыться своею *чадрою*; ни одна не перестала раздѣваться. Казалось, я вошелъ невидимкой. Многія изъ нихъ были въ самомъ дѣлѣ прекрасны, и оправдывали воображеніе Т. Мура.

> .... a lovely Georgian maid,
> With all the bloom, the freshened Glow
> Of her own country maiden's looks,
> When warm they rise from Teflis brooks.
> *Lalla Rookhs.*

За то не знаю ничего отвратительнѣе Грузинскихъ старухъ: это вѣдьмы.

Персіянинъ ввелъ меня въ бани: горячій желѣзосѣрный источникъ лился въ глубокую ванну, изсѣченную въ скалѣ. Отъ роду не встрѣчалъ я ни въ Россіи, ни въ Турціи ничего роскошнѣе Тифлисскихъ бань. Опишу ихъ подробно.

Хозяинъ оставилъ меня на попеченіе Татарину-баньщику. Я долженъ признаться, что онъ былъ безъ носу; это не мѣшало ему быть мастеромъ своего дѣла. Гассанъ (такъ назывался безносый Татаринъ) началъ съ того, что разложилъ меня на тепломъ каменномъ полу, послѣ чего началъ онъ ломать мнѣ члены, вытягивать составы, бить меня сильно кулакомъ: я не чувствовалъ ни малѣйшей боли, но удивительное облегченіе. (Азіатскіе баньщики приходятъ иногда въ восторгъ, вспрыгиваютъ вамъ на плеча, скользятъ ногами по бедрамъ и пляшутъ по спинѣ въ присядку, e sempre bene). Послѣ сего долго теръ онъ меня шерстяною рукавицей, и сильно оплескавъ теплой водой, сталъ умывать намыленнымъ полотнянымъ пузыремъ, ощущеніе неизъяснимое: горячее мыло обливаетъ васъ, какъ воздухъ! NB. Шерстяная рукавица и полотняный пузырь непремѣнно должны быть приняты въ Русской банѣ: знатоки будутъ благодарны за таковое нововведеніе.

Послѣ пузыря, Гассанъ опустилъ меня въ ванну, тѣмъ и кончилась церемонія.

Въ Тифлисѣ я надѣялся найти Р[аевскаго], но узнавъ, что полкъ его уже выступилъ въ походъ, я рѣшился просить у Графа Паскевича позволенія пріѣхать въ армію.

Въ Тифлисѣ пробылъ я около двухъ недѣль и познакомился съ тамошнимъ обществомъ. С[анковскій], издатель Тифлисскихъ Вѣдомостей, разсказывалъ мнѣ много любопытнаго о здѣшнемъ краѣ, о К. Циціановѣ, объ А. П. Ермоловѣ и проч. С[анковскій] любитъ Грузію и предвидитъ для нея блестящую будущность.

Грузія прибѣгнула подъ покровительство Россіи въ 1783 году, что не помѣшало славному Агѣ-Махамеду взять и разорить Тифлисъ и двадцать тысячъ жителей увести въ плѣнъ (1795 г.). Грузія перешла подъ скипетръ Императора Александра въ 1802. Грузины народъ воинственный. Они доказали свою храбрость подъ нашими знаменами. Ихъ умственныя способности

ожидаютъ большой образованности. Они вообще нрава веселаго и общежительнаго. По праздникамъ мужчины пьютъ и гуляютъ по улицамъ. Черноглазые мальчики поютъ, прыгаютъ и кувыркаются; женщины пляшутъ лезгинку.

Голосъ пѣсенъ Грузинскихъ пріятенъ: мнѣ перевели одну изъ нихъ слово въ слово; она, кажется, сложена въ новѣйшее время; въ ней есть какая-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство. Вотъ вамъ она:

Душа, недавно рожденная въ раю! Душа, созданная для моего счастія! Отъ тебя, безсмертная, ожидаю жизни.

Отъ тебя, Весна цвѣтущая, Луна двунедѣльная, отъ тебя, Ангелъ мой хранитель, отъ тебя ожидаю жизни.

Ты сіяешь лицомъ и веселишь улыбкою. Не хочу обладать міромъ; хочу твоего взора. Отъ тебя ожидаю жизни.

Горная роза, освѣженная росою! Избранная любимица природы! Тихое, потаенное сокровище! Отъ тебя ожидаю жизни.

Грузинцы пьютъ—и не по нашему, и удивительно крѣпки. Вина ихъ не терпятъ вывоза и скоро портятся, но на мѣстѣ они прекрасны. Кахетинское и Карабахское стоятъ нѣкоторыхъ Бургонскихъ. Вино держатъ въ *маранахъ*, огромныхъ кувшинахъ, зарытыхъ въ землю. Ихъ открываютъ съ торжественными обрядами. Недавно Русскій драгунъ, тайно открывъ таковой кувшинъ, упалъ въ него и утонулъ въ Кахетинскомъ винѣ, какъ несчастный Кларенсъ въ бочкѣ малаги.

Тифлисъ находится на берегахъ Куры, въ долинѣ, окруженной каменистыми горами. Онѣ укрываютъ его со всѣхъ сторонъ отъ вѣтровъ, и разкалясь на солнцѣ, не нагрѣваютъ, а кипятятъ недвижимый воздухъ. Вотъ причина нестерпимыхъ жаровъ, царствующихъ въ Тифлисѣ, не смотря на то, что городъ находится только еще подъ 41 градусомъ широты. Самое его названіе ‹*Тбимикаларъ*› значитъ жаркій городъ.

Большая часть города выстроена по-Азіатски: дома низкіе, кровли плоскія. Въ сѣверной части возвышаются дома Европейской архитектуры, и около нихъ начинаютъ образовываться правильныя площади. Базаръ раздѣляется на нѣсколько рядовъ; лавки полны Турецкихъ и Персидскихъ товаровъ, довольно дешевыхъ, если принять въ разсужденіе всеобщую дороговизну. Оружіе Тифлисское дорого цѣнится на всемъ Востокѣ. Графъ С[амойловъ] и В., прослывшіе здѣсь богатырями, обыкновенно пробовали свои новыя шашки, съ одного маху перерубая на-двое барана или отсѣкая голову быку.

Въ Тифлисѣ главную часть народонаселенія составляютъ Армяне: въ 1825 году было ихъ здѣсь до двухъ тысячь пятисотъ семействъ. Во время нынѣшнихъ войнъ число ихъ еще умножилось. Грузинскихъ семействъ считается до тысячи пятисотъ. Русскіе не считаютъ себя здѣшними жителями. Военные, повинуясь долгу, живутъ въ Грузіи, потому что такъ имъ велѣно. Молодые Титулярные Совѣтники пріѣзжаютъ сюда за чиномъ Ассессорскимъ, только вождѣленнымъ. Тѣ и другіе смотрятъ на Грузію какъ на изгнаніе.

Климатъ Тифлисскій, сказываютъ, нездоровъ. Здѣшнія горячки ужасны; ихъ лечатъ меркуріемъ, коего употребленіе безвредно по причинѣ жаровъ. Лекаря кормятъ имъ своихъ больныхъ безъ всякой совѣсти. Генералъ С[ипягинъ], говорятъ, умеръ отъ того, что его домовый лекарь, пріѣхавшій съ нимъ изъ Петербурга испугался пріема предлагаемаго тамошними Докторами, и не далъ онаго больному. Здѣшнія лихорадки похожи на Крымскія и Молдавскія и лечатся одинаково.

Жители пьютъ Курскую воду мутную, но пріятную. Во всѣхъ источникахъ и колодцахъ вода сильно отзывается сѣрой. Впрочемъ вино здѣсь въ такомъ общемъ употребленіи, что недостатокъ въ водѣ былъ бы незамѣтенъ.

Въ Тифлисѣ удивила меня дешевизна денегъ. Переѣхавъ на извощикѣ двѣ улицы и отпустивъ его черезъ полчаса, я долженъ былъ заплатить два рубля серебромъ. Я сперва думалъ, что онъ хотѣлъ воспользоваться незнаніемъ новопріѣзжаго; но мнѣ сказали, что цѣна точно такова. Все прочее дорого въ соразмѣрности.

Мы ѣздили въ Нѣмецкую колонію и тамъ обѣдали. Пили тамъ дѣлаемое пиво, вкусу очень непріятнаго, и заплатили очень дорого за очень плохой обѣдъ. Въ моемъ трактирѣ кормили меня также дорого и дурно. Г[енералъ] С[трекаловъ], извѣстный гастрономъ, позвалъ однажды меня отобѣдать; но несчастію у него разносили кушанья по чинамъ, а за столомъ сидѣли Англійскіе Офицеры въ Генеральскихъ эполетахъ. Слуги такъ усердно меня обносили, что я всталъ изъ-за стола голодный. Чортъ побери Тифлисскаго гастронома!

Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи. Наконецъ получилъ я записку отъ Раевскаго. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было идти далѣе. Я выѣхалъ на другой-же день.

Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осененныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ:

Ночи звойныя!
Звѣзды чудныя!..

Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-Русски, а потомъ по-Татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-Русски, ни по-Татарски.

Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ Татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущеліе, называемое, кажется, Волчьими Воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; надо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію, и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

Человѣкъ мой съ вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ по цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ въ Армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ подземной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько Грузинъ сопровождали арбу. Откуда вы, спросилъ я ихъ. — Изъ Тегерана. — Что вы везете? — *Грибоѣда.* Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году, въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ, и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть Шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый Шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами Персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ Тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею.

Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, все въ немъ было не обыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости,

ПУШКИНЪ ПО ДОРОГѢ ВЪ АРЗРУМЪ.
Автопортретъ въ Ушаковскомъ альбомѣ.

эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ. Впрочемъ, уваженіе наше къ славѣ происходитъ, можетъ быть, отъ самолюбія: въ составъ славы входитъ и нашъ голосъ.

Жизнь Грибоѣдова была затемнена нѣкоторыми облаками: слѣдствіе пылкихъ страстей и могучихъ обстоятельствъ. Онъ почувствовалъ необходимость расчесться единожды навсегда съ своею молодостію и круто поворотить свою жизнь. Онъ простился съ Петербургомъ и съ праздной разсѣянностію, уѣхалъ въ Грузію, гдѣ пробылъ восемь лѣтъ въ уединенныхъ, неусыпныхъ занятіяхъ. Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ, и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія *Горе отъ ума* произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его наряду съ первыми нашими поэтами. Черезъ нѣсколько времени потомъ совершенное знаніе того края, гдѣ начиналась война, открыло ему новое поприще; онъ назначенъ былъ Посланникомъ. Пріѣхавъ въ Грузію, женился онъ на той, которую любилъ... Не знаю ничего завиднѣе послѣднихъ годовъ бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди смѣлаго, неровнаго боя, не имѣла для Грибоѣдова ничего ужаснаго, ничего томительнаго. Она была мгновенна и прекрасна.

Какъ жаль, что Грибоѣдовъ не оставилъ своихъ записокъ! Написать его біографію было бы дѣломъ его друзей; но замѣчательные люди исчезаютъ у насъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Мы лѣнивы и нелюбопытны.

Въ Гергерахъ встрѣтилъ я Б[утурлина], который какъ и я ѣхалъ въ армію. Б[утурлинъ] путешествовалъ со всевозможными прихотями. Я отобѣдалъ у него какъ бы въ Петербургѣ. Мы положили путешествовать вмѣстѣ; но демонъ нетерпѣнія опять мною овладѣлъ. Человѣкъ мой просилъ у меня позволенія отдохнуть. Я отправился безъ проводника. Дорога все была одна и совершенно безопасна.

Переѣхавъ черезъ гору и опустясь въ

долину, осѣянную деревьями, я увидѣлъ минеральный ключь, текущій поперегъ дороги. Здѣсь я встрѣтилъ Армянскаго попа, ѣхавшаго въ Ахалцыкъ изъ Эривани. Что новаго въ Эривани? спросилъ я его. Въ Эривани чума, отвѣчалъ онъ; а что слыхать объ Ахалцыкѣ? Въ Ахалцыкѣ чума, отвѣчалъ я ему. Обмѣнившись сими пріятными извѣстіями, мы разстались.

Я ѣхалъ посреди плодоносныхъ нивъ и цвѣтущихъ луговъ. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородіе вошло на Востокѣ въ пословицу. Къ вечеру прибылъ я въ Пернике. Здѣсь былъ казачій постъ. Урядникъ предсказалъ мнѣ бурю и совѣтовалъ остаться ночевать, но я хотѣлъ непремѣнно въ тотъ же день достигнуть Гумровъ.

Мнѣ предстоялъ переходъ черезъ невысокія горы, естественную границу Карскаго Пашалыка. Небо покрыто было тучами; я надѣялся, что вѣтеръ, который часъ отъ часу усиливался, ихъ разгонитъ. Но дождь сталъ накрапывать и шелъ все крупнѣе и чаще. Отъ Пернике до Гумровъ считается двадцать семь верстъ. Я затянулъ ремни моей бурки, надѣлъ башлыкъ на картузъ и поручилъ себя Провидѣнію.

Прошло болѣе двухъ часовъ. Дождь не переставалъ. Вода ручьями лилась съ моей отяжелѣвшей бурки и съ башлыка, напитаннаго дождемъ. Наконецъ холодная струя начала пробираться мнѣ за галстухъ, и вскорѣ дождь меня промочилъ до послѣдней нитки. Ночь была темная; казакъ ѣхалъ впереди указывая дорогу. Мы стали подыматься на горы. Между тѣмъ дождь пересталъ и тучи разсѣялись. До Гумровъ оставалось верстъ десять. Вѣтеръ, дуя на свободѣ, былъ такъ силенъ, что въ четверть часа высушилъ меня совершенно. Я не думалъ избѣжать горячки. Наконецъ я достигнулъ Гумровъ около полуночи. Казакъ привезъ меня прямо къ посту. Мы остановились у палатки, куда спѣшилъ я войти. Тутъ нашелъ я двѣнадцать казаковъ, спящихъ одинъ возлѣ другого. Мнѣ дали мѣсто: я повалился на бурку, не чувствуя самъ себя отъ усталости. Въ этотъ день проѣхалъ я 75 верстъ. Я заснулъ какъ убитый.

Казаки разбудили меня на зарѣ. Первою моею мыслію было: не лежу ли въ лихорадкѣ, но почувствовалъ, что слава Богу былъ здоровъ; не было слѣда не только болѣзни, но и усталости. Я вышелъ изъ палатки на свѣжій утренній воздухъ. Солнце всходило. На ясномъ небѣ бѣлѣла снѣговая, двуглавая гора. Что за гора? спросилъ я потягиваясь, и услышалъ въ отвѣтъ: это Араратъ. Какъ сильно дѣйствіе звуковъ! Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія...

Лошадь моя была готова. Я поѣхалъ съ проводникомъ. Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. Вотъ и Арпачай, сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ по рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на Турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи.

До Карса оставалось мнѣ еще 75 верстъ. Къ вечеру я надѣялся увидѣть нашъ лагерь. Я нигдѣ не останавливался. На половинѣ дороги, въ Армянской деревнѣ, выстроенной въ горахъ на берегу рѣчки, вмѣсто обѣда съѣлъ я проклятый *чюрекъ*, Армянскій хлѣбъ, испеченный въ видѣ лепешки попаламъ съ золою, о которомъ такъ тужили Турецкіе плѣнники въ Даріальскомъ ущеліи. Дорого бы я далъ за кусокъ Русскаго чернаго хлѣба, который былъ имъ такъ противенъ. Меня провожалъ молодой Турокъ, ужасный говорунъ. Онъ во всю дорогу болталъ по Турецки, не заботясь о томъ, понималъ ли я его или нѣтъ. Я напрягалъ вниманіе, и старался угадать его. Казалось, онъ побранивалъ Русскихъ, и привыкнувъ видѣть ихъ всѣхъ въ мундирахъ, по платью принималъ меня за иностранца. На встрѣчу намъ попался Русскій Офицеръ. Онъ ѣхалъ изъ нашего лагеря, и объявилъ мнѣ, что армія уже выступила изъ-подъ Карса. Не могу описать моего отчаянія: мысль, что мнѣ должно возвратиться въ Тифлисъ, измучась понапрасну въ пустынной Арменіи, совер-

шенно убивала меня. Офицеръ поѣхалъ въ свою сторону; Турокъ началъ опять монологъ; но уже мнѣ было не до него. Я перемѣнилъ иноходь на крупную рысь, и вечеромъ пріѣхалъ въ Турецкую деревню, находящуюся въ двадцати верстахъ отъ Карса.

Соскочивъ съ лошади, я хотѣлъ войти въ первую саклю, но въ дверяхъ показался хозяинъ и оттолкнулъ меня съ бранію. Я отвѣчалъ на его привѣтствіе нагайкою. Турокъ разкричался; народъ собрался. Проводникъ мой, кажется, за меня заступился. Мнѣ указали Караванъ-сарай; я вошелъ въ большую саклю, похожую на хлѣвъ. Не было мѣста, гдѣ бы я могъ разостлать бурку. Я сталъ требовать лошадь. Ко мнѣ явился Турецкій Старшина. На всѣ его непонятныя рѣчи отвѣчалъ я одно: *вербана ать* <дай мнѣ лошадь>. Турки не соглашались. Наконецъ я догадался показать имъ деньги <съ чего надлежало бы мнѣ начать>. Лошадь тотчасъ была приведена, и мнѣ дали проводника.

Я поѣхалъ по широкой долинѣ, окруженной горами. Вскорѣ увидѣлъ я Карсъ, бѣлѣющійся на одной изъ нихъ. Турокъ мой указывалъ мнѣ на него, повторяя: Карсъ, Карсъ! и пускалъ вскачь свою лошадь; я слѣдовалъ за нимъ, мучась безпокойствомъ: участь моя должна была рѣшиться въ Карсѣ. Здѣсь долженъ я былъ узнать, гдѣ находится нашъ лагерь, и будетъ ли еще мнѣ возможность догнать армію. Между тѣмъ небо покрылось тучами и дождь пошелъ опять; но я объ немъ ужъ не заботился.

Мы въѣхали въ Карсъ. Подъѣзжая къ воротамъ стѣны, услышалъ я Русскій барабанъ: били зорю. Часовой принялъ отъ меня билетъ и отправился къ Коменданту. Я стоялъ подъ дождемъ около получаса. Наконецъ меня пропустили. Я велѣлъ проводнику везти меня прямо въ бани. Мы поѣхали по кривымъ и крутымъ улицамъ; лошади скользили по дурной Турецкой мостовой. Мы остановились у одного дома довольно плохой наружности. Это были бани. Турокъ слѣзъ съ лошади и сталъ стучаться у дверей. Никто не отвѣчалъ. Дождь ливмя лилъ на меня. Наконецъ изъ ближняго дома вышелъ молодой Армянинъ, и переговоря съ моимъ Туркомъ, позвалъ меня къ себѣ, изъяснялся на довольно чистомъ Русскомъ языкѣ. Онъ повелъ меня по узкой лѣстницѣ во второе жилье своего дома. Въ комнатѣ, убранной низкими диванами и вѣтхими коврами, сидѣла старуха, его мать. Она подошла ко мнѣ и поцѣловала мнѣ руку. Сынъ велѣлъ ей разложить огонь и приготовить мнѣ ужинъ. Я раздѣлся и сѣлъ передъ огнемъ. Вошелъ меньшой братъ хозяина, мальчикъ лѣтъ семнадцати. Оба брата бывали въ Тифлисѣ и живали въ немъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Они сказали мнѣ, что войска наши выступили наканунѣ, и что лагерь нашъ находится въ двадцати пяти верстахъ отъ Карса. Я успокоился совершенно. Скоро старуха приготовила мнѣ баранину съ лукомъ, которая показалась мнѣ вѣрхомъ поваренаго искусства. Мы всѣ легли въ одной комнатѣ; я разлегся противу угасающаго камина, и заснулъ въ пріятной надеждѣ увидѣть на другой день лагерь Графа Паскевича.

Поутру пошелъ я осматривать городъ. Младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ чичерономъ. Осматривая укрѣпленія и цитадель, выстроенную на неприступной скалѣ, я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. Мой Армянинъ толковалъ мнѣ, какъ умѣлъ, военныя дѣйствія, коимъ самъ онъ былъ свидѣтелемъ. Замѣтя въ немъ охоту къ войнѣ, я предложилъ ему ѣхать со мною въ армію. Онъ тотчасъ согласился. Я послалъ его за лошадьми. Черезъ полчаса выѣхалъ я изъ Карса, и Артемій <такъ назывался мой Армянинъ> уже скакалъ подлѣ меня на Турецкомъ жеребцѣ, съ гибкимъ Куртинскимъ дротикомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, и бредя о Туркахъ и о сраженіяхъ.

Я ѣхалъ по землѣ, вездѣ засѣянной хлѣбомъ; кругомъ видны были деревни, но онѣ были пусты: жители разбѣжались. Дорога была прекрасна, и въ топкихъ мѣстахъ вымощена—черезъ ручьи выстроены были каменные мосты. Земля примѣтно возвышалась—передовые холмы хребта Сагунъ-лу <древняго Тавра> начинали появляться. Прошло около двухъ часовъ; я взъѣхалъ на отлогое возвышеніе и вдругъ увидѣлъ нашъ лагерь, расположенный на берегу Карсъ-чая; черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже въ палаткѣ Р[аевскаго].

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Переходъ черезъ Саганъ-лу. Перестрѣлка. Лагерная жизнь. Язиды. Сраженіе съ Сераскиромъ Арзрумскимъ. Взорванная сакля.

Я пріѣхалъ вовремя. Въ тотъ же день <13 іюня> войско получило повелѣніе идти впередъ. Обѣдая у Р[аевскаго], слушалъ я молодыхъ Генераловъ, разсуждавшихъ о движеніи, имъ предписанномъ. Генералъ Бурцовъ отраженъ былъ влѣво по большой Арзрумской дорогѣ прямо противу Турецкаго лагеря, между тѣмъ какъ все прочее войско должно было идти правою стороною въ обходъ непріятелю.

Въ пятомъ часу войско выступило. Я ѣхалъ съ Нижегородскимъ Драгунскимъ полкомъ, разговаривая съ Раевскимъ, съ которымъ уже нѣсколько лѣтъ не видался. Настала ночь; мы остановились въ долинѣ, гдѣ все войско имѣло привалъ. Здѣсь имѣлъ я честь быть представленъ Графу Паскевичу.

Я нашелъ Графа дома, передъ бивачнымъ огнемъ, окруженнаго своимъ штабомъ. Онъ былъ веселъ и принялъ меня ласково. Чуждый воинскому искусству, я не подозрѣвалъ, что участь похода рѣшилась въ эту минуту. Здѣсь увидѣлъ я нашего В[ольховскаго], запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ. Здѣсь увидѣлъ я и М[ихаила] П[ущина], раненаго въ прошломъ году. Онъ любимъ и уважаемъ, какъ славный товарищъ и храбрый солдатъ. Многіе изъ старыхъ моихъ пріятелей окружили меня. Какъ они перемѣнились! какъ быстро уходитъ время!

Heu fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...

Я воротился къ Р[аевскому] и ночевалъ въ его палаткѣ. Посреди ночи разбудили меня ужасные крики: можно было подумать, что непріятель сдѣлалъ нечаянное нападеніе. Р[аевскій] послалъ узнать причину тревоги. Нѣсколько Татарскихъ лошадей, сорвавшихся съ привязи, бѣгали по лагерю, и Мусульмане <такъ зовутся Татары, служащіе въ нашемъ войскѣ> ихъ ловили.

На зарѣ войско двинулось. Мы подъѣхали къ горамъ поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущеліе. Драгуны говорили между собою: смотри, братъ, держись: какъ разъ картечью хватятъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но Турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ Генерала Бурцова, не воспользовались своими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущеліе и стали на высотахъ Саганъ-лу въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря.

Природа около насъ была угрюма. Воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ.

... nec Armeniis in oris
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes...

Только успѣли мы отдохнуть и отобѣдать, какъ услышали ружейные выстрѣлы. Р[аевскій] послалъ освѣдомиться. Ему донесли, что Турки завязали перестрѣлку на передовыхъ нашихъ пикетахъ. Я поѣхалъ съ С[емичевымъ] посмотрѣть новую для меня картину. Мы встрѣтили раненаго казака: онъ сидѣлъ, шатаясь на сѣдлѣ, блѣденъ и окровавленъ. Два казака поддерживали его. Много-ли Турковъ; спросилъ С[емичевъ]. Свиньёмъ валитъ, Ваше Благородіе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ. Проѣхавъ ущеліе, вдругъ увидѣли мы на склоненіи противоположной горы до двухсотъ казаковъ, выстроенныхъ въ лаву, и надъ ними около пятисотъ Турковъ. Казаки отступали медленно; Турки наѣзжали съ большею дерзостію, прицѣливались шагахъ въ двадцати, и выстрѣливъ, скакали назадъ. Ихъ высокія чалмы, красивые доломаны и блестящій уборъ коней составляли рѣзкую противоположность съ синими мундирами и простою сбруей казаковъ. Человѣкъ пятнадцать нашихъ было уже ранено. Подполковникъ Басовъ послалъ за подмогой. Въ это время самъ онъ былъ раненъ въ ногу. Казаки было смѣшались. Но Басовъ опять сѣлъ на лошадь и остался при своей командѣ. Подкрѣпленіе подоспѣло. Турки, замѣтивъ его, тотчасъ исчезли, оставя на горѣ голый трупъ казака, обезглавленный

НИКОЛАЙ РАЕВСКІЙ-МЛАДШІЙ.

(Въ эпоху его боевой карьеры на Кавказѣ).
Портретъ Айвазовскаго, относящійся къ 1841 году.

и обрубленный. Турки отсѣченныя головы отсылаютъ въ Константинополь, а кисти рукъ, обмакнувъ въ крови, отпечатлѣваютъ на своихъ знаменахъ. Выстрѣлы утихли. Орлы, спутники войскъ, поднялися надъ горою, съ высоты высматривая добычу. Въ это время показалась толпа Генераловъ и Офицеровъ: Графъ Паскевичъ пріѣхалъ и отправился на гору, за которою скрылись Турки. Они были подкрѣплены четырьмя тысячами конницы, скрытой въ лощинѣ и въ оврагахъ. Съ высоты горы открылся намъ Турецкій лагерь, отдѣленный отъ насъ оврагами и высотами. Мы возвратились поздно. Проѣзжая нашимъ лагеремъ, я видѣлъ нашихъ раненыхъ, изъ копхъ человѣкъ пять умерло въ ту же ночь и на другой день. Вечеромъ навѣстилъ я молодого Остенъ-Сакена, раненаго въ тотъ-же день въ другомъ сраженіи.

Лагерная жизнь очень мнѣ нравилась. Пушка подымала насъ на зарѣ. Сонъ въ палаткѣ удивительно здоровъ. За обѣдомъ запивали мы Азіатскій шашлыкъ Англійскимъ пивомъ и Шампанскимъ, застывшимъ въ стѣнахъ Таврійскихъ. Общество наше было разнообразно. Въ палаткѣ Генерала Раевскаго собрались беки Мусульманскихъ

полковъ; и бесѣда шла черезъ переводчика. Въ войскѣ нашемъ находились и народы Закавказскихъ нашихъ областей, и жители земель, недавно завоеванныхъ. Между ними съ любопытствомъ смотрѣлъ я на Язидовъ, слывущихъ на Востокѣ дьяволопоклонниками. Около трехъ-сотъ семействъ обитаютъ у подошвы Арарата. Они признали владычество Русскаго Государя. Начальникъ ихъ, высокій, уродливый мужчина; въ красномъ плащѣ и черной шапкѣ, приходилъ иногда съ поклономъ къ Генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать отъ Язида правду о ихъ вѣроисповѣданіи. На мои вопросы отвѣчалъ онъ, что молва, будто бы Язиды поклоняются сатанѣ, есть пустая баснь; что они вѣруютъ въ единаго Бога, что по ихъ закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличнымъ и неблагороднымъ; ибо онъ теперь несчастливъ, но современемъ можетъ быть прощенъ, ибо нельзя положить предѣловъ милосердію Аллаха. Это объясненіе меня успокоило. Я очень радъ былъ за Язидовъ, что они сатанѣ не поклоняются, и заблужденія ихъ показались мнѣ уже гораздо простительнѣе.

Человѣкъ мой явился въ лагерь черезъ три дня послѣ меня. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ вагенбургомъ, который въ виду непріятеля благополучно соединился съ арміей. NB. Во все время похода ни одна арба изъ многочисленнаго нашего обоза не была захвачена непріятелемъ. Порядокъ, съ какимъ обозъ слѣдовалъ за войскомъ, въ самомъ дѣлѣ удивителенъ.

17 іюня утромъ услышали вновь мы перестрѣлку, и черезъ два часа увидѣли Карабахскій полкъ возвращающимся съ осьмью Турецкими знаменами: Полковникъ Фридериксъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ, засѣвшимъ за каменными завалами, вытѣснилъ его и прогналъ; Османъ Паша, начальствовавшій конницей, едва успѣлъ спастись.

18 іюня лагерь передвинулся на другое мѣсто. 19, едва пушка разбудила насъ, все въ лагерѣ пришло въ движеніе. Генералы поѣхали къ своимъ постамъ. Полки строились; офицеры становились у своихъ взводовъ. Я остался одинъ, не зная, въ которую сторону ѣхать, и пустилъ лошадь на волю Божію. Я встрѣтилъ Генерала Бурцова, который звалъ меня на лѣвый флангъ. Что такое лѣвый флангъ? подумалъ я, и поѣхалъ далѣе. Я увидѣлъ Генерала Муравьева, разставлявшаго пушки. Вскорѣ показались Дели-Баши и закружились въ долинѣ, перестрѣливаясь съ нашими казаками. Между тѣмъ густая толпа ихъ пѣхоты шла по лощинѣ. Генералъ Муравьевъ приказалъ стрѣлять. Картечь хватила въ самую середину толпы. Турки повалили въ сторону и скрылись за возвышеніемъ. Я увидѣлъ Графа Паскевича, окруженнаго своимъ штабомъ. Турки обходили наше войско, отдѣленное отъ нихъ глубокимъ оврагомъ. Графъ послалъ П[ущина] осмотрѣть оврагъ. П[ущинъ] поскакалъ. Турки приняли его за наѣздника и дали по немъ залпъ. Всѣ засмѣялись. Графъ велѣлъ выставить пушки и палить. Непріятель разсыпался по горѣ и по лощинѣ. На лѣвомъ флангѣ, куда звалъ меня Бурцовъ, происходило жаркое дѣло. Передъ нами <противу центра> скакала Турецкая конница. Графъ послалъ противъ нее Генерала Раевскаго, который повелъ въ атаку свой Нижегородскій полкъ. Турки исчезли. Татары наши окружали ихъ раненыхъ и проворно раздѣвали, оставляя нагихъ посреди поля. Генералъ Раевскій остановился на краю оврага. Два эскадрона, отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены Полковникомъ Симоничемъ.

Сраженіе утихло: Турки у насъ въ глазахъ начали копать землю и таскать каменья, укрѣпляясь по своему обыкновенію. Ихъ оставили въ покоѣ. Мы слѣзли съ лошадей и стали обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ. Въ это время къ Графу привели нѣсколькихъ плѣнниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ жестоко раненъ. Ихъ разспросили. Около шестого часу войска опять получили приказъ идти на непріятеля. Турки зашевелились за своими завалами, приняли насъ пушечными выстрѣлами, и вскорѣ начали отступать. Конница наша была впереди; мы стали спускаться въ оврагъ; земля обрывалась и сыпалась подъ конскими ногами. Поминутно лошадь моя могла упасть, и тогда **[сводный] Уланскій полкъ переѣхалъ бы черезъ меня. Однако Богъ вынесъ. Едва выбрались мы на широкую дорогу, идущую горами, какъ вся наша конница поскакала во весь опоръ. Турки бѣжали; казаки стегали нагайками пушки, брошенныя на дорогѣ, и неслись мимо. Турки бросались въ овраги, находящіеся по обѣимъ сторонамъ дороги; они уже не стрѣляли; по крайней мѣрѣ ни одна пуля не просвистала мимо моихъ ушей. Первые въ преслѣдованіи были наши Татарскіе полки,

коихъ лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусивъ повода, отъ нихъ не отставала: я на силу могъ ее сдержать. Она остановилась передъ трупомъ молодаго Турка, лежащаго поперегъ дороги. Ему, казалось, было лѣтъ осмнадцать; блѣдное дѣвическое лицо не было обезображено; чалма его валялась въ пыли; обритый затылокъ прострѣленъ былъ пулею. Я поѣхалъ шагомъ; вскорѣ нагналъ меня Р[аевскій]. Онъ написалъ карандашемъ на клочкѣ бумаги донесеніе Графу Паскевичу о совершенномъ пораженіи непріятеля и поѣхалъ далѣе. Я слѣдовалъ за нимъ издали; настала ночь. Усталая лошадь моя отставала и спотыкалась на каждомъ шагу. Графъ Паскевичь повелѣлъ не прекращать преслѣдованія и самъ имъ управлялъ. Меня обогнали конные наши отряды я увидѣлъ полковника Полякова, начальника Казацкой артиллеріи, игравшей въ тотъ день важную роль, и съ нимъ вмѣстѣ прибылъ въ оставленное селеніе, гдѣ остановился Графъ Паскевичь, прекратившій преслѣдованіе по причинѣ наступившей ночи.

Мы нашли Графа на кровлѣ подземной сакли передъ огнемъ. Къ нему приводили плѣнныхъ. Тутъ находились почти всѣ Начальники. Казаки держали въ поводьяхъ ихъ лошадей. Огонь освѣщалъ картину, достойную Сальватора-Розы, рѣчка шумѣла во мракѣ. Въ это время донесли Графу, что въ деревнѣ спрятаны пороховые запасы, и что должно опасаться взрыва. Графъ оставилъ саклю со всею своею свитою. Мы поѣхали къ нашему лагерю, находившемуся уже въ тридцати верстахъ отъ мѣста, гдѣ мы ночевали. Дорога полна была конныхъ отрядовъ. Только успѣли мы прибыть на мѣсто, какъ вдругъ небо освѣтилось, какъ будто метеоромъ, и мы услышали глухой взрывъ. Сакля, оставленная нами назадъ тому четверть часа, взорвана была на воздухъ; въ ней находился пороховой запасъ. Разметанные камни задавили нѣсколько казаковъ.

Вотъ все, что въ то время успѣлъ я увидѣть. Вечеромъ я узналъ, что въ семъ сраженіи разбитъ Сераскиръ Арзрумскій, шедшій на присоединеніе къ Гаки-Пашѣ съ тридцатью тысячами войска. Сераскиръ бѣжалъ къ Арзруму; войско его, переброшенное за Саган-лу, было разсѣяно, артиллерія взята, и Гаки-Паша одинъ оставался у насъ на рукахъ. Графъ Паскевичь не далъ ему времени распорядиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Сраженіе съ Гаки-Пашею. Смерть Татарскаго Бека. Гермафродитъ. Плѣнный Паша. Араксъ. Мостъ пастуха. Гассанъ-Кале. Горячій источникъ. Походъ къ Арзруму. Переговоры. Взятіе Арзрума Турецкіе плѣнники. Дервишъ.

На другой день въ пятомъ часу лагерь проснулся и получилъ приказаніе выступить. Вышедъ изъ палатки, встрѣтилъ я графа Паскевича, вставшаго прежде всѣхъ. Онъ увидѣлъ меня. Êtes-vous fatigué de la journée d'hier?—mais un peu, M. le Comte.—J'en suis faché pour vous, car nous allons faire encore une marche pour joindre le Pacha, et puis il faudra boursuivre l'ennemi encore une trentaine de verstes.

Мы тронулись, и къ осьми часамъ пришли на возвышеніе, съ котораго лагерь Гаки-Паши виденъ былъ какъ на ладони. Турки открыли безвредный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Между тѣмъ въ лагерѣ ихъ замѣтно было большое движеніе. Усталость и утренній жаръ заставили многихъ изъ насъ слѣзть съ лошадей и лечь на свѣжую траву. Я опуталъ поводья около руки и сладко заснулъ, въ ожиданіи приказа идти впередъ. Чрезъ четверть часа меня разбудили. Все было въ движеніи. Съ одной стороны колонны шли на Турецкій лагерь; съ другой конница готовилась преслѣдовать непріятеля. Я поѣхалъ-было за Нижегородскимъ полкомъ, но лошадь моя хромала, я отсталъ. Мимо меня пронесся Уланскій полкъ. Потомъ В[олховскій] проскакалъ съ тремя пушками. Я очутился одинъ въ лѣсистыхъ горахъ. Мнѣ попался на встрѣчу драгунъ, который объявилъ, что лѣсъ наполнился непріятелемъ. Я воротился. Я встрѣтилъ Генерала М[уравьева] съ пѣхотнымъ полкомъ. Онъ отрядилъ одну роту въ лѣсъ, дабы его очистить. Подъѣзжая къ лощинѣ, увидѣлъ я необыкновенную картину. Подъ деревомъ лежалъ одинъ изъ нашихъ Татарскихъ Бековъ, раненый смертельно. Подлѣ него рыдалъ его любимецъ. Мулла, стоя на колѣняхъ, читалъ

молитвы. Умирающій Бекъ былъ чрезвычайно спокоенъ и неподвижно глядѣлъ на молодаго своего друга. Въ лощинѣ собрано было человѣкъ пять сотъ плѣнныхъ. Нѣсколько раненыхъ Турковъ подзывали меня знаками, вѣроятно принимая меня за лекаря и требуя помощи, которой я не могъ имъ подать. Изъ лѣсу вышелъ Турокъ, зажимая свою рану окровавленною тряпкою. Солдаты подошли къ нему, съ намѣреніемъ его приколоть, можетъ быть изъ человѣколюбія. Но это слишкомъ меня возмутило; я заступился за бѣднаго Турку и насилу привелъ его, изнеможеннаго и истекающаго кровью, къ кучкѣ его товарищей. При нихъ былъ Полковникъ А[нрепъ]. Онъ курилъ дружелюбно изъ ихъ трубокъ, не смотря на то, что были слухи о чумѣ, будто бы открывшейся въ Турецкомъ лагерѣ. Плѣнные сидѣли, спокойно разговаривая между собою. Почти всѣ были молодые люди. Отдохнувъ, пустились мы далѣе. По всей дорогѣ валялись тѣла. Верстахъ въ пятнадцати нашелъ я Нижегородскій полкъ, остановившійся на берегу рѣчки посреди скалъ. Преслѣдованіе продолжалось еще нѣсколько часовъ. Къ вечеру пришли мы въ долину, окруженную густымъ лѣсомъ, и наконецъ могъ я выспаться въ волю, проскакавъ въ эти два дня болѣе восьмидесяти верстъ.

На другой день войска, преслѣдовавшія непріятеля, получили приказъ возвратиться въ лагерь. Тутъ узнали мы, что между плѣнниками находился гермафродитъ. Р[аевскій], по просьбѣ моей, велѣлъ его привести. Я увидѣлъ высокаго, довольно толстаго мужика, съ лицомъ старой курносой чухонки. Мы осмотрѣли его въ присутствіи лекаря [erat vir, mammosus ut femina, habebat testiculos non evolutos, penemque parvum et puerilem. Quaerebamus: sitne exsectus? Deus, respondit, castravit me]. Сія болѣзнь, извѣстная Иппократу, по свидѣтельству путешественниковъ, встрѣчается часто у кочующихъ Татаръ и у Турковъ. *Коосъ* есть Турецкое названіе симъ мнимымъ гермафродитамъ.

Войско наше стояло въ Турецкомъ лагерѣ, взятомъ наканунѣ. Палатка Графа Паскевича стояла близь зеленаго шатра Гаки-Паши, взятаго въ плѣнъ нашими казаками. Я пошелъ къ нему и нашелъ его окруженнаго нашими офицерами. Онъ сидѣлъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубку. Онъ казался лѣтъ сорока. Важность и глубокое спокойствіе изображались на прекрасномъ лицѣ его. Отдавшись въ плѣнъ, онъ просилъ, чтобъ ему дали чашку кофію и чтобъ его избавили отъ вопросовъ.

Мы стояли въ долинѣ. Снѣжныя и лѣсистыя горы Саган лу были уже за нами. Мы пошли впередъ, не встрѣчая нигдѣ непріятеля. Селенія были пусты, окрестная сторона печальна. Мы увидѣли Араксъ, быстро текущій въ каменистыхъ берегахъ своихъ. Въ пятнадцати верстахъ отъ Гассанъ-Кале находится постъ, прекрасно и смѣло выстроенный на семи неравныхъ сводахъ. Преданіе приписываетъ его построеніе разбогатѣвшему пастуху, умершему пустынникомъ на высотѣ холма, гдѣ донынѣ показываютъ его могилу, осѣненную двумя пустынными соснами. Сосѣдніе поселяне стекаются къ ней на поклоненіе. Мостъ называется *Чабанъ-Кэпри* (мостъ пастуха). Дорога въ Тебризъ лежитъ черезъ него.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста посѣтилъ я темныя развалины Караванъ-Сарая. Я не нашелъ въ немъ никого, кромѣ больного осла, вѣроятно брошеннаго здѣсь бѣгущими поселянами.

24 Іюня утромъ пошли мы къ Гассанъ-Кале, древней крѣпости, наканунѣ занятой Княземъ Бековичемъ. Она была въ пятнадцати верстахъ отъ мѣста нашего ночлега. Длинные переходы утомили меня. Я надѣялся отдохнуть; но вышло иначе.

Передъ выступленіемъ конницы явились въ нашъ лагерь Армяне, живущіе въ горахъ, требуя защиты отъ Турковъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ А[нрепъ], хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что Турецкій отрядъ находился въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ Уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Р[аевскому], что три тысячи Турковъ находятся въ горахъ. Р[аевскій] отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе Армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню, и увидѣли нѣсколько отставшихъ Улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ разтолковалъ Р[аевскому, что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ Турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Р[аевскій] приказалъ Уланамъ пре-

РИСУНОКЪ ПУШКИНА ВЪ УШАКОВСКОМЪ АЛЬБОМѢ.

(*Подпись: Арзрумъ взятый помощію Божіею имолитвами Екатерины Николаевны* [*Ушаковой*] *27 іюня 1827* [*надо, конечно, 1829*] *О. Р. Х.*).

кратить преслѣдованіе куръ, и послалъ Полковнику Анрепу повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно, и выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ Армянскимъ курицамъ, что вовсе не казалось мнѣ забавнымъ.

Гассанъ-Кале почитается ключемъ Арзрума. Городъ выстроенъ у подошвы скалы, увѣнчанной крѣпостью. Въ немъ находилось до ста армянскихъ семействъ. Лагерь нашъ стоялъ въ широкой равнинѣ, растилающейся передъ крѣпостью. Тутъ посѣтилъ я круглое, каменное строеніе, въ коемъ находится горячій желѣзосѣрный источникъ.

Круглый бассейнъ имѣетъ сажени три въ діаметрѣ. Я переплылъ его два раза и вдругъ, почувствовавъ головокруженіе и тошноту, едва имѣлъ силъ выдти на каменный край источника. Эти воды славятся на Востокѣ, но не имѣя порядочныхъ лекарей, жители пользуются ими наобумъ и вѣроятно безъ большого успѣха.

Подъ стѣнами Гассанъ-Кале течетъ рѣка Мургъ; берега ея покрыты желѣзными источниками, которые бьютъ изъподъ камней и стекаютъ въ рѣку. Они не столь пріятны вкусу, какъ Кавказскій Нарзанъ, и отзываются мѣдью.

25 Іюня, въ день рожденія Государя Императора, въ лагерѣ нашемъ подъ стѣнами крѣпости полки отслушали молебенъ. За обѣдомъ у Графа Паскевича, когда пили здоровье Государя, Графъ объявилъ походъ къ Арзруму. Въ пять часовъ вечера войско уже выступило.

26 Іюня мы стали въ горахъ въ пяти верстахъ отъ Арзрума. Горы эти называются *Акъ-дагъ* (бѣлыя горы); онѣ мѣловыя; бѣлая, язвительная пыль ѣла намъ глаза; грустный видъ ихъ наводилъ тоску. Близость Арзрума и увѣренность въ окончаніи похода утѣшали насъ.

Вечеромъ Графъ Паскевичъ ѣздилъ осматривать мѣстоположеніе. Турецкіе наѣздники, цѣлый день кружившіеся передъ нашими пикетами, начали по немъ стрѣлять. Графъ нѣсколько разъ погрозилъ имъ нагайкою, не переставая разсуждать съ Генераломъ М[уравьевымъ]. На ихъ выстрѣлы не отвѣчали.

Между тѣмъ, въ Арзрумѣ происходило большое смятеніе. Сараскиръ, прибѣжавшій въ городъ послѣ своего пораженія, распустилъ слухъ о совершенномъ разбитіи Русскихъ. Въ слѣдъ за нимъ отпущенные плѣнники доставили жителямъ воззваніе Графа Паскевича. Бѣглецы уличили Сераскира во лжи. Вскорѣ узнали о быстромъ приближеніи Русскихъ. Народъ сталъ говорить о сдачѣ. Сераскиръ и войско думали защищаться. Произошелъ мятежъ. Нѣсколько Франковъ были убиты озлобленной чернью.

Въ лагерь нашъ <26 утромъ> явились депутаты отъ народа и Сераскира; день прошелъ въ переговорахъ; въ пять часовъ вечера депутаты отправились въ Арзрумъ и съ ними Генералъ Князь Бековичь, хорошо знающій Азіатскіе языки и обычаи.

На другой день утромъ войско наше двинулось впередъ. Съ Восточной стороны Арзрума, на высотѣ Топъ-дага, находилась Турецкая батарея. Полки подошли къ ней, отвѣчая на турецкую пальбу барабаннымъ боемъ и музыкою. Турки бѣжали, и Топъ-дагъ былъ занятъ. Я пріѣхалъ туда съ поэтомъ Ю[зефовичемъ]. На оставленной батареѣ нашли мы Графа Паскевича со всею его свитою. Съ высоты горы въ лощинѣ, открывался взору Арзрумъ со всею цитаделью, съ зелеными кровлями, наклеенными одна на другую. Графъ былъ верхомъ. Передъ нимъ на землѣ сидѣли Турецкіе депутаты, пріѣхавшіе съ ключами города. Но въ Арзрумѣ замѣтно было волненіе. Вдругъ на городскомъ валу мелькнулъ огонь, закурился дымъ, и ядра полетѣли къ Топъ-дагу. Нѣсколько ихъ пронеслись надъ головою Графа Паскевича: Voyez les Turcs — сказалъ онъ мнѣ on ne peut jamais se fier à eux. Въ сію минуту прискакалъ на Топъ-дагъ князь Бековичь, со вчерашняго дня находившійся въ Арзрумѣ на переговорахъ. Онъ объявилъ, что Сараскиръ и народъ давно согласны на сдачу, но что нѣсколько непослушныхъ Арнаутовъ, подъ предводительствомъ Топчи-Паши, овладѣли городскими батареями, бунтуютъ. Генералы подъѣхали къ Графу, прося позволенія заставить молчать Турецкія батареи. Арзрумскіе сановники, сидѣвшіе подъ огнемъ своихъ же пушекъ, повторили ту же просьбу. Графъ нѣсколько времени медлилъ; наконецъ далъ повелѣніе, сказавъ: полно имъ дурачиться. Тотчасъ подвезли пушки, стали стрѣлять, и непріятельская пальба мало по малу утихла. Полки наши пошли въ Арзрумъ, и 27 Іюня, въ годовщину Полтавскаго сраженія, въ шесть часовъ вечера Русское знамя развилось надъ Арзрумской цитаделію.

Р[аевскій] поѣхалъ въ городъ;—я отправился съ нимъ; мы въѣхали въ городъ, представлявшій удивительную картину. Турки съ плоскихъ кровель своихъ угрюмо смотрѣли на насъ. Армяне шумно толпились въ тѣсныхъ улицахъ. Ихъ мальчишки бѣжали передъ нашими лошадьми, крестясь и повторяя: Христіянъ! Христіянъ!.. Мы подъѣхали къ крѣпости, куда входила наша артиллерія. Съ крайнимъ удивленіемъ встрѣтилъ я тутъ моего Артемія, уже разъѣзжающаго по городу, не смотря на строгое предписаніе никому изъ лагеря не отлучаться безъ особеннаго позволенія.

Улицы города тѣсны и кривы, дома довольно высоки. Народу множество;—лавки были заперты. Пробывъ въ городѣ часа съ два, я возвратился въ лагерь: Сераскиръ и четверо Пашей, взятые въ плѣнъ, находились уже тутъ. Одинъ изъ Пашей, сухощавый старичокъ, ужасный хлопотунъ, съ живостію говорилъ нашимъ Генераламъ. Увидѣвъ меня во фракѣ, онъ спросилъ, кто я таковъ. П[ущинъ] далъ мнѣ титулъ поэта. Паша сложилъ руки на грудь и поклонился мнѣ, сказавъ черезъ переводчика: благословенъ часъ, когда мы встрѣчаемъ поэта. Поэтъ братъ Дервишу. Онъ не имѣетъ ни отечества, ни благъ земныхъ и между тѣмъ, какъ мы, бѣдные, заботимся о славѣ, о власти, о сокровищахъ, онъ стоитъ на ровнѣ съ властелинами земли и ему поклоняются.

Восточное привѣтствіе Паши всѣмъ намъ очень полюбилось. Я пошелъ взглянуть на Сераскира. При входѣ въ его палатку встрѣтилъ я его любимаго пажа, черноглазаго мальчика лѣтъ четырнадцати, въ богатой, арнаутской одеждѣ. Сераскиръ, сѣдой старикъ, наружности самой обыкновенной, сидѣлъ въ глубокомъ унынiи. Около него была толпа нашихъ офицеровъ. Выходя изъ его палатки, увидѣлъ я молодаго человѣка, полунагого, въ бараньей шапкѣ, съ дубиною въ рукѣ и съ мѣхомъ (outre) за плечами. Онъ кричалъ во все горло. Мнѣ сказали, что это былъ братъ мой Дервишь, пришедшій привѣтствовать побѣдителей. Его насилу отогнали.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Арзрумъ. Азіатская роскошь. Климатъ. Кладбища. Сатирическіе стихи. Сераскирскій дворецъ. Харемъ Турецкаго Паши. Чума. Смерть Бурцова. Выѣздъ изъ Арзрума. Обратный путь. Русской журналъ.

Арзрумъ <неправильно называемый Арзерумъ, Эрзрумъ, Эрзронъ> основанъ около 415 года, во время Ѳеодосія Втораго, и названъ Ѳеодосіополемъ. Никакого историческаго воспоминанія не соединяется съ его именемъ. Я зналъ о немъ только то, что здѣсь, по свидѣтельству Гаджи-Бабы, поднесены были Персидскому Послу, въ удовлетвореніе какой-то обиды, телячьи уши вмѣсто человѣчьихъ.

Арзрумъ почитается главнымъ городомъ въ Азіатской Турціи. Въ немъ считалось до ста тысячь жителей: но кажется число сіе слишкомъ увеличено. Дома въ немъ каменные, кровли покрыты дерномъ, что даетъ городу чрезвычайно странный видъ, если смотришь на него съ высоты.

Главная сухопутная торговля между Европою и Востокомъ производится чрезъ Арзрумъ. Но товаровъ въ немъ продается мало; ихъ здѣсь и не выкладываютъ, что замѣтилъ и Турнфоръ, пишущій, что въ Арзрумѣ больной можетъ умереть за невозможностью достать ложку ревеня, между тѣмъ, какъ цѣлые мѣшки онаго находятся въ городѣ.

Не знаю выраженія, которое было бы безсмысленнѣе словъ: Азіатская роскошь. Эта поговорка, вѣроятно, родилась во время крестовыхъ походовъ, когда бѣдные рыцари, оставя голыя стѣны и дубовые стулья своихъ замковъ, увидѣли въ первый разъ красные диваны, пестрые ковры и кинжалы съ цвѣтными камешками на рукояти. Нынѣ можно сказать Азіатская бѣдность, Азіатское свинство и проч., но роскошь конечно принадлежность Европы. Въ Арзрумѣ ни за какія деньги нельзя купить того, что вы найдете въ мелочной лавкѣ перваго уѣзднаго города Псковской губерніи.

Климатъ Арзрумскій суровъ. Городъ выстроенъ въ лощинѣ, возвышающейся надъ моремъ на семь тысячь футовъ. Горы, окружающія его, покрыты снѣгомъ большую часть года, земля безлѣсна, но плодоносна. Она орошена множествомъ источниковъ и отовсюду пересѣчена водопроводами. Арзрумъ славится своею водою. Эвфратъ течетъ въ трехъ верстахъ отъ города, но фонтановъ вездѣ множество. У каждаго виситъ жестяной ковшикъ на цѣпи, и добрые Мусульмане пьютъ и не нахвалятся. Лѣсъ доставляется изъ Саган-лу.

Въ Арзрумскомъ арсеналѣ нашли множество стариннаго оружія, шлемовъ, латъ, сабель, ржавѣющихъ вѣроятно еще со временъ Годфреда.

Мечети низки и темны. За городомъ находится кладбище. Памятники состоятъ обыкновенно въ столбахъ, убранныхъ каменною чалмою. Гробницы двухъ или трехъ Пашей отличаются большей затѣйливостью, но въ нихъ нѣтъ ничего изящнаго, никакого вкусу, никакой мысли... Одинъ путешественникъ пишетъ, что изъ всѣхъ Азіатскихъ городовъ въ одномъ Арзрумѣ нашелъ онъ башенные часы, и тѣ были испорчены.

Нововведенія, затѣваемыя Султаномъ, не проникли еще въ Арзрумъ. Войско носитъ еще свой живописный восточный нарядъ. Между Арзрумомъ и Константинополемъ существуетъ соперничество, какъ между Казанью и Москвою. Вотъ начало сатирической поэмы, сочиненной янычаромъ Аминомъ-Оглу:

Стамбулъ Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованной пятой,
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ:
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.

Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ.
Стамбулъ для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ.
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.

Въ немъ вѣры чистой жаръ потухъ,
Въ немъ жены по кладбищамъ ходятъ,
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мужчинъ въ харемы вводятъ,
И спитъ подкупленный евнухъ.

Но не таковъ Арзрумъ нагорный,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черплемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.

Постимся мы: струею трезвой
Святыя воды насъ поятъ;
Толпой безтрепетной и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Харемы наши недоступны,
Евнухи строги, неподкупны,
И смирно жены тамъ сидятъ.

Я жилъ въ Сераскировомъ дворцѣ, въ комнатахъ, гдѣ находился харемъ. Цѣлый день бродилъ я по безчисленнымъ переходамъ, изъ комнаты въ комнату, съ кровли на кровлю, съ лѣстницы на лѣстницу. Дворецъ казался разграбленнымъ. Сераскиръ, предполагая бѣжать, вывезъ изъ него что только могъ. Диваны были ободраны, ковры сняты. Когда гулялъ я по городу, Турки подзывали меня и показывали мнѣ языкъ. <Они принимаютъ всякаго Франка за лекаря>. Это мнѣ надоѣло, я готовъ былъ отвѣчать имъ тѣмъ же. Вечера проводилъ я съ умнымъ и любезнымъ С[ухоруковымъ]; сходство нашихъ занятій сближало насъ. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ литературныхъ предположеніяхъ, о своихъ историческихъ изысканіяхъ, нѣкогда начатыхъ имъ съ такою ревностію и удачей. Ограниченность его желаній и требованій поистинѣ трогательна. Жаль, если они не будутъ исполнены.

Дворецъ Сераскира представлялъ картину вѣчно оживленную: тамъ, гдѣ угрюмый Паша молчаливо курилъ посреди своихъ женъ и отроковъ, тамъ его побѣдитель получалъ донесенія о побѣдахъ своихъ Генераловъ, раздавалъ Пашалыки, разговаривалъ о новыхъ романахъ. Мушской Паша пріѣзжалъ къ графу Паскевичу просить у него мѣста для своего племянника. Ходя по дворцу, важный Турокъ остановился въ одной изъ комнатъ, съ живостію проговорилъ нѣсколько словъ и впалъ потомъ въ задумчивость: въ этой самой комнатѣ обезглавленъ былъ его отецъ по повелѣнію Сераскира. Вотъ впечатлѣнія настоящія Восточныя! Славный Бей-булатъ, гроза Кавказа, пріѣзжалъ въ Арзрумъ съ двумя старшинами Черкескихъ селеній, возмутившихся во время послѣднихъ войнъ. Они обѣдали у Графа Паскевича. Бей-булатъ, мужчина лѣтъ тридцати пяти, малорослый и широкоплечій. Онъ по-Русски не говоритъ, или притворяется, что не говоритъ. Пріѣздъ его въ Арзрумъ меня очень обрадовалъ: онъ былъ уже мнѣ порукой въ безопасномъ переѣздѣ черезъ горы и Кабарду.

Османъ Паша, взятый въ плѣнъ подъ Арзрумомъ и отправленный въ Тифлисъ вмѣстѣ съ Сераскиромъ, просилъ графа Паскевича за безопасность харема, имъ оставляемаго въ Арзрумѣ. Въ первые дни объ немъ-было забыли. Однажды за обѣдомъ, разговаривая о тишинѣ Мусульманскаго города, занятаго десятью тысячами войска, и въ которомъ ни одинъ изъ жителей ни разу не пожаловался на насиліе солдата, Графъ вспомнилъ о харемѣ Османа Паши и приказалъ Г. А[брамовичу] съѣздить въ домъ Паши и спросить у его женъ, довольны ли онѣ и не было ли имъ какой-нибудь обиды. Я просилъ позволенія сопровождать Г. А[брамовича].—Мы отправились,—Г. А[брамовичъ] взялъ съ собою въ переводчики Русскаго офицера, коего исторія любопытна. Осмнадцати лѣтъ попался онъ въ плѣнъ къ Персіянамъ... онъ болѣе двадцати лѣтъ служилъ евнухомъ въ харемѣ одного изъ сыновей Шаха. Онъ разсказывалъ о своемъ несчастіи въ пребываніе въ Персіи съ трогательнымъ простодушіемъ. Въ физіологическомъ отношеніи показанія его были драгоцѣнны.

Мы пришли къ дому Османа Паши; насъ ввели въ открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусомъ; — на цвѣтныхъ окнахъ начертаны были надписи взятыя изъ Корана. Одна изъ нихъ показалась мнѣ очень замысловата для Мусульманскаго харема: *тебѣ подобаетъ связывать и развязывать*. Намъ поднесли кофію въ чашечкахъ, оправленныхъ въ серебрѣ. Старикъ съ бѣлой почтенной бородою, отецъ Османа Паши, пришелъ отъ имени женъ благодарить Графа Паскевича, но Г. А[брамовичъ] сказалъ на отрѣзъ, что онъ посланъ къ женамъ Османа Паши и хочетъ ихъ видѣть, дабы отъ нихъ самихъ удостовѣриться, что онѣ въ отсутствіе супруга всѣмъ довольны. Едва Персидскій плѣнникъ успѣлъ все это перевести, какъ старикъ въ знакъ негодованія, защелкалъ языкомъ и объявилъ, что никакъ не можетъ согласиться на наше требованіе, и что если Паша, по своемъ возвращеніи, провѣдаетъ, что чужіе мужчины видѣли его женъ, то и ему старику и всѣмъ служителямъ харема велитъ отрубить голову. Прислужники, между коими

не было ни одного евнуха, подтвердили слова старика, но Г. А[абрамовичь] былъ непоколебимъ. Вы боитесь своего Паши, сказалъ онъ имъ, а я своего Сераскира, и не смѣю ослушаться его приказаній.— Дѣлать было нечего. Насъ повели черезъ садъ, гдѣ били два тощіе фонтана. Мы приближились къ маленькому каменному строенію. Старикъ сталъ между нами и дверью, осторожно ее отперъ, не выпуская изъ рукъ задвижки, мы увидѣли женщину, съ головы до желтыхъ туфель покрытую

ДОМЪ ЦУРИНОВА ВЪ ТИФЛИСѢ, ГДѢ ПУШКИНЪ ЖИЛЪ ВЪ 1829 ГОДУ.
(*Теперь перестроенъ*).

бѣлой чадрою. Нашъ переводчикъ повторилъ ей вопросъ: мы услышали шамканіе семидесятилѣтней старухи; Г. А[брамовичь] прервалъ ее: это мать Паши, сказалъ онъ, а я присланъ къ женамъ, приведите одну изъ нихъ; всѣ изумились догадкѣ Гяуровъ: старуха ушла и черезъ минуту возвратилась съ женщиной, покрытой также какъ и она—изъ-подъ покрывала раздался молодой, пріятной голосокъ. Она благодарила Графа за его вниманіе къ бѣднымъ вдовамъ и хвалила обхожденіе Русскихъ. Г. А[брамовичь] имѣлъ искусство вступить съ нею въ дальнѣйшій разговоръ; я между тѣмъ глядя около себя, увидѣлъ вдругъ надъ самой дверью круглое окошко, и въ этомъ кругломъ окошкѣ пять или шесть круглыхъ головокъ съ черными любопытными глазами. Я хотѣлъ-было сообщить о своемъ открытіи Г. А[брамовичу], но головки закивали, замигали, и нѣсколько пальчиковъ стали мнѣ грозить, давая знать, чтобъ я молчалъ. Я повиновался и не подѣлился моею находкою. Всѣ онѣ были пріятны лицомъ, но не было ни одной красавицы; та, которая разговаривала у дверей съ Г. А[брамовичемъ], была, вѣроятно, повелительницею харема, сокровищницею сердецъ, розою любви — по крайней мѣрѣ, я такъ воображалъ.

Наконецъ Г. А[брамовичь] прекратилъ свои распросы. Дверь затворилась. Лица въ окошкѣ исчезли. Мы осмотрѣли садъ и домъ и возвратились, очень довольные своимъ посольствомъ.

Такимъ образомъ видѣлъ я харемъ: это удалось рѣдкому Европейцу. Вотъ вамъ основаніе для восточнаго романа.

Война, казалось, кончена. Я собирался въ обратный путь. 14 іюля пошелъ я въ народную баню, и не радъ былъ жизни! Я проклиналъ нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Какъ можно сравнить бани Арзрумскія съ Тифлисскими!

Возвращаясь во дворецъ, узналъ я отъ К[оновницына], стоявшаго въ караулѣ, что въ Арзрумѣ открылась чума. Мнѣ тотчасъ представились ужасы карантина, и я въ тотъ же день рѣшился оставить армію. Мысль о присутствіи чумы очень непріятна съ непривычки. Желая изгладить это впечатлѣніе, я пошелъ гулять по базару. Остановясь передъ лавкою оружейнаго мастера, я сталъ разсматривать какой-то кинжалъ, какъ вдругъ ударили меня по плечу. Я оглянулся: за мною стоялъ ужасный нищій. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть; изъ красныхъ загноенныхъ глазъ его текли слезы. Мысль о чумѣ опять мелькнула въ моемъ воображеніи. Я оттолкнулъ нищаго съ чувствомъ отвращенія неизъяснимаго, и воротился домой, очень недовольный своею прогулкою.

Любопытство, однако жъ, превозмогло: на другой день я отправился съ лекаремъ въ лагерь, гдѣ находились зачумленные. Я не сошелъ съ лошади и взялъ предосторожность стать по вѣтру. Изъ палатки вывели намъ больного; онъ былъ чрезвычайно блѣденъ и шатался какъ пьяный. Другой больной лежалъ безъ памяти. Осмотрѣвъ чумнаго и обѣщавъ несчастному скорое выздоровленіе, я обратилъ вниманіе на двухъ Турковъ, которые выводили его подъ руки, раздѣвали, щупали, какъ будто чума была не что иное какъ насморкъ. Признаюсь, я устыдился моей Европейской робости въ присутствіи такого равнодушія, и поскорѣе возвратился въ городъ.

19 іюля, пришедъ проститься съ Графомъ Паскевичемъ, я нашелъ его въ сильномъ огорченіи. Получено было извѣстіе, что Генералъ Бурцовъ былъ убитъ подъ Байбуртомъ. Жаль было храбраго Бурцова, но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго глубоко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ. И такъ война возобновилась! Графъ предлагалъ мнѣ быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ предпріятій; но я спѣшилъ въ Россію... Графъ подарилъ мнѣ на память Турецкую саблю. Она хранится у меня памятникомъ моего странствованія вослѣдъ блестящаго героя по завоеваннымъ пустынямъ Арменіи. Въ тотъ же день я оставилъ Арзрумъ.

Я ѣхалъ обратно въ Тифлисъ, по дорогѣ уже мнѣ знакомой. Мѣста, еще недавно оживленныя присутствіемъ пятнадцати тысячь войска, были молчаливы и печальны. Я переѣхалъ Саган-лу и едва могъ узнать мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ лагерь. Въ Гумрахъ выдержалъ я трехъ-дневный карантинъ. Опять увидѣлъ я Безобдалъ и оставилъ возвышенныя равнины холодной Арменіи для знойной Грузіи. Въ Тифлисъ я прибылъ 1-го Августа. Здѣсь остался я нѣсколько дней въ любезномъ и веселомъ обществѣ. Нѣсколько вечеровъ провелъ я въ садахъ при звукѣ музыки и цѣсенъ Грузинскихъ. Я отправился далѣе. Переѣздъ мой черезъ горы замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что близь Коби ночью застала меня буря. Утромъ, проѣзжая мимо Казбека, увидѣлъ я чудное зрѣлище: бѣлыя, оборванныя тучи перетягивались черезъ вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавалъ въ воздухѣ, несомый облаками. Бѣшеная Балка также явилась мнѣ во всемъ своемъ величіи: оврагъ, наполнившійся дождевыми водами, превосходилъ въ своей свирѣпости самый Терекъ, тутъ же грозно ревѣвшій. Берега были разтерзаны, огромные камни сдвинуты съ мѣста и загромождали потокъ. Множество Осетинцевъ разработывали дорогу. Я переправился благополучно. Наконецъ я выѣхалъ изъ тѣснаго ущелья на раздолье широкихъ равнинъ большой Кабарды. Во Владивостокѣ нашелъ я Д[орохова] и П[ущина]. Оба ѣхали на воды лечиться отъ ранъ, полученныхъ ими въ нынѣшніе походы. У П[ущина] на столѣ нашелъ я Русскіе Журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. Пущинъ остановилъ меня, требуя, чтобъ я читалъ съ бо́льшимъ мимическимъ искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи. Требованіе П-на[ущина] показалось мнѣ такъ забавно, что досада, произведенная на меня чтеніемъ журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались отъ чистаго сердца.

Таково было мнѣ первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ.

За Араксомъ наши грани;
Араратъ, чудесный плѣнъ
Арзерума, Эривани;
И разгромъ Варшавскихъ стѣнъ.

Графъ ПАСКЕВИЧЪ.

Гравюра Уткина.

880. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Tantæne animis scholasticis irrae!

Распря между двумя извѣстными журналистами [и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму]. Постараемся изложить исторически все дѣло sine ira et studio.

Въ концѣ минувшаго года Редакторъ Вѣстника Европы, желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ Издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости Вѣстника Европы, сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ сострадания при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщалъ употребить, наконецъ, свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, проложилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ безплодныхъ. «Предполагаю работать самъ», говорилъ почтенный Редакторъ, «не отказывая, однакожъ, и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Сіи поздния, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора Вѣстника Европы. Его глубокія знанія <думали мы>, столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое <въ нынѣшнемъ 1829 году>; свѣтильникъ исторической его критики озаритъ вышеупомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Исторіи Государства Россійскаго, или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ; но вѣрнымъ взоромъ обниметъ наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнитъ систему его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно-литературныхъ мы не будемъ слышать то брюзгливаго ворчанья какого-нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ ими забавляться, [какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами]. Писатели извѣстные не будутъ ихъ презирать, ибо услышатъ [не жалкія шуточки журнальнаго гаера, но] окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

Можемъ смѣло сказать, что мы не единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ Г. Каченовскаго, изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ газетномъ объявленіи о подпискѣ на Вѣстникъ Европы. Но Г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей-журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничиваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора Вѣстника Европы. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ, вѣроятно неумышленно, Г. Каченовскимъ, онъ говоритъ:

«Если бы онъ <Вѣстникъ Европы>, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія; мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его».

Странныя требованія! Въ лѣтахъ Вѣстника Европы уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необхо-

димость литературная; а если сознанія, требуемыя г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца, безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но *что* сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы»? продолжаетъ Г. Полевой. «Гдѣ *его* права, и на какой воздѣланной *его трудами* землѣ онъ водрузитъ свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ, эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя Вѣстника Европы, не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель Вѣстника Европы засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе 20 лѣтъ. Дивиться ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдь звенящая?»

На сіе отвѣтствуемъ:

Если Г. Каченовскій, не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ, въ теченіи 26 лѣтъ, ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожъ себѣ безсмертную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку?

Г. Каченовскій просидѣлъ 26 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, согласенъ, но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. Каченовскій ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго, но развѣ онъ музыкантъ? Г. Каченовскій перевелъ Терезу и Фальдони—что за бѣда?

Доселѣ казалось намъ, что Г. Полевой неправъ, ибо обнаруживается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ Г. Каченовскаго возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на не приличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № Вѣстника Европы слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника, Г. Недоумки <одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ>.

«Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, если бъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную. *Рдръ*».

Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола Г. Бенигны предпринялъ почтенный Редакторъ? что значитъ игривый произволъ Г. Бенигны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? <Впрочемъ, смыслъ послѣдней фразы донынѣ остается теменъ, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи>.

Многочисленные почитатели Вѣстника Европы затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, безпорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Міхаила Трофімовича. Къ счастію, скоро все объяснилось. [Оскорбленный, какъ издатель Вѣстника Европы, Г. Каченовскій рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ цензурный комитетъ съ жалобою на цензора, пропустившаго статью Г. Полевого].

Успокоясь на счетъ ужаснаго смысла вышеупомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о безполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ Г. Полеваго личная честь Г. Каченовскаго не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель Московскаго Телеграфа не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души. [Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердца краснорѣчіемъ сердца, и, вопреки чувству уваженія и преданности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику, ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже

многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго].

Между тѣмъ, ожесточенный издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь Г. Каченовскаго была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. Полевой доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донынѣ, кромѣ переводовъ съ переводовъ и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статеекъ, ничего не произвелъ. Скудость, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Михаилъ Трофімовичъ нѣсколько разъ дозволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ издателя Телеграфа виннымъ его заводомъ <пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!>; что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ Г. Полевому, что сей послѣдній купецъ <другое, столь же ужасное обвиненіе!>, и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону Г. Полеваго. Никто болѣе нашего не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и странствующій купецъ равны предъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

Однакожъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И тутъ мы укоряли Г. Полеваго въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ Русскому букварю [и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Міхаила Трофімовича въ Греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію].

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ [рѣшеніе главнаго управленія цензуры] водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ.

---

881. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО.

Нѣсколько Московскихъ литераторовъ, приносящихъ истинную честь нашему вѣку какъ своими произведеніями, такъ и нравственностію, видя безпомощное состояніе нашей словесности и наскуча звуками кимвала звѣнящаго, рѣшились (издавать въ слѣдующемъ 1830 году критическій и философическій журналъ подъ названіемъ Азіатскаго Рака) составить общество для разпространенія правилъ здравой критики Курганова и Тредьяковскаго и для удержанія въ границахъ повиновенія и благопристойности отступниковъ и насмѣшниковъ.

Общество имѣло первое свое засѣданіе на Малой Бронной, въ домѣ Г. Х., бывшаго корректора типографіи,—17 октября сего года. Приглашеніе многочисленной публики. Нѣкоторыя сосѣднія дамы удостоили засѣданіе своимъ присутствіемъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ единогласно Г-нъ Трандофырь, знаменитый переводчикъ одного безсмертнаго романа.—

Секретаремъ былъ избранъ, единогласно же, Никодимъ Невѣждинъ, изъ [честного?] сословія слугъ, скромный молодой человѣкъ, оказавшій недавно отличные успѣхи въ словесности и, не смотря на лекейскій тонъ своихъ статеекъ, обѣщающій быть законодателемъ вкуса.

Ждали Г-на [Старцова? Срамцова?], но онъ не могъ придти по причинѣ флюса, полученнаго имъ на ярмонкѣ, во время метанія чрезвычайно щастливой тальи.

Г-нъ Транд[офырь] открылъ засѣданіе прекрасной рѣчію, въ которой трогательно изобразилъ онъ безпомощное состояніе нашей словесности, недоумѣніе нашихъ писателей подвизающихся во мракѣ, не озаренныхъ свѣтильникомъ критики Г-на Трандофыря—краснорѣчиво убѣждалъ при-

няться за дѣло: «Что сдѣлали мы до сихъ поръ, почт[енные] слуш[атели]»? сказалъ онъ:—перевели романы доставившіе намъ 700 рублей отъ Ширяева, и разобрали заглавный листъ Ист]оріи] Гос[ударства] Рос[сійскаго];—труды безсмертные, безспорно, но недостаточные (для новаго преобразованія словесности, для изтребленія неутомимыхъ нашихъ враговъ).—Послѣ рѣчи г-на предсѣдателя, г. Невѣждинъ прочелъ проектъ новаго журнала, имѣющаго быть издаваемымъ въ слѣдующемъ 1830 году подъ названіемъ Аз[іатскій] Ракъ. Журналъ сей будетъ выходить каждый мѣсяцъ по одной книжкѣ—каждая книжка будетъ заключать въ себѣ 4 отдѣла.

Отдѣлъ I. Изящная словесность. Переводы Байрона съ польскаго; стихи молодыхъ семинаристовъ; отрывки изъ записокъ Г-на Трандофыря <для примѣру г. секретарь прочелъ плѣнительное описаніе отрочества почтеннаго Г-на Трандофыря. Всѣ съ удовольствіемъ слушали милыя проказы маленькаго купчика, тогда уже столь много обѣщавшаго>.

Отдѣлъ II. Критика...

882. [РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТА, ШЕКСПИРА].

Многія изъ трагедій, приписываемыхъ Шекспиру, ему не принадлежатъ, а только имъ поправлены. Трагедія Ромео и Джюльета, хотя слогомъ своимъ и совершенно отдѣляется отъ извѣстныхъ его пріемовъ, но она такъ явно входитъ въ его драматическую систему и носитъ на себѣ такъ много слѣдовъ вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочиненіемъ Шекспира. Въ ней отразилась Италія, современная поэту, съ ея климатомъ, страстями, праздниками, нѣгой, сонетами, съ ея роскошнымъ языкомъ, исполненнымъ блеска и concetti. Такъ понялъ Шекспиръ драматическую мѣстность. Послѣ Джюльеты, послѣ Ромео, сихъ двухъ очаровательныхъ созданій шекспировской граціи, Меркутіо, образецъ молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутіо, есть замѣчательнѣйшее лицо изъ всей трагедіи. Поэтъ избралъ его въ представители итальянцевъ, бывшихъ моднымъ народомъ Европы, французами XVI вѣка.

883. [ЗАПИСКА О СУХОРУКОВѢ].

Сотникъ Сухоруковъ воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Въ 1820 году бывшій атаманъ употребилъ его по своимъ дѣламъ, какъ человѣка свѣдущаго и смышленаго. Въ то же время графъ Чернышовъ, имѣя нужду въ тамошнемъ уроженцѣ, призвалъ его въ свою канцелярію. Будучи еще очень молодъ и находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Сухоруковъ могъ подать поводъ къ неудовольствію графа. Въ послѣдствіи времени литературныя занятія сблизили его съ Корниловичемъ, съ которымъ въ 1825 года издалъ онъ ученую книгу подъ заглавіемъ: *Русская Старина.* Сухоруковъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ о заговорѣ, но слѣдственная комисія оправдала его, оставя въ подозрѣніи. Будучи потомъ откамандированъ въ Кавказскій корпусъ, Сухоруковъ былъ употребленъ графомъ Паскевичемъ.

Сухоруковъ имѣетъ отличныя дарованія и свѣдѣнія. Доказательствомъ тому служитъ то, что всѣ бывшіе его начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствующіе ему. Съ 1821 года предпринялъ онъ трудъ, важный не только для Россіи, но и для всего ученаго свѣта.

Сухоруковъ имѣлъ нѣкогда порученіе отъ комитета, учрежденнаго для устройства Войска Донского, составить Исторію Донскихъ казаковъ. Для сего Сухоруковъ пересмотрѣлъ всѣ архивы присутственныхъ мѣстъ и станицъ Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконецъ и Московской. Выписанные имъ историческіе акты заключаютъ болѣе пяти тысячъ листовъ; кромѣ того Сухоруковъ пріобрѣлъ множество разныхъ лѣтописей, повѣстей, поэмъ и проч., объемлющихъ Исторію Донскихъ казаковъ.—Всѣ сіи драгоцѣнные матеріалы, вмѣстѣ со статьями, имъ уже составленными, Сухоруковъ долженъ былъ, по приказанію генералъ-майора Богдановича, уѣз-

жая въ армію, въ 1826 году, передать въ другія руки, и теперь они едва ли не растеряны.

Имѣя слабое здоровіе, склонность къ ученымъ трудамъ и малое, но достаточное для него состояніе <тысячу рублей годового дохода>, Сухоруковъ сказывалъ мнѣ, что единственное желаніе его было бы дозволеніе хотя взять копіи съ пріобрѣтенныхъ имъ историческихъ матеріаловъ, на которые употребилъ онъ пять лѣтъ времени, и потомъ на свободѣ заняться составленіемъ Исторіи Донскихъ казаковъ, которую надѣялся онъ посвятить его императорскому высочеству великому князю наслѣднику.

---

884. [АЛЬМАНАШНИКЪ].

I.

Господи Боже мой! Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ живу въ П.Б.[етербургѣ], таскаюсь по всѣмъ переднимъ, кланяюсь всѣмъ канцелярскимъ начальникамъ, а до сихъ поръ не могу получить мѣста. Я весь прожился, задолжалъ—я жъ отставной—того и гляди, въ яму посадятъ.—

— А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? Господи Боже мой! Да развѣ я не Русской человѣкъ? Я на все гожусь.—Разумѣется, хотѣлось бы мнѣ мѣстечка потеплѣе, но дѣло до петли доходитъ, теперь я всякому былъ бы радъ.

— Неужъто у тебя нѣтъ таки ни единаго благодѣтеля?

— Благодѣтеля! Господи Боже мой! Да въ каждомъ министерствѣ у меня по три благодѣтеля сидитъ:—всѣ обо мнѣ хлопочутъ, всѣ обо мнѣ докладываютъ,—а я все-таки безъ куска хлѣба.—

— Служба тебѣ, знать, не дается.—Возьмись-ка за что-нибудь другое.

— А за что прикажешь?

— Напримѣръ, за Литературу.

— За литературу? Господи Боже мой! Въ сорокъ два года начать свое литературное поприще!

— Что за бѣда? А Руссо?—

— Руссо вѣроятно ни къ чему другому не былъ способенъ; онъ не имѣлъ въ виду быть виннымъ приставомъ.—Да къ тому же онъ былъ человѣкъ ученый; а я учился въ Московскомъ университетѣ.—

— Что за бѣда? затѣвай журналъ?

— Журналъ? а кто же подпишется?

— Мало ли кто, Россія велика, охотниковъ довольно.

— Нѣтъ, братъ, нынче ихъ не надуешь: ихъ отучили. Всѣ говорятъ—деньги возьметъ, а журнала не выдастъ, или не додастъ. Кому охота судиться изъ 35 рублей?

— Ну, такъ пиши Выжигина.

— Выжигина? Господи Боже мой! написать Выжигина не штука; пожалуй, я вамъ въ четыре мѣсяца отхвачу 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина; но покамѣстъ успѣю съ голоду околѣть.

— Знаешь ли что? Издай Альманахъ.

— Какъ такъ?—

— Вотъ какъ: выпроси у нашихъ литераторовъ по нѣсколько пьэсъ, кой-что перепечатай, закажи въ долгъ виньетку, самъ выдумай заглавіе, да и тисни съ Богомъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! Да я ни съ кѣмъ изъ этихъ господъ не знакомъ.

— Что нужды? Ступай себѣ къ нимъ—скажи имъ,что ты юный питомецъ Музъ, впервые вступаешь на поприще славы и рѣшился издавать Альманахъ, а между тѣмъ просишь ихъ вспоможенія и покровительства.

— А что ты думаешь? Ей-Богу, съ отчаянія готовъ и на Альманахъ.

— Совѣтую дѣла не откладывать. ..

— Сегодня жъ начну свои визиты.

— И дѣло: желаю тебѣ всякаго успѣха.

[II].

Кабинетъ стихотворца.

Все въ большомъ безпорядкѣ. Посрединѣ столъ. Стихотворецъ и трое молодыхъ людей играютъ въ кости.

Стихотворецъ <гремя стаканчикомъ>. Я въ рукѣ... sept à la main... neuf... sacredieu... neuf et sept... neuf... мое! кто держитъ?

Гость. Экое щастье: держу.

Стихотворецъ. Sept à la main...<про себя> Это кто?

Входитъ Альманашникъ <одному изъ

гостей>. Я давно желалъ имѣть щастіе представиться вамъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ Вашихъ почитателей... ваши прекрасныя сочиненія... Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Гость. Вы ошибаетесь: я кромѣ векселей ничего не сочиняю. Вотъ хозяинъ.

Альманашникъ. Позвольте одному изъ усерднѣйшихъ...

Стихотворецъ. Помилуйте!... Радуюсь, что имѣю честь съ вами познакомиться... садитесь, сдѣлайте милость.

Альманашникъ. Вы заняты, извините: я вамъ помѣшалъ.

Стихотворецъ. О, нѣтъ... мы будемъ продолжать... Sept à la main... 3 крепсъ... Какое нещастіе! <Передаетъ кости>.

Гость. Сто рублей à prendre.

Стихотворецъ. Держу. <Играютъ> Что за нещастіе! <Смотритъ косо на Альманашника>.

Альманашникъ. Я въ первый разъ выступаю на поприще славы и рѣшился издать Альманахъ... Я надѣюсь, что вы...

Стихотворецъ. Пятую руку проходитъ—и всегда я попадусь... Вы издаете Альманахъ? Подъ какимъ заглавіемъ?... Прошелъ!...—я болѣе не держу.

Альманашникъ. *Восточная Звѣзда.* Я надѣюсь что вы не откажете украсить ее драгоцѣнными...

Стихотворецъ <беретъ стаканчикъ>. Позвольте! сто рублей à prendre... Sept à la main... крепсъ... Это удивительно! Первой руки не могу пройти <плюетъ, вертитъ стулъ>. Несносный Альманашникъ! онъ мнѣ принесъ нещастіе!

Альманашникъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь украсить мой Альманахъ своими драгоцѣнными произведеніями.

Стихотворецъ. Ей-Богу, нѣтъ у меня стиховъ: всѣ разобраны журналистами, Альманашниками... Держу все... Что? Прошелъ опять? это непостижимо!—Проклятый Альманашникъ!

Альманашникъ <вставая>. Позвольте надѣяться, что если будетъ у насъ свободная пьэска...

Стихотворецъ <провожая его до дверей>. Отыщу непремѣнно и буду имѣть щастіе вамъ доставить.

Альманашникъ. Повѣрьте, что крайность... бѣдное положеніе... жена и дѣти...

Стихотворецъ <его выпроводивъ.> Насилу отвязался... Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? Твое или его?

Стихотворецъ. Ужъ вѣрно мое хуже... отдавай стихи одному дураку въ Альманахъ, чтобъ другой обругалъ ихъ въ журналѣ... Жена и дѣти! Чортъ его бы взялъ. Человѣкъ, кто тамъ? <Входитъ слуга>. Я говорилъ тебѣ, Альманашниковъ не пускать.

Слуга. Да кто ихъ знаетъ? Альманашникъ ли, нѣтъ ли?

Стихотворецъ. Дуракъ! это по лицу видно... Я въ рукѣ... Sept à la main... <Играютъ>.

[III].

Харчевня.

Безстыдинъ и Альманашникъ обѣдаютъ.

Гей, водки!

Альманашникъ. 9 рюмка!... И я за все плачу,—а что толку?

Увидишь, какъ пойдетъ нашъ Альманахъ. Съ моей стороны даю 34 стихотворенія: подъ пятью подпишу А. П., подъ пятью другими Е. Б., подъ пятью еще К. П. В., остальныя пущу безъ подписи; въ предисловіи буду благодарить господъ поэтовъ, прославшихъ намъ свои стихотворенія.—Прозы у насъ вдоволь. Лихое обозрѣніе словесности, гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши Аристократы—знаешь?

Никакъ нѣтъ-съ, не знаю —

Не знаешь? О, да ты, видно, журнала моего не читаешь... Вотъ, видишь ли: Аристократами <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ> называются тѣ писатели, которые съ нами не знаются, полагая, вѣроятно, что наше общество незавидное... Мы-было сперва того и не замѣтили, но уже съ годъ какъ спохватились, а съ тѣхъ поръ ругаемъ ихъ наповалъ... Теперь понимаешь?

Понимаю.

Водки!... Эти Аристократы <разумѣется, говорю въ ироническомъ смыслѣ> вообразили себѣ, что насъ въ хорошее общество не пускаютъ... Желалъ бы я посмотрѣть, кто меня не впуститъ... Чѣмъ я хуже другаго?—Ты смотришь на мое платье...

Никакъ нѣтъ, ей-Богу...

Оно немного поношено, меня обманули на Вшивомъ рынкѣ... Къ тому же, я не стану франтить въ харчевнѣ, а на балахъ я великій щеголь... Это моя слабость. Если бы видѣлъ меня на балахъ... Я славно танцую... Я танцую фран[цузскую] кадриль... Ты не вѣришь? <Встаетъ, шатаясь, и танцуетъ>. Каково?

Прекрасно. <*Безстыдинъ* зацѣпляетъ стаканъ и роняетъ его>. Боже мой! стаканъ въ

дребезгахъ... Его поставимъ на щетъ... и еще граненый—

Какъ на щетъ? Его склеятъ, вотъ и все <подбираетъ стекло и подаетъ>.

Альманашникъ <расплачивается, охая, выводитъ его подъ руку, — онъ на ногахъ не стоитъ>. Такъ и быть взять извощика.—

Сдѣлай одолженіе. Посади меня верьхомъ, а самъ садись поперекъ... да поѣдемъ по Невскому... Люблю франтить. Это моя слабость—

И вотъ моя послѣдняя опора! Господи Боже мой!

[IV].

Можно видѣть барина?

Никакъ нѣтъ, онъ почиваетъ.

— Какъ, въ 12 часовъ?

— Онъ возвратился съ балу въ 6-мъ часу.

— Да когда же его можно застать?

— Да почти никогда.

— Когда же вашъ баринъ сочиняетъ?

— Не могу знать.

— Экое нещастіе!... Доложи своему барину, что приходилъ рекомендоваться... Да скажи, не знаешь ли ты какого-нибудь сочинителя; (вѣрно къ твоему барину)...

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ, НАПЕЧАТАННЫЯ ВЪ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТѢ» 1830 Г. ИЛИ ПРЕДНАЗНАЧАВШІЯСЯ ДЛЯ НЕЯ.

885. [Андрей Шенье не романтикъ].

Французскіе критики имѣютъ свое понятіе о романтизмѣ. Они относятъ къ нему всѣ произведенія, носящія на себѣ печать унынія или мечтательности. Иные даже называютъ романтизмомъ неологизмъ и ошибки грамматическія. Такимъ образомъ Андрей Шенье—поэтъ, напитанный древностью, коего даже недостатки проистекаютъ отъ желанія дать Французскому языку формы Греческаго стихосложенія, попалъ у нихъ въ романтическіе поэты.

---

886. [О некрологіи Генерала отъ Кавалеріи П. Н. Раевскаго].

Въ концѣ истекшаго года вышла въ свѣтъ *Некрологія Генерала отъ Кавалеріи Н. Н. Раевскаго*, умершаго 16 Сент. 1829. Сіе сжатое обозрѣніе, писанное, какъ намъ кажется, человѣкомъ свѣдущимъ въ военномъ дѣлѣ, отличается благородною теплотою слога и чувствъ. Желательно, чтобы то же перо описало пространнѣе подвиги и приватную жизнь героя и добродѣтельнаго человѣка. Съ удивленіемъ замѣтили мы непонятное упущеніе со стороны неизвѣстнаго автора Некролога: онъ не упомянулъ о двухъ отрокахъ, приведенныхъ отцомъ на поля сраженій въ кровавомъ 1812 мъ году!... Отечество того не забыло.

---

887. [О переводѣ романа Бенж. Констана «Адольфъ»].

Князь Вяземскій перевелъ и скоро напечатаетъ славный романъ Бенж. Констана. *Адольфъ* принадлежитъ къ числу *двухъ или трехъ романовъ*,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньемъ преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ (*).

Бенж. Констанъ первый вывелъ на сцену сей характеръ, въ послѣдствіи обнародованный геніемъ Лорда Байрона. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія сей книги. Любопытно видѣть, какимъ образомъ опытное и живое перо Кн. Вяземскаго побѣдило трудность метафизическаго языка, всегда стройнаго, свѣтскаго, часто вдохновеннаго. Въ семъ отношеніи, переводъ будетъ истиннымъ созданіемъ и важнымъ событіемъ въ Исторіи нашей Литературы.

(*) *Евг. Онѣгинъ*, гл. VII. [Примѣчаніе «Лит Газеты»].

888. ИЛІАДА ГОМЕРОВА, ПЕРЕВЕДЕННАЯ Н. ГНѢДИЧЕМЪ.

Иліада Гомерова, переведенная Н. Гнѣдичемъ, Членомъ *Императорской* Россійской Академіи и пр. — 2 ч. С.П.б., въ типогр. *Императорской* Россійской Академіи, 1829 <въ 1-й ч. XV—354, во 2-й—362 стр. въ боль. 4-ю д. л.>.

Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожиданный переводъ Иліады! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а мода пренебрегаетъ образцами величавой древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни изключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ, и совершенію единаго, высокаго подвига. Руская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы современемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную Словесность.

---

889. [О литературной критикѣ].

Въ одномъ изъ нашихъ Журналовъ даютъ замѣтить, что *Литературная Газета* у насъ не можетъ существовать по весьма простой причинѣ: *у насъ нѣтъ Литературы*.— Если бъ это было справедливо, то мы не нуждались бы и въ критикѣ; однако жь произведенія нашей Литературы, какъ ни рѣдки, но являются, живутъ и умираютъ, не оцѣненныя по достоинству. Критика въ нашихъ Журналахъ или ограничивается сухими библіографическими извѣстіями, сатирическими замѣчаніями, болѣе или менѣе остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч.— «Очистите мѣсто для новой статьи моей», пишетъ сотрудникъ. «Съ удовольствіемъ», отвѣчаетъ Издатель. И это все напечатано. Недавно въ одномъ Журналѣ было упомянуто о *порохѣ*. «Вотъ уже вамъ будетъ порохъ!» сказано въ замѣчаніи наборщика; а самъ Издатель возражаетъ на сіе:

«Могущему пороку—брань,
Безсильному—презрѣнье».

Эти семейственныя шутки должны имѣть свой ключъ и вѣроятно очень забавны; но для насъ онѣ покамѣстъ не имѣютъ никакого смысла.

Скажутъ, что критика должна единственно заниматься произведеніями, имѣющими видное достоинство; не думаю. Иное сочиненіе само по себѣ ничтожно, но замѣчательно по своему успѣху или вліянію; и въ семъ отношеніи нравственныя наблюденія важнѣе наблюденій литературныхъ. Въ прошломъ году напечатано нѣсколько книгъ <между прочими *Иванъ Выжигинъ*>, о коихъ критика могла бы сказать много поучительнаго и любопытнаго. Но гдѣ же онѣ были разбросаны, пояснены? Не говоря уже о живыхъ писателяхъ, Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ ожидаютъ еще Египетскаго суда. Высокопарныя прозвища, безусловныя похвалы, пошлыя возклицанія уже не могутъ удовлетворить людей здравомыслящихъ. Впрочемъ, *Литературная Газета* была у насъ необходима не столько для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, немогшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своимъ именемъ ни въ одномъ изъ Петербургскихъ или Московскихъ журналовъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА,

ИЗДАВАЕМАЯ

БАРОНОМЪ ДЕЛЬВИГОМЪ.

ТОМЪ 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ

1830.

Эта заглавная страница 1-го тома «Литературной Газеты» уменьшена здѣсь очень не много.

890. ИСТОРІЯ РУСКАГО НАРОДА, сочиненіе Николая Полеваго. Томъ I. — М. въ Типогр. Августа Семена, 1829. (LXXXII — 368 стран. въ 8 д. л. Въ концѣ книги приложена таблица, содержащая въ себѣ Генеалогическую роспись Рускихъ Князей съ 862 по 1055 годъ (*).

Статья 1.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый томъ Исторіи Рускаго Народа, соч. Г. Полевымъ, и поневолѣ должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія *Г-ну Нибуру, первому Историку нашего вѣка.* Спрашивается: кѣмъ и какимъ образомъ Г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писателямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? Долженъ ли Г. Нибуръ быть благодаренъ Г. Полевому за милостивое производство въ первые Историки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли тутъ со стороны Г. Полеваго излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недовѣрчиваго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помиритъ его съ Г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово *Я*, еще болѣе неловкое, чѣмъ ненавистное *Я*. Послушаемъ Г. Полеваго: «Въ то время, когда образованность и про«свѣщеніе соединяютъ всѣ народы союзомъ «дружбы, основанной на высшемъ созер«цаніи жребія человѣчества, когда высокія «помышленія, плоды философскихъ наблю«деній, и великія истины прошедшаго и «настоящаго, составляютъ общее наслѣдіе «различныхъ народовъ и быстро раздѣляются «между обитателями отдаленныхъ одна отъ «другой странъ,»... тогда—чтобъ вы думали?—«*я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Рускаго Народа.*»

Belle conclusion et digne de l'exorde!

Далѣе: «Я не поколебался писать Исторію Россіи послѣ Карамзина; утвердительно скажу, что я вѣрно изобразилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ Рускій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра...» Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Далѣе: «Она <картина Г-на Полеваго> достойна вашего взора <Нибурова>. Пусть приношеніе мое покажетъ вамъ, что въ Россіи столько же умѣютъ цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра.» Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ оное писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ и своими противорѣчіями и многословіемъ напоминаетъ Философическую статью о Руской Исторіи, напечатанную въ *Московскомъ Телеграфѣ* и разобранную съ такою оригинальной веселостію въ *Славянинѣ*.

Пріемлемъ смѣлость замѣтить Г-ну Полевому, что онъ поступилъ по крайней мѣрѣ неискусно, напавъ на *Исторію Государства Россійскаго* въ то самое время, какъ начиналъ печатать *Исторію Рускаго Народа*. Чѣмъ полнѣе, чѣмъ искреннѣе отдалъ бы онъ справедливость Карамзину, чѣмъ смиреннѣе отзывался бы онъ о самомъ себѣ, тѣмъ охотнѣе были бы всѣ готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость <какъ осмѣлился кто-то напечатать>, но первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорить ихъ дозволяется токмо вѣтреному невѣжеству, какъ нѣкогда, по указу Эфоровъ, однимъ Хіосскимъ жителямъ дозволено было пакостить всенародно.

Карамзинъ есть первый нашъ Историкъ и послѣдній Лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ Исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами Хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ

(*) Раздается въ книжномъ магазинѣ А. Смирдина. Подписная цѣна за всѣ 12 томовъ 40 руб. съ пересылкой 45 рублей.

встроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго произшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ, какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. «Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы», говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, «бываютъ для основательныхъ умовъ или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ Исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ.» Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія въ какой-нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы другое, Г-нъ Полевой никакого: *вольному воля*, какъ говорили наши предки.

Г. Полевой замѣчаетъ, что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзинымъ, а начало ея, вмѣстѣ съ первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово къ печати, и дѣлаетъ вопросъ: «*Когда же думалъ Историкъ?*»

На сіе отвѣтствуемъ:

Когда первые труды Карамзина были съ жадностію принимаемы Публикою, имъ образуемою, когда лестный успѣхъ слѣдовалъ за каждымъ новымъ произведеніемъ его гармоническаго пера, тогда уже думалъ онъ объ Исторіи Россіи и мысленно обнималъ свое будущее созданіе. Вѣроятно, что XII томъ не былъ имъ еще начатъ, а уже Историкъ думалъ о той страницѣ, на которой смерть застала послѣднюю его мысль... Г-нъ Полевой, немного подумавъ, конечно, самъ удивится своему легкомысленному вопросу.— *Р.*

—*Продолженіе обѣщано*—.

Статья 2.

Дѣйствіе В. Скотта ощутительно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности. Новая школа Французскихъ Историковъ образовалась подъ вліяніемъ Шотландскаго Романиста. Онъ указалъ имъ источники совершенно новые, неподозрѣваемые прежде, не смотря на существованіе исторической драмы, созданной Шекспиромъ и Гёте.

Г-нъ Полевой сильно почувствовалъ достоинства Баранта и Тьерри, и принялъ ихъ образъ мнѣній съ неограниченнымъ энтузіазмомъ молодаго неофита. Плѣняясь романическою живостію истины, выведенной передъ насъ въ простодушной наготѣ лѣтописи, онъ фанатически отвергнулъ существованіе всякой другой Исторіи. Судимъ не по словамъ Г-на Полеваго, ибо изъ нихъ невозможно вывести никакого положительнаго заключенія; но основываемся на самомъ духѣ, въ которомъ вообще писана *Исторія Рускаго Народа*, на стараніи г-на Полеваго сохранить драгоцѣнныя краски старины и частыхъ его заимствованіяхъ у Лѣтописей. Но желаніе отличиться отъ Карамзина слишкомъ явно въ Г-нѣ Полевомъ, и какъ заглавіе его книги есть не что иное, какъ пустая пародія заглавія *Исторія Государства Россійскаго*, такъ и разсказъ Г-на Полеваго слишкомъ часто не что иное, какъ пародія разсказа Историографа.

Исторія Рускаго Народа начинается живымъ географическимъ изображеніемъ Скандинавіи и нравовъ дикихъ ея обитателей <подражаніе Тьерри>; но переходя къ описанію странъ, Россіею нынѣ именуемыхъ, и народовъ, нѣкогда тамъ обитавшихъ, Г-нъ Полевой становится столь же теменъ въ изложеніи своихъ этнографическихъ понятій, какъ въ философическихъ разсужденіяхъ своего предисловія. Онъ или повторяетъ сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзинымъ, или касается предметовъ, вовсе чуждыхъ Исторіи Рускаго Народа, и утомляя вниманіе читателя, говоритъ поминутно: «И такъ мы видимъ... Изъ сего слѣдуетъ... Мы въ нѣсколькихъ словахъ означили главныя черты великой картины...» между тѣмъ, какъ мы ничего не видимъ, какъ изъ этого ничего не слѣдуетъ, и какъ Г-нъ Полевой въ весьма многихъ словахъ означилъ не главныя черты великой картины.

Желаніе противорѣчить Карамзину поминутно завлекаетъ Г-на Полеваго въ мелочныя придирки, въ пустыя замѣчанія, большею частію несправедливыя. Онъ то соглашается съ Татищевымъ, то ссылается на Розенкампфа, то утвердительно и безъ доказательства повторяетъ нѣкоторые скептическіе намеки Г-на Каченовскаго. При-

знавъ уже достовѣренность похода къ Царюграду, онъ сомнѣвается, имѣлъ ли Олегъ съ собою сухопутное войско. «Гдѣ могли пройти его дружины?» говоритъ Г-нъ П., «не чрезъ Булгарію по крайней мѣрѣ.» Почему же нѣтъ? какая тутъ физическая невозможность? Оспоривая у Карамзина смыслъ выраженія: *на ключѣ*, онъ пускается въ догадки, ни на чемъ не основанныя. Быть можетъ и Карамзинъ ошибся въ примѣненіи своей догадки: ключъ <символъ хозяйства>, какъ котелъ у Козаковъ, означалъ, вѣроятно, общее хозяйство, артель(*). Въ древнемъ договорѣ Карамзинъ читаетъ: *милымъ ближникамъ*, ссылаясь на сгорѣвшій Троицкой списокъ. Г-нъ П., признавая, что въ другихъ спискахъ поставлено ab libita librarii *милымъ* и *малымъ*, подчеркиваетъ однако жъ слово *сгорѣвшій*, читаетъ *малымъ* <малолѣтнимъ, младшимъ> и переводитъ: *дальнимъ* <дальнимъ ближнимъ!>. Не говоримъ уже о довольно смѣшномъ противорѣчіи; но что за мысль отдавать наслѣдство дальнимъ родственникамъ мимо ближайшихъ?

Первый томъ *Исторіи Рускаго Народа* писанъ съ удивительною опрометчивостію. Г-нъ Полевой утверждаетъ, что дикая поэзія согрѣвала душу Скандинава, что пѣснопѣнія Скальда воспламеняли его, что религія усиливала въ немъ врожденную склонность къ независимости и презрѣнію смерти <склонность къ презрѣнію смерти!>, что онъ гордился названіемъ *Берсеркера* и пр.; а чрезъ три страницы Г-нъ Полевой увѣряетъ, что не слава вела его въ битвы: что онъ ея не зналъ, что недостатокъ пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походовъ. Г-нъ Полевой не видитъ еще Государства Россійскаго въ начальныхъ Княженіяхъ Скандинавскихъ Витязей, а въ Ольгѣ признаетъ уже мудрую образовательницу системы скрѣпленія частей въ единое цѣлое, а у Владиміра стремленіе къ единовластію. Въ удѣлахъ Г-нъ П. видитъ то образъ Восточнаго самодержавія, то феодальную систему, общую тогда въ Европѣ. Промахи, указанные въ Московскомъ Вѣстникѣ, почти невѣроятны.

Г-нъ П. въ своемъ предисловіи весьма искусно даетъ замѣтить, что слогъ въ Исторіи есть дѣло весьма второстепенное, если уже не совсѣмъ излишнее; онъ говоритъ о немъ почти съ презрѣніемъ.

Matîre renard, peut-être on vous croirait...

По крайней мѣрѣ, слогъ есть самая слабая сторона *Исторіи Рускаго Народа*. Невозможно отвергать у Г-на Полеваго ни остроумія, ни воображенія, ни способности живо чувствовать; но искусство писать до такой степени чуждо ему, что въ его сочиненіи картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено.

P. S. Сказавъ откровенно нашъ образъ мыслей насчетъ *Исторіи Рускаго Народа*, не можемъ умолчать о критикахъ, которымъ она подала поводъ. Въ Журналѣ, издаваемомъ ученымъ, извѣстнымъ Профессоромъ, напечатана статья (*), въ коей брань доведена до изступленія; болѣе чѣмъ въ 30 страницахъ грубыхъ насмѣшекъ и ругательства, нѣтъ ни одного дѣльнаго обвиненія, ни одного поучительнаго показанія, кромѣ ссылки на мнѣніе самого Издателя, мнѣніе весьма любопытное, коему доказательства съ нетерпѣніемъ должны ожидать любители отечественной Исторіи. *Московскій Вѣстникъ*... (et tu autem, Brute!) сказалъ свое мнѣніе насчетъ Г-на П. еще съ большимъ, непростительнѣйшимъ забвеніемъ своей обязанности, непростительнѣйшимъ ибо издатель Моск. Вѣстника доказалъ, что чувство приличія ему сродно, и что слѣдственно онъ добровольно пренебрегаетъ онымъ. Ужели такъ трудно нашей братьѣ Критикамъ сохранять хладнокровіе? Какъ не вспомнить, по крайней мѣрѣ, совѣта старинной сказки:

То же бы ты слово
Да не такъ бы молвилъ.

ПРОГРАММА 3-й СТАТЬИ.

I.

Феодальное право, основанное на правѣ завоеванія.
Что были предводители?
Что былъ народъ?
Тѣлохранители.
Власть королевская.
Продажа вольностя городамъ.

(*) *Стряпчій съ ключемъ* вѣдалъ хозяйственною частію двора. Въ Малороссіи *ключевать* значитъ управлять хозяйствомъ.

(*) Выписки, коими наполнена сія статья, въ самомъ дѣлѣ *пойдутъ съ примѣръ галиматьи*: но самый текстъ почти отъ нихъ не отличается.

Парламенты.
Vénalité des charges.
Ришельё.
Споры аристократіи съ парламентами.
Уничтоженіе феодализма.

1) Феодальное правленіе—система простая и сыльная, было основано на правѣ завоеванія. Побѣдители, присвоивъ себѣ землю и собственность побѣжденныхъ, обратили ихъ самихъ въ рабство и раздѣлили все между собою. Предводители получили большіе участки. Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, и феодальная іерархія установилась.

2) Каждый владѣлецъ управлялъ въ своемъ участкѣ по своему, устанавливая свои законы, соблюдая свои выгоды и стараясь окружить себя достаточнымъ числомъ приверженцевъ, для удержанія въ повиновеніи своихъ вассаловъ или для отраженія хищныхъ сосѣдей. Для сего избирались большею частію вольные люди, составлявшіе нѣкогда войско завоевателей. Современемъ они смѣшались съ побѣжденными, и такимъ образомъ установились взаимныя обязательства между владѣльцами и вассалами.

3) Короли, избираемые вначалѣ владѣльцами, были властителями только въ собственномъ своемъ участкѣ. Въ случаѣ войны съ непріятелемъ, новыхъ налоговъ или споровъ между двумя могущими сосѣдами, они созывали сеймы. Сеймы сіи составляли сначала одни знатные владѣльцы и военные люди. Духовенство было призвано впослѣдствіи властолюбивыми палатными мерами (Maire du Palais), а народъ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному съ духовенствомъ.

4) Судопроизводство находилось въ рукахъ владѣльцевъ. Для записыванія ихъ постановленій избирались грамотеи изъ простолюдиновъ, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умѣли читать. Когда же война призывала бароновъ къ защитѣ королевскихъ владѣній или собственныхъ замковъ, то въ ихъ отсутствіи сіи грамотеи чинили судъ и расправу, сначала отъ имени бароновъ, а впослѣдствіи сами отъ себя. Продолжительныя войны дали имъ время основать свою самобытность. Такимъ образомъ родились парламенты.

5) Нужда въ деньгахъ заставила бароновъ и епископовъ продавать вассаламъ

НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПОЛЕВОЙ.

права, нѣкогда присвоенныя завоевателями. Сначала откупились рабы отъ вассаловъ, затѣмъ общины пріобрѣли привиллегіи. Въ послѣдствіи времени, короли, для уничтоженія власти сильныхъ владѣльцевъ, непрестанно покровительствовали общинѣ, и когда мало-по-малу народъ откупился, владѣльцы обѣднѣли и стали проситься на жалованье королей. Они выбрались изъ феодальныхъ своихъ вертеповъ...

6) Короли почувствовали всю выгоду новаго положенія. Дабы покрыть новые, необходимые расходы, они прибѣгнули къ продажѣ судебныхъ мѣстъ, ибо доходы отъ правъ, покупаемыхъ городами, начали истощаться и казались уже опасными. Сія мѣра утвердила независимость гражданскихъ чиновниковъ (de la Magistrature) и сіе сословіе вошло въ соперничество съ дворянствомъ, которое возненавидѣло его.

7) Продажа гражданскихъ мѣстъ упрочила вліяніе достаточной части народа, слѣдовательно столь же благоразумна, какъ и другіе законы. Напрасно пошли противъ сей мѣры, будто бы варварской и нелѣпой.

8) Но вскорѣ замѣтили, до какой степени сія мѣра укрѣпила независимость чиновниковъ. Ришельё установилъ комиссаровъ, т. е. временныхъ сановниковъ, упол-

номоченныхъ королемъ. Законники возроптали, какъ на нарушеніе правъ своихъ и злоупотребленіе общественной довѣренностію. Ихъ не послушали и могущество министра подавило и ихъ, и феодализмъ.

II.

[Не смотря на то, что *Исторія Рускаго Народа* писана наобумъ], ошибки и промахи, указанные въ разныхъ журналахъ, доказываютъ, конечно, не невѣжество Г-на Полеваго <ибо онъ могъ бы ихъ избѣжать, давъ себѣ время подумать и справиться>, но только непростительную опрометчивость и поспѣшность. Презрѣніе, съ какимъ Г. Полевой отзывался въ своихъ примѣчаніяхъ о Карамзинѣ, издѣваясь надъ его трудомъ, оскорбляло нравственное чувство уваженія нашего къ великому соотечественнику. Но сія опрометчивость и необдуманность сильно повредили Г. Полевому въ мнѣніи малаго числа просвѣщенныхъ и благоразумныхъ читателей, ибо онѣ поколебали, или и вовсе уничтожили, довѣренность, которую онъ способенъ былъ внушить. Теперь мы читаемъ *Исторію Рускаго Народа*, не полагаясь на добросовѣстность труда и вѣрность розысканій, но на каждое слово невольно требуемъ подтвержденія повтореннаго, если не имѣемъ терпѣнія или способовъ справляться сами.— *Исторія Рускаго Народа* состоитъ изъ отдѣльныхъ отрывковъ, часто не имѣющихъ между собой связи по духу, въ коемъ они писаны, и походитъ болѣе на журнальныя статьи, чѣмъ на книгу, обдуманную однимъ человѣкомъ и проникнутую единствомъ духа.

Не смотря на сіи недостатки, *Исторія Рускаго Народа* заслуживаетъ вниманія по многимъ остроумнымъ замѣчаніямъ <NB. Остроуміемъ мы называемъ вовсе не шуточки, столь любезныя нашимъ веселымъ критикамъ, но способность сближать понятія и выводить изъ нихъ новыя и правильныя заключенія>, по своей живости, хоть и неправильной, по взглядамъ и воззрѣніямъ недальнымъ и часто невѣрнымъ, но вообще новымъ и достойнымъ критическихъ изслѣдованій.

Второй томъ, нынѣ вышедшій изъ печати, имѣетъ, по нашему мнѣнію, большое преимущество передъ первымъ.

1) Въ немъ нѣтъ сбивчиваго предисловія и гораздо менѣе болтовни и противорѣчій.

2) Тонъ нападенія на Карамзина уже гораздо благопристойнѣе.

3) Самый разсказъ не есть уже пародія разсказа Карамзина, но нѣчто собственно принадлежащее Г. Полевому.

II-й томъ начинается взглядомъ на всеобщее состояніе Европы въ XI столѣтіи...

[III].

Г. Полевой предчувствуетъ присутствіе истины, но не умѣетъ ее отыскать и вьется около. Онъ чувствуетъ, что Россія была совершенно отдѣлена отъ западной Европы. Онъ предчувствуетъ тому причину, но вскорѣ желаніе приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи увлекаетъ его. Онъ видитъ опять феодализмъ <называетъ его *семейственнымъ*, феодализмомъ> и въ семъ феодализмѣ—средство задушить феодализмъ же, полагаетъ его необходимымъ для развитія силъ юной Россіи. Дѣло въ томъ, что въ Россіи *не было еще феодализма*, а были удѣлы, князья и ихъ дружина; что въ древнихъ удѣльныхъ княжествахъ не было никакой силы <доказательство—нашествіе Татаръ>; что Россія *не окрѣпла* и не развилась въ удѣльныя междоусобія, но, напротивъ, *ослабѣла* и сдѣлалась легкою добычею Татаръ; что боярство не есть феодализмъ; феодализмъ—*частность*, аристократія—*общность*.

Феодализма въ Россіи не было. Одна фамилія, варяжская, властвовала независимо, добиваясь великаго княжества.

Бояре жили въ городахъ, при двор княжескомъ,
не укрѣпляя своихъ помѣстій,
не сосредоточиваясь въ маломъ семействѣ,
не враждуя противу королей,
не продавая своей помощи городамъ;
они были вмѣстѣ придворные и товарищи, но составляли союзы.
считались старшинствомъ,
крамольничали.

Великіе князья не имѣли нужды соединяться съ народомъ, дабы ихъ усмирять.

Феодализма у насъ не было—и тѣмъ хуже.

Освобожденія городовъ не существовало въ Россіи. Новгородъ на краю Россіи и сосѣдній ему Псковъ были истинныя республики, а не общины (communes), удаленныя отъ великаго княжества и обязанныя своемъ бытіемъ сперва хитрой покор-

ПУШКИНЪ и гр. ХВОСТОВЪ.
(1830—1831).

Каррикатура изъ альбома П. И. Челищева, теперь находится въ Пушкинскомъ музеѣ при Александров. лицеѣ.

пости, а потомъ—слабости враждующихъ князей. *Феодализмъ* могъ бы, наконецъ, развиться, какъ первый шагъ учрежденій независимости (общины были бы второй), но онъ не успѣлъ. Онъ разсѣялся во времена татаръ, былъ подавленъ Иваномъ III, гонимъ, истребляемъ Иваномъ IV.—Мѣсто феодализма заступила *аристократія* и могущество ея въ междуцарствіе возросло до высочайшей степени. Она была наслѣдственная—отселѣ мѣстничество, на которое до сихъ поръ привыкли смотрѣть самымъ дѣтскимъ образомъ. Не Ѳеодоръ, а Языковъ и меньшое дворянство уничтожили мѣстничество и боярство. Съ Ѳеодора и Петра начинается революція въ Россіи, которая продолжается и до сего дня.

Что составляло въ Россіи древнюю аристократію?—Варяги, богатые военные славяне, воинство и пришельцы.—Какія были права ихъ?—Равныя княжескимъ, ибо они были малые князья, имѣли свои дружины и переходили отъ одного государя къ другому.—Отчего Г. Полевой говоритъ, что они были наравнѣ со смердами?—Не знаю, но самое молчаніе лѣтописцевъ о ихъ правахъ показываетъ, что права сіи были неограничены.—Какое время силы нашего боярства?—Во время удѣловъ, когда удѣльные князья сами сдѣлались боярами.—Когда пало боярство?—При Іоаннахъ, которые къ одному мѣстничеству не дерзнули прикоснуться.—Были ли дворянскія грамоты? Мининъ!—Было ли *зло* мѣстничество? Натурально ли оно? Вездѣ ли существовало оно? Зачѣмъ уничтожено было оно? И было ли оно въ самомъ дѣлѣ уничтожено?—Петръ. Уничтоженіе дворянства чинами.—Маіоратства, уничтоженныя мотовствомъ Анны Ивановны. — Паденіе постепенное дворянства.—Что изъ того слѣдуетъ?—Восшествіе Екатерины II, 14-е декабря и т. д.

Исторія древняя кончилась Богочеловѣкомъ, говоритъ Г. Полевой. Справедливо. Великій духовный и политическій переворотъ нашей планеты есть христіанство. Въ этой священной стихіи исчезъ и обновился міръ. Исторія древняя есть исторія Египта, Персіи, Греціи, Рима,—исторія новѣйшая есть исторія христіанства. Горе странѣ, находящейся внѣ его! Зачѣмъ же Г. Полевой за нѣсколько страницъ выше повторилъ пристрастное мнѣніе XVIII-го столѣтія и призналъ концомъ древней исторіи паденіе Западной римской имперіи,—какъ будто самое распаденіе оной на Восточную и Западную не есть уже конецъ Рима и ветхой системы его?

Гизо объясняетъ одно изъ событій христіанской исторіи—европейское просвѣщеніе. Онъ обрѣтаетъ его зародышъ, описываетъ постепенное развитіе и, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводитъ до насъ сквозь рядъ темныхъ и кровавыхъ, тяжелыхъ и расцвѣтающихъ вѣковъ.

Вы поняли всѣ достоинства французскаго историка, поймите жъ и то, что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли, другой формулы, чѣмъ мысли и формулы, выведенныя Гизотомъ изъ исторіи христіанскаго Запада. Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историкъ былъ бы астрономъ и событія жизни человѣческой были бы предсказаны въ календаряхъ, какъ затменія солнечныя. Но провидѣніе—не алгебра; умъ человѣческій, по простонародному выраженію—не *пророкъ*, *а угадчикъ*: Онъ видитъ общій ходъ вещей и можетъ выводить изъ онаго глубокія предположенія, часто оправданныя временемъ, но невозможно предвидѣть ему *случая*. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей XVIII-го столѣтія предсказалъ камеру депутатовъ, но никто не могъ предсказать ни Наполеона, ни Полиньяка.

---

891. ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ, ИЛИ РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ. Соч. М. Н. Загоскина.—М. въ Типогр. Н. Степанова, 1829.—3 части съ виньетками на заглавныхъ листахъ (въ I-й части 255, во II-й 166, въ III-й 263 стр. въ 12 д. л.).

Въ наше время подъ словомъ *романъ* разумѣемъ историческую эпоху, развитую въ вымышленномъ повѣствованіи. Вальтеръ Скоттъ увлекъ за собою цѣлую толпу подражателей. Но какъ они всѣ далеки отъ Шотландскаго чародѣя! подобно ученику Агриппы, они, вызвавъ демона старины, не умѣли имъ управлять и сдѣлались жертвами своей дерзости. Въ вѣкъ, въ который хотятъ они перенести читателя, перебираются они сами съ тяжелымъ запасомъ домашнихъ привычекъ, предразсудковъ и дневныхъ впечатлѣній. Подъ *беретомъ*, осѣненнымъ перьями, узнаете вы голову, причесанную вашимъ парикмахеромъ; сквозь кружевную фрезу à la Henri IV про-

глядываетъ накрахмаленный галстухъ нынѣшняго dandy. Готическія героини воспитаны у madame Campan, а Государственные люди XVI столѣтія читаютъ Times и Journal des débats. Сколько несообразностей, ненужныхъ мѣлочей, важныхъ упущеній! сколько изысканности! а сверхъ всего,— какъ мало жизни! Однако жь сіи бѣдныя произведенія читаются въ Европѣ. Потому ли, что люди, какъ утверждала Madame de Stael, знаютъ только Исторію своего времени и, слѣдственно, не въ состояніи замѣтить нелѣпости романическихъ анахронизмовъ? Потому ли, что изображеніе старины, даже слабое и невѣрное, имѣетъ неизъяснимую прелесть для воображенія, притупленнаго однообразной пестротою настоящаго, ежедневнаго?

Спѣшимъ замѣтить, что упреки сіи вовсе не касаются *Юрія Милославскаго*. Г. Загоскинъ точно переноситъ насъ въ 1612 годъ. Добрый нашъ народъ, Бояре, Козаки, Монахи, буйные Шиши—все это угадано, все это дѣйствуетъ, чувствуетъ, какъ должно было дѣйствовать, чувствовать въ смутныя времена Минина и Аврамія Палицына. Какъ живы, какъ занимательны сцены старинной Руской жизни! сколько истины, добродушной веселости въ изображеніи характеровъ Кирши, Алексѣя Бурнаша, Ѳедьки Хомяка, пана Копычинскаго, батьки Еремѣя! Романическое произшествіе безъ насилія входитъ въ раму обширнѣйшую, происшествія историческаго. Авторъ не спѣшитъ своимъ разсказомъ, останавливается на подробностяхъ, заглядываетъ въ сторону, но никогда не утомляетъ читателя. Разговоръ (живой, драматическій вездѣ, гдѣ онъ простонароденъ) обличаетъ мастера своего дѣла. Но неоспоримое дарованіе Г. Загоскина замѣтно измѣняетъ ему, когда онъ приближается къ лицамъ историческимъ. Рѣчь Минина на Нижегородской площади, слаба: въ ней нѣтъ порывовъ народнаго краснорѣчія. Боярская дума изображена холодно. Можно замѣтить два-три легкихъ анахронизма и нѣкоторыя погрѣшности противу языка и *костюма*. Напр. новѣйшее выраженіе: *столбовой дворянинъ*, употреблено въ смыслѣ человѣка знатнаго рода (*мужа честна*, какъ говорятъ Лѣтописцы); *охотиться*, вмѣсто: *ѣздить на охоту*; *пользовать*, вмѣсто *лечить*. Эти два послѣднія выраженія не простонародныя, какъ видно, полагаетъ Авторъ, но просто принадлежатъ языку дурнаго общества. *Быть въ отвѣтѣ*, значило въ старину: *быть въ посольствѣ*. Нѣкоторыя пословицы употреблены Авторомъ не въ ихъ первобытномъ смыслѣ: *изъ сказки слова не выкинешь*, вмѣсто изъ *пѣсни*. Въ пѣснѣ слова составляютъ стихъ, и *слова не выкинешь*, не испортивъ *склада*; сказка—дѣло другое. Но сіи мѣлкія погрѣшности и другія, замѣченныя въ 1-мъ № «Московскаго Вѣстника» нынѣшняго года *) не могутъ повредить блистательному, вполнѣ заслуженному успѣху *Юрія Милославскаго*.

---

892. [О ЗАПИСКАХЪ САМСОНА].

Французскіе Журналы извѣщаютъ насъ о скоромъ появленіи *Записокъ Самсона, Парижскаго палача*. Этого должно было ожидать. Вотъ до чего довела насъ жажда новизны и сильныхъ впечатлѣній!

Послѣ соблазнительныхъ *Исповѣдей* Философіи XVIII-го вѣка, явились политическія, не менѣе соблазнительныя откровенія. Мы не довольствовались видѣть людей извѣстныхъ въ колпакѣ и въ шлафрокѣ, мы захотѣли послѣдовать за ними въ ихъ спальню и далѣе. Когда намъ и это надоѣло, явилась толпа людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями. Но мы не остановились на безстыдныхъ запискахъ Генріетты Вильсонъ, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовскія признанія полицейскаго шпіона и на поясненія оныхъ клейменаго каторжника. Журналы наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи. Недоставало палача въ числѣ новѣйшихъ литераторовъ. Наконецъ и онъ явился, и къ стыду нашему скажемъ, что успѣхъ его *Записокъ* кажется несомнительнымъ.

Не завидуемъ людямъ, которые, основавъ свои разсчеты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторенію сказаній, вѣроятно безграмотнаго, Самсона. Но признаемся же и мы, живущіе въ вѣкѣ признаній: съ нетерпѣливостію, хотя и съ отвращеніемъ, ожидаемъ мы *Записокъ Парижскаго палача*. По-

*) *Московскій Вѣстникъ* будетъ издаваться въ нынѣшнемъ году въ томъ видѣ, въ какомъ издавался онъ въ 1827 и 1828. Сей журналъ почти постоянно отличается статьями любопытными, дѣльными критиками и благонамѣренностію. Прежніе сотрудники продолжаютъ участвовать въ семъ изданіи. (*Прим. можетъ быть Пушкина, а можетъ быть ред. Лит. Газ.*).

смотримъ, что есть общаго между нимъ и людьми живыми? На какомъ звѣриномъ ревѣ объяснитъ онъ свои мысли? Что скажетъ намъ сіе твореніе, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? что скажетъ намъ сей человѣкъ, въ теченіе сорока лѣтъ кровавой жизни своей присутствовавшій при послѣднихъ содроганіяхъ столькихъ жертвъ и славныхъ и неизвѣстныхъ, и священныхъ и ненавистныхъ? Всѣ, всѣ они—его минутные знакомцы—чредою пройдутъ передъ нами по гильотинѣ, на которой онъ, свирѣпый фигляръ, играетъ свою однообразную роль. Мученики, злодѣи, герои—и Царственный страдалецъ, и убійца его, и Шарлотта Кордѣ, и прелестница Дю-Барри, и безумецъ Лувель, и мятежникъ Бертонъ, и лекарь Кастенъ, отравлявшій своихъ ближнихъ, и Папавуань, рѣзавшій дѣтей: мы ихъ увидимъ опять въ послѣднюю, страшную минуту. Головы, одна за другою, западаютъ передъ нами, произнося каждая свое послѣднее слово... И насытивъ жестокое наше любопытство, книга палача займетъ свое мѣсто въ библіотекахъ, въ ожиданіи ученыхъ справокъ будущаго Историка.

---

893. НЕДАВНО ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ НАШИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

[О разговорѣ у Княгини Халдиной].

Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ изъявили сомнѣніе: точно ли *Разговоръ у княгини Халдиной*, напечатанный въ 3-мъ № *Литер. Газеты* есть сочиненіе Фонъ-Визина. Во первыхъ, родной племянникъ покойнаго автора ручается въ достовѣрности онаго; во-вторыхъ, не такъ легко, какъ думаютъ, поддѣлаться подъ руку творца *Недоросля и Бригадира*: кто хотя немного изучалъ духъ и слогъ Фонъ-Визина, тотъ узнаетъ тотчасъ ихъ несомнѣнные признаки и въ *Разговорѣ*. Статья сія замѣчательна не только какъ литературная рѣдкость, но и какъ любопытное изображеніе нравовъ и мнѣній, господствовавшихъ у насъ лѣтъ сорокъ тому назадъ. Княгиня Халдина говоритъ Сорванцову *ты*, онъ ей также. Она бранитъ служанку, зачѣмъ не пустила она гостя въ уборную. «Развѣ ты не знаешь, что я при мужчинахъ люблю одѣваться?»—«Да вѣдь стыдно, В. С.», отвѣчаетъ служанка.—«Глупа, радость», возражаетъ Княгиня. Все это, вѣроятно, было списано съ натуры. Мы и тутъ узнаемъ подражаніе нравамъ Парижскимъ. Изображеніе Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковыхъ. Онъ записался въ службу, чтобъ ѣздить цугомъ. Онъ проводитъ ночи за картами, и спитъ въ присутственномъ мѣстѣ, во время чтенія запутаннаго дѣла. Онъ чувствуетъ нелѣпость дѣловой бумаги, и соглашается съ мнѣніемъ прочихъ изъ лѣности и безпечности. Онъ продаетъ крестьянъ въ рекруты, и умно разсуждаетъ о просвѣщеніи. Онъ взятокъ не беретъ изъ тщеславія, и хладнокровно извиняетъ бѣдныхъ взяткобрателей. Словомъ, онъ истинно Руской баричъ прошлаго вѣка, каковымъ образовала его природа и полупросвѣщеніе. Здравомыслъ напоминаетъ Правдина и Стародума, хоть въ немъ и менѣе педантства. Прочитавъ *Разговоръ у Княгини Халдиной*, пожалѣешь невольно, что не Фонъ-Визину досталось изображать новѣйшіе наши нравы.

---

894. СТАРЫЙ ГЕНЕРАЛЪ Щ.

Старый Генералъ Щ. представлялся однажды Екатеринѣ II. «Я до сихъ поръ не знала васъ», сказала Императрица. «Да и я, Матушка Государыня, не зналъ Васъ до сихъ поръ», отвѣчалъ онъ простодушно.—«Вѣрю», возразила Она съ улыбкой. «Гдѣ и знать Меня, бѣдную вдову!»

---

895. ШУВАЛОВЪ, ЗАСПОРИВЪ ОДНАЖДЫ СЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ.

Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ, сказалъ ему сердито: «Мы отставимъ тебя отъ Академіи».—«Нѣтъ», возразилъ великій человѣкъ: «развѣ Академію отставите отъ меня».

---

896. НѢКОТОРЫЕ ЖУРНАЛЫ, ОБВИНЕННЫЕ ВЪ НЕПРИЛИЧНОСТИ ИХЪ ПОЛЕМИКИ.

[О статьяхъ Кн. Вяземскаго].

Нѣкоторые Журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики, указали на Князя Вяземскаго, какъ на начинщика брани, господствующей въ нашей Литературѣ. Ука-

заніе не искреннее. Критическія статьи К. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онѣ заставляютъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма. Эпиграмматическіе же разборы его могутъ казаться обидными самолюбію Авторскому, но К. Вяземскій можетъ смѣло сказать, что личность его противниковъ никогда не была имъ оскорблена: они же всегда преступаютъ черту литературныхъ преній, и поминутно, думая напасть на Писателя, вызываютъ на себя негодованіе члена общества и даже гражданина. Но должно ли на нихъ негодовать?—Не думаемъ. Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія приличій, чѣмъ предосудительнаго намѣренія. Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и другихъ обстоятельствъ. Люди свѣтскіе имѣютъ свой образъ мыслей, свои предразсудки, непонятные для другой касты. Какимъ образомъ разтолкуете вы мирному Алеуту поединокъ двухъ Французскихъ офицеровъ? Щекотливость ихъ покажется ему чрезвычайно странною, и онъ чуть ли не будетъ правъ.

Доказательствомъ, что Журналы наши никогда не думали выходить изъ границъ благопристойности, служитъ ихъ добродушное изумленіе при таковыхъ обвиненіяхъ и ихъ единогласное указаніе на того, чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и тонкаго знанія общежитія.

---

897. ОСТРАЯ ШУТКА НЕ ЕСТЬ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ.

Острая шутка не есть окончательный приговоръ. *** сказалъ, что у насъ есть *три* Исторіи Россіи: одна для *гостиной*, другая для *гостиницы*, третья для *гостинаго двора*.

---

898. АНГЛІЯ ЕСТЬ ОТЕЧЕСТВО КАРРИКАТУРЫ.

Англія есть отечество каррикатуры и пародіи. Всякое замѣчательное произшествіе подаетъ поводъ къ сатирической картинкѣ; всякое сочиненіе, ознаменованное успѣхомъ, подпадаетъ подъ пародію. Искуство поддѣлываться подъ слогъ извѣстныхъ писателей доведено въ Англіи до совершенства. Вальтеръ-Скотту показывали однажды стихи, будто бы имъ сочиненные. «Стихи, кажется, мои», отвѣчалъ онъ смѣясь: «я такъ много и такъ давно пишу, что не смѣю отречься отъ этой безсмыслицы!»— Не думаю, чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ, напечатанныхъ недавно въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ. Сей родъ шутокъ требуетъ рѣдкой гибкости слога; хорошій пародистъ обладаетъ всѣми слогами, а нашъ едва ли и однимъ. Впрочемъ, и у насъ есть очень удачный опытъ: Г-нъ Полевой очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри.

---

899. ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ ВЫПИСЫВАЮТЪ ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ «ИЛІАДѢ».

Въ одномъ изъ Московскихъ Журналовъ выписываютъ объявленіе объ *Иліадѣ*, напечатанное во 2-мъ № *Литературной Газеты*, и говоритъ, что сіе *воззваніе на счетъ* (?) труда Г-на Гнѣдича обнаруживаетъ духъ партіи, которая въ Литературѣ не должна быть терпима. Въ доказательство чего даютъ замѣтить, что въ *Литературной Газетѣ* сказано: «Руская Иліада должна имѣть важное вліяніе на отечественную словесность»; а что въ предисловіи къ своему переводу Н. И. Гнѣдичь похвалилъ гекзаметры Барона Дельвига.

Вотъ лучшее доказательство правила, слишкомъ пренебрегаемаго нашими Критиками: ограничиваться замѣчаніями чисто-литературными, не примѣшивая къ онымъ догадокъ на счетъ постороннихъ обстоятельствъ, догадокъ, большею частію столь же несправедливыхъ, какъ и неблагопристойныхъ. Объявленіе о переводѣ Иліады писано мною и напечатано во время отсутствія Барона Дельвига. Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія Барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не *суть дружескія*: но, какъ бы то ни было, это не можетъ повредить ихъ взаимному уваженію. Н. И. Гнѣдичь, по благородству чувствъ, ему свойственному, откровенно сказалъ свое мнѣніе на счетъ таланта Барона Дельвига, похваливъ произведенія

Музы его. Примѣръ утѣшительный въ нынѣшнюю эпоху Руской Литературы *).

Александръ Пушкинъ.

900. ВЪ ТРЕТЬЕМЪ НУМЕРѢ МОСКОВСКАГО ВѢСТНИКА.

[О гекзаметрахъ Мерзлякова].

Въ третьемъ нумерѣ Московскаго Вѣстника на нынѣшній годъ мы прочли слѣдующее замѣчаніе: «Въ предисловіи къ переводу Иліады, которымъ подарилъ Рускую Словесность Г. Гнѣдичь, говорится объ опытахъ гекзаметрами Жуковскаго и Дельвига — и ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, который *прежде всѣхъ* въ наше время ввелъ эту мѣру. Не понимаемъ, что значитъ такое упущеніе и въ слѣдующемъ нумерѣ предложимъ *документы* въ подтвержденіе истины нашихъ словъ, въ пособіе будущему историку Руской Словесности.» Странно, подумали мы, обвинять Гнѣдича въ простудкѣ, имъ не сдѣланномъ! Въ предисловіи къ Иліадѣ не говорится, кто у насъ первый по возобновленіи началъ слагать гекзаметры, а именуются два Писателя, которыхъ стихи нравятся Переводчику Гомера. Можно не раздѣлять съ человѣкомъ образа мыслей, даже осуждать вкусъ его; но требовать, чтобы онъ чувствовалъ, какъ мы, или, еще болѣе, укорять его, какъ сдѣлано въ М. В. зачѣмъ онъ не говоритъ, чего мы желаемъ—несправедливо. Тѣмъ не менѣе, ожидали мы четвертаго нумера сего Журнала, надѣясь найти въ немъ, для повѣрки нашего мнѣнія о трудахъ Г. Мерзлякова, изчисленіе его гекзаметрическихъ пьесъ и хотя поверхностное сужденіе объ оныхъ. Ожидали съ любопытствомъ, потому что знали изъ числа ихъ только двѣ-три небрежныя попытки въ переводахъ съ древнихъ, и читали въ «трудахъ Московскаго Общества Любителей Словесности» его мнѣніе, что гекзаметръ у насъ существовать не можетъ, ибо Рускій языкъ не *пѣвучій*. Наконецъ желанный нумеръ вышелъ, и въ длинной, ученической диссертаціи о старикѣ Гомерѣ, мы прочли: «честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище Руской Словесности составляетъ одну изъ многочисленныхъ заслугъ почтеннаго Профессора и Поэта, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ Одиссеи и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, за-долго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія Иліады.» Признаемся къ стыду нашему, мы не знаемъ ни одного оригинальнаго гекзаметрическаго стихотворенія Г. Мерзлякова; на переводъ же Одиссеи ссылаться нельзя, хотя при первомъ изданіи его и было сказано, что онъ переведенъ размѣромъ подлинника. Всякій, умѣющій скандовать стихъ, увидитъ, что помянутый отрывокъ переведенъ не древними гекзаметрами, а неровными амфибрахіями: то шести-стопными, то пяти-стопными, и даже есть одинъ стихъ четырехстопный. Такъ неотчетливо привыкли и осуждать, и хвалить въ нашихъ Журналахъ. Такъ, въ Московскомъ же Вѣстникѣ прошлаго года, укоряли Б. Дельвига, зачѣмъ онъ иногда въ пятой стопѣ гекзаметра замѣняетъ дактиль хореемъ. Б. Дельвигъ виноватъ въ этомъ только тѣмъ, что, не зная правилъ своего Критика, слѣдовалъ примѣру Гомера,

АЛЕКСѢЙ ѲЕДОРОВИЧЪ МЕРЗЛЯКОВЪ.

*) Ужели переводъ Иліады столь незначителенъ, что Н.И. Гнѣдичу нужно покупать себѣ похвалы? Если же нѣтъ, то неужели Критикъ, по предполагаемой пріязни съ Переводчикомъ, долженъ непремѣнно бранить трудъ его, чтобы показать свое безпристрастіе?

Виргилія, Горація, Фосса, и правиламъ, изложеннымъ Германомъ и другими Европейскими учеными. Обратимся къ переводамъ Г. Мерзлякова. Гекзаметрами онъ переложилъ: изъ Иліады начало пѣсни VII-й, единоборство Аякса и Гектора; изъ Каллимаха Гимнъ Аполлону; изъ идиллій Моска: Европа; изъ Овидіевыхъ Превращеній и Дафна, Пирамъ и Тизбе. Если произведенія каждаго искуства въ началѣ должны носить на себѣ печать несовершенства, то сіи пьесы имѣютъ неотъемлемое право на первородство. Въ нихъ напрасно вы будете искать важной и вѣрной гармоніи Гомера, роскошнаго благозвучія Моска, и до изысканности щеголеватыхъ стиховъ Овидія: въ нихъ вы замѣтите одно намѣреніе кое-какъ высказать нечистымъ прозаическимъ языкомъ поэзію подлинника. Словомъ, если Г. Гнѣдичь и зналъ о сихъ опытахъ, то умолчалъ о нихъ по причинамъ понятнымъ. Онъ первый изъ Рускихъ переводчиковъ съ Древнихъ— чувствовалъ все достоинство своего подлинника и все неприличіе шутить надъ искуствомъ и своими читателями.

---

901. ВЪ ОДНОМЪ ИЗЪ НУМЕРОВЪ ЛИТ. ГАЗЕТЫ.

[О запискахъ Видока].

Въ одномъ изъ № Лит. Газеты упоминали о Запискахъ Парижскаго палача: нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣе отвратительное, не менѣе любопытное.

Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть присмотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнуснаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

Видокъ въ своихъ запискахъ именуетъ себя патріотомъ, кореннымъ Французомъ (un bon Français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ Почетнаго Легіона, возбуждая въ кофейныхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодъ не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностью толкуетъ о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ Писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по разсчету: сужденія Видока о Казимирѣ де ла Винѣ, о Б. Констанѣ должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагосклонный отзывъ Журналистовъ о его слогѣ (слогъ Г-на Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ *враговъ* доносы, обвиняетъ ихъ въ безнравственности и вольнодумствѣ, и толкуетъ (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писакѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ униженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода.

Предлагается важный вопросъ:

Сочиненія шпіона Видока, палача Самсона и проч. не откорбляютъ ни господствующей Религіи, ни Правительства, ни даже нравственности въ общемъ смыслѣ этого слова; совсѣмъ тѣмъ, нельзя ихъ не признать крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое вниманіе на соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства?

---

902. ТРЕБУЕТЪ ЛИ ПУБЛИКА ИЗВѢЩЕНІЯ.

[О личностяхъ въ критикѣ].

Требуетъ ли публика извѣщенія, что такой-то Журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ то Поэтомъ или Прозаикомъ? Конечно нѣтъ; но Журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для

нихъ новость. Впрочемъ такія извѣщенія излагаются иногда съ нѣкоторою дипломатическою важностію. Въ одномъ Московскомъ Журналѣ вотъ какъ отзываются о книгѣ, въ которой собраны статьи разныхъ писателей: «*Она не блеститъ именами знаменитаго созвѣздія Русскихъ Поэтовъ и Прозаиковъ. Жальть ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ, мы не пожалѣемъ*». Эти господа *мы* другъ друга вѣрно понимаютъ; но довѣрчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здѣсь нечего. Какъ можно не пожалѣть, что въ книгѣ нѣтъ ни одной статьи, написанной человѣкомъ съ отличнымъ талантомъ? Наконецъ всего смѣшнѣе, что и самъ Критикъ, сначала обѣщавшій не жалѣть объ этомъ, признается послѣ, что въ этой книгѣ, *которой ему не хотѣлось бы осуждать*, нѣтъ ни одной статьи путной: въ 1-й статьѣ нѣтъ общности; во 2-й Авторъ не умѣетъ разсказывать; 3-ю читать скучно; 4-я старая пѣсня; въ 5-й надоѣдаютъ Офицеры съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и такъ далѣе. Вотъ до какого противорѣчія доводятъ личности. Ужели названія *порядочнаго и здравомыслящаго* человѣка лишились въ наше время цѣны своей?

---

903. [ОБЪ УПРЕКАХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ДВОРЯНСКИМЪ ДОСТОИНСТВОМЪ И ЛИТЕРАТУРНОЮ ИЗВѢСТНОСТІЮ].

Съ нѣкоторыхъ поръ, Журналисты наши упрекаютъ Писателей, которымъ неблагосклонствуютъ, ихъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne! Замѣчательно, что и у Французской черни крикъ этотъ былъ двусмысленъ и означалъ въ одно время аристократію политическую и литературную. Подражаніе наше не дѣльно. У насъ въ Россіи, Государственныя званія находятся въ такомъ равновѣсіи, которое предупреждаетъ всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство въ особенности, кажется, ни въ комъ не можетъ возбуждать непріязненнаго чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины Университетскіе, легко выводятъ въ оное людей прочихъ званій. Ежели негодующій на преимущества дворянскія неспособенъ ни въ какой службѣ, ежели онъ не довольно знающъ, чтобы выдержать Университетскіе экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его конечно извинительно, ибо необходимо соединено съ сознаніемъ собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной извѣстности, упреки въ оной отмѣнно простодушны. Извѣстный Баснописецъ, желая объяснить одно изъ самыхъ жалкихъ чувствъ человѣческаго сердца, обыкновенно скрывающееся подъ какою-нибудь личиною, написалъ слѣдующую басню:

Со свѣтлымъ червячкомъ встрѣчается змѣя
И ядомъ вмигъ его смертельнымъ обливаетъ.
«Убійца!» онъ вскричалъ: «за что погибнулъ я?»
— «Ты свѣтишь»! — отвѣчаетъ.

Современники наши, кажется, желаютъ доказать намъ ребячество подобныхъ примѣненій и червяковъ и козявокъ замѣнить лицами болѣе выразительными. Все это напоминаетъ эпиграмму, помѣщенную въ 32-мъ № Лит. Газ.

---

904. [РАЗГОВОРЪ].

А.—Читалъ ты замѣчаніе въ «Литературной Газетѣ», гдѣ сравниваютъ нашихъ журналистовъ съ демократическими писателями XVIII-го столѣтія?

Б.—Читалъ.

А.—Какъ же ты его находишь?

Б.—Довольно неумѣстнымъ.

А.—Конечно, иначе нельзя и думать. Какъ не стыдно литераторамъ обижать такимъ образомъ свою братію!...

Б.—Согласенъ.

А.—Русскіе журналисты не заслуживали такого *унизительнаго* сравненія.

Б.—А! такъ извини: я съ тобою не согласенъ.

А.—Какъ такъ?

Б.—Я было тебя не понялъ. Мнѣ показалось, что ты находишь обиженными демократическихъ писателей XVIII столѣтія, которыхъ <какъ очень хорошо сказано въ «Газетѣ»> съ нашими никакимъ образомъ сравнивать нельзя,—а между тѣмъ сравниваютъ.

А.—Да помилуй, эти французскіе писатели такіе люди, что Боже упаси! Посмотри, какъ негодуютъ наши журналисты отъ одной мысли быть имъ уподобленными, этимъ господамъ.

Б.—Да кто-же эти французскіе писатели, о коихъ упомянуто въ Литературной Газетѣ?

А.—А я почему знаю?

Б.—Такъ я же тебѣ ихъ назову. Добродѣтельный Томасъ, простодушный Дюкло, твердый Шамфоръ и другіе столь же умные, какъ и честные люди, не безпримѣрные геніи, но литераторы съ отличнымъ талантомъ.

А.—Зачѣмъ же обруганы они въ Литературной Газетѣ?

Б.—То-то я и говорю.

А.—Какъ можно и печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станутъ кричать: повѣсимъ ихъ, повѣсимъ! и—аристократовъ къ фонарю!

Б.—Извини, братъ. Опять-было тебя не понялъ. Этого въ Газетѣ не сказано.

А.—Какъ не сказано? Постой, она [при] мнѣ <вынимаетъ изъ кармана Газету>. А! ты правъ, ты правъ. Сказано только, что эпиграммы ихъ пріуготовили крики: etc. Такъ неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы пріуготовили французскую революцію?

Б.—О французской революціи Литературная Газета молчитъ, и хорошо дѣлаетъ.

А.—Помилуй! да посмотри: les aristocrates à la lanterne, повѣсить ça ira, и т. д.!

Б.—И ты *видишь тутъ* французскую революцію?

А.—А ты что тутъ видишь, если смѣю спросить?

Б.—Крики бѣшеной черни.

А.—А что же значили эти крики?

Б.—Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А.—Вотъ, я тебя и поймалъ; а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б.—Потому что съ нѣкоторыхъ поръ дворянство было ей представлено сословіемъ презрѣннымъ и ненавистнымъ.

А.—Слѣдственно я и правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne—вся революція.

Б.—Ты не правъ. Въ крикѣ: les aristocrates à la lanterne—одинъ жалкій эпизодъ французской революціи—гадкая фарса въ огромной драмѣ.

[А.—А честные и добрые писатели были тому причиною? Но если и въ самомъ дѣлѣ, то, ужъ конечно, неумышленно!

Б.—Вѣроятно.

А.—A propos, какого ты мнѣнія о Полиньякѣ?

Б.—Милый мой, ты знаешь, что о политикѣ я съ тобою никогда не говорю.

(А.—Итакъ, revenons à nos moutons, обратимся къ литераторамъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ эпиграммы французскихъ писателей пріуготовили крики—les aristocrates à la lanterne?

Б.—Такого, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Литературной Газеты.

А.—А твое мнѣніе? Нельзя узнать?

Б.—Экой лукавый? заманиваетъ меня опять въ политику: не узнаешь.

А.—И ты мнѣ не будешь отвѣчать?

Б.—Нѣтъ.)

А.—Ну, такъ обратимся къ нашимъ литераторамъ. Читалъ ли ты, какъ отдѣлала Пчела всю Литературную Газету, издателя и сотрудниковъ за это замѣчаніе?

Б.—Нѣтъ еще.

А.—Такъ прочти же <даетъ ему журналъ>.

Б.—Что значатъ эти точки?

А.—Ахъ, я спрашивалъ: тутъ были ругательства ужасныя, да цензоръ не пропустилъ.

Б.—<Отдавая журналъ>. Жаль: въ этихъ ругательствахъ, можетъ быть, былъ смыслъ, а въ строкахъ печатныхъ нѣтъ.

А.—Вотъ тебѣ еще что-то <даетъ другой журналъ>.

Б.—<Прочитавъ>. Тутъ и ругательства есть, а смысла все-таки, не болѣе.

А.—Такъ ты, видно, стоишь за Литературную Газету. Давно ль ты сдѣлался аристократомъ?

Б.—Какъ аристократомъ? что такое аристократъ?

А.—Что такое аристократъ? О, да ты журналовъ не читаешь. Вотъ, видишь ли: издатель «Литературной Газеты», и сотрудники его, и читатели его—всѣ аристократы <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ>.

Б.—Воля твоя, я смысла никакого не вижу. Будучи самъ литераторомъ, я читаю «Литературную Газету», ибо мнѣ любопытно знать ея мнѣніе; мнѣ досадно видѣть въ ней иногда личности и колкости, отвѣты, возраженія, мѣлочную войну, которую не худо предоставить литературнымъ башкирцамъ; но никогда не видалъ я въ «Литературной Газетѣ» ни дворянской спѣси, ни гоненія на другія сословія. Дворяне ли баронъ Дельвигъ, князь Вяземскій, Пушкинъ, Баратынскій и пр.,—мнѣ до этого и дѣла нѣтъ. Они объ этомъ не толкуютъ. Заступясь за грамотное купечество въ лицѣ Г. Полеваго, они сдѣлали хорошо; заступясь нынѣ за просвѣщенное дворянство, они сдѣлали еще лучше.

А.—Это замѣчаніе могло повредить невиннымъ.

Б.—Что ты—шутишь или ты самъ невинный? Кто же сіи невинные?

А.—Какъ кто, издатели Сѣверной Пчелы.

Б.—Такъ успокойся же. Образъ мнѣній почтенныхъ издателей Сѣверной Пчелы слишкомъ хорошо извѣстенъ, и Литературная Газета повредить имъ не можетъ, а Г. Полевой въ ихъ компаніи, подъ ихъ покровительствомъ, можетъ быть безопасенъ.

А.—Что значитъ: avis au lecteur? Къ кому это относится?... Ты скажешь—къ журналистамъ, а я такъ думаю: не къ цензурѣ ли?

Б.—Да хоть бы и къ цензурѣ—что за бѣда? Ужъ если существуетъ у насъ цензура, то не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности. Позволяется и нужно нападать на пороки и слабости каждаго сословія, но смѣяться надъ сословіемъ потому только, что оно такое-то сословіе, а не другое—нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападаютъ? Вѣдь не на новое дворянство, получившее свое начало при Императорѣ Петрѣ I и [императрицахъ] и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую, могущественную аристократію. Pas si bête! Наши журналисты передъ этимъ дворянствомъ вѣжливы до крайности; они нападаютъ именно на старинное дворянство, кое нынѣ, по причинѣ раздробленныхъ имѣній, составляетъ у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго; состоянія, коему принадлежитъ и большая часть нашихъ литераторовъ. Издѣваться надъ нимъ (и еще въ офиціальной газетѣ) нехорошо и даже неблагоразумно. (Положимъ, что эпиграммы демократическихъ французскихъ писателей пріуготовили крики: les aristocrates à la lanterne. У насъ таковыя же эпиграммы, хоть и неотличаются остроуміемъ, могутъ имѣть послѣдствія еще пагубнѣйшія...) Подумай о томъ, что значитъ у насъ сіе дворянство вообще и въ какомъ отношеніи находится оно къ народу...

А.—Кажется, ты правъ. Но почему же нѣкоторые журналы вступились съ такою братскою... и рѣзкостію за Сѣверную Пчелу?

Б.—Потому, что свой своему поневолѣ братъ.

А.—Отчего же замѣчаніе газеты показалось сначала столь предосудительнымъ даже людямъ самымъ благомыслящимъ и благороднымъ?

Б.—Потому, что политическіе вопросы никогда *не бывали* у насъ разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступивъ на одинъ изъ таковыхъ вопросовъ, сами испугались движенія, ими произведеннаго. Нѣтъ пренія безъ двухъ противныхъ сторонъ; ты политикой занимаешься и это тебѣ понятно, не правда ли?—Демократическіе наши журналы, напавъ на дворянство...

А.—Опять демократическіе журналы? Какой ты неблагонамѣренный!

Б.—Какъ же ты прикажешь назвать журналы, объявившіе себя противу аристократіи? Въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, все-таки они демократическіе журналы. Итакъ эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпоръ и нашли его въ Газетѣ Литературной. Все это естественно, даже утѣшительно, но, повторяю, вопросы политическіе для насъ еще новость...

А.—Знаешь ли что? Мнѣ хочется разговоръ нашъ передать издателю «Литературной Газеты», чтобъ онъ напечиталъ его себѣ въ оправданіе.

Б.—И хорошо сдѣлаешь. Есть обвиненія, которыя не должны быть оставлены безъ вниманія, отъ кого бы они, впрочемъ, не происходили.

---

905. [ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ].

[I].

А. Читали вы въ послѣднемъ № Г[азеты] критику NN.?

В. Нѣтъ, я не читаю руской критики.

А. Напрасно. Ничто иное не дастъ вамъ лучшаго понятія о состояніи нашей литературы.

В. Какъ? неужели вы полагаете, что журнальная критика (есть) окончательный судъ произведеніямъ нашей словесности—

А. Нимало. (У насъ никогда критика не имѣетъ почти никакого вліянія на судьбу какого-нибудь произведенія). По она даетъ понятіе объ отношеніяхъ писателей между собою, о большей или меньшей ихъ извѣстности, наконецъ о мнѣніяхъ, господствующихъ въ публикѣ.

В. Мнѣ не нужно читать (В. Е.), чтобы знать, что находится.... въ модѣ и что романтической поэзіи у насъ никто не понимаетъ. Что же касается до отношеній г-на

Рапча къ Г-ну Полевому, г. К[ачеповскаго] къ г. Б[улгарину],—то это для меня вовсе не любопытно....

А. Однако жъ, (иногда) очень забавно.

В. Вамъ нравятся кулачные бойцы?

А. Почему же нѣтъ? Державинъ ихъ воспѣлъ. Наши бояре ими тѣшились. Мнѣ столь же нравится кн[язь] В[яземскій] въ схваткѣ съ какимъ-нибудь (заношивымъ) журнальнымъ буяномъ, какъ [графъ] Орловъ въ бою съ ямщикомъ. Это черты народности.

В. Вы упомянули о К[нязѣ] В[яземскомъ]; признайтесь, что изъ высшей литературы онъ одинъ пускается въ полемику.

А. Позвольте: что вы называете высшей литературой?...

[II].

— Тѣмъ хуже для литературы... Если бы всѣ писатели, заслуживающіе уваженіе, довѣренность публики, взяли на себя трудъ управлять общимъ мнѣніемъ, то вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ, чѣмъ она есть. Не любопытно ли было бы, напримѣръ, читать мнѣнія Гнѣдича или К[атенина] объ нынѣшней элегической поэзіи? Не пріятно ли было бы видѣть Пушкина, разбирающаго трагедію Хомякова? Эти господа въ связи между собою и, вѣроятно, другъ другу передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ. Зачѣмъ не сдѣлать и насъ участниками въ ихъ критическихъ бесѣдахъ?

— Публика довольно равнодушна къ успѣхамъ словесности,—истинная критика для нея не занимательна, она изрѣдка смотритъ на драку двухъ журналистовъ, мимоходомъ слушаетъ монологъ раздраженнаго автора или пожимаетъ плечами.

— Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца, аплодирую тому, кто сбилъ своего противника. Если бъ я былъ авторъ, то почелъ бы за малодушіе не отвѣчать на нападеніе, какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать въ тебя грязью? Посмотрите на Англійскаго лорда: онъ готовъ отвѣчать на учтивый вызовъ gentelman и стрѣляться на кухенрейтерскихъ пистолетахъ или снять съ себя фракъ и box'овать на перекресткѣ съ извощикомъ. Это настоящая смѣлость. Но мы и въ литературѣ и въ общественномъ быту слишкомъ чопорны, слишкомъ дамоподобны.

— Критика не имѣетъ у насъ никакой самостоятельности; вѣроятно, и писатели вашего круга не читаютъ рускихъ журналовъ и не знаютъ, хвалятъ ли ихъ или бранятъ.

— Извините, Пушкинъ читаетъ всѣ №№ Вѣстника **[Европы], гдѣ его ругаютъ, что значитъ, по его энергическому выраженію,—*подслушивать у дверей, что говорятъ о немъ въ прихожей.*

— Куда какъ любопытно!

— Любопытство по крайней мѣрѣ очень понятное. Пушкинъ и отвѣчаетъ эпиграммами.

— Но сатира не критика, эпиграмма не опроверженіе. Я хлопочу о пользѣ словесности, не только о вашемъ удовольствіи...

РУССКАЯ ШАРЛОТТА КАРДЭ.

(Неизвѣстный замыслъ Пушкина).

I.

Со временъ Писарева за Пушкинымъ установилась репутація пѣвца дамскихъ «ножекъ».

Отчасти это, конечно, совершенно вѣрно. И въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ.

Въ переносномъ смыслѣ сердечныхъ увлеченій дамскія ножки сыграли огромную роль въ жизни, и въ творчествѣ Пушкина. Такъ называемый «Донъ-Жуанскій списокъ» (см. выше, стр. 88), относящійся къ 1827 году, заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ 34 имени. А сколько ихъ прибавилось потомъ! Своего рода mille e tre Моцартовскаго «Донъ-Жуана».

Въ буквальномъ смыслѣ «ножки» тоже очень занимали Пушкина. Съ увлеченіемъ зарисовывалъ онъ ихъ на поляхъ своихъ брульоновъ. Тутъ и ножка танцовщицы, и ножка въ домашнемъ башмачкѣ, и ножка, опирающаяся на стремя и т. д., и т. д. Нѣкоторыя изъ Пушкинскихъ ножекъ я извлекъ изъ Пушкинскихъ черновиковъ и далъ въ III т. настоящаго изданія (стр. 247). Но это только незначительная часть,—ножекъ прямо десятки въ разныхъ другихъ тетрадяхъ поэта. А сколько разъ о ножкахъ говорится въ произведеніяхъ Пушкина и счесть нельзя. Заслуженный пушкинистъ—проф. Н. Ѳ. Сумцовъ даже особый этюдъ написалъ: «Женская ножка въ произведеніяхъ Пушкина».

И все таки, въ общемъ, нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго, какъ сводить отношеніе Пушкина къ женщинѣ на одну чувственность. Мнѣ кажется совершенно непріемлемымъ утвержденіе уважаемаго проф. Сумцова, что «любовь, у Пушкина имѣетъ чувственный характеръ, болѣе чувственный, чѣмъ любовь, напр., у Лермонтова или Тургенева».

Это утвержденіе абсолютно непріемлемо.

Я, конечно, не буду говорить о лицейскомъ періодѣ, когда подъ вліяніемъ французскихъ эротиковъ женщина рисовалась Пушкину только въ образѣ нимфы или вакханки. Не буду я также осложнять вопроса указаніями на темпераментъ Пушкина. Конечно, уже въ лицейскомъ періодѣ достаточно можно найти яркихъ проявленій африканскаго происхожденія поэта. Не фраза автобіографическое сообщеніе о томъ, что некрасивый, самъ себя сравнивавшій съ обезьяной, Пушкинъ нравился инымъ женщинамъ «безстыднымъ бѣшенствомъ желаній». Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что въ значительной степени всѣ эти мечты о «Дели драгой», о «юной Хлоѣ», о разныхъ Лилахъ, Доридахъ, Темирахъ, Клименахъ и прочихъ носятъ чисто-книжный характеръ. Такъ же, какъ Пушкинъ преувеличивалъ «пиры» лицейскихъ «студентовъ», которые сводились къ довольно-скромнымъ попойкамъ, такъ онъ преувеличивалъ свое «служеніе» Венерѣ. Даже количественно лицейскихъ стихотвореній на темы литературныя и политическія несравненно больше, чѣмъ стихотвореній любовныхъ и вакхическихъ.

Въ общемъ, вся вакхически-анакреонтическая лицейская эротика не что иное, какъ «литература». Когда пришло настоящее чувство—къ Бакуниной,—оно выражалось въ формѣ элегической по преимуществу.

Кончилась лицейская пора, пора почти исключительно подражательная. Начинается пора творчества самостоятельнаго. Пушкинъ становится Пушкинымъ.

И вмѣстѣ съ первыми-же орлиными взлетами Пушкинскаго творчества женщина становится для поэта воплощеніемъ всего, что есть лучшаго въ человѣческой натурѣ. Воплощеніемъ искренности, самопожертвованія и, главное, неумолимаго сознанія долга.

Принято думать, что на чрезвычайно высокій пьедесталъ впервые возвелъ русскую женщину Тургеневъ. Это совершенно невѣрно. Первый писатель, положившій начало апоѳеозу русской женщины, былъ Пушкинъ. Женщины Пушкина почти сплошь героини.

Уже въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» женщина, черкешенка—олицетвореніе самаго высокаго самопожертвованія, а мужчина—эгоистъ. Въ «Цыганахъ», съ ихъ анархическими тенденціями, женщина мужественно умираетъ во имя своей любви. Въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» на недосягаемый пьедесталъ поставлена ангелоподобная Марія и чрезвычайно цѣленъ образъ Заремы. Всѣ средства своего таланта направилъ

Пушкинъ на то, чтобы расположить читателя къ участи несчастной Маріи Кочубей. Любовь ея къ Мазепѣ самаго возвышеннаго характера, потому что въ ней нѣтъ ничего чувственнаго. Ея воображеніе поражено исключительно тѣмъ, что она, по роковому заблужденію, въ старикѣ-гетманѣ усмотрѣла черты героическія. Обаятельна въ своей удивительной простотѣ, чуждая тѣни какой-бы то ни было рисовки Маша Миронова, капитанская дочка. Она вся олицетвореніе преданности. Когда ей такъ блистательно удалось спасеніе Гринева, она даже не полюбопытствовала посмотрѣть Петербургъ и тотчасъ уѣхала. Въ любовной лирикѣ Пушкина, въ подавляющемъ количествѣ случаевъ, женщина для него вовсе не предметъ вожделѣнія, а «ангелъ чистой красоты». Будущая жена рисовалась ему въ образѣ Мадонны.

Но, конечно, во главѣ всѣхъ женскихъ образовъ Пушкина (я говорю пока о портретахъ законченныхъ) слѣдуетъ поставить Татьяну. Это настоящій апоѳеозъ русской женщины, потому что передъ нами высокое воплощеніе идеи долга. Не будемъ вдаваться въ анализъ того, что она считаетъ своимъ долгомъ. Каждаго человѣка надо судить по *его* понятіямъ. Не очень хитро упрекнуть Татьяну въ непослѣдовательности. Въ своемъ знаменитомъ отвѣтѣ Онѣгину она ооворитъ:

Но я другому *отдана*,
Я буду вѣкъ ему вѣрна.

Разъ *отдана*, т. е. приневолена, почему эта насильственность священна? Но тутъ уже дѣло пониманія. Не возвышаясь надъ міросозерцаніемъ своей среды, Татьяна считаетъ обрядъ святымъ, и мы обязаны относиться съ уваженіемъ къ ея святынѣ. А затѣмъ мы должны къ поведенію «милой Тани» отнестись съ двойнымъ уваженіемъ, потому что въ свѣтской средѣ, гдѣ она вращалась, къ невѣрности старому мужу относились болѣе чѣмъ снисходительно. Поэтому-то вѣрность Татьяны данному обѣту есть прямое геройство.

Я васъ люблю, къ чему лукавить.

говоритъ Татьяна-княгиня съ тою-же прямотою, съ какою первая объяснилась Онѣгину въ любви, когда еще была скромною деревенскою барышнею. Сердце ея истекаетъ кровью, но долгъ для нея выше всего.

По психологической закваскѣ Татьяна, конечно, родная сестра женъ декабристовъ. И столь-же несомнѣнно, что отъ нея, по прямой линіи, пошли всѣ позднѣйшія героическія русскія женщины, которыя такъ не похожи на нее по міросозерцанію, но такъ родственны по глубокому проникновенію чувствомъ долга. Татьяна видѣла свой долгъ въ вѣрности старому генералу, а позднѣйшія русскія героини усмотрятъ свой долгъ въ служеніи народу и тоже всѣмъ для этого пожертвуютъ. Цѣли разныя, но психологія—цѣльность, чистота и честность натуры одна и та же.

Въ художественномъ отношеніи менѣе удалась Марья Кирилловна Троекурова изъ «Дубровскаго». Пушкинъ мало развилъ ея характеръ, не далъ читателю достаточно деталей, чтобы составить себѣ опредѣленное представленіе о ней. Поэтому рѣшеніе ея принести столь безмѣрную жертву—бросить отца, высокое общественное положеніе, богатство и обречь себя на то, чтобы быть спутницей преслѣдуемаго по пятамъ разбойника, очень удивляетъ своею неожиданностью. Марья Кирилловна слишкомъ безцвѣтна и безкровна для такого яркаго самопожертвованія. Но насъ сейчасъ занимаетъ только отношеніе Пушкина къ женщинѣ, и съ этой точки зрѣнія Марья Кирилловна одинъ изъ самыхъ интересныхъ женскихъ образовъ Пушкина. Съ одной стороны она примыкаетъ къ длинному ряду пушкинскихъ героинь—черкешенкѣ, Земфирѣ, Заремѣ, Маріи Кочубей, Машѣ Мироновой, которыя, разъ полюбя, не знаютъ такихъ жертвъ, которыя онѣ бы не принесли во имя этой любви. А съ другой стороны истинно-героическая въ своей беззавѣтной готовности самопожертвованія Марья Кирилловна, подобно Татьянѣ, преисполнена такою-же непоколебимой преданностью тому, что она считаетъ своимъ долгомъ.

Да, она пойдетъ за Дубровскимъ на позоръ и муки. Но все это до тѣхъ поръ, пока ненавистный князь Верейскій не имѣетъ на нее «правъ». До послѣдней минуты ждетъ она избавителя-Дубровскаго. Еще въ церкви она ищетъ его глазами и надѣется. Но Дубровскій не явился, роковыя слова, связывающія ее, произнесены и она навѣки считаетъ себя женою ненавистнаго князя. Вслѣдъ затѣмъ для нея наступаетъ минута фактическаго освобожденія. Но уже поздно—она своего законнаго мужа не оставитъ сама.

II.

Въ ряду прекрасныхъ женскихъ образовъ, нарисованныхъ Пушкинымъ, есть одинъ, совершенно не пользующійся извѣстностью, а между тѣмъ, достойный самаго пристальнаго вниманія.

Я говорю о княжнѣ Полинѣ изъ незаконченной повѣсти «Рославлевъ». Замѣчу также кстати, что вообще въ неоконченныхъ повѣстяхъ Пушкина есть нѣсколько интересныхъ женскихъ портретовъ, правда еле намѣченныхъ, но общія контуры которыхъ уже опредѣлились совершенно ясно. И всѣ эти героини набросковъ въ родѣ «Маріи Шонингъ», «Въ Коломнѣ, на углу маленькой площади», Гости съѣзжались на дачу» и др. носятъ на себѣ общія черты Пушкинскихъ женщинъ. Все это натуры благородныя, самоотверженныя, всѣмъ готовыя пожертвовать для блага тѣхъ, кому онѣ подарили свое сердце. И какъ-бы для оттѣненія ихъ душевной красоты выведенные рядомъ съ ними мужчины—пустые, мелко-суетные и подчасъ черствые, жестокіе самолюбцы и корыстолюбцы.

Уже въ томъ видѣ, въ которомъ образъ княжны Полины до сихъ поръ былъ извѣстенъ, онъ чрезвычайно ярокъ.

Но при изученіи рукописи «Рославлева» мнѣ посчастливилось найти еще одну черту Полины такой силы, которая уже прямо отводитъ Полинѣ мѣсто въ ряду самыхъ замѣчательныхъ женскихъ образовъ всей русской литературы.

Выше я сказалъ, что по психологической закваскѣ Татьяна натура вполнѣ родственная позднѣйшимъ героическимъ русскимъ женщинамъ, съ которыми ее такъ тѣсно сближаетъ непреклонное исполненіе долга. Но княжна Полина уже непосредственная родоначальница всѣхъ героинь русской общественности.

Полина прежде всего не желаетъ довольствоваться тою ролью, которая обычно отводится женщинѣ. Патріотическое возбужденіе 1812 года захватываетъ ее съ такою силою, что это шокируетъ окружающую ее обыденщину, которая при всѣхъ обстоятельствахъ требуетъ умѣренности и аккуратности. «Помилуй», говоритъ ей подруга, «охота тебѣ вмѣшиваться не въ наше дѣло. Пусть мужчины себѣ дерутся и кричатъ о политикѣ; женщины на войну не ходятъ и имъ дѣла нѣтъ до Бонапарта». Полина отвѣчаетъ ей съ негодованіемъ величайшимъ:

«Глаза ея засверкали. «Стыдись», сказала она, «развѣ женщины не имѣютъ отечества? развѣ нѣтъ у нихъ отцовъ, братьевъ, мужьевъ? развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное или даже на сердце хоть одного человѣка. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ. Посмотри на M-me de Staël. Наполеонъ боролся съ нею, какъ съ непріятельскою силою. А Шарлотъ Кордэ? А наша Марѳа Посадница? А княгиня Дашкова?»

Уже одинъ этотъ монологъ выдвигаетъ фигуру Полины и ярко показываетъ, въ какой мѣрѣ невѣрно представленіе о Пушкинѣ, какъ о писателѣ, который смотрѣлъ на женщину только подъ угломъ зрѣнія чувственности. Но еще гораздо интереснѣе, что Пушкинъ не только надѣляетъ Полину глубиною и серьезностью характера, но ставитъ ее и нравственно, и умственно *выше* всей окружающей ее среды.

И дѣлаетъ это Пушкинъ чрезвычайно сознательно и не усматривая въ Полинѣ единичное исключеніе. Устами разсказчицы происшествій, описанныхъ въ «Рославлевѣ», Пушкинъ прямо заявляетъ: «нѣтъ сомнѣнія, что русскія женщины лучше образованы, болѣе читаютъ, болѣе мыслятъ, нежели мужчины, занятые Богъ знаетъ чѣмъ».

Превосходство Полины рельефно сказалось на обѣдѣ, данномъ дядею ея въ честь пріѣхавшей въ Москву m-me де-Сталь. Московскіе «умники» только «изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожествѣ своихъ мыслей и оробѣвшіе при европейской знаменитости». Оробѣли и больше ничего. Но Полина, патріотка въ лучшемъ смыслѣ слова, глубоко страдала при видѣ ничтожества своихъ соотечественниковъ. «Во все время обѣда она сидѣла, какъ на иголкахъ. Вниманіе гостей раздѣлено было между осетромъ и M-me de Staël. Ждали отъ нея поминутно bonmot; наконецъ, вырвалось у ней двусмысліе, и даже довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, поднялся шопотъ удивленія; князь былъ внѣ себя отъ радости. Я взглянула на Полину. Лице ея пылало и слезы показались на ея глазахъ. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ M-me de Staël: она сказала каламбуръ, который они поскакали развозить по городу. «Что съ тобою сдѣ-

лалось, ma chère?»—спросила я Полину—«неужели шутка, немножко вольная, могла до такой степени тебя смутить?»—«Ахъ, милая,—отвѣчала Полина,—я въ отчаяніи! Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окруженной людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчательнаго слова въ теченіи цѣлыхъ трехъ часовъ! Тупыя лица, тупая важность и только! Какъ ей было скучно! Какъ она казалась утомленною! Она увидѣла, чего имъ было надобно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились! Я сгорѣла со стыда и готова была заплакать... Но пускай,—съ жаромъ продолжала Полина,—пускай она выведетъ объ нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго они достойны. По крайней мѣрѣ, она видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его».

Вы видите, что Полина прямо головою выше той «свѣтской черни», среди которой ей приходится прозябать. Какая тонкость чувствованія, какой анализъ, какое смѣлое и оригинальное мышленіе у этого Чацкаго въ юбкѣ.

Особенно характеризуетъ Полину смѣлость мысли и полное нежеланіе идти попроторенымъ дорожкамъ. Никогда Полина не поступаетъ по шаблону, всегда имѣетъ она свое собственное сужденіе и прямо ненавидитъ стадность.

Ужъ на что она пламенная патріотка, но посмотрите, что съ нею дѣлается, когда пошелъ патріотизмъ стадный, когда «гостиныя наполнились патріотами», которые «высыпали изъ табакерки французскій табакъ и стали нюхать русскій», да «отказались отъ лафита и принялись за кислыя щи», и когда, наконецъ, «всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни».

Полину претило отъ всей этой дешевки. Она «не могла скрыть свое презрѣніе, какъ прежде не скрывала своего негодованія. Такая проворная перемѣна и трусость выводили ее изъ терпѣнія. На бульварѣ, на Прѣсненскихъ прудахъ, она нарочно говорила по-французски; за столомъ въ присутствіи слугъ, нарочно оспаривала патріотическое хвастовство, нарочно говорила о многочисленности Наполеоновыхъ войскъ, о его военномъ геніи. Присутствующіе блѣднѣли, опасаясь доноса и спѣшили укорить ее въ приверженности ко врагу отечества. Полина презрительно улыбалась. «Дай Богъ,—говорила она,—чтобы всѣ русскіе такъ любили свое отечество, какъ я его люблю».

И это была глубокая правда. Полина любила свою родину любовью безграничною. Она готовилась, какъ показываетъ новая подробность, о которой сейчасъ будетъ рѣчь, принести ей жертву неслыханную, совершить дѣло, за которое поплатилась-бы жизнью.

III.

Въ ряду чертъ, характеризующихъ высокій патріотизмъ Полины, въ печатавшемся до сихъ поръ текстѣ «Рославлева», есть одна, которая очень мало вяжется съ ея замѣчательно-тонкой душевной организаціей и съ ея лишеннымъ всякой банальности образомъ.

Когда Наполеонъ сталъ направляться къ Москвѣ, Полина съ родными уѣхала въ деревню. Здѣсь она лихорадочно съ отчаяніемъ глубочайшимъ слѣдила за ходомъ военныхъ событій т. е. за поступательнымъ движеніемъ Наполеона, которое ей, какъ и всѣмъ, казалось не губительнымъ для французовъ, а побѣдоноснымъ. «Цѣлые часы проводила она, облокотясь на карту Россіи, разсчитывая версты, слѣдуя за быстрыми движеніями войскъ. Странныя мысли приходили ей въ голову». И вотъ она однажды объявила подругѣ *«о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни, явиться въ лагерь»*.

Такъ печаталось до сихъ поръ подчеркнутое мѣсто.

Уйти въ лагерь! Такъ-ли это «странно», и нужно-ли для этого быть такою аристократкою духа, какъ Полина?

Отправься Полина, дѣйствительно, въ лагерь—передъ нами было-бы только 2-ое, а потому весьма дешевое изданіе «Дѣвицы-Кавалериста». И такъ какъ достаточно извѣстно что въ основѣ «подвига» Дуровой лежала просто амурная исторія, такъ какъ мы достаточно наслышаны о разныхъ другихъ амазонкахъ, уходившихъ «въ лагерь» богъ вѣсть для чего, то, намѣреніе Полины «явиться въ лагерь»

нарушаетъ цѣльность ея образа и эстетически оскорбителенъ. Можно представить себѣ Полину въ роли новой Жанны д'Аркъ, можно, чтобы держаться меньшихъ размѣровъ, понять такую напр. комбинацію: охваченная патріотическимъ порывомъ, Полина, скажемъ при вступленіи французовъ въ ея деревню, организуетъ сопротивленіе, воодушевляетъ крестьянъ что-ли и въ стычкѣ или погибаетъ, или побѣдоносно пробивается. Это было-бы и экстраординарно, и красиво. Но просто «уйти въ лагерь», значитъ рядовымъ солдатомъ, убирать лошадь, спать съ остальными солдатами въ казармахъ или общихъ палаткахъ— вяжется-ли это съ представленіемъ объ изящной Полинѣ, сильной, конечно, не тѣломъ, а духомъ? Что прибавится родинѣ отъ одного, очень плохого солдата и зачѣмъ, слѣдовательно, вся эта безцѣльная, ненужная и, прямо можно сказать, нелѣпая затѣя?

Въ дѣйствительности, однако, вовсе не Пушкинъ повиненъ въ умаленіи образа Полины. Мы имѣемъ тутъ дѣло съ варварскимъ искаженіемъ текста, которое и выяснилось, когда я, подготовляя настоящій томъ, сверилъ «Рославлева» съ Пушкинской рукописью (Румянц. музей № 2382). «Рославлевъ» состоитъ изъ 3 отрывковъ. Только первые 2 напечатаны самимъ Пушкинымъ. Третій, въ которомъ говорится о намѣреніи Полины уйти въ лагерь, появился лишь въ «Матеріалахъ» Анненкова 1855 г. Этотъ текстъ переходилъ безъ основательной повѣрки изъ изданія въ изданіе. Анненковъ-же, очевидно, вынужденъ былъ цензурою такъ варварски исказить текстъ и лишить образъ Полины *самой характерной ея черты*.

Въ подлинномъ Пушкинскомъ текстѣ Полина *не въ русскій лагерь* вздумала отправиться, въ подлинномъ текстѣ она вотъ что собиралась сдѣлать (подчеркиваю исчезнувшее изъ существующихъ изданій):

«Однажды Полина мнѣ объявила о своемъ намѣреніи уйти изъ деревни, явиться *въ французскій лагерь, добраться до Наполеона и тамъ убить его изъ своихъ рукъ*».

Маленькая разница.

IV.

Подъ какую рубрику подвести Полину?

Если разсуждать формально, то самое естественное и непосредственное, это, конечно, назвать Полину первой русской террористкой: вѣдь она готовилась совершить политическое убійство.

Такая прямолинейность была бы, однако, натяжкою.

Подъ террористовъ мы обыкновенно понимаемъ человѣка крайнихъ убѣжденій, исповѣдуемыхъ сравнительно небольшимъ кружкомъ лицъ. Полина же собираясь убить Наполеона, являлась выразительницею чувства всенароднаго. Она не революціонерка, она ополчается не вообще in tyrannos, она собирается убить врага родины не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ слова. Наконецъ, она нападаетъ не на принципъ и собирается убивать Наполеона только какъ личность; она необыкновенно высоко ставитъ и уважаетъ его геній и восторженно преклонилась бы предъ нимъ, если бы этотъ геній не былъ направленъ противъ Россіи.

Есть нѣкоторыя основанія назвать Полину русскою Юдиѳью. Потому, во-первыхъ, что тутъ на лицо одинъ изъ основныхъ элементовъ подвига Юдиѳи: убійство главы иноплеменнаго нашествія. А за тѣмъ, какъ разъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, когда писался «Рославлевъ», творческое воображеніе Пушкина было заинтересовано образомъ Юдиѳи («Когда владыко ассирійскій»), и созданіе Полины, несомнѣнно, было однимъ изъ проявленій этого художественнаго интереса Пушкина къ женщинамъ-патріоткамъ.

Впрочемъ, самъ Пушкинъ не преминулъ дать опредѣленіе Полины. Въ печатавшемся до сихъ поръ текстѣ «Рославлевѣ» этого опредѣленія тоже нѣтъ: Анненковъ долженъ былъ выбросить его, чтобы не осталось и слѣда отъ того мѣста, гдѣ говорится о замыслѣ Полины убить Наполеона. Но въ подлинномъ текстѣ говорится вотъ что (подчеркиваю пропущенное прежними изданіями):

«Мнѣ не трудно было убѣдить (Полину) въ безумствѣ такого предпріятія. *Но мысль о Шарлотѣ Корде долго ее не оставляла*».

И такъ, Пушкинъ хотѣлъ изобразить русскую Шарлотту Кордэ.

Мы, конечно, должны преклониться предъ авторскою волею и зарегистрировать, какъ фактъ, этотъ неизвѣстный до сихъ поръ замыслъ Пушкина. Въ такомъ авторскомъ пониманіи Полина сильно приближается къ представленію о террористкѣ. Шарлотта Кордэ была носительницей опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ.

Но обязанные принять, какъ неоспори-

мый фактъ, *желаніе* автора создать образъ патріотки-террористки, мы, все-таки, не лишаемся права судить и сами эту новую Шарлотту Кордэ по ея дѣйствительнымъ поступкамъ.

И думается мнѣ, что настоящее опредѣленіе Полины иное. Полина не террористка, не Юдиѳь и не Шарлотта Кордэ уже по одному тому, что она своего намѣренія не привела въ исполненіе. Подругѣ «*не трудно* было убѣдить (Полину) въ *безумствѣ* такого предпріятія». Настоящую Шарлотту Кордэ никто не убѣдилъ.

Предъ нами, слѣдовательно, лишь *настроеніе*.

Но какъ настроеніе, замыслъ Полины несомнѣнно чрезвычайно знаменателенъ. Онъ показываетъ, какой остроты достигло въ ней напряженіе гражданскаго чувства. И мнѣ представляется, что дѣйствительно точной будетъ вотъ какая формулировка: Полина—эта прямая родоначальница позднѣйшихъ героинь русской общественности всѣмъ своимъ существомъ говоритъ намъ, что, по мнѣнію Пушкина, и женщина должна принять участіе въ устроеніи судебъ родины. А та новая, необыкновенно яркая деталь ея настроеній, о которой сейчасъ шла рѣчь, говоритъ о томъ, что это участіе должно выразиться въ самой рѣшительной формѣ.

Удивительно многограненъ геній Пушкина. Сколько разнообразнѣйшихъ характеровъ, положеній и ощущеній съумѣлъ воплотить, точно самъ переживалъ все это, великій поэтъ-эхо. Пушкинъ-художникъ все понялъ, все объяснилъ, все оправдалъ. Даже скупость оправдалъ и возвелъ на своего рода идейную высоту, потому что усмотрѣлъ въ ней увлеченіе, страсть, артистизмъ. Что же удивительнаго, что оцѣнилъ онъ и порывъ Полины избавить родину отъ грозящей ей гибели во чтобы то ни стало, не взирая на средства, къ которымъ придется прибѣгнуть. Не можетъ быть тутъ и рѣчи о сочувствіи Пушкина избранному Полиной пути. Въ молодости онъ сознательно воспѣлъ кинжалъ Занда, но въ 1830 году Пушкинъ былъ въ апогеѣ «консерватизма», если только можно примѣнять такого рода menschlich, also menschliche опредѣленія къ такимъ безграничнымъ явленіямъ духа, какъ творчество Пушкина.

Однако, художникъ пересиливалъ и въ Пушкинѣ начала 30-хъ годовъ политика, и вотъ онъ понимаетъ Шарлотту Кордэ, понимаетъ Юдиѳь, окружаетъ ореоломъ разбойника Дубровскаго. Тѣмъ же чутьемъ художника понялъ Пушкинъ, обдумывая «Рославлева», что красота всякаго подвига не въ содержаніи его, а въ силѣ порыва. Порывъ Полины глубокъ и доблестенъ въ своей готовности погибнуть за родину, и этого достаточно, чтобы самопожертвованіе ея было полно обаянія.

Такъ впослѣдствіи цензоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ истинный художникъ Полонскій пригрѣлъ въ сердцѣ своемъ образъ изнывающей въ тюрьмѣ пропагандистки. Такъ мирнѣйшій постепеновецъ Тургеневъ создалъ въ «Порогѣ» настоящій апоѳеозъ дѣвушки, въ своемъ стремленіи служить родинѣ «и на преступленіе готовой». По психологическому, такъ сказать, рисунку героиня тургеневскаго «Порога» родная внучка пушкинской Полины.

С. Венгеровъ.

Примѣчанія

КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ 1826 года.

478. ПРОРОКЪ.

(т. II, стр. 404).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Когда Пушкина не стало, М. П. Погодинъ спрашивалъ князя П. А. Вяземскаго, цѣлы ли бумаги поэта, и сохранился ли въ нихъ «Пророкъ» (Сочин. II, изд. «Просвѣщенія», II, 500). Что отвѣтилъ Вяземскій, тоже неизвѣстно. Впервые появился «Пророкъ» въ «Московскомъ Вѣстникѣ», т. VII, 1828 г., № 3, стр. 269; затѣмъ—въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», ч. II, изд. 1829 г., стр. 73—74, гдѣ самъ авторъ датировалъ его 1826 годомъ. Въ настоящемъ изданіи пьеса воспроизведена по сборнику 1829 г. П. А. Ефремовъ говорилъ (изд. 1880 г., II, 415; 1882 г., II, 398), что стихотвореніе написано передъ самымъ отъѣздомъ въ Москву, но датировать его точнѣе чѣмъ годомъ нѣтъ основаній; въ сборникѣ 1829 г. имъ открываются пьесы 1826 г., далѣе слѣдуютъ—«Зимняя дорога», «Отвѣтъ Ѳ. Т***».

Существуетъ связанное съ «Пророкомъ» и первой встрѣчей поэта и царя Николая Павловича любопытное преданіе, сообщенное впервые въ редактированномъ П. А. Ефремовымъ очеркѣ «А. С. Пушкинъ» («Русс. Стар.» 1880 г., январь, 133). «Въ кругу знакомыхъ Пушкина, увѣрявшихъ, будто бы они слышали о томъ отъ самого Александра Сергѣевича, сохранился разсказъ о какихъ-то очень подозрительныхъ стихахъ, потерянныхъ на лѣстницѣ Кремлевскаго дворца. Дѣло въ томъ, что государь выразилъ (будто бы) желаніе узнать, нѣтъ ли при Пушкинѣ какого-нибудь новаго стихотворенія. Пушкинъ вынулъ изъ кармана бумаги, захваченныя имъ второпяхъ при отъѣздѣ изъ Михайловскаго, но не нашелъ между ними никакого стихотворенія. Выходя изъ дворца и спускаясь по лѣстницѣ, Пушкинъ замѣтилъ на ступенькахъ лоскутъ бумажки, поднялъ и узналъ въ немъ свои стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь... Эту бумажку онъ выронилъ, вынимая изъ кармана платокъ. Возвратясь въ гостиницу (?), онъ тотчасъ же сжегъ это стихотвореніе». Не вдаваясь въ оцѣнку достовѣрности факта, скажемъ только, что во всякомъ случаѣ стихотвореніемъ, о которомъ говорится здѣсь, не могло быть посланіе въ Сибирь, написанное позднѣе. «Этотъ разсказъ»,—читаемъ далѣе»,—«ходившій тогда въ кружкѣ знакомыхъ Пушкина, повторялъ впослѣдствіи и близкій пріятель Пушкина С. А. Соболевскій, но повторялъ съ нѣкоторыми только варіантами. По его словамъ, потеря листка съ стихами сдѣлана; листокъ отыскался не во дворцѣ, а въ собственной квартирѣ Соболевскаго, куда Пушкинъ пріѣхалъ изъ дворца; самый листокъ заключалъ «Пророка» съ первоначальнымъ, впослѣдствіи измѣненнымъ текстомъ послѣдней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди—и съ вервіемъ на выи и пр.»...

Авторъ статьи, гдѣ сообщено это преданіе, причислилъ его къ числу разсказовъ «сомнительной правдивости», что вызвало вскорѣ весьма интересное возраженіе А. П. Пятковскаго («Русс. Стар.» 1880 г., мартъ, 673—675): «я не понимаю, почему разсказъ объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ, повторяемый безъ особеннаго разнорѣчія людьми несомнѣнно близкими къ Пушкину (какъ, напримѣръ, Соболевскимъ), можетъ заслужить себѣ аттестацію «сомнительной правдивости»: — развѣ только потому, что онъ позже другихъ разсказовъ попалъ въ печать, и что самъ Пушкинъ не упоминаетъ объ интересующемъ насъ обстоятельствѣ?... Но это обстоятельство имѣетъ настолько щекотливый характеръ, что разглашать его было вовсе неудобно какъ самому Пушкину, такъ и друзьямъ его, тѣмъ болѣе, что въ это же время весьма бдительномъ аргусомъ возлѣ великаго поэта сталъ шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ... Думаю, что ничѣмъ инымъ, кромѣ вынужденной скромности, нельзя объяснить и молчаніе Соболевскаго, который только «впослѣдствіи», т. е. по смерти Пушкина, разсказывалъ объ этомъ, да и то въ тѣсномъ кругу. Что Соболевскій не выдумалъ этого факта,—я могу лично подтвердить тѣмъ, что подобный же разсказъ я слышалъ отъ А. В. Веневитинова (родного брата поэта Д. В. Веневитинова), который до преклонныхъ лѣтъ отличался замѣчательной памятью и въ особенности твердо помнилъ все то, что относилось къ порѣ его молодости. А. В. Веневитиновъ разсказывалъ мнѣ, что Пушкинъ, выѣзжая изъ деревни съ фельдъегеремъ, положилъ себѣ въ карманъ стихотвореніе «Пророкъ», которое въ первоначальномъ видѣ оканчивалось слѣдующей строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
Къ царю . . . . . явись!

(Послѣдніе два стиха составляютъ измѣненіе и дополненіе приведеннаго въ «Русской Старинѣ» варіанта). Являясь въ Кремлевскій дворецъ, Пушкинъ имѣлъ твердую рѣшимость, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ государемъ, вручить Николаю Павловичу на прощанье это стихотвореніе. Счастливая судьба сберегла для Россіи пѣвца «Евгенія Онѣгина», и благосклонный пріемъ государя заставилъ Пушкина позабыть о своемъ прежнемъ намѣреніи. Поэтическое оружіе.

захваченное имъ для самозащиты, такъ и осталось въ его карманѣ... Считаю нужнымъ прибавить, въ видѣ ручательства за правдивость этого разсказа, что А. В. Веневитиновъ былъ въ это время въ Москвѣ, что Пушкинъ въ домѣ Веневитиновыхъ читалъ своего «Бориса Годунова», и что, слѣдовательно, А. В. могъ слышать всю эту исторію изъ первыхъ устъ». Тѣмъ не менѣе, критика еще не пришла ни къ какому опредѣленному заключенію ни о правдивости этихъ сообщеній, ни о достовѣрности стиховъ, ни объ отношеніи ихъ къ «Пророку». П. А. Ефремовъ въ обоихъ первыхъ своихъ изданіяхъ (1880 г., II, 415—416, и 1882 г., II, 398) повторилъ разсказъ Соболевскаго съ полнымъ довѣріемъ, но въ третьемъ изданіи (т. VIII, 1905 г., стр. 263) отказался внести даже въ примѣчанія это «плохое и неумѣстное четверостишіе», которое «недостойно даже упоминанія» рядомъ съ «Пророкомъ». П. О. Морозовъ, въ первомъ своемъ изданіи (литер. фонда, II, 3), также приведшій разсказъ Пятковскаго съ довѣріемъ къ нему, во второмъ изданіи («Просвѣщенія», II, 395) уже призналъ, что «преданіе, подхваченное легковѣрными критиками, представляется по существу совершенно невѣроятнымъ, не говоря уже о технической сторонѣ четверостишія».

Впервые отрицательно отнесся къ достовѣрности преданія В. Д. Спасовичъ, дополнившій послѣдній стихъ сообщеннаго Пятковскимъ четверостишія: «Къ царю россійскому явись»!... (Байронизмъ у Пушкина и Лермонтова» — «Вѣстн. Евр.» 1888 г., мартъ, 83): не имѣя права выѣзда изъ имѣнія, Пушкинъ не могъ и помышлять о томъ, что онъ вскорѣ предстанетъ передъ лицомъ государя. Увезенный фельдъегеремъ, онъ не могъ догадываться, что его повезутъ въ Чудовъ дворецъ. Строфа, сохранившаяся въ устномъ преданіи, не могла быть заключительною, такъ какъ она оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи, зачѣмъ имѣлъ явиться и что имѣлъ сказать этотъ съ вервьемъ на шеѣ человѣкъ въ своемъ совсѣмъ необычномъ по нашему времени костюмѣ и съ своими весьма малопонятными библейскими рѣчами? Въ данныхъ условіяхъ его поступокъ сильно походилъ бы на выходку помѣшаннаго. Вспомнимъ еще, что либеральный бредъ прошелъ у Пушкина еще въ то время, когда онъ писалъ «Сѣятеля», что въ январѣ 1826 г. онъ уже непремѣнно желалъ помириться съ правительствомъ. Онъ не былъ заодно съ декабристами, онъ только скорбѣлъ о нихъ. У него не могло быть въ запасѣ никакихъ «жгучихъ глаголовъ», коль скоро отъ милостивыхъ словъ государя онъ мгновенно раскаялся и сдѣлался на остальную жизнь человѣкомъ не противнымъ правительству».

Со Спасовичемъ согласился другой изслѣдователь—Н. И. Черняевъ («Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніями Корану», М., 1898, стр. 12—16), не только отвергшій преданіе о происхожденіи четверостишія, но и разобравшій его не безъ придирчивости. «Всѣ эти разсказы, думается намъ, принадлежатъ къ безчисленному множеству вымышленныхъ о Пушкинѣ анекдотовъ, долго гулявшихъ на Руси и не разъ вводившихъ въ заблужденіе комментаторовъ и біографовъ поэта. Можно ли допустить, чтобы такая геніальная вещь, какъ «Пророкъ», заканчивалась такимъ плохимъ и прозаическимъ финаломъ, какъ «Возстань, возстань, пророкъ Россіи»...—финаломъ, достойнымъ развѣ только какого-нибудь безталаннаго подражателя Рылѣева? Если прочесть четверостишіе, о которомъ идетъ рѣчь, немедленно вслѣдъ за «Пророкомъ», оно произведетъ впечатлѣніе банальнаго марша, пристегнутаго къ одной изъ лучшихъ сонатъ или симфоній Бетховена, или безжизненной фигуры, вписанной въ картину Рафаэля какимъ-нибудь живописныхъ дѣлъ мастеромъ... «Сонная кисть художника-варвара» чувствуется чуть ли не въ каждомъ словѣ четверостишія... Двукратное повтореніе слова «возстань» послѣ того, какъ оно уже встрѣчается въ Божьемъ воззваніи къ пророку, отзывается однообразіемъ и риторикой, а обращеніе къ невѣдомому пророку Россіи, пристегнутое къ разсказу пушкинскаго пророка, поражаетъ своею неожиданностью и звучитъ дикимъ и рѣзкимъ диссонансомъ, нарушающимъ гармоническую стройность всего стихотворенія. «Позорной ризой облекись»—это такой стихъ, какого не могъ написать не только Пушкинъ, но и не одинъ сколько нибудь грамотный (?) поэтъ. Зачѣмъ понадобилось напоминать «пророку Россіи», что ему необходимо отправляясь къ царю, возложить на себя «позорную ризу», неизвѣстно. Развѣ только для того, чтобы заручиться риѳмой къ слову «явись». Трудно (?) также понять, что надлежитъ понимать подъ выраженіемъ «позорная риза». Ужъ не рубище ли? Но почему же «пророкъ Россіи» долженъ ходить непремѣнно въ разодранной одеждѣ? Это тайна автора разбираемаго четверостишія. Слово «иди» которымъ начинается третій стихъ, ни мало не усиливаетъ значенія слова «явись» и вообще представляется совершенно излишнимъ. Оно, очевидно, вставлено лишь для сохраненія размѣра. Третій стихъ—«И съ вервіемъ на выѣ» («пророкъ Россіи», вѣроятно ждалъ казни за свои обличительныя рѣчи и, въ качествѣ политическаго мученика, желавшаго пострадать за правду, заранѣе обрекалъ себя висѣлицѣ), производящій, несмотря на весь его задоръ, нѣсколько комичное впечатлѣніе, могъ бы удовлетворить развѣ только завзятаго «славенороссa», приверженнаго къ высокому слогу во вкусѣ Шишкова и считавшаго тяжкимъ піитическимъ грѣхомъ не называть веревку вервіемъ, а шею выей. Вообще, замѣтимъ кстати, авторъ четверостишія пользовался славянскими реченіями съ такимъ пристрастіемъ къ нимъ, какого нѣтъ и тѣни въ пушкинскомъ «Пророкѣ»... Содержаніе и форма четверостишія исключаютъ всякую возможность допустить, что оно принадлежитъ Пушкину. Къ такому же выводу можно придти и путемъ критическаго отношенія къ связанному съ нимъ преданію, на неправдоподобіе котораго впервые указалъ Спасовичъ... Мнимый финалъ «Пророка», очевидно, нужно отнести къ числу тѣхъ «сочиненій» Пушкина, которыя имъ никогда не писались, но которыя настойчиво приписывались ему молвой».

Мнѣніе Н. Черняева вызвало возраженіе Н. Ѳ. Сумцова («Изслѣдованія о поэзіи Пушкина»—«Харьковск. университ. сборн. въ память Пушкина», Хар., 1900, стр. 28, 192—193): «г. Черняеву не понравились «позорная риза» и «вервіе на выѣ» пророка Россіи, что, однако, вовсе не такъ ужъ странно, если присмотрѣться къ культурной исторіи Россіи и вспомнить объ участи Максима Грека, Крижанича, Новикова, Радищева, Рылѣева, А. Одоевскаго, Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Достоевскаго и мн. др. Рѣдко кому приходилось избѣгнуть «вервія» въ той или другой формѣ. И мы думаемъ, что «Возстань»... не было концомъ «Пророка» въ отдѣланномъ и оконченномъ видѣ, такъ какъ оно плохо вяжется со всѣмъ строемъ стихотворенія и совсѣмъ непригодно послѣ пере-

рожденія и полученія божественнаго повелѣнія жечь глаголами сердца людей. Хороши были бы глаголы—съ веревкой на шеѣ! Пушкинъ, при его умѣ, не могъ допустить такого нелѣпаго окончанія въ «Пророкѣ». Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ согласиться съ категорическимъ утвержденіемъ г. Черняева, что «содержаніе и форма четверостишія исключаютъ всякую возможность допустить, что оно принадлежитъ Пушкину». Совершенно наоборотъ. И по содержанію, и по формѣ это чисто-пушкинское стихотвореніе... Что касается до техники стиха, то и въ этомъ отношеніи четверостишіе имѣетъ чисто-пушкинскій характеръ... Мнѣ кажется, что тутъ можетъ быть двоякое предположеніе: или Пушкинъ допустилъ окончаніе «Возстань»... въ первоначальномъ черновомъ наброскѣ «Пророка» и потомъ при исправленіи отбросилъ его, какъ онъ это неоднократно дѣлалъ въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ, въ интересахъ художественной цѣльности, широты и общаго правдоподобія (устраняя личные субъективные элементы, Пушкинъ тѣмъ самымъ расширялъ общечеловѣческую сторону, художественнаго образа), или, что вѣроятнѣе, четырестишіе представляетъ совершенно самостоятельный набросокъ, написанный вскорѣ послѣ «Пророка», когда Пушкинъ подъ вліяніемъ этого стихотворенія имѣлъ наклонность въ самомъ себѣ видѣть пророка, наклонность, не выдвинувшуюся въ немъ и впослѣдствіи, какъ видно изъ его «Памятника». Понятно, что это былъ набросокъ для себя и никоимъ образомъ для печати или для публики, и не для поднесенія императору Николаю Павловичу, которому такое стихотвореніе легко могло не понравиться, что Пушкинъ долженъ былъ отлично понимать».

Едва ли можно говорить о достоинствахъ или недостаткахъ четверостишія, переданнаго современниками по памяти, такъ что, напримѣръ, третій стихъ имѣетъ два варіанта: «Иди—и съ вервіемъ на выи»...«И съ вервіемъ вкругъ смиренной выи»...; послѣдній, по вѣрному замѣчанію Ефремова (Соч. II, т. V, 1881 г., стр. 537), «даже трудно выговорить». Чьи бы стихи ни были, мы можемъ думать, что они дошли до насъ въ искаженномъ видѣ, быть можетъ, очень далекомъ отъ подлинника. Намъ предстоитъ рѣшить болѣе важный вопросъ,—какъ относиться къ преданію, окружающему четверостишіе и самую пьесу, съ которою его связываютъ. Ни съ совершеннымъ игнорированіемъ четверостишія, будто бы ложно приписаннаго Пушкину, ни съ включеніемъ его въ «Пророкъ» согласиться нельзя. Изъ всѣхъ высказанныхъ по этому поводу мнѣній наиболѣе вѣскимъ и близкимъ къ истинѣ намъ представляется мнѣніе Сумцова, готоваго видѣть въ четверостишіи «совершенно самостоятельный набросокъ». Въ самомъ дѣлѣ, не опороченнымъ ни однимъ серьезнымъ доводомъ показаніямъ С. А. Соболевскаго и А. В. Веневитинова мы не имѣемъ права не довѣрять; единственное допустимое въ этомъ случаѣ ограниченіе довѣрія къ ихъ разсказамъ—это предположеніе, что непосредственные передатчики намъ этихъ разсказовъ, авторъ статьи въ «Русс. Старинѣ» и А. П. Пятковскій, кое-что сообщили невѣрно, причемъ надо замѣтить, что, въ виду краткости и несложности самой исторіи, это отступленіе отъ того, что сообщили Соболевскій и Веневитиновъ, не могло, конечно, быть значительно, если только, повторяемъ, какое-нибудь отступленіе было. И Веневитиновъ, и Соболевскій, въ особенности второй, хорошо знали Пушкина и, что особенно знаменательно въ данномъ случаѣ, встрѣчались съ нимъ какъ разъ по пріѣздѣ его, 8 сентября 1826 г., въ Москву. Что свидѣтельство ихъ заключаетъ въ себѣ истину, видно изъ очень любопытнаго, но до сихъ поръ не обратившаго на себя вниманія изслѣдователей разсказа человѣка, тоже встрѣчавшагося въ это время съ Пушкинымъ въ Москвѣ и оставившаго весьма цѣнныя по своей безупречной фактической правдивости воспоминанія о поэтѣ—С. П. Шевырева. Вотъ что передавалъ Шевыревъ (Л. Н. Майковъ, сборн. «Пушкинъ», 1899 г., стр. 329): «во время коронаціи государь послалъ за Пушкинымъ нарочнаго курьера (*обо всемъ этомъ самъ Пушкинъ разсказывалъ*) везти его немедленно въ Москву. Пушкинъ передъ тѣмъ писалъ какое-то сочиненіе въ возмутительномъ духѣ, и теперь, воображая, что его везутъ не на добро, дорогой обдумывалъ это сочиненіе; а между тѣмъ извѣстно, какой пріемъ сдѣлалъ ему великодушный императоръ; тотчасъ послѣ этого Пушкинъ уничтожилъ свое возмутительное сочиненіе и болѣе не поминалъ о немъ».

Эти данныя, дополняя другъ друга, создаютъ слѣдующій эпизодъ. Когда поэта везли въ Москву, онъ, не зная навѣрное, что его ждетъ,—получитъ ли онъ желанную свободу, или, наоборотъ, подвергнется еще горшимъ гоненіямъ, и приходя въ отчаяніе за свою судьбу, слагалъ какое-то, быть можетъ, начатое уже раньше, стихотвореніе, «возмутительное сочиненіе», которое послѣ свиданія съ государемъ уничтожилъ, такъ какъ заключавшійся въ немъ протестъ уже не вязался съ новымъ поворотомъ въ жизни поэта. Въ этомъ стихотвореніи, насколько можно судить по особенно выдающимся и поэтому наименѣе измѣненнымъ памятью разсказчиковъ мѣстамъ, онъ сравнивалъ себя съ пророкомъ, стоящимъ предъ царемъ съ веревкой на шеѣ и, значитъ, ждущимъ помилованія или казни. Извѣстно, какъ принялъ онъ извѣстіе о казни пяти декабристовъ, какъ тревожила его воображеніе висѣлица, на которой повисли пять дѣятелей свободы «съ вервіемъ на выѣ» (см. во II т. настоящ. изданія, стр. 527, 528—529; см. также «Русск. Стар.» 1884 г., іюль, 47). Утвержденіе Спасовича: «Пушкинъ не могъ и помышлять, что скоро предстанетъ передъ лицомъ государя», невѣрно. Уже изъ внезапнаго появленія фельдъегеря, изъ того, что въ Псковѣ, куда сначала привезъ его фельдъегерь изъ Михайловскаго, онъ нашелъ «весьма любезное» письмо, которымъ могъ «гордиться» (пис. къ Осиповой, 4 сентября 1826 г.), отъ начальника главнаго штаба, барона Дибича; изъ того, что Дибичъ въ своемъ отношеніи отъ 31 августа на имя псковскаго гражданскаго губернатора писалъ, что поэтъ «по прибытіи въ Москву имѣетъ явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба е. и. в.»; изъ самаго факта отправленія въ Москву, гдѣ тогда происходили коронаціонныя торжества, Пушкинъ не могъ не понять, *кто* имъ интересуется; конечно, поэту было извѣстно, какое усердное личное участіе принималъ царь въ слѣдствіи по дѣлу декабристовъ. Наконецъ, его не могли не взволновать и неслыханная сверхъфельдъегерская быстрота, съ которой его примчали изъ Пскова въ Москву, и то, что по пріѣздѣ въ Москву онъ до представленія Николаю Павловичу не былъ отпущенъ на свободу, а задержанъ при канцеляріи дежурнаго генерала (см. въ III т. настоящаго изданія мою статью «Въ Москвѣ

послѣ ссылки»). Поэтъ, какъ извѣстно, заключилъ съ правительствомъ компромиссъ, отъ котораго, правда, давно былъ не прочь, но въ ожиданіи этой сдѣлки, полагаясь всецѣло на произволъ судьбы и готовясь принять все, что она ни пошлетъ, колебался между компромиссомъ и ролью, хотя чисто-пассивной, пророка, униженно стоящаго въ одеждѣ позора и съ веревкой на шеѣ поредъ торжествующимъ властелиномъ. Съ характеромъ Пушкина не вяжется театрально-эффектное врученіе царю стиховъ о пророкѣ съ веревкой на шеѣ. Пушкинъ могъ отожествлять себя въ поэтическомъ воображеніи съ гонимымъ пророкомъ, но, какъ человѣкъ трезвый и самолюбивый, конечно, никогда не рѣшился бы вручить царю подобные стихи и, разыгравъ напыщенную театральную сцену, поставить себя въ положеніе не то, что безопасное, а просто смѣшное. Стихи, вѣрнѣе, предназначались, въ случаѣ неблагопріятнаго результата свиданія, для хожденія по рукамъ, въ качествѣ «сочиненья, презрѣвшаго печать». Въ общей достовѣрности показанія трехъ современниковъ Пушкина, одинъ изъ которыхъ прямо ссылается на слова поэта, мы не имѣемъ права сомнѣваться,—противопоставить ихъ разсказамъ нечего. Остается безъ отвѣта, за неимѣніемъ никакихъ документальныхъ данныхъ, которыя однѣ могутъ имѣть здѣсь рѣшающее значеніе, удачно формулированный Сумцовымъ вопросъ объ отношеніи четверостишія «Возстань»... къ «Пророку». Быть можетъ, это были двѣ различныя пьесы, между которыми единственная общая черта—образъ пророка, и именно эта общность могла слить въ памяти лицъ, сообщеніями которыхъ мы пользуемся, обѣ пьесы въ одно цѣлое, расчлененное потомъ самимъ художникомъ. Возможно, что изъ однихъ и тѣхъ же образовъ вышли и гордый пророкъ, преображенный десницей серафима и послушный лишь высшей волѣ, и смиренный пророкъ съ веревкой на шеѣ и въ ризѣ позора. Во всякомъ случаѣ ясно, что было какое-то «возмутительное сочиненіе» Пушкина о пророкѣ, и что оно вполнѣ сложилось въ душѣ поэта въ началѣ сентября 1826 года. В. Стоюнинъ («Пушкинъ», 1-е изд., 286—288) признаетъ четверостишіе принадлежащимъ Пушкину; того же мнѣнія и В. В. Сиповскій («Пушкинъ. Жизнь и творчество» 255, 263); онъ считаетъ ихъ заключительной строфой «Пророка», хотя и «неудачно пристроенной». Отожествленіе пророка съ поэтомъ, которое составляетъ душу дошедшаго до насъ четверостишія, косвенно придаетъ нѣкоторый вѣсъ тѣмъ толкованіямъ «Пророка», которыя объясняютъ эту пьесу какъ исповѣданіе призванія поэта.

Нѣкоторые критики толковали пьесу исключительно какъ изображеніе типическаго библейскаго пророка. На эту мысль ихъ, естественно, наводилъ внѣшній обликъ пророка. Въ Михайловскомъ Пушкинъ, какъ извѣстно, читалъ Библію. Онъ писалъ брату во второй половинѣ ноября 1824 г.: «Библію, Библію! и французскую непремѣнно». Вскорѣ онъ повторилъ эту просьбу (пис. 4 декабря) и прибавилъ: «Библія для христіанина—то же, что исторія для народа. Этой фразой (наоборотъ) начиналось прежде предисловіе Исторіи Карамзина». Въ ихъ перепискѣ сохранился листокъ съ записанными поэтомъ порученіями брату, гдѣ между чемоданомъ, бумагой, сыромъ и винами упоминаются «Библіи 2»,—вѣроятно, французская и славянская. И впослѣдствіи Пушкинъ не разъ возвращался къ Библіи (см. его письмо къ женѣ 25 сентября 1834 г.); мотивы Священнаго Писанія, кромѣ «Пророка», не чужды его поэзіи («Въ крови горитъ огонь желанья»..., «Вертоградъ моей сестры»..., «Гавриліада», «Юдиѳь», «Къ Н.», «Странникъ», «Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ»... «Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ», «Мадонна», «Подражаніе итальянскому», «Когда великое свершалось торжество»...), «Ты хочешь знать, гдѣ я искалъ Бога»—будто бы говорилъ А. И. Тургеневу, по словамъ А. О. Смирновой («Записки», I, 140), Пушкинъ, органически неспособный на такія интимныя признанія,—«кромѣ моей совѣсти и природы, которая говорила мнѣ о немъ, я искалъ его въ книгѣ, въ которой нашелъ Пророка»... Еще менѣе довѣрія заслуживаетъ разсказъ Смирновой (ib., 221) о томъ, какъ она читала «Пророка» царю Николаю Павловичу, который будто бы сказалъ: «я забылъ это стихотвореніе, оно дивно-прекрасно, это—настоящій пророкъ». У Смирновой Пушкинъ не только читаетъ длинныя ученыя лекціи на религіозныя темы (напримѣръ, ib., 160 — 162, 263 — 265), но даже разсказываетъ (ib., 266—267); «я читалъ Библію отъ доски до доски въ Михайловскомъ, когда находился тамъ въ ссылкѣ, читалъ даже нѣкоторыя главы своей Аринѣ, но и ранѣе я много читалъ Евангеліе». Хотите ли, чтобы я сдѣлалъ вамъ одно признаніе?—Насчетъ чего?—Моего Пророка.—Говорите, я не буду нескромной.—Вотъ почему я вамъ его и дѣлаю. Я какъ-то ѣздилъ въ монастырь, чтобы отслужить панихиду по Петрѣ Великомъ... Служка попросилъ меня подождать въ кельѣ; на столѣ лежала открытая Библія, и я взглянулъ на страницу—это былъ Іезекіиль (?). Я прочелъ отрывокъ, который перефразировалъ въ «Пророкѣ». Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе; я всталъ, чтобы написать его; мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ... Іезекіиля я читалъ раньше; на этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно-прекраснымъ; я думаю, что лучше его понялъ». Н. Ѳ. Сумцовъ въ своей статьѣ о «Пророкѣ» (цитиров. «Харьковс. универс. сборникъ») справедливо замѣчаетъ (стр. 9—10), что «разговоры Смирновой съ Николаемъ I о Пушкинѣ и Библіи носятъ на себѣ оттѣнокъ свойственнаго образованнымъ дамамъ личнаго психологизма въ духѣ категоризма и односторонняго обобщенія... Пушкинъ былъ человѣкъ простой, искренній, и всякая рисовка была ему противна, а въ его разговорѣ со Смирновой (о чтеніи Библіи) просвѣчиваетъ именно рисовка... Еще болѣе сомнительно чтеніе Библіи отъ доски до доски... Также сомнительно и все послѣдующее сообщеніе Смирновой» («признаніе» о происхожденіи пьесы).

Съ образомъ шестикрылаго ангела, знакомымъ поэту не только по Библіи, но и по церковнымъ изображеніямъ, мы впервые у Пушкина встрѣчаемся въ «Гавриліадѣ»: «архангелы въ безмолвіи сидятъ, закрывъ главы лазурными крылами»... Весьма возможно, что этотъ образъ былъ почерпнутъ Пушкинымъ изъ той самой VI главы книги пророка Исаіи, въ которой нужно видѣть ближайшій источникъ «Пророка». Приведемъ всю главу, чтобы можно было легче видѣть, какъ воспользовался поэтъ этимъ источникомъ.

«Въ годъ смерти царя Озіи видѣлъ я Господа, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и края ризъ Его наполняли весь храмъ.

Вокругъ Его стояли серафимы; у каждаго изъ нихъ по шести крылъ, двумя закрывалъ каждый лицо свое, и двумя закрывалъ ноги свои, и двумя летalъ. И взывали они другъ къ другу, и говорили: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ! Вся земля полна славы Его! И поколебались верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ, и домъ наполнился куреніями. И сказалъ я: горе мнѣ! погибъ я! ибо я человѣкъ съ нечистыми устами, и живу среди народа также съ нечистыми устами, — и глаза мои видѣли Царя, Господа Саваоѳа. Тогда прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ рукѣ у него горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника, и коснулся устъ моихъ, и сказалъ: вотъ, это коснулось устъ твоихъ, и беззаконіе твое удалено отъ тебя, и грѣхъ твой очищенъ. И услышалъ я голосъ Господа, говорящаго: кого Мнѣ послать? и кто пойдетъ для насъ? и я сказалъ: вотъ я, пошли меня. И сказалъ Онъ: пойди и скажи этому народу: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите. Ибо огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слышатъ, и очи свои сомкнули, да не узрятъ очами, и не услышатъ ушами, и не уразумѣютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобъ Я исцѣлилъ ихъ. И сказалъ я: надолго ли, Господи? Онъ сказалъ: доколѣ не опустѣютъ города, и останутся безъ жителей, и домы безъ людей, и доколѣ земля эта совсѣмъ не опустѣетъ. И удалитъ Господь людей, и великое запустѣніе будетъ на этой землѣ. И если еще останется десятая часть на ней, и возвратится, и она опять будетъ разорена: (но) какъ отъ теревинѳа и какъ отъ дуба, когда они и срублены, (остается) корень ихъ, такъ святое сѣмя (будетъ) корнемъ ея».

Сходство между словами еврейскаго пророка и стихотвореніемъ Пушкина впервые было указано въ популярной когда-то хрестоматіи Галахова, гдѣ подъ заглавіемъ пьесы былъ напечатанъ подзаголовокъ: «Исаія, гл. 6», и остановило вниманіе Кохановской («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина» — «Русск. Бесѣда» 1859 г., № 5, отд. III). Кохановская сличила пьесу съ главой Библіи. «Не кажется ли всѣмъ, — говоритъ она (стр. 20—30), — что «Пророкъ» — это вѣрнѣйшее переложеніе изъ Библіи? Можно подумать, что Пушкинъ, безъ большого труда и едва ли большой заслуги, взялъ это мѣсто гдѣ-то изъ пророчествъ и переложилъ его въ довольно прозаическіе, медленно текущіе стихи... Предоставляемъ на собственное сужденіе каждаго: много позаимствовалъ Пушкинъ изъ VI главы Исаіи, и что находится общаго между его «Пророкомъ» и этимъ пророчествомъ? Одно прилагательное «шестикрылый» и горящій уголь въ рукѣ серафима могутъ подать отдаленную идею о какомъ-либо заимствованіи. Точно: это пророчество было благодатной каплею небеснаго дождя—одной каплею, упавшею на дивно-плодотворную силу духа нашего поэта и возраставшею самобытно и самородно высокое созданіе «Пророка». Въ Ветхомъ Завѣтѣ встрѣчается нѣсколько подобнаго рода посвященій на пророческое служеніе. Такъ, нѣкоторымъ изъ пророковъ ангелъ подавалъ свитокъ и повелѣвалъ: «съѣшь!» И таинственный свитокъ былъ, какъ медъ, сладокъ въ устахъ, но сильная горечь его чувствовалась внутри. Эздрѣ подана была полная чаша, и то, чѣмъ она была наполнена, была какъ вода, но цвѣтъ ея уподоблялся огню. Но ни одинъ библейскій пророкъ, ни даже всѣ они вмѣстѣ не получали такого полнѣйшаго посвященія, такой благодати открытія передъ ними тайны міровой жизни въ голосахъ и звукахъ вселенной, какъ получилъ «Пророкъ» Пушкина.

Что пушкинскій «Пророкъ» вообще не библейскій пророкъ и въ частности не Исаія, доказываетъ и Н. И. Черняевъ (ор. с., 20—25): «что общаго между этой главой изъ книги Исаіи и образами «Пророка»? И въ книгѣ пророка Исаіи, и въ пушкинскомъ стихотвореніи говорится о серафимѣ, о Богѣ и о нравственномъ очищеніи пророка, но этимъ и ограничивается все сходство. Библейскій серафимъ не вырываетъ у Исаіи языка, не прикасается къ его глазамъ и ушамъ, не вынимаетъ изъ груди его сердца: онъ только подноситъ къ устамъ его горящій уголь съ жертвенника и тѣмъ очищаетъ ихъ. Съ другой стороны, пушкинскій пророкъ не видитъ Господа, окруженнаго сонмомъ ангеловъ, не слышитъ ихъ хвалебныхъ возгласовъ Саваоѳу, а то повелѣніе, которое даетъ ему Богъ, совсѣмъ непохоже на то повелѣніе, которое Богъ даетъ библейскому пророку. Все это доказываетъ, что Пушкинъ не имѣлъ въ виду Исаію, когда писалъ «Пророка»... Можетъ быть, Пушкинъ хотѣлъ дать въ своемъ «Пророкѣ», если можно такъ выразиться, общій типъ ветхозавѣтныхъ провозвѣстниковъ воли Божіей?—Нѣтъ, нельзя допустить и такого предположенія, ибо въ пушкинскомъ «Пророкѣ» мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ такихъ эпизодовъ, на которые въ Библіи нѣтъ ни малѣйшихъ намековъ. Такъ, напримѣръ, это можно сказать о кровавыхъ сценахъ разсѣченія груди мечемъ и вырыванія языка. Ни одинъ изъ библейскихъ пророковъ, къ тому же, не получалъ отъ Бога того высшаго познанія тайнъ земли и неба, которое получилъ пушкинскій, ни одинъ изъ библейскихъ пророковъ, наконецъ, не былъ посылаемъ на всемірную проповѣдь, подобно пушкинскому «Пророку»; всѣ они избирались и воздвигались Богомъ исключительно для вразумленія и обличенія Израиля. Паѳосъ, языкъ и общій тонъ пушкинскаго «Пророка», такъ же, какъ и его метафоры, несмотря на то, что поэтъ пользовался въ немъ словами и формами церковно-славянскаго языка, нимало не говорятъ въ пользу предположенія, будто «Пророкъ» Пушкина написанъ на библейскіе мотивы. Его сжатое, отрывочное и стремительное повѣствованіе такъ же, какъ и своеобразная сила, грандіозность, а мѣстами и иносказательный смыслъ этого повѣствованія, хотя и дышатъ Востокомъ, но напоминаютъ не Израиля, а мусульманскій міръ.

Пророкъ Пушкина—не безыменный и никому невѣдомый библейскій пророкъ, а Магометъ, котораго исповѣдники Ислама называютъ просто пророкомъ или послѣднимъ пророкомъ.

Отождествляя пушкинскаго «Пророка» съ Магометомъ, мы не говоримъ ничего новаго, а только поддерживаемъ взглядъ покойнаго профессора кіевской духовной академіи Тарновскаго, высказанный имъ въ 1883 году въ сочиненіи: «Греко-восточная Церковь въ періодѣ Вселенскихъ соборовъ». Въ главѣ, посвященной первоначальной исторіи Ислама (стр. 363 и 364), находятся, между прочимъ, слѣдующія строки: «Коранъ представляетъ Магомета боговдохновеннымъ пророкомъ, Божіимъ посланникомъ. Чтобы познакомить читателя съ этимъ воззрѣніемъ въ наиболѣе доступной и изящной формѣ, мы приведемъ два стихотворенія русскихъ поэтовъ, составляющія переложенія изъ Корана. Первое стихотвореніе изображаетъ знаменитую ночь, называемую у арабовъ Аль-Кадръ, т. е. «Божественное опредѣ-

леніе», когда ангелъ Гавріилъ явился Магомету въ пустынѣ, далъ ему прочесть свитокъ повелѣній Божьихъ и поздравилъ его пророкомъ»... «Другимъ стихотвореніемъ характеризуется печальное двѣнадцатилѣтіе Магометовой жизни (610—622), когда меккинцы не признавали его пророкомъ и преслѣдовали насмѣшками и поруганіями». Подъ первымъ стихотвореніемъ Тарновскій разумѣлъ «Пророка» Пушкина, а подъ вторымъ «Пророка» Лермонтова... Соглашаясь съ мнѣніемъ Тарновскаго, Черняевъ находитъ, впрочемъ, что «Пророкъ» «не представляетъ ни подражанія Корану, ни точнаго пересказа той или другой мусульманской легенды: онъ представляетъ результатъ самостоятельнаго творчества въ духѣ арабской поэзіи и мусульманскихъ преданій о Магометѣ,—творчества, объединяющаго нѣкоторыя изъ этихъ преданій и вѣрно передающаго и духъ Ислама, и нравственный обликъ Магомета, какимъ онъ представляется мусульманамъ». Съ мнѣніемъ Н. И. Черняева согласился только П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненія Пушкина (т. VIII, 1905 г., стр. 263).

Вл. Соловьевъ («Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1899 г., декабрь) высказалъ рядъ глубокихъ и мѣткихъ соображеній, не позволяющихъ считать пушкинскаго пророка ни Магометомъ, ни библейскимъ пророкомъ (стр. 675—684). Анализируя образъ провозвѣстника Корана и сравнивая его съ пушкинскимъ «Пророкомъ», нашъ философъ пришелъ къ выводу, что «Мухаммедъ, обходящій невѣдомыя ему моря и земли, чтобы жечь сердца *людей вообще*, явился бы Мухаммедомъ не только небывалымъ, но и внутренно фальшивымъ, безтолково сочиненнымъ и ни къ чему ненужнымъ. Такого Мухаммеда могли бы придумать Озеровъ или Кукольникъ, но никакъ не Пушкинъ... По формѣ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ здѣсь дѣло съ удачнѣйшимъ, безукоризненнымъ подражаніемъ Библіи. Но что сказать о содержаніи этого стихотворенія? Конечно, мы не найдемъ въ немъ того опредѣленнаго противорѣчія съ Библіей, въ какомъ оно находится съ Кораномъ, гдѣ говорится: нѣтъ по тѣмъ самымъ пунктамъ, по которымъ въ стихотвореніи стоитъ: да. Между содержаніемъ этого стихотворенія и содержаніемъ библейской пророческой идеи противорѣчія нѣтъ, но есть отсутствіе внутренняго совпаденія,—дѣло идетъ не объ одномъ и томъ же. Пушкинскій «Пророкъ» испытываетъ, слышитъ и говоритъ не противоположное, но совсѣмъ другое, по существу отличное отъ того, что испытывалъ, слышалъ и говорилъ настоящій библейскій пророкъ... Главный предметъ умственнаго интереса пророковъ, какъ и ихъ сердечной заботы, не въ области природы, а въ области исторіи... Неужели Пушкинъ, читая Библію и восхищаясь ею, не понималъ ея основного смысла, не замѣтилъ, что ея существенный характеръ и интересъ въ богочеловѣческой исторіи, а не въ природѣ и не въ отвлеченной нравственности... «Пророкъ», несмотря на библейскую форму, находится въ какой-то неопредѣленной и анонимной средѣ... все это можетъ быть превосходнымъ, каково оно и есть, лишь при условіи не изображать библейскаго пророка, не передавать его рѣчь... Прямое призваніе всѣхъ еврейскихъ пророковъ относилось *не къ людямъ вообще*, а къ еврейскому народу, и универсализмъ ихъ былъ не отвлеченнымъ и предвзятымъ, а представлялъ живое перерастаніе національной религіозной идеи, ея реальное расширеніе въ идею всемірно-религіозную, причемъ живымъ средоточіемъ оставалось до конца національное «я» Израиля. Богъ въ Библіи никогда не повелѣвалъ своимъ пророкамъ обходить моря и земли, а, напротивъ, возвѣщалъ черезъ нихъ, что всѣ народы сами придутъ къ Израилю... Ничего подобнаго историческому библейскому содержанію мы не находимъ въ «Пророкѣ» Пушкина. Откровеніе, имъ полученное, относится не къ судьбамъ и движеніямъ народовъ, не къ дѣятелямъ исторіи, а къ подводному ходу морскихъ гадовъ и къ другимъ существамъ низшей и высшей природы. А повелѣніе, которое ему свыше дается, имѣетъ характеръ отвлеченно-нравственный, безразлично-универсальный, относясь опять-таки не къ опредѣленнымъ субъектамъ историческимъ, личнымъ или собирательнымъ, а къ людямъ вообще... Если бы въ этомъ стихотвореніи имѣлось въ виду дать образъ пророка въ собственномъ смыслѣ, то оно страдало бы сплошь крайнею неясностью, противо-художественною неопредѣленностью, а отчасти и несообразностью. Между тѣмъ, оно безспорно прекрасно отъ начала до конца. Значитъ, его смыслъ другой».

Къ разъясненію этого смысла и переходимъ. Странно, что вниманіе Бѣлинскаго почти не остановилось на «Пророкѣ»; онъ любилъ это стихотвореніе (оно переписано въ его студенческой тетрадкѣ—см. Сочин. Б., изд. Венгерова, I, 5), но не вдумался въ него глубоко и лишь замѣтилъ въ своемъ обзорѣ поэзіи Пушкина, что оно доказываетъ «удивительную способность легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни», «представляетъ красоты восточной поэзіи высшаго рода и принадлежатъ къ величайшимъ произведеніямъ пушкинскаго геніяпротея». Для В. В. Сиповскаго, обходящаго молчаніемъ всю литературу объ этомъ стихотвореніи («Пушкинъ», стр. 255), «это только удивительно яркое, художественное воспроизведеніе (?) библейской картины и больше ничего!» Г. Сиповскій присоединяется къ мнѣнію Л. И. Поливанова, который (см. его изданіе сочин. П., I, 230) тоже находилъ, что въ стихотвореніи «воплощается величественный образъ библейскаго пророка»; что Пушкинъ «въ духѣ Библіи выразилъ пересозданіе всего внутренняго существа человѣка, когда онъ проникся вѣщимъ духомъ пророчества». Е. Шмурло («П. въ развитіи нашего самосознанія», Юр., 1899, стр. 7) тоже видитъ въ «Пророкѣ» «библейскій востокъ», слышитъ «голосъ народа, привыкшаго бесѣдовать съ Творцомъ неба и земли, гордаго въ сознаніи, что никто иной какъ онъ — народъ избранный»... Другой критикъ, І. Троицкій («Религіозный элементъ въ произведеніяхъ Пушкина»—«Сборн. стат. о П—нѣ», изд. кіев. педагог. общ., К., 1899, стр. 213 - 216), находилъ, что «Пророкъ» — «переложеніе» изъ Библіи, которое «было бы гораздо болѣе цѣннымъ въ религіозно-воспитательномъ отношеніи, если бы оно было лишь художественнымъ переложеніемъ библейскаго разсказа безъ сокращенія и измѣненія его». Въ мнѣніи В. Д. Спасовича (ор. с., 83—84) уже замѣчается колебаніе. Съ одной стороны—«мы имѣемъ предъ собой настоящаго пророка, но только немного преобразованнаго въ томъ смыслѣ, что ветхозавѣтный пророкъ, имѣющій видѣнія и отъ самого Бога получающій непосредственно приказанія, не нуждался въ угадываніи, посредствомъ нѣкотораго рода ясновидѣнія, процессовъ жизни и законовъ природы, что онъ не могъ ощущать и «неба содраганье»... и т. д.

Я не нахожу, чтобы очень удачна (?) была замѣна очищенія устъ стихіею огня—горящимъ угленъ, превращеніемъ языка въ жало змѣи, потому что жаломъ можно только жалить, а не жечь, притомъ жало считаемой особенно хитрою, а потому и мудрою змѣя—во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія миѳа, лукавѣе языка человѣческаго. Не очень удачна и другая замѣна трепетнаго, т.-е. чувствующаго сердца пылающимъ огнемъ». Но на этомъ Спасовичъ, однако, остановиться не могъ: «нельзя, однако, не признать, что модулированный Пушкинымъ пророкъ, не пользующійся лицезрѣніемъ Господа, но одаренный широкимъ пониманіемъ природы и пламеннымъ сердцемъ, довольно близко подходитъ къ представленію о поэтѣ.. Это сближеніе пророка и поэта и этотъ въ поэтѣ священный характеръ жреца и помазанника вдохновенія усиливаются постепенно въ Пушкинѣ»..

Только послѣднее толкованіе, видящее въ пушкинскимъ «Пророкѣ» человѣка-поэта—vates въ высшемъ и широчайшемъ пониманіи этихъ словъ, проливаетъ свѣтъ на происхожденіе и смыслъ «Пророка» и показываетъ его не какъ «случайный» мотивъ, одиноко прозвучавшій въ пушкинской поэзіи, не какъ заимствованіе или переложеніе прихотливаго художника, всюду берущаго «свое», а въ органической связи съ духовнымъ созерцаніемъ Пушкина, съ пушкинской теоріей творчества, въ его глубокихъ родникахъ, таящихся въ глубинѣ сердца поэта и человѣка. Всякое другое объясненіе мелко, не исчерпываетъ смысла пьесы, недостойно этого великаго произведенія. Первый намекъ на такое истолкованіе находимъ у Мицкевича, который въ своихъ, читанныхъ въ Парижѣ, лекціяхъ о славянскихъ литературахъ, говорилъ что это стихотвореніе—«начало новой эры въ жизни Пушкина, но Пушкинъ не имѣлъ въ себѣ достаточно силы, чтобы осуществить это предчувствіе; не достало смѣлости, чтобы подчинять внутреннюю жизнь и труды свои этимъ возвышеннымъ понятіямъ. Произведеніе, о которомъ говоримъ, блуждаетъ посреди произведеній его, какъ нѣчто совершенно отдѣльное и поистинѣ превосходное» (Кн. П. А. Вяземскій, «Мицкевичъ о Пушкинѣ»—«Русск. Арх.» 1873 г., ст. 1075; Сочин. Вяземскаго, VII, 320—321). Но Мицкевичъ ограничилъ «Пророка» самимъ Пушкинымъ, придавъ пьесѣ слишкомъ интимно-личный смыслъ. Шире объяснилъ ее Анненковъ, кратко формулировавъ свою мысль (см. его изданіе сочин. П., II, 419—420): «эта превосходная лирическая пѣснь представляетъ намъ одной стороной идеалъ поэта, какъ понималъ его Пушкинъ въ то время». Но ни Мицкевичъ, ни Анненковъ не опредѣлили значенія «Пророка» среди другихъ произведеній Пушкина.

Связь «Пророка» со взглядами Пушкина на поэта и поэзію, съ его общимъ міроотношеніемъ чрезвычайно тонко и вдумчиво показала Кохановская въ цитированномъ выше «Степномъ цвѣткѣ». Она взглянула на «Пророка», какъ на одну изъ частей великой эпопеи или поэмы, объединенныхъ внутреннимъ единствомъ. Въ этой эпопеѣ «неизслѣдимая глубина жизни духа человѣческаго встаетъ передъ нами съ поразительнымъ величіемъ образовъ». Герой ея—поэтъ. Составныя части ея «Въ началѣ жизни школу помню я»..., «Муза», «Демонъ», «Пророкъ», «Возрожденіе», «Поэтъ» (кругъ, ихъ, впрочемъ, можетъ быть еще расширенъ). «Если все, что мы зовемъ поэзіей Пушкина, есть воистину поэзія, то этотъ циклъ глубочайшихъ поэтическихъ произведеній, поэма или высокая эпопея жизни нашего духа, почерпнутая въ сокровеннѣйшихъ тайнахъ собственной духовной жизни поэта,—что она такое, если не вѣнецъ всей его поэзіи? И въ этомъ вѣнцѣ самымъ драгоцѣннымъ перломъ его блистаетъ «Пророкъ»... Никакая поэзія нигдѣ и никогда не представляла созданія болѣе высокаго, болѣе мірового по его содержанію, какъ это благодатное обновленіе человѣческаго духа и воспріятіе имъ даровъ высшей духовной жизни... Небеса, въ мрачной пустынѣ сошедшія на землю, взывающій голосъ присущаго Бога, и человѣкъ, досягнувшій до неба и смертнымъ ухомъ слышащій горній полетъ ангеловъ! Далѣе этого поэзія не можетъ идти, потому что ничего не можетъ быть возвышеннѣе этого. Вы взгляните на картину, слухомъ души вслушайтесь въ эти аккорды, звенящіе торжественно-просто,—и въ величавомъ ходѣ ихъ музыки открывающаяся намъ глубочайшая тайна нашего духа!... «Пророкъ» Пушкина не пророкъ, а поэтъ съ душою пророка; онъ прорицатель той божественной красоты, которая разлита въ мірѣ и покоится передъ глазами всѣхъ открытою и неузнаваемою тайною... Возьмите хоть одно общее содержаніе въ короткихъ словахъ. Чего оно не совмѣщаетъ въ себѣ? Міръ присущаго Божества, міръ ангельскій въ лицѣ серафима,—человѣкъ въ величайшихъ конечныхъ предѣлахъ его духовной жизни: мертвящемъ томленіи духа и высочайшей силѣ его, и здѣсь же земля и небо, въ несказанномъ величіи міровыхъ силъ жизни, выдаютъ свои невѣдомыя тайны. Слышно, какъ небеса содрогаются отъ исполненія славы Божьей; земля звучитъ принимая на себя отсвѣтъ ея; въ морскихъ глубинахъ слышенъ ходъ морскихъ чудовищъ; слышно, какъ растетъ лоза при долинѣ, и въ высотѣ небесной, ощутимо смертному уху, звучитъ горній полетъ ангеловъ—и все это въ тридцати коротенькихъ строчкахъ! Величіе человѣческаго слова торжественно сказалось въ поэтическомъ величіи Пророка.

Это вдохновенное и самое полное, богатое мыслями и широкое толкованіе «Пророка» осталось единственнымъ. Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 184) приводитъ «Пророка» какъ раскрытіе художественной объективности, «тонкости поэтической организаціи, чуткости натуры на всякое дыханіе жизни, отзывчивости на все живое».. По мнѣнію Н. Н. Страхова («Замѣтка о Пушкинѣ», изд. 2-е, 5—6), «Пророкъ» принадлежитъ къ числу «произведеній, тема которыхъ—значеніе поэта, его достоинство, его отношеніе къ окружающей жизни». Исключительно поэта видѣлъ въ «Пророкѣ» и А. И. Незеленовъ («П. въ его поэзіи», 1882 г., стр. 246—247): «Пушкинъ понялъ величайшее назначеніе поэзіи, понялъ что.. поэтъ долженъ быть не отвлеченнымъ художникомъ и спокойнымъ созерцателемъ и изобразителемъ жизни, а пророкомъ, который жжетъ сердца людей своею вдохновенною рѣчью». (Незеленовъ нашелъ въ «Пророкѣ» даже какую-то «исторію чистой любви Пушкина, отношеній его къ усопшей!»..). Б. В. Никольскій («Идеалы Пушкина», изд. 4-е, стр. 63—64) гораздо ближе къ истинному пониманію пьесы и видитъ въ ней выраженіе нравственнаго идеала; таковъ же взглядъ Б. В. Никольскаго («Поэтъ и издатель въ лирикѣ Пушкина», стр. 25). Н. П. Дашкевичъ («П. въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени» — «Памяти П—на», сборн. кіев. унив., стр. 218—219) ставитъ

«Пророка» въ связь съ поэтической теоріей Пушкина.

Подробно объяснилъ эту связь, также считая «Пророка» поэтомъ. Вл. Соловьевъ (цитиров. выше статья, стр. 684—698). «Это идеальный образъ истиннаго поэта въ его сущности и высшемъ призваніи... Пушкинъ вышелъ изъ своего заключенія, имѣя за собою опытъ двухлѣтняго усиленнаго творчества. Повышенное житейское настроеніе совпало съ могучимъ подъемомомъ поэтическаго самосознанія; среди внѣшнихъ стѣсненій онъ яснѣе прежняго позналъ внутреннюю свободу творчества, и призваніе его, какъ поэта, стало представляться ему въ чертахъ грандіозныхъ. Въ одну изъ вдохновенныхъ минутъ это представленіе воплотилось въ библейскомъ образѣ «Пророка»... Пусть ни одинъ поэтъ не провелъ въ себѣ самомъ до конца того, что требуетъ полный и могучій идеалъ поэтическаго призванія, но этотъ идеалъ есть норма,—и вотъ она стоитъ передъ нами въ образѣ пушкинскаго «Пророка»...

Гоголь, усматривающій въ лиризмѣ, Пушкина «что-то близкое къ библейскому» («О лиризмѣ нашихъ поэтовъ»), любилъ это стихотвореніе и часто говорилъ о немъ съ А. О. Смирновой (ея «Записки», I, 10). Оно повліяло на Е. А. Баратынскаго («на смерть Гете»:—«Съ природой одною онъ жизнью дышалъ»... и т. д.).

О языкѣ пьесы Вл. Соловьевъ писалъ: «грамматическій складъ еврейской рѣчи, бережно перенесенный въ греческую, а оттуда въ церковно-славянскую Библію, удивительно выдержанъ въ нашемъ стихотвореніи. Отсутствіе придаточныхъ предложеній, относительныхъ мѣстоименій и логическихъ союзовъ при нераздѣльномъ господствѣ союза *и* (въ тридцати стихахъ онъ повторяется двадцать разъ) настолько приближаетъ здѣсь пушкинскій языкъ къ библейскому, что для какого-нибудь талантливаго гебраиста, я думаю, ничего бы не стоило дать точный древне-еврейскій переводъ этого стихотворенія». Н. П. Некрасовъ («Къ вопросу о значеніи Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка»—Пушкин. сборн. журн. «Жизнь, 1899 г., стр. 239) говоритъ: «Пушкинъ употребляетъ въ этомъ произведеніи обильно славянскія выраженія, какъ-то: **влачился**, **перстами**, **отверзлись**, **внялъ**, **къ устамъ**, **жало мудрыя** (змѣи) — славянская форма родительнаго падежа, **десницею**, **угль**, **отверстую**, **гласъ**, **воззвалъ**, **возстань**, **виждь**, **внемли**, **глаголамъ**, повторяетъ пятнадцать разъ одинъ и тотъ же союзъ *и* передъ началомъ 15-ти стиховъ,—и, несмотря на то, мы чувствуемъ, что все это прекрасно. Почему? потому что всѣ указанныя славянскія выраженія въ данномъ произведеніи умѣстны: ни одного изъ нихъ нельзя замѣнить чисто-русскою формою, не нарушивъ стройности и характера цѣлаго произведенія. Вмѣсто **влачился** нельзя употребить ни **тащился**, ни **волочился**; слово **перстами** въ стихѣ «перстами, легкими какъ сонъ» нельзя замѣнить словомъ **пальцами** и пр. И частое повтореніе союза *и* въ данномъ произведеніи прекрасно, потому что отъ него вѣетъ какою-то величавою стариною безыскусственнаго строенія рѣчи. Несмотря, однако, на все это, мы не можемъ сказать, что языкъ этого произведенія – не русскій, какъ не можемъ и исключить самого произведенія изъ числа лучшихъ образцовъ русской поэзіи. Читая его, мы не замѣчаемъ славянизмовъ, мы чувствуемъ лишь особенный, возвышенный тонъ поэтической рѣчи, вполнѣ соотвѣтствующій возвышенности ея содержанія, и наслаждаемся лишь благозвучіемъ и образностью выраженій».

Музыкальной интерпретаціей «Пророка» занимались П. А. Кюи и Н. А. Римскій-Корсаковъ.

---

479. Я ВИДѢЛЪ ВАСЪ, Я ИХЪ ЧИТАЛЪ...

(т. II, стр. 406).

Стихотвореніе впервые было напечатано въ московскомъ альманахѣ «Радуга» (изд. П. Арапова и Д. Новикова) на 1830 г., стр. 78, подъ заглавіемъ: «К. А. Т—вой» и съ подписью: «А. Пушкинъ»; Затѣмъ оно появилось въ «Современникѣ» 1838 г., т. X, стр. 177, подъ заглавіемъ: «Къ женщинѣ-поэту» и вошло въ посмертное изданіе произведеній Пушкина, т. IX, стр. 201, а потомъ въ изданія Анненкова, 1855 г., и Геннади, 1859 г. (въ обоихъ съ невѣрнымъ отнесеніемъ къ 1827 году). Ни въ одномъ изъ этихъ изданій стихотвореніе не напечатано правильно (о варіантахъ см. въ исторіи текста), и подлинный текстъ его, воспроизводимый и въ настощ. изд. съ нижеприводимой датой, съ подписью: «А. П.» и безъ заглавія, возстановленъ въ газетѣ «Наше время» 1862 г., № 228, извѣстнымъ библіографомъ С. Полторацкимъ, который въ помѣченной 18 октября 1862 г. замѣткѣ «Подлинный собственноручный текстъ стихотворенія Пушкина, написаннаго въ 1826 году въ альбомъ Е. А. Тимашевой», разсказывалъ: «Подлинникъ этого стихотворенія, писанный рукою Пушкина въ Москвѣ, 20 октября 1826 г., сообщенъ мнѣ вчера Екатериною Александровною Тимашевою, урожденной Загряжскою, съ позволеніемъ напечатать его. Поспѣшаю тѣмъ болѣе это исполнить, что текстъ стихотворенія Пушкина, напечатанный пять разъ, появился во всѣхъ пяти изданіяхъ въ искаженномъ видѣ и даже съ примѣсью безсмыслицы въ послѣднемъ стихѣ. Сверхъ того, къ нему не сдѣлано надлежащихъ объясненій, безъ которыхъ выраженіе **Запретной Розы**, въ девятомъ стихѣ, не вразумительно и не имѣетъ никакого значенія»... Анненковъ (см. его изд. сочин. II—на, II. 439) этотъ стихъ пояснилъ: «въ «Московск. Телеграфѣ» 1826 г. № 5, ч. VIII, было стихотвореніе: **Запретная Роза**, подписанное буквою *В.* Оно можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ термина, встрѣчающагося въ пьесѣ Пушкина». Полторацкій по этому поводу замѣчаетъ, что для пониманія загадочнаго стиха необходимо имѣть въ виду это стихотвореніе, такъ какъ «эти два стихотворенія, кажется мнѣ, должны быть неразлучны». Вслѣдъ за Полторацкимъ приведемъ самую пьесу «Запретная Роза», написанную кн. П. А. Вяземскимъ, по словамъ Полторацкаго, «къ одной изъ племянницъ Е. А. Тимашевой»:

Прелестный цвѣтъ, душистый, ненаглядный,
Московскихъ розъ царица и краса!
Вотще тебя свѣжитъ зефиръ прохладный,
Заря златитъ и серебритъ роса.
Судьбою злой гонимая жестоко,
Свой красный день ты тратишь одиноко.
Ты про себя таишь дары свои:
Румянецъ свой, и медъ, и запахъ сладкой,
И съ завистью пчела любви украдкой
Глядитъ на цвѣтъ, запретный для любви.
Тебя, цвѣтокъ, коварствомъ безкорыстнымъ
Похитилъ шмель, пчелѣ и розѣ врагъ.

Онъ оскорбилъ лобзаньемъ ненавистнымъ,
Онъ погубилъ весну надеждъ и благъ!
Счастливъ, кто, снявъ съ цвѣтка запретъ враждебный
И возвративъ ее пчелѣ любви,
Ей скажетъ: цвѣтъ прелестный! цвѣтъ волшебный!
Познай весну и къ счастью оживи.

Гр. Кн. («Григорій Книжникъ»—Г. Н. Геннади) вскорѣ указалъ въ той же газетѣ («Наше Время» 1862 г., № 233), что объясненіе, данное Полторацкимъ, недостаточно и не устранило недоумѣній, и сообщилъ, что въ тетради стихотвореній двадцатыхъ годовъ, принадлежавшей А. М. К. [Княжевичу ?], подъ стихами Вяземскаго находятся какія-то загадочныя буквы и даты. «Можетъ быть,— писалъ Геннади, — указавши на «запретную розу», С. Д. Полторацкій сообщитъ: кто трудолюбивая «пчела» и кто негодный «шмель», упоминаемые въ стихахъ князя Вяземскаго». Но ни со стороны Полторацкаго, ни со стороны князя П. А. Вяземскаго, который вѣрнѣе всякаго другого могъ бы пролить свѣтъ на содержаніе обоихъ стихотвореній и объяснить ихъ возникновеніе, никакого объясненія не послѣдовало.

Въ томъ же «Московск. Вѣстн.» 1827 г., ч. XIII, кн. 1, въ статьѣ «Взглядъ на русскую литературу въ 1825 и 1826 гг.» названа «запретной розою» литература: «соловьи свищутъ около нея, но, кажется, не хотятъ или не смѣютъ влюбиться постоянно, и только рои пчелъ и шмелей высасываютъ медъ изъ цвѣточка, который ни вянетъ, ни цвѣтетъ, а остается такъ, въ какомъ-то грустномъ, томительномъ состояніи»... Въ дѣлахъ III отдѣленія сохранился доносъ на «Московск. Телеграфъ», который М. К. Лемке («Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.», стр. 257—258) съ полной убѣдительностью приписываетъ Булгарину; литературный шпіонъ указалъ начальству «явный ропотъ противу притѣсненія просвѣщенія, которое называютъ з а п р е т н о ю р о з о ю»... Въ «шмеляхъ и пчелахъ» Булгаринъ, ненавидѣвшій Н. Полевого, добивавшійся журнальной монополіи и мечтавшій уничтожить «Телеграфъ», не могъ не увидѣть весьма прозрачнаго намека на себя и свою «Сѣверную Пчелу». Конечно, эта «запретная роза»—литература—не имѣетъ ничего общаго съ той «запретной розой», несомнѣнно женщиной, о которой говорится въ стихотвореніи Вяземскаго. Въ посланіи Пушкина идетъ рѣчь также объ этой женщинѣ. «Что Запретная Роза? что Тимашева?»—спрашивалъ Пушкинъ Вяземского въ письмѣ 9 ноября 1826 г.. изъ Михайловскаго: «Какъ жаль, что я не успѣлъ съ нею завести благородную интригу! но и это не ушло». Полторацкій говоритъ, что «роза» была племянница Тимашевой: П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. Суворина, VIII, 264) высказываетъ догадку, что соперницей самой Тимашевой-розы была княгиня З. А. Волконская, но ничѣмъ не объясняетъ своего мнѣнія. Это мѣсто остается темнымъ до сихъ поръ; по посланію Пушкина нельзя рѣшить, какъ именно онъ называетъ самое Тимашеву: «Запретной Розой» или «соперницей Запретной Розы»; можно думать, что слова «Стократъ блаженъ...» и т. д. относятся къ мужчинѣ, которымъ увлекались двѣ женщины.

Екатерина Александровна Тимашева, рожденная Загряжская (род. 25 іюля 1798 г., ум. 4 марта 1881 г.), жена Ег. Никол. Тимашева, наказного атамана оренбургскаго казачьяго войска, принадлежала къ московскому большому свѣту и писала стихи; въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831-й г. она помѣстила «Отвѣтъ на святочную шутку» [кн. Вяземскаго], въ «Литерат. Газетѣ» 1831 г., № 12,— пьесу «Къ портрету***», впослѣдствіи положенную на музыку, съ припѣвомъ: «Ты не повѣришь, какъ ты мила»..., и до сихъ поръ не забытую въ провинціи. Тимашева была красавица, и ей посвящали стихи и другіе поэты, кромѣ Пушкина (быть можетъ, Тимашева одна изъ четырехъ Катеринъ, внесенныхъ Пушкинымъ въ извѣстный «донъ-Жуанскій списокъ»). Вяземскій посвятилъ ей «Святочную шутку» («Сѣв. Цвѣты» на 1831 г., стр. 88—Сочин. Вяземскаго, IV, 110—111); въ шуткѣ говорится о проказникѣ-чортѣ, и она кончается комплиментомъ: «нынѣ бѣсъ меня лишь бѣситъ и дразнитъ ангельскимъ лицомъ». Баратынскій писалъ ей («Стихотворенія», изд. 1835 г., I, 216): «Вамъ все дано съ щедротою пристрастной благоволительной судьбой: владѣете вы лирой сладкогласной и ей созвучной красотой... Но счастливъ тотъ, кто слышитъ ваше пѣнье, но счастливъ тотъ, кто видитъ васъ»... Графиня Е. П. Ростопчина въ посвященныхъ Тимашевой стихотвореніяхъ рисовала ее, какъ и Баратынскій, погруженной въ печаль: «На томную лазурь очей уныло-ясныхъ рѣсницы черныя покровъ бросали свой; во взорахъ пламенныхъ, приманчиво-опасныхъ, изображался умъ съ чувствительной душой. Въ ней что-то тайное и неземное было... Прекрасное чело носило слѣдъ страданья, и безпокойствіе, взоръ бѣглый выражалъ; быть можетъ, мучило ее воспоминанье? Быть можетъ, сонъ былой ей душу волновалъ?»... («Бѣлая дама»—«Стихотворенія гр. Ростопчиной», т. I, 1857 г., стр. 67—68). «Когда въ глазахъ прекрасныхъ увижу крупную слезу, когда во взорахъ вашихъ страстныхъ замѣчу думу и тоску,—я понимаю васъ!»... («Бѣлой дамѣ»—ib., 93—94; «Бѣлая дама» была героиня популярной тогда оперы Боальдье, носящей то же названіе). Языковъ послалъ Тимашевой стихотвореніе—своей музы «даръ заздравный вашей музѣ благонравной, вашимъ сладостнымъ стихамъ. Прелесть вашихъ пѣснопѣній въ неземное бытіе, въ рай чистѣйшихъ вдохновеній заманила вновь ее»... Свою художественную жилку Тимашева передала сыну, Ал—дру Егоровичу, впослѣдствіи, при Александрѣ II, министру внутреннихъ дѣлъ, который былъ талантливымъ карикатуристомъ и скульпторомъ, между прочимъ, онъ выѣпилъ бюстъ младшей дочери Пушкина, графини Н. А. Меренбергъ; его бюсты карикатуры пользовались большимъ успѣхомъ («Русск. Арх.» 1908, III, 144). О ней см. также «Словарь русскихъ писательницъ» кн. Н. Н. Голицына: «Остаф. Архивъ», III, 229, 256, 595.

Изъ всѣхъ редакцій пьесы, появившихся до опубликованія подлинника, наиболѣе правильна первая, напечатанная въ «Радугѣ», гдѣ ошибка лишь въ послѣднемъ стихѣ («Не много риѳмъ»..) Подголосокъ булгаринской «Пчелы» — «Сѣверн. Меркурій» (1830 г., № 5, 10 января, стр. 18—19) въ рецензіи на этотъ альманахъ писалъ: «Въ двѣнадцатистишіи А. Пушкина (подъ названіемъ К. А. Т—вой) первые только четыре стиха имѣютъ въ себѣ смыслъ и стоятъ имени своего Поэта; слѣдующіе же стихи: «Я пилъ отраву въ вашемъ взорѣ, в ъ д у ш о й и с п о л н е н н ы х ъ ч е р т а х ъ»... невольно заставили насъ заглянуть въ оглавленіе опечатокъ, чтобъ найти поправку; но не нашелъ ее, мы остались въ томъ мнѣніи, что Гг. Издатели Радуги напечатали эту пьесу съ невѣрнаго списка, ибо Пушкинъ неспособенъ

творить такія безсмыслицы». Этотъ отзывъ наголо-придирчивъ и несправедливъ, но нельзя не признать чрезмѣрнымъ и восторгъ Бѣлинскаго, который писалъ («Московск. Наблюдатель» 1838 г., т. XVII—Сочин. Б—го, изд. Венгерова. III, 437—438): «есть что-то лелѣющее чувство, какая-то дивная, таинственная гармонія въ этомъ стихотвореніи, гармонія, состоящая не въ подборѣ звуковъ, не въ гладкости стиха, но во внутренней сокровенной жизни, которою оно дышитъ. И какая простота!»...

---

480. ЗАЧѢМЪ БЕЗВРЕМЕННУЮ СКУКУ...

(т. II, стр. 406).

Въ вышедшемъ въ 1829 г. сборникѣ «Стихотвореній Александра Пушкина» поэтъ помѣстилъ (ч. I, стр. 142) появившееся впервые въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 г. (ч. I. № II, стр. 91) стихотвореніе: «Зачѣмъ безвременную скуку»..., подъ заглавіемъ «Къ ***», включивъ его, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ число произведеній, написанныхъ въ 1821 г. Къ 1821 г. отнесъ его и П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 288), при чемъ замѣтилъ: «оно попало въ сборникъ 1829 г., миновавъ изд. 1826 г., и по рукописи видно, что писано было къ Пле—еву» (ibid., 310); въ алфавитномъ указателѣ у Анненкова пьеса обозначена: «К—керу» (т. VII, отд. II, стр. 165) т.-е., конечно, В. К. Кюхельбекеру, извѣстному другу поэта, который называлъ его—«мой братъ родной по музѣ, по судьбамъ». Слѣдуя Анненкову, Г. Н. Геннади въ своемъ изданіи 1859 г. (т. I, стр. 234—236) включилъ ее въ число стихотвореній 1821 г., подъ заглавіемъ «Къ Плещееву»; (во второмъ изданіи Геннади она озаглавлена: «Къ Александру Павловичу (?) Плещееву»). Въ пушкинскомъ спискѣ стиховъ 1821 г. (московск. Румянц. муз., тетр. № 2365, л. 53) упоминается пьеса П л е щ ѣ е в у. В. Е. Якушкинъ, перепечатывая этотъ списокъ, замѣтилъ: «вѣроятно, надо читать П л е щ ѣ е в у; если такъ, то тогда здѣсь отмѣчено стихотвореніе «Зачѣмъ безвременную скуку«... («Русск. Стар.» 1884 г., апр., 103). 1821 годомъ помѣтилъ пьесу и П. А. Ефремовъ въ своемъ изданіи 1880 г. (т. I, стр. 380), снабдивъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ: «это загадочное стихотвореніе мы оставили безъ заглавія, потому что не можемъ рѣшить, къ кому оно относится и когда написано. Явилось въ печати оно только въ 1827 г., въ «Моск. Вѣстникѣ», № 2, и перепечатано въ изданіи 1829 г., гдѣ отнесено самимъ авторомъ къ 1821 г. Между тѣмъ въ бывшую Чертковскую библіотеку поступилъ собственноручный пушкинскій оригиналъ этого стихотворенія, тоже безъ заглавія, но съ помѣткою: «1 ноября 1826 г. Москва». Послѣднее, кажется, вѣрнѣе, потому что стихотвореніе, написанное еще въ 1821 г., могло бы войти въ изданіе 1826 г., отпечатанное въ октябрѣ 1826 г., т.-е. за мѣсяцъ до указанной выше помѣты чертковской рукописи» ibid., 557; здѣсь Ефремовъ ошибся: первое изданіе «Стихотвореній Александра Пушкина» появилось въ январѣ 1826 г.). Такимъ образомъ, П. А. Ефремовъ отвергъ дату, принятую самимъ Пушкинымъ. П. О. Морозовъ, приведя это стихотвореніе въ изданіи литературнаго фонда и основываясь на хронологической помѣтѣ чертковской рукописи, также отнесъ его къ 1826 г., при чемъ писалъ (т. II, стр. 4); «по словамъ Анненкова, оно относится къ Плещееву, но въ другомъ мѣстѣ Анненковъ относитъ его къ Кюхельбекеру. Въ подлинникѣ оно не имѣетъ заглавія, и, если выбирать между указанными двумя лицами, то, по соображенію съ помѣтою, оно, конечно, должно быть отнесено къ первому изъ нихъ. Въ собственноручномъ спискѣ произведеній 1821 г., составленномъ Пушкинымъ, есть указаніе на стихотвореніе «П л е щ ѣ е в у», но мы не видимъ основанія отождествлять его именно съ стих. «Зачѣмъ безвременную скуку»... Своего мнѣнія о времени созданія пьесы и о лицѣ, которому она посвящена, г. Морозовъ не измѣнилъ и въ слѣдующемъ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (изд. «Просвѣщенія», т. II, стр. 397—398). П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи тоже перенесъ стихотвореніе въ 1826 г. (изд. А. С. Суворина, т. II, 1903 г., стр. 78), ссылаясь на автографъ Чертковской библіотеки (то же изд., т. VIII, 1905 г., стр. 264), и не сказалъ своего мнѣнія о лицѣ, которому оно было посвящено. Имя Кюхельбекера могло попасть въ анненковскій указатель только по ошибкѣ, такъ какъ самъ же Анненковъ указываетъ на другое лицо, именно на Плещеева. Догадка же Ефремова, что пьеса, будто бы написанная въ 1826 г., могла быть посвящена скорѣе Плещееву, чѣмъ Кюхельбекеру, жизнь котораго разбило 14-е декабря 1825 г., сама по себѣ удачная, аргументирована недостаточно уже потому, что пьеса создалась, какъ показано ниже, не въ 1826 г.

Несоотвѣтствіе между помѣтой чертковскаго автографа и собственной датировкой Пушкина попытался объяснить П. И. Бартеневъ, который писалъ: «думаемъ, что, можетъ быть, стихи дѣйствительно написаны въ 1821 году, а въ 1826 Пушкинъ написалъ ихъ просто кому-нибудь въ знакъ памяти; его тогда часто просили писать въ альбомы, и, чтобы отдѣлаться, онъ иногда писалъ свои старые стихи» («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1171—1172). Дѣйствительно, Пушкинъ не разъ вписывалъ въ альбомы знакомыхъ стихотворенія прежнихъ лѣтъ. Такъ, въ концѣ 1828 г. онъ вписалъ на память въ альбомъ Н. Д. Иванчину-Писареву свою «Музу», написанную еще въ 1821 г. (см. во II, т. настоящаго изданія, примѣч. къ № 256); 30-го августа 1830 г. онъ вписалъ «Мадонну», написанную 8-го іюля, въ альбомъ Ю. Н. Бартеневу (см. ниже, примѣч. къ № 626). Что П. И. Бартеневъ не сдѣлалъ натяжки и не ошибся, присоединяясь къ мнѣнію о необходимости датировать «Зачѣмъ безвременную скуку...» 1821 годомъ, подтверждается, помимо датировки самого поэта, еще первоначальными черновыми набросками пьесы, находящимися на обѣихъ сторонахъ 7-го листка хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ черновой тетради Пушкина, относящейся къ 1820—1821 г.г. Объ отношеніи этихъ черновиковъ къ окончательной редакціи см. нашу статью о разбираемой пьесѣ, напечатанную въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» 1909 г., январь, 99—105, а также подготовляемую общую статью С. А. Венгерова о текстѣ настоящаго изданія. Наброски представляютъ собою раннюю первоначальную редакцію пьесы. Въ нихъ легко прослѣдить не только общее съ пьесой содержаніе, но и тождество отдѣльныхъ выраженій. Поэтъ, по своему обыкновенію избѣгая многословія, стараясь довести свое произведеніе до совершенства, до необходимости и незамѣнимости словъ и выраженій, значительно сжалъ первоначальную форму пьесы. Недаромъ

тонко чувствовавшій красоту Бѣлинскій назвалъ эти стихи въ числѣ тѣхъ немногихъ, гдѣ «чистая поэзія, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды»...

Тетрадь, въ которой находятся наброски пьесы, была начата, судя по ея содержанію, еще въ Петербургѣ, до высылки поэта. На оборотѣ слѣдующаго, 8-го, листка ея находятся петербургскія эпиграммы 1820 года на графа Ѳ. И. Толстого («Въ жизни мрачной и презрѣнной»...), на Каченовскаго. Очевидно, стихи «Зачѣмъ безвременную скуку»... были первоначально набросаны еще въ 1820 г. въ Петербургѣ, а въ 1821 г. поэтъ придалъ имъ законченную отдѣлку, такъ что временемъ завершенія пьесы надо считать указанный имъ 1821 годъ. Такимъ образомъ, не только нѣтъ основаній не довѣрять пушкинской датировкѣ, но, наоборотъ, она вполнѣ подтверждается черновиками. Анненковъ говоритъ о рукописи, изъ которой видно, что стихотвореніе «писано было къ Пле—еву». О какой рукописи говоритъ такъ неясно Анненковъ, неизвѣстно, такъ какъ имени Плещеева нѣтъ ни въ черновикѣ наброска, ни въ чертковскомъ автографѣ, ни въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина». Геннади прямо озаглавливаетъ пьесу—«Къ Плещееву». Текстъ во всѣхъ изданіяхъ одинаковъ. Очевидно, Анненковъ подъ рукописью, гдѣ названъ Плещеевъ, разумѣлъ вышеупомянутый пушкинскій списокъ пьесъ 1821 года. Разъясняется—и кому были посвящены стихи, и когда были созданы, и стихотвореніе перестаетъ быть «загадочнымъ», какъ представлялось оно Ефремову. Что касается до біографическаго значенія пьесы, то, конечно, навсегда останется тайной, кѣмъ и чѣмъ она вызвана,—Плещеевъ ли былъ тотъ влюбленный, которому грозитъ разлука съ дѣвой милой, или самъ поэтъ, который посвятилъ пріятелю эту чудную лирическую пѣсню о себѣ самомъ. (О Плещеевѣ см. въ I т. настоящаго изданія примѣчанія къ № 153); Зейдлицъ «Жизнь и поэзія Жуковскаго» 1883 г. сбр. 44—45; «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій», изд. вел. кн. Николая Михаиловича, т. V, вып. 1, № 70.

А. Ѳ. Кони и Б. Л. Модзалевскій (см. т. III стр. 184, 344) предполагаютъ, что въ стихахъ «Зачѣмъ безвременную скуку»... поэтъ говорилъ о С. Ѳ. Пушкиной. За этимъ предположеніемъ можно признать нѣкоторую вѣроятность вотъ въ какомъ смыслѣ. Пьеса въ чертковскомъ автографѣ датирована 1 ноября 1826 г., днемъ отъѣзда Пушкина изъ Москвы, гдѣ оставалась дѣвушка, въ которую онъ былъ влюбленъ, въ Михайловское, откуда онъ возвратился лишь семь недѣль спустя. Быть можетъ, въ этотъ день поэтъ припомнилъ свое старое стихотвореніе, такъ близко подходившее теперь къ его новымъ душевнымъ переживаніямъ, и записалъ его—если и съ нѣкоторыми измѣненіями прежняго текста, то, конечно, не такими значительными, чтобы пьеса, написанная пять лѣтъ назадъ, могла считаться новой пьесой, и, такимъ образомъ, въ своемъ сборникѣ 1829 г. Пушкинъ долженъ былъ помѣстить ее подъ 1821 годомъ.

---

481. У ГАЛЬЯНИ ИЛЬ КОЛЬОНИ...

(т. II, стр. 406).

Стихи появились впервые въ VII-мъ, дополнительномъ, томѣ анненковскаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 94—95, съ примѣчаніемъ: «отрывокъ заимствованъ изъ письма Пушкина отъ 9 ноября 1826 г. къ одному изъ пріятелей Со—вскому въ Москву, который собирался тогда на отъѣздъ въ Петербургъ. Пушкинъ писалъ его изъ Михайловскаго, куда прибылъ по своимъ дѣламъ, послѣ недавняго пребыванія въ Москвѣ. Станціи по московско-петербургскому шоссе и трактиръ итальянца Гальони въ Твери всѣмъ извѣстны. Стихи сообщены намъ М. Н. Лонгиновымъ». Письмо затѣмъ вошло въ первый сборникъ писемъ Пушкина, составляющій VII томъ ефремовскаго изданія сочиненій Пушкина, 1882 г., стр. 299—300, съ невѣрнымъ отнесеніемъ къ 1828 г., повтореннымъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ Ефремова и Морозова, несмотря на то, что еще Анненковъ сообщилъ вѣрную дату. Съ принадлежащаго гр. С. Д. Шереметеву подлинника, на которомъ стоитъ почтовый штемпель: «Опочка, 10 ноября 1826», письмо было напечатано, безъ сдѣланныхъ въ прежнихъ изданіяхъ пропусковъ, В. И. Саитовымъ въ академическомъ изданіи Переписки Пушкина, I, 380—381, № 280. «Въ доказательство дружбы (сего священнаго чувства) посылаю тебѣ»—писалъ С. А. Соболевскому Пушкинъ—«мой Itinéraire отъ Москвы до Новгорода. Это будетъ для тебя Инструкція. Во первыхъ запасись виномъ, ибо порядочнаго нигдѣ не найдешь. Потомъ (на голосъ: «Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской») «У Гальяни иль Кольони»... и т. д. Рядомъ со стихомъ: «Жареныхъ котлетъ отвѣдай»... на поляхъ прибавлено: «имянно котлетъ». Послѣ стиха: «Луку маленькой кусокъ»... идетъ «проза»: — «Яжельбицы — первая станція послѣ Валдая. Въ Валдаѣ спроси, есть ли свѣжія сельди? если же нѣтъ у податливыхъ крестьянокъ»... и проч. За послѣднимъ стихомъ слѣдуетъ наставленіе: «На каждой станціи совѣтую изъ коляски выбрасывать пустую бутылку: такимъ образомъ ты будешь имѣть отъ скуки какое-нибудь занятіе».

Стихи «Жилъ да былъ пѣтухъ индѣйской»... («Цапли») приписывались то Баратынскому, то Пушкину, но, вѣроятно, принадлежатъ А. Ѳ. Воейкову (см. сочин. П., изд. Анненкова, VII, 10; берлинскій томикъ стихотвореній Пушкина, изд. Н. В. Гербеля, 1861 г., стр. VIII—IX; «Литерат. Прибавл. къ Русск. Инвалиду» 1831 г., № 6, стр. 46—47; «Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевск. архива», I, М., 1851, стр. 130—131: «Полярная Звѣзда» 1858 г., кн. 4, стр. 271; «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 862, 1506; 1900 г., II, 105; Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, III, 506, 752; «Историч. Вѣстн.» 1887 г., т. XXVII, стр. 79; «Остафьевскій Архивъ», III, 473; зам. В. Каллаша въ «Литерат. Вѣстн.» 1902 г., кн. 7, стр. 197, и Ѳ. А. Витберга въ «Лит. Вѣстн.» 1903 г., кн. 7—8, стр. 245—248; семейство М. М. Сонцова, женатаго на теткѣ Пушкина Елизаветѣ Львовнѣ, обиженное этими стихами, приписывало ихъ Пушкину, который, какъ извѣстно, вообще недолюбливалъ своихъ родственниковъ (см. пис. Вяземскаго къ Пушкину 26 іюля 1828 г. — Переп. П—на, академич. изд., II, 70). Основанный еще въ XVIII вѣкѣ итальянцемъ Гальяни или, какъ выражается Пушкинъ, «Кальони» (въ послѣднемъ словѣ за-

ключается довольно фривольный намекъ, почерпнутый, вѣроятно, изъ вольтеровскаго «Кандида», см. «Русск. Арх.» 1878 г., III, 395) трактиръ съ номерами «для пріѣзжающихъ» былъ очень популяренъ; въ Твери есть даже Гальяновская улица, недавно переименованная въ Пушкинскую: о немъ см. В. Колосовъ, «А. С. П—нъ въ Тверской губерніи въ 1827 г.», Тверь, 1888, стр. 1—3; Записки Вигеля, изд. 1892 г., II, 102; «Остаф. Арх.» I, 142, 527; шутя Пушкинъ спуталъ имя этого трактирщика съ именемъ извѣстнаго аббата Гальяни (1728—1787 гг.), принадлежавшаго къ энциклопедіи скептическому причту» (упоминанія о немъ см. въ посланіи «Къ вельможѣ» и въ письмахъ къ Вяземскому, 10 іюля 1826 г., и къ женѣ, 26 іюля 1834 г.). Трактиръ Пожарскаго въ Торжкѣ—родина знаменитыхъ «пожарскихъ котлетъ» изъ курянаго мяса, которыми объѣдалисъ гурманы въ родѣ А. И. Тургенева («Остафьевск. Архивъ», IV, 4, № 796), Колосовъ, стр. 2—3); въ 1833 г. Пушкинъ и Соболевскій «завтракали славно» у «толстой m-lle Pojarsky, той самой, которая варитъ славный квасъ и жаритъ славныя котлеты» (письма къ женѣ 21 и 24 августа). Славились и яжельбицкія форели; см. объ этихъ яствахъ также «Путевыя записки по Россіи» М. Жданова, Спб., 1843, стр. 25—26 (и сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VIII, 194). Не менѣе популярны были также валдайскія баранки и валдайскій развратъ, приводившій въ негодованіе цѣломудреннаго Радищева, который («Путешествіе изъ Петербурга въ Москву») восклицалъ: «Кто не бывалъ въ Валдаяхъ, кто не знаетъ валдайскихъ баранокъ и валдайскихъ разрумяненныхъ дѣвокъ! Всякаго проѣзжающаго наглыя валдайскія и стыдъ сотрясшія дѣвки останавливаютъ и стараются возжигать въ путешественникѣ любострастіе, воспользоваться его щедростью на счетъ своего цѣломудрія»...

Въ этомъ забавномъ гастрономическомъ итинераріи Пушкинъ не столько самъ смакуетъ всѣ эти вкусныя вещи, сколько входитъ во вкусы своего пріятеля, завзятаго любителя покушать. «Онъ вовсе не былъ лакомка»—вспоминалъ о Пушкинѣ Вяземскій («Старая записная книжка»—Сочин., VIII, 372): «онъ даже, думаю, не цѣнилъ и не хорошо постигалъ тайнъ поваренаго искусства, но на иныя вещи былъ онъ ужасный прожора. Помню, какъ въ дорогѣ съѣлъ онъ почти однимъ духомъ двадцать персиковъ, купленныхъ въ Торжкѣ. Моченымъ яблокамъ также доставалось отъ него нерѣдко».

Сергѣй Александровичъ Соболевскій (род. 10 сентября 1803 г., ум. 6 октября 1870 г.) былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Пушкину людей. Соболевскій, незаконный сынъ москвички А. И. Лобковой и богача А. Н. Соймонова, учился въ благородномъ пансіонѣ при петербургскомъ университетѣ вмѣстѣ съ братомъ Пушкина Львомъ, который и познакомилъ его съ старшимъ братомъ. Въ 1819 г. Пушкинъ просилъ А. И. Тургенева заступиться передъ учебнымъ начальствомъ за этого «достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ молодого человѣка», провинившагося въ «какихъ-то теологическихъ мнѣніяхъ». При печатаніи «Руслана и Людмилы» Соболевскій помогалъ Гнѣдичу и Льву Пушкину; въ 1821 г. онъ окончилъ курсъ пансіона. По возвращеніи изъ ссылки въ Москву Пушкинъ поселился у него; въ его домѣ былъ читанъ «Годуновъ»; онъ познакомилъ Пушкина съ Веневитиновымъ; ему принадлежитъ вошедшее въ «Онѣгина» прозвище «архивные юноши» (онъ самъ служилъ въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ). Соболевскій велъ веселую, легкомысленную жизнь богатаго юноши, но любилъ литературу, былъ членомъ редакціи «Московскаго Вѣстника», путешествовалъ, собиралъ книги и впослѣдствіи пріобрѣлъ репутацію отличнаго библіографа и библіофила; его библіотекой часто пользовался Пушкинъ, взявшій однажды изъ нея радищевское «Путешествіе», которое послужило ему канвою для «Мыслей на дорогѣ». Черезъ его посредство Пушкинъ однажды снесся съ Меримэ (по поводу «Пѣсенъ западныхъ славянъ»). Соболевскій славился своими остроумными экспромптами и эпиграммами; нѣкоторыя изъ нихъ приписывались Пушкину, и П. И. Бартеневъ, въ «Русск. Архивѣ» котораго появилось особенно много эпиграммъ Соболевскаго, мѣтко назвалъ его «русскимъ Марціаломъ». Пушкинъ, который очень любилъ его, прозывалъ его за обжорство Калибаномъ, Фальстафомъ, животнымъ. Соболевскій, въ свою очередь, обожалъ Пушкина; въ 1827 г. онъ заказалъ живописцу Тропинину извѣстный портретъ Пушкина, считающійся однимъ изъ лучшихъ; иногда онъ помогалъ Пушкину въ нѣкоторыхъ изданіяхъ («Онѣгинъ», «Братья-разбойники»); часто пріятели ссужали другъ друга деньгами. Соболевскому принадлежитъ статья «Таинственныя примѣты въ жизни Пушкина»—«Русс. Арх.» 1870 г., ст. 1366—1376. О Соболевскомъ см.—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ, «С. А. Соболевскій», Спб., 1892; «Старина и Новизна», кн. VII; «Русс. Арх.» 1870 г., № 11; 1906 г., т. III; Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина»; Н. Колюпановъ, Біографія А. И. Кошелева», т. I, кн. 2, стр. 127—130; «Остафьевск. Архивъ», III, 542—543; Переписка Пушкина, изд. академіи наукъ; Л. П. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г.; Л. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890; Записки Ф. Ф. Вигеля, VII, М., 1893, стр. 134—135; Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т.т. I—III. Многія данныя о немъ разсѣяны въ историческихъ изданіяхъ; въ остафьевскомъ архивѣ хранится множество еще неизданныхъ стихотвореній Соболевскаго. Какъ и многія замѣчательныя личности пушкинской эпохи, первый русскій эпиграммитистъ еще ждетъ своего біографа.

---

482. ПРОЩАЙ, ОТШЕЛЬНИКЪ БЕССАРАБСКОЙ...

(т. II, стр. 407).

Этимъ четверостишіемъ оканчивается письмо Пушкина, отъ 1 декабря 1826 г., изъ Пскова, къ кишиневскому другу Н. С. Алексѣеву, напечатанное впервые П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855 г., стр. 173. Объ Н. С. Алексѣевѣ и объ отношеніяхъ Пушкина къ нему см. во II т. настоящаго изданія №№ 268, 270, 282, 344 и примѣчанія къ нимъ. 30 октября 1826 г., узнавъ, что Пушкинъ въ Москвѣ, Алексѣевъ послалъ ему теплое дружеское письмо, въ которомъ вспоминалъ о прежней кишиневской жизни, разсказывалъ объ общихъ знакомыхъ. Пушкинъ отвѣчалъ ему 1 декабря: «Не могу изъяснить тебѣ моего чувства при полученіи твоего письма. Твой почеркъ опрятный и чопорный, Кишиневскіе звуки, берегъ Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо... Милый мой, ты

возвратилъ меня Бессарабіи. Я опять въ своихъ развалинахъ, въ моей темной комнатѣ передъ рѣшетчатымъ окномъ, или у тебя, мой милый, въ свѣтлой, чистой избушкѣ... Опять рейнвейнъ, опять champagne, и Пущинъ, и Вареоломей, и все... Какъ ты уменъ, что написалъ ко мнѣ первый! Мнѣ бы эта счастливая мысль никогда въ голову не пришла, хоть и часто о тебѣ вспоминаю и жалѣю, что не могу бѣсить тебя, ни наблюдать твои манеры вокругъ острога. Былъ я въ Москвѣ и думалъ: авось Богъ милостивъ! — увижу гдѣ-нибудь чинно сидящаго моего чернаго друга — или въ креслахъ театральныхъ, или въ ресторацiи за бутылкой. Нѣтъ! Такъ и уѣхалъ во Псковъ. Такъ и теперь ѣду въ бѣлокаменную. Надежды нѣтъ, или очень мало. По крайней мѣрѣ, пиши же мнѣ почаще, а я за новости Кишинева стану тебя подчивать новостями московскими. Буду тебѣ сводничать старыхъ твоихъ любовницъ—я чай, дьявольски состарѣлись. Напиши — кто. Я готовъ донынѣ идти по твоимъ слѣдамъ, утѣшаясь мыслію, что орогачу друга». Въ мартѣ 1827 г. Алексѣевъ отвѣтилъ Пушкину, изъ Хотина: «Если мое письмо доставило тебѣ удовольствіе, любезный Пушкинъ, то суди, въ какое восхищеніе привело меня твое: я, въ скучной, однообразной жизни, не могъ забыть тебя; всякій шагъ, всякое мѣсто напоминали мнѣ веселыя прогулки, занимательные разговоры, дружеское соперничество и незлобное предательство. Ты, въ шумѣ обѣихъ столицъ, сохранилъ меня въ своей памяти и тѣмъ оправдалъ мое мнѣніе о добротѣ твоего сердца и благодарныхъ чувствахъ. Хвала тебѣ!»..

Прозвища «лукавый другъ», «черный другъ» объясняются посланіями къ Алексѣеву 1821 — 1822 гг. Въ тотъ же день, 1 декабря 1826 г., Пушкинъ писалъ къ Вяземскому и въ концѣ прибавилъ: «при семъ письмо къ Алексѣеву (родъ моего Сушкова) отдай для дост. Киселеву»... Въ этомъ сравненіи Алексѣева съ Сушковымъ заключается, кажется, нѣчто обидное для кишиневскаго друга, какой-то смѣшной намекъ. О посредственномъ московскомъ литераторѣ Никол. Васил. Сушковѣ (1796—1871 гг.) Пушкинъ былъ довольно невыгоднаго мнѣнія. Онъ писалъ Вяземскому (9 ноября 1826 г.), что готовъ работать въ любомъ журналѣ.—«Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ, все равно».., а надъ одесскимъ сослуживцемъ Никитой Степан. Завальевскимъ Пушкинъ любилъ потѣшаться (см. его письмо къ Ф. Ф. Вигелю отъ октября—ноября 1823 г. и «Записки» Вигеля, VI, 120—121).

---

483. ЗИМНЯЯ ДОРОГА

(т. II, стр. 407).

Извѣстенъ черновой набросокъ этого стихотворенія, находящійся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина («П—нъ и его современники», вып. IV, стр. 8). Другой автографъ, болѣе отдаленный, съ нѣкоторыми поправками, безъ послѣдней строфы, съ приписаннымъ чужой рукой заглавіемъ, принадлежитъ Г. И. Яковлеву; онъ даетъ два зачеркнутые поэтомъ варіанта: въ 14-мъ стихѣ—«Глушь и Мракъ», и въ 18-мъ стихѣ—«Завтра, въ городъ возвратясь!..

Появилась пьеса впервые въ «Московск. Вѣстникѣ», т. VII, 1828 г., № 4, стр. 405—406 и затѣмъ была включена въ сборникъ «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1829 г. ч. II, стр. 75—77, гдѣ отнесена самимъ поэтомъ къ 1826 году. П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочиненій П—на, II, 419, ошибается, говоря, что «всѣ стихотворенія этого года написаны въ Москвѣ, куда переселился поэтъ изъ деревни своей», и «первая мысль нѣкоторыхъ даже относится къ переѣзду его: такова Зимняя дорога»... Л. Н. Поливановъ (см. его изданіе сочин. Пушкина, 1,225) думаетъ, что въ пьесѣ «воспроизведены впечатлѣнія поѣздки изъ Михайловскаго въ Псковъ... представлена пустынная картина снѣжныхъ псковскихъ полянъ».. Б. Л. Модзалевскій (П. и его соврем.», IV, 105—106) высказалъ предположеніе, что она написана «вѣроятно, по пути изъ Михайловскаго въ Москву въ серединѣ декабря 1826 г.; поэтъ подъ именемъ Нины разумѣетъ С. Ѳ. Пушкину, о свиданіи съ которой не переставалъ мечтать въ Михайловскомъ. Здѣсь подъ поэтической дымкой ясно проглядываетъ субъективное чувство поэта: настроеніе его, какъ нельзя больше, подходитъ къ обстоятельствамъ мѣста и времени, въ которыхъ онъ тогда находился. Онъ мечтаетъ о свиданіи съ любимой дѣвушкой, къ которой ѣдетъ и которую «завтра» увидитъ въ кругу «докучныхъ» для него поклонниковъ; онъ надѣется поговорить съ ней наединѣ, когда разъѣдутся гости» .. (О С. Ѳ. Пушкиной см. въ III т. ст. А. Ѳ. Кони «Первое сватовство Пушкина» и стр. 344). Эти предположенія основаны на обычномъ отождествленіи поэтическаго «я» съ личнымъ «я» Пушкина и не находятъ себѣ даже косвеннаго подтвержденія въ какихъ-нибудь фактическихъ данныхъ. Извѣстно лишь, что Пушкинъ датировалъ пьесу 1826 годомъ; черновикъ, гдѣ рядомъ съ «Зимней дорогой» записаны стихи другихъ годовъ, не даетъ никакихъ указаній на мѣсяцъ созданія пьесы. Невозможно сказать рѣшительно, что подъ именемъ Нины скрывается опредѣленная личность. Въ «Онѣгинѣ» Пушкинъ упоминаетъ о какой-то Нинѣ, Татьяна (гл. 8, строфа XVI) «сидѣла у стола съ блестящей Ниной Воронскою, сей Клеопатрою Невы, и вѣрно бъ согласились вы, что Нина мраморной красою затмитъ сосѣдку не могла, хоть ослѣпительна была»... (Въ варіантахъ этой строфы Нина названа также Волхонскою и Тараискою). Въ другой, выпущенной строфѣ 8-й главы поэтъ говоритъ: «смотрите,—въ залу Нина входитъ, остановилась у дверей и взглядъ разсѣянный обводитъ вокругъ внимательныхъ гостей. Въ волненьи перси, очи блещутъ, горитъ въ алмазахъ голова, вкругъ стана вьются и трепещутъ прозрачной сѣтью кружева, и шелкъ узорной паутиной сквозитъ на розовыхъ ногахъ,—и всѣ въ восторгѣ, въ небесахъ предъ сей волшебною картиной»... Вѣроятно, объ этой особѣ кн. П. А. Вяземскій писалъ Пушкину 23 февраля 1829 г.: «мое почтеніе княгинѣ Нинѣ. Да смотри, непремѣнно, а не то ты изъ ревности и не передашь»... Но едва ли есть что-нибудь общее между онѣгинской Ниной и Ниной «Зимней дороги».

«Всей семьей отъ ямщика до перваго поэта, мы всѣ поемъ уныло», сказалъ Пушкинъ («Домикъ въ Коломнѣ»). Въ грустной русской пѣснѣ Бѣлинскій видѣлъ проявленіе національной «субстанціи» Россіи. «Суровое небо видѣли ея младенческія очи, разгульныя вьюги пѣли ей колыбельныя пѣсни, и жестокіе морозы закалили ея

тѣло здоровьемъ и крѣпостію. Когда вы ѣдете зимою на лихой тройкѣ, и снѣгъ трещитъ подъ полозьями вашихъ саней, морозное небо усѣяно міріадами звѣздъ, и вздоръ вашъ съ тоскою теряется на необъятной снѣжной равнинѣ, осеребренной уединеннымъ скитальцемъ-мѣсяцемъ и мѣстами прерываемой покрытыми иннеемъ деревьями,—какъ понятна покажется вамъ протяжная, заунывная пѣсня вашего ямщика; и какъ будетъ гармонировать съ нею однообразный звонъ колокольчика, надрывающій сердце, по выраженію Пушкина! Грусть есть общій мотивъ нашей поэзіи—и народной, и художественной... Нигдѣ Пушкинъ не дѣйствуетъ на русскую душу съ такою неотразимою силою, какъ тамъ, гдѣ поэзія его проникается грустію, и нигдѣ онъ столько не національненъ, какъ въ грустныхъ звукахъ своей поэзіи»... (Сочин. Б—го, изд. Венгерова, VI, 184). «Грусть»,—говорилъ Бѣлинскій въ другомъ мѣстѣ (Сочин., VII, 361)—«составляетъ одинъ изъ основныхъ звуковъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина и потому она придаетъ ей задушевность, сердечность, мягкость, влажность (если можно такъ выразиться, говоря о противоположномъ сухости качествѣ), а не преобладаетъ надъ нею: это грусть души великой, знающей свою силу; въ ней нѣтъ ничего общаго съ уныніемъ, болѣзнію слабыхъ душъ. Кромѣ того, въ грусти Пушкина такъ много русскаго, того самаго, что такъ сильно овладѣваетъ душою въ протяжной и разгульной русской пѣснѣ. И такъ какъ эта грусть составляетъ только одинъ звукъ въ аккордѣ поэзіи Пушкина, а не цѣлый аккордъ, то поэзія Пушкина и чужда всякой монотонности, всякой односторонности». Разсуждая объ основныхъ элементахъ лирики, Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., VI, 101) упомянулъ «Зимнюю дорогу» въ числѣ «лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій лирической музы Пушкина», въ которыхъ сущность лиризма состоитъ въ совершеннѣйшемъ выраженіи «музыкальнаго ощущенія», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи лишь вскользь отмѣтилъ «самобытность» пьесы. «Грусть Пушкина»—сказалъ онъ—«несмотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна: она умѣряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца». Гоголь изъ своего «прекраснаго далека» взывалъ къ родной странѣ («Мертвыя души», т. I, гл. 11-ая): «Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣснѣ? Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца?»...

Такое же чувство нѣжно-щемящей тоски навѣвали на душу Пушкина родныя пѣсни, которыхъ онъ столько переслушалъ отъ ямщиковъ въ своихъ разъѣздахъ по Россіи, и этимъ чувствомъ проникнуто близкое по мотиву къ разбираемой пьесѣ неоконченное стихотвореніе, тоже внушенное зимней дорогой («Въ полѣ чистомъ серебрится»...—см. выше, № 743): «Пой: въ часы дорожной скуки, на дорогѣ столбовой, сладки мнѣ родные звуки звонкой пѣсни удалой. Пой ямщикъ! Я молча, жадно буду слушать голосъ твой... Знаешь пѣсню ты—лучина»... «Спой мнѣ пѣсню, какъ синица тихо за моремъ жила, спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица за водой поутру шла»,—проситъ онъ няню («Зимній вечеръ»). «Тутъ такая цѣлость чувства грустнаго, истиннаго, русскаго, удалого!»—писалъ о «Зимней дорогѣ» Н. В. Станкевичъ (П. В. Анненковъ «Литературныя воспоминанія», Спб., 1900, стр. 399—400): —«въ этихъ простыхъ, коротенькихъ исповѣдяхъ цѣльной, живой и умной натуры—истинная поэзія. Мало ли у него такихъ вещей!» «Къ какой глубокой, сердечной думѣ»,—писалъ К. П. Зеленецкій («О художественно-національномъ значеніи произведеній Пушкина»—«Ж. М. Н. Пр.» 1855 г., ч. LXXXV, отд. II, стр. 225),—сведена здѣсь вся обстановка этого небольшого произведенія... Какъ поэтически высказано въ немъ раздумье, столь обычное почти каждому изъ насъ!». Для Аполлона Григорьева (Сочин., I, 282 – 283) «Зимняя дорога» послужила примѣромъ, «какъ поэтъ простъ въ анализѣ полнаго и цѣльнаго чувства любви, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ до болѣе положительныхъ проявленій: «Грустно, Нина, путь мой скученъ... и т. д. Перечтите это стихотвореніе, дышащее какою-то ежедневностью, такъ сказать домашностью, чтобы ясно понять, какъ просто у поэта чувство, какъ оно присутствуетъ въ душѣ цѣльно, не разрываясь съ другими, обычными впечатлѣніями, правильное, свѣтлое, глубокое»... Нельзя не отмѣтить весьма курьезнаго по «глубокомыслію» мнѣнія о «Зимней дорогѣ» Б. Эйхенбаума («Пушкинъ-поэтъ и бунтъ 1825 года»—«Вѣстн. Знанія» 1907 г., № 1, стр. 16 — 18). Это стихотвореніе если и «не уложится цѣликомъ въ рамки той или иной математической (?!) формулы» и даже если не совсѣмъ отражаетъ «усталость, сомнѣнія, разочарованія и грусть», которыя непремѣнно должны были охватить Пушкина послѣ того, какъ онъ «не пошелъ по пути высшаго призыва», который звучитъ въ послѣднихъ стихахъ «Пророка»,—то все-таки словами «скучно, грустно» подтверждаетъ, что послѣ «Пророка» поэтъ былъ «въ полномъ изнеможеніи... Вотъ каковъ характеръ Зимней дороги»!... (Sic!).

Л. И. Поливановъ (l. c.) указалъ «связь» стиха: «Загляжусь не наглядясь»... со словами одной элегіи В. И. Туманскаго: «На скалы, на холмы глядѣть безъ наглядѣнья»...; правда, Пушкинъ зналъ эту элегію, но заимствованія изъ нея приведеннаго выраженія, которое само по себѣ просто и обычно, такъ же возможно, какъ вообще заимствованіе самыхъ обыкновенныхъ словъ, въ которыхъ Пушкину не приходилось же нуждаться. Звуковая сторона стихотворенія обращаетъ на себя вниманіе частымъ повтореніемъ передающаго грусть и тоску звука *у*: туманы, отуманенъ, луна, лунный, скучной, скучно, однозвучной, звучно, утомительно, разгулье удалое, глушь, грустно, навстрѣчу, забудусь, загляжусь, кругъ, докучныхъ удаляя разлучить, путь, смолкнулъ.., Здѣсь не видно и слѣда искусственнаго пріема, въ родѣ тѣхъ, которыми такъ любятъ злоупотреблять поэты-версификаторы послѣднихъ лѣтъ. Великолѣпный эффектъ получился самъ собою, безъ малѣйшаго усилія поэта, достигшаго въ выраженіи чувства нѣжной напѣвности и художественной изобразительности геніальнымъ чутьемъ и той «простотой», которой нельзя ни научиться, ни научить. Къ великому поэту не только риѳмы «приходили сами», но и слова, незамѣнимыя, единственныя. Музыкальность пьесы привлекла къ ней композиторовъ, извѣстны пять музыкальныхъ интерпретацій «Зимней дороги», первая изъ которыхъ принадлежитъ А. А. Алябьеву (С. К. Буличъ, «П — нъ и русская музыка» — «Памяти П—на, сборн. стат. преподав. и слушателей Спб. унив.», 1900 г., стр. 78).

«Зимней дорогѣ», подражалъ кн. П. А. Вяземскій («Дорожная дума» — «Литерат. Газета» 1830 г., № 3, стр. 20 – Сочин. Вяземскаго, IV, 73): «Колокольчикъ однозвучный, крикъ протяжный ямщика, зимней степи сумракъ скучный, саванъ неба, облака!..» и т. д. Есть подражаніе и у Н. В. Гербеля («просторъ»).

482-я. СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

(т. II, стр. 417).

Рукопись «Сцены» неизвѣстна. Впервые появилась она въ «Московскомъ Вѣстникѣ», т. IX, 1828 г., № 9, а затѣмъ въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 60—67, и, начиная съ посмертнаго изданія, входитъ во всѣ собранія сочиненій Пушкина; о небольшихъ отличіяхъ между двумя прижизненными печатными текстами «Сцены» см. въ общей статьѣ о текстѣ. Въ настоящемъ изданіи она воспроизведена по пушкинскому сборнику 1829 г. съ добавленіемъ двухъ исключенныхъ цензурою стиховъ, которыми кончается послѣдній монологъ Мефистофеля. И въ этомъ сборникѣ, и въ «Москов. Вѣстникѣ» поэтъ датировалъ «Сцену» 1825 годомъ. Въ изданіяхъ Анненкова, обоихъ геннадіевскихъ (1859 и 1870 гг.), обоихъ морозовскихъ (литерат. фонда и «Просвѣщенія») «Сцена» напечатана подъ 1826 годомъ. Л. И. Поливановъ въ своемъ изданіи датировалъ ее 1825 г., П. А. Ефремовъ въ своихъ изданіяхъ 1880 и 1882 г.г. датировалъ ее 1825 г. и писалъ: «неизвѣстно, на какомъ основаніи Анненковъ отнесъ ее къ 1826 году. Не могъ же Пушкинъ въ началѣ 1829 г. уже забыть, въ 1825 или 1826 г. писалъ онъ эту сцену, особенно если припомнимъ его необыкновенную точность и аккуратность въ размѣщеніи своихъ произведеній по годамъ»; тѣмъ не менѣе, въ своемъ послѣднемъ изданіи (т. III, 1903 г.) Ефремовъ самъ напечаталъ «Сцену» подъ 1826 г. Эта перемѣна пушкинской датировки, по вполнѣ вѣрному объясненію В. А. Розова («Пушкинъ и Гете», Кіевъ, 1908, стр. 117—119), «дѣлается большей частью съ цѣлью поставить пьесу въ зависимость отъ вліянія Веневитинова и его кружка. Основаніемъ служатъ слѣдующія слова Анненкова: «за нѣсколько времени до смерти своей Веневитиновъ написалъ «Посланіе Пушкину», въ которомъ призывалъ пѣвца Байрона и Шенье—воспѣть великаго германскаго старца, Гете. Пушкинъ, въ превосходной сценѣ, созданной въ это же время и названной имъ: «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ», измѣнилъ отчасти образы германскаго поэта, но съ замѣчательной силой, энергіей поэзіи» («Матеріалы», стр. 177). Отсюда дѣлается выводъ, что «Сцена изъ Фауста» Пушкина написана послѣ «Посланія» Веневитинова, т.-е. не ранѣе конца 1826 г. Нѣкоторые отодвигаютъ время окончательной редакціи и еще далѣе (см. ст. Ѳ. Некрасова въ «Пушкинскомъ сборникѣ студентовъ московскаго университета», стр. 84—85). Далѣе часто слѣдуетъ выводъ, что произведеніе, созданное по побужденію Веневитинова, было имъ и подсказано. Забываютъ, что Анненковъ въ приведенномъ отрывкѣ нигдѣ не говоритъ, будто бы «Сцена изъ Фауста» написана въ отвѣтъ на стихи молодого поклонника Гете. Онъ говоритъ только: «созданной въ это же время» и отмѣчаетъ этимъ приблизительную единовременность созданія обоихъ произведеній, а такъ какъ «Посланіе» Веневитинова писано еще до личнаго знакомства поэтовъ (?), то, слѣдовательно, и пушкинская «Сцена» была написана еще въ Михайловскомъ. Таково наше, намъ кажется, совершенно буквальное пониманіе приведеннаго мѣста «Матеріаловъ». Далѣе берутъ въ помощь дневникъ Погодина. Изъ него видно, что 10 сентября [1826 г.] Пушкинъ читалъ у Веневитиновыхъ «Бориса Годунова». На другой день Веневитиновъ разсказывалъ Погодину о вчерашнемъ днѣ: «Борисъ Годуновъ чудо. У него еще Самозванецъ, Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна, продолженіе Фауста, 8-я пѣснь Онѣгина» (Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. Погодина», II, 42). Ставятъ на видъ, что 8-я пѣснь «Онѣгина», «Моцартъ и Сальери» и «Самозванецъ» не были еще окончены, и дѣлаютъ выводъ, что слѣдовательно, и «Сцена изъ Фауста» также. При этомъ забываютъ, что зато «Наталья Павловна», т.-е. «графъ Нулинъ», была окончена еще зимою 1825 г. Кромѣ того, обратимъ вниманіе на слова: «у него еще Самозванецъ» и т. д. Врядъ ли такъ сказалъ бы Веневитиновъ о произведеніи, существующемъ лишь въ намѣреніи. Для этого есть другіе обороты. Изъ «Самозванца», «Моцарта и Сальери» могли существовать отдѣльныя сцены, изъ «8-й пѣсни Онѣгина»—строфы; но что меньшее могло существовать изъ «Фауста», который и весь-то занимаетъ меньше четырехъ страничекъ? Притомъ онъ прямо нерасчленимъ по цѣльности своей мысли и настроенія. Очевидно, хотя бы и вчернѣ, онъ долженъ былъ имѣть цѣльный видъ». Ѳ. Некрасовъ (ор. с., 88, 90), впрочемъ, допускаетъ, что «Сцена», «хотя и не въ окончательной формѣ, а только вчернѣ, была написана Пушкинымъ еще въ Михайловскомъ и привезена оттуда имъ съ собою въ Москву». В. Розовъ (ibid., 120) даже предполагаетъ, хотя совсѣмъ бездоказательно, что Дельвигъ весною 1825 г. привезъ изъ Михайловскаго «уже вполнѣ готовую» пьесу Жуковскому, который, молъ, передалъ ее въ слѣдующемъ году Гете». Весьма возможно, конечно, что пьеса отдѣлывалась въ 1826 г. или позднѣе, но, во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ основаній нарушать пушкинскую хронологію и должны считать «Сцену изъ Фауста» созданіемъ 1825 года.

Издававшему «Московскій Вѣстникъ» М. П. Погодину Пушкинъ писалъ во второй половинѣ августа 1827 г. изъ Михайловскаго: «Фаустъ и другіе стихи не вышли еще изъ-подъ Ц. [царской] цензуры; коль скоро получу, перешлю къ вамъ». 22 августа А. Х. Бенкендорфъ извѣстилъ поэта: Фаустъ и Мефистофель позволено напечатать за исключеніемъ слѣдующаго мѣста:

Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена»...

Пушкинъ, повидимому, очень дорожилъ «Сценой». Позволеніе напечатать ее такъ обрадовало его, что онъ, получивъ извѣщеніе объ этомъ, немедля написалъ (31 августа) Погодину: «Побѣда, побѣда! Фауста Царь пропустилъ, кромѣ двухъ стиховъ: да модная болѣзнь, она недавно вамъ подарена. Скажите это отъ меня Господину [Двигубскому], который вопрошалъ насъ, какъ мы смѣли представить предъ очи его Высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо, и попросите его Высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе и снисходительнѣе. Плетневъ доставитъ вамъ сцену, съ копіей отношенія Бенкендорфа. Если Моск. Цензура все таки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ. а я опять буду без-

покоить Государя Императора всеподданнѣйшей просьбою и жалобами на неуваженіе Выс. Его Воли». Плетневъ хотѣлъ выпросить у Пушкина «Сцену» для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», которые издавалъ ихъ общій другъ Дельвигъ, и писалъ (27 августа): «постарайся скорѣе доставить въ Фауста два стиха, коими бы замѣнить непропущенное. Тогда и Фаустъ пойдетъ къ Дельвигу». Но пьеса появилась въ «Москов. Вѣстникѣ», безъ замѣны исключенныхъ стиховъ, которые впервые напечаталъ, но не точно («Недавно къ намъ занесена») П. А. Ефремовъ въ «Библіограф. Записках» 1861 г., № 9; затѣмъ они появились въ статьѣ М. М. Попова («Русс. Стар.» 1874 г., августъ, стр. 701). Получивъ стихи, Погодинъ писалъ С. Т. Аксакову, бывшему тогда цензоромъ: «посылаю вамъ, м. г. Сергѣй Тимоѳеевичъ, Фауста, прочтеннаго самимъ Царемъ. Онъ не скрѣпленъ, но, я думаю, можно имѣть довѣренность оффиціальную къ письму Пушкина, не говоря уже о бумагѣ Б.(енкендорфа). Если станете подписывать, то прошу васъ подписать на чистовомъ оригиналѣ, а Царской мнѣ хочется сохранить» («Русс. Арх.» 1903 г., I, 445). Ни одинъ изъ этихъ экземпляровъ пьесы, однако, не дошелъ покуда до насъ.

П. В. Анненковъ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 133—134) готовъ былъ видѣть нѣчто въ родѣ программы къ «Сценѣ изъ Фауста» въ наброскѣ 1819—1820 гг. «Скажи, какія заклинанья»..; П. А. Ефремовъ соглашался съ этимъ мнѣніемъ (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 2, 542). «Отрывокъ очень незначителенъ, – замѣчаетъ В. А. Розовъ (ор. с., 87—88),—высказывать по поводу его какія-либо категорическія сужденія очень рискованно, но Анненковъ, сближая его со «Сценой изъ Фауста», имѣлъ нѣкоторыя основанія: и тутъ, и тамъ выводимый авторомъ бѣсъ представляется находящимся на службѣ у человѣка, является исполнителемъ его желаній и даже капризовъ... Кажется, въ этой небольшой пьескѣ слѣдуетъ видѣть первую попытку Пушкина самостоятельнаго творчества въ духѣ «Фауста» Гете. По крайней мѣрѣ, сатана Мильтона и Байрона ничѣмъ не напоминаетъ пушкинскаго бѣса. Только Мефистофель выступаетъ съ тѣми же чертами слуги человѣка, послушнаго исполнителя воли своего капризнаго господина, какія отмѣтилъ Пушкинъ въ своемъ бѣсѣ. Сходство между ними въ этомъ отношеніи несомнѣнно. Проще всего объяснить его тѣмъ, что Пушкинъ былъ знакомъ съ Фаустомъ». Намъ думается, что еще проще можно объяснить его тѣмъ, что Пушкинъ зналъ сказочную литературу, гдѣ весьма обыченъ образъ дьявола, отслуживающаго человѣку за проданную душу, т.-е. тотъ древній первоисточникъ, изъ котораго возникло самое сказаніе о докторѣ Фаустѣ.

Въ дополненіе къ прослѣженнымъ А. Горнфельдомъ въ его вводной статьѣ къ «Сценѣ» мнѣніямъ Бѣлинскаго (т. II, настоящаго изданія, стр. 411—412) приведемъ еще одинъ, болѣе общій отзывъ великаго критика (Сочин. Б., изд. Венгерова, VI, 110—111), относившаго «Сцену» къ «созданному Пушкинымъ особому роду драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману... По формѣ и объему это не больше какъ драматическіе очерки,но по содержанію и его развитію — это трагедіи въ полномъ смыслѣ этого слова. По оригинальности и самобытности онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли,—ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами». Въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи Бѣлинскій находилъ, что «Сцена» – «не переводъ изъ великой поэмы Гете, а собственное сочиненіе Пушкина въ духѣ Гете. Превосходная пьеса, но паѳосъ ея не совсѣмъ гетевскій». Вторую часть Гетевскаго «Фауста« Бѣлинскій назвалъ «не поэзіей, а сухой, мертвой, гнилой символистикой и аллегорикой», и указывалъ на Пушкина: «какой великій геній, какая поэтическая натура! Да, онъ не могъ по своей натурѣ написать ничего въ родѣ 2-й части Фауста» (пис. къ И. И. Панаеву 19 августа 1839 г.—А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій», изд. 2-ое, стр. 238, 239). «Гетевъ «Фаустъ» навелъ его,—говоритъ Гоголь, («Въ чемъ же наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность»),—вдругъ на идею сжать въ двухъ, трехъ страничкахъ главную мысль германскаго поэта,— и дивишься, какъ она мѣтко понята и какъ сосредоточена въ одно крѣпкое ядро, несмотря на всю ея неопредѣленную разбросанность у Гете». Степенный Анненковъ разсказываетъ («Гоголь въ Римѣ»—«Литературныя воспоминанія», Спб., 1909, стр. 40) о «парадоксѣ» Гоголя, который, къ великому соблазну А. А. Иванова, объявилъ однажды, что извѣстная пушкинская сцена изъ Фауста выше всего Фауста Гете, вмѣстѣ взятаго».

Писаревъ въ своемъ отзывѣ о «Сценѣ изъ Фауста» оставилъ удивительный образчикъ критической аберраціи. Усиливъ небрежные реалистическіе намеки Бѣлинскаго, для котораго пушкинскій Фаустъ былъ «пресытившимся гулякой», Писаревъ сравнилъ его съ купеческимъ сынкомъ, забавляющимся битьемъ зеркалъ въ увеселительныхъ заведеніяхъ. Молодой критикъ не понялъ, что въ приказаніи Фауста: «все утопить!» слышится не разбушевавшееся самодурство, а ищущее какого-нибудь исхода отчаяніе, соединенное, къ тому же, съ желаніемъ задать дьяволу работу и хотя на короткое время освободиться отъ его общества, побыть съ самимъ собою.

С. Ч....овъ (Замѣтки о драматическихъ сценахъ Пушкина», М., 1898, стр. 11—13) вѣрно, хотя въ довольно неуклюжихъ выраженіяхъ, анализируетъ сущность «Сцены»: «Фаустъ, въ своей завоевательно-духовной жаждѣ проглотившій бѣса и чувствующій себя послѣ этого поглощенія на первыхъ порахъ значительно приблизившимся къ божественности, на самомъ дѣлѣ испытываетъ только мученія волка, проглотившаго китовый усъ въ кускѣ сала и чувствующаго, что онъ начинаетъ распускаться въ желудкѣ... Поглощеннаго имъ бѣса поэтъ изображаетъ здравствующимъ, благоденствующимъ и продолжающимъ свою старую клеветническую дѣятельность въ усталой, пресыщенной знаніемъ и тоскующей душѣ Фауста; при этомъ поэтъ знакомитъ насъ съ тремя моментами его распусканія въ этой душѣ. Первымъ моментомъ является его клевета на жизнь, заканчивающаяся знаменитыми словами: «всѣхъ васъ гробъ зѣвая ждетъ»; вторымъ—его клевета на самого Фауста въ его лучшемъ для него самаго чувствѣ. Клевету эту Мефистофель совершаетъ при посредствѣ своего сатанинскаго дара дистиллировки худшихъ сторонъ человѣческаго чувства отъ примѣси къ нимъ чего-либо болѣе возвышеннаго и при помощи показанія этого чувства въ абстрактно-идеальномъ изображеніи его низшей осадочной сущности, причемъ для этого изображенія онъ беретъ тѣ яркія краски, которыми располагаетъ только больная совѣсть человѣка... Наконецъ, третьимъ

моментомъ живой дѣятельности Мефистофеля въ душѣ Фауста является его сплошная клевета на людей для того, чтобы вызвать Фауста на какой-нибудь безумный поступокъ въ отношеніи этихъ людей. «На немъ мерзавцевъ сотни три»—такъ рекомендуетъ пушкинскій Мефистофель, этотъ, подъ видомъ покорнаго раба, полновластный властелинъ усталой души Фауста, сильнаго своимъ невѣріемъ въ формѣ незнанія своей слабости, пассажировъ бѣлѣющаго вдали корабля для того, чтобы заставить Фауста безъ провѣрки справедливости сатанинской рекомендаціи метнуть всѣми этими пассажирами, и съ ихъ трехмачтовымъ кораблемъ, въ пасть зѣвающаго гроба. И эта внушенная Мефистофелемъ Фаусту мысль о томъ, что этимъ швыркомъ онъ избавитъ міръ отъ трехсотъ мерзавцевъ. показываетъ, что Пушкинъ видѣлъ въ сатанѣ новаго времени способность къ разрушенію для созиданія, но что онъ, съ своей точки зрѣнія на бѣса, понималъ ее только какъ приманку для побужденія человѣка къ исполненію злой воли его... Сумѣвъ создать при посредствѣ только нѣсколькихъ словъ, инстинктивно вырывающихся изъ устъ Фауста, образъ преступнаго деспота-тирана и показать инстинктивность его новыхъ безумныхъ выходокъ въ распоряженіяхъ, отдаваемыхъ имъ въ моментъ мученій за прошлое, Пушкинъ сумѣлъ познакомить насъ и съ характеромъ молитвенныхъ воззваній, то медленно вытекающихъ, то порывисто-бурно вырывающихся изъ наболѣвшей души новаго человѣка, ставшаго старымъ тираномъ въ рукахъ у овладѣвшаго имъ бѣса»...

Поставивъ себѣ вопросъ: «чего мы вправѣ ожидать отъ пушкинскаго отрывка?» и сравнивая сцену Пушкина съ трагедіей Гете, В. А. Розовъ (ор. с., стр. 293—308) отвѣчаетъ: «отъ нашего поэта нельзя требовать, чтобы онъ сжалъ въ одну сцену все содержаніе «Фауста». Думаемъ, если бы предъявили подобную претензію къ самому Гете, тотъ не былъ бы въ состояніи удовлетворить ее. Отдѣльная сцена есть естественное продолженіе и развитіе предшествовавшихъ сценъ... Фаустъ Пушкина пережилъ не менѣе гетевскаго Фауста первой части поэмы... И Мефистофель понятъ и обрисованъ Пушкинымъ вполнѣ правильно... Какъ и Гете, Пушкинъ особенно подробно останавливается на эпизодѣ съ Гретхенъ... Эпоха бездѣятельности и тоски, наполненная ужасными воспоминаніями, любовью къ памяти Гретхенъ и угрызеніями совѣсти, была естественна и неизбѣжна. Это одинаково понимали оба геніальные поэта. Но Гете скользнулъ надъ нею, изобразивъ ее символически, а Пушкинъ далъ подробный и точный анализъ ея... Пушкинъ первую роль отвелъ не времени, съ его всеисцѣляющимъ забвеніемъ, а собственной душевной дѣятельности Фауста. Онъ постарался разобраться въ хаосѣ его чувствъ и нашелъ между ними одно высокое, идеальное, безкорыстное... Фаустъ нашелъ въ прошедшемъ и чистоту, и возвышенность отношеній, и безмятежное счастье, которое онъ будто бы переживалъ тогда. Безпощадно обнаруживая истину, адскій духъ разрушаетъ сладкую Фаусту иллюзію, но самаго чувства онъ не въ силахъ разрушить. Фаустъ возмущенъ попыткой забросать грязью лучшія, святѣйшія для него движенія его сердца. Онъ тяготится Мефистофелемъ и прогоняетъ его. Первый шагъ къ освобожденію отъ демоническихъ сѣтей, такимъ образомъ, сдѣланъ... Въ окончательномъ выводѣ оба великіе поэта согласны. Лишь «пламя чистое» «любви безкорыстной» освобождаетъ насъ отъ путъ зла, просвѣтляетъ нашу душу и возвышаетъ ее къ небеснымъ сферамъ. Но Пушкинъ прямо пошелъ къ этой цѣли, непосредственно связавъ начинающееся возрожденіе Фауста съ трагедіей Гретхенъ»...

Ю. И. Айхенвальдъ («Пушкинъ», М., 1908, стр. 94—97) такъ пытается выявить основную мысль Пушкина: «Фаустъ извѣдалъ все, но не принялъ ничего... «Мнѣ скучно, бѣсъ». Человѣкъ жалуется бѣсу. Ибо Богъ создалъ міръ и людей, но онъ не предвидѣлъ, что въ Его мірѣ кому-нибудь изъ людей станетъ скучно. Природа, знаніе, женщина: все къ услугамъ человѣка, но на все это онъ отвѣчаетъ скукой. Это уничтожающая критика. Пусть называютъ міръ какъ угодно—неправеднымъ, злымъ, несовершеннымъ; но почувствовать и сказать, что міръ скученъ, тотъ міръ, надъ которымъ его творецъ работалъ шесть дней,—этой обиды Богъ человѣку не проститъ. Можно бороться съ богоборчествомъ, съ бунтомъ,—но какъ самолюбію божественнаго автора преодолѣть пренебреженіе, скуку, человѣческую зѣвоту?... Пушкинскій Фаустъ принадлежитъ къ числу скучающихъ людей, которые такъ извѣстны нашей литературѣ. Онѣгинъ тоже бо́льшую часть своей жизни проходилъ зѣвая, и вслѣдъ за нимъ явились и Печоринъ и тургеневскіе лишніе люди, и лишніе люди Чехова. О нихъ много писали, ихъ много осуждали, но своимъ «Фаустомъ» Пушкинъ намѣтилъ вопросъ о томъ, кто же здѣсь собственно лишній—человѣкъ или міръ. Если скука—это разумность, и разумность—скука, если человѣкъ на нее обреченъ, то несправедливо клеймить его лишнимъ, и, можетъ быть, право то скучающее сознаніе, которое, обижая и осуждая Бога, заявляетъ Ему, что міръ Его—ненужный и тоскливый. И на ряду съ проблемой лишняго человѣка не встаетъ ли основная грѣшная проблема—о лишнемъ Богѣ»?...

Въ пушкинскомъ Фаустѣ конечно, есть нѣкоторыя личныя черты автора. Можно безъ особой натяжки отнести даже къ поэтической «автобіографіи» Пушкина слова Фауста о Гретхенъ, совпадающія почти буквально съ признаніемъ поэта въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ»: «Одна была... Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь, гдѣ листъ чудесный гдѣ льются вѣчныя струи, я находилъ огонь небесный, сгорая жаждою любви»...

483-а. ДУША МОЯ ПАВЕЛЪ...

(т. II, стр. 422).

«Зимой 1826—1827 г.»—разсказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ князь П. П. Вяземскій («А. С. Пушкинъ. 1826—1837 г. По документамъ Остафьевскаго архива и личнымъ воспоминаніямъ»—газ. «Берегъ» 1880 г., № 111, есть отдѣл. оттискъ; перепеч. въ «Русск. Архивѣ» 1884 г., № 4, стр. 375—440, и въ сборникѣ «Къ біографіи А. С. Пушкина» вып. II, М, 1885; вошло въ «Собраніе сочиненій кн. П. П., Вяземскаго», Спб. 1893, стр. 467—563),—«я рѣшился, по тогдашней модѣ, поднести Пушкину, вслѣдъ за прочими членами семейства, и мой альбомъ, недавно подаренный мнѣ. То была небольшая книжка въ 32 долю листа, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ; я просилъ Пушкина написать мнѣ стихи. Дня три спустя Пушкинъ возвратилъ мнѣ альбомъ, вписавъ въ него:

Здравствуй, другъ мой Павелъ!
Держись моихъ правилъ:

Дѣлай то-то, то-то,
Не дѣлай того-то.
Кажется, что ясно.
Прости, мой прекрасный.

Альбомъ этотъ попался мнѣ весьма недавно въ остафьевской библіотекѣ, но съ вырѣзаннымъ листкомъ. Вырѣзалъ же этотъ листокъ я самъ, получивъ впослѣдствіи въ подарокъ альбомъ болѣе значительнаго размѣра, куда я и переклеилъ стихи Пушкина. Альбомъ хранился у меня нѣсколько лѣтъ... Но въ 1831 г. онъ взятъ у меня моимъ преподавателемъ, сколько помнится—Недремскимъ... и имъ возвращенъ не былъ. Всѣ эти обстоятельства весьма памятны мнѣ потому, что я долго питалъ надежду возвратить похищенное сокровище. «Въ той редакціи, которая помѣщена и въ настоящемъ изданіи, стихотвореніе появилось въ «Русс. Архивѣ» 1867 г., ст. 317, въ перечнѣ поступившихъ въ 1866 г. въ московскую Чертковскую библіотеку отъ С. П. Колошина «записокъ, черновыхъ набросковъ и рисунковъ Пушкина... Изъ стихотвореній тутъ черновые автографы: «Отвѣтъ х-ѣ-у» и «Зачѣмъ безвременную скуку»...». Изъ этихъ словъ видно, что «Русскій Архивъ» не говорилъ объ автографѣ стиховъ, посвященныхъ Вяземскому. Такимъ образомъ П. О. Морозовъ (изд. литерат. фонда, II, 6; «Просвѣщ.», II, 402) и П. А. Ефремовъ (изд. Исакова, 1880 г., II, 416; Суворина, VIII, 1905 г., 266), указывая на то, что въ «Русскомъ Архивѣ» стихи были напечатаны будто бы «съ автографа», ошиблись. Автографа не существуетъ, и, какъ удостовѣряетъ самъ кн. П. П. Вяземскій, произведшій по этому поводу «дознаніе», стихи были напечатаны въ «Русс. Архивѣ» съ копіи и «сколько помнится—ошибочно». Изъ этого нерѣшительнаго выраженія — «сколько помнится» можно заключить, что либо Вяземскій, признавая ошибки въ текстѣ «Русск. Архива», однако самъ не считалъ свой текстъ, переданный, очевидно, по памяти, безупречнымъ, либо, что въ моментъ писанія этихъ строкъ Вяземскій, забывшій текстъ «Русс., Архива» и не имѣвшій его передъ глазами, однако помнилъ, что этотъ текстъ невѣренъ, и выраженіе «сколько помнится» должно пониматься не какъ—«помнится подлинный текстъ», а какъ—«помнится печатный текстъ», т.-е. должно относиться къ ошибкамъ «Русс. Архива». Во всякомъ случаѣ, въ виду отсутствія автографа и наличности неоспоримаго свидѣтельства самого лица, которому стихи были посвящены, текстъ сообщенный княземъ П. П. Вяземскимъ, слѣдуетъ признать болѣе авторитетнымъ, чѣмъ текстъ «Русс. Архива», носящій, можетъ быть, слѣды «обработки» безхитросной пушкинской шутки, гдѣ не соблюденъ строго даже размѣръ [1]). Въ пользу редакціи Вяземскаго, говоритъ также его сообщеніе: «со времени написанія стиховъ въ мой альбомъ кличка моя въ семействѣ стала:—другъ мой Павелъ»...

О маленькомъ князѣ Павлѣ Вяземскомъ, сынѣ друга Пушкина кн. П. А. Вяземскаго, сохранились любопытныя упоминанія въ перепискѣ поэта. Умный, наивный, веселый ребенокъ очень забавлялъ Пушкина. «Что дѣлаетъ его сіятельство Павелъ, котораго письма составляютъ единственное утѣшеніе наше?»—писалъ онъ (24-го апрѣля 1828 года) его матери, княгинѣ Вѣрѣ Ѳедоровнѣ. Отецъ его писалъ Пушкину (26 іюля 1828 г.): «Я у Павлуши нашелъ въ тетради: критика на Евгенія Онѣгина, и по началу можно надѣяться, что онъ нашимъ критикамъ не уступитъ. Вотъ она: «И какой тутъ смыслъ: завѣтный вензель О да Е». Въ другомъ-же мѣстѣ онъ просто приводитъ твой стихъ: какія глупыя мѣста». L'enfant promet. Булгаринъ и теперь былъ-бы радъ усыновить его Пчелѣ». Пушкинъ отвѣчалъ: «критика кн. Павла веселитъ меня, какъ прелестный цвѣтъ обѣщающій современемъ плоды. Попроси ег'о переслать мнѣ свои замѣчанія; я буду на нихъ отвѣчать непремѣнно» (пис. 1 сентября 1828 г.). «Кланяюсь грозному моему критику Павлушѣ»—писалъ Пушкинъ П. А. Вяземскому въ концѣ января или въ февралѣ 1830 г.: «Я было написалъ на него ругательную антикритику, слогомъ Галатеи, взявъ въ эпиграфъ: Павлуша мѣдный лобъ, приличное названье! собирался ему послать, не знаю куда дѣлъ». Бывая у Вяземскихъ, Пушкинъ любилъ время проводить съ Павлушей: то училъ мальчика боксировать, то игралъ съ нимъ въ дурачки, пользуясь вмѣсто игральныхъ картъ визитными карточками знакомыхъ. «Тузы, короли, дамы и валеты козырные опредѣлялись Пушкинымъ; значеніе остальныхъ не было опредѣлено, и эта-то неопредѣленность и составляла всю потѣху: завязывались споры, чья визитная карточка бьетъ ходы противника. Мои настойчивые споры и приводимыя цитаты въ пользу первенства попавшихся въ мои руки козырей потѣшали Пушкина, какъ ребенка». Когда Пушкинъ женился, Павлуша Вяземскій принималъ участіе въ свадьбѣ и встрѣчалъ новобрачныхъ съ образомъ въ ихъ квартирѣ; потомъ онъ бывалъ у Пушкиныхъ, часто гулялъ съ поэтомъ и выслушивалъ его совѣты. Однажды Пушкинъ отговаривалъ его отъ поступленія въ петербургскій университетъ (этотъ университетъ дѣйствительно стоялъ тогда очень низко); въ другой разъ совѣтовалъ ему читать Библію. Всѣ совѣты Пушкина,—вспоминалъ впослѣдствіи князь Павелъ Петровичъ,—«коренились въ его уваженіи природы, жизни и ненависти къ поддѣльной наукѣ и лицемѣрной нравственности». Спустя многіе годы кн. П. П. не полѣнился написать хоть краткія воспоминанія о старомъ другѣ своей семьи, тѣмъ болѣе цѣнныя, что самые близкіе къ Пушкину люди, въ родѣ Нащокина, Соболевскаго, Плетнева, Жуковскаго, Вяземскаго-отца, во всю свою долгую жизнь не удосужились написать о своихъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ.

Князь Пав. Петр. Вяземскій родился 2 іюня 1820 г. въ Варшавѣ, образованіе получилъ въ Петропавловской школѣ при петербургской лютеранской церкви и въ петербургскомъ университетѣ. Съ 1840 до 1855 г. служилъ въ разныхъ нашихъ заграничныхъ посольствахъ, а затѣмъ занималъ должности помощника попечителя петербургскаго учебнаго округа и попечителя казанскаго учебнаго округа, до 1862 г., когда перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1873 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ петербургскаго комитета иностранной цензуры, и въ 1881 г. - начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати. 29 іюня 1888 г. онъ умеръ въ званіи сенатора и гофмейстера. Кн. П. П. Вяземскій занимался археологіей и старой русской письменностью. Ему принадлежитъ между прочимъ, большое изслѣдованіе «Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ» (Спб., 1875, явившееся резуль-

[1]) Именно потому-то намъ эта редакція и не показалась авторитетной. *Ред.*

татомъ двадцатипятилѣтней работы, и по его почину, въ 1877 г. основалось общество любителей древней письменности. Часть сочиненій его, въ одномъ большомъ томѣ, издана гр. С. Д. Шереметевымъ. О кн. П. П. Вяземскомъ см.—П. Петровъ. «Кн. П. П. Вяземскій», Спб., 1881; Е. Опочининъ, «Памяти кн. П. П. Вяземскаго», Спб., 1888 (изъ «Правительств. Вѣстн.» 1888 г. № 146); «Кн. П. П. Вяземскій, некрологъ» (Л. Н. Майкова)—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1888 г., августъ; гр. С. Д. Шереметевъ, «Кн. П. П. Вяземскій. Воспоминаніе. 1868–1888», Спб. (1888), и другое изданіе, журнала «Пантеонъ Литературы», Спб., 1889; «Памяти Кн. П. П. Вяземскаго», отчетъ о засѣданіи Имп. Общ. любит. древн. письменности 2 декабря 1888 г.; «Описаніе рукописей кн. П. П. Вяземскаго», Спб., 1902: «Сборникъ въ память кн. П. П. Вяземскаго», Спб., 1902 (со статьей Н. П. Барсукова «Страничка біографіи кн. П. П. Вяземскаго»).

---

484. ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

(т. II, стр. 422).

Автографъ этой пьесы, принадлежавшій первоначально московскому пріятелю Пушкина В. П. Зубкову и впослѣдствіи С. П. Колошину, былъ переданъ послѣднимъ въ 1866 г. въ московскую Чертковскую библіотеку («Русск. Арх.» 1867 г., ст. 317). Этотъ автографъ озаглавленъ: «Отвѣтъ х+у». Впервые появилось стихотвореніе, подъ заглавіемъ: Отвѣтъ» Ѳ. Т***», въ сборникѣ «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 78, въ числѣ пьесъ 1826 года. «Это восьмистишіе,—говоритъ П. В. Анненковъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, II, 420), — должно было занять мѣсто въ «Московскомъ Вѣстникѣ», но остановлено было по какой то причинѣ самимъ авторомъ»; въ серединѣ апрѣля 1827 г. Пушкинъ писалъ М. П. Погодину, вѣроятно, объ этой пьесѣ: «ради Господа Бога, оставьте Черкешенку въ покоѣ; вы больно огорчите меня, если ее напечатаете».

Что «Ѳ Т***» — Ѳ. Туманскій, впервые сообщилъ Анненковъ въ указателѣ къ своему изданію (VII, стр. 175, 2-ой пагинаціи); какимъ источникомъ пользовался для этого сообщенія Анненковъ, неизвѣстно: всѣ остальные издатели приняли это указаніе. Ѳедоръ Антоновичъ Туманскій, родственникъ поэта Василія Иван. Туманскаго, родился въ Малороссіи въ началѣ XIX вѣка, учился въ извѣстномъ благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ до 1818 г., и потомъ служилъ по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Съ Пушкинымъ, по словамъ графа Г. А. Милорадовича, онъ познакомился въ 20-хъ годахъ въ Кишиневѣ (?), наѣзжая изъ Яссъ, гдѣ служилъ тогда. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Бѣлградѣ, гдѣ занималъ мѣсто русскаго консула; тамъ онъ умеръ, въ чинѣ статскаго совѣтника, 5 іюля 1853 г. Писалъ онъ очень мало, и въ печати появились только девять его стихотвореній. Изъ нихъ извѣстны «Птичка» («Вчера я растворилъ темницу»...), до сихъ поръ не утратившая популярности и печатающаяся въ хрестоматіяхъ, и «А. С. Пушкину»:

Еще въ младенческія лѣта
Любилъ онъ пѣсенъ дивный даръ,
И не потухнулъ въ шумѣ свѣта
Его души небесный жаръ.
Не измѣнилъ онъ назначенью,
Главы предъ рокомъ не склонялъ
И, вѣрный тайному влеченью,
Онъ надъ судьбой торжествовалъ.
Подъ бурями, въ глуши изгнанья,
Вмѣщая міръ въ себѣ одномъ,
Младое сѣмя дарованья,
Какъ пышный цвѣтъ, созрѣло въ немъ.
Онъ пѣлъ въ степяхъ, подъ игомъ скуки
Влача свой странническій вѣкъ,—
И на плѣнительные звуки
Стекались нимфы чуждыхъ рѣкъ;
Внимая пѣснопѣньямъ славнымъ,
Пришельца въ лавры облекли
И въ упоеньѣ нарекли
Его пѣвцомъ самодержавнымъ.

(Стихи эти напечатаны въ «Русск. Архивѣ» 1874 г., II, 728, но Л. Н. Павлищевъ приписалъ ихъ сестрѣ Пушкина, Ольгѣ Сергѣевнѣ,—см. «Собраніе сочиненій кн. П. П. Вяземскаго», Спб., 1893, стр. 485—486; «Къ біографіи А. С. П—на», вып. II, М., 1885, стр. 18; ср. кн. В. П. Мещерскій, «Сборникъ стихотвореній изъ 54 русскихъ поэтовъ», Спб., 1881, стр. 295—296). Печатался Туманскій только въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» (на 1825, 1826, 1827 и 1830 гг.). «Ѳеодоръ Антоновичъ, — передаетъ графъ Милорадовичъ,—и въ обществѣ былъ такъ же молчаливъ, какъ его муза. Въ самомъ интимномъ кружкѣ онъ рѣдко проронивалъ слово, но оно никогда не оказывалось пустымъ. Разсказываютъ, что Баратынскій и Дельвигъ, прогуливаясь однажды по Невскому, безъ гроша въ карманѣ, разсуждали о томъ, гдѣ они будутъ обѣдать. Навстрѣчу имъ попался Туманскій, такой же безпечный въ отношеніи всего житейскаго, какъ и они. Поздоровавшись съ нимъ, оба поэта предложили ему вопросъ, гдѣ онъ обѣдаетъ сегодня. Туманскій поднялъ глаза къ небу и, указывая на него пальцемъ, отвѣчалъ торжественно:—Chez le Grand Restaurateur»... Близко знавшій его М. В. Юзефовичъ, товарищъ по университетскому пансіону, разсказывалъ («Русск. Архивъ» 1874 г. II, 728—732): «я хорошо сохранилъ въ памяти его наружность, жирную, довольно неуклюжую, натуры обломовской. Онъ хорошо учился, постоянно читалъ, но ни до его выхода, ни послѣ я ничего не зналъ и не слыхалъ о его литературныхъ опытахъ... Можетъ быть, уже въ Петербургѣ, куда онъ поступилъ на службу, проснулся въ немъ талантъ подъ вліяніемъ пушкинской плеяды... Первыя свѣдѣнія о немъ, какъ о поэтѣ, я получилъ отъ Льва Пушкина, который зналъ и любилъ его. Ѳеодоръ Туманскій обладалъ несомнѣнно значительнымъ самостоятельнымъ талантомъ. Онъ не былъ ничьимъ подражателемъ, потому что носилъ въ себѣ самомъ готовый запасъ для поэтическаго творчества. Онъ доказалъ это между прочимъ своею извѣстною «Птичкой», которую написалъ послѣ «Птички» Пушкина (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 139). Смѣлость такого состязанія достаточно свидѣтельствуетъ о самобытной силѣ, и все, что ни писалъ Ѳ. Туманскій, запечатлѣно индивидуальностью таланта. Каждое его стихотвореніе было не только прочувствовано, но глубоко перечувствовано и получало жизнь и форму, какъ органическій продуктъ души. Отъ этого форма, въ которую облекалъ Ѳ. Туманскій свои чувства и мысли, всегда отличалась своеобразностью. Самая простая мысль находила у него оригинальное представленіе и выраженіе».

О Ѳ. А. Туманскомъ см. также «Стихотворенія В. И. Туманскаго», Спб., 1881, стр. XXVIII—XXXVIII; «Вѣдом. Одесск. Градоначальства» 1903 г. № 150; Н. В. Гербель, «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ»; «Три молитвы»—«Русск. Стар.» 1901 г., декабрь, 529—532; Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 193; выше, примѣч. къ № 391.

По какому случаю написано стихотвореніе Пушкина, неизвѣстно. Бѣлинскій (въ ст. о Римскихъ элегіяхъ Гете—Сочин., изд. Венгерова, VI, 266) причислилъ пьесу къ роду антологіи—по «простотѣ и единству мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушію и возвышенности въ тонѣ, пластичности и граціи формы». Въ полномъ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи Бѣлинскій упомянулъ это стихотвореніе въ перечнѣ лучшихъ стиховъ Пушкина.

---

485. МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГЪ, МОЙ ДРУГЪ БЕЗЦѢННЫЙ...

(т. II, стр. 422).

Черновикъ посланія, начинающійся словами: «Мой [первый] другъ, мой другъ безцѣнный ..., находится въ принадлежащемъ академіи наукъ майковскомъ собраніи автографовъ Пушкина, по словамъ описанія котораго («Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 7,—самый подлинникъ недоступенъ) текстъ наброска довольно близокъ къ тому тексту, который напечатанъ И. А. Шляпкинымъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», стр. 68) съ копіи, снятой П. В. Анненковымъ. Въ этомъ спискѣ послѣ стиха: «Твой колокольчикъ огласилъ» слѣдуетъ:

Забытый кровъ, шалашъ опальный
Ты съ утѣшеньемъ посѣтилъ,
Ты день отрадный и печальный
Съ изгнаннымъ другомъ раздѣлилъ...
Скажи, куда дѣвались годы?
Скажи, что наши? что друзья?
Гдѣ жъ молодость? гдѣ ты? гдѣ я?
Судьба рукой своей желѣзной
Разбила мирный нашъ лицей,
Но ты счастливъ, о братъ любезный,
На избранной чредѣ своей,
Ты побѣдилъ продразсужденья...

Внизу Анненковъ приписалъ: «далѣе неразборчиво». Въ бѣловой редакціи, сообщенной П. А. Плетневу самимъ И. И. Пущинымъ, пьеса была напечатана впервые въ «Современникѣ» 1841 г., т. XXII, стр. 172, и вошла затѣмъ въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина IX, 392, гдѣ помѣщена среди лицейскихъ стихотвореній; въ обоихъ этихъ изданіяхъ (а также въ изданіи Анненкова, II, 390) - безъ имени Пущина, и съ ошибкой въ третьемъ стихѣ («домъ» вмѣсто дворъ). Пущинъ прислалъ стихи Плетневу черезъ посредство П. П. Ершова, автора извѣстной сказки «Конекъ-Горбунокъ» (А. К. Ярославцевъ, «П. П. Ершовъ», Спб., 1872, стр. 74, 83). Имя Пущина и дата года пьесы были сообщены лишь въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г. № 11. Въ сообщеніи Пущина пьеса носитъ помѣты: «Псковъ, 13-го декабря 1826». Анненковъ отнесъ пьесу къ 1825 г.; П. А. Ефремовъ въ своемъ первомъ изданіи (1880 г., т. II) произвольно перемѣнилъ дату: «13 ноября» (стр. 158) и пояснилъ (стр. 417): «стихотвореніе было послано въ Сибирь, куда Пущинъ былъ сосланъ въ каторжную работу за 14-е декабря 1825 г., и вручено ему А. Г. Муравьевой, пріѣхавшей къ своему мужу, декабристу Никитѣ Михайловичу. Анненковъ поэтому неправильно относитъ стихи къ 1825 году; впрочемъ и на копіи, сохранившейся у Пущина, тоже неправильно кѣмъ-то означено: «13 декабря 1826 г. Псковъ», потому что въ это время Пушкинъ былъ въ Москвѣ, а въ Псковѣ онъ находился около 13 ноября». Въ слѣдующемъ своемъ изданіи Ефремовъ (т. II, стр. 140) далъ уже вѣрную дату и замѣтилъ (стр. 399): «помѣта времени подъ стихами находится въ подлинной рукописи и прежде неправильно заподозривалась въ неточности». И. А. Шляпкинъ (ор. с., 68—69), печатая черновикъ пьесы, высказалъ предположеніе, къ которому нельзя не присоединиться, что стихотвореніе было написано Пущину въ 1825 г., тогда, когда онъ опредѣлился судьею въ уголовный департаментъ московскаго надворнаго суда: общественное мнѣніе считало это унизительнымъ. Во время посѣщенія Пушкина Пущинымъ первый, по словамъ Пущина, требовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ему по сердцу, онъ гордился мною и за меня». Все это и отразилось въ нашемъ стихотвореніи. Но, вѣроятно, среднія строфы показались Пушкину слабыми, и взамѣнъ ихъ онъ написалъ въ годовщинѣ «19 октября 1825 года»:

И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши...
. . . . . Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ,
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его лицея превратилъ...

и далѣе, по черновой, слѣдовало:

Ты освятилъ тобой избранный санъ,
Ему въ очахъ общественнаго мнѣнья
Завоевалъ почтеніе гражданъ...

Наше же стихотвореніе такъ и осталось въ черновыхъ поэта. Впослѣдствіи въ Псковѣ, 13 декабря 1826, Пушкинъ взялъ начало данной черновой (5 строкъ) и прибавилъ къ нему заключеніе: «Молю святое Провидѣнье»... и проч. Такого же мнѣнія и В. Е. Якушкинъ («Новыя изданія текстовъ Пушкина»—«Русск. Вѣдомости» 1903 г., № 72).

«1828 года, 5-го генваря»,—разсказывалъ Пущинъ въ своихъ запискахъ («Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ», Спб., 1907, стр. 65—66),—привезли меня изъ Шлиссельбурга въ Читу, гдѣ я соединился, наконецъ, съ товарищами моего изгнанія и заточенія, прежде меня прибывшими въ тамошній острогъ. Что дѣлалось съ Пушкинымъ въ эти годы моего странствованія по разнымъ мытарствамъ, я рѣшительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкинъ первый встрѣтилъ меня въ Сибири задушевнымъ словомъ. Въ самый день моего пріѣзда въ Читу призываетъ меня къ частоколу А. Г. Муравьева и отдаетъ листокъ бумаги, на которомъ неизвѣстною рукою написано было: «Мой первый другъ»... и проч. Отрадно отозвался во мнѣ голосъ Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не могъ обнять его, какъ онъ меня обнималъ, когда я первый посѣтилъ его въ изгнаніи.. Наскоро, черезъ частоколъ, Александра Гри-

горьевна проговорила мнѣ, что получила этотъ листокъ отъ одного своего знакомаго предъ самымъ отъѣздомъ изъ Петербурга, хранила его до свиданія со мною и рада, что могла, наконецъ, исполнить порученное поэтомъ. По пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, въ 1839 г., я послалъ эти стихи къ Плетневу; такимъ образомъ были они напечатаны; а въ 1842 г. братъ мой Михаилъ отыскалъ въ Псковѣ самый подлинникъ Пушкина, который теперь хранится у меня въ числѣ завѣтныхъ моихъ сокровищъ».

Съ нѣжнымъ участіемъ въ судьбѣ друга, съ теплой благодарностью Пушкинъ вспомнилъ, какъ навѣстилъ его Пущинъ въ Михайловскомъ 11 января 1825 г. Объ этомъ свиданіи сохранилось въ запискахъ Пушкина нѣсколько задушевныхъ страницъ. Момента первой встрѣчи Пущинъ не могъ забыть и описалъ его сильно и драматически (ib., 57): «Кони несутъ среди сугробовъ... Вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломились смаху въ притворенныя ворота при громѣ колокольчика... Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина, босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охапку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ. Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ объ заиндевѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около восьми часовъ утра. Не знаю, что дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ друга въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ—почти голый, другой – весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза (она и теперь, черезъ тридцать три года, мѣшаетъ писать въ очкахъ), мы очнулись»... Быть можетъ, именно съ пріѣздомъ Пущина связаны наброскокъ: «Стрекотунья бѣлобока»... (см. № 473) и замѣчаніе въ «Графѣ Нулинѣ»:

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальный
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
Товарищъ юности удалой?...

---

486. О ТЫ, КОТОРЫЙ СОЧЕТАЛЪ...

(т. II, стр. 422).

Набросокъ этотъ, находящійся въ 2367-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 61 об., впервые былъ напечатанъ въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюль, 355, и въ собраніи произведеній Пушкина сталъ входить, начиная съ изданія литературнаго фонда (II, 8). Судя по положенію наброска среди другихъ черновиковъ, онъ долженъ быть датированъ 1826—1827 гг. Первый стихъ одинаковъ съ началомъ посланія 1818 г. къ генералу А. Ѳ. Орлову: «О ты, который сочеталъ съ душою пылкой откровенной»... (см. въ I т. настоящаго изданія, № 185).

Набросокъ представляетъ собою начало посланія къ писателю, и есть основанія думать, что этотъ писатель—князь П. А. Вяземскій. «Образъ его мыслей,—писалъ Пушкинъ Погодину (31 августа 1827 г.),—и ихъ выраженія рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста!»... «Проза князя Вяземскаго,—говоритъ Пушкинъ въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ,—чрезвычайно жива. Онъ обладаетъ рѣдкой способностью оригинально выражать мысли; къ счастью, онъ мыслитъ, что довольно рѣдко»... Въ одной замѣткѣ («Нѣкоторые журналы, обвиненные...»—«Литературная Газета» 1830 г., 15 февр., № 40, стр. 81, «Смѣсь») Пушкинъ говоритъ: «Критическія статьи кн. Вяземскаго носятъ на себѣ отпечатокъ ума тонкаго, наблюдательнаго, оригинальнаго. Часто не соглашаешься съ его мыслями, но онъ заставляетъ мыслить. Даже тамъ, гдѣ его мнѣнія явно противорѣчатъ нами принятымъ понятіямъ, онъ невольно увлекаетъ необыкновенною силою разсужденія (discussion) и ловкостію самаго софизма». Въ одномъ письмѣ къ Вяземскому (13 іюля 1825 г.) Пушкинъ хвалитъ его «слогъ живой и оригинальной». Въ виду замѣтной общности этихъ отзывовъ съ заключающейся въ разбираемыхъ стихахъ поэтической характеристикой, дѣйствительно подходящей къ писательской физіономіи Вяземскаго, хотя не безъ нѣкотораго дружескаго пересола въ похвалахъ ему, весьма возможно, что наброскокъ «О ты, который сочеталъ...» дѣйствительно—черновое начало посланія къ кн. П. А. Вяземскому. Извѣстны черновики начала другого посланія Пушкина къ нему, 1822 г. (см. во II т. настоящаго изданія, № 357), тоже не существующаго въ бѣловой редакціи, а также посвященія ему «Бахчисарайскаго Фонтана» (ibid., стр. 617; см. также письмо Пушкина къ нему 2 мая 1830 г.).

---

487. СТАНСЫ.

(т. II, стр. 423).

Черновой отрывокъ изъ пьесы (3-я, 4-я и 5-я строфы) съ припиской: «23 декабря 1826 года. Москва у Зуб.», находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина («П—нъ и его современники», вып. IV, стр. 8). «Зуб.» — Василій Петровичъ Зубковъ, московскій пріятель поэта; о немъ см. выше, стр. 183—184; его записки напечатаны въ IV-мъ вып. «П—на и его современниковъ».

Впервые стихотвореніе было напечатано въ «Московск. Вѣстникѣ», ч. VII, 1828 г., № 1, стр. 3—4, безъ подписи, а затѣмъ вошло въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 83—84; въ этомъ сборникѣ пьеса отнесена самимъ поэтомъ къ 1827 г., потому ли, что при размѣщеніи стихотвореній онъ забылъ, когда написаны стихи—до новаго года или послѣ него, потому ли, что окончательной отдѣлкѣ «Стансы» подверглись дѣйствительно въ 1827 г. Послѣднее всего вѣроятнѣе, потому что лишь во второй половинѣ 1827 г. «Стансы» были представлены въ цензуру и стали распространяться въ спискахъ. Осенью 1827 г. Н. М. Языковъ, получившій ихъ отъ брата, писалъ ему, что стихи, которые «написалъ нашъ русскій Байронъ къ государю, нынѣ благополучно царствующему»,—«слишкомъ холодны» («Истор. Вѣстн.» 1883, декабрь, 527), 10 января 1828 г. Ал. Мих. Тургеневъ посылалъ своему другу А. И. Михайловскому-Данилевскому «стихи Пушкина, imprompti, написанные авторомъ въ присутствіи государя, въ кабинетѣ его величества» («Русск. Стар.» 1890 г., декабрь, 747—748); въ этомъ спискѣ редакція пьесы нѣсколько разнится отъ окончательной пушкинской, но это объясняется, конечно, обычными искаженіями списывавшихъ другъ у друга чита-

телей; такъ какъ къ числу близкихъ знакомыхъ Пушкина А. М. Тургеневъ не принадлежалъ, то довѣрять разночтеніямъ, даваемымъ приводимою имъ редакціей пьесы, нѣтъ основанія, вопреки мнѣнію П. О. Морозова (Соч. П—на, изд. «Просвѣщенія», II, 401—402). Въ обществѣ ходилъ весьма характерный слухъ, что Пушкинъ написалъ эти стихи «на заданную тему—въ четверть часа» («Библіот. для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 46, ст. А. В. Дружинина).

Такъ какъ Пушкинъ долженъ былъ представлять свои стихи на высочайшее усмотрѣніе, то этой участи не миновали и «Стансы». 22 августа 1827 г. А. Х. Бенкендорфъ сообщилъ ему, что царь позволилъ напечатать пьесу, и въ концѣ года поэтъ отослалъ ее М. П. Погодину для «Московскаго Вѣстника». По словамъ А. О., Смирновой (къ запискамъ которой, напоминаемъ читателю, нужно относиться осторожно), царь однажды просилъ Пушкина прочитать ему «Стансы» и говорилъ съ нимъ по этому поводу о кн. Яковѣ Долгорукомъ и о Петрѣ Великомъ («Записки», I, 71); она же передаетъ, что будто Пушкинъ говорилъ ей: «я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его величество вызвать меня въ Москву; мнѣ кажется, что мертвые могутъ внушать мысли живымъ» (ib. 267). На эту пьесу приходится смотрѣть какъ на одинъ изъ первыхъ и самыхъ рѣшительныхъ шаговъ Пушкина по пути компромисса; нужно было основательно забыть исторію и слишкомъ удалиться изъ окружающей дѣйствительности въ область благихъ пожеланій, чтобы ставить въ примѣръ Николаю Павловичу то «непамятозлобіе», которымъ Петръ Великій никогда не отличался въ качествѣ государственнаго дѣятеля, проявляя его развѣ въ своей частной жизни, въ личныхъ отношеніяхъ. Величайшею же безтактностью и даже, болѣе того,—гражданскимъ грѣхомъ было весьма прозрачное сравненіе декабрьскаго дѣла съ стрѣлецкимъ бунтомъ; увлекшись чисто-внѣшней параллелью, поэтъ забылъ, что, какъ друзья прогресса, декабристы явились не новыми стрѣльцами, а скорѣе новыми Петрами; что въ ихъ лицѣ потерпѣли пораженіе не стрѣлецкіе идеалы византійско-татарской Москвы, а тѣ стремленія, которыми вдохновлялся Петръ. Долгорукихъ Пушкинъ въ декабристахъ не видѣлъ. Правда, поэтъ обращался къ создаваемому его воображеніемъ идеальному «образу и подобію» самодержавнаго царя съ призывомъ: «будь памятью незлобенъ», но торжествующая власть не могла не почерпнуть въ этомъ восторженномъ гимнѣ увѣренность въ своей правотѣ, такъ какъ Пушкинъ, всецѣло отдавая побѣдителю свое гражданское и нравственное сочувствіе, рѣзко осудилъ ту общественную силу, которая потерпѣла пораженіе 14-го декабря, и только, повинуясь голосу сердца, просилъ побѣдителя пожалѣть побѣжденныхъ. Но и въ этомъ такъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ чаяніяхъ, ему суждено было обмануться. И онъ и Жуковскій, хотя рѣдко, все-же иногда осмѣливались въ подходящія минуты «милость къ падшимъ призывать», но Николай Павловичъ не простилъ и не пожалѣлъ своихъ враговъ и во все свое царствованіе, при малѣйшемъ намекѣ на какой-нибудь общественный протестъ, съ ненавистью и страхомъ вспоминалъ «mes amis du Quatorze». Черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ, отбросивъ идеализацію прошлаго и всякія надежды на будущее, прямо и откровенно, въ полушутливой, полусерьезной формѣ, исповѣдалъ принципъ компромисса съ господствующей силой, вспоминая («Моя родословная»), какъ «съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ и былъ за то повѣшенъ имъ. Его примѣръ будь намъ наукой: не любитъ споровъ властелинъ, не всякъ князь Яковъ Долгорукой, счастливъ покорный мѣщанинъ». Съ «Стансами» связана другая пьеса такого же характера—«Друзьямъ», 1828 г. (см. № 523), гдѣ Пушкинъ горячо оправдывался: «Нѣтъ, я не льстецъ»... Но если въ «Стансахъ» поэтъ высказалъ, хотя и безъ достаточныхъ основаній, благія надежды на будущее, которое рисовалось ему въ самыхъ заманчивыхъ очертаніяхъ, то заключающаяся въ посланіи «Друзьямъ» оцѣнка насущной дѣйствительности прямо поражаетъ непониманіемъ окружающей жизни.

«Изъ мелкихъ произведеній Пушкина,—писалъ Бѣлинскій,—болѣе другихъ отличаются присутствіемъ глубокой и яркой мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ національнаго чувства, въ истинномъ значеніи этого слова, стихотворенія, посвященныя памяти Петра Великаго... Пушкинъ нигдѣ не является ни столько высокимъ, ни столько національнымъ поэтомъ, какъ въ тѣхъ вдохновенныхъ произведеніяхъ, которыми обязанъ онъ великому имени творца Россіи. Эти стихотворенія достойны своего высокаго предмета... Изъ мелкихъ стихотвореній Петру повсящены только двѣ піесы, но это перлы поэзіи Пушкина». (Здѣсь говорится также о «Пирѣ Петра Великаго»). «Кромѣ простоты и величія въ мысляхъ, въ чувствахъ и въ выраженіи, есть что-то русское, народное въ тонѣ и складѣ этихъ піесъ. Кто изъ образованныхъ русскихъ (если онъ только дѣйствительно русскій) не знаетъ превосходной піесы, носящей скромное и повидимому незначительное названіе «Стансовъ»? Эта піеса драгоцѣнна русскому сердцу: въ ней, словно изваянный, является колоссальный образъ Петра. Какое величіе и какая простота выраженія! Какъ глубоко знаменательны, какъ возвышенно благородны эти простыя житейскія слова: п л о т н и к ъ и р а б о т н и к ъ!» Мысль о Петрѣ съ этихъ поръ не оставляетъ Пушкина, и поэтъ вскорѣ возвращается къ нему въ «Арапѣ Петра Великаго», слагаетъ апоѳеозу Петра въ «Полтавѣ», создаетъ гигантскій образъ «Мѣднаго Всадника», принимается за исторію его царствованія. Любить и чтить Петра Великаго Пушкинъ научилъ своего брата, который тоже писалъ стихи, но не печаталъ ихъ; въ этомъ отношеніи единственное исключеніе—пьеса Льва Сергѣевича «Петръ Великій», появившаяся въ «Отечеств. Запискахъ» 1842 г. и очень нравившаяся Бѣлинскому. Его 8-я строфа почти дословно повторяетъ 4-ую строфу «Стансовъ»: «Въ пылу трудовъ художникъ, плотникъ, матросъ, ремесленникъ, герой, онъ первый былъ вездѣ работникъ въ своей великой мастерской». По поводу стиха: «Не презиралъ страны родной»... умѣстно вспомнить, что Пушкинъ, порицавшій Наполеона за его презрѣніе къ человѣчеству и усматривавшій это чувство въ Петрѣ Великомъ въ еще сильнѣйшей степени, не вмѣнялъ этого въ вину Петру—за то, что онъ «не страшился народной свободы, неминуемаго слѣдствія просвѣщенія» (см. его статью 1821—1822 гг. о Россіи въ XVIII вѣкѣ).

«Развѣ можетъ привлекать сердца тотъ, кто казнилъ?»...—говорилъ Л. Н. Толстой - «нѣтъ, Пушкинъ очень часто увлекался красотой силы и въ тѣ моменты совершенно забывалъ про красоту добра. Тѣмъ Пушкинъ въ моихъ глазахъ грѣшенъ, даже очень грѣшенъ» («La Semaine Littéraire» 1909 г.).

СТИХОТВОРЕНІЯ 1827 ГОДА.

490. ВО ГЛУБИНѢ СИБИРСКИХЪ РУДЪ...

(т. II, стр. 451).

Подлинная рукопись посланія неизвѣстна. Впервые появилось оно въ герценовской «Полярной Звѣздѣ» 1856 г., кн. II, стр. 13, и было перепечатано въ «Русской Библіотекѣ» 1858 г., т. I, стр. 10, и затѣмъ вошло въ изданный Н. В. Гербелемъ (Русскимъ) берлинскій томикъ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 48. Въ Россіи же оно впервые появилось въ «Русскомъ Архивѣ» 1874 г., II, стр. 703, при воспоминаніяхъ декабриста Н. И. Лорера. Упоминаетъ о посланіи и другой декабристъ Н. В. Басаргинъ въ своихъ запискахъ («Девятнадцатый вѣкъ», кн. I, М., 1872 г., стр. 136). Воспользовавшись временнымъ пребываніемъ въ Москвѣ, въ началѣ 1827 г., Александры Григорьевны Муравьевой, жены декабриста Никиты Михайловича, ѣхавшей къ мужу въ Петровскій заводъ, близъ Читы, Пушкинъ послалъ съ нею свой привѣтъ декабристамъ. Сначала—разсказываетъ княгиня М. Н. Волконская, бывшая въ концѣ декабря проѣздомъ въ Москвѣ (Записки СПБ., 1903 г., стр. 22, 24) — «онъ хотѣлъ мнѣ поручить свое «Посланіе къ узникамъ» для передачи сосланнымъ, но я уѣхала въ ту же ночь, и онъ его передалъ Александрѣ Муравьевой». Съ М. Н. Волконской Пушкинъ видѣлся 26 декабря 1826 г. у З. А. Волконской, а новый 1827-й г. М. Н. встрѣтила въ Казани. Стихотвореніе могло быть написано и въ концѣ 1826 г. Одинъ изъ декабристовъ, молодой поэтъ князь А. П. Одоевскій, вскорѣ отвѣтилъ Пушкину слѣдующими стихами:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.
Но будь спокоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы.
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.
Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей,—
И радостно вздохнутъ народы.

«Какъ извѣстно», — писалъ Лореръ.—«Пушкинъ отнюдь не сочувствовалъ дѣлу декабристовъ и осуждалъ ихъ замыслы, но ко многимъ изъ нихъ лично сохранялъ онъ неизмѣнную привязанность. Какъ поэтъ, какъ человѣкъ минуты, онъ не отличался полною опредѣленностью убѣжденій... Прощаясь съ А. Г. Муравьевой, Пушкинъ такъ крѣпко сжалъ ея руку, что она не могла продолжать письма, которое писала, когда онъ къ ней вошелъ». Отвѣтъ Одоевскаго чрезвычайно характерно выражаетъ настроеніе нѣкоторыхъ декабристовъ, въ первые годы ссылки еще не утратившихъ прежняго пыла. Стихи Пушкина, призывающіе къ терпѣнію и надеждѣ, заставили ихъ вспомнить о мечахъ, и отъ собственныхъ мечей они продолжали ждать свободы вѣрнѣе, чѣмъ отъ любви и дружества. Поэтъ обѣщаетъ декабристамъ только амнистію и возстановленіе въ правахъ, а не осуществленіе ихъ завѣтнаго политическаго идеала, и въ крѣпкомъ рукопожатіи, которымъ простился Пушкинъ съ женою декабриста, проявилось не сочувствіе этому идеалу, а только соболѣзнованіе горкой участи дорогихъ и близкихъ людей. М. Н. Волконской (Записки, стр. 26) онъ сказалъ, что надѣется пріѣхать къ декабристамъ въ Нерчинскіе рудники. Такое же намѣреніе высказалъ онъ въ стихахъ къ Пущину (см. выше № 485), навѣстившему его въ Михайловскомъ «молю святое Провидѣніе, да голосъ мой душѣ твоей даруетъ то же утѣшенье, да озаритъ онъ заточенье лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней». До конца своей жизни Пушкинъ упорно надѣялся на милосердіе Николая къ декабристамъ, а въ серединѣ двадцатыхъ годовъ, когда писалъ «Стансы», въ которыхъ, чая отъ будущаго только «славы и добра», глядѣлъ впередъ безъ боязни и призывалъ Николая: «будь памятью незлобенъ», поэтъ былъ настроенъ особенно оптимистически. Искренно преданный до середины тридцатыхъ годовъ Николаю Павловичу, Пушкинъ при каждомъ удобномъ случаѣ ждалъ отъ него прощенія декабристамъ. Когда Николай пріѣхалъ въ охваченную холерной эпидеміей Москву, чтобы успокоить взволнованное населеніе, Пушкинъ, написавшій по этому поводу стихотвореніе «Герой», писалъ Вяземскому: каковъ Государь Молодецъ! того и гляди, что нашихъ каторжниковъ проститъ, дай Богъ ему здоровье!» Но Николай Павловичъ такъ и умеръ непримиримымъ врагомъ своихъ amis du Quatorze, какъ иронически называлъ онъ декабристовъ, и послѣ тридцати лѣтъ каторги и ссылки немногіе изъ нихъ дождались амнистіи и увидѣли воочію лишь частичное осуществленіе своихъ надеждъ. «Глядя впередъ», Пушкинъ слишкомъ легко довѣрился своему оптимизму, оправданіе которому можно найти лишь въ событіяхъ собственной жизни поэта въ то время, да въ свойствахъ его жизнелюбивой натуры. Но сердцу Пушкина посланіе въ Сибирь дѣлаетъ честь. Какъ ни невинно въ политическомъ смыслѣ посланіе, оно могло, хотя было отправлено съ «оказіей», навлечь на поэта обвиненіе въ сношеніяхъ съ отверженными и дурно настроить противъ него подозрительное правительство. Подобныя непріятности дѣйствительно вызвала связанная съ посланіемъ въ Сибирь пьеса того же года «19 октября 1827» (см. ниже, примѣч. къ № 506). Эта смѣлость, на которую подвигли Пушкина чувство дружбы и вообще «милость къ падшимъ» подъ ударами судьбы, искупаютъ недостатокъ политической прозорливости въ Пушкинѣ. Какъ вдохновенное изліяніе дружбы и гуманности, стихотвореніе глубоко трогаетъ и не могло не тронуть сердца пораженныхъ бойцовъ, но, конечно, не удовлетворило ихъ своей политической стороною. Одоевскій показалъ это Пушкину. По словамъ записокъ А. О. Смирновой (I, 94), Пушкинъ читалъ ей стихи Одоевскаго и говорилъ о декабристахъ: «мнѣ хотѣлось бы, чтобъ государь былъ обо мнѣ хорошаго мнѣнія. Если бы онъ мнѣ довѣрялъ, то, можетъ быть, я могъ бы добиться какой-нибудь милости для нихъ».

491. СОЛОВЕЙ.

(т. II, стр. 452).

Пьеса, автографъ которой нынѣ неизвѣстенъ, впервые была напечатана въ альманахѣ «Литературный Музеумъ», изд. В. В. Измайлова, на 1827 г., стр. 311, и затѣмъ была внесена самимъ поэтомъ въ сборникъ его стихотвореній изд. 1829 г., ч. II, стр. 90, гдѣ помѣщена въ числѣ произведеній 1827 года.

Бѣлинскій упомянулъ о ней въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи, какъ объ одномъ изъ лучшихъ стихотвореній въ ряду тѣхъ, которыя онъ огуломъ называлъ «мелкими» и о которыхъ писалъ (Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, III, 405): «какая удивительная простота и содержанія формы, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая глубокая жизнь!»... Говоря, по поводу «Римскихъ элегій» Гете, объ антологіи, Бѣлинскій (Сочин. VI, 206) назвалъ «Соловья» въ числѣ антологическихъ пьесъ Пушкина, такъ какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы — признаки антологическаго стихотворенія». Н. Ѳ. Сумцовъ («Харьковскій университетскій сборникъ въ память Пушкина», Харьковъ, 1900 г., стр. 174—177) приводитъ нѣсколько поэтическихъ параллелей пушкинской пьесѣ преимущественно изъ области восточной поэзіи и указываетъ, что «основной образъ—о соловьѣ, влюбленномъ въ розу, былъ въ душѣ Пушкина еще въ 1822 г., что видно изъ Бахчисарайскаго Фонтана («съ милой розой неразлучны въ мракѣ соловьи поютъ». Но еще раньше этотъ мотивъ встрѣчается у Пушкина, и притомъ въ развитіи, весьма близкомъ къ пьесѣ 1827 г.: «соловей въ кустахъ лавровыхъ, пернатый царь лѣсныхъ пѣвцовъ, близъ розы гордой и прекрасной въ неволѣ сладостной живетъ и нѣжно пѣсни ей поетъ во мракѣ ночи сладострастной» («О дѣва-роза, я въ оковахъ»..., 1820 г.). Этимъ стихотвореніямъ подражалъ Кольцовъ («Соловей. Подражаніе Пушкину», 1831 г.). Д. Н. Овсянико-Куликовскій («Пушкинъ, какъ художественный геній»—Пушкинск. сборн. журн. «Жизнь», 1899 г., стр. 39) въ «Соловьѣ» видитъ примѣръ «лирики въ тѣсномъ смыслѣ», состоящей въ соединеніи чувства гармоніи «съ какимъ-нибудь другимъ чувствомъ опредѣленной категоріи (грусть, радость, любовь, скорбь, религіозное умиленіе, негодованіе и т. д., и т. д.)... Здѣсь выражено то горькое чувство, которое неоднократно возникало въ душѣ великаго поэта, когда онъ убѣждался, что женщины, внушавшія ему столько вдохновеній, чужды поэзіи, не понимаютъ и не цѣнятъ ея. Въ приведенномъ стихотвореніи это чувство дано, такъ сказать, не сырымъ, не въ непосредственномъ, живомъ выраженіи, а въ сочетаніи съ внутреннимъ воспріятіемъ гармоніи,— оно получило лирическую переработку и поэтому явилось въ новомъ, какъ бы просвѣтленномъ, умиротворенномъ видѣ». Это же чувство, но въ «натуральномъ» состояніи, выражено, по мнѣнію критика, въ томъ мѣстѣ «Разговора книгопродавца съ поэтомъ» гдѣ поэтъ жалуется на непонимающихъ его женщинъ. Л. П. Поливановъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, I, изд. 3-е, стр. 246) усмотрѣлъ въ «Соловьѣ» слѣдъ общихъ мыслей Пушкина о поэтѣ—въ «Соловьѣ» выражается частная мысль — о безотзывности ожидающей поэта, какъ пѣвца любви». Такое толкованіе представляется намъ произвольно расширеннымъ; мудрено приписывать Пушкину убѣжденіе, что пѣвцу любви суждено всегда оставаться безъ отзыва, что поэтъ не можетъ пользоваться взаимной любовью. Такое общее правило немыслимо; другое дѣло—частные случаи, когда любовь поэта равнодушно отвергается. Это бывало съ Пушкинымъ не разъ, и въ «Соловьѣ» слышится отголосокъ личныхъ переживаній, которыя Пушкинъ выражалъ неоднократно. Безчувственной розѣ подобна также «Дѣва» (1821 г.), которая «чувства ненавидитъ и, очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ».

«Соловей» положенъ на музыку тремя композиторами (Петерб. университ. сборн. въ память Пушкина, 1900 г., стр. 97).

---

492. ТАЛИСМАНЪ.

(т. II, стр. 452).

Автографъ пьесы, находящійся въ принадлежащей Академіи Наукъ и недоступной изслѣдователямъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, по словамъ описанія послѣдней («П. и его современники», IV, 8—9), хранитъ первоначальную редакцію стихотворенія, въ другомъ размѣрѣ, и начинается словами: «Храни меня мой талисманъ... Другой автографъ Пушкина, по словамъ М. И. Семевскаго («Къ біографіи Пушкина — «Русск. Вѣстн.», 1869 г., ноябрь, 68), находится въ альбомѣ П. А. Осиповой. На оборотѣ имѣющагося въ майковской коллекціи наброска пьесы «Друзьямъ» («Нѣтъ, я не льстецъ»...), по словамъ того же описанія (ibid., 9; Альб. Петербургск. Пушк. выст. 1899 г.; катал., № 24, и «Ежемѣсячныя Сочиненія» 1901 г., май, 62), записаны «послѣднія строки пьесы «Талисманъ» («Милый другъ» и проч.), подъ ними приписка «6 Ноября ночью» и пять сюргучныхъ перстневыхъ печатей». Впервые «Талисманъ» былъ напечатанъ въ изданномъ Ард. Ивановымъ альманахѣ «Альбомъ Сѣверныхъ Музъ» 1828 г., стр. 127, и затѣмъ вошелъ въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 85 –87, гдѣ помѣщенъ среди стихотвореній 1827 года, Можно думать, что впервые онъ былъ напечатанъ вмѣстѣ съ музыкой, на которую былъ переложенъ Н. С. Титовымъ; второе изданіе этихъ нотъ носитъ цензурную помѣту 10 августа 1829 г., а въ іюнѣ 1827 г. Е. С. Телепнева видѣла въ Москвѣ у Ушаковыхъ «на фортепіанахъ»—«Талисманъ» (П. и его соврем.», V, 121), но, можетъ быть, ноты были не литографированныя, а рукописныя? Во всякомъ случаѣ «Талисманъ» былъ написанъ ранѣе іюня 1827 г. Анненковъ (см. его изданіе Сочин. П. II. 438—439) говоритъ: первая мысль стихотворенія еще принадлежитъ 1824 г., какъ можно догадываться по стиху: «Въ край родной на сѣверъ съ юга», но окончательная отдѣлка его уже относится къ 1827 г.» Въ этихъ словахъ Анненкова заключается намекъ на обстоятельства, о которыхъ біографу тогда невозможно было говорить ясно и подробно.

Талисманъ, воспѣтый Пушкинымъ, дошелъ до насъ. Это — говоритъ «Описаніе Пушкинскаго музея Имп. Александровскаго лицея», Спб., 1899, стр. 11 - 12,—золотой перстень съ рѣзнымъ восьмиугольнымъ сердоликомъ. Еврейская надпись на немъ, по переводу раввина З. Минора, проф. Д. Хвольсона и барона Д. Гинцбурга, гласитъ: «Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа (пресвятого Іо-

сифа Стараго), да будетъ благословенна его память». Исторія этого перстня видна изъ приложенныхъ къ перстню записокъ И. С. Тургенева и В. Н. Герарда. Записка И. С. Тургенева: «Перстень этотъ былъ подаренъ Пушкину въ Одессѣ княгиней Воронцовой. Онъ носилъ почти постоянно этотъ перстень (по поводу котораго написалъ свое стихотвореніе «Талисманъ») и подарилъ его на смертномъ одрѣ поэту Жуковскому. Отъ Жуковскаго перстень перешелъ къ его сыну Павлу Васильевичу, который подарилъ его мнѣ. Иванъ Тургеневъ (Парижъ, Августъ, 1880)». Въ запискѣ Герарда говорится, что перстень по смерти Тургенева перешедшій по завѣщанію къ Полинѣ Віардо-Гарсіа, ею подаренъ музею. Въ 1880 и 1899 гг. онъ фигурировалъ на пушкинскихъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ (Катал. Петерб. Пушк. выст. 1880 г., стр. 33; Альб. Моск. Пушк. выставки 1880 г., М., 1882, стр. 168; сборн. «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», Спб., 1880, стр. 326; Альб. Петерб. Пушк. выставки 1899 г., катал., №728; «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева», Спб., 1885, стр. 363, 364, 366; В. П. Гаевскій, «Перстень Пушкина» — «Вѣстн. Евр.» 1888 г., февр. 533). Въ подлинности хранящагося въ Пушкинскомъ музеѣ рѣзного перстня нельзя сомнѣваться: оттискъ его печати сохранился на нѣсколькихъ письмахъ Пушкина; когда поэта не стало, Жуковскій снялъ его съ руки мертваго друга и впослѣдствіи не разъ запечатывалъ имъ свои письма (Гаевскій, ор. с., 535; «Библіографич. Записки» 1859 г., ст. 387); пользовался имъ какъ печатью и Тургеневъ (Гаевскій, ib.).

Пушкинъ любилъ украшать свои пальцы перстнями и вѣрилъ ихъ таинственному значенію. Онъ, говоритъ Анненковъ, замѣтимъ, пользовавшійся разсказами многихъ знавшихъ его близко, «по извѣстной склонности своей къ суевѣрію соединялъ даже талантъ свой съ участью перстня, испещреннаго какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимаго имъ» («Матеріалы», изд. 2-ое, стр. 171). На это указываетъ приведенный выше стихъ: «Храни меня, мой талисманъ»... Эта «кабалистическая» или, какъ думалъ Жуковскій, «арабская» надпись, оказавшаяся впослѣдствіи еврейской, непонятная самому поэту, увеличивала въ глазахъ Пушкина таинственное значеніе перстня. Была у него еще одна подобная вещь съ восточною надписью—золотой браслетъ съ рѣзной зеленой яшмою, который онъ носилъ на лѣвой рукѣ, между плечомъ и локтемъ. Онъ подарилъ этотъ браслетъ Ек. Н. Ушаковой, но ревнивый женихъ ея сломалъ браслетъ; отецъ Ек. Николаевны по смерти Пушкина велѣлъ вырѣзать на другой сторонѣ камня иниціалы Пушкина и обдѣлать его въ перстень (Л. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 377). Въ октябрѣ 1824 г. Пушкинъ проситъ брата привезти ему въ Михайловское «перстень—мнѣ скучно безъ него» (Переписка II., изд. Акад. Наукъ, I, 139); въ одномъ спискѣ данныхъ брату порученій, относящемся приблизительно къ тому же времени, Пушкинъ кратко упоминаетъ: «bague» («Библіогр. Зап.» 1858 г., № 1, ст. 1, прим.). «Да пришли мнѣ кольцо мой Лайонъ», напоминаетъ онъ брату въ декабрѣ того же года. На пушкинскихъ выставкахъ было въ числѣ экспонатовъ кольцо, пожертвованное Пушкинымъ для домашней лотереи, устроенной у Раевскихъ (вѣроятно, въ 1820—1821 гг.); его выиграла Марія Никол. Р., а потомъ оно принадлежало ея сыну, князю М. С. Волконскому (см. катал. Петерб. Пушкин. выст. 1880 г., стр. 33; Гаевскій, 534; Альбомъ Петерб. Пушк. выст. 1899 г. катал., № 730); было у Пушкина также кольцо съ изумрудомъ, послѣ его смерти подаренное его вдовою В. П. Далю (Майковъ, «Пушкинъ», 419; Гаевскій, 532—533); нынѣ оно принадлежитъ великому князю Константину Константиновичу (Альб. Петерб. Пушк. выст. 1899 г., катал. № 729а). Другъ Пушкина П. В. Нащокинъ, тоже вѣрившій въ мистическую силу колецъ, подарилъ ему золотое кольцо съ бирюзой, которое должно было находиться всегда на пальцѣ и хранить поэта отъ неожиданной бѣды; другой другъ Пушкина, его секундантъ К. К. Данзасъ, снялъ его на память съ мертвой руки поэта; въ концѣ 50-хъ годовъ Данзасъ потерялъ его (Анненковъ, «Матеріалы», изд. 2-ое, 313; Гаевскій, 532—533). «Талисманъ» былъ довольно великъ для руки Пушкина, и онъ носилъ его на большомъ пальцѣ. Съ нимъ поэтъ изображенъ на двухъ портретахъ—работы Тропинина и Мазера. На первомъ портретѣ перстень находится на большомъ пальцѣ правой руки, онъ выдѣляется рѣзко и ясно, такъ какъ рука на первомъ планѣ; на второмъ портретѣ перстень надѣтъ на большой палецъ лѣвой руки.

Въ пьесѣ не говорится, что талисманъ, который даритъ своему возлюбленному волшебница, былъ перстень, но что Пушкинъ связывалъ свое стихотвореніе именно съ перстнемъ, видно изъ того, что подъ однимъ черновикомъ «Талисмана» онъ поставилъ пять сургучныхъ оттисковъ печатки, вырѣзанной на перстнѣ. «Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ»,—передаетъ Анненковъ, разсказывая о его жизни въ Михайловскомъ («П. въ Александровск. эпоху», 283),—что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата,—послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г. Вотъ гдѣ была настоящая мысль Пушкина». Въ другомъ мѣстѣ разсказывая объ одесской жизни Пушкина и уже упомянувъ о Ризничъ, Анненковъ (ibid., 245) говоритъ: «преданія той эпохи упоминаютъ еще о женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой управляла мыслію и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ о ней не упоминаетъ, какъ бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни». Дальше этихъ намековъ Анненковъ не пошелъ (см. также ниже, примѣч. къ № 494), но извѣстіе о томъ, что Пушкинъ любилъ Воронцову, упорно держалось въ литературныхъ кругахъ и среди людей близкихъ къ Пушкину. Въ 1846 г. княгиня В. Ѳ. Вяземская разсказала П. А. Плетневу «нѣкоторыя подробности о пребываніи А. Пушкина въ Одессѣ и его сношеніяхъ съ женой нынѣшняго князя В[оронцо]ва», что Плетневъ и самъ «подозрѣвалъ» («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», II, 680). Гротъ два раза просилъ друга сообщить ему письменно подробности (ibid., 682, 690), но Плетневъ отказался писать и отвѣчалъ: «разсказъ Вяземской

касается отношеній Пушкина къ В[оронцо]вой (Одесской). Разскажу здѣсь (т.-е. при свиданіи); только внеси въ памятную книжку словесныхъ мнѣ вопросовъ» (ibid., 697). А княгиня Вяземская, надо замѣтить, была въ Одессѣ лѣтомъ 1824 г., во время высылки Пушкина, часто видалась съ поэтомъ, переписывалась о немъ съ мужемъ и, конечно, знала и отъ Пушкина, который былъ къ ней очень расположенъ, и въ которомъ она принимала близкое участіе, и отъ общихъ знакомыхъ всѣ обстоятельства одесской жизни Пушкина и всѣ перипетіи страннаго романа, героями котораго были Пушкинъ, Александръ Раевскій и супруги Воронцовы (см. «Остафьевск. Арх.,» III, 61, 73; Переписка Пушкина, акад. изд., I, 115, 118, 137—138). Въ одной изъ записныхъ книжекъ князя П. А. Вяземскаго записано подъ 19 октября 1838 г., когда Вяземскій былъ въ Англіи, гдѣ видѣлся съ лэди Пемброкъ, сестрой графа М. С. Воронцова: «сегодня Herbert, сынъ lady Pembroke-Воронцовой пѣлъ Талисманъ, вывезенный сюда и на англійскія буквы переложенный. Онъ и не зналъ, что поетъ про волшебницу тетку, которую сюда на дняхъ ожидаютъ съ мужемъ... Послѣ того встрѣтилъ я Воронцова въ Лондонѣ»... и т. д. (Сочин. кн. П. А. Вяземскаго, IX, 186). Сынъ Вяземскихъ, князь П. П., конечно, зналъ суть намековъ Анненкова и связывалъ ихъ съ разсказами своихъ родителей, когда видѣлъ въ обидѣ, нанесенной Пушкину Воронцовымъ, не только приниженіе честолюбиваго дворянина», но «вѣроятно, паче всего одураченіе Ловеласа, подготовившаго свое торжество. Разстройство любовныхъ плановъ Пушкина долго отзывалось черченіемъ на черновыхъ бумагахъ женскаго изящнаго римскаго профиля въ элегантномъ классическомъ головномъ уборѣ, съ представительной рюшью на шеѣ» (сборн. «Къ біографіи П—на», вып. II, М., 1885, стр. 27). Тургеневъ не ошибался, когда писалъ (см. выше), что перстень-талисманъ былъ подаренъ Пушкину въ Одессѣ Воронцовой. Быть можетъ, Пушкинъ передалъ въ стихахъ исторію этого подарка, когда писалъ (см. настоящ. изд., т. II, № 414; т. III, стр. 543—544):

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читалъ я сладостный Коранъ,
Внезапно Ангелъ Утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ талисманъ.
Его таинственная сила...
Слова святыя начертила
На немъ безвѣстная рука...

Анненковъ выпуская свое изданіе сочиненій Пушкина старался выручить этотъ набросокъ изъ когтей благочестивой цензуры, которой не понравилось, что Пушкинъ назвалъ Коранъ «сладостнымъ», и увѣрялъ въ объяснительной запискѣ: «авторъ здѣсь набрасываетъ первый очеркъ извѣстнаго стихотворенія «Талисманъ» и заставляетъ говорить мусульманина, не имѣя нисколько намѣренія показать сладость Корана и ангеловъ Магомета, что было бы совершенною нелѣпостію» («Любопытная тяжба»—«Вѣстн. Евр.» 1881 г., январь, 30). Писалъ это Анненковъ, конечно, не заботясь о правдѣ, единственно «страха ради іудейска», но несомнѣнная доля правды есть въ его словахъ о связи наброска съ «Талисманомъ»; содержаніе этого наброска до такой степени сходится съ обстоятельствами одесской жизни Пушкина, что его можно считать автобіографическимъ. «День гоненья»—ясный намекъ на положеніе Пушкина въ Одессѣ въ теченіе весны и лѣта 1824 г.; вѣроятно, тогда-то и подарила ему Воронцова перстень. «Сладостный Коранъ», можетъ быть, не соотвѣтствуетъ правдѣ, а просто (какъ, конечно, и «тайная пещера») объясняется восточной обстановкой и колоритомъ пьесы, а можетъ быть, и вовсе не противорѣчитъ дѣйствительности и точно воспроизводитъ ее, такъ какъ есть основанія предполагать, что Пушкинъ читалъ Коранъ еще въ Одессѣ (см. т. III настоящ. изд., стр. 538). Названіе «Ангела Утѣшенья» не только подходило къ данному моменту, но и вполнѣ сходилось съ возвышеннымъ представленіемъ Пушкина о Воронцовой, которую онъ изобразилъ «Ангеломъ нѣжнымъ», «духомъ чистымъ» (см. «Ангелъ»). Не лишнее замѣтить, что набросокъ записанъ среди черновиковъ «Путешествія Онѣгина», именно тѣхъ строфъ, гдѣ поэтъ вспоминаетъ объ Одессѣ (Румянц. муз., тетр. № 2370, л. 68 об.—см. «Русск. Стар.» 1884 г., іюль, 33). Въ той же музейной тетради, среди набросковъ эпиграммы на Воронцова (л. 57—ibid., 31) записаны слова:

... Люблю одну—имѣетъ
Она какой-то южный видъ,..

Ужъ не о Воронцовой ли это сказано? По крайней мѣрѣ, въ «Талисманѣ» она дѣйствительно «имѣетъ южный видъ». Только къ Воронцовой можно отнести краткую запись въ одной изъ одесскихъ тетрадей Пушкина подъ 8 февраля 1824 г. (Румянц. муз., тетр. № 2369, л. 68 об.,—«Русск. Стар.» 1884 г., іюнь, 570): «Soupé chez C. E. V.»; эти инициалы не только могутъ быть истолкованы: «Comtesse Elise Voronzow», но по всѣмъ извѣстнымъ даннымъ одесской жизни Пушкина не могутъ быть истолкованы иначе. Намъ уже приходилось говорить (см. т. II, стр. 622—623) о сходствѣ между онѣгинской Татьяной и Воронцовой, о которой Александръ Раевскій (М. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 44) писалъ: она очень пріятна, у нея мѣткій, хотя и не очень широкій умъ, а ея характеръ самый очаровательный, какой я знаю», Пушкинъ и Раевскій такъ и называли ее—Татьяной, и, конечно, о ней думалъ Пушкинъ, заканчивая свой любимый романъ вздохомъ воспоминанія о «тѣхъ, которымъ въ дружной встрѣчѣ строфы первыя читалъ» и о «той, съ которой образованъ Татьяны милый идеалъ». Ея маленькой дочкѣ Пушкинъ посвятилъ стихотвореніе «Младенцу» (см. примѣч. къ № 423), и, когда Пушкинъ былъ удаленъ изъ Одессы, она, жена Воронцова, послала ему отъ всей своей «доброй и милой души», какъ сообщилъ Пушкину Александръ Раевскій, сочувственный привѣтъ, высказанный «со свойственной Татьянѣ чувствительностью и граціей». Въ «Донъ-Жуанскомъ спискѣ» Пушкинъ не забылъ упомянуть о ней рядомъ съ Ризничъ (см. выше, стр. 98), а въ своемъ дневникѣ, подъ 1834 г. записалъ, что одинъ пріѣзжій изъ Одессы, разсказавшій ему о служебныхъ непріятностяхъ и амурныхъ похожденіяхъ Воронцова, «хвалитъ очень графиню В.».

Воронцова была старше не только Пушкина, но и Раевскаго. Графиня Елизавета Ксаверіевна, рожд. Браницкая, дочь генералъ-аншефа гр. Ксаверія Петровича и Александры Васильевны, рожд. Энгельгардтъ, племянницы Потемкина, камеръ-фрейлины Екатерины II и статсъ-дамы, родилась 8 сентября 1792 г., 20 апрѣля 1819 г. вышла замужъ за графа М. С. Воронцова (о немъ см. при-

мѣч. къ №№ 371, 382, 383, 394, 402, 411, 423, 494, 512 и ст. «П. въ Одессѣ»), которому принесла огромное приданое; была статсъ-дамой, умерла 15 апрѣля 1880 г. (см. «Остаф. Арх.» I, 572) и погребена въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, рядомъ съ мужемъ. Въ Одессѣ она оставила по себѣ добрую память, какъ умная «хозяйка края» и щедрая благотворительница; ею основано было Новороссійское женское общество призрѣнія бѣдныхъ; Стурдзовской богадѣльнѣ сердобольныхъ сестеръ она пожертвовала болѣе 120 тысячъ руб. (см. сборн. «Одесса, къ столѣтію города», Одесса, 1895, стр. LI, 507, 711, 713, 716). Отзывамъ о Воронцовой Пушкина и Ал. Раевскаго не противорѣчатъ отзывы Ф. Ф. Вигеля (приведенный нами въ ст «П. въ Одессѣ»—т. II настоящ. изд., стр. 269—270) и графа В. А. Сологуба, который зналъ ее лѣтъ двадцать-тридцать спустя. «Небольшого роста, тучная, съ чертами нѣсколько крупными и неправильными»,—разсказываетъ Сологубъ («Воспоминанія», Спб., 1887, стр. 233).—«Елиз. Ксав. была, тѣмъ не менѣе, одной изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Все ея существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною граціей, такою привѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, Раевскій и многіе, многіе другіе, безъ памяти влюблялись въ Воронцову».

Пушкинъ любилъ Воронцову, но какъ относилась она къ поэту? Раевскій, говоритъ Вигель (разсказъ котораго объ интригѣ, ловко задуманной и проведенной «Демономъ», вполнѣ подтверждается «Коварностью», «Желаніемъ славы», показаніемъ графа Капниста), «самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ» Пушкина, а Воронцова, «которой Раевскій представилъ, какъ славно имѣть у ногъ своихъ знаменитаго поэта», кокетничала съ нимъ. Въ «Желаніи славы» есть нѣсколько замѣчательныхъ строкъ, въ которыхъ Пушкинъ, повидимому, разсказываетъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ его удаленію изъ Одессы:

...Слезы, муки,
Измѣны, клевета, все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей застигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося!...

Эти горькія воспоминанія отразились также въ «Коварности», «19 октября» [1825 г.], «Вновь я посѣтилъ»... П. Е. Щеголевъ («Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1904 г., январь, 315) удивляется, что «Пушкинъ одновременно лелѣялъ дорогія ему воспоминанія о двухъ женщинахъ», Ризничъ и Воронцовой. Тѣмъ не менѣе, такъ оно и было; оба увлеченія Пушкинъ переживалъ почти одновременно, свято хранилъ память объ обѣихъ, и психологически въ этомъ ничего невозможнаго нѣтъ,—недаромъ пѣвецъ «науки страсти нѣжной», Овидій, говорилъ: «uno posse aliquem tempore amare duas». Словамъ сестры Пушкина о приходившихъ изъ Одессы письмахъ, запечатанныхъ такою же (?) кабалистическою надписью, какая украшала воронцовскій перстень, можно вѣрить постольку, поскольку это извѣстіе не относится къ Воронцовой; вполнѣ основательные мотивы для такого недовѣрія приводятъ Гаевскій (стр. 525) и М. Гершензонъ, («Пушкинъ и графиня Е. К. Воронцова»—«Вѣстн. Евр.» 1909, февр., 536—538); никакой переписки съ Воронцовой у Пушкина не было, и не ея сожженное письмо оплакивалъ поэтъ. Вѣроятно, связь «Сожженнаго письма» съ Воронцовой—просто домыселъ П. В. Анненкова, основанный на невѣрно понятыхъ словахъ сестры Пушкина. Когда Пушкинъ говоритъ:

...склонивъ ко мнѣ томительные взоры
И руку на главу мнѣ тихо наложивъ,
Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастливъ?
Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?—

мы должны не только помнить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ преломленіемъ дѣйствительности въ художественномъ творчествѣ, воспроизводящемъ и дѣйствительные факты и фиктивныя представленія, но и не упускать изъ виду, что влюбленному Пушкину легко было преувеличить знаки вниманія, которое оказывала ему Воронцова, находившаяся подъ вліяніемъ Раевскаго. Чувства, испытанныя Пушкинымъ, его тяжелое душевное состояніе передъ разлукой—несомнѣнная Wahrheit, но къ области Dichtung нужно отнести свиданіе «въ саду, во тьмѣ ночной». Понятно и легко объяснимо и самое желаніе славы: только слава великаго поэта, всеобщее восхищеніе и признаніе могли вознаградить Пушкина за тѣ тяжкіе удары, которые были нанесены его самолюбію коварствомъ Раевскаго и холодною надменностью Воронцова. Графиня, за которою тогда ухаживалъ съ большимъ успѣхомъ Ал. Раевскій, конечно, не любила Пушкина; она была только ласкова къ нему, и, анализируя ея отношенія къ поэту и переводя съ языка поэзіи на языкъ прозы слова «Талисмана»: «ласкаясь», «онъ тебѣ любовью данъ», нужно весьма ослабить значеніе этихъ словъ. Для созданія этой пьесы, гдѣ правда по обыкновенію нераздѣлимо и художественно слилась съ вымысломъ, были болѣе чѣмъ достаточными мотивами — общее обаяніе юга, увлеченіе Воронцовою, ея «южный видъ», подаренный ею перстень съ загадочною для нихъ обоихъ надписью. «Существованіе какихъ-нибудь интимныхъ отношеніи между ними»—справедливо говоритъ Гершензонъ («Вѣстн. Евр.», 539)—«приходится рѣшительно отвергнуть, хотя бы уже на томъ основаніи, что такія отношенія не могли бы ускользнуть отъ ревнивыхъ взоровъ Раевскаго, безумно любившаго Воронцову и близкаго къ ней по-родственному; результатомъ ихъ была бы неизбѣжно жестокая ненависть Раевскаго къ Пушкину, что мы въ дѣйствительности не видимъ и тѣни». Объ ихъ отношеніяхъ въ Одессѣ сохранились также незначительные разсказы А. О. Россета (приведенный во II т. настоящ. изд., стр. 270) да анекдотъ, переданный П. И. Бартеневымъ («Къ біографіи П—на», вып. II, М., 1885, стр. 97). «Передъ каждымъ обѣдомъ (у Воронцовой), къ которому собиралось по нѣсколько человѣкъ, хозяйка обходила гостей и говорила каждому что-нибудь любезное. Однажды она прошла мимо Пушкина не говоря ни слова, и тутъ же обратилась къ кому-то съ вопросомъ: что нынче даютъ въ театрѣ? Не успѣлъ спрошенный раскрыть ротъ для отвѣта, какъ подскочилъ Пушкинъ и, положа руку на сердце (что онъ дѣлалъ, особливо когда отпускалъ свои остроты) съ улыбкою сказалъ: La sposa fidele, contessa. Та отвернулась и вос-

кликнула: Quelle impertinence!» Соль анекдота въ отвѣтѣ Пушкина, заключающемъ, очевидно, намекъ на отношенія самой графини къ своему мужу; разумѣется, анекдотъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія: Пушкинъ не могъ такъ оскорбить женщину, которую любилъ и уважалъ. Воронцова всегда хранила добрую память о своемъ поэтѣ. Когда Пушкинъ умеръ, въ «Journal d'Odessa» 12 февраля 1837 г. ему былъ посвященъ некрологъ. Это немногословная, маленькая статейка, содержащая вѣрную оцѣнку понесенной Россіей потери и написанная съ глубокой, благоговѣйной скорбью. Въ пору всеобщаго рабскаго молчанія русской печати, когда А. А. Краевскій потерпѣлъ немало непріятностей за то, что Пушкинъ былъ названъ въ его газетѣ «солнцемъ русской поэзіи», статейка, помѣщенная во французской газетѣ, не могла не обратить на себя вниманіе. Графиня поручила въ тотъ же день секретарю графа, М. П. Щербинину, написать А. Г. Тройницкому, редактору другой тогдашней одесской газеты, «Одесскій Вѣстникъ», письмо, въ которомъ заключалась косвенная просьба перепечатать въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» замѣтку «Journal d'Odessa». Статья эта, писалъ Щербининъ, «была принята всѣми, а въ особенности графинею Воронцовою, съ восхищеніемъ. Такъ какъ, вѣроятно, она же, т.-е. статья сія, будетъ помѣщена и въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», то я спѣшу повергнуть передъ вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксаверіевны, т.-е. что большая часть стихотвореній Пушкина созданы были въ Одессѣ, во время его здѣсь пребыванія. Мысль сія достойна быть обработанной» (Русск. Стар.» 1887 г., апрѣль, 160; «П. и его соврем.», VII, 77—78). Конечно, Воронцова преувеличивала, но ей еще въ 1824 г. могли быть извѣстны начатые Пушкинымъ «Цыганы». «Подражанія Корану» и, конечно, были хорошо памятны «строфы первыя» любимаго пушкинскаго романа, въ героинѣ котораго отразились и ея собственныя черты. Не успѣла выйти въ свѣтъ первая глава «Онѣгина», она уже была у Воронцовой (Арх. Раевскихъ, I,257). «До конца своей долгой жизни»— говоритъ Бартеневъ (ibid., 98) - она «сохраняла о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ сподрядъ, такъ что, когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго тома. Она сама была одарена тонкимъ художественнымъ чувствомъ и не могла забыть очарованій пушкинской бесѣды. Съ нимъ соединялись для нея воспоминанія молодости». О томъ же разсказывалъ А. И. Маркевичу хорошо ее знавшій протоіерей М. К. Павловскій (сборн. «Пушкинскіе дни въ Одессѣ», Од., 1899, стр. 145). И послѣ смерти Пушкина, какъ при жизни, сбывалось «Желаніе славы», которое лелѣялъ поэтъ, когда мечталъ:

Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно;
чтобъ ты мною
Окружена была; чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ...

«Талисманомъ (по-арабски талесмъ, по-персидски телисмъ, колдовство, чары)»—объясняетъ Гаевскій (стр. 536, 523)—«называется заколдованный предметъ, дающій владѣтелю его силу совершать сверхъестественное или предохраняющій отъ несчастія. Талисманами служатъ разные предметы: кольца, монеты, медали, драгоцѣнные камни, дощечки, бумажки и проч. съ изреченіями изъ алкорана или другими таинственными надписями. Эти надписи, въ которыхъ и должна заключаться чудодѣйственная сила, дѣлаются такъ, что можно прочесть прямо, не переводя на бумагу, посредствомъ оттиска. Надпись же на сердоликовомъ камнѣ въ перстнѣ Пушкина сдѣлана обратно, т.-е. для оттиска. Это указываетъ, что камень въ перстнѣ Пушкина не талисманъ, а просто—печать.., Воронцова, даря Пушкину перстень, сама считала его талисманомъ и вѣрила въ его волшебную силу. Вѣра во все чудесное и сверхъестественное, всегда легко распространявшаяся въ полуобразованныхъ обществахъ, никогда не была у насъ такъ сильна, какъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Высшее общество увлекалось масонствомъ и различными мистическими ученіями; литература преимущественно вращалась въ области сверхъестественнаго и чудеснаго, и міръ духовъ и привидѣній, перенесенный въ нашу литературу Жуковскимъ и его подражателями, пользовался большимъ успѣхомъ среди невзыскательныхъ читателей. Въ Англіи, гдѣ жили Воронцовы до переселенія въ Одессу, производили большое впечатлѣніе романы Вальтеръ-Скотта, и между ними въ особенности разсказъ о таинственныхъ приключеніяхъ Ричарда Львиное-Сердце, совершавшихся подъ вліяніемъ чаръ талисмана».

Въ этой «несравненной пѣснѣ» — говоритъ Фарнгагенъ фонъ-Энзе (сборн. Зелинскаго «Русск. критич. литература о произвед. П—на», IV, 124) – «ревность утратила всю грубость свою въ очаровательномъ благозвучіи, исполняющемъ сіи строфы, музыкальныя уже по однимъ словамъ и могущія вступить въ состязаніе со стихами южныхъ языковъ».

«Стиль этого произведенія«—говоритъ Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочин. Пушкина, т. I, изд. 3-е, стр. 242) –«носитъ характеръ подражанія восточной поэзіи. Здѣсь усвоены ея антитезы и параллелизмъ въ расположеніи мыслей. Однообразное окончаніе каждой строфы, сверхъ того, придаетъ мелодіи стихотворенія характеръ тѣхъ монотонныхъ мотивовъ, которыми отличается музыка Востока. Сила же чувства, заключающагося въ каждомъ словѣ, и обиліе здѣсь высказанныхъ думъ, которыя какъ бы долго сберегались любящею душою для послѣдней минуты разставанія,—представляютъ оригинальный контрастъ съ этой мелодіей стиха, сообщающій словамъ заклинанія напряженный тонъ глубокаго чувства». Куплетная форма, въ которой написано стихотвореніе, у Пушкина довольно рѣдка. М. Е. Салтыковъ («Пошехонская старина»—Сочин., т. IX, 1890 г., стр. 285) причисляетъ «Талисманъ» къ «слабѣйшимъ» вещамъ Пушкина; правда, въ той помѣщичьей средѣ, которую описываетъ Салтыковъ, пьеса была опошлена и избита, какъ цыганскій романсъ. Еще въ 1833 г. «Талисманъ» былъ перепечатанъ въ качествѣ пояснительнаго текста къ вышедшей въ Москвѣ лубочной картинѣ; на этомъ лубкѣ третій стихъ перевранъ: «Гдѣ луна свѣтлѣе блещетъ»; П. А. Ефимовъ (см. его изданія соч. II., 1880 г., II, 418; 1882 г., II, 400) согласился съ такой «редакціей», иронически находя, что «блескъ луны едва ли бываетъ теплѣе». Этой эстетической тонкости Пушкинъ не разъ противорѣчитъ (напр.: «Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно» — см. въ III т. настоящ. изд., № 743), и мы не будемъ спорить съ Пушкинымъ.

Плавный звукъ *л*, переливаясь въ первыхъ четырехъ стихахъ пьесы, прекрасно передаетъ впечатлѣніе южнаго моря (см. также въ III т., примкъ № 424).

Пьеса вызвала подражанія (между прочимъ, Е. П. Сушковой, впослѣдствіи гр. Ростопчиной, въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1831 г., подъ тѣмъ же заглавіемъ) и была переведена на языки англійскій, французскій (между прочимъ княжной), А. Д. Абамелекъ), нѣмецкій (Боденштедтомъ, Фидлеромъ), турецкій; объ этихъ переводахъ см. у Гаевскаго, 530—532. На музыку «Галисманъ» былъ переложенъ два раза—И. С. и Н. С. Титовыми (Гаевскій, 530—531; Петерб. универс. Пушк. сборн., Спб., 1900, стр. 98—99; см. «Русск. Арх.» 1897 г., II, 551).

---

493. ЛУКЪ ЗВЕНИТЪ, СТРѢЛА ТРЕПЕЩЕТЪ...

(т. II, стр. 452).

Подлинный автографъ эпиграммы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 г., т. II, № 6, стр. 124, съ подписью «Ал. П.», и въ сборники стихотвореній, издававшіеся самимъ Пушкинымъ, не была включена, а вошла въ посмертное изданіе, т. IX, стр. 464.

Эпиграмма написана на А. Н. Муравьева, по словамъ послѣдняго, въ 1826 г. Какъ разсказываетъ самъ А. Н. Муравьевъ, бывая въ московскомъ салонѣ кн. З. А. Волконской и кн. Бѣлосельскихъ онъ однажды нечаянно отломилъ руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, украшавшей театральную залу, и въ извиненіе написалъ на пьедесталѣ статуи стихи.

Графъ М. Д. Бутурлинъ, встрѣчавшійся съ Муравьевымъ у княгини Волконской, разсказываетъ («Русс. Арх.» 1897, II, 178): «въ 1827 году онъ пописывалъ стишки и разъ, отломивъ н е ч а я н н о (упираю на это слово) руку у гипсоваго Аполлона на передней лѣстницѣ Бѣлосельскаго дома, онъ тутъ же начертилъ какой-то акростихъ. Могу сказать, почти утвердительно, что А. С. Пушкина при томъ не было». (Надо думать, что Бутурлинъ не вѣрилъ нечаянности происшествія, и склоненъ былъ думать, что Муравьевъ нарочно отломилъ руку статуи ранѣе заранѣе приготовленныхъ стиховъ). Вотъ эти стихи («Русс. Арх.» 1885 г., I, 132):

О, Аполлонъ! Поклонникъ твой
Хотѣлъ помѣряться съ тобой,
Но оступился и упалъ.
Ты горделивца наказалъ;
Хотя пожертвовалъ рукой,
Зато остался онъ съ ногой.

Муравьевъ говоритъ, что Пушкинъ, «не разобравъ стиховъ, думалъ прочесть въ нихъ, что я называю себя соперникомъ Аполлона»: но видно, что Пушкинъ вѣрно понялъ глупыя вирши, вполнѣ достойныя Митрофана. «Эпиграмма дошла до меня»—продолжаетъ Муравьевъ—«уже позднѣе, когда я былъ въ деревнѣ. Когда же я возвратился лѣтомъ въ Москву, весь литературный кружокъ столицы уже разсѣялся, но мнѣ случилось встрѣтить Соболевскаго, который былъ короткимъ пріятелемъ Пушкина. Я спросилъ его: «Какая могла быть причина, что Пушкинъ, оказывавшій мнѣ столь много пріязни, написалъ на меня такую злую эпиграмму?» Соболевскій отвѣчалъ: «Вамъ покажется страннымъ мое объясненіе, но это сущая правда: у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее, и онъ обращался ко всякаго рода гадальщицамъ. Одна изъ нихъ предсказала ему, что онъ долженъ остерегаться высокаго бѣлокураго молодого человѣка, отъ котораго придетъ ему смерть. Пушкинъ довольно суевѣренъ и потому, какъ только случай сведетъ его съ человѣкомъ, имѣющимъ всѣ сіи наружныя свойства, ему сейчасъ приходитъ на мысль испытать — не это ли роковой человѣкъ? Онъ даже старается раздражить его, чтобы скорѣе искусить свою судьбу. Такъ случилось и съ вами, хотя Пушкинъ къ вамъ очень расположенъ». Не странно-ли, что предсказаніе, слышанное мною въ 1827 году, отъ слова до слова сбылось надъ Пушкинымъ, ровно черезъ 10 лѣтъ». Когда вышло въ 1832 году «Путешествіе ко святымъ мѣстамъ», Пушкинъ, по словамъ Муравьева, хвалилъ эту книгу «оттого, что чувствовалъ себя виноватымъ за эпиграмму, написанную противъ меня еще въ 1826 году... Нечаянно встрѣтилъ я его и не узналъ, но онъ первый ко мнѣ устремился и сказалъ: «До сихъ поръ не могу простить себѣ глупой моей эпиграммы. Я былъ весьма тронутъ, когда услышалъ по окончаніи войны, что вы поѣхали въ Іерусалимъ, и тогда же написалъ для васъ стихи въ такомъ смыслѣ, что, когда цари земные, заключая миръ, позабыли святой городъ, одинъ лишь безвѣстный юноша вспомнилъ о немъ и пошелъ поклониться Гробу Христову». Я былъ тронутъ до слезъ и благодарилъ знаменитаго поэта за его утѣшительное слово, которое такъ прямо вытекало изъ его благородной души. Пушкинъ обѣщалъ мнѣ отыскать стихи свои, но сколько ни рылся въ бумагахъ, не могъ найти ихъ; написать же новые, какъ бы съ подогрѣтыми чувствами, было бы странно: такъ они и пропали». Надо думать, что Муравьевъ ошибся, и что Пушкинъ говорилъ ему о своей рецензіи на «Путешествіе», гдѣ дѣйствительно хвалитъ «молодого поэта» который «во время переговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду смятеннаго Константинополя, думалъ о Іерусалимѣ, о святомъ храмѣ», а Муравьеву показалось, что Пушкинъ написалъ о немъ стихи. «Даже послѣ его смерти ихъ не отыскали, хотя я просилъ о томъ моего пріятеля Анненкова, сдѣлавшаго полное изданіе всѣхъ его сочиненій. Съ тѣхъ поръ и до самой кончины Пушкина я оставался съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ». Впрочемъ, вѣроятно, раньше, не ожидая смягченія сердца Пушкина, Муравьевъ пытался отплатить ему неуклюжей, полульстивой, полубранной эпиграммой («Новое Время» 1880 г., № 1518):

Какъ не злиться Митрофану?
Аполлонъ обидѣлъ насъ:
Посадилъ онъ обезьяну
Въ первомъ мѣстѣ на Парнасъ.

Бѣлинскій (см. его Сочиненія, изд. Венгерова, VI, 266) отнесъ пьесу къ числу антологическихъ. Анненковъ (см. его изд. Сочин. П., II, 442) возражаетъ: «она ничего не имѣетъ общаго съ антологіей, на которую указано, какъ на источникъ, откуда авторъ почерпнулъ первую мысль ея». При этомъ Анненковъ совсѣмъ не приняль во вниманіе сдѣланной Бѣлинскимъ тутъ же, при перечнѣ антологическихъ пьесъ, оговорки: «мы относимъ къ числу антологическихъ и такія сти-

хотворенія, которыхъ содержаніе принадлежитъ скорѣе новѣйшему міру, нежели древнему... Сущность антологическихъ стихотвореній состоитъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ и манерѣ». Образъ сіяющаго Аполлона выраженъ вполнѣ въ духѣ эллинской надписи къ подножію статуи бога. Аполлонъ Бельведерскій, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, есть копія дельфійской статуи, которая изображала бога, поразившаго стрѣлою змѣя, стража Дельфъ, отнынѣ перешедшихъ во владѣніе Аполлона. Поэтическимъ прообразомъ для первыхъ четырехъ стиховъ эпиграммы Пушкина, какъ указалъ Л. Н. Поливановъ (см. его изданіе Сочин. П., т. I, изд. 3-е, стр. 237), могли быть стихи Батюшкова:

Я вижу, вижу Аполлона
Въ тотъ мигъ, какъ онъ сразилъ Пиѳона
Божественной своей стрѣлой!
Зубчата молнія сверкаетъ,
Звенитъ въ рукѣ спущенный лукъ,
Ужасная змія зіяетъ
И вмигъ свой испускаетъ духъ...

Андрей Николаевичъ Муравьевъ (30 апрѣля 1806—18 августа 1874 г.г.), сынъ извѣстнаго Н. Н. Муравьева, создателя училища для колонновожатыхъ, воспитанникъ поэта и переводчика Раича, рано началъ заниматься литературой и печаталъ въ журналахъ стихи. Въ 1825 г. онъ познакомился съ Грибоѣдовымъ, въ 1826 г. съ Баратынскимъ, Вяземскимъ, Пушкинымъ, который, «сочувствуя всякому юному таланту», отнесся къ нему весьма благосклонно, а также съ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Подъ вліяніемъ послѣдняго изъ Муравьева, вообще склоннаго къ мистицизму, съ теченіемъ лѣтъ вышелъ типичный ханжа-клерикалъ, узкій фанатикъ буквы закона, и его обличеній побаивалось даже высшее духовенство. Извѣстны его «Путешествіе ко св. мѣстамъ въ 1830 г.», «Письма о богослуженіи восточной каѳолической церкви», «Исторія россійской церкви», «Изложеніе символа вѣры православной восточной каѳолической церкви», «Путешествія по святымъ мѣстамъ русскимъ», Первые четыре вѣка христіанства», «Исторія св. града Іерусалима», «Житія святыхъ» и друг. Благочестіе Муравьева было нетерпимое и воинствующее, и мечомъ духовнымъ ему иной разъ служилъ доносъ (объ одномъ такомъ поступкѣ Муравьева передаетъ А. В. Никитенко—«Дневникъ и записки», изд. 2-е, т. I, стр. 260). «Сочиненія Муравьева»—разсказываетъ превосходно знавшій русскую церковную жизнь Н. С. Лѣсковъ (Сочин., т. VI, СПБ., 1899, стр. 559—560)—«по нынѣшнему времени въ большинствѣ такъ несостоятельны, что заниматься чтеніемъ ихъ значитъ терять напрасно время, но тогда они читались, и даже изъ нихъ кое-что обязательно заучивались наизусть. Они приносили автору хорошій доходъ, который къ послѣднимъ годамъ его жизни вдругъ остановился. Андрей Николаевичъ приписывалъ это умаленію вѣры, происшедшему, какъ все злое, отъ одного несчастнаго источника—«отъ тлетворнаго направленія литературы»... Муравьевъ жилъ не всегда въ теплѣ да въ холѣ, но иногда онъ нуждался и попрошайничалъ. Наконецъ, онъ устроился и «сталъ на стражѣ у Кіева». Какъ настоящій православный богатырь, онъ сѣлъ подъ горою и смотрѣлъ во всѣ стороны, чтобы мимо его ни птица не пролетѣла, ни звѣрь не прорыскивалъ,—и надоѣлъ кіевскому духовенству своею докучною и мелочною инспекціею до нестерпимости. Его даже считали вреднымъ и самую вѣру, которая одушевляла кипящею бодростью состарѣвшійся составъ его длинныхъ костей, называли не вѣрою, а ханжествомъ»... Долгіе годы Муравьевъ, не брезгая никакими интригами, усердно добивался поста синодальнаго оберъ-прокурора, но такъ и не добился и долженъ былъ довольствоваться болѣе скромными званіями камергера и «эпитропа Гроба Господня» и носить прозвища «генералъ-инспектора пономарства», «несостоявшагося оберъ-прокурора» и «Муравьева-Вселенскаго» (въ pendant своимъ братьямъ—графамъ Виленскому, Карсскому и Амурскому). Своеобразный этотъ человѣкъ и умеръ своеобразно—«до конца вѣренъ самому себѣ», говоритъ соборовавшій его епископъ, которому умирающій уже въ агоніи сквозь зубы процѣдилъ: «благодарю, чинно совершено таинство».

Съ Пушкинымъ Муравьевъ встрѣчался послѣ ихъ столкновенія не разъ. Въ 1832 г. Пушкинъ, какъ упоминалось выше, хотѣлъ написать рецензію на его «Путешествіе ко св. мѣстамъ», которое, по словамъ поэта (въ «Путешествіи въ Арзрумъ»), «произвело сильное впечатлѣніе» (рецензія осталась неоконченной). Въ одномъ изъ писемъ Пушкина къ женѣ находимъ забавный анекдотъ, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ котораго былъ Муравьевъ; Пушкинъ называетъ его «святымъ» и «Митрофаномъ». Отрывокъ изъ трагедіи его «Битва при Тиверіадѣ» Пушкинъ напечаталъ въ «Современникѣ»; самъ Муравьевъ думалъ, что Пушкинъ сдѣлалъ это, чтобы утѣшить автора, такъ какъ на театрѣ трагедія провалилась. Пушкину приписывается остроумная эпиграмма на Муравьева: «На диво намъ и всей Европѣ»... («Русская потаенная литература», Лондонъ, 1861 г., стр. 91; Стих—ія Пушкина, изд. Русскаго, Берл., 1861, стр. XI; Сочин. П., изд. Ефремова, т. VIII, 1905 г., стр. 344). Въ библіотекѣ Муравьева была книга, нынѣ находящаяся въ музеѣ кіевской духовной академіи: «Краткая исторія Благовѣщенскаго Нѣжинскаго монастыря», 1815 г., она обклеена бендеролью, на которой рукою Б. Н. Муравьева написано: «Принадлежала поэту Пушкину и мнѣ имъ подарена» («Извѣстія церковно-археологическаго общества» за 1879 г., стр. 44). О своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ Муравьевъ разсказалъ въ книгѣ: «Знакомство съ русскими поэтами», Кіевъ, 1871; см. также «Мои воспоминанія», съ примѣчаніями А. А. Третьякова—«Русс. Обозр.» 1895 г., № 12.

---

494. АНГЕЛЪ.

(т. II, стр. 453).

Въ тѣхъ же «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 г., гдѣ Пушкинъ обнародовалъ эпиграмму на гр. М. С. Воронцова «Не знаю гдѣ, но не у насъ»... (см. ниже № 512) и подписалъ ее полнымъ именемъ, онъ помѣстилъ (Поэзія, стр. 59—60) стихотвореніе, созданное воспоминаніемъ о женѣ Воронцова, которое тоже подписано: «А. Пушкинъ»; затѣмъ оно вошло въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 88—89, гдѣ помѣщено среди произведеній 1827 года и слѣдуетъ непосредственно за «Талисманомъ»; подлинникъ его неизвѣстенъ. Въ изданіяхъ Геннади, обоихъ Морозова и двухъ первыхъ Ефремова въ предпослѣднемъ стихѣ—ошибка: «не все я въ мірѣ ненавидѣлъ», вмѣсто—«въ небѣ».

П. А. Анненковъ зналъ исторію происхожденія «Ангела». Это видно по брошеннымъ имъ вскользь намекамъ, дальше которыхъ распространиться невозможно было въ его время. «Можно замѣтить»—говоритъ онъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (1-е изд., стр. 94) по поводу одесскихъ пьесъ—«послѣдній отголосокъ идеи, породившей «Демона» въ стихотвореніи, принадлежащемъ къ 1827 г. «Ангелъ», но здѣсь уже представленіе смягчается подъ дѣйствіемъ жизни и, можетъ быть, личнаго опыта». Въ примѣчаніяхъ къ пьесѣ Анненковъ (см. его изданіе сочиненій П., II, 438) удивляется, что «это лирическое стихотвореніе, *связывающееся* съ *данными самой жизни поэта*, отнесено посмертнымъ изданіемъ къ Подражаніямъ Восточнымъ Стихотворцамъ!» Еще одинъ намекъ Анненковъ оставилъ въ своей позднѣйшей работѣ «П. въ Александровскую эпоху», гдѣ, говоря о жизни Пушкина въ Одессѣ (стр. 245) и ссылаясь на «преданія той эпохи», разсказываетъ о женщинѣ, которую поэтъ особенно страстно любилъ тогда; тайна этой любви «обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ одесскаго періода жизни». Эта нѣжная головка дѣйствительно «глава поникшая» ангела. Другой знатокъ и комментаторъ Пушкина, пользовавшійся сообщеніями нѣкоторыхъ близкихъ къ Пушкину людей, П. И. Бартеневъ, уже послѣ смерти Е. К. Воронцовой писалъ, что съ Пушкинымъ «соединялись для нея воспоминанія молодости» и привелъ при этомъ первые три стиха «Ангела» («Къ біографіи П—на», вып. II, М., 1885, стр. 98).

Не возвращаясь снова къ уже разсказаннымъ нами подробностямъ объ отношеніяхъ графини Е.К. Воронцовой къ А. Н. Раевскому (см. статью «П. въ Одессѣ» и примѣч. къ № 371 во II т. и къ № 394 въ III т. настоящ. изданія), повторимъ только наши слова объ Александрѣ Раевскомъ: «Демонъ, который прежде «ничего во всей природѣ благословить не хотѣлъ» и «не вѣрилъ любви»,—видя чистаго Ангела, долженъ былъ сознаться: «не все я въ небѣ ненавидѣлъ, не все я въ мірѣ презиралъ». Это исторія любви Раевскаго къ Воронцовой, возведенная въ символическій перлъ поэзіи». Пьеса имѣетъ такимъ образомъ двоякое значеніе—и біографическое, и художественное.

Полевой (1833 г.) опредѣлилъ стихотвореніе какъ «отличительное» созданіе Пушкина. Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочин., изд. Венгерова, VI, 101) отнесъ его къ числу «лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій лирической музы Пушкина» и повторилъ этотъ отзывъ въ полномъ обзорѣ пушкинской поэзіи, Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина»—«Русс. Бесѣда» 1859 года, V, критика, стр. 43—44) приводитъ пьесу, какъ изумительный примѣръ, до какой высоты поэтическаго просвѣтлѣнія дошли видѣнья вдохновеннаго созерцанія поэта... Вотъ, до какой изумительной высоты духовной простерся взглядъ посвященнаго въ пророки поэта,—что въ минуту вдохновеннаго поэтическаго просвѣтлѣнія Пушкинъ могъ увидѣть демона отрицанія умиленнымъ передъ кротко сіяющей красотой нѣжнаго Ангела... Если бы теперь и хотѣлъ духъ отрицанія презирать все въ мірѣ, то онъ уже не могъ. Въ мірѣ находился человѣкъ, у котораго въ груди пламенѣлъ Серафимскій уголь, орлимъ очамъ котораго земля и небо выдали свои отъ вѣка запечатлѣнныя тайны, и—даже самимъ демономъ отрицанія еще смутно познаваемый жаръ невольнаго умиленія уже не остался тайною для этого человѣка». Анализируя «искусственную» лирику Пушкина, Д. Н. Овсянико-Куликовскій («Пушкинъ», СПб. 1909, 137—138) говоритъ по поводу «Ангела»:—«здѣсь Демонъ—не духъ зла, а духъ отрицанія и сомнѣнія, символическій образъ, которымъ любили играть и Гете, и Байронъ, и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и многіе другіе. По своему, онъ другъ добра и правды, онъ добрый геній человѣчества. Онъ ненавидитъ и презираетъ все, что подлежитъ ненависти и презрѣнію... Ангелъ символизируетъ высшій идеалъ или, по крайней мѣрѣ, указываетъ на то направленіе, въ которомъ слѣдуетъ искать его.. Эти сложныя и искусственныя идеи новаго времени сочетались въ гармоническомъ ритмѣ и слились въ чудную мелодію, въ одну изъ тѣхъ «пѣсенъ райскихъ», которыя подымаютъ насъ на огромную высоту лирическихъ созерцаній. На этой высотѣ мы—уже не «смутно», а ясно ощущаемъ чарующую прелесть «невольнаго умиленія» и познаемъ благую мощь того «сіянія» добра и любви, подъ воздѣйствіемъ котораго мы, ожесточенные злыми, хотя и справедливыми, чувствами, радостно признаемъ, что есть нѣчто, чего нельзя ненавидѣть и что не подлежитъ презрѣнію»...

«Ангелъ» не только заключаетъ въ себѣ идейное зерно лермонтовскаго «Демона», но въ значительной степени повліялъ и на развитіе этой идеи въ поэмѣ. Лермонтовскій Демонъ такъ же, какъ и пушкинскій, побѣжденъ красотой и чистотой, такъ же постигаетъ добро черезъ красоту. И лермонтовскій Демонъ презиралъ міръ, окидывалъ «презрительнымъ окомъ творенье Бога своего». И лермонтовскій Демонъ, покоренный красотой, почувствовалъ «неизъяснимое волненье» и «постигнулъ святыню любви, добра и красоты». Обратное дѣйствіе зла на добро прекрасно нарисовалъ Валерій Брюсовъ («Пути и перепутья», II, М. 1908, стр. 78): «Яростныя птицы съ огненными перьями пронеслись надъ бѣлыми райскими преддверьями, огненные отблески вспыхнули на мраморѣ, и умчались страшницы, улетѣли за море. Не на чистомъ мраморѣ, на порогѣ двственномъ, что-то все алѣлося блескомъ неестественнымъ, и въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными, упивались ангелы тайными соблазнами».

Пьеса была положена на музыку двѣнадцатью композиторами, въ томъ числѣ А. Г. Рубинштейномъ (Пбургс. унив. Пушкин. сборн. 1900 г., стр. 68—69). Художественности ея не мѣшаетъ даже однообразная глагольная риѳма, повторяющаяся шесть разъ, въ каждомъ четномъ стихѣ.

---

435. ЕСТЬ РОЗА ДИВНАЯ...

(т. II, стр. 454).

Литографированный снимокъ съ черновика этого стихотворенія былъ напечатанъ М. П. Погодинымъ въ «Русскомъ Историческомъ Альбомѣ» 1853 г., л. 39, а бѣловая редакція, датированная «1 апрѣля 1827», появилась въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 г., № 6, ст. 185, и затѣмъ вошла въ изданіе Геннади, 1859 г., т. I, стр. 376. Происхожденіе этой редакціи неизвѣстно, такъ какъ «Библіогр. Записки» не сдѣлали никакихъ

указаній на источникъ. Черновая редакція, очень близко подходящая къ бѣловой, озаглавлена: «Сонеть , но не размѣромъ, ни чередованіемъ риѳмъ не напоминаетъ сонета; очевидно, пьеса съ самаго начала, несмотря на замыселъ написать сонетъ, вылилась въ болѣе краткой и свободной формѣ. Въ немъ говорилось о трехъ розахъ, изъ которыхъ одна—избранная; такова въ общихъ чертахъ и тема стихотворенія Д. В. Веневитинова «Три розы» («Сѣверные Цвѣты» на 1827 годъ, стр. 229—230). Пушкинъ, конечно, зналъ это стихотвореніе своего юнаго московскаго пріятеля, и между обѣими пьесами, можетъ быть имѣется связь, нынѣ едва ли возстановимая. Въ концѣ черновика набросаны какія-то каракули, имитирующія арабскія буквы, но не имѣющія никакого опредѣленнаго смысла.

Пьеса антологически проста и кратка и дышитъ антологическою прелестью. Неувядаемая роза, пышно цвѣтущая «предъ изумленною Киѳерой»,—вѣроятно, какая-нибудь изъ московскихъ красавицъ. Пушкинъ тогда кружился въ вихрѣ московскаго свѣта, ухаживая за многими женщинами, и послѣ насильственнаго деревенскаго уединенія Москва казалась ему настоящей Киѳерой. Такъ пылко и восторженно поэтъ могъ говорить только о женщинѣ. Пьеса не даетъ ни одного частнаго признака, выражая лишь чувства Пушкина. Среди разныхъ Урусовыхъ, Ушаковыхъ, Корсаковыхъ и другихъ пушкинскихъ героинь московскаго періода (см. выше нашу статью «Донъ-Жуанскій списокъ Пушкина»), вѣроятно, была и та, которую онъ назвалъ «розой дивной», но кто именно была она,—сказать невозможно.

---

496. КОГДА, БЫВАЛО, ВЪ СТАРИНУ...

(т. II, стр. 454).

Стихи эти, записанные Пушкинымъ въ Альбомъ Ек. Н. Ушаковой, не сохранились въ автографѣ, такъ какъ ревнивый мужъ ея, М. Д. Наумовъ, уничтожилъ невинные дѣвическіе альбомы Екатерины Николаевны. Еще при ея жизни, безъ ея согласія, пьеса была напечатана впервые въ «Библіографич. Запискахъ» 1859 г. № 6, ст. 184, «съ автографа Пушкина изъ альбома Е. Н. Ушаковой» и съ помѣтою: «3 апр. 1827», и немедленно вошла въ первое геннадіевское изданіе сочиненій Пушкина, 1859 г., I, 375—376. Л. Н. Майковымъ была отыскана и напечатана копія этого стихотворенія, списанная самой Екатериной Николаевной («Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ»—«Русск. Обозрѣніе» 1895 г., № 9, стр. 13, и сборн. «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 363); ея текстъ представляетъ небольшія отличія отъ напечатаннаго въ «Библіографич. Запискахъ», но, какъ болѣе авторитетный по своему источнику, долженъ быть предпочтенъ этой редакціи; онъ воспроизведенъ и въ настоящемъ изданіи. Эта копія озаглавлена: «Стихи, сочиненные на слова А м и н ь, а м и н ь, р а з с ы п ь с я. А. Пушкина, въ моемъ альбомѣ» (см. «Матеріалы для академическаго изданія сочиненій Пушкина», стр. 261—262).

Судя по этому сообщенію Е. Н. Ушаковой, надо думать, что стихи были написаны Пушкинымъ на заданную тему, которою послужило извѣстное народное заклятіе противъ злого духа: «Аминь, аминь, разсыпься». Въ связи съ заклятіемъ и стихотвореніемъ, быть можетъ, стоитъ рисунокъ Пушкина, сохранившійся въ альбомѣ Елиз. Ник. Ушаковой (см. его воспроизведеніе въ III томѣ настоящаго изданія, стр. 349, и Альбомѣ Пушкинской московской выставки 1880 г.): поэтъ изобразилъ себя монахомъ, котораго дразнитъ языкомъ искушающій бѣсъ; подъ головой бѣса приписано чьей-то рукой, должно быть, одной изъ сестеръ Ушаковыхъ: «кусай его», а подъ своимъ изображеніемъ Пушкинъ написалъ извѣстный стихъ Баратынскаго: «Не искушай (сай) меня безъ нужды». Объ отношеніяхъ Пушкина къ семьѣ Ушаковыхъ и къ Екатеринѣ Николаевнѣ, которою поэтъ одно время увлекался, мы говорили въ нашей статьѣ «Послѣ ссылки въ Москвѣ» (т. III, стр. 346—347). Ея племянникъ, Н. С. Киселевъ, разсказывалъ, что Пушкинъ, уѣхавшій въ маѣ 1827 г. въ Петербургъ и тамъ неудачно сватавшійся за А. А. Оленину, по возвращеніи въ Москву «при первомъ посѣщеніи прѣсненскаго дома узналъ плоды своего непостоянства: Екатерина Николаевна помолвлена за князя Д—го. «Съ чѣмъ же я-то остался?» вскрикиваетъ Пушкинъ. «С ъ о л е н ь и м и рогами», отвѣчаетъ ему невѣста. Впрочемъ, этимъ не кончились отношенія Пушкина къ бывшему своему предмету. Собравъ свѣдѣнія о Д—мъ, онъ упрашиваетъ А. В. Ушакова разстроить эту свадьбу. Доказательства о поведеніи жениха, вѣроятно, были очень явны, потому что упрямство старика было побѣждено, а Пушкинъ остался прежнимъ другомъ дома». По объясненію Н. С. Киселева, молодая барышня, нарисованная Пушкинымъ въ Ушаковскомъ альбомѣ (л. 27 об.—воспроизведено въ Альбомѣ Пушкинской московской выставки 1899 г., табл. 19),—Екатерина Николаевна. «Въ киселевскихъ бумагахъ»—говоритъ Майковъ—«сохранилось на отдѣльномъ листѣ еще одно начерченное Пушкинымъ изображеніе молодого женскаго лица съ тонкими, изящными чертами; не подлежитъ сомнѣнію, что и этотъ профиль, съ кудрями, вѣроятно, золотистыми, представляетъ ту же особу, которую поэтъ, въ стихахъ къ ней, называлъ своимъ злымъ иль добрымъ геніемъ». Екатерина Николаевна была одною изъ «пресловутыхъ» московскихъ красавицъ, какъ назвалъ ее пріятель Пушкина А. Н. Вульфъ («Пушкинъ» Майкова, 214). Другой другъ Пушкина, кн. П. А. Вяземскій, посвятилъ ей, въ томъ же 1827 г., остроумный мадригалъ (см. Сочин. Вяземскаго, III, 448, примѣч., VIII), гдѣ говоритъ: «Меня обидѣла судьба, и задарила насъ природа. Церковный староста, увы, я отлученъ уже изъ храма, гдѣ поминаетесь и граціи, и вы, въ моленьяхъ, въ жертвахъ ѳиміама»; вѣроятно, комической иллюстраціей къ этому стихотворенію служитъ одинъ изъ рисунковъ Пушкина въ ушаковскомъ альбомѣ, изображающій князя Вяземскаго съ косичкой, въ подрясникѣ, съ тарелкой для сбора пожертвованій и колокольчикомъ въ рукахъ; рядомъ съ нимъ набожно крестится Нащокинъ (см. воспроизведеніе въ Альбомѣ Пушкинской московской выставки 1881 г., л. 11). Чувство, которое возбудила въ Пушкинѣ Екатерина Ушакова, было не столько любовью, сколько симпатіей: умная, добрая, веселая и хорошенькая дѣвушка просто нравилась Пушкину, и ихъ отношенія могли бы привести къ браку, если бы не роковая встрѣча Пушкина съ Гончаровой, которая была и гораздо моложе, и красивѣе Ушаковой. Стихи, посвященные Пушкинымъ Екатеринѣ Ушаковой, свидѣтельствуютъ не о сильномъ любовномъ чувствѣ, а объ одномъ изъ «рядовыхъ», очередныхъ для Пушкина увлеченій. Стихи эти оказались болѣе прочнымъ па-

ДАМЫ СЕМЬИ УШАКОВЫХЪ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ ПУШКИНА.
(*Альбомъ Ушаковыхъ*).

мятникомъ дружбы, чѣмъ другой подарокъ Пушкина Екатеринѣ Ушаковой—золотой браслетъ съ зеленой яшмой, на которой была вырѣзана какая-то турецкая надпись; мужъ Екатерины Николаевны, изъ ревности, уничтожилъ браслетъ: золото было передѣлано въ лорнетъ, а камень былъ отданъ отцу Екатерины Николаевны, который обдѣлалъ его въ перстень; перстень этотъ впослѣдствіи принадлежалъ Н. Г. Ребиндеру.

Н. Ѳ. Сумцовъ («Харьковскій университ. сбор. въ память Пушкина», Харьк., 1900, стр. 235) находитъ въ этомъ стихотвореніи «позднѣйшій отзвукъ мотива стиховъ 1817 г. «Къ ней» («Въ печальной праздности я лиру забывалъ»...), но уже въ весьма своеобразной народной демонологической обстановкѣ».

---

497. ВЪ ОТДАЛЕНІИ ОТЪ ВАСЪ...

(т. II, стр. 454).

«Съ автографа Пушкина изъ альбома Е. Н. Ушаковой» (нынѣ несуществующаго—см. предыдущее примѣчаніе) и съ помѣтою: «писано передъ отъѣздомъ Пушкина на Кавказъ», пьеса была впервые напечатана въ «Библіографич. Запискахъ» 1859 г., № 6, ст. 184, и затѣмъ вошла въ первое изданіе Г. Н. Геннади, 1859 г., I, 406, гдѣ была пріурочена, согласно указанію «Библіограф. Записокъ», къ 1829 г. Л. Н. Майковъ («Рус. Обозр.» 1895 г., № 9, стр. 12—14, и «Пушкинъ», 362–364), нашелъ въ бумагахъ семьи Киселевыхъ двѣ копіи стихотворенія, списанныя рукою самой Екатерины Николаевны, которой оно посвящено. Одна изъ нихъ озаглавлена: «Vers de Pouchkine à son départ à Pétersbourg, faits chez nous», подписана: «А. Пушкинъ» и датирована: «16 мая 1827»; другая, позднѣйшая, носитъ иное заглавіе: «Экспромптъ при отъѣздѣ на Кавказъ, сказанный въ мазуркѣ на балѣ у князя Голицына». «Слѣдуетъ замѣтить»—говоритъ Майковъ,—«что о поѣздкѣ на Кавказъ Пушкинъ сталъ думать еще года за два до того, какъ осуществилъ ее; а опредѣленная помѣта на первомъ, старшемъ спискѣ стихотворенія устраняетъ возможность датировать его иначе, какъ 1827 годомъ. Затѣмъ – былъ ли экспромптъ сочиненъ въ домѣ Ушаковыхъ, или же на балу у князя Д. В. Голицына,—это уже не имѣетъ существеннаго значенія». См. также «Матеріалы для академическаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 262—263). Еще однимъ подтвержденіемъ вѣрности перваго показанія Екатерины Николаевны, что стихотвореніе писано передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, служитъ то обстоятельство, что дѣйствительно черезъ три дня, въ ночь съ 19 на 20 мая 1827 г., Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ (см. наши «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 156).

Послѣдній стихъ пьесы напоминаетъ одну изъ записанныхъ Пушкинымъ въ альбомѣ А. П. Кернъ шутокъ (см. въ III т., № 563):

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ,
Въ тѣни украинскихъ черешенъ.

Вспоминается также горькое замѣчаніе Пушкина (если только оно дѣйствительно читается такъ—см. во II т. настоящаго изданія, стр. 527—530), подъ рисункомъ висѣлицы съ болтающимися на ней пятью декабристами, что и онъ могъ бы такъ же, какъ они, окончить свои дни на веревкѣ. Такой исходъ онъ не считалъ невозможнымъ и для своего Ленскаго, который (см. т. III, стр. 293) тоже могъ «быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ». Въ легкой шуткѣ, сказанной милой свѣтской дѣвушкѣ, слышится словно замирающій отголосокъ печальныхъ и серьезныхъ размышленій. Но это не мѣняетъ характера шутки. Ужасной казнью Пушкинъ пользуется, какъ шуточной иллюстраціей крайняго равнодушія Екатерины Николаевны:—вздохнетъ ли она, если даже ея поклонника повѣсятъ?

Ек. Н. Ушаковой посвящено еще одно стихотвореніе Пушкина — «Отвѣтъ» (см. въ настоящемъ изданіи № 622).

---

498. КЪ ТЕБѢ СБИРАЛСЯ Я ДАВНО...

(т. II, стр. 454).

Впервые посланіе появилось въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 188—189, подъ заглавіемъ «Къ Я.» и съ двумя звѣздочками замѣняющими подпись, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи альманаха; въ собраніи сочиненій Пушкина оно стало входить начиная съ посмертнаго изданія, т. IX, стр. 468. Въ подлинникѣ, датированномъ «14 іюня. С.-ПБ.» (см. Переписку П—на, академич. изд., II, 30), а не 14 іюля, какъ говоритъ П. В. Анненковъ (см. его «Матеріалы», изд. 1855 г., стр. 175, и его изданіе сочин. П., II, 440), за посланіемъ слѣдуетъ приписка: «Стиховъ, ради бога стиховъ! Душа проситъ. Простите, желалъ бы сказать до свиданія». Приписка впервые была напечатана Д. Н. Садовниковымъ въ «Историч. Вѣстникѣ» 1884 г., май, стр. 325—326, съ подлинника, нынѣ находящагося, вѣроятно, въ Академіи Наукъ. Посланіе адресовано въ Дерптъ, гдѣ тогда жилъ Н. М. Языковъ.

Пушкинъ давно уже собирался въ Дерптъ, куда его приглашали и Языковъ, и А. Н. Вульфъ, и особенно привлекалъ своеобразный старо-нѣмецкій колоритъ города (см. примѣч. къ №№ 387, 389, 407), но ему такъ и не довелось тамъ побывать. Пушкинъ былъ тогда въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ недѣли три назадъ изъ Москвы, но обѣ столицы уже успѣли ему опротивѣть, и онъ писалъ П. А. Осиповой: «l'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses, et comme j'ai des prétentions à l'impartialité, je dirai que si l'on m'eut donné à choisir entre les deux, j'aurois choisi Trigorsk». Въ Петербургѣ его дѣйствительно держали дѣловыя заботы, между прочимъ полученіе денегъ отъ Дельвига и Плетнева (который завѣдывалъ изданіемъ «Евгенія Онѣгина» и «Стихотвореній»), этихъ дѣйствительно «любезныхъ должниковъ». Собираясь быть лѣтомъ въ Михайловскомъ, Пушкинъ еще въ апрѣлѣ звалъ туда Языкова (см. «Историч. Вѣстн.» 1883 г., декабрь, 525—526); 22 іюня Языковъ писалъ брату Ал—дру Мих—чу, что Пушкинъ напрасно ждетъ его на лѣто въ Тригорское (ibid., 526); Пушкинъ самъ вырвался въ деревню лишь въ концѣ іюля. Стиховъ у Языкова Пушкинъ просилъ для «Московскаго Вѣстника»: «участвую въ Моск. Вѣстникѣ» – писалъ ему Пушкинъ 21 декабря 1826 г.—«слѣдственно и вы также... Непремѣнно будьте же нашъ».

Посланіе Пушкина,—быть можетъ, отвѣтъ на письмо Языкова, въ которомъ тотъ, между прочимъ, жаловался на безденежье и долги. Впрочемъ это обычный Leit-motiv студенческихъ стиховъ Языкова. Онъ писалъ «элегіи», въ которыхъ жалобно восклицалъ: «О деньги, деньги! для чего вы не всегда въ моемъ карманѣ?... Знакомымъ посылалъ рнемованныя записки и просилъ «сострадательной рукою мои финансы оживить, давно разсѣянные мною. Я знаю: деньги—суета, и для неложнаго монаха онѣ едваль дороже праха, душа не ими занята; но человѣку въ здѣшнемъ мірѣ онѣ такъ нужны, какъ въ трактирѣ, гдѣ въ долгъ не любятъ никого»... «Безъ денегъ съ нѣмцами—бѣда: они пріятны для досуговъ, но ихъ пріятность никогда ни лѣчитъ денежныхъ недуговъ». Такимъ образомъ, въ 1829 г., къ концу пребыванія Языкова въ Дерптѣ, его студенческіе долги превысили 28 тысячъ (см. В. П. Шенрокъ, «Н. М. Языковъ»—«Вѣстн. Евр.» 1897 г., ноябрь, 172; записки Языкова къ А. С. Дириной—»Русск. Стар.» 1903 г., мартъ, 479—483). Пушкинъ, конечно, давно зналъ эту болѣзненность» Языкова.

Н. Д. Киселевъ—общій пріятель Пушкина и Языкова, товарищъ послѣдняго по дерптскому университету (о немъ см. ниже, примѣч. къ № 535). Языковъ посвятилъ ему два посланія (Скажи, какъ жить мнѣ безъ тебя»... и «Я знаю, другъ»...).

Стихъ «Ахъ, юность, юность удалая!» уже былъ употребленъ Пушкинымъ въ «Братьяхъ Разбойникахъ». О томъ, какъ Пушкинъ, «въ долгахъ, бывало, утопая, заимодавцевъ избѣгалъ». можетъ дать понятіе его отчаянная отговорка при одномъ денежномъ требованіи, предъявленномъ ему въ 1821 г. черезъ полицію:—чтобъ какъ-нибудь хоть на время отклонить взысканіе, Пушкинъ сослался на карточный проигрышъ и свое несовершеннолѣтіе во время подписанія заемнаго письма («Русск. Стар.» 1878 г., іюль 502).

Объ отношеніяхъ Пушкина и Языкова см. ниже, примѣч. къ № 504, и въ III т., къ № 389.

---

499. КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(т. II, стр. 454).

Пьеса появилась впервые въ «Московс. Вѣстникѣ», т. III, 1827 г., № 9, стр. 113, и въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина» изд. 1829 г., ч. II, стр. 103—104, гдѣ помѣщена послѣдней въ числѣ произведеній 1827 г., автографъ ея неизвѣстенъ. Въ журналѣ было прибавлено къ заглавію: «Посылая ей поэму Цыганы»; въ настоящемъ изданіи пьеса воспроизведена по сборнику 1829 г., гдѣ другимъ отличіемъ отъ текста «Моск. Вѣстника» является строчная буква въ словѣ «геній» (стихъ 10-й). «Цыганы» вышли въ маѣ или іюнѣ 1827 г.; стихи были написаны, вѣроятно, недолго спустя.

О княгинѣ Зин. Александр. Волконской (1792—1862 гг.) намъ уже приходилось упоминать (см. т. III, стр. 343—344). Литературную склонность и любовь къ искусству она унаслѣдовала отъ отца кн. А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, умнаго и образованнаго дилетанта и мецената (о немъ см. у В. П. Сантова, въ примѣчаніяхъ къ «Остаф. Архиву», III, 670—671.) Восемнадцати лѣтъ она вышла замужъ за егермейстера князя Никиту Григ. Волконскаго, но бракъ ея былъ не изъ счастливыхъ; Волконская не любила своего мужа и не была ему вѣрна. Это была чрезвычайно живая, артистическая и разносторонняя натура; отличаясь недюжинной красотою, обладая большимъ богатствомъ, Волконская блистала при дворѣ (молва считала ее, быть можетъ, не безъ основаній, любовницей Александра I), но придворныхъ лавровъ ей было мало, и она подвизалась и на сценѣ, то въ комедіи, то въ операхъ (особенно въ репертуарѣ Россини); то сама сочиняла оперу, то вдругъ бралась за литературу и писала французскіе стихи и новеллы и русскую прозу и стихи. До 1824 г. жизнь ея проходила въ постоянныхъ разъѣздахъ по Россіи и заграницей. Затѣмъ она поселилась въ Москвѣ и стала хозяйкой и центромъ блестящаго салона. Его посѣщали Жуковскій, Вяземскій, Баратынскій, Дельвигъ, Языковъ, Козловъ, Загоскинъ, Мельгуновъ, Раичъ, Рожалинъ, Соболевскій, Кошелевъ, Шевыревъ, Погодинъ, Максимовичъ, Д. В. Веневитиновы, Д. В. Кирѣевскій, музыкантъ и композиторъ Геништа, вся родовая и культурная аристократія двадцатыхъ годовъ. Въ великолѣпномъ домѣ Бѣлосельскихъ, на Тверской, устраивались чтенія, концерты, спектакли, иногда ставились оперы. Московское общество исторіи и древностей Россійскихъ избрало Волконскую въ свои почетные члены. Въ 1826 г. Пушкинъ встрѣтилъ радушный пріемъ въ салонѣ Волконской; надо думать, что они были знакомы и раньше, до высылки поэта изъ Петербурга и встрѣчались у общихъ знакомыхъ, которыхъ у нихъ было много. Нашъ поэтъ не разъ встрѣчался у Волконской съ Мицкевичемъ, который жилъ тогда въ Москвѣ. Мицкевичъ посвятилъ ей большую пьесу «Греческая комната» и еще одно стихотвореніе (см. также Сочин. Вяземскаго, VII, 329—330); ихъ дружба длилась годы; польскій поэтъ Іеронимъ Кайсевичъ трогательно благодарилъ за нее Волконскую въ посвященномъ ей сонетѣ (см. «Литерат. Вѣстн.», т. III, кн. I, стр. 26). Пушкина Волконская очень цѣнила, послѣ его временнаго отъѣзда изъ Москвы въ Михайловское она писала ему (29 октября 1826 г.): «Возвращайтесь къ намъ. Московскій воздухъ легче. Великій русскій поэтъ долженъ писать или въ степяхъ, или подъ сѣнью Кремля, и творецъ Бориса Годунова принадлежитъ городу царей. Какая мать зачала человѣка, геній котораго весь—сила, изящество, непринужденность, кто то дикарь, то европеецъ, то Шекспиръ и Байронъ, то Аріостъ. Анакреонъ, но, всегда, оставаясь русскимъ, переходитъ отъ лирики къ драмѣ, отъ сладкихъ, любовныхъ, простодушныхъ, подчасъ суровыхъ, романтическихъ или ѣдкихъ пѣсенъ къ важному и безыскусственному тону строгой исторіи!» Посланіе Пушкина служитъ какъ бы поэтическимъ отвѣтомъ на эти пламенныя похвалы. 26 декабря 1826 г. Пушкинъ встрѣтился у Зинаиды Александровны съ другой Волконской—Маріей Николаевной, своей давней знакомкой Раевской, которая ѣхала тогда къ мужу-декабристу въ Сибирь и остановилась на короткое время въ Москвѣ; М. Н. Волконская въ своихъ запискахъ вспоминаетъ объ устроенномъ для нея Зинаидой Александровной музыкальномъ вечерѣ, на которомъ были Пушкинъ и Д. В. Веневитиновъ. У Волконской Пушкину бывало весело, и онъ иногда шалилъ какъ ребенокъ (см. разсказъ Л. Н. Обера въ сборн. «Вѣнокъ на памятникъ Пушкину», Спб., 1880, стр. 341—343); подъ конецъ ему даже надоѣли «проклятые обѣды Зинаиды, писалъ онъ

въ началѣ 1829 г. Вяземскому. Не русская по воспитанію, Волконская книжно увлекалась Россіей, русской литературой и исторіей и одно время проектировала «Патріотическую Бесѣду», общество, которое знакомило бы Западъ съ Россіей, на это увлеченіе не могло быть долгимъ. Природное расположеніе къ мистицизму было удобной почвой для ультра-католическаго вліянія, которое на княгиню, и безъ того полуиностранку, сумѣли оказать дѣятельные пропагандисты западной церкви, при усердномъ содѣйствіи русскихъ неофитовъ, и Волконская въ 1829 г. оставила Россію навсегда и перешла въ католичество. Съ теченіемъ лѣтъ ея связи съ Россіей, поддерживавшіяся ею черезъ нѣсколькихъ русскихъ друзей, къ числу которыхъ принадлежалъ и Гоголь, ослабѣли и порвались, и Волконская окончила свои дни полуразоренная, опутанная ханжами-плутами, въ угарѣ экстатическаго, полубезумнаго мистицизма. Но артистическая и романтическая жилка не оставляла ее, и въ Римѣ, гдѣ она поселилась, выѣхавъ изъ Россіи, она еще долго вела прежній образъ жизни богатой дилетантки и помнила о своихъ московскихъ друзьяхъ-поэтахъ. При ея римской виллѣ былъ устроенъ садъ въ видѣ кладбища, посвященнаго памяти друзей. Близъ урны въ память Д. Веневитинова и бюста Александра I находился древній обломокъ, на которомъ было написано имя Пушкина.

Но не только съ этимъ именемъ связано въ русской литературѣ имя Зинаиды Волконской. Ей посвятилъ нѣсколько стихотвореній страстно влюбленный въ нее Д. В. Веневитиновъ. Ее восторженно воспѣвали Баратынскій, Н. Ф. Павловъ, С. П. Шевыревъ, А. А. Писаревъ, кн. П. И. Шаликовъ, П. П. Козловъ; посвятилъ ей стихотвореніе и кн. П. А. Вяземскій (Сочин. IV, 83—84). Ея сочиненія печатались въ разныхъ журналахъ и альманахахъ; отдѣльно изданы —«Quatre Nouvelles» M,, 1819; «Giovanna d' Arco, dramma per musica, ridotto da Schiller» Roma, 1821; «Tableau slave du V-me siècle», Paris 1824; посмертное собраніе ея сочиненій было издано въ 1865 г., въ двухъ томахъ. Литература о ней довольно велика. Еще въ 1826 г. была напечатана въ Москвѣ брошюра «Portrait de S. E. Madame la Princesse Zénéide Volkonsky»; многія свѣдѣнія о ней указаны въ статьѣ Н. Бѣлозерской: «Княгиня З. А. Волконская» (Историч. Вѣстн.» 1897 г., мартъ 939—972, и апр., 131—164); см. также «Русскія женщины новаго времени» Д. Л. Мордовцева, Спб., 1874, стр. 257—268; княгиня Е. Г. Болконская, «Родъ князей Волконскихъ», Спб., 1900 г., стр. 716—717; Correspondencya Adama Mickiewicza. Письма и мемуары современниковъ хранятъ хвалебные отзывы о Волконской. «Она очень любезна и поэтъ какъ ангелъ»,—писалъ Вяземскій А. И. Тургеневу 3 октября 1819 г.—«Читалъ ли ты ея «Nouvelles»? Въ первой есть тонкія наблюденія и счастливыя выраженія («Остаф. Арх.» I, 323). Въ 1833 г. Вяземскій вспоминалъ о салонѣ Волконской; «тамъ музыка входила всѣми порами, on était saturé d'harmonie... Домъ ея былъ какъ волшебный замокъ музыкальной феи; ногою ступишь на порогъ, раздаются созвучія; до чего ни дотронешься, тысяча словъ гармоническихъ откликнется. Тамъ стѣны пѣли; тамъ мысли, чувства, разговоръ, движенія, все было пѣніе» (ор. с., II, 223). Графъ М. Д. Бутурлинъ писалъ о ней: «гдѣ бы ни жила княгиня, она возбуждала всеобщій восторгъ и удивленіе своими свѣдѣніями, литературнымъ талантомъ... но болѣе всего пѣніемъ и игрою на своемъ домашнемъ театрѣ» («Русс. Арх.« 1897 г., I, 640; II, 177—178). Любовь къ литературѣ Волконская передала и своему единственному сыну, кн. Александру Никитичу (о немъ см. у В. И. Саитова, въ примѣчаніяхъ къ «Остафьевс. Архиву», III, 586—587).

Сравнивая Волконскую съ другой пѣвицей, знаменитой Каталани, а себя пѣвца «Цыганъ», съ «цыганкой кочевой», Пушкинъ сказалъ Зинаидѣ Александровнѣ тонкій и остроумный комплиментъ. Прославленная пѣвица дѣйствительно слушала однажды московскихъ цыганъ, и ей очень понравилось пѣніе Стеши, матери Ольги Андреевны, сожительницы П. В. Нащокина (см. «Русс. Стар.» 1881 г., августъ, 600; Записки А. О. Смирновой, I, 107).

Бѣлинскій, упоминающій въ статьѣ о Еленѣ Ганъ (Сочин., изд. Венгерова, VIII, 311) Волконскую въ числѣ четырехъ женскихъ именъ, выдвинувшихся въ пушкинскій періодъ, называетъ стихотвореніе однимъ изъ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо, по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи возложенномъ приличіемъ». Впрочемъ, написанные Волконской великимъ поэтомъ стихи не могутъ быть сведены къ пустому комплименту; въ нихъ слышится искреннее восхищеніе, которое было внушено Пушкину блистательнымъ соединеніемъ красоты, ума, образованности и артистическаго темперамента. Есть основанія думать, что это стихотвореніе не единственное, посвященное Пушкинымъ очаровательной княгинѣ (см. ниже, примѣч. къ № 519).

---

500. КЪ ***.

(т. II, стр. 455).

Подлинникъ этого мадригала находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367, л. 26, об. Впервые онъ былъ напечатанъ въ герценовской «Полярной Звѣздѣ» на 1859 г., кн. V, стр. 23, и затѣмъ вошелъ въ сборникъ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, выпущенный въ 1861 г. въ Берлинѣ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ), стр. 56, подъ заглавіемъ: «Къ Х...». П. А. Ефремовъ напечаталъ его въ своемъ изданіи 1880 г. (т. II, стр. 167) подъ заглавіемъ: «Княжнѣ Хованской», съ сокращеніями и съ измѣненіемъ предпослѣдняго слова («несравненная» вмѣсто «богородица») и отнесъ къ 1827 г. Во второмъ своемъ изданіи (1882 г., т. II, стр. 401) Ефремовъ выключилъ стихотвореніе изъ текста и помѣстилъ его среди примѣчаній къ стихамъ 1827 г., отнеся его «къ разряду мадригальныхъ замѣтокъ, брошенныхъ (?) Пушкинымъ въ первое время пребыванія его въ Москвѣ». В. Е. Якушкинъ въ описаніи рукописей Румянцовскаго музея замѣнилъ его точками («Русс. Стар.» 1884 г., май, 343). П. О. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда напечаталъ (т. VII, стр. LIX) его съ еще большими сокращеніями, чѣмъ у Ефремова, съ тѣмъ же заглавіемъ и вслѣдъ за Ефремовымъ относя его къ 1827 г., а въ другомъ своемъ изданіи («Просвѣщенія», II, 410—411) также помѣстилъ его въ отдѣлѣ примѣчаній, опять съ пріуроченьемъ къ 1827 году. Въ третьемъ ефремовскомъ изданіи

(т. I, стр. 97) также помѣщена лишь вторая половина пьесы. Безъ всякихъ передѣлокъ и сокращеній напечатана она въ собранныхъ Л. Н. Майковымъ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина» (Спб., 1902, стр. 264—265). Въ примѣчаніяхъ къ своему третьему изданію (т. VII, 1905 г., стр. 269) Ефремовъ, ссылаясь на извѣстныя ему бумаги П. В. Анненкова, сообщаетъ: «Анненковъ въ своей черновой тетради, указавъ стихотвореніе: «На языкѣ тебѣ невнятномъ», продолжаетъ: «Рядомъ есть стихотвореніе Одесское: Къ ***: Ты богоматерь, нѣтъ сомнѣнья (выписаны всѣ 12 стиховъ). Съ Прозерпины начинаются стихотворенія, писанныя въ Михайловскомъ...» и т. д. «Указываемъ эту замѣтку изслѣдователямъ Пушкина», — продолжаетъ Ефремовъ — «для рѣшенія: одесское ли это стихотвореніе и относится ли къ 1824 или къ 1827 году?»

Дѣйствительно, въ пушкинской тетради, гдѣ находятся стихи, относящіеся къ длинному періоду 1817—1827 гг., и даже начало «Исторіи села Горюхина», мадригалъ записанъ на самой грани между одесскими и михайловскими произведеніями, но такъ какъ Пушкинъ заполнялъ свои тетради не сряду страница за страницей, отъ начала до конца, а какъ попало, то никакого опредѣленнаго хронологическаго вывода сдѣлать на основаніи рукописи нельзя. Лишь приблизительно можно датировать пьесу двадцатыми годами.

Посвященіе мадригала «книжкѣ Хованской» намъ представляется весьма сомнительнымъ — потому, что во времена Пушкина, кажется, не было среди Хованскихъ молодой особы, обликъ которой болѣе или менѣе подходилъ бы къ «матери Амура». Авторъ изслѣдованія «О князьяхъ Хованскихъ», графъ П. С. Шереметевъ, склоненъ отнести мадригалъ къ княжнѣ Натальѣ Васильевнѣ Хованской, упуская изъ виду, что она родилась въ 1785 г. и въ тѣ времена, когда Пушкинъ усердно служилъ Богородицѣ Любви, давно была не княжной Хованской, а Булгаковой (за А. Я. Булгаковымъ). Быть можетъ, эту Хованскую слѣдуетъ искать среди представительницъ другихъ линій Хованскихъ, не изслѣдованныхъ Шереметевымъ?

П. О. Морозовъ («Пушкинъ и Парни», въ I т. настоящаго изданія, стр. 392) указалъ на весьма отдаленную, но все-таки возможную связь мадригала съ стихотвореніемъ упоминаемаго въ немъ Парни «Dieu vous bénisse»...

---

501. АРІОНЪ.

(т. II, стр. 455).

Черновой автографъ пьесы находится въ 2367-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 36. Заглавіе приписано карандашемъ; карандашемъ же и чернилами нанесены нѣкоторыя поправки; внизу помѣта «16 іюля». Впервые пьеса появилась въ «Литерат. Газетѣ», т. II, 1830 г., № 43, стр. 52, безъ подписи, и черезъ много лѣтъ была перепечатана М. Н. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1857 г., мартъ, библіогр. записки, стр. 91—92 (Еще стихотвореніе Пушкина, не вошедшее въ изданія его сочиненій»). Въ томъ же году пьеса вошла въ VII т. анненковскаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 41—42. И Анненковъ, и Лонгиновъ датировали ее 1830 годомъ—временемъ ея появленія въ печати; такъ же поступали и другіе издатели, Геннади и Ефремовъ. Послѣ объясненія В. Е. Якушкина («Русс. Стар.» 1884, май, 345, см. также его «О Пушкинѣ» М., 1899, стр. 51 прим.), истолковавшаго «знаменатель» 7, находящійся въ помѣтѣ подъ пьесой, какъ 1827 г., стали печатать ее среди произведеній 1827 года. Это весьма вѣроятно, такъ какъ на слѣдующихъ страницахъ тетради слѣдуютъ стихи, относящіеся безъ сомнѣній къ 1827 году («Близъ мѣста, гдѣ царствуетъ Венеція златая»..., «Черепъ», «Поэтъ»). Къ тому же 1827 г. (1 либо 31 іюля) относится набросокъ «Земли достигнувъ»... (см. ниже, № 513), стоящій, повидимому, въ близкой связи съ «Аріономъ». Быть можетъ, начатая и неотдѣланная въ 1827 г. пьеса была окончательно исправлена впослѣдствіи.

Заглавіе и нѣкоторыя детали пьесы приводятъ на память популярную легенду о греческомъ поэтѣ (628—585 г. г. до Р. Х.) Аріонѣ, передаваемую Геродотомъ (I, 23 сл.). «Разсказываютъ, что этотъ Аріонъ, проводившій большую часть жизни въ Коринѳѣ у Періандра, пожелалъ однажды посѣтить Италію и Сицилію и, собравши тамъ большія богатства, готовился отплыть въ Коринѳъ. Довѣряя болѣе всего коринѳянамъ, онъ нанялъ въ Тарентѣ коринѳское судно и оттуда отъѣхалъ. На открытомъ морѣ коринѳяне вознамѣрились выбросить Аріона въ море и завладѣть его имуществомъ. Узнавши объ этомъ, Аріонъ умолялъ ихъ оставить ему жизнь и предлагалъ имъ свои богатства; но перевозчики оставались непреклонными и предложили ему или умертвить себя съ тѣмъ, что они погребутъ его на сушѣ, или спрыгнуть въ воду... Аріонъ надѣлъ на себя полный нарядъ свой, взялъ въ руки кноару и, ставши на доскахъ кормы, исполнилъ пѣсню высокаго тона; по окончаніи пѣсни онъ въ полномъ одѣяніи бросился въ море. Перевозчики поплыли дальше въ Коринѳъ, а Дельфинъ взялъ Аріона и вынесъ на Тенаръ» (пер. Мищенка, цитир. по «Изслѣдованіямъ о П-нѣ» Н. Ѳ. Сумцова — «Харьковс. университ. сборн. въ память П-на», 1900 г., стр. 197). Это же сказаніе передаютъ Цицеронъ и Овидій (послѣдняго Пушкинъ хорошо зналъ); оно послужило также темою для баллады А. В. Шлегеля «Arion». Быть можетъ, Пушкину была знакома и ода. «Къ Пиррѣ» Горація (кн. I, о. 5), который, избѣжавъ опасностей любви, сравниваетъ себя съ погибавшимъ и спасшимся пловцомъ («влажныя ризы пловца, по обѣту, повѣшены мной передъ богомъ морей»).

А. О. Смирнова (Записки, I, 176) разсказываетъ, что Пушкинъ однажды говорилъ съ ней «о Пущинѣ, о Рылѣевѣ, о Бестужевыхъ, объ Одоевскомъ... Бѣдный Аріонъ былъ очень опечаленъ, хотя и спасся самъ отъ крушенія; въ заключеніе онъ прочиталъ мнѣ наизустъ французскіе стихи объ Аріонѣ:

Jeune Arion, bannis la crainte,
Aborde aux rives de Corinthe;
Minerve aime ce doux rivage,
Périandre est digne de toi;
Et tes yeux y verront un sage
Assis sur le trône d'un roi.

Онъ прибавилъ: «тотъ кто говорилъ со мной въ Москвѣ, какъ отецъ съ сыномъ, въ 1826 г., и есть этотъ мудрецъ»... И будто бы онъ сказалъ съ «прояснившимся» лицомъ: «Аріонъ присталъ къ берегу Коринѳа». Весьма значительно указаніе Смирновой на французскіе стихи объ Аріонѣ, и

при всемъ ея пристрастіи къ личности царя Николая Павловича, которую она старалась изобразить въ столь неестественно-розовомъ свѣтѣ, нѣтъ основанія не вѣрить, что эти слова были дѣйствительно сказаны Пушкинымъ. Поэтъ въ это время «въ надеждѣ славы и добра глядѣлъ впередъ безъ боязни» и находилъ, что Николай «бодро, честно правитъ нами, Россію вдругъ онъ оживилъ войной, надеждами, трудами»...

Подъ Аріономъ Пушкинъ дѣйствительно разумѣлъ самого себя. На это указываетъ прежде всего отсутствіе подписи въ «Литерат. Газетѣ»; онъ даже пытается устранить мѣстоименія: «я», «насъ», «нашъ»; очевидно, Пушкинъ хотѣлъ не дать повода къ сближеніямъ между героемъ стихотворенія и самимъ поэтомъ, тѣмъ болѣе, что пушкинскій Аріонъ имѣетъ мало общаго съ Аріономъ древняго мѳа. «Пушкинъ озаглавилъ это стихотвореніе «Аріонъ» — говоритъ Б. В. Никольскій («Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина», СПб., 1899, стр. 46),— но, конечно, исключительно съ цѣлью замаскировать классическимъ именемъ самое современное содержаніе. Смѣшно говорить, будто Пушкинъ «по своему передѣлываетъ въ своей пьесѣ античный мѳъ. Для этого надо предположить, будто заглавіе пьесы было дано раньше, чѣмъ сама пьеса написана, — будто сперва была придумана маска, а потомъ ужъ и кто-нибудь такой, кому бы пригодилось въ этой маскѣ укрываться»; дѣйствительно, по автографу можно думать, что заглавіе было написано не вмѣстѣ съ самой пьесою, а приписано впослѣдствіи. «Въ «Аріонѣ» воспоминаніе Пушкина о декабристахъ»—говоритъ Сумцовъ (ib., 196)—«совершенно скрыто. «Аріонъ» можно разсматривать безъ какого бы то ни было отношенія къ декабристамъ, такъ какъ примѣненіе «Аріона» къ Пушкину и декабристамъ лишь одно изъ возможныхъ примѣненій». Изслѣдователь въ этомъ случаѣ не вполнѣ правъ, но и не совсѣмъ неправъ. Только въ связи съ исторіей декабристовъ можно понять происхожденіе и духъ пьесы, но, конечно, ей присущъ и другой смыслъ, который Анненковъ (Соч. П—на, 1. с.) формулируетъ словами: «владычество (поэзіи) и охрану пѣсни Пушкинъ хотѣлъ изобразить въ своемъ стихотвореніи». «Въ немъ выражается» — говоритъ С. Любомудровъ («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-е, стр. 38—39)—«идея о высокомъ признаніи поэта, ставящемъ его, «безпечное дитя природы», подъ особое покровительство Промысла, такъ что съ этой стороны его можно поставить рядомъ съ стихотвореніями, темой которыхъ служитъ выясненіе значенія поэта и его дѣятельности». Это—вдохновенный гимнъ искусству провозглашеніе державныхъ правъ поэзіи, предъ которыми смиряется даже сама стихія. Поэтъ «царь», приносящій «священныя жертвы» Аполлону, пророкъ,— онъ существо «таинственное», какъ называетъ себя Пушкинъ-Аріонъ. Но это только одна сторона значенія пьесы, заключающей въ себѣ большое богатство содержанія и идеи. Другая сторона—историческая и біографическая. Если Анненковъ и Лонгиновъ не коснулись ея, то это объясняется, конечно, цензурными условіями ихъ времени,—но она была понятна всѣмъ читателямъ, и уже Русскій (Н. В. Гербель) въ извѣстномъ «запрещенномъ» томикѣ Пушкина («Стихотворенія А. С. П—на, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861, стр. 161) объяснялъ: «это стихотвореніе имѣетъ отношеніе къ людямъ, замѣшаннымъ въ дѣлѣ 14-го декабря, и съ которыми Пушкинъ былъ, какъ извѣстно, въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ. Поэтъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые удѣлѣли отъ тогдашней невзгоды (при восшествіи на престолъ Николая)». «Это маленькое стихотвореніе» — говоритъ Сумцовъ (ор. с., 198)—«является результатомъ большого и сложнаго комплекса личныхъ ощущеній и тщательныхъ размышленій,—отсюда полнота художественнаго образа, полнота, исключающая ту или другую одностороннюю политическую мѣру. Въ «Аріонѣ» Пушкинъ стоитъ выше политики; здѣсь мы видимъ въ немъ лишь (?) поэта художника и гуманиста». Какъ бы то ни было, происхожденіе, внутренній смыслъ и внѣшнее содержаніе пьесы только «политически» могутъ быть объяснены.

«Насъ было много»... Пушкинъ не принадлежалъ къ декабристамъ, и отъ постигшей ихъ грозы его спасло именно то, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ политическаго движенія; вдохновителемъ ихъ въ узкомъ смыслѣ слова, какъ Рылѣевъ, онъ не былъ. «Мы», «пловцы» обнимаютъ кругъ гораздо шире, чѣмъ тайныя общества: это передовое поколѣніе александровскаго царствованія, пораженное грозою 1825 года. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ могъ считать себя товарищемъ декабристовъ, съ которыми у него было много общаго. Объ эволюціи политическихъ убѣжденій Пушкина сложились два крайнія мнѣнія: согласно одному — поэтъ въ николаевскую эпоху круто и рѣзко отказался отъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ, которыя исповѣдывалъ до несчастнаго крушенія декабристовъ; согласно другому— Пушкинъ, наоборотъ, нисколько не измѣнилъ этимъ воззрѣніямъ своей юности до конца жизни. Объ эти мнѣнія намъ представляются неправильными. Пушкина никакъ нельзя считать ни въ какую пору его жизни типическимъ выразителемъ идей 20-хъ годовъ, — идей, съ которыми всегда было лишь нѣчто общее въ основѣ его воззрѣній на соціальныя отношенія, но и представителемъ николаевскаго періода онъ не явился. Правда, между Пушкинымъ 20-хъ годовъ и Пушкинымъ 30-хъ годовъ есть значительная разница, но она легко объясняется ходомъ историческихъ событій, которыя вліяли не только на Пушкина, многомного кое въ чемъ «соревновавшаго» дѣятелямъ тайнаго общества, этимъ настоящимъ двадцатникамъ съ головы до ногъ,—но и на дѣйствительныхъ участниковъ неудавшагося переворота, которымъ суждено было пережить 25-й годъ. Корни тѣхъ политическихъ тезисовъ, которые защищалъ Пушкинъ въ 30-хъ годахъ, лежатъ еще въ его дѣятельности двадцатыхъ годовъ (см. Н. О. Лернеръ, «Проза Пушкина» — «Исторія русской литературы XIX вѣка», изд. «Міра», Москва, 1908, стр. 410—411). Тѣмъ болѣе чести дѣлаетъ его сердцу, что онъ не отвернулся съ холодностью оппортуниста отъ неудачниковъ, потерпѣвшихъ крушеніе, но назвалъ себя ихъ товарищемъ и хоть въ аллегорической формѣ призналъ свою общность съ ними. Мы знаемъ, что онъ не сочувствовалъ вообще бунту, что онъ не всегда былъ справедливъ къ декабристамъ не только какъ къ историческимъ дѣятелямъ, но даже какъ къ людямъ,—однако, на этотъ разъ онъ преклонился передъ мужествомъ и благородствомъ передового поколѣнія двадцатыхъ годовъ и въ томъ числѣ, конечно, и декабристовъ, и съ гордостью отвелъ и себѣ видное мѣсто въ этой эпохѣ, мѣсто пѣвца, ободряющаго смѣлыхъ пловцовъ. Онъ ничего не говоритъ о содержаніи своихъ пѣсенъ — но, хотя

бы онѣ и не относились къ прямымъ, непосредственнымъ цѣлямъ, манившимъ пловцовъ, не славили близкій «восторгъ достижимой награды», но своей «безпечной вѣрой» въ идеалъ, своей гуманностью, своей гармоніей онѣ ободряли и поддерживали духъ дѣятелей. Въ этомъ была его несомнѣнная гражданская заслуга» называя себя ихъ пѣвцомъ, величайшій поэтъ эпохи былъ правъ. Пережитая буря не сломила его рѣшимости пѣть «прежнія пѣсни», но сохранить прежнія настроенія уже было невозможно: слишкомъ круто измѣнились обстоятельства, «безпечной вѣрѣ» уже не было оправданія, не стало прежнихъ слушателей, и пѣвцу пришлось примѣняться къ новой эпохѣ, къ новымъ слушателямъ, и не разъ онъ не выдерживалъ тона.

Съ гражданской скорбью разочарованнаго человѣка двадцатыхъ годовъ у Пушкина сливается радостный гимнъ торжествующей поэзіи, которая жива и бодра наперекоръ бурѣ; какъ обыкновенно у Пушкина, мрачная картина природы смѣняется свѣтлой (напр., «Земля и море», «Аквилонъ»).

---

502. ТРИ КЛЮЧА.

(т. II, стр. 455).

Подлинникъ стихотворенія неизвѣстенъ. Впервые появилось оно въ «Отечественныхъ Запискахъ», т. XIV, 1841 г., № 1, III, стр. 1, и затѣмъ вошло въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина, т. IX, стр. 135. Въ «Отечеств. Запискахъ» оно было помѣчено: «18 іюня 1827. С.-Петербургъ»; въ посмертномъ изданіи помѣты этой нѣтъ; въ анненковскомъ изданіи, гдѣ пьеса была напечатана (т. II, стр. 428) безъ помѣты, была повторена въ примѣчаніяхъ (стр. 440), со словъ «Отечеств. Записокъ», та же дата, но въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 175, Анненковъ указалъ, безъ всякихъ поясненій, другую дату—«27 іюля» того же года. Это показаніе приходится принять потому, что Анненковъ могъ почерпнуть его изъ бумагъ Пушкина которыми онъ пользовался и изъ которыхъ дошло до насъ не все.

Прочитавъ въ первый разъ «Три ключа», Бѣлинскій восторженно писалъ В. П. Боткину (въ январѣ 1841 года): «они убили меня, и я твержу безпрестанно: «Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ...» (А. Н. Пыпинъ, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», изд. 2-е, 352). Излишне распространяя понятіе объ антологіи, Бѣлинскій причислилъ «Три ключа» къ антологическимъ стихотвореніямъ «по формѣ и манерѣ» (статья о «Римскихъ элегіяхъ» Гете въ «Отечеств. Запискахъ» 1841 г., т. XVII, № 8 — Сочин. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 266); съ этимъ не позволяютъ согласиться содержаніе и настроеніе пьесы, такъ не подходящія къ антологіи въ точномъ, принятомъ смыслѣ этого слова. Забывъ дату пьесы, великій критикъ въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи указалъ на «Три ключа», какъ на примѣръ,—«до какого состоянія внутренняго просвѣтлѣнія возвысился духъ Пушкина въ послѣднее время» (Сочин. Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова ч. VIII, 1860 г., стр. 412). Пессимистическіе мотивы звучатъ въ поэзіи Пушкина не часто, но—говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій («Гоголь», изд. 2-е, СПб., 1907, стр. 195—196) — «едва ли найдется геній, который бы хоть разъ въ жизни не почувствовалъ фатальнаго, психически необходимаго разлада съ общественной средой, своей отчужденности отъ нея. Оттуда, между прочимъ,—предрасположенность генія къ пессимизму разныхъ степеней и оттѣнковъ, которому вовсе не обязательно непремѣнно быть философскимъ и систематизированнымъ. Онъ можетъ даже не сознаваться какъ таковой, онъ можетъ быть заслоненъ иною доктриною, но рано или поздно, такъ или иначе онъ скажется, какъ, напримѣръ, сказался онъ у жизнерадостнаго Пушкина». Критикъ, замѣтимъ, считаетъ особенностью генія предрасположенность къ пессимизму, составляющую свойство вообще полной и многосторонне развитой человѣческой природы, но у генія не пропадающую безслѣдно и закрѣпляемую въ творчествѣ.

«Душу можно ль разсказать?» спрашиваетъ лермонтовскій Мцыри. Да, съ помощью искусства—можно. Пушкинъ умѣлъ это показать. Въ его лирикѣ «Три ключа» занимаютъ высокое мѣсто не только по своей поразительной красотѣ, нѣжности и искренности, но и по глубокой мысли. Великій поэтъ, «разсказавъ душу» свою, не только раскрылъ далекій, таинственный уголъ своего внутренняго міра, но выразилъ чувство общечеловѣческое. Какъ всякій, «кто жилъ и мыслилъ», Пушкинъ не разъ испытывалъ тягостную тоску, которую не въ силахъ ничто утолить,—ни живая вода юности, ни божественный напитокъ вдохновенія, и которую залить можетъ только «послѣдній ключъ»—мертвая вода небытія, и къ этому холодному ключу стремились иногда его думы. Другой великій поэтъ тоже воплотилъ въ образы это мучительное чувство и разсказалъ (Гейне, «Бимини») про «тихій островъ, гдѣ подъ тѣнью вѣчно грустныхъ кипарисовъ пробѣгаетъ рѣчка, тоже исцѣляющая чудно. Имя рѣчки—Дета. Выпей капли двѣ—и ты забудешь всѣ мученія, забудешь все, что выстрадало сердце»...

Не разъ замѣчаемое въ критикѣ стремленіе толковать Пушкина автобіографически, недовѣріе къ силамъ души великаго поэта породило своеобразное объясненіе «Трехъ ключей», высказанное недавно двумя авторами. Такъ какъ стихотвореніе написано двадцатью (?) днями позже «Аріона»,—то «потому (?) можетъ быть поставлено въ связь къ воспоминаніемъ о декабристахъ»,—говоритъ А. Л. Слонимскій («Политическіе взгляды Пушсина»—«Историч. Вѣстникъ» 1904 г., іюнь, 974). Съ декабристами и «Аріономъ» связываетъ «Три ключа» и Б. Эйхенбаумъ («Пушкинъ — поэтъ и бунтъ 1825 года»—«Вѣстн. Знанія» 1907 г., № 2, февраль, 61—62). Эти домыслы, лишенные всякаго реальнаго основанія, должны быть отвергнуты прежде всего просто потому, что жизнь давала Пушкину, какъ даетъ всякому, достаточно поводовъ къ тоскѣ и скорби и помимо воспоминаній о погибшихъ друзьяхъ. Первое дыханіе весны пробуждало въ немъ не бодрость и радость, а иныя чувства, и онъ спрашивалъ себя («Онѣгинъ», 7, II—III): «Или мнѣ чуждо наслажденье, и все, что радуетъ, живитъ все, что ликуетъ и блеститъ, наводитъ скуку и томленье на душу мертвую давно, и все ей кажется темно?.. Или съ природой оживленной сближаемъ думою смущенной мы увяданье нашихъ лѣтъ, которымъ возрожденья нѣтъ?»...

«Три ключа»—настоящее чудо художествен-

ной красоты, образности, законченности, простоты, краткости. Нельзя выразить подобную мысль глубже и яснѣе. Симметрически красиво расположены повторенныя слова —«въ степи мірской», «ключъ»: четвертый стихъ изобразительно и въ то же время безыскуственно передаетъ скоротечность юности. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» (пѣснь 6-ая) встрѣчаемъ ту же риѳму, что во 2—4 стих.: «въ той долинѣ два к л ю ч а: одинъ течетъ волной живою, по камнямъ весело ж у р ч а»... Пьеса положена на музыку тремя композиторами, въ томъ числѣ Ц. А. Кюи (Петерб. университ. Пушкинскій сборникъ, 1900 г., стр. 99).

---

503. ПОЭТЪ.

(т. II, стр. 456).

Черновой автографъ пьесы находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея, № 2367, л. 39, и носитъ помѣту: «15 авг. 1827. Михайловское»; другой, исправленный, находится въ письмѣ Пушкина къ Погодину отъ второй половины августа 1827 г., изъ Михайловскаго (Погодинскій архивъ въ Румянцовскомъ музеѣ). Впервые пьеса появилась въ «Московск. Вѣстникѣ», т. VI, 1827 г., № 23, стр. 255, причемъ 15-й стихъ читался: «Къ подножью свѣтскаго кумира» (этой редакціи 15-го стиха нѣтъ въ автографахъ); затѣмъ пьеса вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 100—101, гдѣ стихъ этотъ былъ исправленъ: «Къ ногамъ народнаго кумира»..., какъ читается онъ и въ письмѣ къ Погодину, которому Пушкинъ, сообщая эти стихи, писалъ: «я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы... Назовите эти стихи да и тисните». Въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина (IV, 216) «Поэтъ» былъ произвольно включенъ въ отдѣлъ антологическихъ стихотвореній.

Въ общемъ изложеніи упоминаемаго письма къ Погодину «Поэтъ» служитъ какъ бы иллюстраціей къ словамъ: «я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы»; за этими словами слѣдуетъ непосредственно пьеса. Здѣсь Пушкинъ разсказываетъ о себѣ самомъ и вообще о поэтѣ и раскрываетъ одну изъ самыхъ важныхъ главъ своей поэтической теоріи. Онъ уже сознавалъ въ себѣ и во всякомъ истинномъ поэтѣ пророка (см. выше, примѣч. къ № 478), поэтъ уже сталъ въ его глазахъ «божественнымъ посланникомъ», «небесъ избранникомъ» («Чернь»), какъ и подобаетъ называть того, кто, преображенный десницей архангела, служитъ орудіемъ Божьей воли. Теперь, говоритъ Кохановская («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина» — «Русск. Бесѣда» 1859 г., № 5, отд. III, стр. 44—47),—«въ мысли нѣсколько внимательной возникаетъ совершенно естественно вопросъ: принявши на душу такую силу священно-тайнаго величія своего призванія, какъ Пушкинъ сохранялъ эту силу? Жила ли въ немъ высокая память его поэтическаго апостольства? Пусть, какъ человѣкъ, онъ могъ заблуждаться и впадать въ ошибки; но какъ поэтъ запечатлѣвалъ ли Пушкинъ на своихъ созданіяхъ выраженіе той глубокой, величественной, торжественной мысли, которую прозрѣлъ на его лицѣ въ первую минуту смерти Жуковскій? «Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ, но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него прикосновеніемъ смерти». Но въ поэтической жизни Пушкина, т.-е. въ его поэтической дѣятельности преимущественно тамъ, гдѣ онъ касается своего призванія, замѣтны ли слѣды этой важной, удивительной мысли, которая развивалась на его мертвенно-остывающемъ лицѣ, какъ «что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко удовлетворяющее знаніе?» Словомъ: душа поэта могла дремать и засыпать, но, какъ мудрая дѣва Евангельской притчи, въ силахъ ли она была пробудиться на первый зовъ своего поэтическаго призванія? Свѣтильникъ ея хранилъ ли достаточно священно-тайнаго елея, чтобы божественное наитіе мысли могло тотчасъ запылать, и слово поэта, какъ пламя души его, проступить наружу? На эти слова и запросы внимательной мысли какой полный, изумительный отвѣтъ даетъ Пушкинъ... Если бы мы могли заподозрить поэтическую истину этого признанія и видѣть въ немъ вымышленный, а не выстраданный стихъ нашего поэта, какимъ полнѣйшимъ разувѣреніемъ послужила бы для насъ исторія этого стихотворенія, и теперь разительная въ ея сліяніи живыхъ ощущеній души поэта съ душой его созданій. Пушкинъ провелъ въ Москвѣ зиму 1827 года въ непрерывной цѣпи торжествъ и удовольствій, но все это вмѣстѣ оставило ему нѣсколько сладкихъ воспоминаній и много горечи на душѣ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы весною сперва въ Петербургъ, потомъ въ деревню, но недовольный собою и недовольный другими. Прибывъ въ свое Михайловское, что пишетъ Пушкинъ къ издателю «Московскаго Вѣстника», посылая ему нѣсколько стихотвореній? «Что вы дѣлаете? Что нашъ Вѣстникъ?... Я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы». И вслѣдъ за этими словами Пушкинъ начинаетъ свое стихотвореніе... Оно, кромѣ его близкой родственности съ душой поэта, даетъ намъ замѣтить еще другое: какъ таинственно-высокое посвященіе «Пророка» присуще здѣсь и живо въ поэтической мысли созданія. Не говоря о священной жертвѣ, къ которой требуется поэтъ,—о томъ, какъ въ малодушныхъ заботахъ суетнаго свѣта «молчитъ его святая лира»,—можно почти осязать цѣлый поэтическій образъ, какъ бы взятый изъ высокихъ посвященій «Пророка». «Но лишь божественный глаголъ до слуха чуткаго коснется, душа поэта встрепенется, какъ пробудившійся орелъ»... Что-то слышишь напоминающее: «Отверзлись вѣщія зѣницы, какъ у испуганной орлицы»... Самая чуткость слуха поэта не говоритъ ли о серафимскомъ прикосновеніи къ его ушамъ?» Развивая это сопоставленіе, Вл. Соловьевъ («Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ П—на»—«В. Евр.» 1899, декабрь) говоритъ, что во второй половинѣ стихотворенія «почти всѣ стихи повторяютъ (въ очень смягченномъ видѣ) образы и выраженія изъ «Пророка». Сравнимъ въ самомъ дѣлѣ: здѣсь—«до слуха чуткаго коснется», тамъ—«моихъ ушей коснулся онъ»; здѣсь—«и звуковъ и смятенья полнъ», тамъ—«и ихъ наполнилъ шумъ и звонъ»... рѣзкій образъ въ «Пророкѣ»: «и вырвалъ грѣшный мой языкъ, и празднословный, и лукавый», замѣненъ здѣсь такою невинною отвлеченною фразой: «людской чуждается молвы», что сразу, пожалуй, и не признаешь ихъ тождественнаго смысла; зато «берега пустынныхъ волнъ», куда бѣжитъ поэтъ, очевидно—та же «пустыня мрачная», гдѣ влачился пророкъ... И поэтическій образъ здѣсь близкій, хотя менѣе строгій и грандіозный, образъ Аполлонова жрепа. А главная мысль все та же: поэтъ не воленъ въ своихъ произведеніяхъ; онъ лишь повинуется

высшему призванію и велѣнію, и такъ же мало можетъ по собственному произволу опредѣлять сроки и выраженіе своего творчества, какъ жрецъ не воленъ въ выборѣ сроковъ, чина и словъ священнодѣйствія. Это въ сущности то же, что было и у пророка: вѣдь и тамъ въ пустынѣ онъ былъ безволенъ и страдателенъ,—дѣйствующими были Серафимъ и Богъ. Но тутъ, во второмъ стихотвореніи, выступаетъ еще другая важная сторона, которой не было и не могло быть въ «Пророкѣ». Поэтъ, въ своемъ новомъ качествѣ жреца, долженъ признаться,—и этимъ признаніемъ начинается стихотвореніе,—что онъ существенно отличается отъ толпы только въ храмѣ, только у алтаря, только во время жертвоприношеній; отойдя отъ святыни, онъ, какъ и всѣ жрецы, становится простымъ смертнымъ среди другихъ простыхъ смертныхъ, сыномъ праха, не лучше; а можетъ быть, и хуже другихъ. Вотъ указаніе—несмотря на Аполлона и священную жертву—вполнѣ реальное и, несомнѣнно, автобіографическое. Но какъ объяснить это пониженіе и эту двойственность? Какимъ образомъ поэтъ въ качествѣ «жреца» можетъ лишь въ особыхъ случаяхъ, такъ сказать лишь по праздникамъ, перерождаться въ существо высшаго порядка, когда онъ же въ качествѣ «пророка» уже всецѣло перерожденъ и наполненъ волею Божіей?... Въ «Пророкѣ» высшее значеніе поэзіи и поэтическаго призванія взято какъ одинъ идеально законченный образъ, во всей цѣлости, въ совокупности всѣхъ своихъ моментовъ, не только прошедшихъ и настоящихъ, но и будущихъ. Болѣзненный и мучительный процессъ духовнаго перерожденія проходитъ передъ нами въ мгновенныхъ картинахъ и тутъ же завершается цѣликомъ. Но въ дѣйствительности онъ вѣдь не завершенъ. Пусть поэтъ въ самомъ дѣлѣ ощутилъ себя пророкомъ; пусть онъ въ самомъ дѣлѣ восходилъ на пустынную гору высшаго вдохновенія, гдѣ видѣлъ Серафима и слышалъ голосъ Божій. Все это было, но полное его внутреннее перерожденіе еще впереди; онъ пока сошелъ съ вершинъ своего поэтическаго Синая лишь съ пророческимъ задаткомъ того совершенства, которое еще должно быть. Въ идеальномъ образѣ нѣтъ никакого раздвоенія между житейскимъ сознаніемъ и поэтическою сверхсознательностью; эта двойственность представлена пережитою, пересиленною, превзойденною. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Въ дѣйствительности будущее совершенство еще не въ нашихъ рукахъ, мы еще переживаемъ настоящее, а его законъ — именно та половинчатость, то раздвоеніе между праздникомъ и буднями, между поэтическою высотою и житейскимъ ничтожествомъ, которое яркимъ контрастомъ выступаетъ въ стихотвореніи «Поэтъ». Замѣтимъ, что вторая его половина возвращаетъ насъ къ «Пророку»... Насколько поэтъ приближался къ прежнему образу пророка, настолько же онъ удаляется отъ своего первоначальнаго образа жреца, котораго смыслъ здѣсь лишь въ одной общей чертѣ, соединяющей его съ поэтомъ: въ одинаковой безвольности, пассивности и исключительности какъ поэтическаго вдохновенія, такъ и священнической благодати. Все остальное у нихъ совсѣмъ разное, и образъ жреца во второй половинѣ стихотворенія брошенъ и забытъ. Какое отношеніе къ нему могутъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣть стихи: «Къ ногамъ народнаго кумира не клонитъ гордой головы»? А далѣе, человѣкъ, въ дикомъ видѣ бѣгущій въ пустынныя мѣста, можетъ быть, похожъ на все, что угодно, но только не на жреца, торжественно шествующаго для жертвоприношенія въ многолюдный храмъ, съ главою, умащенною елеемъ. Ясно, что все значеніе поэзіи, какъ сознавалъ его нашъ поэтъ, не могло быть связано съ образомъ жреческаго служенія, и что этотъ образъ, давши первую ноту стихотворенія, не могъ образовать его общей формы. Поэтому Пушкинъ, давъ своей первой картинѣ поэтическаго призванія титулъ пророка, не продолжалъ аналогіи и не назвалъ вторую жрецомъ, а обозначилъ ее прямо какъ характеристику поэта». Вл. Соловьевъ здѣсь излишне распространилъ традиціонные признаки жреца»: поэтъ и жрецъ въ данномъ случаѣ у Пушкина—синонимы, и если поэтъ бѣжитъ «на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы», то это и есть тотъ храмъ, въ которомъ онъ совершаетъ свое жреческое служеніе, предаваясь вдохновенью, звукамъ сладкимъ и молитвамъ и отвѣчая посягающимъ наложить ярмо на это священное призваніе: «подите прочь»... (см. ниже, примѣч. къ № 551).

Довольно правдоподобными представляются слова, приписанныя Пушкину А. О. Смирновой (Записки, I, 293) и служащія комментаріемъ автора къ своей пьесѣ: «я продолжаю думать, что поэтъ стоитъ не выше, чѣмъ окружающіе его люди, до того момента, когда заговоритъ божество. Поэтъ вдохновенъ, это несомнѣнно. Бываютъ часы, когда я не могъ бы написать двухъ строкъ, а въ часъ божества стихи льются, точно вода. Но затѣмъ, однако, приходится пересмотрѣть, измѣнить, исправить, но, кромѣ того, есть еще искусство, а это уже дѣло завтрашняго дня. Я часто встаю ночью, чтобы писать, уже послѣ сна; какая-нибудь мысль преслѣдовала меня съ вечера, но я не могъ тотчасъ ее выразить, я долженъ былъ ею проникнуться до глубины души, ей надо было улечься въ гармоническіе аккорды. Тогда въ душѣ моей происходитъ какое-то пробужденіе, что я и высказалъ въ своемъ Поэтѣ». Разницей между этими моментами и будничными объясняется и преувеличенно низкая самооцѣнка поэта, еще не призываемаго Аполлономъ: быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ». «Благодаря рѣзкой періодичности генія»—говоритъ Вейнингеръ («Полъ и характеръ», Спб., 1908, стр. 126)—«послѣ очень творческаго времени слѣдуетъ совсѣмъ непродуктивное,—когда онъ самъ ни во что себя не ставитъ, психологически (не логически) оцѣниваетъ себя даже ниже всякаго другого человѣка: его мучитъ воспоминаніе о творческомъ періодѣ. Насколько экстазы его сильнѣе, чѣмъ у другихъ, настолько минуты подавленности ужаснѣе».

«Какъ ни своеобразны эти вдохновенные образы поэта-пророка или поэта-отшельника, - предупреждаетъ одинъ критикъ (И. И. Замотинъ, «Литературныя эпохи XIX столѣтія», Варш., 1906, стр. 95—96),—нужно все-таки имѣть въ виду, что ихъ прототипы были созданы западноевропейской романтикой. Такъ, напр., центральная мысль стихотвореній Пушкина «Поэтъ» и «Пророкъ»—объ уединеніи поэта, о бѣгствѣ его въ природу, къ которой онъ такъ чутокъ и воспріимчивъ,—находитъ себѣ параллель, между прочимъ, въ воззрѣніяхъ Фр. Шлегеля на характеръ художественнаго творчества. «Не только въ пѣніи соловья или въ чемъ-либо другомъ—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ «Исторіи древней и новой литературы»,—но и въ шумѣ потока или лѣсовъ мы, кажется, внимаемъ родной намъ голосъ, вы-

ражающій либо радость, либо скорбь, какъ будто духи и ощущенія, подобныя нашимъ, хотятъ проникнуть до насъ издали или какъ бы изъ тѣсныхъ оковъ и дать себя понять. Чтобы внимать симъ звукамъ, чтобы чувствовать, угадывать душу природы, поэтъ любитъ уединеніе». Другой критикъ (А. Евлаховъ, «П. какъ эстетикъ», Кіевъ, 1909, стр. 9, ср. «Ж. М. Н. Пр.» 1908, іюнь, 303) предлагаетъ сравнить «Поэта» съ такимъ мѣстомъ изъ Лагарпа: «Аполлонъ нѣкогда давалъ предсказанія среди (?) уединенныхъ пещеръ. Его жрецы требовали, чтобы удалились непосвященные, когда чувствовали приближеніе Бога. Такъ ораторъ, поэтъ, великій писатель, когда онъ ищетъ вдохновенія, бѣжитъ отъ городовъ, удаляется въ уединенную сельскую хижину. Онъ порываетъ свои путы... Его душа возвращается къ первобытной свободѣ, созерцая величіе природы. «См. гр. де Ла Бартъ, «Шатобріанъ и поэтика міровой скорби», 97. Этого поэта узнаешь и въ толпѣ, среди «дѣтей ничтожныхъ міра», по казеннымъ примѣтамъ, которыя описалъ молодой шеллингіанецъ Веневитиновъ («Поэтъ»): «строгій умъ не блещетъ въ шумномъ разговорѣ... все чуждо, дико для него, на все безмолвно онъ взираетъ, лишь что-то рѣдко съ устъ его улыбку бѣглую срываетъ... тихій геній размышленья ему поставилъ отъ рожденья печать молчанья на уста... въ душѣ заботливо хранитъ онъ неразгаданныя чувства»... Словомъ, онъ всегда драпируется въ тогу и никогда не бываетъ съ простодушіемъ генія «въ заботахъ суетнаго свѣта малодушно погруженъ». Между тѣмъ пушкинскій «Поэтъ» діаметрально противоположенъ шлегелевскому, веневитиновскому, лагарповскому: послѣдній самъ ищетъ вдохновенія, и ради него—уединенія, а первый влекомъ въ это уединеніе высшею силою; услышавъ глаголъ Бога, онъ подвергается въ пассивное состояніе, онъ не самъ идетъ въ пустыню или въ лѣсъ, а гонимъ туда, и Пушкинъ выражаетъ это состояніе (по отношенію къ нормальному міру—даже одичанія) однимъ словомъ—смятеніе. Значеніе этого слова оцѣнилъ нашъ другой великій писатель, Тургеневъ: «тотъ, кто испыталъ на себѣ приливъ такого вдохновенія,—тотъ знаетъ, что ярче и сильнѣе нельзя изобразить вызываемое имъ состояніе души, какъ то сдѣлалъ великій русскій поэтъ. Смятеніе, именно смятеніе!» (А. Ѳ. Кони, «Памяти Тургенева»—Изв. II, Отд. И. Ак. Н., т. XIV, 1909 г., кн. 4, стр. 17). Еще яснѣе опредѣлилъ Пушкинъ свое отношеніе къ этому состоянію не поэтическими образами, а краткой теоретической формулой, въ предисловіи къ «Путешествію въ Арзрумъ»: «искать вдохновенія всегда казалось мнѣ смѣшной и нелѣпой причудою: вдохновенія не сыщешь, оно само должно найти поэта». На Чарскаго («Египетскія ночи»), дѣйствительно, сама собой «находила такая дрянь (такъ называлъ онъ вдохновеніе)». И за своимъ письменнымъ столомъ Чарскій такъ же полно отлучается отъ свѣта, какъ и въ широкошумныхъ дубровахъ: «и свѣтъ, и мнѣнія свѣта, и его собственныя причуды для него не существовали» тогда, когда онъ «чувствовалъ то благодатное расположеніе духа, когда мечтанія явственно рисуются передъ вами, и вы обрѣтаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія видѣній вашихъ, когда стихи ложатся подъ перо ваше, и звучныя рифмы бѣгутъ навстрѣчу стройной мысли»—т. е. когда онъ былъ «и звуковъ, и смятенья полнъ». Однажды Пушкинъ жаловался Дельвигу, что не приходитъ ожидаемое вдохновенье, такъ что ему пришлось «покамѣсть» взяться за прозу, для которой ему не нужно было вдохновенье. О своей работѣ надъ «Годуновымъ» онъ писалъ Н. Н. Раевскому: «когда дохожу до сцены, требующей вдохновенья, то выжидаю или перескакиваю черезъ нее». Не даромъ онъ сравнивалъ вдохновеніе съ «попутнымъ вѣтромъ» («Осень»). Сальери убѣдился горькимъ опытомъ, что вдохновенія не сыщешь, оно само должно найти поэта», къ которому приходитъ, какъ даръ свыше, хотя бы этотъ избранникъ не расточалъ «трудовъ, усердія, моленій», а былъ «безумецъ, гуляка праздный», — «межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй». И поэта Пушкинъ увѣренно ободряетъ: «идешь, куда тебя влекутъ мечтанья тайныя»... («Родословная моего героя»). Они-то и создаютъ это «смятенье», это «безпокойство» («Египетскія ночи»). За нимъ слѣдуетъ уже трудъ, «безъ коего нѣтъ истинно великаго».

Надъ своимъ трудомъ поэтъ властенъ, но не надъ вдохновеніемъ. Пушкинъ исповѣдывалъ ученіе, которое развивалъ и Платонъ, и Гете,—о безсознательности въ творчествѣ. Раздѣлялъ этотъ взглядъ и Бѣлинскій: «вдохновеніе художника такъ свободно, что самъ онъ не можетъ повелѣвать имъ, но повинуется ему, ибо оно въ немъ, но не отъ него. Онъ не можетъ выбирать темъ для своихъ созданій, ибо безъ его вѣдома возникаютъ въ душѣ его таинственныя явленія, которыя показываетъ онъ потомъ на диво міру. Онъ творитъ не когда хочетъ, но когда можетъ; онъ ждетъ минуты вдохновенія, но не приводитъ ея по волѣ своей» (Сочин., изд. Венгерова, IV, 463). «Поэта», одно изъ «лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій лирической музы Пушкина» (Сочин., VI, 101), Бѣлинскій толкуетъ въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи такъ: «онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не требуетъ его Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орелъ,— но мысль эта теперь совершенно ложна. Наша современность кишитъ поэтами, которые пошлы, когда не пишутъ, и становятся благородны и чисты, когда вдохновляются»... и т. д. Л. И. Поливановъ (см. его изд. сочин. П., I, изд. 3-е стр. 247—248) объясняетъ, что это «ошибка, причисляемая логикою къ разряду fallacia secundum dictionem, а именно къ такъ называемымъ homonymia, т.-е. ошибкамъ вслѣдствіе смѣшенія различныхъ значеній одного и того же слова (какъ здѣсь вдохновляются: смѣшанъ ироническій смыслъ этого слова съ собственнымъ)». Однако, въ дѣйствительности изображеннаго Пушкинымъ психологическаго процесса Бѣлинскій не сомнѣвался и еще разъ писалъ (Сочин., IX, 110): «Пушкинъ не выбиралъ, потому что поэтъ по призванію, поэтъ великій лишенъ не только права, даже возможности выбирать предметы для своихъ пѣснопѣній и давать своимъ твореніямъ произвольное направленіе. Источникъ его вдохновенія есть его собственная натура, а его натура есть цѣлый и въ самомъ себѣ замкнутый міръ, который рвется наружу»,

Въ этомъ мірѣ и почерпалъ нашъ поэтъ свое личное счастье и опору противъ житейскихъ невзгодъ. «Поэтическое вдохновеніе»—говоритъ С. Адріановъ («Наканунѣ Бѣлинскаго»—«Историч. Вѣстн.» 1898 г., май, 544)—«важно и дорого для него, потому что порывъ этого вдохновенія

нравственно перерождаетъ его, дѣлаетъ изъ ничтожнаго, суетнаго человѣка сосудъ просвѣтленныхъ настроеній, отрываетъ его отъ пошлости житейской и влечетъ къ прозрѣнію какихъ-то высшихъ, вѣчныхъ истинъ, которыя наполняютъ душу его гармоніей и заставляютъ смотрѣть на все, что еще такъ недавно терзало его, сквозь какую-то особенную призму. И въ такія минуты поэтъ видитъ въ самыхъ обыденныхъ предметахъ поэтическую красоту, самые тяжелые факты окрашиваетъ такъ, что они, не измѣняя правдѣ, пріобрѣтаютъ новый, примиряющій смыслъ. И всѣ жизненныя страсти людскія стихаютъ передъ этой картиной высшей гармоніи и красоты, которыя неуловимо разлиты во всемъ мірѣ, но доступны только чуткому глазу и слуху пробудившагося орла».

Предпослѣдній стихъ почти буквально повторенъ въ началѣ «Мѣднаго Всадника:»—«На берегу пустынныхъ волнъ»..

«Поэтъ» положенъ на музыку А. Шеферомъ.

---

504. КЪ ЯЗ*** (ЯЗЫКОВУ).

(т. II, стр. 456).

Карандашный автографъ посланія, съ незначительнымъ разночтеніемъ въ первомъ стихѣ, находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367, л. 37; впервые было оно напечатано въ «Московск. Вѣстникѣ», т. III, 1827 г., № 9, стр. 4, а затѣмъ вошло въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 79—80, гдѣ помѣщено среди стиховъ 1826 г. Въ автографѣ оно датировано «28 августа». Слѣдуя датировкѣ самого Пушкина,—Анненковъ (II, 417—418), Геннади (1859 г., I, 351—352), Ефремовъ (1880 г., II, 158; 1882 г., II, 139—140) въ своихъ изданіяхъ помѣщали пьесу подъ 1825 г., но послѣ невѣрнаго заключенія В. Е. Якушкина («Русс. Стар.» 1884 г., май, 346) она стала датироваться 1827 годомъ (изд. литерат. фонда, II, 21—22; «Просвѣщ.», II, 58; Поливанова, I, изд. 3-е, 240—241; Ефремова, изд. Суворина, II, 109). По черновой тетради, гдѣ записано посланіе, не датированное годомъ, невозможно заключить, въ какомъ именно году оно было написано,—но этотъ годъ указывается не только датировкой «Стихотвореній Александра Пушкина», но еще другимъ показаніемъ Пушкина, который въ апрѣлѣ 1827 г. писалъ М. П. Погодину, одному изъ издателей «Московскаго Вѣстника»: «у васъ К ъ Я з ы к о в у, тисните» (Переписка Пушкина, акад. изд., II, 24). Конечно, объ этихъ стихахъ писалъ онъ Языкову 9 ноября 1826 г.; «получили ли Вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ—пришлите мнѣ ихъ, да кстати и первое посланіе» (Переписка II., I, 382); первое посланіе»—1824 г., «Издревле сладостный союзъ»... «Посланье удалое», на которое отвѣтилъ Языкову Пушкинъ,—не «Тригорское», какъ думалъ П. В. Анненковъ (Сочин. П., II, 420), а другое, посланное Пушкину 19 августа 1826 г. изъ Дерпта, «О ты, чья дружба мнѣ дороже»... Что посланіе Пушкина вызвано не «Тригорскимъ», видно изъ того, между прочимъ, что оно было написано тогда, когда Пушкинъ еще не зналъ «Тригорскаго», которое прочиталъ впервые 9 ноября 1826 г. и писалъ Языкову: «сей часъ видѣлъ в а ш е Тригорское. Спѣшу обнять и поздравить васъ» (Переп. П., I, 381—382).

Посланіе Языкова написано подъ впечатлѣніемъ дней, проведенныхъ имъ лѣтомъ 1826 г. въ Тригорскомъ, въ семьѣ Осиповыхъ-Вульфъ и въ обществѣ Пушкина; объ этихъ дняхъ онъ писалъ 17 февраля 1827 г. А. Н. Вульфу: «я вопрошалъ совѣсть мою, внималъ отвѣтамъ ея и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотой нравственнаго и физическаго, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца, нежели лѣто 26 года» («СПбургск. Вѣдом.» 1866 г., № 163, стр. 2). Съ такимъ же восторгомъ говоритъ онъ объ этомъ лѣтѣ въ посланіи «О ты, чья дружба»... (выдержки изъ него см. въ III т. настоящ. изд., стр. 522). Отголосками этого незабвеннаго для Языкова лѣта въ его поэзіи осталась еще нѣсколько пьесъ: «Тригорское» (посланіе къ Пушкину), посланія къ П. А. Осиповой, къ А. Н. Вульфу, «Къ нянѣ А. С. Пушкина», «На смерть няни А. С. Пушкина». Языковъ вспоминалъ о своемъ сближеніи съ Пушкинымъ: «Что восхитительнѣе, краше свободныхъ, дружескихъ бесѣдъ, когда за пѣнистою чашей съ поэтомъ говоритъ поэтъ? Жрецы высокаго искусства, пророки воли божества! Какъ живы, пламенны ихъ чувства, какъ полновѣсны ихъ слова! Какъ быстро, мыслью вдохновенной, мечты на радужныхъ крылахъ они летаютъ по вселенной, въ былыхъ и будущихъ вѣкахъ! Прекрасно, радуясь, играя, надежды смѣлыя кипятъ, и грудь трепещетъ молодая, и гордый вспыхиваетъ взглядъ! Пѣвецъ Руслана и Людмилы! Была счастливая пора, когда такъ веселы, такъ милы неслися наши вечера»... («Тригорское»). Тѣ же воспоминанія хранятъ посланія къ Вульфу и Осиповой: «Мнѣ все плѣнительно въ Тригорскомъ, все свято: Пушкинъ, ты, да я—тамъ не въ одномъ винѣ заморскомъ мы пили нѣгу бытія»... «И часто вижу я во снѣ... тѣ нивы, изъ-за которыхъ, вдалекѣ, на ворономъ аргамакѣ, заморской шляпою покрытый, спѣша въ Тригорское, одинъ—Вольтеръ и Гете и Расинъ—являлся Пушкинъ знаменитый, и ту площадку, гдѣ въ тиши насъ нѣжила, насъ веселила вина чарующая сила—оселокъ сердца и души; и все божественное лѣто, которое изъ рода въ родъ, какъ драгоцѣнность перейдетъ, зане Языковымъ воспѣто. Златые дни, златые дни! «Языковъ встрѣчался съ Пушкинымъ не только въ Тригорскомъ, но вмѣстѣ съ Вульфомъ заходилъ къ нему въ Михайловское: «чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта, ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта»... («Къ нянѣ А. С. Пушкина»). Онъ описалъ даже незатѣйливую обстановку, въ которой жилъ Пушкинъ, его «домъ уединенный, памятникъ почтенный Елисаветиныхъ временъ»—вонъ тамъ—обоями худыми гдѣ-гдѣ покрытая стѣна, полъ нечиненный, два окна и дверь стеклянная межъ ними: диванъ подъ образомъ въ углу, да пара стульевъ; столъ украшенъ богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ»... («На смерть няни А. С. Пушкина»). Много самохвальства и напваго хвастовства въ стихахъ Языкова. «Удивительно»,—замѣтилъ по этому поводу одинъ критикъ,—«что человѣкъ съ такимъ критическимъ тактомъ, какъ Пушкинъ, содѣйствовалъ развитію въ пріятелѣ-стихотворцѣ такого страшнаго самодовольства. Нѣсколько хорошенькихъ картинокъ, двѣ-три пѣвучія элегійки и пріятельскія отношенія съ Пушкинымъ неужели давали право Языкову сопричислять себя

къ «пророкамъ» воли божества?... Пушкинъ-де поэтъ, ну и я поэтъ» («Лирическая поэзія послѣдователей Пушкина. Н. М. Языковъ», отд. отт. изъ «Московск. Обозр.» 1859 г., кн. 2, стр. 87). Въ самомъ дѣлѣ, похвалы безмѣрно снисходительнаго и добраго Пушкина могли вскружить голову этому безхарактерному человѣку. Пушкинъ первый искалъ знакомства съ нимъ; (нѣкоторыя похвалы Пушкина приведены были нами въ примѣч. къ № 389). Прочитавъ «Тригорское», Пушкинъ писалъ ему: «вы ничего лучшаго не написали, но напишите много лучшаго» (Переп. П., 1, 382), а Вяземскому: «ты изумишься, какъ онъ развернулся, и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь, глаголю вамъ. Онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ» (ib., 383). «Памятно мнѣ» — разсказывалъ С. П. Шевыревъ,—«какъ Пушкинъ въ 1826 году привезъ это стихотвореніе въ Москву и съ восторгомъ читалъ его намъ... Пушкинъ кланялся стиху Языкова» (Л. Майковъ, «Пушкинъ» 337). Старшій поэтъ называлъ младшаго «вдохновеннымъ»; дѣлалъ ему такіе комплименты: «Ваши стихи—вода живая, наши—вода мертвая». Пушкинъ надѣялся на Языкова, какъ на полезную силу для журнала, мысль о которомъ вообще никогда не оставляла поэта; въ 1826 году онъ настойчиво приглашалъ Языкова участвовать въ «Московск. Вѣстникѣ» и помочь «задушить» альманахи; въ 1826 г. приглашалъ его въ «Современникъ» и дружески вспоминалъ давнее прошлое: «ровно тому десять лѣтъ пировали мы втроемъ—вы, Вульфъ и я, звучали ваши стихи и бокалы»... Такъ неизмѣнно благосклонно и снисходительно относится Пушкинъ къ Языкову—поэту и человѣку.

Не такой монетой платилъ ему Языковъ. Сперва онъ относился къ Пушкину насмѣшливо и презрительно. Его отзывы о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» и «Евгеніи Онѣгинѣ» полны недоброжелательства и непониманія: «мысли ни на чемъ не основанныя, вовсе пустыя, и софизмы минувшаго столѣтія видны въ «Онѣгинѣ» тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ отъ себя, тоже и въ предисловіи... Отсутствіе вдохновенія... риемованная проза»... И какъ человѣкъ Пушкинъ былъ непріятенъ Языкову; навстрѣчу личному знакомству съ нимъ онъ пошелъ неохотно; «*съ ними* вязаться лишь грѣхъ, суета». Когда Пушкинъ, въ 1825 г., придумалъ, съ цѣлью побѣга заграницу, невинную мистификацію съ профессоромъ Мойеромъ (см. въ т. III настоящ. изд., стр. 518, 554), котораго сначала приглашалъ къ себѣ, а потомъ просилъ не пріѣзжать, Языкова это привело въ крайнее негодованіе. Подобные отзывы о Пушкинѣ на нѣкоторое время исчезаютъ послѣ ихъ сближенія, но вскорѣ появляются снова; такъ, въ 1826 г. онъ писалъ о «Борисѣ Годуновѣ», что это «подвигъ знаменитый», а въ 1831 г. отнесся къ нему очень холодно. Не нравились ему ни «Повѣсти Бѣлкина», ни сказки, которыя онъ ставилъ ниже сказокъ Жуковскаго, ни всѣ начинанія Пушкина; съ особой охотой передаетъ онъ въ своихъ письмахъ къ братьямъ разныя сплетни о Пушкинѣ (см. «Истор. Вѣстн.» 1883 г., декабрь, 520—542; «Вѣстн. Евр.» 1897 г., ноябрь, 162—164, 166; декабрь, 603—604; «Русск. Стар.» 1903 г., мартъ, 485, 487). Сравнивая отзывы о Пушкинѣ въ его письмахъ съ тѣмъ, что говорилъ онъ о немъ въ стихахъ, убѣждаешься, что въ Языковѣ боролись два чувства по отношенію къ Пушкину; съ одной стороны онъ чувствовалъ въ Пушкинѣ генія (да и понималъ, что близость къ Пушкину можетъ быть ему только полезна), а съ другой—мучительно завидовалъ ему. Объ ихъ отношеніяхъ см. также примѣч. къ №№ 379 и 498.

Посланіе Пушкина, какъ вѣрно замѣтилъ Н. Н. Страховъ («Замѣтки о Пушкинѣ» и т. д., изд. 2-е, 42, 43), совершенно сбивается на языковскіе стихи и звукомъ, и мыслями... Эту шаловливую шутку можно принять за злую (?) насмѣшку; Пушкинъ *передразнилъ* Языкова, конечно нимало о томъ не думая и искренно восхищаясь *удалымъ* посланіемъ. «Дѣйствительно Пушкинъ до такой степени попалъ въ тонъ Языкову, что рецепировалъ всѣ его особенности, не исключая и недостатковъ. Бѣлинскій не безъ излишней строгости говоритъ объ этихъ стихахъ (Сочин., ч. IX, М., 1860, стр. 255—256): это было писано въ лѣто отъ Р. Х. 1826-е,—и тогда намъ, какъ и всѣмъ, очень нравилось, а теперь мы, какъ и всѣ, спрашиваемъ самихъ себя: неужели это намъ нравилось и какъ же это намъ нравилось? Что такое: «удалое посланіе», и почему же это только *удалое*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не *ухорское*, не *забубенное*? Что такое—«буйство молодое»?—Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» слова: *буй* и *буесть* употреблены въ смыслѣ *храбрый*, *сильный*, *храбрость*, *богатство*; но въ наше время *буйство* означаетъ только ту добродѣтель, за которую сажаютъ въ тюрьму. И потомъ: что за эпитетъ—*молодое* буйство? «Хмѣльная брага»—напитокъ, который сами наши поэты, вѣроятно, замѣняли или англійскимъ портеромъ, или кроновскимъ пивомъ. Эпитетъ *разымчивый* происходитъ отъ глагола *разнимать*, *разбирать*; о пьяныхъ говорятъ: экъ его разнимаетъ, экъ его разбираетъ!—Что такое «свободная жажда»—рѣшительно не понимаетъ. А между тѣмъ было время, когда всѣмъ этимъ восхищались, не вникая слишкомъ строго въ смыслъ».

«Напитокъ благородный», открытый непонятою Бѣлинскимъ «жаждою свободной»,—«емка», упоминаемая А. Н. Вульфомъ (см. его дневникъ, «Пушкинъ» Л. Майкова, 200), Языковымъ (см. «О ты, чья дружба мнѣ дороже»...) и самимъ Пушкинымъ (письмо къ Языкову 14 апрѣля 1836 г.).

---

505. БЛИЗЪ МѢСТЪ, ГДѢ ЦАРСТВУЕТЪ ВЕНЕЦІЯ ЗЛАТАЯ...

(т. II, стр. 456).

Черновой автографъ этой пьесы находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2367, лл. 36 об.—37, съ помѣтой: «16 сент. 1827; (другой черновикъ, на отдѣльномъ листкѣ,—въ парижскомъ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина (см. «П. и его современники», вып. XII, стр. 10). Впервые она была напечатана въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 г., стр. 53, подъ заглавіемъ: «Переводъ не изданныхъ стиховъ Андрея Шенье» и, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ «Славянинѣ» 1828 г., ч. V, № 1, стр. 71—72, а затѣмъ Пушкинъ включилъ ее въ сборникъ своихъ «Стихотвореній», изд. 1829 г., ч. II, стр. 102, гдѣ она помѣщена въ числѣ произведеній 1827 г., безъ заглавія, которое перенесено въ оглавленіе книги. Французскій подлинникъ, по сообщенію Л. Н. Майкова («Матеріалы для академическаго изданія сочиненій П—на», стр. 265) былъ напечатанъ въ «Annales romantiques, 1827 —

1828» Paris MDCCCXXVIII, p. 370, безъ объясненія о происхожденіи стиховъ; можно думать, что до Пушкина они дошли въ спискѣ. Въ настоящемъ изданіи пьеса воспроизведена по сборнику 1829 г.; объ отличіяхъ печатнаго и рукописнаго текста см. въ общей статьѣ о текстѣ.

Рядомъ съ пушкинскимъ переводомъ въ «Невск. Альманахѣ» и въ «Славянинѣ» былъ напечатанъ переводъ П. И. Козлова, посвященный графинѣ З. П. Лебцельтернъ; приводимъ конецъ его:

И я люблю пѣть про себя въ тишинѣ
Безвѣстныя пѣсни мечтаю,
Пою—и какъ будто отраднѣе мнѣ,
Я горе мое забываю,
Какъ вѣтеръ ни гонитъ мой бѣдный челнокъ
Пучиною жизни мятежной,
Гдѣ я такъ уныло и такъ одинокъ
Скитаюсь во тьмѣ безнадежной...

Подъ заглавіемъ «Гондольеръ и поэтъ» перевелъ эти стихи, ближе къ подлиннику, чѣмъ Козловъ, и В. И. Туманскій («Сѣверные Цвѣты» 1830 г., отд. II, стр. 25) на переводѣ Туманскаго отразилось вліяніе Пушкина, переводъ котораго, конечно, самый лучшій. Ринальдъ, Годфредъ, Эрминія—герои «Освобожденнаго Іерусалима» Тассо, во времена Пушкина уже забытаго гондольерами. Пушкинъ не разъ мечталъ о Венеціи. Его тянуло насладиться нѣгой итальянскихъ ночей, «съ венеціанкою младой, то говорливой, то нѣмой, плывя въ таинственной гондолѣ», («Онѣгинъ», 1, XLIX) тамъ, «гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ» («Поѣдемъ, я готовъ»..., 1829 г.) Тоска по Италіи слышится и въ другой пьесѣ 1827 г. «Кто знаетъ край»... (см. ниже, № 519).

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упомянулъ это стихотвореніе, какъ одно изъ лучшихъ въ лирикѣ Пушкина. Стихи Шенье потому пришлось такъ по сердцу нашему поэту, что совпали съ его собственными мыслями о творчествѣ и съ настроеніемъ, которое онъ часто испытывалъ. Еще въ лицейскомъ посланіи «Моему Аристарху» (1815 г.) онъ писалъ:

Люблю я праздность и покой,
И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя...
Сижу ли съ добрыми друзьями.
Лежу ль въ постелѣ пуховой,
Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рѣмахъ вдругъ заговорю,
И никого ужъ не морю
Моими тайными стихами.
Но и если я когда-нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежню мысль мою
И не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И ихъ въ полголоса пою....

Въ «Онѣгинѣ» (8, IV) Пушкинъ умиленно вспоминаетъ, какъ ласковая Муза ему «услаждала путь нѣмой волшебствомъ тайнаго разсказа». Въ этомъ отношеніи пьеса весьма значительна—и какъ автобіографическое признаніе поэта, и какъ ясное выраженіе одной изъ мыслей Пушкина о поэзіи—о ея самодовлѣющей цѣнности, не ищущей подтвержденія въ «славѣ», въ мнѣніи общества, и утверждаемой державнымъ сознаніемъ самого художника. Своему любимому другу Пушкинъ однажды принесъ высокую хвалу за то, что онъ, «гордый, пѣлъ для музъ и для души», «геній свой воспитывалъ въ тиши» («19 октября», 1825 г.).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Шенье см. примѣчанія къ №№ 227, 253, 256, 428, 527 и статью Ю. Веселовскаго въ III томѣ.

Пьеса положена на музыку А. Глазуновымъ.

---

506. 19 ОКТЯБРЯ, 1827.

(т. II, стр. 456).

Автографъ этой пьесы неизвѣстенъ; по словамъ П. А. Ефремова (Сочин. П., изд. 1880, т. II, стр. 420) у И. И. Пущина имѣлся «автографъ этихъ стиховъ», но это, вѣроятно, была ошибка, потому что въ слѣдующемъ изданіи Ефремова (1882 г., т. II, стр. 403) вмѣсто «автографъ» сказано—«списокъ». Впервые пьеса появилась въ «Славянинѣ» А. Ѳ. Воейкова, 1830 г., ч. XV, стр. 51, подъ заглавіемъ «Къ товарищамъ молодости», съ подписью «П.» и въ искаженной редакціи (повидимому, со случайнаго списка), и затѣмъ вошла, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, въ «Стихотворенія Александра Пушкина», ч. III, изд. 1832 г., стр. 193.

19-е октября, день основанія Царскосельскаго лицея, для Пушкина всегда было праздникомъ, и этому дню было посвящено не одно его стихотвореніе (1825, 1828, 1831, 1836 гг.). Пьеса 1827 г. единствомъ чувства и отчасти мысли тѣсно связана съ посланіемъ въ Сибирь того же года (см. выше, № 490). Не избалованный родственной любовью, не любившій отца и мать, а къ брату и сестрѣ питавшій скорѣе просто дружбу, чѣмъ родственную симпатію, Пушкинъ всю свою нѣжность перенесъ на друзей и особенно горячо любилъ лицейскихъ товарищей. Въ день лицейской годовщины онъ не только привѣтствовалъ товарищей, съ которыми встрѣчался, но и вспоминалъ, обнималъ мысленно и благословлялъ отсутствующихъ. Въ нѣсколькихъ строчкахъ Пушкинъ очертилъ весь кругъ человѣческой жизни, со всѣмъ, что есть въ ней добраго и злого, и бодро и радостно благословилъ жизнь и пожелалъ счастья своимъ друзьямъ на всѣхъ житейскихъ путяхъ. Вспомнилъ онъ и своихъ далекихъ друзей, которые были въ этотъ день—кто «въ краю чужомъ», какъ Н. Г. Ломоносовъ, кто «въ пустынномъ морѣ», какъ Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, «чужихъ небесъ любовникъ безпокойный», кто — «въ мрачныхъ пропастяхъ земли», какъ И. И. Пущинъ и В. К. Кюхельбекеръ. Съ послѣднимъ Пушкинъ случайно встрѣтился нѣсколько дней назадъ, 14 октября, на станціи Залазы, по дорогѣ изъ Михайловскаго въ Петербургъ; нечаянная встрѣча старыхъ друзей была трогательна, и оба они вспоминали о ней съ волненіемъ (въ запискахъ Пушкина сохранился разсказъ объ этомъ). Приведя пьесу Пушкина въ своихъ запискахъ, И. И. Пущинъ замѣчаетъ: «и въ эту годовщину въ кругу товарищей-друзей Пушкинъ вспомнилъ меня и Вильгельма, зажиро погребенныхъ, которыхъ они не досчитывали на лицейской сходкѣ» («Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ», Спб., 1907, стр. 67). К. Я. Гротъ въ статьѣ «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ при Пушкинѣ» («Нов. Время» 1909 г.,

№ 12071, отд. отт., стр. 10) говоритъ: «отъ 1827 г. не сохранилось ни протокола, ни стиховъ. Не знаемъ, собирались ли и гдѣ лицейскіе первокурсники въ этомъ году. Пушкинъ проводилъ этотъ день въ Михайловскомъ». Это невѣрно. По упомянутому отрывку изъ записокъ Пушкина видно, что 14 октября, уже оставивъ Михайловское, онъ былъ въ Боровичахъ и Залазахъ, откуда Кюхельбекеръ былъ увезенъ въ Динабургъ, а поэтъ поѣхалъ «въ свою сторону», а 15 октября — въ Лугѣ. Сопровождавшій Кюхельбекера фельдъегерь Подгорный донесъ начальству о встрѣчѣ своего арестанта съ «г. Пушкинымъ, ѣхавшимъ изъ Новоржева въ С.-Петербургъ» («Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861, стр. 192—193). Значитъ, 19 октября Пушкинъ былъ уже въ Петербургѣ. Пущинъ же удостовѣряетъ, что получилъ отъ директора лицея Е. А. Энгельгардта стихи Пушкина на лицейскую годовщину 1827 г., которую поэтъ праздновалъ «въ кругу товарищей-друзей», т. е. на обычномъ ежегодномъ собраніи лицеистовъ перваго выпуска, гдѣ, вѣроятно пьеса и была читана (см. «Русс. Архивъ» 1910 г., I, 215—216). Я. К. Гротъ («Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 1899 г., стр. 81) слышалъ отъ П. А. Плетнева, что за послѣдній стихъ, о «мрачныхъ пропастяхъ земли», Пушкину было сдѣлано внушеніе свыше. Изъ записки о народномъ воспитаніи и другихъ выступленій Пушкина правительству было слишкомъ ясно, что Пушкинъ не сочувствовалъ политическому движенію, жертвой котораго пали его друзья, но оно покушалось даже запретить ему жалѣть ихъ.

Есть три музыкальныя интерпретаціи пьесы, между прочимъ А. С. Даргомыжскаго (С. К. Буличъ, «П. и русская музыка» — «Памяти П—на», сборн. Спб. универс., 1900 г., стр. 69—70).

---

507. ЧЕРЕПЪ.

(т. II, стр. 457).

Черновые наброски пьесы находятся въ хранящихся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ тетрадяхъ № 2367, лл. 37 об. и 57 об., и № 2368, л. 36 об. Хронологія пьесы опредѣляется положеніемъ этихъ набросковъ среди другихъ черновыхъ, а также показаніемъ самого Пушкина, который 31 іюля 1827 г. писалъ бар. А. А. Дельвигу: «если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы его тиснемъ». Вѣроятно, пьеса была начата незадолго до этого времени, и Дельвигъ уже зналъ о ней. Въ октябрѣ она была окончена (см. ст. В. П. Гаевскаго «Дельвигъ» въ «Современникѣ» 1853 г., т. 37, отд. III, стр. 58, прим.) и напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 г. (ценз. дозвол. 3 декабря 1827 г.), «Поэзія», стр. 100—107, съ подзаголовкомъ «Посланіе къ Д.» и съ подписью «Я», о которой поэтъ, по словамъ П. В. Анненкова (см. его изданіе сочиненій Пушкина, II, 441), говорилъ: «никто не усомнится, что это Я—я». Затѣмъ Пушкинъ включилъ «Черепъ» въ сборникъ своихъ «Стихотвореній», изд. 1829 г., ч. II, стр. 91—99 (подзаголовокъ отнесенъ въ оглавленіе книги, стр. 174). Текстъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина» не вполнѣ сходенъ (объ этомъ см. въ общей статьѣ о текстѣ).

«Черепъ» — настоящій шедевръ юмора, и, между прочимъ, историческаго, другимъ блестящимъ образцомъ котораго служатъ первыя строфы «Родословной моего героя», и который Пушкинъ проявлялъ не разъ (въ «Арапѣ Петра Великаго», въ «Капитанской дочкѣ» и проч.). Геніальная историческая интуиція внушила поэту полукарикатурный, но мѣткій портретъ стараго остзейскаго феодала эпохи войнъ съ Литвою, охотника, самодура, пьяницы и волокиты, мѣдный лобъ котораго не поддавался ни всепроницающему лучу Аполлона, ни мечу литовскаго наѣзднка. Источникомъ бытовыхъ чертъ для этой характеристики остзейскаго дворянина могла служить книга Бестужева-Марлинскаго «Поѣздка въ Ревель», которую Пушкинъ, конечно, читалъ (см. Н. И. Черняева. «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Хар., 1900, стр. 385—421). Торжественная, непритворная серьезность, съ которою нарисована баронская усыпальница, только усиливаетъ комическое впечатлѣніе. Читатель вправѣ ожидать грозной развязки, но скелетъ и не «вздумалъ за себя вступиться», и дѣло разрѣшилось крайне прозаически,—баронскія кости разбрелись по письменнымъ столамъ такихъ же чудаковъ, какъ студентъ, и аристократическій черепъ замѣнилъ одному изъ нихъ табачную коробку. Превосходна и характеристика студента, которому, какъ «мыслителю», былъ «необходимъ» скелетъ, предметъ, способный внушить уваженіе всякому филистеру. Студентъ — типичная фигура добрыхъ, старыхъ, романтическихъ временъ. Учится онъ, очевидно, изъ рукъ вонъ плохо, но стремленія у него не-шуточныя,—онъ хотѣлъ бы, какъ второй Фаустъ, постигнуть всѣ науки; онъ и математикъ, и филологъ, и физіологъ, и юристъ,—но именно необъятность науки страшитъ его. Фихте, Платонъ и учебники покрываются паутиною, а рижскій Фаустъ усердно предается уличнымъ скандаламъ, хожденію по кабакамъ, а въ болѣе свѣтлые часы физическаго и нравственнаго отрезвленія—неопредѣленнымъ романтическимъ грезамъ и стихотворству, навѣянному, конечно, Шиллеромъ и «Страданіями молодого Вертера». Вполнѣ соотвѣтствуютъ быту классическаго бурша и обстановка, въ которой живетъ студентъ, или, вѣрнѣе, отсутствіе всякой обстановки, и самая внѣшность его — напускная важность, не оставляющая его даже за бутылкой пива, плащъ, картузъ, трубка въ зубахъ и внушительная дубина въ рукѣ. При этомъ онъ — вольнодумецъ, какъ и подобаетъ истинному ученому, и спокойно, съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, уноситъ изъ мрачнаго склепа баронскія кости, въ чемъ кистеръ участвуетъ только подъ дѣйствіемъ пива. Пушкинъ не былъ въ Дерптѣ, гдѣ въ тѣ времена водились подобные «присяжные студенты», но съ этимъ типомъ могъ познакомиться и изъ литературныхъ отраженій, и изъ случайныхъ встрѣчъ, и изъ разсказовъ А. Н. Вульфа и Н. М. Языкова, дерптскихъ студентовъ. О знакомствѣ его съ бытомъ и настроеніями буршей говоритъ одна страница «Русскаго Пелама». «Дорого бы я далъ»,—вспоминаетъ герой,—«чтобы сидѣть за кружкою пива въ облакахъ табачнаго дыма, съ дубиною въ рукахъ и въ засаленной бархатной фуражкѣ на головѣ. Дорого бы я далъ за мою комнату, вѣчно полную народа, и Богъ знаетъ какого народа, за наши латинскія пѣсни, студенческіе поединки и ссоры съ филистерами. Вольное университетское ученье принесло мнѣ болѣе пользы, нежели домашніе уроки. Но вообще выучился я порядочно только

фехтованію и дѣланію пунша... При отъѣздѣ моемъ далъ я прощальный пиръ, на которомъ поклялся быть вѣчно вѣрнымъ дружбѣ и человѣчеству и никогда не принимать должности цензора»...

Великолѣпны отдѣльныя юмористическія черты—сопоставленіе воинственнаго феодала. XVI в. съ его мирнымъ потомкомъ «въ очкахъ и съ лирой золотой»; вопросъ удивленнаго кистера: «что скажутъ мертвые?»; важные эпитеты, приданные пиву: «страха усыпитель и гнѣвной совѣсти смиритель»... Доброй, тонкой насмѣшкой проникнутъ весь тонъ посланія. Стиль послушно повинуется чувству юмора. Какими, напримѣръ, короткими, лапидарными фразами изображаетъ поэтъ, какъ друзья приступаютъ къ осуществленію своего таинственнаго замысла: «Они разсталися. День угасъ. Настала ночь». Поэтъ оставляетъ риѳму и переходитъ къ прозѣ, когда убѣждается, что все окончилось жалко-прозаически, тогда какъ по уставу романтики слѣдовало бы ожидать возстанія мертвыхъ изъ гробовъ и катастрофическаго конца; но о презрѣнной житейской прозѣ и говорить приходится прозой. Столь совершенная отдѣлка всѣхъ частностей, несомнѣнно, стоило автору большого труда; «Черепъ» писался долго и дался не легко, на что указываютъ слова Пушкина: «если кончу посланіе»... Можно думать, что Пушкинъ дѣйствительно подарилъ Дельвигу черепъ, доставшійся ему, вѣроятно, отъ А. Н. Вульфа (о немъ см. въ III т. настоящаго изд., примѣч. къ № 387), и что анекдотъ о черепѣ былъ разсказанъ поэту Вульфомъ. Такой же подарокъ послалъ Пушкинъ въ 1828 г. Н. М. Языкову («Историч. Вѣстн.» 1883 г., декабрь, 527). Происхожденіе черепа изъ Остзейскаго края, родины предковъ Дельвига (родившагося, впрочемъ, въ Москвѣ отъ русской матери), дало Пушкину поводъ къ шуточному предположенію, не находился ли нѣкогда этотъ черепъ на плечахъ одного изъ Дельвиговъ. (Не лишнее замѣтить, что жившіе въ Лифляндіи съ XV столѣтія Дельвиги стали баронами гораздо позднѣе войнъ съ Литвою, въ XVIII вѣкѣ).

Сравненіе Баратынскаго съ Гамлетомъ не только вообще чрезвычайно подходитъ къ этому поэту раздумій и рефлексіи, но и намекаетъ на его извѣстное стихотвореніе «Черепъ», въ которомъ отразилось вліяніе и «пѣсни Корсара» («Надпись на кубкѣ изъ черепа»), и шекспировскаго «Гамлета» (знаменитая сцена на кладбищѣ). Весело разсказанный анекдотъ совершенно по-пушкински завершается серьезной, умной и глубокой мыслью, высказанной въ легкой, шутливой формѣ.

Фраза: «обстоятельства не позволяли ему брать съ собою б у д у щ а г о» требуетъ поясненія. У Пушкина еще разъ встрѣчается этотъ почтовый терминъ: «генеральша Б[ахметева] съ б у д у щ и м ъ взяла двѣнадцать лошадей»... (отрывокъ «4 мая 18.. произведенъ я»...); встрѣчается онъ и у Грибоѣдова, въ водевилѣ «Кто братъ, кто сестра, или обманъ за обманомъ» (явленіе 1-е). Ѣхать съ «будущимъ» означало имѣть право взять съ собою, по своей подорожной, спутника, отъ котораго уже не требовалось особаго разрѣшенія на выѣздъ (см. «Русс. Стар.» 1909 г., іюнь, 646). Такимъ «будущимъ», спутникомъ безъ подорожной, шутитъ Пушкинъ, былъ бы для студента скелетъ, если бы онъ повезъ его съ собою, но именно этого-то пассажира студентъ не могъ взять.—Стихъ «Пѣвцу Корсара подражай» близко напоминаетъ стихъ «Евгенія Онѣгина» (4, XXXVI — XXXVII), тоже о Байронѣ: «Пѣвцу Гюльнары подражая»...

Посланіемъ Пушкина къ Дельвигу воспользовались враги обоихъ поэтовъ въ разгарѣ полемики между Булгаринымъ съ К° и «Литературной Газетой». Въ «Запоздаломъ предисловіи къ Альдебарану» («Сынъ Отеч.» и «Сѣв. Арх.» 1830 г., № XVI, стр. 245—246,—Альдебараномъ назывался въ этомъ журналѣ сатирическій отдѣлъ) писали: «хотя о подвигахъ рода Барона Шнапса фонъ Габенихта и молчитъ суровая Исторія, но мы недавно отыскали, въ развалинахъ одной Чухонской кирки, ребро, которое признано принадлежащимъ знаменитому предку Барона Шнапса фонъ Габенихта, воспѣли это ребро въ стихахъ, и сдѣлали изъ него палицу для пораженія всѣхъ критиковъ, которые не докажутъ древности своего рода». Булгаринская недобросовѣстность какъ будто не желала замѣтить, что въ «Черепѣ» Пушкинъ самъ подтрунивалъ надъ родовымъ тщеславіемъ.

---

508. ВЪ СІЯНІИ И ВЪ РАДОСТНОМЪ ПОКОѢ...

(т. II, стр. 459).

Подлинникъ четверостишія неизвѣстенъ. Впервые появилось оно въ VII-мъ, дополнительномъ томѣ сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова, стр. 98, подъ заглавіемъ: «Эпитафія младенцу» и съ отнесеніемъ къ 1827 году. П. О. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда (II, 13), тоже помѣстилъ его подъ 1827 г., а во второмъ своемъ изданіи («Просвѣщенія», т. II), напечатавъ его (стр. 59) опять въ числѣ произведенія 1827 г., въ отдѣлѣ примѣчаній (стр. 421) замѣтилъ, что оно «написано безъ сомнѣнія въ 1828 г., такъ какъ (?) мальчикъ родился 2-го или 3-го января 1826 г. и скончался полутора года отъ роду». Такъ же поступилъ и П. А. Ляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», стр. 129). На ошибочность этого дѣйствительно «недоступнаго пониманію» разсчета обратили вниманіе П. Е. Щеголевъ («Замѣтки о Пушкинѣ»—«Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ», т. VIII, 1903 г., кн. 4, стр. 380—381) и П. А. Ефремовъ (Сочин. П., т. VII, 1905 г., стр. 274), отнесшіе пьесу по-прежнему къ 1827 г. Въ книгѣ княгини С. Г. Волконской «Родъ князей Волконскихъ», стр. 762, указано, что ребенокъ, памяти котораго посвящены стихи, родился въ 1825 г., а умеръ въ 1827 г. Княгиня В. Н. Репнина («Русск. Стар.» 1878 г., № 6, стр. 336—338) говоритъ, что ребенокъ умеръ на третьемъ году отъ рожденія.

Между тѣмъ, недавно въ печати появились болѣе точныя даты рожденія и смерти маленькаго князя Николая Серг. Волконскаго, сына декабриста кн. Сергѣя Григорьевича и Маріи Николаевны, рожденной Раевской. Объ этомъ мальчикѣ упоминается не разъ въ перепискѣ Раевскихъ, вошедшей въ «Архивъ Раевскихъ» (см. т. I, стр. 265, 383 etc). Родился онъ 2 января 1826 г. въ кіевскомъ имѣніи Раевскихъ Болтышкѣ, а въ началѣ *1828* г. умеръ въ Петербургѣ (позже 18 января и раньше 30 апрѣля). Изъ записокъ княгини М. Н. Волконской (Спб., 1904, стр. 83, 84), видно, что о смерти своего первенца она узнала въ 1829 г. въ Читѣ. «Pouchkine m'envoya un épitaphe, qu'il a composé pour lui». Такимъ образомъ, стихи Пушкина должны быть датируемы 1828-мъ или даже 1829-мъ годомъ. Бѣдный ма-

лютка внушилъ Пушкину, вообще любившему дѣтей (см. во II т. настоящаго изданія стр. 209, 262, 622, въ III томѣ стр. 556), особенную жалость своей горькой судьбою. Ребенокъ родился въ отсутствіи отца, вскорѣ сосланнаго въ Сибирь, а мать, уѣзжая къ мужу, не могла взять его съ собою; ей это было запрещено, и послѣ мучительныхъ колебаній она предпочла мужа сыну, котораго оставила на рукахъ у стариковъ Раевскихъ (см. Записки кн. С. Г. Волконскаго, Спб., 1902, стр. 440, 471 и Записки княгини М. Н. Волконской, стр. 6—9, 12, 20). Къ тому же Пушкинъ близко зналъ его родителей. Стихи сердечно тронули Марію Николаевну, которая писала кому-то изъ Сибири (эта французская записка нашлась въ бумагахъ Пушкина—Шляпкинъ, ibid.); «Въ моемъ положеніи никогда не можешь питать увѣренность, что доставишь удовольствіе, напоминая о себѣ старымъ знакомымъ. Все-таки напомните обо мнѣ Александру Сергѣичу. Поручаю вамъ повторить ему выраженіе моей благодарности за эпитафію Николино [Николеньки]. Умѣть утѣшить скорбь матери есть настоящее доказательство его таланта и образа его чувствъ».

Смерть этого ребенка не только оставила слѣдъ въ поэзіи Пушкина, но и сыграла нѣкоторую роль въ судьбѣ декабристовъ. Она, разсказываетъ П. А. Ефремовъ (l. c.), «косвенно послужила къ отягченію положенія женъ декабристовъ, послѣдовавшихъ за мужьями. По смерти младенца Николая, къ которому по духовному завѣщанію отца перешло родовое имѣніе, дѣти бабушки его кн. А. Н. Волконской, рожденной кн. Репниной, къ которымъ должно было перейти родовое имѣніе, предоставили его въ пожизненное владѣніе женѣ князя С. Г., а она дала довѣренность на управленіе этой же бабушкѣ и отцу своему Н. Н. Раевскому. Въ 1829 г. Раевскій умеръ, и бабушка въ 1832 г. просила государя утвердить новыхъ опекуновъ, Оленина и Булгакова. Но тутъ возникъ вопросъ: имѣла ли право Марія Николаевна давать довѣренность, а далѣе—имѣлъ ли право князь С. Г. дѣлать духовное завѣщаніе? Вопросъ, положительно разрѣшенный министромъ юстиціи, восходилъ до комитета министровъ, который соглашался съ мнѣніемъ, что жены, послѣдовавшія за мужьями, не лишены никакихъ правъ. Такое толкованіе не было одобрено, почему и послѣдовало новое постановленіе, въ основу котораго вошли всѣ распоряженія, принятыя въ теченіе 1826—1832 годовъ по военному министерству и по III отдѣленію, относительно положенія послѣдовавшихъ за мужьями женъ декабристовъ, не исключая мѣръ, установленныхъ первоначально только для отклоненія ихъ отъ намѣренія слѣдовать за мужьями.

---

509. ИЗЪ ALFIERI.

(т. II, стр. 460).

Подлинникъ находится въ 2368-й тетради московскаго Румянцевскаго музея, л. 34 об. Впервые появился отрывокъ въ анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (Сочин. П., т. I, 1855 г., стр. 350—352). «Это»—говоритъ Анненковъ—«переводъ монолога Изабеллы изъ лучшей трагедіи Альфіери «Филиппъ II», но здѣсь останавливаетъ насъ весьма любопытная подробность. «Мы можемъ опредѣлить время изложенія отрывка. Въ 1827 году Пушкинъ перечитывалъ трагедію Альфіери въ переводѣ адмирала Шишкова и остановился на первомъ явленіи ея, содержащемъ монологъ Изабеллы. А. С. Шишковъ передалъ бѣлые стихи итальянскаго драматурга». (Слѣдуетъ выдержка изъ тяжелаго прозаическаго перевода Шишкова). «Въ параллель съ этимъ переводомъ и почти слѣдуя за всѣми его выраженіями, съ нѣкоторыми измѣненіями въ концѣ, Пушкинъ передалъ въ пятистопныхъ бѣлыхъ стихахъ монологъ Альфіери. Это столько же прямой переводъ съ итальянскаго, сколько и обращеніе прозы А. С. Шишкова въ метръ и стопы». Подтвержденіемъ анненковской датировки можетъ служить не только положеніе автографа среди другихъ черновиковъ (7-й главы «Онѣгина» и пр.), но и показаніе А. Н. Вульфа, видѣвшаго въ сентябрѣ 1827 г. въ Михайловскомъ на столѣ у Пушкина, пріѣзжавшаго тогда въ деревню на недолгое время для работы въ одиночествѣ, между прочими книгами «также Alfieri»—повидимому, не въ переводѣ Шишкова, а въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ («Пушкинъ», сборн. Л. Н. Майкова, стр. 176—177).

Трудно сказать, для какой цѣли Пушкинъ перевелъ монологъ Альфіери и намѣревался ли онъ продолжать работу. А. В. Дружининъ («А. С. П. и послѣднее изданіе его сочиненій»—«Библіот. для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, отд. III, стр. 86) говорилъ: «едва ли кто возьмется утверждать, прочитавъ отрывокъ изъ Альфіери, что Пушкинъ думалъ идти по стопамъ итальянскаго трагика». Н. Н. Страховъ («Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ», изд. 2-е, 54) даже усмотрѣлъ въ монологѣ «нѣчто напоминающее пародію»,—такъ его поразила «неестественность и изысканность», несвойственная Пушкину. Страховъ отнесся къ монологу съ излишней суровостью и даже подозрительностью, но, дѣйствительно, по духу у Пушкина мало общаго съ риторическимъ, торжественнымъ Альфіери. Этимъ писателемъ Пушкинъ заинтересовался не только потому, что во времена Пушкина Альфіери былъ еще популяренъ, но и въ связи съ исторіей и теоріей драмы. Въ послѣдней области Альфіери, хотя и старой школы драматургъ, сыгралъ нѣкоторую прогрессивную роль. Пушкинъ какъ-то обратилъ вниманіе, что онъ упразднилъ безсмысленныя рѣчи «въ сторону», хотя вмѣсто нихъ удлинилъ монологи. Судя по упоминаніямъ о немъ въ критическихъ статьяхъ и письмахъ, Пушкинъ читалъ его всего и даже былъ знакомъ съ его біографіей; будучи невысокаго мнѣнія о немъ, какъ о поэтѣ, Пушкинъ цѣнилъ его теоретическіе взгляды и подражалъ ему не только въ верховой ѣздѣ (письмо къ брату 22 апр. 1825 г.), но и въ изученіи живой народной рѣчи на базарахъ, изъ устъ самого народа. Въ 1827 г. Пушкинъ уже порядочно зналъ «языкъ Петрарки и любви» и, вѣроятно, читалъ Альфіери въ подлинникѣ (см. ст. В. Я. Брюсова «Зналъ ли П. по-итальянски?» въ «Русс. Арх.» 1908 г., III, 583—591, и зам. Ю. Верховскаго «П. и итальянскій языкъ» въ «П. и его соврем.», вып. XI, стр. 101—106).

---

510. ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

(т. II, стр. 460).

Въ сборникѣ стихотвореній лицейскаго товарища Пушкина А. Илличевскаго «Опыты въ антологическомъ родѣ», Спб., 1827, стр. 87, есть

четверостишіе чрезвычайно похожее на пушкинское и формой, и содержаніемъ:—

ЗОЛОТО И ЖЕЛѢЗО.

«Мое все! Золото кричало;
За что ни вздумаю, плачу».
— Мое, Желѣзо отвѣчало:
Я граблю что ни захочу.

Трудно допустить возможность случайнаго совпаденія. Извѣстно, что въ лицеѣ устраивались иногда, если не поэтическія, то версификаторскія состязанія; такъ, однажды по предложенію Кошанскаго ученики должны были описать розу стихами (см. т. I, стр. 62). Извѣстно также, что Пушкинъ и Илличевскій не разъ соперничали другъ съ другомъ въ сочиненіи стиховъ, и какую-то недошедшую до насъ «рыцарскую балладу» Пушкинъ написалъ, по показанію товарищей, «состязаясь съ Илличевскимъ» (см. въ I томѣ нашу статью объ Илличевскомъ, стр. 416, 418). Весьма возможно, что оба товарища, написали по четверостишію на одну и ту же тему, состязаясь между собою—и четверостишіе Пушкина такимъ образомъ относится къ лицейскому періоду, быть можетъ, даже къ его первымъ годамъ. Для позднѣйшаго, «настоящаго» Пушкина оно какъ будто слишкомъ элементарно.

Неизвѣстное въ рукописи, это четверостишіе впервые было напечатано въ «Московск. Вѣстникѣ» 1827 г., ч. I, № 2, стр 92, и затѣмъ, вошло во II-ую часть «Стихотвореній Александра Пушкина», изд. 1829 г., гдѣ помѣщено (стр. 171) въ отдѣлѣ пьесъ «Разныхъ годовъ», изъ которыхъ ни одна не относится къ 1827 году; есть въ числѣ ихъ и лицейскія. За неимѣніемъ сколько-нибудь точныхъ документальныхъ данныхъ приходится помѣтить его наиболѣе позднимъ возможнымъ временемъ его написанія и помѣстить въ числѣ стихотвореній 1827 года; книжка журнала, въ которой оно напечатано, дозволена цензурой 7 декабря 1826 г.

«Я читалъ четыре книги «Московскаго Вѣстника» и признаюсь тебѣ съ прежней откровенностью»—писалъ Пушкину 20 марта 1827 г. его кишиневскій другъ Н. С. Алексѣевъ,—«что одинъ только стихъ мнѣ полюбился: Все возьму, сказалъ булатъ». По мнѣнію Л. И. Поливанова, «въ этомъ четверостишіи Пушкинъ лаконически характеризуетъ современное общество, въ которомъ видитъ равносильнаго соперника воинской храбрости—корысть» (Сочин. П., изд. Поливанова, т. I, изд. 3-е, стр. 250).

П. А. Ефремовъ (см. его изданія сочин. Пушкина 1880 г., т. II, стр. 420; 1882 г., т. II, 403—404; т. VIII, 1905 г., 275) сообщаетъ пародію М. Ил. Михайлова, который, находя споръ золота съ булатомъ незаконченнымъ, докончилъ его посвоему:

Ну, такъ что жъ, сказало злато;
Ничего, сказалъ булатъ;
Пошелъ вонъ, сказало злато;
И пойду, сказалъ булатъ.

«Пьеска положена на музыку М. Петерсомъ («Сборникъ 10 романсовъ для смѣшаннаго хора», № 2, Рига изд. Блосфельда).

---

511. СТО ЛѢТЪ МИНУЛО, КАКЪ ТЕВТОНЪ...

(т. II, стр. 460).

Подлинный автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1829 г., ч. I, стр. 181—182, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ поэмы: Конрадъ Валленродъ М—ча», а потомъ въ «Стихотвореніяхъ Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 111—113, безъ заглавія, отнесеннаго въ оглавленіе книги (стр. 174), гдѣ помѣщена среди пьесъ 1828 года. Поэма Мицкевича вышла въ свѣтъ въ началѣ 1828 г. (21 февраля въ «Сѣверн. Пчелѣ», № 22, появилась замѣтка Булгарина о выходѣ «Валленрода»); 18 января 1828 г. Н. М. Языковъ въ письмѣ къ брату Александру Мих—чу выразилъ неодобреніе попыткѣ Пушкина переводить изъ Мицкевича, не зная польскаго языка («Историч. Вѣстн.» 1883 г., декабрь, 526), а самъ Мицкевичъ въ мартѣ сообщилъ своему другу Одынцу, что «Пушкинъ перевелъ начало Валленрода, нѣсколько десятковъ стиховъ» (Corresp., t, IV, Paryz, 1886, I. Tretiak, «Mick. i Puszkin», Warsz., 1906, 223—264). Поэтому надо думать, что переводъ былъ сдѣланъ Пушкинымъ въ началѣ 1828 г., едва поэма Мицкевича вышла изъ печати. Въ 1829 г. Пушкинъ далъ его Шевыреву для альманаха, который тотъ, повидимому, затѣвалъ, но Шевыревъ уѣзжалъ тогда за границу и передалъ пьесу Погодину, который и помѣстилъ ее въ «Моск. Вѣстникѣ» (Л. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 331).

Поэма Мицкевича, жившаго тогда въ Россіи и вращавшагося въ томъ же свѣтскомъ и литературномъ кругу, что и Пушкинъ, была встрѣчена какъ важное литературное событіе не только польскимъ образованнымъ обществомъ, но и русскимъ. Пушкинъ раздѣлялъ этотъ интересъ и вмѣстѣ со всѣми тогдашними русскими читателями не замѣтилъ въ «Валленродѣ» главной идеи—«валленродизма», быть можетъ не вполнѣ сознательно вложенной авторомъ. Поэма была очень популярна; прозаическій переводъ въ томъ же 1828 г. былъ напечатанъ въ «Московс. Вѣстникѣ». Имморальный характеръ поэмы, признаваемый даже нѣкоторой частью польской критики, обратилъ на себя вниманіе подозрительно относившагося къ Мицкевичу правительства. Въ апрѣлѣ 1828 г. попечитель виленскаго учебнаго округа Н. Н. Новосильцовъ доносилъ главнокомандующему литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ цесаревичу Константину Павловичу, по поводу появившихся въ польскихъ газетахъ извѣстій о новой поэмѣ Мицкевича, «о политической цѣли сочиненія» и патетически спрашивалъ: «какъ назвать тѣ сочиненія, которыя, будучи облечены въ заманчивую красоту поэзіи, учатъ питать скрытную вражду, притворную преданность и приготовлять соотечественникамъ, почитаемымъ за иноземцевъ, потому что они не соплеменники, самую коварнѣйшую измѣну?» При этомъ Новосильцовъ жаловался на петербургскую цензуру, пропустившую поэму, и обращалъ вниманіе на певинную библіографическую замѣтку Булгарина (упомянутую выше). Завязалось дѣло «о вредномъ вліяніи на Польшу журналиста Булгарина», но Булгарину, конечно, не трудно было доказать свою полную невиновность. (Объ этомъ см. въ ст. Н. Д. «Гречъ, Булгаринъ и Мицкевичъ»—«Русс. Стар.» 1903 г., ноябрь, 333—351; М. Лемке, «Ѳаддей Булгаринъ»—«Русс. Богатство» 1903 г., октябрь, 166—169, и «Очерки по исторіи русской

цензуры и журналистики XIX столѣтія», Спб., 1904, стр. 412—415; «Конрадъ Валленродъ»—«Русс. Арх.» 1908 г., I, 64—74; возникло дѣло о поэмѣ Мицкевича и позднѣе, въ 1834 г., см. «Цензура въ царствованіе Николая I»—«Русс. Стар.» 1903 г., май, 385—386). Но передовое русское общество оцѣнило только высокое художественное значеніе поэмы.

Пушкинъ, по словамъ А. О. Смирновой («Записки», I, 282—283), находилъ, что въ «КонрадѢ ВалленродѢ» есть прелестныя мѣста и цѣлыя три поэмы въ одной, что и составляетъ ея недостатокъ: лирическая поэма любви, эпическая поэма ненависти и мщенія и поэма Мавра»... Къ лучшимъ мѣстамъ онъ относилъ «поэму любви, лирическую часть, описанія Литвы, описанія природы»... Построеніе поэмы казалось ему не совсѣмъ удачнымъ: «не достаетъ связи между тремя вопросами, обсуждаемыми авторомъ, и въ особенности не достаетъ ясности... Каждая часть, сама по себѣ прекрасна, и тѣмъ болѣе чувствуется недостатокъ гармоніи». НѢкоторое вліяніе «Конрада «Валленрода» чувствуется въ пушкинской «ПолтавѢ»—не только въ характерѢ Мазепы, (на это указалъ І. Третякъ, «Mickiewicz i Puszkin», Wars., 1906, 223—224), но и въ структурѢ «Полтавы», гдѣ соединены, по естественнѣе и искуснѣе, чѣмъ у Мицкевича, двѣ поэмы—лирическая поэма любви, героиня которой—Марія, и эпопея, герой которой—Петръ.

Польскій языкъ Пушкинъ зналъ, по крайней мѣрѣ, настолько, что могъ на немъ читать. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, кромѣ «Воеводы» и «Будрыса» (см. ниже, №№ 731, 732), также сдѣланныя имъ польскія выписки изъ Мицкевича (Румянц. муз., тетр. № 2373,—см «Русс. Стар.» 1884 г., августъ, 329), и въ особенности его указаніе при одной изъ «ПѢсенъ западныхъ славянъ» («Влахъ въ Венеціи»), что «Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню». Близость къ подлиннику, съ которою Пушкинъ перевелъ 39 стиховъ вступленія къ «Валленроду, говоритъ за то, что переводъ былъ сдѣланъ непосредственно съ польскаго текста; даже названіе рѣки Пушшинъ передаетъ на польскій ладъ: «НѢменъ» (Niemen). Русскій поэтъ лишь опустилъ кое-какія детали, вынужденный къ этому сокращеніемъ размѣра, такъ какъ оставилъ шестистопный ямбъ Мицкевича для своего любимаго четырехстопнаго, «онѢгинскаго» размѣра. На русскій языкъ «Валленродъ» переводился не разъ (отдѣльные отрывки изъ него, въ особенности «Альпухара», даже часто); лучшіе полные переводы принадлежатъ В. Г. Бенедиктову и Н. П. Семенову. Необходимо пояснить, что «область Палемона»—Литва; литовская шляхта въ старину вела свое происхожденіе отъ легендарнаго римлянина Палемона и даже слово Литва (Lithuania) связывала съ именемъ Italia. П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ во всѣхъ своихъ изданіяхъ печатали 12-й стихъ по какому-то списку: «Боговъ пристанища святыя», что вполнѣ соотвѣтствуетъ подлиннику («pomieszknaia bogów»); весьма возможно, что цензура заставила Пушкина передѣлать «боговъ» въ «духовъ», но поправка въ настоящемъ изданіи отвергнута въ виду неавторитетности сообщенія Ефремова, и стихъ печатается такъ, какъ печаталъ его самъ Пушкинъ.

А. В. Дружининъ («А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій»—«Библіот. для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, отд. III, стр. 86) придаетъ отрывку не случайное значеніе и связываетъ его съ тяготѣніемъ Пушкина къ эпосу: «Александръ СергѢевичъ безпрерывно задумывалъ эпическія произведенія, писалъ начала новыхъ поэмъ, переводилъ мѣста изъ поэмъ, его особенно поразившихъ, и постоянно пробовалъ свои эпическія крылья, поднимаясь по одному и тому же направленію. Весьма легко, просматривая его попытки, отличить простой этюдъ отъ начала вещи, задуманной со страстью... Великолѣпное начало Валленрода, гнѢ описывается НѢманъ, отдѣлявшій Литву отъ владѣній нѣмецкихъ рыцарей, имѣетъ свою цѣль и свое значеніе»...

---

512. НЕ ЗНАЮ ГДѢ, НО НЕ У НАСЪ...

(т. II, стр. 460).

Подлинная рукопись эпиграммы неизвѣстна. Впервые появилась она въ «СѢверныхъ ЦвѢтахъ» на 1828 г., стр. 220—221, въ составѢ «Отрывковъ изъ писемъ, мыслей и замѢчаній» Пушкина. Самые «Отрывки» не подписаны (въ концѢ сказано: «Извлечено изъ неизданныхъ записокъ») и въ оглавленіи тоже не указано, что статья принадлежитъ Пушкину, но подъ стихами стоитъ полная подпись автора: «Пушкинъ». Имъ предшествуетъ слѢдующее замѢчаніе: «Тонкость не доказываетъ еще ума. Глупцы и даже сумасшедшіе бываютъ удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость рѣдко соединяется съ геніемъ, обыкновенно простодушнымъ, и съ великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ»; далѣе идутъ стихи. Въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина «Отрывки» не вошли, и эпиграмма появляется въ собраніяхъ сочиненій Пушкина начиная съ изданія Анненкова, т. V, стр. 23. ВыдѢлилъ эпиграмму изъ «Отрывковъ» и помѢстилъ ее отдѣльно, среди стихотвореній 1826 г., П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., II, 152—153), а въ примѢчаніяхъ (ibid., 414—415) пояснилъ, что она «написана въ Михайловскомъ въ 1825 или 1828 г. и, вѣроятно, относится къ гр. М. С. Воронцову»; въ изданіи 1882 г. Ефремовъ уже не повторилъ своего соображенія о датированіи эпиграммы и лишь замѢтилъ (т. V, стр. 56), что «изъ письма Н. С. АлексѢева къ Пушкину («Русс. Арх.» 1881, I, с. 173) видно что лордомъ Мидасомъ названъ М. С. Воронцовъ». Въ послѢднемъ своемъ изданіи Ефремовъ датировалъ эпиграмму 1824 годомъ (т. I, стр. 501—502), не приводя никакихъ основаній для такой датировки. Трудно отнести ее опредѢленно къ тому или иному году. Несомнѣнно, Пушкинъ приготовилъ къ печати свои «Отрывки изъ писемъ, мысли и замѢчанія» въ 1827 году (цензурное дозволеніе «СѢв. ЦвѢтовъ» на 1828-й г. 2 декабря 1827 г.), но эпиграмма могла быть написана и ранѣе. Быть можетъ, съ нею стоитъ въ связи сохранившійся въ 2370-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 57, незаконченный набросокъ, не совсѣмъ вѣрно переданный въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 31, и нѣсколько напоминающій двѣнадцатый стихъ разбираемаго стихотворенія:

Онъ вѣжливъ былъ и въ иныхъ прихожихъ,
Но дома скученъ, сухъ и гордъ...

Ниже, на той же страницѢ, черновой набросокъ другой эпиграммы на Воронцова: «Сказали разъ царю»... (см. № 402), относящейся къ 1824 г.

Такимъ образомъ, эпиграмму можно датировать 1825—1827 г.г.; судя по заключительному стиху, она была напечатана не вся и имѣла продолженіе.

Подписывая входящую въ составъ *неподписанныхъ* «Отрывковъ» эпиграмму полнымъ именемъ, Пушкинъ не только желалъ подчеркнуть гласно наносимое врагу оскорбленіе, но и считалъ недостойнымъ выступать въ такомъ случаѣ анонимно или прикрываться псевдонимомъ. Прозвище Мидаса, надо думать, Воронцовъ получилъ не впервые, и Пушкинъ разсчитывалъ, что его подъ этимъ именемъ нетрудно будетъ узнать. Громкая популярность Пушкина и «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», конечно, только способствовала распространенію эпиграммы и, далеко разнеся обиду, упрочила за Воронцовымъ прозвище. «Лордомъ Мидасомъ» называетъ его Н. С. Алексѣевъ въ упомянутомъ письмѣ къ Пушкину (14 января 1831 г.); въ другомъ письмѣ (30 октября 1826 г.) Алексѣевъ называетъ Воронцова «полумилордомъ», прозвищемъ, которое далъ ему Пушкинъ въ извѣстной эпиграммѣ 1824 г. (см. № 382); М. П. Розбергъ въ письмѣ къ Пушкину (5 декабря 1830 г.) называетъ его «Милордомъ». Стихи содержатъ какой-то ѣдкій личный намекъ.

Мидасъ, легендарный царь Фригіи, миѳъ о которомъ передаетъ Овидій во II книгѣ «Метаморфозъ», былъ судьею между Аполлономъ и Паномъ, состязавшимися въ пѣніи и отдалъ награду Пану; разгнѣванный Аполлонъ наградилъ его за явное безвкусіе и несправедливость ослиными ушами, которыя Мидасъ сталъ усердно прятать подъ царской тіарой; но отъ своего цирюльника Мидасъ не могъ скрыть тайну, а тотъ, болтливый, какъ всѣ цирюльники, не въ силахъ молчать, но не смѣя никому выдать ее, разсказалъ ее въ пустой кувшинъ, который зарылъ въ землю; выросшія на этомъ мѣстѣ растенія своимъ шелестомъ разгласили всѣмъ проходящимъ, что у царя Мидаса ослиныя уши. Кромѣ Овидія, Пушкину могъ быть извѣстенъ вошедшій въ поговорку стихъ Буало (изъ IX сатиры): «Midas, le roi Midas, a des oreilles d'âne». Было, должно быть, и въ жизни или личности Воронцова что-то такое, что онъ старался сохранить въ тайнѣ, и о чемъ, несмотря на его старанія, узнали всѣ,—потому что просто назвать Воронцова глупымъ, осломъ Пушкинъ, при всей ненависти къ нему, не могъ. Какъ ни односторонняя данная ему Пушкинымъ характеристика, ей нельзя отказать въ мѣткости и правдивости. Графъ Мих. Сем. Воронцовъ (1782—1856), впослѣдствіи князь и генералъ-фельдмаршалъ, въ молодые годы выдвинулся въ военной службѣ, участвовалъ въ покореніи Кавказа, въ войнѣ съ Турціей 1810—1811 г.г. и въ отечественной войнѣ (Жуковскій посвятилъ ему двѣ строфы въ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ»); по окончаніи войны былъ командиромъ оккупаціонной сводной гренадерской дивизіи, стоявшей во Франціи, въ Мобежѣ (здѣсь онъ завелъ для войскъ извѣстную школу взаимнаго обученія по ланкастерскому типу) и по возвращеніи въ Россію былъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса, а 7 мая 1823 г. былъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области. При немъ Одесса стала административнымъ центромъ всей южной Россіи, для процвѣтанія которой Воронцовъ, оказавшійся дѣятельнымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ, сдѣлалъ очень много. Съ 1844 г. до 1853 г. Воронцовъ былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ и кавказскимъ намѣстникомъ, а потомъ, выйдя въ отставку, поселился въ Одессѣ, гдѣ умеръ и погребенъ. Объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. наши ст. «П. въ Одессѣ» во II томѣ настоящаго изданія и примѣч. къ №№ 371, 382, 383, 394, 402, 411, 423, 492, 494). Къ Пушкину, за котораго хлопоталъ хорошо знакомый съ Воронцовымъ А. И. Тургеневъ, Воронцовъ сначала отнесся, по словамъ самого поэта, «очень ласково»; Тургеневъ даже надѣялся, что Воронцовъ станетъ для Пушкина «меценатомъ» («Остаф. Архивъ», II, 334; III, 57). Но вышло иное, и незадолго до высылки изъ Одессы Пушкинъ писалъ о немъ тому же Тургеневу: «Воронцовъ—Вандалъ, придворный хамъ и мелкій эгоистъ», а о его меценатствѣ отозвался въ одномъ письмѣ къ Бестужеву: «мы не хотимъ быть покровительствуемы равными—вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ». Какъ ни рѣзки эти отзывы Пушкина, они находятъ себѣ полное оправданіе въ ложномъ доносѣ, къ которому прибѣгъ Воронцовъ въ борьбѣ съ своимъ врагомъ-подчиненнымъ, и о которомъ Пушкинъ вспоминалъ много лѣтъ спустя съ негодованіемъ: «у насъ поэты... отъ своихъ меценатовъ (чортъ ихъ побери!) требуютъ одного: чтобы они не входили на нихъ въ тайные доносы—и того не могутъ добиться» («Египетскія ночи»). Не побрезговалъ Воронцовъ ложнымъ доносомъ и тогда, когда ему нужно было, во что бы то ни стало, убрать съ своей дороги А. Н. Раевскаго. Пушкинъ не простилъ Воронцову его грѣха. Въ его дневникѣ 1834 г. находимъ злорадную запись: «Б. сказывалъ мнѣ, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревскаго (героя). Онъ (то есть Б.) очень зло отзывается объ одесской жизни, о гр. Воронцовѣ, о его соблазнительной связи съ О. Н. etc., etc., хвалитъ очень графиню В.». У этого умнаго и даровитаго человѣка были крупные пороки. Безпринципный карьеристъ, онъ всегда держалъ носъ по вѣтру; былъ однимъ изъ авторовъ записки объ освобожденіи крестьянъ, когда была увѣренность въ сочувствіи Александра I (Н. Кульманъ. «Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I» — «Изв. Отд. русс. яз. и словесн, И. Ак. Н.», т. XIII, 1908 г., кн. 1); когда пошла мода на ланкастерскія школы, покровительствовалъ ланкастерскимъ школамъ; когда было въ фаворѣ библейское общество, Воронцовъ сталъ его участникомъ. Язвительный А. П. Ермоловъ писалъ однажды (въ 1817 г.) о немъ А. А. Закревскому: «что дѣлаетъ братъ Михайло? Читаю въ газетахъ, что онъ членъ общества Библейскаго и старается о распространеніи слова Божія между командуемыми имъ войсками! Ничего не проронитъ. Мимо ничто не пройдетъ, изъ чего можно извлечь пользу. Если нужно, хоть въ стихарь!» (Сборн. И. Русс. Ист. Общ., т. 73, стр. 226). Не разгадывали сущности Воронцова только недалекіе и сухіе умы. «Какъ это вы не ужились съ графомъ Воронцовымъ?» спрашиваетъ Пушкина Александръ I въ «Воображаемомъ разговорѣ». «Кто съ Воронцовымъ не ужился, тотъ врядъ ли съ кѣмъ уживется», писалъ (въ 1824 г.) одинъ изъ извѣстныхъ братьевъ Булгаковыхъ другому («Русс. Арх.» 1903 г., II, 65—66). Англоманія была одною изъ слабостей лорда Мидаса. По поводу его доноса на А. Н. Раевскаго Вяземскій саркастически писалъ Тургеневу: «такъ ли поступаютъ у васъ въ Англіи? Тимковскій, бывши губернаторомъ въ Бессарабіи, говорилъ, что онъ такъ уважаетъ графа, что всегда

жалѣетъ, зачѣмъ нѣтъ его въ англійскомъ парламентѣ» («Остаф. Арх.», III, 179). Отзывъ Пушкина о немъ сходится не только съ приведеннымъ мнѣніемъ Ермолова, но и со словами другого современника, Капниста, который называетъ его «внутренно-надменнымъ, но съ самыми изящными внѣшними формами»; см. также «Воспоминанія» гр. В. А. Сологуба, Спб., 1887, стр. 226—233. Служебная дѣловитость, «тонкость», житейская изворотливость, неразборчивость въ средствахъ къ достиженію задуманныхъ цѣлей—всѣ эти качества были противны Пушкину, не только какъ личному врагу Воронцова, но и какъ генію, съ «простодушнымъ» сердцемъ и съ «великимъ характеромъ, всегда откровеннымъ». Какъ всякая эпиграмма, пушкинскій выпадъ противъ лорда Мидаса не можетъ служить полной оцѣнкой Воронцова, имѣвшаго свои, и крупныя, достоинства, но заключающуюся въ ней характеристику темныхъ сторонъ этого человѣка нельзя не признать убійственно-вѣрной. Къ чести Воронцова все-таки слѣдуетъ сказать, что по смерти Пушкина онъ сдѣлалъ визитъ вдовѣ поэта (Къ біографіи П—на, вып. II, М., 1885, стр. 97).

6-й стихъ представляетъ собою видоизмѣненіе одного стиха «Гавриліады»:

«Сталъ Моисей извѣстный господинъ».

---

513. ЗЕМЛИ ДОСТИГНУВЪ...

(т. II, стр. 461).

Карандашный набросокъ этотъ, теперь почти стершійся, находится въ 2368-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 21, и впервые напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюнь, 536. В. Е. Якушкинъ прочиталъ находящуюся подъ нимъ помѣтку: «31 іюня 1827». П. О. Морозовъ въ первомъ своемъ изданіи (литерат. фонда, II, 26) датировалъ его «31 іюля», а во второмъ («Просвѣщ.», II, 64)—«31 іюня»; въ послѣднемъ изданіи Ефремова (II, 122) пьеса помѣчена «31 іюля». Теперь трудно разобрать, какую именно букву написалъ поэтъ — *н* или *л*. Въ іюнѣ только 30 дней, и такъ какъ г. Якушкинъ изучалъ рукописи Пушкина съ замѣчательнымъ вниманіемъ, то надо думать, что здѣсь самимъ поэтомъ сдѣлана описка. Пушкинъ могъ ошибиться двоякимъ образомъ: или написать 31 іюня вмѣсто 1 іюля, забывъ, что въ іюнѣ только 30 дней, или написать 31 іюня вмѣсто 31 іюля, ошибившись не въ цифрѣ, а въ мѣсяцѣ—*н* вмѣсто *л*. Такимъ образомъ, пьесу нужно отнести либо къ 1, либо къ 31 іюля (см. наши «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, стр. 159, 455, и замѣтку «Описки Пушкина» въ «Русс. Архивѣ» 1906 г., т. II, стр. 637).

П. А. Ефремовъ напечаталъ набросокъ въ своемъ третьемъ изданіи въ текстѣ, не совсѣмъ соотвѣтствующемъ подлинной рукописи, подъ заглавіемъ: «Акаѳистъ К. Н. К—ой», а въ примѣчаніяхъ (т. VIII, стр. 276) сообщилъ: «заглавіе и текстъ мы взяли изъ тетради Анненкова, который сначала помѣтилъ: «Не къ Карамзиной ли?», потомъ зачеркнулъ и написалъ: «Не къ Корсаковой ли?...» Откуда взялъ Анненковъ это заглавіе, неизвѣстно. Въ семьѣ Корсаковыхъ не было особы съ иниціалами «К. Н.»; что касается до Карамзиныхъ, то едва ли такой благоговѣйный «акаѳистъ» могъ быть написанъ Катеринѣ Николаевнѣ, дочери историка. Въ такомъ тонѣ Пушкинъ могъ обратиться развѣ къ вдовѣ Карамзина, которую, какъ извѣстно, высоко уважалъ, но ее звали Катериной Андреевой, и иниціалы къ ней тоже не подходятъ.

И по внутреннему мотиву, и по внѣшнему сходству наброска съ «Аріономъ» (см. выше, № 501) можно отнести его къ области интимной лирики Пушкина. Быть можетъ, связь его съ «Аріономъ» даже тѣснѣе; онъ могъ служить своего рода поэтическимъ post-scriptum'омъ, посвященіемъ, при которомъ поэтъ послалъ свое стихотвореніе кому-нибудь изъ особенно близкихъ ему людей. Къ «Аріону» онъ можетъ находиться въ такомъ же приблизительно отношеніи, въ какомъ стоятъ къ «Вольности» посвященные кн. Е. И. Голицыной стихи «Простой воспитанникъ природы»..., при которыхъ Пушкинъ послалъ ей эту оду (см. въ I т. настоящаго изданія, стр. 512, 519).

---

514. ЛЮБИМЕЦЪ МОДЫ ЛЕГКОКРЫЛОЙ...

(т. II, стр. 461).

Исчерканный карандашный черновикъ пьесы, съ чернильными дополненіями и поправками, находится въ 2367-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 58, и впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., май, 352, В. Е. Якушкинымъ, замѣтившимъ, что «насколько можно судить по содержанію, это посланіе къ лицу, переведшему что-либо изъ сочиненій Пушкина». Между тѣмъ, по такимъ выраженіямъ, какъ «любимецъ моды», «себя какъ въ зеркалѣ я вижу», «мой видъ», ясно, что поэтъ обращается не къ переводчику, а къ портретисту? П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ (литературн. фонда, I, 378; «Просвѣщенія», II, 37) отнесъ пьесу къ 1825 г. и замѣтилъ въ первомъ изданіи, вслѣдъ за Якушкинымъ, что стихи обращены, можетъ быть, къ переводчику, а во второмъ, соглашаясь съ П. А. Ефремовымъ, напечатавшимъ ихъ въ своемъ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (II, 1903 г., стр. 107) подъ 1827 г. и отнесшимъ къ извѣстному живописцу О. А. Кипренскому, что стихи обращены къ живописцу, однако, прибавилъ (стр. 390): «стихи не могутъ относиться къ Кипренскому, потому что Кипренскій написалъ портретъ Пушкина въ 1827 г., стихи же, по содержанію тетради, въ которой они находятся, и по мѣсту, ими въ ней занимаемому, написаны никакъ не позже 1825 года». Это вызвало возраженіе Ефремова (т. VIII его изданія, 1905 года, стр. 271—273), указавшаго на хронологическое разнообразіе состава черновой тетради, которая «писалась не сподрядъ, и въ ней оставались пустые листы, которые впослѣдствіи и пополнялись Пушкинымъ въ 1827 и даже въ 1830 г.» («Черепъ», «Поэтъ», «Арапъ Петра Великаго», «Посланіе къ вельможѣ», «Исторія села Горюхина»); «ни въ 1825 г., ни въ 1826 никакого портрета съ Пушкина никто не писалъ и не рисовалъ, и послѣдній передъ тѣмъ портретъ былъ сдѣланъ въ 1820 г. французомъ Ж. Вернэ, а въ стихахъ прямо говорится, что модный въ то время Кипренскій—не британецъ, не французъ». При этомъ Ефремовъ ссылается на мнѣніе П. В. Анненкова, который, изслѣдовавъ эту тетрадь, писалъ: «вотъ отрывокъ изъ стиховъ къ Кипренскому, нарисовавшему портретъ Пушкина».

Въ 1827 г. съ Пушкина были написаны два портрета - В. А. Тропининымъ въ Москвѣ и О. А. Кипренскимъ въ Петербургѣ. О первомъ портретѣ до сихъ поръ не дождавшемся справедливой оцѣнки (см. о немъ «Моск. Телеграфъ» 1827 г., ч. XV, № 9, стр. 33; также указанія въ Альбомахъ московс. пушкинскихъ выставокъ 1880 г., стр. 101—103, 1899 г., текстъ, № 7, и петербургской выставки 1899 г., текстъ, стр. 7—8; С. Ф. Либровичъ, «Пушкинъ въ портретахъ», СПб., 1890, стр. 18—24), Пушкинъ не могъ написать этихъ стиховъ вотъ почему. Въ нихъ говорится, что портретъ предназначается къ распространенію: «Риму, Дрездену, Парижу извѣстенъ впредь мой будетъ видъ»; между тѣмъ, первое воспроизведеніе тропининскаго портрета появилось въ 1837 г. уже послѣ смерти Пушкина. «Любимцемъ моды» Пушкинъ могъ скорѣе назвать Кипренскаго, который былъ тогда въ апогеѣ своей извѣстности, чѣмъ какого-нибудь другого русскаго живописца. «Сходство портрета съ подлинникомъ поразительно», писалось о тропининской работѣ въ Московскомъ Телеграфѣ»,—«хотя намъ кажется, что художникъ не могъ совершенно схватить быстраго взгляда и живого выраженія поэта». Тропининскій портретъ не льстилъ оригиналу, и о немъ Пушкинъ не могъ сказать: «зеркало мнѣ льститъ». Что касается до портрета, писаннаго Кипренскимъ (см. о немъ зам. Булгарина въ «Сѣверн. Пчелѣ» 1827 г., № 110; Либровичъ, 25—33), то онъ былъ сдѣланъ по заказу бар. А. А. Дельвига, и сдѣланная съ него Н. И. Уткинымъ гравюра была немедленно приложена къ «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» на 1828 г. Портретъ же былъ выставленъ въ академіи художествъ, на выставкѣ, и видѣвшій его тамъ А. В. Никитенко записалъ въ своемъ дневникѣ 2 сентября 1827 г. (изд. 2-е, I, 174): «вотъ поэтъ Пушкинъ. Не смотрите на подпись. Видѣвъ его хоть разъ живого, вы тотчасъ признаете его проницательные глаза и ротъ, которому не достаетъ только безпрестаннаго вздрагиванія». Булгаринъ писалъ: «благодаримъ художника отъ имени всей образованной публики за то, что онъ сохранилъ драгоцѣнныя для потомства черты любимца Музъ. Не распространяясь въ исчисленіи красотъ сего произведенія г. Кипренскаго, скажемъ только, что это—живой Пушкинъ». Похвалы портрету были всеобщія. Объ уткинской гравюрѣ Пушкину писалъ Баратынскій: портретъ твой въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» чрезвычайно похожъ и прекрасно гравированъ» (Переписка П., академ. изд. II, 55). «Какъ твой портретъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» хорошъ и похожъ: чудо!» — писалъ Катенинъ (ibid. 59). Лучшимъ изъ всѣхъ портретовъ Пушкина назвали уткинскую гравюру отецъ Пушкина и Н. В. Кукольникъ. Сходство это не чисто-матеріальное, но зато Кипренскій въ своей манерной, томной работѣ уловилъ обликъ п о э т а, и въ этомъ смыслѣ Пушкинъ былъ правъ, говоря: «оно гласитъ, что не унижу пристрастья (чистыхъ) Аонидъ». Справедливо Пушкинъ отмѣтилъ и «лесть» Кипренскаго, который пріукрасилъ Пушкина, сгладилъ выступленіе скулъ и челюстей, сдѣлалъ правильнѣе овалъ лица, а носъ уже и прямѣе, и въ этомъ отношеніи уткинская гравюра, сдѣланная по Кипренскому, гораздо ближе передаетъ настоящаго Пушкина, чѣмъ самый портретъ (см. антропологическій эскизъ Д. Н. Анучина «А. С. Пушкинъ», М. 1899, стр. 36—37). Пушкинъ былъ о своей наружности, о своемъ «арабскомъ профилѣ» (см. ниже, № 530) невысокаго мнѣнія и называлъ себя «потомкомъ негровъ безобразнымъ»; въ одномъ письмѣ къ женѣ (25 сентября 1835 г.) онъ повторилъ о себѣ слова покойной няни: «хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ». «На портретѣ»—справедливо замѣчаетъ бар. Н. Н. Врангель («Романтизмъ въ живописи Александровскаго эпохи и Отечественная война» — «Старые Годы» 1908 г.) іюль—сентябрь, 411) — «обобщенный типъ, а не индивидуальное выраженіе поэта».

Орестъ Адам. Кипренскій (1785—1836) написалъ также портреты А. Н. Оленина, Батюшкова, М. Е. Лобанова, Крылова, Вяземскаго, Жуковскаго, графини Н. В. Кочубей, въ которую Пушкинъ былъ влюбленъ въ лицейскіе годы, актера Дмитревскаго, графа Е. Е. Комаровскаго, и кисть и личность знаменитаго живописца-романтика не могли не быть знакомы Пушкину. Въ домѣ А. Н. Оленина Кипренскій встрѣчался со многими литераторами; былъ онъ знакомъ съ А. И. Тургеневымъ. Послѣднему Пушкинъ писалъ въ 1823 г. изъ Одессы: «вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ С. От. поклонъ и свое почтеніе» (см. «Сынъ Отечества» 1817 г., № 50, и «Старые Годы», ibid., 416—426). О Кипренскомъ см. А. И. Сомовъ, «Галлерея Имп. академіи художествъ», I, СПб., 1872 стр. 174—175; «Остафьевскій Архивъ», I, 199, 203, 209, 571—572; цитиров. стат. бар. Н. Н. Врангеля. Быть можетъ, именно пушкинское стихотвореніе «Гробъ Анакреона» дало Кипренскому сюжетъ для картины «Анакреонова гробница». Портретъ Пушкина послѣ смерти Дельвига былъ пріобрѣтенъ самимъ поэтомъ у его вдовы (покупка отчасти маскировала денежную помощь, которую Пушкинъ хотѣлъ оказать вдовѣ друга), а теперь принадлежитъ старшему сыну поэта, генералу А. А. Пушкину. Уткинская гравюра, вызвавшая множество копій и подражаній, сдѣлала его самымъ популярнымъ изъ всѣхъ изображеній великаго поэта.

---

515. КАКАЯ НОЧЬ! МОРОЗЪ ТРЕСКУЧІЙ...

(т. II, стр. 461).

Автографъ пьесы, безъ заглавія, находится въ 2268-й тетради московскаго Румянцевскаго музея, л. 18—19_1. Впервые появилась она послѣ смерти Пушкина въ «Современникѣ» 1838 г., т. XI, стр. 194—195, подъ заглавіемъ «Опричникъ», а затѣмъ, съ нѣкоторыми дополненіями, вошла въ посмертное изданіе сочиненій Пушкина т. IX, стр. 215—217, подъ заглавіемъ «Кромѣшникъ», взятымъ, вѣроятно, изъ самаго текста, гдѣ не упоминается слово «опричникъ». По мнѣнію Анненкова, она «относится, по свидѣтельству тетрадей Пушкина, къ 1828 г.». (Сочин. II., изд. Анненкова, II, 473), а П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. 1880 г., II, 425; 1882 г., II, 410) даже указалъ, что «въ рукописи помѣта 1828 г.». Однако, этой помѣты въ рукописи нѣтъ, и по положенію среди черновиковъ 7-й главы «Евгенія Онѣгина» пьеса должна быть отнесена не къ 1828, а къ 1827 году, и Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочин. П, II, изд. 2-е, 201) правильно датировалъ ее 1827 г. Въ прежнихъ изданіяхъ она печаталась съ нѣкоторыми произвольными отступленіями отъ подлинника, въ которомъ есть и зачеркнутые стихи и помарки (см. въ общей статьѣ о текстѣ настоящаго изданія).

Бѣлинскій обратилъ вниманіе на то, что этотъ

«отрывокъ, должно быть изъ большого сочиненія, служитъ доказательствомъ, какъ много чудныхъ надеждъ унесъ Пушкинъ въ свою безвременную могилу»... («Московс. Наблюдатель» 1839 г., ч. I, № 2; Сочин. Б., изд. Венгерова, IV, 78). Апол. Григорьевъ защищалъ Пушкина противъ обвиненія въ «поэтизированіи гнуснаго»:—«многіе указываютъ, напримѣръ, на такое стихотвореніе, какъ у Пушкина «Кромѣшникъ», представляющее въ самомъ дѣлѣ поэтизированіе красивой, но въ высшей степени безнравственной силы и удали... Эти указанія простираются именно на отрывочныя, на недоконченныя вещи, которыхъ смыслъ поэтъ унесъ съ собою въ могилу, но которыя, по всей вѣроятности, разъяснились бы въ цѣлости созданія, согласно вообще съ духомъ великаго мужа, который хвалился только тѣмъ, что прелестью живой стиховъ былъ полезенъ и милость къ падшимъ призывалъ» («О правдѣ и искренности въ искусствѣ»—«Русс. Бесѣда», 1856 г., III; и Сочин., I, 181, 182). «Изъ отрывка «Кромѣшникъ» (или Опричникъ (черезъ нѣсколько лѣтъ могла создаться поразительная поэма», говоритъ А. В. Дружининъ («А. С. П. и послѣднее изданіе его сочиненій»—«Библіотека для чтенія» 1855 г., т, 130, № 3—4, отд. III, стр. 86). Но отрывокъ имѣетъ вполнѣ самостоятельное значеніе въ качествѣ одного изъ самыхъ вдохновенныхъ проявленій исторической интуиціи, которая принесла поэта въ Москву временъ Грознаго и возсоздала фигуру опричника. Съ удивительной художественною объективностью Пушкинъ изобразилъ и спящую Москву XVI в., и площадь казней, и царскаго опричника, съ презрѣніемъ и безъ жалости глядящаго на изуродованные трупы крамольниковъ; это безстрастіе художника и было истолковано какъ недостатокъ нравственнаго чувства въ авторѣ.

Своего героя Пушкинъ оставилъ на площади мученій, по дорогѣ на завѣтное свиданіе, но другой великій русскій поэтъ, можетъ быть не безъ вліянія Пушкина (отрывокъ могъ быть извѣстенъ Лермонтову по его дружбѣ съ Краевскимъ, близкимъ къ редакціи «Современника», и до напечатанія) показалъ намъ въ болѣе широкой и законченной картинѣ и страшную эпоху грознаго царя, и обликъ молодого опричника, вѣрнаго царскаго слуги Кирибѣевича. Не пошелъ ли Лермонтовъ за опричникомъ, когда его оставилъ Пушкинъ? Не навстрѣчу ли купеческой женѣ, красавицѣ Аленѣ Дмитревнѣ, промчался подъ висѣлицей опричникъ? Пушкинъ успѣлъ показать въ своемъ героѣ только опричника, а Лермонтовъ раскрылъ въ приближенномъ царскомъ слугѣ негодяя и противопоставилъ ему лавочника-рыцаря.

Стихи 20—22 Пушкинъ почти дословно повторилъ въ пьесѣ 1830 г. «Стамбулъ Гяуры нынче славятъ»...:

Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ скорчась мертвецы
Окоченѣлые чернѣли...

---

516. ПОДРУГА ДНЕЙ МОИХЪ СУРОВЫХЪ...

(т. II, стр. 462).

Съ неизвѣстнаго намъ автографа впервые напечаталъ этотъ «неизданный отрывокъ» П. В. Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи П—на», изд. 1855 г., стр. 5. Датируется онъ 1827 годомъ предположительно, но съ значительной вѣроятностью. Онъ, несомнѣнно, написанъ послѣ пріѣзда Пушкина изъ Михайловскаго въ Москву и, конечно, не позднѣе 1828 г., когда няни поэта не стало. По мнѣнію Н. П. Сумцова («Изслѣдованія о П—пѣ» — «Харьков. унив. сборн. въ память П—на», 1900 г., стр. 115), Пушкинъ написалъ эти строки «по полученіи письма» няни отъ 6 марта 1827 года. П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. «Просвѣщ.», т. II, стр. 424 тоже говоритъ, что этотъ набросокъ, «повидимому, служитъ отвѣтомъ» на письмо няни. Надо думать, что оба комментатора неправильно истолковали слова Анненкова (l. c.): «какимъ чуднымъ отвѣтомъ на это письмо служитъ неизданный отрывокъ Пушкина, который мы здѣсь приводимъ: «Подруга дней моихъ суровыхъ..,» и т. д. Анненковъ совершенно справедливо указываетъ на гармоническое духовное созвучіе между письмомъ Арины Родіоновны и стихотвореніемъ Пушкина о ней, но изъ этого еще нельзя заключить, какъ дѣлаютъ гг. Сумцовъ и Морозовъ, что письмомъ няни были вызваны поэтическія строки о «дряхлой голубкѣ» поэта. Какъ будто Пушкинъ не могъ думать о своей нянѣ и помимо этого письма и, зная ея любовь къ нему, изобразить съ такой красотою и нѣжностью ожиданіе и замирающую тоску ея вѣрнаго сердца. Такимъ образомъ, пріуроченіе пьесы къ 1827 г. не можетъ считаться категорическимъ.

Арина Родіоновна, няня Пушкина, была крѣпостная бабки поэта Маріи Алексѣевны Ганибалъ и была приписана къ ея селу, Кобрину. Когда у родителей поэта появился на свѣтъ первый ребенокъ—Ольга, Арина Родіоновна, служившая тогда нянькой у родственника Маріи Алексѣевны, Михаила Алексѣевича Пушкина, перешла къ Над. Осип. Пушкиной. Въ 1799 г., при продажѣ Кобрина, она, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми, получила отъ своей госпожи вольную, но не пожелала ею воспользоваться. Въ другой разъ, когда ей предложили выкупить семейство одной изъ ея дочерей, вышедшей замужъ за крѣпостного, она отказалась, говоря: «я сама была крестьянка, на что вольная!» Анненковъ (ib., 3—4) разсказываетъ: «приставленная сперва къ сестрѣ поэта, потомъ къ нему и, наконецъ, къ брату его, Родіоновна вынянчила все новое поколѣніе этой семьи... Родіонова принадлежала къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра. Соединеніе добродушія и ворчливости, нѣжнаго расположенія къ молодости съ притворной строгостію,—оставили въ сердцѣ Пушкина неизгладимое воспоминаніе. Онъ любилъ ее родственною, неизмѣнною любовью и въ годы возмужалости и славы бесѣдовалъ съ нею по цѣлымъ часамъ. Это объясняется еще и другимъ важнымъ достоинствомъ Арины Родіоновны: весь сказочный русскій міръ былъ ей извѣстенъ какъ нельзя короче, и передавала она его чрезвычайно оригинально. Поговорки, пословицы, присказки не сходили у ней съ языка. Большую часть народныхъ былинъ и пѣсенъ, которыхъ Пушкинъ такъ много зналъ, слышалъ онъ отъ Арины Родіоновны. Можно сказать съ увѣренностью, что онъ обязанъ своей нянѣ первымъ знакомствомъ съ источниками народной поэзіи и впечатлѣніями ея, которыя, однако жъ, были замѣтно ослаблены послѣдующимъ воспитаніемъ». Какъ любилъ Пушкинъ свою няню, объ этомъ сохранился характерный разсказъ современника, его кучера въ Михайловскомъ: «какъ только Пушкинъ вставалъ, бѣжалъ къ нянѣ и спрашивалъ: «здорова ли, мама?» Онъ все ее «мама» называлъ. А она ему,

бывало, эдакъ нараспѣвъ (она была изъ-за Гатчины, съ Суйды, гдѣ пѣвкомъ говорятъ) «батюшка ты, за что же ты меня все мамой зовешь, какая я тебѣ мать?»—«Разумѣется, ты мнѣ мать: не то мать, что родила, а то, что своимъ молокомъ вскормила». И ужъ чуть старуха занеможетъ тамъ, что ли, онъ уже все за ней» (К. Тимофеевъ, «Могила П—на и с. Михайловское»—«Ж. М. Н. Просв.» ч. CIII, отд. II, стр. 145). Въ этомъ разсказѣ не все, конечно, достовѣрно (няня не была кормилицей), но наблюдатель вѣрно охарактеризовалъ отношенія няни и питомца. Иногда приходится слышать замѣчаніе, съ перваго взгляда довольно справедливое, что во всеобъемлющей лирикѣ Пушкина, «генія все любившаго, все въ самомъ себѣ вмѣстившаго», вовсе нѣтъ отраженія личнаго сыновняго чувства, любви дитяти къ матери. Дѣйствительно, судьба поставила Пушкина въ такія отношенія къ родителямъ, что любить свою мать всѣми силами сердца онъ не могъ. Отъ матери онъ не видѣлъ ласки,—но зато его дѣтскую головку часто прижимала къ своей груди и ласкала бабушка, Марія Алексѣевна Ганибалъ, а мать ему замѣнила Арина Родіоновна, которая научила его уважать русскую женщину, первая ввела его въ тотъ міръ, гдѣ онъ нашелъ Татьяну и Машу Миронову и связала его сердце съ народной душою. Въ жизни своего питомца и друга она оставила прекрасный, неизгладимый слѣдъ, и недаромъ такъ любилъ Пушкинъ эту благородную русскую женщину, усладившую своими разсказами полузаброшенное дѣтство геніальнаго мальчика, коротавшую съ нимъ долгіе вечера въ его деревенскомъ заточеніи и писавшую ему такія нѣжныя письма. Не разъ упоминаетъ о ней Пушкинъ. Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ она была его первой вдохновительницей. «Дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье»—говоритъ онъ въ пьесѣ 1816 г. «Сонъ»:

Ахъ! умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало:
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
Подъ образомъ простой ночникъ, изъ глины,
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Другой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
Все въ душу страхъ невольный поселяло;
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ мысляхъ носился юный умъ...

Мертвецы, Бова, Муромскія пустыни, Полканы, Добрыни, внушавшіе Пушкину его первые творческіе сны,—проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на «репертуаръ» Арины Родіоновны, знавшей, вѣроятно, демонологическія и былевыя сказки. И спустя долгіе годы, въ Михайловскомъ, разсказывала она ему свои сказки, и онъ «вознаграждалъ тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія» (Переп. II., акад. изд., I, 14; Анненковъ, «Матеріалы», изд. 2-е, стр. 113—115, 429—433). Черты Арины Родіоновны встрѣчаемъ также въ «Наперсницѣ волшебной старины»...; здѣсь, какъ мы уже говорили (см. т. II, стр. 568), «не опредѣленная, реальная фигура, не портретъ одного, а не другого лица сліяніе чертъ двухъ старыхъ подругъ его младенчества (няни и бабушки М. А. Ганибалъ) въ одномъ образѣ». Быть можетъ, о ней вспоминалъ Поэтъ, разсказывая Книгопродавцу (см. «Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ»), какъ иной разъ «волновало нѣжный умъ старушки чудное преданье». Въ Михайловскомъ поэтъ и няня встрѣтились снова и снова крѣпко подружились, и вскорѣ, разсказывая одному пріятелю про свою деревенскую жизнь, Пушкинъ писалъ: «вечеромъ слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны... она единственная моя подруга, и съ нею только мнѣ не скучно» (Переп. II., I, 154). Какъ-то ему пришлось прогнать плутовку-экономку, «а то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть» (ibid., 182—183). Знаменитый «Зимній вечеръ» чудесно передаетъ сладко-щемящую тоску вечеромъ, которые коротали геніальный поэтъ и его «добрая подружка» въ деревнѣ: «Что же ты, моя старушка, пріумолкла у окна?... Выпьемъ добрая подружка бѣдной юности моей, выпьемъ, съ горя; гдѣ же кружка? Сердцу будетъ веселѣй... Спой мнѣ пѣсню, какъ синица тихо за моремъ жила; спой мнѣ пѣсню какъ дѣвица за водой по утру шла»... И. И. Пущинъ видѣлъ ее въ Михайловскомъ; при трогательной встрѣчѣ двухъ друзей, няня «ничего не спрашивая, бросилась обнимать» Пущина, который «тотчасъ догадался, что это добрая его няня, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ... Среди молодой своей команды (дѣвушекъ) няня преважно разгуливала съ чулкомъ въ рукахъ» (сбор. Л. Майкова «Пушкинъ», стр. 78, 81). Няня была слушательницей новыхъ произведеній Пушкина, который говорилъ («Евгеній Онѣгинъ», 4, XXXV): «я плоды монхъ мечтаній и гармоническихъ затѣй читаю только старой нянѣ, подругѣ юности моей». Поэтъ дорожилъ мнѣніями умной старухи и читалъ ей «Годунова», котораго она была первымъ критикомъ. «Я читалъ моего «Бориса» Аринѣ» - разсказывалъ Пушкинъ А. О. Смирновой (Записки, I, 159—160);—«мнѣ хотѣлось увидѣть по ней, что въ этой трагедіи понравится народу. Она особенно оцѣнила драматическія сцены, а насчетъ народныхъ высказала весьма цѣнныя соображенія... Она съ проніей сказала мнѣ: это настоящій народъ, всегда готовый плакать, кричать, выть или бить, какъ только ему скажутъ стони или бей! Стоитъ только, чтобы одинъ заоралъ!... Личность няни такъ заинтересовала Н. М. Языкова, что онъ посвятилъ ей въ 1826 г. посланіе (напечатано въ («СѢв. ЦвѢтахъ» на 1828-й г.; см. также Переп. П., II. 27—28). «СвѢтъ Родіоновна, забуду ли тебя?» восхищенно говоритъ Языковъ:

Всегда привѣтами сердечной доброты
Встрѣчала ты меня, мнѣ здравствовала ты,
Когда чрезъ длинный рядъ полей, подъ зноемъ лѣта,
Ходилъ я навѣщать изгнанника-поэта...
Какъ сладостно твое святое хлѣбосольство
Нашъ баловало вкусъ и жажды своевольство,
Съ какимъ радушіемъ—красою древнихъ лѣтъ—

Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!..
Ты занимала насъ—добра и весела—
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ:
Мы удивлялись почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ,—и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотной,—
И легкіе часы летѣли безъ заботно...

Объ этихъ «легкихъ часахъ» Языковъ снова вспомнилъ въ элегіи «На смерть имени А. С. Пушкина» (напечат. въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1831-г). «Мы пировали. Не дичилась ты нашей доли—и порой къ своей веснѣ переносилась разгоряченной мечтой, любила слушать наши хоры, живые звуки чуждыхъ странъ, рѣчей напоры и отпоры и звонъ стакана объ стаканъ. Ужъ гаситъ ночь свои свѣтила, зарей алѣетъ небосклонъ; я помню что-то намъ про сонъ давнымъ-давно ты говорила. Напрасно! взялъ свое Токай, шумитъ удалая пирушка: садись-ка, добрая старушка, и съ нами бражничать давай»... Дѣйствительно, Арина Родіоновна, какъ разсказывали М. И. Семевскому («Прогулка въ Тригорское»—«Спб. Вѣдом.» 1866 г., № 164),—любила выпить. «Ты разскажи намъ»—продолжаетъ Языковъ: — «въ дни былые, не не правда ль, не на эту стать твои бояре молодые любили ночи коротать?... Какъ дѣтство шаловлива, какъ наша молодость вольна, какъ полнолѣтіе умна и какъ вино краснорѣчива, со мной бесѣдовала ты, влекла мое воображенье»... Въ старости Родіоновны не было ничего отталкивающаго и противнаго: она сохранила умъ, остроуміе, веселость и умѣла уважать чужую молодость. Внезапный отъѣздъ Пушкина изъ Михайловскаго сильно испугалъ Арину Родіоновну, которая горько плакала и бросилась уничтожать предметы, внушающіе ей почему-либо опасенія за ея барина, и между прочимъ, не пощадила даже пахучаго сыра (см. т. III настоящ. изд., стр. 336—337). Черезъ нѣсколько дней Дельвигъ хорошо знавшій старушку, писалъ Пушкину: «душа моя, меня пугаетъ положеніе твоей няни. Какъ она перенесла совсѣмъ неожиданную разлуку съ тобою?» (Переп. П., I, 372; см. также II, 3). Бѣдная Арина Родіоновна усердно молилась Богу за своего барина, и вскорѣ, «возвратившись вольнымъ въ покинутую тюрьму», онъ писалъ Вяземскому подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ няней и дворовыми; «ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни — ей-Богу, пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что въ 70 лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости, молитвы, вѣроятно, сочиненной при Ц. Иванѣ. Теперь у ней попы дерутъ молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ» (ib., 382). Скоро они разстались, и 30 января 1827 г. Арина Родіоновна продиктовала деревенскому грамотѣю письмо къ Пушкину: «имѣю честь поздравить в а с ъ сь прошедшимъ новымъ годомъ, и желаю я т е б ѣ, любезному моему благодѣтелю, здравія и благополучія; а я васъ увѣдомляю, что я была въ Петербургѣ, и объ васъ никто не можетъ знать, гдѣ вы находитесь, и твои родители объ васъ соболѣзнуютъ, что вы къ нимъ не пріѣдете... Л ю б е з н ы й д р у г ъ, я цалую ваши ручки съ позволенія вашего сто разъ и желаю вамъ то, чего и вы желаете, и пребуду къ вамъ съ искреннимъ почтеніемъ Арина Родивоновна» (Переп. П., II, 5). 6 марта она снова писала ему: «Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ, я получила ваше письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарна; вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ, я только когда засну, забуду васъ и ваши милости ко мнѣ. Ваше обѣщаніе къ намъ побывать лѣтомъ меня очень радуетъ. Пріѣзжай, мой, Ангелъ, къ намъ въ Михайловское,—всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобъ онъ далъ намъ свидѣться... Прощайте, мой батюшка Александръ Сергѣевичъ. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебенъ отслужила: поживи, дружочекъ, хорошенько,—самому слюбится. Я, слава Богу, здорова, цалую ваши ручки и остаюсь васъ многолюбящая няня ваша Арина Родивоновна» Анненковъ, Матеріалы, изд. 1-е, стр. 4; Переп. П., II, 10—11). Письмо Родіоновны, въ особенности второе послужило Пушкину образцомъ для письма, которое въ третьей главѣ «Дубровскаго» получаетъ герой отъ своей старой няньки, Арины Егоровны. Сходство между ними бросается въ глаза сразу. Оно не ограничивается однимъ общимъ тономъ, выражающимъ сердечную любовь и привязанность престарѣлой нѣстуньи къ питомцу, однимъ и тѣмъ же языкомъ, удивительно народнымъ и живымъ, изъ родника котораго зачерпнулъ столько прелести нашъ великій мастеръ слова,—но идетъ дальше и доходитъ почти до тождества выраженій. Въ обоихъ письмахъ народныя присловья: «поживи, дружочекъ, хорошенько — самому слюбится» говоритъ совершенно эпически Арина Родіоновна, радуясь освобожденію своего любимца и друга изъ ссылки и, можетъ быть, полушутливо, полунѣжно, намекая на дошедшія до нея слухи о намѣреніи Пушкина жениться: «въ животѣ и смерти Богъ воленъ», утѣшаетъ Дубровскаго народной пословицей Арина Егоровна, сообщая ему грустныя вѣсти изъ родительскаго дома. Арина Родіоновна зоветъ Пушкина: «мой ангелъ», «дружочекъ», Арина Егоровна называетъ Дубровскаго: «соколикъ мой ясный». Арина Родіоновна сбивается съ «ты», какъ она всегда, конечно обращалась къ Пушкину, на «вы», видя въ Пушкинѣ не только своего «любезнаго друга», но и барина; Арина Егоровна пишетъ своему «ясному соколику»: «государь ты нашъ» и подписывается не только нянькой, но и «вѣрной рабой». И та и другая хотятъ какъ можно скорѣе обнять своего друга и господина: «всѣхъ лошадей на дорогу выставлю», обѣщаетъ Арина Родіоновна; «мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное», пишетъ Арина Егоровна. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слишкомъ очевидна общность выраженій. Когда больной старикъ Дубровскій черезъ силу встаетъ съ постели навстрѣчу пріѣхавшему изъ столицы сыну, Арина Егоровна нападаетъ на своего стараго барина: «зачѣмъ ты всталъ съ постели? на ногахъ не стоитъ, а туда же норовитъ, куда и люди». То же добродушіе, та же сердечная заботливость, та же ворчливость, за которой скрывается доброта. Не будетъ особенной психологической натяжкой предположить, что въ умѣ Пушкина, когда онъ писалъ слова Арины Егоровны, носилось письмо Арины Родіоновны, мелькали ея милыя, ласковыя строки, и, быть можетъ, даже не думавъ воспроизвести выраженія Арины Родіоновны, но повинуясь невольной, имъ самимъ не сознаваемой реминисценціи, онъ вложилъ въ уста няни Дубровскаго теплыя, нѣжныя слова своей «дряхлой голубки» (зам. Н. Лернера въ «П. и его соврем.», вып. VII, стр. 69 - 72). Арину

Родіоновну мы находимъ не только въ нянѣ Татьяны и Дубровскаго, но также въ нянѣ Ольги, Ѳаддеевнѣ, въ княгининой мамкѣ («Русалка»), отчасти въ карлицѣ Ласточкѣ («Арапъ Петра Великаго»). Для Пушкина няня была не только нѣжной пѣстуньей, преданнымъ другомъ: въ ней онъ нашелъ истинно-національный типъ, который исчерпалъ до дна. Ея преданность и нѣжность такъ глубоко врѣзались въ его сердце, жаждавшее любви и ласки, что онъ запечатлѣлъ даже отдѣльныя проявленія любви своей няни, умилявшія его своей трогательной наивностью, и эти черты отразилъ въ своемъ творчествѣ.

Арина Родіоновна умерла въ концѣ 1828 г. въ домѣ сестры поэта, Ольги Сергѣевны Павлищевой, тоже вынянченной ею; ей было уже за семьдесятъ (Анненковъ, Матеріалы, изд. 1-е, стр. 5; Л. Павлищевъ, «Изъ семейной хроники, Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М. 1890, стр. 13). Пушкинъ никогда не могъ забыть ее. Одна умная, разговорчивая старуха, разсказываетъ Смирнова (Записки, I, 49), очень ему нравилась, потому что напоминала Арину Родіоновну. Онъ упоминаетъ о ней въ программѣ своей автобіографіи и, конечно, ее подъ именемъ Пахомовны вспоминаетъ въ стихахъ «Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ»; ее онъ поминаетъ не только

Пирогами да виномъ,—
Да еще ее помянемъ:
Сказки сказывать мы станемъ,
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ да глядѣлъ!..

Пушкинъ очень цѣнилъ мѣткое словцо Родіоновны. «Экой ты неуимчивый, какъ говоритъ моя Няня», писалъ онъ однажды Вяземскому (Переп. П., I, 349). Поэта, его брата и сестру она называла, когда они были грудными дѣтьми, — «занавѣсные Пушкинята», потому что при кормленіи имъ закрывали чѣмъ-нибудь глаза (Павлищевъ, 379). Дочери няни, Марьѣ, жившей въ Захаровѣ, Пушкинъ любилъ дѣлать подарки (Л. Майковъ, «Пушкинъ», 324). Попавъ въ 1835 г. снова въ Михайловское, онъ съ грустью писалъ женѣ (25 сентября): «нѣтъ ужъ въ немъ няни моей», и въ написанной тогда элегіи «Вновь я посѣтилъ».. тяжко вздохнулъ о ней:

. . . Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ я жилъ съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ...
А вечеромъ, при завываньѣ бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...

Въ черновикахъ упоминаются ея «укоризны, полныя любви, ея простыя рѣчи», которыя «усталое мнѣ сердце ободряли отрадой тихой»... (И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ П—на», стр. 42). Объ Аринѣ Родіоновнѣ см. также Е. П. Карповичъ, «Няня» («Отголоски» 1880 г., № 24); C. Arps, «Eine Freundin Puschkins» («D. Magazin für die Litteratur des In- und Auslandes», 1889, № 9, Dresd., s.s. 137—138); Ив. Щегловъ, «Домъ, гдѣ скончалась няня Пушкина» («Нов. Вр.» 1899 г., № 8425; «Новое о П—нѣ», СПб., 1902, стр. 92—104, 204—206).

Значеніе Арины Родіоновны въ творчествѣ Пушкина велико, но нѣкоторая часть критики его преувеличила. Увлекающійся и страстный Аполлонъ Григорьевъ видѣлъ «нашу эгиду противъ сухой практичности и суроваго методизма» въ «святой связи пушкинской натуры съ Ириной Родіоновной, святой любви къ почвѣ, къ преданіямъ, къ родному быту... О, сказки Ирины Родіоновны, — пробивавшіяся въ натурѣ нашего поэта сквозь всѣ искусственныя произрастанія,— вы хранили такую свѣжую, чистую струю въ душѣ молодого, воспитаннаго по-французски барича, что отдаленное потомство помянетъ васъ добрымъ словомъ и благословеніемъ»... И, если «этотъ «барченокъ», писавшій по-французски (и, надобно прибавить, превосходно) свои замѣтки объ исторической драмѣ и о своемъ «Борисѣ», свято чтилъ народъ, религіозно боялся солгать на народъ, на складъ его мышленія, чувства, на способъ его выраженія», — то, «видно, глубоко запали въ эту великую и воспріимчивую душу сказки няни Ирины Родіоновны» (Сочин. Ап. Григорьева, I, 254, 407, 518—519). Достоевскій писалъ: «Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было бы Арины Родіоновны, няньки Пушкина, такъ, можетъ быть, и не было бы у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ! Неужели же не вздоръ? А что если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ? Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ воспитываться во Францію; ну, что если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина, и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели... Неужели и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣческаго духа съ родной землей, что оторваться отъ нея ни за что нельзя»... («Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ» — «Время», 1863 г., II). Говоря о «русской стихіи» въ поэзіи Пушкина, И. С. Аксаковъ (рѣчь 1880 г. — см. сборн. «Къ біографіи П—на», вып. II, М. 1885, стр. 188) спрашивалъ: «какимъ образомъ, при его французскомъ воспитаніи дома и въ лицеѣ, при раннемъ, къ несчастію, растлѣніи нравовъ (?), обычномъ въ то время вслѣдствіе безграничнаго господства въ русскомъ обществѣ французской литературы XVIII вѣка, при соблазнахъ и увлеченіяхъ свѣта,— могъ не только сохраниться въ Пушкинѣ русскій человѣкъ, но и образоваться художникъ съ такимъ русскимъ складомъ ума и души, съ такимъ, притомъ глубокимъ сочувствіемъ къ народной поэзіи— въ пѣснѣ, въ сказкѣ и въ жизни?.. Внѣшнюю разгадку этого явленія слѣдуетъ искать, прежде всего, въ деревенскихъ впечатлѣніяхъ дѣтства и въ его отношеніяхъ къ нянѣ. Но и няня, и дѣтскія впечатлѣнія деревни таились тогда въ воспоминаніяхъ почти каждаго отъявленнаго отрицателя русской народности, такъ что такая русская бытовая черта въ поэзіи Пушкина является уже сама по себѣ нравственною его заслугою и оригинальною особенностью. Въ самомъ дѣлѣ, отъ отрочества до самой могилы, этотъ блистательный, прославленный поэтъ, ревностный посѣтитель гусарскихъ пировъ и великосвѣтскихъ гостиныхъ, «нашъ Байронъ» притомъ, какъ любили его называть многіе, не стыдился всенародно, въ чудныхъ стихахъ, исповѣдывать свою нѣжную

привязанность — не къ матери (это было бы еще не странно, такъ и многіе поэты дѣлали), а къ «мамушкѣ», къ «нянѣ», и съ глубоко-искреннею благодарностью величать въ ней первоначальную свою Музу... Такъ вотъ кто первая вдохновительница, первая Муза этого великаго художника и перваго истинно-русскаго поэта, это — няня, это простая русская деревенская б а б а!.. Точно припавъ къ груди матери-земли, жадно въ ея разсказахъ пилъ онъ чистую струю народной рѣчи и духа. Да будетъ же ей, этой нянѣ, и отъ лица русскаго общества вѣчная благодарная память!» Коэффиціентъ вліянія Арины Родіоновны на душу и творчество Пушкина, конечно, гораздо меньше, но все-таки изъ всѣхъ нитей, связывавшихъ геніальнаго полуфранцуза съ русской народностью, эта была самою крѣпкою.

«Подруга дней моихъ суровыхъ»...—лучшій и самый полный изъ всѣхъ поэтическихъ отзывовъ Пушкина объ Аринѣ Родіоновнѣ. Пьеса обрывается на неоконченномъ стихѣ, но не производитъ впечатлѣніе оставленнаго на половинѣ наброска. «Эта кажущаяся незаконность выражаетъ незаконченность или, точнѣе, безконечность любви», справедливо замѣчаетъ Сумцовъ (ор. с., 115).

---

517. ТОЛПА ХОЛОДНАЯ ПОЭТА ОКРУЖАЛА...

(т. II, стр. 462).

Съ подлинника, записаннаго въ черновой тетради (московскаго Румянцевскаго музея № 2367, л. 42 об.), четверостишіе впервые было напечатано, не совсѣмъ точно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., май, 348, а затѣмъ вошло въ изданіе литерат. фонда (т. II, стр. 27). Къ 1827 г. оно относится по положенію среди другихъ черновиковъ («Черепъ», «Поэтъ», «Въ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая»..., «Языковъ, кто тебѣ внушилъ»...); эту датировку приходится считать, конечно, лишь приблизительной.

Не есть ли это четверостишіе — начальный приступъ къ «Черни»? По крайней мѣрѣ, первые стихи послѣдней чрезвычайно напоминаютъ его:

Поэтъ по лирѣ вдохновенной
Рукой разсѣянной бряцалъ.
Онъ пѣлъ. А хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный
Ему безсмысленно внималъ...

См. слѣдующее примѣчаніе и ниже, примѣч. къ № 551.

---

518. БЛАЖЕНЪ ВЪ ЗЛАТОМЪ КРУГУ ВЕЛЬМОЖЪ...

(т. II, стр. 462).

Исчерканный черновой набросокъ этой пьесы находится въ 2368-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 35, и впервые былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 542, а затѣмъ вошелъ въ изданіе литерат. фонда (т. II, стр. 27). Къ 1827 г, онъ долженъ быть отнесенъ по положенію среди другихъ черновиковъ.

Здѣсь Пушкинъ ставитъ вопросъ, вскорѣ послужившій ему темою для «Черни», — вопросъ объ отношеніи поэта къ обществу. Послѣднее поэтъ дѣлитъ на двѣ различныя категоріи—«златой кругъ вельможъ» и «народъ». Среди вельможъ онъ является «піитомъ», скованнымъ условностью,—нѣтъ ему свободы, онъ можетъ только украшать пиры, льстить тщеславію, потакать просыщенному вкусу и не останавливаться и передъ ложью. Третій стихъ: «Владѣя смѣхомъ и слезами» указываетъ на то самообладаніе, которое нужно поэту, чтобы умѣть насиловать свою душу, сдерживать себя въ «златомъ кругу», не давать воли ни слезамъ, просящимся изъ глазъ, ни рвущемуся изъ груди смѣху. Этому «піиту», угоднику царя и вельможъ, почти наемнику, противопоставляется «пѣвецъ». У пѣвца аудиторія другая,—потому что у народа вкусъ не притупленъ и нервы не нуждаются въ щекоткѣ, да и весь нравственный складъ другой. Предъ народомъ нечего пѣвцу даромъ разсыпать Фебовы дары, чтобы завлечь слушателей: народъ самъ тѣснится волнами къ крыльцу и почтительно слушаетъ пѣвца. Слово «блаженъ» примѣнено къ піиту иронически: слишкомъ хорошо сознавалъ Пушкинъ, какими средствами приходится пользоваться піиту и въ какой неблагопріятной для истинной поэзіи обстановкѣ дѣйствовать, чтобы въ серьезъ позавидовать такому «блаженству». Вопросъ объ отношеніяхъ поэта къ высшимъ носителямъ власти и правящимъ кругамъ давно занималъ Пушкина. Когда А. А. Бестужевъ писалъ, что «ободренія у насъ нѣтъ—и слава Богу», Пушкинъ возражалъ (въ 1825 г.): «Отчего же нѣтъ? Державинъ, Дмитріевъ были въ ободреніе сдѣланы министрами. Вѣкъ Екатерины—вѣкъ ободреній: отъ этого онъ еще не ниже другого. Карамзинъ, кажется, ободренъ; Жуковскій не можетъ жаловаться, Крыловъ также, Гнѣдичъ въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ; посмотримъ, когда появится его Гомеръ. Изъ неободренныхъ вижу только себя да Баратынскаго—и не говорю слава Богу!... Не говорю объ Августовомъ вѣкѣ. Но Тассъ и Аріостъ оставили въ своихъ поэмахъ слѣды княжескаго покровительства. Шекспиръ лучшія свои комедіи написалъ по заказу Елисаветы. Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика... Державину покровительствовали три царя. Такъ! мы можемъ праведно гордиться: наша словесность, уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается, что не носитъ она на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы»... Но не таковъ выведенный въ наброскѣ «піитъ»: на лбу его пылаетъ яркая печать «рабскаго униженія». Благодаря незаконченности отрывка не совсѣмъ ясно, есть ли «піитъ» лицо совершенно отдѣльное отъ «пѣвца», или оба они совмѣщаются въ одномъ человѣкѣ, разсыпающемъ предъ вельможами Фебовы дары, которымъ жадно внемлетъ у царскаго крыльца народъ, собравшійся толпою послушать пѣвца. Трудно прослѣдить дальнѣйшій ходъ мысли Пушкина, но ясно, что Пушкинъ, такъ отчетливо сознававшій разницу между обѣими этими сферами дѣйствія, понималъ, что такое совмѣстительство не можетъ быть долгимъ и должно разрѣшиться кризисомъ; что либо народъ неизбѣжно долженъ разочароваться въ «пѣвцѣ», ставшемъ «піитомъ» для «златого круга», и от-

вернуться отъ него либо «піитъ» долженъ оставить вельможъ, стать истиннымъ «пѣвцомъ» и перейти всецѣло къ народу, потому что въ этой сферѣ пѣвецъ не будетъ униженъ, и искусство не будетъ обращено въ забаву, въ простую принадлежность аристократическаго комфорта. Во всякомъ случаѣ слишкомъ очевидны рѣзкое противоположеніе другъ другу обѣихъ этихъ сферъ дѣйствія и явное предпочтеніе, которое Пушкинъ отдаетъ передъ «кругомъ вельможъ» «народу», не насилующему искусства, не заставляющему поэта сдерживать смѣхъ и слезы, а, наоборотъ, позволяющему смѣху и слезамъ овладѣвать поэтомъ и дѣлать его ихъ вдохновеннымъ и полнымъ выразителемъ.

Взглядъ, высказанный Пушкинымъ въ этомъ отрывкѣ, вполнѣ согласуется съ его эстетической теоріей, опредѣляющей отношенія поэта къ окружающему человѣческому міру. Подробно мы выясняемъ эту теорію ниже, въ статьѣ о «Черни» (см. примѣч. къ № 551), гдѣ возвращаемся къ разсмотрѣнному замѣчательному наброску,

Помимо чисто-теоретическаго значенія этихъ стиховъ, въ нихъ слышится ярко-субъективный мотивъ. Вопросъ о «піитѣ» и «пѣвцѣ» былъ для Пушкина не только вопросомъ эстетической теоріи, но и личнымъ дѣломъ. Нашему поэту мучительно хотѣлось сознать и опредѣлить себя предъ судомъ собственной совѣсти. Онъ понималъ, что тому кругу, съ которымъ имъ былъ недавно заключенъ компромиссъ, желательно было обрѣсти въ немъ «піита» въ награду за сомнительное блаженство тщеславнаго общенія съ царями и вельможами, — но самъ онъ хотѣлъ видѣть въ себѣ «пѣвца», около котораго народъ «колеблется волнами», къ чьему памятнику народомъ проложена незаростающая тропа.

---

519. КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ, ГДѢ НЕБО БЛЕЩЕТЪ...

(т. II, стр. 462).

Черновой подлинникъ пьесы, на трехъ листкахъ, находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина; изслѣдователямъ онъ недоступенъ. По словамъ описанія коллекціи («Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 9), на лл. 1—2 первая половина стихотворенія до строки: «Ихъ пестры волны за собой»; передѣлка стиховъ, находящихся на л. 1, вписана на л. 2-мъ об., тамъ же и эпиграфъ. На л. 3-мъ вторая часть пьесы (нач.: «На рай полуденной природы...») съ добавленіемъ противъ извѣстнаго текста въ концѣ еще 6 стиховъ, нач.

Забудь еврейку молодую...

Впервые появилось стихотвореніе, оставленное самимъ поэтомъ безъ отдѣлки, въ «Современникѣ» 1838 г., т. IX, стр. 143—145, и затѣмъ вошло въ посмертное собраніе его сочиненій, т. IX, стр. 202—204, Въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1855 г., стр. 84, П. В. Анненковъ, говоря о пьесахъ: «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной...», «Заклинаніе» и «Для береговъ отчизны дальной...», предупреждаетъ читателя: «спѣшимъ сказать, что со всѣми этими стихотвореніями не имѣетъ ничего общаго одно стихотвореніе, гдѣ тоже говорится о югѣ Европы, объ Италіи, и всѣмъ ея чудесамъ противопоставляется вдохновенный образъ женщины, любующейся ими. Стихотвореніе это, начинающееся словами: «Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ», написано въ 1827 году... Въ рукописи оно носитъ двойной эпиграфъ, въ слѣдующемъ видѣ. Сперва написано Пушкинымъ: «Könnst du das Land... Vilh. Meist.», а вслѣдъ затѣмъ прибавлено: «По клюкву, по клюкву, по ягоду по клюкву». Эпиграфъ, кажется, объясняется извѣстнымъ въ свое время анекдотомъ: одна молодая русская путешественница, послѣ долгаго пребыванія за-границей, сказала, что, по возвращеніи на родину, весьма обрадовалась клюквѣ. Пушкинъ намѣревался выразить въ стихотвореніи капризъ красавицы, но отдѣлалъ только поэтическую часть пьесы, соотвѣтствующую эпиграфу изъ Вильг. Мейстера, и не приступилъ даже ко второй ея половинѣ... Пародія не была въ его талантѣ и часто принимала у него серьезные, вдохновенные звуки, ей несвойственные»... Въ примѣчаніяхъ къ пьесамъ Пушкина Анненковъ, пользовавшійся, вѣроятно, описаннымъ выше автографомъ (см. его изданіе, т. II, стр. 439), снова подтвердилъ, что оно было «написано еще въ 1827 г... Изъ нашихъ біографическихъ матеріаловъ уже знакома читателю его двойная программа, изъ которой одну только первую часть Пушкинъ съ необычайнымъ поэтическимъ одушевленіемъ привелъ къ концу, и то еще не вполнѣ». Догадка Анненкова, что двойной эпиграфъ опредѣляетъ замыселъ пьесы, вполнѣ правдоподобна. Стихъ Гете объ Италіи дѣйствительно весьма подходитъ къ написанной поэтомъ части стихотворенія Что же касается до «клюквы», то этимъ шутливымъ motto Пушкинъ какъ бы хотѣлъ напомнить уѣзжающей въ Италію красавицѣ, что придетъ часъ, когда она соскучится не только по Россіи, но даже, какъ случилось съ героиней анекдота, по русской клюквѣ. Другой, болѣе ясный намекъ на этотъ анекдотъ находимъ въ «Альбомѣ Онѣгина», гдѣ есть такая запись (см. т. III настоящаго изданія, стр. 327):

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы:
К—л—ю—клю... возможно ль? клюквы!

(Пушкинъ самъ очень любилъ этотъ комическій символъ народности; см. Е. Опочининъ, «На родной землѣ. Поѣздка въ Михайловское», М., 1900, стр. 44; В. Колосовъ, «А. С. П—нъ въ Тверской губерніи въ 1827 (?) г.», Тверь, 1888, стр. 11, 14). Судя по описанію майковской коллекціи, гдѣ при цѣломъ рядѣ другихъ пьесъ указаны имѣющіяся въ подлинникахъ даты, автографъ разсматриваемаго стихотворенія не носитъ никакой помѣты. Не по одному ли только предположенію Анненковъ отнесъ его къ 1827 году? Есть основанія думать, что эта датировка неправильна.

Пьеса написана, очевидно, на спеціальный случай. Въ ней говорится объ опредѣленной особѣ, объ одной изъ женщинъ, которыхъ зналъ поэтъ, и ея образъ Пушкинъ нарисовалъ плѣнительными красками на фонѣ Италіи, которую она посѣтила или собирается посѣтить снова. Этотъ образъ сочетается съ красотами природы и искусства, которыми любуется красавица. Она не только прекрасна, но и умна и чувствительна; на роскошную природу юга, на произведенія искусствъ она смотритъ «душевнымъ взоромъ», и въ ней загорается вдохновеніе. Среди чудесъ искусства и

природы она сама является какимъ-то чудомъ, и ея нельзя не замѣтить, и вокругъ нея кипитъ толпа, она плѣняетъ живыхъ и экспансивныхъ итальянцевъ. Для простого мадригала всѣ эти черты слишкомъ опредѣленны и необщи. Ясно, что поэтъ имѣлъ въ виду опредѣленное лицо, что эта женщина—не плодъ воображенія, а живой человѣкъ; что, какъ ни льстивы яркія краски, передъ нами портретъ. Нетрудно отгадать—чей. Изъ всѣхъ женщинъ, съ которыми встрѣчался Пушкинъ, только къ княгинѣ З. А. Волконской подходитъ набросанный имъ очаровательный обликъ. Вспомнимъ черты, которыми обрисовалъ онъ ее въ посвященныхъ ей стихахъ; «Царица музъ и красоты, рукою нѣжной держишь ты волшебный скипетръ вдохновеній, и надъ задумчивымъ челомъ, двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ, и вьется, и пылаетъ геній». За подробной характеристикою ея отсылаемъ читателя къ помѣщеннымъ выше примѣчаніямъ къ этимъ стихамъ (№ 499). Когда Волконская въ 1829 г. покидала Россію, друзья-поэты проводили ее стихами. «Она спѣшитъ на югъ прекрасной»,—писалъ Баратынскій,—«подъ Авзонійской небосклонъ, одушевленной, сладострастной, гдѣ въ кущахъ, въ портикахъ палатъ октавы Тассовы звучатъ; гдѣ въ древнихъ кампяхъ боги живы, гдѣ въ новой, чистой красотѣ Рафаэль дышитъ на холстѣ; гдѣ всѣ холмы краснорѣчивы, но гдѣ не стыдно, можетъ быть, герои, міра властелины, вашъ Капитолій позабыть для Капитолія Коринны; гдѣ жизнь игрива и легка, тамъ лучше ей»... Н. Ф. Павловъ напутствовалъ Волконскую: «Какъ соловей печально въ день осенній подъ небо лучшее летитъ, такъ и она въ отчизнѣ вдохновеній воскреснуть силами спѣшитъ... Тамъ ей и быть, гдѣ солнца лучъ теплѣе, гдѣ такъ роскошны небеса, гдѣ человѣкъ съ искусствами дружнѣе»... На отъѣздъ ея изъ Москвы написали стихи также А. Писаревъ, С. П. Шевыревъ. И. В. Кирѣевскій находилъ, что «синее итальянское небо, и воздухъ итальянскій, исполненный солнца и музыки, и итальянскій языкъ, проникнутый всею прелестью нѣги и граціи, и земля итальянская, усѣянная великими воспоминаніями, покрытая созданіями геніальнаго творчества,—можетъ быть, все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью... для души, избалованной роскошью искусствъ и просвѣщенія»... И по тону, и по содержанію разсматриваемые стихи Пушкина какъ нельзя ближе сходятся съ этими отзывами. Быть можетъ, Пушкинъ тоже участвовалъ въ этихъ поэтическихъ проводахъ или только собирался въ нихъ участвовать; вѣроятнѣе второе,—иначе до насъ не могли бы не дойти тѣ законченные и отдѣланные, конечно, стихи, которые поднесъ онъ Волконской. Возможно также, что, не участвуя въ поэтическомъ хорѣ, напутствовавшемъ московскую Коринну, Пушкинъ писалъ эти стихи тогда, когда она была уже въ Италіи. Датировка Анненкова тоже находитъ себѣ объясненіе; не зная точно года отъѣзда Волконской изъ Россіи или связывая стихотвореніе, по замѣтному единству тона, съ посвященною ей Пушкинымъ въ 1827 г. пьесой, при которой ей были присланы «Цыганы», Анненковъ помѣтилъ его, съ нѣкоторымъ «приближеніемъ», тоже 1827 годомъ; если же, устанавливая эту дату, біографъ Пушкина руководствовался неизвѣстными намъ, болѣе серьезными и незыблемыми основаніями, и она не можетъ быть отвергнута, и стихотвореніе написано дѣйствительно въ 1827 году, то, значитъ, Пушкинъ имѣлъ въ виду прежнія поѣздки Волконской въ Италію, гдѣ еще въ 1820—1821 г. она издала и поставила свою оперу «Giovanna d' Arco», въ которой сама пѣла заглавную партію. Во всякомъ случаѣ ясно, что въ стихахъ «Кто знаетъ край»... изображена Зинаида Волконская. Только ея обаятельный образъ неразрывно соединялся въ представленіи современниковъ съ мыслью объ Италіи. Вяземскій обращался къ ней: «Волшебница! Какъ сладко пѣла ты про дивную страну очарованья, про жаркую отчизну красоты! Какъ я любилъ твои воспоминанья, какъ жадно я внималъ словамъ твоимъ и какъ мечталъ о краѣ неизвѣстномъ! Ты упилась симъ воздухомъ чудеснымъ, и рѣчь твоя такъ страстно дышитъ имъ! На цвѣтъ небесъ ты долго наглядѣлась и цвѣтъ небесъ въ очахъ намъ принесла»... Этимъ отблескомъ итальянскихъ небесъ въ глазахъ Волконской любовался и Пушкинъ, который тоже романтически тосковалъ по Италіи (см. выше, примѣч. къ № 505), но ему не суждено было увидѣть Италію (см. его письмо къ Бенкендорфу 7 января 1830 г.; также Записки Смирновой, I, 242). Насчетъ Волконской онъ однажды шутилъ (пис. къ Вяземскому въ началѣ 1829 г.): «дай Богъ ей ни дна, ни покрышки, т.-е. ни Италіи, ни графа Риччи» (Волконская долго жила съ нимъ). Въ отношеніи «клюквы» поэтъ ошибся: Волконская по Россіи не тосковала и навсегда осталась въ Италіи. Четверостишіе «Съ какою легкостью небесной»..., и пр. вошло, въ значительно измѣненномъ видѣ въ LII строфу 7-й главы «Евгенія Онѣгина». Метафору «сыны Авзоніи» тоже встрѣчаемъ въ «Онѣгинѣ» (см. т. III настоящ. изд., стр. 323).

Бѣлинскій («Моск. Наблюдатель» 1838 г., т. XVI, «Литерат. хроника»—Сочин., изд. Венгерова, III, 392) говорилъ объ этомъ стихотвореніи, что оно—«родъ какого-то отрывка, гдѣ все какъ-то полупрозрачно, въ полусвѣтѣ, какъ будто недосказано... Но... отрывокъ или цѣлое варіантъ или оригинальное,—оно стихотвореніе Пушкина, не по подписи этого волшебнаго имени, а по своему художественному достоинству». И въ полномъ обзорѣ пушкинской поэзіи Бѣлинскій причислилъ «Кто знаетъ край»... къ лучшимъ лирическимъ пьесамъ Пушкина. Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о поэзіи Пушкина»—«Харьковск. университ. сборн. въ память П—на», стр. 235—243) отмѣтилъ въ стихотвореніи «поздній отголосокъ байроновскаго вліянія, но отголосокъ еще сильный; упоминаніе о Байронѣ явилось результатомъ живого воспоминанія о «Чайльдъ-Гарольдѣ», откуда по памяти взяты мѣста о Тассо и о Кановѣ». Это не совсѣмъ вѣрно: ни откуда не «взяты мѣста о Тассо и о Кановѣ», но романтизированіе Италіи вполнѣ въ байроновскомъ духѣ. Отъ Пушкина до нашихъ дней звучитъ въ русской поэзіи тоска по Италіи, по воплощенной ею красотѣ. Баратынскій, Веневитиновъ, Туманскій, Гоголь, Козловъ, Бенедиктовъ, Ростопчина, Огаревъ, Мей, Майковъ, даже Некрасовъ и Щербина, въ наши дни Валерій Брюсовъ, и многое множество большихъ и малыхъ русскихъ поэтовъ воспѣли Италію. Голосъ Пушкина въ этомъ поэтическомъ хорѣ—самый вдохновенный. «Кто знаетъ край»...—настоящій компендіумъ литературныхъ и поэтическихъ представленій нашего великаго поэта объ Италіи.

520. ЧИСТОТОЙ, ПРИСЛУГОЙ И ПОЙЛОМЪ...

(т. II, стр. 463).

Съ исчерканнаго черновика, находящагося въ 2368-й тетради московскаго Румянцевскаго музея, лл. 34 и 33 об., впервые напечатано было это стихотвореніе въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 540—541. В. Е. Якушкинымъ, который нашелъ, что оно «по тону близко подходитъ къ пѣснямъ западныхъ славянъ» и «представляетъ разговоръ стараго конюха, можетъ быть, съ ворожеей» (?). Затѣмъ оно вошло въ изданіе литерат. фонда, II, 27—28, а потомъ въ изданіе «Просвѣщенія» и послѣднее ефремовское. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ (Ефремовъ пользовался черновой тетрадью Анненкова, который отбросилъ эту пьесу) данъ не совсѣмъ близкій къ подлиннику текстъ, по возможности совершенно возстановленный въ настоящемъ изданіи. По положенію среди черновиковъ пьеса можетъ быть датирована приблизительно 1827 годомъ.

Съ «Пѣснями западныхъ славянъ» стихотвореніе ничего общаго не имѣетъ, но дѣйствительно носитъ слѣды народнаго склада и можетъ быть причислено къ циклу произведеній, навѣянныхъ Пушкину русской народной поэзіей и вполнѣ оригинальныхъ и по замыслу, и по исполненію. Пушкинъ оставилъ пьесу безъ отдѣлки, вѣроятно, потому, что уступилъ сюжетъ поэту-крестьянину Ѳеод. Никиф. Слѣпушкину (И. Ремезовъ, «Ярославскій крестьянинъ-стихотворецъ Ф. Н. Слѣпушкинъ», изд. 4-ое, СПб., 1899, стр. 30), котораго читалъ «съ удивленіемъ» и у котораго, не безъ очень излишней, впрочемъ, снисходительности, признавалъ «истинный с в о й талантъ» (Переписка П., акад. изд., I, 328, 336, 341; см. о Слѣп. также примѣч. С. А. Венгерова къ его изданію Сочин. Бѣлинскаго, V, 565—569; В. В. Даниловъ, «Литерат. Очерки», Варш., 1910, стр. 23—24, 27—28, 71—72). Въ альманахѣ «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» на 1828 г., стр. 285—288 (ценз. дозвол. 21 декабря 1827 г.), Слѣпушкинъ напечаталъ свой «сельской разсказъ» «Конь и домовой», вполнѣ совпадающій по сюжету съ незавершеннымъ стихотвореніемъ Пушкина, но, конечно, весьма уступающій ему и оканчивающійся такою «моралью»:

Понынѣ тоже говорятъ:
Случится ль гдѣ такое чудо,
Коню отъ домоваго худо!
А смотришь—конюхъ виноватъ!

---

521. ТАИТСЯ ПЕЩЕРА...

(т. II, стр. 464).

Набросокъ этой антологической картинки, исчерканный и неразборчивый, находится въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2368, л. 36. Первый стихъ напечатанъ впервые въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 542, а весь по возможности текстъ, хотя не совсѣмъ правильно разобранный (см. въ общей статьѣ о текстѣ),—въ изданіи литературнаго фонда, II, 28. Судя по положенію наброска среди черновиковъ VI и VII строфъ 7-й главы «Евгенія Онѣгина», его можно датировать приблизительно началомъ 1827 года (19 февраля написана XII-я строфа). Тутъ же два раза повторены стихи:

Кругомъ его цвѣтетъ шиповникъ,
Минутный вѣстникъ теплыхъ дней,
И вьется п л ю щ ъ, могилъ л ю б о в н и к ъ,
И свищетъ ночью соловей...

Съ нѣкоторыми измѣненіями стихи эти вошли въ VI-ю строфу 7-й главы «Онѣгина», гдѣ описана могила Ленскаго. Идиллическимъ пейзажемъ, окружающимъ могилу Ленскаго, Пушкинъ, вѣроятно, первоначально хотѣлъ воспользоваться для особаго антологическаго стихотворенія, переносящаго насъ въ древность не только географическимъ именемъ «карійскихъ» рощъ, но и величавымъ спокойствіемъ антологіи, и мѣрнымъ ритмомъ, сбивающимся на гекзаметръ. Схема размѣра, изображенная надъ наброскомъ, неправильна и не соотвѣтствуетъ ни одной извѣстной стихотворной формѣ. Слова «таится пещера», надо думать, написаны надъ первымъ стихомъ какъ составляющія съ нимъ одно цѣлое; дѣйствительно, вмѣстѣ они образуютъ правильный гекзаметръ: «Въ рощахъ карійскихъ, любезнымъ ловцамъ, таится пещера»...

---

522. СВОДНЯ ГРУСТНО ЗА СТОЛОМЪ...

(т. II, стр. 464).

Стихотвореніе это находится въ видѣ исчерканнаго черновика въ тетради московскаго Румянцовскаго музея № 2368, л. 27, и впервые было напечатано, съ весьма понятными пропусками, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 538—539. По положенію среди черновиковъ 7-й главы «Евгенія Онѣгина» и «Арапа Петра Великаго» оно можетъ быть отнесено къ 1827 году. Затѣмъ оно вошло въ собранія сочиненій Пушкина, изд. П. О. Морозова («Просвѣщенія», II, 94—95, гдѣ неправильно отнесено къ 1828 г.) и П. А. Ефремова (Суворина, II, 124; VIII, 294—295). П. А. Ефремовъ, пользовавшійся бумагами Анненкова, сообщаетъ (ibid, VIII, 276—277) замѣчаніе Анненкова списавшаго для себя эту пьесу: «подъ рядъ тому прилагаемъ рецептъ, записанный Пушкинымъ на тетради въ срединѣ разсказа объ Арапѣ Петра Великаго»; этотъ рецептъ, находящійся въ музейной рукописи, двумя страницами выше пьесы, напечатанъ въ той же книжкѣ «Русс. Старины», гдѣ и пьеса, на стр. 537.

Среди пушкинскихъ набросковъ 1818—1819 гг. есть одинъ («Фебъ и Геркулесъ», см. т. II настоящаго изданія, стр. 545), напоминающій изображаемую обстановку разсматриваемое стихотвореніе:

Сегодня
Ожидаетъ сводня
(Щастливыхъ) повѣсъ...

(См. также академич. изд. сочин. П., II, примѣч., 85—86). Въ одесскомъ посланіи къ Вигелю (см. т. II, № 375) Пушкинъ выразилъ сожалѣніе, что въ Кишиневѣ не было «ни сводни, ни книгопродавца». Несмотря на неотдѣланность и небрежность, «Сводня» является превосходной жанровой картинкой, рисующей тотъ мірокъ, котораго не чуждался въ молодости Пушкинъ (см., наприм., письмо его къ Ф. Ф. Вигелю въ октябрѣ—ноябрѣ 1823 г.). До насъ дошелъ любопытный, хотя, можетъ быть, не во всѣхъ отношеніяхъ достовѣр-

ный, разсказъ его друзей, «какъ они, бывало, заходили къ наипочтеннѣйшей Софьѣ Евстафьевнѣ провести остатокъ ночи съ ея компаньонками. Александръ Сергѣевичъ, бывало, выберетъ интересный субъектъ и начинаетъ разспрашивать о дѣтствѣ и обо всей прежней жизни, потомъ усовѣщиваетъ и уговариваетъ бросить блестящую компанію, заняться честнымъ трудомъ, идти въ услуженіе, потомъ дастъ деньги на выходъ и, такимъ образомъ, не одну жертву спасъ отъ погибели; а всего лучше, что благонравная Софья Евстафьевна жаловалась на поэта полиціи, какъ на безнравственнаго человѣка, развращающаго ея овечекъ». (П. И. Куликовъ, «Пушкинъ и Нащокинъ»—«Русская Старина» 1881 г., августъ, 613). Полиція въ эту сторону жизни поэта обыкновенно не вмѣшивалась. Laissez le courir le monde, chercher des filles», совѣтовалъ Бенкендорфу шпіонъ въ 1829 г. Женившись, онъ въ этомъ отношеніи «совершенно перемѣнился, къ неописанному огорченію Софьи Остафьевнѣ и кавалергадскихъ шаромыжниковъ» (письмо къ М. О. Судіенкѣ 15 января 1832 г.). Воспоминаніе о ней закрѣплено въ одномъ наброскѣ, относящемся, можетъ быть, къ «Пиковой дамѣ»:—«мы вели жизнь довольно безпорядочную... Ѣздили къ С. П. безъ нужды, побѣсить бѣдную старуху притворной разборчивостью»... Сводня, изображенная Пушкинымъ, не только бытовой типъ, но можетъ быть и портретъ, едва ли не этой самой Софьи Евстафьевны. Въ перепискѣ Пушкина есть еще упоминанія о ней (см., напримѣръ, письмо его къ женѣ 17 апрѣля 1834 г.).

СТИХОТВОРЕНІЯ 1828 ГОДА.

523. ДРУЗЬЯМЪ.

(т. II, стр. 487).

Въ полномъ видѣ пьеса извѣстна лишь въ спискахъ, а единственный автографъ ея, хранящійся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина, представляетъ собою черновой набросокъ первой и нѣсколькихъ стиховъ четвертой и пятой строфъ (см. «П. и его соврем.», IV, 9); въ той же коллекціи находится принадлежавшій П. В. Анненкову полный списокъ (ibid., 37). Впервые появилась пьеса въ VII, дополнительномъ томѣ анненковскаго изданія сочиненій Пушкина, стр. 37—38, съ примѣчаніемъ: «по глубинѣ, изобразительности и сосредоточенному чувству пьеса эта можетъ быть поставлена въ параллель съ извѣстными патріотическими «Стансами» Пушкина, 1826 года «Въ надеждѣ славы и добра», съ которыми она и написана въ одно время». Въ настоящемъ изданіи она воспроизведена по редакціи Анненкова, которая, повидимому, болѣе заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ тексты, принятые въ изданіяхъ Морозова и Ефремова. Анненковъ и Геннади датировали пьесу 1826 годомъ, но это, конечно, невѣрно. Даже «Стансы» («Въ надеждѣ славы и добра»...) окончательно отдѣланы не въ 1826 г., а, вѣроятно, въ 1827-мъ (см. выше, примѣч. къ № 487); «Друзьямъ» же П. А. Ефремовъ (Сочин. П, т. II. изд. 1880 г., стр. 177—178, 421; 1882 г., стр. 157—158, 404—405, 1903 г., стр. 125—126; VIII, 1905 г., стр. 277) вполнѣ правильно перенесъ въ 1828-й г., объясняя: «стихъ объ оживленіи Россіи войною прямо указываетъ на конецъ 1827 или на 1828 годъ. Пушкинъ настоящее стихотвореніе представилъ Бенкендорфу въ февралѣ или въ началѣ марта 1828 г., такъ что оно, вѣроятно, и было написано въ первые мѣсяцы этого года (когда, замѣтимъ, уже началась турецкая война)». Желая напечатать его, Пушкинъ представилъ его черезъ гр. А. Х. Бенкендорфа царю Николаю Павловичу, который положилъ резолюцію: «cela peut courir, mais pas être imprimé»; Бенкендорфъ сообщилъ Пушкину 5 марта 1828 г.; «что касается до стихотворенія вашего подъ заглавіемъ «Друзьямъ», то его величество совершенно доволенъ имъ, но не желаетъ, чтобы оно было напечатано» («Русс. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 701; В. Брюсовъ, Письма П-на и къ П-ну», М, 1903, стр. 48; «Дѣла III Отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ», Спб., 1906, стр. 65—66).

Стихотвореніе продиктовано желаніемъ Пушкина защитить себя противъ обвиненій въ угодничествѣ и объяснить свою позицію по отношенію къ власти. Съ первыхъ дней его личныхъ сношеній съ царемъ злорѣчіе и клевета не переставали преслѣдовать его (см. въ III т. настоящаго изд., стр. 351). Ему нужно было оправдать себя передъ друзьями, «братьями»: значитъ, и близкіе люди не совсѣмъ вѣрили его искренности, и ему было тяжело это сознавать. Непререкаемая искренность чувствуется въ тонѣ стихотворенія; къ тому же Пушкинъ никогда не могъ и не хотѣлъ быть льстецомъ. Поэтъ только заблуждался, оцѣнивая свою эпоху съ преувеличеннымъ оптимизмомъ, котораго не оправдывала повседневная дѣйствительность, и въ первыхъ годахъ николаевскаго царствованія, когда русская общественная жизнь уже попала на мертвую точку, видя восходящую зарю прогресса. Въ порывѣ благодарности Пушкинъ хватилъ черезъ край: нельзя же было назвать «милостью» хотя бы денежное пособіе, оказанное царемъ семьѣ Рылѣева, у которой былъ повѣшенъ мужъ, отецъ и кормилецъ; переоцѣнилъ онъ и то добро, вообще весьма сомнительное, которое видѣлъ лично отъ Николая Павловича. Странно, что поэтъ могъ серьезно написать: «во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье, осободилъ онъ мысль мою», и не вспомнилъ при этомъ, что лишь недавно державный покровитель почтилъ его свободное творческое вдохновеніе авторитетнымъ совѣтомъ передѣлать «Бориса Годунова»—«съ нужнымъ очищеніемъ въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтера Скота»; что Бенкендорфъ уже читалъ ему наставленія «чувствовать въ полной мѣрѣ великодушное монаршее снисхожденіе и стремиться учинить себя достойнымъ онаго», и напоминалъ, что надо «вести себя благородно и пристойно». Поработщенный благодарностью (а Пушкинъ умѣлъ быть благодарнымъ и не забывалъ добра), опутанный компромиссомъ, «милостью окованный», поэтъ согрѣшилъ благородно—согрѣшилъ слишкомъ низкой самооцѣнкой, нѣкоторымъ забвеніемъ своего поэтическаго и человѣческаго достоинства недостат-

комъ уваженія къ себѣ. Чистый душою, неспособный ни питать лукавыхъ мыслей, ни проникать въ чужіе лукавые замыслы, онъ съ восторгомъ говорилъ о Николаѣ Павловичѣ и искренно пилъ за его здоровье, а зорко слѣдившее за каждымъ его шагомъ правительство соображало, что «если удастся направить его перо и его рѣчи, то это будетъ выгодно» («Старина и Новизна», VI, 5—6). Объ отношеніяхъ царя и поэта въ этотъ періодъ см. мою ст. «Послѣ ссылки въ Москвѣ» (т. III).

Недостаточно вдумчивые читатели приняли новую пьесу Пушкина какъ новую выходку льстеца. «Стихи Пушкина къ друзьямъ просто дрянь»—писалъ Н. М. Языковъ 22 сентября 1828 г.:—«этакими стихами никого не выхвалишь, никому не польстишь,—и доказательствомъ тонкаго вкуса литературнаго въ нынѣ царствующемъ государѣ есть то, что онъ не позволилъ ихъ печатать» («Историч. Вѣстн.» 1883 г., декабрь, 527). По мнѣнію М. К. Лемке («Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг». Спб., 1908, стр. 487), Николай Павловичъ «хорошо понималъ, что печатая подобныя вещи болѣе или менѣе часто, онъ уронитъ Пушкина въ глазахъ лучшей части общества и Европы и тѣмъ будетъ рубить свой же собственный сукъ»; г. Лемке не обратилъ вниманія на положительную часть высочайшей резолюціи: «cela peut courir»... «Объясняя—говоритъ В. Е. Якушкинъ («О Пушкинѣ», М., 1899, стр. 63)—«общія и личныя причины, заставляющія его хвалить молодого царя, поэтъ затѣмъ въ энергическихъ выраженіяхъ еще разъ отвергаетъ упрекъ въ лести и дѣлаетъ вѣрную и рѣзкую характеристику льстецовъ, которые внушаютъ власти крутыя мѣры и возстановляютъ ее противъ просвѣщенія, а это можетъ накликать на царя горе; мы, видѣли, что въ «Стансахъ» поэтъ вызываетъ въ царѣ именно милость и любовь къ просвѣщенію. И это стихотвореніе, содержащее похвалы честности и милости царя, снова вызвало совершенно несправедливые упреки въ лести. А между тѣмъ оно настолько далеко было отъ всякой лести, что императоръ, выразивъ Пушкину одобреніе, вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ печатать стихотвореніе». Въ предпослѣдней строфѣ изложена неопредѣленная, но въ основахъ ясная общественная программа: уваженіе къ народу, стремленье къ просвѣщенію, вниманье къ «голосу природы» (отголосокъ ученія о «естественномъ правѣ»); въ себѣ поэтъ видитъ выразителя этого голоса: онъ называетъ себя избранникомъ небесъ (то же опредѣленіе поэта встрѣчается и въ «Черни»). И здѣсь Пушкинъ не спряталъ, да, очевидно, и не хотѣлъ спрятать «всѣхъ ушей подъ колпакъ». Убѣжденіе, что «просвѣщенья плодъ—страстей и воли духъ мятежный» было высказано Пушкину въ сущности не кѣмъ инымъ, какъ самимъ Николаемъ Павловичемъ, который на разсужденія Пушкина о народномъ воспитаніи велѣлъ отвѣтить ему: «принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей; нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному; на сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе». Этого одного достаточно было, чтобы запретить печатаніе стихотворенія, какъ ни было оно лестно для Николая Павловича лично. Но что дѣлало его совершенно немыслимымъ въ печати, такъ это упоминаніе объ ограниченіи «льстецомъ» царской милости, о дурномъ вліяніи «льстеца», которое парализуетъ добрыя желанія монарха. Здѣсь не одно принципіальное разсужденіе о средостѣніи между царемъ и народомъ, но прямой и ясный намекъ на дѣйствительность, свѣжую и злободневную. При этихъ словахъ современники не могли не вспомнить доклада государю верховнаго уголовнаго суда, разсматривавшаго дѣло декабристовъ и требовавшаго для нихъ кары безъ милосердія: «хотя милосердію, отъ самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ, но верховный уголовный судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія столь высокія и съ общею безопасностью государства столь смежныя, что самому милосердію они, кажется, должны быть недоступны». Этимъ судъ—благородно негодовалъ (въ 1826 г.) кн. П. А. Вяземскій (Сочин. IX, 87)—«предписывалъ законъ государю... Тутъ, гдѣ законъ говоритъ, что значатъ ваши умствованія и ваши предположенія? Когда дѣло идетъ о пролитіи крови, то тогда умѣете вы дать вѣсъ голосу своему и придать ему государственную значительность... А въ докладѣ слѣдственной коммиссіи не хотѣли и побоялись оставить вопль жалости, коимъ редакторъ хотѣлъ окончить его, чтобы обратить состраданіе государя на многія жертвы, обреченныя всей лютости закона буквальнаго, но которыя должны быть бы изъяты изъ списка, ему представленнаго, по многимъ и многимъ уваженіямъ». Подъ этими словами Вяземскаго, которыя не могли не быть извѣстны Пушкину и выражали мнѣніе всей передовой Россіи, нашъ поэтъ охотно бы подписался. Самого Николая Пушкинъ, если вѣрить столь малодостовѣрнымъ запискамъ Смирновой, любилъ; онъ говорилъ, что это «наидовѣрчивѣйшій изъ людей, потому что самъ человѣкъ прямой, а это-то и страшно; онъ вѣритъ въ искренность людей, которые часто его обманываютъ» (Записки А. О. Смирновой, I, 179).

Ошибочно отдѣляя самодержавнаго монарха отъ его правительства (это раздѣленіе Пушкинъ проводилъ часто) и даже нѣсколько льстя самому Николаю, не понимая окружающей дѣйствительности, поэтъ не явился простымъ, неразсуждающимъ сторонникомъ господствующей силы, а хотѣлъ ее направить въ сторону прогресса и народнаго блага, увѣщевалъ ее слушать не голосъ «льстецовъ», а голосъ природы, уважать народъ и вѣрить въ просвѣщеніе. Его исповѣдь «друзьямъ»—осужденная на безплодіе, наивная, но честная и смѣлая попытка заставить современную дѣйствительность проникнуться идеалами прогресса, лирой пробудить чувства добрыя, и если брошенныя имъ сѣмена пали на камень или были расклеваны хищными птицами,—въ этомъ не его вина.

---

524. ПОСЛАНІЕ КЪ В., СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЫ НА ИГРОКОВЪ.

(т. II, стр. 488).

Автографъ посланія неизвѣстенъ. Впервые появилось оно, безъ подписи, подъ заглавіемъ: «Посланіе къ В., Сочинителю Сатиры на игроковъ», въ «Сѣверной Пчелѣ» 1828 г., 10 марта, № 30, и больше Пушкинымъ не перепечатывалось, а въ собраніи его сочиненій стало входить начиная

съ изданія Анненкова (т. I, стр. 213—214). Издатель «Сѣв. Пчелы» Ѳ. В. Булгаринъ, съ которымъ тогда Пушкинъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ (см. «Русск. Стар.» 1909 г., ноябрь, 350, 354—357), и который за Пушкинымъ просто ухаживалъ, снабдилъ пьесу примѣчаніемъ: «имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem». Посланіе относится къ февралю или началу марта 1828 г., такъ какъ книжка стиховъ «Къ Эрасту (сатира на игроковъ)» вышла въ свѣтъ въ февралѣ.

Съ ея авторомъ, И. Е. Великопольскимъ (род. 27 декабря 1797 г, ум. 8 февраля 1868 г.). у Пушкина два года назадъ уже была небольшая стихотворная стычка по поводу посланнаго ему Пушкинымъ напоминанія о денежномъ долгѣ; въ прим. къ № 475 (т. III настоящ. изданія, стр. 607—608) разсказано объ этомъ столкновеніи и переданы нѣкоторыя подробности о Великопольскомъ и объ его отношеніяхъ къ Пушкину. Великопольскій былъ страстный картежникъ, но хотѣлъ образумиться и другихъ образумить и исторіей своего героя, Ариста, въ одну ночь проигравшаго въ карты опытному игроку Дамону все свое состояніе, погубившаго свою честь и сошедшаго съ ума, хотѣлъ, какъ писалъ рецензентъ «Сѣв. Пчелы» (№ 26), «представить всю гнусность картежнаго ремесла, всю пагубу молодыхъ людей, предающихся страсти къ картамъ». Зная безхарактерность Великопольскаго, зная, что вообще «уча безумный свѣтъ, порой грѣшитъ и проповѣдникъ», и нисколько не вѣря въ прочность морали новаго сатирика, Пушкинъ посмѣялся надъ нимъ весело и безъ особой рѣзкости; впрочемъ, сравненіе посредственнаго стихотворца съ Персіемъ довольно колко. Самолюбивый Великопольскій разсердился не шутя; хотя Пушкинъ обозначилъ его имя только первой буквой, но, такъ какъ и на заглавномъ листѣ сатиры, и въ рецензіи «Сѣв. Пчелы», напечатанной четырьмя номерами ранѣе, оно было названо полностью, то этотъ инициалъ ничего не скрывалъ отъ читателей; Пушкина же Великопольскій, бывшій тогда въ Москвѣ, сразу узналъ ex ungue. 17 марта онъ написалъ «Отвѣтъ знакомому сочинителю посланія ко мнѣ, помѣщеннаго въ № 30 «Сѣверной Пчелы»:

Узналъ я тотчасъ по замашкѣ
Тебя насмѣшливый поэтъ!
Твой стихъ весенней легче пташки
Порхаетъ и чаруетъ свѣтъ.
Я радъ, что геній удосужилъ
Тебя со мной на пару словъ;
Ты очень мило обнаружилъ
Бесѣды дружескихъ часовъ.
Съ твоимъ проказникомъ сосѣднимъ
Знакомъ съ давнишней я поры:
Обязанъ другу онъ послѣднимъ
Урокомъ вѣтреной игры.
Онъ очень помнитъ, какъ, смѣняя
Былые рублики въ кисѣ,
Глава «Онѣгина» вторая
Съѣзжала скромно на тузѣ.
Блуждая въ молодости шибкой,
Онъ спотыкался о порогъ;
Но гдѣ послѣдняя ошибка,—
Тамъ первый мудрости урокъ.

Свой отвѣтъ Великопольскій немедленно отправилъ Булгарину для помѣщенія въ «Сѣв. Пчелѣ»; Булгаринъ познакомилъ съ нимъ Пушкина. Прочитавъ его, Пушкинъ написалъ Великопольскому, вѣроятно, въ концѣ марта (Великопольскій получилъ это письмо 5 апрѣля): «Любезный Иванъ Ермолаевичъ. Булгаринъ показалъ мнѣ очень милые ваши стансы ко мнѣ, въ отвѣтъ на мою шутку. Онъ сказалъ мнѣ, что цензура не пропускаетъ ихъ, какъ личность, безъ моего согласія. Къ сожалѣнію, я не могъ согласиться: «Глава Онѣгина вторая съѣжала скромно на тузѣ» — и Ваше примѣчаніе—конечно—личность и неприличность. И вся станса недостойна Вашего пера. Прочія очень милы. Мнѣ кажется, что Вы немножко мною недовольны. Правда-ли? По крайней мѣрѣ, отзывается чѣмъ-то горькимъ Ваше послѣднее стихотвореніе. Неужели Вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбиваго друга, включить непріязненныя строфы въ 8-ю главу Онѣгина? NB. Я не проигрывалъ 2-й главы, а ея экземплярами заплатилъ свой долгъ, такъ точно, какъ Вы заплатили мнѣ свой — родительскими алмазами и 35-ю томами Энциклопедіи. Что, если напечатать мнѣ сіе благонамѣренное возраженіе? Но я надѣюсь, что я не потерялъ Вашего дружества и что мы при первомъ свиданіи мирно примемся за карты и стихи. Простите! Весь Вашъ А. П.» Эти колкости, а также явная непослѣдовательность Пушкина, уклонившагося отъ полученія воздаянія тою же мѣрою, какою самъ отмѣрилъ, возмутили Великопольскаго, который 7 апрѣля послалъ Булгарину негодующее письмо: «Третьяго дня получилъ я письмо отъ Ал. С. Пушкина. Онъ увѣдомляетъ, ссылаясь на васъ, что безъ его согласія цензура не пропускаетъ, какъ личность, моихъ къ нему стансовъ; а что онъ согласиться не можетъ. Это меня очень удивило. Развѣ его ко мнѣ посланіе не личность? Въ чемъ онаго цѣль и содержаніе? Не въ томъ ли, что сатирикъ на игроковъ самъ игрокъ? Не въ обнаруженіи ли частнаго случая, долженствовавшаго остаться между нами? Я слишкомъ увѣренъ въ благородствѣ Пушкина, чтобы предполагать такой доносъ на дружбу истиннымъ его намѣреніемъ; но дѣло не въ намѣреніи, а въ самомъ дѣлѣ; и стихи, вышедшіе изъ подъ типографскаго станка, берутъ направленіе сами, независимо отъ автора. Почему же цензура полагаетъ себя въ правѣ пропускать личности на меня не сказавъ мнѣ ни слова, и не пропускаетъ личности на Пушкина безъ его согласія? Кто позволитъ одному посмѣяться надъ другимъ, тотъ не обязанъ ли, ежели онъ безпристрастенъ, не отнимать, по крайней мѣрѣ, у другаго способовъ отыграться? И даже противный поступокъ, будучи притѣсненіемъ для одного, не можетъ ли почесться неуваженіемъ къ другому? Простите, ежели я, можетъ быть, неумѣстно такъ распространился. Я хотѣлъ оправдать себя въ вашемъ мнѣніи и доказать односторонность дѣйствій цензуры, при которомъ литературный бой никогда не можетъ быть равенъ. Но Пушкинъ, называя свое посланіе одною шуткою, моими стихами огорчается болѣе, нежели сколько я могъ предполагать. Онъ даже даетъ мнѣ чувствовать, что слѣдствіемъ напечатанія оныхъ будетъ непримиримая вражда. Надѣясь, что онъ имѣетъ ко мнѣ довольно почтенія, чтобы не предполагать во мнѣ боязни, дорожу его дружбою и прилагаемымъ при семъ къ нему письмомъ (которое, по незнанію адреса, имѣю честь васъ просить доставить) отдаю на его полную волю, при нѣкоторомъ условіи, не читать мои стансы и не печатать, предоставляя себѣ въ послѣднемъ случаѣ отыграться въ другомъ мѣстѣ, другимъ

образомъ. Я счелъ неизлишнимъ васъ объ этомъ увѣдомить, полагая, что вамъ самимъ непріятна такая односторонность цензуры». Жалоба Великопольскаго на «обнаруженіе частнаго случая», котораго Пушкинъ не долженъ былъ оглашать, подтверждаетъ забавный разсказъ Пушкина о «сосѣдѣ». Надо думать, что Великопольскій читалъ Пушкину свою сатиру раньше появленія ея въ печати, и что это чтеніе закончилось именно такъ, какъ разсказалъ Пушкинъ, т. е. паденіемъ строгаго сатирика въ ту самую пучину грѣха, отъ которой онъ хотѣлъ предостеречь другихъ. Справедливое требованіе Великопольскаго не было удовлетворено, и его отвѣтъ не былъ напечатанъ. Слѣдуетъ помнить, что Пушкинъ считалъ за Великопольскимъ нѣкоторый «долгъ» за посланіе 1826 г., въ которомъ Великопольскій совѣтовалъ ему поменьше «мытарствовать». Потомъ противники помирились. Составивъ въ 1829 г. «Отвѣтъ на отзывы журналовъ о Сатирѣ на игроковъ», Великопольскій показалъ его Пушкину, который посовѣтовалъ: «непремѣнно напечатать!» Въ концѣ «Отвѣта» Великопольскій добродушно разсказываетъ о своемъ столкновеніи съ Пушкинымъ: «въ заключеніе могу ли позволить себѣ сказать слово о «Посланіи» ко мнѣ, напечатанномъ въ 30-мъ нумерѣ «Сѣверной Пчелы» прошлаго года? Любезный сочинитель, котораго блистательное въ словесности нашей имя слишкомъ хорошо узнается безъ всякой надобности для того въ подписи, доставилъ мнѣ прекрасными своими стихами истинное удовольствіе. Признаюсь, что сначала я не такъ это принялъ, чему главною причиною было, собственно не «Посланіе», а недобрая, присоединенная къ нему выноска («ex ungue leonem)» издатели газеты, дававшая обращеннымъ ко мнѣ стихамъ видъ не пріятельской шутки, а сатирической насмѣшки. Теперь, пообдумавъ и поразсудивъ, а главное — перечитавъ стихи съ хладнокровіемъ, я очень радъ, что авторъ «Посланія» не согласился на напечатаніе отвѣтныхъ моихъ станцовъ (какъ самъ увѣдомилъ меня о томъ), слишкомъ наскоро мною написанныхъ и посланныхъ издателю газеты на другой же день полученія листка его въ Москвѣ» (Б. Л. Модзалевскій, «И. Е. Великопольскій», Спб., 1902, стр. 32, 38).

Вѣроятно, еще до примиренія Пушкинъ написалъ на Великопольскаго эпиграмму, можетъ быть, даже не вполнѣ отдѣланную и оставшуюся безъ распространенія: «Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій»... (см. ниже, прим. къ № 582), относимую обыкновенно къ 1829 году безъ достаточныхъ основаній. Насмѣшка надъ поэтомъ-игрокомъ, который съ радостью поставилъ бы на карту тетрадь своихъ стиховъ, если бы его «стихъ ходилъ хотя въ копейку», очевидно, служитъ отвѣтомъ на напоминаніе Великопольскаго о проигрышѣ второй главы «Онѣгина». Рукописи Пушкина бойко «котировались» на игорной биржѣ. Еще въ 1820 г. онъ проигралъ Н. В. Всеволожскому тетрадь своихъ стихотвореній, которую выкупилъ въ 1825 г. (см. въ I т. настоящ. изданія, стр. 540). Въ другой разъ ему случилось проиграть и тутъ же отыграть назадъ пятую главу «Онѣгина» («Русс. Стар.» 1874 г. т. IX, стр. 564, зам. Н. Кичеева). Угроза «включить непріязненныя строфы въ Онѣгина» высказывалась Пушкинымъ не только по отношенію къ Великопольскому; узнавъ о какомъ-то пасквилѣ, написанномъ на Пушкина графомъ Ѳ. И. Толстымъ, поэтъ обѣщалъ: «Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣгина, если его пасквиль этого стоитъ» (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 565).

---

525. В. С. ФИЛИМОНОВУ.

(т. II, стр. 488).

Автографъ посланія неизвѣстенъ. Впервые появилось оно въ альманахѣ «Невскій альбомъ», 1840 г., изд. Бобылева, стр. 1—2, а затѣмъ вошло въ IX, дополнительный томъ посмертнаго изданія сочиненій П., стр. 222. Оно служитъ отвѣтомъ на обращеніе Филимонова, которымъ на подаренномъ Пушкину экземплярѣ своей поэмы «Дурацкій Колпакъ» написалъ (по сообщенію Б. Л. Модзалевскаго):

А. С. Пушкину.

Вы въ мірѣ славою гремите;
Поэтъ! Въ лавровомъ вы вѣнкѣ.
Пѣвцу безвѣстному простите:
Я къ вамъ являюсь въ колпакѣ.

Это четверостишіе помѣчено: «СПб. Марта 22 1828», Пушкинъ, вѣроятно, не заставилъ Филимонова долго ждать отвѣта, который, конечно, долженъ быть относимъ къ 1828 году; тогда Филимоновъ выпустилъ первыя двѣ части своей поэмы; въ 1838 г. вышли части 3, 4 и 5-ая. Бѣлинскій встрѣтилъ поэму Филимонова какъ добрую знакомку и въ «этой пріятной поэтической болтовнѣ» нашелъ «много истиннаго чувства, игры ума, какой-то сердечной иронiи... легкій, плавный, бойкій стихъ... оригинальность, остроуміе» («Моск. Наблюд.» 1839 г., ч. I, № 1, отд. 5, стр. 17–21).

«Нельзя сказать», — справедливо замѣчаетъ собравшій всѣ свѣдѣнія о Филимоновѣ С. А. Венгеровъ (см. его изданіе сочин. Бѣлинскаго, IV, 504—508), — «чтобы посланіе Пушкина давало сколько-нибудь опредѣленное представленіе о томъ, кому адресовано. А между тѣмъ Пушкинъ былъ такой удивительный мастеръ давать опредѣленныя, яркія характеристики! Видимо, значитъ, нельзя было ничего болѣе опредѣленнаго сказать. Мало выразителенъ и отзывъ Бѣлинскаго, несмотря на обиліе цитатъ, и это опять-таки показываетъ, что характеръ поэтическаго творчества Филимонова трудно уловить; столь же неопредѣленное представленіе даетъ и непосредственное ознакомленіе съ «Дурацкимъ Колпакомъ». Предъ вами несомнѣнно умный писатель, съ не банальною психологіею, съ не банальнымъ умѣніемъ подмѣчать трудноуловимые оттѣнки жизненныхъ явленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, написанная хорошими стихами поэма производитъ впечатлѣніе какой-то безцѣльной игры ума, не видишь за этими блестками цѣльнаго настроенія, не знаешь, что собственно хочетъ сказать авторъ своею не лишенной порой остроумія и тонкости поэтическою болтовнею. Но какъ бы то ни было, «Дурацкій Колпакъ» создалъ Филимонову литературное имя и имѣлъ успѣхъ. Другія его произведенія были мало замѣчены и критикою, и публикою, а романъ «Непостижимая» вызвалъ не только насмѣшки безпощаднаго въ такихъ случаяхъ Бѣлинскаго, но и осужденіе мягкаго и благожелательнаго Плетнева. Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ (1787—1858) родился въ дворянской семьѣ Рязанской губ., учился въ московскомъ университетѣ

но курса, видимо, не кончилъ (въ «Исторіи Моск. Унив.» Шевырева нѣтъ о немъ свѣдѣній), служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ 1812—15 гг. служилъ адъютантомъ и управляющимъ канцеляріей при начальникѣ 3-го округа ополченія, графѣ П. А. Толстомъ; въ 20-хъ гг. былъ вице-губернаторомъ въ Новгородѣ, позднѣе (1827—1832 гг.) губернаторомъ въ Архангельскѣ. Въ молодости Филимоновъ жилъ очень весело или, какъ это тогда называлось, «горацiански», благо онъ въ началѣ литературной дѣятельности и извѣстенъ былъ какъ переводчикъ Горація. Позднѣе, судя по запискамъ Кс. Полевого, его постигли какія-то очень большія несчастія, и послѣдніе годы жизни онъ проводилъ въ полномъ одиночествѣ, на берегу моря, подъ Ораніенбаумомъ. Когда онъ умеръ, лѣтомъ 1858 г., на похороны явился только И. И. Панаевъ, незадолго до смерти съ нимъ познакомившійся. Филимоновъ въ двадцатыхъ годахъ былъ друженъ съ Вяземскимъ, Каченовскимъ, Тимковскимъ, отчасти съ Пушкинымъ. Былъ онъ когда-то тоже очень друженъ съ Полевымъ, сначала въ качествѣ мецената, обласкавшаго рвущагося къ свѣту купчика, а потомъ въ качествѣ компаньона по водочному заводу. Хотя вырабатываемая заводомъ сладкая водка и славилась подъ именемъ «Филимоновки», тѣмъ не менѣе почему-то шпильками насчетъ «гара» и «полугара» въ литературѣ 20-хъ годовъ донимали одного только Полевого. Къ тому времени, когда Полевой затѣялъ издавать «Моск. Телеграфъ», компаньоны уже успѣли разойтись изъ-за денежныхъ недоразумѣній. Еще болѣе они разошлись въ своихъ литературныхъ воззрѣніяхъ. Филимоновъ весь вышелъ изъ Буало, Лагарпа и веселаго эпикуризма, началъ свою литературную дѣятельность съ переводовъ Горація и эпикурейской книги Дроза «Essai sur l'art d'être heureux», Полевой же выступилъ какъ боецъ противъ старыхъ традицій и не имѣлъ ни малѣйшей охоты смотрѣть на литературу, какъ на забаву. Само собою разумѣется, что если Филимоновъ уже съ Полевымъ разошелся въ воззрѣніяхъ на задачи литературы, то еще большая пропасть отдѣляла его отъ позднѣйшаго поколѣнія. Когда Панаевъ познакомился съ нимъ въ 1853 г. и у нихъ заходили разговоры на литературныя темы, Филимоновъ о Гоголѣ даже и бесѣдовать не хотѣлъ, находя, что это писатель совершенно неприличнаго тона. Среди отдѣльно изданныхъ «сочиненій» Филимонова черезчуръ торжественное впечатлѣніе производятъ заглавія: «Разсужденіе о воспитаніи», появившееся въ свѣтъ, когда автору было 18 лѣтъ, «Система естественнаго права», написанная въ 24 года, и «Разсужденіе о наукахъ правовѣдѣнія», изд. въ 1815 г. Въ дѣйствительности, небольшія книжки несомнѣнно свидѣтельствуютъ объ образованности автора, но оригинальнаго въ нихъ ничего нѣтъ. Это не больше, какъ толковыя компиляціи по иностраннымъ сочиненіямъ... Въ 1829 г. Филимоновъ началъ издавать въ Петербургѣ плохенькій листокъ «Бабочка, дневникъ новостей, относящихся до просвѣщенія общежитія», который скоро передалъ К. И. Зейделю».

Филимоновъ написалъ немало басенъ, лирическихъ стихотвореній, нѣсколько водевилей; изъ его произведеній наиболѣе замѣчательны, кромѣ «Дурацкаго колпака», занимательная гастрономическая поэма «Обѣдъ», романъ «Непостижимая». Кромѣ того, ему, по словамъ кн. П. А. Вяземскаго, приписывалась, но едва ли съ достаточнымъ основаніемъ, брошюрка «О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина, разговоръ», М., 1831 (см. Переписку П., акад. изд. II, 254, 267, 271, 285); она перепечатана въ «Русс. Старинѣ» 1890 г. ноябрь, 445 — 455; извѣстна рецензія на нее Бѣлинскаго (см. его Сочин., изд. Венгерова, I, 148—150).

Съ Филимоновымъ Пушкинъ былъ знакомъ довольно близко. Однажды, въ 1828 г., онъ устроилъ вечеринку, на которой были Пушкинъ, Жуковскій, Вяземскій. «Филимоновъ,—разсказываетъ Вяземскій,—жилъ тогда чортъ знаетъ въ какомъ захолустьѣ, въ деревянной лачугѣ.... Мы просидѣли у Филимонова до утра. Полиціи было донесено, вѣроятно на основаніи подозрительнаго дома Филимонова, что я провелъ ночь у дѣвокъ»... Подозрительное правительство завело дѣлое дѣло о «развратной жизни» Вяземскаго. «Это была Булгаринская штука,—говоритъ Вяземскій:—узнавъ, что въ Москвѣ предполагаютъ издавать газету, которая можетъ отнять нѣсколько подписчиковъ у «Сѣверной Пчелы», и думая, что я буду въ ней участвовать, онъ нанесъ мнѣ ударъ изъ-за угла... Все это не что иное какъ литературная интрига. Пушкинъ увѣрялъ, что обвиненіе въ развратной жизни моей въ Петербургѣ не иначе можно вывести, какъ изъ вечеринки, которую давалъ намъ Филимоновъ» (Сочин. Вяземскаго, II, 99—101; IX, 99—106). Пушкинъ писалъ Вяземскому (Переписка П., II, 84): «Жуковскій увѣряетъ... что наша поѣздка къ бабочкѣ-Филимонову, въ неблагопристойную Коломну, подала поводъ къ этому упреку». Пушкинъ называетъ Филимонова «бабочкой» какъ издателя «Бабочки», которую надѣляетъ эпитетомъ «паршивой».

Посланіе Пушкина привело въ восторгъ Филимонова, который сообщалъ его знакомымъ (см. Переписку П., II, 118). Бѣлинскій упоминаетъ его въ числѣ «доказательствъ преобладанія въ Пушкинѣ художественнаго элемента надъ всѣми другими, доказательствъ, что онъ, взявшись за перо по волѣ или по неволѣ, уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комплиментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ». Однако, Пушкинъ въ этой пьесѣ не только исполнилъ долгъ приличія, отвѣтивъ литературному собрату на его почтительное обращеніе, не только сказалъ Филимонову лестный комплиментъ, но далъ чувству гораздо больше воли. Въ желаніи «въ откровенномъ разговорѣ на многое взглянуть» слышится жалоба на свое теперешнее, далеко не свободное положеніе. Слегка подтрунивая надъ самимъ собою, Пушкинъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о заброшенномъ «поневолѣ», изъ «моды» вышедшемъ либеральномъ «красномъ колпакѣ», который онъ когда-то надѣвалъ такъ охотно (см. т. I настоящ. изданія, стр. 413, 434). Подобный намекъ находимъ въ одномъ письмѣ Пушкина къ Вяземскому. Карамзинъ обѣщалъ прислать Пушкину, занимавшемуся тогда своимъ «Борисомъ Годуновымъ», свѣдѣнія о юродивомъ Желѣзномъ Колпакѣ. «Благодарю отъ души Кар. за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ,—писалъ Пушкинъ (Переписка, I, 288):—въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать». Шутка Пушкина скрываетъ нешуточный вздохъ сожалѣнія о «силѣ, гордости, упованьѣ и отвагѣ юныхъ дней».

526. ГОРОДЪ ПЫШНЫЙ, ГОРОДЪ БѢДНЫЙ...

(т. II, стр. 489).

Пьеса, автографъ которой неизвѣстенъ, впервые появилась въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 134, съ двумя звѣздочками вмѣсто подписи, но съ указаніемъ имени автора въ оглавленіи, а затѣмъ вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 135. Она посвящена А. А. Олениной (подробности о ней см. въ примѣч. къ № 529), по сообщенію А. П. Кернъ, которая въ своихъ воспоминаніяхъ («Библіот. для чтенія» 1859 г., т. 154, № 3, стр. 128; сборн. Л. Майкова, «Пушкинъ», стр. 251—252) указала, что она относится къ той особѣ, которой посвящена другая пьеса «Ты и вы» (или какъ передаетъ по памяти Кернъ, «Предъ ней, задумавшись, стою»—см. ниже, примѣч. къ № 532), т.-е. къ А. А. Олениной. Датируется она 1828 годомъ какъ по времени увлеченія Пушкина Олениной, такъ и по цензурной помѣткѣ книжки «Сѣв. Цвѣтовъ», гдѣ она появилась, 27 декабря 1828 г.; болѣе точная датировка невозможна. «Несмотря однако жъ»,—разсказываетъ Кернъ,—«на чувство, которое проглядываетъ въ этихъ прелестныхъ стихахъ, онъ никогда не говорилъ объ ней съ нѣжностію и однажды, разсуждавъ о маленькихъ ножкахъ, сказалъ: «Вотъ, напримѣръ, у ней вотъ какія маленькія ножки, да чортъ ли въ нихъ?» Вѣроятно, это было шутливое выраженіе досады послѣ неудачнаго сватовства: дескать, ножки маленькія, да мнѣ-то въ нихъ толку мало. Столица тогда была ему противна. Еще въ прошломъ году онъ жаловался П. А. Осиповой на «insipidité et stupidité de nos deux capitales» (Переписка П—на, акад. изд., I, 29), а въ началѣ 1828 г. писалъ ей о своемъ петербургскомъ житьѣ-бытьѣ: «je vous avoue que cette existence est assez sotte et que je brûle de la changer de manière ou d'autre... Le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout-à-fait étranger—je le supporte avec impatience... Vous voyez, Madame, que mes goûts sont encore poétiques malgré la vilaine prose de mon existence actuelle». Конечно, не всегда Петербургъ казался ему такимъ. Сложивъ впослѣдствіи гимнъ Петербургу, въ «Мѣдномъ Всадникѣ», поэтъ въ числѣ его красотъ не забылъ отмѣтить именно его «стройный видъ», который прежде наводилъ на него хандру. Какъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ», такъ и здѣсь, несмотря на коренную разницу въ настроеніяхъ, Петербургъ изображенъ краткими, но вѣрными чертами.

Бѣлинскій (въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гете—Сочин., изд. Венгерова, VI, 266) назвалъ это стихотвореніе въ числѣ антологическихъ, по такимъ признакамъ, какъ «простота и единство мысли, способной выразиться въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грація формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упомянулъ его какъ одну изъ лучшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина.

---

527. КАКОВЪ Я ПРЕЖДЕ БЫЛЪ...

(т. II, стр. 490).

Одинъ, писанный карандашомъ и трудно поддающійся разбору, автографъ пьесы находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина (см. «П. и его соврем.», IV, 8); другой, тоже карандашный, но болѣе разборчивый автографъ (о представляемыхъ имъ варіантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ) записанъ въ хранящейся среди бумагъ А. А. Краевскаго въ Имп. Публичной Библіотекѣ тетрадкѣ Пушкина, л. 8 об.–л. 9 (см. Отчетъ И. П. Библ. за 1889 г., стр. 53—54); третій, по показанію П. А. Ефремова (см. его изданіе Сочин. П., II, 1880 г., стр. 422; 1882 г., стр. 405), съ датой 1828 г., находится въ (принадлежащей нынѣ Пушкинскому музею И. Александровскаго лицея) рукописи, съ которой пьеса была впервые напечатана въ III части «Стихотвореній» Пушкина, изд. 1832 г., стр. 196, въ отдѣлѣ «Разныхъ годовъ», но съ помѣтой вверху, въ скобкахъ: 1828 г., съ отнесеннымъ въ оглавленіе книги заглавіемъ: «Отрывокъ изъ Андрея Шенье». «Со всѣмъ тѣмъ», — справедливо говоритъ Анненковъ (см. его изданіе Сочин. П., II, 469; ср. «Матеріалы для біографіи П—на», изд. 2-е, стр. 303),—«пьеса принадлежитъ одному Пушкину. Онъ взялъ только первый стихъ у Андрея Шенье и помѣстилъ его въ оригиналѣ, какъ эпиграфъ къ своей пьесѣ, но затѣмъ уже представленія обоихъ поэтовъ имѣютъ мало общаго. Мысль Шенье совсѣмъ другая. Онъ говоритъ о быстромъ переходѣ Музы своей отъ серьезныхъ занятій къ увлеченіямъ жизни:

Si ma blanche voisine a souri mollement,
Adieu les grands discours, et le volume antique,
Et le sage Lycée, et l'auguste Portique и проч.».

Стихотвореніе Шенье переведено на русскій языкъ В. И. Туманскимъ («Отрывокъ» въ «Славянинѣ» 1828 г., ч. VI, № 21, стр. 312) и Н. Грековымъ («Библ. для чтенія», т. L, 1842 г., «Русс. Словесность», стр. 134).

Объ автобіографическомъ значеніи пьесы см. выше, стр. 88 сл., ст. «Донъ-Жуанскій списокъ Пушкина». Она вовсе не «Отрывокъ изъ Андрея Шенье», но подъ фальшивой ссылкою на французскаго поэта Пушкинъ хотѣлъ скрыть собственныя чувства и обстоятельства своей жизни въ то время, когда онъ былъ влюбленъ въ Оленину или настойчиво ухаживалъ за Закревской. Съ такой цѣлью онъ не разъ выдавалъ свои стихотворенія за переводныя; такъ, «Цыганы», 1830 г., были напечатаны какъ переводъ съ англійскаго, а «Недорого цѣню я громкія права»—какъ отрывокъ изъ Пиндемонте. Излишне расширяя понятіе объ антологіи, Бѣлинскій (въ статьѣ о «Римскихъ элегіяхъ» Гете—Сочин., изд. Венгерова, VI, 266) причислилъ ее къ антологическимъ стихотвореніямъ за «простоту и единство мысли, выражающейся въ небольшомъ объемѣ, простодушіе и возвышенность въ тонѣ, пластичность и грацію формы», а въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи назвалъ ее въ числѣ лучшихъ самобытныхъ стихотвореній Пушкина.

---

528. НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНѢ...

(т. II, стр. 490).

Автографъ стихотворенія неизвѣстенъ. Впервые оно было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 148, а затѣмъ вошло въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 136—137, гдѣ помѣщено среди пьесъ 1828 г. О возникновеніи его П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П-на», изд. 2-е, стр. 243)

разсказываетъ: «Знаменитый композиторъ, хорошо извѣстный публикѣ нашей, игралъ на фортепьяно грузинскую мелодію съ свойственнымъ ему выраженіемъ и искусствомъ. На замѣчаніе присутствующихъ, что ей недостаетъ стиховъ или романса для всеобщей извѣстности, Пушкинъ написалъ это стихотвореніе». Анненкову это было извѣстно, вѣроятно, отъ самого композитора — Глинки (объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. въ примѣч. къ № 785), который на подлинной рукописи своего романса записалъ: «Національная эта грузинская мелодія сообщена М. И. Глинкѣ отъ А. С. Грибоѣдова. Извѣстныя уже давно публикѣ слова сей пѣсни написаны А. С. Пушкинымъ подъ мелодію, которую онъ случайно услышалъ» (Отчетъ И. Публ. Библіот. за 1867 г., стр. 24; Записки М. И. Глинки, Спб., 1887, стр. 48; Н. Финдейзенъ, «Каталогъ нотныхъ рукописей, писемъ и портретовъ М. И. Глинки, хранящихся въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публ. Библіотеки», Спб., 1898, стр. 15).

Вдохновленная музыкальнымъ мотивомъ геніальнаго композитора, пьеса принадлежитъ къ наиболѣе музыкальнымъ произведеніямъ Пушкина. Ея метрическая и ритмическая конструкція, изобразительная сторона и вся ея внѣшняя форма обстоятельно анализированы Андреемъ Бѣлымъ («Символизмъ», М., 1910, стр. 396—428, 630—633), и результатомъ анализа явилась теоретическая «мораль»: — «музыка вызываетъ воспоминаніе... Когда говорятъ, что мысль лирическаго стихотворенія важнѣе его формы, то врядъ ли думаютъ о томъ, что такое допущеніе обязываетъ насъ забраковать одно изъ лучшихъ стихотвореній Пушкина»... Лиризмомъ чувства и музыкальностью выраженія, пьеса всегда привлекала вниманіе композиторовъ и послѣ Глинки была положена на музыку еще двадцать разъ, въ томъ числѣ Н. С. Титовымъ, М. А. Балакиревымъ, Полиной Віардо-Гарсіа, А. К. Лядовымъ, Н. Г. Рубинштейномъ, Н. А. Римскимъ-Корсаковымъ (Петербургс. Универс. Пушкинс. сборникъ, 1900 г., стр. 85—87). «Чинъ чина почитай»—сказалъ однажды Пушкинъ, протестуя противъ подчиненія музыканту поэта, который пишетъ для него текстъ или либретто,—«я бы и для Россини не пошевелился» (письмо къ Вяземскому, 4 ноября 1823 г.), но въ данномъ случаѣ вдохновеніе композитора дало импульсъ вдохновенію поэта. Страстная мелодія Глинки пробудила въ душѣ Пушкина полузабытое, мучительное чувство; повѣсть его сердечной жизни снова раскрылась передъ нимъ на самой завѣтной страницѣ, которую онъ старался забыть, но къ которой все-таки иногда возвращался. Объ этихъ переживаніяхъ говорятъ такіе моменты въ его творчествѣ, какъ посвященіе Полтавы съ воспоминаніемъ о «далекой пустынѣ», или онѣгинскіе стихи (7, III): «въ мысли намъ приходитъ средь поэтическаго сна иная, старая весна и въ трепетъ сердце намъ приводитъ мечтой о дальней сторонѣ, о чудной ночи, о лунѣ»... Во всѣхъ этихъ трехъ мѣстахъ Пушкинъ рисуетъ сходными чертами вполнѣ конкретную картину, въ которой нельзя не видѣть прямое воспроизведеніе дѣйствительности. О роли, которую сыгралъ въ жизни Пушкина этотъ милый и роковой призракъ, мы уже говорили (см. выше, «Донъ-Жуанскій списокъ», стр. 93—94, 100), и не будемъ здѣсь повторять уже изложенныхъ подробностей. «Пѣсни Грузіи печальной» давно были знакомы поэту; въ 1820 г. его Муза у «предѣловъ Азіи», плѣняясь дикими цвѣтами Кавказа, «вокругъ ауловъ опустѣлыхъ одна бродила по скаламъ и къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ она прислушивалась тамъ»(эпилогъ «Кавказскаго плѣнника»). «Быть можетъ», — догадывался или даже намекалъ П. И. Бартеневъ («П. въ южной Россіи»—«Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1109—1110),—«къ воспоминаніямъ объ этой жизни принадлежатъ стихи 1828 г. «Не пой, красавица, при мнѣ»... Глубокая задушевность этихъ стиховъ заставляетъ думать, что они связаны съ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ случаемъ, и въ нихъ можетъ быть, заключена какая-нибудь біографическая черта. Но подробностей, разумѣется, нечего спрашивать»... Бѣлинскимъ пьеса упомянута въ числѣ лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина.

---

529. ЕЯ ГЛАЗА.

(т. II, стр. 490).

Подлинникъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые появилась она въ альманахѣ «Сѣверная звѣзда» на 1829 г., стр. 162, безъ позволенія Пушкина, подъ выдуманнымъ заглавіемъ. «Къ пріятелю, сравнившему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами», съ подписью «А п» и передѣлкой въ 9-мъ стихѣ: «Глаза Элодіи моей». Поведеніе издателя альманаха, М. А. Бестужева-Рюмина (впослѣдствіи выведеннаго Пушкинымъ въ «Альманашникѣ») возмутило поэта, который даже собирался жаловаться на него читающей публикѣ: «Г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему и отсылать въ альманахъ г. Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати (напримѣръ: Она мила, скажу межъ нами)»... Самъ Пушкинъ такъ и не печаталъ пьесы; появилась она снова, въ исправленномъ видѣ, въ «Отечеств. Запискахъ» 1841 г. т. XIV, № 2, отд. III, стр. 157, и затѣмъ вошла въ посмертное изданіе Сочин. П. IX, 142. Имя Олениной полностью было напечатано въ изданіи Геннади, 1859 г., I, 378. Нынѣшнее заглавіе дано «Отечес. Записками»; списокъ А. А. Олениной въ ея альбомѣ озаглавленъ: «Отвѣтъ», второй стихъ читается: «Твоя Розетти егоза», а внизу, подъ текстомъ, тоже рукою Олениной сдѣлано примѣчаніе: «смягчено— Придворныхъ витязей гроза» («Русс. Стар.» 1890, августъ, 397). Къ 1828 г. пьеса относится какъ потому, что Пушкинъ тогда ухаживалъ за А. А. Олениной, такъ и потому, что въ 1828 г. написана пьеса кн. П. А. Вяземскаго «Черныя очи», на которую Пушкинъ написалъ свой отвѣтъ.

Стихотвореніе Вяземскаго посвящено А. О. Россетъ, впослѣдствіи Смирновой (объ отношеніяхъ Пушкина къ ней см. въ примѣч. къ № 687), «Южныя звѣзды! Черныя очи! Неба чужого огни! Васъ ли встрѣчаютъ взоры мои на небѣ хладномъ блѣдной полночи? Юга созвѣздіе! Сердца зенитъ! Сердце, любуяся вами, южною нѣгой, южными снами бьется, томится, кипитъ»,—писалъ Вяземскій (Сочин., IV, 42); въ другой разъ Вяземскій острилъ: «въ глаза посмотришь вамъ и разглядишь какъ разъ, что съ неба звѣзды вы схватили» ibid., 82). Плѣняли эти черные глаза и В. И. Туманскаго. «Черноокая Россети» всегда нравилась Пушкину, но въ 1828 г. ему особенно нравилась А. А. Оленина.

АННА АЛЕКСѢЕВНА ОЛЕНИНА

ВЪ ЗАМУЖЕСТВѢ АНДРО.

Съ портрета, принадлежащаго ея дочери А. Ф. Войдо. Воспроизводится впервые.

Анна Алексѣевна Оленина родилась 11 августа 1808 г. Отецъ ея, Алексѣй Николаевичъ (1763—1843), извѣстный меценатъ, писатель по вопросамъ искусства и археологіи, былъ директоромъ публичной библіотеки и президентомъ академіи художествъ; мать, Елизавета Марковна, (1768—1838), рожд. Полторацкая, родная тетка А. П. Кернъ, была, по словамъ современника, «образцомъ женскихъ добродѣтелей». Гостепріимную и просвѣщенную семью навѣщали Державинъ, Жуковскій, В. Л. Пушкинъ, И. А. Крыловъ, Н. И. Гнѣдичъ, кн. П. А. Вяземскій, братья Тургеневы, И. И. Козловъ; впослѣдствіи у Олениныхъ стали бывать Пушкинъ, М. П. Глинка. Въ 1819 г. Пушкинъ написалъ (едва начатую Жуковскимъ) «балладу» на день рожденія Е. М. Олениной (см. въ т. I настоящ. изд., № 200). «Въ перечнѣ людей, у которыхъ Пушкинъ,—говоритъ Анненковъ (П. въ Александр. эп., 120-121),—искалъ тогда наставленій, нельзя забыть объ А. Н. Олениной. Почтенный предсѣдатель академіи художествъ, будучи родственникомъ и почитателемъ Г. Р. Державина, разумѣется, склонялся на сторону «Бесѣды» и не совсѣмъ одобрительно смотрѣлъ на полемическія замашки «Арзамаса», но онъ имѣлъ важное качество. По званію артиста и по прямому знакомству съ классическимъ искусствомъ, онъ понималъ эстетическіе законы, кото-

рые лежатъ въ основаніи художническаго производства вообще, а потому могъ уразумѣть изящество произведенія, если бы даже оно явилось и не съ той стороны, откуда онъ привыкъ его ожидать. Такъ, онъ былъ одинъ изъ первыхъ, которые признали поэтическое достоинство «Руслана и Людмилы». Качество это сдѣлало самый домъ его нейтральной почвой, на которой сходились люди противоположныхъ воззрѣній, что облегчалось еще необычайной любезностью хозяйки, а потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, привѣтливостью красавицы-дочери. Поэтъ нашъ былъ у нихъ, какъ свой человѣкъ, и, по семейнымъ ихъ преданіямъ, часто бесѣдовалъ съ А. Н. Олениным объ искусствѣ». А. Н. Олининъ набросалъ рисунокъ для картинки къ первому изданію «Руслана и Людмилы» (см. письма П-на къ Гнѣдичу 4 дек. 1820 и 24 марта 1821 г.). Около этого времени Пушкинъ встрѣтился у Олениныхъ съ А. П. Кернъ; Анна Алексѣевна была тогда еще ребенкомъ, и поэтъ,- конечно, не обратилъ на нее вниманія. Прошли 7—8 лѣтъ, и онъ засталъ ее расцвѣтшей красавицей, фрейлиной Двора. Самолюбивая А. П. Кернъ въ своихъ запискахъ не придаетъ серьезнаго значенія его «усердному ухаживанію» за Олениной. «Разговаривая со мною»,— разсказываетъ Кернъ (сборн. Л. Н. Майкова «П-нъ», 251—252),—«онъ сказалъ: »сегодня Крыловъ просилъ, чтобы я написалъ что-нибудь въ ея альбомъ».—«А вы что сказали?» спросила я.— «А я сказалъ: Ого!» Въ такомъ родѣ онъ часто выражался о предметѣ своихъ вздыханій». Изъ своеобразной сердцѣдской политики Пушкинъ, ухаживая за двумя женщинами, любилъ третировать свысока одну передъ другою. Чувство Пушкина къ Олениной, если не было особенно глубокимъ, то не было и поверхностнымъ. Объ этомъ можно судить прежде всего по его стихамъ о ней. Онъ жалѣлъ о вообще противномъ ему Петербургѣ, «потому что здѣсь порой ходитъ маленькая ножка, вьется локонъ золотой» А. А. Олениной (см. выше, № 526); Доу онъ совѣтовалъ: «рисуй Олениной черты... юности и красоты поклонникомъ быть долженъ геній» (см. ниже, № 530); предъ нею онъ стоялъ задумчиво, питая «счастливыя мечты» и не въ силахъ свести очей съ нея (см. ниже, № 532); быть можетъ, она тотъ «ангелъ милый», воспоминаніе о которомъ поддерживало его въ тоскливые часы тревожныхъ предчувствій (см. ниже, № 539), и къ ней обращено признанье: «Увы, языкъ любви болтливой»... (см. ниже, № 564); въ бумагахъ Пушкина (Румянц. муз., № 2371, л. 11 об.) встрѣчается анаграмма: «ettenna eninelo», Annette Olenine. Не ограничиваясь стихами, Пушкинъ посватался за Анну Алексѣевну, но Елизавета Марковна воспротивилась этому браку (см. воспоминанія Ѳ. Г. Солнцева въ «Русс. Стар.» 1876 г., мартъ, 633). Не на эту ли неудачу Пушкина намекалъ Вяземскій, когда, придравшись къ словамъ поэта: «я пустился въ свѣтъ, потому что безпріютенъ», писалъ ему, въ сентябрѣ 1828 г.: «ты говоришь, что ты безпріютенъ,— развѣ уже тебя не пускаютъ въ Пріютино?» (Переписка П., акад. изд., II, 71, 77; ср. Сочин. Вяземскаго, IX, 117. Пріютинымъ называлось имѣніе Олениныхъ, близъ Петербурга). Екатерина Ник. Ушакова добродушно подтрунила надъ «оленьими рогами», съ которыми остался Пушкинъ (Майковъ, 364 — 365); въ ушаковскомъ альбомѣ, л. 50 (ibid., 373 — 374, и снимокъ въ Альбомѣ Московск. Пушкинск. выставки 1899 г., табл. 19) сохранился чей-то рисунокъ, изображающій, по преданію, Пушкина и Оленину. «барышня протягиваетъ руку молодому человѣку, который ее почтительно цѣлуетъ; мужская фигура, съ лицомъ, обрамленнымъ бакенбардами, напоминаетъ портреты Пушкина; къ этой картинкѣ относится слѣдующая подпись: «Прочь, прочь отойди, какой безпокойный! Прочь, прочь, отвяжись, руки недостойный». Анна Алексѣевна, конечно, одна изъ нѣсколькихъ Аннъ «Донъ-Жуанскаго списка» Пушкина (см. выше, стр. 92, 95, 100). Оленина была кумиромъ своего кружка, и ей, кромѣ Пушкина, писали стихи Гнѣдичъ, Козловъ, Крыловъ. Несчастный слѣпой поэтъ писалъ ей: «если звукъ волненій страстныхъ и сердца горестный напѣвъ встревожитъ міръ долинъ прекрасныхъ и нѣжный хоръ блестящихъ дѣвъ,—не свѣтуй, но, услыша пѣнье разбитыхъ бурею пловцовъ, благослови уединенье твоихъ Пріютинскихъ лѣсовъ». Уже немолодой дѣвушкой, въ 1840 г., Анна Алексѣевна— разсказываетъ П. М. Устимовичъ («Русс. Стар.» 1890, августъ, 387—412)—«вышла замужъ за офицера лейбъ-гусарскаго полка Ѳ. А. Андро де-Ланжерона. Послѣ смерти матери Анна Алексѣевна находилась, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, при отцѣ безотлучно до самой его смерти и жила съ нимъ, лѣтомъ въ Павловскѣ, а зимою въ Петербургѣ. Затѣмъ вмѣстѣ съ мужемъ Анна Алексѣевна должна была покинуть Петербургъ и переѣхать въ Варшаву, гдѣ ея мужъ получилъ мѣсто адъютанта при Паскевичѣ. Переселившись въ Варшаву, Анна Алексѣевна оставалась въ этомъ городѣ уже до смерти своего мужа, который былъ въ теченіе 13 лѣтъ варшавскимъ президентомъ. Ѳ. А. скончался 7 іюля 1885 года, на 81 г. жизни. Послѣ смерти мужа Анна Алексѣевна переѣхала въ имѣніе своего сына, въ м. Деражни, Ровенскаго уѣзда, Волынской губ., а оттуда, въ 1888 г.,—въ имѣніе своей младшей дочери, Уваровой, Новоградъ-Волынскаго уѣзда, близъ мѣстечка Корца, Срединные Деражни. Въ этомъ миломъ и уютномъ деревенскомъ уголкѣ доживала свои послѣдніе дни, уже дряхлою старушкою, Анна Алексѣевна, сохранивъ до самой смерти своей свѣжесть ума и свѣтлую память пережитаго прошлаго; покойная особенно любила часто гулять въ сосѣднемъ сосновомъ лѣсу,—здѣсь часто прохаживалась она, опираясь на костыль, вся погруженная въ свѣтлыя воспоминанія далекой, но незабвенной поры... Медленно угасала подъ бременемъ лѣтъ, средь чуждаго ей поколѣнія, Анна Алексѣевна,—едва ли не послѣдняя представительница высшей женской среды пушкинской эпохи. Согласно собственному желанію, не разъ при жизни высказанному, она похоронена въ сосѣднемъ женскомъ монастырѣ, въ м. Корцѣ, верстахъ въ 5 отъ Деражни. Могила ея находится у самой соборной стѣны на монастырскомъ кладбищѣ; надъ могилою воздвигнутъ чугунный крестъ, на которомъ надпись гласитъ: Анна Алексѣевна Андро, урожденная Оленина, род. 11 августа 1808 г., умерла 15 декабря 1888 г.», Какъ и Елиз. Ник. Ушакова, она было начала писать свои воспоминанія, но тоже оставила ихъ далеко до окончанія.

Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи причислилъ «Ея глаза» къ лучшимъ лирическимъ стихотвореніямъ Пушкина; отчасти повліяла эта пьеса на юношеское стихотвореніе Лермонтова «Какъ лучъ зари, какъ розы Леля»...

530. TO DAWE; ESQR.

(т. II, стр. 491).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Впервые она была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829-й г., стр. 59, съ подписью «А. П.», причемъ первый стихъ былъ переданъ: «Рисуй О — черты». Затѣмъ она вошла въ «Стихотворенія Александра Пушкина», изд. 1829 г., ч. II, стр. 140, гдѣ помѣщена среди стихотвореній 1828 г., съ такимъ чтеніемъ перваго стиха: «Рисуй*** черты». Пушкинъ, говоритъ Анненковъ (Матеріалы для біографіи П—на», изд. 2-е, стр. 193), «въ маѣ мѣсяцѣ 1828 года былъ въ Петербургѣ и провожалъ тогда одного изъ своихъ пріятелей за границу. На самомъ пароходѣ написано было стихотвореніе «To Dawe Esqr», и въ тетрадяхъ Пушкина помѣчено: «9-го мая 1828 года, Море». Подобная же помѣта: «9 мая 1828 Море On (?) Day», находится сбоку черновой пьесы «Увы, языкъ любви болтливой... (см. ниже, № 564), относящейся, вѣроятно, къ той же особѣ, которая упоминается въ посланіи къ Доу.

Эта особа—А. А. Оленина (о ней см. также примѣч. къ №№ 526, 529, 532). Только ея имя можно подставить въ первый стихъ посланія, и именно ею увлекался поэтъ въ это время. Англійскій портретистъ и историческій живописецъ George Dawe (1781—1829 гг.) пріѣхалъ по приглашенію императора Александра I въ 1819 г. въ Россію и прожилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ. Имъ написаны въ Россіи нѣсколько сотъ портретовъ, (недаромъ Пушкинъ назвалъ его «быстроокимъ»), въ томъ числѣ огромное собраніе портретовъ участниковъ Отечественной войны, находящееся въ Зимнемъ дворцѣ. Сдѣланный имъ портретъ или только наброскокъ для портрета Пушкина неизвѣстенъ. Въ высшемъ свѣтѣ Доу былъ въ большой модѣ. И. А. Шляпкинъ («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 341) приводитъ англійскій переводъ восьмистишія Пушкина, съ подписью «J. H.», сдѣланный, можетъ быть, для самого Доу. Одинъ изъ написанныхъ имъ портретовъ дѣятелей 12-го года, портретъ Барклая де-Толли, внушилъ Пушкину знаменитую апологію Барклая «Полководецъ», въ которой поэтъ очертилъ художественную манеру англійскаго живописца и описалъ созданную имъ галлерею портретовъ:

У русскаго Царя въ чертогахъ есть палата...
... Сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой
Ее разрисовалъ художникъ быстроокій.
Тутъ нѣтъ ни сельскихъ Нимфъ, ни дѣвственныхъ Мадоннъ,
Ни Фавновъ съ чашами, ни полногрудыхъ женъ,
Ни плясокъ, ни охотъ: а все плащи, да шпаги,
Да лица полныя воинственной отваги.
Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,
Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Ужъ состарѣлись, и никнутъ въ тишинѣ
Главою лавровой...
Но въ сей толпѣ суровой
Одинъ меня влечетъ всѣхъ больше...
Онъ писанъ во весь ростъ. Чело, какъ черепъ голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Тамъ грусть великая. Кругомъ—густая мгла;
За нимъ—военный станъ. Спокойный и угрюмый
Онъ, кажется, глядитъ съ презрительною думой.
Свою ли точно мысль художникъ обнажилъ,
Когда онъ таковымъ его изобразилъ.
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу далъ ему такое выраженье...

Вдохновенье Доу передалось Пушкину, который душою воспринялъ несчастнаго полководца такимъ, какимъ изобразилъ его живописецъ. Быть можетъ, даже именно благодаря этому портрету у Пушкина явилась мысль воздать справедливую хвалу памяти оклеветаннаго вождя, почтить его «грусть великую», показать правоту его «презрительной думы», которыя уловилъ и запечатлѣлъ чуткій портретистъ.

О своей «африканской» наружности Пушкинъ никогда не былъ лестнаго мнѣнія. «Потомокъ Негровъ безобразный»—назвалъ онъ себя (посланіе «Юрьеву», 1818 г.) и однажды повторилъ вслѣдъ за своей покойной няней: «хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ» (письмо къ женѣ 25 сентября 1835 г.). И. С. Тургеневъ, видѣвшій Пушкина незадолго до его кончины, подмѣтилъ экзотическія черты въ его наружности: «африканскія губы, оскалъ бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, желчные глаза, кудрявые волосы» (Сочиненія Тургенева, т. X, изд. 3-е, Спб., 1891, стр. 8).

Н. Лернеръ.

Рисунки четвертаго тома.

I.

ФОТОТИПІИ И ХРОМОЛИТОГРАФІИ.

стр.

29. Гибель Помпеи. Картина К. Брюлова 40
30. Петръ Великій. Картина В. А. Сѣрова 132
31. Наталья Николаевна Пушкина. Акварельный портретъ Гоу. 224
32. Капитанская дочка Рис. Шарлеманя. 443
33. Пугачевщина. Картина Перова . . 430
35. Пушкинъ. Портретъ И. Л. Линева . 456

II.

АВТОТИПІИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

32. Барклай-де Толли. Портретъ Доу . 24
33. Ассамблея при Петрѣ I. Картина проф. Хлѣбовскаго 122
34. Наталья Николаевна Пушкина, невѣстой. Съ акварели Брюлова 224
35. Наталья Николаевна Пушкина. Портретъ Мазера 224
36. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Съ акварельн. портрета, принадлежащаго А. И. Арапову 224

стр.

37. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Копія Сычкова. Съ акварельнаго портрета Гау, наход. въ альбомѣ, поднес. Николаю I; принадлежитъ Н. П. Араповой.
38. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. Съ портрета Макарова (1848). . . . 224
39. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская въ 1861 г. Гравюра на деревѣ В. В. Матэ. 224
40. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская, незадолго до смерти. Съ фотографіи, принадлеж. ея дочери Н. П. Араповой. . . 224
41. Александра Николаевна Гончарова, свояченица Пушкина, очень ему близкая. Съ акварельн. портрета, принадлежащаго А. И. Арапову. 224
42. М-ше Де-Сталь. Портретъ Жерара 248
43. Германъ въ вестибюлѣ дома графини. Рисунокъ Александра Бенуа 344
44. Пушкинъ и Хвостовъ (1830—1831). Карикатура изъ альбома П. И. Челищева. Теперь находится въ Пушкин. музеѣ при Александровскомъ лицеѣ. 544
45. Пушкинъ. Автопортретъ, извлеченный изъ черновиковъ «Евгенія Онѣгина», (тетрадь Румянц. музея, № 2370). Воспроизводится впервые. 185
46. Екатерина II въ Царскомъ Селѣ. Гравюра Уткина 438
47. Графъ Паскевичъ. Гравюра Уткина 530

III.

РИСУНКИ И АВТОГРАФЫ ВЪ ТЕКСТѢ.

стр.

756. Рамка Альбрехта Дюрера 25
757. Конецъ рыцарскихъ временъ въ портретахъ Дюрера. Молодой человѣкъ . . 26
758. Конецъ рыцарскихъ временъ въ портретахъ Дюрера. Пожилой человѣкъ. . . 27
759. Конецъ рыцарскихъ временъ въ портретахъ Дюрера. Рыцарь 28
760. Конецъ рыцарскихъ временъ въ портретахъ Дюрера. Рыцарь 29
761. Рыцарскій замокъ. Рисунокъ Дюрера 30
762. Конецъ рыцарскихъ временъ въ картинахъ Дюрера. Молодая женщина . . . 31
763. Конецъ рыцарскихъ временъ въ картинахъ Дюрера. Знатная дама и слуга . 32
764. Конецъ рыцарскихъ временъ въ рисункахъ Дюрера. Поселяне. 33
765. Конецъ рыцарскихъ временъ въ рисункахъ Дюрера. Турниръ 34
766. Конецъ рыцарскихъ временъ въ рисункахъ Дюрера. Рыцарь и оруженосецъ 35
767. Эскадра на Невѣ. Гравюра Брюсова календаря 37
768. Пушкинъ у Михайловскихъ сосенъ. Картина В. Максимова. 39
769. Денисъ Давыдовъ 41
770. Рисунокъ Пушкина въ рукописи «Отцовъ пустынниковъ» 43
771. Рукопись стих. «Я памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный» (Румянц. музей, тетрадь № 2384, л. 57 оборотъ). . 47
772. Игра въ бабки. Статуя проф. Н. С. Пименова. Музей Императора Александра III. 49
773. Игра въ свайку. Статуя проф. А. В. Логиновскаго. Музей Императора Александра III 49
774. Первый столбецъ «Донъ-Жуанскаго списка». 92
775. Второй столбецъ «Донъ-Жуанскаго списка» 95
776. Рамка посмертнаго изданія (1838—1841) сочиненій Пушкина. (Слово «Повѣсти» стилизовано. Двѣ розетки заимствованы изъ книжныхъ украшеній 1820-хъ гг.) 101
777. Знатная француженка начала XVIII вѣка: Гравюра Daullé (1735) съ портрета P. Mignard'a 117
778. Петръ въ ожиданіи Ибрагима. Рисунокъ Ральфа Штейна 119
779. Кубокъ Петровскаго времени . . . 123
780. Зимній дворецъ Петра I. Гравюра Зубова. 129
781. Петербургскій балъ 1830-хъ годовъ. Картина кн. Г. Г. Гагарина 135
782. Кларисса Гарловъ. (Героиня романа Ричардсона). Гравюра Скородумова . 137
783. Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина. (Второй титульный листъ изданія 1834 г.) 143
784. Гробовщикъ угощаетъ чаемъ нѣмца сапожника. Рисунокъ Пушкина. Румянц. музей, тетрадь № 2379) 147
785. Похоронная процессія. Рисунокъ Пушкина. (Воспроизводится здѣсь впервые, по тетради Румянцевскаго музея № 2379) . 149
786. Рисунки Пушкина въ рукописи «Гробовщика» Воспроизводится здѣсь впервые по рукописи Румянц. музея, № 2379 . . 150
787. Тройка. Литографія Орловскаго . 153
788. Литейный проспектъ Пушкинскаго времени 155
789. Деревенская красавица. Картина Венеціанова (1779—1847). 157
790. Дуня на могилѣ отца. Рисунокъ Ральфа Штейна 158
791. Русскія крестьянки 1820-хъ годовъ. Съ рѣдкой гравюры Мартынова . . 163
792. Виньетка «Выстрѣлъ». Изъ серіи силуэтовъ къ «Выстрѣлу» В. В. Гельмерсена. (Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 въ академіи художествъ; воспроизведены не были) 169
793. Первая дуэль Сильвіо съ графомъ. (Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 въ академіи художествъ; изъ серіи силуэтовъ къ «Выстрѣлу» В. В. Гельмерсена; воспроизведены не были) 171
794. Графъ. Графиня. Сильвіо. (Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 г. въ академіи художествъ; изъ серіи силуэтовъ къ «Выстрѣлу» В. В. Гельмерсена; воспроизведены не были). 173
795. Вторая дуэль Сильвіо съ графомъ. (Зимняя выставка blanc et noir 1909—1910 г. въ академіи художествъ; изъ серіи силуэтовъ къ «Выстрѣлу» В. В. Гельмерсена; воспроизведены не были). 176
796. Ай, не онъ, не онъ. Рисунокъ В. Сурикова 181
797. Наталья Николаевна Гончарова ребенкомъ 207
798. Виньетка (птица) Пушкина къ «Исторіи села Горюхина». Воспроизводится здѣсь впервые по тетради Румянцевскаго музея, № 2387. 227
799. Невскій проспектъ 1820-хъ годовъ. Съ рѣдкой гравюры изъ собранія кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова . . . 229
800. Русская деревня въ гравюрахъ Мартынова (1820-е годы). (Библіотека академіи художествъ) 232
801. Русская деревня въ гравюрахъ Мартынова (1820-е гг. (Библіотека академіи художествъ) 233
802. Гусаръ начала 1830-хъ гг. Этюдъ Г. Г. Чернецова. (Галлерея И. Е. Цвѣткова въ Москвѣ) 257
803. Троекуровъ (въ генералъ-аншефскомъ мундирѣ). Рисунокъ Э. О. Визеля 289
804. Изъ рукописи 3-й главы «Дубровскаго». (Румянц. музей, тетрадь № 2380, л. 54. Воспроизводится впервые) . . . 295
805. Троекуровское село Покровское (Покровщино). Рисунокъ Е. Е. Лансере. 303
806. Заглавный листъ II тома «Дубровскаго» (Воспроизводится впервые по рукописи Румянц. музея, № 2380. Думается, что Пушкинъ набросалъ тутъ портретъ Дефоржа-Дубровскаго) . . . 307
807. Дефоржъ-Дубровскій. Рисунокъ Э. Везеля. 309
808. Марія Кириловна Троекурова. Рисунокъ Э. О. Визеля 315
809. Шайка Дубровскаго останавливаетъ свадебную карету. Рисунокъ Е. Е. Лансере (1899) 325
810. Jeu de la reine въ Версали. Рисунокъ Александра Бенуа 337

стр.

811. Графиня и Лизавета Ивановна на балу. Рисунокъ Александра Бенуа . . 339
812. Графиня уѣзжаетъ на балъ. Рис. Александра Бенуа 343
813. Германъ наводитъ на графиню пистолетъ. Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина. (Предназначался для изданія 1834 г., но своевременно не появился 345
814. Германъ сквознымъ корридоромъ выходитъ на улицу. Рисунокъ Александра Бенуа 347
815. Германъ у гроба графини. Рисунокъ Александра Бенуа 349
816. Петруша Гриневъ прилаживаетъ мочальный хвостъ къ мысу Доброй Надежды. Неизданный рисунокъ Павла Соколова. (Изъ коллекціи Е. Н. Тевяшова) . . . 381
817. Вожатый. Рис. С. Иванова . . . 385
818. Бѣлогорская крѣпость. Съ рѣдкаго офорта А. Чернышова. (Изъ коллекціи Е. Н. Тевяшова) 389
819. Капитанша и кривой поручикъ. Рисунокъ Павла Соколова 390
820. Ученье въ Бѣлогорской крѣпости. Рисунокъ Павла Соколова 391
821. Обѣдъ у коменданта. Рисунокъ Павла Соколова 395
822. Поединокъ между Швабринымъ и Гриневымъ. Рис. А. Жаба 399
823. Инородецъ-азіатъ средины XVIII вѣка. Рис. Лепренса 403
824. Комендантъ благословляетъ Машу. Рисунокъ Павла Соколова 407
825. Пугачевъ - побѣдитель. Рисунокъ С. Иванова 409
826. Пирушка Пугачева. Рисунокъ Павла Соколова 413
827. Пугачевъ и Савельичъ. Рисунокъ Павла Соколова 415
828. Пугачевъ и Гриневъ по дорогѣ въ Бѣлогорскую крѣпость. Рисунокъ С. Иванова. 425
829. Пугачевъ освобождаетъ Марью Ивановну. Рисунокъ Павла Соколова . . . 427
830. Гриневъ-отецъ допрашиваетъ Савельича. Рисунокъ Павла Соколова 433
831. Маша Миронова и Императрица Екатерина. Рисунокъ Павла Соколова. . 437
832. Плавучая висѣлица. Рис. Н. Каразина. 441
833. Князь. А. А. Шаховской. Съ литографіи 1819 г. 465
834. Екатерина Семенова. Гравюра Уткина. Съ портрета Кипренскаго 466
835. Александра Колосова 467
836. Валберхова 469
837. А. С. Яковлевъ. Трагическій актеръ. Гравюра С. Галактіонова съ рис. Эстерейха . 470

стр.

838. Александръ Ипсилапти 471
839. Графъ Капо д'Истріа 472
840. Константинъ Ипсиланти. 472
841. Озеровъ. Гравюра Уткина съ рис. А. Нотбека 489
842. Два автопортрета Батюшкова . 493
843. «Лордъ Мидасъ»—графъ М. С. Воронцовъ 501
844. Ермоловъ въ старости 507
845. Кавказскій казакъ. Рис. Пушкина . 513
846. Пушкинъ по дорогѣ въ Арзрумъ. Автопортретъ въ Ушаковскомъ альбомѣ 517
847. Николай Раевскій. Портретъ Айвазовскаго (1841) 521
848. Арзрумъ. Шуточный рисунокъ Пушкина въ Ушаковскомъ альбомѣ . . . 525
849. Домъ Цуринова въ Тифлисѣ, гдѣ Пушкинъ жилъ въ 1829 году. 529
850. Литературная Газета. Заглавный листъ I-го Тома (1830) 539
851. Николай Алексѣевичъ Полевой . . . 543
852. Мерзляковъ 551
853. Дамы семьи Ушаковыхъ въ портретахъ Пушкина XXXIII
854. Анна Алексѣевна Оленина . XLIX

ОРНАМЕНТЪ.

Большія фигурныя буквы изъ Букваря Каріона Истомина (1692).

855—859. Буквы В (стр. 113), Д (стр. 116), И (стр. 120), Т (стр. 123), Ч (стр. 127).

Виньетки XVIII вѣка.

860—863. На стр. 141. 463 и LXXIII (Вато), LXXXV (Шофара).

Рисунки и концовки начала XIX вѣка.

864—865. На стр. 21, 48.

Виньетки Ѳ. Г. Беренштама.

866. Стилизованная виньетка «Арапъ Петра Великаго», стр. 113.

867—872. Виньетки: «Гробовщикъ» (146), «Станціонный Смотритель» (150), «Барышня-Крестьянка» (159), «Метель», «Пиковая дама» (335).

Виньетки А. Н. Лео.

873—875. «Дубровскій» (287), «Капитанская Дочка» (379), «Египетскія Ночи» (450).

Оглавленіе IV тома.

I. СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

		стр.
1.	Шекспиризмъ Пушкина. Проф. М. М. Покровскаго	1
2.	Послѣдній завѣтъ Пушкина С. А. Венгерова	45
3.	Пушкинъ и русская народная поэзія. Н. Н. Трубицына	52
4.	Донъ-Жуанскій списокъ. Н. О. Лернера	88
5.	Арапъ Петра Великаго. Сергѣя Ауслендера	104
6.	Повѣсти Бѣлкина. А. С. Искоза	184
7.	Семейная жизнь Пушкина. П. О. Морозова	201
8.	Горюхино, а не Горохино. С. А. Венгерова	226
9.	Исторія села Горюхина. А. С. Искоза	237
10.	Неоконченныя повѣсти изъ русской жизни. Валерія Брюсова	264
11.	Дубровскій. Прив.-доц. А. И. Яцимирскаго	271
12.	Пиковая Дама. М. О. Гершензона	328
13.	Капитанская дочка. Модеста Гофмана	353
14.	Египетскія Ночи. Валерія Брюсова	444
15.	Русская Шарлотта Кордэ. Неизвѣстный замыслъ Пушкина. С. А. Венгерова.	555
16.	Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1826—1828 гг. Н. О. Лернера	I

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1835 г.

стр.

752—754. Изъ Анакреона 21
755. Богъ веселый винограда 21
756. Отъ меня вечеръ Лила 22
757. Мальчику. (Изъ Катулла) 22
758. (Изъ Горація) 22
759. Юноша! скромно пируй 22
760. Юношу, горько рыдая 22
761. Не розу Паѳоскую [не закончено] 22
762. Подражаніе арабскому 23
763. Полководецъ 23
764. Туча 24
765. Сцены изъ рыцарскихъ временъ. 25
766. Пиръ Петра Великаго 37
767. На выздоровленіе Лукулла. Подражаніе латинскому 38
768. Вновь я посѣтилъ [не закончено и не отдѣлано] 38
769. Когда Владыко Ассирійскій [не закончено и не отдѣлано] 39
770. Я думалъ, сердце позабыло [черновой набросокъ] 40
771. О бѣдность затвердилъ я наконецъ [черновой набросокъ] . . . 40
772. Везувій зѣвъ открылъ [черновые наброски] 40
773. Поэтъ идетъ... открыты вѣжды [черновой набросокъ] 40
774. Въ Академіи Наукъ 40

СТИХОТВОРЕНІЯ 1836 г.

775. Д. В. Давыдову. При посылкѣ «Исторіи Пугачевскаго бунта» . 41
776. Художнику 42
777. Когда великое свершалось торжество 42
778. Подражаніе итальянскому 42
779. Изъ VI Пиндемонте 43
780. Отцы пустынники и жены непорочны 43
781. Когда за городомъ задумчивъ я брожу [не отдѣлано] 44
782. Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный 44
783—784. [На статуи] [I. Мальчика, играющаго въ бабки] [II. Мальчика, играющаго въ свайку] . . 49
785. 19 октября 1836 [не закончено] 50
786. Коль ты къ Смирдину войдешь. 51
787. [Канонъ въ честь М. И. Глинки] 51
788. Пора, мой другъ, пора, Покоя сердце проситъ 51
789. Я возмужалъ (и кажется на вѣкъ). [Черновой набросокъ] 51

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ И СКАЗКИ ВЪ ЗАПИСЯХЪ, ПЕРЕДѢЛКАХЪ И ПЕРЕВОДАХЪ ПУШКИНА.

I. Пушкинскія записи, изданныя П. А. Безсоновымъ.

стр.

790. Тутъ жилъ-поживалъ господинъ Волконскій князь 73
791. Бѣжитъ рѣчка по песку 73

II. Свадебныя пѣсни, записанныя для Петра Кирѣевскаго.

792. Береза бѣлая 74
793. Какъ при вечерѣ, вечерѣ 74
794. Собрала невѣста подружекъ . . . 74
795. Какъ въ дому-то березанька бѣлехонька стоитъ 74
796. Ягода съ ягодой сокатилася . . . 74
797. Между горъ по каменью 75
798. Затопися, баненька 75
799. О горе, горе невѣстино 75
800. Какъ у нашего князя 75
801. Трубчистая коса 76
802—803. Въ сыромъ бору на клену 76

III. Собственноручная запись Пушкина, найденная С. О. Долговымъ въ бумагахъ Петра Кирѣевскаго.

804. Не бѣлинька березынька къ землѣ клонится 76

IV. Записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ.

805. Пѣсня о сынѣ Сѣньки Разина . 77
806. Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ 77

V. Запись пѣсни о девяти братьяхъ-разбойникахъ.

807. Во славномъ городѣ во Кіевѣ . . 78

VI. Записи пѣсенъ разнаго содержанія.

808. Какъ за церковью за Нѣмецкою 78
809. Во лѣсахъ во дремучихъ 78
810. Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ 79
811. Другъ мой милый, красно солнышко мое 79

VII. Пѣсни, подвергшіяся художественной переработкѣ.

стр.

812. Какъ по Волгѣ рѣкѣ, по широкой 79
813. Ходилъ Стенька Разинъ 80
814. Что ни конскій топъ, ни людская молвь 80
815. Только что на проталинахъ весенникъ 80

ЗАПИСИ НАРОДНЫХЪ СКАЗОКЪ.

816. [О Царѣ Салтанѣ] 81
817. [О Царѣ подземномъ, Иванѣ Царевичѣ и Марьѣ Царевнѣ] . . . 82
818. [О попѣ и Балдѣ] 82
819. [О Царѣ Кащеѣ] 83
820. [О слѣпомъ царѣ и любовникахъ его жены] 83
821. [Чортъ—сватъ] 84
822. [О мертвой царевнѣ] 84

ПЕРЕВОДЫ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ НА ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

823. [Не шуми, мати зеленая дубровушка] 85
824. [Ой, ты нашъ батюшка, тихой Донъ!] 85
825. Что пониже было города Саратова] 85
826. [Вы, молодые ребята, послушайте] 85
827. [Внизъ то было, по матушкѣ, Камышенкѣ рѣкѣ] 86
828. [Ахъ ты, батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ] 86
829. [Ужъ какъ грустно] 86
830. [Ахъ, вы, выходы, выходы, погреба государевы] 86
831. [У насъ то было, братцы, на тихомъ Дону] 87
832. [На зарѣ то было, братцы, на утренней] 87
833. [Ахъ, далече—далече во чистомъ полѣ] 87

ПОВѢСТИ 1819 г.

833-а. Наденька (Эльвина) [набросокъ 1819 г.] 103

1827 г.

833-б. Арапъ Петра Великаго 113

1829—1830 гг.

833-в. [Отрывки изъ романа въ письмахъ] 133

1830—1831 гг.

стр.

834. (Съ французскаго) [набросокъ автобіографическаго характера] 141

1830 г.

Повѣсти покойнаго Ивана Петровича Бѣлкина 143
Отъ издателя 144
835. Гробовщикъ 146
836. Станціонный смотритель 151
837. Барышня крестьянка 159
838. Выстрѣлъ 169
839. Метель 177
840. Исторія село Горюхина 227

1831 г.

841. [Рославлевъ] 247
842. Въ одно изъ первыхъ чиселъ апрѣля [набросокъ] 253

1831—1832 гг.

843. Въ 179* году возвращался я [набросокъ] 254
844. Гости съѣзжались на дачу [набросокъ] 255
845. Въ Коломнѣ на углу маленькой площади [набросокъ 1831 г.] . . 259
846. [Марія Шонингъ] [набросокъ 1832 г.] 261

1832—1833 гг.

847. Дубровскій 287
848. Пиковая дама 335

ПРОЗАИЧЕСКІЕ ПЕРЕВОДЫ 1833—1835.

849. Изъ Wordsworth 352
850. [Изъ посвященія «Чайльдъ Гарольда» Байрона] 352
851. [Изъ Сафо] 352

1834—1836 гг.

852. Капитанская дочка 379

1835 г.

853. Египетскія Ночи 450
853-а. Русскій Пеламъ 457
854. Цезарь путешествовалъ 461

КРИТИКА. ПУБЛИЦИСТИКА. ПУТЕШЕСТВІЕ. ИСТОРІЯ.

1915 г.

855—6. Мои мысли о Шаховскомъ . . 465

стр.

1819 г.

857. Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ 466

1821 г.

858. [Изъ журнала греческаго возстанія] 471

1822 г.

859. [Историческія замѣчанія] . . . 473

1824 г.

860. [О слогѣ] 476
861. Издателю Сына Отечества . 476
862. Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности 477
863. [О вдохновеніи и восторгѣ] . . 477

1825 г.

864. О г-жѣ Сталь и о г. А. М—вѣ [Мухановѣ] 478
865. О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова 479

Мелкія замѣтки, повидимому, относящіяся къ 1825 году.

866. [О переводчикахъ] 481
867. Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины . . 481
868. [О романахъ Вальтеръ-Скотта] . 481
869. [Объ Андре Шенье] 481
870. По поводу дѣленія «Моск. Телеграфомъ» Европы на классическую и романтическую 481

---

871. [Замѣчанія на Анналы Тацита] . 482

1826 г.

872. О народности въ литературѣ . . 483
873. О народномъ воспитаніи 483

1826—1828 гг.

874. Замѣчанія Пушкина на статью кн. Вяземскаго объ Озеровѣ . . 486
875. Замѣчанія Пушкина на поляхъ «Опытовъ» Батюшкова 490

1827 г.

876. Ни одно изъ произведеній Байрона 500
877. Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія 501
878. Есть различная смѣлость [О смѣлости выраженій] 504

стр.

1829 г.

879. Путешествіе въ Азрумъ во время похода 1829 года 505
880. Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей 531
881. Литературное общество 533
882. [Ромео и Джульета, Шекспира] . 534
883. [Записка о Сухоруковѣ] 534
884. [Альманашникъ] 535

1830 г.

Статьи и замѣтки, напеч. въ «Лит. Газетѣ» 1830 г. или предназначенныя для нея.

885. [О некрологіи Генерала-отъ-Кавалеріи Н. И. Раевскаго] 537
886. [О переводѣ романа Бенж. Констана «Адольфъ»] 537
887. Иліада Гомерова, переведенная Н. Гнѣдичемъ 538
888. [О литературной критикѣ] . . . 539
889. [Андрей Шенье не романтикъ] . 540
890. [Исторія Русскаго народа, сочиненіе Николая Полеваго . . . 541
891. Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году. Соч. М. Н. Загоскина. 545
892. [О запискахъ Самсона] . . . 546
893. Недавно въ одномъ изъ нашихъ журналовъ [о разговорѣ у княгини Халдиной] 547
894. Старый Генералъ Щ 547
895. Шуваловъ, заспоривъ однажды съ Ломоносовымъ 547
896. Нѣкоторые журналы, обвиненные въ неприличности ихъ полемики [О статьяхъ кн. Вяземскаго] . . 547
897. Острая шутка не есть окончательный приговоръ 548
898. Англія есть отечество каррикатуры 548
889. Въ одномъ изъ московскихъ журналовъ выписываютъ объявленіе объ «Иліадѣ» 548
900. Въ третьемъ нумерѣ «Московскаго Вѣстника». [О Гекзаметрахъ Мерзлякова) 549
901. Въ одномъ изъ нумеровъ Литературной Газеты. [О запискахъ Видока] 550
902. Требуетъ ли публика извѣщенія. [О личностяхъ въ критикѣ] . . 550
903. [Объ упрекахъ дворянскимъ достоинствомъ и литературною извѣстностію] 551
904. [Разговоръ между А. и Б.] . . . 551
905. [Отрывки изъ разговоровъ] . . . 554

Duke University Libraries
D02760728W